

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1755 — 2004**

**К 70-летию исторического факультета МГУ
и 250-летию Московского университета**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

1755 — 2004

**Под редакцией
С.П. Карпова**

Издательство Московского университета

МОСКВА 2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
выпускников факультета:

Л.С. Белоусова (выпуск 1979 г.), В.А. Вахромеева (выпуск 1976),
И.Ю. Динеса (выпуск 1992 г.), К.Ф. Загулина (выпуск 1981 г.),
Л.Л. Зехирева (выпуск 1992 г.), Н.В. Злобина (выпуск 1979 г.),
А.И. Ковылова (выпуск 1976 г.), М.М. Кожокина (выпуск 1984 г.),
И.И. Лицькова (выпуск 1983 г.), В.А. Никитина (выпуск 1981 г.),
О.Я. Саножникова (выпуск 1992 г.), В.Б. Смольянинова (выпуск 1992 г.),
О.А. Ходенкова (выпуск 1985 г.).

Редакционный совет:

член-корреспондент РАН, профессор С.П. Карпов (председатель),
профессор А.Г. Голиков, профессор В.П. Головин,
профессор В.И. Кузищин, академик РАН, профессор Ю.С. Кукушкин,
профессор Л.С. Леонова, профессор Г.Ф. Матвеев,
академик РАН, профессор Л.В. Милов, профессор В.В. Пименов,
профессор В.С. Турчин, профессор В.А. Федоров,
профессор Е.Ф. Язьков,
академик РАН, профессор В.Л. Янин.

Редакционная коллегия:

профессор Л.С. Леонова (отв. редактор),
профессор А.И. Вдовин, профессор В.П. Смирнов.

Историческая наука в Московском университете. 1755 — 2004

Под ред. С.П. Карпова — М.: Изд-во Моск. ун-та.

2004. — 640 с.

Книга дает представление о становлении и развитии исторической науки в Московском университете со времени его основания в 1755 г. до наших дней. Ее авторы — профессора, преподаватели, научные сотрудники исторического факультета МГУ. Издание посвящено 70-летию исторического факультета МГУ и 250-летию Московского университета.

Для студентов, аспирантов гуманитарных специальностей вузов и всех интересующихся историей науки и образования в России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редколлегии</i>	7
<i>Введение. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ</i>	9
<i>Глава I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ</i>	
1. Отечественная история эпохи средневековья и раннего Нового времени	34
2. Отечественная история XIX — начала XX вв.	88
3. Отечественная история XX — XXI вв.	118
4. История политических партий и движений	142
5. История русской культуры	177
6. Источниковедение и историография	190
7. Полевая археология	262
<i>Глава II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ</i>	
1. История древнего мира.....	295
2. Средневековье. Византиноведение.....	328
3. Новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки.....	365
4. Славяноведение.....	393
<i>Глава III. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ</i>	
1. Археология.....	460
2. Этнология.....	512
<i>Глава IV. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА</i>	550
<i>Глава V. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА</i>	581
<i>Глава VI. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ</i>	603
<i>Приложения</i>	609
<i>Указатель имен</i>	612

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемая читателю книга издается к 70-летию исторического факультета и 250-летию Московского университета.

В 1984 г. вышел в свет подготовленный на факультете коллективный труд «Историческая наука в Московском университете (1934 — 1984)». Это была первая попытка систематического изложения истории восстановления и развития исторического образования в Московском университете за 50 лет. По своей структуре издание представляло собой серию очерков, в которых давалась краткая характеристика деятельности каждой кафедры факультета.

В центре настоящего издания — «Историческая наука в Московском университете, 1755—2004» — характеристика ведущих направлений исторических исследований, становление и развитие научных школ, показ вклада историков в отечественную и мировую науку со времени основания университета до наших дней.

Книга открывается введением, дающим представление об историческом прошлом и нынешней структуре исторического факультета, его профессорско-преподавательском коллективе и студенчестве, основных направлениях деятельности.

В каждом из параграфов освещается проблематика, отражающая специфику работы кафедры или межкафедральной лаборатории истфака.

Характеристика научной деятельности после 1934 г. ограничена рамками исторического факультета — развитие научных исследований в области истории в других подразделениях МГУ не рассматривается.

Книга подготовлена преподавателями и научными сотрудниками кафедр, лабораторий и научных центров исторического факультета МГУ:

Введение — член-корреспондент РАН С.П. Карлов, доктор исторических наук Л.С. Леонова; *глава I, § 1* — кандидат исторических наук Д.Ю. Арапов, доктор исторических наук Н.С. Борисов, кандидат исторических наук Л.Н. Вдовина, доктор исторических наук А.А. Горский, доктор исторических наук Н.В. Козлова, кандидат исторических наук В.И. Кузнецов, кандидат исторических наук А.В. Лаушкин, доктор исторических наук В.И. Моряков, кандидат исторических наук Н.В. Пиотух; *глава I, § 2* — доктор исторических наук В.А. Федоров; *глава I, § 3* — кандидат исторических наук А.Ю. Шадрин; *глава I, § 4* — кандидат исторических наук А.В. Гусев, доктор исторических наук Л.С. Леонова; *глава I, § 5* — доктор исторических наук Л.В. Кошман, кандидат исторических наук Е.К. Сысоева; *глава I, § 6* — доктор исторических наук С.В. Воронкова, доктор исторических наук Н.Б. Селунская, кандидат исторических наук Д.М. Володихин, кандидат исторических наук Т.А. Круглова, доктор исторических наук Г.Р. Наумова, кандидат исторических наук Ю.А. Мошков, кандидат исторических наук А.Е. Шикло; *глава I, § 7* — доктор исторических наук И.В. Поздеева; *глава II, § 1* — доктор исторических наук В.И. Кузищин, доктор исторических наук И.Л. Маяк, кандидат исторических наук С.С. Соловьева, кандидат исторических наук И.А. Гвоздева; *глава II, § 2* —

доктор исторических наук Н.А. Хачатурян, член-корреспондент РАН С.П. Карпов; *глава II, § 3* — доктор исторических наук А.И. Патрушев; *глава II, § 4* — доктор исторических наук Л.П. Лаптева, кандидат исторических наук З.С. Ненашева; *глава III, § 1* — академик РАН В.Л. Янин, кандидат исторических наук М.Д. Гвоздовер, кандидат исторических наук А.Р. Канторович, доктор исторических наук Н.Б. Леонова, кандидат исторических наук М.Д. Полубояринова, кандидат исторических наук Е.А. Попова, кандидат исторических наук Т.А. Пушкина, доктор исторических наук Е.А. Рыбина, доктор исторических наук Н.В. Рындина, доктор исторических наук А.С. Хорошев, доктор исторических наук Ю.Л. Шапова; *глава III, § 2* — кандидат исторических наук Т.Д. Соловей; *глава IV* — член-корреспондент РАН В.Н. Гращенков, кандидат исторических наук С.С. Ванеян; *глава V* — доктор исторических наук Л.И. Бородкин; *глава VI* — доктор исторических наук Е.И. Пивовар.

Не претендующая на исчерпывающую полноту книга отражает взгляды и концепции представленных в ней кафедр и лабораторий.

Редакционная коллегия и авторский коллектив с признательностью примут все пожелания и замечания; они будут проанализированы и учтены в дальнейшей работе над проблемой монографии.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Преподавание и изучение истории в Московском университете имеет давние и богатые традиции.

В утвержденном 12 января 1755 г. императрицей Елизаветой Петровной Проекте организации Московского университета и гимназий в числе предполагаемых к открытию кафедр философского факультета (в университете предусматривалось функционирование трех факультетов — юридического, медицинского и философского) называлась и кафедра истории (универсальной, российской, древности и геральдики)¹. Становление университетского образования в России проходило под мощным влиянием идей М.В. Ломоносова, и в частности его понимания роли исторических знаний в формировании национального самосознания. Исторические работы М.В. Ломоносова — это и научные изыскания первопроходца в отечественной исторической науке, и публицистические произведения. «Великое есть дело смертными и переходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных должную славу и, переноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила... История... дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судьям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанной пользой соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особенно ж та, которая изображает дела праотцов наших?»²

Ломоносов отмечал, что в результате отсутствия «достоверного описания деяний российских» лишь «весьма немногие знание имеют о том, как возрастали пределы государства», росло его могущество и слава и «когда тяжкими затруднениями подвержено было» существование русского народа. Вот и «затмевается древнего российского народа славное имя», и остаются неизвестными «примеры мужественных поступков и премудрых поведений...». Все это не может не побудить «горячее усердие к отечеству» и зовет «пособить сему недостатку»³.

Исторические произведения М.В. Ломоносова, и прежде всего его «Древняя Российская история» (СПб., 1766), — это исследования, основанные на широком использовании различных источников, отечественной и зарубежной литературы о Древней Руси. В академическом отчете о работе над «Историей» он отмечал: «... читал для собрания материй к сочинению Российской истории Нестора, Законы Ярославли, большой Летописец, первый том работы Татищева, книги Крамера, Вейселя, Гелмонда, Арнольда

¹ Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979. С. 17.

² Цит. по: *Белявский М.Т.* ... Все испытал и все проник. М., 1986. С. 73–74.

³ Там же. С. 74–75.

и другие, из которых брал... выписки и примечания, всех числом 653 статьи...»; «... читал российские академические летописи без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских»⁴.

Высказывая в письме к И.И. Шувалову (1754 г.) свои предложения об основании Московского университета, Ломоносов говорил о необходимости иметь на философском факультете профессоров: истории (одного), древностей и критики (одного), а на юридическом — профессора «политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»⁵.

Ввиду отсутствия квалифицированных преподавателей по истории Московский университет в качестве временной меры был вынужден в первые годы после своего основания приглашать для чтения исторических курсов иностранных профессоров. Основное содержание этих курсов составляло освещение истории европейских стран.

Согласно первому уставу Московского университета (1804 г.) среди 28 университетских кафедр предусматривалось наличие кафедры «всемирной истории, статистики и географии», кафедры «истории, статистики и географии Российского государства», а также кафедры «теории изящных искусств и археологии»⁶.

Устав 1804 г. впервые обозначил статус университетов не только как учебных и учебно-методических центров, но и как научно-исследовательских учреждений. Помимо преподавательской деятельности, он обязывал профессоров заниматься и научной работой — следить за новейшими открытиями в своей области и писать собственные труды.

С 1808—1809 гг. начал читать курс русской истории М.Т. Каченовский (1775—1842); лекции по отечественной истории читали также Х.А. Чеботарев (1746—1815) и профессор кафедры всемирной истории, статистики и географии Н.Е. Черепанов (1763—1823). М.Т. Каченовский внес большой вклад в становление истории как самостоятельной учебной и научной дисциплины. Он требовал относиться к истории как к науке, а не как к художественному творчеству. Он поставил вопрос о введении источникововедения в университетское преподавание; обратил внимание на необходимость изучения таких вспомогательных исторических дисциплин, как археография, дипломатика и другие. По мнению известного исследователя системы университетского образования в России Ф.А. Петрова, «именно Каченовский был первым профессиональным историком в Московском университете». Именно со времени его преподавания центр исторической науки переместился в Московский университет⁷.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ *Белявский М.Т.* М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. Приложения. С. 275–276.

⁶ Летопись Московского университета... С. 39; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн. 1. С. 375.

⁷ *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн. 2. Ч. 1. С. 73.

С 1821 (после смерти И.А. Гейма) по 1835 г. Каченовский возглавлял кафедру истории, статистики и географии Российского государства.

Структура цикла исторических дисциплин, их содержание отражали уровень развития исторической науки, профессиональной подготовки преподавателей, состояние учебно-методической базы.

Согласно Уставу 1804 г. университеты имели право организовывать научные общества, открывать периодические издания, создавать типографии, где должны были печататься книги, «относящиеся к наукам, преподаваемым в университете и в училищах его округа, и все, что правление или Совет университета найдет нужным к распространению наук».

В марте 1804 г. при Московском университете было создано Общество истории и древностей российских. Его главной задачей было «вернейшее и исправнейшее издание оригинальных древних о России летописей» для подготовки «сочинения подлинной Российской истории». С этой целью указом Александра I Синоду от 6 июня 1804 г. было поручено передавать Обществу «все оригинальные летописи и хронографы из государственных и монастырских архивов и библиотек на временное пользование». Председателем Общества был назначен Х.А. Чеботарев, бывший до 1805 г. ректором университета.

Общество имело печатный орган — «Чтения ОИДР», издавало Записки и Труды, «Русский исторический сборник». Оно сыграло огромную роль в создании источниковой базы исследований во всех областях исторической науки.

Важным шагом в развитии научной работы было открытие в 1756 г. при Московском университете типографии и книжной лавки, а также библиотеки — теперь уже одной из старейших в нашей стране. До середины XIX в. типография Московского университета занимала первое место в России по количеству печатной продукции. В основном это была научная литература, большую часть которой составляли книги по медицине и истории. В типографии печаталась университетская газета «Московские ведомости», журналы «Вестник Европы», «Русский вестник», а затем «Ученые записки» Московского университета и другие издания. «Вестник Европы», направляемый Каченовским (с 1805 по 1830 г. с небольшими перерывами), обращал особое внимание «на старину отечественную», российскую историю, «также древнюю и новую словесность нашего и прочих славянских языков, деяния и обычаи народов, нам современных». Журнал знакомил с историей и литературой других славянских стран, историческими концепциями крупнейших западноевропейских ученых.

Московский университет целенаправленно вел подготовку квалифицированных ученых из преподавателей-россиян. В 1825 г. магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» защитил М.П. Погодин; в 1833 г. он стал ординарным профессором Московского университета. В 1832 г. М.С. Гастевым была написана диссертация «О причинах замедления гражданской образованности россиян до Петра Великого».

Совершенствованию профессионального опыта способствовали зарубежные командировки университетских преподавателей, в том числе и историков.

Применительно к первым десятилетиям деятельности Московского университета трудно говорить о «чистых» историках, этнографах, искусствововедах, археологах. Как правило, это были специалисты широкого профиля с разнообразными интересами, и только дифференциация научных знаний по мере их развития определяла ограничение этих интересов одной специализацией. М.Т. Каченовский, например, читал курсы археологии, истории, статистики, географии, истории славянских наречий, российской словесности. Трудно также отнести «античников» к какой-либо одной отрасли наук — исторической или филологической. Так, Р.Ф. Тимковский (1785—1820), обладая обширными познаниями в области классической филологии, занимался древнерусской историей и литературой — он подготовил к печати Лаврентьевскую летопись (была издана в 1824 г.), опубликовал исследование о Киево-Печерском патерике. Труды Тимковского по изучению Несторовой летописи продолжили его ученики К.Ф. Калайдович и П.М. Сгров, основатели отечественной археологии. И.М. Снегирев (1792—1868) был историком, археологом, одним из первых собирателей материалов по русской этнографии и фольклору. Он активно участвовал как в деятельности Общества любителей российской словесности, так и в работе Общества истории и древностей российских. Его крупнейший труд — четырехтомное издание «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (М., 1831—1834) — заложил основы будущей университетской этнографии и фольклористики⁸.

Профессура Московского университета, реализуя принципы Устава 1804 г., обеспечивала высокий уровень преподавания основных университетских дисциплин. Количество иностранных преподавателей постепенно сокращалось.

Развитие Московского университета осложнилось после пожара 1812 г. в Москве, когда в огне погибли здания, лаборатории, кабинеты, коллекции, библиотека, имевшая, в частности, богатейшее собрание русских рукописей.

По Уставу 1835 г. в Московском университете в составе философского факультета было создано специальное историко-филологическое отделение, преобразованное в 1850 г. в самостоятельный историко-филологический факультет. Среди деканов этого факультета были — Т.Н. Грановский (1855), С.М. Соловьев (1855—1869), А.Н. Попов (1872—1876; 1877—1880), В.О. Ключевский (1887—1889), Г.А. Иванов (1885—1887; 1894—1899), М.К. Любавский (1909—1911).

В 1835 г. была образована автономная кафедра русской истории, которую до 1844 г. возглавлял М.П. Погодин. В 1845—1879 гг. ею руководил С.М. Соловьев, с 1879 г. — В.О. Ключевский. Первым руководителем созданной в 1839 г. кафедры всеобщей истории был Т.Н. Грановский. В 1835 г. была создана кафедра истории и литературы славянских наречий, с которой началось развитие славяноведения в Московском университете. Кафедру возглавил М.Т. Каченовский (1835—1842), а с 1842 по 1868 г. во главе ее

⁸ Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2001. С. 221.

стояя О.М. Бодянский (1842—1868), особенно много сделавший для научного изучения истории и культуры славянских земель. В 1857 г. на историко-филологическом факультете была открыта кафедра истории искусств, которую возглавил Х.Х. Герц.

Для пополнения своего научного потенциала историки университета по-прежнему широко использовали заграничные командировки. В 1830—1840-е годы в зарубежные учебные и научные центры были направлены Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, О.М. Бодянский, Д.Л. Крюков и др.

Развитию научных исследований способствовала получившая в 40-е годы XIX в. особый размах деятельность Общества истории и древностей российских, когда его возглавляли О.М. Бодянский, И.Д. Беляев, А.Н. Попов, Е.В. Барсов и ряд других специалистов в области истории, архивоведения, археографии.

Характерен факт — из 18 директоров и ректоров Московского университета в 1755—1863 гг. трое были историками: в 1803—1805 гг. — профессор истории, нравов и красноречия Х.А. Чеботарев; в 1808—1819 гг. — профессор истории, статистики и географии И.А. Гейм; в 1837—1842 гг. — профессор русской истории М.Т. Каченовский.

На рубеже 50—60-х годов XIX в. Россия вступила в период крушения крепостного строя и проведения буржуазных реформ. Особенности общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране в те годы определили и специфику развития Московского университета. В своей речи, посвященной его 150-летию, В.О. Ключевский подчеркнул, что «минувшее пятидесятилетие не было спокойным. Тревожной волной текла русская жизнь... на кафедрах и скамьях университета, в профессорских курсах и в настроениях студенчества согласно и чутко отзывались и великие завоевания европейской науки, и мировые международные столкновения, и шумные общественные движения Запада, и крутые переломы испытаний русской жизни в это полное событий время»⁹.

Университетская реформа и Устав 1863 г. создали более благоприятные условия для учебной, научной, общественно-культурной деятельности Московского университета. Они предоставили университетам автономию. Значительно расширились функции и права советов университетов; была установлена выборность ректоров, деканов, профессоров. В пореформенный период совершенствовалась структура исторического образования. В 1872 г. историко-филологический факультет был разделен на три отделения: древнеклассической филологии, славянской филологии и исторических наук. Складывалась система лекционных курсов и семинарских занятий. Обсуждались проблема соотношения и содержания общенаучной и специальной подготовки студентов, время специализации.

Контрреформы 80-х годов XIX в. сказались и на университетах. Принятый в 1884 г. новый университетский устав отменил автономию университетов, что привело к усилению административного контроля за их

⁹ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 599.

деятельностью со стороны Министерства народного просвещения, попечителей учебных округов, инспекторов. Одной из задач Устава 1884 г. было уменьшение числа студентов и резкое ограничение доступа к высшему образованию выходцам из малообеспеченных слоев населения. Навязываемая административными структурами регламентация вызывала протест профессоров и учащихся, требовавших изменения устава.

Оппозиционно мыслящие преподаватели обвинялись в политической неблагонадежности. Так, министр народного просвещения И.Д. Делянов, обращаясь в феврале 1895 г. к попечителю Московского учебного округа, заявил о нежелательности дальнейшего пребывания приват-доцента Московского университета по кафедре русской истории П.Н. Милюкова в числе преподавателей; им было сделано «циркулярное распоряжение о воспрещении Милюкову чтения каких бы то ни было лекций и вообще всякой преподавательской деятельности»¹⁰. По поводу изгнания из Московского университета профессора М.М. Ковалевского тот же Делянов писал: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом»¹¹. Ушел в отставку ректор Московского университета С.М. Соловьев, не принявший административного нажима.

И все же охранительные стремления политиков в отношении российских университетов, нашедшие отражение в Уставе 1884 г., оказались бессильными перед академическими традициями, уже вошедшими в плоть и кровь русской школы, — отмечал в 1912 г. профессор Московского университета В.И. Вернадский. Проанализировав содержание Устава 1884 гг. в контексте исторической обстановки тех лет, Вернадский показал нереальность его полного осуществления в университетах России. Он с гордостью говорил о профессорской коллегии — свободных людях, «производящих великую национальную работу, создающих силу нации и кующих ее будущее»¹². «Научная работа, лаборатории, семинарии, институты с их своеобразной жизнью и с их чистыми глубокими интересами позволили профессуре перенести тяжелые годы безвременья... Молодежь, воспитанная под сенью Устава 1884 г., явилась его первым врагом. И это неизбежно, ибо научная работа развивает чувство личности и личного достоинства». «В то же время, — продолжал Вернадский, — русская научная мысль находилась в теснейшем научном и личном общении с великой международной семьей ученых Европы и Америки... Русские ученые совершили свою научную работу вопреки государственной организации... Они стали при этом рядом, как равные по силе, со своими товарищами Запада и за океаном, которые совершали эту работу при помощи государства, или при

¹⁰ Преподавание отечественной истории в университетах России: прошлое и настоящее. М.; Уфа, 1999. С. 52.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 189.

государственной организации, обеспечивающей им возможность спокойной научной работы»¹³.

Московский университет стоял в первых рядах борьбы за автономию. В 1899 г. министру народного просвещения Н.П. Боголепову и другим высокопоставленным лицам группой профессоров была передана записка с соответствующими предложениями, написанная после совместного обсуждения историками университета В.И. Герье и В.О. Ключевским.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Московском университете работали многие лучшие представители отечественной исторической науки. Читал лекции по истории России XVIII — XIX вв. и вел курс русской историографии В.О. Ключевский. На кафедре русской истории работали такие крупные историки, как Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета. На кафедре всеобщей истории, возглавляемой с 1868 г. В.И. Герье, вели преподавательскую и научную работу Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, С.А. Котляревский, Д.Н. Егоров, Н.Г. Попов и др. Ими были созданы классические труды по отечественной и всеобщей истории, отличавшиеся глубиной научного анализа, оригинальной методологией, широтой источниковой базы. Здесь были представлены различные исторические концепции и научные школы. Новаторский и ярко выраженный авторский характер носили учебники и учебно-методические издания по истории, подготовленные учеными Московского университета С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, В.И. Герье, П.Г. Виноградовым.

Наряду с общими лекционными курсами, курсами источниковедения, историографии, методологии, студентам читались спецкурсы, в которых освещались важнейшие проблемы общественной жизни (спецкурсы Н.А. Рожкова, М.М. Богословского, М.В. Довнар-Запольского, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского, Д.И. Эварницкого и др.). В Московском университете, первом из всех университетов России, был поставлен курс по истории славянских народов. Студентам-историкам стали читать лекции по смежным с историей дисциплинам — например, профессор Д.Н. Анучин вел курсы географии древнего мира, географии России и Западной Европы, общей этнографии России¹⁴.

В 1861—1900 гг. на историко-филологическом факультете Московского университета было защищено 60 магистерских и 41 докторская диссертация. Выпускники университета несли традиции университетской школы историков в другие учебные и научные учреждения страны.

Историко-филологический факультет оказывал помощь средним учебным заведениям. Его преподаватели выступали с публичными лекциями, пропагандировавшими исторические знания. В 1912 г. при университете был открыт Музей изящных искусств.

На рубеже XIX—XX веков Московский университет становится важнейшим центром отечественной науки.

¹³ Там же.

¹⁴ Преподавание отечественной истории в университетах России... С. 53—54.

В результате наступления реакции, полицейского вмешательства в жизнь университета, в 1911 г. из него были уволены или ушли в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо свыше 130 профессоров и преподавателей, значительная часть которых составляла цвет и гордость отечественной науки. Среди профессоров, подавших в отставку, были историки П.Г. Виноградов и Д.М. Петрушевский. Согласно официальному отчету университета, по историко-филологическому факультету от звания приват-доцентов были освобождены: Соколов, Фортунатов, Виноградов, Кизветгер, Кубицкий, Пичета, Романов, Сакулли, Егоров.

Октябрьская революция 1917 г., знаменовавшая приход к власти партии большевиков, привела к кардинальным изменениям в Московском университете, во всей высшей школе страны. Перед высшей школой были поставлены задачи — осуществить демократизацию высшего образования; изучать и преподавать исторические науки в дальнейшем только на базе марксизма.

Основные направления реорганизации преподавания исторических наук определялись и претворялись в жизнь историками-марксистами, занимавшими руководящие посты в системе образования. Реформированием высшей школы непосредственно руководил М.Н. Покровский — заместитель наркома просвещения РСФСР с 1918 г.

Принципиальное влияние на перестройку университета оказал декрет СНК (от 2 августа 1918 г.) «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР». Коренным образом менялся социальный состав студенчества. Его «пролетаризации» способствовало открытие в 1919 г. при Московском университете подготовительных курсов (рабочих факультетов), которые должны были обеспечить необходимый для поступления в университет уровень знаний.

Наиболее сложной задачей было осуществление преподавания общественных наук на базе теории и методологии марксизма, ибо это затрагивало самые основы мировоззрения дореволюционной научной интеллигенции. Старая профессура расценила это нововведение как посягательство на свободу научного творчества. Ученые, не разделявшие марксистских убеждений, использовали университетские кафедры для пропаганды своих взглядов. Перестройка в области исторической науки началась в Московском университете с 1919 г. — с создания, в соответствии с Постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г., факультета общественных наук (ФОН). Последний был образован на базе бывшего юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета. В течение первых двух лет студенты должны были изучать цикл общих социальных дисциплин, а на третьем году обучения осуществлялась специализация по трем отделениям — экономическому, юридическому и историческому.

Если в дореволюционный период главное внимание было сосредоточено на проблематике древней и средневековой истории, то с образованием факультета общественных наук обозначился поворот в сторону изучения истории классовой борьбы и революционного движения в России и на Западе в XX в. (М.Н. Покровский, Н.М. Лукин, В.Н. Сторожев).

социально-экономического развития общества (В.Н. Бочкарев), новой и новейшей истории зарубежных стран (А.Н. Савин), отдельных проблем послесоветской истории.

Ученые старой школы, обладавшие высоким профессиональным мастерством, занимали влиятельные позиции на новом факультете. Лекционный курс и семинар по истории античного хозяйства вел В.С. Сергеев, общий курс по экономической истории средних веков читал Д.М. Петрушевский. Видные представители дореволюционной профессуры — А.А. Кизеветтер и А.И. Яковлев — вели курсы и семинары по историографии и методологии истории. Часть курсов и семинаров исторического отделения была посвящена истории религии и религиозных движений.

В 1921 г. при факультете общественных наук был создан Исторический институт, ставивший целью научную разработку исторической проблематики и подготовку квалифицированных кадров историков. Членами института в большинстве своем были ученые, сложившиеся еще в дореволюционный период, — М.М. Богословский, Д.П. Егоров, А.А. Кизеветтер, Н.М. Лукин, М.К. Любавский, В.И. Пичета, А.П. Савин, В.С. Сергеев, В.Н. Сторожев, А.Д. Удальцов и др.

Наиболее способные студенты оставались для подготовки к научно-педагогической работе. Из выпускников 1919–1920 гг. оставлены были П.М. Дружинин, К.К. Зельин, В.М. Лавровский, А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, В.Н. Яцунский, ставшие впоследствии известными учеными.

В 20-е годы реорганизации в университете приобрели постоянный характер. Они мотивировались поисками наиболее эффективных путей подготовки молодежи к строительству нового общества, стремлением ускорить овладение ею марксистско-ленинской методологией, преодолеть традиции академизма, вытеснить буржуазную профессуру, враждебно относившуюся к идеологии большевиков.

В соответствии с постановлением СПК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» ФОН призван был готовить преподавателей обществоведения. Осенью 1922 г. на факультете функционировало восемь отделений: экономическое, статистическое, внешних сношений, правовое, общественно-педагогическое, этнолого-лингвистическое, литературно-художественное, археологическое. Изменение целевой установки нового факультета обусловило сокращение исторической подготовки студентов, усилило элементы социологизма, упрощенчества истории. И все же исторические дисциплины продолжали занимать значительное место в учебных планах факультета общественных наук.

В 1925 г. декретом Совнаркома ФОН был преобразован в факультеты советского права и этнологический. Этнологический факультет имел четыре отделения: историко-археологическое, этнографическое, литературное и изобразительных искусств. В деятельности нового факультета имела место недооценка теоретического образования, конкретных исторических знаний.

В январе 1931 г. из состава университета были выведены гуманитарные факультеты и на их базе образован Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ).

Перестройки 20-х — начала 30-х годов ухудшали условия развития исторической науки, разрушали академические традиции, влекли за собой отток из университета многих известных специалистов-историков. История в средней школе была заменена обществоведением. Вместо систематических курсов по истории учащиеся начали преподноситься социологические построения, не базирующиеся на конкретном историческом материале. Сократилась подготовка профессиональных историков. Невостребованность исторических знаний, отсутствие в университете организационных структур, способствующих развитию научной работы, вели к сужению масштабов исследований в области как отечественной, так и всеобщей истории. Научные изыскания историков тормозились и господствовавшей в 20-е годы исторической концепцией М.Н. Покровского, утверждавшего, что нет необходимости в изучении истории древнейших времен, дореволюционного прошлого России; недооценивавшего задачу изучения культуры народов нашей страны; абсолютизовавшего роль классовой борьбы в историческом процессе, подменявшего познавательные задачи науки социальными; отрицательно относившегося к дореволюционной исторической науке. Однако постепенно, в условиях обострения международной ситуации руководство страны стало все больше осознавать роль исторических знаний в патриотическом воспитании народа, в подготовке молодежи к защите Родины.

Начало новому этапу в развитии исторической науки было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», опубликованным 16 мая 1934 г. В нем отмечалось, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей учащиеся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»¹⁵. Важнейшим звеном в системе мер, направленных на изменение этой ситуации, было восстановление с 1 сентября 1934 г. в Московском и Ленинградском университетах исторических факультетов, призванных готовить квалифицированных специалистов по истории¹⁶.

В мае 1934 г. была создана комиссия во главе с видным ученым, профессором А.М. Панкратовой, которая должна была в течение летних месяцев создать условия для начала занятий на историческом факультете Московского университета: составить учебный план, разработать проекты программ по основным дисциплинам, укомплектовать штат преподавателей и пр. Исторический факультет получил помещение Кооперативного техникума (ул. Герцена, 5) — бывший особняк князей Орловых-Мещерских, построенный в 90-е годы XVIII в. по проекту архитектора М.Ф. Казакова.

¹⁵ Правда. 1934. 16 мая.

¹⁶ Там же.

Первый набор студентов (в сентябре 1934 г.) составил 147 человек. Преподавательский коллектив исторических кафедр включал 36 человек — в том числе 15 доцентов и 20 профессоров, из которых шесть являлись штатными, а остальные работали по совместительству.

Восстановление исторического образования способствовало возвращению в университет многих видных ученых. Здесь начали работать Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, Н.М. Дружинин, В.С. Сергеев, А.Д. и И.Д. Удальцовы, В.И. Пичета, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, Н.М. Лукин, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле и др. В МГУ пришли многие историки, получившие подготовку после Октябрьской революции: А.М. Панкратова, А.В. Арциховский, М.В. Нечкина, А.Л. Сидоров, И.И. Минц. В довоенный период на истфаке преподавали В.П. Волгин, В.В. Стоклицкая-Терешкович, А.В. Мишулин, С.К. Бушуев, Б.Н. Граков, В.И. Лебедев, А.И. Неусыхин, А.В. Ефимов, М.С. Зоркий, Л.Н. Иванов, И.Д. Белкин, Б.В. Миллер, В.М. Хвостов, Н.Д. Старосельцев, И.С. Галкин, С.В. Киселев, В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский, Б.А. Рыбаков, Б.Е. Сыроечковский, Е.А. Мороховец, С.А. Токарев, С.А. Никитин, З.Р. Неедлы, Ю.В. Готье, Б.Б. Кафенгауз, Г.С. Карамурза, И.М. Рейснер, Л.И. Зубок, В.М. Лавровский, Б.Н. Заходер и другие известные историки, этнологи, археологи.

Уже в 1934 г. на факультете было организовано пять исторических кафедр — истории СССР (руководитель — проф. А.М. Панкратова), истории древнего мира (проф. В.С. Сергеев), истории средних веков (проф. Е.А. Косминский), истории нового времени (акад. Н.М. Лукин), истории колониальных и зависимых стран (проф. Х.З. Габидуллин). В 1937 г. была образована кафедра древних языков (руководитель — проф. Н.И. Новосадский); в 1939 г. — кафедры археологии (проф. А.В. Арциховский), этнографии (проф. С.П. Толстов), истории южных и западных славян (проф. В.И. Пичета) и музейно-краеведческая (руководитель — проф. Г.А. Новицкий)¹⁷. Первым деканом был назначен профессор Г.С. Фридлянд (1934 — май 1936); с июня 1936 по июнь 1937 г. обязанности декана исполняла З.П. Игумнова. В предвоенные годы факультет возглавляли авторитетные ученые и педагоги — профессор И.Д. Удальцов (1938—1940), профессор С.Д. Сказкин (1940—1943).

В открывшуюся в 1934 г. на историческом факультете аспирантуру зачислили 24 человека, среди них были А.Г. Бокшанин, С.С. Дмитриев, А.Л. Нарочницкий, Д.Г. Редер. В 1935 г. в аспирантуру факультета было принято уже 112 человек; из них по истории СССР специализировались 39 человек, по новой истории — 16, по истории средних веков — 23, древнего мира — 13, истории колониальных и зависимых стран — 16, археологии — два и истории южных и западных славян — три человека¹⁸.

¹⁷ Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 569; Летопись исторического факультета МГУ (1934—1994). С. 8, 14.

¹⁸ Летопись исторического факультета МГУ... С. 10.

В сентябре 1940 г. на факультете впервые начал читаться курс по истории СССР советского периода (проф. А.М. Панкратова и Е.А. Луцкий) и русской историографии (проф. Н.Л. Рубинштейн).

В 1934 г. было положено начало комплектованию книжных фондов кабинетов исторического факультета. Сотрудники кабинета истории СССР (Е.Н. Кубицкая и др.) вели большую работу по составлению библиографии, подбору литературы по темам лекционных курсов и семинаров. Под руководством С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова составлялись карты, хронологические и синхронистические таблицы. Т.М. Шенунова внесла огромный вклад в создание при кафедре истории древнего мира кабинета-библиотеки, включившего в свои собрания уникальные произведения античных авторов, памятники древневосточной письменности, литературу по древней истории на европейских языках.

В предвоенный период коллективы кафедр провели большую работу по совершенствованию университетской системы преподавания. Наряду с общими и специальными лекционными курсами видное место в учебном процессе занимали просеминары и специальные тематические семинары. Росло количество спецкурсов. В 1937 г. началось чтение спецкурсов по истории народов СССР: Поволжья (проф. Г.А. Новицкий), Украины, Белоруссии (проф. В.И. Пичета), Северного Кавказа (доц. С.К. Бушув), Средней Азии (проф. С.П. Толстов).

Жизнь факультета становилась все более многогранной. Устанавливались контакты с Академией наук СССР. Профессора факультета избирались в Академию. Создавались новые археологические экспедиции. Работали научные студенческие кружки, организовывались студенческие научные конференции. С 1937 г. на истфаке стал проводиться день открытых дверей. Исторический факультет провел среди школьников Москвы конкурс на лучшее сочинение по истории. В 1936 г. в организованном при университете заочном педагогическом институте (ЗПИ) был создан исторический факультет, в 1938 г. преобразованный в заочное отделение истфака. В 1939 г. профессор И.С. Галкин принял участие в разработке учебных планов и программ для Львовского университета. В апреле 1940 г. в связи с подготовкой к 185-летию Московского университета начался цикл публичных лекций по истории университета.

Увеличивался штатный состав преподавателей. На кафедрах складывались коллективы, обладающие большим научным потенциалом. Ученым факультета были присущи широта научных исканий, знание источников и литературы, хорошая языковая подготовка, влюбленность в науку, беззаветная преданность ей. Появились новые научные направления, осваивалась новая проблематика, вводились в научный оборот не известные ранее, в том числе архивные, материалы, разрабатывались проблемы источниковедения, историографии, создавались учебники для высшей школы, защищались докторские диссертации.

Созданные учебники, в частности по отечественной истории, конечно же, несли на себе печать времени¹⁹. Но они были написаны на уровне современной им науки. И неслучайно ими пользовались на протяжении многих последующих лет. Они представляют интерес и для современных ученых: в них — богатый фактический материал, не потерявшие своего значения теоретические положения и методологические подходы, например по вопросам, касающимся генезиса Российского государства, истории России XIX — начала XX в., периодизации истории России.

Вместе с тем необходимо отметить, что историческая наука развивалась в сложных условиях. Борьба между «буржуазным» и марксистским направлениями завершилась утверждением марксистско-ленинского понимания истории; с тех пор марксистско-ленинская методология приобрела статус единственно научной методологии познания общественных процессов. Выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)», в подготовке которого принял непосредственное участие Сталин, способствовал канонизации марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации, а его догматизация доводилась до выхолащивания научных принципов этой методологии. Историческая наука, особенно история советского общества и история КПСС, подверглась жесткому идеологическому контролю, а нетрадиционно мыслящие ученые — политическому преследованию. Были репрессированы и расстреляны первый декан исторического факультета Г.С. Фридлянд и первый заведующий кафедрой истории нового времени Н.М. Лукин.

Мирную творческую работу исторического факультета прервала война. Вместе со всем университетом факультет был эвакуирован в Ашхабад, а затем в Свердловск. В эвакуации истфак возглавляли С.Д. Сказкин (1940—1943), С.П. Толстов (1943—1945); (в московской группе МГУ — А.В. Ефимов (1941—1943)). Преподавание отечественной истории вели профессора К.В. Базилевич, В.И. Лебедев (заведовавший кафедрой с 1938 по 1941 г.), В.Е. Никольский, И.М. Разгон, М.Н. Тихомиров, доценты Г.Н. Аншилогов, Б.Б. Кафенгауз, Е.А. Луцкий²⁰.

В годы Великой Отечественной войны историки факультета занимались агитационно-пропагандистской работой, в сложнейших условиях вели преподавательскую деятельность, трудились над монографическими исследованиями.

Ряд работ факультетских историков был отмечен тогда Государственными премиями.

В апреле 1944 г. на истфаке впервые были проведены Ломоносовские чтения. Председательствовал М.Н. Тихомиров, с докладами выступили С.В. Киселев, А.С. Ерусалимский, И.М. Рейснер.

Помимо крупных научных изданий, в те годы вышло немало научно-популярных работ на историко-патриотические темы. Брошюры и статьи о борьбе народов нашей страны за свободу и независимость опубликовали профессор исторического факультета С. В. Бахрушин, И.И. Минц,

¹⁹ История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1 / Под. ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М., 1939; Россия в XIX веке / Под. ред. М.В. Нечкиной. М., 1940; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Ч.1; Пакитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). М., 1940; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941; и др.

²⁰ Преподавание отечественной истории в университетах России... С. 134.

М.В. Нечкина, М.Н. Тихомиров, К.В. Базилевич, В.И. Пичета, Е.В. Тарле, А.М. Панкратова и др. Историки выступали с лекциями, со статьями в газетах и журналах. Постановлением Президиума АН СССР в 1943 г. в города, освобожденные от немецкой оккупации — Смоленск, Курск, Харьков, — были направлены лекторские группы, в состав которых входили А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, А.В. Ефимов и др.

Развивались организационные структуры факультета. Важным событием в истории МГУ стало слияние с ним в декабре 1941 г. эвакуированного также в Ашхабад МИФЛИ. В 1944 г. на истфаке на базе кафедры истории колониальных и зависимых стран было создано функционировавшее до 1956 г. отделение истории стран Востока с кафедрами истории стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Заметные успехи были достигнуты в развитии вспомогательных исторических дисциплин.

С декабря 1943 г. по январь 1948 г. коллектив МГУ возглавлял ректор-историк, профессор И.С. Галкин.

Занятия в МГУ не прекращались даже в самое тяжелое военное время. В Свердловске университет находился до 25 мая 1943 г., после чего началась его эвакуация. Профессиональный состав кафедр обеспечивал преподавание истории на высоком уровне. Так, например, в начале 1943/44 учебного года на кафедре истории народов СССР работали девять штатных преподавателей — семь профессоров и два доцента²¹. Возглавлял кафедру член корреспондент АН СССР профессор И.И. Минц.

Многие преподаватели, студенты, аспиранты факультета, ушедшие на фронт, отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины.

После окончания Великой Отечественной войны часть студенчества составили демобилизованные фронтовики — вернувшиеся на факультет для завершения образования прежние студенты или вновь поступившие на первый курс. Пример студентов-фронтовиков с их жаждой знаний и самоотверженным трудом вдохновлял тех, кто пришел в университет со школьной скамьи.

Обстановка, сложившаяся в исторической науке в конце 40-х — начале 50-х годов, характеризовалась усилением идеологического контроля, борьбой с любыми отклонениями (действительными или мнимыми) от официальной идеологии. Развернутая в стране кампания по борьбе с космополитизмом не миновала и истфак МГУ. Некоторые преподаватели факультета обвинялись в космополитизме и антипатриотизме, немарксистском освещении истории. Их упрекали в недооценке роли классовой борьбы в общественном развитии, в недостаточном внимании к проблеме соотношения производительных сил и производственных отношений, в идеализации отдельных сторон самодержавной политики, в излишнем внимании к истории православной церкви, в неправильном подборе источников и т.д. Были уволены или вынуждены уйти с факультета академик И.И. Минц, профессора Н.Л. Рубинштейн, И.М. Разгон, И.С. Звавич, Л.И. Зубок и другие. Однако высокий профессионализм ученых, традиции научной этики стали преградой на пути широкого распространения несправедливых обвинений коллег.

²¹ Там же.

Большой вклад в развитие исторического факультета в послевоенные десятилетия внесли его деканы — М.Н. Тихомиров (1945—1947), Г.А. Новицкий (1947—1950), Б.А. Рыбаков (1950—1952), А.В. Арциховский (1952—1957), И.А. Федосов (1957—1971), Ю.С. Кукушкин (1971—1995).

В 1953 г. кафедра истории СССР была разделена на четыре самостоятельные кафедры — по крупнейшим периодам отечественной истории, что подняло изучение предмета на новую ступень. Впервые в вузах страны были созданы кафедры истории советского общества и источниковедения отечественной истории. В том же году на историческом факультете была образована кафедра истории КПСС (выделилась из общеуниверситетской кафедры марксизма-ленинизма). В 1950 г. факультет пополнился искусствоведческим отделением, состоявшим из двух кафедр: истории русского и советского искусства и истории зарубежного искусства. В 1965 г. была создана отдельная кафедра иностранных языков, ориентированная на изучение языка как важного компонента профессиональной подготовки специалистов-историков.

С 1946 г. регулярно стал издаваться научный журнал «Вестник Московского университета. Серия История». В 1945—1950 гг. выходили «Доклады и сообщения исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова».

В 1951 г. Новгородской археологической экспедицией (руководитель — проф. А.В. Арциховский) была найдена первая грамота на бересте. находка новгородских берестяных грамот явилась одним из важнейших археологических открытий XX в.

После XX съезда КПСС (1956 г.) сложились более благоприятные условия работы для историков. Критика культа личности положила начало постепенному освобождению научной сферы от жесткого партийного контроля. Развитию исторической науки способствовали публикация новых источников, расширение доступа к архивам. Большое позитивное значение имело основание журналов «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Научные доклады высшей школы. Исторические науки» (1958—1961) и др. На всех кафедрах факультета готовились и издавались учебники и учебные пособия, хрестоматии, сборники документов; стимул для дальнейшего развития получили вспомогательные и специальные исторические дисциплины; росло количество монографических исследований. Складывались новые научные школы. Историки вели работу по преодолению догматизированных трактовок исторических событий и явлений. Вместе с тем все еще сохранявшиеся идеологический контроль, политическая и идеологическая ангажированность историков не позволяли авторам в принципиальных оценках выйти за рамки партийных установок.

Среди крупных научных изданий кафедры истории России феодального периода — работы по истории Киевской Руси, по истории образования и развития Русского централизованного государства, истории крестьянского и помещичьего хозяйства, промышленности и торговли, истории и культуры. По истории России XIX — начала XX в. разрабатывались такие основные проблемы, как социально-экономическое развитие страны;

история монополистического капитализма; история общественной мысли и революционного движения; внутренней и внешней политики самодержавия. Важнейшими направлениями научной работы кафедры истории СССР периода социализма были исследования по истории государственного строительства, по социальной структуре советского общества, по истории рабочего класса и крестьянства, истории культуры. В работах историков КПСС отражались проблемы внутрипартийной жизни, деятельности компартии в различных сферах жизни общества. Эти публикации свидетельствовали о некоторых позитивных сдвигах в историко-партийной науке, хотя в этой области исторических знаний идеологическое давление оставалось наиболее сильным.

Кафедра источниковедения подготовила учебник по курсу «Источниковедение истории СССР», в котором впервые в одном издании был представлен обзор основных письменных источников по отечественной истории с древнейших времен до наших дней, с характеристикой важнейших методов их научной критики и анализа.

И.Д. Ковальченко одним из первых среди историков страны стал применять математические методы в исследовании социально-экономических процессов. По его инициативе и под его руководством еще с конца 60-х годов на кафедре источниковедения отечественной истории начала формироваться школа, разрабатывавшая проблему использования количественных методов в исторической науке. Получили обобщение основные приемы и методы изучения массовых источников.

Вышли в свет учебные пособия по палеогеографии и исторической географии СССР.

Широкий круг проблем истории стран Европы и Америки исследовался в трудах преподавателей кафедры новой и новейшей истории. Изучались история английской буржуазной революции, генезис капитализма в Англии, формирование пролетариата и рабочее движение в этой стране; большой вклад был внесен в разработку проблем истории Ирландии. Расширилась тематика исследований, связанных с историей Германии, рабочим и социалистическим движением в Германии в конце XIX — первой четверти XX в. Изучались различные аспекты французской истории. Разрабатывались вопросы истории Канады. Все большее место в научной деятельности кафедры занимало исследование истории США. Ученые факультета И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев, Е.Ф. Язьков сыграли большую роль в создании научной школы американистики в нашей стране. В 1977 г. на кафедре была создана лаборатория по истории США, главной задачей которой являлась разработка проблем истории двухпартийной системы. Американисты факультета подготовили и издали серию научных работ, освещавших различные аспекты истории Соединенных штатов. Успешно изучалась история стран Латинской Америки. В работах сотрудников кафедры были освещены малоизученные стороны истории Италии.

Медиевисты истфака вели плодотворную работу по изучению аграрной истории Западной Европы и европейского крестьянства, генезиса капитализма, истории феодального государства, духовной жизни крестьянства, истории итальянского гуманизма, истории Византии и пр.

Кафедра истории древнего мира занималась проблемами эллинизма, социально-экономической истории Римской империи.

Значительный вклад в развитие археологической науки был внесен работами, созданными на основе раскопок в Новгороде, в Южной Сибири, Поволжье.

Широкий круг вопросов поднимали в своих исследованиях этнографы факультета. Это — теория этноса, история и теория русской и советской этнографии, история кочевничества Азии, этнография зарубежных славянских народов, этнография народов Средней Азии, методологические и историографические проблемы этнографии, современные этнические процессы и др.

Неуклонно росло внимание к проблемам историографии.

Радикальные перемены в общественно-политической жизни страны во второй половине 80-х годов XX — начале XXI в. — разрушение монополии КПСС на власть, советской политической системы, критика марксистско-ленинской теории общественного развития, распад СССР — поставили отечественную науку и высшее образование в новую ситуацию. Современный этап российской истории стал одним из самых крутых поворотов в жизни нашей страны. Оформление российской государственности, становление новой политической системы, многообразие форм собственности, переход к рыночной экономике, формирование новой социально-классовой структуры, идеологический плюрализм, поиски иного типа отношений с бывшими республиками СССР, изменившееся положение страны на мировой арене — все эти проявления коренной перестройки всего общественного организма потребовали переосмысления различных аспектов деятельности факультета. Новации в содержательном поле образования и науки совпали со значительным сокращением их государственного финансирования. Исходя из задач подготовки профессиональных кадров, опираясь на накопленный опыт, истфак определил перспективы своей деятельности с учетом новых реалий и начал их практическое осуществление. В своей работе факультет избежал крайностей: он не встал на позиции ни охранительства, ни ультра-радикализма. Самоотверженный труд и ответственность коллектива определили поступательное развитие исторического факультета.

В настоящее время на истфаке работают около 300 профессоров, преподавателей и научных сотрудников, в их числе 3 академика, 4 члена-корреспондента РАН, 69 докторов наук, 6 лауреатов Ленинской и Государственной премий. Обучение проходят более 1600 студентов и аспирантов, в том числе иностранные граждане. В составе исторического факультета 15 кафедр: 11 исторических, две искусствоведческие, две языковые. С 1995 г. деканом факультета является член-корреспондент РАН (с 2003 г.), профессор С.П. Карнов.

Подготовка профессиональных кадров осуществляется по специальностям «История» и «Искусствоведение». Отделение истории искусства стало органической частью исторического факультета. Ведя преподавание по отдельному учебному плану, оно сохраняет в нем весь основной

комплекс исторических дисциплин как базу для углубленной специализации по истории отечественного искусства и всеобщей истории искусства. Впервые в 2004 г. открываются отделения «история международных отношений» и «историко-культурный туризм».

Выпускника исторического факультета отличает знание отечественной и всеобщей истории; владение двумя и более иностранными языками; умение выявить, систематизировать и профессионально использовать исторические источники; знание методологии исторических исследований, историографии; владение основами исторической информатики, новыми информационными технологиями; умение методически квалифицированно преподавать исторические дисциплины.

Система специализации приобретает большую гибкость. Все большее место занимает политологическая подготовка; открыта специализация по истории международных отношений; усилено внимание к прикладной этнологии. Значительно повысилась подготовка студентов в области исторической информатики. Несмотря на отсутствие специального бюджетного финансирования экспедиций, осуществляется учебная (археологическая) практика студентов I курса и специализированная практика учащихся старших курсов соответствующих кафедр. В 2003 г. факультет организовал четыре археологические экспедиции — Новгородскую, Смоленскую (Гнёздовскую), Донскую, Крымскую, — две этнографические и одну археографическую.

В последние годы значительно активизировалась научная работа студентов: участие в научных конференциях, в том числе всероссийских и международных; работа в научных семинарах кафедр; научные публикации. Студенты и аспиранты факультета — постоянные участники традиционно проводимой в МГУ международной конференции по фундаментальным наукам «Ломоносов ... год».

Определяющие характеристики системы профессиональной подготовки студентов истфака МГУ — широкий набор общих и специальных курсов, постановка новых спецкурсов и спецсеминаров; обновление тематики дипломных работ; преподавание историографии и источниковедения; хорошая языковая подготовка, позволяющая активно использовать источники и литературу на иностранных языках; подготовка дипломных работ как небольших научных исследований; обеспечение преподавания силами крупных ученых.

Основными направлениями научной работы на факультете в последние годы являются: методология, историография, источниковедение, специальные исторические дисциплины; археологическое изучение ранних этапов истории; история политических систем России, стран Европы и Америки; история международных отношений; экономические и социальные процессы в России и странах Европы и Америки; история и теория мировой и отечественной культуры; история университетского образования; этнические процессы: история и современность; международное рабочее и освободительное движение; историческая политология; новые информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и обучении историческим дисциплинам; подготовка учебников и учебных пособий.

На факультете успешно развиваются научные школы, основанные историками предшествующих поколений, создаются новые направления научных изысканий. Изучение средневековой русской истории, в основе которого — уникальные коллекции находок XI—XV вв. в Новгороде, и прежде всего берестяные грамоты, связано с научной школой В.Л. Янина. По мере накопления археологических источников складываются новые пути изучения массовых материалов, в частности использование методов естественно-научных дисциплин (Ю.Л. Шапова, Н.В. Рындина). Л.В. Милов в своих работах показал механизмы воздействия разносторонних факторов на состояние российской экономики, политики, культуры и сформулировал, по существу, новую концепцию российского исторического процесса.

На кафедре отечественной истории XX—XXI вв. сложилась научная школа Ю.С. Кукушкина — история национально-государственного строительства. Сформировалась и эффективно развивается возглавляемая С.П. Карповым научная школа изучения византийской цивилизации и Причерноморья. Археографами исторического факультета создано новое направление в изучении русской традиционной культуры (И.В. Поздеева). Развивая традиции основателей научной школы американистики (И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев, Е.Ф. Язьков), ученые факультета сохраняют ведущую роль в этой области исторических исследований. Были обозначены новые направления в изучении Великой французской революции и осуществлена конкретная разработка принципиальных проблем ее истории (А.В. Адо, В.П. Смирнов, Е.М. Кожокин, Л.А. Пименова, В.С. Посконин). Факультету принадлежат лидерские позиции в применении количественных методов и новых информационных технологий (И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Л.И. Бородин). Историки факультета вносят большой вклад в изучение русской культуры.

В последнее десятилетие значительно расширилась тематика научных работ, полнее стали освещаться такие сюжеты, как формирование механизма принятия властных решений, деятельность крупных отечественных реформаторов, самодержцев, российских предпринимателей и меценатов, религиозных лидеров, судьбы представителей российской интеллигенции, история различных политических партий и их лидеров, история общественно-политической мысли, национальная политика, белое движение, эмиграция, диссидентство, современная Россия. Происходит дальнейшее осмысление советского периода отечественной истории.

Изданы многочисленные сборники документов, содержащих ранее не публиковавшиеся или ставшие библиографической редкостью материалы.

Среди наиболее значимых достижений ученых исторического факультета — выпуск учебников и учебных пособий для студентов вузов, создаваемых на основе новейших данных науки и традиций фундаментального образования. За 1998—2002 гг. их было издано свыше двадцати. В условиях идеологического плюрализма мнений, доступности широкого круга источников, качество вузовских учебников, их соответствие мировому уровню и потребностям подготовки высококвалифицированных специалистов в нашей стране приобретает особое значение. Фонд учебной литературы постоянно пополняется.

Историки факультета активно включились в обсуждение новых подходов к изучению истории. Усилилось внимание к анализу разнообразных факторов, оказывающих влияние на ход исторического процесса, — социально-психологических, географических, антропологических, религиозных и т.д. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований составляют главное содержание работы информационно-аналитического центра факультета. При освещении истории авторы используют такие подходы, как формационный, цивилизационный, глобальной истории, модернизации, стадийного развития, социальной истории и пр. Не абсолютизируя марксистскую теорию общественно-экономических формаций (нередко отказ от нее определяется идеологическими соображениями), следует отметить, что методологический потенциал формационного подхода отнюдь не исчерпан, особенно при освещении социально-экономических процессов. Аналитически осмысливается получивший широкое распространение в исторической науке цивилизационный подход. Все же четко научно обоснованных критериев цивилизационного измерения исторического процесса пока не выработано. Историки факультета внесли заметный вклад в развитие социальной истории.

Интерес к проблеме человека, к исторической и культурной антропологии, микроистории определил создание работ, в которых рассматриваются вопросы гуманизма, этики, морали; показаны формирование и эволюция гуманистических идей.

В страноведческих исследованиях ученых факультета заключен большой потенциал развития компаративистики, способствующей объяснению как общих черт всемирного исторического процесса, так и особенностей развития различных государств; показу взаимосвязанности стран, континентов, народов. Обсуждается такая методологическая проблема, как периодизация истории, приобретающая особую актуальность в связи с подготовкой учебной литературы.

Преподаватели факультета ведут полемику с авторами псевдонаучных трактовок исторического процесса. В декабре 1999 г. в МГУ прошла конференция, посвященная обсуждению «новой хронологии», предлагаемой группой А.Т. Фоменко. В конференции приняли участие известные ученые МГУ, РАН, РАЕН, работающие в сфере как естественных, так и гуманитарных наук — историки, математики, физики, лингвисты, астрономы, религиоведы. В научной периодике был опубликован целый ряд статей с критикой утверждений школы А.Т. Фоменко²².

Истфак ведет большую работу по подготовке программ лекционных курсов — как общих, так и специальных. Двумя изданиями вышли программы общих курсов, читаемых студентам факультета на протяжении всех лет обучения независимо от специализации; публикуются программы дисциплин специализации.

²² История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000; «Антифоменко». Критика «новой хронологии»: Сб. Русского исторического общества (подготовлено совместно с историческим факультетом МГУ). М., 2000. № 3 (151).

Предметом постоянного внимания факультета является школьное историческое образование. Эта проблема волнует коллектив истфака, ибо она неразрывно связана с подготовкой профессиональных историков, с преодолением нигилистического отношения к истории, с воспитанием патриотизма. В 2003 г. преподаватели факультета активно участвовали в обсуждении проекта государственного образовательного стандарта по разделу «История», касающегося начальной, основной и старшей школы, предложив внести в него ряд существенных изменений.

Забота о школьном образовании проявляется и в подготовке учебников и учебных пособий для школ и других средних учебных заведений, а также пособий для поступающих в вузы. Довузовская подготовка абитуриентов ведется на подготовительных курсах факультета, в Школе юного историка.

Составная часть работы истфака — популяризация научных школ, основателями которых были или являются наши предшественники и коллеги. За последнее десятилетие рамки этой работы значительно расширились²³. Были проведены Научные чтения, посвященные памяти А.В. Арциховского, П.А. Зайончковского, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьева, В.Н. Лазарева, В.С. Сергеева, А.А. Федорова-Давыдова, А.В. Адо, Н.С. Княжиной и других видных представителей исторической науки и искусствоведения. В Чтениях принимали участие сотрудники институтов РАН, университетов и институтов России, архивов, музеев, а также коллеги из зарубежных учебных и научных центров.

Слово об Учителях — это слово об ученых и педагогах высочайшей профессиональной культуры, огромной эрудиции, носителях добрых человеческих отношений. Они утверждали престиж исторических знаний, хранили и развивали лучшие университетские, истфаковские традиции. Они создавали вокруг себя особую нравственную атмосферу. В их научных исследованиях и устном слове — потенциал гуманизма, патриотизма, оптимизма. Они объединяли вокруг себя творческую молодежь, помогали своим ученикам найти сферу приложения полученных знаний, гордились их успехами, интересовались судьбой выпускников после завершения учебы. Это были ученые и педагоги яркой индивидуальности.

Факультет развивается и дает жизнь новым кафедрам, центрам, лабораториям. В 1991 г. вместо упраздненной кафедры истории КПСС была создана кафедра истории общественных движений и политических партий (заведующая — проф. Л.С. Леонова).

В 1988 г. при кафедре этнологии была создана этносоциологическая лаборатория, преобразованная в 1995 г. в Учебно-научный центр прикладной этнологии (заведующая — проф. Л.Б. Заседателева). Деятельность

²³ См.: Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998; Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1998; Россия на рубеже XIX–XX вв. М., 2000; П.А. Зайончковский, 1904–1984 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 2000; Российское государство и общество. XX век. М., 2000; Россия и мир: Сб. статей. М., 2001; Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. М., 2001; Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002; и др.

этого подразделения в значительной мере ориентирована на разработку проблем, связанных с применением этнологических знаний в общественно-политической практике. Его сотрудники анализируют такие проблемы, как этнические процессы в истории и в современных условиях, межнациональные отношения, новые информационные технологии в историко-этнографических исследованиях.

В 1990 г. при кафедре истории средних веков была образована научно-исследовательская лаборатория изучения Византии и стран Причерноморья (руководитель — член-корреспондент РАН, проф. С.П. Карпов). Высококвалифицированные медиевисты, византинисты и востоковеды, специалисты по информатике и дипломатике осуществляют комплексные исследования по истории этого региона, поиск и публикацию новых архивных источников, создают базы данных. Лаборатория выполняет функции координатора научных изысканий в области византиноведения и истории средневекового Причерноморья.

В 2000 г. оформилась в самостоятельное структурное образование Лаборатория исторической информатики (заведующий — проф. Л.И. Бородкин).

В 2001 г. находившаяся в рамках кафедры источниковедения отечественной истории археографическая лаборатория (заведующая — докт. ист. наук И.В. Поздеева) выделилась в самостоятельное подразделение. Сотрудники лаборатории ведут исследовательскую, педагогическую, экспедиционную, музейную работу по истории традиционной народной культуры, кириллической книги, хозяйства русского старообрядчества, а также источниковедению.

В 1994 г. на историческом факультете был создан Центр экономической истории, организаторами и руководителями которого стали И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкин и Л.И. Бородкин. Центр призван способствовать развитию исследований в области экономической истории России и совершенствованию образования в этой области²⁴.

В 1997 г. на истфаке был организован Информационно-аналитический центр теоретических проблем исторической науки (заведующий — проф. Е.И. Пивовар). Задача этого центра — обобщение отечественного и мирового опыта в области теории и методологии исторического познания; систематическая публикация информационных и аналитических материалов, освещающих современное состояние мировой теоретико-исторической мысли; подготовка лекционных курсов по проблемам теории и методологии истории; обобщение отечественного и мирового опыта применения в исторических исследованиях теории и методов смежных гуманитарных дисциплин.

Совершенствуется и развивается структура специализированных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

На ученом совете факультета обсуждаются проблемы создания новых учебно-научных подразделений.

²⁴ Экономическая история: Обзорение. М., 1996–2003. Вып. 1–9; Экономическая история: Ежегодник, 1999, 2000, 2001, 2002. М., 1999–2003.

С 1998 г. стали выходить «Труды исторического факультета МГУ» — издания, призванные отразить результаты научных исследований и опыт преподавания исторических дисциплин на истфаке. «Труды» включают несколько серий: «Исторические источники» (издание новых архивных и иных неизвестных или малоизвестных документов и материалов); «Исторические исследования» (монографии, отражающие важнейшие процессы и события в отечественной и всемирной истории); «Instrumenta studiorum» (материалы, используемые непосредственно в учебном процессе, — учебные пособия, программы общих и специальных курсов и т. п.); библиографии (научные биографии и списки трудов видных ученых — историков факультета). Авторы изданий — профессора, преподаватели и сотрудники истфака, работающие в тесном содружестве с учеными других научных и учебных заведений.

Начало XXI века — очередная веха на пути информатизации факультета. Открытие третьего компьютерного класса существенно расширило возможности обучения студентов современным информационным технологиям и их применению в образовании и исторических исследованиях. Благодаря поддержке ректората и ресурсам факультета проведена модернизация компьютерного оборудования на кафедрах и в отделах деканата, приобретена высококачественная мультимедийная аппаратура.

К началу 2003 г. электронная библиотека истфака стала одним из наиболее известных и востребованных корпоративных исторических ресурсов в российском сегменте Интернета.

Новое явление в научной жизни факультета (с 1999 г.) — Академический лекторий, созданный с целью возрождения традиций публичных лекций, укрепления творческих связей между МГУ и РАН, представления глав научных школ и направлений студентам, аспирантам, преподавателям МГУ и всем интересующимся достижениями исторической науки, а также для ознакомления их с актуальными проблемами общественной жизни России и других стран. С лекциями выступают академики и члены-корреспонденты РАН, известные дипломаты.

Истфак принимает активное участие в осуществлении общеуниверситетского проекта создания Черноморского филиала МГУ в г. Севастополе.

Сотрудники факультета готовят аналитические справки и материалы для государственных структур Российской Федерации.

Расширяются и укрепляются научные связи истфака с другими факультетами и научными центрами МГУ — осуществляются совместные междисциплинарные проекты, проводятся научные конференции, семинары, издаются монографии, сборники статей.

Важная сторона факультетской жизни — подготовка к 250-летию университета. Публикуются монографии, сборники документов, энциклопедии и другие издания, в которых будет освещена разносторонняя жизнь Московского университета в различные исторические периоды. Проведена работа по отбору учебников в серию «Университетский классический учебник»; сотрудники истфака приняли активное участие в разработке символики МГУ.

Особое внимание уделяется профессиональному росту научно-педагогических кадров. За 1997—2002 гг. докторские диссертации защитили 12 преподавателей факультета. Росту числа молодых ученых способствуют осуществляемые по инициативе ректора программы МГУ «100 молодых доцентов» и «100 молодых профессоров».

Эффективно развивается международное сотрудничество в сфере науки и образования. Его направления и формы весьма разнообразны. Это — участие в совместных археологических экспедициях и обработка материалов раскопок; участие в международных проектах; выступления с докладами на международных научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, коллоквиумах, семинарах; работа в комиссиях по истории, в зарубежных консультативных советах, в координационных центрах, редакционных советах; совместная подготовка монографий; издание сборников документов, словарей, энциклопедий; членство в зарубежных академиях наук; чтение лекций в зарубежных университетах; командировки с целью научной работы; обмен студентами и стажерами и др. Историки факультета — активные участники Международных конгрессов исторических наук.

Исторический факультет активно сотрудничает с зарубежными партнерами в рамках заключенных на межвузовском и межфакультетском уровнях договоров (университеты: Римский, Флорентийский, Болонский (Италия), СУНИ, Йельский (США), Берлинский, Марбургский, Тюбингенский (ФРГ), Парижский I и Монпелье (Франция), Варшавский, Лодзинский (Польша), Амстердамский, Лейденский (Нидерланды), Дублинский (Ирландия), университеты Китайской Народной Республики и др.).

Ученые истфака печатаются в изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

Совместная деятельность российских и американских коллег показала свою плодотворность в реализации программы Фонда Фулбрайта, осуществляющейся с 1974 г. на историческом факультете МГУ. Постановка лекций американских ученых для специализирующихся по истории США студентов в 70-е годы, в условиях политической конфронтации, отражала научное видение подготовки американистов прежде всего инициатором этой программы, талантливым ученым и организатором Н.В. Сивачевым. Изложение своих исторических взглядов американскими коллегами давало возможность студентам МГУ познакомиться с различными историографическими школами, воспитывало умение отделять реальное содержание исторических процессов от идеологических догм, прививало навыки полемики, стимулировало изучение иностранного языка.

В конце 90-х годов XX в. в Московском университете на историческом факультете при кафедре новой и новейшей истории был создан Фонд Франклина Д. Рузвельта по изучению США. Главными целями Фонда являются содействие российско-американским межкультурным контактам, совершенствование изучения истории, культуры и общества США в Московском университете, организация совместных российско-американских дискуссий по актуальным общественным и научным проблемам. Реализуя научные и учебные программы, Фонд выделяет Рузвельтовские стипендии для научных командировок российских студентов, аспирантов и

преподавателей в США и организует визиты американских ученых и общественных деятелей в Россию. Фонд располагает междисциплинарной научной библиотекой американских изданий и коллекцией документальных фильмов, компьютерами для использования сети Интернет, оборудованием для демонстрации видеофильмов.

Сотрудники кафедры истории древнего мира стали принимать ежегодное участие в работе Российской археологической экспедиции в Гизе. Со времени полевых изысканий В.С. Голенищева в Египте на рубеже XIX и XX вв. и работы комплексной экспедиции под руководством академика Б.Б. Пиотровского в Нубии в 60-е годы XX в. это первый опыт археологического изучения египетских древностей отечественными учеными. Высокая квалификация российских археологов, результативность их изысканий получили признание египетской стороны.

Истфак играет большую роль в деятельности Научно-методического совета по истории и искусствоведению Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию, функционирующего на базе истфака МГУ. УМО осуществляет экспертизу документации вузов в связи с прохождением ими государственной аттестации и лицензированием новых образовательных программ; присваивает грифы НМС учебникам авторов из различных регионов России; участвует в разработке новых стандартов образования. УМО историков — это профессиональный, творческий, дружный коллектив, возглавляемый деканом истфака МГУ, последовательно отстаивающий сохранение и утверждение единого отечественного образовательного пространства.

Изучение истории исторической науки позволяет выявить наиболее ценные университетские традиции, не утратившие своего значения в наши дни, — высокий профессионализм, изучение исторических процессов и явлений в широких географических и хронологических рамках, фундаментальность научных работ, их актуальность, широкое развитие монографической формы исследований, постоянное внимание к методологии, новым методам изучения источников, забота о подготовке научной смены, связь науки и образования и т.д.

За 70 лет своего существования исторический факультет подготовил около двадцати тысяч специалистов. Его выпускники трудятся во многих университетах, институтах, средних специальных учебных заведениях, школах, в институтах Академии наук, библиотеках, органах государственного управления, различных партиях, ассоциациях, фондах и средствах массовой информации. Из университета они вынесли сознание высокой миссии исторической науки в обществе, ощущение неразрывной связи со своей alma mater. Исторический факультет — в их судьбе, памяти, сердце.

Перед факультетом много сложных проблем, но есть понимание путей их решения, разносторонний опыт, бережно хранимые традиции, большой научный потенциал, квалифицированный педагогический коллектив, способная молодая смена, помощь университетского руководства. В сочетании традиций и новаторства — залог динамичного развития исторического факультета в условиях быстро меняющегося общества.

Отечественная история

1. Отечественная история эпохи средневековья и раннего Нового времени

Ученые Московского университета внесли большой вклад в изучение русской истории эпохи средневековья и раннего Нового времени. Университет по праву гордится такими выдающимися историками-русистами, как С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, Б.Д. Греков и М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин и Б.А. Рыбаков, а также многими другими, чьими трудами был заложен прочный фундамент современных знаний о прошлом нашей страны. В 1804 г. при Московском университете было учреждено знаменитое Общество истории и древностей российских, а в 1835 г. на историко-филологическом отделении философского факультета образована отдельная кафедра российской истории. В 1953 г. из ее состава была выделена самостоятельная кафедра — истории СССР периода феодализма. В настоящее время она именуется кафедрой истории России до начала XIX в. и является одним из ведущих научных центров по изучению отечественной истории эпохи средневековья и раннего Нового времени. С 1989 г. кафедру возглавляет академик РАН профессор Л.В. Милов¹.

В своих научных трудах и лекционных курсах преподаватели Московского университета затрагивали практически весь спектр проблем отечественной истории рассматриваемого периода, поэтому здесь мы остановимся на характеристике только тех важнейших направлений научной деятельности, которые и сегодня находятся в центре внимания профессорско-преподавательского состава кафедры.

* * *

Специфика общественно-экономического развития России в средние века и раннее Новое время предопределила важность изучения *аграрного строя страны*. Обращение к проблемам социально-экономической истории позволило исследователям выявить важнейшие черты и особенности исторического пути России со времени зарождения государственности у восточных славян и до появления первых тенденций буржуазного развития.

Интерес к изучению различных сторон народной жизни появился в середине — второй половине XIX в. в связи с подготовкой и проведением крестьянской реформы. Сама суть этой реформы — освобождение крестьян — определила и научные проблемы, обсуждавшиеся в работах историков того времени. Прежде всего на повестку дня встали вопросы о

¹ Об истории кафедры см. статью в кн.: Историческая наука в Московском университете, 1934–1984. М., 1984. В настоящее время на кафедре работают профессора Н.С. Борисов, Н.В. Козлова, В.И. Моряков; доценты Д.Ю. Арапов, Л.Н. Вдовина, В.И. Кузнецов, А.В. Лаушкин, А.С. Орлов, Н.В. Пиотух; старший преподаватель Д.А. Хитров; старший научный сотрудник Д.Н. Шанский; научный сотрудник И.Е. Тришкан.

причинах и сущности крепостного права — этого фундаментального социального института, влиявшего на экономическое, общественное и культурное развитие страны на протяжении более двух с половиной столетий. Перу первого профессора кафедры российской истории М.П. Погодина (1800—1875) принадлежит работа «Должно ли считать Б. Годунова основателем крепостного права?». Рассматривая указ 1597 г. о пятилетнем сыске беглых крестьян, Погодин трактовал процесс закрепощения как постепенный, складывавшийся «в силу обстоятельств». Он писал, что «никто не был основателем крепостного права», оно «закралось исподтишка» и виноват в этом был «народный характер, кроткий, смиренный, терпеливый до крайностей»².

Большой вклад в разработку вопросов аграрной истории внесли профессор юридического факультета. Самый значительный труд по истории крестьянства, созданный в стенах Московского университета во второй половине XIX в., принадлежит И.Д. Беляеву (1810—1873). В своей богатой фактическим материалом книге «Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе» (1860) Беляев со всей возможной для своего времени полнотой осветил историю крестьянского законодательства, остановился на характеристике взаимоотношений между крестьянами и помещиками, чертах крестьянского быта. Такой подход позволил ученому показать постепенность процесса развития крепостного права. Анализируя содержание закона 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян, Беляев пришел к выводу, что в 1591 г. произошло реальное прикрепление крестьян к земле. Причинами он считал обстоятельства, сложившиеся после окончания Ливонской войны: необходимость содержать большое войско, расстройство финансов, запустение сел, отягощение крестьян. Однако, рассматривая в духе времени взаимоотношения народа и государства, Беляев считал, что крепостная система, формирование которой началось с Соборного Уложения 1649 г., окончательно была создана Петром I. Петр, по словам И.Д. Беляева, «ввел крестьян в состояние холопов».

Основную линию развития отечественной исторической науки в середине XIX в. определила так называемая «государственная школа», сложившаяся в стенах Московского университета. Видными ее представителями были К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев и Б.Н. Чичерин. В работах Б.Н. Чичерина (1828—1904) — главного теоретика государственной школы — была предложена иная трактовка установления крепостного права. Рассматривая исторический процесс как процесс развития государства, а государство как самостоятельно действующую силу в истории, Чичерин объяснял происхождение крепостного права с точки зрения государственного интереса. Важнейшим фактором исторического развития России в его понимании являлся «бродячий» характер «народонаселения», его «кочевая» жизнь. В этих условиях общественная необходимость состояла в «прекращении непрерывного кочевания» и «воворении всеобщей оседлости». Для достижения этой цели, писал Чичерин, было осуществлено «укрепление», или закрепощение всех сословий. Служилое сословие прикреплялось к службе государству, посадские — к «отправлению

² Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1867. Кн. 2.

разных служб, податей и повинностей», а крестьянство — к службе вотчиннику: «Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности... все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте...»³.

В работах С.М. Соловьева (1820—1879), сменившего на кафедре российской истории в 1845 г. М.П. Погодина, крестьянский вопрос специально не рассматривался. Но, создавая общий курс истории России, ученый не мог обойти его стороной. Соловьев развил идеи государственной школы и явился основателем исторического подхода, уделяя основное внимание историческому развитию, т.е. развитию общества в его внутренней организационной обусловленности, что отразилось и на понимании вопроса об установлении крепостного права. Закон об «укреплении крестьян» ученый относил к царствованию Феодора Иоанновича (1584—1598). Причины появления этого закона историк видел в обширности «русской государственной области и в малом ее населении», обилии земель и недостатке рук для ее обработки. На протяжении веков существовала практика «переманивания» крестьян, и государство, давая служилому человеку землю для несения службы, должно было обеспечить эту землю людьми, вставало на защиту «бедных помещиков». Издание закона об укреплении крестьян Соловьев связывал с политикой в отношении тарханов в конце XVI в. и рассматривал в этой связи столкновение государственных интересов с интересами наиболее крупного землевладельца — церкви: «... дело уладили таким образом, что Церковь осталась при тарханах, а служилые люди удержали навсегда население земель своих»⁴ путем введения крепостного права.

В историографии второй половины XIX в. проблема происхождения крепостного права в России со всей полнотой была поставлена В.О. Ключевским (1841—1911), возглавившим в 1879 г. после смерти С.М. Соловьева кафедру российской истории. С именем Ключевского в историографии XIX в. связана попытка внести в характеристику исторического развития страны анализ экономических отношений в противовес государственно-юридическому подходу. В этом аспекте историк рассматривал и проблему крепостного права, сформулировав в наиболее яркой форме теорию «безуказного» закрепощения крестьян. Концепция Ключевского складывалась из двух составляющих. С одной стороны, он исходил из факта существования в России института холопства и развития кабального холопства в XVI в., давшего «мысль» о том, что такое же положение может быть «привито» крестьянству, с другой — считал, что крестьяне не могли вести хозяйство без владельческой помощи, а это приводило к их постепенно растущей задолженности. С точки зрения «растущей задолженности» трактовался Ключевским и указ 1597 г. По мнению ученого, последний не отменял право перехода, а лишь устанавливал процедуру сыска, но раз дела возбуждались, значит «было много крестьян, потерявших право перехода». Соединение этих двух условий привело к возникновению крепостного права, выросшего из самих отношений, складывавшихся между крестьянами и землевладельцами на протяжении XVI — первой половины XVII в.

³ Чичерин Б.И. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 227—228.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 4. С. 288.

Роль государства в этом процессе не была определяющей. Государство вмешалось лишь в тот момент, когда развитие крепостнических отношений стало угрожать его фискальному интересу. По справедливому замечанию В.О. Ключевского, «крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства; последнему принадлежат не основания права, а его границы»⁵. Отдельную статью Ключевский посвятил холопству («Подушная подать и отмена холопства в России»). В ней он рассматривал холопство как единую социальную категорию, которая была ликвидирована при Петре I; он не считал, что холопство, зафиксированное Русской Правдой, исчезло к XV в. и что кабальное холопство XVI в. есть результат развития новых социально-экономических отношений. В.О. Ключевский создал свою научную школу; его учениками были такие известные историки России, как Н.А. Рожков, П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, М.Н. Покровский.

Изучение экономического развития России продолжил Н.А. Рожков (1868—1927), преподававший в Московском университете с 1898 г. Его магистерская диссертация легла в основу книги «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (М., 1899). Книга имела большое научное значение, поскольку вопросами сельского хозяйства XVI в. историки ранее не занимались. Исследование Рожкова базировалось на материалах писцовых книг, изучение которых началось в конце XIX — начале XX в., когда активно обсуждался вопрос относительно достоверности данных о земельных угодьях и сенокосах, приводимых в писцовых описаниях, сложность этого вопроса, до сих пор не имеющего однозначного решения, во многом определяется спецификой самой системы налогообложения в России того времени. Н.А. Рожков считал писцовые книги надежным источником и посвятил этой теме специальный доклад. Следуя современной ему теории статистики, историк пришел к заключению, что основные приемы описания не противоречат этой теории, а также практике статистики⁶. Более того, Рожков был первым, кто подверг сведения писцовых книг статистической обработке. В своем исследовании о сельском хозяйстве ученый затронул большой круг вопросов, связанных с техникой сельскохозяйственного производства, его формами и размерами, в частности остановился на характеристике трехпольного севооборота и высказал суждения о наезжей пашне. В книге рассмотрены вопросы изменения крестьянских повинностей, цен на сельскохозяйственную продукцию и ее распределение; дана характеристика земледелия к концу столетия, затронута проблема повышения податного обложения, размеров окладных единиц, столь разнообразных на территории России.

Предметом исследования другого ученика В.О. Ключевского — Ю.В. Готье (1873—1943) — стали формы землевладения в русском государстве XVII в. Его работа «Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси» (1906) также базировалась на данных писцовых книг, но уже 20-х годов XVII столетия. Как и Рожков, Готье считал их достоверным историческим источником,

⁵ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1990. Т.8. С.193.

⁶ Рожков Н.А. К вопросу о степени достоверности писцовых книг. М., 1898. С. 11.

подкрепляя свою позицию тщательным анализом техники составления книг, их терминологии и содержания. Особенно важны приводимые им материалы и расчеты, показывающие, что писцы не только пользовались приправочными книгами, сказками и т.д., но и проверяли эти данные на местности путем обмеров. «Экономический быт» рассматривался Готье в широком контексте. Ученый подробно охарактеризовал основы сельскохозяйственного производства: им были очерчены границы территории края, описаны его административное деление, природные условия, особенно важные для земледельческого хозяйства. Начало XVII в. — это период разорения в годы Смутного времени, наступивший после хозяйственного кризиса конца предыдущего века. «Экономическому упадку» края посвящалась отдельная глава. Готье подробно остановился на вопросах народонаселения. Помимо общего роста его численности, он охарактеризовал направления перемещений между отдельными областями. Интересны наблюдения автора о выходцах из Литвы и Швеции, селившихся в некоторых районах Замосковского края; показаны изменения в составе различных групп населения. Вопросы собственно землевладения, сельскохозяйственного производства и торговли рассмотрены в специальных главах. Что касается землевладения, то ученый проанализировал изменения, происходившие в каждой из его категорий, остановился на процессе сближения статуса поместья и вотчины, показал рост служилого землевладения и упадок дворцового и черного. В книге уделено внимание и разнообразным мелким формам земельного владения, в частности приведены редчайшие сведения о землевладении владельческих крестьян. Характеризуя сельскохозяйственное производство, Готье пришел к выводу, что ряд особенностей «сельскохозяйственной техники» остался в том же состоянии, что и в XVI в.; подчиненное положение занимало скотоводство; несмотря на рост «паровой зерновой системы», сохранялось и «лесопольное» хозяйство. В книгу были включены карта административного деления Замосковского края по данным середины XVII в. и материалы по исторической географии Московской Руси. По этой теме ученым были опубликованы специальные работы: «Материалы по исторической географии Московской Руси» (1906) и двухтомная «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» (1913—1941).

Проблемы аграрной истории нашли свое отражение и в трудах советских авторов. Изучение аграрной истории в стенах Московского университета в советское время шло в нескольких направлениях: техника сельскохозяйственного производства и ее развитие на протяжении веков; агроприемы и их эволюция; система землепользования; положение крестьянства. Создавались обобщающие работы, посвященные как собственно экономике России, так и ее социально-экономическому развитию в целом и выявлению его специфике в условиях, когда аграрное производство являлось основной отраслью экономики страны.

С 1939 по 1951 г. на историческом факультете преподавал Б.Д. Греков (1882—1953). Уже в своей магистерской диссертации «Новгородский дом св. Софии» (1914) он обратился к изучению крупной феодальной вотчины на основе анализа нового для историографии того времени источника —

вотчинных писцовых книг⁷. Огромное значение для понимания судеб крестьянства сыграл фундаментальный труд Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.» (М., 1946; 2-е изд. — М., 1952—1954), удостоенный в 1947 г. Государственной премии СССР. Свою задачу автор видел в том, чтобы в широких хронологических рамках показать «жизнь крестьянина» во всем ее многообразии, проследить судьбы «сельского населения со времен докиевской Руси и кончая серединой XVII в., когда завершается один из крупнейших этапов в жизни русского крестьянина». Монография содержит колоссальный материал об основном социальном слое населения страны с древнейших времен до XVII в. Положение различных категорий крестьянства рассматривается автором в контексте поэтапного развития феодальных отношений в Киевской и Московской Руси. Подробно изучено формирование и правовое положение всех групп сельского населения X—XII вв. в их отношении к господствовавшей тогда, как полагал Греков, крупной феодальной вотчине. Особое значение для этого периода имеет выяснение смысла терминов, обозначающих отдельные группы сельского населения. Большая часть монографии посвящена исследованию положения различных категорий сельского населения в период с XIII по XV в. в основных «землях», на которые распалось Древнерусское государство. Давая характеристику народного хозяйства и изменившихся социально-экономических и политических условий развития общества, Греков прослеживает появление и развитие иных категорий крестьянского населения, их положение по отношению к господскому хозяйству, постепенное развитие норм крепостного права.

Л.В. Черепнин (1905—1977), работавший на историческом факультете с конца 40-х до начала 60-х годов, также обращался к истории крестьянства, хотя в его трудах она выступала не как отдельная проблема, а как неотъемлемая часть развития общества, без анализа которой невозможно понять существо социальных и политических процессов. Развивая выводы Грекова, Черепнин посвятил большую статью вопросу о связи «отдельных разрядов крестьянства» Древней Руси с теми категориями, которые встречаются в более позднее время. Ученый остановился на эволюции и преемственности «терминов, обозначающих различные категории сельского населения»⁸. Его понимание аграрного развития России в XIV—XV вв. нашло отражение в фундаментальной монографии «Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (М., 1960), где в специальной главе рассматриваются предпосылки этого процесса в области аграрных отношений. Автор подробно анализирует развитие сельского хозяйства, характеризует пашенное земледелие, феодальную собственность на землю в вотчинной и условной формах, а также положение различных групп крестьянского населения и юридическое оформление крепостного права в рассматриваемый период. Перу Черепнина принадлежат также разделы о русском крестьянстве в обобщающем труде, подготовленном в Академии наук СССР, — «История крестьянства в Европе»

⁷ Греков Б.Д. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Продолжение этого труда — «Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома» — увидело свет в 1927 г.

⁸ Черепнин Л.В. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // Исторические записки. М., 1956. Т. 56.

(М., 1985. Т. I; М., 1986. Т. II; М., 1987. Т. III). В первом томе, в статье «Формирование крестьянства на Руси» Черепнин рассказал о возникновении этой социальной группы. Им были рассмотрены природные условия Восточно-Европейской равнины, развитие производительных сил (характер и орудия земледелия, основные виды крестьянских промыслов), охарактеризованы различные типы сельских поселений и древнерусская община, процесс складывания феодальных отношений, формы зависимости, категории зависимого населения, повинности крестьян и, наконец, мировоззрение и социальная борьба крестьянства. Во втором томе Черепнин (совместно с В.Д. Назаровым) была дана характеристика крестьянства в середине XII — конце XV в.

Особое место в изучении аграрной истории занимает работа профессора Московского университета Н.Л. Рубинштейна «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.» (М., 1957). Эта монография до сих пор остается наиболее полным и всеобъемлющим исследованием по данной теме. Хозяйственное развитие, экономику сельского хозяйства нельзя полноценно изучить без понимания системы земельной собственности, ее изменений и эволюции рентных отношений в деревне. Именно этим проблемам посвящены первые две главы книги. Автор анализирует организацию сельскохозяйственного производства, дает характеристику его основных отраслей и выращиваемых культур, касается вопроса аграрного районирования страны и рассматривает два основных производственных комплекса — помещичье и крестьянское хозяйство. Последняя глава посвящена общему состоянию сельского хозяйства в России во второй половине XVIII в. На основе огромного комплекса массовых документов (экономических примечаний, топографических описаний, экономических анкет, географических путешествий, а также законодательных памятников и др.), он приходит к выводу о том, что в целом во второй половине XVIII в. происходит перестройка аграрного сектора экономики России, «переход к системе товарного производства». Хотя помещики стремились к увеличению доходности своего хозяйства, основным поставщиком как хлеба, так и трудоемких технических культур на рынок страны было крестьянство, все больше втягивавшееся в систему рыночных отношений. Социальные же отношения, и прежде всего крепостное право, тормозили развитие рынка рабочей силы как в аграрном, так и в промышленном секторе экономики, влияя и на способы организации товарного производства. Эти задачи решались чисто феодальными методами, и имевший место переход к денежной ренте сопровождался увеличением товарной продукции в рамках помещичьего хозяйства за счет барщинного труда крестьян. Именно эти «противоречия сельскохозяйственного развития... но не сельского хозяйства вообще...» привели, по мнению автора, к острому социальному конфликту в деревне в первой половине XIX в. и к общему кризису феодального строя.

Изучение аграрной истории Северо-Восточной Руси в период складывания Московского государства существенно обогатилось работами А.Д. Горского (1923—1988), возглавлявшего кафедру с 1979 по 1988 г.

В своих монографиях⁹ Горский рассматривал положение крестьянства в XIV — начале XVI в. в рамках проблемы образования Русского централизованного государства, останавливаясь на той роли, которую играла в этом процессе борьба крестьян против захватов земель феодалами. В «Очерках экономического положения...» им были подробно проанализированы вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью крестьян, — не только земледелием, но и скотоводством, бортничеством, рыболовством, солеварением и др., а также изучено крестьянское землевладение и на основе огромного корпуса актовых материалов рассмотрены основные виды крестьянских повинностей. Историк обратил внимание на острую борьбу за землю, которая развернулась в XV столетии как внутри правящего класса, так и между духовными и светскими феодалами, с одной стороны, и крестьянами — с другой. По мнению Горского, борьба крестьян за землю «толкала ... феодалов на сплочение вокруг великокняжеской власти, на поддержку ее централизаторской политики»¹⁰.

В 1969—1990 гг. увидели свет десять томов «Очерков русской культуры», охватившие период с XIII по XVIII в.¹¹ В этом издании, подготовленном сотрудниками кафедры и Лаборатории истории русской культуры (являвшейся в то время подразделением кафедры истории СССР периода феодализма), понятие «культура» трактовалось широко и включало в себя вопросы не только духовной, политической, но и материальной сферы деятельности человека. Этот подход нашел отражение в статьях, посвященных культуре сельскохозяйственного производства, орудиям труда, крестьянским промыслам, основным типам поселений, жилищам, пище и утвари не только городских, но и сельских жителей. «Очерки» давали возможность увидеть широкую картину изменений, происходивших в этой сфере на протяжении почти шестисот лет.

Отдельным аспектам истории крестьянства в России XVIII в., были посвящены диссертационные работы Н.В. Козловой и Л.Н. Вдовиной, опубликованные в виде монографий. В своей работе «Побеги крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны)» (М., 1983) Н.В. Козлова рассмотрела широкий круг вопросов, связанных с крестьянскими побегами: их географию, причины и обстоятельства, организацию сыска и возврата беглых, занятия беглых крестьян, условия их жизни. Анализ изменения социального и сословного статуса крестьян «в бегах» позволил сделать аргументированные выводы относительно роли товарно-денежных отношений при побегах и влияния побегов на развитие рынка труда. Автором было отмечено, что побеги вызывались усилением в первой трети XVIII в. крепостнического гнета, а не развитием буржуазных отношений, «о влиянии которых в рассматриваемое время говорить еще рано». Общегосударственные мероприятия по сыску беглых крестьян приводили не только к тому, что крестьяне возвращались в ту социальную структуру, из которой бежали. Эти мероприятия заставляли владельцев капитала отказываться

⁹ Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; *Он же*. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI века. М., 1974.

¹⁰ Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси... С.187.

¹¹ Подробнее об этом издании см. ниже.

от использования труда беглых и предпочитать предоставленную законом возможность покупки крепостных для промышленных работ.

В монографии Л.Н. Вдовиной исследовались поземельные отношения и роль крестьянской общины в их регулировании в первой половине XVIII в. на основе архивных материалов двух крупнейших монастырей: Иосифо-Волоколамского и Пафнутьева-Боровского¹². Крестьянская община в это время являлась сложившимся институтом, и землепользование регулировалось в соответствии с уравнительным принципом путем периодического перераспределения наделных участков в зависимости от тяглого обложения и с учетом возможностей крестьянского двора. Интересные наблюдения были сделаны относительно прямых поземельных связей между крестьянами и монастырями без участия общины, что выражалось в развитии крестьянской аренды монастырских земель. Несомненным успехом исследовательницы явились разделы работы, посвященные крестьянским земельным переделам. Л.Н. Вдовиной одной из первых удалось установить подверженность усадебных земель крестьянским переделам, что резко отличало русскую общину от общин маркового типа. В целом, автор пришла к выводу, что поземельные отношения в рассмотренных монастырских вотчинах не являлись чем-то исключительным, а были характерны и для других крупных и средних монастырских вотчин России.

В.И. Кузнецов в монографии «Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI—XVII вв.)» (1993), опираясь на данные писцовых и переписных книг, выявил специфику служилого землевладения в одном из старых земледельческих районов России, показал экономическое развитие сельских поселений, описал начальные этапы становления дворянской усадьбы.

Проблемы аграрной истории России на протяжении всей его научной деятельности находятся в центре внимания заведующего кафедрой (с 1989 г.) академика РАН Л.В. Милова. Первая монография Л.В. Милова была посвящена изучению «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию¹³ и имела целью рассмотрение источниковедческих проблем, связанных с изучением проведения этого мероприятия во второй половине XVIII — начале XIX в. Автором были изучены и выделены основные этапы проведения межевых работ, формы и типы первичных и сводных документов и картографических материалов, составлявшихся межевщиками. С особенностями проведения этих работ связана как специфика первичных документов, так и сохранность материалов межевания в архивах. Большое внимание было уделено вопросам классификации земельных угодий. Отдельная глава монографии посвящалась истории межевания земель в России в XVIII столетии. Изучение материалов Генерального межевания позволило Л.В. Милову собрать огромный статистический материал, анализ которого привел к ряду выводов относительно темпов роста эксплуатации крестьян в двух огромных регионах страны (Нечерноземье и Черноземье) во второй половине XVIII в. Милов выделил районы Нечерноземья, где ранее всего прослеживалась тенденция увеличения

¹² Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988.

¹³ Милов Л.В. «Экономические примечания» к Генеральному межеванию второй половины XVIII – начала XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения). М., 1965.

барской запашки и зернового товарного производства. Одновременно были выявлены районы, в которых в 60—80-е годы XVIII в. произошла массовая переориентация крестьянства с земледелия на промысловые неземледельческие занятия. Автор оценил это как своеобразный «промысловый переворот» в Европейской России, свидетельствующий о начальной стадии разложения ведущего уклада экономики страны.

В 1974 г. Л.В. Миловым совместно с И.Д. Ковальченко была опубликована монография «Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX в.». Перу Л.В. Милова принадлежит вторая часть под названием «Аграрно-товарный рынок Европейской России середины XVIII — XIX в.». В основу исследования легло изучение движения цен на рожь и овес с помощью методов количественного анализа, прежде всего корреляционного (в целом, в ходе работы авторами был произведен подсчет 150 тыс. коэффициентов парной корреляции). Процесс формирования аграрного рынка рассмотрен в монографии как один из центральных процессов, аккумулирующих разнообразие путей генезиса аграрного капитализма в России. Особое внимание уделено теоретическим основам исследования. Анализ аграрного рынка дан, исходя из положения о том, что при зрелости рыночных отношений движение цен на основные виды аграрной продукции едино на всем пространстве Европейской России и при определенном уровне развития сельскохозяйственного производства синхронность и пропорциональность колебаний цен будут определяться действием закона стоимости. Выводы ученого относительно хронологических рамок и специфики аграрно-товарного рынка сводятся к следующему. Процесс формирования всероссийского аграрного рынка ведущих сельскохозяйственных культур (ржи и овса) был сложным и длительным. Период с середины XVIII и до 80-х годов XIX в. представлял собой стадию поэтапного формирования «товарного рынка на основную продукцию сельскохозяйственного производства». Специфика данного периода состоит в том, что в это время постепенно сформировалась целая сеть крупных региональных рынков, которые в канун Крестьянской реформы постепенно сливались в единый европейский рынок. Впервые в исторической литературе было доказано, что в условиях России такой рынок мог образоваться только в период пореформенного развития капитализма.

Изучение проблем более ранней аграрной истории было продолжено Л.В. Миловым в монографии «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования» (М., 1986), подготовленной совместно с М.Б. Булгаковым и И.М. Гарсковой. Л.В. Миловым написана большая исследовательская часть этой монографии, явившейся определенным этапом в источниковедении писцовых книг 1620-х годов и анализе данных этого типа исторического источника с помощью методов многомерной статистики. Изучив огромный корпус материалов писцового делопроизводства, Л.В. Милов раскрыл суть проведенной в 1620-е годы налоговой реформы, известной как введение «живущей четверти». С проведением этой реформы в жизнь связаны особенности фиксации пахотных угодий в писцовых книгах, которые в соответствии с этими особенностями были разделены (Л.В. Миловым и

М.Б. Булгаковым) на три основных варианта: оптимальный, деформированный и писцовые книги с «неразделенной пашней». Анализ материалов писцовых книг с помощью методов многомерной статистики позволил сделать ряд содержательных выводов относительно резервов и темпов восстановления владельческого и крестьянского хозяйства после разорения Смутного времени. Было сделано и общее заключение о существовании не только давно известных юридических, но также и кардинальных хозяйственно-экономических отличий вотчины как потенциально более мощного феодального владения, восстанавливающего экономику более стремительно, чем поместье. Эти выводы послужили толчком к пересмотру Миловым причин происхождения крепостничества в России.

В 1998 г. увидел свет фундаментальный труд Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», который стал значительным событием не только в исторической науке, но и в жизни общества¹⁴. В 2000 г. этот труд был удостоен Государственной премии. С историографической точки зрения его можно рассматривать как результат изучения проблем аграрной истории России, выразившийся в создании новой концепции исторического развития страны. Книга делится на две большие части. Первую можно назвать энциклопедией крестьянской жизни XVIII столетия. Она написана с целью выявления экономических возможностей крестьянского хозяйства в историческом центре Российского государства. Для этого автором был показан своеобразный срез состояния сельского хозяйства России на период XVIII в. и с помощью экскурсов в более раннее и более позднее время дана общая характеристика возможностей земледелия страны вплоть до конца XIX столетия. Наиболее существенными для раскрытия авторской концепции являются разделы, в которых дается подробнейшая характеристика систем земледелия, рассчитывается урожайность различных культур, анализируются особенности скотоводства и приводятся расчеты трудовых затрат крестьянства и график годовых сельскохозяйственных работ. Вторая часть книги, «Феодальная Россия — социум особого типа», раскрывает концепцию автора, суть которой заключается в осмыслении того, как природно-климатические условия определяли исторический путь России. Крупнейшие русские историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, представители государственной школы, другие ученые XIX — начала XX в. указывали на то, что природа и пространство России оказали влияние на ее историю. Однако зачастую это влияние рассматривалось как фактор формирования отличительных черт характера русского народа, выразившихся в особом отношении к труду. К сожалению, в историографии XX в. эта тема была отодвинута на второй план, а потом и вовсе забыта. Основываясь на огромном материале, Милов показал реальный механизм воздействия природно-климатического фактора на экономику страны, на становление и развитие феодальных отношений, утверждение крепостничества, генезис капитализма и, наконец, на тип российской государственности и характер национального самосознания. Господство аграрной экономики в эпоху

¹⁴ Книга активно обсуждалась в научном сообществе (материалы обсуждения см.: Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2) и в печати, нашла существенный отклик в работах публицистов (см., например: *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 2000; и др.).

становления и развития феодализма в условиях малопродуктивных почв и особого климата Восточно-Европейской равнины (здесь в первую очередь речь идет о коротком летнем периоде, а также о поздних весенних и ранних осенних заморозках) приводило к невероятному напряжению сил русского крестьянина в период проведения сельскохозяйственных работ и к общей малой эффективности труда в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Отсюда и живучесть русской общины, обеспечивавшей устойчивость отдельного крестьянского хозяйства. В условиях феодальной экономики результатом всего этого был очень небольшой уровень прибавочного продукта, а следовательно, — недостаток материальных ресурсов как для социального, так и для политического развития. В итоге государство не могло не выполнять функций «создателя и гаранта «всеобщих условий производства»», а крепостное право на определенном этапе стало наиболее общественно-выгодной формой организации аграрного производства. Нужно особо отметить, что очерк Милова о происхождении крепостного права в России, не отрицая установившегося в историографии понимания непосредственных причин, приведших к изданию серии указов в конце XVI в. и к установлению норм Соборного Уложения, вскрыл глубинные причины этого процесса, объясняющие как столь позднее установление данного социального института, так и столь долгое его существование.

В работах Н.В. Пиотух рассматриваются вопросы пространственно-экономической истории России XVII—XVIII в., в частности методами компьютерного картографирования изучается сравнительно-региональная динамика систем сельского расселения, представляющих собой не просто форму пространственного бытия людских сообществ, а сформированную на основе определенного типа хозяйственной деятельности людей пространственно-экономическую структуру¹⁵.

* * *

Не менее значимой для понимания социально-экономических процессов, имевших место в России на протяжении столетий добуржуазного развития, является тема *городов и предпринимательства*.

В трудах выдающихся историков середины и второй половины XIX в., преподававших в Московском университете, история русского города хотя и не была предметом специального изучения, однако занимала видное место в их общен исторической концепции. С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», используя разнообразные источники, приводил много конкретных данных о городах Руси и России — об их населении, занятиях жителей, взаимоотношениях с иностранными купцами, с князьями и боярами; о внешнем виде городов; об их участии в межкняжеских спорах. Историк подчеркивал определяющую роль городов Северо-Восточной и Московской Руси в развитии торговли, остававшейся в течение длительного времени главным средством накопления богатств; обращал внимание на благоприятствующие для торговли обстоятельства,

¹⁵ *Пиотух Н.В.* Новоржевский (Пуусторжевский) уезд в первой половине XVII - второй половине XVIII вв. Пространственно-демографические изменения. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

а также препятствия на ее пути; извлекал из источников сведения о торговле городов друг с другом, о заключаемых между ними договорах. Характеризуя торговые пути, он отмечал важное значение «мороза и снега зимой и рек летом» в истории русской цивилизации, обращая тем самым внимание на природно-климатический фактор в хозяйственной жизни страны. Обширную информацию содержит «История России» о службах посадского населения, о городском управлении, о развитии мануфактурного производства в городах в XVIII в. Автор сумел подметить некоторые важные моменты социально-экономического и политического развития страны этого времени, сказывавшиеся на состоянии города, — непосильные подати и службы посадского населения, крепостную зависимость его от государства, имущественную дифференциацию на посаде. Историк обратил внимание и на низкий социальный статус «промышленного человека», рождавший презрительное отношение к нему со стороны служилых людей, что, по его тонкому наблюдению, вытекало из укorenившегося отношения «мужей к мужикам»¹⁶.

Городская тематика нашла отражение также в серии научно-популярных статей и очерков, посвященных истории Москвы и напечатанных С.М. Соловьевым в ведущих общественно-политических и литературных журналах и газетах того времени — «Современнике», «Русской старине», «Московских ведомостях». В них наряду с публикуемыми из номера в номер очерками по истории Москвы в целом, освещались отдельные периоды и эпизоды ее истории (события Смутного времени, чумной эпидемии и бунта 1771 г.). Отдельные зарисовки посвящены истории промышленности и торговли XVI в. и московским купцам XVII столетия.

Значительное место отводилось городам в исторической концепции В.О. Ключевского. Первый государственный период русской истории Ключевский определял как время «Руси Днепровской, городской, торговой» (VIII—XIII вв.), подчеркивая тем самым ведущую роль торговли, главным образом внешней, в хозяйстве Древней Руси. Возникающие как пункты обмена, города становились «торговыми средоточиями» и превращались в центры городских волостей. Хотя дальнейшее развитие исторической науки отвергло теорию городских волостей и вывод о ведущей роли торговли в возникновении городов, ценным было обращение Ключевского к проблеме воздействия экономических факторов на политический строй.

Многие из учеников В.О. Ключевского в своих трудах, опубликованных в конце XIX — начале XX в. и уже в советское время, обращались к разработке отдельных вопросов истории города и посадско-купеческой среды, торгово-промышленного развития России, оценивали политику государственной власти по отношению к ним. В монографии П.Н. Милюкова (1859—1943) «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого», опубликованной в 1891 г., а через год защищенной в Московском университете в качестве магистерской диссертации, на основе впервые вводимых в научный оборот источников давалась характеристика финансовой политики правительства, рассматривалась система налогового обложения, в том числе посадских людей,

¹⁶ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 40–49, 534–543; М., 1993. Кн. 9. С. 476.

подчеркивался рост податного бремени населения. При этом сами реформы Петра I характеризовались исключительно как фискальные меры, вызванные военными потребностями. В «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюков непосредственно касался вопроса о месте русского города в историческом развитии России. Он подчеркивал, что русский город не являлся естественным продуктом внутреннего экономического развития страны, а потому, в отличие от западноевропейских городов, не концентрировал в себе торгово-промышленное население, продолжавшее жить за его пределами. Город возник в результате военно-оборонительной и административной потребности государства: «Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству». Отсутствие у города базы для хозяйственного роста, а следовательно, его нежизнеспособность, делала, по мнению Милюкова, бесперспективными городские реформы в России.

Сформулировав общую концепцию происхождения и развития русского города, П.Н. Милюков не занимался разработкой конкретных вопросов его истории. Она нашла отражение в трудах М.М. Богословского и А.А. Кизеветтера.

М.М. Богословский (1867—1929) внес большой вклад в изучение городских реформ Петра I, обогатив историографию новым фактическим материалом по истории подготовки и проведения реформ 1699 и 1719—1727 гг.

Магистерская диссертация А.А. Кизеветтера (1866—1933) «Посадская община в России XVIII ст.», успешно защищенная в Московском университете в 1902 г., была опубликована в 1903 г. Помимо традиционно используемых законодательных актов, А.А. Кизеветтер впервые привлек найденные им в архивах делопроизводственные материалы высших, центральных и местных учреждений, а также ревизий, документы личного характера (челобитные, записки и предложения купцов) и другие источники. Введенные им в научный оборот, они во многом не утратили своего значения и в наше время. В центре внимания Кизеветтера оказался широкий круг вопросов организации посадской общины. По его мнению, она была единственным сосредоточением городского самоуправления, реальным органом которого выступал посадский сход. В работе подробно рассмотрены численность, источники роста и социальный состав посадского населения, его подати и службы, механизм внутримирской раскладки, состав и функции мирских посадских сходов, их взаимоотношения с городскими магистратами. На большом фактическом материале показана зависимость органов городского самоуправления от разного рода структур государственной власти. В оценке Кизеветтера местные магистраты, являясь выборными по принципам комплектования, были органами преимущественно государственно-бюрократическими по характеру своей деятельности. Следует заметить, что, несмотря на расширение источниковой базы работы, основное внимание в ней по-прежнему уделялось вопросам правового положения посадского населения, т.е. «реальным условиям, в которых протекала фактическая жизнь городской общины». Экономическая жизнь города, хозяйственные занятия посадского населения в работе почти не рассмотрены. Тем не менее через всю книгу отчетливо проходит

мысль о том, что русский город не был центром торговли и промышленности и представлял собой «хрупкий экономически слабый организм, не имевший под собой питательной почвы». Слабость городских ресурсов, тяжесть государственных податей и служб, крепостнический характер посадской общины ограничивали возможности посада для общественных накоплений и приспособляли весь его строй к фискальным нуждам и интересам государственной власти.

Новый этап в развитии муниципальной жизни в России А.А. Кизеветтер связывал с введением Городового положения 1785 г. История его разработки, содержание и значение для городской жизни рассмотрены им в докторской диссертации «Городовое положение Екатерины II. Исторические комментарии» (1909) и в магистерской, опубликованной в виде монографии. Автором были проанализированы отечественные (Жалованная грамота дворянству, Ремесленное положение, материалы Уложенной комиссии 1767 г.) и иностранные (остзейские, малороссийские, шведские, немецкие) источники и выяснена степень их влияния на текст и идеи Городового положения. Верный своему научному методу обязательного изучения реальной действительности, практической реализации законодательных установлений, А.А. Кизеветтер привлек большой архивный материал о деятельности Московской и ряда провинциальных дум. Осмысление этого материала показало, что формально все сословные органы самоуправления «общества градского» на деле являлись купеческо-ремесленными (Общая дума) и находились в полной зависимости от губернского правления и коронной администрации (Шестигласная дума).

После ухода в 1911 г. вместе с большой группой профессоров и преподавателей из Московского университета в знак протеста против правительственного диктата А.А. Кизеветтер продолжал заниматься историей русского города. В работе «Гильдия Московского купечества» (М., 1915) он в рамках своей концепции рассмотрел роль купеческой организации и первогильдейского купечества в городской общественной жизни.

Важным направлением исследуемых А.А. Кизеветтером тем было изучение общественных взглядов, идей и представлений, свойственных купечеству, и сопоставление их с идеями и принципами государственной политики. Историк не спешил присоединиться к распространенному мнению «об отсталости общественных понятий», аргументируемому механическим переписыванием наказов в Уложенную комиссию в силу их текстуальной близости или пассивным откликом русских купцов на образовательные мероприятия правительства Екатерины II. Относительно наказов в статье «О происхождении городских депутатских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.» ученый высказал мнение о том, что их источником в значительной мере являлись посадские челобитные, сохранившиеся среди делопроизводственных документов городских магистратов. Эта точка зрения получила широкую поддержку среди историков (в советской историографии данный вопрос рассматривался двояко: в плане заимствования текста и в плане идейной преемственности посадских челобитных и городских наказов). Что касается образовательных мероприятий, то в другой статье — «Школьные вопросы нашего времени в

документах прошлого века» — он подробно рассмотрел донесение архангелогородского посада в Комиссию о коммерции 1764 г. и приложенный к нему проект гимназии, написанный В.В. Крестининым. Сравнение его с принципами, положенными в основу общеобразовательной школы 80-х годов XVIII в., выявило их несоответствие общественным запросам в сфере школьного дела, что, по мнению Кизеветтера, и определило провал правительственных предначертаний. Таким образом, А.А. Кизеветтер не только по-новому подошел к исследуемой проблеме, но и указал на ограниченность возможностей официальных документов в изучении различных аспектов правительственной политики.

А.А. Кизеветтер первым обратил внимание на таможенные документы как исторический источник. С целью введения их в научные исследования он на примере таможенных книг Вятской таможи за 1746 г. показал те возможности, которые они дают для изучения внутреннего рынка России.

Анализ таможенных материалов продолжил Ю.В. Готье. По таможенным книгам Клина за 30—40-е годы ученый проследил развитие торговых связей «маленького подмосковного уголка» с Москвой, районом Поволжья, Макарьевской ярмаркой, Пермским краем, южными районами страны.

Роль города в социально-экономическом развитии России стала предметом исследовательского интереса Н.А. Рожкова. В отличие от господствовавшего в историографии подхода к изучению города сквозь призму правовых норм и учреждений, Рожков определял город прежде всего как социально-экономическое явление, как поселение, «жители которого занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел»¹⁷. Такой подход к определению города феодальной эпохи сложился в дореволюционной исторической науке в противовес разделению поселений на городские и сельские по официально-административному принципу. Расширение источниковой базы и проблематики исследования, интерес к хозяйственной жизни городов выявили отставание правительственной политики от реальных процессов горообразование в стране. Возникло желание в соответствии с новым научным критерием составить список «истинных городов», «городов в экономическом смысле», в отличие от официальных списков, основанных на юридическом принципе.

Взгляд на город как на категорию экономическую надолго закрепился в отечественной историографии. Показательна в этом смысле точка зрения Б.Д. Грекова, выраженная в одном из первых в отечественной историографии региональных исследований городов России. На основе хозяйственных анкет 60-х годов XVIII в. Греков рассмотрел состояние городов Воронежской губернии, признав значительную их часть «заснувшими» (исключение было сделано для Воронежа, центра мануфактурного производства и торговли, и Острогожска, центра винокурения и хлебной торговли). Напротив, согласно «строго экономическому понятию города», к

¹⁷ Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. СПб., 1913. С. 6.

числу «настоящих городов» автор отнес более десятка сел и мануфактурных селений, превратившихся в торговые и промышленные центры губернии¹⁸.

Как центр ремесла и торговли русский город XVI—XVII вв. предстает и в работах С.В. Бахрушина (1882—1950). В них на конкретном и ярком материале прослеживается возникновение и развитие городских поселений, характеризуется торгово-ремесленная жизнь города, показан процесс формирования и деятельность русского купечества. Особое место в научном наследии ученого занимают его сочинения по истории Москвы. Бахрушиным опубликованы десятки работ о Москве, написаны многие разделы фундаментального труда «История Москвы», подготовленного к 800-летию столицы. Устойчивый интерес к исследованию исторического прошлого Москвы сформировался у ученого рано; его первые статьи были опубликованы еще в сборниках, изданных в честь В.О. Ключевского (1909) и М.К. Любавского (1917). В них рассматривалась роль Москвы как центра обширной княжеской вотчины XV — первой половины XVI в. и воссоздавалась картина московского восстания 1648 г. В 1920-е годы научная деятельность Бахрушина (как и многих других ученых) протекала в рамках краеведения. В Обществе изучения Московской губернии он возглавлял культурно-историческую секцию и редактировал труды его членов¹⁹. Позднее, войдя в комиссию Института истории АН СССР по подготовке многотомного издания по истории Москвы, Бахрушин на основе нового архивного материала воссоздал многообразную жизнь столицы XVI—XVII вв., показал рост ее территории и населения, роль в укреплении Русского государства, хозяйственную деятельность, военное значение, внешний вид и культуру. Подобного многоаспектного освещения история Москвы того времени еще не знала. Одним из авторов и редакторов издания был В.И. Лебедев (1894—1966), преподававший как и С.В. Бахрушин, на историческом факультете с 1934 г. Его первая работа посвящалась Булавинскому восстанию 1707—1708 гг., а затем появились статьи об Астраханском (1705—1707) и московских (1648 и 1662 гг.) восстаниях.

Разработке различных аспектов истории русского города и купечества способствовала развернувшаяся еще в довоенное время публикация обширных комплексов источников. В их числе был сборник документов «Городские восстания в Московском государстве XVII века» (1937), подготовленный учеником С.В. Бахрушина К.В. Базилевичем (1892—1950). В сборник вошли разные по характеру источники (записки и сочинения иностранных и отечественных авторов, летописные тексты, челобитные, отписки воевод, выписи из допросных речей участников восстаний, документы из сыских дел), рисующие накал социальной борьбы в Москве, Козлове, Курске, Устюге Великом в 1648 г. В том же году вышел первый том хрестоматии, посвященный истории России с древнейших времен до конца XVII в. Его составителями были В.И. Лебедев, Б.Е. Сыроечковский и М.Н. Тихомиров.

¹⁸ Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летопись занятий археографической комиссии за 1927—1928 гг. Л., 1929. Вып. 35.

¹⁹ Дубровский А.М. История Москвы в творчестве С.В. Бахрушина // Русский город (исследования и материалы). М., 1982. Вып. 5. С. 5—17.

В конце 30-х — начале 40-х годов К.В. Базилевич продолжил начатое еще А.А. Кизеветтером и Ю.В. Готье изучение таможенных материалов, показав их значение для разработки экономической истории России. Тогда же в его трудах была поставлена проблема взаимоотношений верхушки купечества и государственной власти, влияния интересов и запросов крупных российских торговцев на политику правительства, на обретение ею в царствование Алексея Михайловича черт меркантилизма и протекционизма. Эта политика рассматривалась историком сквозь призму борьбы российских и иностранных купцов на внутреннем рынке.

Важным этапом в изучении древнерусских городов стала монография Б.А. Рыбакова (1908—2001) «Ремесло Древней Руси» (М., 1948). В этой книге впервые в историографии были рассмотрены масштабы, уровень и роль ремесленного производства в Древней Руси. Новый материал об общем уровне экономического развития городов XI—XV вв. позволил окончательно преодолеть представление о них как лишь о вотчинных центрах.

Особое место городская проблематика заняла в научном творчестве другого ученика С.В. Бахрушина — М.Н. Тихомирова (1893—1965), для которого был характерен широчайший диапазон тем и направлений исследований. В трудах Тихомирова история русского города освещается с XI по XVII в. Большое внимание в них уделяется городским восстаниям как проявлениям острых социальных столкновений, происходивших в городах России в разное время. В монографии «Древнерусские города» (1946) рассмотрен широкий круг вопросов жизни русских городов XI—XIII вв. В их числе — процесс горообразование, численность и состав населения, организация власти и системы управления. Обращено также внимание на внешний вид городов, дана характеристика их укреплений, топографии отдельных частей города (детинца, посада, городских кварталов и улиц). Во второй части книги дается обзор городов отдельных земель — Киевской и Переяславской, Волынской и Галицкой, Смоленской, Полоцкой, Новгородской, Ростово-Суздальской и Рязанской.

Для М.Н. Тихомирова значение торгово-ремесленного характера древнерусского города не сводилось к экономической функции, но было связано также с возникновением именно в таких поселениях условий для создания «городского строя» с вечевыми традициями и участием горожан в политической жизни²⁰. Во второе издание монографии (1956) Тихомиров включил новые главы о хозяйстве городов и городской культуре. В итоге, делая акцент в определении города на его роль как центра ремесла и торговли, в конкретно-историческом освещении истории города ученый существенно расширил задаваемые господствующей марксистской методологией границы исследования. Фактически этой монографией он заложил основы понимания города как сложного многофункционального организма, выполняющего важную интегрирующую роль в обществе. Тем не менее сформулированное Тихомировым определение города как постоянного населенного пункта, являвшегося центром ремесла и торговли, организующей

²⁰ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 285.

структурой которых выступал посад (для XVI—XVII вв. — посадская община), надолго закрепилось в историографии, побуждая подходить к истории города прежде всего с позиций социально-экономического развития. Подобный подход имел и свою положительную сторону, поскольку ориентировал на изучение роли города в процессе генезиса феодальных, а для XVII—XVIII вв. — и капиталистических отношений, что в целом существенно обогатило тематику исследований.

Пристальное внимание к состоянию городов XVI в. уделено в капитальном историко-географическом труде М.Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» (М., 1962), основными источниками которого послужили писцовые книги и сотные выписи, актовые документы, различного рода хозяйственные материалы, а также летописи, сказания, записки путешественников. Трудно перечислить все разнообразие вопросов, освещенных в этой насыщенной фактическим материалом книге. Она охватывает Центральные, Западные и Южные области России, Поморье, Нижнее Поволжье и Закавказье. Характеристика городов отдельных областей содержит сведения об их внешнем облике, топографии, крепостных сооружениях, церквях и монастырях, посадском и беломестном населении, хозяйственной жизни, пролегающих через них речных и сухопутных дорогах. Особенно подробно с множеством деталей рисуется жизнь Москвы и Новгорода, которые представлены еще и как центры книжности и просвещения тогдашней России.

М.Н. Тихомирову принадлежит заслуга введения в фонд русских географических сочинений замечательного историко-географического памятника, известного под названием «Список русских городов дальних и ближних». До него в исторической литературе господствовало мнение о недостоверности и компилятивности списка городов, сохранившегося в летописях и сборниках XV—XVII вв. Ему придавалось значение литературного памятника, являвшего собой смешение самых разных эпох. Осуществив тщательное его изучение, М.Н. Тихомиров доказал точность содержащихся в нем сведений, отнесенных им к концу XIV — началу XV в., и в целом определил значение памятника, отражающего историческую географию именно этого времени.

Для М.Н. Тихомирова, как и для С.В. Бахрушина, был характерен устойчивый интерес к истории Москвы. Первые очерки о ней были опубликованы задолго до выхода в свет работы о древнерусских городах и книги «Древняя Москва», изданной в год 800-летия столицы. Исследование о Москве от первого упоминания о ней в летописях до последней четверти XV в. было продолжено Тихомировым в книге «Средневековая Москва в XIV—XV вв.» (1957), в которой были использованы новые материалы.

Истории Москвы посвятил ряд статей и Б.Б. Кафенгауз (1894—1969). Он же был одним из авторов (и редактором) многотомной «Истории Москвы», а также автором разделов по истории торговли, купечества и городов в академических «Очерках истории СССР», относящихся к первой четверти и второй половине XVIII в. (1954, 1956). Б.Б. Кафенгаузу принадлежит серия работ, в том числе монография «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.» (1958), о формировании внутреннего рынка России в XVIII в., роли в этом процессе разных форм торговли и

купечества различных районов страны и особенностях ряда центров внутренней торговли России — Новгорода Великого, Макарьевской ярмарки, Москвы, Важской Благовещенской ярмарки — и некоторых торговых центров Украины. Им осуществлено первое научное издание «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (1937; 2-е изд. — 1951), сопровождаемое развернутой характеристикой его взглядов и места в истории общественной мысли. Жизни и деятельности Посошкова Б.Б. Кафенгауз посвятил монографию¹, которая явилась результатом тщательных разысканий новых биографических сведений о купце-предпринимателе и публицисте петровского времени. Кафенгаузу же принадлежит заслуга выявления и характеристики мемуаров купцов XIX в. Капитальным трудом, основанным на обширной источниковой базе и насыщенным оригинальным фактическим материалом, стала его монография «История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии» (М.; Л., 1949. Т. 1). Автор планировал довести ее до конца XIX в., однако опубликован был только первый том. В нем на примере хозяйства Демидовых освещается возникновение и развитие крупного металлургического производства на Урале в конце XVII — XVIII вв., рассматривается его техническая база, масштаб, организация и структура производства, руководство и управление им, состав заводских рабочих, права и привилегии заводчиков, поставки железа в казну, его вольная продажа на внутреннем и внешних рынках и многие другие вопросы.

Это направление исследовательской работы позднее нашло свое продолжение в монографии А.С. Орлова «Волнения на Урале в середине XVIII в. (К вопросу о формировании пролетариата в России)» (1979). В центре авторского внимания оказались проблемы горнозаводского Урала, история крупнейших заводов, состав рабочей силы, волнения рабочих и заводская политика правительства в эпоху формирования капиталистического уклада в экономике России 50—60-х годов XVIII в.

Социально-экономическая тематика, в частности вопросы внешней и внутренней торговли, роли купеческого капитала, территориального разделения труда и участия русских купцов в разработке отдельных экономических мероприятий правительства, активно разрабатывались Н.Л. Рубинштейном. В ряде работ им была поставлена и исследована проблема влияния интересов купеческого капитала на экономическую политику правительства середины — второй половины XVIII в. Это влияние историк связывал с возросшей ролью купцов в хозяйственной жизни страны. Н.Л. Рубинштейн впервые в исторической литературе дал характеристику ярмарки как наиболее распространенной в XVIII в. формы торговли, определил причины этого, предложил классификацию многочисленной сети ярмарок.

Еще одно направление в изучении истории русского города, нашедшее свое отражение в трудах ученых кафедры, связано с рассмотрением его места и значения в процессе объединения русских земель и образования централизованного государства. Этой проблеме посвящена монография А.М. Сахарова

¹ Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1950.

(1923—1978) «Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.» (1959), его курс лекций «Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв.» (1969), а также работа Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (1960). Оба автора, признавая, что города являлись материальной и политической опорой объединительной политики князей, разошлись в оценке уровня их социально-экономического развития и значения в объединительном процессе. Л.В. Черепнин рассматривал развитие городов, товарного производства и обращения, как и процессы, происходившие в области аграрных отношений, в ряду предпосылок образования единого Русского государства. А.М. Сахаров, напротив, подчеркивал слабость экономических связей между русскими землями, ограниченность сферы развития товарного производства, ориентированного не на город, а на деревню, сельскохозяйственная продукция которой, попадая на рынок, не разрушала натурального характера экономики. Процесс массового превращения ремесла в мелкое товарное производство, по его мнению, проявился лишь в XVII в., причем лишь в наиболее развитых городских центрах. Важным фактором роста городов в Северо-Восточной Руси, помимо развития земледельческого производства, была военная опасность, а признаком городского статуса поселения в это время являлось наличие у него укреплений. Лишь 29 из 75 поселений, названных городами в источниках XIV—XV вв., ученый отнес к собственно городам в социально-экономическом значении этого понятия. В целом, в отличие от западноевропейских городов периода образования национальных государств, русские города и в экономическом, и в политическом, и в идеологическом, и в культурном плане в силу конкретно-исторических условий оставались сугубо феодальными.

Для понимания природы позднефеодального города большое значение имеет представленная Л.В. Миловым характеристика так называемых аграрных городов России XVIII в. На материалах городов Центральной России он раскрыл причины концентрации торгового огородничества и садоводства в городах, обосновал городской характер их функций. Сделанные наблюдения и выводы позволили значительно шире взглянуть на характер городской экономики, не сводя ее к сугубо торгово-ремесленным функциям. Позднее, в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998) ученый детально рассмотрел ассортимент овощных культур в городах разных регионов России, показав повсеместный характер распространения торгового овощеводства, в том числе и в промышленно развитых городах, влияние его торгового характера на выработку агротехники и агрокультуры, селекции продукции огородничества и садоводства. В целом, нарисованная автором яркая картина состояния городского садово-огородного промысла, составлявшего резкий контраст с земледелием и животноводством крестьян, свидетельствовала о неизмеримо больших возможностях интенсификации хозяйственной деятельности в городе по сравнению с деревней.

В эти и в последующие годы появились новые конкретно-исторические труды по отдельным аспектам истории русского феодального города. В частности, над этой проблематикой работали А.В. Муравьев и В.В. Карлов.

Большой вклад в изучение русского города и купечества внесла Н.Б. Голикова. Ею задействован и введен в научный оборот огромный фактический материал, целые пласты новых исторических документов, восполнивших имеющиеся в исторической науке «белые пятна». В монографии «Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в.» (1965) автором исследуется численность, состав и условия найма различных категорий работных людей в городах Поволжья петровского времени. Параллельно акцентируется внимание на ряде сюжетов социально-экономической истории русского города, убедительно доказывается феодальная природа наемного труда в домашнем хозяйстве, торговых промыслах, речном транспорте, мелкотоварном производстве. Сделанные автором наблюдения, основанные на широком документальном материале, имели большое значение в свете широко обсуждавшейся в те годы проблемы генезиса капитализма. Масштабным и вместе тем скрупулезным исследованием по истории Астраханского восстания стала новая монография Н.Б. Голиковой «Астраханское восстание 1705—1706 гг.» (1975). Ей удалось выявить сотни новых документов, в том числе допросные речи предводителей восстания. Их анализ позволил не только представить все перипетии движения, но и подробно рассмотреть разнообразные стороны жизни нижеволжского города и всего района накануне восстания, выявить его специфику, показать национальный и социальный состав участников, роль стрельцов, организацию власти восставших. Особенности процесса развития русских городов Астраханского края с его большим социально-экономическим своеобразием в конце XVII — первой четверти XVIII в. рассмотрены Н.Б. Голиковой в ее следующей монографии «Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в.» (1982). В ней анализируется структура городского населения городов Поволжья, изучаются особенности правового положения городских сословий и сословных групп, их хозяйственная деятельность, а также история восточных колоний в Астрахани.

Результатом многолетних архивных разысканий и исследований Н.Б. Голиковой по истории купечества стала монография «Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в.» (М., 1998. Т. 1). В ней выясняется численность, именной состав и источники пополнения корпораций гостей и гостиной сотни за весь период их существования, определяются особенности развития этого слоя городского населения, их взаимоотношения с другими сословными образованиями и политика правительства по отношению к ним. Монография стала первой частью широко задуманного комплексного многоаспектного исследования. В нем предполагается осветить правовое положение, служебную и хозяйственную деятельность привилегированной верхушки российского купечества, его взаимоотношения с государственной властью и разными сословными образованиями, характер мировоззрения и специфику семейного быта. Такого всеобъемлющего охвата в изучении российского купечества отечественная историография еще не знала. В настоящее время автор работает над вторым томом своего сочинения.

В работах учеников Н.Б. Голиковой — Н.В. Козловой и В.Р. Тарловской (1952—1993) — разработка традиционной для кафедры социально-экономической тематики была продолжена. Особое внимание они обращали на изучение складывания и функционирования торгового капитала, природы наемного труда в различных сферах его применения, правового положения и деятельности торговых крестьян²². Монография В.Р. Тарловской стала первым специальным исследованием о складывании и функционировании в феодальном обществе торгового капитала крестьян. В ней на материалах Среднего Поволжья за вторую половину XVII — начало XVIII в. показано место торговых крестьян в сословной структуре русского общества, а также роль торговых крестьян в формировании всероссийского рынка.

Позднее ведущими направлениями научного творчества Н.В. Козловой стала городская тематика и история купечества. В многочисленных научных трудах ею исследуются разнообразные стороны деятельности купечества, его статус в российском обществе, социокультурный облик и взаимоотношения с государственной властью. Наиболее полное и многоаспектное исследование этих вопросов осуществлено в монографии «Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов)» (М., 1999). Социально-экономическая и социокультурная сущность купечества раскрывается автором не через традиционный показ его многообразной деятельности и социальной функции, а сквозь призму взаимоотношений с государственной властью и становления самосознания формирующегося сословия.

В трудах Н.В. Козловой большое внимание уделяется весьма актуальной и вызывающей живой научный и общественный интерес проблеме истории российского предпринимательства. Как самостоятельная научная проблема она возникла сравнительно недавно. В советской историографии, имевшей крупные достижения в изучении социально-экономических процессов, такая проблема как целостный объект исследования не ставилась. Отдельные аспекты темы рассматривались в связи с изучением истории торговли и промышленности, различных форм хозяйственной деятельности, формирования и функционирования торгового и промышленного капитала, экономической политики государственной власти и т.д. Изучались численность, состав и источники пополнения купечества/буржуазии, характер его запросов и интересов, в меньшей степени — особенности сознания, психологически-нравственные установки и ценности, уровень образования и культуры. На современном этапе, когда предпринимательство сделалось комплексным предметом изучения, основное внимание сконцентрировалось на периоде второй половины XIX — начала XX в., когда капиталистические отношения утвердились не только в промышленности, но и начали постепенно проникать в сельское хозяйство. По мнению Н.В. Козловой, истоки вызревания и становления российского

²² Козлова Н.В. Наемный труд в городах Подмосковья во второй четверти XVIII в. // Русский город. М., 1983. Вып. 6; Она же. Крепостной труд на серпуховских мануфактурах Кишкиных в 40–50-х годах XVIII в. // Вопросы истории. 1983. № 3; Тарловская В.Р. Торговля России периода позднего феодализма (Торговые крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в.). М., 1988.

предпринимательства следует отнести к XVIII в., когда существенно расширилась сфера и возросли масштаб и все количественные показатели предпринимательской деятельности и, что особенно важно, были достигнуты успехи в создании условий для собственно промышленного предпринимательства и в основных чертах сформировался облик самого предпринимателя.

В коллективном труде «История предпринимательства в России. Книга первая. От средневековья до середины XIX века» (2000) Н.В. Козлова выступила членом редколлегии и автором одного из центральных и наиболее крупных разделов «Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии (XVIII в.)». В нем рассмотрены особенности раннего этапа отечественного предпринимательства; дана характеристика условий его становления и развития; показана роль государства в этом процессе; особое внимание уделено выявлению национальных черт предпринимательства и своеобразию менталитета купечества (главного носителя предпринимательских начал на раннем этапе), характеристике предпринимательской этики, личного и профессионального поведения купцов XVIII в. Н.В. Козловой введены в научный оборот новые данные, позволяющие более объективно судить о реальном значении в городской предпринимательской среде старообрядцев, а также о возможной степени влияния морально-этических норм старообрядчества на формирование ценностных категорий сознания предпринимательских кругов. Рассмотрена практика реализации в городской среде законодательных постановлений государственной власти о расколе, что позволило увидеть ранее ускользавший от внимания исследователей срез жизни российского города XVIII в.

Новым направлением исследований Н.В. Козловой стало ее обращение к семейно-родственным отношениям в купеческой и разночинной среде Москвы XVIII в. Осуществленная ею масштабная публикация более 380 семейно-правовых актов представителей непривилегированных слоев Москвы за весь XVIII в. не имеет аналогов в отечественной историографии и позволяет существенно продвинуть изучение многих аспектов истории городской семьи и внутрисемейных отношений раннего Нового времени (Городская семья XVIII в. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002). В 2003 г. эта работа была отмечена Макарьевской премией. Кроме того, в серии статей автором рассмотрены такие вопросы, как имущественные права и положение женщины в купеческой семье; благотворительность, опека и попечительство в среде московского купечества XVIII в.

* * *

Университетские преподаватели много и плодотворно занимались и занимаются изучением ранней *истории Древней Руси* (до монгольского нашествия). Исследование этой проблематики связано в первую очередь с именами С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Первый том «Истории Российской с древнейших времен» Соловьева посвящен домонгольскому периоду. Развитие политической системы Древней Руси Соловьев представил как постепенную борьбу «родового» и «государственного» начал. К

отечественной истории этого времени неоднократно обращался В.О. Ключевский. Домонгольской эпохе посвящены как главы в его книгах о жителях святых и Боярской думе, так и первый том знаменитого «Курса русской истории». Но если в труде Соловьева главное внимание уделено политическому развитию, то Ключевский остановился на особенностях природно-географической среды и проблемах экономики.

Своеобразным связующим звеном между дореволюционной наукой и историографией советской эпохи в изучении средневековья явились труды ученика В.О. Ключевского — С.В. Бахрушина. Домонгольским периодом он занимался немного, но у него учились выдающиеся специалисты по истории Древней Руси — М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин. М.Н. Тихомировым в период работы на историческом факультете с середины 30-х по начало 60-х годов XX в. были написаны фундаментальные исследования: монография о Русской Правде (1941), в которой история создания древнерусского правового кодекса была изучена в контексте юридических памятников; первый обобщающий труд о древнерусских городах (1946); книга о народных восстаниях в Древней Руси — «Крестьянские и городские восстания на Руси XI — XIII вв.» (1955). Выпущенное Тихомировым в 1953 г. «Пособие для изучения Русской Правды» до сих пор является главным в семинарах на I курсе.

Л.В. Черепниным по домонгольскому периоду были написаны работы о «Повести временных лет» (вносящие существенные коррективы в классическую схему развития древнейшего летописания А.А. Шахматова), о формировании феодально-зависимого крестьянства, об этапах сложения Русской Правды. Итоги изучения Л.В. Черепниным социально-экономического строя Древней Руси были подведены в статье «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.», изданной в 1972 г. в коллективной монографии «Пути развития феодализма» (совместно с А.П. Новосельцевым и В.Т. Пашуто). Здесь в законченном виде была представлена концепция «государственного феодализма», получившая значительное признание и развитие в историографии.

В период работы на историческом факультете МГУ академика Б.Д. Грекова вышли в свет три издания его книги «Киевская Русь» (1939, 1944, 1949). Положения этого обобщающего труда по древнерусской истории надолго вошли в учебную литературу. Фундаментальным выводом Б.Д. Грекова стало утверждение о ведущей роли земледелия в Киевской Руси. При изучении этого вопроса автор сумел привлечь и суммировать сведения разных типов источников — отечественных и зарубежных письменных памятников, археологических изысканий, данных этнографии и фольклора. Тезис о господстве земледельческого хозяйства на Руси с раннего средневековья впоследствии был подкреплен новыми археологическими материалами и утвердился в науке. Концепция Грекова о формировании феодального общества на Руси включала в себя четыре основных положения: 1) генезис феодализма выразился в возникновении крупной земельной собственности в виде феодальных вотчин; 2) эта собственность

(княжеская и боярская) на Руси господствовала уже с IX—X вв.; 3) часть крестьян-общинников (смердов) попала тогда в зависимость; 4) господствующей формой ренты первоначально являлась отработочная.

Изучение домонгольского периода во второй половине XX столетия связано в первую очередь с именем Б.А. Рыбакова, в течение полувека читавшего лекционный курс по этой эпохе. За это время ученым было создано семь монографий. В 1963 г. увидела свет книга «Древняя Русь: сказания, былины, летописи», в которой получил дальнейшее развитие исторический подход к древнерусскому эпосу и были выдвинуты новые гипотезы, касающиеся истории древнейшего летописания. В начале 70-х годов Б.А. Рыбаков опубликовал два исследования о «Слове о полку Игореве»: первое было посвящено политическим событиям второй половины XII в., историческому контексту «Слова», второе — летописанию этого периода («Слово о полку Игореве» и его современники), 1971; «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве»», (1972). Позже, в 1991 г., «диалогия» о «Слове» превратилась в «трилогию» — с появлением книги «Петр Бориславич: поиск автора «Слова о полку Игореве»», подводящей итоги изысканиям Б.А. Рыбакова об авторе древнерусской поэмы. В 1981 и 1987 гг. вышли два тома работы о древнеславянском и древнерусском язычестве («Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси»). В этом единственном в советскую эпоху обобщающем исследовании о дохристианских верованиях восточных славян была в сводном виде представлена и авторская концепция славянского этногенеза, прослеживающая развитие праславянского этноса от II тыс. до н.э. до VI—VII вв. н.э. В 1982 г. Б.А. Рыбаков выпустил обобщающий труд «Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.», подведший итог его многолетним изысканиям по политической, социально-экономической и культурной истории славян и Руси. В 1984 г. в Издательстве МГУ увидел свет сборник статей Б.А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси».

В 60—90-е годы историей Древней Руси занимался ученик Б.А. Рыбакова О.М. Рапов (1939—2002). Ему принадлежит книга «Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII вв.» (1977) — главный справочник по местам и датам правления князей домонгольского периода, а также монография «Русская церковь в IX—XIII вв. Принятие христианства» (1988). В последней работе исследуются причины, обстоятельства и хронология крещения Руси.

С 1980-х годов на кафедре начал работать крупнейший специалист по истории русской церкви эпохи средневековья, член-корреспондент РАН с 1987 г. Я.Н. Шапов. В своей монографии «Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв.» (1989) Шапов прослеживает историю церковной организации и деятельность церкви в домонгольский период.

История Древней Руси занимает видное место в творчестве Л.В. Милова. Он продолжает начатую еще под руководством М.Н. Тихомирова разработку проблемы рецепции византийского права на Руси, выведшую его на исследование о происхождении Пространной редакции Русской Правды. Ученому удалось доказать, что этот памятник был создан в начале XII столетия. В 1994 г. вышла монография Л.В. Милова и

ряда его учеников «От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства», посвященная изучению с помощью математических методов авторского стиля памятников средневековой литературы и литературы XVIII столетия. Монография содержит разделы о митрополите Иларионе, «Повести временных лет», Кирилле Туровском и авторе «Слова о полку Игореве». В главе о «Повести временных лет» Милов доказывает, что ее основным автором являлся Нестор (тезис хотя и хрестоматийный, но оспариваемый многими учеными). Исследование стиля автора «Слова о полку Игореве» не дало ответа на вопрос о его имени, но подтвердило принадлежность поэмы XII столетию. Особенности развития раннесредневековой Руси рассматриваются и в книге Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса».

* * *

Большое внимание университетские историки традиционно уделяют проблеме *образования единого Русского государства* в XIV—XV вв. Причины возвышения Москвы, роль татаро-монгольского ига в истории Руси, истоки и историческое значение московского самодержавия как особой политической системы — эти и другие смежные с ними вопросы нашли свое отражение в трудах многих ученых Московского университета.

М.П. Погодина очень интересовал один из ключевых вопросов отечественной истории XIV—XV вв. — причины возвышения Москвы. Погодин настаивал на том, что первоочередное значение имел политический рост Москвы, сосредоточение в руках московских князей верховной власти в Северо-Восточной Руси. Роль монгольских ханов в этом процессе ученый, в отличие от Карамзина, оценивал весьма сдержанно.

Проблема образования единого Русского государства занимала большое место в трудах историков государственной школы. Стремясь представить отечественную историю как органический процесс, подчиненный определенным закономерностям, К.Д. Кавелин первым предложил знаменитую схему последовательной смены трех типов отношений: в ранней древности господствуют родовые (или семейные) отношения, затем на смену им постепенно приходят вотчинные, которые со временем уступают место государственным. Московское государство Кавелин рассматривал как своего рода огромную вотчину потомков Ивана Калиты.

Подчеркивая органичность исторического развития России, историки государственной школы расходились в оценке роли внешнего фактора в процессе складывания Московского государства. К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев не придавали ему особого значения. Б.Н. Чичерин, напротив, считал, что именно татарское иго, приучившее народ к покорности, способствовало переходу от вотчинных отношений к государственным.

Для всех историков государственной школы географический фактор выступал как важнейший в ряду тех, что определили своеобразие Московского государства. Но более других размышлял на эту тему С.М. Соловьев. В средневековой Руси, писал он, «малочисленное народонаселение было

разбросано на огромных пустынных пространствах, которые беспрестанно увеличивались без соответственного умножения народонаселения»²³. Бедность природы и скудность людских ресурсов предопределили и слабость аристократии, которая не имела средств для сопротивления крепнущей московской деспотии. Когда зародившееся в глухой «лесной стороне» Московское государство наконец укрепилось «через собирание земли», оно развернуло наступление на степь, на беспрестанно грабивших русские земли кочевников. Эта многовековая борьба леса и степи была, по мнению Соловьева, одной из стержневых линий отечественной истории. В географических особенностях края Соловьев искал ответа и на вопрос о причинах возвышения Москвы. Развивая идеи, высказанные еще в 1834 г. молодым историком и философом, воспитанником Московского университета Н.В. Станкевичем, Соловьев пришел к важным выводам, которые вскоре стали общепризнанными. Находясь на границе между Южной и Северо-Восточной Русью, Московское княжество в эпоху татарских нашествий наполнялось беженцами как с той, так и с другой стороны. Одновременно оно являлось и оживленным перекрестком водных и сухопутных торговых путей. Росту населения Москвы способствовала дальновидная политика московских князей, умевших ладить с Ордой и тем самым обеспечивать спокойную жизнь для своих подданных.

Тема образования единого Русского государства заняла видное место и в трудах В.О. Ключевского. Тщательно выявляя объективные предпосылки, способствовавшие превращению Москвы в столицу единого государства, Ключевский обращал внимание и на формирование великорусской народности. Он отмечал, что к середине XV столетия «среди политического раздробления сложилась новая национальная формация» — «великорусское племя». Оно «чувствовало потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения. Эта потребность и была новой скрытой, но могущественной причиной успехов великого князя московского». При этом Ключевский не отрицал важного значения и уже названных его предшественниками причин возвышения Москвы: «... экономические выгоды географического положения города Москвы и Московского княжества, церковное значение, приобретенное Москвой при содействии того же условия, и согласованный с обстоятельствами времени образ действий московских князей, внушенный их генеалогическим положением»²⁴. Всячески подчеркивая историческую закономерность, неизбежность процесса объединения русских земель вокруг Москвы, Ключевский выступил против традиционного для отечественной историографии тезиса о незаурядных деловых и нравственных качествах первых московских князей. В его изображении они походили скорее на безликих пешек, чем на королей, выигравших свои исторические партии. «Не блистая ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это делало их

²³ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн. 8. С. 26.

²⁴ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1988. Т. 2. С. 45.

во многих отношениях образцами умеренности и аккуратности... Это средние люди Древней Руси, как бы сказать, больше хронологические знаки, чем исторические лица»²⁵. Ключевский разделял мнение, восходящее к Карамзину, о том, что важнейшим рубежом отечественной истории является вторая половина XV — начало XVI в. При Иване III и Василии III происходит постепенное превращение Московского княжества в великорусское государство. Однако удельные порядки еще долго существуют под покровом новых государственных форм.

П.Н. Милоков в своих исторических изысканиях сосредоточился на Петровской эпохе. Однако в «Очерках по истории русской культуры» он должен был сформулировать и свои взгляды на процесс образования единого Русского государства в XIV—XV вв. Не отличаясь особой оригинальностью, эти взгляды генетически связаны главным образом с воззрениями историков государственной школы. Милоков отмечал, что в России государство возникло раньше, чем необходимые для этого социально-экономические предпосылки. В результате ему приходилось гораздо активнее вмешиваться в жизнь общества, нежели это было в странах Западной Европы. «Скороспелый» характер Российского государства Милоков объяснял острой необходимостью объединения всех его военных и людских ресурсов для защиты от внешних врагов, а затем и для расширения государственной территории.

Одним из крупнейших историков начала XX в. был М.К. Любавский (1860—1936). Главным направлением его исследовательской работы стало изучение истории расселения русского народа по восточноевропейской равнине. Соглашаясь с выводами предшественников об огромном значении географического фактора для возвышения Москвы, Любавский внес много нового в конкретные представления о ходе и закономерностях процесса «колонизации». Им было отвергнуто традиционное представление об отсутствии на территории Руси естественных преград, препятствовавших расселению. Отмечая географическую обособленность многих районов, Любавский видел в этом важнейшую предпосылку политической раздробленности. Весьма скептически относился ученый и к идее о том, что Москва в XIV в. была центром транзитной торговли, перекрестком многих торговых путей. Гораздо большее значение для ее политического и территориального роста имели, по мнению Любавского, мощные миграционные потоки, создававшие в маленьком Московском княжестве большую массу избыточного населения. В итоге «личные и династические интересы московских князей тесно сплелись с интересами самого населения, взаимно поддерживали и питали устремления московской политики и с самого начала обусловили ее захватный характер»²⁶. Изучая динамику расселения, Любавский пришел к выводу о столкновении московской и новгородской «колонизации» в бассейне Шексны, что послужило причиной многих политических конфликтов XV в. Ему удалось проследить и внутренние закономерности так называемой «монастырской колонизации» XIV—XV вв.

²⁵ Там же. С. 47—48.

²⁶ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до конца XX века. М., 1996. С. 218.

В советское время объективное изучение отечественной истории в Московском университете поначалу сильно затруднялось острой идеологической борьбой между сторонниками школы Покровского и старой профессурой. Положение начало выправляться лишь после восстановления в 1934 г. системы исторического образования в стране в целом и исторического факультета — в Московском университете. Постепенно формировалось новое, основанное на марксистской теории, понимание процесса складывания единого Русского государства. Труды академика Б. Д. Грекова и других ученых была создана общая концепция возникновения и развития Древнерусского государства. В области изучения отечественной истории XIV—XV вв. в этот период наиболее плодотворно работал академик М. Н. Тихомиров. Наибольшую известность получили его исследования, посвященные ранней Москве. По сравнению со своими предшественниками Тихомирову удалось глубже вскрыть причины превращения этого небольшого города-крепости в столицу единого Русского государства. В целом, оставаясь в рамках марксистской концепции Древней Руси, ученый сумел оживить свои работы не только новым прочтением письменных источников, но также блестящим знанием самого города — его топонимики, гидронимики, рельефа и других конкретных особенностей. Книги Тихомирова «Средневековая Москва в XIV—XV вв.» (1957), «Древнерусские города» (1946), «Средневековая Россия на международных путях, XIV—XV вв.» (1966) стали серьезным шагом вперед в постижении закономерностей и реалий образования единого Русского государства.

Другой ученый, выдающийся знаток письменных источников Л. В. Черепнин в своих работах доказывал высокий уровень социально-экономического развития русских земель в XIV—XV вв. По его мнению, образование единого Русского государства в этом отношении мало чем отличалось от аналогичных процессов в странах Западной Европы.

Концепция Л. В. Черепнина встретила серьезные возражения со стороны известного историка А. М. Сахарова. По его мнению, «выйти за пределы феодального строя... русские города тогда еще не могли»²⁷. Процесс создания единого Русского государства был сильно ускорен политическими факторами, и прежде всего — необходимостью борьбы за независимость.

Политика первых московских князей стала предметом исследования Н. С. Борисова. Этой теме были посвящены кандидатская и докторская диссертации ученого, а также монографии «Русская церковь в политической борьбе XIV—XV вв.» (1986) и «Политика московских князей. Конец XIII—первая половина XIV в.» (1999); последняя в 2000 г. была удостоена Макарьевской премии. Проследившая конкретные действия правителей Москвы в различных ситуациях, Борисов пришел к выводу о несостоятельности традиционного представления о том, что эта политика была беспринципной, алчной и сугубо прагматичной. Анализ памятников раннемосковской публицистики позволил ученому увидеть контуры религиозно-политических представлений ранней Москвы. Процессам духовного обновления Русских земель в XIV в. посвящена книга Н. С. Борисова «Сергий Радонежский» (2001). Пути развития московской государственности

²⁷ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959. С. 235.

в XV в., личность первого «государя всея Руси» стали темой нового исследования ученого. В книге «Иван III» (2000) на основании углубленного прочтения сохранившихся источников ему удалось во многом по-новому взглянуть на эпоху рождения единого Русского государства.

* * *

Еще одной темой, привлекавшей пристальное внимание историков Московского университета, явилось *Смутное время*. Одна из главных сложностей при ее изучении — малочисленность источников. Большинство из них погибло во время пребывания в Москве польского отряда под командованием А. Гонсевского в 1610—1612 гг. и московского пожара 1626 г. Выявлением и публикацией источников по этой теме одним из первых занялся В.О. Ключевский. Позже в этой работе приняли участие С.В. Бахрушин и Ю.В. Готье. Документы, изданные в серии «Памятники истории Смутного времени», «Акты относящиеся к истории Земских соборов», до сих пор являются незаменимыми при ведении семинарских занятий и позволяют решать целый ряд учебных и научных задач. Традиция публикаций первоисточников была продолжена преподавателями кафедры и в последующие годы. Большой интерес в среде специалистов вызвала публикация Г.Н. Анпиловым (1902—1987) архивных документов за 1588—1600 гг. по Нижегородскому уезду. Издание писцового и актового материала конца XVI — начала XVII в. расширило представление исследователей о причинах социально-экономического кризиса. Публикации источников уделяется и ныне много внимания. В 2001 г. увидел свет сборник «Тушинский вор: личность, окружение, время: Документы и материалы», подготовленный В.И. Кузнецовым и И.П. Кулаковой. В сборнике впервые представлен комплекс разнообразных сведений, относящихся к 1607 — 1610 гг., позволяющий осветить события этого одного из наименее изученных периодов Смуты.

Изучение событий Смутного времени началось еще в XIX в. Важную роль в этом сыграли профессора Московского университета С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Новую страницу в изучении темы открыли труды Б.Д. Грекова и лекционные курсы К.В. Базилевича. В их работах была предпринята попытка критически осмыслить концепцию Смуты, выработанную В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым и состоящую в том, что все слои русского общества последовательно включались в ход событий гражданской войны в том порядке, в каком они «лежали» в тогдашней структуре русского общества. Бояре начали Смуту, затем участие в ней приняло дворянство и в последнюю очередь восстали «низы». В работе Б.Д. Грекова «Главные этапы в истории крепостного права в России» и в курсе лекций по отечественной истории К.В. Базилевича, вышедших в свет в 1940 г., начало восстаний связывалось с усилением феодальной эксплуатации крестьян. Эти идеи развивались и в курсе лекций В.И. Лебедева, изданном в 1945 г. Впоследствии Б.Д. Греков в своем труде «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII в.» убедительно доказал, что закрепощение крестьян в России в конце XVI в.

подготовило почву для восстаний начала XVII в. Выводы Б.Д. Грекова легли в основу последующих работ ученых, занимающихся проблемами гражданской войны в начале XVII столетия.

Важное значение для понимания событий Смуты имеют сочинения Л.В. Черепнина. Его монографическое исследование «Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.», вышедшее в 1978 г., стало продолжением фундаментального труда «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках». Изучая работу Земских соборов в период гражданской войны и польско-шведской интервенции автор отмечал, что в условиях крестьянской войны усилилась роль выборного начала и представительств с мест в высших органах власти, складывались политические и юридические представления о сословно-представительной монархии, и это в свою очередь отражало изменения социальной структуры общества. Замечания Черепнина открывали новое направление для дальнейшего изучения, позволяли создать более полное исследование по истории политической борьбы в Русском государстве в период Смуты.

Новый архивный материал, вводившийся в научный оборот с 50-х годов XX в., и исследования по Смуте включались в курсы лекций по отечественной истории А.М. Сахаровым, А.К. Леонтьевым (1920—1983), В.С. Шульгиным (1935—1998). Тезис о государственных интересах в процессе закрепощения, приводивших к углублению противоречий между властью и обществом, активно развивался А.М. Сахаровым. Им была предпринята попытка фундаментального источниковедческого анализа одного из основных источников по Смуте — «Нового летописца». Эта работа, к сожалению, так и не была завершена.

В ярких лекциях В.С. Шульгина успешно раскрывалась тема участия «вольного» казачества в антиправительственных движениях. В.С. Шульгин обращал внимание и на роль города и городских сословий в борьбе с иностранной интервенцией, отметив, что это одно из первых выступлений русского города после монголо-татарского нашествия.

В последние годы успешно сотрудничает с кафедрой один из ведущих специалистов по истории допетровской Руси, выпускник исторического факультета МГУ член-корреспондент РАН Б.Н. Флоря. Занимаясь изучением истории русско-польских отношений в XV—XVII вв., Б.Н. Флоря в ряде своих работ рассматривает вопросы внешней политики Русского государства в период Смуты, а также внешнеполитической ориентации повстанческих сил в период восстания Болотникова.

* * *

Со второй половины XIX в. в трудах преподавателей Московского университета большое место заняла *историко-культурная проблематика*. Исследовательские усилия направлялись на анализ ключевых проблем как древнерусской культуры (до XVII в. включительно), так и культуры XVIII столетия, рассматриваемого обычно в качестве самостоятельного этапа в культурном развитии страны.

История древнерусской культуры не сразу привлекла к себе внимание ученых и еще дольше не выделялась в специальную область научных исследований. Это было связано как с общим ходом развития гуманитарного знания, так и с убеждением в малоценности идейного и художественного наследия Древней Руси, которое широко распространилось в просвещенном русском обществе XVIII столетия. Оживление интереса к культурной жизни допетровского времени возникло лишь в последней трети XVIII — первой половине XIX в., когда увидели свет многие источники по древней истории России, началось целенаправленное собирание фольклора и изучение материальных памятников старины (зданий, росписей, икон, утвари и пр.). В первой половине XIX в. появились работы, затрагивающие историю отдельных элементов древнерусской культуры. У исследователей постепенно вызревала мысль о единстве историко-культурного процесса. Во второй половине века были предприняты попытки выработать общий взгляд на развитие культуры Древней Руси, параллельно увеличивалось число конкретно-исторических исследований, посвященных различным ее сферам. В XX в. история отечественной культуры окончательно превратилась в особый раздел исторического знания, возникли новые подходы к ее изучению, было осознано значение историко-культурных исследований для развития общей методологии исторической науки.

Серьезный вклад в изучение древнерусской культуры внесли преподаватели и сотрудники Московского университета — филологи, историки, искусствоведы, юристы, философы.

Уже среди первых профессоров университета были собиратели и публикаторы древних рукописей (А.А. Барсов, Х.А. Чеботарев и др.). В 1771 г. при Московском университете возникло «Вольное российское собрание», одной из задач которого стало издание источников по русской истории. Важную роль в этом деле сыграла университетская типография. В 80-е годы XVIII в. там, в частности, было напечатано второе, существенно пополненное издание «Древней российской Вифлиофики» Н.И. Новикова. В XIX в. изучением и публикацией древних памятников занимались многие университетские преподаватели (М.П. Погодин, Н.В. Калачов, Ф.И. Бусласв, И.М. Снегирев, И.Д. Беляев, О.М. Бодянский, Н.С. Тихонравов и др.), а также члены Общества истории и древностей российских, в том числе А.Ф. Малиновский, П.М. Строев, митрополит Евгений (Болховитинов), Е.В. Барсов.

В 30–40-е годы XIX в. в отечественной науке появляются начальные опыты изучения древнерусской культуры. Большое значение для пробуждения интереса к этой теме имела научно-педагогическая деятельность М.Н. Погодина. В ходе полемики с главой «скептической школы» М.Т. Каченовским, доказывавшим недостоверность русских источников до XIV в., Погодин смог не только опровергнуть доводы своего оппонента, но и выработать новые критические методы исследования рукописных текстов. Исторические взгляды Погодина базировались на убеждении в национальной самобытности России (по сравнению с Западной Европой). Одновременно он отмечал культурную близость славянских народов и считал необходимым при изучении отечественной истории привлекать

данные славистики. Изучение самобытных особенностей отечественной древности привело ученого к выводу о необходимости сбора данных для характеристики отдельных сфер культурной и повседневной жизни Древней Руси, что закладывало основы систематического подхода к истории культуры. Так, в его «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории» (М., 1846. Т. 3) можно найти обзоры древнерусских источников по таким темам, как религия, грамотность, язык, образование, письменность, литература, семья, наречение имени, жилища, одежда, пища, транспорт, праздники, развлечения, народный характер и т.д.

Во второй трети XIX в. интерес к древнерусской культуре приобрел в отечественной науке устойчивый характер, что отличало прежде всего труды филологов и искусствоведов. Из числа университетской профессуры в этих областях успешно работали С.П. Шевырев (1806—1864), И.М. Снегирев (1793—1868), Ф.И. Буслаев (1818—1897), Н.С. Тихонравов (1832—1893). Шевырев был первым, кто попытался систематизировать материал по истории древнерусской словесности. Признанный знаток московских древностей Снегирев изучал русский фольклор, народные обычаи, серьезно увлекся исследованием икон и зодчества Древней Руси. Буслаев занимался историей русского языка и литературы, а также древнерусским искусством, особенно изобразительным. Не признавая за последним художественной ценности (что было характерно для этого поколения русских искусствоведов), он, тем не менее, не сомневался в его значимости как исторического источника. Язык и искусство Буслаев рассматривал как живые проявления той или иной исторической эпохи, уделяя большое внимание чертам их самобытности. Ученик Буслаева, историк древнерусской литературы Тихонравов поставил перед собой важную задачу — через изучение словесности, в том числе и обиходной, уяснить «умственное и нравственное состояние того общества, которого последняя была выражением, уловить в произведениях слова постепенное развитие народного сознания»²⁸. При этом для исследователя была уже очевидна необходимость комплексного подхода к изучению памятников культуры, предполагающего обязательный анализ того культурного контекста, в котором они появились.

В фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева давались подробные характеристики таких явлений «внутреннего состояния русского общества» разных эпох, как религия, грамотность, образование, литература, фольклор, искусство, быт, нравы и пр.; при этом устанавливалась тесная связь данных явлений с общим ходом исторического развития страны. Ученый подчеркивал важную созидательную роль христианства в истории России. Он указывал на значение культурных контактов между странами, отмечая при этом, что заимствование иноземных «понятий» происходит лишь тогда, когда созрела внутренняя возможность и потребность использовать чужой опыт. К примеру, писал Соловьев, в ранний период Византия «обнаружила свое влияние на Русь не во столько, во сколько сама хотела обнаружить его, но во столько и в

²⁸ Цит. по: *Архангельский А.С.* Тихонравов Николай Саввич // *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* СПб., 1901. Т. 33. С. 296.

таких формах, в каких сами русские хотели принимать это влияние»²⁹. Довольно высоко оценивая успехи культурного и нравственного развития домонгольского общества, Соловьев находил в последующем периоде (до середины XV в.) черты огрубления нравов и замедления культурного процесса. Причину этого он видел в княжеских усобицах и возникающей изоляции Русских земель. Преодоление того и другого во второй половине XV в. вело к быстрому оживлению культурной жизни, хотя негативное влияние предшествующего времени в некоторых сферах продолжало сказываться. XVII век для Соловьева — уже переходный к «новому времени», когда начинается (задолго до реформ Петра) обусловленный внутренней необходимостью «поворот общества на новую дорогу». Этот поворот, сопровождавшийся борьбой различных общественных сил, «главным образом сказывался в том, что осознана была необходимость учиться у Запада»; «старая Россия оканчивалась, начиналась новая»³⁰.

В.О. Ключевский уже выделял «историю культуры, или цивилизации» в отдельное направление исторических исследований, обнимающее «накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских добств»³¹. Как и Соловьев, он не оставил специальных трудов по истории древнерусской культуры, но неоднократно касался ее отдельных аспектов в своем «Курсе», и в других работах. Вслед за своим учителем он указывал на XVII век как на время, когда созрела общественная потребность в культурных переменах и «начался глубокий перелом в умах»; господствовавшее до того в некоторых сферах жизни восточное (греческое) влияние, не лишавшее русского человека «его туземных национальных особенностей», стало уступать место гораздо более действенному — западному³². Затрагивая теоретические моменты в изучении культуры, Ключевский указывал на необходимость смотреть на исследуемые памятники или явления глазами породившей их эпохи. «Мы, сторонние и равнодушные наблюдатели склада и формы чуждой нам и отдаленной от нас жизни, расположены судить о ней по впечатлению, какое она *на нас* производит, — писал он в 1897 г. — Не будет ли справедливее, человечнее и *лучшее* брать во внимание при этом суждения и те чувства и соображения, с какими работали над этой жизнью ее строители, и те впечатления, которые на них производила их *собственная работа?*»³³

Этот подход оказался в значительной мере чужд ученику Ключевского и автору первого труда, специально посвященного истории отечественной культуры, П.Н. Милокову. В трех томах «Очерков по истории русской культуры», написанных им на рубеже XIX—XX вв. уже после увольнения из числа преподавателей Московского университета, Милоков поставил перед собой масштабную задачу — рассмотреть «культурную историю» России с древнейших времен до конца XIX в., понимая под ней «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и

²⁹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 260.

³⁰ Там же. М., 1991. Кн. 7. С. 132, 138.

³¹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1987. Т.1. С. 34–35.

³² Там же. М., 1988. Т.3. С. 242–245.

³³ Там же. М., 1990. Т. 9. С. 465.

умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»³⁴. Значительная часть труда посвящалась духовной культуре допетровского периода, в котором автора интересовало прежде всего развитие общественного сознания и роль в этом развитии церкви и «школы» (т.е. веры, образования и творчества). Несмотря на ряд интересных наблюдений, сделанных автором, рассмотрение этих сюжетов оказалось подчинено общей публицистической задаче «Очерков», что проявилось в частности, в весьма выборочном использовании древнерусских источников. Милоков не столько изучал древнерусскую культуру в качестве самостоятельного исторического явления, сколько сравнивал ее с неким эталоном, каким выступала у него культура Запада. Историк не находил в отечественной древности до XVI в. почти ничего кроме дурно усвоенной и выхолощенной византийской традиции; к XVI—XVII вв. он относил появление некоторых национальных черт в культуре, не имевших, однако, жизненных сил для самостоятельного развития в дальнейшем. В результате, перед «историческим трибуналом»³⁵ автора «Очерков» допетровская Русь предстала культурной пустыней, прозябавшей в своем невежестве до тех пор, пока в XVII в. ее не осветили «первые косые лучи европейского просвещения» и не появились «добровольцы-цивилизаторы» с Запада³⁶. Вызвав большой отклик в образованном обществе начала XX в. и заострив ряд важных вопросов, труд Милокова однако не стал серьезным шагом вперед в разработке темы.

Между тем именно в начале XX в. стали появляться новые подходы к изучению культурного наследия Древней Руси. Из числа университетских авторов ценнейший вклад в это изучение внес профессор Е.Н. Трубецкой (1863—1920). В трех небольших очерках об иконописи (1915—1917) он первым совершил переход от формально-искусствоведческого описания к смысловому истолкованию древнерусской религиозной живописи. По мнению ученого, икона «выражает собой глубочайшее, что есть в древнерусской культуре», и является «одним из величайших мировых сокровищ религиозного искусства», а расцвет русского иконописания в конце XIV—XV вв. указывает на важнейший этап культурного развития страны, этап обретения духовной зрелости и глубины. «Открытие иконы», совершенное Трубецким, намечало новые задачи и перспективы изучения содержательной стороны отечественной культуры. «Когда мы расшифруем непонятный доселе и все еще темный для нас язык этих символических начертаний и образов, — прозорливо отмечал он, — нам придется заново писать не только историю русского искусства, но и историю всей древнерусской культуры. Ибо доселе взор наш был прикован к ее поверхности»³⁷.

В послереволюционный период, когда отечественная историческая наука претерпела немалые потрясения, а церковь подвергалась преследованиям, изучение древнерусской культуры почти прекратилось. Эта тема представлялась малоактуальной, и лишь к концу 30-х годов интерес к ней вновь начал возрастать.

³⁴ Милоков И.И. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. Ч.1. С. 3.

³⁵ Там же. СПб., 1909. Ч. 3. Вып. 1. С. 2.

³⁶ Там же. С. 94, 106.

³⁷ Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 12, 40—41.

В изданном в 1939 г. университетском учебнике «История СССР» (т. 1) содержались специальные параграфы, посвященные истории древнерусской культуры (их авторами были Б.Д. Греков, К.В. Базилевич и С.В. Бахрушин). Выступая в 1940 г. на ученом совете, декан исторического факультета С.Д. Сказкин назвал изучение истории культуры одной из первоочередных задач научной работы факультета³⁸. В 1944 г. Б.Д. Грековым была издана монография «Культура Киевской Руси», в которой прослеживались восточнославянские корни этой культуры и давалась высокая оценка ее развития. Грекову удалось создать привлекательный образ наследия древнерусской поры, что было важно для окончательной «реабилитации» этой темы. Открытие в 1951 г. берестяных грамот, совершенное новгородской археологической экспедицией под руководством А.В. Арциховского, придало новый импульс исследованиям в области отечественных культурных древностей. В 1956 г. в учебном плане впервые появился специальный курс русской культуры для студентов кафедр отечественной истории (чтение которого продолжается до сих пор). Первым, кто в рамках этого курса преподавал историю древнерусской культуры, был Б.А. Рыбаков. Впоследствии увидели свет методические материалы и учебники по данной дисциплине, в которых разделы, посвященные культуре IX—XVII вв., были написаны Б.И. Краснобаевым, А.К. Леонтьевым, А.В. Муравьевым, А.М. Сахаровым и В.С. Шульгиным³⁹.

Еще в предвоенные годы сотрудники факультета принимали участие в подготовке многотомной «Истории культуры Древней Руси». Она должна была стать первым в отечественной историографии фундаментальным обзором материальной и духовной культуры общества с древнейших времен до конца XVII в. Из-за начавшейся войны работа над изданием прервалась, и первые два тома из задуманных пяти появились только в 1951 г. Издание вышло под общей редакцией Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. Культуру домонгольского времени, которому были посвящены эти тома, авторы рассматривали как самобытную, высокую и динамично развивающуюся; в ее основе, согласно их точке зрения, находилось в первую очередь развитие «русского городского ремесла и сельского хозяйства, рост богатых городов»⁴⁰. При этом уже в древнейшем периоде авторами выделялись черты «двух культур» — «феодално-церковной культуры господ» и культуры «народных масс». Культурный подъем XI — начала XIII в. был прерван монгольским нашествием, но во второй половине XV—XVI в. культура Древней Руси пережила период своего нового расцвета. Авторами был избран отраслевой принцип изложения материала,

³⁸ См.: Кошман Л.В. Традиции изучения русской культуры в Московском университете // Историческому музею — 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1998. С. 221.

³⁹ См.: Леонтьев А.К. История русской культуры. Методические указания для студентов заочных и вечерних отделений исторических факультетов государственных университетов. М., 1964; *Он же*. История русской культуры в эпоху феодализма: Учеб.-метод. пособие для студентов заочных и вечерних отделений исторических факультетов государственных университетов. М., 1964; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник для вузов. М., 1983; Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в.: Учеб. пособие. М., 1983; Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX—XVII вв.: Книга для учителей. М., 1984; Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. Культура России IX—XX вв.: Учеб. пособие. М., 1990; Шульгин В.С., Кошман Л.В., Сысоева Е.К., Зезина М.Р. История русской культуры IX—XX вв.: Пособие для вузов. М., 2002; и др.

⁴⁰ История культуры Древней Руси. М.: Л., 1951. Т. 2. С. 510.

апробированный еще в XIX в.: в отдельных главах подробно характеризовались различные стороны хозяйственной, военной, политической, правовой, духовной и художественной культуры домонгольской Руси. Прямым продолжением этого неоконченного коллективного труда явились подготовленные на базе исторического факультета МГУ «Очерки русской культуры XIII—XV вв.» (М., 1969—1970. Т. 1—2), «Очерки русской культуры XVI в.» (М., 1977. Т. 1—2) и «Очерки русской культуры XVII в.» (М., 1979. Т. 1—2), во главе авторского коллектива которых в разное время стояли А.В. Арциховский (главный редактор), А.М. Сахаров (ответственный редактор) и В.С. Шульгин (зам. ответственного редактора). Определенную цельность «Очеркам» придавали статьи по материальной культуре XIII—XV, XVI и XVII вв. Эти статьи были написаны А.М. Сахаровым. В полном смысле новаторскими по подходу и объему привлеченного материала можно назвать очерки А.К. Леонтьева («Государственный строй, право и суд»; «Нравы и обычаи»). Интересными в плане изучения преемственности рассматриваемых явлений от XVI к XVII в. стали очерки П.П. Епифанова («Войско»; «Оружие»; «Крепости»), А.И. Рогова («Школа и просвещение»), М.А. Ильина («Архитектура»). Развитие в средневековом обществе естественнонаучных, географических, исторических знаний, общественной мысли анализировались в очерках Б.А. Рыбакова, А.М. Сахарова, В.С. Шульгина, А.Г. Кузьмина и других авторов.

Неоднократно к проблемам истории культуры древнерусской культуры обращался М.Н. Тихомиров. На протяжении многих лет ученого интересовали исторические и культурные связи Руси с ее соседями (прежде всего, Византией и южными славянами); затрагивал он также и вопросы развития философии и исторических знаний в Древней Руси. Рассматривая отдельные явления и памятники древнерусской культуры X—XVII вв., Тихомиров стремился к выяснению важнейших особенностей ее развития в разные исторические эпохи.

Значительный вклад в изучение материальной и духовной культуры восточных славян и Руси (до начала XVI в. включительно) внес Б.А. Рыбаков. Владея в равной степени археологическими и письменными материалами, Рыбаков выступил с циклом фундаментальных трудов, охарактеризованных выше и имеющих непосредственное отношение к данной теме. В этих работах были рассмотрены: феномены древнерусского языка и «стригольничества», происхождение и авторство «Слова о полку Игореве», а также вопросы древнерусского летописания, фольклора, эпиграфики, картографии, научных знаний, изобразительного и прикладного искусства, военного дела и др. Эпоху домонгольской Руси (которой было посвящено большинство его работ) Рыбаков представлял как время культурного процветания и интенсивного развития всех сфер жизни древнерусского общества. Важнейшим центром этого развития ученый считал «плодородный лесостепной Юг, близкий к мировым центрам цивилизации»⁴¹. Батыево нашествие и события, последовавшие за ним, согласно выводам исследователя, нанесли сильнейший удар по древнерусской культуре и надолго затормозили ее развитие.

⁴¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 565.

Истории русской культуры эпохи позднего средневековья касались в своих работах А.М. Сахаров, В.С. Шульгин и Б.И. Краснобаев (1923 – 1983). Исследователи рассматривали XVII век как переходный период, когда обозначился кризис средневековой культуры и постепенно начала формироваться во многом антагонистичная по отношению к ней (что было особо подчеркнуто Краснобаевым) культура Нового времени.

Исследовательское внимание Б.И. Краснобаева было приковано к человеческой деятельности («начиная с ее мотивов, стимулов и кончая результатами») как главному проявлению культуры, в чем выразилось его стремление отойти от устоявшегося в отечественной науке предметно-ценностного подхода к изучению этой темы. По мнению исследователя, в фокусе культурологической науки должен находиться «человек с его мировоззрением и эмоциями, привычками и творчеством, с устойчивыми вкусами и приверженностью «моде легкокрылой»»⁴².

В.С. Шульгин внес большой вклад в изучение истории русской церкви в XVII и XVIII вв. Им была обоснована необходимость нового обращения к вопросам происхождения и характера раскола в русской церкви, обстоятельно изучены разные течения и направления в расколе, в частности капитоновщина. Опираясь на широкий круг источников, Шульгину удалось показать сложность движения староверов, несоответствие между его антикрепостническим характером и идеологией расколуучителей, уводящей в мир крайней аскезы и фанатизма.

В научной деятельности Я.Н. Шапова важнейшее место занял вопрос о роли церкви в истории и культуре Древней Руси. Наибольшее внимание исследователь уделил развитию церковно-государственных отношений (особенно в правовой области), проблеме рецепции византийских и южнославянских правовых норм на Руси в XI—XIV вв., формированию системы русского канонического и светского права. Ученым была проведена большая источниковедческая работа в указанной области.

Широкий круг вопросов, связанных с историей древнерусской культуры до XVII в. включительно, поднимает в своих работах Б.Н. Флоря. Культуру Древней Руси ученый рассматривает в широком контексте развития национальных культур народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Им обстоятельно изучены такие проблемы, как зарождение христианской книжной культуры у славянских народов, формирование и развитие их этнического самосознания в различные исторические эпохи, роль культурного наследия в истории народов (в том числе — восточнославянских в период их воссоединения) и многие другие. Для ученого характерно пристальное внимание к теме межкультурных связей, он стремится к выявлению общих черт и национальных особенностей в развитии культур рассматриваемых регионов, а также к выяснению роли церковно-конфессионального фактора в этом развитии.

Н.С. Борисов обращается к культуре Древней Руси периода ордынского ига (вторая половина XIII—XV в.), уделяя большое внимание изучению религиозного и политического компонентов в ее развитии.

⁴² Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII... С. 7, 11.

определивших многие особенности мировоззрения древнерусского человека. Идеологические доктрины, возникающие в княжеских и церковных кругах Древней Руси, рассматриваются ученым как важный функциональный элемент княжеской политики. Борису присуще стремление к выявлению скрытой информации древнерусских источников, заключенной в библейских и иных литературных параллелях, в точных датировках событий и т.д.

В трудах А.А. Горского исследуются ментальные установки, характеризовавшие древнерусское общество XI—XV вв. и оказавшие свое влияние на отражение исторических фактов в источниках. Специальная работа посвящена доказательству подлинности «Слова о полку Игореве», которая подвергалась сомнению в трудах некоторых зарубежных и отечественных специалистов.

А.В. Лаушкин обращается к теме providенциального осмысления текущей истории в книжной культуре Древней Руси и к конфессиональным аспектам формирования древнерусской культуры XI—XIII вв. В частности, исследователь рассматривает восприятие древнерусским человеком таких явлений, как время, природные знамения, стихийные бедствия, нашествия иноплеменников и пр.

Помимо сотрудников кафедры истории России до начала XIX в. проблемы древнерусской культуры плодотворно исследовали и исследуют представители других подразделений исторического факультета — М.В. Алпатов, А.В. Арциховский, М.А. Ильин, В.Н. Лазарев, В.А. Плугин, Э.С. Смирнова, В.Л. Янин и др. Факультет остается одним из ведущих научных центров изучения культурного наследия средневековой Руси.

Пристальное внимание историков Московского университета традиционно обращено и к *русской культуре XVIII в.* Русская культура XVIII в. воспринималась и изучалась университетскими учеными в первой половине XIX в. как неотъемлемая часть русской истории эпохи перехода от «древней» к «новой» России. Первым в Московском университете обратился к оценке роли Петровских реформ (в том числе и культурных преобразований) М.П. Погодин. Разделяя положения теории «официальной народности», Погодин особое внимание уделял самодержавию и императору Петру I, выступал апологетом его правления. Он подчеркивал полезность и своевременность Петровских реформ, проведенных «сверху», сравнивал их значение с революцией. «Во всей истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее по сравнению с тем, что было сделано Петром», считал ученый⁴³. Любопытны его наблюдения о всестороннем проникновении Петровских реформ в повседневную жизнь русских людей: «Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года — Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир — по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он; шерсть настригли с овец, которых завел он. Попадаетея на глаза книга, Петр Великий ввел в употребление

⁴³ Погодин М.П. Очерк русской истории. Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. I. С. 32.

этот шрифт и сам вырезал буквы...»⁴⁴. Погодин оценивал не просто всеохватность, но и далеко идущие последствия этих преобразований. «В руках Петра концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее»⁴⁵. Погодин был не только ученым и преподавателем, но и страстным собирателем древних рукописей и книг; некоторые из них ему удалось опубликовать. В 1842 г., благодаря Погодину, была осуществлена первая публикация «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, после чего имя этого выдающегося деятеля петровского времени прочно вошло в русскую историю.

В 29-томном труде «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева петровским преобразованиям уделено особое внимание, так как, по глубокому убеждению автора, с них началась новая Россия. Предпосылки реформ Соловьев видел уже во второй половине XVII в. «Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиною XVIII, разделять их нельзя», — писал он⁴⁶; или — «Во второй половине XVII в. русский народ явственно тронулся на новый путь; после многовекового движения на восток он начал поворачивать на запад»⁴⁷. Историк разошелся со славянофилами в оценке Петра и его реформ, утверждая, что «деятельность великого человека есть всегда результат всей предшествующей истории народа; великий человек не насиует народ, не создает того, что непотребно и невозможно для народа»⁴⁸. Впоследствии, в 1872 г. в «Публичных чтениях о Петре Великом», посвященных 200-летию юбилею Петра I, Соловьев вернулся к этой же мысли: «Народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали, ждали вождя; вождь явился»⁴⁹. Но здесь он говорил больше об эволюционном характере реформ, чем о «нашей революции XVIII в.»⁵⁰. Представляет несомненный интерес сделанный Соловьевым анализ «состояния образованности в России в 1749—1755 годы»⁵¹.

Идеи Соловьева были восприняты и развиты его учеником В.О. Ключевским. Культурное развитие России в XVIII в. затрагивалось Ключевским в ряде работ — «Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени» (1895); «Императрица Екатерина II» (1896); «Петр Великий среди своих сотрудников» (1901); «Западное влияние в России после Петра» (1890—1891) и др. Особое место в этом ряду занимает «Курс русской истории» — результат многолетней научной и преподавательской деятельности ученого.

⁴⁴ Там же. С. 341.

⁴⁵ Погодин М.П. Петр Великий. М., 1841. С. 2.

⁴⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 51.

⁴⁷ Там же. М., 1991. Кн. 7. С. 173.

⁴⁸ Там же. С. 427.

⁴⁹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 38.

⁵⁰ Там же. С. 17—18.

⁵¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. 12. С. 242—279.

В методологическом введении к «Курсу» Ключевский выделял два важнейших аспекта в изучении исторического процесса: историю культуры, или цивилизации (эти два понятия были для него синонимами) и историю природы и «действие исторических сил, строящих человеческое общество»⁵². Личность, общество и природа — это то, что создает и определяют общественное развитие. У Ключевского человек становится центром и целью историко-культурного процесса. Но сам этот процесс ученый в духе либерально-буржуазной историографии рассматривал исходя из представления о непрерывности линейного прогресса человеческой цивилизации, постепенного накопления «культурного запаса». Определенный исторический субъективизм просматривается в его представлениях о неравноценности разных эпох и культур в зависимости от их приближенности к позитивному идеалу цивилизации. «“Дедовску” жизнь судите “недедовским” судом, — писал он, — прилагайте к ней свою собственную, современную нам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад»⁵³.

В концепции Ключевского четвертый период русской истории, с середины XVII столетия до буржуазных реформ 1860-х годов, рассматривался как единый «имперско-дворянский». Ключевский считал, что установление крепостного права сыграло решающую роль в истории России, в «народной жизни», а для русской культуры имело роковые последствия, так как «землевладельческое» дворянство дало «извращенное, уродливое направление русской культуре»⁵⁴.

Много внимания Ключевский уделил времени и реформам Петра I. Петровские преобразования он связывал в первую очередь с Северной войной, считая, что именно война определила содержание, темпы и методы многих реформ. В оценке Петра I у Ключевского просматривается определенная двойственность. Признавая необходимость и полезность для России создания регулярной армии, флота, промышленности, рационально организованной администрации, он отмечал непомерную цену этих успехов, считая, что реформатор тратил средства и людские жизни «безрасчетно, без всякой бережливости». Историк показал, что от Петровских реформ выгоды получило прежде всего дворянство, которое в XVIII в. стало править народом с помощью государства, в отличие от XVII в., когда государство правило с помощью дворянства.

Многие изменения в русской культуре XVIII в. Ключевский связывал с западным влиянием, начавшимся еще в XVII столетии. Влияние Запада охватывало в первую очередь сферу государственных интересов. Но при преемниках Петра I культурные достижения Западной Европы усваивались русским дворянством поверхностно, заимствовалось не то, что было нужно, а то, что приятно⁵⁵. «Дворянское безделье, политическое и хозяйственное» — такова оценка Ключевским роли дворянства в истории России после Манифеста о вольности дворянства. Нельзя не согласиться с

⁵² Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. С. 34-35.

⁵³ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 313.

⁵⁴ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 177.

⁵⁵ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 17.

Б.И. Краснобаевым, который отмечал, что концепция Ключевского «приобретает порой черты субъективизма, а оценки роли различных классов, в частности дворянства, в историко-культурном процессе лишаются подлинного историзма, на весь новый период русской истории ложится ответ политический культурно-исторических взглядов буржуазного либерала конца XIX — начала XX в.»⁵⁶.

Рассматривая историю как поступательный процесс, Ключевский впервые подошел к постановке проблемы «человек и историческая эпоха». Им были созданы блестящие исторические портреты крупнейших деятелей XVIII в. (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и др.), а также даны выразительные характеристики отдельных лиц и исторических типов эпохи Просвещения. Ученому удалось показать, что личность исторична, ей присущи все свойства социального, она является носителем нравственности и культуры.

Основной научной темой М.М. Богословского, ученика и последователя В.О. Ключевского, явилась история Петра Великого. У Богословского сформировался свой взгляд на Петра и его реформы, в первую очередь на примере областной реформы. «В лице Петра, — писал он, — верховная власть вступила в жестокую борьбу с обычаем и истребляла его беспощадно». Деятельность Петра имела сознательную цель, он стремился преобразовать Россию в «регулярное» государство, руководствуясь идеями «общего блага», отражая тем самым «дух времени»⁵⁷. Богословский заблуждался, полагая, что петровское правительство не на словах, а на деле действовало в интересах «общего блага». Главным итогом многолетнего изучения историком Петровской эпохи стал его пятитомный труд «Петр I. Материалы для биографии», опубликованный в 1940—1948 гг. уже после смерти автора. Это сочинение представляет собой подробнейший рассказ о Петре, который Богословский довел только до начала Северной войны. «Я старался, — писал он в предисловии, — насколько позволяли источники... наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями». Изучая отдельную личность, «изучать и восстанавливать ту историческую обстановку», в которой протекала ее жизнь и деятельность⁵⁸. Автор пошел по пути сбора фактического материала, но в подходе к явлениям и оценкам обнаружил и некоторый психологизм, и историко-культурный взгляд на общество.

Несколько ранее Петровскими реформами занимался П.Н. Милюков. В 1892 г. им была защищена магистерская диссертация на тему «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». По мнению автора, реформы Петра I были продиктованы военными и финансовыми потребностями. Он считал деятельность Петра-законодателя простым подражанием шведским образцам. Милюков критически оценивал личность и деяния царя-реформатора. Петровские реформы, по его убеждению, в какой-то мере оправдывались

⁵⁶ Краснобаев Б.И. В.О. Ключевский о русской культуре XVII—XIX веков // История СССР. 1981. № 5.

⁵⁷ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 3–18, 444–445.

⁵⁸ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. I. С. 10.

внешнеполитическими обстоятельствами, но по отношению к внутреннему положению являлись несвоевременными. «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейских держав», — делал вывод Милюков⁵⁹. При всех издержках, выразившихся в резких и не всегда обоснованных оценках, работа Милюкова стала первым фундаментальным, основанным на архивных документах исследованием о Петровских реформах. Уровень диссертации Милюкова был выше магистерского, но из-за позиции Ключевского диссертант не получил докторской степени (это обстоятельство повлияло на дальнейшие отношения учителя и ученика).

За годы работы на кафедре русской истории Милюков разработал и прочитал ряд специальных курсов: по историографии (в 1897 г. этот курс был опубликован в качестве монографии «Главные течения русской исторической мысли»), исторической географии, истории русской колонизации, реформе Петра Великого. В этот период у ученого созрел замысел большого историософского труда, который воплотился в «Очерках по истории русской культуры» (1896—1903. Ч. 1—3). В этом труде Милюков исходил из положения о зависимости русской национальной культуры (как и любой иной) от географической среды. Последнее, по его мнению, определяло особую роль государства в истории России, чем российский путь исторического развития отличался от западноевропейских моделей. Политическое развитие государства постоянно опережало развитие экономическое, влияя на русское общество и его культуру. Помимо государственного начала, в качестве главных факторов духовной культуры Милюков особо выделял церковь и школу.

Как уже отмечалось, ученый полагал, что Россия и ее культура начали терять собственное «национальное содержание» еще во второй половине XVII в., когда усилился приток в страну иностранцев. Что касается XVIII в., то русская архитектура, литература, искусство, образование не имели, по его мнению, самостоятельного развития, являясь «сколком» с голландских, французских и немецких образцов. Наиболее характерной чертой «русского народного склада» он называл «неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального обличья»⁶⁰.

В основу своей концепции развития общественного сознания в XVIII в. Милюков положил движение от «национализма», который господствовал в допетровской Руси, к «общественной критике», восторжествовавшей в XIX — начале XX в. Поэтому культура XVIII в., по утверждению Милюкова носила переходный (если не сказать проходной) характер. Петра I и его реформы в этой области историк оценивал крайне низко, подчеркивая замкнутость и поверхностность преобразований, вводившихся к тому же насильственно. Обращалось внимание и на то, что новая культура распространялась в среде дворянства, становясь водоразделом между «благородством» и «подлостью» (народом). В «век Екатерины» в общественном сознании наступил определенный перелом. С одной стороны, имела место «санкция наличного социального строя», с другой — критика власти. Причем эта фаза историко-культурного процесса не завершилась к

⁵⁹ Милюков П. П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 735.

⁶⁰ Милюков П. П. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 17.

началу XX в. Исходя из этого обстоятельства, Милюков рассматривал общественно-политические взгляды и деятельность Екатерины II, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и делал вывод о становлении в России независимого общественного мнения.

Труд Милюкова выдержал целый ряд изданий. Примечательно, что в последнем прижизненном издании (1930) в третий том, посвященный XVIII веку, автор ввел подзаголовок «Национализм и европеизм». В предисловии Милюков объяснил это тем, что наряду с чертами своеобразия России были свойственны элементы общности развития с другими, «более счастливыми в культурном отношении странами»⁶¹.

Труды Милюкова по истории культуры отражают взгляды представителя либеральной интеллигенции. Но изложение истории русской культуры XVIII в. не может не вызывать у современного читателя чувства неудовлетворенности. По справедливому замечанию Б.И. Краснобаева, у Милюкова «историческое произведение о русской культуре слишком напоминает политический трактат на злобу дня»⁶².

К истории России XVIII столетия обращался в своей преподавательской работе М.К. Любавский, известный в первую очередь как автор фундаментальных трудов по истории Великого княжества Литовского и русской колонизации с древнейших времен до начала XX в. В 1911—1913 гг. им были прочитаны лекционные курсы: «Русская история XVII века и первой четверти XVIII века»; «Русская история XVIII века»; «История царствования Екатерины II». В этих курсах затрагивались вопросы, касающиеся образования, книгоиздательства, литературы, театра. Так, на примере взглядов В.Н. Татищева Любавский отмечал перемены в мировоззрении русского общества. Высокая оценка была дана им открытию Московского университета и школьной реформе, проведенной Екатериной II. Любавский подчеркивал социальную окрашенность культурных преобразований, которые обособили «высшие классы русского общества от народной массы», превратили «этот класс в иноземцев в своем собственном отечестве»⁶³.

С точки зрения столкновения общественных и правительственных интересов (отдавая предпочтение реформаторству и либеральному законодательству) рассматривал историю России профессор Московского университета А.А. Кизеветтер. В Петровской эпохе он видел «основную драму тогдашней русской жизни», которая выражалась в разрыве между преобразовательными планами и их воплощением⁶⁴. Реформаторскую деятельность Екатерины II ученый оценивал более высоко, отмечая при этом ее двойственный характер. Кизеветтер подчеркивал прогрессивное значение «опыта законодательной работы при помощи народного представительства», которое Екатерина предприняла, создав Уложенную комиссию. Но в то же время он признавал, что деятельность Екатерины II имела целью

⁶¹ Там же. М., 1995. Т. 3. С. 4.

⁶² Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII... С. 34.

⁶³ Любавский М.К. Русская история XVII—XVIII веков. СПб., 2002. С. 368.

⁶⁴ Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 268–269.

приспособить «новые элементы к старым основам русской государственности» дабы «подновить фасад государственного здания»⁶⁵.

Кизеветтер (как и Богословский) объяснял важнейшие сдвиги в историко-культурной развитии России заимствованием европейских идей. Истоки русского либерализма он связывал с эволюцией дворянского самосознания в сторону гражданственности, которая была спровоцирована влиянием западной культуры. Русский дворянин, писал он, ехал в Европу, чтобы научиться строить корабли, а возвращался с желанием «рассуждать и строить политические системы», но «почва для появления такой попытки была дана местными условиями общественного развития». Одним из мировоззренческих подходов А.А. Кизеветтера было представление о единстве европейского историко-культурного процесса, в котором Россия и ее культура занимают свое место, сохраняя национальное своеобразие. «Если местные своеобразия западноевропейских стран не препятствуют им тем не менее принадлежать к единому миру европейской культуры, то и наличие в русской культуре местных своеобразий не упраздняет понятия единой европейской культуры», — считал он.

В дореволюционный период последней большой работой, в которой затрагивались вопросы русской культуры XVIII в., был труд М.Н. Покровского «Очерк истории русской культуры» (М., 1915 [1918]. Ч. 1—2). М.Н. Покровский (1868—1933), ученик Ключевского, в этот период не был связан с Московским университетом. Но его труд заслуживает упоминания и потому, что это была первая (хотя и методологически непоследовательная) марксистская интерпретация истории культуры, и оттого, что взгляды Покровского имели широкое распространение после революции.

Исходя из материалистического понимания истории, Покровский в своей работе вначале исследовал развитие экономических отношений, затем государственный строй и только после этого — эволюцию религиозных представлений и политической идеологии. Торговый капитализм, который датируется в «Очерке» XVII—XIX веками, представлен Покровским как важнейший двигатель российского исторического процесса. Культуре XVIII в. автор уделил скромное место, невысоко оценивая общественно-политическую мысль и подчеркивая подражательность и низкий уровень русской культуры XVIII столетия. Критикуя идеалистические взгляды на роль личности в истории, Покровский впал в другую крайность — полного отрицания этой роли. Так, личность Петра I (не говоря уже о других царях) представлена у него крайне предвзято и негативно.

Концепция Покровского серьезно повлияла на становление советской исторической науки в 20-е годы XX в. Но к концу 30-х годов в связи с изменением идейно-политических ориентиров советского государства произошло переосмысление этой концепции. В частности, на целый ряд недостатков и ошибок в оценке реформ Петра I указал Б.Б. Кафенгауз в статье, помещенной в сборнике «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 141—176).

⁶⁵ Там же. С. 275—276, 283.

В советский период центральное место в трудах историков, работавших на кафедре, занимали проблемы общественно-экономических формаций, социально-экономического развития, классовой борьбы, государственности в различные периоды истории России. Вопросам истории культуры, в том числе и культуры XVIII в., практически не уделялось внимания. Своеобразным исключением стали работы, подготовленные в связи с празднованием 175-летия и 200-летия Московского университета. К этим событиям были приурочены юбилейные издания: «Очерки по истории Московского университета», вышедшие в 50-м выпуске «Ученых записок МГУ» в 1940 г., и два тома «Истории Московского университета» (М., 1955). В «Очерках» С.В. Бахрушиным (в статье «Московский университет в XVIII в.») освещалась роль И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова в основании университета; отмечался позитивный вклад в просвещение И.Е. Шварца и «Дружеского ученого общества». В первом томе «Истории Московского университета» М.Т. Белявским (1913—1989) была написана глава о первом периоде существования университета (1755—1804). Основные положения этой темы были развиты автором в другой работе — «Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955). Университетская тема разрабатывалась исследователем и в дальнейшем — в книгах «Наш первый, наш Московский, наш Российский...», 1970 (в соавторстве с В.В. Сорокиным); «...Все испытал и все проник», 1990. Отдавая должное М.Т. Белявскому как одному из создателей концепции истории первого русского университета, нельзя не отметить присущую этой концепции характерную для того времени идеологизацию, на что указывают современные исследователи⁶⁶.

В 60—70-е годы история культуры XVIII в. постепенно стала занимать заметное место в учебном процессе. В «Хрестоматии по истории СССР, XVIII в.» (М., 1963) были представлены документы, касающиеся культуры, просвещения, науки, общественно-политической мысли. В учебнике «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1975; 2-е изд. — М., 1983) был написан специальный раздел М.Т. Белявского о культуре XVIII в. В курсе лекций А.М. Сахарова «Историография истории СССР. Досоветский период» (М., 1978) всесторонне рассматривалось развитие исторической мысли в XVIII столетии. С середины 50-х годов для студентов, специализирующихся по отечественной истории, стал читаться курс лекций «История русской культуры».

В 1972 г. были опубликованы «Очерки истории русской культуры XVIII в.», написанные Б.И. Краснобаевым (2-е изд. — М., 1987). Начиная с этого сочинения, в котором преобладал отраслевой подход к изучению культуры (общественная мысль, школа, наука, искусство и литература, книга и периодика), автор плодотворно трудился над разработкой вопросов истории культуры XVIII в. Заметным вкладом в их разработку стала его монография «Русская культура второй половины XVII — начала XIX в.» (М., 1983). Анализируя историко-культурный процесс, в котором в XVIII в. сосуществовали традиционная, религиозная и новая, светская культура,

⁶⁶ См.: Университет для России. М., 1997; *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета, 1755–1855. М., 2001.

Краснобаев показал, как это отразилось на формировании «национальной» культуры, соотносилось с культурой «народной» и «дворянской». В книге были поставлены проблемы типологии русской культуры XVIII в., границ перехода от средневековья к Новому времени в контексте историко-культурных явлений (от середины XVII в. до 1812 г.).

Выделенные проблемы и подходы получили дальнейшее освещение в четырех томах «Очерков русской культуры XVIII века» (М., 1985—1990. Ч. 1—4). Главным редактором издания был Б.А. Рыбаков, ответственными редакторами — Б.И. Краснобаев и А.Д. Горский, заместителями ответственного редактора — В.А. Александров и Л.Н. Вдовина. Замысел издания был представлен в очерке Краснобаева «Основные черты и тенденции развития русской культуры XVIII в.». Главные идеи очерка перекликались с концепцией монографии этого автора, согласно которой изучать русскую культуру XVIII в. следует в контексте общевропейского (и даже мирового) развития, выделяя общее и особенное в российском историко-культурном процессе. Привлеченные к работе исследователи стремились к системному и «действительному» подходу в изучении различных сфер культуры XVIII столетия. Авторы очерков, посвященных культуре сельскохозяйственного производства (Л.В. Милов, Л.Н. Вдовина), промышленного производства и торговли (Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская), поселениям (Д.Н. Шанский), сословиям и сословному строю (М.Т. Белявский), системе государственного управления (Н.Б. Голикова, Л.Г. Кислягина), праву и суду (Л.Н. Вдовина), военному делу, армии и флоту (П.П. Епифанов), школе и образованию (М.Т. Белявский), книжному делу (Б.И. Краснобаев, Л.А. Черная), религии и церкви (В.С. Шульгин), исторической мысли, медицине и здравоохранению (Д.Н. Шанский), общественно-политической мысли (М.Т. Белявский, Л.Г. Кислягина), пытались отразить традиции и новации в усложнявшемся историко-культурном процессе, показать изменения в иерархии культурных ценностей, представить особенности данного этапа в формировании национальной культуры. Полного воплощения первоначального замысла в силу разных причин достичь не удалось⁶⁷. Тем не менее «Очерки русской культуры XVIII века», безусловно, являются фундаментальным обобщающим трудом, в котором содержится немало глубоких наблюдений и аргументированных оценок. «Очерки» показали не только общий уровень изученности многих историко-культурных проблем, но и стимулировали дальнейшее исследование истории русской культуры XVIII в.

В последнее десятилетие минувшего века вопросы, связанные с русской культурой XVIII в., рассматривались в целом ряде монографий и статей, в публикациях документов, поднимались в специальных курсах членов кафедры — Л.В. Милова, Л.Г. Кислягиной, Н.В. Козловой, В.И. Морякова, Л.Н. Вдовиной, Д.Н. Шанского.

В отдельное направление исследований постепенно выделялось изучение общественно-политической мысли «века Просвещения». В досоветский период практически не было создано специальных работ по этой

⁶⁷ См. рецензию Н.И. Покровского на это издание в журнале «Отечественная история» (1993, № 2, С. 196—199).

теме. Как правило, связанные с ней вопросы затрагивались лишь в лекционных курсах по русской истории или при изучении общих проблем русской культуры. Внимание к развитию общественно-политической мысли XVIII в., особенно второй его половины, усилилось в начале XX столетия, когда Россия вступила в полосу острых социальных противоречий. В этот период историки господствовавшего в историографии либерального направления пытались обосновать взгляд на царствование Екатерины II как на период успешной законодательной работы монарха совместно с «народными представителями», мирного сотрудничества классов. Выступая с позиций русского либерализма, профессор Московского университета А.А. Кизеветтер, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков характеризовали общественно-политическую мысль второй половины XVIII в. как либеральную. А.А. Кизеветтер относил к либералам и М.М. Щербатова, и А.Н. Радищева. Ученый отмечал, что восприятие Екатериной II идей Просвещения не противоречило самодержавно-дворянской политике императрицы, защите интересов дворянства и отсутствию у нее стремлений отменить крепостное право.

По-иному рассматривались проблемы общественно-политической мысли XVIII в. в советское время. После воссоздания в МГУ исторического факультета в 1934 г. на кафедре истории СССР поначалу не велось специального исследования этих проблем. Они анализировались, в основном, в лекционных курсах по отечественной истории периода феодализма и истории русской культуры, на семинарах и в спецсеминарах отдельных преподавателей кафедры. Историю общественно-политической мысли XVIII в. вообще и проблему русского просветительства в частности советские историки начали интенсивно изучать с конца 40-х годов. Постепенно эта тема стала одной из ведущих в научной работе кафедры.

В 60—80-е годы XX в. проблемы истории общественно-политической мысли XVIII в. нашли отражение в специальных работах П.П. Елифанова, М.Т. Белявского, Л.Г. Кислягиной (1925—1997), Б.И. Краснобаева, а также их многочисленных учеников (дипломников и аспирантов). В эти годы в исторической науке безраздельно господствовала марксистско-ленинская методология. Как и во всей советской историографии, в научных работах ученых кафедры первостепенное место уделялось истории русского просветительства как передового направления общественно-политической мысли, имевшего антифеодалную направленность. Изучением развития консервативного направления, которому уделялось меньшее внимание, успешно занималась Л.Г. Кислягина. Университетские историки много сделали для уяснения таких вопросов, как датировка зарождения просветительства в России, его социальная сущность, идейное своеобразие, связь с другими течениями общественно-политической мысли России (предшествующими и последующими), влияние западноевропейского просветительства на русское. Был исследован большой материал о жизни, деятельности и взглядах просветителей XVIII в.

По некоторым проблемам ученые кафедры придерживались различных взглядов. Так, П.П. Елифанов полагал, что начало просветительству

было положено в первой половине XVIII в. деятельностью «ученой дружины». Он видел у А.П. Сумарокова и В.К. Тредиаковского много черт, характерных для ранней стадии просветительства: антиклерикализм, веротерпимость, провозглашение идей просвещенного абсолютизма, деизм, гуманизм. М.Т. Белявский, Л.Г. Кислягина, Б.И. Краснобаев считали, что русское просветительство появилось позже, в 60-е годы XVIII в., и связывали его с разложением феодально-крепостнических отношений, освободительными идеями, защитой интересов широких народных масс, в первую очередь — крестьянства. Они считали, что просветительство — это антифеодальная идеология, готовившая в России возникновение идеологии революционной.

Проблема зарождения и развития просветительства XVIII в. была центральной в научной работе М.Т. Белявского. Она нашла отражение в ряде его статей 50-—60-х годов и в монографии «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева». В ней автор подвел итоги изучения идейной борьбы в Уложенной комиссии, на конкурсе Вольного экономического общества (ВЭО), в сатирических журналах 60—70-х годов XVIII в., определил этапы, формы и особенности зарождения и развития просветительской идеологии. Он отметил, что Уложенная комиссия, конкурс ВЭО, сатирические журналы «различались по формам и особенностям идейной борьбы и выступлениями антикрепостнической мысли». В ожесточенной борьбе с охранительной идеологией «антикрепостническая мысль значительно продвинулась вперед и вплотную подошла к требованию уничтожения крепостного права, ликвидации привилегий дворянства, к требованию утверждения буржуазного правопорядка»⁶⁸.

Проблемы общественно-политической мысли XVIII в. затрагивал в своих содержательных и ярких трудах по истории русской культуры второй половины XVII — начала XIX в. Б.И. Краснобаев. Понимание особенностей русского Просвещения исследователь связывал с уровнем развития социально-экономических отношений и развитием культуры в России, а также с отказом от дихотомии «Россия — Западная Европа» и рассмотрением русской истории в контексте общеевропейской. Он отмечал большое влияние на развитие русского Просвещения европейской просветительской мысли, прежде всего французской, и ее творческое усвоение в России. Б.И. Краснобаев подчеркивал, что российское Просвещение родилось на русской почве, отвечало на вопросы русской жизни и потому по степени идейной зрелости и радикальности отличалось от французского Просвещения. Русскому Просвещению, по мнению ученого, были присущи отвращение к помещичьему произволу, гуманизм, желание изменить жизнь к лучшему, исторический оптимизм, вера во всеислие Просвещения и благую деятельность «просвещенного монарха». В своих работах Б.И. Краснобаев затронул проблему масонства, в котором он видел попытку разрешения на религиозно-нравственной основе противоречий феодального общества. Этому пути, считал исследователь, был противопоставлен обоснованный А.Н. Радищевым революционный путь ликвидации

⁶⁸ Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. С. 352.

феодалного сословного строя. Именно с Радищевым Краснобаев связывал зарождение революционной мысли в России, выводя его уже за рамки просветительства.

Как отмечалось ранее, одним из немногих исследователей 60–80-х годов, занимавшихся изучением консервативной мысли второй половины XVIII — начала XIX в., была Л.Г. Кислягина. В монографии Кислягиной «Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785—1803 гг.)», увидевшей свет в 1976 г., содержится много интересных и глубоких выводов, тонких наблюдений, не потерявших научной актуальности и по сей день. Л.Г. Кислягина показала, что в начальный период своей деятельности Карамзин находился на умеренно-либеральных позициях, испытывая влияние передовых идей Просвещения. Крутой перелом в его мировоззрении произошел под влиянием Великой французской революции конца XVIII в. Страх перед революцией и обострением социальных противоречий в России заставил Карамзина перейти на консервативные позиции. В самодержавии он нашел силу, способную противостоять революции и новому миру. Карамзин искал и находил доказательства необходимости и разумности самодержавной власти. Как показала Л.Г. Кислягина, широта кругозора Карамзина позволила ему избежать в его консервативной программе крайних и реакционных выводов. Поэтому он продолжал выступать за широкое развитие просвещения, культурное общение с Западом, лояльно относиться к различным течениям общественной мысли и их представителям.

В настоящее время вопросами общественно-политической мысли XVIII в. занимаются на кафедре Л.Н. Вдовина и В.И. Моряков. Л.Н. Вдовина затрагивает их в рамках большой научной проблемы «Человек в русской культуре XVIII века». В ряде статей автором рассмотрены вопросы общественно-политических воззрений и деятельности В.Н. Татищева, Феофана Прокоповича, И.И. Шувалова. Немалый интерес представляет опыт изучения исследовательницей конституционного проекта Н.И. Панина и других дворянских проектов XVIII в. Л.Н. Вдовина пришла к интересному и значимому выводу о росте дворянского конституционализма в России с его идеей легитимной монархии при слабой разработанности взглядов о представительном правлении и крестьянской свободе. По мнению Вдовиной, дворянский конституционализм был питательной средой для возникновения и развития идей дворянского либерализма.

Вопросы истории общественно-политической мысли XVIII в., и особенно истории русского просветительства, являются центральными в исследовательской деятельности В.И. Морякова. В.И. Моряков много внимания уделил вопросу о влиянии французской просветительской мысли на русское просветительство; показал, что произведения французских мыслителей внимательно изучались и использовались в идейных спорах, способствовали радикализации просветительства в России. Об этом он писал в ряде своих работ, и в частности в двух монографиях: «Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. Рейналь и Радищев» (М., 1981) и «Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России)»

(М., 1994). В последнем из названных трудов обобщены выводы предшествующей историографии и изложено авторское видение идейного содержания и хронологических граней русского просветительства, его места в духовных исканиях той эпохи в сопоставлении с учениями Монтезкье, Руссо, Дидро, Рейналя, Пейна. В работе представлен взгляд автора на эволюцию русского просветительства с просветительно-реформистских на просветительно-революционные позиции и показано отношение просветителей к французской революции. В коллективной монографии «Общественно-политическая мысль европейского Просвещения» (2002) В.Н. Морякову принадлежит глава об общественно-политических взглядах русских просветителей второй половины XVIII в. Обращение к идеям русского Просвещения позволяет представить общее и особенное в таком историко-культурном явлении, как европейское Просвещение.

* * *

Изучение истории России невозможно без обращения к *истории соседних народов и территорий*, особенно входивших на определенных этапах в ее состав. Эта тема занимала значительное место в научном творчестве Г.А. Новицкого (1896—1982), заведовавшего кафедрой в 1963—1974 гг. Результаты его изысканий нашли отражение в разделах учебника по истории СССР (М., 1975), посвященных истории народов Закавказья и Средней Азии, Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии в VIII—XVIII вв.

Исследование истории народов Востока в связи с русской историей находилось в центре научных интересов выдающегося знатока восточных средневековых источников, члена-корреспондента РАН, профессора А.П. Новосельцева (1933—1996). Основная деятельность Новосельцева протекала в Академии наук, где с 1988 по 1993 г. он возглавлял Институт российской истории. Вести преподавательскую и научную работу на историческом факультете МГУ Новосельцев стал с начала 70-х годов. Важнейшей задачей исследователя в эти годы было изучение общественного строя закавказских и среднеазиатских государств средневековья. В 1980 г. увидела свет монография Новосельцева «Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования)». В ней получил развитие типологический анализ стадийных социальных структур и форм собственности в обществах Закавказья. Изучив обширный круг разнообразнейших письменных источников (латинских, греческих, арабских, персидских, армянских, грузинских и др.), Новосельцев предпринял попытку охарактеризовать многослойную структуру раннесредневековых обществ Ближнего Востока.

Другое направление научной деятельности А.П. Новосельцева было связано с исследованием древней и раннесредневековой истории народов Восточной Европы. В 1990 г. вышла его монография «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» (второй крупнейший труд по истории Хазарии после книги М.А. Артамонова 1962 г.). История Хазарии была рассмотрена ученым на фоне широкой картины международных отношений в данной части Евразии. Особое внимание

Новосельцева привлекли такие сложные и спорные проблемы, как происхождение хазар, роль социальных и политических институтов в их жизни, значение религиозного фактора.

Вопросы истории народов Востока в связи с историей России разрабатываются Д.Ю. Араповым. В 1981 г. вышла в свет его монография «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии». В последнее время внимание исследователя сосредоточено на проблеме ислама в России, характере государственной политики в «мусульманском вопросе», введении в научный оборот разнообразных источников по данной тематике. Араповым был подготовлен и в 2001 г. издан сборник документов «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)».

Научные разработки членов кафедры находили отражение в многочисленных учебниках и учебных пособиях, многие из которых пользуются широкой известностью. Это учебник «История СССР» под редакцией Б.Д. Грекова (1947); учебник по истории СССР (Т. 1: С древнейших времен до 1861 г.) под редакцией Л.В. Черепнина, вышедший в 1956 и переизданный в 1964 г.; учебник под редакцией Б.А. Рыбакова (1975 и 1983 гг.), полностью подготовленный на кафедре (авторы — Б.А. Рыбаков, А.М. Сахаров, А.К. Леонтьев, М.Т. Белявский, Г.А. Новицкий). Среди изданий последнего времени следует назвать трехтомный учебник «История России с древнейших времен до конца XX в.» (1996), в котором крупномасштабный раздел по истории России XVIII в. написан Л.В. Миловым. Наибольший вклад в создание учебных пособий внесли А.С. Орлов, В.И. Моряков, Н.С. Борисов. Из учебных пособий, в подготовке которых принимали участие члены кафедры, можно назвать «Ключ к истории Отечества. Пособие для абитуриентов» (М., 1993; изд. 2-е. — М., 1995; автор раздела — Н.С. Борисов); «Пособие по истории России для поступающих в вузы» (М., 1993; автор текста по истории России IX—XVIII вв. — В.И. Моряков), «История России. Пособие для старшеклассников и абитуриентов» (автор раздела, посвященного IX—XVIII вв., — В.И. Моряков); с 1996 по 2003 г. пособие выдержало пять изданий; учебник В.И. Морякова «История России IX — XVIII вв.» (М.; Ростов н/Д., 2004); «История России в лицах, V—XX вв.» (М., 1997; авторы разделов — Л.Н. Вдовина, О.М. Рапов); «Основы курса истории России: Учебное пособие» (М., 1997; автор раздела — А.С. Орлов); «История России с древнейших времен до наших дней: Учебник» (М., 1997; раздел по истории России с древнейших времен до конца XVIII в. написан А.С. Орловым); «Пособие по истории Отечества для поступающих в вузы» (М., 1996; изд. 2-е. — М., 1998; среди авторов пособия — Д.Ю. Арапов, В.И. Моряков, А.С. Орлов); «Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней» (М., 1999—2004; автор раздела — А.С. Орлов); учебники А.С. Орлова «История России с древнейших времен до конца XVI в. 6-й класс» (2004), «История России с конца XVI до начала XIX в. 7-й класс» (2004) и др. В 1985 г. увидел свет первый выпуск «Материалов по истории СССР для семинарских и практических занятий», посвященный эпохе древности и раннего средневековья (составители — Д.Ю. Арапов, А.П. Новосельцев, О.М. Рапов), в 1987 г. — второй выпуск, содержащий

документы по истории русской феодальной деревни XI—XVI вв. (составители — Н.С. Борисов, А.Д. Горский), в 1989 г. — третий, в котором были подобраны документы, относящиеся к первой и второй крестьянским войнам в России (составители — Л.Н. Вдовина, В.Г. Шульгин), в 1988 г. — четвертый, освещающий социально-экономическую историю России в первой половине XVIII в. (составители — Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский), а в 1989 г. — пятый, включающий материалы по социальному строю России во второй половине XVIII в. (составители — М.Т. Белявский, Л.Г. Кислягина). В различных томах «Энциклопедии для детей» (изд. «Аванта+»), рекомендованной Министерством образования РФ в качестве дополнительного пособия для учащихся, А.В. Лаушкиным опубликовано несколько глав по истории древнерусской культуры и города Москвы (М., 1999. Т. 5. Ч. 1; М., 1997. Т. 7. Ч. 1; М., 2002. Т. 9. Ч. 1; М., 2001. Том дополнительный: «Российские столицы. Москва и Санкт-Петербург»).

Вклад историков Московского университета и кафедры истории России до начала XIX в. в изучение отечественной истории периода средневековья и раннего Нового времени не исчерпывается лишь охарактеризованными в настоящей главе направлениями. В историографии ранней российской истории университетским ученым принадлежит одно из ведущих мест как по тематическому охвату созданных ими работ, так и по общим результатам научной деятельности.

2. Отечественная история XIX — начала XX века

Начало изучению и преподаванию истории России XIX в. в Московском университете положили выдающиеся ученые С.М. Соловьев и его ученик В.О. Ключевский, которые читали свои курсы лекций на историко-филологическом факультете и вели исследовательскую работу по широкому кругу проблем российской истории.

В написанных С.М. Соловьевым «Учебной книге по Русской истории», выдержавшей 14 изданий, и «Общедоступной книге по Русской истории» (5 изданий) изложение было доведено до середины XIX столетия. Большое научное значение имела книга С.М. Соловьева «Император Александр I. Политика, дипломатия» (СПб., 1877) — первое монографическое исследование в отечественной историографии о внутренней и внешней политике этого монарха. В связи с назревавшей русско-турецкой войной 1877—1878 гг. ученый опубликовал две статьи по «восточному вопросу» во внешней политике России в начале XIX в.¹, а в конце 70-х годов вышли три его статьи, посвященные европейскому направлению российской внешней политики первой половины XIX столетия².

В.О. Ключевский в своем знаменитом «Курсе русской истории» довел изложение до эпохи царствования Александра II, включая темы о крестьянской 1861 г. и земской 1864 г. реформах. Научные интересы ученого были многогранны: история русской культуры, историография, источниковедение, методология и терминология истории, сословный строй России. Этим дисциплинам были посвящены циклы лекций: «Методология русской истории»; «Терминология русской истории»; «Источниковедение: источники русской истории»; «История сословий в России», а также лекции по русской историографии. Перу Ключевского принадлежат историографические очерки об историках XIX в. — С.М. Соловьеве, Н.М. Карамзине, М.П. Погодине, Т.Н. Грановском, К.Н. Бестужеве-Рюмине, И.Е. Забелине, Н.И. Костомарове, знаменитом филологе и историке Ф.И. Буслаеве; «отзывы и отклики» о трудах своих младших коллег — П.Н. Милюкова, Н.Д. Чечулина, Н.А. Рожкова, С.Ф. Платонова, Д.И. Иловайского, В.И. Семевского; статьи о выдающихся деятелях русской литературы — Д.И. Фонвизине, Н.И. Новикове, А.С. Пушкине; о значении художественного образа в историческом исследовании.

В более широком плане историей России XIX столетия стали заниматься на рубеже XIX—XX веков исследователи нового поколения. Многие из них были учениками В.О. Ключевского и его коллеги, крупнейшего специалиста по западноевропейской истории П.Г. Виноградова. Новое поколение историков унаследовало от своих учителей широту научных интересов, но особое

¹ Соловьев С.М. Восточный вопрос 50 лет назад // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 2; Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах // Там же. 1876. Т. 1. № 2; Т. 3. № 10.

² Соловьев С.М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов // Русская старина. 1877. № 11; *Он же*. Россия и Европа в первой половине царствования Александра I // Вестник Европы. 1877. Кн. 5, 8, 11; *Он же*. Поццо ди Борго и Франция: начало второй четверти XIX века // Там же. 1879. Кн. 5.

внимание оно обращало на изучение и преподавание истории политики, общественно-политической мысли, культуры, проблем исторической науки.

Ученик В.О. Ключевского и П.В. Виноградова Ю.В. Готье по окончании в 1895 г. Московского университета с «дипломом первой степени» был оставлен на кафедре русской истории «для подготовки к профессорскому званию». С 1903 г. — приват-доцент, с 1915 — экстраординарный и с 1917 г. — ординарный профессор, ученый исключительно широкого диапазона, известный не только как крупный историк, но и как археолог, архивист, музевед, Готье наряду с работами по истории России XVI—XVIII вв. создал ценные исследования и о периоде XIX — начала XX в. Особенно интересовала его эпоха Николая I, проблемы крестьянства и крестьянский вопрос в России³. Им были написаны обстоятельные очерки о крестьянской 1861 г. и судебной 1864 г. реформах в связи с их 50-летними датами⁴. Готье подготовил содержательный лекционный курс по истории России второй половины XIX в.

История русской общественной мысли XIX в. разрабатывалась учеником В.О. Ключевского и П.В. Виноградова М.О. Гершензоном. Гершензона особенно привлекали те личности, духовная жизнь которых была отмечена напряженными исканиями и раздумьями о судьбах России, путях ее развития (П.Я. Чаадаев, И.В. и П.В. Киреевские, А.И. Герцен, В.С. Печерин, Л.Н. Толстой). Наиболее известны его книги: «Социально-политические взгляды А.Н. Герцена» (СПб., 1906), «История молодой России» (М., 1908), «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (М., 1908), «Жизнь В.С. Печерина» (СПб., 1910), «Образы прошлого: А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, П.В. Киреевский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев» (М., 1912). Занимался Гершензон и издательской деятельностью. Им выпущены воспоминания некоторых декабристов, автобиография В.С. Печерина, дневники и письма А.И. Герцена, стихотворения Н.П. Огарева, сочинения и письма П.Я. Чаадаева, сборник исторических документов «Русские прощания» (М., 1915—1916. Т. 1—6).

С Московским университетом было связано начало научно-исследовательской работы крупного историка и общественно-политического деятеля П.Н. Милокова. С 1886 г. Милоков читал в университете курсы по истории русской общественной мысли, историографии, исторической географии и истории колонизации в России. Историографические курсы были изданы им в книге «Главные течения русской общественной мысли» (М., 1896; 2-е изд. — М., 1913). Опубликовал он и ряд статей о представителях русской общественной мысли XIX в. (впоследствии эти статьи составили сборник «Из истории русской интеллигенции» (СПб., 1902). Особое место в научном творчестве П.Н. Милокова занимает его основной труд «Очерки русской культуры» (с 1896 по 1917 г. вышло семь изданий в четырех книгах). Культуру Милоков понимал в самом широком смысле, как явление, обнимающее все стороны внутренней жизни страны: экономическую, социальную, интеллектуальную, нравственную, религиозную и др. Большое значение он придавал влиянию на историко-культурные процессы географической среды.

³ Готье Ю.В. Николай I (Опыт характеристики) // Три века. М., 1913; *Он же*. Граф Павел Дмитриевич Киселев // Освобождение крестьян. Деятели реформы. СПб., 1911; *Он же*. Государственные крестьяне и реформа графа Киселева // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. 1. Ч. 2.

⁴ Готье Ю.В. Великая реформа (19 февраля 1861—1911 гг.). Русское общество в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1; *Он же*. Отделение судебной реформы от административной // Судебная реформа. М., 1915.

Активное участие П.Н. Милюкова в оппозиционной правительству деятельности вызвало преследования ученого со стороны властей. Вынужденный покинуть университет, он принял приглашение читать лекции по русской истории в Болгарии, затем (в 1903 г.) в США. Его лекции о современном положении России были в 1905 г. изданы в Соединенных Штатах под названием «Россия и ее кризис». По возвращении на родину в годы первой русской революции Милюков временно отошел от науки и занялся политикой: был лидером образованной в 1905 г. кадетской партии, депутатом Государственной Думы всех ее созывов, а после февральской революции 1917 г. — министром Временного правительства (до апреля 1917 г.). С приходом к власти большевиков Милюков сначала эмигрировал в Англию, а потом во Францию. Здесь он стал учредителем и председателем Общества русских писателей и ученых, находившихся в эмиграции, а также одним из организаторов Русского народного университета; читал лекции по русской истории в Сорбонне, колледже Социальных наук, во Франко-русском институте. Тогда же вернулся к научной деятельности: завершил второй том «Истории русской революции» (София, 1921—1927. Т. 1—2), издал книгу «Россия на переломе» (Париж, 1927. Т. 1—2), подготовил новое, переработанное, издание «Очерков по истории русской культуры» (Париж, 1930—1937).

С 1888 г. на кафедре русской истории преподавал талантливый ученый и публицист, ученик В.О. Ключевского и П.В. Виноградова А.А. Кизеветтер. Хотя основные его исследования были посвящены истории русского города XVIII в. и социальной политике Екатерины II, он изучал и историю России XIX в., главным образом внутреннюю политику самодержавия и общественное движение первой половины XIX столетия, а также историю земства⁵. В университете Кизеветтер читал курсы о внутренней политике России в первой половине XIX в., крестьянской реформе 1861 г., историографии отечественной истории. Одновременно он преподавал российскую историю в гимназии и в Лазаревском институте восточных языков. В своих исследованиях и лекционных курсах Кизеветтер проводил идею об общих закономерностях исторического развития народов как об органическом, объективном процессе. Большое значение он придавал роли личности в истории. Им были созданы яркие портреты Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II, А.А. Аракчеева, М.М. Сперанского, деятелей реформ 60-х годов XIX в. и общественного движения начала XX в. Кизеветтер приобрел репутацию блестящего лектора. В.О. Ключевский рекомендовал его как своего преемника по руководству кафедрой русской истории в Московском университете, но Министерство народного просвещения отклонило его кандидатуру по политическим мотивам, несмотря на блестящую характеристику.

⁵ Статьи на эти темы вошли в его сборники: «Деятельность в истории России» (Ростов-на-Дону, 1903); «Местное самоуправление в России IX—XIX вв.» (М., 1912); «Исторические отклики» (М., 1912).

Наряду с научно-педагогической работой А.А. Кизеветтер активно занимался общественно-политической и культурной деятельностью. Он был тесно связан с литературно-художественной средой — писателями, художниками, актерами, олицетворявшими собой цвет литературы и искусства того времени. В 1911 г. в числе других профессоров Кизеветтер в знак протеста против реакционных мер министра народного просвещения Л.А. Кассо покинул Московский университет и перешел в Университет им. А.Л. Шанявского и на Высшие женские курсы. Назад он вернулся только в марте 1917 г.

Известный ученый-славист, участник создания Белорусской Академии наук и один из основателей кафедры южных и западных славян на историческом факультете Московского университета В.И. Пичета поступил на историко-филологический факультет в 1897 г. Большое влияние на становление его как ученого оказали В.О. Ключевский и славист М.К. Любавский. По окончании университета Пичета был оставлен на кафедре русской истории в должности приват-доцента. Помимо преподавания, он принимал активное участие в создании коллективных трудов по отечественной истории⁶.

Среди исследователей российской истории в Московском университете того времени видное место занимает Н.А. Рожков. По своим взглядам это был «марксист-либерал». В своих исторических исследованиях Н.А. Рожков широко применял социологический метод. Особое значение имеют его работы «Город и деревня в русской истории» (М., 1902), в которой дан анализ социально-экономического процесса России до конца XIX в., и «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (М., 1903—1905. Ч. 1—2), где наиболее полно изложен социологический метод ученого.

Период с октября 1917 г. по май 1934 г. был временем структурной и идейной реорганизации Московского университета. В марте 1919 г. на базе юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета был создан факультет общественных наук (ФОН), при поступлении на который преимущество получали лица из рабоче-крестьянской среды.

Преподавательский состав формировался главным образом из коммунистов. Однако без старой профессуры, работавшей в университете еще до революции, обойтись было невозможно, и к преподаванию отечественной истории были привлечены С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, А.А. Новосельский, В.И. Пичета. Но их занятия строго контролировались. В 1920 г. А.А. Кизеветтеру, Р.В. Випперу и М.М. Богословскому было запрещено чтение лекций в университете, а в 1922 г. Кизеветтер был депортирован из России и обосновался в Праге.

До начала 30-х годов в исторической науке (в основном в сфере изучения и преподавания отечественной истории) господствующее место занимала так называемая школа Покровского. М.Н. Покровский, ученик

⁶ Очерки русской истории. М., 1906, 1908; Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909—1911; Три века. М., 1911; Великая реформа. 1861—1911. М., 1911; Отечественная война и русское общество. 1812—1912. М., 1912. Т. 1—7; Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911; Русская история в очерках и статьях. М., 1910.

В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, по окончании Московского университета в 1891 г. с «дипломом первой степени» был оставлен «для приготовления к профессорскому званию». После сдачи магистерского экзамена в 1894 г. он преподавал в университете и на Высших женских курсах. Накануне революции 1905—1907 гг. ученый сблизился с большевиками и в апреле 1905 г. вступил в РСДРП, активно участвуя в литературно-лекторской группе МК РСДРП. М.Н. Покровский был первым русским профессиональным историком-марксистом. С 1907 г. главное внимание он уделял созданию двух крупнейших работ: пятитомной «Русской истории с древнейших времен» (М., 1910—1913) и «Очерку истории русской культуры» (М., 1915—1918. Ч. 1—2). Пятитомник Покровского был первым марксистским обобщающим трудом по русской истории, направленным, по определению его автора, против «концентрированного выражения буржуазной науки» — «Курса русской истории» В.О. Ключевского.

После Октябрьской революции М.Н. Покровский был назначен заместителем наркома просвещения РСФСР. С его именем были связаны крупнейшие мероприятия по реорганизации высшей и средней школы, научных учреждений, архивного и музейного дела. Он являлся также руководителем созданных при советской власти Коммунистической Академии и Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов. Одновременно Покровский вел интенсивную научно-исследовательскую работу по отечественной истории. За 1918—1932 гг. им было опубликовано 580 произведений. Среди них — «Русская история в самом сжатом очерке» (многократно переиздававшаяся и по-существу служившая учебным пособием), «Очерки по истории революционного движения в России XIX — XX вв.» (М., 1924; 2-е изд. — М.; Л., 1927; 3-е изд. — М., 1934), сборники статей «Декабристы», «Империалистическая война», «Октябрьская революция» и др. (переизданы в «Избранных произведениях» М.Н. Покровского. М., 1965—1967. Кн.1—4). В «Русской истории в самом сжатом очерке» и в ряде других работ М.Н. Покровский развивал теорию «торгового капитализма». Движущей силой русской истории он считал «борьбу промышленного и торгового капитала»; представителями и «агентами» последнего — самодержавие и дворянство. Эти взгляды Покровского, равно как и присущие ему схематизм и социологизм, в 20-е годы господствовали и в школьном, и в вузовском преподавании истории до официального осуждения их во второй половине 30-х годов.

Со времени воссоздания истфака в 1934 г. отечественную историю периода XIX — начала XX в. там преподавали А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, С.К. Бушуев, С.С. Дмитриев, Б.Б. Кафенгауз, Б.Е. Сыроечковский, с конца 40-х годов — П.А. Зайончковский, И.А. Федосов, П.Г. Рындыонский, К.В. Сивков, А.Л. Сидоров, Е.Д. Черменский, А.В. Фадеев.

Заведующими кафедрой отечественной истории периода капитализма как самостоятельной (с 1953 г.) структуры были: А.Л. Сидоров (1953—1959), И.А. Федосов (1959—1995), В.А. Федоров (с 1995 г. по настоящее время). В 1953 г. в ее состав вошли С.И. Антонова, И.И. Астафьев, В.И. Бовыкин, П.В. Волобуев, Н.С. Киняпина, И.Д. Ковальченко,

В.Я. Лаверычев, К.Г. Левыкин, М.Г. Седов, С.М. Сидельников, А.И. Стражев, К.Н. Тарновский, В.А. Федоров. В 60—80-е годы на кафедру пришли преподаватели нового поколения, преимущественно ученики своих старших коллег — В.А. Вдовин, В.А. Георгиев, Н.Д. Ерофеев, Л.Г. Захарова, Л.В. Кошман, А.А. Левандовский, Е.Н. Мухина, Н.И. Цимбаев, С.Л. Чернов. В 90-е годы научными сотрудниками кафедры стали ее выпускники А.Ю. Андреев, Д.А. Андреев, О.Р. Айрапетов, Л.В. Жигальцова, Л.В. Жукова, М.М. Шевченко, А.П. Шевырев, О.Г. Юманева.

В научной работе кафедры можно выделить ряд основных направлений: создание учебников и учебно-методической литературы, подготовка и чтение общих и специальных лекционных курсов; изучение социально-экономической и политической истории России; анализ ее внутренней и внешней политики; исследование истории русского освободительного движения и общественной мысли, взаимоотношений Русской Православной церкви и государства; разработка вопросов историографии и источниковедения; подготовка трудов по истории Московского университета; издание справочно-библиографической литературы.

* * *

В связи с восстановлением в 1934 г. преподавания гражданской истории и воссозданием исторических факультетов в университетах и педвузах остро встал вопрос о подготовке *школьных и вузовских учебников по истории*.

Написание учебников по отечественной истории для средней школы было поручено профессорам исторического факультета К.В. Базиливичу, С.В. Бахрушину и А.М. Панкратовой. Коллективы авторов для написания вузовских учебников возглавили Б.Д. Греков (период с древнейших времен до конца XVIII в.) и М.В. Нечкина (Россия в XIX в.).

Учебники для 8—10 классов средней школы (три части) под редакцией А.М. Панкратовой (авторы К.В. Базиливиц, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт) выдержали 22 издания (1940—1963). Выпуск учебников по отечественной истории для средней школы («История СССР. XIX век» и «История СССР периода империализма») для 8—10 классов был продолжен И.А. Федосовым. С 1965 по 1990 г. вышло 18 их изданий.

А.А. Левандовский и Ю.А. Щетиннов подготовили учебник «Россия в XX веке» для 10—11 классов «общеобразовательных учреждений» (с 1997 по 2002 г. было напечатано шесть его изданий). Для школьников 7 класса с 1961 по 1965 г. издавалось учебное пособие М.В. Нечкиной «История СССР со сведениями по новой истории зарубежных стран», написанное в соавторстве с А.В. Фадеевым (с 1966 по 1985 г. это пособие издавалось М.В. Нечкиной совместно с П.С. Лейбенгрубом).

В 1940 г. вышло первое издание вузовского учебника под редакцией М.В. Нечкиной «История СССР. Т. II. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма». В написании его приняли участие ведущие профессора и преподаватели исторического факультета МГУ — С.С. Дмитриев, Н.М. Дружинин, П.А. Зайончковский, К.В. Сивков, А.В. Фадеев, С.А. Никитин, В.И. Пичета и Л.В. Черепнин. В 1949 и 1954 гг.

увидели свет еще два его издания. Учебник был переведен на английский, польский, венгерский, китайский, корейский, украинский и эстонский языки.

В конце 50-х годов было принято решение подготовить два тома вузовского учебника по отечественной истории с древнейших времен до 1917 г.: первый том «История СССР с древнейших времен до 1861 года» под редакцией Б.А. Рыбакова и второй — «История СССР. Период капитализма, 1861—1917 гг.» под редакцией А.Л. Сидорова. Оба тома вышли двумя изданиями (М., 1959, 1965).

В 1979 г. из профессоров и преподавателей кафедры под руководством ее заведующего И.А. Федосова был сформирован авторский коллектив для подготовки университетского учебника по отечественной истории с 1800 по 1917 г. В 1981 г. этот учебник под названием «История СССР. XIX — начало XX в.» был выпущен издательством «Высшая школа», а в 1987 г. там же вышло второе, дополненное и переработанное его издание.

Глубокие изменения в общественно-политической жизни страны, произошедшие в 1990-е годы, вызвали необходимость внести существенные коррективы в традиционные взгляды и оценки исторических процессов, явлений, общественно-политических течений, конкретных исторических персонажей. Все это потребовало подготовки нового университетского учебника по отечественной истории. Написанный коллективом кафедры учебник «История России XIX — начала XX века» под редакцией В.А. Федорова вышел двумя изданиями (в 1998 и 2000 гг.) в издательстве «Зерцало». В нем значительно в большей чем прежде степени уделялось внимание личностной характеристике выдающихся исторических персонажей (политических и военных деятелей, представителей науки и искусства); рассматривался ряд аспектов общественной и культурной жизни страны, которые ранее недостаточно или односторонне освещались в исторической литературе. Это — либеральное и консервативное направления общественной мысли, разнообразные культурные течения конца XIX — начала XX в., деятельность непролетарских партий, Русская Православная церковь и конфессиональная политика государства.

В настоящее время для серии «Классический университетский учебник» подготовлено еще одно, существенно переработанное с учетом новейших научных достижений издание.

Помимо создания университетских учебников, сотрудники кафедры активно участвуют в написании учебных пособий по отечественной истории для вузов различного профиля (педагогических университетов⁷

⁷ Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма (90-е гг. XIX в. — март 1917 г.): Пособие для учителей и студентов педвузов. М., 1959, 1965 и 1974; Павленко Н.И., Кобриш В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 г.: Учебник для студентов педвузов / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1989 (В.А. Федоров. Гл.17–27); Павленко Н.И., Кобриш В.Б., Андреев И.Л., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 г.: Учебник для педвузов / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1996, 1998, 2000, 2003 (В.А. Федоров. Гл.17–27); Федоров В.А. История России, 1861–1917: Учебник для педвузов. М., 1996, 1998, 2000, 2003.

и исторических кафедр негуманитарных вузов⁸), а также в издании курсов лекций⁹.

Общий лекционный курс по отечественной истории XIX — начала XX в. в 1940-е годы читали Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, С.С. Дмитриев, в 1950-е — А.Л. Сидоров, А.В. Фадеев, М.Г. Седов, в 1960—1970-е — М.Г. Седов, И.А. Федосов, Н.С. Киняпина, Е.Д. Черменский, в 1980—1990-е — Н.С. Киняпина, А.А. Левандовский, В.А. Федоров, Л.Г. Захарова, а в настоящее время — Н.И. Цимбаев, Л.Г. Захарова и Н.Д. Ерофеев и др.

На кафедре были прочитаны специальные курсы: «Движение декабристов» (М.В. Нечкина, Б.Е. Сыроечковский и В.А. Федоров); «Русские исторические журналы» (С.С. Дмитриев); «Революционное народничество» (М.Г. Седов); «Внешняя политика России первой половины XIX в.» (Н.С. Киняпина); «Николай I и его эпоха» (Н.С. Киняпина); «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в первой половине XIX в.» (В.А. Георгиев); «Аграрно-крестьянский вопрос в программах политических партий России в период первой русской революции» (К.Г. Левыкин); «Русская культура XIX в.» (В.А. Вдовин); «Партия социалистов-революционеров: мифы и действительность» (Н.Д. Ерофеев).

Ныне читаются специальные курсы: «Россия и Кавказ в первой половине XIX в.» (В.А. Георгиев); «Внутренняя политика самодержавия в период царствования Николая I» (М.М. Шевченко); «Русская Православная церковь и государство, 1800—1917 гг.» (В.А. Федоров); «Февральская революция: факты и легенды» (Н.Д. Ерофеев); «Внутренняя политика самодержавия на рубеже XIX—XX веков» (Д.А. Андреев); «Московский университет в первые сто лет его существования» (А.Ю. Андреев); «Александр II в его дневниках, письмах и государственных делах» (Л.Г. Захарова); «Ставка Верховного главнокомандующего в Первую мировую войну: формирование, жизнь и политика» (О.Р. Айрапетов).

С 1999 г. для студентов третьего курса, специализирующихся на кафедре, читаются годовые лекционные курсы: «Источники по истории России XIX — начала XX в.» (В.А. Георгиев, Л.Г. Захарова, В.А. Федоров, Н.И. Цимбаев) и «Историография основных проблем истории России XIX — начала XX в.» (Н.И. Цимбаев).

* * *

Одно из важнейших направлений научной деятельности кафедры — *изучение социально-экономической истории России*, и в частности таких ее аспектов, как история русского крестьянства, крестьянского хозяйства, крестьянского движения; состояние торговли, промышленности и транспорта; история монополий и монополистического капитала в России; положение рабочих; жизнь дореволюционного города.

⁸ Дмитриев С.С., Тихомиров М.И. История России с древнейших времен до 1861 г.: Учеб. пособие для неисторических факультетов. М., 1948. В.А. Федоров входил в состав авторских коллективов учебников: «История России с древнейших времен до 1917 года: Учебник для студентов негуманитарных вузов» (М., 1998); «История России: Учебник для вузов» (М., 2000–2003).

⁹ Фадеев А.В. Дореформенная Россия (1800–1861). М., 1960; Цимбаев Н.И. История России XIX — начала XX в.: Курс лекций. М., 2004.

Первостепенное внимание обращается на изучение истории крестьянства, составлявшего около 9/10 населения дореволюционной России. История русской деревни получила освещение в трудах Н.М. Дружинина, С.С. Дмитриева, И.Д. Ковальченко, В.А. Федорова.

Н.М. Дружинин был ученым разносторонних научных интересов, но приоритет в своих исследованиях он отдавал социально-экономическим проблемам, главным образом изучению хозяйства и быта русского крестьянства. В центре его внимания находилась проблема перехода от феодализма к капитализму, особенно завершающий этап этого процесса — кризис феодализма и утверждение капитализма в русской деревне. Этой проблеме посвящены два его капитальных исследования — «Государственная деревня и реформа П.Д. Киселева» (М., 1946. Т. I; М., 1958. Т. II) и «Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг.» (М., 1958), а также многочисленные статьи.

Интерес к истории государственной деревни возник у Н.М. Дружинина еще в годы его университетской учебы, когда в семинаре профессора М.М. Богословского им был подготовлен обстоятельный реферат о реформе П.Д. Киселева 1837—1841 гг. Вплотную он приступил к изучению этой проблемы в 1933 г., избрав ее в качестве темы своей докторской диссертации. Для разработки этой большой и сложной темы ученый обратился к архивам ведомственных учреждений, в которых отложились основные материалы о состоянии государственной деревни, подготовке и проведении реформы 1837—1841 гг. Первый том его труда, посвященный предпосылкам реформы, был опубликован в 1946 г., а в 1958 г. вышел в свет второй том, в котором давалась детальная картина реализации и последствий реформы П.Д. Киселева в государственной деревне. Н.М. Дружининым был проведен обстоятельный анализ подготовки и содержания законодательных актов реформы. На основе этого анализа ему удалось показать, что преобразования в государственной деревне носили по преимуществу административный характер и проводились бюрократическими методами — регламентировалась хозяйственная, общественная и бытовая жизнь государственных крестьян. Главный вывод, к которому пришел Н.М. Дружинин, заключался в том, что реформа 1837—1841 гг. окончательно определила статус государственных крестьян, консолидировала различные его группы в единую сословную категорию юридически свободного, но феодально-зависимого от государственной власти крестьянского населения. Дружинин определил эту систему как «государственный феодализм». Однако, делая вывод ученый, «несмотря на усиление податного гнета и административного также, реформа носила относительно прогрессивный характер, так как давала некоторый простор развитию производительных сил и крестьянскому предпринимательству». Реформу П.Д. Киселева в государственной деревне Н.М. Дружинин рассматривал как подготовительный этап к проведению реформы в помещичьей деревне в 1861 г.

Этот двухтомный труд Дружинина вызвал появление региональных исследований о государственной деревне, написанных в том числе и его учениками, обучавшимися в аспирантуре на историческом факультете МГУ.

В монографии Н.М. Дружинина «Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг.» проанализирован процесс ликвидации феодальных отношений в государственной, помещичьей и удельной деревне в переходные (или «переломные», по выражению автора) 60—70-е годы XIX в. Научное значение этой работы весьма велико. Состояние русской деревни указанного периода было наименее изучено. Между тем происходившие тогда кардинальные изменения (ликвидация феодальных отношений) предопределяли положение крестьянства не только в ходе проведения реформ, но и в начале XX в. Утверждение новых, капиталистических, отношений оказало существенное влияние на развитие экономики страны, в первую очередь на состояние сельского хозяйства и изменение структуры населения. В книге показаны деятельность правительственных учреждений, готовивших крестьянские реформы и проводивших их в жизнь; функционирование созданных в ходе реформ крестьянского самоуправления и государственных органов управления деревней; влияние преобразований на хозяйство и быт пореформенного крестьянства; реакция различных общественных кругов на проведенные реформы. Принципиальное значение имеет основной вывод Дружинина: реформы 60-х годов в российской деревне «дали толчок процессу первоначального накопления капитала, и окончательная ликвидация феодальных отношений, завершившаяся к началу 1880-х годов, ускорила процесс капиталистического развития страны, дала больший простор для утверждения буржуазной собственности на землю и для процесса разложения крестьянства, хотя и не устранила полностью феодальные пережитки в деревне».

Широта постановки проблемы, высокий теоретический уровень, строгая аргументация всех построений и выводов на основе всестороннего анализа огромного фактического материала — таковы отличительные черты этой монографии Дружинина, получившей высокую оценку специалистов. Характерная особенность монографических работ ученого о русском крестьянстве в том, что он не ограничился в них исследованием социально-экономических процессов, а проявил большой интерес к повседневной жизни и быту крестьян.

В своих трудах по аграрной истории Н.М. Дружинин большое внимание уделил крестьянскому движению, которое получило освещение как в его книгах, так и в специальных статьях. Крупным событием историографического значения явилось предпринятое с 1959 г. издание под общей редакцией Дружинина многотомной серии документов о крестьянском движении в России в XIX — начале XX в. К работе по подготовке серии были привлечены известные специалисты, в том числе и профессора кафедры П.А. Зайончковский и К.В. Сивков, а впоследствии — известный ученый-аграрник, выпускник кафедры, А.М. Анфимов. В 1959—1968 гг. было издано десять томов этой «дружининской» (как ее именуют ученые) документальной серии о крестьянском движении за период с 1796 г. до Первой мировой войны. В научный оборот введено огромное количество документов и основанных на архивных данных подробных справок-аннотаций. Эта обширная публикация позволяет многопланово изучить положение, настроения и характер выступлений крестьян различных регионов страны, а также политику правительства в крестьянском вопросе.

Большую ценность представляют статьи Дружинина, посвященные методологическим проблемам¹⁰. Большинство из них были переведены на иностранные языки и получили широкий отклик со стороны как отечественной, так и зарубежной научной общественности; поднимаемые в них проблемы явились предметом оживленных дискуссий — о «государственном феодализме», о характере «просвещенного абсолютизма» в России, об особенностях формирования «русской буржуазной нации».

Крупный вклад в изучение русской крепостной деревни первой половины XIX в. внес И.Д. Ковальченко. В 1959 г. им была издана монография, написанная на основе его кандидатской диссертации «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства», а в 1967 г. вышел в свет его капитальный труд (докторская диссертация) «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века». Источниковой базой обеих монографий послужили разнообразные хозяйственно-статистические материалы: годовые губернаторские отчеты, «экономические примечания» к Генеральному межеванию, материалы специальных межеваний, хозяйственно-статистические описания отдельных губерний, но главным образом — богатейшие фонды вотчинных архивов. И.Д. Ковальченко разработал специальные методы обработки и анализа статистических источников первичного характера — подворных описей (свыше 300) крестьянских хозяйств в различных регионах страны. Он одним из первых среди историков стал применять в исследованиях социально-экономических процессов математические методы с использованием электронной техники.

На основе анализа документов по помещичьим и крестьянским хозяйствам И.Д. Ковальченко пришел к важному выводу: «Производительность труда в крестьянском хозяйстве в предреформенную эпоху была намного выше, чем в помещичьем... Следовательно, крестьянское хозяйство было наиболее рациональной формой организации сельскохозяйственного производства, заключало в себе значительно больше внутренних стимулов и предпосылок и создавало несравненно более широкую основу для становления и развития в деревне капитализма, чем хозяйство помещичье»¹¹. Ученый предложил определение кризиса феодализма как «такого этапа в разложении феодализма в России, когда крепостнические отношения в целом уже исключали возможность развития производительных сил на его основе, когда происходило крушение крепостнических форм хозяйства, а прогресс общественного производства осуществлялся на основе мелкотоварных и капиталистических отношений»¹².

¹⁰ Дружинин Н.М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1951. № 1; *Он же*. Генезис капитализма в России. М., 1957; *Он же*. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации // Вопросы истории. 1955. № 5; *Он же*. Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена // Ежегодник германской истории. 1968. М., 1969; *Он же*. О задачах исторической науки // Вопросы истории. 1969. № 6; *Он же*. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Европы и США // Новая и новейшая история. 1972. № 5; *Он же*. К вопросу о генезисе капитализма в России // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1974. № 1.

¹¹ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство. М., 1967. С. 384.

¹² Там же. С. 379.

Заслуживает внимания итоговый вывод его монографии: «В России, как нигде в Европе, получила распространение революционно-демократическая идеология, выражавшая классовые интересы крестьянства и облеченная в форму крестьянского утопического социализма, что было обусловлено ведущей ролью крестьянского хозяйства. Таким образом, важные особенности в историческом развитии нашей страны не только в предреформенный, но и в пореформенный период были обусловлены характером аграрных отношений в эпоху кризиса крепостничества, ведущей ролью крестьянского хозяйства в социально-экономическом развитии деревни»¹³.

Проблема положения крепостного крестьянства и его хозяйства этой эпохи освещена в монографии В.А. Федорова «Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX века» (М., 1974.). В этой книге рассматриваются такие новые, почти не разрабатывавшиеся ранее в историографии сюжеты, как покупка и аренда земли крепостными крестьянами, применение наемного труда, районы и центры торгового земледелия (огородничества, хмелеводства, луководства) в Москве и Петербурге. Особенно широко представлены разнообразные неземледельческие промыслы крестьян, обусловленные хозяйственной спецификой промышленного региона; описаны промышленные центры, которыми владели помещики (Иваново, Шуя, Мстера, Павлово и многие другие), рассмотрены своеобразные формы «покровительства» помещиков предпринимательству своих крестьян с целью повышения доходности имений.

Большое внимание уделил В.А. Федоров теме крестьянского движения, чему посвящена его монография «Крестьянское движение в Центральной России, 1800—1860 (по материалам центрально-промышленных губерний)» (М., 1980). Автором исследованы многообразные формы крестьянской борьбы и ее специфика в Центрально-промышленном регионе России. На основании выявленных в областных архивах материалов дан статистический анализ численности крестьянских выступлений, их направленности и характера.

Подробные сведения о крестьянском хозяйстве, феодальной ренте, социальных требованиях крестьян и пр. содержатся в специальных статьях В.А. Федорова¹⁴.

В настоящее время В.А. Федоров работает над темой «Культура и быт русского крестьянства на рубеже XIX—XX вв.» По этой теме им уже издана серия статей: о ее документальных источниках, о проблеме крестьянского правосознания, о взаимоотношениях в крестьянской семье, семейных разделах, воспитании детей, крестьянских школах грамотности, о круге чтения крестьян, о церковном приходе и сельском мире.

История рабочего класса в России — главная тема исследований А.М. Панкратовой, которую она начала разрабатывать еще с 1920-х годов. По окончании Отечественной войны 1941—1945 гг. Панкратова вернулась к

¹³ Там же. С. 385.

¹⁴ Федоров В.А. Крестьяне подмосковной вотчины в первой половине XIX века // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4; *Он же*. Возникновение гортового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1962. № 6; *Он же*. Наемный труд в земледелии накануне крестьянской реформы 1861 г. // Там же. 1968. № 3; *Он же*. Землевладение крепостных крестьян в России // Там же. 1969. № 1; *Он же*. Павловские сталелесосарные промыслы в крепостную эпоху // Там же. 1974. № 4; и др.

своему давнему замыслу — создать обобщающий труд по истории русского рабочего класса от его зарождения до 1917 г., посвятив первый том «предыстории» пролетариата, а еще три — истории рабочего класса при капитализме. Работа над первым томом была в основном завершена в 1947 г. В 1952 г. он был обсужден в Институте истории СССР Академии наук СССР и рекомендован к печати, но издан только в 1963 г. (шесть лет спустя после смерти автора).

Под редакцией А.М. Панкратовой была выпущена серия сборников «Рабочее движение в России в XIX в.: Документы и материалы» (М., 1950 — 1957. Т. 1— 4).

Изучение истории рабочего класса в России продолжил ученик А.М. Панкратовой В.Я. Лаврычев, защитивший в 1954 г. написанную под ее научным руководством кандидатскую диссертацию «Рабочий класс Иваново-Вознесенска в годы империалистической войны (1914 — февраль 1917 гг.)». В том же году диссертация была издана в виде монографии под названием «Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны».

Проблемы промышленности и города в первой половине XIX в. получили освещение в капитальных монографиях Б.Б. Кафенгауза «История хозяйства Демидовых XVIII—XIX вв. (М.; Л., 1949. Т. 1) и П.Г. Рындзюнского «Городское гражданство дореформенной России» (М., 1958), а также в написанном Рындзюнским для коллективной монографии «Очерки экономической истории России первой половины XIX века» (М., 1959) большом разделе «Городское население». В дальнейшем П.Г. Рындзюнский опубликовал три монографии по социально-экономической истории пореформенной России¹⁵.

Сотрудниками кафедры плодотворно изучались и проблемы социально-экономической истории России начала XX в. Основная заслуга в их разработке принадлежит А.Л. Сидорову и его ученикам.

Еще в конце 1930-х годов А.Л. Сидоров приступил к освоению темы об истории промышленности в годы Первой мировой войны. В 1943 г. он защитил докторскую диссертацию «Экономика России в годы Первой мировой войны (1914—1917)». С помощью богатейших архивных материалов автором были исследованы коренные проблемы экономики страны в военные годы, включая состояние промышленности, финансовую политику правительства, организацию военного хозяйства, боевое снабжение армии, характер экономических отношений буржуазии и правительства. Основные положения диссертации публиковались ее автором в исторических журналах. Подготовленная на основе диссертации монография А.Л. Сидорова в 1948 г. была принята к печати Госполитиздатом, однако не вышла в свет, ибо по своему содержанию «не соответствовала» тогдашним представлениям о «функциях буржуазного государства». В 1960 г. была издана книга А.Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917)», а в 1970 г. другая его книга —

¹⁵ Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60 80-е годы XIX в.). М., 1966; *Он же*. Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1978; *Он же*. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

«Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Обе составляли части его докторской диссертации, которая была полностью издана лишь в 1973 г. (после смерти автора).

Разработку экономической истории России начала XX в. продолжили ученики А.Л. Сидорова — К.Н. Тарновский, К.Ф. Шацилло, П.В. Волобуев и В.И. Бovyкин. К.Н. Тарновским была опубликована монография «Формирование государственно-монополистического капитализма в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности)» (М., 1958). В основу монографии была положена кандидатская диссертация, защищенная автором на историческом факультете МГУ в 1955 г. В.И. Бovyкиным были изданы книги «Зарождение финансового капитала в России» (М., 1967, его докторская диссертация) и «Формирование финансового капитала в России. Конец XIX века — 1908 г.» (М., 1984). П.В. Волобуев в 1953 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию «Монополии и топливный «голод» в России в 1911—1914 гг.», а в 1963 г. — докторскую диссертацию «Экономическая политика Временного правительства» (по монографии, опубликованной в 1962 г. под тем же названием); в 1964 г. он выпустил книгу «Пролетариат и буржуазия в 1917 году». Под руководством А.Л. Сидорова была подготовлена и в 1958 г. защищена на истфаке кандидатская диссертация К.Ф. Шацилло «Финансовый капитал в судостроительной промышленности России (1908—1917 гг.)»; в 1968 г. она была издана как монография под названием «Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны». Перу К.Ф. Шацилло принадлежат и другие монографии о состоянии военной промышленности и вооруженных сил России этого периода¹⁶.

Проблемы экономики России начала XX в. исследованы также в четырех монографиях В.Я. Лаврычева¹⁷.

* * *

Профессорами и преподавателями кафедры успешно разрабатывались *проблемы внутренней политики России XIX — начала XX в.*

В 1960—1970-е годы в исследовательской литературе развернулась дискуссия по вопросу о социальной сущности российского абсолютизма периода позднего феодализма (до отмены крепостного права). В дискуссию включились профессора и преподаватели кафедры. Этой проблеме посвящался специальный сборник статей «Абсолютизм в России в XVII—XVIII вв.» (М., 1964), в котором была помещена большая теоретическая статья Н.М. Дружинина «Просвещенный абсолютизм в России». Поднятые в ней вопросы вызвали появление двух статей И.А. Федосова о

¹⁶ Шацилло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной (вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг.). М., 1974; *Он же*. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX — 1914 г. М., 1992.

¹⁷ Лаврычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России, 1900—1917 гг. М., 1963; *Он же*. Государственные монополии в дореволюционной России: проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействие государственных монополий на государственный аппарат. М., 1982; *Он же*. Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1987; *Он же*. Военный государственно-монополистический империализм в России. М., 1988.

характере абсолютизма в России XVIII — первой половины XIX в.¹⁸ В них показывалось, что «просвещенный абсолютизм» — не изолированный факт российской политической жизни, а закономерная стадия общеевропейского государственного развития.

Проблемы внутренней политики дореформенной России рассматривались в монографиях В.А. Федорова «М.М. Сперанский и А.А. Аракчев» (М., 1997), Н.С. Киняпиной «Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е гг. XIX в.)» (М., 1968, ее докторская диссертация) и М.М. Шевченко «Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ» (М., 2003).

В монографии В.А. Федорова в связи с политическими биографиями М.М. Сперанского («русского реформатора», известного своими административными реформами и проектами широких государственных преобразований) и его современника А.А. Аракчеева (с именем которого связано усиление реакции во второй половине царствования Александра I) исследуется политика самодержавия в сферах государственного управления, образования, печати и социального устройства.

Книга Н.С. Киняпиной содержит всесторонний и глубокий анализ промышленного развития России во второй четверти XIX в. В работе показано, что отличительной его чертой являлась более значительная, чем в европейских странах, регулирующая роль государства. Автором детально исследованы правительственные меры поощрения промышленного предпринимательства и развития торговли. Впервые обстоятельному изучению подверглись деятельность созданных правительством Мануфактурного и Коммерческого советов, роль государства в развитии технического образования, организации промышленных выставок. Н.С. Киняпина доказала, что правительство и те социальные силы, на которые оно опиралось, осознавая настоятельную необходимость разработки мер для повышения уровня российской промышленности, одновременно боялись изменений, подрывающих устои существующего порядка. Отсюда возникала противоречивая программа модернизации страны, что в конечном счете снижало эффективность правительственных мер. Одновременно Н.С. Киняпина продемонстрировала, что в дореформенный период закладывалась основа тех методов государственного регулирования, которые активно практиковались позднее — в капиталистической России.

В монографии М.М. Шевченко рассмотрены процессы и явления, породившие так называемое «мрачное семилетие» (1848—1855) — годы резкого усиления политической реакции; даны характеристики императора Николая I, министра народного просвещения С.С. Уварова и других представителей правящей элиты.

Более активно на кафедре разрабатывались проблемы внутренней политики самодержавия во второй половине XIX — начале XX в. Ведущую роль здесь играли научные школы П.А. Зайончковского и А.Л. Сидорова, особенно в изучении реформ 1860—1870-х и контрреформ 1880-х — начала 1890-х годов, а также экономической и социальной политики самодержавия с конца XIX в. до 1917 г.

¹⁸ Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9; Он же. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // Там же. 1971. № 7.

В 1952 г. П.А. Зайончковский на основе защищенной им докторской диссертации издал монографию «Военные реформы 1860—1870-х годов в России». Автор осветил в ней всю программу преобразований военного министра Д.А. Милютин и проводившиеся им в течение 1861—1874 гг. военные реформы. Монография П.А. Зайончковского до сих пор остается наиболее основательным исследованием этой темы. Впоследствии автор продолжил изучение военной проблематики, уделяя особое внимание состоянию русской армии на рубеже XIX—XX столетий: изменению ее численного и качественного состава, формированию офицерского корпуса, системе его подготовки в военных учебных заведениях. По этой теме им написаны монография «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий, 1881—1903 гг.» (М., 1973) и серия специальных статей¹⁹.

Большое историографическое значение имеют труды Зайончковского о крестьянской реформе 1861 г.: «Отмена крепостного права в России» (М., 1954, 1960, 1968; переведена на английский, японский и китайский языки) и «Проведение крестьянской реформы 1861 г. в жизнь» (М., 1958)²⁰. В них он осветил важнейшие вопросы крестьянской реформы 1861 г. в масштабе всей страны: подготовку реформы в центре и на местах, деятельность учреждений, проводивших ее в жизнь, оценку различными общественными кругами, восприятие крестьянами, особенности проведения в национальных регионах России. Во второй монографии Зайончковский исследовал процесс реализации реформы в течение двух десятилетий (1861—1881 гг.). Ученый привлек и статистически обработал новые, первичного характера документальные материалы — уставные грамоты и выкупные акты по отдельным помещичьим имениям. Эти монографии дали импульс появлению книг, статей и диссертаций о реформе 1861 г. в рамках губерний и регионов.

Проблемам пореформенной внутренней политики российского самодержавия посвящены две другие крупные монографии Зайончковского: «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1963) и «Российское самодержавие в конце XIX столетия: Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов» (М., 1970).

Первая монография освещает период с весны 1878 до середины 1882 г. В ней рассмотрены важнейшие концептуальные проблемы, в особенности оценки причин внутриполитического кризиса самодержавия в эти годы. Автор на конкретных фактах доказывает, что масштаб крестьянского движения в то

¹⁹ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881—1903 годы) // Военно-исторический журнал. 1971. № 8; *Он же*. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX—XX веков // История СССР. 1973. № 1; См. также статьи из готовившейся П.А. Зайончковским монографии о русской армии накануне Первой мировой войны: «Высшее управление», «Император и царствующий дом» (опубликованы в кн. «П.А. Зайончковский, 1904—1983: Статьи, публикации и воспоминания о нем». М., 1998).

²⁰ В 1992 г. в Издательстве Московского университета вышел сборник статей учеников П.А. Зайончковского (российских и зарубежных ученых) «Великие реформы в России, 1856—1874» (Американская версия сборника «Russia's Great Reforms / 1855—1881. Indiana University Press, 1994). В основе сборника — материалы российско-американской конференции в Филадельфии в 1989 г. Он представляет первую в современной историографии успешную попытку показать все важнейшие реформы XIX в. в их совокупности, раскрыть на широком экономическом и общественном фоне России в переломную эпоху ее истории истоки, взаимосвязи и значение реформ в сферах экономики, политики, пореформенных институтов, влияние реформ на гражданское общество.

время был сильно преувеличен историками, рассматривавшими его как «важнейший компонент второй революционной ситуации» (1880—1881 гг.). Вместе с тем он подчеркивает существенное влияние на правительство террористической деятельности «Народной воли», особая активность которой была наиболее характерна для этих лет.

Вторая монография П.А. Зайончковского впервые в нашей исследовательской литературе представляет широкую картину внутренней политики Александра III. Ученый акцентирует внимание на наступлении политической реакции в царствование Александра III, затрагивая такие аспекты, как сохранение и поддержка старых порядков и рост административного произвола во всех звеньях управленческой системы. Он приводит данные о пересмотре правительством реформ (земской, городской, образования и цензуры). Автор традиционно трактует политику Александра III лишь как политику проведения контрреформ, хотя уже в первые два года царствования императора, были сделаны уступки крестьянству, действовали нормы государственного правопорядка и законности, заложенные судебными уставами 1864 г., продолжались преобразования в военном деле, укреплялись финансы, существенные успехи были достигнуты в промышленной «модернизации» страны и в сфере внешней политики.

В 1978 г. была издана последняя прижизненная монография П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке», отличающаяся широтой хронологического охвата. В ней исследуется малоизученная проблема структуры государственного аппарата и его функционирования, характеристика элиты высших органов управления. В ряду работ П.А. Зайончковского о монархиях Александра II и Александра III эта монография, по существу, является итоговой. Ученый впервые дал анализ личного состава госаппарата и чиновничества, обработал массовые статистические материалы — формулярные списки гражданских чинов, содержащие ценные сведения об имущественном положении, образовательном уровне чиновников и т.п. Книга содержит много нового для изучения состава чиновничества и бюрократической машины управления страной.

Разработку проблем внутренней политики пореформенной России продолжили на кафедре ученики П.А. Зайончковского — Л.Г. Захарова, В.А. Вдовин и А.П. Шевырев.

Л.Г. Захарова посвятила специальную работу политической истории крестьянской реформы 1861 г. и впервые изучила роль бюрократии в отмене крепостного права. В ее монографии «Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856—1861» (М., 1984), написанной на основе докторской диссертации, наиболее детально изучено функционирование государственных институтов, в которых шла подготовка реформы; особенно ярко и основательно представлена деятельность Редакционных комиссий 1859—1860 гг. как «учреждения нетрадиционного, чрезвычайно, никогда ни ранее, ни позже не существовавшего в России»²¹. В своих

²¹ Эта часть книги была переведена на английский язык и издана в США под названием «Autocracy and the Abolition of Serfdom in Russia, 1856 - 1861» (Soviet Studies in History. Fall / 1987 / Vol. No 2).

последующих трудах Л.Г. Захарова проанализировала роль Александра II в истории Великих реформ. Ею издана серия статей на эту тему²². Захаровой впервые проведено специальное исследование о подготовке и проведении земской контрреформы 1890 г. Этой теме посвящена ее книга «Земская контрреформа 1890 г.» (М., 1968).

Под руководством П.А. Зайончковского В.А. Вдовиным и А.П. Шевыревым были выполнены и изданы в виде монографий кандидатские диссертации «Крестьянский поземельный банк (1883—1895)» (М., 1959) и «Реформы в Морском ведомстве после Крымской войны» (М., 1983).

Внутренняя политика самодержавия в начале XX в. получила освещение в работах Е.Д. Черменского, изданных в 1954 г.: «Россия в годы столыпинской реакции (1907—1914 гг.)» и «Россия в годы подъема рабочего движения перед империалистической войной» (1912—1914 гг.), а также в монографиях В.Я. Лаверычева «Царизм и рабочий вопрос в России 1861—1917 гг. (М., 1972) и С.М. Сидельникова «Аграрная политика самодержавия в период империализма» (М., 1980).

* * *

Проблемы внешней политики России разрабатывались И.И. Астафьевым, С.К. Бушуевым, В.И. Бovyкиным, В.А. Георгиевым, Н.С. Киняпиной, И.С. Рыбаченок, А.В. Фадеевым, М.А. Чепелкиным и С.Л. Черновым.

Большинство названных исследователей основное внимание уделяли изучению «восточного вопроса» в российской внешней политике первой половины и середины XIX в. и сопряженной с ним теме «Россия и Кавказ». Внешнеполитические проблемы разрабатывались и в связи с наполеоновскими войнами, присоединением Средней Азии к России, дальневосточной политикой. Но наиболее основательно исследовалась большая и важная тема «Россия и европейские страны на путях к Первой мировой войне».

По теме «Россия и Кавказ» были изданы монографии С.К. Бушуева, А.В. Фадеева и учеников С.К. Бушуева и Н.С. Киняпиной — М.М. Блиева и В.В. Дегоева²³.

В работах этих авторов внешнеполитические проблемы рассматриваются в контексте истории народов Кавказа, их общественно-политического строя, своеобразия культуры и быта. Особое внимание уделяется борьбе горцев под предводительством Шамиля.

Оценки Шамиля и самой Кавказской войны 1817—1864 гг. в советской исторической литературе менялись — от позитивных в 30—40-е годы до негативных, что нашло отражение в статьях, опубликованных в конце 50-х годов в журналах «Коммунист» и «Вопросы истории», а также в дискуссиях, проходивших в 1957 г. в Институте истории СССР АН СССР и в

²² Захарова Л.Г. Александр II // Романовы. Исторические портреты. М., 1997; Она же. Александр II // Российские самодержцы, 1801—1917. М., 1993; и др.

²³ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Л., 1939; Она же. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М., 1960; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война, 1817—1864 гг. М., 1994.

начале 1958 г. на кафедре истории СССР периода капитализма исторического факультета МГУ²⁴.

«Восточный вопрос» во внешней политике России стал предметом исследования А.В. Фадеева, Н.С. Киняпиной и В.А. Георгиева. В монографии А.В. Фадеева «Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в.» (М., 1958) выявлены глубинные причины и факторы возникновения «восточного вопроса», который в 20-е годы XIX в. приобрел значение одной из крупнейших проблем международной политики. А.В. Фадеев детально проанализировал процесс назревания кризиса и его последствия, убедительно доказал, что экспансия ведущих европейских держав того времени (Англии и Франции) привела к тому, что территориальные рамки «восточного вопроса» в эти годы значительно расширились.

Несмотря на обилие литературы по этой теме, остро ощущалась необходимость в комплексном ее изучении. В 1978 г. была издана коллективная монография «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XIX в.» (главный редактор и соавтор — Н.С. Киняпина). В монографии рассмотрена внешняя политика России на Балканах и на Ближнем Востоке за всю историю «восточного вопроса»: исследованы русско-турецкие отношения, связи России с балканскими народами, ее роль в освобождении их от османского ига и в создании независимых государств на Балканах; показаны причины, характер и последствия русско-турецких войн XVIII—XIX вв. Большое внимание уделено вопросу о противоречиях среди европейских держав в ближневосточной политике.

В коллективной монографии М.М. Блиева, В.В. Дегоева и Н.С. Киняпиной (ответственный редактор) «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.» (М., 1984) прослежена преемственность кавказской и среднеазиатской политики страны в связи с ее продолжительной борьбой против экспансии Османской Турции, шахского Ирана и Англии в регионах Балкан, Кавказа и Средней Азии. Важен вывод авторов монографии: «Постепенное слияние центра России и окраин в единый общегосударственный организм принципиально отличало Российскую империю от западноевропейских колониальных империй».

В изданной Н.С. Киняпиной в 1994 г. работе «Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898 гг.)» рассматриваются планы и действия России на Балканах и в районе черноморских проливов.

Н.С. Киняпиной подготовлены два учебных пособия для студентов — «Внешняя политика России в первой половине XIX в.» (М., 1963) и «Внешняя политика России во второй половине XIX в.» (М., 1974)²⁵.

Н.С. Киняпиной и Н.И. Цимбаевым в сотрудничестве с коллегами из Софийского университета была написана книга «Россия и освобождение Болгарии»²⁶. В ней прослежены истоки и вековые традиции русско-болгарской дружбы, участие русского народа в создании независимой Болгарии.

²⁴ См.: Вестн. Моск. ун-та. Историко-филологическая серия. 1958. № 3.

²⁵ Пособия были переведены на болгарский язык и изданы отдельной книгой «Външната политика на Русия през XIX век» (София, 1981).

²⁶ В 1981 г. на болгарском языке издана в Софии, а в 1982 г. — на русском в Москве.

Проблеме ближневосточной политики России в XIX в. посвящены монографии В.А. Георгиева «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века» (М., 1975) и С.Л. Чернова «Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875—1878 гг.» (М., 1984).

В монографии В.А. Георгиева исследуются проблемы обострения международных отношений на Ближнем Востоке и усиления борьбы европейских держав за овладение Константинополем в связи с ослаблением Османской империи под влиянием турецко-египетского конфликта на рубеже 30—40-х годов XIX в. Этот конфликт, возникший в 1839—1841 гг., явился, как показал автор, «переломным моментом» в международных отношениях на Ближнем Востоке, особенно между Англией и Россией. Он изменил политику и России, и западноевропейских держав; в заключенных между этими державами в 1840—1841 гг. Лондонских конвенциях о черноморских проливах Крымская война 1853—1856 гг. как бы уже «содержалась в зародыше».

Вопросам европейского направления российской внешней политики первой половины и середины XIX в. посвящены статьи Н.С. Киняпиной (о русско-австрийских отношениях 30-х годов, Парижском договоре 1856 г., документальных публикациях Министерства иностранных дел)²⁷ и удостоенная Ломоносовской премии монография ее ученика М.А. Челепкина «Российская дипломатия и итальянский вопрос, 1856—1861» (М., 1995).

Проблема «Россия и западноевропейские страны в конце XIX — начале XX в.» получила освещение в трудах В.И. Бовыкина, И.И. Астафьева, а также в работах аспирантки кафедры И.С. Рыбаченок. В 1975 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Образование русско-французского союза 1891—1895 гг.», а в 1993 г. ею была издана монография «Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в.», защищенная в 1994 г. в качестве докторской диссертации.

Взаимоотношения России с ее союзницей Францией рассмотрены в книге В.И. Бовыкина «Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг.» (М., 1967) и в его статьях²⁸.

В 1960 г. В.И. Бовыкиным изданы в качестве «пособия для учителя» «Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. — 1917 год».

²⁷ Киняпина Н.С. Реакционная политика европейских держав в польском вопросе (1830—1831) // Вестн. Моск. ун-та. 1952. № 7; Она же. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов // Учен. зап. МГУ. 1952. Вып. 156; Она же. Мюнхенские и Берлинские конвенции 1833 г. // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1960. № 1; Она же. Борьба России за отмену ограничительных статей Парижского договора 1856 г. // Вопросы истории. 1972. № 8; Она же. Проблемы европейской и ближневосточной политики России в новой советской публикации документов // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977.

²⁸ Бовыкин В.И. Из истории франко-русских отношений накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1955. Т. 50; Он же. Русско-французские отношения в период июльского кризиса 1914 г. // Вестн. Моск. ун-та. Историко-филологическая серия. 1956. № 1.

В 1972 г. И.И. Астафьев опубликовал монографию «Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения)», затронув наименее разработанную в области внешней политики начала XX в. тему.

* * *

Проблемы освободительного движения и общественной мысли в России XIX — начала XX в. принадлежат к наиболее активно изучаемым на кафедре. В их числе: движение декабристов, общественная мысль 30—40-х годов XIX в., освободительное движение на рубеже 50—60-х годов XIX в., либеральная и консервативная мысль в пореформенный период, политические партии начала XX в., революции 1905—1907 годов и февральская 1917 года.

Декабристская тема заняла видное место в научной и преподавательской деятельности ученых Московского университета еще в середине 1920-х годов. В 1925 г. в стране широко отмечался столетний юбилей восстания декабристов, который превратился в крупное научное, культурное и общественное событие, ознаменовавшееся появлением большого количества как исследовательских, так и популярных работ, обилием документальных публикаций. Среди «юбилейных» публикаций выделялась работа Н.М. Дружинина «Кто были декабристы и за что они боролись?» (М., 1925; 2-е изд. — М., 1926). Рассчитанная на «массового читателя», она представляла большой интерес и для специалистов оригинальностью подхода к теме и глубокими обобщениями. В 1926 г. в качестве темы своей кандидатской диссертации Дружинин избрал биографию Никиты Муравьева (защищена в 1929 г., издана в 1933 г. под названием «Декабрист Никита Муравьев»).

Интерес к декабристам проявил и профессор Московского университета Ю.В. Готье, который совместно с А.И. Яковлевым опубликовал текст всех вариантов «Конституции» Никиты Муравьева с обстоятельной вступительной статьей²⁹.

Наиболее крупным декабристоведам справедливо признана М.В. Нечкина. В обширном круге ее исследовательских работ эта тема занимает первостепенное место. Ее изучение М.В. Нечкина начала в 1925 г., когда совместно с Е.В. Сказиным ею были выпущены методическое пособие для студентов «Семинарий по декабризму» и ряд исследовательских статей. В 1927 г. увидела свет ее монография «Общество соединенных славян», а с 1930 по 1982 г. вышло несколько изданий популярной работы «Декабристы».

В связи со столетием гибели А.С. Пушкина М.В. Нечкина обратилась к теме «Пушкин и декабристы». В 1937 г. была напечатана ее популярная книга под таким названием, выдержавшая несколько изданий. Нечкиной опубликованы также десятки статей по этому вопросу. С темой «Пушкин и декабристы» органически была связана и разрабатывавшаяся исследовательницей проблема «Грибоедов и декабристы». Первой публикацией этого цикла явилась источниковедческая работа Нечкиной «Следственное дело А.С. Грибоедова» (М.; Л., 1945; М., 1982), продолженная серией статей о

²⁹ Декабристы и их время: Сб. материалов. Л., 1926.

нем. Итогом этой работы стала капитальная монография «А.С. Грибоедов и декабристы» (М., 1949; 2-е изд. — М., 1951; 3-е изд. — М., 1977).

В 1951 г. вышла монография М.В. Нечкиной «Восстание 14 декабря 1825 г.»³⁰. В 1955 г. был издан ее двухтомный обобщающий труд «Движение декабристов». В нем подробно проанализированы истоки формирования идеологии декабристов; даны анализ их программных документов, «планов действий», описание восстания, судебно-следственного процесса над декабристами; показано значение их «дела».

Разработка декабристской темы была продолжена М.В. Нечкиной и в других работах³¹. Благодаря ее инициативе, в 1950 г. возобновилось прерванное в 1929 г. издание материалов следствия и суда над декабристами под названием «Восстание декабристов». Под ее редакцией и с ее обширными предисловиями изданы 7 и 9—18 тома этой серии. К настоящему времени выпущено 20 томов и издание продолжается. В 1979 г. под руководством Нечкиной началось издание в Иркутске многотомной серии сочинений и писем декабристов «Полярная звезда». Вышло уже 25 томов этой серии.

Декабристская тема была основной в исследованиях Б.Е. Сыроечковского. Им опубликованы статьи о П.И. Пестеле, М.А. Фонвизине, политических планах декабристов. В 1969 г. они вошли в сборник его статей «Из истории движения декабристов» (под редакцией Н.М. Дружинина). Б.Е. Сыроечковский выступал также как архивист, публикатор и комментатор документов о декабристах и их эпохе³².

Значительное место тема декабристов занимает в исследованиях ученика М.В. Нечкиной В.А. Федорова. Ему принадлежат монографии «Солдатское движение в годы декабристов, 1816—1825 гг.» (М., 1963); «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами» (М., 1988); «Декабристы и их время» (М., 1992), а также статьи и публикации о декабристах и их эпохе³³.

Проблемам освободительного движения и общественной мысли в 30—40-е годы XIX в. посвящен ряд исследований и документальных публикаций С.С. Дмитриева, И.А. Федосова, Н.И. Цимбаева, А.А. Левандовского.

С.С. Дмитриев разрабатывал проблему раннего (дореформенного) славянофильства. В 1940 г. им была защищена кандидатская диссертация «Экономические воззрения славянофилов 1830—1850-х гг.». Впоследствии он неоднократно обращался к этой теме в своих глубоких

³⁰ Книга была выпущена в связи со 125-летием восстания декабристов; в 1975 и 1985 гг. переиздана под названием «День 14 декабря 1825 г.».

³¹ Основные из них переизданы в сборнике «О нас в истории — страницы напишут». Иркутск, 1982.

³² Следственные дела П.И. Пестеля и С.И. Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. М.: Л., 1927. Т. IV; «Записки» И.И. Горбачевского. М., 1925; Междуарствие 1825 г. в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.: Л., 1926.

³³ Федоров В.А. Основные проблемы движения декабристов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1975. № 6; Он же. Доносы на декабристов // Сибирь и декабристы: Сб. статей. Иркутск, 1985. Вып. 4; Он же. Арест декабристов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1985. № 5; и др.

по содержанию и аргументации статьях, публиковавшихся в научных изданиях по проблемам славянофильства³⁴.

В 1986 г. Н.И.Цимбаев издал книгу «Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века». Книга содержит детальное исследование славянофильского кружка, игравшего заметную роль в общественно-идейной борьбе России в 30—50-е годы XIX в. Автором выявлены социальные предпосылки и идейные истоки возникновения славянофильства; прослежены история появления самого термина «славянофил» и его истолкование; проанализированы историко-философские, политические и социально-экономические воззрения славянофилов; показано своеобразие взглядов К.С. и И.С. Аксаковых, А.С. Хомякова, И.В. и П.В. Киреевских.

Выдающемуся представителю западничества Т.Н. Грановскому посвящены монографии А.А. Левандовского «Т.Н. Грановский в русском освободительном движении» (М., 1989) и «Время Грановского. У истоков формирования русской интеллигенции» (М., 1990). Автор воссоздает «эпоху Грановского», показывает зарождение и пути формирования новых идейных течений в России того времени — западничества и славянофильства.

Деятельность революционных организаций и кружков второй четверти XIX в. рассмотрена в монографиях И.А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.» (М., 1958), П.А. Зайончковского «Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847)» (М., 1959) и Л.И. Насонкиной «Московский университет после восстания декабристов» (М., 1972).

И.А. Федосов в своей книге осветил идеологию как революционных кружков и организаций, так и отдельных, наиболее видных представителей радикального крыла русского общественного движения 20—40-х годов XIX в., когда на смену дворянской революционности приходила революционность демократическая. Наиболее подробно рассмотрена идеология и деятельность кружка петрашевцев.

Предметом внимания П.А. Зайончковского стал первый революционный кружок на Украине, участниками которого были поэт Т.Г. Шевченко и выдающийся историк Н.И. Костомаров. Автор показал, что несмотря на кратковременность существования этого небольшого кружка, он явился яркой страницей в истории общественной мысли Украины середины XIX в.

В книге Л.И. Насонкиной дано детальное описание жизни Московского университета и деятельности студенческих кружков в 1826—1831 гг.

Вопросы освободительного движения и общественной мысли в России середины и второй половины XIX в. исследовались в трудах М.В. Нечкиной, П.С. Ткаченко, М.Г. Седова, Р.Г. Эймонтовой, Н.И. Цимбаева.

М.В. Нечкина опубликовала значительное число статей как общетеоретического характера, так и посвященных деятелям русского освободительного движения 50—60-х годов XIX в.: Н.Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову, А.И. Герцену, Н.П. Огареву, А.П. Щапову. Большинство этих статей было перепечатано в сборнике «Встреча двух поколений: Из истории русского

³⁴ Дмитриев С.С. Экономические воззрения славянофилов 1830—1850-х гг. // Историк-марксист. 1941. № 1; *Он же*. Подход должен быть конкретно-исторический (литературная критика ранних славянофилов) // Вопросы литературы. 1969. № 12; *Он же*. Славянофильство // Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13; *Он же*. Раннее славянофильство и утопический социализм // Вопросы истории. 1993. № 5.

революционного движения» (М., 1980). В 1953 г. в одном из томов «Литературного наследства» (Т. 61) ею были изданы с обширными комментариями документальные материалы Н.П. Огарева.

В 1958 г. М.В. Нечкиной была создана Группа по изучению революционной ситуации в России в 1859—1861 гг., занимавшаяся проблемами освободительного движения и общественной мысли в эпоху отмены крепостного права. Группа существовала около двадцати лет и ежемесячно проводила заседания, на которых обсуждались научные доклады и сообщения, публиковавшиеся в сборниках «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1960—1980). В работе группы принимали участие сотрудники кафедры (М.Г. Седов, П.С. Ткаченко, В.А. Федоров). В 1978 г. группа издала коллективную монографию «Революционная ситуация в России в середине XIX в.». Семь глав для этой монографии было написано В.А. Федоровым. Группа осуществила также факсимильные издания «Полярной звезды», «Колокола», «Голосов из России», «Исторических сборников» и других публикаций «Русской вольной прессы за границей».

Тема народничества 70-х годов XIX в. вошла в круг научных интересов М.Г. Седова и П.С. Ткаченко. М.Г. Седовым были выпущены монография «Героический период революционного народничества» (М., 1966, защищена в 1968 г. в качестве докторской диссертации) и ряд статей³⁵.

Три монографии, посвященные народничеству, опубликовал П.С. Ткаченко³⁶.

Проблема пореформенного славянофильства исследована в монографии Н.И. Цимбаева «И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России» (М., 1978). И.С. Аксаков представлен как видный общественный деятель и ведущий славянофильский публицист, издатель популярных в пореформенное время газет «День» и «Русь».

Изучение освободительного движения в России в начале XX в. сосредоточивалось вокруг таких тем, как революция 1905—1907 гг., февральская революция 1917 г., рабочее движение в начале XX в., история возникновения и деятельность различных политических партий (преимущественно непролетарского характера).

Первая русская революция и февральская революция 1917 г. получили освещение в монографиях Е.Д. Черменского: «Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг.» (М., 1939, защищена автором как докторская диссертация, переиздана в 1970 г.); «Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России (1914 — март 1917)» (М., 1951); «Назревание революционного кризиса в России в начале XX в.» (М., 1953); «IV Государственная дума и свержение царизма» (М., 1976); «Вторая революция. Февраль 1917 г.»

³⁵ Седов М.Г. Общественная деятельность Н.К. Михайловского // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965; *Он же*. Советская литература о теоретиках народничества // История и историки. М., 1965; *Он же*. П.Л. Лавров в русском революционном движении // Вопросы истории. 1970. № 3; *Он же*. Зарубежная историография о революционном движении в России // Русская прогрессивная общественная мысль и зарубежная историография. М., 1978.

³⁶ Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958; *Он же*. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879). М., 1961; *Он же*. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х годов XIX в. М., 1978.

(М., 1986). Эти работы принесли Е.Д. Черменскому широкую известность как крупного специалиста в области изучения буржуазно-демократических революций в России.

Буржуазными партиями в России накануне революции 1917 г. занимался ученик Черменского В.Н. Селецкий, исследовавший историю партии прогрессистов (оформилась в 1912 г.), сыгравшей немалую роль в политической жизни и идейной борьбе в 1912—1917 гг. В 1968 г. Селецкий защитил в МГУ кандидатскую диссертацию «Прогрессисты. К вопросу о консолидации русской буржуазии накануне Первой мировой войны», а в 1997 г. докторскую — «Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме». Им опубликованы три монографии и ряд статей³⁷.

* * *

В связи с начавшимися во второй половине 80-х годов преобразованиями, создались более благоприятные условия для разработки ранее считавшейся если не запретной, то во всяком случае «неактуальной» темы — *истории Русской Православной церкви*. Торжественное празднование в нашей стране в 1988 г. 1000-летия крещения Руси актуализировало ее изучение. За последние 10—12 лет как авторами из среды духовных лиц, так и «светскими» историками опубликовано огромное количество книг, статей, документов по истории Русской Православной церкви, появилось значительное количество периодических церковных изданий, в которых эта тема занимает ведущее место.

О научной значимости темы еще в 1966 г. писал профессор кафедры С.С. Дмитриев в своей статье «Православная церковь и государство в предреформенной России» (История СССР. 1966. № 4). Обстоятельное изучение этого вопроса началось на кафедре истории России XIX — начала XX в. в последние годы.

В.А. Федоров опубликовал монографию «Русская Православная церковь и государство. Синодальный период, 1700—1917» (М., 2003). В монографии подробно освещены такие вопросы, как управление церковью, состояние церковного прихода и положение приходского духовенства; монастыри и монашество, миссионерская деятельность церкви, духовное образование. Но в центре внимания автора — проблема взаимоотношений церкви и государства. Еще ранее была издана монография А.Ю. Полунова «Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III» (М., 1996). Истории Русской Православной церкви посвящена специальная глава в университетском учебнике «История России XIX — начала XX в.» (М., 1998, 2000, 2003), написанная В.А. Федоровым. Преподавателями и аспирантами кафедры

³⁷ Селецкий В.Н. Кризис буржуазного прогрессизма в период первого революционного подъема в России (1913—1914 гг.). М., 1969; *Он же*. Прогрессизм в период Первой мировой войны. М., 1996; *Он же*. Прогрессизм. Некоторые методологические вопросы изучения проблемы // Непролетарские партии в России. Калинин, 1982; *Он же*. Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии в трех революциях. М., 1989; *Он же*. Прогрессизм и политическая консолидация русской буржуазии // Прогрессизм как политическая партия. М., 1991.

опубликовано немало статей по этой теме³⁸. В последние годы по разным ее аспектам защищены кандидатские диссертации.

* * *

Ученые Московского университета успешно разрабатывают проблемы *историографии и источниковедения отечественной истории*. Первым обобщающим трудом по историографии истории России явилась изданная в 1941 г. Н.Л. Рубинштейном «Русская историография». Свое глубокое научное исследование автор скромно назвал «учебным пособием». В нем содержатся разделы и о развитии исторических знаний, и по отечественной истории за период XIX — начала XX в.

В 1970 г. коллектив кафедры выпустил учебник «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» под редакцией И.А. Федосова, И.И. Астафьева и И.Д. Ковальченко. В нем давалась характеристика источников как по определенным проблемам российской истории XIX — начала XX в. (социально-экономическим; внутренней и внешней политики; освободительного движения), так и по отдельным комплексам источников (законодательным материалам и делопроизводству, периодической печати, мемуарам, дневникам, частной переписке).

Были созданы монографии, посвященные В.О. Ключевскому и А.А. Корнилову³⁹. Ученые кафедры подготовили немало статей, посвященных творчеству отдельных историков⁴⁰. Развернутые историографические и источниковедческие обзоры — неотъемлемая часть научных исследований преподавателей кафедры.

* * *

Заметное место в деятельности сотрудников кафедры занимает *публикация документов и материалов*. Выпущено значительное количество источников

³⁸ *Замахова Е.Д.* Внедумская деятельность депутатов-священнослужителей III Государственной думы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1993. № 3; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев. Святейший Синод и архiereи в 1881–1894 гг. // Там же. 1994. № 4; *Кокорев Т.В.* Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь как место заточения раскольников в XIX веке // Там же. 2000. № 5; *Никулин М.В.* Русское духовенство в 60–70-е годы XIX века глазами церковных и светских авторов // *Постигая историю России.* М., 1997; *Тарасова В.А.* Профессор Н.Н. Глубоковский и реформа высшей духовной школы в России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 2001. № 4; *Соловьев И.В.* Митрополит Антоний и российская церковно-общественная жизнь на рубеже XIX // *Церковный вестник.* 2002. № 2–7; *Жукова Л.В.* Проповедническая деятельность военного духовенства в русско-японской войне // *Военно-историческая этнология.* М., 2002; *Федоров В.А.* Духовная школа в России в XIX веке // *Очерки русской культуры XIX века.* М., 2001. Т. 3.

³⁹ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974; *Левандовский А.А.* Кризис буржуазной исторической науки. А.А. Корнилов. М., 1982.

⁴⁰ *Дмитриев С.С.* Из истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897–1863) // *Учен. зап. Горьковского ун-та. Историко-филологическая серия.* 1964. Вып. 72. Т. 1; *Он же.* Ученый и наставник Николай Михайлович Дружинин (К 95-летию со дня рождения) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1981. № 1; *Он же* (совместно с А.С. Нифонговым). Мария Константиновна Рожкова. К истории советской исторической науки // *История СССР.* 1982. № 5; *Федоров В.А.* Академик М.В. Нечкина — историк движения декабристов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1986. № 3; *Он же.* Академик Н.М. Дружинин — историк русского крестьянства // *Экономическая и общественно-политическая жизнь России нового времени: Сб. докладов и сообщений.* М., 1992. Т. 1; *Он же.* В.И. Семевский — историк русского крестьянства // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1992. № 1; *Он же.* Николай Михайлович Дружинин (1886–1986) // Там же. 1996. № 1; *Он же.* Историк, писатель, этнограф (К 180-летию со дня рождения Н.И. Костомарова) // Там же. 1997. № 6; *Дмитриев С.С., Ковальченко И.Д.* Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство // *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1–22. Кн. 1.

по истории России XIX — начала XX в. Это хрестоматии для учителей, сборники документов для практических занятий студентов в семинарах, но главным образом — научно прокомментированные издания документов, касающихся отдельных событий отечественной истории, — официальные актовые материалы, мемуары, дневники, частная переписка и пр.

В конце 40-х — начале 50-х годов в первую очередь издавались крайне необходимые в то время хрестоматии для учителей средней школы⁴¹.

В 1973—1977 гг. преподаватели кафедры выпустили три сборника документов специально для семинарских занятий со студентами⁴².

Однако более всего было опубликовано тематических документальных сборников, главным образом дневников и мемуаров, рассчитанных на специалистов-историков. В.А. Федоров издал мемуары декабристов Северного и Южного обществ⁴³, сочинения и письма декабриста П.Н. Свистунова, воспоминания современников о декабристах, мемуары А.П. Ермолова⁴⁴. Преподавателями кафедры была выпущена серия научно прокомментированных мемуаров и публицистических произведений общественно-политических деятелей первой половины XIX в.⁴⁵, подготовлены тематические сборники⁴⁶.

Ценные по содержанию дневники крупных государственных деятелей XIX в. (Д.А. Милютин, П.А. Валуева, А.А. Половцова) были изданы П.А. Зайончковским⁴⁷. Его ученица Л.Г. Захарова в 1994 г. опубликовала «Переписку императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем» и «Дневник великого князя Константина Николаевича, 1857—1861 гг.». Л.Г. Захарова явилась инициатором, организатором и руководителем большого проекта: десятитомного издания мемуаров военного министра, генерал-фельдмаршала — графа Д.А. Милютина. В 1997—2003 гг. вышли в свет четыре тома его мемуаров (за 1816—1856 и 1860—1864 гг.), подготовленный пятый сдан в издательство, над остальными работают ученики Л.Г. Захаровой под ее непосредственным руководством.

⁴¹ Хрестоматия по истории СССР / Сост. С.С. Дмитриев и М.В. Нечкина. М., 1949. Т.2 (1682—1856); 2-е изд. — М., 1953; Хрестоматия по истории СССР / Сост. С.С. Дмитриев. М., 1949. Т.3 (1857—1894). 2-е изд. — М., 1952.

⁴² Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий: Первая половина XIX в. М., 1974; Вторая половина XIX в. М., 1975; Период империализма. М., 1977; Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. М., 1991.

⁴³ Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981; Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982 (при участии И.В. Пороха).

⁴⁴ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988; П.Н. Свистунов. Сочинения и письма. Иркутск, 2002. Т. I. Сочинения. Письма (1825—1840); Записки А.П. Ермолова, 1798—1826. М., 1991.

⁴⁵ В.С. Соловьев. Литературная критика / Сост. и комм. Н.И. Цимбаева; вступит. ст. Н.И. Цимбаева, Н.И. Фатюшенко. М., 1990; Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников / Сост. и комм. А.А. Левандовского, Н.И. Цимбаева, С.Л. Чернова. М., 1989; Русское общество 40—50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. I / Сост., вступит. ст. и комм. Н.И. Цимбаева; Ч. 2 / Сост. и предисл. С.Л. Чернова; комм. А.А. Левандовского, С.Л. Чернова; С.М. Соловьев. Избранные труды. Записки / Сост. А.А. Левандовского; комм. А.А. Левандовского, Н.И. Цимбаева; вступит. ст. Н.И. Цимбаева. М., 1983; Владимир Соловьев. Смысл любви: Избранные произведения / Сост., вступит. ст. и комм. Н.И. Цимбаева. М., 1991; Ю.Ф. Самарин. Избранные произведения / Сост., вступит. ст. Н.И. Цимбаева. М., 1996; Э.И. Стогов. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / Издание подготовлено Е.Н. Мухиной. М., 2003.

⁴⁶ Сидельников С.М. Аграрная реформа П.А. Столыпина: Сб. документов и материалов. М., 1973; Федоров В.А. Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.

⁴⁷ Дневник министра внутренних дел П.А. Валуева. М., 1961. Т. 1—2; Дневник Д.А. Милютина (1873—1882). М., 1947. Т. 1—4; Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 1—2.

В.А. Федоров в 1984—1994 г. принимал участие в издании документального сборника «Российское законодательство X—XX веков» (в девяти томах). Им подготовлены: том 6-й «Законодательство первой половины XIX века» (М., 1988) и 7 — «Документы крестьянской реформы 1861 года» (М., 1989). Н.Н. Ерофеевым выпущены сборники документов по политической истории России начала XX в.⁴⁸

* * *

Значителен вклад сотрудников кафедры в изучение истории Московского университета. Опубликовано многочисленных исследований и документы, рассказывающие об учебном процессе, издательском деле, участии университета в общественно-политической и культурной жизни страны, отдельных периодах его истории, выдающихся ученых. Преподаватели кафедры участвовали в написании трудов по истории Московского университета⁴⁹.

Р.Г. Эймонтовой в 1954 г. защищена кандидатская диссертация «Университетский вопрос в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. и университетская реформа 1863 г.». Диссертация послужила основой для двух монографий — «Российские университеты на грани двух эпох (от России крепостной к России капиталистической)» (М., 1985) и «Русские университеты на путях реформы, 60-е годы XIX в.» (М., 1993). В них показано развитие университетов, в том числе Московского, в контексте общественно-политической жизни пореформенной России.

Ф.А. Петров (ныне сотрудник Государственного Исторического музея) защитил в 1988 г. на историческом факультете МГУ докторскую диссертацию «Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования». По этой теме им была опубликована капитальная монография в четырех книгах⁵⁰. Центральное место в монографии отводится Московскому университету. Ф.А. Петровым издана также монография «М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете» (М., 1995).

Три книги, освещающие первые сто лет истории Московского университета, опубликованы в последние годы доцентом кафедры А.Ю. Андреевым⁵¹.

⁴⁸ Российское самодержавие в начале XX в.: от абсолютной к думской монархии: Сб. документов. М., 1998; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900—1922. М., 1966. Т. 1—3.

⁴⁹ Дмитриев С.С. Историческая наука в Московском университете в 60—90-х годах XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. 1954. № 7; *Он же*. Т.Н. Грановский и Московский университет // Тимофей Николаевич Грановский. Библиография (1826—1967) / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1969; *Он же*. С.М. Соловьев и Московский университет // Сергей Михайлович Соловьев: Библиография. М., 1984; *Бовыкин В.И.* Московский университет в революции 1905—1907 гг. // Вопросы истории. 1955. № 4; *Федосов И.А.* 25 лет историческому факультету МГУ // Там же. 1959. № 10; *Он же*. Историческая наука в МГУ в 1956—1965 гг. // Там же. 1966. № 10; *Цимбаев Н.И.* Кафедра истории СССР периода капитализма // Историческая наука в Московском университете. М., 1984; *Очерки по истории Московского университета* / Под ред. Н.М. Дружинина. М., 1940; *История Московского университета*. М., 1955. Т. 1—2; *Московский университет за 50 лет советской власти*. М., 1967; *Московский университет в Великой Отечественной войне*. М., 1975; *Московскому университету 225 лет*. М., 1980; *Летопись Московского университета, 1755—1979*. М., 1979.

⁵⁰ Книга первая — «Зарождение системы университетского образования в России» (М., 1998); книга вторая — «Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века» (М., 1999); книга третья — «Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года» (М., 2000) и книга четвертая — «Российские университеты и люди 1840-х годов (профессура и студенчество)» (М., 2001).

⁵¹ *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; *Он же*. Лекции по истории Московского университета, 1755—1855. М., 2001; *Он же*. 1812 год в истории Московского университета. М., 1998.

Основное внимание автора уделено проблеме подготовки университетских кадров и роли университета в научной и культурной жизни страны.

* * *

Справочно-библиографическая работа долгое время считалась вспомогательным, «второстепенным» делом и должным образом не оценивалась. Однако практика показала, что наука не может существовать без нее. Важность подготовки справочно-библиографических изданий особенно подчеркивал П.А. Зайончковский, который с середины 60-х годов стал специально заниматься библиографией, разрабатывая план фундаментальных изданий библиографического характера. «Значение библиографии для изучения тех или иных отраслей исторической науки чрезвычайно велико, — писал он. — Можно без преувеличения сказать, что изучение вообще невозможно без знания библиографии». В самом деле, разработка любой темы начинается с составления библиографии по ней и, следовательно, — с ознакомления со справочно-библиографической литературой. Нередко бывало, что без должного знания библиографии, не говоря уже об игнорировании ее, «открывали» уже давно открытое.

Учеными кафедры подготовлены ценные справочные издания по отечественной истории. Наиболее значительный вклад в это важное дело внес П.А. Зайончковский как организатор и непосредственный их составитель. Наиболее значимыми являются «Справочники по истории дореволюционной России: Библиография» (М., 1971; изд. 2-е, дополненное — М., 1978) и «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» в пяти томах (М., 1976—1989)⁵². Библиографический справочник («справочник о справочниках» или «люция в книжном мире», как его стали именовать) издан впервые. Не имел он и зарубежных аналогов. Справочник сразу был признан «событием в науке» и стал настольной книгой историков и библиографов. В нем содержится свыше пяти тысяч расположенных в систематическом порядке и аннотированных справочных наименований по России в целом и по отдельным ее регионам. Здесь собраны сведения обо всех энциклопедиях, словарях, календарях, справочниках по специальным дисциплинам, путеводителях по архивам, указателях по промышленности, сельскому хозяйству, торговле и транспорту, государственным учреждениям и изданиям законодательных актов и мн. др.

В справочное издание о дневниках и мемуарах включены в хронологическом порядке (с XV в. до 1918 г.) также некрологи, автобиографии и описания путешествий (всего 26 тыс. наименований).

В 1984 г. Издательством Московского университета опубликован ценный справочник под редакцией С.С. Дмитриева «С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы (1838—1981)», который содержит перечень всех трудов ученого, время их издания и переиздания, библиографические указатели на его опубликованную переписку, воспоминания и некрологи о нем, все рецензии на его издания, публикации о научной, педагогической и общественной деятельности историка с приложением вспомогательных указателей.

⁵² Под руководством П.А. Зайончковского были подготовлены и изданы: «Краткий указатель архивных фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина» (М., 1948) и «Указатель воспоминаний, дневников и путевых заметок XVIII—XIX вв. Из фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина» (М., 1951).

Важное значение для плодотворной исследовательской работы имеет укрепление *международных научных связей кафедры*. С 1960-х годов расширились научные контакты сотрудников кафедры с зарубежными историками. Научную стажировку по русской истории проходят молодые исследователи из США, Канады, Франции, Германии, Италии, Англии, Ирландии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Китая, Японии, Южной Кореи. Ученые кафедры читают курсы лекций в университетах Германии, США, Болгарии и других стран, активно участвуют в научных конгрессах, тематических симпозиумах и конференциях в США, Болгарии, Германии, Польше, Португалии.

Об интересе за рубежом к учебной и исследовательской литературе профессоров и преподавателей кафедры свидетельствуют издания их учебников, монографий и статей в переводе на английский, немецкий, французский, чешский, болгарский, китайский и японский языки.

3. Отечественная история XX — XXI вв.*

Октябрьская революция 1917 г. была крутым поворотом в истории России. С этого рубежа по живым следам происходящих событий начинается изучение новейшей истории Отечества, формируется концепция становления и развития советского общества и государства. С тех пор отечественная историческая наука прошла длительный путь, имея на своем счету и значительные результаты и огорчающие просчеты.

Начальный период существования советской исторической науки (1917—1934) рассматривается в отечественной историографии как время ее становления, осознания историками своих задач в изменившихся условиях — в условиях прихода к власти партии большевиков. Это было время собирания и организации сил, способных решать эти задачи в контексте новых ценностных ориентаций, время формирования системы подготовки кадров историков нового поколения.

В начале 20-х годов среди преподавателей созданного в МГУ факультета общественных наук оставались представители либеральной и меньшевистски настроенной профессуры — А.А. Мануйлов, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, А.М. Винавер, Н.А. Рожков, Н.Н. Суханов и другие. В это же время на факультете работали А.В. Луначарский, В.И. Невский, И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Волгин, М.Н. Покровский, С.А. Пионтковский, Н.Л. Мещеряков и другие видные большевики, среди которых были и крупные историки. В 20-е годы в университет пришли выпускники Института красной профессуры, в том числе А.М. Панкратова, Э.Б. Генкина, И.И. Минц, А.Л. Сидоров. В результате организационно-кадровых преобразований уже к середине 20-х годов позиции историков старой школы, в особенности обращавшихся к изучению послереволюционной России, были существенно ослаблены.

Возникновение профессиональной историографии Октябрьской революции связано и с деятельностью ученых Московского университета, и прежде всего с именем М.Н. Покровского¹. Для своих исследований Покровский мобилизовал большое количество новых разноплановых архивных источников, выдвинув задачу их систематического поиска и публикации (особенно мемуаров политических деятелей).

Большую роль в разработке проблем революции 1917 г. сыграл М.Н. Покровский и в качестве редактора различных изданий, наиболее значительным из которых явился двухтомник «Очерков по истории Октябрьской революции». В создании этого труда участвовали и молодые ученые факультета общественных наук — А.Л. Сидоров и Э.Б. Генкина.

* Автор выражает благодарность профессору В.М. Селунской, доценту Т.А. Сивохиной и всем коллегам, сделавшим ценные замечания при подготовке данного материала.

¹ Покровский М.Н. Начало пролетарской революции в России // Красный архив. М., 1925; *Он же*. Два Октября // Спутник агитатора. М., 1925. № 18; *Он же*. Исторический смысл Февраля (Царизм и буржуазия в февральской революции) // Пролетарская революция. М., 1927. № 2-3; *Он же*. Буржуазная концепция пролетарской революции (Стенограмма доклада в Обществе историков-марксистов 5 ноября 1926 г.) // Историк-марксист. М., 1927. Т. 3; *Он же*. К девятой годовщине (доклад на собрании научных работников Москвы 6 декабря 1926 г.) // Научный работник. М., 1926. № 11; *Он же*. Историческое значение Октябрьской революции // Коммунистическая революция. М., 1927. Т. 5; *Он же*. Октябрьская революция: Сб. статей, 1917–1927. М., 1929.

В числе первых исследователей, кто попытался проанализировать широкий круг проблем, связанных с Октябрем, был С.А. Пионтковский, автор книги «Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход»². Как и большинство историков-марксистов Московского университета, он находился под влиянием М.Н. Покровского, что проявилось, в частности, в переоценке им роли иностранного капитала в экономическом развитии России, в акценте на стихийность движения в октябре 1917 г., в абсолютизации двойственного характера революции, которая, по его утверждению, была пролетарской и буржуазной одновременно. Такая довольно путаная концепция Октября отражала общее состояние начального этапа советской историографии. Тем не менее в книге достаточно полно были освещены основные события подготовки и победы революции. И это, и другие исследования Пионтковского отличались стремлением проникнуть в суть революционного процесса в России, привлечением большого фактического материала для его анализа.

К проблемам революции обращались в этот период и ученые небольшевиcтской ориентации. Свой взгляд на революцию как на прямое следствие «некультуры, малосознательности, стихийности масс» обозначил еще в 1918 г. известный историк Н.А. Рожков в предисловии к сборнику документов и материалов «Октябрьский переворот». В двенадцатом томе своего труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении» он однозначно оценивал Октябрьскую революцию как буржуазную и предрекал скорую гибель советской власти.

К историографии Октября необходимо также отнести и те работы, в которых эта проблема освещалась через призму деятельности большевистской партии. Среди историков МГУ признанным специалистом в этом вопросе, а также в вопросах профсоюзного и других общественных движений стал В.И. Невский. Особенностью всех историко-партийных работ того времени был мощный полемический заряд, нацеленный против антибольшевистских трактовок природы Октябрьской революции и осуществления социалистического переустройства страны.

Дань борьбе с троцкизмом отдали и молодые историки университета. Так, С.А. Пионтковский и И.И. Минц вошли в число составителей четвертого тома «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского.

В начале 30-х годов активизировалось изучение истории Гражданской войны. В этом приняли участие и университетские преподаватели — И.И. Скворцов-Степанов и И.И. Минц. Труды И.И. Минца не остались незамеченными научной общественностью, а также руководством государства. Ему было поручено возглавить секретариат главной редакции многотомной «Истории гражданской войны в СССР».

С проблемой Октябрьской революции связано изучение истории рабочего класса и его организаций в революционную эпоху. Как и история Гражданской войны, эта тема составляет один из аспектов общей проблемы Октября. Уже в начале 20-х годов ученые МГУ сумели оценить важность изучения подобных вопросов. В первую очередь это касается А.М. Панкратовой, написавшей монографию «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику».

² Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. М.; Пг., 1923.

Интерес к истории российского рабочего класса и промышленно-сти обострялся представлением о рабочем классе как о ведущей силе общественного развития, а также вступлением страны в полосу индустриализации. В середине 20-х годов в Институте истории РАНИОН группа исследователей во главе с Н.А. Рожковым занялась изучением отдельных промышленных предприятий. В апреле 1926 г. Рожков выступил в Обществе историков-марксистов с докладом, в котором попытался наметить общую методологию подобного изучения. Работа, начатая в Институте истории РАНИОН, в расширенном масштабе была продолжена секцией по изучению истории пролетариата в Коммунистической академии. А.М. Панкратова принимала в ней активное участие. На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (декабрь 1928 — январь 1929) она выступила с программным докладом «Проблема изучения истории рабочего класса в России».

Важнейшим направлением исторических исследований в 20—30-е годы становится и разработка концепции советской внешней политики. Из историков того времени больше других по этому вопросу выступал в печати М.Н. Покровский. И хотя внешняя политика советского государства не была предметом его специальных научных исследований, он обращался к этой теме не реже, чем к дипломатии царского правительства. М.Н. Покровский написал несколько статей о внешнеполитической деятельности Советской России, освещал эту тему в своих лекционных курсах³. Историей внешней политики СССР занимался также профессор исторического факультета МГУ Б.Е. Штейн⁴.

В условиях постоянных организационных перестроек и кадровых изменений 20-х годов нормальное течение научного и учебного процесса нарушалось. Вместе с тем было бы неправильно считать, что в 20-х — начале 30-х годов не велось никаких исследований в области истории. Постепенно власть и ученые преодолевали губительное отношение к истории как к прикладной науке. Правда, отказ от прежних «ультрареволюционных» заблуждений далеко не всегда сопровождался разумными способами борьбы с ними. Ярким примером тому может служить развернувшаяся в начале 30-х годов критика исторической школы Покровского. Эта критика, с одной стороны, выражала неудовлетворенность ученых и общества утилитарностью подходов к исторической науке, пропагандируемых этой школой, но с другой — вообще отрицала научную значимость трудов М.Н. Покровского. Приходится признать, что немалую активность в этой не всегда справедливой и корректной критике проявляли и ученики этого незаурядного историка,

³ Покровский М.Н. Демократический мир // Покровский М. Н. Империалистическая война: Сб. статей, 1915–1930. 2-е изд. М., 1931; *Он же*. Новая речь Вильсона // Там же; *Он же*. Внешняя политика России в XX веке. Популярный очерк. М., 1926; *Он же*. Октябрьская революция и Антанта (Выход России из войны) // Пролетарская революция. 1927. № 10; и др.

⁴ Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М., 1922; *Он же*. Торговая политика и торговые договоры Советской России, 1917–1922 гг. М., 1923; *Он же*. Внешняя торговая политика СССР. М., 1925; Штейн Б.Е., Рапопорт А.Ю. Советско-германский договор 12 октября 1925 г. М., 1927; и др.

в том числе работавшие в МИФЛИ и на созданном в 1934 г. в МГУ историческом факультете⁵.

Период с 1917 по 1934 г. был чрезвычайно важен для становления нового направления в отечественной исторической науке — истории советского общества и государства. Главной, стержневой проблемой для историков МГУ была тема Октября, от нее, как от ствола дерева, постоянно отщеплялись все новые отрасли исторических исследований, делавшиеся со временем самостоятельными. Не все они развивались равномерно. Наибольшее внимание уделялось таким проблемам, как Октябрьская революция, Гражданская война и иностранная интервенция, деятельность большевистской партии, история рабочего класса. В значительно меньшей мере в трудах ученых присутствовали темы истории крестьянства и других слоев советского общества, хозяйственной, культурной политики СССР.

Следующий этап изучения истории советского общества в Московском университете можно датировать 1934—1953 годами — временем от образования исторического факультета МГУ до структурной реорганизации кафедр отечественной истории.

Центром по изучению советской истории в эти годы становится кафедра истории СССР. С 1934 по 1937 г. ее возглавляла профессор А.М. Панкратова, затем некоторое время в 1937 г. — профессор Н.М. Дружинин, в 1938—1941 — профессор В.И. Лебедев, в 1941—1949 — И.И. Минц (академик АН СССР с 1946 г.), с 1949 по 1953 г. — профессор А.Л. Сидоров. На кафедре были сформированы три секции — по периодам отечественной истории⁶. Послереволюционная тематика нашла тогда отражение прежде всего в работах профессоров А.М. Панкратовой, А.И. Гуковского, доцентов Е.А. Луцкого (первым подготовившего общий курс лекций по истории советского периода, застенографированный в 1940/41 учебном году), Д.А. Баевского, С.Л. Эвенчик.

В числе студентов, учившихся на факультете в довоенные годы и ставших впоследствии известными историками, были Г.Н. Голиков, М.И. Хейфец, В.В. Кузин, В.М. Селунская, А.Ф. Чмыга, П.В. Волобуев. Над кандидатскими диссертациями в тот период работали будущие сотрудники кафедры М.И. Стишов, А.С. Рослова, А.Б. Захарьян.

Определенной вехой в развитии исторической науки явилось издание в 1940 г. под редакцией А.М. Панкратовой учебника по истории СССР для восьмых, девярых и десятых классов средней школы (в трех частях)⁷. Последняя из них была написана самой А.М. Панкратовой.

Большим событием в отечественной историографии новейшего периода стала защита в 1939 г. Э.Б. Генкиной (работала в МГУ с 1938 г.) первой докторской диссертации по истории советского общества⁸.

⁵ Подробнее см.: Советская историография. М., 1996. Кн. 2. С. 25–26.

⁶ См.: Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы. 1945–1955. М., 1988. С. 23.

⁷ Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: Учебник для 8–10 классов средней школы. М., 1939. Ч. III.

⁸ Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940.

В годы Великой Отечественной войны ученые Московского университета наряду с историко-патриотической, пропагандистской деятельностью готовили фундаментальные научные исследования.

Активную роль в разработке историко-патриотической тематики играл заведующий кафедрой истории СССР И.И. Минц. Газетные и журнальные статьи, брошюры, опубликованные им в эти годы, знакомили читателей с боевыми традициями сражающегося народа, укрепляли его веру в победу⁹. Одновременно Минц вместе с другими членами кафедры приступил к изучению истории Великой Отечественной войны. С ноября 1941 г. он возглавлял комиссию по созданию «Летописи Отечественной войны», занимавшейся сбором документов и материалов (дневники, письма и пр.) о борьбе советского народа против оккупантов в тылу и на фронте. Большую роль в этой комиссии играл А.Л. Сидоров: он неоднократно выезжал на фронт для сбора материала, участвовал в первых попытках создания монографических исследований о войне. Весной 1944 г. А.Л. Сидоров закончил работу над очерком о роли Московского народного ополчения в обороне столицы¹⁰. Сотрудником комиссии был и М.И. Стишов, вернувшийся с фронта после ранения. В своей кандидатской диссертации Стишов собрал и обобщил материал по теме «От Москвы до Кенигсберга (История боевого пути 4-й Куйбышевской дивизии народного ополчения Москвы)». Диссертация была защищена в 1945 г.

Исследования по военной истории продолжила Э.Б. Генкина. В ее работах развивалась идея преемственности подвига участников Гражданской и Великой Отечественной войн¹¹. Одновременно Э.Б. Генкина одной из первых в стране обратилась к проблемам национальной политики и национального вопроса в СССР¹².

Крупным событием советской исторической науки этого времени стало издание второго тома «Истории гражданской войны в СССР»¹³. Авторский коллектив тома, в состав которого входили работники кафедры истории СССР Московского университета И.И. Минц, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон, был удостоен Государственной премии за 1942 г. В 1945 г. из печати вышли второй и третий тома коллективного труда «Истории дипломатии»¹⁴. В этом издании была сделана попытка изложить развитие отечественной дипломатии в связи с историей международных отношений. За этот труд И.И. Минц наряду с другими авторами был вторично удостоен Государственной премии.

В послевоенный период важным направлением научных разработок кафедры оставалась история Великой Отечественной войны. Были предприняты попытки создать серию обобщающих очерков по этой теме. Однако попытки эти не увенчались успехом: очерки опирались на узкую

⁹ См., например: *Минц И.И.* Партизанская война против фашистских людоедов. М., 1941; *Он же.* Красная армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 году. М., 1941; и др.

¹⁰ Историческая наука в Московском университете, 1934–1984. М., 1984. С. 45.

¹¹ *Генкина Э.Б.* Царицын – Сталинград. М., 1943; *Она же.* Героический Сталинград. М., 1943; *Она же.* Разгром немецких захватчиков в 1918 году. М., 1943; и др.

¹² *Генкина Э.Б.* Образование СССР. М., 1943.

¹³ История гражданской войны в СССР. М., 1942. Т. 2.

¹⁴ История дипломатии. М., 1945. Т. 2–3.

источниковую базу и носили не столько исследовательский, сколько научно-популярный характер.

Несмотря на определенные достижения в изучении советской истории, профессора и преподаватели кафедры осознавали недостаточность своего вклада в создание истории советского общества. Это, в частности, продемонстрировал доклад Э.Б. Генкиной, сделанный ею в ноябре 1946 г. на заседании ученого совета Института истории Академии наук СССР. В докладе было указано на отставание в изучении истории СССР советского периода и выражалась неудовлетворенность тем, что «уровень, масштабы изучения далеко не отвечают всевозрастающим запросам». Одним из показателей отставания, говорилось в докладе, являлась неравномерность освещения различных этапов истории. В первые десятилетия советской власти упор делался на проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Основные монографические работы и почти все без исключения публикации документов относились к периоду с 1917 по 1920 г. Многие работы были сделаны в изучении истории военных операций в период Гражданской войны, но вопросы, касающиеся государственного, культурного и национального строительства, создания Красной Армии, работы промышленности и положения сельского хозяйства оставались почти нетронутыми. Разработка проблем, связанных с историей восстановительного периода, индустриализации и коллективизации страны, Отечественной войны, по существу, только начиналась. По истории советского общества не было даже учебника для вузов¹⁵.

В 1949 г. в связи с развернувшейся кампанией по «борьбе с космополитизмом» изучение и преподавание советской истории в МГУ привлекло к себе внимание всего факультетского коллектива, широких кругов университетской и столичной общественности. Ряд профессоров и преподавателей — И.И. Минц, И.М. Разгон, Э.Б. Генкина и другие — незаслуженно обвинялись в том, что в их работах отсутствует должный патриотизм¹⁶.

В марте — апреле 1949 г. они были освобождены от преподавания в университете и переведены в другие высшие учебные заведения. Однако через несколько лет некоторые из них (в частности, Э.Б. Генкина в 1953 г.) возвратились на исторический факультет МГУ.

Существенные кадровые изменения на кафедре истории СССР были связаны также с привлечением к сотрудничеству ряда новых специалистов. С 1948 г. здесь начал работать профессор В.Ф. Шарапов, автор защищенной в том же году докторской диссертации по теме «К истории земельных отношений в РСФСР (Процесс формирования земельных отношений в период «военного коммунизма»)». Помимо новых штатных преподавателей, в учебной и научной работе кафедры участвовали и историки, трудившиеся в других учреждениях Москвы, в том числе Б.С. Тельпуховский, З.А. Астапович, О.Н. Чаадаева, И.К. Додонов, Н.Л. Рубинштейн, С.Ф. Найда, П.М. Горлов.

¹⁵ См.: *Генкина Э.Б.* К вопросу об изучении истории СССР советского периода // Вопросы истории. 1947. № 3.

¹⁶ См. об этом: *Поляков Ю.А.* Памяти И.И. Минца // История СССР. 1991. № 5. С. 221.

Основной состав коллектива пополнялся молодыми-специалистами. Среди них было немало участников Великой Отечественной войны: М.Е. Найденов, Т.А. Логунова, Ю.А. Мошков, Л.М. Папин. В конце 40-х начале 50-х годов на истфаке учились и специализировались по проблемам послеоктябрьского периода будущие профессора и преподаватели кафедры В.З. Дробижев, Ю.С. Кукушкин, А.М. Панфилова, Д.К. Шелестов.

Рост кадрового состава, расширение проблематики исследовательской работы в области отечественной истории поставили вопрос о необходимости разукрупнения кафедры истории СССР. В марте 1953 г. были образованы четыре кафедры отечественной истории и среди них первая в стране кафедра истории СССР советского периода.

С момента создания новой кафедры перед ней встали задачи: разработать программу и методику преподавания общего курса истории СССР советского периода, завершить подготовку учебного пособия по этому курсу, активно включиться в исследование проблем отечественной истории послеоктябрьского времени. Эти задачи диктовались всплеском интереса к советской истории, необходимостью теоретического осмысления закономерностей развития советского общества на новом этапе. В периодических изданиях тех лет увеличилось число публикаций на эту тему. Если с 1937 по 1948 г. в 24-х номерах «Исторических записок» было опубликовано всего шесть статей по истории советского общества (при этом ни одна из них не выходила за рамки периода Гражданской войны), то в 26 номерах с 1949 по 1955 г. появилось 66 статей по советской истории¹⁷.

С 1953 до 1958 г. кафедрой заведовал доцент М.И. Стишов. В эти годы в штате состояли профессор Э.Б. Генкина, доценты Е.Н. Городецкий, Б.Г. Верховень, С.П. Зиновьева, преподаватели М.И. Федорова, В.В. Кузин, М.Е. Найденов, А.Б. Захарьян; по совместительству работали И.К. Додонов, В.Ф. Шаратов, П.М. Горлов, Ю.А. Поляков, З.А. Астапович. К преподаванию на кафедре также были привлечены кандидаты наук В.И. Бессонова, Е.А. Сафронова, М.И. Хейфец.

В 1954 г. в коллектив влились выпускники аспирантуры, кандидаты наук А.М. Панфилова и А.Ф. Чмыга. Старшим научным сотрудником стал Б.Е. Штейн. В 1956 г. на кафедру были зачислены кандидаты наук А.И. Калмыкова и Ю.С. Кукушкин. В преподавании истории советского общества в 50-е годы принимали участие профессора Г.Н. Голиков, М.П. Ким и другие.

С образованием кафедры изучение истории советского общества заметно расширилось. Результаты научных исследований находили свое воплощение в специальных курсах¹⁸, в подготовке и чтении которых участвовали почти все члены кафедрального коллектива. Эти курсы отражали общий уровень историографии проблемы первого послевоенного десятилетия — источниковую базу, обобщение фактического материала, понимание характера советского общества на отдельных этапах его развития.

¹⁷ См.: *Генкина Э.Б.* К вопросу об изучении истории СССР...

¹⁸ «Земельная политика Советской власти в 1917–1918 гг.»; «Восстановительный период в СССР»; «Коллективизация сельского хозяйства в СССР»; «История рабочего класса в восстановительный период»; «История советской культуры»; и др. Такого количества спецкурсов по истории советского общества не было ни в одном университете страны (см.: *Барсенков А.С.* Советская историческая наука в послевоенные годы, 1945–1955. М., 1988. С. 34).

От тематики Гражданской войны ученые перешли к изучению истории новой экономической политики, о чем свидетельствовала монография Э.Б. Генкиной¹⁹. Автор показала, что наиболее общие черты этой политики были обозначены в ленинских трудах 1918 г. В книге проводилась мысль о том, что переход к нэпу затронул не только экономику, но также политику и идеологию. Нельзя не отметить значительную роль монографии в формировании у исследователей исторического подхода к рассмотрению разных явлений переходного периода. Многие положения монографии Э.Б. Генкиной сохранили свою актуальность и убедительность до сих пор.

Важнейшей задачей кафедры стал выпуск учебника. Уже в послевоенное пятилетие было завершено издание курса лекций по отдельным периодам советской истории, авторами которого были И.И. Минц, Э.Б. Генкина, А.А. Матюгин, С.Ф. Найда, М.И. Стишов, Б.С. Тельпуховский, О.Н. Чаадаева и другие²⁰.

При изучении вопросов истории советского общества исследователи руководствовались концепцией, изложенной в одобренном ЦК ВКП(б) учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). Созданный в 1938 г. при участии И.В. Сталина, этот учебник оказывал решающее влияние на трактовку многих аспектов истории, сковывая творческий потенциал ученых и в послевоенное десятилетие. Однако привлечение новых архивных материалов, расширение проблемных и хронологических рамок исследований влекли за собой выдвижение новых принципиальных положений, обогащавших представление о послеоктябрьской истории страны. Ряд из них родился в результате дискуссий по наиболее существенным вопросам развития СССР.

Одна из таких дискуссий — о периодизации истории советского общества — была развернута по инициативе кафедры в 1950 г. Спустя четыре года, обсуждение этого вопроса было проведено журналом «Вопросы истории». Участниками дискуссии стали и представители истфака МГУ — Э.Б. Генкина, Г.Н. Голиков, А.М. Панфилова, Ю.А. Поляков, О.Н. Чаадаева²¹. Выдвинутые в ходе дискуссии положения имели большое значение для последующего уточнения концепции истории советского общества.

Публикация курсов лекций, активное участие в обсуждении проблемы периодизации истории советского общества сыграли свою роль в подготовке коллектива кафедры к созданию первого учебника по советской истории.

В 1954 г. был утвержден состав авторского коллектива и редколлегия этого издания. Ответственным редактором был назначен М.П. Ким. Работу университетских преподавателей координировал М.И. Стишов. В подготовке учебника участвовали Э.Б. Генкина, Ю.А. Поляков, Б.С. Тельпуховский, Д.К. Шелестов и другие историки. К началу 1955 г. был создан

¹⁹ Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике. М., 1954.

²⁰ См.: Минц И.И. История СССР (1917—1925). М., 1946; Генкина Э.Б. СССР в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934). М., 1954; Матюгин А.А., Чукаев Д.А. СССР в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). М., 1952; Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1952; Чаадаева О.Н. Подготовка Великой Октябрьской революции. М., 1952; Стишов М.И., Найда С.Ф. Разгром трех походов Антанты. М., 1952.

²¹ См.: Берхин И.Б., Ким М.П. О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. 1954. № 10.

макет учебника, ставший предметом детального обсуждения на совместном заседании бюро отделения исторических наук АН СССР, ученых советов исторического факультета МГУ и Института истории. Окончательный текст учебника был подготовлен для сдачи в издательство лишь летом 1957 г. Изложение материала в нем было доведено до середины 50-х годов, включая XX съезд КПСС. В конце 1957 г. учебник вышел в свет. Он имел важное значение для подготовки историков в стране. Вслед за первым последовали второе (1964) и третье (1974) издания.

Помимо создания учебника, приоритетным направлением работы кафедры стало участие в подготовке двухтомной «Истории Московского университета»²², отмечавшего в 1955 г. свое двухсотлетие. Авторами глав второго тома, посвященного истории МГУ в советское время, являлись В.И. Бессонова, Е.Н. Городецкий, С.П. Зиновьева, Т.А. Логунова, М.Е. Найденев, М.И. Федорова, М.И. Хейфец. К юбилею университета был издан также сборник статей под редакцией Е.Н. Городецкого, М.Е. Найденева и М.И. Стишова²³. В 1955 г. Д.К. Шелестов совместно с А.М. Сахаровым опубликовали краткий очерк истории университета²⁴.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, ученые стали освобождаться от сковывавших их ранее стереотипов «Краткого курса» истории ВКП(б). Развертывались дискуссии, появлялись новые подходы к разработке сложных проблем истории советского общества; осваивались новые источники; исследователи обращались к так называемым запретным темам. В этих условиях работа кафедры привлекала к себе обостренное внимание руководства не только исторического факультета, но и университета. Однако положение дел на кафедре не содействовало ожидаемому от нее повороту к новой проблематике.

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов продолжалось изучение истории Октябрьской революции, был создан ряд обобщающих работ по этой теме. В 1957 г. вышел третий том «Истории гражданской войны в СССР», в котором рассматривались проблемы установления советской власти осенью 1917 — весной 1918 г. В том же году под редакцией Б.Г. Верховеня, М.И. Стишова и М.И. Хейфеца был опубликован кафедральный сборник статей «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Авторами статей выступили В.И. Бессонова, В.З. Дробижев, М.Е. Найденев, М.И. Стишов, Б.Е. Штейн и другие. В сборнике содержались две историографические статьи, в которых освещались основные этапы изучения истории Октябрьской революции в советской исторической науке (М.Е. Найденев) и критически анализировались главные направления зарубежной историографии 1917—1924 гг. (Б.Е. Штейн).

²² История Московского университета: В 2 т. М., 1955.

²³ Из истории Московского университета: Сб. статей. М., 1955.

²⁴ Сахаров А.М., Шелестов Д.К. Московский университет за 200 лет. Краткий исторический очерк. М., 1955.

Центральное место в историографии Октября заняла тема жизни и творчества В. И. Ленина. В 1960 г. кафедра издала сборник «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина» (авторы статей — В.И. Бессонова, Е.Н. Городецкий, В.З. Дробижев, В.В. Кузин, Ю.С. Кукушкин, М.Е. Найденов, Л.М. Папин, Ю.А. Поляков, А.Ф. Чмыга, Д.К. Шелестов). Авторский коллектив сборника в 1960 г. был удостоен Ломоносовской премии.

Во второй половине 50-х годов претерпел серьезные изменения характер исследований по истории Гражданской войны. После XX съезда КПСС в трудах советских историков, в том числе и кафедральных, подвергся критической переоценке ряд положений, господствовавших в исторической науке в прежние годы. Этому способствовали всестороннее изучение опубликованного документального материала, введение в научный оборот новых источников, в том числе документов ЦК большевистской партии. Ученых кафедры — Т.А. Логунову, Л.М. Папина, Ю.А. Полякова, Д.К. Шелестова — привлекали в первую очередь те вопросы, которые в предыдущий период изучались недостаточно или трактовались тенденциозно, были пересмотрены оценки важнейших событий начального этапа Гражданской войны. Ю. А. Поляков и Д. К. Шелестов в написанной ими книге пришли к выводу о решающем значении Восточного Фронта во второй половине 1918 г., а не Южного, как это представлялось прежде²⁵.

Ученые кафедры внесли свой вклад и в пересмотр взглядов на историю Гражданской войны на юге страны. Из всей истории боевых действий против белогвардейской армии Деникина в исследованиях второй половины 30-х — первой половины 50-х годов анализировались в основном события на Южном Фронте осенью 1919 г. При этом подробно характеризовались лишь боевые операции Первой конной армии²⁶. В книге А.П. Алексашенко (работал на кафедре в 1960—1970-е годы) освещались бои с деникинцами весной и летом 1919 г., боевые операции Красной Армии осенью 1919 г. на Юго-Восточном Фронте, а также завершение разгрома Деникина весной 1920 г.²⁷

М.И. Стишов изучал другой аспект истории Гражданской войны — мало разработавшиеся ранее вопросы истории большевистского подполья, его связь с партизанским движением в Сибири.

В 1962 г. на эту тему им была защищена докторская диссертация. Это была первая докторская диссертация, защищенная на кафедре истории СССР советского периода. В том же году на этой основе была издана монография²⁸.

На рубеже 50—60-х годов в целом ряде работ ученых кафедры нашли отражение проблемы хозяйственной жизни, новой организации

²⁵ Поляков Ю., Шелестов Д. Боевой восемнадцатый год. М., 1958; Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957; Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг. М., 1959; Логунова Т.А. Московская красная гвардия в борьбе за власть Советов в 1917 г. М., 1960; и др.

²⁶ См.: Наумов В.П. Изучение истории гражданской войны в СССР // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. V.

²⁷ Алексашенко А.П. Крах деникинщины. М., 1966.

²⁸ Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны. М., 1962.

труда в промышленности и сельском хозяйстве. Ю.С. Кукушкин и Д.К. Шелестов опубликовали книгу «Первые коммунистические субботники»²⁹, А.М. Панфилова — монографию «История завода «Красный Богатырь»³⁰, А.Ф. Чмыга — «Очерки по истории колхозного движения на Украине»³¹.

В декабре 1958 г. новым заведующим кафедрой стал профессор С. Ф. Найда, известный своими работами по истории революции и Гражданской войны и возглавлявший в прошлом ряд исторических журналов, в том числе «Вопросы истории». В конце 50-х — начале 60-х годов к работе на кафедре приступили новые сотрудники: Н.С. Мутовкин, защитивший впоследствии (в 1969 г.) докторскую диссертацию на основе своей монографии «Военно-политический союз рабочего класса и трудового крестьянства в СССР в период иностранной интервенции и гражданской войны»; А.П. Алексашенко, опубликовавший в 1966 г. книгу «Крах денкинизации»; И.М. Волков, разрабатывавший историю послевоенного колхозного крестьянства; С.И. Блинов, издавший в 1973 г. монографию «Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры».

Одновременно кафедра пополнилась и выпускниками истфака. В 1961 г. ее сотрудником стал В.З. Дробижев, работавший ранее в редакции журнала «История СССР» и защитивший в 1957 г. кандидатскую диссертацию на тему «Строительство органов управления промышленностью в СССР в 1917—1918 гг.». Главным направлением своей научной деятельности Дробижев выбрал исследование истории советского рабочего класса и промышленности. Большим вкладом в изучение этих проблем была его книга «Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства» (М., 1961). Свою лепту в разработку этой темы внесла также А.М. Панфилова, написавшая монографию «Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки» (М., 1962). Эти книги давали представление о росте численности рабочего класса страны, о соотношении мужского и женского труда, об источниках пополнения фабрично-заводских коллективов, об увеличении слоя квалифицированных рабочих и т. д.

Результаты научной работы коллектива плодотворно сказывались на учебном процессе. В первой половине 60-х годов на кафедре читались следующие спецкурсы: «Трудовой подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны»; «Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в послевоенный период»; «Развитие социалистической культуры в послевоенный период»; «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в послевоенный период»; «Внешняя политика СССР в период назревания Второй мировой войны» и др. Подготовка дипломных работ велась по следующей проблематике: «Формирование и развитие рабочего класса в СССР»; «История сельского хозяйства и колхозного крестьянства»; «История местных советов в послевоенные годы»; «Организация управления промышленностью в СССР»; «Антифашистское подполье и партизанское движение в годы Великой Отечественной войны»; «Внешняя политика СССР»; «Культурное строительство в СССР».

²⁹ Кукушкин Ю.С., Шелестов Д.К. Первые коммунистические субботники. М., 1959.

³⁰ Панфилова А.М. История завода «Красный богатырь», 1887–1925. М., 1958.

³¹ Чмыга А.Ф. Очерки по истории колхозного движения на Украине, 1921–1925. М., 1958.

Важным стимулом привлечения студентов к научной деятельности явилась публикация их лучших работ. Ряд студенческих исследований был опубликован в журнале «Вестник Московского университета» (сер. История). В 1964 г. был издан сборник статей выпускников кафедры³².

Большое внимание уделялось изучению истории промышленности в СССР. В.З. Дробижев в 1966 г. опубликовал монографию «Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ (1917—1932)», защищенную им в 1967 г. в качестве докторской диссертации. Успешно прошла защита выполненных под руководством В.З. Дробижева кандидатских диссертаций А.И. Вдовина «Новые пополнения рабочего класса в СССР в годы реконструкции народного хозяйства» (1973) и Л.Е. Гришаевой «Изменения численности состава рабочих союзных республик в условиях социалистической индустриализации» (1980). В 1975 г. В.З. Дробижев, А.К. Соколов и В.А. Устинов издали книгу «Советский рабочий класс в первый год диктатуры пролетариата (опыт конструктивного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.)». Это был один из первых опытов применения количественных методов обработки массовых видов источников с использованием ЭВМ. В 1976 г. была опубликована монография А.И. Вдовина и В.З. Дробижева «Рост рабочего класса СССР, 1917—1940»; в 1982 г. Л.Е. Гришаева издала книгу «Рабочие союзных республик в условиях социалистической индустриализации».

Одним из основных направлений научной деятельности кафедры стала разработка вопросов историографии. В 1967 г. под руководством М.Е. Найденова и с его участием был издан коллективный труд «Очерки историографии советского общества», занявший видное место в отечественной исторической науке³³.

Преподаватели кафедры выступали в печати со статьями и брошюрами историографического плана. В 1977 г. вышел сборник статей «Вопросы методологии и истории исторической науки» — первый из серии сборников, в которых ученые факультета рассматривали наиболее актуальные вопросы историографии и методологии истории³⁴.

Попыткой комплексного историографического исследования стала кандидатская диссертация А. С. Барсенкова «Изучение истории советского общества в СССР, 1945—1955» (1983 г., научный руководитель — М. Е. Найденов) и подготовленная на ее основе монография.

Были изданы книги С.Ф. Найды и В.П. Наумова «Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР» (1966), монография А.И. Вдовина, В.З. Дробижева, Ю.И. Игрицкого и А.К. Соколова «Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография» (1973), а также первая в стране работа о французской историографии Октября — «Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии» (1975); ее автор Н.В. Наумов защитил в 1968 г. по этой теме кандидатскую диссертацию (научный руководитель — М.И. Стишов).

³² Из истории рабочего класса и промышленности СССР. М., 1964.

³³ Очерки историографии советского общества. М., 1967.

³⁴ Вопросы методологии и истории исторической науки / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М., 1977. Вып. 1; М., 1978. Вып. 2; М., 1981. Вып. 3.

В 1967 г. ученый совет исторического факультета МГУ избрал на должность заведующего кафедрой истории СССР советского периода В.М. Селунскую, работавшую на историческом факультете с 1953 г. В 1966 г. она защитила докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс и Октябрь в деревне», опубликованную в 1968 г. в качестве монографии. В.М. Селунская руководила кафедрой в течение десяти лет (1967 – 1977). За это время коллектив пополнился выпускниками аспирантуры — здесь начали преподавать С.А. Байбаков, А.И. Вдовин, Л.Е. Гришаева, М.Р. Зезина, Н.В. Наумов, Н.А. Роголина, Т.А. Сивохина, Ю.А. Щетинов.

Обновляя проблематику научных исследований, кафедра сосредоточила свои усилия на разработке комплексной темы – социальной истории советского общества в период с октября 1917 г. до середины 1930-х годов. Изучение проблемы, рассчитанное на десять лет, велось на основе научной кооперации. Наряду с преподавателями кафедры к ней были привлечены научные сотрудники Института истории Академии наук СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В редакционную коллегию планируемого по этой теме издания вошли В.М. Селунская (ответственный редактор), В.З. Дробижев, Ю.С. Кукушкин, М.Е. Найденев, С.Ф. Найда и М.И. Хейфец.

В 1976 г. была опубликована первая книга коллективной монографии «Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920» и в 1979 г. — вторая — «Изменение социальной структуры советского общества, 1921 — середина 1930-х годов». В первой книге рассматривались проблемы методологии изучения социальной структуры, советская и зарубежная историография, основные группы источников, а также освещалась история становления новой структуры советского общества; во второй — получили отражение процессы развития социальной структуры общества в условиях многоукладной экономики (1921—1929).

Этот труд был положительно оценен научной общественностью, а его авторы отмечены почетной грамотой Минвуза СССР за лучшую научную работу 1979 г. Продолжением исследования названной темы стали книга В.М. Селунской и Т.А. Сивохиной «Социально-политическое единство советского общества» (М., 1982) и монография В.М. Селунской «Социальная структура советского общества. История и современность» (М., 1987).

70-е годы были весьма плодотворны в научной работе кафедры. Изучение социальной истории советского общества вылилось в серьезное обобщающее исследование проблем переходного периода, продемонстрировало большие профессиональные сдвиги в овладении методологией, методикой работы над сложной и важной проблемой, придало новый импульс педагогическому процессу, способствуя обогащению содержания общих лекционных курсов, разработке новых спецкурсов и спецсеминаров.

Наряду с новой проблематикой интенсивно разрабатывались традиционные темы, связанные с историографией, реконструкцией народного хозяйства, развитием советской культуры, историей Великой Отечественной войны и др. В 1967 г. по теме «История колхозного движения на Украине (1917—1929)» защитила докторскую диссертацию А.Ф. Чмыга. Ее перу

также принадлежит ряд статей и монография «Колхозное движение на Украине (1917—1929): Очерки истории» (М., 1974). К послевоенной истории советской деревни обратился И.М. Волков, защитивший в 1968 г. докторскую диссертацию «Колхозы и колхозное крестьянство СССР в первые послевоенные годы (1946—1950)». На основе диссертации им в 1972 г. была опубликована монография «Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах». Н. Л. Роголина в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию «Класс кулачества накануне массовой коллективизации (1926—1929)» (научный руководитель — В.М. Селунская). В.М. Селунская продолжала изучение истории коллективизации, опубликовав работы «Ленинский кооперативный план в советской историографии» (1974) и «Исторический опыт социалистического преобразования и развития сельского хозяйства и его международное значение» (1975). В 1976 г. аспирантка М.Р. Зезина под научным руководством В.М. Селунской подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Изменение численности и состава интеллигенции союзных республик в условиях развитого социализма»; в 1982 г. вышла ее монография «Советская интеллигенция в условиях развитого социализма». Истории советской культуры и советской интеллигенции были посвящены также исследования В.И. Бессоновой и Л.А. Пинегинной. Результаты работы В.И. Бессоновой отразились в ее статьях и написанных ею разделах коллективных трудов кафедры. Л.А. Пинегина опубликовала монографию «Рабочий класс и художественная культура, 1917—1932 гг.» (М., 1984), а также курс лекций по истории советской культуры. Кроме того, она являлась автором ряда статей и разделов в коллективных монографиях.

Проблемами истории Великой Отечественной войны занимались Т.А. Логунова и С.Ф. Найда. Т.А. Логунова разрабатывала историю партизанского движения, издав серию статей, монографии «Партизанское подполье и партизанское движение в центральных областях РСФСР (июль 1941—1943 гг.)» (1973), «Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск, 1942—1945 гг.» (1985), а также книгу воспоминаний «О днях партизанских» (1969). С.Ф. Найда в 1976 г. выпустил (в соавторстве) книгу «Сражения первого периода Великой Отечественной войны в советской историографии».

Важное направление в изучении истории советского общества открыли докторская диссертация (1967) и монография Ю.С. Кукушкина «Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921—1932)» (1968). Исследование проблем местных и центральных органов власти Ю.С. Кукушкин продолжал в таких своих работах, как «Исторический путь Советов в СССР» (1966), «Совет Оборонь» (1969), «Советы в развитом социалистическом обществе» (1976), «От первых Советов рабочих депутатов к Советам народных депутатов» (1979), а также во многих научных статьях. Особый интерес представляют его статьи о социальной природе образования СССР: «Ведущая роль рабочего класса в образовании многонационального социалистического государства» (1972) и «Рабочий класс —

цементирующая сила великого союза» (1972). Несколько работ Ю.С. Кукушкина посвящены проблемам истории советской Конституции, в частности книга «Очерк истории Советской Конституции» (1980), написанная в соавторстве с профессором юридического факультета МГУ О.И. Чистяковым. В развитие этой темы под руководством Ю.С. Кукушкина были выполнены кандидатские диссертации работавших на кафедре преподавателей: С.А. Байбакова — «Партийное руководство подготовкой кадров для Советов в советских и советско-партийных учебных заведениях (1928—1932)» (1976 г., в 1980 г. издана монография под тем же названием) и Ю.Я. Терещенко — «Ведущая роль рабочего класса в образовании и укреплении Союза ССР, 1917—1924 гг.» (1982).

На кафедре велась активная разработка проблем истории политической борьбы в Советской России 1917—1920 гг., отразившая основные принципиальные положения официальной историографии тех лет. Итогом многолетних исследований явилась книга М.И. Стишова «История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917—1930-е годы)» (М., 1981). В 1973 г. вышла монография Т.А. Сивохиной «Крах мелкобуржуазной оппозиции» (подготовленная на основе кандидатской диссертации, выполненной под научным руководством М.И. Стишова и защищенной в 1969 г.). Ю.А. Щетинов в 1974 г. защитил диссертацию на тему «Кронштадтский мятеж и мелкобуржуазные партии» (научный руководитель — М.И. Стишов) и издал книги «Сорванный заговор (Кронштадтский мятеж 1921 г.)» (М., 1978), а также «Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920—1921 гг.)» (М., 1984).

Значительное место в научной работе кафедры занимала подготовка изданий, посвященных истории МГУ. В.И. Бессоновой, Е.Н. Городецким, Т.А. Логуновой, М.И. Хейфецом были написаны очерки о периоде с 1917 по 1945 г. в книге «Московский университет за пятьдесят лет Советской власти» (1967); А.И. Вдовин, Ю.С. Кукушкин, Т.А. Логунова, Л.М. Папин участвовали в создании книги «Московский университет в Великой Отечественной войне» (1975); А.И. Вдовин, Ю.С. Кукушкин, Д.К. Шелестов — в издании коллективной монографии «Московскому университету — 225 лет» (1979); А.И. Вдовин, М.Р. Зезина, Т.А. Логунова — в подготовке книги «Летопись Московского университета, 1755—1979» (1979); А.И. Вдовин — в работе над книгой «225 лет издательской деятельности Московского университета, 1756—1981: Летопись» (1981)³⁵. Под редакцией Ю.С. Кукушкина к 50-летию исторического факультета была опубликована книга «Историческая наука в Московском университете» (1984), в которой был помещен очерк А.И. Вдовина «Кафедра истории СССР периода социализма».

Одним из главных направлений научных исследований кафедры на рассматриваемом этапе стало изучение национальных проблем. В 1972 г.

³⁵ См. также: Вдовин А.И. Издательская деятельность Московского университета, 1917—1941 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1981. № 4; *Он же*. Издательская деятельность Московского университета, 1941—1981 гг. // Там же. 1982. № 2.

на истфаке была проведена Всесоюзная межвузовская конференция на тему «Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей». Центральное место на этой конференции заняли доклады Ю.С. Кукушкина «Основные проблемы создания и развития СССР в советской историографии» и В.М. Селунской «Основные этапы, закономерности и особенности процесса преобразования социальной структуры народов СССР». Материалы конференции были опубликованы¹⁶.

Ученые кафедры принимали участие в подготовке таких многотомных изданий, как «История КПСС»; «История СССР с древнейших времен до наших дней»; «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории».

Важное значение в развитии учебного процесса имело издание учебно-методической литературы и публикация документов. Среди наиболее заметных работ этого жанра были: «Методика проведения семинарских занятий на исторических факультетах университетов» (1979) под редакцией профессора М.Т. Белявского (с участием А.И. Вдовина и Т.А. Сивохиной); «Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма» в семи выпусках (М., 1978—1982) под редакцией В.З. Дробижева; три сборника документов «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945)» (М., 1969—1982), большую работу по составлению которых проделала Т.А. Логунова.

В 70—80-е годы на кафедре разрабатывались и читались спецкурсы по следующим темам: «Образование Союза ССР», «Рабочий класс СССР в годы построения фундамента социалистической экономики», «Индустриальное развитие советского общества и рабочий класс», «Общее и особенное в подготовке и проведении социалистического переустройства сельского хозяйства в национальных республиках и районах СССР», «Рабочий класс и художественная культура, 1917—1932», «Высшая школа и формирование рабоче-крестьянской интеллигенции», «История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР», «Исторический опыт преобразования социальной структуры советского общества в переходный период от капитализма к социализму», «Основные проблемы истории Великой Отечественной войны», «Борьба советских людей против немецко-фашистского оккупационного режима в годы Великой Отечественной войны», «Социально-экономическое развитие современного советского села», «Продовольственная программа СССР и ее реализация», «Советская интеллигенция в условиях развитого социализма», «История МГУ за годы советской власти», «Вклад СССР в международное сотрудничество в рамках системы ООН», «Узловые проблемы истории внешней политики СССР», «Критика «евразийской школы» русской и зарубежной историографии» и др.

В 70—80-е годы статьи и книги ученых кафедры публиковались в ряде зарубежных изданий. Большой вклад в пропаганду отечественной

¹⁶ Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей. М., 1975. Т. 1. 2.

исторической науки за рубежом внес Ю.С. Кукушкин как заместитель председателя Национального комитета историков Советского Союза (с 1972 г.) и как заместитель председателя научной секции Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (с 1975 г.).

Кафедра активно участвовала в международном вузовском сотрудничестве, в международных конгрессах, конференциях и симпозиумах. Профессорами кафедры в содружестве с коллегами из Берлинского университета им. Гумбольдта был написан учебник по истории России. Авторами разделов по истории советского общества стали В.М. Селунская и В.З. Дробижев. Курсы лекций по советской истории читались в университетах Берлина, Праги, Брно, Лодзи, Софии. Ученые кафедры участвовали в Международных конгрессах исторических наук.

В 80-е годы продолжал меняться кадровый состав кафедры. Перешел в РГГУ на должность заведующего кафедрой истории СССР профессор В.З. Дробижев. Ушли на пенсию доцент В.И. Бессонова и старший научный сотрудник А.Ф. Чмыга. Позднее сменили место своей работы доктора исторических наук Л.А. Пинегина и М.Р. Зезина.

До последних дней жизни на кафедре трудились профессор М.И. Стишов, доцент А.М. Панфилова, старшие научные сотрудники Т.А. Логунова и В.С. Прохоров. Им на смену пришло новое пополнение: с 1984 г. — И.К. Серова (с 1994 г. доцент), с 1987 г. — В.А. Корецкий (с 1993 г. старший научный сотрудник, с 1998 г. — почетный профессор РАЕН), с 1988 г. — А.И. Остапенко (с 1994 г. доцент), с 1989 г. — Ю.А. Шадрин (с 1998 г. доцент), с 1989 г. — М.М. Кузовков (с 1998 г. старший научный сотрудник, был в штате кафедры до 1999 г.), с 1996 г. — младший научный сотрудник О. Н. Баркова (с 2003 г. доцент).

В настоящее время научную и преподавательскую работу продолжают вести М.Е. Найденов (профессор с 1965 г.), В.М. Селунская (профессор с 1968 г.), С.А. Байбаков (профессор с 1998 г.), А.С. Барсенков (профессор с 2002 г.), Н.Л. Роголина (профессор с 2004 г.), А.И. Вдовин (профессор с 1996 г., с 1998 г. — академик Академии гуманитарных наук), Л.Е. Гришасва (доцент с 1991 г.), Е.Н. Данилова (доцент с 2001 г.), Н.В. Наумов (доцент с 1983 г.), Т.А. Сивохина (доцент с 1975 г.), Ю.Я. Терещенко (с 1994 г. доцент, с 1999 г. — профессор Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры), Ю.А. Щетинов (доцент с 1984 г.). С 1977 г. кафедрой руководит профессор Ю.С. Кукушкин (с 1987 г. — академик АН СССР, ныне РАН).

За последние два десятилетия докторские диссертации защитили: Л.А. Пинегина на тему «Советский рабочий класс и художественная культура, 1917—1932 гг.» (1984), А.И. Вдовин — «Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея» (1995), С.А. Байбаков — «Историография образования СССР: итоги и перспективы изучения» (1997), Н.Л. Роголина — «Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России» (1998), М.Р. Зезина — «Советская художественная интеллигенция и власть в 1950—1960-е годы» (1999), А.С. Барсенков — «Реформы Горбачева и судьба союзного государства, 1985—1991» (2001).

Важнейшим направлением работы кафедры по-прежнему остается создание учебников и учебных пособий.

В 1973 г. увидел свет учебник «Источниковедение истории СССР», часть разделов которого написана В.З. Дробижевым, Ю.А. Мошковым, А.М. Панфиловой и В.М. Селунской. В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьев выпустили учебное пособие «Историческая география». В 1979 г. вышло первое издание «Пособия по истории СССР для подготовительных отделений вузов» (среди его авторов были Н.В. Наумов и Т.А. Сивохина).

В 1985 г. под редакцией Ю.С. Кукушкина был издан учебник для студентов университетов «История СССР. Эпоха социализма» (авторы — профессора В.З. Дробижев, Ю.С. Кукушкин, М.Е. Найденев, В.М. Селунская, В.Г. Трухановский). Учебник был построен по проблемно-хронологическому принципу, в каждой главе содержались элементы историографического анализа, что явилось заметным новшеством для учебной литературы по истории советского периода. Представленный в нем богатый фактический материал не потерял своей ценности и в наше время.

Для учащихся средних школ под редакцией Ю.С. Кукушкина были подготовлены учебники «История СССР (1900—1937)» (1982) и «История СССР. Эпоха социализма (1938—1980)» (1981). В 1986 г. также под редакцией Ю.С. Кукушкина вышел учебник для студентов юридических факультетов «История советского государства и права». М.Р. Зезина в 1988 г. выпустила учебное пособие «История культуры народов СССР (советский период)», а в 1990 г. в соавторстве с В.С. Шульгиным и Л.В. Кошман издала пособие для вузов «История русской культуры, IX—XX вв.», переиздававшаяся в 1996, 1998 и 2002 гг.

Большой вклад в создание учебной литературы внесли Н.В. Наумов, Т.А. Сивохина, Ю.Я. Терещенко и Ю.А. Щетинов. Несколькими изданиями вышло «Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов» (авторы: Н.В. Наумов, Т.А. Сивохина, В.А. Георгиев, А.С. Орлов). В 1989 г. ряд преподавателей (С.А. Байбаков, Ю.С. Кукушкин, Л.А. Пинегина, А.Ф. Чмыга, Ю.А. Щетинов) выпустили учебное пособие «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны». Ю.Я. Терещенко в 1986 г. опубликовал пособие для студентов «Рождение Союза СССР».

В конце XX — начале XXI в. в исторической науке произошли существенные перемены, связанные с кардинальными изменениями в общественно-политической и социально-экономической жизни страны. От крики окостеневших стереотипов и выявления «белых» и «черных пятен» в истории ученые кафедры переходили к созданию научных работ, дающих многомерную характеристику советской действительности, отражающих отход от догматической интерпретации истории советского общества. На методологических семинарах и заседаниях кафедры обсуждались вопросы, имеющие принципиальное значение для понимания послеоктябрьской истории страны.

В научных исследованиях и в учебно-методической литературе нашел отражение процесс постепенного освобождения от догматических представлений. Вместе с тем кафедра пресекала попытки «закрыть» историю советского общества как несостоявшуюся.

В условиях отсутствия партийного идеологического контроля, множества противоречивых оценок различных процессов и явлений остро встала задача создания учебников и учебных пособий нового поколения.

Преподаватели трех кафедр, специализирующихся в области российской истории, подготовили учебник «История России с древнейших времен до наших дней» (авторы — А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина). Учебник был опубликован в 1997 г. и переиздавался в 2000—2004 гг. В те же годы доцент Т.А. Сивохина выступила автором трех учебных пособий: «От сталинской диктатуры к коллективному руководству» (в соавторстве с М.Р. Зезиной) (1993); «Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба, 1917—1921 гг.»; «У истоков Советской государственности (Октябрь 1917 — июнь 1918 гг.)» (2002). Она же участвовала в подготовке «Хрестоматии по Отечественной истории» (1998, 2004).

Большую роль в подготовке новой учебной литературы сыграл доцент Ю.А. Щетинов. Им был опубликован целый ряд учебников и учебных пособий: «Пособие по истории России для поступающих в вузы» (1993; в соавторстве с В.И. Моряковым и В.А. Федоровым); «Ключ к истории Отечества: Пособие для абитуриентов» (1993 и 1995 гг.; в соавторстве с Н.С. Борисовым и А.А. Левандовским); «История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов» (1996 г.; в соавторстве с В.И. Моряковым и В.А. Федоровым); «История России, XX век: Пособие для учащихся гимназий, лицеев, абитуриентов и студентов вузов» (1995); «Россия в XX веке: Учебник для 10—11 классов средних школ» (1997—2002 гг.; в соавторстве с А.А. Левандовским); «История России, XX век: Учебное пособие для студентов» (1998—2002). Ю.А. Щетинов и Ю.Я. Терещенко были авторами многократно переиздававшегося «Пособия по истории Отечества для поступающих в вузы» (1993—2003); Ю.Я. Терещенко написаны также несколько разделов в пособии «Основы курса истории России» (1997—2003 гг.; в соавторстве с В.А. Георгиевым, А.С. Орловым и А.Ю. Полуновым). В 2004 г. Ю.Я. Терещенко выпустил учебное пособие для студентов вузов «История России XX — начала XXI вв.». С.А. Байбаковым в 1993 г. было издано пособие для студентов «У истоков Советской государственности (1917—1924)» (в соавторстве). А.И. Остапенко стал автором разделов в четырехтомном учебнике для вузов «Системная история международных отношений, 1918—2000» (2001).

Большой интерес в отечественной историографии вызвала публикация первого в постсоветские годы учебного пособия для исторических и политологических специальностей в вузах — «История России, 1938—2002»³⁷. Авторами пособия — А.С. Барсенковым и А.И. Вдовиным — была прослежена связь между советским и постсоветским периодами истории страны. Анализ событий с предвоенных лет до настоящего времени позволил показать альтернативы развития государства после «построения социализма» в СССР, проанализировать факторы, определявшие направления эволюции советского общества после распада Советского Союза,

³⁷ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России, 1938—2002. М., 2003.

описать процесс становления и развития Российской Федерации. Подготовленное на основе достижений новейших исследований и документальных публикаций пособие включает вопросы, которые прежде не рассматривались в учебной литературе или освещались тенденциозно, например национальный вопрос в СССР, история диссидентства. В пособии предложена новая трактовка таких тем, как политическая борьба в 30—40-е годы, реформы М.С. Горбачева, социально-экономическая и политическая история Российской Федерации и др.

На современном этапе одной из главных среди изучаемых кафедрой проблем по-прежнему остается история государственного и конституционного устройства СССР и России. В 1987 г. вышло второе издание монографии Ю.С. Кукушкина и О.Н. Чистякова «Очерк истории советской Конституции». Под редакцией Ю.С. Кукушкина в 1987 г. была издана коллективная работа «Великий Октябрь и укрепление единства советского общества». В 1996 г. под редакцией и с предисловием Кукушкина опубликован сборник документов и материалов «Российское Государство: власть и общество». Перу Ю.С. Кукушкина принадлежит ряд статей 80—90-х годов, посвященных истории Советов и их роли в развитии отечественной государственности.

Тему истории Советского государства продолжают развивать ученики Ю.С. Кукушкина. Так, в 1988 г. В.А. Корецкий защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность местных советов Украинской ССР по повышению материального благосостояния трудящихся в 70-е годы». С.А. Байбаков в 1997 г. издал монографию «История образования СССР: итоги и перспективы изучения». В 2003 г. О.Н. Баркова защитила кандидатскую диссертацию на тему «История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 года» (научный руководитель — С.А. Байбаков).

Подготовленный в связи с семидесятилетием академика Ю.С. Кукушкина сборник статей «Российское государство и общество. XX век» отразил результаты исследований сотрудниками кафедры актуальных проблем отечественной истории и историографии³⁸. Используя впервые вводимые в научный оборот архивные и другие данные, применяя новые подходы в анализе процессов возникновения и развития советской государственности, ученые изложили свой взгляд на историю конституционного строя страны. Особое внимание было уделено проблемам российского федерализма и национальному вопросу, причинам кризиса СССР на рубеже 80—90-х годов; рассмотрена также тема совершенствования современной государственности России, обоснован ряд практических рекомендаций.

В 90-е годы на кафедре утверждались новые направления научных исследований. К истории российского зарубежья XX в. обратилась профессор В.М. Селунская. В период с 1996 по 2001 г. она приняла активное

³⁸ Байбаков С.А. Итоги историографического изучения образования СССР; Баркова О.Н. Из истории разработки Конституции РСФСР 1925 г.; Барсенков А.С. Реформы М.С. Горбачева и судьбы союзного государства; Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России; Данилова Е.Н. Советская власть и национальные меньшинства (1917-1920 гг.); Серова И.К. Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР в 1953 г.; Наумов Н.В. Международные аспекты распада СССР; Остапенко А.И. «Белое движение» и проблема целостности России; Сивохина Т.А. Роль ВЦНК в становлении советской государственности (ноябрь 1917 – январь 1918 гг.); Терещенко Ю.Я. К вопросу о конституционной реформе в СССР в период перестройки; Шаурин А.Ю. Прибалтийский сепаратизм в истории разрушения СССР.

участие в разработке научных программ, утвержденных Институтом Российской истории РАН и Российским гуманитарным научным фондом, по темам: «Проблема адаптации эмигрантов из России в европейском зарубежье (20—30-е годы)», «Русские диаспоры в российском зарубежье XIX и XX веков» и др. Результаты исследования В. М. Селунской были опубликованы в серии статей, помещенных в сборниках и материалах международных конференций, организованных ИРИ РАН.

Новой для кафедры темой стала история взаимоотношений церкви и государства в XX в., разработкой которой занимается И.К. Серова (автор ряда статей и выступлений на международных конференциях). А.И. Остапенко изучает историю «белого движения».

Новые акценты были поставлены при изучении традиционных для кафедры тем. Оригинальные подходы и оценки нашли отражение в работах Ю.А. Щетинова «Режим личной власти Сталина. К истории формирования» (1989), «Красный маршал. Исторический портрет М.Н. Тухачевского» (1990) и Н.Л. Рогалиной, опубликовавшей монографию: «Коллективизация: уроки пройденного пути» (1989) и «Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России» (1998). Н.Л. Рогалина продолжила работу над темой «Аграрный вопрос в России XX века», опубликовав серию статей об этом. В круг научных интересов А.И. Остапенко входит проблема формирования единой внешней политики Советских республик в 1918—1924 гг. Л.Е. Гришаева выпустила книгу «Деятельность СССР в ООН» (1990). Н.В. Наумов продолжает изучать зарубежную и отечественную историографию истории России. В начале 2004 г. он завершил работу над монографией «Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в 1928—1941 гг. Проблемы отечественной историографии».

Заметный вклад в разработку проблем национальной политики и национальных отношений в России XX в. внесла созданная в 1979 г. специальная лаборатория, которую первоначально возглавлял профессор Л.П. Лашук, а с 1983 г. возглавляет профессор А.И. Вдовин. В разное время сотрудниками лаборатории были В.В. Карлов, Л.И. Васькина, В.С. Прохоров, Е.Н. Данилова, В.А. Корецкий, М.М. Кузовков и А.Ю. Шадрин. В работе лаборатории принимали участие А.И. Остапенко, А.С. Барсенков, Ю.Я. Терещенко и другие сотрудники кафедры. С 1979 г. лаборатория сосредоточилась на изучении истории советского народа как новой исторической общности. Ранее эта тема по инициативе кафедры обсуждалась на Всесоюзной научной конференции, по итогам которой в 1975 г. был издан двухтомный сборник статей. В 80-е годы вышли еще две коллективные работы по той же проблеме³⁹. Была защищена кандидатская диссертация А.П. Мякшева «Историография советского народа как новой исторической общности, 1960—1977» (1986 г.; научный руководитель — Ю.С. Кукушкин).

³⁹ Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-национальной общности людей: Сб. статей. М., 1982; Великий Октябрь и укрепление единства советского общества: Сб. статей. М., 1987.

В лаборатории разрабатывались вопросы социально-экономического и этнического развития в различных регионах страны, истории национальных отношений, проблемы историографии. На основе кандидатских диссертаций сотрудниками были опубликованы монографии⁴⁰.

Анализ межнациональных отношений и национальной политики России на современном этапе представлен в сборнике «О концепции национальной политики в Российской Федерации» (1992 г.; авторы — А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, В.А. Корецкий, Ю.С. Кукушкин и А.И. Остапенко), а также в публикации материалов «круглого стола» на эту тему в «Вестнике Московского университета» (Сер. 8. История. 1992. № 5). Причины кризиса в национальных отношениях и распада СССР получили отражение в брошюре А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина, В.А. Корецкого и А.И. Остапенко «Национальные отношения в России в 1992 г.: основные события, факты, тенденции» (1993) и в монографии А.И. Вдовина: «Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея»⁴¹. Актуальные национальные проблемы нашли отражение в исследованиях А.Ю. Шадрин и М.М. Кузовкова⁴².

Истории образования СССР посвящена работа Ю.Я. Терещенко (совместно с С.Н. Семаковым) «Рождение Союза ССР — важнейшая веха в борьбе за равноправие и дружбу народов» (1986).

Проблемы национальных и федеративных отношений в СССР на последнем этапе его существования изучались А.С. Барсенковым, что нашло отражение в его монографии и в курсе лекций⁴³.

С начала 90-х годов предметом острых научных дискуссий и обсуждений стал русский вопрос. Вклад в его разработку внесли сотрудники кафедры и кафедральной лаборатории, и прежде всего А.И. Вдовин. На протяжении ряда лет регулярно публиковались статьи, брошюры, монографии на эту тему. Лабораторией подготовлен и опубликован сборник статей «Русский народ: историческая судьба в XX веке» (М., 1993). Помимо сотрудников кафедры отечественной истории XX в. и лабораторий, статьи в сборник представили профессора и преподаватели других подразделений факультета: Л.Н. Вдовина, С.А. Ермишина, В.В. Карлов, Г.Р. Наумова, В.И. Терехов, В.Р. Филиппов, Н.И. Цимбаев.

В книге А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина, В.А. Корецкого «Русский вопрос в национальной политике, XX век» (1993), в монографии А.И. Вдовина «Русский народ в национальной политике, XX век» (1998), написанной им в соавторстве с Ю.В. Зориным и А.В. Никоновым, в статьях сотрудников кафедры и лабораторий, в том числе опубликованных в издании «Россия: мониторинг, анализ, прогноз», в брошюре А.И. Вдовина «Российский федерализм

⁴⁰ Карлов В.В. Эвенки в XVII — начале XX вв. Хозяйство и социальная структура. М., 1982; Данилова Е.Н. Абазины: историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в. М., 1984.

⁴¹ Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995; 2-е изд. — М., 1996.

⁴² Шадрин А.Ю. Экономический фактор политики сепаратизма в республиках советской Прибалтики. М., 1996; Кузовков М.М. Общее и особенное в социально-экономическом развитии советских автономий. 1959—1970 гг. М., 1997.

⁴³ Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства, 1985—1991. М., 2001; Он же. Введение в современную российскую историю, 1985—1991: Курс лекций. М., 2002.

и русский вопрос» (1991) и его книге «Русские в XX веке» (2004) русский вопрос подвергнут дальнейшему обстоятельному исследованию и оценен как один из ключевых в развитии России в XX в.

В 90-е годы на кафедре развернулись исследования по проблемам посткоммунистической России. Они явились продолжением работы по сбору информации и осмыслению новейшего периода отечественной истории, которая велась на кафедре во второй половине 80-х годов. Был собран ценный фактический материал о формировании высших органов государственной власти и политической элиты. Он, в частности, нашел отражение в четырех информационно-справочных изданиях: «Политическая Россия сегодня» (в двух частях), «Федеральное Собрание России», «Федеральное Собрание Российской Федерации» (две первые книги вышли также в Великобритании). В 1994 г. под редакцией В.А. Корецкого был издан сборник статей «Трансформация цивилизационно-культурного пространства территории бывшего СССР», в подготовке которого, помимо преподавателей кафедры, участвовали представители государственных структур, а также нескольких научных и учебных центров. С 1993 г. по сегодняшний день под редакцией В.А. Корецкого выходит информационно-аналитический бюллетень «Россия: мониторинг, анализ, прогноз». Ежегодно издаются по два выпуска бюллетеня (к настоящему времени увидело свет 14 номеров). В издании публикуются обзоры, касающиеся наиболее важных процессов внутренней и внешней политики страны. Преподаватели кафедры привлекались государственными структурами для работы в качестве экспертов. Сотрудничество осуществлялось с Государственной Думой, Министерством по делам национальностей, мэрией г. Москвы.

Закономерным результатом осмысления политической, экономической жизни, социального развития и внешней политики РФ после 1991 г. стала подготовка кафедрой нового общего лекционного курса по истории современной России. Семестровый курс для студентов истфака впервые начал читать в 1998/99 учебном году А.С. Барсенков. Ныне этот курс на дневном и вечернем отделениях читают также А.И. Остапенко, Ю.Я. Герещенко и А.Ю. Шадрин. В 2002 г. кафедрой впервые в России была опубликована программа новой учебной дисциплины — «История Российской Федерации, 1992—2002». Появление нового курса стимулировало повышение интереса к его проблематике со стороны студентов и аспирантов. С 1998 г. заметно увеличилось число дипломных работ, защищены первые кандидатские диссертации, посвященные постсоветскому периоду отечественной истории.

На кафедре были прочитаны новые спецкурсы по темам: «Основные этапы развития историографии советского общества в свете нового исторического мышления», «Изменение социальной структуры общества в XX веке: история и современность», «Национальная политика в СССР в 1917—1991 гг.», «Социальные гарантии и социальные аномалии в жизни советского общества», «Становление и развитие органов местного самоуправления», «История Москвы в XX в.», «Кризисные ситуации в международных отношениях и внешняя политика России», «История российского зарубежья между двумя мировыми войнами XX века» и др.

Совершенствованию учебного процесса способствуют методические разработки по общим и специальным курсам, спецдисциплинам и спецсеминарам, созданные профессорами, преподавателями и научными сотрудниками кафедры⁴¹.

Краткий обзор истории изучения и преподавания отечественной истории XX — начала XXI в. в Московском университете показывает, что на разных этапах развития страны преподаватели кафедры вносили заметный вклад в историческую науку. Школу МГУ, его исторического факультета прошли многие поколения специалистов, плодотворно работающих в ведущих научных и учебных центрах России, в государственных и общественных структурах страны.

⁴¹ См.: Методические разработки к курсу отечественной истории XX века. 1917–1991. Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М., 2003; Барсенков А.С. История Российской Федерации. 1992–2002: Программа общего курса. Материалы к спецсеминару. М., 2002; Вдовин А.И. Историческое исследование: Этань, содержание, оформление. Справочники и пособия историка России (1917 г. — наши дни). М., 2004; и др.

4. История политических партий и движений

Изучение и преподавание истории российских политических партий и движений началось в Московском университете в 1919 г. на образованном по решению Наркомпроса РСФСР факультете общественных наук (ФОН). Создание этого подразделения, заменившего прежние юридический и историко-филологический факультеты, стало частью мероприятий по реорганизации высшей школы на новых основах, адекватных произошедшим в стране революционным переменам. Целью ФОН являлась подготовка квалифицированных кадров, в которых остро нуждалось молодое Советское государство — «работников по различным областям общественных наук, марксистски мыслящих, воспитанных на принципах Октября, способных стать строителями Советской Государственности не за страх, а за совесть»¹. В соответствии с этим студенты факультета ориентировались на углубленное изучение «социальных дисциплин», обязательный минимум которых, установленный декретом Совнаркома в 1921 г., включал исторический материализм, историю пролетарской революции, политический строй РСФСР². Уже в первые годы существования ФОНа там было введено преподавание истории российского революционного и рабочего движения, социалистических идей, Октябрьской революции. В рамках этих спецкурсов, а также общих курсов по истории России и историческому материализму, значительное внимание уделялось историко-партийной проблематике, формированию и борьбе различных политических организаций и идеологий.

Постановка в Московском университете изучения истории партий и движений определялась отнюдь не только политическими и идеологическими потребностями пришедших к власти большевиков. События двух первых десятилетий XX в. показали чрезвычайно важную роль партийных объединений в российском политическом процессе. Партии, общая численность членов которых доходила в 1917 г. до полутора миллионов человек, выступили на историческую арену в качестве активных и влиятельных субъектов общественно-политической жизни. Даже установление в стране однопартийной коммунистической системы стало своеобразным свидетельством возрастания значимости партийных форм организации, ибо опорой новой властной конструкции составили именно структуры РКП(б). В этих условиях усиление общественного и научного интереса к историко-партийным проблемам представляло собой вполне закономерное явление. Партии и движения, без исследования деятельности которых невозможно было понять ход и тенденции исторического развития страны, получили отныне признание как предмет, достойный специального изучения.

Первоначально ФОН МГУ сохранял определенную независимость от партийно-государственных органов; помимо профессоров-коммунистов,

¹ Факультет общественных наук (Ф.О.Н.) Первого МГУ. М., 1925. С. 3.

²Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 19. Ст. 119.

назначенных Наркомпросом, на факультете работали социал-демократы и анархисты, среди преподавательского состава преобладала старая «буржуазная» профессура. Однако на протяжении 1921—1923 гг. все атрибуты университетской автономии были ликвидированы и высшие учебные заведения страны перешли под полный организационный и политический контроль Коммунистической партии. Тем самым реализовывался программный принцип, провозглашенный на VIII съезде РКП(б) — превратить школу «в орудие коммунистического перерождения общества»³.

Одной из главных задач правящей партии в области высшего образования являлось внедрение повсеместного изучения и преподавания истории РКП(б). В январе 1924 г. XIII партийная конференция постановила сделать этот предмет обязательным для всех вузов страны. С 1925 г. изучение истории партии и ленинизма было включено решением ЦК ВКП(б) в обязательный минимум по общественным наукам. В учебный план факультета общественных наук МГУ курс по истории Коммунистической партии, который читал С.И. Мицкевич, вошел в 1923 г.⁴ На протяжении 20-х годов историю партии и ленинизм разрабатывали и преподавали на ФОН, а затем на этнологическом и правовом факультетах МГУ, созданных после ликвидации ФОН в 1925 г., В.И. Невский, В.В. Адоратский, С.А. Пионтковский, В.Н. Залежский, С.М. Дубровский, С.И. Черномордик, Е.А. Мороховец, Б.И. Горев. Эти профессора и преподаватели, а также читавшие общие курсы российской истории М.Н. Покровский и Н.А. Рожков, были не просто учеными, но и деятелями РСДРП с дореволюционным стажем (кроме С.М. Дубровского, вступившего в партию в 1918 г.). Они изучали историю того движения, практическими участниками которого являлись сами, и это давало им определенное преимущество, поскольку, как писал Н.А. Рожков, изучение революционного движения «требует не только фактических знаний, но глубокого проникновения в идеологию и психологию революционных деятелей, что редко дается тем, кто сам не был в гуще революционной работы и борьбы, не съел достаточно соли вместе с революционерами»⁵. Отсутствие специального исторического образования у половины из перечисленных исследователей (В.И. Невского, В.В. Адоратского, В.Н. Залежского, Б.И. Горева, С.И. Черномордика) компенсировалось, помимо интенсивного самообразования, знанием революционного движения изнутри, опытом работы в его рядах. Названные историки как бы иллюстрировали собой высказывание К. Каутского: «Практик-политик, при достаточной научной подготовке, гораздо лучше поймет политическую историю и лучше будет в ней разбираться, чем кабинетный ученый, практически совершенно незнакомый с движущими силами политики»⁶. Обратной стороной этого являлось, однако, привнесение в исторические исследования партийной ангажированности, политической пристрастности авторов.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. 1. С. 419.

⁴ Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ). Ф. 1609. Оп. 6. Д. 68. Л. 137; *Калистратова Т.И.* Источники по преподаванию и изучению истории в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1984. №1. С. 39.

⁵ *Рожков Н.* К методологии истории революционного движения // *Красная летопись.* 1923. № 7. С. 73.

⁶ *Каутский К.* Происхождение христианства. М., 1990. С. 22.

Интересная особенность преподавания и изучения истории Коммунистической партии в МГУ в 20-е годы заключалась в том, что этой работой занимались не только члены РКП(б), но и бывшие большевики, переходившие в разное время на позиции меньшевизма, а затем ставшие беспартийными (Б.И. Горев, Е.А. Мороховец, Н.А. Рожков). Их знания и лояльность по отношению к существующей власти считались достаточным основанием для того, чтобы доверить им разработку одной из ключевых идеологических дисциплин, хотя Н.А. Рожков, например, не скрывал, что у него сохраняются определенные разногласия с правящей партией⁷.

Монографии и статьи университетских исследователей 20-х — начала 30-х годов, изучавших историко-партийную проблематику, написаны преимущественно в популярной форме, так как они были ориентированы на «массового читателя»: рабочего, развитого крестьянина, рабфаковца, среднего партийца. М.В. Нечкина, подводя в 1927 г. итоги развития советской историографии в первое послереволюционное десятилетие, писала: «Характерная особенность отличает работы по истории Коммунистической партии — отсутствие академизма. Именно в этой области и в области изучения революции 1917 года возник и особенно ярко развился новый тип построения монографий и монографических статей: популяризация, обладающая качествами монографии»⁸. Облегчая восприятие материала читательской аудиторией, такая форма изложения предрасполагала в то же время к прямолинейным трактовкам исторических проблем, несла в себе опасность упрощенчества, отпечаток которого действительно присутствует в историко-партийной литературе того времени.

Подходя к изучению истории большевизма, советские историки 20-х годов стремились прежде всего выяснить его историческое происхождение, идейно-политические предпосылки возникновения. В числе первых поставил эту проблему один из основоположников русской марксистской историографии профессор М.Н. Покровский⁹, читавший на факультете общественных наук, а затем на факультете советского права МГУ курсы «История революционного движения в России» и «История России XX века»¹⁰. В статье «Корни большевизма в русской почве»¹¹ он обратил внимание на тесную связь ленинизма с русской революционной традицией, опыт которой, будучи синтезирован с марксизмом, составил базис для развития большевистских идей. Более подробно данный тезис был развернут Покровским в книге «Очерки по истории революционного движения в

⁷ «Я не коммунист, а старый большевик», — говорил о себе Рожков (Памяти Н.А. Рожкова: Сб. статей. М., 1927. С. 17).

⁸ *Нечкина М.В.* Наука российской истории // *Общественные науки СССР, 1917–1927*. М., 1928. С. 150.

⁹ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — советский историк, партийный и государственный деятель. Окончил историко-филологический ф-т Московского университета (1891), приват-доцент. С 1905 г. — большевик. В 1917 г. — один из организаторов октябрьского восстания в Москве, председатель Моссовета. Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1918 г. — зам. наркома просвещения, председатель Президиума Социалистической академии, с 1921 — ректор Института красной профессуры, с 1925 — председатель Общества историков-марксистов, зав. Центрахивом. Главный редактор и член редколлегии ряда научных журналов. Академик АН СССР (1929). С 1919 г. — профессор ФОН МГУ, председатель Президиума отделения внешних сношений, с 1925 — профессор ф-та советского права. С 1923 г. — председатель секции истории русской революции Института истории ФОН РАН ИОН. Автор трудов по истории России, российского революционного движения.

¹⁰ Вестник ФОН. 1922. № 1. С. 45; ЦМАН. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 8. Л. 5.

¹¹ Правда. 14 марта 1923 г.

России XIX и XX вв.» (М., 1924) и в статье «Ленин в истории русской революции»¹². Поставив цель «проследить наши лозунги до самых последних корней», автор рассматривает с точки зрения «эмбриологии» большевизма предшествующее русское революционное движение и обнаруживает «большевицкую струю» уже в революционной мысли 60—70-х годов XIX столетия. Эта струя, по мнению Покровского, представлена «русскими якобинцами»: П.Г. Заичневским, чья прокламация 1862 г. «Молодая Россия» являла собой «первый большевицкий документ нашей истории», и П.Н. Ткачевым, который «был несомненно первым русским марксистом». Сходство между «русским якобинством» и большевицкой интерпретацией марксизма Покровский видел в обосновании пути к социализму через захват власти строго централизованной революционной партией, преобразующей общество сверху при помощи диктаторских методов. В этом смысле, подчеркивал исследователь, «Ленин примыкает к якобинской традиции».

Аналогичную точку зрения проводил в своих статьях и другой профессор факультета общественных наук, а затем этнологического факультета, С.И. Мицкевич¹³. Представители «якобинского» крыла русского революционного движения, как и большевики, понимали, по его мнению, те специфические особенности русской истории, которые обусловили решающую роль в революционном процессе сплоченного инициативного меньшинства, принявшего под руководством В.И. Ленина форму авангардной коммунистической партии. Большевики, писал Мицкевич, действовали по революционному плану, разработанному «якобинцами», и смогли успешно провести его в жизнь, найдя опору в пролетариате, который еще не развился в период деятельности Заичневского и Ткачева. Многие представители «заговорщического» течения в русском революционном движении стали впоследствии большевиками именно потому, что последние «осуществили заветы якобинцев-бланкистов»¹⁴.

Наиболее значимый вклад в разработку вопросов истории РСДРП внес в период 20-х — начала 30-х годов В.И. Невский¹⁵. Известный деятель большевицкой партии и Советского государства, Невский с 1921 г., после поражения поддерживавшейся им «рабочей оппозиции», отошел от активной политической деятельности и целиком посвятил себя научной и преподавательской работе. В 1923 г. он стал профессором факультета общественных наук МГУ, читал

¹² Молодая гвардия. 1924. № 2-3.

¹³ Мицкевич Сергей Иванович (1869-1944) — деятель большевицкой партии и Советского государства, историк. С начала 1890-х годов участвовал в социал-демократическом движении, один из создателей е.д. организации в Москве. С 1906 г. занимается историей революционного движения. После Октябрьской революции находился на советской и партийной работе. В 1922-1924 гг. — один из основателей, а в 1924-1934 — директор Музея революции СССР. В 1922-1924 гг. — член коллегии Петпарта. С 1919 г. — профессор ФОН МИУ, читал курсы «История русского революционного движения», с 1923 г. — преподавал историю РКП. С 1925 г. читал курсы «История партии и ленинизм» на этнологическом ф-те. Работал в Институте истории РАН ИОН.

¹⁴ Мицкевич С.И. Русские якобинцы — Пролетарская революция. 1923. № 6-7; К вопросу о корнях большевизма (Ответ тов. П.Н. Батурину) // Катюга и селька. 1925. № 3.

¹⁵ Невский (Кривобокров) Владимир (Феодосий) Иванович (1876-1937) — советский историк, публицист, партийный и государственный деятель. В революционном движении с 1895 г., с 1897 — член РСДРП, большевик. В 1912 г. кооптирован в ЦК большевиков. В октябре 1917 г. — член Петроградского ВРК. В 1918-1919 гг. — нарком путей сообщения. В 1918-1920 гг. — член президиума и зам. председателя ВЦК. В 1919-1921 гг. — зав. отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне. В 1918-1921 гг. — ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1921-1922 гг. — руководитель Петроградского бюро Петпарта. С 1923 г. — профессор МИУ. С 1924 г. — директор Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве. В 1935 г. арестован. В 1937 г. расстрелян.

курсе «История рабочего движения в России» на экономическом отделении факультета, затем преподавал историю партии и основы ленинизма на этнологическом, правовом и историко-философском факультетах университета, работая одновременно в Институте истории ФОН МГУ — РАНИОН, где возглавлял подсекцию новой русской истории¹⁶. Как преподаватель Невский пользовался огромной популярностью среди студентов, аудитории на его лекциях всегда были переполнены¹⁷. В 1928 г. планировалось его назначение на пост ректора МГУ, но он отказался от этой должности, не желая оставлять руководство Библиотекой им. В.И. Ленина¹⁸.

В.И. Невскому принадлежит в общей сложности более пятисот опубликованных книг, статей, заметок и выступлений, в том числе свыше двухсот работ на историко-революционные и историко-партийные темы¹⁹. На общем фоне советской историографии 20—30-х годов научные труды Невского выделяются широтой исследуемой проблематики, стремлением к большей объективности в освещении всех аспектов развития социал-демократического движения. Историк возражал, в частности, против наметившейся уже в начале 20-х годов тенденции сводить историю РСДРП к истории большевизма и ленинизма. Большевизм, неоднократно подчеркивал он, должен изучаться обязательно в контексте всего социал-демократического движения: «нельзя оторвать историю партии от истории русской социал-демократии»²⁰. Именно этот концептуальный подход, характерный для всех работ Невского, составил основу предложенной им периодизации истории партии, отражающей не только развитие большевизма, но и эволюцию социал-демократии в целом²¹.

Отвергал Невский и упрощенное представление о тождественности трех явлений: левого крыла российского социал-демократического движения, дореволюционной большевистской организации и оформившейся впоследствии Коммунистической партии. Между ними, отмечал исследователь, существовала не только преемственность, но и определенные различия; большевизм вовсе не являлся, например, монолитным — в нем существовали течения и группы, не вошедшие затем в РКП²².

Присущие Невскому самостоятельность мышления, неприятие догматизма не могли не породить неприязнь к его работам со стороны ревнителей узкой партийной ортодоксии. Заведующий Истпартом ЦК РКП(б) М.С. Ольминский даже называл его «явным ренегатом», который «задается в своих писаниях целью замаскированной борьбы против Коммунистической партии, против Ленина, сохраняя звание старого большевика»²³. Одним из поводов для такого рода оценок явилась публикация Невским в 1923 г. «Материалов для биографического словаря

¹⁶ Факультет общественных наук ... С. 117; ЦМАМ. Ф.1609. Оп. 5. Д. 154. Л. 22 об.; Д. 117. Л. 2–3; *Калистратова Т.И.* Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992. С. 28, 207.

¹⁷ *Тулин Б., Шварц В.* Двенадцатый арест // Перестройка: ленинская концепция социализма. Ташкент, 1989. С. 372–373; *Павлов И.М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001. С. 55.

¹⁸ *Гапошко Л.В.* В.И. Невский // История СССР. 1967. № 1. С. 108–109.

¹⁹ *Зеленов М.В.* Большевистская партия, советское государство и историческая наука в России в 20–30-е годы. Ч. 1. Влияние политизации науки на творчество В.И. Невского. Н. Новгород, 1996. С. 14; *Тулин Б., Шварц В.* Указ. соч. С. 371.

²⁰ *Невский В.* Ответ моим критикам (Письмо в редакцию) // Борьба классов. 1924. № 1. С. 406; Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т.1. С. 111.

²¹ *Невский В.И.* История РКП(б). Краткий очерк. Л., 1926.

²² *Невский В.* Ответ моим критикам. С. 401.

²³ Цит. по: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. С. 331–332.

социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г.». В книгу, составленную на основе как опубликованных, так и архивных документов, вошли примерно две тысячи биографических статей и справок о деятелях российского социал-демократического движения — большевиках и меньшевиках, причем о последних говорилось без обвинений в «коп-портунизме» и «социал-предательстве»²⁴. Наличие в «Материалах» биографий меньшевиков, а также широкое использование в других историко-партийных работах Невского источников небошевистского происхождения вызвало резко негативную реакцию руководителей Истпарта. В 1924 г. Невский был выведен из состава Коллегии этого учреждения, а подготовленный им второй том «Материалов» не увидел свет²⁵.

Непростую судьбу имел и главный научный труд Невского — «Очерки по истории Российской Коммунистической партии», первая часть которого вышла из печати в 1924 г. Эта монография, посвященная возникновению и развитию российской социал-демократии в период до I съезда РСДРП (1898 г.), стала первым в историографии фундаментальным исследованием данной проблематики, базирующимся на широком круге источников. Помимо разнообразной периодики и опубликованных документов, Невский использовал при работе над «Очерками» множество уникальных материалов, извлеченных из историко-революционных архивов Москвы, Ленинграда и других городов. Особую категорию этих источников составили документы тех органов самодержавного государства, которые боролись с революционным движением, — «Третьего отделения», Особого присутствия сената, Департамента полиции. В противоположность некоторым деятелям советской науки 20-х годов, Невский не считал возможным игнорировать материалы подобного происхождения, полагая, что для историка ценны все виды источников (даже «жандармские»), и все они в равной степени нуждаются в научной критике (даже большевистские)²⁶.

Исследуя в «Очерках» процесс зарождения российской социал-демократии, Невский подробно анализирует его объективные предпосылки, связанные с развитием экономики и изменением социально-классовой структуры общества, выходом на историческую арену пролетариата. Однако основное внимание уделяется автором выявлению идейно-политического и организационного генезиса РСДРП. Формирование марксистской социал-демократии в России, делает вывод Невский, шло двумя параллельными путями: с одной стороны, она выростала из кризиса народничества (основу первых с.-д. организаций составили бывшие «чернопередыльцы»); с другой — целый ряд основателей движения пришел к марксизму непосредственно, минуя народническую стадию. Группа «Освобождение труда» проделала в эмиграции огромную теоретическую работу и способствовала проникновению марксизма в Россию, но связывать рождение российской социал-демократии только с ее деятельностью

²⁴ *Невский В.* Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. М.: Пг., 1923. Вып. 1.

²⁵ *Зеленов М.В.* Концепция, рожденная в борьбе (Историко-партийное творчество В.И. Невского) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 124; *Он же.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б)... С. 325–330.

²⁶ *Невский В.И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Пг., 1923. Ч. 1; Материалы для биографического словаря... С. 9; *Зеленов М.В.* Концепция, рожденная в борьбе... С. 124.

было бы неправильно – марксистское мировоззрение вырабатывалось и распространялось также внутри самой страны. Рассматривая развитие движения от первых полународнических, полумарксистских рабочих кружков начала 1880-х годов к социал-демократическим организациям, объединившимся в конце 1890-х в РСДРП, автор показывает, как постепенно выкристаллизовывалась в них марксистская политическая программа и обнаруживает в этом развитии прямую организационную преемственность.

Оценивая историографическое значение «Очерков», М.В. Нечкина в 1927 г. отмечала, что по истории партии «нет ни одной последующей работы, которая не пользовалась бы широко выводами и материалом работы Невского»²⁷. Однако подготовленная автором в середине 20-х годов вторая часть монографии, освещающая период с 1898 по 1903 г., так и не была опубликована: запрет на ее издание наложило партийное руководство. Впоследствии, находясь в 1937 г. в тюрьме, Невский рассказывал своему сокамернику, что причиной запрета стало его нежелание следовать политическим указаниям высших инстанций²⁸.

Тем не менее историко-партийная работа Невского продолжалась. В 1926 г. вышла его книга «История РКП(б). Краткий очерк», осветившая главные вехи истории социал-демократического движения и большевизма в период до октября 1917 г. В этой работе также отразилось неприятие исследователем политически-конъюнктурного подхода к истории, который в то время все глубже проникал в советскую историографию. Автор, в частности, высказывался против огульного очернения всей деятельности меньшевиков, а при характеристике воззрений Л.Д. Троцкого, вместо ставших правилом к середине 20-х годов разоблачений «троцкизма», отмечал близость ряда его идей к большевистским позициям.

Стремясь дистанцироваться от влияний политической конъюнктуры, Невский предпочитал разрабатывать проблематику ранних, более удаленных от «партийной современности» периодов истории партии. Касаясь этапа непосредственной подготовки и осуществления революции 1917 г., он писал: «Эта эпоха настолько близка к нам, что малейшая попытка подойти к изучению этой эпохи не шаблонно влечет за собой неизбежные крики «ату его!» даже в том случае, если автор самый последовательный ученик Ленина»²⁹. Поэтому с середины 20-х годов историк сосредоточился на исследовании рабочего и социал-демократического движения 70—90-х годов XIX в.³⁰ и событий 1905 г., участия РСДРП в первой российской революции³¹.

²⁷ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 151.

²⁸ Штейнбергер И. Ленин, Сталин: свидетельства очевидцев // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 176; Зеленков М.В. Концепция, рожденная в борьбе... С. 132-133.

²⁹ Печать и революция. 1925. № 5-6. С. 347.

³⁰ От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; Предшественники нашей партии (Северный союз русских рабочих). М., 1930.

³¹ III съезд. Харьков, 1928; Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931; События и вооруженное восстание в 1905 г. М., 1932; и др.

Деятельность социал-демократов в 1905–1907 гг. изучалась и другими университетскими исследователями. В 1926 г. вышли две книги по этой теме, написанные профессором этнологического факультета Е.А. Мороховцем и доцентом того же факультета С.И. Черномордиком.

С.И. Черномордик³² рассказывает в своей работе³³ о декабрьском вооруженном восстании в Москве в 1905 г., непосредственным участником и одним из руководителей которого он сам являлся, будучи секретарем большевистского МК РСДРП. Опираясь на партийные документы, архивные материалы Московского охранного отделения и личные воспоминания, автор подробно характеризует отношение к подготовке восстания большевиков, меньшевиков и «примиренческого» ЦК партии, освещает работу по созданию боевых дружин, деятельность их Коалиционного совета и ход восстания. Важнейшей причиной поражения восстания Черномордик считает недостаточную техническую подготовку к нему революционных партий, включая социал-демократов обеих фракций. Неудача восстания, отмечается в книге, способствовала появлению среди большевиков одной из первых оппозиционных группировок — «Московской группы периферийных работников», которая связала неготовность большевистской организации к активным массовым действиям с бюрократическим стилем руководства партийных комитетов, их слабой связью с «низами» и призвала к демократической реорганизации партии.

Е.А. Мороховец³⁴ одним из первых обратился в своей монографии³⁵ к исследованию участия социал-демократов в крестьянском движении периода революции 1905–1907 гг. Автор показывает, что РСДРП вела в деревне значительную агитационно-пропагандистскую и организационную работу, создавая структуры двух типов: партийные ячейки, куда вовлекался сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат, и широкие революционно-демократические организации, ориентированные на привлечение различных слоев трудящегося крестьянства. Наиболее успешной эта работа была в тех областях России, где достиг значительного развития капитализм в сельском хозяйстве или, наоборот, существовали сильные пережитки феодализма. Успеху социал-демократической агитации способствовало кроме того наличие развитых связей между городом и деревней, а также недовольство нерусских крестьян национальным гнетом. Работу в деревне, признает Мороховец, вели не только большевики, борющиеся за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, но и меньшевики. Хотя последние не считали крестьянство активной революционной силой, широкий размах

³² Черномордик Соломон Исаевич (1880–1943) – советский историк, деятель большевистской партии. Член РСДРП с 1902 г., большевик. С 1921 г. – зав. Истпарлом МК РКП(б). С 1924 г. преподавал историю РКП(б) и ленинизм на ФОН МГУ. С 1925 г. – доцент этнологического ф-га. С 1938 г. – зав. сектором истории советского периода Института истории АН СССР. Автор работ по истории Коммунистической партии, революции 1905 г., партии социалистов-революционеров.

³³ *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.: Л., 1926.

³⁴ Мороховец Евгений Андреевич (1880–1941) – советский историк. В 1904 г. окончил историко-филологический ф-т Московского университета. С 1905 г. – на преподавательской работе в Иваново-Вознесенске, Ростове. В 1905–1917 г. – большевик, в 1918–1919 – меньшевик, затем беспартийный. С 1920 г. читал курсы русской истории на ФОН МГУ, с 1924 г. вел семинар по истории РКП и ленинизму. С 1925 г. – профессор кафедры русской истории этнологического ф-га; работал также на правовом ф-те, где читал курсы «История классово-политической борьбы в России». С 1926 г. – научный секретарь Института истории РАН ИОН. Автор трудов по истории крестьянства и крестьянского движения в России в XIX – начале XX в.

³⁵ *Мороховец Е.А.* Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М.: Л., 1926.

крестьянского движения заставил их включиться в него, и в ряде регионов они даже возглавили борьбу крестьян (юг России, Закавказье).

Некоторые аспекты истории РСДРП—РКП получили в 20-е годы отражение в работах С.А. Пионтковского³⁶. В «Кратком очерке истории рабочего движения в России» он уделил значительное внимание борьбе социал-демократов за влияние в рабочем классе в первые годы XX в., исследовав, в частности, их противодействие «зубатовщине». Автор выявил роль социал-демократической агитации в процессе политизации стачечной борьбы рабочих, рассмотрел участие большевиков в российском профсоюзном движении³⁷.

Деятельность Коммунистической партии в период Гражданской войны освещалась С.А. Пионтковским в главе, написанной им для коллективной монографии «История ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского³⁸. В ней давалась общая картина борьбы коммунистов с антибольшевистскими силами, в том числе и в тылу белых. Пионтковский показывал, что на территориях, контролируемых противниками большевиков, действовала разветвленная структура подпольных коммунистических организаций, которые вели агитационно-пропагандистскую работу, руководили партизанской борьбой и стачечным движением, поддерживали связь с Красной Армией и даже находили возможности для проведения региональных партийных форумов.

Изучением идейного наследия В.И. Ленина занимался В.В. Адоратский³⁹. Основные политико-теоретические воззрения основоположника большевизма были обобщены им в книге «О теории и практике ленинизма (революционного марксизма)» (М., 1924). Полемика Ленина против его оппонентов в российском социал-демократическом движении являлась темой другой работы Адоратского⁴⁰.

Исследуя историю социал-демократического движения в России, советские историки подходили к ней главным образом как к истории Коммунистической партии, т.е. сосредоточивали основное внимание на развитии большевизма. Деятельность и идеи *меньшевиков* освещались гораздо менее подробно, преимущественно в контексте внутривнутрипартийной борьбы в РСДРП. В 1924 г. руководство Истпарта ЦК РКП(б), исходя из политических соображений,

³⁶ Пионтковский Сергей Андреевич (1891–1937) – советский историк. Выпускник историко-филологического ф-та Казанского университета (1914). С 1910 г. участвовал в студенческом революционном движении. В 1917–1918 гг. – социал-демократ-интернационалист, с 1919 – член РКП(б). Член первой коллегии Истпарта (1920). Член-корреспондент Коммунистической академии общественных наук (1928). С 1919 г. – преподаватель ФОН МГУ, вел семинар по истории Октябрьской революции, истории рабочего класса России, с 1924 – преподавал историю РКП. В 1930–1931 гг. – возглавлял отделение истории историко-философского ф-та МГУ, затем работал в МИФЛИ. Автор трудов по истории Октябрьской революции, российского рабочего движения, отечественной истории XIX–XX вв., историографии. В 1936 г. арестован и впоследствии расстрелян.

³⁷ *Пионтковский С.* Краткий очерк истории рабочего движения в России (с 1870 по 1917 г.). Л., 1925.

³⁸ Гражданская война // История ВКП(б). М.; Л., 1929. Т. 4.

³⁹ Адоратский Владимир Викторович (1878–1945) – деятель Коммунистической партии, академик (1932). С 1900 г. участвовал в социал-демократическом движении, большевик. Окончил юридический ф-т Казанского университета (1903). С 1920 г. – профессор ФОН МГУ, преподавал исторический материализм. С 1924 г. – читал курс истории РКП и ленинизма на ФОН, а затем на этнологическом и правовом ф-тах МГУ. Член первой коллегии Истпарта (1920). В 1920–1929 гг. – зам. зав. Центральным архивным управлением, с 1930 – директор Института красной профессуры. В 1931–1939 гг. – директор ИМЭЛ.

⁴⁰ *Адоратский В.В.* Большевизм в годы реакции в борьбе с ликвидаторством, отзовизмом и троцкизмом (1908–1914 гг.). М.; Л., 1927.

«разъяснило» местным Истпартам, что специальной научной разработкой истории меньшевиков, равно как и эсеров, заниматься не следует⁴¹. Тем не менее такие ученые, как В.И. Невский, понимали, что создать действительно научную историю партии, не уделяя должного внимания меньшевизму, невозможно.

В своих историко-партийных работах Невский не ограничивался демонстрацией враждебности меньшевиков к большевизму, а давал также характеристику их позиций по принципиальным вопросам, воспроизводил аргументацию меньшевистских идеологов, стремился вскрыть объективные причины фракционного размежевания в РСДРП. В основе партийного раскола лежала, по мнению историка, дифференциация внутри самого рабочего класса: если опору меньшевиков составляла более развитая, квалифицированная часть пролетариата, тяготеющая к тред-юнионизму, то большевизм находил отклик у менее развитых, но более непримиримых и революционно настроенных рабочих⁴². Будучи убежденным коммунистом, Невский считал меньшевистскую политику в целом оппортунистической, однако, как уже отмечалось, полагал неправильным «мазать сплошным черным цветом» все действия меньшевиков. В отличие от подавляющего большинства представителей коммунистической историографии, исследователь признавал за меньшевиками некоторые заслуги, отмечая, в частности, что они первыми осознали важное значение широких беспартийных организаций рабочих, инициировали создание в России профсоюзов и более последовательно, чем большевики, проводили демократические принципы в партстроительстве⁴³.

Со сходных, по существу, позиций подходил к истории меньшевистской социал-демократии Н.А. Рожков⁴⁴, один из основоположников русской марксистской историографии, автор 12-томного исследования «Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)». Социальной базой меньшевизма Рожков считал большинство квалифицированного пролетариата и рядовой технической интеллигенции, разделявшей социал-демократические убеждения. У квалифицированного рабочего-социалиста, писал исследователь, «наряду с чувством действует и холодный анализ, рассудок, дающий известную долю скептицизма и критики. Отсюда его склонность к соглашениям, компромиссам, уступкам, постепенности, если угодно. Отсюда и боязнь крайнего централизма и подчинения, стремление к автономии, большая мера индивидуализма»⁴⁵. Именно сравнительная тонкость слоя квалифицированных рабочих, обусловленная технической отсталостью российского капитализма, привела, по мнению Рожкова, к поражению в России меньшевиков и победе большевиков, опиравшихся прежде всего на численно преобладавший

⁴¹ Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП(б) ВКП(б)... С. 329.

⁴² Невский В.И. История РКП(б). Краткий очерк. С. 286.

⁴³ Там же. С. 271, 285.

⁴⁴ Рожков Николай Александрович (1868-1927) – деятель российского социал-демократического движения, историк. Окончил историко-филологический ф-т Московского университета (1891), с 1898 г. – приват-доцент. В 1904 г. – председатель исторического отделения Педагогического общества при Московском университете, затем председатель Общества. С 1905 г. – член РСДРП, большевик. В 1907 г. – избран в ЦК партии. В 1911 г. отошел от большевиков. В 1917 г. – тов. министра почт и телеграфа во Временном правительстве, член ЦК РСДРП (б). В 1922 г. вышел из РСДРП. С 1924 г. – директор Исторического музея. С 1925 г. – проф. кафедры русской истории этнологического ф-та МГУ, действительный член Института истории РАНИОН. Автор трудов по истории России.

⁴⁵ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.: М., 1928. Т.11. С. 389.

«необученный, чернорабочий» пролетариат, чьи более максималистские и централистские настроения определяли общий настрой рабочей массы»⁴⁶.

Однако господствующими в советской историографии конца 20-х -- начала 30-х годов были прямолинейные и негативистские оценки меньшевизма. Типичной в этом отношении являлась брошюра Д.И. Эрде⁴⁷ «Меньшевики» (Харьков, 1929), вышедшая в серии «Какие партии были в России». Рассматривая историю меньшевизма в первые два десятилетия XX в., автор оценивал его как интеллигентское течение, которое по мере своей эволюции все более утрачивало связь с рабочими. Сущность меньшевистской социал-демократии, подчеркивал Эрде, всегда составлял мелкобуржуазный оппортунизм, хотя фракция меньшевиков и не была однородной, включая в себя как правые, так и левые политические оттенки.

Освещение университетскими авторами истории *партии социалистов-революционеров* изначально носило крайне политизированный, «разоблачительский» характер. В 1922 г. ими было опубликовано несколько работ, непосредственно направленных на пропагандистское обеспечение проходившего в том же году судебного процесса над членами ЦК ПСР. Ю.М. Стеклов в своей брошюре, посвященной преимущественно деятельности ПСР после 1917 г., доказывал что эсеры проявили себя в качестве «контрреволюционной клики», «передового отряда российской буржуазии и иноземной интервенции»⁴⁸. В том же духе были выдержаны работы М.Н. Покровского⁴⁹. С.И. Мицкевич характеризовал историю ПСР как «печально-позорную историю мелкобуржуазной партии»⁵⁰.

Несколько отличался подход к рассматриваемой проблематике в книге С.И. Черномордика, вышедшей в 1929 г. в серии «Какие партии были в России»⁵¹. Автор подробно рассмотрел процесс зарождения организаций социалистов-революционеров в 90-х годах XIX в., выявил особенности раннеэсеровской идеологии, ее отличия от старого народничества и близость к воззрениям социал-демократов. Анализируя дальнейшую эволюцию ПСР, Черномордик показал изменения в ее идеологии, смену тактических приоритетов, внутреннюю идейно-политическую дифференциацию в партийных рядах, приведшую к оформлению в самостоятельные партии правого (народные социалисты) и левого (эсеры-максималисты) течений в неонародничестве. Подробно освещена в монографии работа эсеров в Государственной Думе разных созывов, их разделение на оборонцев и противников войны в период после 1914 г. Суть концепции Черномордика в том, что вся история ПСР — это история «теоретических и политических шатаний», выразившихся в постоянных дискуссиях, острой внутрипартийной борьбе, расколах, частом пересмотре взглядов и политической линии. И хотя аналогичные явления были в

⁴⁶ Там же. Л.: М., 1926. Т. 12. С. 287.

⁴⁷ Эрде Давид Израилевич (1894 – после 1967) – советский и партийный рабочий, журналист, историк. Участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. Во второй половине 20-х годов – аспирант подсекции новой русской истории Института истории РАНИОН, ассистент по курсу истории революционных движений на физико-математическом и медицинском фах ИГУ.

⁴⁸ *Стеклов Ю.М.* Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.

⁴⁹ *Покровский М.Н.* Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров». М., 1922; *Он же.* Идеология эсеров за два последние года (1921–1922) // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.

⁵⁰ *Мицкевич С.И.* Зарождение эсеровской партии // Пролетарская революция. 1922. № 12.

⁵¹ *Черномордик С.* Эсеры (ПСР). Харьков. 1929.

той или иной степени свойственны практически всем российским партиям на этапе их формирования, автор делает вывод о проявлении в эсеровских «штатаниях» мелкобуржуазной природы ПСР, ибо именно для мелкой буржуазии характерны непрерывные колебания между буржуазией и пролетариатом. В деятельности эсеров после 1917 г. Черномордик, в строгом соответствии с официальными оценками ВКП(б), видит только «контрреволюционный авантюризм» и смыкание с белой реакцией.

Изучение и отражение в учебных курсах истории *анархизма* началось в МГУ с приходом на ФОН в 1919 г. видных деятелей российского анархистского движения, профессоров А.А. Борового⁵² и И.С. Гроссмана-Рощина⁵³. А.А. Боровой первоначально читал на экономическом отделении факультета курс «История анархизма и социализма в их взаимоотношении» и руководил соответствующим семинаром, затем преподавал историю рабочего движения. И.С. Гроссман-Рощин работал на кафедре социологии⁵⁴.

Основным предметом научного интереса обоих исследователей являлось в начале 20-х годов идейное наследие основоположника анархо-коммунизма П.А. Кропоткина. Гроссман-Рощин посвятил несколько работ анализу вклада Кропоткина в учение анархизма, выявлению и оценке основных элементов его мировоззрения⁵⁵. Главным в теории Кропоткина автор считал не просто соединение коммунизма с анархией, но также представление о решающей роли спонтанного творчества масс в историческом процессе. Большое внимание уделял исследователь естественно-научному и этическому обоснованию анархизма в трудах Кропоткина, развитию им либертарной критики принципа государственности. Сопоставление кропоткинских идей с бакунизмом позволило Гроссману-Рощину сделать вывод о выдвигании Кропоткиным на первый план созидательной, а не разрушительной стороны анархизма.

А.А. Боровой подходил к концепциям кропоткинского анархо-коммунизма более критически. В статье «Проблема личности в учении П.А. Кропоткина» он обратил внимание на склонность мыслителя к идеализации «народа», «масс», «общинного начала» и как следствие на его излишне упрощенные представления о путях осуществления анархического идеала. Сложные проблемы антропологии личности и общества, личностного начала в истории, социальных и культурных корней государственности не нашли, с точки зрения Борового, адекватного отражения в теоретических конструкциях Кропоткина, что составило их слабую сторону.

⁵² Боровой Алексей Алексеевич (1875–1935) — деятель российского анархистского движения, теоретик анархизма. Окончил юридический ф-т Московского университета (1898), приват-доцент (1902). В 1911 г. в числе 108 преподавателей сложил с себя звание приват-доцента в знак протеста против реакционной политики Министерства народного просвещения. С 1919 — профессор ФОН МГУ. В 1922 г. по политическим причинам отстранен от преподавательской работы. Умер в ссылке.

⁵³ Гроссман-Рощин (Гроссман) Иуда Соломонович (1883–1934) — деятель российского анархистского движения. В революционном движении с 1897 г. Родоначальник «черно-знаменской» (бунарежской) направленности в российском анархизме. В 1917 г. приветствовал победу Октябрьской революции, в 1926 объявил о переходе на позиции большевиков. С 1919 г. — профессор ФОН МГУ. В 20-е годы занимался литературной и преподавательской деятельностью.

⁵⁴ ЦМММ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 8. Л. 5 об.; Оп. 5. Д. 73. Л. 3 об.

⁵⁵ Характеристика творчества П.А. Кропоткина. Пг.: М., 1921; Мысли о творчестве П.А. Кропоткина — Петр Кропоткин: Сб. статей / Под ред. А. Борового, П. Лебедева. Пг.: М., 1922.

Если И.С. Гроссман-Рощин и А.А. Боровой представляли различные течения анархистской историографии, то такие исследователи и преподаватели, как Ю.М. Стеклов, Б.И. Горев и В.Н. Залежский, рассматривали историю анархистского движения с коммунистических позиций.

Ветеран российского социал-демократического движения, профессор факультета общественных наук Ю.М. Стеклов⁵⁶, читавший в начале 20-х годов на его экономическом отделении курс «История рабочего движения на Западе и в России»⁵⁷, посвятил четырехтомный труд и серию статей изучению идей и деятельности крупнейшего теоретика и практика российского и международного анархизма М.А. Бакунина⁵⁸. Характерный для советской историографии 20-х годов интерес к выяснению «эмбриологии большевизма» проявился в постановке Стекловым вопроса: «Что разделяет и сближает нас с Бакуниным?» Констатируя мелкобуржуазный и утопический характер бакунизма, Стеклов вместе с тем отмечал ряд присущих ему черт, которые, как он полагал, в определенном смысле предвосхитили идейно-политические принципы большевистской партии. К числу такого рода черт исследователь относил абсолютное отрицание социал-реформизма, постановку вопроса о самоопределении и федеративном объединении наций, идею тесного рабоче-крестьянского союза, воинствующую антирелигиозность и, наконец, ориентацию на создание сплоченной, полностью единой в политическом отношении боевой организации революционеров. Все это, заключал Стеклов, дает основание для причисления к родоначальникам ВКП(б) не только Маркса, но в известной степени и Бакунина⁵⁹.

Б.И. Горев⁶⁰ начал заниматься изучением российского анархизма и других крайне левых политических течений еще до своего прихода на работу в МГУ, в дореволюционный период. В 1914 г. его статья об анархистах, максималистах и махаевцах вошла в пятитомное исследование меньшевистских авторов «Общественное движение в России в начале XX века». Эта проблематика затрагивалась и в курсе «История социализма в России», который читался Б.И. Горевым в середине 20-х годов на факультете общественных наук⁶¹. В 1930 г. Горев обобщил итоги своей двадцатилетней работы над историей анархистского движения в книге «Анархизм в России» (М., 1930). На основе широкого круга источников, в том числе архивных документов, в ней рассматривается эволюция анархизма от народнических бакунистских организаций 70-х годов XIX в.

⁵⁶ Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) – деятель российского социал-демократического движения, историк, публицист. В революционном движении с 1888 г.; работал в большевистских организациях, в 1917 г. примыкал к внефракционным социал-демократам. Во время февральской революции избран членом Исполкома Петроградского совета. С октября 1917 по 1925 г. – редактор газеты «Известия ВЦИК», затем на журналистской, административной и научной работе. Член ВЦИК и ЦИК ряда съездов, участник разработки Советской конституции 1918 г. С 1919 г. – профессор ФОН МГУ. Автор трудов по истории российского и международного революционного движения и социалистической мысли. В 1938 г. арестован, умер в тюрьме.

⁵⁷ ЦМАМ. Ф. 1609. Оп. 5. Д. 73. Л. 37 об.; Вестник ФОН. 1922. № 1. С. 45–46.

⁵⁸ Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность, 1814–1876. Т. 1–4 (первое издание – 1920 г., второе издание – 1926–1927 гг.).

⁵⁹ Историк-марксист. 1927. № 4.

⁶⁰ Горев (Гольдман) Борис Исаакович (1874–1937) – деятель российского социал-демократического движения, историк. В революционном движении с 1893 г., с 1903 – большевик, с 1907 – меньшевик. В 1917–1918 гг. избирался членом ЦК РСДРП (о); в 1920 г. вышел из партии. Занимался научной и преподавательской деятельностью. С 1922 г. преподавал исторический материализм на ФОН МГУ, с 1924 – читал курс «История социализма в России». С 1925 г. – профессор этнолого-политического факультета. Автор трудов по истории социализма в России и на Западе. Репрессирован.

⁶¹ Факультет общественных наук... С. 91.

до махновского движения. Автор подробно анализирует идейные воззрения М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, «религиозный анархизм» Л.Н. Толстого, раскрывает особенности разнообразных течений, возникших в анархистском движении в начале XX в.: «хлебовольцев», «безначальцев», «чернознаменцев», анархо-синдикалистов. Большое внимание уделяется в монографии периоду революции 1905—1907 гг. — времени подъема и достаточно широкого распространения анархизма в России. На этом этапе, как показывает Горев, в стране возникло несколько основных центров анархистского движения, каждому из которых соответствовал определенный социально-психологический тип активиста. Главы книги, посвященные деятельности анархистских объединений в период революции 1917 г. и Гражданской войны, несут на себе наиболее отчетливый отпечаток идеологической предвзятости автора, стремящегося обосновать абсолютную правоту большевиков в борьбе с анархистской оппозицией. Еще явственнее аналогичная тенденциозность заметна в появившейся одновременно с работой Горева брошюре об анархистах, написанной В.Н. Залежским⁶².

В.Н. Залежский⁶³ исследовал также историю *консервативно-монархических партий*. Его работа «Монархисты» (Харьков, 1929) — единственный труд в советской историографии 20—60-х годов, специально посвященный российским крайне правым политическим организациям периода 1901—1917 гг. На основе широкого круга разнообразных, в том числе архивных, источников автор исследует возникновение и эволюцию этих организаций, анализирует их программы, идеологию, состав, предлагает их классификацию. Центральный тезис книги Залежского — наличие прямой взаимосвязи между развитием революционного и охранительно-реакционного движений в России. Образование монархических объединений рассматривается им как непосредственная реакция правящих классов страны на массовые выступления рабочих и крестьян в 90-е годы XIX — первом десятилетии XX в. Автор показывает, в частности, что отделения первой русской монархической организации — Русского Собрания — возникали именно в тех местах, которые являлись центрами аграрного движения или движения угнетенных национальностей. Закономерной, с точки зрения исследователя, предстает в этой связи и максимальная активизация крайне правых во время первой российской революции, а также спад монархического движения в послереволюционный период.

Рассматривая всю совокупность консервативно-монархических политических организаций, Залежский выделяет два их главных типа с двумя соответствующими вариантами монархической идеологии: «чисто дворянский» монархизм объединял такие группировки, как Русское собрание, Русская монархическая партия, Совет объединенного дворянства; к типу «всесословного» монархизма относился Союз русского народа и близкие к нему черносотенные группы. Если дворянско-монархические организации ориентировались главным образом на защиту сословных привилегий дворянства и занимались преимущественно пропагандистской деятельностью, то «черная сотня» выдвигала утопию «народного самодержавия» (Залежский

⁶² Залежский В.Н. Анархисты в России. М., 1930.

⁶³ Залежский Владимир Николаевич (1880—1957) — член РСДРП с 1902 г. Участник февральской и Октябрьской революций 1917 г., Гражданской войны. С 1923 г. на научно-преподавательской работе. Преподавал исторический материализм на ФОН МГУ, с 1925 г. — доцент ф-та советского права, читал курс истории ВКП(б). Автор работ по истории российских политических организаций.

связывает эту идею с архаическими элементами мировоззрения мелкой буржуазии) и вела непосредственную, физическую борьбу с революцией. В русском черносотенном движении с его люмпенско-мелкобуржуазным составом, погромной активностью и воинствующим антисемитизмом автор видит прообраз европейского фашизма (мнение, разделявшееся в 20-е годы и другими советскими историками).

Помимо работ, посвященных отдельным партиям и группам партий, во второй половине 20-х годов начали появляться исследования, содержащие сравнительный анализ программ и деятельности всех основных политических организаций России. При этом внимание историков было обращено прежде всего на период максимального проявления в политической жизни фактора многопартийности — 1917 год. А поскольку межпартийная борьба в условиях российской революции в значительной степени являлась борьбой за крестьянство, противоборством различных концепций разрешения аграрного вопроса, предметом изучения стала именно эта проблема.

Специальный раздел «Политические партии и крестьянство» включил в свою книгу о крестьянстве в 1917 г. С.М. Дубровский⁶⁴. В разделе дается общая характеристика аграрных программ и отношения к крестьянскому движению кадетов, меньшевиков, эсеров (правых и центра), левых эсеров, большевиков. Автор приходит к выводу о том, что либералы и меньшевики не имели реального влияния в российской деревне, и борьба за крестьянство шла главным образом между большевиками и эсерами. Большевики добились победы в этой борьбе, ибо только они выступили за «плебейское» решение аграрного вопроса снизу (активно поддерживали захватное движение крестьян, самочинный передел ими земли), в то время как другие политические силы откладывали осуществление аграрных преобразований до выработки соответствующего законодательства Учредительным собранием⁶⁵.

Еще более подробно рассмотрена данная проблематика в монографии Е.А. Мороховца⁶⁶. В ней анализируются аграрные программы не только самых массовых партий, но и народных социалистов, максималистов, а также оформившегося после февральской революции Всероссийского союза земельных собственников, в который вошла часть октябристов и правых. Автор выявляет связь подходов к аграрному вопросу с общими стратегическими установками политических партий, их представлениями о характере и задачах российской революции. В то же время он отмечает факт определенного сближения в 1917 г. аграрных программ различных партий на основе учета настроений крестьянства — так, меньшевистская и даже кадетская платформы приблизились к эсеровской, а большевики взяли на вооружение народнический план социализации земли. Успех большевиков среди

⁶⁴ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) — советский историк. Участник февральской и Октябрьской революций. Член РКП(б) с 1918 г. Окончил Институт красной профессуры. С 1924 г. преподавал историю РКП и ленинизм на ФОН МГУ. В 30-е годы работал на историческом ф-те МГУ; с 1935 г. — доктор исторических наук, профессор, декан исторического ф-та Ленинградского государственного университета. Член Президиума Крестингерна и деревенского отдела ЦК ВКП(б). В 1936 г. подвергся репрессиям. После XX съезда КПСС реабилитирован. Автор трудов по истории аграрных отношений и крестьянских движений в России, а также работ по историографии.

⁶⁵ Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 г. М.; Пг., 1927.

⁶⁶ Мороховец Е.А. Аграрные программы российских политических партий в 1917 г. Л., 1929.

крестьянства Мороховец, как и Дубровский, связывает с обоснованием ими наиболее радикальных методов осуществления аграрной революции.

Драматические события 30-х годов – утверждение сталинской диктатуры, подавление инакомыслия, разжигание «классовой борьбы» во всех областях общественной жизни – тяжело отразились на изучении и преподавании социальных наук в Советском Союзе. Одной из первых жертв сложившейся ситуации стала история, освещение которой приобретало все более догматический и тенденциозный характер. Свободное творчество историков затруднялось в атмосфере следующих одна за другой идеологических кампаний, направленных на выявление и подавление разнообразных «уклонов». И прежде всего это касалось изучения истории Коммунистической партии. Если еще в 1929 г. на Всесоюзной конференции историков-марксистов история партии рассматривалась именно как научная дисциплина, в выступлениях В.И. Невского и М.Н. Покровского делался акцент на раскрытии объективных закономерностей историко-партийных явлений, подчеркивалась важность опоры на архивные источники и овладения при этом исследовательской техникой историков старой школы⁶⁷, то уже в следующем году, на Всесоюзном совещании по вопросам преподавания ленинизма, истории партии и Коминтерна вопросы ставились совсем по-другому: в докладах Е. Ярославского, Д. Кина и в резолюциях совещания история ВКП(б) была объявлена средством политико-идеологического воздействия на массы, «оружием борьбы» с врагами коммунизма, сферой, полностью подчиненной задачам современности⁶⁸.

Особенно тяжелое положение в советской исторической науке сложилось после появления в 1931 г. письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Публикация этого письма, наполненного политическими обвинениями в адрес историков, послужила сигналом для начала широкой кампании по разоблачению «троцкистских контрабандистов» и «типлых либералов» в историографии. Любое самое незначительное отклонение от спущенных сверху установок становилось отныне политическим преступлением. Даже такой лояльный существующему режиму человек, как С.А. Пионтковский, записал в это время в своем дневнике, что начал испытывать страх перед аудиторией: он боялся читать лекции, опасаясь, что в них отыщут какие-либо «уклоны»⁶⁹. Другой историк, В.И. Невский, говорил в узком кругу: «Хотелось бы написать о том и другом, но нельзя: у нас ведь мыслить запрещено»⁷⁰.

В 1931 г., в соответствии с постановлением СНК СССР о придании советским университетам сугубо технического профиля, социально-гуманитарные факультеты МГУ были выделены из состава университета. На основе историко-философского факультета был образован самостоятельный Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). В МГУ осталась только общеуниверситетская кафедра ленинизма и истории ВКП(б), преподавательский состав которой в начале 30-х годов

⁶⁷ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 90–91, 106–107.

⁶⁸ Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. Стенограммы совещания, созванного обществом историков-марксистов 9 февраля 1930 г. М., 1930.

⁶⁹ Литвин А.И. Без права на мысль (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судьбы). Казань, 1994. С. 104.

⁷⁰ Там же. С. 89.

постоянно менялся (в частности, по причине обнаружения «ошибок» тех или иных преподавателей), что не способствовало ведению систематической научно-исследовательской работы.

Изучение в МГУ истории различных политических партий и движений России возобновилось только после восстановления в университете исторического факультета в 1934 г.

Одна из первых попыток рассмотреть формирование и особенности российской многопартийности в начале XX в. была предпринята во второй половине 30-х годов Б.И. Сыромятниковым⁷¹. В двух статьях монографического характера (их совокупный объем — более 200 страниц), написанных для энциклопедического словаря «Гранат», он подробно осветил деятельность целого ряда партий «господствующих классов» в период с 1902 по 1917 г.⁷²

Образование российских политических партий связано в статьях Сыромятникова с процессами самоопределения и политического размежевания общественных элементов, импульс которым дали «революционные волнения» 1902—1904 гг., приведшие в движение все социальные слои, в том числе широкие слои либеральной и радикальной буржуазии. Автор раскрыл неравномерный и противоречивый характер этих процессов, обусловленный замедленным ростом экономики, невысоким уровнем культурного и политического развития населения, нечеткостью классово-дифференциации. Именно результатом недостаточной зрелости общественной среды, подчеркнул Сыромятников, стали такие черты российской многопартийности, как чрезмерное обилие партийных группировок и слабость, аморфность большей их части.

Анализируя процесс складывания политических партий в период 1904—1905 гг., автор выделил в нем несколько этапов: возникновение «временного суррогата» буржуазных и мелкобуржуазных партий в лице разнообразных профессионально-политических союзов; оформление основных партийных структур; дальнейшая перегруппировка политических сил. В статьях дана характеристика программно-тактических установок и социальной природы двух главных партий российского либерализма — кадетов и октябристов, а также более мелких политических организаций: Партии свободомыслящих, Радикальной партии, группы «безаглавцев», Партии демократических реформ, Демократического союза конституционалистов, Умеренно-прогрессивной партии, Партии мирного обновления, Прогрессивно-экономической партии, Прогрессивно-промышленной партии, Торгово-промышленной партии, Всероссийского торгово-промышленного союза, Партии правового порядка. Основное содержание эволюции либерального движения во время первой российской революции Сыромятников обозначил как движение вправо: это выразилось и в изменении позиций кадетской партии, и в усилении октябристов и близких к ним праволиберальных группировок. Лишь постепенно

⁷¹ Сыромятников Борис Иванович (1874—1947) — историк, правовед, доктор юридических наук. Окончил юридический ф-т Московского университета. С 1903 г. на преподавательской работе в университете. С 1919 г. — профессор ФОН МГУ. Автор трудов по истории российского права, эпохи Петра I, декабристов, историографии.

⁷² Господствующие классы и правительственная политика в годы революции (1902—1907) // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института «Гранат». 7-е изд. 1936. Т. 36. Ч. V; Господствующие классы и правительственная политика в последние годы царизма и в период февральской буржуазно-демократической революции (1907—1917) // Там же. 1938. Ч. VI.

развитие капитализма, обострение противоречий между буржуазией и помещиками привели к «политическому оживлению» русской буржуазии, следствием чего стало образование партии прогрессистов, фактический распад «Союза 17 октября» и создание буржуазно-оппозиционного «Прогрессивного блока» в IV Думе.

Значительное внимание истории формирования российских буржуазных партий уделено в своей монографии Е.Д. Черменский⁷³. Первичная форма либерально-оппозиционного движения в России охарактеризована Черменским как «земская фронда», представителями которой являлись преимущественно буржуазнившиеся помещики. Автор показал, что городская буржуазия, традиционно связанная с самодержавным государством, с трудом освобождалась от своей «политической аморфности» и лишь в 1905 г. вышла на политическую арену, приступив к созданию собственных организаций партийного типа. При этом выразителем общеклассовых интересов буржуазии являлась Конституционно-демократическая партия, а специфические интересы крупного капитала стал защищать «Союз 17 октября», объединивший ряд политических группировок торгово-промышленной и банковской буржуазии. Причины объединения крупнобуржуазных партий Черменский видел в их стремлении замаскировать свою узкоклассовую сущность, преодолеть отраслевую и региональную раздробленность, повысить эффективность партстроительства.

После восстановления исторического факультета и возвращения к более традиционным формам организации науки и преподавания большее значение, по сравнению с периодом начала 30-х годов, стало придаваться научно-исследовательской работе преподавателей истории Коммунистической партии. Так, в 1936 г. в число показателей, которые должен был иметь «отличник» из состава профессоров и преподавателей кафедр социально-экономических дисциплин, была введена работа над кандидатской или докторской диссертацией⁷⁴. В 1938 г. была создана общеуниверситетская кафедра марксизма-ленинизма⁷⁵, взявшая на себя, помимо педагогической деятельности, обязанности развертывания научной работы -- ее планирования, координации, определения содержания. В 1939 г. при кафедре открылась аспирантура. С 1940 г. на историческом факультете началось становление специализации по истории ВКП(б). Это требовало подготовки спецкурсов, спецсеминаров, определения соответствующей тематики дипломных сочинений, стимулируя тем самым ведение исследований.

Однако установленные политическим режимом рамки, в которых могла осуществляться эта работа, со второй половины 30-х годов еще более сузились. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»» говорилось: «Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований.

⁷³ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.: ГИ, 1939.

⁷⁴ Архив МГУ. Научно-учебная часть. 1935/36 уч. г. Оп. 10. Д. 99. Л. 35.

⁷⁵ Впоследствии она именовалась кафедрой основ марксизма-ленинизма.

Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии»⁷⁶. Историкам предписывалось, таким образом, строго следовать в своих работах букве «Краткого курса» — всякое отступление от этого канона могло быть отнесено отныне к разряду «произвольных толкований» партийной истории, которые были недвусмысленно запрещены высшим органом партии.

Одновременно с ужесточением идеологического и политического давления на университетских ученых и преподавателей обрушилась волна репрессий: в 1937—1938 гг. были расстреляны В.И. Невский, С.А. Пионтовский, Ю.М. Стеклов, Б.И. Горев; умер в ссылке А.А. Боровой; более десяти лет провел в неволе С.М. Дубровский.

Но и в этих тяжелейших условиях историки МГУ продолжали заниматься исследовательской работой. Специалисты по истории РСДРП и большевизма стремились, как правило, разрабатывать проблематику дореволюционного периода, концентрировали свое внимание на событиях, удаленных от «идеологических фронтов» современности. Во второй половине 30-х — первой половине 50-х годов университетскими учеными были опубликованы монографии, посвященные ранним периодам деятельности В.И. Ленина⁷⁷, выработке программы РСДРП⁷⁸, участию большевиков в революции 1905—1907 гг.⁷⁹, работе Русского бюро большевистской партии в 1912—1917 гг.⁸⁰ Преподаватели кафедры основ марксизма-ленинизма регулярно выступали с научными докладами; так, в 1946—1953 гг. ими были прочитаны доклады о сорокалети Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., о тридцатилетии Октябрьской революции, о пятидесятилетии I и II съездов РСДРП, о пятидесятилетии основания социал-демократической газеты «Искра».

В 1940 г. состоялась первая в университете защита докторской диссертации по истории ВКП(б) (М.А. Москалев). В апреле 1951 г. кафедра основ марксизма-ленинизма впервые приняла участие в Ломоносовских чтениях. Отражением роли кафедры в подготовке педагогических и научно-исследовательских кадров в области истории партии стало создание на ее базе ученого совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук (по этой специальности).

Задачи расширения подготовки специалистов по истории Коммунистической партии, накопленный в этой области опыт определили создание в 1953 г. *кафедры истории КПСС* в структуре исторического факультета. Принимая это решение, ректорат МГУ несомненно учитывал опыт постановки соответствующей специализации на факультете, значимость общенсторических

⁷⁶ КПСС в резолюциях... Ч. III. С. 316.

⁷⁷ Москалев М.А. В.И. Ленин в сибирской ссылке. 1897-1900. Красноярск, 1944; *Волин Б.М.* Из истории появления работы В.И. Ленина «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». М., 1944; *Он же.* В.И. Ленин в Поволжье. 1870-1893. М., 1955.

⁷⁸ Москалев М.А. О программе партии перед Вторым съездом РСДРП. М., 1936.

⁷⁹ Гаврилов Б.В. Военная работа московских большевиков в годы первой русской революции. М., 1952; *Галкин В.А.* Иваново-Вознесенские большевики в период первой русской революции. М., 1952.

⁸⁰ Москалев М.А. Русское бюро большевистской партии. 1912 – март 1917. М., 1947.

знаний в подготовке профессионалов для работы в области истории партии, развитие на факультете научно-исследовательской работы.

XX съезд КПСС, осудивший в 1956 г. культ личности И.В. Сталина, открыл новый этап эволюции советской историко-партийной историографии.

Значительно расширилась источниковая база исследований. В 1958—1965 гг. было издано Полное собрание сочинений В.И. Ленина, содержащее 9 тыс. произведений и документов, из которых 1100 было опубликовано впервые. Новые документы вошли в ленинские сборники (XXXVI—XXXIX). С 1958 г. началось переиздание стенограмм и протоколов съездов и конференций Коммунистической партии. Выходили в свет тематические сборники документов по различным направлениям деятельности партии. Были изданы «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» в пяти томах. Уникальным изданием явилась Биографическая хроника В.И. Ленина. С 1957 г. начал выходить журнал «Вопросы истории КПСС».

XX съезд положил начало трудному процессу освобождения советской историографии от господства догматов «Краткого курса истории ВКП(б)». Сразу же после съезда на страницах главного исторического журнала страны «Вопросы истории» начали появляться статьи с критикой различных аспектов сталинской историко-партийной концепции. Среди авторов этих работ были и преподаватели исторического факультета МГУ. Так, С.Ф. Найда в статье, написанной в соавторстве с Ю.П. Петровым, обратил внимание на произвольную трактовку в «Кратком курсе» истории Гражданской войны в России: авторы «Краткого курса» явно преувеличили значимость обороны Царицына осенью 1918 г. (в ней принимал участие Сталин), проигнорировав первостепенное значение событий, которые разворачивались в то время на Восточном Фронте⁸¹.

Характерное для историографии предшествующего периода представление об идеях большевизма как изначально данном наборе неизменных истин было подвергнуто критике в статье М.А. Москалева. Рассмотрев генезис взглядов В.И. Ленина на роль российского крестьянства в буржуазно-демократической революции, автор пришел к выводу о том, что идея прочного союза рабочих и крестьян в революции сформировалась у лидера большевиков не сразу. Вопреки утверждениям «Краткого курса», в 90-е годы XIX в. Ленин еще не был полностью уверен в революционном потенциале крестьян, и только опыт 1905 г. окончательно убедил его в том, что крестьянство действительно способно выступить в качестве одной из важнейших движущих сил демократической революции. Конкретным воплощением этой идеи стал лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, выдвинутый большевиками именно в 1905 г.⁸² Статья М.А. Москалева отразила стремление советских историков отойти от статичных интерпретаций ленинизма, исследовать его как историческое явление, подверженное изменениям и эволюции.

⁸¹ Найда С.Ф., Петров Ю.П. Коммунистическая партия — организатор победы на Восточном Фронте в 1918 году // Вопросы истории. 1956. № 10.

⁸² Москалев М.А. Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90-х годах XIX века // Вопросы истории. 1956. № 8.

Однако попытки исследователей пересмотреть оценки «Краткого курса» встретили в конце 50-х годов сопротивление со стороны партийного руководства. В 1957 г. ЦК КПСС принял постановление «О журнале «Вопросы истории», в котором редакции журнала ставилось в вину отступление от «ленинских принципов партийности» в исторической науке. Публикация статьи Москалева была признана «крупнейшей ошибкой журнала», а ее автор обвинен в «ревизии ленинизма»⁸³. Процесс десталинизации советской историографии возобновился в начале 60-х годов, после XXII съезда партии, но уже во второй половине десятилетия в идеологической сфере вновь возобладали консервативные тенденции: критика «культы личности» стала отождествляться с «очернением истории», а на попытки историков по-новому интерпретировать проблемы партийной истории был по существу наложен запрет⁸⁴.

В этих условиях работам ученых исторического факультета МГУ были присущи, в целом, те же черты и особенности, что и всей советской историко-партийной литературе.

Несмотря на ленинское высказывание — «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую специалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»⁸⁵, — критика канонизированных постулатов марксизма-ленинизма не допускалась, малейший отход от них расценивался как опасный ревизионизм. Историки были вынуждены опираться на единую, общеобязательную теоретико-методологическую базу, руководствоваться указаниями партийных лидеров. Общие выводы научных исследований также задавались априорно: они должны были подтверждать историческую правоту и мудрость руководства КПСС и доказывать неизбежность «банкротства» и «краха» всех меньшевистских партий и движений России. Ленинские идеи и прогнозы о развитии советского общества трактовались прямолинейно, упрощенно. Путь, пройденный Коммунистической партией, изображался в основном как путь от победы к победе, лишенный внутренних противоречий. Неизбежно возникавшие при строительстве нового общества проблемы, трудности, споры нередко замалчивались; трагические страницы истории, связанные с репрессивной политикой партийного руководства, оставались закрытыми. Политическая и идеологическая предвзятость исторической науки не позволяла объективно проанализировать деятельность меньшевистских партий, их лидеров. Многие участники революционного движения, общественно-политические взгляды которых не совпадали с официальной идеологической доктриной, оказались «выброшенными» из истории, их позиции оценивались как оппортунистические, «уклонистские». Тенденциозно трактуемая «классовость» и «коммунистическая партийность» были возведены в абсолютный принцип научного познания.

⁸³ За ленинскую партийность в исторической науке! // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 9.

⁸⁴ См.: Голиков В., Мурашов С., Чхинквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3.

⁸⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

Но и в рамках официальной историографии происходило поступательное развитие историко-партийной науки. Исследователи ориентировались на использование как можно большего числа имеющихся исторических источников. Вводились в научный оборот архивные документы. Осуществлялось накопление конкретно-исторического материала. Расширялась тематика исследований, рождались новые идеи. Развивались источниковедение и историография истории КПСС.

В работах, опубликованных преподавателями исторического факультета в 60-х — первой половине 80-х годов, нашли отражение такие проблемы, как *лениноведение* (Коптева А.М. Из истории борьбы В.И. Ленина за единство партии. М., 1961; В.И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства: Сб. статей / Под ред. Н.В. Савинченко. М., 1960; Ждановская З.В. Вопросы методики изучения ленинского наследия. М., 1979 и др.); *история партийного строительства* (Злобин В.И. XVII съезд ВКП(б). М., 1957; Он же. XVIII съезд ВКП(б). М., 1957; Савинченко Н.В. Аграрная программа большевиков в русской революции 1905—1907 гг. М., 1960; Воскресенский Ю.В. Разгром коммунистической партией троцкистско-меньшевицкой «новой оппозиции». М., 1962; Горлов П.М. Ленинский призыв. М., 1962; Обичкин О.Г. Краткий очерк истории устава КПСС. М., 1969; Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах, 1921—1925 гг. М., 1972; Она же. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях, 1917—1975 гг. М., 1979; Рождение большевизма: Сб. статей / Под ред. Н.В. Савинченко. М., 1974; Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов, 1917—1937 гг. М., 1976; Он же. Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС, 1924—1927 гг. М., 1979 и др.); *Коммунистическая партия и Советы* (Муромцева Л.П. Деятельность Коммунистической партии по укреплению местных Советов, 1946—1950 гг. М., 1985); *деятельность Коммунистической партии по осуществлению индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР* (Воскресенский Ю.В. Переход Коммунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации СССР (1925—1927). М., 1968; Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934 г.). М., 1961; Она же. Рабочие-двадцатипятипятитысячники. М., 1964); *партии и научно-технический прогресс* (Алексеев Г.М. Партия и массовое техническое творчество трудящихся СССР. М., 1969; Он же. Партия во главе научно-технического прогресса. М., 1972); *история комсомола* (Ацаркин А.Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России, 1901—1907. М., 1965; Он же. Пролетарская молодежь. Рождение комсомола. М., 1981); *интернациональная деятельность КПСС* (Львунин Ю.А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР, 1924—1928 гг. М., 1975; Он же. Георгий Димитров и международное профсоюзное движение. М., 1983); *историография истории КПСС* (Порицкий В.А. Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики. М., 1975; Тетюшев В.И. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные «критики». М., 1978; Злобин В.И. Второй съезд РСДРП. Историография. М., 1980.) и др.

Преподаватели кафедры истории КПСС принимали участие в подготовке трудов, изданных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ими был впервые создан учебник «Источниковедение истории КПСС» (1961; авторы – З.В. Ждановская, А.Т. Маслова, А.И. Широков, А.Г. Шпынов).

В.И. Злобин входил в число авторов книги «Московский университет за пятьдесят лет советской власти» (1967), под его руководством велась работа по составлению биобиблиографических словарей о воспитанниках Московского университета — большевиках, соратниках В.И. Ленина (1973, 1977, 1982).

При подготовке вышеперечисленных монографий авторами широко использовались документы и материалы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), МПА (ныне ЦАОДМ), ЦГАОР СС (ныне ГАРФ), Ленинградского партийного архива, Ленинградского филиала ЦГАОР, ГИА, ЦГАНХ, многих местных партийных и государственных архивов. Сделанные в архивах выписки подлежали цензуре, порой изымались, однако содержание их оставалось в памяти исследователей, что позволяло точнее ориентироваться в явлениях, событиях, происходивших в партии и стране, избегать крайне догматизированных оценок, формировать критический подход к публикуемым с купюрами документам и материалам.

В работах историков КПСС были показаны героический труд, социальное и духовное творчество поколений советского народа, их энтузиазм в стремлении построить справедливое общество, патриотизм, интернационализм. Историки КПСС убедительно показали, что абсолютное большинство коммунистов честно трудились, осуществляя программные цели КПСС, декларировавшие защиту интересов широких народных масс, что трудом советского народа было обеспечено превращение России в мировую державу. В исследованиях нашли отражение различные аспекты внутрипартийной жизни, деятельности КПСС.

Так, в монографиях и статьях Л.С. Леоновой были раскрыты важнейшие стороны опыта правящей партии коммунистов по подготовке партийных кадров на протяжении длительного периода — с 1917 по 1975 г. — в масштабах всей страны. Деятельность партийных учебных заведений всегда была неразрывно связана с экономическими, политическими, культурными, идеологическими потребностями государства. Разработка проблемы партийных кадров потребовала внимания к жизни общества во всех ее главных аспектах. Автором был собран большой фактический материал, конкретизирована проблематика, проанализированы методологические, историографические, источниковедческие аспекты темы.

Монография и статьи Л.П. Муромцевой восполнили пробел в рассмотрении проблемы взаимоотношений партии и советов в 1946—1950 гг. На богатом конкретно-историческом материале (источниковая база монографии «Деятельность Коммунистической партии по укреплению местных Советов, 1946 — 1950 гг.» включает, помимо опубликованных источников, данные из девяти партийных и государственных архивов) автор раскрывает процесс восстановления и развития советских органов на местах в послевоенный период, исследует такие аспекты функционирования

Советов, как подбор, расстановка, воспитание кадров для их аппарата, своеобразие советского строительства в отдельных районах и областях, формы и методы партийного влияния на деятельность советов. В условиях первой половины 80-х годов Л.П. Муромцева, разумеется, не могла в своих работах поставить под вопрос саму целесообразность партийного руководства советами, выдвинуть проблему разделения властей.

Исследованию обширного массива отечественной и зарубежной литературы о II съезде РСДРП были посвящены историографические работы В.И. Злобина. В них рассматривался широкий круг проблем, связанных с изучением возникновения российской социал-демократии, оформления в ней различных идейно-политических течений, подготовки, проведения и исторического значения II съезда партии, который фактически являлся учредительным съездом РСДРП и положил начало большевизму и меньшевизму.

А.Н. Ацаркин первым в СССР защитил в 1964 г. докторскую диссертацию по истории молодежного движения в нашей стране — «Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900—1918 гг.)»; в своих последующих работах он конкретизировал целый ряд сюжетов данной проблемы. История ВЛКСМ, его региональных организаций получила также освещение в ряде публикаций Г.П. Оприщенко⁵⁶.

При изучении «непролетарских» партий России университетские ученые, в силу отмеченных выше идеологических ограничений, концентрировали свое внимание преимущественно на их распаде и уходе с исторической сцены⁵⁷. Однако рассматривались и другие аспекты историко-партийной проблематики. Так, монография Н.Д. Ерофеева «Народные социалисты в первой русской революции» (М., 1979) стала первым исследованием истории этой партии, освещающим ее идеологию, процесс организационного оформления, программу и тактические принципы, а также политическую деятельность во время революции 1905—1907 гг. Отмечая идейное родство народных социалистов с партией эсеров, всевозможную помощь лидеров энесов эсерам при формировании их партии и в ее практической деятельности, Н.Д. Ерофеев вместе с тем обосновывает тезис о том, что партия энесов образовалась не в результате раскола ПСР, а вследствие идейно-политической самоидентификации либерально-народнической интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Русское богатство» и формально не входившей в партию эсеров. Для 1979 г. этот вывод был смелым, поскольку расходился с принятым в советской историографии ленинским определением народных социалистов как партии, образовавшейся из отколовшегося от партии эсеров ее правого крыла.

⁵⁶ Оприщенко Г.П. Партийное руководство производственной деятельностью комсомольских организаций промышленных предприятий Донбасса после XX съезда КПСС // Украинский исторический журнал. 1966. №3 (на укр. яз.); Комсомольская организация Московского университета. Краткий очерк истории (в соавт. с А.Н. Ацаркиным, О.Г. Обишкиным и др.) М., 1984; и др.

⁵⁷ Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; Стишов М.И. История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917-1930-е годы). М., 1981; Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920-1922 гг.). М., 1984.

Значительное внимание парламентской работе российских политических партий уделялось в монографиях С.М. Сидельникова и Е.Д. Черменского, посвященных, соответственно, истории I и IV Государственных Дум.

С.М. Сидельников подробно проанализировал борьбу различных партий в ходе избирательной кампании в I Думу, показал различия в их взглядах на природу этого представительного учреждения и перспективы парламентской деятельности. Введение в научный оборот новых архивных источников позволило автору уточнить картину партийного состава Думы и проследить динамику его изменений⁸⁸.

В книге Е.Д. Черменского⁸⁹ деятельность IV Думы рассмотрена в контексте нарастания кризиса третьеиюньской политической системы накануне и в годы Первой мировой войны. Основное внимание автор уделил сложным, противоречивым взаимоотношениям между царским правительством и либеральной оппозицией, составившей в 1915 г. костяк думского Прогрессивного блока. В этой связи подвергнута критике традиционная для советской историографии концепция «двух заговоров» — либеральной буржуазии и царизма в 1916 — начале 1917 г. Исследователь обосновывает точку зрения, согласно которой реальной подготовки к перевороту не велось ни с той, ни с другой стороны: оба лагеря опасались решительных действий в условиях углубления политического кризиса, чреватого революцией. Особенно резко выступает Е.Д. Черменский против попыток возродить на страницах советской литературы «старый миф черносотенцев о масонах как организаторах русской революции»⁹⁰.

Накопленный конкретно-исторический материал, сделанные, хотя и под явным влиянием идеологической и политической ангажированности, обобщения послужили определенной базой для дальнейшего изучения истории КПСС и других российских партий. Работы, созданные преподавателями исторического факультета в период второй половины 50-х — первой половины 80-х годов, в настоящее время являются и историографическим источником.

Радикальные перемены в общественно-политической жизни страны на рубеже 1980—1990-х годов, в том числе ликвидации монополии КПСС в политической и идеологической сферах, создали принципиально новые условия для изучения и преподавания партийной истории. История КПСС и неразрывно связанная с ней история советского общества оказались в фокусе дискуссий, происходивших не только среди научной общественности, но и в стране в целом. На заседаниях кафедры истории КПСС развертывались дискуссии о характере сложившейся в СССР политической системы и роли КПСС в ее функционировании, о внутривнутрипартийной жизни на различных ее этапах, о содержании марксизма-ленинизма и его научном и политическом потенциале, о периодизации истории КПСС, о марксистско-ленинской методологии и ее соотнесенности с другими

⁸⁸ Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

⁸⁹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

⁹⁰ Имеется в виду книга Н.Н. Яковлева «1 августа 1914 г.» (М., 1974), в которой проводился тезис о подготовке свержения царизма некой глубоко законспирированной масонской «сверхпартией», объединявшей будто бы «вожаков всех буржуазных партий» (Черменский Е.Д. IV Государственная дума... С. 7–9).

подходами к изучению исторических процессов, политических и национальных институтов и т.п. Преподаватели кафедры участвовали в дискуссиях, развернувшихся в периодической печати по ряду проблем истории КПСС, источниковедения, историографии, создания учебника по истории партии, неоднократно выступали в центральной партийной печати по актуальным проблемам истории партии. В 1987 г. вышла хрестоматия по истории КПСС, подготовленная Л.С. Леоновой и В.Н. Донченко, охватывавшая период с 1925 по март 1985 г. При подборе документов составители исходили из задачи преодоления схематизма и упрощенчества в освещении истории КПСС. Хрестоматия отразила поворот к расширению источниковой базы историко-партийной науки, к преодолению одномерного подхода к характеристике деятельности КПСС. Включенные в сборник материалы свидетельствовали о наличии в партии альтернативных подходов к осуществлению ее стратегических целей. Источники отражали содержание и характер дискуссий, внутрипартийных разногласий, внутрипартийной борьбы; они помогали лучше понять взаимоотношения партии и общества, характерные черты Коммунистической партии, специфику политической системы СССР, особенности политических лидеров и др.

Новая политическая и идеологическая ситуация освободила исследователей политической истории от необходимости рассматривать все исторические явления и процессы исключительно через призму «коммунистической партийности»: историки получили возможность существенно расширить рамки исследуемой проблематики. Открытие засекреченных прежде архивных и библиотечных фондов дало в распоряжение исследователей огромное количество новых ценнейших источников. Утверждение принципов теоретического и методологического плюрализма привело к формированию альтернативных историографических концепций, заложив тем самым основы для плодотворных научных дискуссий.

Важным следствием произошедших в стране изменений стало признание равноправного статуса всех политических партий и движений России как объектов научного изучения. Если раньше некоммунистические партии рассматривались главным образом в контексте борьбы с ними большевиков, то теперь исследование их истории приобрело самостоятельное значение, тем более, что история эта к началу 90-х годов оставалась малоизученной и нуждалась в преодолении ее тенденциозного освещения. В связи с этим вместо упраздненной кафедры истории КПСС на историческом факультете в 1991 г. была создана кафедра истории общественных движений и политических партий России (заведующая — профессор Л.С. Леонова).

Расширение научной тематики на кафедре, введение новых спецкурсов, посвященных источниковедению и историографии российских партий и движений, политическим доктринам либерализма, консерватизма и социализма, истории молодежного движения, эволюции политической культуры российского общества сразу же потребовало разработки соответствующих учебных пособий. В 1991 г. кафедрой был выпущен сборник «Программные документы политических партий России (дооктябрьский период)». В 2001 г. вышло из печати новое издание — «Политические партии и движения России. Документы и материалы. Т. 1: Дооктябрьский период»

(в двух книгах). Это учебное пособие включило в себя не только программы основных партий и движений — от монархистов до анархистов, — но и выступления их лидеров, документы руководящих органов, прокламации, важнейшие материалы партийной печати, а также подборку документов высших органов государственной власти, характеризующих политический контекст деятельности партийных объединений. Целый ряд вошедших в сборник материалов был извлечен из малотиражных публикаций начала XX в., представляющих в настоящее время библиографическую редкость. Публикуемые документы сопровождались обстоятельными комментариями, каждому из разделов, посвященных главным составляющим российского партийного спектра, была предпослана вводная статья. Широта охвата историко-партийной проблематики, наличие некоторых важных документов, мало известных даже специалистам, обусловили не только учебную, но и научную значимость сборника.

Учитывая острую потребность в справочной литературе по политической истории России вообще и истории политических партий в частности, И.И. Линьков, В.А. Никитин и О.А. Ходенков подготовили биографический справочник «Государственные деятели России XIX — начала XX вв.» (М., 1995). В него вошли статьи о ключевых фигурах российского политического процесса того времени, в том числе о депутатах первых Государственных Дум, представлявших различные политические партии.

Параллельно с разработкой новых учебных курсов ряд преподавателей приступили к углубленному исследованию истории тех партий и идеологий, которые упрощенно оценивались советской историографией как потерпевшие «полное банкротство». В условиях формирования в стране новой системы представительной власти и актуализации в обществе либеральных идей значительный интерес исследователей вызвала традиция отечественного либерализма и наследие его политических выразителей.

Этой проблематике посвящены монография и статьи Л.С. Леоновой, в которых анализируется эволюция общественно-политических взглядов видного российского ученого и деятеля партии кадетов В.И. Вернадского⁹¹. Как отмечается в рецензии В.В. Шелохаева, книга «является первым фундаментальным исследованием общественно-политических взглядов и деятельности Вернадского в широких хронологических рамках, способных послужить мощным стимулом в деле изучения общественно-политической концепции Вернадского»⁹². Исследуя генезис, формирование, эволюцию его политических взглядов, автор соотносит их с общественной мыслью конца XIX — начала XX в., показывает непосредственный вклад В.И. Вернадского в разработку либеральной модели переустройства общества, в создание организационных структур общероссийского либерального движения, а затем и в формирование конституционно-демократической партии. В работе рассматриваются

⁹¹ *Леонова Л.С.* «Я не могу уйти в одну науку...» Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского. СПб., 2000; *Она же.* «Творческое искание правды...» Общественно-политические взгляды В.И. Вернадского // Свободная мысль. 1995. № 5; *Она же.* Эволюция политических воззрений В.И. Вернадского // Российское государство и общество. XX век. М., 1999; *Она же.* В.И. Вернадский. Исторический портрет // Вопросы истории. 2002. № 4; *Она же.* В.И. Вернадский о культурной общности народов России и Украины // В.И. Вернадский и Тамбовский край. Тамбов, 2002; и др.

⁹² Вопросы истории. 2000. № 8. С. 160.

позиции Вернадского по таким коренным проблемам общественного развития, как отношение к революции, многопартийности, парламентаризму, по аграрному и национальному вопросам, анализируются его воззрения относительно роли образования и науки в жизни общества, в обеспечении национальной независимости и силы государства. Л.С. Леонова раскрывает неоднозначность целого ряда оценок В.И. Вернадским советской действительности, показывая, что эта двойственность была в значительной степени отражением противоречивых реалий советской общественной жизни.

Различным аспектам истории российского либерализма посвятила серию статей Л.П. Муромцева. В ее работах получили освещение процессы становления российского парламентаризма в начале XX в., роль в них политических партий либеральной ориентации, история разработки в тот период конституционных проектов. Значительное внимание в этих публикациях уделено общественно-политической и научной деятельности председателя I Государственной думы, одного из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии С.А. Муромцева, которого современники называли «отцом» либерального проекта Основного закона России (1905 г.)⁹³. В связи с подготовкой к 250-летию Московского университета Л.П. Муромцева опубликовала также статьи о другом представителе партии кадетов — ректоре университета М.М. Новикове, продолжавшем активную общественную деятельность и после своей вынужденной эмиграции из Советской России⁹⁴. История русского зарубежья — одна из главных составляющих сферы научных интересов Л.П. Муромцевой. Изучая документальное наследие эмиграции, его источниковедческое значение в плане разработки политической истории России, автор исследует одновременно национальное сознание русского зарубежья, показывает в своих работах стремление эмигрантов уберечь «малую» Россию, память о ней. Значительная часть публикаций Муромцевой связана с изучением архивных и музейных коллекций русской эмиграции в Европе, Канаде и США⁹⁵.

К исследованию идейного наследия русских мыслителей либерально-консервативной ориентации, чья политическая философия оказала воздействие на программы и деятельность нескольких российских партий, обратилась С.А. Ермишина. Анализ воззрений таких видных идеологов и общественных деятелей, как П.Б. Струве, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, стоявших у истоков создания первых либеральных политических организаций в России, позволил С.А. Ермишиной установить связь их идей с восходящей к А.С. Пушкину традицией «свободного консерватизма» и

⁹³ *Муромцева Л.П.* У истоков российского парламентаризма // Российское государство и общество. XX век. М., 1999; *Она же.* Сергей Андреевич Муромцев — первый Председатель Государственной Думы // Российский парламентаризм в XX веке. М., 2000; *Она же.* Он свято верил в парламентаризм // Преподавание истории в школе. 2001. № 4.

⁹⁴ *Муромцева Л.П.* Ректор Московского университета М.М. Новиков в России и эмиграции // Московский университет — Российское зарубежье — мировая культура. М., 2002; *Она же.* Культурно-просветительская деятельность профессора М.М. Новикова в эмиграции // И.С. Шмелев и духовные традиции славянской культуры. Алушта, 2002.

⁹⁵ *Муромцева Л.П.* Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 3 (в соавт. с В.Б. Перхавко); *Она же.* Россия в изгнании. Судьбы русских эмигрантов за рубежом // Новая и новейшая история. 2001. № 1.

выявить принципиальные отличия их подходов к проблемам общественной жизни от доктрин либералов-позитивистов, с одной стороны, и русских марксистов — с другой. В работах С.А. Ермишиной обосновывается важность освоения методологии, понятийного аппарата и многих других инструментов творческой лаборатории названных мыслителей. С точки зрения историка, это могло бы способствовать, в частности, лучшему пониманию «феномена интеллигенции» в российском политическом процессе, а также осознанию сущности политической культуры российского общества, т.е. того контекста, в котором формировались и действовали все политические партии и движения⁹⁶.

Разработку истории неонароднических партий продолжал Н.Д. Ерофеев. Исторический путь партии народных социалистов с момента ее образования до исчезновения с политической арены в 20-х годах в контексте сложных и драматических событий эпохи освещен им в очерке «Народные социалисты»⁹⁷ и обстоятельной статье «Трудовая народно-социалистическая партия»⁹⁸.

Значительный вклад внесен Н.Д. Ерофеевым и в изучение партии социалистов-революционеров. Подготовив издание «Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900—1925 гг.» в трех томах, содержащее около 550 документов, многие из которых извлечены из архивов и опубликованы впервые, он сформировал обширную и легко доступную источниковую базу для изучения этой партии. Н.Д. Ерофеев первым в отечественной историографии использовал теорию модернизации в качестве метода изучения истории партии эсеров. На основе данного метода и широкого круга источников написаны его статья о ПСР в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века» и посвященные эсерам разделы в вузовских учебниках по истории политических партий⁹⁹. В этих публикациях по-новому интерпретированы многие затрагивавшиеся ранее в историографии проблемы, а ряд тем, в особенности относящихся к истории эсеровской эмиграции 20—30-х годов XX в., исследован впервые. Вопросы, связанные с генезисом партии эсеров, формированием ее идеологии, программных, тактических и организационных принципов, ее местом и ролью в общественно-политическом движении на рубеже XIX—XX веков, обстоятельно освещены в докторской диссертации Н.Д. Ерофеева «Социалисты-революционеры в 90-е годы XIX в. — 1904 г.», защищенной им в виде научного доклада в 1999 г. Ему принадлежит сжатая по объему, но насыщенная по содержанию статья, впервые осветившая историю эсеровской «боевой организации»¹⁰⁰. Существенным вкладом Ерофеева в

⁹⁶ Ермишина С.А. О государстве // Былое. 1994. № 3 (в соавт. с Г.Р. Наумовой, С.В. Ильиным); Она же. Национальное самосознание и национальная безопасность // Социальная и духовная безопасность России. М., 1995; Она же. Судьбы многонациональной России в оценках русских мыслителей конца XIX – начала XX века // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. Специальный выпуск. По материалам научной конференции «Многонациональная Россия: история и современность». М., 1998; Она же. «Прежде потрудитесь на родной ниве...» // Достоевский – наш современник. М., 1999; и др.

⁹⁷ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994.

⁹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

⁹⁹ История политических партий России. М., 1994; Политические партии России: история и современность. М., 2000.

¹⁰⁰ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1.

персонализацию истории неонароднических партий являются также написанные им несколько десятков научно-биографических статей, посвященных видным деятелям этих партий и опубликованных в различных энциклопедических изданиях¹⁰¹.

Поворот к новой проблематике не означал, однако, отхода исследователей от разработки вопросов истории партии большевиков, сыгравшей решающую роль в российской истории XX в. Преодолевая односторонние оценки, исследователи начали разрабатывать те проблемы истории большевизма, которые либо вообще не ставились, либо тенденциозно трактовались советской историко-партийной историографией.

Так, А.В. Гусев опубликовал серию статей, посвященных борьбе коммунистических фракций в СССР в 20—30-е годы. В центре внимания автора — история левокоммунистической («троцкистской») оппозиции, выступавшей на протяжении 20-х годов основным оппонентом советского партийно-государственного руководства. В работах А.В. Гусева рассматриваются причины возникновения оппозиции, реконструируется ее социально-экономическая и политическая программа, выявляются основные противоречия между этой программой и линией партийного руководства, оцениваются социальный состав и численность оппозиции, прослеживается ее идейная эволюция и делается попытка объяснить ее политическое поражение. Впервые в историографии объектом специального исследования стала деятельность оппозиции в «нелегальный» период ее существования — в конце 20-х — начале 30-х годов. Основываясь преимущественно на архивных источниках, автор опровергает распространенное в историографии представление о прекращении существования оппозиции после исключения ее из партии на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Статьи А.В. Гусева, часть из которых была переведена на иностранные языки и опубликована за рубежом, показывают, что формирование в СССР режима личной власти И.В. Сталина встречало активное сопротивление в самой большевистской партии¹⁰².

Проблематика идейно-политического размежевания в коммунистическом движении нашла отражение и в публикациях А.В. Гусева, касающихся осмысления сущности сталинизма русскими марксистами-эмигрантами в 20—40-х годах. Особое внимание было уделено в этой связи анализу концепций Л.Д. Троцкого, выявлению их теоретических основ, политической обусловленности, сильных и слабых сторон¹⁰³. А.В. Гусев обратился также к изучению идейного наследия Виктора Сержа (В.Л. Кибальчича) — русско-французского мыслителя и деятеля международного социалистического движения, одним из первых прибегнувшего к анализу советского варианта

¹⁰¹ См.: Политические партии России. Концы XIX — первая треть XX века. М., 1996; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. М., 1994; Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997; Санкт-Петербург: М., 2003; и др.

¹⁰² *Gusev A. V. Naissance de l'Opposition de gauche // Cahiers Leon Trotsky. 1994. N 50; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1; Он же. Левокоммунистическая оппозиция в первой половине 30-х годов // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000; Он же. Оппозиция «большевиков-ленинцев» и рабочий класс (1928—1929 гг.) // Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. М., 2003; и др.*

¹⁰³ *Гусев А.В. Незнанный класс: Лев Троцкий о советской бюрократии // Альтернативы. 1998, № 2; Он же. Преобразования в СССР и Восточной Европе: осуществился ли прогноз Льва Троцкого? // Модернизация в Центральной и Восточной Европе. Идеи, программы, реализация. М., 2000.*

тоталитаризма¹⁰⁴. Исследование концепций Троцкого, Сержа и некоторых других представителей отечественной левой мысли позволило автору показать вклад российских марксистов-диссидентов в понимание того, что представляла собой сложившаяся в СССР система, основанная на сращивании Коммунистической партии со структурами государства¹⁰⁵.

Эволюция советской партийно-государственной системы и конкретные формы, в которых осуществлялась власть аппарата ВКП(б) — КПСС, исследовались в ряде работ Л.П. Муромцевой. Основываясь на документах Секретариата ЦК, организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), Муромцева показала, что выдвигавшиеся в период после Великой Отечественной войны лозунги о расцвете социалистической демократии очень слабо соотносились с реальной действительностью. Широкие слои населения были отчуждены от реального участия в управлении, не имея возможности влиять на состав Советов. Существенно снижалась роль выборных советских органов. Руководящие кадры Советов подбирались партийными комитетами из числа номенклатуры по формальному признаку. Но даже такие Советы не имели возможности реально использовать те ограниченные права, которыми они формально обладали¹⁰⁶.

Комплексное исследование широкого круга проблем, связанных с историей коммунистической элиты, предприняла О.С. Березкина. Работая в рамках историко-политологического направления, она применила к изучению этой социальной группы элитаристскую методологию, разработанную в мировой политической науке. В статьях Березкиной рассматриваются механизмы формирования коммунистической элиты, характер реализации ею властных функций, структура, способы самоорганизации, социологические характеристики персонального состава, взаимосвязь элитных слоев с социальной структурой общества. Автор прослеживает эволюцию партийной элиты, начиная с 20-х годов, анализирует процессы трансформации революционной маргинальной элиты в группу с установившимся статусом, выявляет обнаружившиеся в постсталинский период признаки превращения ее в устойчивую социально доминирующую общность и выделяет факторы, которые препятствовали этой тенденции. Значительное внимание уделяется при этом способам легитимации политической власти — идеологическому, харизматическому, институциональному. Суть подхода исследователя заключается в рассмотрении коммунистической элиты (не тождественной номенклатуре) как специфического феномена, через раскрытие особенностей которого возможно выявление главных характеристик советского политического режима в целом.

Ряд ключевых выводов, содержащихся в работах О.С. Березкиной, имеет непосредственное отношение к дискуссиям в отечественной историографии, в центре которых стоят вопросы о характере советской социально-политической

¹⁰⁴ Гусев А.В. Виктор Серж о судьбе социализма в XX веке // Виктор Серж: Социалистический гуманизм против тоталитаризма. М., 2003.

¹⁰⁵ Гусев А.В. Исторический феномен тоталитаризма в интерпретациях русских марксистов (30–40-е гг. XX в.) // Социал-демократия: революция и эволюция (материалы международной конференции). Омск, 2003. Ч. II.

¹⁰⁶ Муромцева Л.П. Советы в последние годы сталинской диктатуры // История общественных движений и политических партий в России. Томск, 1992; *Она же*. Партийно-советская система в первые послевоенные годы // Политические партии. История и современность. Орел, 1994; *Она же*. Приговорен к расстрелу по «ленинградскому делу» // Тоталитаризм в России (СССР) в 1917–1991 гг.: оппозиция и репрессии. Пермь, 1998; *Она же*. Деформация советской системы управления в послевоенный период (1945–1953) // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Ижевск, 1999.

системы, природе сталинизма, отношениях между властью и народом в рамках однопартийного коммунистического режима. Отвергая представления о советско-партийной системе как о личной диктатуре либо олигархическом правлении, автор характеризует эту систему как «тоталитарную демократию», основывающуюся на активном участии масс в общественно-политической жизни, высокой вертикальной мобильности и концентрическом расщеплении власти среди элиты¹⁰⁷.

Более частные аспекты истории руководящего слоя советско-коммунистической системы нашли отражение в публикациях С.А. Ермишиной, в которых автором были даны социально-психологические характеристики ответственных работников, поставленных большевистской партией у руководства народным образованием и культурой¹⁰⁸.

Историей движения изобретателей и рационализаторов в связи с экономической политикой Коммунистической партии продолжал заниматься Г.М. Алексеев, обратившийся, в частности, к исследованию причин торможения научно-технического прогресса в рамках хозяйственной системы СССР.

История молодежного движения в России и СССР остается сферой научных интересов Г.П. Оприщенко. К 250-летию МГУ им подготовлен очерк по истории комсомольской организации университета. Ее эволюция рассматривается автором в общем контексте переосмысления и критического анализа всей истории ВЛКСМ, выявления причин, обусловивших глубокий кризис этой структуры и ее самороспуск в 1991 г.

Вопросам историографии и методологии изучения политических партий посвятил свои статьи В.И. Злобин¹⁰⁹.

Новым предметом исторического изучения стала в 90-е годы многопартийность, формирующаяся в постсоветской России. Разработки в этой сфере составили основу курса «Современный российский политический процесс», который начал читаться на кафедре истории общественных движений и политических партий. Первые итоги становления новой многопартийности были подведены в статьях Л.С. Леоновой и В.А. Никитина.

Л.С. Леонова проанализировала причины социально-экономического, политического и духовного порядка, обусловившие формирование современной российской многопартийности, предложила периодизацию развития этого процесса. Рассматривая проблему политического представительства социальных интересов в современной России, автор пришла к

¹⁰⁷ *Березкина О.С.* Революционная элита переходного периода (1921–1927) // *Свободная мысль*. 1997. № 11; *Она же*. Партийные форумы «переходного периода»: соотношение формального и реального (1921–1927) // *Социальная история: Ежегодник. 2000*. М., 2000; *Она же*. Проблема легитимации в истории коммунистической элиты (20–30-е гг.) // *Политические партии России. Страницы истории*. М., 2000; *Она же*. Элита власти в режиме «тоталитарной демократии» // *Модернизация в Центральной и Восточной Европе. Идеи, программы, реализации*. М., 2000; *Она же*. Политические элиты: что и как мы изучаем? М., 2003.

¹⁰⁸ *Ермишина С.А.* В чьих руках было дело просвещения народа? (Наркомпрос в начале 20-х годов) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История*. 1990. № 5; *Она же*. О путях развития народного образования в России // *Русский народ: историческая судьба в XX веке*. М., 1993 (в соавт. с Г.Р. Наумовой).

¹⁰⁹ *Злобин В.И.* Какая партия нужна пролетариату. О книге Л. Мартова «История российской социал-демократии» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социально-политические исследования*. 1990. № 6; *Она же*. Есть ли будущее у политических партий России? // *Демократизация* (Вашингтон). 1993. № 4 (на англ. яз.).

выводу о том, что социальная база новых партий и движений еще не оформилась: «Неразвитость социальной структуры общества в условиях перехода к рыночной экономике, отсутствие дифференциации социально-классовых интересов не позволяет четко определить социальную базу, на которую могли бы ориентироваться и опираться различные партийные формирования. И только по мере развития рыночной экономики и соответствующих ей производственных отношений, углубления дифференциации социально-классовых интересов будет оформляться социальная база партий и на этой основе формироваться устойчивые политические партии, отражающие интересы определенных слоев населения». В работах Л.С. Леоновой были затронуты вопросы взаимодействия политических объединений в рамках блоков и коалиций. Проблема становления многопартийности в России рассматривалась автором также в контексте региональной политики, взаимоотношений центра и регионов в стране¹¹⁰.

Анализ комплекса факторов, определяющих особенности новейшего отечественного партогенеза, был предпринят В.А. Никитиным¹¹¹. Гибридный характер политического режима с сильными авторитарными элементами, большая роль «неформальных» центров власти, трудности переходного периода, незавершенность социальной дифференциации, неопределенность политической культуры населения — все это, по мнению исследователя, затрудняет складывание в нашей стране полноценных партий и устойчивой партийной системы. В большинстве случаев правомерно поэтому говорить не столько о партиях, сколько о неких первичных, «протопартийных» формах политической жизни с соответствующими им издержками — аморфностью, раздробленностью, клиентизмом. Вместе с тем В.А. Никитин отмечает, что, несмотря на скромный потенциал существующих и возникающих партийных объединений, им объективно предназначена роль важного субъекта политического процесса, поскольку партии — это наиболее эффективная форма выполнения таких значимых для общества функций, как выражение и защита определенных социальных интересов, выработка идеологий и доктрин, посредничество между обществом и властью. Подтверждением поступательного (хотя и медленного) развития партийных институтов, движения в направлении более стабильной партийной системы является постепенное «очищение» партийно-политического спектра от аутсайдеров, консолидация системообразующих политических сил, формирование ряда довольно устойчивых «политических семей», переход некоторых социальных групп от лоббирования к партстроительству. Судьба многопартийности в России, по мнению В.А. Никитина, в решающей степени будет зависеть от общих перспектив политического развития, от характера политического режима, который утвердится в стране в ближайшие годы.

¹¹⁰ Леонова Л.С. Становление многопартийности в России (вторая половина 80-х и первая половина 90-х годов XX века) // Acta universitatis Lodzianis. Folia Historica 55. Цфдк, 1996; Она же. Центр и регионы современной России // Centrum i regiony narodowosciowe w Europie od XVIII do XX wieku. Цфдк, 1998; Она же. Роль интеллигенции в формировании среднего класса в современной России // Социально-политическая стабильность в Российской Федерации и формирование среднего класса. М., 2002; Она же. Политические трансформации в России, 1991–1999 гг. // Модернизация в Центральной и Восточной Европе. Идеи, программы, реализация. М., 2000.

¹¹¹ Никитин В.А. Проблемы становления многопартийной системы в современной России // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000; Он же. Переход к демократии в России. Трудности и перспективы // Модернизация в Центральной и Восточной Европе...

Вопрос о причинах отсутствия в современной России сильных политических организаций левого, но не коммунистического характера был рассмотрен в статье А.В. Гусева¹¹².

Свой вклад в разработку малоизученных аспектов истории политических партий и движений России внесли в период 1990-х — начала 2000-х годов аспиранты исторического факультета. В подготовленных и защищенных ими кандидатских диссертациях нашел отражение широкий круг актуальных историко-партийных проблем: осмысление сущности партии как социально-политического института классиками политологии (А.Г. Майоров); идеология и деятельность российских анархистов (П.О. Коротич) и левых эсеров (Т.А. Пакунова); формирование партийно-государственной идеологии в Советской России (М.Ш. Калиева); политическая борьба в Коммунистической партии в 20-е годы (З.А. Мусаева, А.Е. Исаев); история российской политэмиграции — кадетов (П.О. Бородин), монархистов (О.О. Баскаков), социал-демократов (Е.А. Елфимов); идейно-политические воззрения и деятельность Н.И. Бухарина (Е.А. Кривяков), Д.Б. Рязанова (О.Ю. Солодянкина), А.А. Богданова (Е.П. Максименко), Ю.О. Мартова (И.С. Мамаев); эволюция теории и практики Коминтерна (Е.Н. Емельянова); внутренние процессы в КПСС в период «перестройки» (Е.И. Волгин) и др.

Таким образом, внимание ученых исторического факультета в последние годы сосредоточилось на изучении идейно-политических воззрений и деятельности видных представителей различных партий, роли политических организаций на ранних стадиях российского парламентаризма, коммунистической элиты, политической борьбы в СССР, характера советской партийно-государственной системы, проблем современной многопартийности. Такая тематика исследований и публикаций в целом соответствует общим научным приоритетам, обозначившимся в современной отечественной историографии.

Результаты исследовательской работы преподавателей находят непосредственное применение в их педагогической деятельности, которая, в свою очередь, стимулирует научный поиск, помогая выявлять наиболее актуальные проблемы политической истории, апробировать новые концепции и подходы. На кафедре истории общественных движений и политических партий России читаются специальные курсы: «Источниковедение истории политических партий России», «Политические доктрины и программы российского либерализма» (Л.П. Муромцева); «Историография истории политических партий и движений России», «Россия в мировой политике. 1945—2003» (А.В. Гусев); «История общественно-политической мысли России, 1917—1945 гг.» (Л.С. Леонова); «Социалистическая традиция в России», «История международного социалистического и коммунистического движений» (А.Н. Куликов); «Русский консерватизм», «Национальное самосознание и политическая культура российского общества» (С.А. Ермишина); «Введение в политологию», «Политические элиты» (О.С. Березкина); «Становление и развитие политических партий в СССР и современной России», «Современный политический процесс»

¹¹² Гусев А.В. Постсоветское общественное сознание и социализм // Альтернативы. 2002. № 1.

(Е.И. Волгин); «Вопросы экономики в программах современных политических партий России» (Г.М. Алексеев); «Молодежное движение в России» (Г.П. Оприщенко) и др. Тематика спецкурсов получает свое развитие в работе кафедральных спецсеминаров.

За более чем восемь десятилетий исследовательской работы ученые исторического факультета МГУ внесли значительный вклад в изучение истории политических партий и движений России. Будучи самой политизированной отраслью исторической науки, история партий не могла не отразить те политические процессы, которые разворачивались в нашей стране. В течение длительного времени историко-партийные исследования осуществлялись в жестких идеологических рамках, сковывавших творческую свободу ученых. Однако идейная монополия официального марксизма-ленинизма в советской науке лишь затрудняла, но не могла полностью остановить прирост историко-партийных знаний. Современные исследователи, опираясь на накопленный несколькими поколениями ученых потенциал, плодотворно развивают науку, изучающую партийно-политический аспект отечественного исторического процесса.

5. История русской культуры

Историко-культурная проблематика является составной частью научной работы многих кафедр исторического факультета. Внимание к историко-культурным, гуманитарным дисциплинам всегда отличало университетскую науку. Широко известны научные университетские школы в истории, лингвистике, филологии, философии, как и имена ученых, связанных с ними, — профессоров Ф.И. Бусласва, И.Е. Забелина, Н.С. Тихонравова, Ф.Ф. Фортунатова, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.Н. и С.Н. Трубецких и других.

Интерес к истории русской культуры начал проявляться в общественном сознании и науке примерно с 30—40-х годов XIX в. Он был вызван ростом национального самосознания, обращением к историческому прошлому общества и государства, спорами западников и славянофилов о путях и судьбах России. К этому времени относится появление понятия «культура». В эпоху Пушкина равнозначным ему было слово «просвещение», которое всегда рассматривалось учеными и общественными деятелями как фактор, системообразующий культуру. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка», впервые изданном в 1863—1866 гг., определял культуру как «образование умственное и нравственное».

Первоначально в системе гуманитарных знаний историко-культурная проблематика охватывала область изучения народного быта, языка, фольклора, народных песен и сказаний; постепенно намечался интерес к истории русской литературы и науки, деятельности учреждений, сыгравших определенную роль в развитии культуры¹.

В XIX — начале XX в. в учебном плане историко-филологического факультета Московского университета не было курса по истории культуры; студентам читались лекции по эстетике, истории искусства, лингвистике, литературе. В 1857 г. была создана кафедра истории искусств². Появлению ее предшествовала попытка создания при Московском университете Эстетического музея. Проект музея был опубликован в 1831 г. в «Телескопе», редактором-издателем которого являлся Н.И. Надеждин. Авторство этой идеи принадлежало З.А. Волконской, чей салон на Тверской в 20-е годы XIX в. был одним из самых известных и посещаемых художественной и научной интеллигенцией Москвы, и С.П. Шевыреву, впоследствии профессору Московского университета. «Желательно было бы, чтобы изящные искусства не ограничивались одними мастерскими художников, — отмечали авторы, — но вошли бы непосредственно в круг общественного воспитания и образовали бы в народе чувство эстетическое»³.

¹ См.: Бусласва Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1844; *Он же*. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1—2; Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. М., 1862—1869. Т. 1—2; *Он же*. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876—1879. Ч. 1—2; Пикарский П.И. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1—2; и др.

² Летопись Московского университета, 1755—1979. М., 1979. С. 83.

³ Телескоп. 1831. № 11. С. 385.

Инициатор и создатель Музея изящных искусств на Волхонке (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) И.В. Цветаев⁴ называл Зинаиду Волконскую своим идейным предшественником.

Московский университет был органически связан со многими культурно-просветительными учреждениями, научными обществами в Москве и других городах, которые в XIX в. становятся центрами научной и общественно-культурной жизни России (Общество истории и древностей российских, Московское общество испытателей природы, Общество любителей российской словесности, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Политехнический, Исторический, Публичный Румянцевский музеи, Московский Зоологический сад и др.). В 80-е годы XIX в. в Историческом музее начали работать выпускники историко-филологического факультета В.Н. Щепкин и М.Н. Сперанский, стоявшие у истоков формирования коллекции древних и старопечатных книг ГИМа. В 1921 г. В.Н. Щепкин возглавил созданный им Отдел рукописей⁵.

Вопросы отечественной культуры, особенно личность и творчество А.С. Пушкина, интересовали В.О. Ключевского. Ученый был в числе участников торжеств в университете, посвященных открытию в Москве 6 июня 1880 г. памятника поэту, а в феврале 1887 г. выступал на заседании Общества любителей российской словесности с сообщением «Онегин и его предки»⁶. Для современных исследователей представляют интерес мысли В.О. Ключевского об исторической обусловленности явлений культурной жизни. «Пушкин, — писал он, — вполне историческое явление... выразительный образ известной эпохи... без него нельзя представить себе эпохи 20-х и 30-х годов, как нельзя без его произведений написать истории первой половины нашего [XIX] века». Оценивая общественно-культурную жизнь XVIII в., Ключевский отмечал «большую сложность жизни» этого столетия, видел несомненную связь «социального разделения» общества с разнообразием культурных слоев и типов⁷. Так постепенно в научном сознании наполнялось содержанием само понятие «культура», осознавалась важность ее социальной составляющей.

В 1920-е годы, в трудное для Московского университета послереволюционное время на факультете общественных наук (1919—1925) существовали литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения; на этнологическом факультете (1925—1931) — отделение литературы и изобразительных искусств. Среди преподавателей этих отделений были искусствоведы (Н.И. Романов, А.А. Сидоров), художники (В.В. Кандинский, И.Э. Грабарь), поэт В.Я. Брюсов, А.В. Луначарский; читались курсы: «Поэтическая композиция»; «История античной литературы»; «Теория и практика реставрации»; «Искусство как социальное явление»⁸. В структуре ФОН находился Музей изящных искусств.

⁴ *Цветаев И.В.* Памяти З.А. Волконской // *Московские ведомости.* 1898. 24, 26 марта.

⁵ И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 289, 298.

⁶ Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль» (1887. № 2. С. 291–306).

⁷ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М., 1959. Т. 7. С. 146–147.

⁸ ЦАММ. Ф. 1609. Московский университет. Оп. 6. 1919–1923. Д. 8. Л. 24; Д. 23. Л. 5; Д. 39. Л. 15 об., 74.

На восстановленном в 1934 г. в университете историческом факультете изучение истории культуры как комплексной проблемы впервые было поставлено в числе важнейших задач. Об этом, выступая на ученом совете, говорил в 1940 г. декан факультета профессор С.Д. Сказкин. К тому времени уже был издан учебник «История СССР» для исторических факультетов вузов в двух томах (М., 1939—1940). Т. 1 — под редакцией В.И. Лебедева; Т. 2 — под редакцией М.В. Нечкиной) с главами, где рассматривались и проблемы культуры. Среди авторов были С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье и С.С. Дмитриев, для которого история культуры XVIII — начала XX в. стала одним из основных направлений научно-педагогической деятельности. С 1956 г. студентам, специализирующимся по кафедрам отечественной истории, начал читаться курс истории русской культуры⁹.

Таким образом, к моменту создания в структуре факультета в 1961 г. кабинета истории русской культуры, имелись уже традиции ее преподавания и ученые, работавшие в области историко-культурной проблематики.

Кабинет истории русской культуры (с 1971 г. — лаборатория¹⁰) был создан по инициативе ректора МГУ И.Г. Петровского с целью подготовки к изданию 12-томной «Истории русской культуры». В состав редакции вошли профессор и преподаватели исторического и других факультетов университета: А.В. Арциховский (главный редактор), М.Т. Белявский, Д.И. Гордеев, Е.Н. Городецкий, Н.Н. Жуков-Вережников, В.Н. Лазарев, А.И. Метченко, Ф.Я. Полянский, К.А. Рыбников, Б.И. Спасский, И.А. Федосов, И.Я. Щипанов. Членами редакции и редколлегий отдельных томов, среди которых были преподаватели истфака А.М. Сахаров, М.А. Ильин, С.С. Дмитриев, Д.В. Сарабьянов, К.Н. Тарновский, Б.С. Сафронов, Р.Ф. Кауфман, Е.Н. Городецкий, М.Е. Найденев, Г.А. Новицкий, М.И. Хейфец, были подготовлены проспекты (общий и по отдельным томам), изданные ротационным способом в 1961—1962 гг. Многотомная «История русской культуры» задумывалась как «синтетический, обобщенный труд», в котором должны были рассматриваться историко-культурный процесс, особенности и основные черты русской национальной культуры. Издание не было осуществлено.

С самого начала в научной и научно-организационной работе лаборатории определились два основных направления: история русской культуры и история Московского университета как самостоятельная проблема в рамках общей историко-культурной проблематики. Эти темы в течение длительного времени объединяют коллектив, способствуют профессиональному росту сотрудников лаборатории¹¹.

⁹ Первыми лекторами были Б.А. Рыбаков, С.С. Дмитриев, М.И. Хейфец. В последующие годы курс читали: А.К. Леонтьев, В.С. Шульгин, Л.Н. Вдовина, Л.В. Кошман, Е.К. Сысоева, Е.В. Долгих, Л.А. Пинегина, В.А. Дорошенко, М.Р. Зезина, Л.И. Васькина, О.Н. Баркова.

¹⁰ Руководители лаборатории: в 1971–1978 гг. — А.М. Сахаров, в 1978–1983 — Б.И. Краснобаев, в 1983–1989 — А.Д. Горский, с 1989 г. — Л.В. Кошман.

¹¹ В 2003 г. штат лаборатории состоял из десяти научных сотрудников: доктора ист. наук, ведущего научного сотрудника Л.В. Кошман, кандидатов ист. наук, старших научных сотрудников В.А. Ковригиной, Е.К. Сысоевой, Л.Б. Хорошиловой; научных сотрудников Е.В. Долгих, И.П. Кулаковой, В.В. Пономаревой; кандидата ист. наук, младшего научного сотрудника И.В. Щеблыгиной; младшего научного сотрудника Л.А. Александровой; историка-исследователя Н.Г. Князьковой.

В 1969—1990 гг. лабораторией были подготовлены к изданию десять томов «Очерков русской культуры», охватывающих период с XIII по XVIII в. — время средневековья и раннего Нового времени¹². Работа над шестью томами очерков о русской средневековой культуре (XIII—XVII вв.) осуществлялась под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР А.В. Арциховского и профессора А.М. Сахарова. В 1960-е годы, когда начиналась работа над первым томом, комплексное изучение истории культуры было достаточно новым направлением. При освещении историко-культурных проблем использовался отраслевой подход, предполагающий изучение культуры как совокупности отдельных отраслей. Однако в целом «Очерки» стали первым обобщением научного анализа историко-культурной проблематики средневековья с учетом новых данных источников, в том числе археологических, графических, лингвистических. В этом издании духовная культура рассматривалась в единстве с материальной. Это отличало «Очерки» от ряда других трудов на ту же тему, в которых крен делался прежде всего в сторону художественной культуры.

В основу всей концепции издания был положен тезис, что культура не обособлена от общественной жизни, а является одним из ее проявлений. Уровень и характер развития культуры зависят как от уровня социально-экономического развития общества, политических реалий, так и от предшествующих культурных традиций.

Очерки о средневековой культуре обобщали огромный фактический материал, значительная часть которого впервые вводилась в научный оборот. Обращение к области материальной деятельности позволяло увидеть перемены, накапливавшиеся в ней на протяжении пяти веков. Изучение политической системы, религии, права давало возможность проследить эволюцию этих институтов, их влияние на развитие и материальной, и духовной сферы жизни людей. Рассмотрение художественной культуры на протяжении пяти веков подводило читателя к мысли, что прогресс в ее развитии отразил как изменения в миропонимании в целом, так и осознание места и роли человека в мире.

В издании рассматривались и многие дискуссионные темы. «Очерки русской культуры» XIII—XVII вв. стали заметным вкладом в историческую науку и изучение отечественного культурного наследия. Они имели положительные рецензии в отечественной литературе¹³, в периодической печати Болгарии, ГДР, Польши, США; в 1982 г. были удостоены Государственной премии СССР.

При работе над следующими выпусками — «Очерками русской культуры XVIII века» (ответственный редактор — Б.И. Краснобаев) — была предпринята попытка отойти от чисто отраслевого подхода в освещении темы. Существенно расширился круг изучаемых культурных аспектов и

¹² Очерки русской культуры XIII—XV веков / Гл. ред. А.В. Арциховский. М., 1969. Ч. 1—2; Очерки русской культуры XVI века / Гл. ред. А.В. Арциховский. М., 1976. Ч. 1—2; Очерки русской культуры XVII века / Отв. ред. А.М. Сахаров. М., 1979. Ч. 1—2; Очерки русской культуры XVIII века / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1985—1990. Ч. 1—4.

¹³ См.: История СССР. 1971. № 3; 1979. № 1; 1982. № 2; Отечественная история. 1993. № 2; Преподавание истории в школе. 1971. № 3; 1978. № 4; Советская археология. 1972. № 4; Наука в СССР. 1984. № 6.

самих областей культуры: появились очерки о развитии науки; государственные преобразования XVIII в. рассматривались в связи с их влиянием на духовную культуру в условиях складывавшейся русской нации и формирования национального самосознания; обогатилось понятие художественной культуры в связи с новыми культурными реалиями, порожденными Новым временем. Впервые вводились «системные» очерки: о культуре промышленного и сельскохозяйственного производства; культуре города, деревни, усадьбы, духовной культуре крестьянства. Была поставлена такая важная проблема, как власть и культура. Новое мироощущение человека XVIII в., его взгляд на свою историю анализировались в разделе об исторической мысли. В очерках о просвещении, образовании, книжном деле впервые прозвучала тема — человек в системе культуры.

Большой фундаментальный пласт отраслевых исследований, первые опыты осмысления историко-культурных проблем в более широком контексте сделали возможным переход к системному изучению культуры XIX столетия.

В основу изучения русской культуры XIX в. был положен системно-функциональный подход, при котором культура рассматривается как целостная система в структуре общественной жизни. Такое ее понимание предполагает изучение не только культурных «вершин» (так называемый аксиологический метод), но и изучение среды, где формировались культурные новации и сохранялись традиционные элементы. XIX век, чрезвычайно динамичный в социокультурном отношении, в значительно большей степени, чем предшествующее столетие, дает материал для реализации системно-функционального подхода в изучении культуры. Вместе с тем для изучения культуры этого времени может быть использован и отраслевой подход¹⁴.

Авторы «Очерков... XIX века», применяя системно-функциональный подход, ввели понятие общественно-культурной среды, или культурного пространства: выделили основные региональные и социокультурные элементы, составляющие это пространство: город, столичный и провинциальный, деревня, усадьба; показали, что в развитии культурной среды, взаимодействии новационных и традиционных элементов в общественно-культурной жизни важнейшая роль принадлежала городу. Будучи центром власти, он вместе с тем являлся и центром сосредоточения креативной, созидательной культуры (просвещения, науки, искусства); здесь находились основные культурно-просветительские институты и учреждения, связанные с развитием профессиональной культуры; формировалась культурно-информационная система (почта, телеграф, в конце века — телефон), способствующая интеграции культурных процессов города и деревни.

Социальный динамизм этого века проявился и в культурном развитии российской деревни. При сохранении своей устойчивости, традиционности

¹⁴ Исходя из такой принципиальной посылки, была выработана структура издания: т. 1 — Общественно-культурная среда (М., 1998); т. 2 — Власть и культура (М., 2000); т. 3 — Культурный потенциал общества (М., 2001); т. 4 — Общественная мысль (М., 2003); т. 5 — Литература. Русский язык (М., 2004); т. 6 — Художественная культура (М., 2002). Рецензии на отдельные тома «Очерков русской культуры XIX в.» см.: Вопросы истории. 1999. № 11 — 12; Отечественная история. 2000. № 6; 2002. № 3; Новое литературное обозрение. 2000. № 45; Русский исторический вестник: Международный ежегодник. М., 2000; Вопросы истории, естествознания и техники. 2002. № 3.

культура деревни в той или иной мере тоже была подвержена воздействию новаций. Появлению в ней нового способствовало, в частности, влияние городской культуры, и прежде всего профессиональной, рожденной потребностями эпохи.

Состояние общественно-культурной среды со всей очевидностью отразило тенденции культурного развития России XIX столетия — стремительный динамизм, особенно проявившийся в эпоху Великих реформ, в сочетании с сохранявшейся патриархальностью в культуре, присущей деревне и отчасти провинциальному, прежде всего уездному, городу.

Многонациональный состав населения Российской империи, многовековые экономические и культурные связи народов обусловили полифоничность русской культуры, обогащение ее элементами других культур. Этот процесс взаимовлияния — при сохранении самобытности культуры русского народа, имеющей глубокие этнонациональные корни, — важная проблема в изучении историко-культурного развития России в XIX в.

Узловым для XIX столетия был вопрос о взаимоотношении власти и культуры. Уже к концу XVIII века — века Просвещения и расцвета абсолютизма — проявляется сложность и неоднозначность в отношениях между властью и обществом, и особенно его «служилым сословием» — дворянством. Развитие культуры постепенно начинает влиять на систему ценностей дворянского сословия с его приоритетом государственной службы.

Для власти целью оставалось универсальное государство, пронизывающее все сферы жизни общества. Однако сама власть со временем утрачивала возможность удерживать развитие общественно-культурной жизни в рамках определенного направления государственного универсализма. Взаимоотношения власти и культуры осложнились и многими факторами, вытекавшими из географического и национально-этнического разнообразия России как многонационального государства.

Воссоздание картины взаимодействия государственной власти и различных областей культуры позволяет по-новому взглянуть на социокультурную историю XIX века.

Для социокультурной истории этого времени интерес представляет не только эволюция абсолютизма, но и культурный облик бюрократии как главного инструмента государственной власти. Абсолютизм в России (как, впрочем, и в других странах) был тесно связан со сферой правовой культуры. В первой половине XIX в. важное значение для развития права и правосознания имела кодификация законов, осуществленная по программе, санкционированной императором. Во второй половине столетия решающую роль в развитии правовой культуры сыграла судебная реформа 1864 г., положившая начало постепенному освоению правовых понятий более широкими слоями населения. Однако особенности правосознания XIX в. — как народного, так и профессионального — сохранялись еще долгие годы.

Жизненно важными для общества, с точки зрения власти, были наука и здравоохранение, поскольку от развития науки зависит будущее общества и государства, а уровень здравоохранения является показателем зрелости и жизнеспособности общества. В очерках о естествознании и географии была показана роль власти в организации научной работы, ее финансировании, в вовлечении ученых в деятельность государственных структур. В очерке о

развитии медицины рассматривалась не только «чистая» наука, но и ее прикладное значение для здравоохранения; были прослежены взаимосвязь политики государства с состоянием «народного здоровья», роль власти в становлении системы медицинских учреждений, и прежде всего гражданской медицины. Наряду с этим отмечалось неуклонное усиление в XIX в., особенно в пореформенное время, роли общественности в сфере здравоохранения и науки.

Действенным средством контроля власти за состоянием умов являлся институт цензуры. История цензуры рельефно обрисовывает ту пограничную область, где политика власти пересекалась с развитием общественной мысли, просвещения, литературы. Изучение института цензуры позволяет реально представить условия, в которых формировалась общественно-культурная среда.

Одной из составляющих системного изучения культуры является анализ культурного потенциала общества, включающего как структуры, формирующие образованный общественный слой (различного типа и вида школы), так и социокультурные институты и средства, с помощью которых могли распространяться получаемые знания (книгоиздательство, книжная торговля, периодика, библиотеки, музеи).

Сложившаяся в России в XIX в. система образования и культурно-просветительских учреждений создавала возможности для распространения культуры в обществе. Она была результатом демократизации культуры, характерной для историко-культурного процесса XIX в., особенно пореформенного времени, и вместе с тем — выполняла роль своеобразного связующего звена в системе «творчество — посредник — потребление».

Важное значение в общественно-культурной жизни имеет состояние и уровень развития общественной мысли. Новизна концепции, предложенной в «Очерках», заключается в целостности рассмотрения общественной мысли и общественного движения на протяжении всего XIX в. с учетом периодизации и типологизации происходивших в обществе процессов, выявления взаимосвязи внешней и внутренней политики с идейными запросами и исканиями русского общества.

В «Очерках русской культуры XIX века» затрагивается широкий круг проблем, связанных с развитием художественной культуры, — литературы и языка, изобразительного искусства и архитектуры, музыки и театра. Обращение прежде всего к литературе обусловлено ее главенствующей ролью в системе художественного творчества, которую она стала играть, вытеснив архитектуру — ведущую отрасль средневековой культуры. В XIX в. именно литература, являясь формой общественного сознания, становится выразителем национальной идеи, средством отражения всех нюансов и конфликтов общественного бытия.

Историко-культурный подход в изучении проблемы художественного развития общества проявился в изменении взгляда на духовное содержание российской истории. Авторы попытались разглядеть в художественной жизни России XIX в. некую цельность, стремление осознать преемственность существовавших национальных проблем. Были выявлены основные принципы русской художественной культуры как особого феномена духовной

жизни общества. Этой задаче служили и отбор материала, и методика его изложения. Отдельный круг вопросов касался различных исторических форм общественного бытования искусства, способов его функционирования, обусловленных как эстетической, так и социальной природой художественного творчества. В «Очерках» затрагивалась проблема взаимосвязи «стиля жизни» и «стиля искусства» на разных исторических этапах, проблема обусловленности творческой деятельности социальной действительностью, говорилось об особой чуткости художественной культуры России к социально-нравственным проблемам своего времени.

К работе над «Очерками» лаборатория широко привлекает известных специалистов в области истории культуры как из Московского университета, так и из других научных и учебных центров страны. Это ученые С.-Петербургского, Ростовского и Ярославского университетов, научно-исследовательских институтов Академии наук, Государственного Эрмитажа, Третьяковской галереи, ГИМа. В разное время авторами «Очерков» были: А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.Л. Янин, О.А. Державина, Н.Н. Воронин, И.Г. Спасский, С.С. Дмитриев, Л.В. Милов, А.А. Севастьянова, Г.В. Жирков, Г.Ю. Стернин, В.К. Кантор, А.И. Горшков. В авторский коллектив входили и сами сотрудники лаборатории: Е.В. Долгих, Л.В. Кошман, В.А. Ковригина, Е.К. Сысоева, Л.Б. Хорошилова.

Как уже отмечалось, наряду с разработкой проблем по истории русской культуры лаборатория в течение многих лет ведет исследования, связанные с историей Московского университета, выполняя функции научно-организационного центра¹⁵. Так, ее сотрудниками была подготовлена книга о Московском университете в советское время, приуроченная к 50-летию советской власти (авторы — преподаватели истфака В.И. Бессонова, Е.Н. Городецкий, В.И. Злобин, Т.А. Логунова, А.М. Сахаров, В.А. Федоров, И.А. Федосов, М.И. Хейфец; главный редактор — И.Г. Петровский, ответственный секретарь — Л.В. Кошман). К 30-летию победы в Великой Отечественной войне была издана коллективная монография о Московском университете в эти годы. Ее авторы — профессора, сотрудники и выпускники исторического факультета — М.Т. Белявский, А.И. Вдовин, В.Н. Донченко, В.А. Дорошенко, Н.А. Кирсанов, Л.В. Кошман, Т.А. Логунова, Л.М. Папин, В.Я. Ромашук, А.Я. Сошников, С.В. Черняев; ответственный редактор — А.М. Сахаров; большая научно-организационная работа проведена Е.К. Сысоевой. В предисловии к монографии К.М. Симонов писал, что эта книга не только о Московском университете в Великой Отечественной войне — «...в сущности, это историческое сочинение на еще более значительную тему: советская интеллигенция и Великая Отечественная война». Второе издание (ответственный редактор Н.Н. Ефимов) было опубликовано к 40-летию Победы.

¹⁵ Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967; Московский университет в годы Великой Отечественной войны. М., 1975 (2-е изд. — 1985); Летопись Московского университета. 1755–1979. М., 1979; 225 лет издательской деятельности Московского университета. 1756–1981. М., 1981; Летопись исторического факультета МГУ. 1934–1994. М., 1994.

Сотрудники лаборатории внесли также значительный вклад в подготовку научно-справочных изданий по истории Московского университета. К 225-летию университета была опубликована «Летопись Московского университета»¹⁶.

Опыт работы над этим изданием способствовал подготовке летописи издательской деятельности университета — 1756–1980 (М., 1981; авторы-составители — Л.В. Кошман, А.И. Вдовин, В.А. Дорошенко, В.В. Сорокин). Значительная часть приводимых в ней документов была выявлена в архиве и опубликована впервые.

В Лаборатории истории культуры была подготовлена и «Летопись» к 60-летию исторического факультета. Продолжением работы над юбилейными изданиями является подготовка энциклопедического словаря «Исторический факультет. 1934—2004». В словаре 70-летняя история истфака отражена через биографические очерки о его профессорах, выпускниках — известных в стране ученых, руководителях крупнейших научных учреждений, политиках, дипломатах, деятелях культуры. Словарь содержит около 370 очерков с краткой библиографией и 146 тематических статей.

Наряду с научно-организационной и редакторской, сотрудники лаборатории ведут большую научно-исследовательскую работу.

История Московского университета — приоритетное направление в научной деятельности коллектива. В 1995 г. по инициативе профессора И.А. Федосова в лаборатории была создана группа (И.П. Кулакова, В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова) по изучению истории Московского университета, занимающаяся осуществлением проекта многотомника под общим заглавием «Университет для России». Первый том — «Взгляд на историю культуры XVIII столетия» (под редакцией В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой) — вышел в 1998 г.; второй том — «Эпоха Александра I» — в 2001 г.¹⁷; третий — «Университетский Благородный Пансион» — предполагается издать в 2005 г. Книжки содержат большое количество иллюстраций, которые рассматриваются авторами как полноправная часть содержания. Подлинные портреты, пейзажи, зарисовки — все это помогает вернуться в диалог с давно ушедшими эпохами, воссоздавая прошлое уникального феномена российской истории — Московского университета.

В рамках изучения истории Московского университета кандидат исторических наук И.В. Щерблягина начала разрабатывать проблему «Ученые Московского университета в эмиграции, 1920–1930-е годы».

В 1990-е годы научные сотрудники лаборатории неоднократно участвовали во всероссийских научных конференциях по проблемам культуры переходного времени, культуры российской провинции. Материалы этих

¹⁶ Инициатива этого издания принадлежала А.М. Сахарову; составителями его были В.А. Дорошенко, М.Р. Зезина, В.П. Злобин, В.А. Кожурин, Л.В. Кошман, Т.А. Логунова, В.В. Сорокин, Е.К. Сысоева, Л.Б. Храмова, В.И. Шенцов.

¹⁷ Рецензия на 1-й том опубликована в журнале «Отечественная история» (1998, № 2; автор — Д.О. Швидковский); на 2-й том — там же (2001, № 2; автор — А.Е. Иванов).

конференций опубликованы¹⁸. Участие в них способствовало выработке концепции и структуры «Очерков русской культуры XIX века».

В.А. Ковригина, Л.В. Кошман, И.П. Кулакова выступали с докладами на международных конференциях, посвященных проблемам культурных связей России с Западной Европой, изучению интеллектуальной повседневности, культурологии и культурной политики России.

Исследовательская работа лаборатории включает также и индивидуальные планы сотрудников, в целом совпадающие с научным направлением работы коллектива.

Система образования и просвещения в России в XIX в. как один из элементов общественно-культурной жизни — основная тема научной работы Е.К. Сысоевой. Помимо воссоздания динамики численности общеобразовательных школ, автор исследует такие аспекты, как отношение властей и различных слоев общества к просвещению народа, их участие в финансировании школ, в создании кадров учителей; взгляды на значение и приоритетные задачи общеобразовательной школы, получившие отражение в общественно-педагогической мысли; изменение реального положения и условий функционирования школ на протяжении XIX в.¹⁹

Профессиональное образование и его роль в повышении культурного уровня городских слоев, прежде всего мещанства, составляющего основу среднего социального слоя русского города XIX в., — одно из направлений научных исследований Л.В. Кошман²⁰. Многолетняя работа по подготовке к изданию «Очерков русской культуры» (в качестве автора, научного редактора, руководителя проекта «Очерков... XIX века») определила область ее научных интересов. Результатом стала докторская диссертация «Русский город XIX века: социокультурный аспект исследования», защищенная в 2001 г. Социокультурный аспект предполагает изучение совокупности проблем, определяющих значение города в общественно-культурной жизни; факторов, влиявших на культурную ситуацию;

¹⁸ Кошман Л.В. О содержании понятия «новый период в истории русской культуры»; Хорошлова Л.В. К вопросу о новом и традиционном в русской культуре XVIII в.; Ковригина В.А. К проблеме взаимодействия русской и западноевропейской культур в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Русская культура в переходный период от средневековья к Новому времени: Сб. статей. М., 1992; Кошман Л.В. Культурная среда провинции // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков. М., 1993; Она же. Почта России в XIX в.: культурно-информационная система; Ковригина В.А. Земство и здравоохранение в России во второй половине XIX в. (к вопросу о земской медицине); Сысоева Е.К. Начальная пореформенная школа. Политика правительства и реалии жизни // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Пенза, 1995. Кн. 1–2; Кошман Л.В. К вопросу о типологии русского провинциального города XVIII–XIX вв.; Ковригина В.А. Здравоохранение и общественное призвание в жизни провинциального города; Кулакова И.П. Русская провинция в «Отечественных записках» П.П. Свиньина; Сысоева Е.К. Идеи монархизма в городской среде российской провинции в начале XX в. // Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. М., 2000.

¹⁹ Сысоева Е.К. Образовательная политика в России (60–90-е гг. XIX в.) // Педагогика. 1997. № 2; Она же. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 5; Она же. Начальная школа и общественность в пореформенной России // Там же. 2002. № 5; Она же. Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3; Она же. История русской культуры IX–XX вв.: Учеб. пособие. М., 2002 (разделы о системе образования в XIX в.).

²⁰ Кошман Л.В. Фабричные школы в России в первой половине XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1976. № 2; Она же. Московское коммерческое училище // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982; Она же. Коммерческое образование // Отечественная история. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2 (в соавт.); Она же. Профессиональное образование в России // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3.

соотношения и путей распространения профессиональной, инновационной и традиционной, народной культуры в городской среде, в различных социальных слоях, в первую очередь в мещанском сословии. Изучение мещанства как определенной социальной группы, занимающей срединное положение между крестьянством и купечеством, с характерными для него видами хозяйственной деятельности, менталитетом и культурным обликом составляет одно из важных направлений в исследовании социокультурных проблем русского города XIX в.

Личность в контексте истории культуры XVIII в., изучение эволюции быта и моделей повседневного поведения российского интеллектуала второй половины XVIII—XIX вв. — вопросы, интересующие И.В. Щерблыгину и И.П. Кулакову. Итогом работы над данной проблемой И.В. Щерблыгиной, рассмотревшей образ жизни, интересы такого яркого представителя новой культуры, как А.Т. Болотов, стали публикации²¹, выступления на научных конференциях и Болотовских чтениях по вопросам о научно-культурных связях России и Западной Европы в XVIII в., а также издание монографии²².

И.П. Кулакова защитила в 2002 г. кандидатскую диссертацию «Московский университет в историко-культурной среде XVIII в.», представляющую собой комплексное исследование начального периода формирования университета как научно-культурного организма. Университет как явление изучался автором через его повседневность, рассмотрение всего среза университетской жизни. «Особость» университетского мира в городской среде позволила И.П. Кулаковой ввести понятие «университетское пространство».

В августе 2003 г. И.П. Кулакова участвовала в 11 Международном конгрессе просвещения (ун-т Калифорнии, США), где выступала с докладом «Кабинет как пространство интеллектуальной повседневности (XVIII — начало XIX вв.)». Подготовленные ею публикации отражают основной круг научных проблем, которыми занимается исследовательница²³.

Сферой научных интересов Е.В. Долгих является изучение деятельности административной элиты России первой половины XIX в. Историко-культурный подход позволяет показать, какие культурные нормы обеспечивали

²¹ *Щерблыгина И.В.* А.Т. Болотов в Кенигсберге (К вопросу о формировании мировоззрения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1995. № 3; *Она же.* Нравственная позиция А.Т. Болотова в системе его ценностных ориентаций (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII в.) // Человек эпохи просвещения: Сб. РАН. М., 1999; *Она же.* А.Т. Болотов. Забавы живущего в деревне (подготовка текста и вступит. ст.) // Вестник архивиста. 2000. № 1; *Она же.* Тема нравственного воспитания и образования в трудах А.Т. Болотова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2001. № 5.

²² *Щерблыгина И.В.* А.Т. Болотов: гармония мира и души. Ценностные ориентации и творческие интересы. М., 2003.

²³ *Кулакова И.П.* И.И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) // Философский век. Альманах. 8. Иван Иванович Шувалов (1727-1797). Просвещенная личность в российской истории. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998; *Она же.* Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первоуровне // Российские университеты в XVIII—XX веках: Сб. статей. Воронеж, 2000. Вып. 5; *Idem.* «The University Space» (Moscow and Moscow University in the Eighteenth Century // *Russian Studies in History*. Vol. 39. No. 2. Fall, 2000; *Idem.* Die Moskauer Universität im kulturell-historischen Kontext der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Die Untersuchung der «dumlichen Dimension» // *Russische Aufklärung-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700-1825)*. Berlin-Verlag Arno Spitz GmbH. Berlin, 2001; *Она же.* Из истории дворянской интеллигенции начала XIX века. И.И. Свиньин // Литература и история: Сб. статей. Пушкинский дом (ИРЛИ РАН). СПб., 2002; *Она же.* Кабинет как атрибут интеллектуального быта // Философский век. Альманах. 22. Наука о человеке в современном мире. СПб., 2002. Ч. 2; *Она же.* У истоков Высшей школы: Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. 2002. № 2 (3).

функционирование сановных бюрократов внутри служебной структуры, определяли ее принятие как своей естественной среды и создавали специфический стиль деятельности. Этот подход позволяет рассмотреть их миропонимание как некую систему, включавшую не только то, что относится к профессиональной сфере, но и представления о религии, семье, дружеском общении. Именно в этой области оказывается наиболее сильной индивидуальная интерпретация этических норм, а соответственно, и проблема личного выбора. В центре внимания исследовательницы — комплекс наиболее распространенных категорий и понятий, входящих в состав языка бюрократии на правах общепринятых терминов; готовые формулы, аксиомы поведения, своего рода привычки мышления. Наблюдения за контекстом их применения позволяют проследить влияние стереотипов мышления на осмысление стоящих перед сановниками проблем и способы принятия решений. Всё это дает возможность по-новому взглянуть на сам механизм выработки решений и, как следствие, — на складывание традиций административной деятельности, своеобразие культуры организации и управления. В настоящее время Е.В. Долгих работает над текстом монографии «К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М.А. Корф, Д.Н. Блудов». Некоторые итоги изучения этой темы, защищенной автором в качестве кандидатской диссертации, отражены в ряде публикаций²⁴.

Одним из направлений научной работы В.А. Ковригиной является изучение темы «Иностранцы в русской культуре XVII—XVIII вв.». По материалам своей кандидатской диссертации, Ковригиной была издана монография «Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв.» (М., 1998), отмеченная в 2001 г. премией памяти митрополита Макария. Это исследование находится на стыке таких важных проблем, как «Россия и Запад», «Взаимовлияние и диалог культур», «Лицо и роль «московских» и других иноземцев в петровских преобразованиях». В.А. Ковригина сотрудничает с голландскими, немецкими, шведскими историками, ее работы известны за рубежом, ряд статей опубликован в Германии и Нидерландах²⁵. На проходившей в Архангельске в сентябре 2003 г. Международной научной конференции «Генеалогия на Русском Севере» Ковригина выступала с сообщением «Родственные связи жителей немецкой слободы Москвы и Архангельска». В настоящее время исследовательница продолжает разработку этой темы — расширяются ее хронологические и региональные рамки, более углубленно изучаются деятельность иноземцев одной профессии, их генеалогия²⁶.

²⁴ Долгих Е.В. Понятие монархии в восприятии николаевского сановника (Д.Н. Блудов) // Казань. Москва. Петербург. Российская империя взглядом из разных углов: Международный сб. М., 1997; *Она же*. Личность монарха в восприятии сановника николаевского времени (М.А. Корф) // Российская ментальность: методы и проблемы изучения: Сб. ИРИ РАН. М., 1999; *Она же*. Негативная информация в восприятии сановников николаевского времени (М.А. Корф, Д.Н. Блудов) // Россия и реформы: Сб. М., 1997. Вып. IV; *Она же*. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX в. М., 2000. Т. II.

²⁵ Ковригина В.А. Голландские художники в Москве в конце XVII - первой четверти XVIII вв. // *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* / Ed. Emmanuel Waegemans.- Groningen (Baltic Studies. N 5). 1998; *Eadem*. Die deutschen Lehrer in Moskau in der zweiten Hälfte des 17. und im ersten Viertel 18. Jahrhunderts. Lüneburg: Verl. Nordostdt. Kulturwerk, 2000.

²⁶ Ковригина В.А. О крещении в православие иноземок-протестанток // Труды ГИМ. М., 1998. Вып. 99; *Она же*. Иноверческие школы Москвы XVII - первой четверти XVIII в. // Педагогика. М., 2001. № 2; *Она же*. Об особенностях быта иноземного населения Москвы // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время. М., 2003.

Для профессионального роста сотрудников важным фактором является их участие в учебном процессе: чтение лекционного курса по истории культуры, работа в семинарах и спецсеминарах, руководство дипломными работами и кандидатскими диссертациями по историко-культурной проблематике. Коллективом лаборатории совместно с преподавателями кафедр отечественной истории создано первое в России учебное пособие по истории русской культуры, программа курса истории отечественной культуры, который читается в Московском университете и в других вузах России².

² Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. История русской культуры. М., 1990; в 2002 г. вышло 3-е, исправленное и дополненное издание этого пособия: История русской культуры IX-XX вв. Под ред. Л.В. Кошман; авторы - В.С. Шульгин, Л.В. Кошман, Е.К. Сысоева, М.Р. Зезина; История русской культуры 4. Программы дисциплины специализации по отечественной истории. М., 2000.

6. Источниковедение и историография

Источниковедение

*Становление отечественного источниковедения
(вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)*

К середине XVIII в. отечественная историческая наука была слабо разграничена с другими гуманитарными дисциплинами — языкознанием, литературоведением, философией, правом, географией, статистикой — и не была внутренне дифференцирована. Только в XIX в. в ранее единой исторической науке стали обособляться отдельные направления — археология, этнография, искусствоведение, историография и другие — со своими более или менее четко очерченными предметами изучения. В конце XIX в. в самостоятельную область исторического знания выделилось источниковедение, хотя сам этот термин, в значении «обозрение источников», отмечен в отечественной исторической литературе уже в середине XIX в.

Ростки специализации в исторической науке обнаружили себя еще в XVIII столетии. Об этом свидетельствует частое употребление в то время терминов «история» и «древности». В.Н. Татищев толковал термин «история» «как слово греческое, то самое значит, что у нас деи, или деяния». Иными словами, история рассматривалась как деятельность людей, живших в прошлом, и как события, вызванные этой деятельностью людей, а также как результат труда историков, направленного на воссоздание цепи событий далекого прошлого. Под «древностями» же понимались остатки прошлого. Для одних они были объектами коллекционирования, диковинными предметами, для историков — тем, на основе чего устанавливаются события прошлого и создаются исторические сочинения.

Таким образом, уже в XVIII в. осознавалась необходимость разных терминов для обозначения итога деятельности историка («история») и той основы, которая служила фундаментом исторического труда («древности»). Это нашло отражение в наименовании открывшегося в 1804 г. при Московском университете Общества истории и древностей российских. Подобное использование двух понятий не противопоставляло одно из них другому, а скорее указывало на их взаимосвязь.

В понятие «древности» включались письменные, вещественные, изобразительные исторические источники. Русский просветитель, издатель Николай Иванович Новиков (1744—1818), задумывая в 1776 г. опубликовать сборник материалов под названием «Сокровище российских древностей», предполагал представить в нем выписки из письменных источников обо всех соборах, монастырях, церквях; «портреты» российских государей с жизнеописаниями последних; гербы российских царств, княжеств, городов, а также древние российские монеты с их описанием; информацию о книгах по русской истории и географии, вышедших на русском языке.

Состояние отечественной исторической науки, безусловно, повлияло на структуру учебных подразделений и их учебные программы в первые десятилетия существования Московского университета. В указе об организации университета предписывалось открыть на философском факультете кафедру истории для преподавания универсальной (всеобщей) и российской истории, древностей и геральдики. Однако во второй половине XVIII в. первоначально задуманной четкой структуры философского факультета не существовало, не было также и постоянного чтения предложенных указом учебных курсов исторического цикла. Это касалось в первую очередь русской истории, русских древностей и русской геральдики.

Такое положение было вызвано не только объективными, но и субъективными причинами. Одной из них являлось то, что исторические дисциплины читали профессора из немецких университетов, приглашенные для постановки курсов и подготовки отечественных преподавателей. Многие из них не знали российской истории, не владели русским языком и не могли способствовать быстрому становлению соответствующих курсов, особенно специальных. В конце XVIII в. на философском факультете читалось несколько курсов, в название которых входил термин «древности» («Греческая словесность и древности», «Римская словесность и древности»), но среди них не было курса по отечественным древностям.

Для развития отечественной исторической науки требовалась хорошая источниковая база, поэтому одной из насущных задач того времени являлось введение в научный оборот древностей по истории России, в первую очередь письменных. Деятельность, связанная с изданием письменных исторических источников и позднее получившая наименование археографической, выходила в это время на первый план. До XVIII в. письменные материалы возникали, распространялись и сохранялись в основном в рукописном виде, что делало их уникальными. Лишь малая толика книг и документов создавалась на печатном станке. Рукописная форма письменных исторических источников порождала определенные трудности в работе с ними, например при их прочтении. Кроме того, рукописные источники часто оставались недоступными для изучения из-за отсутствия сведений о местах их хранения. Для того чтобы обеспечить более широкий доступ к историческим источникам, нужно было перевести рукописные тексты в печатную форму. В результате единственный экземпляр рукописного текста становился тиражированным и с ним могло ознакомиться большое число читателей.

Эта фундаментальная задача отечественной исторической науки решалась во второй половине XVIII в. многими российскими учеными, в том числе учеными Московского университета. В университетских изданиях содержались материалы Московского архива Коллегии иностранных дел, Разрядного и Посольского архивов, Кабинетского архива, Библиотеки Академии наук, Московского Успенского собора, частных коллекций (П.А. Алексеева, Г.-Ф. Миллера, Д. Голицына, М.М. Щербатова, архангелогородского и холмогорского архиепископа Амвросия, Н.Н. Бантыш-Каменского и др.).

Значительный вклад в формирование базы печатных исторических источников внесла типография Московского университета, созданная в 1756 г. и осуществившая ряд уникальных для того времени публикаций. Среди них, например, «Собрание 4291 древних российских пословиц», составленное профессором философского факультета Антоном Алексеевичем Барсовым (1730—1791).

В типографии Московского университета печатались труды историков, работавших в других учреждениях. Например, здесь было опубликовано несколько важных источников о правлении Петра I, подготовленных крупным знатоком и собирателем материалов по истории России Г.-Ф. Миллером: «Книга степенная царского родословия»; «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков гвардии»; «Рождение государя императора Петра Великого».

В деле издания исторических источников типография при Московском университете преуспела в 1779—1789 гг., когда ее арендовал воспитанник Московской университетской гимназии, известный русский просветитель Н.И. Новиков. Высокую оценку его деятельности по поиску и публикации исторических источников дал его современник, попечитель Московского университета и товарищ министра народного просвещения Михаил Никитич Муравьев, сказавший, что после Миллера можно «с честью упомянуть Шлёцера, Стриттера и Новикова, который послужил бы более отечеству, оставшись в пределах изучения древностей его»¹. В типографии Новикова переиздавались и некоторые необходимые для историков публикации, выполненные в Петербурге. Например, два первых тома Никоновской летописи, подготовленных к изданию в Академии наук А.Л. Шлёцером (1735—1809) и питомцем Московского университета С.С. Башиловым (1741—1770), увидели свет в Петербурге, соответственно, в 1767 и 1768 гг. Позднее, в 1786 г., публикация была повторена в Москве в университетской типографии; там же был переиздан подготовленный С.С. Башиловым и изданный сначала в Петербурге Судебник 1550 г.

Н.И. Новиков сам занимался разысканием источников и их изданием. Это были и отдельные исторические источники, и сборники материалов по истории России. Из подобных публикаций наиболее известна «Древняя российская вивлиофика». Она выходила как периодическое собрание разных русских исторических источников X—XVIII вв. Первое издание, включавшее десять томов, увидело свет в Петербурге в 1773—1775 гг. В 1788—1791 гг. из типографии при Московском университете вышло второе, значительно расширенное издание — «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии находящихся, изданная Николаем Новиковым». Оно было усовершенствовано с точки зрения передачи текстов источников, структуры издания, его справочного аппарата и стало важным шагом в развитии археографических принципов публикации исторических памятников во второй половине XVIII в.

¹ Цит. по: *Володина Т.* Стриттер Иван Михайлович (1740—1801) // *Историки России. Биографии* / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 67.

После увольнения Новикова типография при Московском университете продолжила свою деятельность по изданию источников по отечественной истории. Назовем, к примеру, книгу Л.М. Максимовича «Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к део-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений как старых, так и новых, с надписей и из других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных прискивания, азбучною росписью умноженный». Четыре части книги были изданы в 1792 — 1793 гг. В. Окоороковым в университетской типографии.

Публикуя исторические сочинения российских историков, типография при Московском университете очерчивала круг уже найденных и введенных в оборот исторических материалов, способствовала распространению содержащихся в них оценок некоторых исторических источников. Благодаря университетской типографии впервые увидело свет сочинение В.Н. Татищева «История российская». Здесь же были изданы отдельные труды М.М. Щербатова, отразившие его споры с П.Н. Болтинным и затрагивавшие ряд источниковедческих вопросов.

Во второй половине XVIII в. при Московском университете возникло несколько обществ, объединявших ученых и любителей наук разных сословий и чинов. Распространению знаний о прошлом России способствовало Вольное Российское собрание. Оно было создано в 1771 г. и просуществовало до начала 1783 г. Деятельность Собрания включала несколько направлений, что было следствием слабой специализации, характерной для научного гуманитарного знания того времени. Главной задачей общества был сбор материалов для составления словаря русского литературного языка. Особый интерес к этому вызывался тем, что преподавание в университете должно было вестись именно на русском. Кроме того, по мнению российских просветителей XVIII в., русский язык был главным средством распространения в обществе научных знаний, поэтому на нем должны были издаваться типографским способом разнообразные материалы, в том числе исторические.

Другая задача Вольного Российского собрания состояла в выявлении и публикации источников по истории России. В объявлении о создании Собрания, помещенном в газетах, говорилось следующее: «Столь обширное владение Российское, состоящее из разных народов и в разных климатах, может любопытство трудящихся членов довольно снабдить редкими и достойными примечания вещами. Публичные и приватные книг и писем хранилища, содержащие в себе достопамятные предков российских дела, глубокою древностию закрытые, могут, таким образом, отворены быть и издаваемы в свет для удовольствия общенародного и для приведения в совершенство российской со временем истории». Как видим, при издании исторических материалов на первый план Собрание выдвигало просветительскую задачу, задача же развития исторической науки стояла на втором месте.

В Вольное Российское собрание вступили многие известные люди Москвы и Петербурга. Среди них историк, экономист, путешественник, член-корреспондент Петербургской Академии наук П.И. Рычков, издатель Н.И. Новиков, протонерей Архангельского собора Московского Кремля П.А. Алексеев, издатель и писатель В.Г. Рубан, историк Г.-Ф. Миллер, княгиня Е.Р. Дашкова и другие. Членами общества стали все профессора Московского университета. Бессменным секретарем Собрания был избран профессор философского факультета А.А. Барсов.

Общество издавало «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете». В шести его выпусках, вышедших за время существования Собрания, публиковались материалы о современном русском языке, переводы иностранных философских и литературных сочинений, а также источники по различным периодам отечественной истории. Среди последних — летописи, актовый материал, памятники законодательства, древнерусские повести, сказания.

Деятельность университетских и академических ученых, а также любителей истории по выявлению и изданию древностей, обнаружила богатство и разнообразие российских исторических источников. Это подчеркивала и Е.Р. Дашкова в своей речи при назначении ее председателем созданной в 1783 г. Российской Академии: «Многоразличные древности, дражайшие памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнению нашим обширное поле». И хотя Дашкова имела в виду конкретное «поле» для упражнений с древностями — составление словаря русского языка, — это относилось и к занятиям, способствовавшим развитию исторической науки.

Одним из «упражнений» с древностями являлась критика источников. Придерживаясь рационалистических взглядов, историки XVIII в. считали, что для добывания достоверных сведений о событиях прошлого, необходимо изучение «древностей», т.е. их критика. Об обязательности критики источников писал еще В.Н. Татищев. В 1760-е годы уже существовала некая система приемов критического анализа письменных памятников, которую изложил немецкий ученый А.Л. Шлецер, непродолжительное время работавший в Петербургской Академии наук. Однако широкое знакомство русских историков с его методикой произошло позднее.

В археографической практике XVIII в. складывался определенный тип публикаций исторических источников. Эти публикации имели более или менее устойчивую структуру: тексту издаваемого документа предпослеговало, как правило, предисловие, в ряде публикаций помещались приложения в виде таблиц (генеалогических, хронологических) и т.д. Наблюдения о публикуемых источниках, приводимые в предисловиях, были весьма отрывочны, выборочны по отношению к отдельным текстам, не рассматривавшимся в системе других документов такого же вида и времени и т.д. Несмотря на это, в предисловиях можно выделить круг вопросов, относящихся к источниковедческим.

Рядом публикаторов ставилась проблема достоверности отдельных групп источников. Чаще всего рассматривался вопрос о достоверности

летописей. Именно они были важны для историков, поскольку несли большой объем информации о длительных отрезках русской истории. Кроме того, летописи внешне были схожи с создававшимися в XVIII в. «историями», в которых восстанавливалась последовательность событий прошлого. Остро ставился вопрос о достоверности записок иностранцев о России. Обычно эти материалы оценивались исследователями как недостоверные. Отмечались причины искажений сведений о России; последние объяснялись, в частности, индивидуальными особенностями личности того или иного автора записок, обстоятельствами его жизни и пр. Приводились наблюдения над этапами и методами работы с разными группами источников. Изредка ставился вопрос о систематизации исторических материалов. Они часто делились по региональному признаку — на отечественные и иностранные. В предисловиях иногда помещались сведения о внешнем виде взятых для публикации оригиналов (писчий материал, почерк), принципах передачи текста и т.д.

В XVIII в. складывалось уже представление о том, что для критики сообщений исторических источников необходимы особые знания. Потребность в этих особых знаниях возникла у ученых еще в начале становления исторической науки. Так, во время работы над «Историей российской» В.Н. Татищев нуждался в сведениях о календарной и метрической системах, которыми пользовались в Древней Руси, родственных связях государственных деятелей прошлого, локализации географических объектов и т.д. В конце XVIII — первой четверти XIX в., как пишет современный исследователь, «в общественном сознании России сформировалось отчетливое представление о некоем вспомогательном комплексе знаний и об определенной совокупности работ, призванных создать возможности для собственно исторических сочинений»². Заметим, что эти знания не просто помогали написать труд по истории, но должны были, как считали в то время, через критику исторических источников обеспечить путь к истинному пониманию прошлого и создать достоверное историческое сочинение.

Подводя итог деятельности историков XVIII в. в области формирования «вспомогательных знаний», современные историографы отмечают: «В трудах Татищева, Ломоносова, Новикова, Карамзина и других имеются уже наблюдения по отдельным вопросам, разрабатываемым впоследствии налеографией, метрологией, сфрагистикой, хронологией»³. В этой цитате перечислена небольшая часть тех особых направлений, которые с конца XIX в. стали именоваться вспомогательными историческими дисциплинами. Преподавание в Московском университете ряда дисциплин началось во второй половине XVIII в. немецкими профессорами. Работавший в университете с 1760 по 1778 г. Иоганн Готфрид Рейхель одним из первых стал знакомить с ними студентов. С 1784 по 1793 г. кафедру «всемирной истории и вспомогательных ее наук» занимал Иоганн Виганд.

² Козлов В.П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX в. М., 1999. С. 257.

³ Камелцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1979. С. 13.

Нумизматику и геральдику факультативно читал Йоганн Маттиас Шаден (1731—1797). Немецкие ученые писали и издавали труды, в которых затрагивались проблемы некоторых вспомогательных наук истории. Профессор Ф.Г. Дильтей (1723—1781) в 1770-е годы подготовил и издал две книги с описанием гербов разных государств, в том числе и России, затронув в предисловии и общие проблемы современной ему геральдики. В начале XIX в. профессор Ф.Г. Баузе (1752—1812) читал в университете нумизматику и дипломатику. Особенностью всех этих учебных курсов являлось то, что они не были основаны на русских исторических материалах.

* * *

Углубление процесса дифференциации отечественной исторической науки продолжалось в XIX в. На рубеже XVIII—XIX вв. наиболее явственным проявлением процесса специализации стало выделение в самостоятельную область так называемой науки о древностях. На становление этой науки в России повлияла ее западноевропейская модель. В России глубокий интерес к западноевропейскому варианту возник неслучайно. Дело в том, что в ходе освоения в конце XVIII в. южных земель там обнаруживались остатки древнегреческих поселений. Изучая античные сооружения и предметы, найденные на Крымском полуострове и Черноморском побережье Кавказа, российские ученые обратились к некоторым уже установленным фактам античной истории и к уже выработанным приемам анализа сохранившихся предметов античного мира. Это было тем более оправданно, что в конце XVIII в. в Западной Европе предметом науки о древностях были исключительно памятники классического периода истории человечества. Первым западноевропейским пособием по изучению древностей, переведенным на русский язык, стало «Руководство к познанию древностей» профессора истории и древностей Миленя⁴. «Вот первая начальная книга на российском языке, показывающая основание и ход науки, едва ли в России не новой...», — писал в своем предисловии к пособию его переводчик и издатель, преподаватель Московского университета Николай Федорович Кошанский (1781—1831).

В отечественной историографии первой половины XIX в. синонимом «науки о древностях» (или «науки древностей») часто выступал термин «археология»: первый термин являлся переводом на русский язык второго (от греческого «архео» — древний, «логия» — слово, наука)⁵. Именно такое соотношение терминов приведено в пособии Миленя и в «Речи о пользе отечественной археологии», прочитанной членом Общества истории и древностей российских при Московском университете А.А. Писаревым в 1827 г. Для ряда российских авторов «наука о древностях» по своему предмету и содержанию была более широким понятием, чем «археология».

⁴ Руководство к познанию древностей г. Ал. Миленя, смотрителя древностей при Национальной библиотеке, профессора истории и древностей и члена обществ: натуральной истории и филомафического в Париже, Академии редкостей в природе в Эрлангене, члена Академии Дублинской, Линнеева общества в Лондоне, Медицинского в Бристеле и Общества физических наук в Цюрихе, изданное с прибавлениями и замечаниями в пользу учащихся в Имп. Московском университете Николаем Кошанским, изыщших наук магистром и философии доктором. М., 1807.

⁵ О термине «археология» см.: *Форлизов А.А.* История термина «археология» // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 214–218; *Фарсоби В.В.* К истории складывания понятия «источниковедение» // История СССР. 1981. № 6. С. 113.

Соотношение науки о древностях и археологии как целого и его части определяли сами древности. Поскольку они отличались разнообразием, наука о них, по мнению некоторых исследователей, представляла собой совокупность ряда научных направлений. Работая в одном из таких направлений, ученые занимались более или менее однородной группой древностей. В этом случае только художественные памятники классического периода как одна из разновидностей древностей являлись предметом изучения собственно археологии.

Другой вариант соотношения науки о древностях и археологии как целого и части также связан с определением их предмета. Предметом первой некоторые исследователи считали не совокупность сохранившихся остатков далекого прошлого, а собственно историческую действительность. Именно так можно трактовать, например, высказывание анонимного автора, отметившего, что к «науке о древностях» следует обращаться, «чтобы приобрести сведения о нравах, общественных учреждениях, гражданском составе, обрядах веры, законах, публичной и домашней жизни древних народов. Но, согласно тому же автору, исследовать древности для того, чтобы «узнать об оставшихся памятниках древних народов... особенно учит археология»⁶.

В сочинениях первой трети XIX в. можно обнаружить представление о дифференциации археологии — на археологию в широком и узком смысле. В широком смысле — это наука обо всех древних памятниках, руководство к их познанию, а в узком — наука о художественных произведениях древности и об истории художеств у древних народов, т.е. руководство для изучения только одной категории источников.

В трудах некоторых профессоров Московского университета использование термина «археология» показывает более дробную картину специализации в этой области. Так, в 1834 г. профессор А.М. Гаврилов заявлял: «...археология заключается в себе изложение древностей народа, в его истории встречающихся, или повествование о древних народах, их произведениях, нравах, и обычаях и пр. Таким образом, древности сии состоят или в нравах, или обычаях, постановлениях какого-либо народа, или в остатках его произведений. Сии остатки суть или сочинения, от чего и знание об оных составляет археологию литературы, или дипломы, рукописи, монеты, надписи, познание которых относится к археологии literalной (от слова «литера» — буква. — Авт.), или произведения искусств, составляющих предмет археологии искусства, которая собственно называется археологиею». Таким образом, А.М. Гаврилов традиционно определял археологию в узком смысле слова как науку о художественных древностях и при этом явственно очерчивал предмет еще одного археологического направления — так называемой археологии literalной. Вместе с тем он давал толкование термина «археология» и как совокупности всех древностей какого-либо народа, и как истории о древних народах. Таким образом, для обозначения, с одной стороны,

⁶ Об археологии и о различных способах заниматься художественными произведениями древности // Вестник Европы. М., 1812. Ч. 62. № 5. С. 15–16.

⁷ «О значении вообще и преимущественно как науки о древних искусственных памятниках, о пользе и цели ее и пособиях к изучению оной» альбюнк-профессора Гаврилова // Учен. зап. Моск. ун-та. М., 1834. Ч. VI. № 6. С. 391–392.

результатов изучения собственно исторической действительности, а с другой — изучения «древностей» Гаврилов предложил тот же термин «археология», отказавшись от использования термина «наука древностей». Фактически он объединил предмет «науки древностей», как его толковали в начале XIX в., и предмет «археологии» в широком смысле слова.

Впоследствии в научной лексике первой половины XIX в. термин «наука о древностях» постепенно вытеснялся термином «археология» в широком смысле слова. Это было связано, по-видимому, с изменениями трактовок отечественными учеными географических и хронологических рамок предмета археологии. Об этом красноречиво свидетельствует, например, статья, помещенная в «Энциклопедическом лексиконе» А.А. Плюшара (1835 г.), где дается следующее определение: «Археология — наука древности вообще, изображение внутренней и внешней жизни древних народов по всем ее направлениям, но в теснейшем и в настоящее время общепринятом значении археология есть наука о древнем искусстве».

В первоначальном усвоении российской наукой модели археологии, как ее понимали на рубеже XVIII—XIX вв., а затем и в развитии самой отечественной археологии большую роль сыграли ученые Московского университета. Согласно Уставу Московского университета 1804 г. исторические дисциплины преподавались на словесном отделении, где создавалось большее, чем было ранее на философском факультете, число кафедр и, следовательно, вводились новые дисциплины. На кафедрах отделения словесных наук изучались классические древности: основы греческого языка и словесности греческой; древностей и языка латинского; теории изящных искусств и археологии. Что касается отечественной истории и русского языка, то их преподавали на кафедре истории, статистики и географии Российского государства, а также на кафедре стихотворства и языка русского.

Термин «археология» встречался в наименованиях разных университетских курсов, которые впервые читал профессор Иоганн Феофил Буле (1763—1821), приглашенный попечителем Московского университета М.Н. Муравьевым из Гёттингена. С деятельностью этого немецкого ученого в Московском университете с 1804 по 1811 г. некоторые современные историографы связывают начало становления отечественного источниковедения как университетской дисциплины⁸. В 1805 г. была опубликована «Программа лекций по археологии», подготовленная Буле на отделении словесных наук. В том же году он начал читать курсы «Теория изящных искусств и археология», «Мифология и археология», которые раскрывали историю живописи, скульптуры и архитектуры египтян, греков, римлян и этрусков⁹. Курс «Теория изящных искусств и археология» значился в учебном плане как обязательный, его отменил Устав Московского университета 1835 г.

После ухода Буле из университета курс «Теория изящных искусств и археология» читался профессорами Михаилом Трофимовичем Каченовским (1775—1842), Матвеем Гавриловичем Гавриловым (1759—1829),

⁸ Петров Ф.А. Немские профессора в Московском университете. М., 1995. С. 82.

⁹ Шевырев С.П. История Имп. Московского университета, написанная к 100-летнему его юбилею, 1755—1855. М., 1855. С. 392.

Николаем Ивановичем Надеждиным (1804—1856). В 1830 г. для получения звания ординарного профессора по кафедре изящных искусств и археологии Надеждин представил «Предначертание учебного изложения теории изящных искусств и археологии для публичного преподавания».

Как показывают исследования, курс «Теория изящных искусств и археология» представлял собой историю искусства и эстетики. Таким образом, он был связан с изучением художественных памятников в рамках археологии, понимаемой в узком смысле, и, следовательно, способствовал постепенному обособлению тех научных направлений, которые приобретали очертания современной эстетики и современного искусствоведения.

В эти же годы на словесном отделении Московского университета читался курс «Вспомогательные исторические науки», основанный на широком понимании археологии как руководства для изучения разнообразных древностей. Этот курс объявлялся для студентов первого года обучения в качестве дополнительного и просуществовал до введения Университетского устава 1835 г.

Сравнительный материал о составе учебных курсов, читавшихся на гуманитарных факультетах (отделениях) высших учебных заведений России в 1832/33 академическом году, показывает, что везде преподавалась география. В Дерптском университете читался курс нумизматики. В отчетах других учебных заведений указаны курсы классических древностей: в Харьковском и Дерптском университетах — «Римских древностей»; в Казани — «Римских древностей и мифологии»¹⁰. Но лишь в Московском университете существовал курс «Вспомогательные науки истории», дававший представление о значительном круге «вспомогательных знаний» и их месте в историческом исследовании. Курс «Вспомогательные науки истории» знакомил студентов Московского университета с географией, хронологией, нумизматикой, дипломатикой, генеалогией, геральдикой.

Курсы «Теория изящных искусств и археология» и «Вспомогательные науки истории» излагались университетскими преподавателями преимущественно по литературе западноевропейских историков и филологов, поскольку отечественная археология еще не накопила достаточный и необходимый круг учебной и историографической литературы.

Нехватку учебных пособий по археологии и вспомогательным наукам истории студенты отчасти восполняли собственными переводами работ зарубежных исследователей. Преподаватели рекомендовали студентам сочинения для перевода, консультировали переводчиков, а затем студенческие труды издавались как учебные пособия. Соплемя на пример Николая Лавдовского, который в 1834 г. учился на третьем курсе отделения словесности. «По назначению» профессора Н.И. Надеждина он переводил «Археологию искусства» О. Миллора, которую предложено было «издать в свет для руководства слушателей»¹¹.

¹⁰ Известия о учебных заведениях в России. О курсах учения в университетах и главном педагогическом институте с означением преподавателей каждого предмета и методы его преподавания (извлечено из отчетов за 1832/33 академический год) // ЖМНП. 1834. № 11. С. 261–273.

¹¹ Отчет Имп. Московского университета с 1 января 1834-го по 1 января 1835-го года. М., 1835. С. 46.

Базой для практических занятий по некоторым вспомогательным историческим дисциплинам служили коллекции, накапливавшиеся в разных структурных подразделениях университета. Уже в 1820-х годах в Музее естественной истории имелось «собрание искусственно обделанных ископаемых и древностей», куда входили бытовые предметы, изображения азиатских идолов. В университетском Минц-кабинете собирались и хранились коллекции монет и медалей. При Обществе истории и древностей российских складывалось несколько собраний: 1) рукописных и печатных книг; 2) древних и новых монет, медалей и жетонов, русских и иностранных; 3) древностей. Коллекции формировались благодаря пожертвованиям; среди жертвователей были П.П. Бекетов, П.Г. Демидов, Е.Р. Дашкова, И.И. Лажечников и другие. Ответственными за коллекции обычно являлись преподаватели, читавшие курсы археологии и вспомогательных наук истории¹².

В Московском университете курсы «Вспомогательные исторические науки» вели: Николай Андреевич Бекетов (1790—1829), Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858), Михаил Степанович Гастев (1804—1883).

В 1815 г. Н.А. Бекетов был произведен в магистры словесных наук. С 1817/18 академического года и до конца своей жизни он преподавал хронологию, геральдику, генеалогию, нумизматику и дипломатику. Помимо этих дисциплин Бекетов читал «Введение во всеобщую историю» и «Введение в российскую историю».

М.А. Коркунов после окончания Московского университета в 1828 г. был оставлен преподавателем арабского языка. Однако с осени 1832 г. ему поручили чтение курса «Древняя география», а со следующего года, после ухода М.С. Гастева, — «Вспомогательные исторические науки». В содержании последнего курса просматривается определенная преемственность с курсом Бекетова. Будучи, по всей видимости, в студенческие годы слушателем Бекетова, Коркунов, помимо литературы зарубежных авторов по вспомогательным дисциплинам, использовал и записи лекций, прочитанных учителем.

Поле научной деятельности Коркунова на протяжении всей его творческой жизни было весьма обширным: он занимался разработкой проблем всеобщей и русской географии, разысканием письменных исторических источников, их критикой и публикацией. Широта интересов этого ученого была обусловлена солидным запасом «вспомогательных знаний», приобретенных в Московском университете. Оставив в 1836 г. преподавательскую работу, Коркунов стал впоследствии известным деятелем Археографической комиссии, ординарным академиком Академии наук, членом Русского географического и Русского археологического обществ.

М.С. Гастев поступил в Московский университет в 1825 г. В 1832/33 академическом году он защитил диссертацию по теме «Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в Русском государстве до Петра Великого». Однако его имя как преподавателя курса

¹² См.: Указатель Московского университета, или Краткое описание кабинетов и других заведений, находящихся при университете, с показанием всего достопримечательного в оных. М., 1826.

«Вспомогательные науки истории» встречается в университетских отчетах несколькими годами ранее. Читать этот курс он был приглашен своим учителем М.Т. Каченовским. М.С. Гастев был автором ряда опубликованных работ по вспомогательным наукам истории. Среди них вступительная лекция «О вспомогательных науках для истории», прочитанная в 1830 г. для первокурсников словесного отделения¹³. Он издавал также «Материалы для вспомогательных наук истории»¹⁴. Как следует из отчета декана отделения словесных наук М.Т. Каченовского, в 1832/33 академическом году Гастев подготовил «Краткую географию», «Краткую хронологию» и «Краткую арифметику»¹⁵. В 1833 г. Михаил Степанович ушел из университета в Московское Дворцовое архитектурное училище.

О содержании курса «Вспомогательные науки истории» сегодня можно судить по опубликованным работам М.С. Гастева, в частности по его лекции для первокурсников. Прежде всего отметим, что в ней не упоминались ни «наука древностей», ни археология. При этом нет сомнений в том, что читаемый курс был связан с ними и, более того, ими порожден. Эта убежденность вытекает из перечня наук, характеризовавшихся в лекции. М.С. Гастев говорил о нумизматике, хронологии, дипломатике, которые в начале XIX в. рассматривались как составные части археологии. Отказ от устоявшихся терминов был вызван тем, что ученый новаторски подошел к ряду вопросов, связанных с пониманием содержания как науки о древностях, так и археологии.

М.С. Гастев не мог использовать термин «археология» в узком смысле этого слова, поскольку не ограничился в своем курсе только одной категорией древностей — художественными произведениями классического периода. Он расширил круг материалов и рассмотрел значение вспомогательных наук истории применительно к различным письменным и вещественным источникам. В лекции он говорил: «Памятники и свидетельства весьма различны между собою; от сего и основывающиеся на них науки столь же многообразны. Все они способствуют к рассмотрению, познанию *исторических источников*, объясняют, оценивают их и тем открывают средства к отвержению ложного и к сохранению истинного; следственно, *вспомоществуют* совершенствованию истории, а посему и называются *вспомогательными историческими науками*» (выделено мной. — *Авт.*)¹⁶. Ученый также не обратился к термину «археология» в его широком толковании, т. е. как к синониму термина «наука древностей», поскольку отказался от понятия «древности» — этого ключевого слова в современных ему науке о древностях и археологии. Он заменил его другими понятиями — «памятники», «свидетельства», «исторические источники».

Предложенные М.С. Гастевым понятия неопределенны в плане привязки источников информации о прошлом ко времени и месту их появления. Таким образом историк подчеркивал, что он не ограничивает значение вспомогательных наук истории для изучения только древнего (классического)

¹³ Гастев М. О вспомогательных науках для истории // Вестник Европы. 1830. № 19/20. С. 161–202.

¹⁴ См., например: Материалы для вспомогательных наук истории (для генеалогии). М., 1835. Вып. 2.

¹⁵ Учен. зап. Моск. ун-та. 1833. Ч. 1. № 1. С. 145.

¹⁶ Гастев М. Указ. соч. С. 161–162.

периода истории человечества, что было закреплено в первой трети XIX в. за наукой о древностях и археологией. Гастев считал возможным перенести накопленный опыт изучения «древностей» на источники средневековья и Нового времени и получать информацию о событиях этих периодов. Так, характеризуя географию, он отметил удовлетворительное исследование древней географии (до падения Римской империи), но слабую разработанность географии средних веков; характеризуя нумизматику, говорил о необходимости и возможности изучения «нумизм» разных периодов истории человечества. «Нумизмы», указывал лектор, можно систематизировать по времени: это источник по истории древних, средних и новых веков. Но нумизмы средних веков, чем ближе к нам, тем менее интересны. Что касается «нумизм» трех последних столетий (т. е. XVI—XVIII вв.), то они «более любопытны, нежели полезны» для истории.

Расширив хронологические рамки исторического материала, который можно было исследовать, идя выработанным в археологии путем, М.С. Гастев расширил и географию этого материала. Если древности, в понимании ученых конца XVIII — начала XIX в., — это античные памятники, то для М.С. Гастева исторические источники — это свидетельства о прошлом народов, проживавших в разных концах света. Это не только история греков, этрусков, римлян до падения Римской империи, но и материалы для изучения отечественной истории. Так, говоря о дипломатике, М.С. Гастев ввел оценку и отечественных письменных материалов: «У нас в России письменные памятники более всего потерпели от невежества переписчиков, которые имели свои причины исказить оные»¹⁷.

В курсе М.С. Гастева вполне определенно выражен источниковедческий подход к историческому материалу. Этот подход отражен в его рассуждениях об исторической критике, которая, по мнению ученого, «есть здоровое суждение о всех предметах, относящихся к истории и историческому познанию... Низшая критика принимает на себя предварительные труды и есть только средство к достижению цели... Высшая критика имеет предметом оценивать истину, раскрывать и очищать ее. Она обязана указать время, сочинителя и назначить место самому событию, сообразуясь с ходом происшествий, степенью просвещения и многими другими обстоятельствами, вообще, с характером времени и положением писателя».

Курс М.С. Гастева «Вспомогательные науки истории» стал значительным шагом вперед в создании отечественного источниковедения. Радикально изменяя содержание археологии (как в узком, так и в широком смысле), М.С. Гастев, так же как, возможно, и другие преподаватели, читавшие в первой трети XIX в. в Московском университете этот курс, заметно раздвигал горизонты для историков, формировал у молодого поколения ученых широкий взгляд на возможности исторического познания.

Важно отметить то, что собственные научные интересы преподавателей, читавших в Московском университете курсы «Теория изящных наук и археология» и «Вспомогательные науки истории», лежали в области отечественной истории. Соединение знания всего комплекса проблем,

¹⁷ Там же. С. 198.

связанных с археологией в ее западноевропейском варианте, с освоением отечественного исторического материала стало плодотворной почвой, на которой шел процесс становления российского источниковедения.

Подтверждением тому может служить формирование на словесном отделении Московского университета научного направления, получившего наименование скептической школы. Неслучайно эта школа, которую некоторые современники определяли как «московскую» и называли «новым шагом в области самобытной критики», складывалась в течение первой трети XIX в., т.е. в тот период, когда внимание к проблемам анализа исторических источников сделалось осознанным и критика стала применяться к отдельным группам отечественных материалов. Основоположником и главой этой школы был профессор М.Т. Каченовский, начавший свою деятельность в Московском университете в 1805 г., когда он получил звание магистра философии, а уже в 1806 г., — доктора философии. С 1821 по 1835 г. Каченовский заведовал кафедрой истории, статистики и географии Российского государства, в 1834—1836 гг. избирался деканом отделения словесности, в 1837 г. — ректором университета. В течение многих лет, с 1808 по 1821 г., он читал курс «Теория изящных искусств и археология», с 1821 по 1835 г. — «История, статистика и география Российского государства»; помимо этого, преподавал риторiku, русскую словесность, историю славянских наречий, всеобщую историю. Взгляды М.Т. Каченовского на исторический процесс и способы его изучения разделяли и отстаивали многие его ученики — воспитанники отделения словесности Московского университета, среди которых были А.З. Зиновьев, С.М. Строев, Я.И. Беренников, Н.Н. Мурзакевич, Н. Стрекалов, М.С. Гастев и другие.

Повышенный интерес ученых к критике источников диктовался новыми задачами, ставившимися перед исторической наукой в первой трети XIX в. Эти задачи формулировались благодаря новым философским теориям. Приверженцы скептической школы опирались на представления о том, что, во-первых, исторический процесс у разных народов развивается по определенным общим законам, поэтому историки должны отыскивать эти законы; во-вторых, все события взаимосвязаны, каждое из них имеет причины и следствия и, таким образом, требует от историков более глубокого осмысления; в-третьих, исторические источники не несут абсолютно достоверной информации, и потому исторический материал должен подвергаться более строгой оценке, тщательной критике и отбору. Сомнение в достоверности исторических источников было выдвинуто М.Т. Каченовским и его учениками как обязательное предварительное условие исторического исследования. Отсюда и наименование направления — скептическая школа.

Важной составной частью научной концепции скептиков стало учение об исторической критике. Основное кредо этой школы заключалось в утверждении, что «источник должен пройти через горнило исторической критики». С одной стороны, ведущая роль критики исторического материала в исследовании, а с другой — сложность и кропотливость процедуры анализа исторических источников привели Каченовского к мысли о том, что историческая критика должна стать самостоятельной отраслью в

деятельности историков. Высказанная ученым впервые в 1819 г. эта идея о разделении труда историков отражала определенный уровень процесса дифференциации исторической науки.

На формирование критических взглядов скептиков, безусловно, повлияло сочинение «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлёцером». Труд, которому была отдана вся научная жизнь Шлёцера, вышел в Германии в 1809 г., на русский язык был переведен Д.И. Языковым и публиковался в течение 1809—1819 гг. Система критических приемов, основанная на разработках западноевропейских авторов Б. Кенника, И.Д. Михаэлиса, И.Г. Эйнгорна, Х. Маттеи для изучения Библии, а Х. Гейне и А. Вольфа — для исследования памятников античной литературы, была применена Шлёцером при анализе русских летописей.

Первоначально М.Т. Каченовский положительно оценил методику Шлёцера, выделившего понятия «высшей» и «низшей» критики. Впоследствии, однако, эта методика перестала удовлетворять ученого, и, отталкиваясь от методических приемов Шлёцера, Каченовский предложил свою систему подготовки источников к использованию, включавшую три вида критики: 1) дипломатическую; 2) историческую; 3) археологическую.

Дипломатическую критику обеспечивала дипломатика — вспомогательная наука истории, предметом которой являлись дипломы, или письменные памятники общественных и частных прав и обязанностей. Частью дипломатической критики была графическая экспертиза, которую обеспечивала палеография. Историческая критика являлась, по мнению скептиков, главной стадией подготовки источника к использованию. Суть процедуры на данной стадии заключалась в том, чтобы определить, соответствует ли источник «духу времени». В системе М.Т. Каченовского последним видом критики была археологическая критика, предполагавшая объяснение терминов, званий, должностей, обычаев, обрядов и т.д. Важным моментом в методике Каченовского являлось то, что он предлагал сопоставлять исторические данные о развитии общественной жизни русского народа с ходом исторического процесса других народов, в частности славянских, поскольку в прошлом у разных народов действовали общие законы развития.

М.Т. Каченовский и его ученики изучали древний период отечественной истории, поэтому выработанные критические приемы они пытались приложить в первую очередь к таким письменным источникам, как летописи, Русская Правда, «Слово о полку Игореве». Особое внимание они уделяли стадии их исторической критики. Однако неопределенность понятия «дух времени» приводила к тому, что его содержание задавалось историками априорно. У скептиков конкретно-исторический контекст («дух времени»), в который они вписывали сведения летописей и Русской Правды, характеризовался однозначно как дикий, «баснословный» период отечественной истории. Основываясь на этом положении, скептики пришли к выводу о невозможности создания на Руси в конце XI — начале XII в.

подобных летописных и законодательных памятников, свидетельствующих о высокой степени общественного развития. В итоге подвергалась сомнению достоверность русских письменных источников, опровергались принятые датировки и предлагались другие, более поздние XIII—XIV вв.

Помимо изучения письменных источников, Каченовский занимался нумизматикой: исследовал денежную систему Древней Руси, описывал русские и зарубежные монеты, разрабатывал методику датировки монет.

В Московском университете оппонентом скептиков выступил профессор Михаил Петрович Погодин (1800—1875). Погодин был выпускником словесного отделения. Свою преподавательскую деятельность в университете он начал в 1826 г. с чтения курса всеобщей истории, а в 1828 г. стал преподавать русскую историю. В 1835 г. Погодин был назначен заведующим впервые созданной в Московском университете кафедрой отечественной истории и оставался в университете до 1844 г. Еще в студенческие годы его заинтересовали проблемы археологии. В 1819/20-м академическом году он написал работу «Опыт рассуждения о науках, способствующих распространению археологических познаний». Работа была высоко оценена университетскими специалистами в этой области: М.Т. Каченовским, Р.Ф. Тимковским, Н.Е. Черепановым, М.И. Гавриловым. В студенческом сочинении Погодина археология была представлена в узком смысле слова — как наука о древних художественных памятниках. В этой работе, в частности, писалось о необходимости развития отечественной археологии, для чего требовалось собрание и точное описание памятников по истории России. Позднее ученый продолжал следить за процессами, протекавшими в археологии, и анализировать их. Сам он внес заметный вклад в собирательство исторических материалов, составляя с 1830-х годов хорошо известное современникам Древлехрамнище — собрание рукописных и печатных книг, актов, монет, печатей, древних вещей.

Во многих своих трудах Погодин выступал против методологических подходов скептиков к историческому процессу и их основных конкретно-исторических выводов о древнейшем периоде истории Руси. В отличие от скептиков он отстаивал своеобразие русской истории. Его диссертация «О происхождении Руси» (1824 г.) была направлена против выводов М.Т. Каченовского о хазарском происхождении русских князей. Погодин отстаивал норманское происхождение Русского государства.

В изучении русской истории древнейшего периода важным источником были летописи. В 1839 г. Погодин подготовил труд «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей», где доказывал подлинность Первоначальной летописи, авторство которой историографическая традиция того времени приписывала Нестору. Он выработал свой, «математический», метод изучения источников. Основным приемом этого метода было механическое суммирование отдельных сведений источников о фактах и особенностях изучаемых общественных процессов и явлений. Такой формальный подход вызвал критику уже у современников Погодина. Однако в предложенном им методе было и рациональное зерно — призыв к тщательному и всестороннему изучению

памятников. Он писал, что «никакая теория, даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны... прежде нежели соберутся, очистятся, проверятся, утвердятся бытии. деи»; «не обработав источников, некоторых хотя вчерне, нельзя строить систем...»¹⁸.

В первой половине XIX в. на процесс развития отечественной археологии и в тогдaшнем понимании ее предмета, задач и методов активно влияли и другие ученые — воспитанники Московского университета. Многие выпускники словесного отделения, учившиеся здесь в 1800—1830-е годы, внесли заметный вклад в ее становление и развитие. Среди них — Константин Федорович Калайдович (1792—1832), Павел Михайлович Строев (1796—1876), Иван Михайлович Снегирев (1793—1868), Иван Петрович Сахаров (1807—1863), Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873) и другие. В XIX в. этих ученых называли археологами, хотя они не занимались археологией в нынешнем толковании ее как науки, изучающей историю человечества по предметам и сооружениям, т.е. по вещественным источникам¹⁹. Это наименование говорит о том, что археология понималась тогда как широкий спектр деятельности историков, связанный с поиском и публикацией разнообразных исторических источников, а также их критикой.

К.Ф. Калайдович осуществлял поиск источников в архивах, у населения, в церквях и монастырях и открыл для науки уникальные материалы: Изборник Святослава 1073 г., Судебник 1497 г., известный до настоящего времени в единственном экземпляре. Он опубликовал многие источники, составил каталоги библиотек и рукописных собраний. Деятельность Калайдовича способствовала становлению ряда вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, хронологии и др.

П.М. Строев проявил себя на поприще поиска источников и их публикации. В 1823 г. при вступлении в члены Общества истории и древностей российских он произнес речь, которая стала программой в этой области. Им было положено начало целенаправленной археографической деятельности. Став сотрудником кружка Н.П. Румянцева, Строев начал совершать поездки в провинциальные архивы и обследовал там частные собрания. Его деятельность по собиранию документального материала инициировала создание Петербургской археографической комиссии, которая сначала существовала как временное учреждение для публикации найденных документов, а затем получила статус постоянного учреждения, главной задачей которого стала публикаторская деятельность. По примеру этой комиссии в 1830—1850-е годы стали создаваться аналогичные научные учреждения на окраинах Российской империи.

Если преподавание археологии и «вспомогательных наук истории» в течение первых трех десятилетий XIX в. имело целью дать представление начинающим исследователям о достижениях преимущественно

¹⁸ Цит. по: *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Ростов-на-Дону, 1989. С. 223, 224.

¹⁹ См., например: *Формозов А.А.* Указ. соч. С. 218; *Аникович М.В.* О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук: Сб. статей. Л., 1988. С. 76; *Авдусин Д.А.* Археология // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 121—123.

западноевропейской археологии, то деятельность университетских ученых в Обществе истории и древностей российских способствовала становлению науки об отечественных древностях и ее составных частях — вспомогательных исторических дисциплин. Члены Общества подготавливали исторические источники для публикации, в своих периодических изданиях печатали собственные труды об отечественных исторических памятниках и конкретных проблемах истории России.

С 1840—1850-х годов начал обсуждаться вопрос о специфике науки археологии в России. «К 40-м и 50-м годам XIX столетия надо отнести начало научной разработки русских археологических богатств...», — писал в начале XX в. Ю.В. Готье²⁰. В начале XX в. Н.Н. Ардашев перевел на язык современной ему исторической науки теоретические рассуждения ученых, работавших в середине XIX в. в области археологии. Сущность археологии, как ее трактовали многие историки в середине XIX в., тождественна у Н.Н. Ардашева сущности источниковедения. Он писал: «Археология, наряду с историей, как бытописанием, некоторым жизневедением, является историческим источниковедением»²¹; «Археология есть историческое источниковедение, обнимающее собою источниковедение вещественное, письменное и устное со всеми внутренними подразделениями»²².

Процесс становления исторического источниковедения как особой области исторического научного знания занял длительное время. Важным его фактором выступила как учебная, так и научная деятельность преподавателей Московского университета в первой трети XIX в., определившая на несколько десятилетий вперед перспективы развития археологии — предшественницы исторического источниковедения.

Развитие источниковедения в середине XIX — начале XX в.

В развитии источниковедения в России середины XIX в. заметную роль сыграли работы, посвященные исследованию древнего русского летописания и Русской Правды. Среди авторов трудов по этой проблематике был и профессор Московского университета Н.В. Калачов (1819—1885), впоследствии глава Московского архива Министерства юстиции, выдающийся авторитет в области архивного дела. Изучение правовых документов по российской истории он начал еще в студенческие годы, напечатав статьи, посвященные Судебнику 1550 г. По окончании университетского курса им было опубликовано в различных периодических изданиях несколько рецензий на труды по гражданской истории и истории древнерусского права, специальные работы о Кормчей, Мерице Праведном, Псковской судной

²⁰ Готье Ю.В. Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории: Сб. статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. 133.

²¹ Ардашев Н.Н. Иван Егорович Забелин как теоретик археологии. М., 1909. С. 16 (отд. отт.).

²² Ардашев Н.Н. Граф А.С. Уваров как теоретик археологии // Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1911. Т. 23. Вып. 1. С. 35.

грамоте²³. Для всего научного творчества Н.В. Калачова в области источниковедческого изучения памятников российской истории характерен юридический подход.

Основное внимание в своей исследовательской деятельности еще со времен магистерской диссертации Калачов сосредоточил на Русской Правде, которая, по его словам, относится «к числу важнейших источников для истории нашего древнего права» и является одним «из драгоценнейших памятников отечественной письменности»²⁴. Создавая труд, посвященный предварительному изучению Русской Правды, ученый прежде всего разработал широкую программу исследования этого памятника, опираясь на всесторонний анализ литературы своих предшественников. Теоретическое обоснование источниковедческого изучения Русской Правды было для своего времени неординарным явлением в разработке историко-правовых документов²⁵. Исходя из намеченной программы, Калачов провел критическое обозрение списков Русской Правды со стороны юридической и разделил их на так называемые четыре фамилии, т.е. разряды, с целью выявления общих признаков всех списков и отличительных черт каждого разряда. После этого им было дано обозрение списков каждого разряда в отдельности. Главное внимание исследователь сосредоточил на восстановлении и издании текста Русской Правды по основным разделам права. Весьма полезной оказалась последняя часть сочинения Калачова, содержащая характеристику юридических памятников, в которых были представлены или полный текст Русской Правды, или ее отдельные статьи. Не все принципы и методические приемы, предложенные Калачовым, получили одобрение современников и последующих исследователей. Не оправдал себя, прежде всего, сугубо юридический подход к правовому памятнику, не все выделенные фамилии списков базировались на точном учете их признаков и т.д. Однако и труд В.Н. Калачова о Русской Правде, и вся его научная деятельность оказали плодотворное влияние на развитие отечественного источниковедения²⁶.

В последней трети XIX в. источниковедческие исследования и в Петербурге, и в Москве переживали период взлета. Прирост позитивного исторического знания происходил главным образом за счет частных монографических исследований и разработки отдельных видов источников. В 1871 г., выступая на I археологическом съезде, В.Н. Калачов отметил, что уровень, достигнутый исторической наукой к тому времени, неуклонно требовал усиленных занятий специальными историческими дисциплинами, прежде всего — источниковедением, археографией и архивоведением²⁷. Историки Московского университета внесли весомый вклад в реализацию этой задачи, главным образом в источниковедческие исследования материалов эпохи Московского государства.

²³ Калачов Н.В. О Судебнике царя Ивана Васильевича // Юридич. записки. 1841. Т. 1; Чтения ОИДР. М., 1847. № 3. Отд. 1; То же. № 4. Отд. 1; Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1. Отд. 3; и др.

²⁴ Калачов Н.В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды». М., 1846.

²⁵ Проппштейн А.И. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону. 1989. С. 283.

²⁶ Там же. С. 283–284.

²⁷ Там же. С. 263.

Наиболее яркие страницы в истории источниковедения конца XIX -- начала XX в. связаны с творчеством профессора В.О. Ключевского. Василий Осипович начал преподавательскую деятельность в Московском университете в 1879 г. Кандидатское сочинение Ключевского и его магистерская диссертация отразили накопленный опыт исследования крупных самостоятельных комплексов источников по отечественной истории. Первое из них -- «Сказания иностранцев о Московском государстве» (Пг., 1918) -- было написано в 1866 г. на основе материалов, собранных в студенческие годы. Оно далеко не перекрывало всей совокупности иностранных источников по русской истории, известных в середине XIX в., и, по позднейшим высказываниям самого В.О. Ключевского, не воспринималось им как серьезный научный труд. Тем не менее, эта работа, во-первых, показала несомненный интерес молодого историка к группировке и анализу источников, во-вторых, уже в наши дни обрела «вторую жизнь» в качестве популярного чтения. И сегодня многие конкретные наблюдения автора об отдельных исторических памятниках, а также общая оценка информационного потенциала записок иностранцев не утратили своего научного значения.

На порядок более значительным трудом была магистерская диссертация В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871 г., защищена в 1872 г.). Жития заинтересовали Василия Осиповича как материал, из которого, предположительно, можно было извлечь информацию о процессе колонизации Северо-Восточной Руси. Однако после долгой и кропотливой работы в архивах по выявлению 160 житийных произведений в 250 редакциях по спискам, число которых достигало пяти тысяч, историк пришел к выводу, что как раз по интересующей его проблеме в агнографических сочинениях сведений крайне мало. Данная точка зрения позднее встретила ряд возражений и в настоящее время должна считаться дискуссионной. Вместе с тем «Древнерусские жития святых как исторический источник» воспринимались во второй половине XIX в. как источниковедческое новаторство и оказали значительное влияние на историографию вопроса. Кроме того, Н.Л. Рубинштейн отмечал названный труд в качестве «методического достижения» В.О. Ключевского, а Л.В. Черепнин считал его «настоящим источниковедческим шедевром»²⁸.

В 1880—1890-е годы Ключевский, тогда уже признанный ученый, прочитал в Московском университете специальный курс лекций, посвященный вопросам источниковедения. К сожалению, сохранились только отдельные литографированные лекции и несколько автографов с набросками текста к вводной части курса, частично датированные²⁹. Этот курс был по своей проблематике первым в России, но уже в те годы воспринимался не как пробная, а скорее как этанная, обобщающая работа.

Цель курса, кратко сформулированная в четвертой лекции, была такова: «... видеть, как у нас понимали в разное время задачи исторической критики и сообразно с тем какие критические приемы прилагались к

²⁸ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 448; Черепнин Л.В. В.О. Ключевский как источниковед // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 338.

²⁹ Ключевский В.О. Курсы лекций по источниковедению // Соч. М., 1959. Т. 6: Специальные курсы. С. 5-87, 474-481.

источникам нашей истории... Так, рассматривая перемены в понимании задач исторической критики, мы уясним, в каком порядке шла разработка наших исторических источников и какой степени обработки достигли те либо другие из них; следовательно, нам станет ясно, какие из этих источников требуют дальнейшей обработки»³⁰. Однако действительное содержание курса оказалось значительно полнее. Представленный в нем обзор источников охватывает памятники начиная с древнейших летописей и до конца XVII в. и содержит также замечания по состоянию источников XVIII в.

В.О. Ключевский выделил два основных «разряда» русских источников: литературные (как, например, летописи) и деловые (прежде всего, актовые материалы). Ученый отметил сложность комплексного использования обоих «разрядов» для реконструкции исторической действительности: «По-видимому, одни памятники проверяются другими, и эта проверка дает возможность составить себе общее впечатление, уловить самый, так сказать, темп жизни... Беда в том, что памятники того и другого рода в нашей истории встречаются, но не сопровождают [друг друга], встречаясь лишь на короткое время»³¹.

Наиболее оригинальные идеи В.О. Ключевского относительно задач и приемов исторической критики, их зависимости от особенностей отдельных групп источников и конкретных памятников сохранились в авторских набросках к вводным лекциям курса. Среди таких идей заслуживают упоминания определение исторического источника и сформулированные Ключевским общие основы исторической критики. Он писал: «Исторические источники — это или письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных людей и целых обществ». Вещественными памятниками, по его словам, «ведает археология, у которой своя критика с особыми приемами. Историческая критика в принятом смысле ведает собственно словесными памятниками письменности, в которых рассказываются события или изображаются отношения минувших времен. Они передают житейское явление (событие, мысль, чувство) словом, а не наглядным знаком или художественным образом. Неверное отражение действительности в таком памятнике происходит от двух причин: или испорчен текст его и потому неверно передает[ся] мысль автора, или самая мысль автора намеренно или ненамеренно неверно передает действительность»³². Задача, поставленная Василием Осиповичем перед отечественной исторической наукой, сохраняет свою актуальность и сегодня: «Разборка и критическая разработка источников — работа, стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории. Наша историография ещё надолго должна оставаться преимущественно исторической критикой»³³.

Ученый дал характеристику источникам по средневековой русской истории, разбив два общих разряда на ряд более мелких групп. Не придавая особого значения классификации источников, В.О. Ключевский стремился

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же. С. 475–476.

³³ Там же. С. 475.

прежде всего установить хронологию смены основных, т.е. наиболее информативных на определенный период видов источников другими видами. Особое внимание в курсе уделено летописям и хронографам; житиям святых; актовому материалу в самом широком смысле этого понятия; крупным памятникам русского законодательства, в частности Судебнику 1497 г. Очень кратко в заключительной лекции охарактеризованы приказная документация XVI—XVII вв., в том числе писцовые и переписные книги, а также десяти.

Особый акцент сделан на актовом материале. Историк фактически поставил перед молодой аудиторией задачи перспективной разработки этого вида источников. Он считал необходимым осуществить разработку и «систематическое издание актов правительственных и частных», а также провести «изучение техники и специального значения разных родов актов как исторических источников, т.е. изучение того, какого рода материал можно извлечь из тех и других актов»³⁴. Вторая задача к настоящему моменту может считаться выполненной благодаря достижениям актового источниковедения и дореволюционной, и советской историографии. Этого нельзя сказать о первой задаче, которая сохраняет свою актуальность и в наши дни, поскольку миллионы единиц хранения актовых материалов XVI и XVII вв. не изданы.

В своем курсе В.О. Ключевский сделал несколько важных методических замечаний, сохранивших значение и для современной источниковедческой практики. Во-первых, он отметил типичные трудности, возникающие при работе с источниками по средневековой русской истории. Прежде всего, это сложность прочтения текстов из-за многочисленных искажений, сделанных переписчиками, или из-за лексики, а точнее сказать, — терминологии древнерусских памятников. Этой проблеме В.О. Ключевский придавал особое значение. В 1884—1885 гг. им был прочитан специальный курс «Методология и терминология». Во второй части курса — «Терминология русской истории»³⁵ — содержатся пояснения к социальному устройству русского общества разных веков и даются расшифровки слов, обозначающие архаичные социальные явления. Это, можно сказать, заготовка к словарю древнерусского языка, и она в значительной степени дополняет курс по источниковедению. Помимо общих и наиболее сложных проблем работы с древнерусскими памятниками Ключевский остановился на вопросах источниковедения конкретных их видов. Так, в отношении летописей им было обращено внимание на использование «неодинакового летосчисления» и, кроме того, на непривычную для позднейших времен редакционную технику древних летописных сводчиков³⁶.

К курсу источниковедения непосредственно примыкают две частные работы В.О. Ключевского. Одна посвящена Русской Правде, другая — Псковской Судной грамоте. Они имеют учебно-методическое значение и представляют собой своего рода пособия для занятий на семинариях. Обе

³⁴ Там же. С. 17—18.

³⁵ Там же. С. 129—275.

³⁶ Там же. С. 6—11.

работы состоит из небольшого вступительного слова, текста источника, переведенного на литературный язык XIX столетия, а также комментариев к нему.

Значительный круг источниковедческих проблем был затронут В.О. Ключевским в рецензиях, отзывах на исторические труды своих коллег, учеников, современников, в отдельных заметках и выступлениях. На значение этих материалов в раскрытии методики источниковедческого анализа обратил внимание Л.В. Черепнин в научном докладе, прочитанном в 1946 г. на заседании ученого совета МГИАИ, посвященном памяти выдающегося профессора Московского университета. Докладчиком были отмечены сформулированные Ключевским принципы работы с источниками. Среди них выделялись непосредственное знакомство с документами, прежде всего в архивах, внимание к внешним особенностям памятников письменности, их палеографическим деталям, эволюции языковой лексики и изменению смыслового содержания отдельных понятий, установлению различий между условной формой документа и его реальным историческим содержанием и т.д.³⁷ Интересны идеи Ключевского, касающиеся формирования источниковедческой базы исследования. Он предостерегал от опасности изолированного анализа источника, вне связи с другими, которые могут пролить свет на его содержание. Одним из первых Ключевский обратил внимание на специфику информации, которая была присуща различным категориям нарративных источников (например, сказаниям о Смутном времени): эти памятники нельзя оценивать по меркам, принятым для деловых бумаг. Чрезвычайно важны замечания Василия Осиповича о правомерности вопросов, задаваемых исследователем источнику, их обусловленности заложенной в документе информацией.

В последнее десятилетие XIX — начале XX в. в Московском университете сложилась плеяда известных ученых, специализировавшихся по экономической и социально-политической истории Московского государства. Впоследствии их творческие интересы разошлись в широком диапазоне, но на протяжении указанного периода они были связаны с отечественной историей XVI — XVII вв., реже — XV в. Эту плеяду в историографии нередко именуют школой Ключевского. К ней относятся П.Н. Милоков, Н.А. Рожков, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, В.И. Пичета и другие. Все они в разное время преподавали в Московском университете.

В силу первичной своей научной специализации они разрабатывали один и тот же вид источников — старомосковскую приказную документацию, включавшую приходно-расходные и описные книги, десяти, разряды всякого рода, писцовые и переписные книги, воеводскую отчетность. У каждого из них сформировались великолепные навыки источниковедческой практики, стремление к тому, чтобы вводить в научный оборот все новые комплексы актового материала, осуществлять их академическую публикацию и добиваться по приказным материалам, как говорил один из историков того времени, «математической точности» в исторической реконструкции. Московские историки школы Ключевского составили обширные историко-экономические описания отдельных регионов Московского

³⁷ Черепнин Л.В. В.О. Ключевский... С. 332–340.

государства, создали систематическое представление о главных видах, информативности и количественных параметрах «деловых» источников XVI – XVII столетий, уверенно используя статистические приемы их обработки³⁸.

Отличие школы Ключевского от петербургских историков, занимавшихся источниковедческими исследованиями, в том, что петербуржцы стремились выделить критику источников как самостоятельный, а иногда и самоценный этап исторического исследования, тогда как москвичи были ближе к идее гармонического слияния источниковедческих разысканий и собственно исторической реконструкции.

В последней четверти XIX — начале XX в. Московский университет также славился блестящей когортой специалистов по западноевропейской средневековой истории — школой Виноградова. Из московских медиевистов особым интересом к источниковедению отличались, прежде всего, сам П.Г. Виноградов, которому принадлежали труды по истории Италии и Англии, а также Р.Ю. Випнер. Его колоссальный труд (объемом более 700 страниц) «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» (М., 1894) был подготовлен в качестве магистерской диссертации, однако автору сразу присвоили звание доктора.

Таким образом, к началу XX в. в Московском университете сложилась фундаментальная традиция научного источниковедения, в основу которой легли в первую очередь исследования об источниках по русской истории. Аналитические методики, а также конкретные результаты, полученные университетскими учеными тех лет, в целом ряде случаев актуальны до настоящего времени.

Учебная литература по источниковедению

Для периода 1920-х — первой половины 1930-х годов характерна определенная фрагментарность в разработке проблем источниковедения, что было обусловлено существенной организационно-структурной перестройкой высшего исторического образования, проводившейся после Октябрьской революции. Закрытие историко-филологического факультета нарушило и преподавание, и изучение истории в стенах первого российского университета. Несмотря на это, преемственность в развитии традиционных областей источниковедения (история древнего мира, западноевропейская медиевистика, русское средневековье) и подготовке кадров по этой специализации была сохранена и получила дальнейшее развитие на факультете общественных наук МГУ и в учреждениях РАНИОН. В 1920-е — начале 1930-х годов появлялись исследования по истории Древней Руси, Российского государства XV – XVII вв. действительных членов и сотрудников Института истории РАНИОН, этнологического и археологического

³⁸ См., например: *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. М., 1882; *Он же.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. М., 1892; *Рождков П.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVI в. М., 1906; *Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI века: Сб. статей, посвященный В.О. Ключевскому. М., 1909; *Пичета В.И.* Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1917. Ч. 1–2.

отделений МГУ, первые труды аспирантов этих учебно-научных структур³⁹. В них обнаружили новаторские тенденции в развитии науки, связанные с расширением проблематики, постановкой задач источниковедческого изучения документов нового и новейшего времени, выработкой новых подходов к анализу источников: более глубокий и последовательный историзм в трактовке памятников, обращение к приемам социально-классового анализа текстов источников и т.д.⁴⁰ В развитии навыков исторической критики различных видов источников по отечественной истории большую роль сыграли как работа многих будущих профессоров истфака МГУ по выявлению и сбору различных документов и материалов, которой они занимались в старых и вновь создаваемых музеях⁴¹, так и их участие в издании исторических памятников⁴².

Создание в 1934 г. в МГУ исторического факультета как самостоятельного подразделения способствовало развитию научных исследований в области истории, в том числе и источниковедческих. Одним из важных направлений развития научного знания в этой области явилась подготовка в 1940—1970-е годы ряда учебных изданий. Это происходило на фоне расширяющегося изучения отдельных комплексов источников или отдельных групп документов, отражавших историю нашей страны. При этом источниковедческие исследования были весьма неравномерно распределены применительно к конкретным периодам и этапам отечественной истории. В силу развитой историографической традиции, наличия значительного числа высококвалифицированных источниковедов, в том числе и молодых, на протяжении 1940—1960-х годов в Московском университете, и в целом в советской историографии, наиболее последовательно осуществлялась разработка источников по истории Древнерусского государства и русского средневековья. Именно в этой области велась активная публикация источников, создавались монографические источниковедческие исследования, в научной исторической периодике появлялись проблемные статьи, принадлежавшие перу ведущих профессоров и преподавателей исторического факультета МГУ⁴³.

³⁹ *Богословский М.М.* Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах // Учен. зап. Ин-та истории РАН ИОН. 1927. Т.II; *Бахрушин С.В.* Торговые крестьяне XVII в. // Там же. 1928. Т.V; *Готье Ю.В.* Первый набросок Екатерининской административной реформы // Там же. 1929. Т. IV; *Базилевич В.К.* Новгородский устав 1667 г. // Известия АН СССР. VII серия. 1932. № 7; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929; *Тихомиров М.Н.* Феодальный порядок на Руси. М.; Л., 1930; *Дружинин Н.М.* Крестьянские восстания XVII века. М., 1932; и др. Подробнее см.: *Калистратова Т.И.* К истории научной деятельности Института истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929) // Проблемы истории СССР. М., 1985. Вып. XIII; *Она же.* Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Нижний Новгород, 1992.

⁴⁰ *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926; *Нечкина М.В.* Общество соединенных славян. М.; Л., 1927; *Кафенгауз Б.Б.* Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М., 1928; *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

⁴¹ Например, многолетняя работа М.Н. Тихомирова в отделе рукописей ГИМ, Н.М. Дружинина – в Музее Революции.

⁴² «Книга о скудности и богатстве» И.Т. Посошкова / Сост. и ред. Б.Б. Кафенгауз. М.; Л., 1937; «Правда Русская». М.; Л., 1940. Т.I / Под ред. Б.Д. Грекова и при участии М.Н. Тихомирова.

⁴³ См., например: Военные уставы Петра Великого / Сост. и авт. комм. П.П. Елифанов; Под ред. Н.Л. Рубинштейна. М., 1946; Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М., 1948 / Сост. и ред. М.Н. Тихомиров; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XV–XVI вв. / Сост. и ред. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч.1; М., 1961. Ч. 3 / Сост. и ред. Л.В. Черепнин; *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941; *Черепнин Л.В.* Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1945. Т.14; *Тихомиров М.Н.* О частных актах в Древней Руси // Исторические записки. 1945. Т.17; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2; *Мирасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XVI веков. М., 1966; и др.

Значительное и самостоятельное место занимали сюжеты источниковедения в трудах, посвященных конкретно-исторической проблематике русского средневековья⁴⁴. Важным новаторским достижением в области изучения материалов по истории Древнерусского государства и российского феодализма стало зарождение комплексного источниковедения. Его основным принципом было проведение научных изысканий на основе письменных и вещественных памятников, графических и изобразительных источников, а также фольклористики таким образом, чтобы все эти материалы изучались как единая система, определенный, внутренне связанный документальный комплекс⁴⁵.

Специальное источниковедческое исследование документов XVIII—XIX вв. вплоть до рубежа 1950—1960-х годов было весьма редким явлением. Данное направление отечественного источниковедения зарождалось в процессе активной разработки сюжетов российской истории, относящихся к Новому времени. Разработка эта осуществлялась на базе значительных документальных комплексов, впервые вводимых в научный оборот, что потребовало их описания и источниковедческой характеристики. Именно в этом состоит значение для отечественного источниковедения трудов Н.М. Дружинина, П.А. Зайончковского, Б.Б. Кафенгауза, М.В. Нечкиной, А.М. Панкратовой, Н.Л. Рубинштейна, А.Л. Сидорова и других преподавателей кафедры истории СССР истфака МГУ⁴⁶. Большое место в исследовательской деятельности сотрудников факультета в 1940-е — начале 1960-х годов занимала публикация источников⁴⁷. Изредка на страницах исторической периодики, особенно специальной («Проблемы источниковедения»), появлялись обзоры отдельных документальных комплексов XIX — начала XX в., представлявшие главным образом изложение содержания

⁴⁴ См., например: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVI в. М., 1946; 2-е изд. — 1952—1954; *Базилевич К.В.* Образование Русского национального государства. Иван III. М., 1946; *Тихомиров М.И.* Древнерусские города. М., 1946; *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947; *Тихомиров М.И.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; *Рыбаков Б.А.* Образование Древнерусского государства. М., 1955; *Черетин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; и др.

⁴⁵ Формирование и проявление этой традиции можно наблюдать в следующих работах: *Ариховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948; *Тихомиров М.И., Ариховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951). М., 1953; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Он же.* Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1977; *Яшин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

⁴⁶ См., например: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946; 1958. Т. 1—2; *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М., 1949. Т. 1; *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—2; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958; *Федосов И.А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958; *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М., 1959; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; и др. Подробнее см.: Историческая наука в Московском университете, 1934—1984. С. 87—88, 97—101, 123—124.

⁴⁷ См., например: Хрестоматия по истории СССР 2-е изд. / Сост. С.С. Дмитриев. М., 1952. Т.3. 1857—1894; Рабочее движение в России в XIX веке / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1950—1957. Т. 1—3. По инициативе и при активном участии профессоров истфака П.А. Зайончковского и А.Л. Сидорова были осуществлены публикации дневников и воспоминаний видных государственных деятелей России XIX — начала XX в.: Д.А. Милютин, П.А. Валуев, А.А. Половцев, С.Ю. Витте и др. Историки МГУ принимали участие в академических изданиях, таких как «Восстание декабристов», «Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополюстического капитализма в России» (М., 1959); и др.

источников без исследования их происхождения, всесторонней оценки полноты, достоверности и представительности их сведений. Проблема определения всего состава корпуса источников Нового и новейшего времени была поставлена позднее⁴⁸.

С возобновлением в 1934 г. в Московском университете полномасштабной специализации в области исторической науки студентам истфака читались лекции по проблемам источниковедения. Главными задачами, вставшими перед профессорско-преподавательским коллективом истфака, стали подготовка полноценного курса источниковедения отечественной истории с древнейших времен до современности и создание соответствующей учебной литературы. Разработкой программы курса занималась комиссия, в которую в разные годы входили М.Н. Тихомиров, С.А. Никитин, Г.А. Новицкий, Е.А. Луцкий (1907—1991) и другие ученые. Проводившаяся работа очень скоро дала свои результаты. В 1940 г. был издан курс «Источниковедение истории СССР», утвержденный Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Учебник вышел с логотипом «Главное архивное управление НКВД СССР. Историко-архивный институт», поскольку его авторы, редактор (академик Ю.В. Готье) и рецензенты являлись по совместительству сотрудниками этого института и именно там начиналась разработка курса. В учебнике, состоявшем из двух томов, нашли также отражение материалы лекций по источниковедению, читавшиеся в МИФЛИ доцентом С.А. Никитиным.

Первый том, написанный М.Н. Тихомировым, впервые в отечественной историографии содержал обзор всех основных видов источников по русской истории с древнейших времен до конца XVIII в. В учебнике, особенно в его начальном разделе, были всесторонне рассмотрены источники, характеризующие эпоху создания древнейших государств народов СССР, в том числе разнообразные памятники древневосточных, греческих, римских, византийских, арабских, персидских и других авторов. В основе систематизации материала лежал хронологический принцип, т.е. выделение отдельных этапов формирования русской государственности, что обусловило неоднократное обращение к одним и тем же видам источников (например, летописям, литературным памятникам) в разных разделах учебника. Новый учебник существенно отличался по своему содержанию от дореволюционных курсов, и прежде всего от курса В.О. Ключевского, в котором был представлен обзор более ограниченного круга источников и в основном только до XVIII в. М.Н. Тихомиров видел важность задачи исследования проблем источниковедения и в связи с тогдашней критикой школы Покровского, который многие свои концепции создавал преимущественно на информации, заимствованной из литературы.

Несомненное достоинство труда М.Н. Тихомирова состоит в характеристике и оценке уровня источниковедческой разработки отдельных видов и групп источников в отечественной историографии, в воспроизведении разных точек зрения на спорные проблемы. Заслугой М.Н. Тихомирова стало описание основных комплексов источников по истории России XVIII в. Конечно, многие характеристики были весьма краткими: всего шесть строк посвящено периодике, менее десяти страниц — мемуарной литературе. Однако само наличие подобного раздела в учебнике явилось значительным шагом вперед не только в учебной

⁴⁸ См.: *Ворожкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985. С. 30, 34, 133–138.

литературе, но и в разработке принципов научного описания документов нового времени в отечественной историографии.

М.Н. Тихомиров сравнительно мало внимания уделял теоретическим проблемам источниковедения, в том числе определению исторического источника. Автор видел задачу курса в обзоре источников по истории СССР, в раскрытии приемов критического подхода к ним, что должно было способствовать выработке умения правильно их оценить и использовать. Критика отдельных групп источников или конкретных памятников, как правило, основывается у него на особенностях их происхождения, последующего бытования и т.д.

Характеристику содержания и оценку значения разнообразных письменных свидетельств по русской истории, особенно литературно-художественных, публицистических и исторических произведений, М.Н. Тихомиров часто давал, руководствуясь патриотической идеей. Так, в своем описании «Слова о полку Игореве» он подчеркивал: «Храбрые русичи и Русская земля — вот тема «Слова о полку Игореве», которое приобретает для нас особенный интерес как подлинная героическая поэма о Руси конца XII в., имеющая громадное значение в истории русской культуры». В этом проявились и особенности периода, когда появился учебник, и более общее свойство творчества выдающегося историка, о чем писали его коллеги-современники. «Он видел глубокие корни патриотизма в далеком прошлом и заботился, чтобы люди не забыли великих деяний предков русского народа в борьбе с германской агрессией, с польскими интервентами, татарскими ордями. Тихомиров дал благородный пример советским людям в их патриотизме, научной объективности и верности науке». — писал в сентябре 1965 г. А.Л. Сидоров⁴⁹.

С.А. Никитин, автор второго тома курса «Источниковедение истории СССР», прежде всего отмечал трудности и сложности создания своего раздела учебника. Они были обусловлены как уровнем источниковедческой разработки документов по истории России XIX в., сравнительно небольшим масштабом введения их в научный оборот, так и увеличением типологического разнообразия документов, усложнением их содержания, расширением социально-классового состава их авторов. Значение данного учебного издания в том, что оно инициировало дальнейшее развитие проблематики источниковедческих исследований и совершенствование методики их исторической критики.

В отличие от М.Н. Тихомирова С.А. Никитин систематизировал материал по типологическому принципу. В составе корпуса исторических источников по истории XIX в. он выделил шесть основных комплексов, сформировавшихся в процессе развития российского общества: законодательство и государственное делопроизводство; статистические материалы; описания путешественников; мемуары и дневники; частная переписка; периодика; памятники общественно-политической мысли. Седьмой комплекс представлен записками и мемуарами иностранцев. С.А. Никитин очень точно учел своеобразие эволюции экономико-статистических материалов, выделив пореформенную статистику в отдельную главу. В томе характеризуются также документы вотчинного делопроизводства и публицистики.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 632. Карг. 85. Д. 4. Л. 15.

Ученый уделил значительное внимание формулированию общих методологических принципов исторической критики источников новейшего времени, отмечая необходимость разработки приемов источниковедческого анализа в связи с ростом количества источников, усложнением их содержания и развитием литературно-стилистических особенностей, а также увеличением числа документов разных социальных групп. Конкретный обзор источников каждого вида С.А. Никитин предварил изложением общих приемов их источниковедческого рассмотрения. В учебнике максимально учтены первые опыты исторической критики и использования материалов XIX в. в литературе. Автор подробно остановился на традиции изучения земской статистики в историко-экономических исследованиях М.И. Туган-Барановского и В.И. Ленина, а также показал значение источниковедческого анализа проекта Конституции Никиты Муравьева в работе Н.М. Дружинина для понимания отдельных проблем истории движения декабристов. В разделе, посвященном памятникам общественной мысли и публицистике, охарактеризованы видовые особенности отдельных групп материалов этого комплекса и основные приемы их источниковедческого анализа, отмечена ошибочность существовавших форм использования публицистики в исторической литературе.

Научное новаторство труда С.А. Никипина в том, что в нем впервые в систематическом виде был не только дан обзор основных документальных комплексов эпохи, но и изложены основные принципы и приемы их исторической критики.

Многие идеи, заложенные в учебнике 1940 г., не удалось реализовать сразу. В полном объеме к разрешению поставленных перед исследователями проблем удалось подойти только в послевоенные десятилетия. К концу 1950-х годов на историческом факультете МГУ был уже накоплен определенный опыт в анализе источников по истории государства Российской империи с древнейших времен и до конца XVIII в.; более отчетливо формировалось и направление изучения источников XIX — XX вв. Все это обусловило появление новой учебной литературы. Несомненно, значительную роль в этом сыграло учреждение в 1953 г. на истфаке специальной кафедры источниковедения, которую возглавил академик М.Н. Тихомиров, создавший не только хорошо известную в науке школу выдающихся специалистов по источниковедению русских памятников с древнейших времен и до конца XVIII в., но и инициировавший исследование документов по отечественной истории XX в.⁵⁰

В 1962 г. вышла книга М.Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР», допущенная Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для университетов. Изложение материала в новом издании М.Н. Тихомирова было подчинено задаче максимального представления информации о конкретных памятниках, а не характеристике их видовых признаков. Это особенно заметно в описании литературно-художественных произведений, мемуаров,

⁵⁰ Подробнее см.: *Ковальченко И.Д.* М.Н. Тихомиров — основатель и руководитель кафедры источниковедения Московского университета // *Археографический ежегодник за 1973 год.* М., 1974; *Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* М.Н. Тихомиров и Московский университет // *Археографический ежегодник за 1983 год.* М., 1985.

периодики. Главы разделов, как правило, посвящены рассмотрению определенных видовых комплексов (русские летописи; акты; материалы; географические описания и карты; литературные произведения), хотя их видовые наименования не всегда отмечаются (Судебники, Стоглав, Соборное уложение; сочинения XVII в.). Иногда от этого принципа делаются отступления (архивные материалы; источники по социально-экономической истории).

Объем материала отдельных разделов и глав наглядно свидетельствует о степени изученности различных источников в советской историографии к началу 1960-х годов. Так, вопросам источниковедения летописей XIV—XV вв. отведено 16 страниц текста, а писцовым и переписным книгам — 5; политическая литература и другие сочинения XVI в. рассматриваются на 24 страницах, описание же всей периодики XVIII в. занимает только 6 страниц. В то же время пособие 1962 г. свидетельствовало о появлении новых квалифицированных источниковедов. В написании ряда его глав приняли участие преподаватели и сотрудники истфака МГУ, ученики М.Н. Тихомирова М.Т. Белявский, А.Н. Мальцев (1921—1964), А.В. Муравьев (1924—1993), Л.В. Милов. Все они имели уже определенный опыт в разработке научной источниковедческой проблематики, в создании учебно-методических пособий и публикации документов⁵¹.

Во второй половине 1950-х — 1960-е годы постановка принципиальных проблем источниковедения, задач источниковедческого анализа различных комплексов источников получила отражение в специальной учебной и учебно-методической литературе, подготовленной на истфаке МГУ⁵². Особую роль эти издания сыграли в постановке задач источниковедческой разработки источников по истории российского капитализма и советской эпохи, в изложении опыта критического анализа источников Нового и новейшего времени.

Новым этапом в развитии данного направления стал выход в 1970 г. учебного пособия «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» под редакцией И.А. Федосова (ответственный редактор), И.Д. Ковальченко, И.И. Астафьева. Издание появилось с логотипом «МГУ. Истфак, кафедра истории СССР периода капитализма». Основными авторами были профессора и доценты

⁵¹ М.Т. Белявский входил в состав авторского коллектива вузовского учебника «История СССР. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г.» (М., 1956), участвовал в издании «Хрестоматии по истории СССР, XVIII век» (М., 1963). А.В. Муравьев являлся автором известных учебных изданий — «Палеография: Учеб.-метод. Пособие» (М., 1960); «Очерки истории русской культуры IX—XVIII вв.» (М., 1962, в соавт.). Л.В. Миловым были подготовлены научные исследования: «“Экономические примечания” к Генеральному межеванию второй половины XVIII — начала XIX в. (некоторые вопросы источниковедения)» (Дис. ... канд. ист. наук); «Закон Судный людем» под редакцией М.Н. Тихомирова (М., 1961; сост. и авт. комм.).

⁵² См., например: Антонова С.И., Муравьев А.В., Панфилова А.М. Источниковедение истории СССР: Метод. указания для студентов-заочников ист. ф-тов гос. ун-тов. М., 1965. 2-е изд. М., 1968; 3-е изд. М., 1973; Антонова С.И. Периодическая печать как исторический источник по истории СССР (1895—1917 гг.): Метод. пособие для студентов-заочников ист. ф-тов гос. ун-тов. М., 1966. Вып. 1; Она же. Статистические источники по истории СССР периода капитализма: Учеб. пособие. М., 1968; Ждановская З.В. Большевикская периодическая печать как источник при изучении истории КПСС (1900—1917). М., 1965. По содержанию им близка работа: Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970. Следует напомнить об интересном опыте издания в 1961 г. под редакцией профессора П.В. Савинченко курса лекций об источниках по истории КПСС, который в условиях распространения субконтинизма и волюнтаризма подвергся во многом незаслуженной критике со стороны парторганов. Издания подобного типа выходили и в дальнейшем: Панфилова А.М. Советская периодическая печать как исторический источник. М., 1975; Антонова С.И. Материалы законодательства по истории СССР периода капитализма. М., 1976; Ждановская З.В. Вопросы методики изучения ленинского наследия: Учеб.-метод. пособие. М., 1976.

кафедры И.И. Астафьев, В.А. Вдовин, В.И. Бовыкин, С.С. Дмитриев, П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, Н.С. Киняшина, В.Я. Лаверычев, К.Г. Левыкин, М.Г. Седов, С.М. Сидельников, И.А. Федосов, В.А. Федоров, а также доцент кафедры источниковедения С.И. Антонова. В отличие от учебных изданий М.Н. Тихомирова во введении к новому пособию большое внимание уделялось постановке общеметодологических проблем источниковедения и методических задач изучения источников конкретных исторических эпох.

Изложение материала в четырех первых разделах было дано по проблемно-тематическому принципу (источники по истории социально-экономического развития; внутренней политики; внешней политики; освободительного движения), а в трех последующих — с учетом видовых особенностей отдельных групп источников (периодическая печать; мемуары, дневники, частная переписка; произведения В.И. Ленина). Выбранный принцип затруднил реализацию подходов, сформулированных во введении, заметно снизил показ роли отдельных видов источников. Так, характеристика статистических материалов, появление которых составляет важную черту изменения корпуса источников в новейшее время, оказалась ограниченной только представлением их как источников по социально-экономической истории. Крупнейший документальный комплекс, каким стали в XIX — начале XX в. делопроизводственные материалы, охарактеризован весьма кратко и лишь с точки зрения развития государственного делопроизводства. Раздел об источниках по истории внешней политики касается такого безбрежного моря документов разных видов и разновидностей, что не позволил углубиться в особенности приемов их исторической критики. В смысле систематизации материала данное пособие явилось известным отступлением от более строгих научных принципов учебника С.А. Никитина. Однако оно успешно выполняло функцию справочника для специалистов, занимающихся разработкой конкретных, во многом традиционных проблем истории России XIX — XX столетий; помогало в поиске определенных комплексов документов. Несомненным научным достижением учебного пособия стали главы, посвященные периодической печати (авторы — С.И. Антонова, В.А. Вдовин, С.С. Дмитриев) и источникам личного происхождения (авторы — С.С. Дмитриев, Л.Г. Захарова, В.Я. Лаверычев). Фундаментальностью разработки видовых особенностей соответствующих групп источников, принципов их источниковедческого анализа особенно выделялись главы, написанные профессором С.С. Дмитриевым.

Существенно расширившееся с рубежа 1960 — 1970-х годов в советской историографии исследование теоретико-методологических проблем источниковедения, активизация разработки приемов исторической критики различных видов документальных материалов, прежде всего отражавших историю страны в XIX—XX вв., позволили подготовить новый учебник по курсу «Источниковедение истории СССР», который вышел в издательстве «Высшая школа» в 1973 г. и был рекомендован Министерством высшего и среднего специального образования СССР для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Авторами учебника стали преподаватели кафедры источниковедения, известные исследователи А.В. Муравьев, А.И. Рогов (1935—1996), Л.В. Милов, Л.М. Костюхина,

С.И. Антонова, В.С. Голубцов (1924 - 1988), Ю.А. Мошков. В авторский коллектив вошли С.В. Воронкова, а также преподаватели других кафедр факультета, занимавшиеся проблемами источниковедения в своей научной и педагогической деятельности: М.Т. Белявский, С.С. Дмитриев, В.Я. Лаврычев, В.М. Селунская, В.З. Дробижев, А.М. Панфилова, З.В. Ждановская, А.Т. Маслова. К написанию учебника были привлечены специалисты из других учебно-научных центров (С.О. Шмидт, С.М. Каптанов, М.Н. Черноморский)⁵³. Ответственным редактором учебника стал заведующий кафедрой источниковедения истфака МГУ, профессор И.Д. Ковальченко. В появившихся рецензиях и прошедших обсуждениях новому изданию давалась высокая оценка и с точки зрения его структуры (систематическое изложение в одной книге проблем источниковедения всего корпуса источников по всем периодам отечественной истории), и с точки зрения содержания представленного материала. Учебник отличался особым вниманием к теоретико-методологическим проблемам источниковедения (что нашло отражение прежде всего в главе «Предмет и задачи источниковедения»), постановкой проблемы эволюции видов источников в разные эпохи развития общества, а также видовым принципом систематизации и характеристики материала. Правда, в первом издании видовой принцип был реализован не полностью. Принципиально новым моментом явилось выделение материалов государственного делопроизводства и характеристика их не только применительно к XVI - XVIII вв., но и к эпохе российского капитализма и советского общества. В учебнике были рассмотрены проблемы формирования и развития в XIX—XX вв. документации политических партий и общественных организаций.

Авторами большинства глав второго издания учебника (1981) были преподаватели и сотрудники кафедры источниковедения — А.В. Муравьев, В.А. Плутин, Л.В. Милов, С.В. Воронкова, Г.Р. Наумова, Н.Б. Селунская, В.С. Голубцов, А.К. Соколов, Ю.А. Мошков, Л.Д. Дергачева, — опубликовавшие к этому времени целый ряд научных исследований, в том числе монографических. Редактором второго издания и соавтором главы, посвященной теоретико-методологическим проблемам источниковедения, оставался И.Д. Ковальченко. Видовой принцип систематизации материала проводился в новом издании не только более последовательно (исключенные составили лишь главы об источниках по истории народов СССР), но был органически увязан с изложением методических вопросов.

Методические приемы критики и использования источников были описаны в учебном пособии «Сборнике документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (М., 1980. Вып. 1—2; М., 1982. Вып. 3; М., 1987. Вып.4). Издание было подготовлено преподавателями и сотрудниками кафедры А.В. Муравьевым, В.А. Плутиним, С.В. Воронковой, А.Г. Голиковым, Г.Р. Наумовой, А.К. Соколовым, Л.Д. Дергачевой и вышло под редакцией И.Д. Ковальченко.

⁵³ Перу С.М. Каптанова принадлежит известный труд «Очерки русской дипломатии» (М., 1970). Профессор МГПИИ М.Н. Черноморский был автором первого учебного пособия «Источниковедение истории СССР (советский период)» (М., 1966, 2-е изд. - М., 1976).

Работа по подготовке учебной литературы, проводившаяся на кафедре в 1970—1980-е годы не только способствовала совершенствованию практики преподавания курса источниковедения отечественной истории в вузах страны⁵⁴, но и инициировала научную разработку проблем источниковедения во многих университетах. Это нашло отражение в общем увеличении источниковедческих исследований, нередко принадлежавших перу молодых специалистов; в более активной разработке традиционных и новых областей этой отрасли науки (например, историографии источниковедения) в том числе и в появившихся вузовских научных центрах (Ростовский, Кубанский, Киевский, Днепропетровский госуниверситеты, Университет дружбы народов и др.)⁵⁵. Особо следует упомянуть деятельность заведующего кафедрой источниковедения истории СССР и вспомогательных исторических дисциплин Ростовского государственного университета, профессора Александра Павловича Пронштейна (1919—1998). Выпускник истфака МГУ, ученик академика М.Н. Тихомирова, он создал большую школу специалистов, успешно работающих в университетах Северного Кавказа, написал целую серию новаторских трудов в области источниковедения⁵⁶.

Создание преподавателями кафедр отечественной истории учебной источниковедческой литературы послужило своеобразным импульсом для выхода в 1980-е годы целой серии учебных изданий по проблемам отраслевого источниковедения и на других кафедрах факультета⁵⁷.

В 90-е годы XX — начале XXI в. кафедра источниковедения провела большую работу по подготовке программы курса и учебной литературы по источниковедению, отражающих особенности современного этапа развития отечественной исторической науки, методологических исканий исследователей⁵⁸.

⁵⁴ См. подробнее: *Воронкова С.В., Муравьев А.В.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в системе вузовского преподавания // *История СССР.* 1981. № 4; *Воронкова С.В.* И.Д. Ковальченко и развитие отечественного источниковедения // *Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.* М., 1997. С. 154—155.

⁵⁵ Это подтверждает выход как специализированных источниковедческих изданий во многих вузах страны, так и общих периодических изданий, имевших постоянные рубрики по источниковедческой проблематике. См., например: «Историография и источниковедение» (*Труды УДН*). М., 1974—1981; Источниковедческие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1975; Источниковедческие работы. Тамбов, 1970—1975. Вып. 1—4; Проблемы источниковедения и историографии истории Восточной Сибири. Иркутск, 1982; Историография и источниковедение: Сб. трудов Днепропетровского гос. ун-та. Днепропетровск. Издаётся с 1975 г.; Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. Ростов-на-Дону. Издаётся с 1973 г.; и др.

Об активности преподавателей вузов в разработке проблем источниковедения свидетельствуют публикации материалов III—V Всесоюзных конференций по источниковедению: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Новороссийск, 1979 г. (М., 1979); Актуальные проблемы источниковедения и специальные исторические дисциплины. Днепропетровск, 1983 г. (М., 1983); Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990 г. (Киев, 1990).

⁵⁶ См., например: *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения: Учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 1976; *Он же.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989; *Он же.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону, 1991. См также: Пути познания. Биографические очерки о видных ученых РГУ. Ростов-на-Дону, 1985. С. 178—184.

⁵⁷ См., например: *Бокщанин А.Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981; Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под. ред. В.И. Кузищина. М., 1982; Источниковедение истории Древнего Востока / Под. ред. В.И. Кузищина. М., 1984; *Григорьева И.В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984; *Литтлва Л.П.* И письменные источники по истории Чехии периода феодализма. М., 1985; Введение в специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 1990.

⁵⁸ См., например: *Воронкова С.В.* Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX века. М., 1995.

Накоплению опыта для создания учебника нового поколения способствовал выпуск учебных пособий по отдельным комплексам материалов⁵⁹, подготовка научных трудов⁶⁰ и спецкурсов по проблемам источниковедения малоисследованных и нетрадиционных (т.е. неписьменных) типов исторических источников⁶¹, чтение преподавателями кафедры курсов вспомогательных исторических дисциплин⁶². В рамках этой работы следует особо выделить научно-исследовательскую и педагогическую деятельность профессора В.А. Плутиня, который начиная с 1970-х годов на основе принципов комплексного источниковедения проводил всесторонний и успешный анализ изобразительных источников, прежде всего древнерусской иконописи⁶³.

Важным шагом на пути к созданию учебника нового поколения стала книга А.Г. Голикова и Т.А. Кругловой «Источниковедение отечественной истории» (М., 2000), основанная на материалах авторских лекционных курсов. В отличие от учебного пособия РГГУ⁶⁴, авторы которого сосредоточили внимание на истории источниковедения, теоретико-методологических воззрениях А.С. Лапто-Данилевского и тех комплексах источников, которые были ближе к их научным интересам, курс А.Г. Голикова и Т.А. Кругловой на основе учения об информации дает систематическую характеристику основных видов источников по отечественной истории⁶⁵. Новаторство издания проявилось в новых формах обобщения информации документальных памятников (сводных таблицах), в более подробном освещении методики работы с отдельными разновидностями и группами документов, особенно – редко используемыми в научных исследованиях и нетрадиционными.

⁵⁹ См., например: *Воронкова С.В.* Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX века. М., 1995.

⁶⁰ *Володихин Д.М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993; *Журавлева В.Л.* Серебряное дело городов русского Севера XVII–XIX веков (комплексный анализ письменных и вещественных источников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Лотарева Д.Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994; *Плутин В.А.* Алехан, или Человек со пирамод. Живописное граффито А.Г. Орлова-Чемесенского. М., 1996.

⁶¹ См., например: «Древнерусская книжная культура» (Т.А. Круглова); «Исторический источник в литературной документалистике» (С.В. Воронкова); «Проблемы источниковедения периодической печати второй половины XIX – начала XX в.» (А.Г. Голиков); «Нетрадиционные исторические источники по истории России: тоглы, стихи, песни, реклама, политическая карикатура, ландшафтный дизайн» (А.Г. Голиков); «Русские монеты и эпиграфические памятники как исторический источник» (Д.М. Володихин); «Историко-культурные ценности как объект исследования: проблемы источниковедения вещественных и художественно-изобразительных источников» (Г.Р. Наумова); «Вещественные исторические источники и русская фабрика» (Г.Р. Наумова).

⁶² См., например: «Археология: прошлое и настоящее» (Л.Д. Дергачева, Т.А. Круглова); «Изобразительные источники и вспомогательные исторические дисциплины» (Т.А. Круглова, Г.Р. Наумова); «Русская нумизматика, эпиграфика, бонистика» (Д.М. Володихин); «Историческая топография Москвы» (А.В. Власов); «Проблемы современной исторической демографии» (А.В. Власов); «Историческая топономика Москвы» (А.В. Власов); и др.

⁶³ *Плутин В.А.* Мировоззрение Андрея Рублева: Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974; *Он же.* Древнерусское искусство // История русского и советского искусства: Учеб. пособие. М., 1979; То же. 2-е изд. М., 1989; *Он же.* Андрей Рублев и духовная жизнь Руси конца XIV – первой трети XV веков (Комплексное источниковедение изобразительных и письменных источников). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1994; *Он же.* Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001. В.А. Плутин регулярно читал спецкурсы по данной проблематике. См., например: «Древнерусская живопись: методы источниковедческого анализа»; «“Троица” Андрея Рублева: проблемы изучения памятников древнерусской культуры»; «Московская монументальная живопись конца XIV – начала XVI вв.»; и др.

⁶⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской империи. М., 1998.

⁶⁵ *Голиков А.Г.* Учебный курс «Источниковедение» в свете учения об информации // Проблемы источниковедения и историографии. М., 2000.

Все это свидетельствует о сохранении и развитии на факультете традиции создания учебной источниковедческой литературы, отвечающей запросам времени, требованиям высшего исторического образования и уровню современной исторической науки.

Развитие источниковедения массовых исторических источников и применение количественных методов в их исторической критике и обработке информации (1970—1990)

Формирование и развитие источниковедения массовых исторических источников в МГУ связано прежде всего с деятельностью научного коллектива кафедры источниковедения исторического факультета, с 1966 по 1995 г. возглавляемой академиком Иваном Дмитриевичем Ковальченко. И.Д. Ковальченко явился основателем особого направления в отечественной историографии — применения количественных методов в исторических исследованиях. Обращение историков к разработке и использованию методик количественного анализа, компьютерных технологий во многом определило развитие источниковедения массовых исторических источников в данный период. В 1960—1970-е годы И.Д. Ковальченко неоднократно выступал с научными докладами и статьями, посвященными проблемам применения математических методов и ЭВМ в анализе данных, особенно при изучении массовых исторических источников⁶⁶. В его докторской диссертации, защищенной в 1965 г., была блестяще продемонстрирована значимость использования ЭВМ и количественных методов при обработке обширного комплекса данных подворных переписей крестьянских дворов первой половины XIX в. для изучения процесса расслоения крестьянства, социальной динамики крестьянских дворов. В 1967 г. диссертационное исследование И.Д. Ковальченко было опубликовано в виде монографии «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.», удостоенной в 1986 г. премии имени выдающегося русского историка Б.Д. Грекова. Дальнейшая разработка методологии количественного анализа и компьютерных технологий обработки исторических источников, эффективность их применения в исторических исследованиях убедительно представлены в многообразном творческом наследии И.Д. Ковальченко, прежде всего в монографиях, посвященных вопросам всероссийского аграрного рынка, помещичьего и крестьянского хозяйства России конца XIX — начала XX в., написанных им в соавторстве с коллегами и учениками.

В становлении и развитии нового направления особую роль сыграла научно-организационная деятельность И.Д. Ковальченко. В конце 1960-х годов по его инициативе при Отделении истории Академии наук СССР была создана

⁶⁶ См., например: *Ковальченко И.Д.* Применение ЭВМ для обработки массового статистического материала в исторических исследованиях: [Доклад на научной конференции истфака МГУ. Январь, 1963 г.]; *Он же.* О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // *История СССР*. 1964. № 1; *Он же.* Применение электронных вычислительных машин в исторической науке // *Вопросы истории*. 1964. № 5 (в соавт.); *Он же.* О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // *Источниковедение: теоретические и методические вопросы*. М., 1969; *Деотик Д.В., Добров Г.М., Кахк Ю.Ю., Ковальченко И.Д.* (руководитель). *Палли Х.Э.* Количественные и машинные методы обработки информации на службе исторической науки: [Доклад.] XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 1970 г. М., 1969; *Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях* // *История СССР*. № 5 (в соавт. с Ю.Ю. Кахком); и др.

Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, бессменным председателем которой до конца своих дней был Иван Дмитриевич. Комиссия объединяла и направляла деятельность историков различной специализации (отечественная история, востоковедение, западноевропейская медиевистика, византиноведение, археология) и математиков. Тогда же в структуре Института истории АН СССР была создана Лаборатория математических методов; в 1971–1976 гг. ее возглавлял Л.В. Милов. Комиссия совместно с лабораторией осуществляла научно-организационную подготовку изданий соответствующей проблематики. В 1970–1990-е годы издательство «Наука» выпустило ряд сборников «Математические методы в исторических исследованиях»⁶⁷. В становлении этой серии большая заслуга принадлежит И.Д. Ковальченко, который был ее ответственным редактором, а также членам редакционной коллегии и авторам первых выпусков — профессорам Ю.И. Бессмертному и Л.М. Брагной.

Еще в 1970 г. в структуре кафедры источниковедения исторического факультета МГУ И.Д. Ковальченко приступил к формированию математической группы, в штат которой вошли специалисты по обработке информации на ЭВМ. Впоследствии группа была преобразована в учебно-научную Лабораторию исторической информатики. В конце 1960-х годов Ковальченко начал чтение спецкурса «Математическая статистика», а затем — «Количественные методы в исторических исследованиях» для студентов и аспирантов, специализирующихся по кафедре источниковедения. С 1975 г. курсы «Количественные методы» уже читались как общий для всех студентов истфака. С этого же времени занятия по курсу «Математическая статистика», включенному в учебный план в качестве специальной дисциплины для студентов кафедр отечественной истории, проводили сотрудники математической группы. В 1984 г. под редакцией Ковальченко вышло учебное пособие «Количественные методы в исторических исследованиях», авторский коллектив которого составили сотрудники кафедры и лаборатории Института истории — И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Н.Б. Селунская, Т.Ф. Измestьева, Л.Н. Бородин, И.М. Гарскова, И.М. Промахина. В 1987 г. была опубликована монография И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования». Вторая часть ее целиком посвящалась теоретико-методологическим проблемам применения количественных методов в исторических исследованиях и оценке опыта, накопившегося в историографии этого направления⁶⁸.

По инициативе И.Д. Ковальченко в журнале «История СССР» и классификаторе исторических дисциплин ВАК были введены специальные рубрики «Источниковедение, историография и методы исторического исследования». С 1979 г. на истфаке начал работу всесоюзный научно-практический семинар «Количественные методы в исторических исследованиях», руководителем которого долгие годы был Иван Дмитриевич. Его деятельность способствовала формированию и развитию сообщества историков, специализирующихся в области квантификации.

⁶⁷ Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977; Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985; Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989.

⁶⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. К 80-летию академика И.Д. Ковальченко. М., 2003.

Начальный этап разработки массовых исторических источников (1970 — 1981), был связан с реализацией научного проекта «Массовые источники по социально-экономической истории России — СССР», поддержанного ректором МГУ академиком И.Г. Петровским. При содействии И.Г. Петровского были решены кадровые вопросы, позволившие привлечь к участию в разработке поставленной научной проблемы выпускников истфака и специалистов-математиков. Выдвинутый проект носил комплексный характер, поскольку был связан с изучением массовых источников различных исторических эпох.

В разработке нового научного направления участвовали многие факультетские специалисты. Большой вклад в его развитие внес академик РАН, профессор Л.В. Милов, работавший в тесном сотворчестве с И.Д. Ковальченко и успешно продолжавший дальнейшее развитие этого направления в своих научных исследованиях и учебно-педагогической практике. К источниковедческой разработке массовых источников Милов обратился еще в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1958 г.⁶⁹ В 1960 г. началась его педагогическая деятельность на истфаке, а вскоре появились публикации по проблемам применения количественных методов в исторических исследованиях, посвященных формированию всероссийского аграрного рынка, интенсивности эксплуатации крестьянства и другим сюжетам социально-экономической истории. В 1970-е годы выходят труды Л.В. Милова и его учеников по использованию количественных методов при обработке таких сложных комплексов массовых данных, как писцовые книги и крестьянские бюджеты 1920-х годов. Л.В. Миловым была создана научная школа в области источниковедения нарративных источников, занимающаяся разработкой формально-количественных методов их анализа, в частности для решения сложнейшей задачи установления авторства средневековых текстов⁷⁰. Исходным методологическим принципом методики, созданной по инициативе и под руководством Милова, был системный подход и структурный анализ уникального по своей природе исторического текста.

На разработку источниковедения массовых источников по истории советского общества большое влияние оказали научно-исследовательская и педагогическая деятельность профессора кафедры истории СССР периода социализма В.З. Дробижева и доцента кафедры источниковедения Ю.А. Мошкова. Кандидатская и докторская диссертации В.З. Дробижева, его первые монографии («Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства», 1961; «Главный штаб социалистической промышленности. ВСНХ 1917—1932 гг.», 1966) основывались на введении в научный оборот значительных комплексов массовой документации, многообразная информация которых требовала поиска более совершенных и эффективных способов обработки. Это обусловило обращение Дробижева к количественным методам и применению ЭВМ в своей исследовательской практике. Этому же он учил своих учеников, увлекая их поиском новых архивных документов, разработкой мало использовавшихся в исторических исследованиях публикаций промышленных,

⁶⁹ См.: *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.

⁷⁰ *Милов Л.В., Бородин Л.И., Морозова Л.Е.* Вопрос о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Математические методы ... М., 1977; *Пуликов В.П.* О вариационном принципе группировки крестьянских хозяйств // Там же; *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гирскова И.М., Пуликов В.П.* О корреляционном анализе массивов писцовых книг XVII в. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.

профессиональных и демографических переписей, выявлением их первичных материалов. По его инициативе на истфаке была создана проблемная группа по истории рабочего класса, объединившая историков разных поколений и особенно притягивавшая молодых исследователей возможностью приобщиться к передовым достижениям науки, вести самостоятельный поиск и одновременно участвовать в коллективной разработке актуальной научной проблематики.

Большая заслуга в воспитании специалистов, использовавших количественные методы в обработке массовых источников по истории советского общества, принадлежит Ю.А. Мошкову, сфера научных интересов которого связана с изучением истории крестьянства в СССР и сельскохозяйственного производства в 1920—1930-е годы⁷¹.

Среди исследователей, ставших инициаторами разработки проблем источниковедения массовых исторических источников был профессор В.И. Бовыкин, оставивший богатое творческое наследие и подготовивший поколение молодых исследователей социально-экономической истории России периода модернизации страны. С конца 1950-х годов В.И. Бовыкин занимался изучением экономической истории России конца XIX — начала XX в., и прежде всего истории финансового капитала. В.И. Бовыкин выработал методику эвристического поиска как уникальных источников (монополистических соглашений), так и целых документальных комплексов (делопроизводственных материалов, банков, акционерных промышленных обществ, государственных учреждений). Ему принадлежит заслуга в разработке методов совокупного анализа делопроизводственной документации, промышленной и кредитной статистики, справочно-информационных изданий, применение которых повышало информационную отдачу отдельных групп источников. Им были использованы более совершенные, по сравнению с предшествующей историографией, методы и приемы обработки статистических и справочно-информационных данных о промышленности и движении капиталов⁷².

Именно в спецсеминарах И.Д. Ковальченко, Л.В. Милова и других преподавателей кафедры начинали свои работы многие молодые специалисты, защитившие на рубеже 1970—1980-х годов кандидатские диссертации, посвященные источниковедческим проблемам изучения отдельных комплексов массовых исторических источников по аграрной истории России. Это, например, диссертационные исследования Р.М. Ивановой, Л.В. Разумова, Н.А. Проскураковой, Н.Б. Селунской, Н.О. Воскресенской, Т.Л. Моисеева, Т.Ф. Измestyевой, И.Р. Рафи-заде, И.К. Грава, выполненные под руководством И.Д. Ковальченко; Д.А. Тарасюк (руководитель — С.И. Антонова); Т.П. Петровой (руководитель — А.В. Муравьев); Т.А. Круцовой (руководитель — Л.В. Милов). В них разрабатывались проблемы исторической критики и обработки

⁷¹ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966; *Он же*. Кибернетика и методы исторических исследований // История СССР. 1965. № 6; *Он же*. Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1.

⁷² См., например: *Бовыкин В.И.* Монополистические соглашения в русской военной промышленности // История СССР. 1958. № 1; *Он же*. Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1962. № 1 (в соавт.); *Он же*. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; *Он же*. Динамика промышленного производства в России (1896—1910 гг.) // История СССР. 1983. № 3; *Он же*. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX вв. // Исторические записки. 1984. Т. 110; *Он же*. Формирование финансового капитала в России. М., 1984.

сведений (в том числе с помощью количественных методов) земско-статистических обследований, учетно-статистических данных делопроизводства земельных банков, изданий Центрального статистического комитета об урожаях, материалов земельных и военно-конских переписей конца XIX — начала XX в., различных локальных экономико-статистических обследований, проводившихся на национальных окраинах Российской империи⁷³.

В 1970-е — начале 1980-х годов были защищены кандидатские диссертации С.В. Воронковой, А.Г. Голикова, Е.В. Дворецкого, Г.Р. Наумовой, М.Ю. Лачаевой, Е.Г. Костриковой, Н.Г. Абрамовой, подготовленные под руководством В.И. Бовыкина, а также диссертационные исследования Т.И. Грико (руководитель — С.В. Воронкова), Н.Г. Георгиевой (руководитель — С.И. Антонова), О.Л. Миловой (руководитель — И.Д. Ковальченко). В них применительно к разным видам и группам массовых источников (государственное делопроизводство, актовая и делопроизводственная документация акционерных обществ и монополий, банков, промышленная и торговая статистика, статистические публикации предпринимательских организаций буржуазии, справочно-информационные издания, периодическая печать, листовки) исследовались конкретные направления развития социальной информации, особенности ее фиксирования в различных структурах, возможности реконструкции пробелов в сведениях; разрабатывались наиболее совершенные и эффективные приемы извлечения информации из соответствующих источниковых комплексов⁷⁴. В диссертациях О.Л. Миловой и Т.И. Грико были применены количественные методы при изучении особенностей отраслевых отрядов российского пролетариата, внутренней структуры отдельных отраслей и производств российской индустрии. Методики количественного анализа были использованы в работе Н.Г. Георгиевой, посвященной листовочной печати российского студенчества начала XX в.

Разработке комплексов массовых данных по истории сельскохозяйственного производства в СССР, формированию колхозного строя, истории советского рабочего класса, крестьянства, интеллигенции посвящены исследования, подготовленные под научным руководством Ю.А. Мошкова и В.З. Дробижера. В кандидатских диссертациях В.И. Звавича, Н.Г. Миняйло, Э.С. Халимовой, Е.М. Скворцовой (руководитель — Ю.А. Мошков) анализировались материалы динамических переписей крестьянских хозяйств и крестьянских бюджетов 1920-х годов, отчетная документация колхозов и похозяйственные книги сельсоветов 1930-х годов, что значительно расширяло, а иногда и изменяло прежние представления о социальной динамике доколхозной деревни, трудностях становления колхозного строя. В работе Н. Рахимова (руководитель — Ю.А. Мошков)

⁷³ Здесь и далее укажем только монографические работы по материалам кандидатских диссертаций: *Круглова Т.А.* Экономическая структура городских хозяйств левобережной Украины в XVIII в. (по материалам Генеральной описи 1765—1769 гг.). М., 1989; *Известьева Т.Ф.* Россия в системе европейского рынка. Конец XIX — начало XX в. М., 1991.

⁷⁴ См.: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства: источниковедческое исследование. М., 1975; *Голиков А.Г.* Перечень российских акционерных торгово-промышленных компаний, архивные фонды которых находятся в государственных архивах СССР. М., 1979; *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны, 1907—1914. М., 1997.

на примере материалов Министерства сельского хозяйства Туркменской ССР рассматривался процесс становления массовой управленческой и хозяйственной документации в союзных республиках, определялись методы оценки ее полноты и достоверности.

В диссертациях А.И. Вдовина, А.К. Соколова, Е.И. Пивовара, О.В. Наумова (руководитель — В.З. Дробижев), Л.И. Васькиной (руководитель — Ю.А. Мошков) на основе материалов переписей и различных статистических обследований с помощью количественных методов изучалась история советского рабочего класса и интеллигенции в первые послереволюционные десятилетия⁷⁵.

Обобщением начальных результатов разработки массовых исторических источников и вехой в развитии их источниковедческого анализа явился выход в 1979 г. коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории» (в двух частях). Первая часть посвящалась анализу массовых источников эпохи российского капитализма⁷⁶. В ней содержалась источниковедческая характеристика материалов демографических и промышленных переписей и обследований, разнообразных форм текущего статистического учета государственных учреждений, акционерных обществ, банков и монополистических объединений, различных справочно-статистических изданий, являющихся основой изучения российской промышленности, монополий и финансового капитала, пролетариата России. В работе были рассмотрены огромные комплексы массовых источников, отразивших аграрную эволюцию страны в эпоху капитализма: описания помещичьих имений периода подготовки реформы 1861 г., уставные грамоты, переписи землевладения, данные земской статистики, материалы Крестьянского и Дворянского земельных банков, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. В заключительных главах первой части был представлен обзор массовых источников по истории рынка: материалы статистики внешней торговли, бюллетени биржевых комитетов, ведомственные издания по статистике цен.

Во второй части монографии рассматривались массовые источники по социально-экономической истории советского общества⁷⁷. В отдельных главах давалась всесторонняя характеристика разнообразных массовых источников различных периодов его истории: материалов демографических, промышленных, промышленно-профессиональных, сельскохозяйственных переписей, документов текущего статистического учета населения, промышленного и сельскохозяйственного производства, материалов бюджетных и социологических обследований и т.д. Представленный обзор стал результатом большой поисковой работы по выявлению малоизвестных публикаций, а также первичных статистических и учетных данных, сохранившихся в архивах.

⁷⁵ *Васькина, Л.И.* Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации. М., 1981.

⁷⁶ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь); авторы: И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, А.Г. Голыков, Г.Р. Наумова, С.И. Антонова, С.Я. Алияров, Ю.И. Кирьянов, М.Е. Мейерович, Б.Г. Лигвак, Н.А. Проскуракова, Л.В. Разумов, Н.Б. Селунская, Е.В. Дворенки, Т.Ф. Измествяна.

⁷⁷ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979. Отв. ред. И.Д. Ковальченко; редколлегия: В.И. Бовыкин, В.З. Дробижев, Л.В. Милов, Ю.А. Мошков, А.К. Соколов (отв. секретарь); авторы: В.З. Дробижев, Л.И. Васькина, А.К. Соколов, А.И. Вдовина, Е.И. Пивовар, А.А. Твердохлеб, Ю.А. Мошков, Э.С. Халимова, Ю.П. Бокарев, В.А. Костов, Н.И. Минивийло, В.А. Обожда, В.П. Пушков, Н.В. Ефременков, В.И. Звавич, И.Е. Зеленин.

Монография подвела итог первого в советской историографии масштабного опыта применения методов количественного анализа к массовым данным и обработки их с помощью ЭВМ.

В истории начального этапа исследования массовых источников можно проследить и внутреннюю логику эволюции научного знания в рассматриваемой сфере, его отличительные черты и особенности, которые во многом определяют роль и значимость такого рода разработок для отечественного источниковедения в целом.

Так, изначально процесс формирования этого направления был тесно связан с решением теоретико-методологических проблем источниковедения, которые в дальнейшем приобретали все больший вес и фундаментальность. Этот круг проблем включает определение, содержательное раскрытие *понятия массового исторического источника*, выявление комплексов данных и их классификацию, рассмотрение *проблемы эволюции* массовых источников в общем процессе изменения корпуса исторических памятников, применение количественных методов в исторической критике и обработке массовых источников, формирование *концепции исторического источника в свете теории информации*. Складывание источниковедения массовых источников как особого направления относится к рубежу 1960—1970-х годов, о чем свидетельствует появление трудов, в том числе историографического характера, которые теоретически обосновывали необходимость разработки данного направления и предлагали различные определения массовых источников⁷⁸.

И.Д. Ковальченко ввел в методологический арсенал источниковедения понятие «*массового исторического источника*» в качестве основы установления закономерностей изучаемых явлений и процессов. Предложенное им понятие тесно связано в онтологическом аспекте с типологией исторических явлений, их делением на массовые и индивидуальные, а в гносеологическом — с системным подходом к изучению исторической реальности и методологией структурно-количественного анализа отразивших ее источников. По определению И.Д. Ковальченко, «*массовыми* являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные *системы* с соответствующими *структурами*. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем». Указанные черты массовых источников допускают применение количественных методов при их обработке и анализе⁷⁹.

Введение понятия массового исторического источника стимулировало дальнейшую разработку проблем теоретического источниковедения, что нашло отражение в специальных источниковедческих исследованиях,

⁷⁸ Банасюкевич В.Д. К вопросу об изучении массовых источников // Труды ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 1; Ковальченко И.Д., Соколов А.К. Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2. Следует отметить доклады И.Д. Ковальченко: «Задачи изучения массовых источников по истории СССР» (Всесоюзная научная конференция по источниковедению. Геленджик, 1975 г.) и «Изучение в МГУ массовых источников по социально-экономической истории СССР» (Институт восточно-европейской истории при Делийском ун-те. Дели, 1977).

⁷⁹ См., например: Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР. 1979. № 5.

посвященных проблеме эволюции видов исторических источников как в контексте изучения отдельных видовых комплексов⁸⁰, так и применительно к корпусу источников определенных исторических эпох. В центре внимания этого направления исследований находилась проблема изучения социально-исторического контекста происхождения массовых исторических источников, его обусловленность потребностями общества, особенно модернизирующегося, развитие которого влекло появление различного рода массовых данных, более последовательно и полно фиксирующих социальные, экономические, демографические показатели; порождало развитие специальных учреждений, новых технологий сбора и обработки массовых данных. Первоначально эта проблематика обсуждалась на Всесоюзных конференциях по источниковедению, где преподаватели кафедры выступали с докладами по широкому кругу проблем теоретического и конкретно-исторического характера⁸¹.

В 1985 г. увидела свет монография С.В. Воронковой⁸², в которой было обстоятельно проанализировано содержание дискуссий, касающихся определения массового исторического источника, показано значение концепции И.Д. Ковальченко для совершенствования как теоретического, так и прикладного источниковедения. В специальном разделе, посвященном проблемам эволюции источников в условиях капиталистической России, были выявлены предпосылки и причины происхождения и развития различных комплексов массовых исторических данных. В работе показано, что с ростом потребностей общества в информации в России на рубеже XIX — XX вв. резко увеличивается число, возрастает периодичность и расширяется проблематика справочно-информационных изданий. Автором был отмечен процесс дифференциации и развития деятельности людей, в частности в области литературного творчества и журналистики, что обусловило появление разнообразных литературно-художественных и публицистических сочинений, жанров периодики и других видов индивидуального творчества. Отражением общей тенденции увеличения в обществе фиксированной информации стало совершенствование практики сбора статистических сведений, возникновение разнообразных статистических материалов, призванных систематизировать данные о массовых явлениях и процессах в обществе.

Традиция изучения массовых исторических источников, опыт разработки методик их анализа и, прежде всего, применение структурно-количественных методов обработки подобного рода данных способствовали дальнейшему развитию теоретико-методологических проблем источниковедения в целом. Концептуальный характер имеют труды И.Д. Ковальченко в области теоретического источниковедения, связанные с разработкой информационного подхода к историческому источнику. И.Д. Ковальченко выдвинул идею о том, что все исторические источники являются носителями социальной

⁸⁰ См., например: *Митч С.С.* Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // *История СССР.* 1979. № 5.

⁸¹ *Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы.* Новороссийск. 1979. М., 1979. Вып. II; *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин.* М., 1984. См.: *Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы.* М., 1983. С.28—39.

⁸² *Воронкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. Итоги и перспективы изучения. М., 1985.

информации и, следовательно, ряд итогов учения об информации могут быть использованы в источниковедении⁸³.

Концепция исторического источника в свете учения об информации открывала иной ракурс характеристики и подходов к вовлечению в процесс исторического познания различных видов исторических источников.

Однако в разработке проблем изучения массовых исторических источников (как в специальных источниковедческих трудах, так и в конкретно-исторических изысканиях) была своя логика, отразившая формирование ареала этой категории источников. С самого начала развития нового направления особое место занимало изучение статистических источников, массовых данных учетно-статистических материалов делопроизводственной документации, что не исключало анализа различных видов нарративных источников как массовых. Источниковедение массовых источников внесло существенный вклад в совершенствование приемов исторической критики отдельных видов источников, особенно статистики.

Отличительной чертой научных исследований в области источниковедения массовых исторических источников стало применение формально-количественных методов структурного анализа и компьютерных технологий в обработке и анализе информации источников. Это подтверждают материалы статей, появившихся на страницах издания «Математические методы в исторических исследованиях». Их авторами часто были преподаватели и аспиранты кафедры источниковедения⁸⁴. Проблематика этих статей показательна как в плане значимости предлагаемых методик количественного анализа массовых исторических источников, так и в плане определенных изменений в характере вводимых в оборот материалов. Например, при изучении массовых источников по аграрной истории систематически использовались опубликованные данные земельных переписей, земской статистики, статистические сведения различных ведомств о состоянии сельскохозяйственного производства, данные о ценах на наемную рабочую силу, основные зерновые культуры и т.д. В то же время объектами исследования становились такие архивные материалы, как описания имений, заложенных в Дворянском банке, подворные описи крестьянского хозяйства, первичные бланки земских обследований и др. Значительно расширилось число признаков (показателей), которые характеризовали изучаемые объекты, что стало возможным благодаря применению ЭВМ.

Уже на первом этапе была начата разработка методик проверки достоверности и репрезентативности комплексов статистических данных с использованием методологии системного подхода и приемов математико-статистического

⁸³ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3: *Он же*. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 118–140.

⁸⁴ См., например: Селужская Н.Б. К вопросу об изучении описаний помещичьих имений (по материалам Дворянского земельного банка) // Математические методы... М., 1972; Обожди В.А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. // Математические методы... М., 1975; Миняйло П.Г. Опыт применения корреляционного анализа при обработке крестьянских бюджетов // Там же; Милова О.Л. Промышленная перепись 1900 г. как источник для изучения положения рабочего класса (Опыт количественного анализа) // Математические методы... М., 1981; и др.

анализа, в том числе выборочного метода, методик проверки случайности варьирования признака и методов анализа взаимосвязей статистических данных. И.Д. Ковальченко выделял два аспекта в процессе установления репрезентативности историко-статистических данных. Содержательный, качественный аспект он связывал с выявлением необходимого и достаточного набора данных, всесторонне характеризующих изучаемый объект с точки зрения поставленной исследовательской задачи. При определении репрезентативности историко-статистических данных в количественном аспекте, т.е. установлении, насколько число объектов, выбранное исследователями или зафиксированное в источнике, достаточно для изучения явления как в целом, так и в пределах, ограниченных уровнем оценки представительности, используются иные приемы. Если историк имеет дело с массовыми первичными данными, охватывающими всю генеральную совокупность объектов (например, первичные карточки личного учета рабочих при проведении профессиональной переписи 1918 г.), он может применять выборочный метод, хорошо разработанный в статистике и позволяющий сформировать репрезентативную источниковую основу исследования. Если же историку приходится иметь дело с так называемыми «естественными выборками», т.е. сохранившимися или ограниченно доступными комплексами данных, которые характеризуют лишь некоторую часть всей совокупности изучаемых объектов, он не может при обосновании их репрезентативности опираться на строгие математические методы, подобные выборочному. Однако и в этом случае есть возможность проверки репрезентативности «естественных выборок». Еще в своей работе «Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX века» И.Д. Ковальченко применил методики установления существенности различия средних и дисперсий по соответствующим признакам для решения вопроса о принадлежности выборочных данных по крестьянскому хозяйству к одной генеральной совокупности с целью объединения нескольких выборок. Эту актуальную задачу он и его ученики решали применительно к таким комплексам массовых статистических данных по аграрной истории России, как выборочные земско-статистические обследования крестьянского и частновладельческого хозяйств, подворные списки заемщиков Крестьянского банка, первичные материалы сельскохозяйственных и поземельных переписей 1916 и 1917 годов и др.⁸⁵ Применение строгих количественных методик возможно и для проверки того, в какой мере случайным является варьирование признака в «естественной выборке».

Ряд общих теоретико-методологических аспектов репрезентативности был затронут в докладе Л.В. Милова на III Всесоюзной конференции по источниковедению (Новороссийск, 1979). Автор остановился на вопросе о соотношении категории *репрезентативности* с терминами «полнота» и «достоверность» источников, подчеркнул неправомочность сведения вопроса только к репрезентативности источников. Особое внимание в докладе было уделено проблеме точности оценки качественной стороны репрезентативности⁸⁶.

⁸⁵ Ковальченко И.Д., Разумов Л.В. Источники о хозяйстве и положении крестьян // Массовые источники по социально-экономической истории... С.276-318.

⁸⁶ Милов Л.В. Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные проблемы источниковедения... Тезисы докладов. М., 1979. С. 68-75.

Другим важным аспектом источниковедческой критики является установление достоверности исторических данных. Применительно к массовым статистическим источникам была разработана и апробирована основанная на системном подходе методика выявления сопряженности, пространственной и временной взаимосвязи данных, характеризующих структуры социально-экономических объектов и явлений. Известно, что традиционным способом оценки достоверности информации является установление истории происхождения сведений, техники и программы их сбора, сравнение имеющихся сведений с данными сопоставимых источников. В том случае, когда у историка нет достаточной информации по этим вопросам, весьма затруднительно констатировать достоверность (или недостоверность) имеющегося единственного комплекса источников по той или иной проблеме, либо отдать предпочтение какому-то одному как наиболее достоверному из всех, содержащих аналогичные сведения. Так, при анализе массовых статистических источников по аграрной истории России И.Д. Ковальченко исходил из того положения, что всякий процесс сельскохозяйственного производства как подсистема аграрного, социально-экономического, вообще исторического развития имеет свою пространственно-временную структуру, т.е. его компоненты находятся в определенных взаимосвязях и взаимодействии. Когда характер этих взаимосвязей может быть выявлен на основе качественного, содержательного анализа, показатели, измеряющие эти взаимосвязи, дадут ответ на вопрос, в какой мере имеющиеся сведения, достоверность которых выясняется, «вписываются» в данную структуру. Именно таким образом была установлена достоверность показателей о наемной рабочей силе, содержащихся в переписи населения 1897 г. и материалах Комиссии 16 ноября 1901 г. Было доказано, что сведения переписи о сельскохозяйственных наемных рабочих, несмотря на неполноту, отражают сравнительную степень применения наемного труда в различных губерниях, а данные Комиссии, верно показывая общее число занятых в сельском хозяйстве наемных рабочих, пропорциональности распространения их по губерниям не раскрывают. Правильность этого заключения была проверена путем выявления связей между данными, содержащимися в указанных источниках, об обеспеченности наемными рабочими с рядом других показателей социально-экономического развития на основе вычисления коэффициентов корреляции. Введение сведений двух указанных источников о найме в комплекс других материалов, касающихся социально-экономического развития России этого периода, позволило доказательно решить вопрос о достоверности сведений переписи 1897 г. о наемных сельскохозяйственных рабочих как сравнительном показателе распространения наемного труда. Предложенная методика оказалась эффективной и для решения проблемы достоверности в случаях, когда она вызывала острые дискуссии среди историков, как, например, при изучении комплексов данных о сельскохозяйственном производстве⁸⁷.

⁸⁷ См. подробнее: *Ковальченко И.Д.* Статистика сельскохозяйственного производства // Массовые источники по социально-экономической истории России... С. 267–271.

Успехи в области источниковедения массовых исторических источников не только серьезно повлияли на изучение многих статистических и делопроизводственных документальных комплексов, но и способствовали значительному продвижению в исследовании конкретных проблем отечественной истории. Особенно это относится к проблемам аграрной истории России XVII в.; эволюции ее аграрного строя в пореформенные десятилетия и в начале XX в.; истории доколхозной советской деревни и коллективизации. Развитие источниковедения массовых источников оказывало влияние на изучение истории российской промышленности и пролетариата на этапе капиталистической индустриализации, складывания различных форм и типов организации капитала. На основе анализа массовых источников были достигнуты существенные результаты в области изучения социальной структуры советского общества — рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Результативными и научно значимыми стали разработки в области источниковедения массовых источников в сочетании с применением количественных методов для исследования ряда кардинальных и весьма длительных процессов аграрной истории России, интерпретация которых в историографии отличалась сильным разбросом мнений. К числу дискуссионных относился вопрос об образовании всероссийского рынка. Монография И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова «Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX века: Опыт количественного анализа» (М., 1974) явилась исследованием, особенно ярко продемонстрировавшим эффективность привлечения массовых статистических данных, делающих возможным всестороннее изучение такого масштабного процесса, как формирование всероссийского аграрного рынка. Применение количественных методов к массовым данным, в частности к обработке и анализу динамических рядов цен, позволило ответить на вопрос, не поддающийся решению традиционными способами и на базе фрагментарных сведений.

При изучении социально-экономического строя крестьянского и помещичьего хозяйства Европейской России⁸⁸ в период развития капиталистического уклада использовались различные комплексы статистических данных: от оценочных описей имений, заложенных в Дворянском банке, подворных описаний крестьянских хозяйств до обобщенных данных сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. Применение количественных методов и моделирования позволило на новом уровне подойти к определению характера аграрной эволюции России на рубеже XIX—XX вв. — проблеме, в течение многих лет сохранявшей остродискуссионный характер.

⁸⁸ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литвинов Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1988.

Значительным явлением в изучении аграрной истории России стала монография Л.В. Милова и его учеников⁸⁹. Внимание исследователей привлек уникальный комплекс массовых источников первой половины XVII в. — писцовые книги. Итоги их использования в историографии, особенно в работах по социально-экономической истории, создавали впечатление исчерпанности заложенной в них информации. Л.В. Миловым была отвергнута, прежде всего с методологических позиций, точка зрения С.Б. Веселовского об условном характере «сошного письма». Авторы монографии, проведя всестороннее исследование происхождения начавшегося в 1620-е годы валового писцового описания с целью установления достоверности писцовых книг как кадастровых документов, дали положительный ответ на этот вопрос. Предложенный в монографии способ классификации писцовых книг 1620—1640-х годов, позволял объяснить неясности источника и открывал новые возможности его использования. Важнейшим достижением работы Л.В. Милова и его соавторов явилась демонстрация разнообразных методик статистической обработки информации писцовых книг, особенно базирующихся на методах квантификации — корреляционном анализе, многомерном статистическом, в частности кластерном, анализе. Данное исследование не только расширяло перспективы разработки математико-статистических методов для выявления скрытой информации массовых источников, но и показывало их результативность в решении сложных дискуссионных вопросов аграрной истории Русского государства в XVII в., таких как состояние феодального хозяйства после Смуты, социально-экономические различия поместья и вотчины, оптимальность вотчинного хозяйства по всем основным показателям развития и др.

Серьезные успехи были достигнуты в изучении истории советского рабочего класса благодаря обращению исследователей к многообразным статистическим материалам, первичным данным переписей, хранящимся в архивах, и использованию математико-статистических методов. Эти труды были созданы учениками В.З. Дробижева и под его руководством⁹⁰. В коллективной монографии, основанной на материалах профессиональной переписи 1918 г., авторам удалось продемонстрировать возможности применения выборочного метода к первичным данным этого источника и показать продуктивность разработки и применения методов структурного анализа для изучения общего и особенного в социальном облике рабочего класса различных регионов нашей страны.

Одной из отчетливо проявившихся тенденций, обозначивших в середине 1980-х годов завершение начального этапа разработки массовых исторических источников, стало значительное расширение видовой принадлежности исследуемых документальных комплексов и определенное смещение проблематики работ в сторону изучения социально-политической истории и социокультурных процессов. Так, наряду с появлением значительного числа новых трудов,

⁸⁹ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986; Наулов О.В. Кадры руководителей, специалистов и обслуживающего персонала промышленных предприятий по данным профессиональной переписи 1918 года // История СССР. 1981. № 6 (в соавт.).

⁹⁰ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М. 1975; Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР, 1917–1940. М., 1976.

базирующихся на статистических источниках⁹¹, научной разработке в качестве массовых источников подвергались разновидности делопроизводительной документации, актовые документы, материалы периодики, источники личного происхождения⁹². Этот процесс сопровождался не только развитием и обогащением источниковедческого изучения отдельных видов исторических источников, но и заметным вкладом в изучение различных сторон экономической, социальной и культурной истории нашей страны. Нарративные, текстовые источники, благодаря методологии системного подхода и структурного анализа, рассматривались в кругу этих исследований как содержащие массовые повторяющиеся сведения, что составляло основу для выявления некоторых структурных

⁹¹ См., например: *Литвак К.Б.* Опыт количественного анализа пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; *Литуха В.И.* Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма: опыт количественного анализа // История СССР. 1983. № 2; *Горский А.А.* Количественный анализ сводных данных // Экономические примечания к Генеральному межеванию. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Гирскова И.М.* Количественные методы в изучении писцовых книг как источника по аграрной истории России I половины XVII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук; *Свищев М.А.* Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города в первые годы НЭПа // История СССР. 1985. № 6; *Лаврентьева Т.К.* Материалы обследования Комиссии ВЦИК 1920 года как источник для изучения состава кадров Наркома просвещения РСФСР // История СССР. 1986. № 2; *Батырбаева Ш.Д.* Хозяйственный уклад киргизского аила (по материалам сельскохозяйственной переписи 1920 г.) // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1986; *Самарина И.Г.* Первичные материалы земско-статистических обследований как источник для изучения крестьянского хозяйства периода империализма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Мурашев А.А.* Структура и динамика развития металлообрабатывающей промышленности России в конце XIX – начале XX в. (Опыт количественного анализа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Власов А.В.* Социально-демографические характеристики советской поселенной деревни. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Тяжельникова В.С.* Социальная структура ВКП(б) во второй половине 20-х годов: опыт количественного анализа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Махмутов С.В.* Безработица в советском обществе середины 20-х годов: опыт количественного анализа по данным переписи 1926 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Мальсагова Т.М.* История рабочего класса Чечено-Ингушетии, 1917-1940 (Источники и методы их изучения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Юанин И.Ф.* Крестьянское хозяйство Северного Приуралья в конце XIX – начале XX века по материалам земской статистики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Яковлева В.И.* Экономические примечания Менде как источник для изучения сельского хозяйства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; *Диханов Д.Т.* Материалы комиссии А.Н. Куломзина как источник для изучения аграрного строя Забайкальской области в конце XIX в. М., 1993; и др.

⁹² См., например: *Мицц С.С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; *Алексейченко Г.А.* Приговоры сельских судов как источник по истории крестьянской общины в России второй половины XIX века // История СССР. 1981. № 6; *Намерцикс С.И.* Литовские инвентари Шавельской экономики конца XVIII – первой трети XIX веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Джускулова И.В.* Мемуары как источник для изучения организационной сплоченности революционеров-рабочих 1870-х годов (Опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 1; *Сенца Т.И.* Договоры и сделки крестьян конца XIX – начала XX века как исторический источник для изучения крестьянского хозяйства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Щацелью М.К.* Источники по социальной структуре российской буржуазии начала XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Смислянская Е.Б.* Земельные сочинения первой четверти XVIII века в свете постреформационных движений петровского времени // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1987; *Георгиев В.А.* Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР. 1988. № 4; *Шабала А.В.* Опыт исследования Галицко-Волынской летописи методом контент-анализа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Тихонов В.И.* Личные дела граждан, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах в 1920-1930 гг. как исторический источник: опыт компьютерного моделирования комплекса массовых материалов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Володихин Д.М., Соловьева Т.Б.* Состав привилегированного купечества России в первой половине XVII века. М., 1996.

статистических закономерностей, способствуя тем самым решению ряда важных источниковедческих проблем и более точному истолкованию исторических сюжетов.

Уже с середины 1980-х годов комплекс научных исследований, оразивших эту тенденцию развития массовых источников, делается весьма значительным и включает не только кандидатские диссертации, но и монографии. Среди последних необходимо отметить коллективный труд «Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма» (М., 1982)⁹³ и монографию А.К. Соколова, оразившую результаты его докторской диссертации⁹⁴. Коллективная монография явилась итогом работы проблемной группы по истории рабочего класса. В ней значительно расширен круг исследуемых массовых источников. Наряду с совершенствованием источниковедческих характеристик таких уже известных в литературе комплексов документов, как материалы переписей, бюджетных обследований, текущих форм учета и отчетности, авторы уделили большое внимание источниковедческому обзору малоизученных видов и групп массовых источников. Среди них — документация советских учреждений, партийных и общественных организаций, периодическая печать, материалы конкретных социальных обследований, планы социального развития коллективов и т. д. Большой интерес представляет изложение методологических аспектов проблемы. Авторы справедливо отметили, что задача совершенствования анализа массовых источников обусловлена необходимостью системного подхода к изучению сложных развивающихся объектов в единстве и целостности составляющих их элементов, связей, зависимостей.

Изучение массовых источников в период 1980—1990-х годов было связано с более широкой разработкой традиционной конкретно-исторической проблематики на основе массовых исторических данных, а также с появлением *новой*. Это — социально-политическая история предреволуционной России и советского общества, массовое общественное сознание крестьянства, социокультурные и социально-психологические явления российского общества XVIII—XX вв.

Отличительной чертой исследований данного этапа было формирование источниковой базы, отличающейся комплексным характером, в том числе за счет использования материалов разных видов, что требовало решения специальных источниковедческих проблем сопоставимости, сравнимости данных, возможности их соединения и *создания баз данных* с последующей их математико-статистической обработкой. Создание баз данных значительно расширяло информативные возможности эмпирической основы конкретно-исторического исследования как путем привлечения различных комплексов документов, так и в результате получения дополнительной информации после проведения процедур математико-статистической обработки и анализа статистических сведений, в частности измерения взаимосвязей между характеристиками изучаемых явлений и объектов. Кроме того, создавалась возможность изучать явления и объекты на разных уровнях макро- и микроанализа с использованием как первичных, так и агрегированных массовых данных. Освещение методики, технологии и опыта создания баз данных применительно к массовым источникам нашло отражение в ряде работ преподавателей и аспирантов кафедр⁹⁵.

⁹³ Редколлегия: И.Д. Ковальченко (отв. редактор), В.З. Дробижев, А.К. Соколов.

⁹⁴ *Соколов А.К.* Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987.

⁹⁵ См., например: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И., Соколов А.К.* Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных // Актуальные проблемы источниковедения... Днепропетровск. 1983. М., 1983; *Гребениченко С.Ф.* Проблема создания базы машиночитаемых данных на основе массовой документации мелкой промышленности СССР //

Исследование статистических и делопроизводственных материалов как традиционных в источниковедении массовых источников приобретает в этот период новые черты. Так, в изучении статистических и справочно-информационных изданий выделяется историко-типологический подход, позволяющий выявить социальные функции и проследить формирование всего комплекса массовых источников от момента возникновения до наиболее полного раскрытия его существенных черт⁹⁶. Более последовательной становится реализация комплексного подхода в исследовании массовых источников, отражавших те или иные массовые объекты и явления. В этом отношении показательны работа Г.Р. Наумовой, где проанализированы различные видовые комплексы, зафиксированные деятельность российских монополий, и кандидатское исследование Е.А. Воронцовой, посвященное предпринимательским организациям российской буржуазии, процесс становления которых показан через формирование их актовой учредительной документации, развитого делопроизводства и системы периодической печати⁹⁷. Новый ракурс этот подход приобретает в 1990-е годы, в частности в монографии и докторской диссертации Г.Р. Наумовой⁹⁸. На первый план в них выдвигается не столько описание характерных черт различных документальных комплексов, сколько раскрытие отраженного в них объекта исторической реальности, а именно — русской фабрики.

Развитие традиционной проблематики источниковедения массовых источников осуществлялось через введение в научный оборот новых документальных комплексов, а главное — через совершенствование методик математико-статистической обработки данных и арсенала методов количественного анализа. Все это позволяло осуществлять разработку малорасследованных проблем социально-экономической истории России и советского общества на разных исторических этапах⁹⁹, формировать новое понимание дискуссионных проблем отечественной истории.

Одним из значительных достижений этого этапа стали исследования по истории российской индустрии конца XIX — начала XX в., которые явились результатом фронтальной источниковедческой разработки материалов промышленной статистики и справочно-информационных изданий о промышленных предприятиях, осуществленной прежде всего в работах С.В. Воронковой¹⁰⁰ и

Математические методы изучения массовых источников. М., 1989; *Селунская Н.Б.* Квантификация и источниковедение // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. V Всесоюзная конференция по источниковедению: Тезисы. Киев, 1990; *Абсалямов Ю.М.* Массовые источники по социально-экономической истории Башкирии первой половины XIX века (создание базы данных). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994; *Юмашева Ю.Ю.* Высший командный состав советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. М., 1996; *Тихонов А.И.* Проблемы изучения бельгийского капитала в России конца XIX — начала XX века (Источники и методы исследования). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁹⁶ См., например, канд. дис. Т.И. Грико «Промышленная статистика предпринимательских организаций российской буржуазии (конец XIX в. — 1914 г.)» (М., 1980).

⁹⁷ *Наумова Г.Р.* Российские монополии: источниковедческое исследование. М., 1984; *Воронцова Е.А.* Документальные материалы представительных организаций российской буржуазии — съездов предпринимателей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

⁹⁸ *Наумова Г.Р.* Русская фабрика (Проблемы источниковедения). М., 1998; *Она же.* Русская фабрика на этапе капиталистической индустриализации (источники и методы исследования). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998.

⁹⁹ См., например, канд. дис. К.Б. Литвака, В.Н. Лигуева, А.А. Горского, М.А. Свищева, Ш. Батырбаевой, А.А. Мурашева, С.П. Памернакиса, В.П. Яковлевой, Л.Н. Федоровой, Ю.Ю. Юмашевой и др. См. также: *Трисюк С.В.* Итоги и перспективы применения количественных методов при изучении отечественной истории. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

¹⁰⁰ *Воронкова С.В.* Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993; *Она же.* Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX века. М., 1995.

ее учеников (Т.И. Грико, Л.Н. Федорова, Е.В. Лобанова, М.Ф. Махлай и др.). Изучение указанных комплексов массовых источников значительно изменило документальную базу исследования концентрации промышленности и ее территориального размещения, процесса образования в России промышленных районов и центров, выявления структуры отечественной промышленности как в целом, так и в отдельных отраслях. Для обработки статистических данных, составлявших основу изучения указанных проблем, был применен широкий спектр как модифицированных статистических методик (группировка объектов по системе признаков, по способу специализированного интервала и др.), так и количественных методов (анализ взаимосвязей, измерение уровня концентрации с помощью коэффициента Джини, иерархическая классификация объектов и т.д.). Полученные итоги нашли отражение в индивидуальных и коллективных трудах названных авторов¹⁰¹. Изучению отмеченных источниковедческих проблем способствует работа научного межвузовского семинара «Индустриализация в России» (руководитель — С.В. Воронкова), созданного в 1995 г. при кафедре источниковедения¹⁰².

В 1980—1990-е годы большие успехи были достигнуты в изучении нарративных источников. Благодаря исследованиям академика Л.В. Милова и его учеников¹⁰³ на основе системного подхода и структурного анализа разработаны новые методики атрибуции текстов средневековых памятников. Методики эти основывались на представлении, что даже уникальный нарративный источник имеет свою структуру, которая может быть представлена как множество повторяющихся однотипных элементов лексики или грамматических классов слов и соответственно измерена. Итоги многолетней работы были опубликованы в фундаментальном труде Л.В. Милова, его коллег и учеников «От Нестора до Фонвизина»¹⁰⁴. Авторами был проанализирован значительный комплекс литературно-художественных, публицистических и исторических текстов («Повесть Временных лет», «Слово о полку Игореве», «Степенная книга», переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского, «Письма к Фалалеею», повести о Смутном времени и другие памятники); приведены весьма аргументированные доводы в доказательство предполагаемого авторства отдельных произведений. Работа внесла существенный вклад в представления об особенностях различных жанров литературных произведений Древней Руси, о характерных чертах исторических сочинений от первых летописей до повестей XVII в., о формировании традиционных приемов русской публицистики. Новый труд, безусловно, будет способствовать дальнейшему изучению фундаментальных проблем истории русской культуры, открывая, в частности, завесу над творцами ее выдающихся памятников.

¹⁰¹ Промышленность России на рубеже XIX–XX вв.: методы изучения территориального размещения и процессов концентрации промышленности // Отв. ред. С.В. Воронкова; авторы: С.В. Воронкова, Т.И. Грико, Е.В. Лобанова, В.В. Михеев, А.А. Мурашев, Л.Н. Федорова. М., 1992; Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996.

¹⁰² См.: Информ. бюлл. научного семинара «Индустриализация в России. Итоги 5-летней деятельности». М., 2001, № 12.

¹⁰³ См., например: Милов Л.В., Бородкин Л.И. Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников // Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Неберекутина Е.В. К вопросу об авторском стиле Василия-Валаама // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1984; Иванова Т.В. Возможности атрибуции текстов второй половины XVIII века на основе количественных методов // Источниковедение массовых источников. М., 1988. См. также: канд. дис. Г.И. Саркисовой, Н.В. Романковой, И.В. Полянской.

¹⁰⁴ От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. Л.В. Милова. М., 1994 (авторы: Л.В. Милов, Л.И. Бородкин, Т.В. Иванова, Е.В. Неберекутина, Н.В. Романкова, Г.И. Саркисова, И.В. Полянская).

Разработка методов формализованного анализа текстовых источников¹⁰⁵, подход к ним как к массовым историческим источникам позволили раскрыть информативные возможности различных комплексов документов и расширить источниковую базу решения актуальных конкретно-исторических проблем отечественной истории. Особенно ярко это проявилось при подготовке исследований, освещавших социально-политическую историю нашей страны первой половины XX в.

Одним из опытов в этом направлении явилась разработка анкет делегатов Съездов Советов РСФСР и СССР, предпринятая участниками проблемной группы по истории советского рабочего класса. В ходе исследования решались два типа задач. Один был связан с созданием базы данных при помощи компьютерных технологий, другой предполагал использование методов контент-анализа для содержательного анализа информации этого массового источника с целью выявления жизненных путей делегатов-рабочих, изучения роли рабочего класса в создании и укреплении государства пролетарской диктатуры¹⁰⁶.

В эти годы велось изучение массового сознания советского рабочего класса и крестьянства по материалам периодической печати, в частности писем в газету (кандидатские диссертации В.В. Алексеева, И.А. Кузнецова). В исследованиях О.Г. Буховца, итоги которых отражены в его монографии о крестьянской ментальности в Российской империи начала XX в.¹⁰⁷, был разработан целый комплекс проблем источниковедческого, методического и методологического характера. Среди них — вопрос об аутентичности источников, позволяющих вести всестороннее изучение крестьянского сознания; установление состава, происхождения, авторства документов приговорного движения эпохи первой русской революции; поиск путей и, соответственно, материалов для проверки информации крестьянских наказов и петиций; наконец, разработка понятий, определяющих содержательные элементы формуляра приговора.

С начала 1990-х годов и до настоящего времени на кафедре источниковедения ведется всестороннее изучение зарождения российского парламентаризма в начале XX столетия. Это научное направление возникло по инициативе профессора Н.Б. Селунской и ею возглавляется. Основой исследования стали комплексы массовых источников, возникавшие на разных этапах формирования Государственной Думы, — материалы выборов, отложившиеся в центральных и местных органах власти; документы, характеризующие личный состав депутатов Думы; стенографические отчеты заседаний и т. д. Новизна указанных источников и с точки зрения их нехарактерности для предшествующего российского государственного делопроизводства, и с точки зрения вовлеченности в научную разработку потребовала решения множества источниковедческих проблем, в том числе выяснения происхождения и назначения отдельных разновидностей документов, установления выбора модели парламентского делопроизводства российскими депутатами, поиска методов, позволяющих агрегировать разнотипную информацию при формировании источниковедческой базы

¹⁰⁵ Подробнее см.: *Бородин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

¹⁰⁶ *Бородин Л.И., Соколов А.К.* Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов — История СССР. 1984. № 2; *Соколов А.К.* Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре общества. М., 1987.

¹⁰⁷ *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

исследования и вести анализ выявленной информации о политических процессах в России в связи с созданием Государственной Думы. В работах Ю.Г. Григорьевой и А.Н. Петрова был отражен опыт создания просопографической базы данных о депутатах и машиночитаемой базы данных думских дебатов, использования компаративного текстологического анализа законодательных актов об учреждении Государственной Думы и контент-анализа применительно к различным группам разновидностей общегосударственного и думского делопроизводства¹⁰⁸. Первое обобщение полученных результатов и определение задач дальнейшего исследования проблемы парламентаризма в России представлено в коллективной монографии¹⁰⁹.

Новые подходы в 1980—1990-е годы были продемонстрированы в изучении материалов периодики. С позиций учения об информации А.Г. Голиков осуществил специальное источниковедческое исследование, посвященное отражению в периодической печати процесса монополизации российской промышленности в годы Первой мировой войны¹¹⁰. Автор рассмотрел проблему формирования источниковой базы, отвечающей критериям полноты, представительности и аутентичности; предложил приемы обработки источников, в том числе с помощью количественных методов анализа.

В работах Л.Д. Дергачевой и И.Д. Архангельской были показаны различные подходы к выявлению и использованию информации периодической печати, основанные на ее восприятии как массового исторического источника, в частности продемонстрирована эффективность применения методов контент-анализа¹¹¹. Известным итогом изучения системы русской периодической печати, сложившейся в начале XX в., явилась коллективная работа «Очерки периодической печати России начала XX века» (М., 1992)¹¹².

Говоря о развитии источниковедения массовых источников как особого направления отечественной исторической науки, невозможно не отметить его соотнесенности с тенденциями мировой историографической практики, где уже в 1950—1960-е годы начался активный процесс использования массовых, особенно статистических, источников и применение количественных методов их обработки. Это наглядно проявилось в развитии международного сотрудничества в данной области. Ученые исторического факультета не раз выступали с докладами на различных международных конференциях, в

¹⁰⁸ Григорьева Ю.Г. Источниковедческие проблемы изучения материалов по истории создания III Государственной думы и первых выборов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Петров А.Н. Материалы дебатов Государственной думы первого созыва (нетрадиционные методы источниковедческого анализа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века / Под ред. Н.Б. Селунской. М., 1996.

¹⁰⁹ Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века / Под ред. Н.Б. Селунской. М., 1996.

¹¹⁰ Голиков А.Г. Российские монополии в зеркале прессы. М., 1991.

¹¹¹ Дергачева Л.Д. Периодическая печать как массовый источник // Массовые источники по истории советского рабочего класса. М., 1982; Архангельская И.Д. Методика применения контент-анализа при изучении материалов прессы (на примере «Торгово-промышленной газеты», 1909–1913 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

¹¹² Авторы: И.Д. Архангельская, С.В. Воронкова, Е.А. Воронцова, Е.В. Орлова; отв. ред. С.В. Воронкова.

гом числе специально посвященных квантификации¹¹³, были организаторами научных дискуссий с видными зарубежными представителями этого направления¹¹⁴.

Большая роль в установлении международных связей советских историков в области применения количественных методов (в частности, в регулярном проведении советско-американских симпозиумов¹¹⁵) принадлежит И.Д. Ковальченко. Он развивал сотрудничество в этой сфере также с немецкими коллегами, был сопредседателем Международной комиссии по применению количественных методов в исторических исследованиях (INTERQUANT). Значительный вклад в развитие международных контактов с зарубежными учеными в области квантификации, в привлечение к этому процессу молодых специалистов внес профессор В.З. Дробижев.

Определенным итогом сотрудничества с американскими исследователями стал выход работы «Количественные методы в советской и американской историографии» (М., 1983), где были представлены материалы советско-американских симпозиумов в Балтиморе (США, 1979) и Таллине (СССР, 1981)¹¹⁶. Среди авторов сборника — ученые исторического факультета МГУ: И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, В.З. Дробижев, Н.Б. Селунская, Л.И. Бородкин; его выпускники: В.А. Тишков, Е.И. Пивовар, Ю.П. Бокарев. Проблематика представленных ими докладов — «О моделировании исторических явлений и процессов»; «Массовые источники и количественные методы в изучении аграрной истории России»; «Массовые источники по истории советского рабочего класса и интеллигенции и количественные методы их анализа»; «Количественные методы в исследованиях по истории советского доколхозного крестьянства»; «Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников» — свидетельствует о научной значимости и фундаментальности проводившихся исследований.

Отличительной чертой международного сотрудничества периода конца 1980-х — начала 1990-х годов был переход от совместного обсуждения научных проблем к более широкому творческому сотрудничеству. Реализацией этой тенденции стал научный проект советских и американских ученых, имевший целью сравнительно-историческое исследование аграрной эволюции России и США в XIX — начале XX в. на основе различных комплексов массовых источников¹¹⁷. В этой работе принимали активное участие И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Н.Б. Селунская, Л.И. Бородкин, О.Г. Буховец, И.М. Гарскова.

¹¹³ На конференции советских и чехословацких историков (Москва, 1968) был представлен доклад И.Д. Ковальченко «Итоги и перспективы применения математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях»; на конференции советских и венгерских историков (Москва, 1972) — его же доклад «Массовые источники по аграрной истории России эпохи капитализма и методы их обработки и анализа». И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов выступали с докладами по проблемам применения количественных методов в изучении формирования аграрного рынка, внутреннего строя помещичьего и крестьянского хозяйства в России в эпоху капитализма на Международных конгрессах экономической истории (Ленинград, 1970; 1974). Ученые факультета участвуют в работе международной конференции «История и компьютер» (Швеция, 1973); и т.д.

¹¹⁴ См., например: Профессор Р. Фогель (США) в МГУ // Вопросы истории. 1976. № 8.

¹¹⁵ В 1973, 1975, 1978 гг. в Москве были проведены три советско-американских коллоквиума по общим проблемам истории России и США (см.: Новая и новейшая история. 1973. № 2; Вопросы истории. 1976. № 1; Вопросы истории. 1979. № 7). С 1976 г. в рамках общего протокола о сотрудничестве между АН СССР и Американским советом познавательных обществ действовала постоянная советско-американская комиссия по применению количественных методов в исторических исследованиях.

¹¹⁶ В 1984 г. состоялась конференция в Монреале (Канада), в 1986 г. — симпозиум в Новом Орлеане (США), в 1987 г. — в Таллине (СССР).

¹¹⁷ Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века / Под ред. И.Д. Ковальченко и В.А. Тишкова. М., 1991.

Важным показателем международного сотрудничества отечественных исследователей и одновременно признанием их достижений в источниковедении массовых источников и применении количественных методов, особенно в области социально-экономической истории, стали многочисленные публикации работ преподавателей, сотрудников, аспирантов кафедры источниковедения за рубежом, в частности в ведущих изданиях по проблемам квантификации, россеиведения и экономической истории¹¹⁸.

Подводя итог развития в 1970—1990-е годы на историческом факультете МГУ источниковедения массовых источников и применения количественных методов в их исторической критике и обработке, можно констатировать следующее. Учеными факультета, и прежде всего преподавателями кафедры источниковедения отечественной истории, были достигнуты значительные научные результаты в этой области. Это способствовало не только дальнейшему развитию источниковедения массовых источников как особого направления современной исторической науки, но и внесло существенный вклад в исследование общих теоретико-методологических проблем источниковедения, в источниковедческое изучение отдельных видов исторических источников (статистических, делопроизводственной документации, справочно-информационных изданий, средневековых литературных текстов, периодической печати), конкретных документальных комплексов (писцового делопроизводства, материалов парламентских учреждений, документов приговорного движения российской крестьянства). Особенно значительным был прогресс в источниковедческом изучении документов по отечественной истории XIX—XX вв. Применение количественных методов при анализе массовых источников существенно повысило их информационную отдачу и способствовало успехам в разработке многих конкретных проблем отечественной истории.

¹¹⁸ Укажем лишь некоторые из этих публикаций: *Kovaltchenko I., Selounskaya N.* Sowjetische Erfahrungen bei der Anwendung mathematisch-statistischen Methoden in historischen Untersuchungen // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1972. No. IV; *Kovaltchenko I., Kakhk J.* Methodological Problems of the Application of Mathematical Methods on Historical Research // *Historical Methods Newsletter*. 1974. Vol. 7. No. 3; *Kovaltchenko I., Selounskaya N.* Labor Rental in the Manorial Economy of European Russia at the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries // *Explorations in Economic History*. 1981. Vol. 18; *Selounskaya N.* Pay-by-work System in Russian Landlord Economy // *Explorations in Economic History*. 1981. Vol. 18; *Milov L.* Some Aspects of the Application of Quantitative Methods and Computers in the Analysis of Narrative Texts // *Soviet Quantitative History* / Ed. by Don K. Rowney. Sage Publications. Beverly Hills, London, New Delhi, 1984; *Kovaltchenko I., Selounskaya N.* Large Data Files and Quantitative Methods in the Study of Agrarian History // *Soviet Quantitative History*. Beverly Hills, London, New Delhi, 1984; *Milov L.* A Typology of Feudal Estates in Russia in the First Half of the XVII Century (Factor Analysis) // *The Russian Review*. 1988. October. No 4; *Kovaltchenko I.* The Peasant Economy in Central Russia in the late Nineteenth and early Twentieth Centuries // *Research in Economic History*. Suppl. 5. 1989; *Kovaltchenko I.* The Role of Quantitative Methods in Historical Research // *Historical Social Research*. The Official Journal of Quantum and Interquant. 1991. Vol. 16. No 2; *Murashov A.* Retrospective Investigation of Industrial Development in Russia, 1800–1870 // *Between Development and Underdevelopment: The Precocious Attempts at Industrialization of the Periphery, 1800–1870*. Geneva, 1991; *Selounskaya N.* Levels of Technology and the Use of Hired Labor in the Peasant and Manorial Economy of European Russia // *Quantitative Methods in Agrarian History* / Ed. by Daniel Field. New York, 1993; *Moiseenko T., Svishov M.* Historical information sciences and teaching («le métier d'historien»: the experience of Russian universities // *Cahier Vereniging voor Geschiedenis en Informatica*. 6. 1993; *Selounskaya N.* The Efficiency of Wages in Rural Russia at the Turn of the Twentieth Century // *Proceedings of the XI International Economic History Congress*. Milan, 1994; *Kovaltchenko I.* Methods of Analyzing Russian Peasant Household Structure in the Nineteenth Century // *Research in Economic History*. London, 1995. Vol. 15; *Selounskaya N.* Structural Changes in the Composition of the Russian Legislative Elite in the early 20th Century // *Structures and Contingencies in Computerized Historical Research*. Proceedings of the IX International Conference of AHC. Hilversum, 1995; *Voronkova S.* The Territorial Division of the Russian Industry at the Beginning of the 20th Century // *A Modernizáció Alapjai Kizárás Kélet-Európa: Demográfiai agrár- és ipartörténeti tanulmányok*. Budapest, 1995; *Kovaltchenko I., Borodkin L.* The Typology of Agrarian Structure of European Russia at the Turn of the 19th and the 20th Centuries // *A Modernizáció Alapjai Kizárás Kélet-Európa: Demográfiai agrár- és ipartörténeti tanulmányok*. Budapest, 1995; *Naumova G.* The Problems of Relations Between the Center and the Regions in Russia // *Hans-Heinrich Nolte (Hg).* *European Internal Peripheries in the 20th Century* (HMRG, Beiheft 23). Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH. Stuttgart, 1997.

Историография

Рождение историографии как специальной учебной и научной дисциплины в Московском университете непосредственно связано с курсами, которые читались в студенческих аудиториях. Университетский устав 1804 г. обязывал профессоров следить за новейшими отечественными и зарубежными научными открытиями в своей области и знакомить с ними слушателей. Видимо, прямым следствием этого предписания было издание при Московском университете критико-библиографического журнала «Московские ученые ведомости» под редакцией профессора И. Буле. Он же предпринял и первую попытку написания общей истории развития исторических знаний: в 1810 г. был издан первый том «Опыта критической литературы по русской истории» (на немецком языке), представлявший античную историографию Северного Причерноморья.

Начало систематического изучения и преподавания историографии было положено критическими обзорами исторической литературы и источников, которые предваряли чтение общих курсов по всеобщей и отечественной истории. Профессор Московского университета М.Т. Каченовский в 1810 г. свой курс по истории и статистике Российского государства начал с критического разбора исторической литературы. Эту традицию развивали М.П. Погодин, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.

В практике преподавания в университете начиная с 20-х годов XIX в. было проведение «репетиций», т.е. написание слушателями сочинений (рассуждений) на заданную тему. Первые сочинения такого рода были подготовлены под руководством Каченовского, в том числе и по историографической проблематике — об исторических трудах Г.Ф. Миллера, И.Ф.Г. Эверса, А.Х. Лерберга, П.Н. Болтина и др. Некоторые из них — сочинение Н. Сазонова «Об исторических трудах и заслугах Миллера», Н. Стрекалова «О сочинениях Болтина» — были опубликованы в «Ученых записках Московского университета». Это способствовало пробуждению интереса к историографии, накоплению исторических знаний, появлению навыков работы с исторической литературой.

В 1827 г. преподаватель Московского университетского пансиона А.З. Зиновьев защитил магистерскую диссертацию «О начале, ходе и успехах критической российской истории». В 1839 г. А.Ф. Федотов представил диссертацию «О главнейших трудах по части критической русской истории». Было издано несколько статей и монографий, касающихся историографических сюжетов: среди них — статья Н.И. Надеждина «Об исторических трудах в России» (1837), сочинение С.И. Шевырева «Общее обозрение развития русской словесности» (1837). Золотой медалью университета была удостоена работа Н. Стрекалова, опубликованная под названием «Очерки русской словесности XVIII столетия» (1837).

Становлению отечественной историографической традиции во многом способствовало обсуждение «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина¹. Одним из первых с анализом этого труда выступил М.Т. Каченовский. Он не только дал оценку сочинению ученого, но и высказал

¹ См.: Козлов В.И. «История государства российского» Н.М.Карамзина в оценках современников. М., 1989.

ряд собственных взглядов на подходы к исследованию исторического процесса, на задачи и предмет исторической науки, на ее значение в жизни общества. Молодой ученый М.П.Погодин критиковал Карамзина за отсутствие «философского взгляда» на прошлое. Впоследствии, однако, он стал одним из ревностных почитателей историографа и написал серию статей о его научном и литературном творчестве.

Скептическое отношение М.Т. Каченовского и его учеников к древнейшим русским памятникам и в целом к древнейшему периоду русской истории вызвало резкую критику со стороны М.П. Погодина, теперь уже профессора русской истории. Свой взгляд на затронутые Каченовским вопросы Погодин высказал в ряде статей и в работе «Исследования, замечания и лекции по русской истории». Эти дискуссии способствовали осознанию необходимости обратиться к истории развития исторических знаний, расширить исследования в этой области, заняться выработкой приемов и методов историографического анализа.

Историографические исследования тех лет часто носили обзорный характер, но именно в них была впервые дана критика исторической литературы XVIII — начала XIX в., определены критерии научности исторического знания, сделаны попытки представить его не просто как совокупность исторических сочинений и материалов по русской истории, а как движение критической мысли, как изменение представлений «о начале, ходе и успехах критической российской истории». Первые историографы связывали становление исторической науки в России с деятельностью Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлёцера. В центре изучения оказался XVIII век. Однако уже в работе Н. Стрекалова было обращено внимание на неразрывную связь исторической литературы XVIII в. с литературой предшествующего периода. Одна из первых периодизаций развития исторических знаний в России принадлежит Н.И. Надеждину, выделявшему период «докритический» — от создания летописей до середины XVIII в. — и «критический» — с середины XVIII в., когда была понята необходимость проверки исторического материала². Изучение истории исторической науки становилось одним из важных направлений учебной и научной работы в Московском университете.

Дальнейшее развитие науки было связано с разработкой новых теоретико-методологических идей, новых концептуальных схем, что потребовало более глубокого осмысления опыта предшественников и современников в изучении прошлого. Это стимулировало расширение историографических исследований и отражалось на структуре и содержании исторического образования, повышая внимание к историографической подготовке студентов.

Становление историографии как специальной научной и учебной дисциплины связано с именами профессоров Московского университета: М.П. Погодина, К.Д. Кавелина, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева. Развитие исторических знаний они рассматривали как единый поступательный про-

² См.: Колесник И.И. История русской историографии XVIII – первой половины XIX века. Днепрпетровск, 1987.

цесс, основанный на сохранении традиций и уважении к трудам предшественников и одновременно постоянно обогащаемый новыми подходами к изучению истории, постановкой и решением новых проблем, вызванных как самим движением научного знания, так и потребностями общества. Представления о предмете историографических исследований ученые не ограничивали «критической историей», а включали в него устные предания, историческую литературу начиная с первых летописных произведений. Рассматривая историческую науку как науку «народного самопознания», ученые университета называли историографию наукой о развитии этого самопознания. Они определили основные принципы историографического изучения, дали первые классификации исторической литературы, ввели в научный оборот понятие «история исторической науки» вместо — «история исторической литературы»³.

Взгляды историков должны были изучаться в контексте общественно-политической ситуации в стране, в связи с общими тенденциями развития культуры, особенностями формирования личности ученого. Профессор В.И. Герье в своей вступительной лекции говорил: «Всякое историческое сочинение должно рассматриваться в связи с той средой, из которой оно вышло, объяснять причины, вызвавшие его, указывать потребности, которым оно удовлетворяло и то хорошее или дурное в мнениях, которые оно имело в своей стране»⁴. Историография как самостоятельная дисциплина включалась в общую систему исторической науки. Такой подход был характерен для всех историков Московского университета. Он оказал существенное влияние и на историографические исследования ученых других университетов.

Большой вклад в становление историографии внес С.М. Соловьев. Свои историографические взгляды он излагал в лекциях и специальных исследованиях («Писатели русской истории XVIII века», «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства российского», «Шлёцер и антиисторическое направление», а также в многочисленных очерках об отдельных историках⁵. Наиболее последовательно осуществляя идею исторического подхода в изучении истории, придерживаясь принципа «не делить, не дробить историю», Соловьев пытался найти связь, преемственность между отдельными историческими произведениями, определить общие тенденции в развитии исторических знаний, а также показать индивидуальность каждого ученого в восприятии прошлого. Под этим углом зрения он рассматривал и оценивал исторические труды от Нестора до Н.М. Карамзина.

К.Д. Кавелин связывал движение исторической мысли с изменением задач и значения науки о прошлом. В соответствии с этим он выделял три этапа в изучении истории: на первом она представляется как «любопытная старина», на втором — как «поучение и справка», на третьем —

³ См.: *Киреева Г.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

⁴ *Герье В.И.* Очерки развития исторической науки. М., 1865. С.7.

⁵ См.: *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. XVI.

как «источник и зеркало народного самопознания»⁶. В.О. Ключевский обратил внимание на специфику исторических знаний, на определяющее значение в их развитии внутренних факторов, связал обострение интереса к истории с «общественными потрясениями»⁷. П.Н. Милюков строил свой спецкурс по русской историографии исходя из того, что научное знание начинается с обработки источников, (в России — с XVIII в.). Изменения в исторической науке он связывал со сменой теоретических взглядов на изучение истории, определяемых в первую очередь эволюцией западноевропейской философской и исторической мысли⁸.

Профессора Московского университета Т.Н. Грановский, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, П.Н. Кудрявцев⁹, специалисты по всеобщей истории, впервые в отечественной исторической науке исследовали движение философской и исторической мысли Западной Европы от истоков и до XIX в., предприняли попытку вписать отечественную историческую науку в мировую историографию. Отечественная историография 30—50-х годов XIX в. занимала важное место в творчестве Грановского. Он рассматривал ее как «самостоятельный и высший» этап в развитии отечественной исторической науки, главное значение которого состояло в создании историко-философской концепции органического развития человечества. Внимание Виноградова и Грановского постоянно привлекали работы историков славянофильского направления, «школы права». Они вели полемику с М.Н. Погодиным и С.П. Шевыревым. Важнейшим достижением исторической науки своего времени Грановский считал появление в качестве самостоятельной отрасли — всеобщей истории. Он высоко оценивал теоретико-методологический, источниковедческий и историографический уровень ее разработки.

К сложнейшим проблемам в изучении истории исторической науки относится проблема неоднородности ее развития, наличия в ней различных течений и направлений. Одно из первых упоминаний об этом принадлежат С.М. Соловьеву. В работе «Писатели русской истории XVIII века» он различал немецких и русских ученых, в статье «Шлёцер и антиисторическое направление» противопоставлял историческое направление (Шлёцер) славянофилам. В.О. Ключевский поставил проблему направлений в исторической науке как самостоятельную исследовательскую задачу и значительно продвинулся в ее решении по сравнению с предшественниками и современниками. В качестве критериев определения направлений он выдвигал задачи исследования, приемы изучения и подходы к историческим источникам. П.Н. Милюков в ряде своих работ дал характеристики «скептической школе», «государственной школе», славянофильскому направлению и др.¹⁰

⁶ *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки о русской истории // Собр. соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 584.

⁷ *Ключевский В.О.* Русская историография 1861—1893 // Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. VII.

⁸ *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002.

⁹ См.: *Виноградов П.Г.* Очерки западноевропейской историографии // Журнал Министерства народного образования. 1883, август—декабрь; 1884, январь, февраль, июнь—август, ноябрь; *Он же*, Н.В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 1; *Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1987; *Герье В.И.* Указ. соч.; и др.

¹⁰ *Милюков П.Н.* Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки; *Он же*. Разложение славянофильства (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев) // Там же; *Он же*. Скептическая школа // Там же.

Оценивая состояние историографии как научной и учебной дисциплины в дореволюционном университете, необходимо учитывать особенности его организационной структуры, специфику преподавания дисциплин исторического профиля на разных факультетах и в рамках различной специализации. Значительный вклад в исследование истории правовых отношений, истории государства и, следовательно, историографии этих проблем внесли историки-юристы Н.Д. Беляев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и другие¹¹. Исследованием средневековой русской исторической литературы занимались филологи, тесно сотрудничавшие с историками на историко-филологическом факультете. В Московском университете сложилось целое направление в исследовании летописей не только как литературных и исторических памятников, но и как неисчерпаемых источников для изучения исторического сознания народа. Основы такого подхода были заложены в трудах О.М. Бодянского, Ф.И. Буслаява¹².

Для XIX в. наиболее распространенным был биографический жанр историографических исследований. Галерею портретов ученых-историков XVIII — начала XIX в. — А.Л. Шлёцера, В.Н. Татищева, В.К. Тредьяковского, Ф.А. Эмина и других — создал С.М. Соловьев. Большая историографическая литература связана с творчеством Н.М. Карамзина, ставшим объектом изучения в статьях М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского¹³. Научному творчеству и деятельности В.Н. Татищева посвящена монография Н.А. Попова «В.Н. Татищев и его время». Много писал о своих учителях и современниках — Ф.И. Буслаяве, М.П. Погодине, С.М. Соловьеве — В.О. Ключевский¹⁴. Несколько очерков о П.И. Кудрявцеве, Т.Н. Грановском, С.М. Соловьеве принадлежат В.И. Герье¹⁵. Неоднократно обращались к анализу творчества В.О. Ключевского его ученики и коллеги — Ю.В. Готье, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский¹⁶.

¹¹ См., например: *Беляев Н.Д.* Рецензия на книгу М.П. Погодина «Исследования, замечания и лекция по русской истории» // Москвитинин. 1848. № 8; *Он же.* Рецензия на книгу С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (т. 1, 2) — Там же. 1851. № 18, 20, 24; 1852. № 2; *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую литературу по части русской истории за 1846 г. // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1; *Он же.* Монография по русской истории // Там же; *Он же.* Исторические труды М.П. Погодина // Там же.

¹² См.: *Бодянский О.М.* О народной поэзии славянских племен. М., 1837; *Буслаяв Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Русская народная поэзия. СПб., 1861. Т. 1.

¹³ *Ключевский В.О.* Н.М. Карамзин // Соч.: В 9 т. Т. VII; *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. М., 1866. Ч. 1, 2; *Соловьев С.М.* Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского» // Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. XVI.

¹⁴ См.: *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. VII.

¹⁵ *Герье В.И.* П.И. Кудрявцев в его учено-литературных трудах // Вестник Европы. 1887. Кн. 9; *Он же.* Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. Кн. 5; *Он же.* Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1881. Т. 1.

¹⁶ См. сборники статей: «В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» (М., 1912); «В.О. Ключевский. Биографический очерк, речи, произнесенные в торжественном заседании 12 ноября 1911 г., и материалы для его биографии» (М., 1914); «Сборник статей, посвященный В.О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями к дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете» (М., 1909), а также работу В.И. Пичеты «Исторические взгляды и методологические приемы В.О. Ключевского» (Изв. Общества славянской культуры. М., 1912. Т. 1. Кн. 1.).

Преподаватели Московского университета активно участвовали в подготовке статей об историках для энциклопедических словарей А.А. Плюшара, Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В «Библиографическом словаре питомцев Московского университета» были опубликованы очерки, в которых рассматривались научные воззрения крупнейших историков XIX в.

Во второй половине XIX в. в Московском университете сложилась определенная система преподавания историографии. Анализ исторической литературы стал неотъемлемой частью общих курсов. В 1870-е годы были введены семинарские занятия, на которых значительное место занимала историографическая проблематика. Большое внимание уделялось ей в семинарах В.И. Герье, где наряду с трудами римских историков, разбирались и отечественная историческая литература. Проводил такого рода семинары и В.О. Ключевский. К концу столетия утвердилась практика чтения специальных курсов, куда органически вошли и спецкурсы по историографии, читавшиеся Ключевским, П.Н. Милюковым, А.А. Кизеветтером и др.

Лекционные курсы по историографии часто служили их авторам базой для последующих научных работ. «Писатели русской истории XVIII в.» С.М. Соловьева — это обобщение историографического материала, представленного им в лекциях. В основу монографии П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» были положены лекции спецкурса.

Одной из отличительных черт историографической школы Московского университета являлся философский взгляд на историческую науку. Теоретического осмысления прошлого требовал от ученых М.Т. Каченовский. К.Д. Кавелин в споре с М.П. Погодиным, видевшим главную задачу исторической науки в сборе фактов и прагматическом изложении истории, настаивал на необходимости создания «теории русской истории». «История всегда была под влиянием (сознательной или бессознательной опеки) философии, даже сухие историки, протестовавшие против этого ига, несознательно придерживались какой-нибудь философии», — писал Т.Н. Грановский¹⁷. С.В. Ешевский, В.И. Герье, Б.Н. Чичерин в своих работах акцентировали внимание на историко-философских построениях западноевропейских и отечественных исследователей¹⁸.

На рубеже XIX — XX вв. изучение теоретико-методологических основ исторической науки сделалось первостепенной задачей. Во второй половине XIX в. существо теоретических проблем составляли проблемы теории исторического процесса (исторические закономерности, необходимость и свобода, роль народа, личности и государства в истории, соотношение различных сторон исторического процесса и т.п.), т.е. был распространен онтологический подход к их решению. Наиболее ярким представителем такого подхода считают выпускника Московского университета Н.И. Кареева¹⁹. Однако в конце XIX в. историки начали чаще обращаться к изучению

¹⁷ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 307.

¹⁸ Герье В.И. Очерки развития исторической науки; Ешевский С.В. Обзорение книг по всеобщей истории // Отечественные записки. 1851. № 2; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1894–1898. Ч. 1–3; Он же. Положительная философия и единство науки. М., 1892; и др.

¹⁹ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1–2; Он же. Теория исторического знания. СПб., 1913.

природы самого исторического познания, законам формирования и развития исторических знаний. Это привело к появлению новой отрасли знания — теории исторического исследования. Важнейшей проблемой русской исторической науки стала проблема метода исторического познания. Заслуга в ее постановке и разработке принадлежит известному медиевисту, профессору Московского университета Д.М. Петрушевскому²⁰. Сформулированный им гносеологический подход к историческому знанию получил дальнейшее развитие в теоретических работах Р.Ю. Виппера, В.М. Хвостова, профессора Петербургского университета А.С. Лаппо-Данилевского. Они определили предмет и задачи теории исторического познания как специальной научной дисциплины²¹.

Теоретические разработки историков были представлены в специальных курсах, читавшихся в Московском университете. Впервые в отечественной исторической науке и практике преподавания в университете В.О. Ключевский начал чтение курса по методологии исторической науки. Традицию чтения такого курса продолжили В.М. Хвостов, И.И. Иванов, А.М. Щербина.

Таким образом, к началу XX в. в Московском университете были заложены основы для изучения и преподавания историографии и методологии исторического познания как самостоятельных научных дисциплин, подготовлены интересные и глубокие исследования, определены принципиальные подходы к изучению истории исторической науки и шире — истории исторических знаний.

Новый этап историографических исследований связан с распространением и утверждением в исторической науке марксистского подхода к изучению прошлого после победы Октябрьской революции 1917 г. С критикой прежней традиции исследования и осмысления историографического наследия, которая продолжала звучать в лекциях А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, П.И. Яковлева по русской историографии и методологии в 1917—1920 гг., выступил М.Н. Покровский²². Свою концепцию он изложил в плане секции русской истории Института истории при факультете общественных наук МГУ — «Основные течения в русской историографии конца XIX в.», в работе «Борьба классов и русская историческая литература» (1923) и статьях, изданных им в 1933 г. в сборнике «Историческая наука и борьба классов». «Всякое историческое произведение есть прежде всего образец известной идеологии», утверждал Покровский, и поэтому необходимо «подходить к каждому историческому произведению как к продукту этой классовой борьбы»²³. Его резкая критика концепций русской истории «буржуазных» и «мелкобуржуазных» ученых, несмотря на верные порой оценки, по сути, отрицала научное значение накопленных в прошлом исторических знаний, ценность достижений дореволюционной историографии, вела к нарушению преемственности в развитии исторической науки. Вместе с тем курс историографии Покровского и его работы развивали интерес будущих историков к исторической литературе, ставили перед ними задачу изучения марксистской теории и методологии.

²⁰ *Петрушевский Д.М.* Тенденции современной исторической науки // Образование. 1899, № 5-6; *Он же.* К вопросу о логическом смысле исторической науки. Пг., 1915; и др.

²¹ *Виппер Р.Ю.* Некоторые замечания о теории исторического познания // Вопросы философии и психологии. 1900, № 5; *Он же.* Очерки теории исторического познания. М., 1911; *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М., 1914; *Он же.* Эволюция исторической науки и ее современное состояние. М., 1916; *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910—1913. Вып. 1-2.

²² См.: *Сифразьян П.Л.* Становление марксистско-ленинского гуманитарного образования в Московском университете (октябрь 1917 - 1925 г.). М., 1987.

²³ *Покровский И.М.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 10.

Восстановление в правах систематического исторического образования и исторического факультета в МГУ в 1934 г. означало повышение внимания к трудам российских историков. Интерес к историографическому наследию, бережное, хотя и критическое отношение к нему проявились уже при подготовке учеными истфака и Академии наук СССР — С.В. Бахрушиным, К.В. Базилевичем, В.П. Лебедевым, М.Н. Нечкиной и другими — учебника для высшей школы под редакцией Б.Д. Грекова²⁴. В частности, 4—6 разделам первого тома были предосланы краткие историографические справки о Н.М. Карамзине, М.П. Погодине, С.М. Соловьеве, В.О. Ключевском, Н.А. Рожкове, А.Е. Преснякове, М.Н. Покровском; в некоторых главах второго тома рассматривалась историческая литература об отдельных описываемых событиях и явлениях прошлого.

В 1938 г. в Московском университете начал чтение лекционного курса по историографии отечественной истории Н.Л. Рубинштейн. Используя материалы своей докторской диссертации, он подготовил книгу «Русская историография», допущенную Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для исторических факультетов университетов и педвузов²⁵. В ней впервые в советской исторической науке давалось цельное изложение результатов научного познания «русского исторического порядка», начиная с первых русских летописей до трудов В.И. Ленина, Н.М. Покровского и И.В. Сталина. Все развитие исторической науки Рубинштейн заключил в жесткую социально-политическую схему, подчиненную принятой к тому времени формационной структуре истории России. В «Русской историографии» и ряде статей, опубликованных Рубинштейном во второй половине 30-х и 40-е годы²⁶, были определены основные понятия, принципы, структура изучения историографического материала, круг персоналий, которые вошли в практику последующих историографических исследований и преподавания курса историографии как в МГУ, так и в других вузах СССР. Останавливая внимание на методологических основах исторической науки, ученый подчеркивал влияние, оказываемое на русскую историографию западноевропейской философской и исторической мыслью. Рубинштейн отказался от принятой в 20-е годы резко негативной оценки «буржуазной» историографии и представил развитие исторической науки в России и СССР как целое, подчиненное общим закономерностям, подчеркнув тем самым преемственность в ее развитии. Он «восстановил уважение» к трудам дореволюционных предшественников и «направил мысль на овладение их наследством».

Большое место в историографических исследованиях 40—60-х годов занимало изучение истоков исторических знаний и становление исторической науки в России. Эти проблемы ставились в трудах таких крупных специалистов в области древнейших русских памятников и древнейшей

²⁴ История СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1939; Т. II. Россия в XIX веке. М., 1940.

²⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

²⁶ Рубинштейн Н.Л. Исторические знания феодальной Руси. М., 1945; *Он же*, С.М. Соловьев и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3—4; *Он же*. Основные проблемы построения курса русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 2; и др.

истории России, как Б.Д. Греков, М.И. Тихомиров, Б.А. Рыбаков²⁷. В 1957 г. вышла в свет работа профессора Л.В. Черепнина «Русская историография до XIX века: Курс лекций», за которую автору была присуждена премия им. М.В. Ломоносова. В работе давался глубокий анализ исторической литературы древней и средневековой России, а также характеристика трудов С.М. Соловьева, М.О. Кояловича, Н.М. Покровского, П.Л. Рубинштейна по истории исторической науки. Черепнин подчеркнул необходимость изучения мировоззренческих позиций историков, связь исторических сочинений с общественным развитием и прежде всего — с идеологией общества. Им был написан также ряд биографических очерков об известных историках²⁸. Для Черепнина характерен был, с одной стороны, интерес к личности ученого, к его индивидуальному опыту, истокам изучения и осмысления прошлого, а с другой — стремление раскрыть преемственность в методах и методике исторических исследований. Черепнин дал яркие характеристики творчества не только корифеев исторической науки XIX в., но и своих старших коллег и современников — С.В. Бахрушина, М.В. Нечкиной, Д.С. Лихачева, С.Б. Веселовского, Б.Д. Грекова, положив начало разработке в Московском университете истории советской исторической науки. Черепнину принадлежит уникальный опыт изучения исторических взглядов классиков русской литературы, которые включены им в общий контекст развития исторической мысли²⁹.

Систематическое чтение курса по истории исторической науки началось в середине 50-х годов И.Д. Ковальченко и А.М. Сахаров, а затем с середины 70-х — А.Д. Горский³⁰. Они внесли заметный вклад в содержание лекций и методологию историографических исследований. Работу над курсом в конце 70-х годов продолжили В.И. Моряков, Н.Б. Селунская, А.Е. Шикло и с начала 90-х — Г.Р. Наумова.

В конце 50-х годов этот курс был дополнен лекциями по советской историографии, которые начал читать на истафе Е.Н. Городецкий, глубокий знаток ленинского теоретического наследия. В основу курса было положено проблемное изложение истории советской исторической науки с 1917 г. до Великой Отечественной войны. Начавшийся с конца 50-х годов критический пересмотр некоторых устаревших позиций в исторической науке проявился в изменении структуры, хронологических рамок, содержания курса, который с начала 60-х годов читали Ю.А. Мошков и М.Е. Найденев, а с конца 90-х — С.В. Воронкова.

Ведущие преподаватели выступали с лекциями по историографии на факультете повышения квалификации преподавателей истории в МГУ, а также в различных вузах страны. Это способствовало распространению преподавания курса историографии отечественной истории на исторических факультетах университетов и педагогических вузов.

²⁷ Греков Б.Д. Первый труд по истории России // Исторический журнал. 1943. № 11-12; Тихомиров М.И. Исторические знания в России второй половины XVIII в. (Ломоносов, Щербатов, Болтин). Стенограмма лекции. М., 1945; *Он же*. Русская историография XVIII в. Вопросы истории. 1948. № 2; *Он же*. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. Ч. 1. 2.

²⁸ См.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XIX вв.: Сб. статей. М., 1984.

²⁹ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

³⁰ В 40-е — начале 50-х годов курс историографии читался в разное время К.Д. Базилевичем, С.С. Дмитриевым, П.Л. Рубинштейном, Е.Н. Гордецким, В.И. Лебедевым и др.

С целью расширения историографической подготовки студентов с середины 60-х годов по инициативе заведующего кафедрой источниковедения И.Д. Ковальченко были организованы семинарские занятия, развернута система спецсеминаров и спецкурсов, которые включали в себя рассмотрение проблем методологии историографических исследований, основных направлений и состояния науки на различных этапах ее развития, немарксистской социологической мысли второй половины XIX в., историографии отдельных явлений и процессов исторического прошлого и др. Они сыграли большую роль в привлечении внимания студентов к изучению самого научно-познавательного процесса, определили круг наиболее актуальных для историографических исследований тем, наместили программу дальнейшей научной работы. На кафедрах отечественной истории, и в первую очередь на кафедре источниковедения, стали готовиться дипломные работы, в которых анализировалось творчество отдельных историков, история научных обществ, историческая периодика, историческое сознание классов и социальных групп российского общества. В 60—80-е годы по проблемам историографии было защищено несколько докторских и более 30 кандидатских диссертаций³¹.

Для дальнейшего развития историографических исследований большое значение имели дискуссии 1960-х годов по проблемам истории исторической науки. На организованной журналом «История СССР» в 1960—1962 гг.³² по инициативе М.В. Нечкиной дискуссии о периодизации советской исторической науки были выдвинуты узловые вопросы ее развития. Дискуссия дала толчок формированию нового взгляда на прошлое науки, отразила общий для большинства исследователей взгляд на критерии выделения этапов ее развития, поставила вопрос о новых оценках наследия видных советских ученых. В частности, подчеркивалось влияние на этот процесс социально-экономических и политических факторов, а также стоящих перед обществом практических задач. Обращалось внимание на поиск внутренних закономерностей развития исторической науки. В дискуссии активное участие принимали и историки Московского университета.

По инициативе преподавателей истфака в 1962—1963 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» была развернута дискуссия о предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР³³. С.С. Дмитриев, И.Д. Ковальченко, А.М. Сахаров в своих выступлениях подчеркивали важность для профессионалов-историков знания истории исторической науки. Они считали необходимым не ограничиваться изучением взглядов

³¹ См. например: *Сахаров А.М.* Проблемы образования Российского государства в дореволюционной исторической литературе. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1972; *Шкля А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; *Арапов Д.Ю.* История изучения Бухарского ханства в русской востоковедческой дореволюционной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Левандовский А.А.* А.А. Корнилов - историк России XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Васерманис Я.И.* Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства в республиках Прибалтики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Шанский Д.И.* Исторические взгляды И.Н. Болтина. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Володина Т.А.* М.О. Гершензон - историк русской общественной мысли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Корсунюк Ю.Г.* Разработка вопросов методологии истории в творчестве Н.И. Карсева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Вакулина Е.И.* Исторические взгляды И.Д. Беляева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; и др.

³² История СССР. 1960. № 1, 3, 4; 1961. № 1-4; 1962. № 1, 2.

³³ Вопросы истории. 1962. № 7; 1963. № 8.

отдельных историков, а исследовать главные научные направления, школы и идейно-политические течения, а также социальные институты исторической науки (архивы, музеи) и формы распространения исторических знаний через школы, вузы и посредством издания научной и научно-популярной литературы. В выступлениях преподавателей университета были определены основные компоненты, составляющие систему исторической науки и отражающие ее развитие. Курс историографии рассматривался как теоретический, методологический. Подчеркивалась недопустимость подмены философских, методологических оснований исторических взглядов ученых - общественно-политическими. Однако это не исключало, а предполагало классовую, партийную оценку историко-политического содержания исторических концепций. В качестве главного критерия периодизации истории исторической науки выдвигались изменения в теории и методологии исторического познания, определявшие смену концепций истории России. Была отвергнута идея о механическом перенесении общесторической периодизации на историю исторической науки. Точка зрения И.Д. Ковальченко об этапах ее развития была поддержана С.О. Шмидгом и другими учеными. Обозначенные два основных периода — досоветский и советский — легли в основу чтения курса историографии в Московском университете и других вузах страны. Соответственно этому строилось и изучение конкретных проблем.

Важным историографическим фактом стала подготовка Институтом истории Академии наук обобщающего труда «Очерки истории исторической науки в СССР», представляющего развитие исторических знаний и исторической науки с древнейших времен до конца 30-х годов XX в. Первый том вышел под редакцией М.Н. Тихомирова и при непосредственном участии ученых исторического факультета МГУ — А.В. Арциховского, И.С. Галкина, Е.Н. Городецкого, Л.В. Черепнина, В.Л. Янина³⁴. Подготовка этого издания усилила внимание к историографической проблематике.

Дальнейшее развитие исторической науки требовало квалифицированных специалистов-историков. Этому было посвящено Всесоюзное совещание историков в декабре 1962 г. об улучшении подготовки научно-педагогических кадров, в том числе — расширении подготовки специалистов в области истории исторической науки и создании соответствующих учебников и учебных пособий.

Преподаватели историографии усилили внимание к этим вопросам, и создание учебной литературы составило одно из важнейших направлений научной деятельности историографов факультета. В 1963 г. вышло первое издание подготовленного А.М. Сахаровым методического пособия по курсу «Историография истории СССР»³⁵. Итогом большой работы по изучению истории исторической науки явился его курс лекций. С участием А.М. Сахарова и Ю.А. Мошкова была написана и первая, включившая и советский период, программа курса по историографии для университетов

³⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I. Последующие II-IV тома вышли в 1960-1964 гг., V том — в 1985 г. под ред. М.В. Печкиной.

³⁵ Сахаров А.М. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. М., 1963. С дополнениями эта работа переиздавалась в 1966, 1969, 1970 и 1978 гг.

страны³⁶. Содержание лекций и программы отражало принятое в советской историографии того времени понимание историко-познавательного процесса как непрерывного поступательно-прогрессивного движения научного знания, высшим достижением которого являлась марксистская концепция истории России.

Работа над учебными пособиями по историографии в 80—90-х годах была сосредоточена на кафедре источниковедения, преподаватели которой, обобщив многолетний опыт проведения семинарских занятий, подготовили для них методические рекомендации и сборники материалов³⁷. В сборниках впервые в советской исторической науке были опубликованы отрывки из работ историков XVIII — начала XIX в.: Н.И. Болтина, Н.А. Полевого, П.Н. Миллюкова, А.С. Лаппо-Данилевского и других. Это значительно расширило возможности историографической подготовки студентов. В определенной степени итоги научной работы и практики чтения лекций по досоветскому периоду в 80-е годы были отражены в Методической разработке к курсу «Историография российской истории» (1993), подготовленной А.Е. Шикло.

Работа по созданию общих и специальных курсов по историографии на современном этапе потребовала от преподавателей глубокого изучения и осмысления всего происходящего в исторической науке в настоящее время: изменения представлений о характере историко-познавательного процесса, появления новых концепций истории России, введения новых источников и методов их изучения. Это привело к значительной корректировке содержания лекционных курсов и практических занятий: расширению хронологических рамок за счет изучения «постсоветского периода» в развитии исторической науки, круга персоналий и рассматриваемых проблем; включению спорных, полемических вопросов; появлению новых характеристик и оценок состояния научного исторического знания на различных его этапах. Все это нашло отражение в подготовленных преподавателями кафедры источниковедения новых учебных пособиях и программах³⁸.

³⁶ Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Курс лекций. М., 1978; Программа курса «Историография истории СССР». Для государственных университетов. М., 1979. Новая программа, где наряду с преподавателями МИАН более широкое участие принимали преподаватели исторического факультета МГУ, была опубликована в 1987 г. под ред. И.Д. Ковальченко.

³⁷ Методические рекомендации для практических занятий по курсу «История исторической науки в СССР»: Сост. Ю.А. Мошков, Н.Б. Селунская, А.Е. Шикло. М., 1985; Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.): Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1985; Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.) / Сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1990.

³⁸ Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Отечественная историография истории России. Программа курса // Труды исторического факультета МГУ. Программы дисциплин специализации по отечественной истории / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М., 2000; Наумова Г.Р. Возникновение марксистской концепции истории России // Историография истории России до 1917 года: Учебник. М., 2003. Т. 2: Она же. Исторические концепции христианских социалистов в контексте русской религиозной мысли // Там же; Шикло А.Е. Критическое направление в отечественной историографии 20—40-х гг. XIX в.: И.-Ф.-Г. Эверс, Н.А. Полевой, М.Т. Каченовский // Там же; Она же. Исторические концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова // Там же.

Ученые факультета неоднократно выступали с докладами и статьями по вопросам преподавания курса историографии³⁹.

В комплексе историографических проблем одной из ведущих является проблема теории и методологии историографических исследований, включающая рассмотрение предмета и задач историографии, понятийного аппарата, периодизации, источниковой базы, места и роли историографии в процессе исторического исследования и др. Эти вопросы особенно интересовали А.М. Сахарова и И.Д. Ковальченко⁴⁰, неоднократно выступавших по ним в печати, на всесоюзных и международных историографических форумах, в том числе на XIV Международном конгрессе исторических наук в 1975 г., на III коллоквиуме западногерманских и советских ученых в Мюнхене в 1978 г.

Предметом пристального внимания А.М. Сахарова были принципы и методы изучения истории исторической науки, закономерности, внутренние и внешние факторы ее развития. Сахаров показал, как расширялось содержание предмета историографии — от истории исторической мысли к истории исторической науки и истории исторических знаний; рассмотрел историческую науку досоветского периода через призму сменяющихся друг друга концепций истории России; продемонстрировал значение «социального заказа» в изменении ее проблематики; поставил задачу изучения «механизма» воздействия исторических взглядов на общество.

Признание важнейшей роли теории и методологии в историческом познании определило основное содержание курса историографии, читавшегося И.Д. Ковальченко. В изучении концепции, говорил он в лекциях, главное — выявить их теоретико-методологические основания, поскольку именно они определяют характер исторических воззрений, от них во многом зависят успехи в накоплении фактического материала и расширении исторической проблематики. Внимание к вопросам теории и методологии в рассмотрении хода научно-познавательного процесса и понимании их значения для профессиональной подготовки новых поколений историков привели И.Д. Ковальченко к постановке, впервые в практике советской высшей школы, учебного курса «Методологические проблемы исторических исследований», читавшегося им беспрерывно с 1975 по 1994 г. (Затем чтение лекций продолжили А.Г. Голиков и Н.Б. Селунская.) Основные положения курса нашли отражение в монографии «Методы исторического исследования» (1987), удостоенной Государственной премии СССР (вторым изданием книга вышла в 2003 г.).

³⁹ Сахаров А.М. О построении и содержании курса историографии истории СССР // Вопросы историографии в высшей школе (Всероссийная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических вузов. Смоленск, 31 января — 3 февраля 1973 г. Смоленск, 1975; Ковальченко И.Д. Пресеминарии и дипломные работы по историографии на историческом факультете Московского университета // Там же; Ковальченко И.Д., Сахаров А.М. XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии // История и историки. Историографический ежегодник, 1975. М., 1978; Мошков Ю.А. О содержании курса лекций по истории советской исторической науки // Историография истории СССР. Проблемы преподавания и изучения. Калинин, 1985; и др.

⁴⁰ Сахаров А.М. Некоторые проблемы методологии историографических исследований // Методологические проблемы общественных наук. М., 1966; *Он же*. О некоторых вопросах историографических исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История, 1973. № 6; *Он же*. О предмете историографических исследований // История СССР, 1974. № 3; *Он же*. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. Часть из этих статей опубликована в кн.: Сахаров А.М. Методология истории и историография (статьи и выступления). М., 1981; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; *Он же*. Некоторые методологические вопросы истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980.

В монографии рассмотрены различные решения основных вопросов научного познания прошлого, таких как объект и предмет исторической науки, отношение субъективного и объективного в историческом развитии и историческом познании, историческая наука и общественное сознание и др. Специальные разделы посвящены методологическим проблемам историографии как специальной дисциплины: ее функции в системе исторической науки, роли в структуре исторического исследования, в установлении истинности исторических знаний и т.п.

Продолжая изыскания в этой области во второй половине 1980-х — 1990-е годы, Ковальченко акцентировал внимание на анализе современных исторических трудов, определил направление поиска новых подходов к изучению прошлого, дальнейшие перспективы развития исторической науки⁴¹.

Существенным вкладом в разработку теоретико-методологических проблем и изучение истории исторической науки явились подготовленные коллективом преподавателей истфака несколько выпусков сборника «Вопросы методологии и истории исторической науки»⁴². Эта работа ученых факультета была высоко оценена научной общественностью⁴³.

Другое направление историографических исследований — анализ конкретных проблем научно-познавательного процесса. Здесь необходимо отметить интерес к изучению состояния исторических знаний на различных его этапах — становления исторической науки в XVIII в., теоретико-методологического кризиса в конце XIX — начале XX в., зарождения советской исторической науки. Предметом исследования стала и наука 20—60-х годов XX в., послевоенная историография, отдельные аспекты ее развития в 90-е годы⁴⁴.

В 60-е годы была издана серия работ о научной деятельности истфака МГУ⁴⁵. К пятидесятилетнему юбилею факультета вышел коллективный труд

⁴¹ Ковальченко И.Д. «Исследование истины должно быть истинно»: Заметки о поисках исторической правды // Коммунист. 1989. № 2; *Он же*. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5; *Он же*. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2; *Он же*. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1; *Он же*. Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости обновленных подходов) // Исторические записки. Т. 1 (119). М., 1995.

⁴² Вопросы методологии и истории исторической науки / Под ред. Ю.С.Кукушкина. М., 1977–1987. Вып. I–V.

⁴³ Наутов В.П., Алаторцева А.И., Киреева Р.А. Изучение истории исторической науки на современном этапе // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С.54.

⁴⁴ Сахаров А.М. Изучение отечественной истории за 50 лет советской власти. М., 1968; *Он же*. Исторические знания // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. II; Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века (Итоги и задачи изучения) // Вопросы истории. 1982. № 2; Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988; Шанский Д.Н. Историческая мысль // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1988. Ч. 3; и др.

⁴⁵ Федосов И.А. Историческая наука в Московском университете (1956–1965) // Вопросы истории. 1966. № 10; Галкин И.С. Исследования новой и новейшей истории в МГУ за 50 лет после Великой Октябрьской социалистической революции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1967. № 2; Авдусин Д.А. Археология в Московском университете за 50 лет советской власти // Там же. 1967. № 4; Обичкин О.Г. Историки партии истфака МГУ к 50-летию Октября // Вопросы истории КПСС. 1967. № 8; Белявская И.М., Воронков И.А. Советское славяноведение в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1968. № 4; Горский А.Д., Ковальченко И.Д., Кукушкин Ю.С., Федосов И.А. Изучение отечественной истории на историческом факультете МГУ // История СССР. 1984. № 5; Сафразьян Н.Л. Указ. соч.; Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968 (статьи Д.А. Авдусина, Б.М. Руколь, Т.А. Коноховой, Л.И. Насонкиной, Л.В. Кошман).

«Историческая наука в Московском университете, 1934—1984 гг.» (1984), в котором нашла отражение научная деятельность всех кафедр и подразделений.

Одним из наиболее распространенных направлений историографических исследований являются исторические концепции отдельных представителей науки. Эта тематика нашла воплощение прежде всего в диссертационных исследованиях, а также в монографиях и многочисленных статьях⁴⁶. Такого рода работы дают возможность не только выяснить взгляды тех или иных ученых на исторический процесс, но и прояснить историографическую ситуацию, в которой они формировались, проследить смену концепций, их связь с изменениями теоретико-методологических основ, определить место и значение творчества ученого в развитии исторической науки.

Складывающиеся в исторической науке в 90-е годы новые представления о модели историко-познавательного процесса как сложного и неоднозначного, внимание к многообразию теоретических подходов потребовали изучения научного наследия более широкого круга историков, представлявших отечественную историческую науку, а также философов различных мировоззренческих позиций. На первый план выдвинулось исследование профессиональной деятельности, личности ученого, индивидуальных особенностей его сознания, характера. В связи с этим обострился интерес к рассмотрению обстоятельств их жизни, воспитания, окружения. Это привело к новому пониманию ценности тех или иных исторических концепций, к преодолению тенденциозности в отношении к ним, к признанию самоценности творчества каждого ученого. Такие принципы исследования становятся нормой для ученых исторического факультета. Особенно такой подход характерен для молодого поколения⁴⁷. Оно активно включает в круг своих наблюдений не только профессиональных историков, но и ученых, проявивших интерес к философии истории, к методам исторического познания.

⁴⁶ *Найденков М.Е.* Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3; *Белявский М.Т.* Семен Десницкий и новые документы о его деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1969. № 4; *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981; *Левандовский А.А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. Л. А. Корнилов. М., 1982; *Шанский Д.Н.* Из истории русской исторической мысли. И.Н. Болтин. М., 1983; *Дмитриев С.С.* Академик Николай Михайлович Дружинин: его творчество, опыт, суждения // Вестник АН СССР. 1986. № 6; *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990; *Шанский Д.Н.* Запальчивая полемика: Герард Фридрих Миллер, Готлиб Зигфрид Байер и Михаил Васильевич Ломоносов // Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996; *Федоров В.А.* Семевский Дмитрий Александрович // Историки России. Биографии. М., 2002; *Шанский Д.Н.* Что должно историку: Михаил Михайлович Щербатов и Иван Никитич Болтин // Историки России. XVIII – начало XX в.; *Шикло А.Е.* Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой // Там же; *Она же.* Акасов Константин Сергеевич // Историки России. Биографии; *Она же.* Коялович Михаил Осипович // Там же; и др.

⁴⁷ *Смирнов И.П.* «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995; *Нугманова Н.Х.* Н.Я. Данилевский: традиции цивилизационного подхода в отечественной историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Володикин Д.М.* «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М., 1997; *Шульгина Н.В.* Историческая концепция С.В. Ешевского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Володикин Д.М.* «Высокомерный странник»: философия и жизнь Константина Леоппьева. М., 2000; *Агейчева Т.В.* Концепция интеллигенции и истории русской общественной мысли в трудах Р.В. Иванова-Разумника. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Ефремова Е.В.* Концепция исторического развития России Ю.Ф. Самарина. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Пичурин В.И.* История в понимании В.В. Розанова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. См. также работы, подготовленные в рамках научного семинара при кафедре источниковедения «Традиции русской исторической мысли» и опубликованные в трех выпусках: Традиции русской исторической мысли. Историческая философия. М., 1997 и 1999. Вып 1–2; История мысли. Историография. М., 2002.

Вряде трудов история исторической науки рассматривается в аспекте истории общественной мысли. К такого рода работам относятся монографии И.А. Федосова, Н.И. Цимбаева, А.А. Левандовского и других авторов⁴⁸.

В центре внимания, особенно в последние десятилетия, - творчество советских ученых, учителей и коллег⁴⁹. Это нашло отражение в подготовке юбилейных сборников, в проведении конференций, посвященных педагогической деятельности и научному творчеству ведущих профессоров факультета⁵⁰. Эти публикации имеют не только научное, но и большое педагогическое значение.

Взросший интерес к индивидуальному творчеству нашел свое воплощение и в участии ученых истфака в подготовке к публикации научного наследия историков XIX—XX вв.⁵¹

Широкий комплекс теоретико-методологических и конкретных вопросов развития исторической науки включает в себя проблемная историография. Необходимость в историографическом обосновании конкретно-исторических исследований, определении их задач и целей, а также историографические введения к общим курсам лекций постоянно направляют внимание на изучение предшествующего опыта решения тех или иных вопросов прошлого. Это находит свое выражение в многочисленных публикациях, содержащих анализ исторической литературы по самой различной проблематике истории России с древнейших времен и до наших дней⁵². Особое значение проблемная историография приобретает в последнее время, что связано с необходимостью подвести

⁴⁸ См.: Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967; Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина М., 1976; Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990; Моржков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. М., 1981; Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986; и др.

⁴⁹ См., например: Воронкова С.В. Аркадий Лаврович Сидоров // Историки России. Биографии; Захарова Л.Г. Зайончковский Петр Андреевич // Там же; Милов Л.В. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995): Труды и концепции // Отечественная история. 1996. № 6; Федоров В.А. Академик Николай Михайлович Дружинин (1881–1985) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1996. № 1; Он же. Нечкина Милица Васильевна // Историки России. Биографии; Бовыкин В.И. Восхождение к истине // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1997. № 3; и др.

⁵⁰ Материалы научных чтений памяти И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2–3 декабря 1996 г. М., 1997; Зайончковский П.А. 1904–1983. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; Российское государство и общество XX в. К 70-летию Юрия Степановича Кукушкина. М., 1999; Россия в средние века и новое время. К 70-летию член-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999; Россия в XVIII–XX вв. Страницы жизни. К 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Княжиной. М., 2000; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 ноября – 1 декабря 1998 г. М., 2000; Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000; Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. М., 2001; и др.

⁵¹ См.: Соловьев С.М. Избранные труды. Записки / Сост. А.А. Левандовского; комм. А.А. Левандовского, Н.И. Цимбаева; вступит. ст. Н.И. Цимбаева. М., 1983; Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. 1988–1996. Кн. I–XX. Отв. ред. и авт. вступит. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; авт. комм. В.С. Шульгин, Н.И. Цимбаев; Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1988–1990; Русское общество 40–50-х годов XIX в. Воспоминания Б.Н. Чичерина / Сост., общ. ред. и предисл. С.Л. Чернова; комм. А.А. Левандовского, С.Л. Чернова. М., 1991; и др.

⁵² См., например: Очерки по истории советского общества: Сб. статей / Под ред. М.Е. Найденкова, С.Ф. Найды, Л.М. Папина. М., 1967; Седульская В.М. Разработка некоторых вопросов классовой структуры советского общества в новейшей историографии // История СССР. 1971. № 6; Кукушкин Ю.С. Проблемы и изучения истории создания СССР // История СССР. 1972. № 6; Сивохина Т.А. Рабочий класс СССР периода развитого социализма. (Вопросы историографии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1976. № 1; Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 г. // История СССР. 1976. № 4. См. также: Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы. М., 1997; и мн. др.

итоги изучения некоторых спорных вопросов и определить дальнейшие задачи их анализа. Отсюда — широкое участие факультетских ученых в дискуссиях, организуемых различными научно-исследовательскими учреждениями, университетами и журналами. Проблемная историография существенно расширяет представления об общем состоянии и направленности развития исторической науки на том или ином этапе.

Преподаватели исторического факультета, продолжая традиции историографических исследований XIX в., наряду с другими учеными страны расширяют содержание предмета историографии, в который, помимо обширного комплекса проблем истории исторической науки и исторических знаний с древнейших времен до современности, включаются исторические взгляды представителей общественной и философской мысли. Предметом изучения делаются и социальные институты исторической науки: историческая периодика, исторические учреждения и т.д.⁵³

Пронесшие в последнее десятилетие изменения в исторической науке, в том числе изменение отношения к марксизму, отказ от восприятия его как сущностно научной теории и методологии, распространение новых подходов к изучению и осмыслению прошлого ориентируют ученых факультета на более глубокое исследование природы и целей историко-познавательного процесса, на раскрытие роли исторического знания в формировании духовной культуры общества, на всесторонний анализ существовавших и существующих представлений о прошлом. Вновь ставится вопрос об уточнении понятийного аппарата, предметной области, о методах исследования, задачах и функциях исторического познания. В поисках решения этих проблем ученые факультета обращаются к традициям философской и исторической мысли, к современному зарубежному опыту решения теоретико-методологических проблем.⁵⁴

Овладевая научными достижениями своих предшественников, ученые и преподаватели истфака делают эти достижения доступными для новых поколений историков. Своими научными исследованиями они способствуют развитию историографии как одного из важнейших факторов поступательного движения науки.

⁵³ *Дмитриев С.С.* Русские исторические журналы по истории СССР // *Дмитриев С.С., Федоров В.А., Бовыкин В.И.* История СССР периода капитализма: Научно-методическое пособие. М., 1961; *Он же.* Именословие русских исторических журналов // *Русская литература.* 1967. № 1; *Сахаров А.М.* Историческое образование // БСЭ. 3-е изд. М., 1972; *Дмитриев С.С.* Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1975; *Сахаров А.М.* Журналу «Вопросы истории» 50 лет // *Вопросы истории.* 1976. № 6; *Самсонов А.М., Седульская В.М.* Научный журнал и творческий поиск ученых // *Коммунист.* 1977. № 7; *Калистратова Т.И.* Преподавание и изучение истории в Московском университете (1917–1931 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Гутнов Д.А.* Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Есенгариев Е.Ж.* Научные общества и их роль в исторической науке России, конец XIX — начало XX в. (на материалах деятельности исторических обществ при Московском и Петербургском университетах). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.

⁵⁴ См.: *Наумова Г.Р., Ершицкая С.А.* Что мы ждем от историографической ситуации // *Традиции русской исторической мысли. Историософия.* М., 1995; *Володихин Д.М., Елисеева О.И., Озешников Д.И.* История России в мелкой городке. М., 1998; *Седульская Н.Б.* Методологические проблемы исторических исследований. Программа курса «Историческое образование. Программа общих курсов». Отв. ред. С.П. Карпов. М., 1998; *Наумова Г.Р., Ершицкая С.А.* В поисках предмета исследования // *Традиции русской исторической мысли. Историософия.* М., 1999; *Седульская Н.Б.* К проблеме объяснения в истории // *Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.* М., 2000; *Наумова Г.Р.* О путях научного познания // *История мысли. Историография.* М., 2002; *Седульская Н.Б.* Проблема методологии истории: Учеб. пособие. М., 2003.

7. Полевая археография*

Рождение полевой археографии в России связано с именем питомца Московского университета Павла Михайловича Строева (1796—1876). Избранный действительным членом Общества истории и древностей российских, Строев 4 июня 1823 г. прочитал на его заседании яркий доклад «О средствах, удобнейших к открытию памятников отечественной истории и успешнейшем способе обрабатывать оные»¹, в котором доказывал необходимость срочного проведения длительной археографической экспедиции для выявления на местах памятников древней российской истории и культуры. Положения доклада опирались на весьма успешный опыт полевых археографических разысканий самого Строева и К.Ф. Калайдовича (1792—1832) в губерниях Центральной России после войны 1812 г.

Причину особой актуальности этой работы П.М. Строев видел, прежде всего, в ситуации, «когда охота заниматься Русскими Древностями оказывается во всех состояниях (сословиях. — *И.П.*)». Не менее важной причиной была и недостаточность имеющихся источников для решения задач, стоящих перед историками университета и ОИДР.

П.М. Строев убеждал: «Круг наших действий будет слишком тесен, если мы... ограничим их Синодальною библиотекою или хотя бы всем Московским книгохранилищем. Не выходя из сего [...] очертания, Общество никогда не будет в состоянии достигнуть той цели, какую предположило себе — привести в ясность Российскую Историю»². Для решения столь масштабной задачи, по мнению Строева, «целая Россия должна превратиться в одну библиотеку... Не сотнями известных рукописей мы должны ограничивать свои занятия, но бесчисленным множеством их»³.

Наконец, важнейшую причину, диктующую срочность организации экспедиций, и П.М. Строев, и все последующие поколения «путешествующих археографов» видели в непреходящей угрозе гибели древних памятников. Со знанием дела Строев описывал их состояние: «... в монастырских и соборных хранилищах, никем не хранимых и никем не описанных; в архивах, кои нещадно опустошает время и нерадивое невежество; в кладовых и подвалах, недоступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков ... снесены для того, чтобы грызущия животные, черви, ржа и тля могли истреблять их удобнее и скорее»⁴.

Будущий академик сформулировал в своем докладе первостепенные задачи археографии — и полевой, и неразрывно с ней связанных описательной

* Речь в данном очерке идет о собирании, а затем изучении в среде их бытования только кириллических рукописных и старопечатных памятников.

¹ См.: Труды и летописи ОИДР. [М.], 1828. Ч. IV. Кн. 1. С. 277–301; см. также: Летопись Московского университета. 1755 – 1979. М., 1979.

² *Строев П.М.* О средствах, удобнейших... С. 282.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же.

(камеральной) и эдичионной: «Найти, извлечь, привести в известность... письменные памятники нашей Истории и древней Словесности, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей Украинских и от границ Литвы до хребта Уральского»⁵. Понимая, что предстоит «гигантское трудное предприятие», автор предлагал совершать его «постепенно, без лишнего сбеа с единой целью любви к Отечеству и единым желанием совершенства нашей Истории»⁶.

В речи П.М. Строева были четко сформулированы задачи трех этапов археографической работы. Полевую археографию автор считал «первою и основною частью обязанностей». Цель «путешествующих археографов», к которым Строев относил и себя, — «извлечение и приведение в известность всех (буде можно) памятников наших древних письмен». Для этого, говорил он, «необходимо образовать экспедицию, которая бы обозрела, разобрала и с возможною точностию описала все монастырские, соборные, духовно-училищные и прочие собрания рукописей на пространстве выше сего мною означенном. И частная книгохранилища могут войти в состав разысканий, если владельцы пожелают отворить оныя»⁷. В докладе П.М. Строева уже были названы основные маршруты будущих экспедиций и даже их последовательность. Первоочередной территорией, куда, с точки зрения Строева, необходимо было направить археографов, являлся Русский Север, «ибо древния рукописи нигде не уцелели в таком множестве, как в сей части России». Во вторую и третью очередь экспедиции должны были обследовать Центральную («Среднюю») и Западную Россию. В плане Строева особо были отмечены старообрядцы Северного региона — «сии попечители Древности», которые «занесли с собою великое число всяких рукописей и частым переписыванием упрочили их...»⁸.

Вторая задача археографов была неразрывно связана с первой: не просто разыскать и спасти, но «привести в известность и если не само (самим. — *И.П.*) обработать, то доставить другим средства обработать письменные памятники нашей Истории и Словесности»⁹. Иными словами, — изучить и описать, составив «подробные каталоги», изданием которых и завершаются задачи «второй части» археографических работ — так называемой описательной археографии. Ее назначение Строев определил на века вперед: соединить каталоги и подготовить «Общую роспись, систематически расположенную, которая, при возможной краткости, представляла бы самое полное и вернейшее описание всех, где-либо существующих памятников нашей Истории и Литературы, от времен древнейших до XVIII века»¹⁰. Ученый прекрасно понимал неоценимое значение предполагаемой работы: «Общая систематическая Роспись (по изданию ея в свет) будет надежным руководством всех, занимающихся Русскою Историею: она соделается необходимым зеркалом историков, критиков, библиотекарей и доставит собою ключ к обширному книгохранилищу целой России, где (без сего) тысячи книг, несомненно, погибнут от нерадения и невежества»¹¹.

⁵ Там же. С. 283–284.

⁶ Там же. С. 285–286.

⁷ Там же. С. 286.

⁸ Там же. С. 287.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 293.

¹¹ Там же. С. 294.

К сожалению, намеченные П.М. Строевым планы были осуществлены далеко не полностью, а некоторые начали реализовываться только во второй половине XX в.¹² Однако предсказанная ученым гибель памятников произошла, и это стало ничем не восполнимой потерей.

Говоря о «последней, самой важной части» задач археографии, которая сегодня определяется как археография «эдиционная», Строев подчеркивал, что только «после издания общей Росписи... наступит время издания и критики. Тогда, имея в виду сотни списков Летописей, мы будем избирать лучшие и напечатать не два или три из них (случайно попавшиеся и плохие), но целое Собрание Летописцев и Писателей Русской Истории, обработанное критически». Только тогда станет возможным составление «пособий для древней Литературы, Дипломатики, Истории политической и церковной, Законоведения и проч. Тогда (а не прежде) составитися и Славяно-Русская Палеография, еще не существующая. Какой переворот последует во всем относительно нашей Истории, когда отечественная Клио из жалкого бедняка соделается обладательницею несметных сокровищ»¹³.

Предлагая план будущих археографических экспедиций, П.М. Строев считал необходимым участие в них студентов историко-филологического факультета Московского университета, для которых полевые работы стали бы прекрасной школой профессиональной подготовки. И хотя в 20-е годы XIX в. университет не поддержал идею археографических экспедиций, именно его питомцы, как правило, вели основную работу по разысканию, описанию, изданию тысяч памятников русской истории и культуры, обеспечившую развитие важнейших направлений русской истории XIX в.

Исключительные по масштабу и значимости результаты полевых работ П.М. Строева широко известны и высоко оценены современниками и потомками¹⁴. Прямым следствием деятельности «путешествующих археографов» стало создание в Петербурге (в декабре 1834 г.) при Министерстве просвещения России Археографической комиссии — специального учреждения для выявления, собирания, изучения и публикации российских и славянских документальных памятников¹⁵.

Соратниками Строева и сотрудниками Археографической комиссии чаще всего были воспитанники историко-филологического факультета Московского университета. Так, ученик профессора А.Л. Шлёцера К.Ф. Калайдович, закончивший этот факультет в 1810 г. и преподававший историю и географию в университетской гимназии, в 1814 — 1815 гг. выявлял древние рукописи в хранилищах Владимиро-Суздальской земли, а в 1817 — 1818 гг. вместе со Строевым участвовал в археографической экспедиции по Московской губернии (им и посчастливилось найти Изборник Святослава 1073 г.,

¹² См. подготовленные Археографической комиссией по инициативе М.Н. Тихомирова «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI — XIII вв.» (М., 1984); «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии, XIV в.» (М., 2002. Вып. I).

¹³ *Строев П.М.* О средствах удобнейших... С. 291–292.

¹⁴ См.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

¹⁵ См.: *Корнев И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России. М., 1969. С. 71.

сочинения Кирилла Туровского и Иоанна Болгарского). Именно Калайдович совместно со Строевым обратился к описанию крупнейших частных коллекций¹⁶.

Участником археографических экспедиций в 1830—1834 гг. и верным помощником Строева был будущий академик истории и археологии Яков Иванович Бередников (1793—1854), с 1815 по 1819 г. слушавший лекции в Московском университете. По возвращении из археографической экспедиции Бередников стал членом Археографической комиссии, а позднее — ее главным редактором. Он внес важный вклад в методiku и практику как полевой, так и эдиционной археографии. То же самое можно сказать о широко известном историке и археографе М.П. Погодине и о других воспитанниках и профессорах историко-филологического факультета.

Участие Московского университета в практической полевой археографической работе неразрывно связано также с именем Николая Васильевича Калачова (1819—1885). Предметом изучения Калачов избрал историю русской юридической мысли, российского законодательства, выявление и анализ источников по этим вопросам. По окончании в 1840 г. юридического факультета Калачов был зачислен в состав Археографической комиссии. В 1846 г. он защитил в Московском университете магистерскую диссертацию о Русской Правде и был направлен Археографической комиссией для работы в московские хранилища. Одновременно он исполнял обязанности главного библиотекаря Министерства иностранных дел, что значительно расширило сферу и возможности археографических поисков, результаты которых легли в основу широко известного издания — «Дополнений к Актам юридическим». В 1847 г. ученый был избран действительным членом ОИДР, а еще через год занял в Московском университете (в должности и.о. экстраординарного профессора) кафедру истории русского законодательства, которой ранее руководил К.Д. Кавелин. В университете молодой профессор читал общий курс истории русского законодательства и ряд спецкурсов, в том числе и на историко-филологическом факультете. Наибольший интерес для самого Калачова представлял спецкурс «Критическое обозрение памятников истории русского законодательства», в котором он мог реализовать свою археографическую подготовку и осуществить план К.Д. Кавелина — за годы обучения пройти со студентами и критически разобрать все основные памятники русского права, пополнением свода которых и занимался в 40—50-е годы XIX в.

В 1852—1853 гг., не оставляя должности профессора Московского университета, Н.В. Калачов, вдохновленный опытом Строева и Калайдовича, отправился в длительную археографическую экспедицию по центральным губерниям России. В государственных и церковных хранилищах Орловской, Владимирской и Саратовской губерний он разыскивал исторические и юридические памятники не только с целью расширения «Дополнений к Актам юридическим», но и для своего монографического исследования «О сошном письме в древней России». Летом 1853 г. Калачов продолжил свои археографические поиски, собирая материалы в хранилищах Самарской, Тамбовской и Рязанской губерний.

¹⁶ См.: *Строев И.М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке гр. Ф.А. Толстого. М., 1825. О К.Ф. Калайдовиче см.: *Бессонов П.А.* К.Ф. Калайдович. Биографический очерк. М., 1861—1862. Т. 1—2.

В Отчете Московского университета за 1853 год¹⁷ отмечалось, что профессор Калачов «был командирован в археографическое путешествие с целью обозреть в архивах губернских и уездных документы до 1790 года». Далее в отчете говорилось, что он «успел подробно обозреть архивы в городах: Орле, Мценске, Владимире-Залесском, Переславле, Юрьеве-Польском, Пензе, Саратове, Актарске, Сердобске» и ряде других; что им были осмотрены еще иргизские старообрядческие монастыри и что «найденные документы заслуживают внимания как материалы исторические и юридические». Судя по отчету, часть собранных Калачовым документов не передавалась в Археографическую комиссию, а оставалась «в портфеле» профессора с целью введения их в вышеупомянутые «Дополнения к Актам юридическим».

Вклад Н.В. Калачова в развитие описательной и эдиционной археографии неоспорим. Еще в университете им был опубликован текст Русской Правды по четырем спискам, а начиная с 1857 г. — три тома «Актов, относящихся до юридического быта Древней Руси». В 1850 г. Калачов начал издание «Архива историко-юридических сведений о России»¹⁸, ставшего важным явлением в развитии исторической науки; позднее им были подготовлены и напечатаны два тома «Писцовых книг»¹⁹, исследования «О сошном письме» и другие не менее значимые издания. Н.В. Калачов неизменно выступал организатором новых научных обществ и учреждений. Им было создано Московское юридическое общество; он был одним из тех, по чьей инициативе возникло Российское Археологическое общество, столь много сделавшее и для изучения письменных памятников древней истории. По инициативе в том числе и Н.В. Калачова было начато проведение Археологических съездов, труды которых и сегодня остаются незаменимыми по целому ряду археографических проблем. Именно Н.В. Калачовым, когда он состоял в должности управляющего московскими архивами Минюста, был создан так называемый «Ученый отдел» для систематического описания архивных документов.

С именем Калачова связано и еще одно начинание, доказывающее, насколько широко он понимал задачи полевой работы: в 1864 г. в санкт-петербургской типографии Безобразова Калачов опубликовал «Программу для собирания народных юридических обычаев»²⁰, осуществление которой должно было значительно дополнить историю русского права.

К этому факту можно добавить, что в том же 1834 г., когда была создана Археографическая комиссия, П.В. Киреевский опубликовал результаты своих (и целого ряда ведущих ученых и литераторов) записей русских народных песен, показав истинное историческое и источниковедческое значение устной словесности.

¹⁷ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1852-1853 гг. [М., 1853]. С. 80 - 81.

¹⁸ Калачов Н.В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850-1861.

¹⁹ Калачов Н.В. Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872.

²⁰ Калачов Н.В. Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1864.

Всего через три года на торжественном собрании Московского университета профессор М.Т. Каченовский прочитал доклад «О художественном произведении как памятнике древних народов». В 1859 г. также на торжественном заседании университета Ф.И. Буслав с громадным успехом выступил с докладом «О народной поэзии в древнерусской литературе» (в 1861 г. вышли его знаменитые «Очерки русской народной словесности и искусства»). Таким образом, к 1850-м годам, благодаря Московскому университету и прежде всего Ф.И. Буслаеву, в науке утвердилось представление о единстве письменной и устной народной словесности и о языке, как о всеобщей и всеобъемлющей сфере коммуникации и развития. Этот вывод определил изучение (и преподавание!) в университете живого народного языка, фольклора, литературы, обычаев, искусства и материальной культуры.

Несомненно, развитие и преподавание исторических дисциплин в единстве с российской филологией и языкознанием на первых этапах становления археологии сыграло существенную и весьма положительную роль. Российская археология в университете развивалась и формировала сферу своего применения параллельно источниковедению, текстологии, палеографии, истории литературы и ряду иных как основных, так и вспомогательных предметов, незамедлительно используя многие их достижения и методы. Но на всех этапах поиска, обработки, изучения и публикации документов она оставалась дисциплиной прежде всего исторической и требовала знания и общих закономерностей исторического процесса, и конкретно-исторических сведений.

Таким образом, в 30-е — начале 60-х годов XIX в. на историко-филологическом факультете Московского университета были выработаны основные принципы организации комплексного исследования всех форм русской традиционной народной культуры. (Показательно, что П.В. Киреевский в энциклопедии «Отечественная история»²¹ справедливо назван «фольклористом и археологом»; последнее понятие приложимо к определению одной из основных сфер деятельности всех упомянутых в данном очерке ученых.)

Однако дальнейшего развития полевых исследований в Московском университете во второй половине XIX в. не произошло по причинам общественно-политическим и из-за бесконечных организационных перестроек.

Только со времени создания в 1934 г. исторического факультета можно говорить о следующем этапе развития полевой университетской археологии. Возобновление и широкое развитие полевых археологических работ в СССР, России и МГУ связано с именем крупнейшего историка, археолога, источниковеда XX в., действительного члена АН СССР, профессора исторического факультета Михаила Николаевича Тихомирова (1893—1965).

М.Н. Тихомиров, ко времени создания истфака уже достаточно известный ученый, был приглашен на факультет для преподавания отечественной истории. Одним из основных направлений его педагогической деятельности стало преподавание специальных исторических дисциплин,

²¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 574.

в том числе источниковедения, археографии и палеографии. Именно этим проблемам была посвящена специальная Записка М.Н. Тихомирова о задачах историко-архивного образования, составленная им в 1937 г.²² Особое внимание в Записке обращалось на преподавание источниковедения как дисциплины, обязательной для любого историка. В 1953 г. по инициативе и под руководством М.Н. Тихомирова на истфаке была открыта кафедра источниковедения отечественной истории, в сферу деятельности которой входили также и проблемы археографии. В 1953—1957 гг. М.Н. Тихомиров возглавлял в качестве академика-секретаря Отделение исторических наук АН СССР и использовал свой высочайший авторитет для воссоздания Археографической комиссии АН, председателем которой являлся со времени ее образования в 1956 г. и до самой своей смерти. Именно с Археографической комиссией связано не только возобновление полевых археографических экспедиций, но также развитие и становление полевой археографии как самостоятельной сферы науки (по крайней мере, археографии кириллических памятников). Но еще ранее, в тяжелейшем 1937 году М.Н. Тихомиров добивался серьезной научной подготовки хранителей этих памятников, историков-архивистов, в то самое время, когда руководство Центархива выступало с «теорией», согласно которой архивистам кроме марксистско-ленинской идеологии не нужно никаких научных знаний²³.

Воссозданию Археографической комиссии предшествовала многолетняя и сложная научная и организационная деятельность М.Н. Тихомирова. Закончив в 1917 г. историко-филологическое отделение Московского университета, он оказался в г. Дмитрове, где руководил «собираньем» музея родного края (с 1917 по 1918 г.). Непосредственно полевой археографией ученый занялся после переезда в Самару в качестве инспектора по библиотечным делам. В 1919—1923 гг. после закрытия иргизских старообрядческих монастырей, именно он совершил три археографические экспедиции по спасению их древних библиотек. Эти поездки проходили в чрезвычайно сложных, фактически военных условиях тех лет, когда не было ни средств передвижения, ни достаточно грамотных помощников. И тем не менее многие древние книги были им спасены и описаны. Это описание много позже было издано профессором исторического факультета МГУ М.Т. Белявским совместно с А.Г. Сукаевым²⁴. О значении самостоятельных полевых экспедиций М.Н. Тихомирова 1917—1923 гг. В.Б. Павлов-Сильванский справедливо писал: «Впоследствии, когда Михаил Николаевич возглавил дело возобновления археографических экспедиций, этот опыт [...] дал возможность заниматься разработкой и методикой самых тонких археографических поисков»²⁵. Впервые вопросы поисков и охраны документальных памятников М.Н. Тихомиров поставил в 1947 г., когда был деканом исторического факультета МГУ.

²² См.: М.Н. Тихомиров: Библиографический указатель. М., 1996. С. 5; Черков С.В. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 206–209.

²³ См.: Черков С.В. Записка М.Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования // Археографический ежегодник за 1982 г. М., 1983. С. 219–223.

²⁴ См.: Белявский М.Т., Сукаев А.Г. Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 129–134; Павлов-Сильванский В.Б. М.Н. Тихомиров – организатор археографических экспедиций // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 244–263.

²⁵ Павлов-Сильванский В.Б. М.Н. Тихомиров... С. 249.

Этим проблемам было посвящено известное письмо М.Н. Тихомирова 1947 г. в редакцию журнала «Вопросы истории»²⁶. В письме, вызвавшем широкий общественный отклик, Тихомиров сформулировал комплекс неотложных проблем охраны письменных памятников истории и культуры, решение которых должно было сопутствовать, а во многом и предшествовать срочной организации полевых археографических работ. В значительной степени именно это письмо явилось началом сложной, многогранной и длительной борьбы самого Тихомирова, а в дальнейшем и его учеников не только за возобновление в СССР полевой археографии и воссоздание Археографической комиссии как научно-координационного центра работ, но и за подготовку закона 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в котором наряду с иными типами памятников таковыми впервые признавались «рукописи и редкие книги». Первые археографические экспедиции также были организованы и подготовлены непосредственно самим Тихомировым, который не только сформулировал основные задачи полевой работы, но даже подготовил специальную «Памятную записку участникам археографической экспедиции в Бурятскую АССР 1959 г.»²⁷. В 1958—1962 гг. Археографическая комиссия провела пять экспедиций на Дальний восток (Приморский край) и в Бурятскую АССР. Участниками этих экспедиций стали выпускники исторического факультета МГУ, ученики самого Михаила Николаевича, прежде всего В.Б. Павлов-Сильванский и А.И. Рогов. Впоследствии, когда археографические полевые исследования начали проводиться самим историческим факультетом, рекомендации М.Н. Тихомирова относительно подбора и поведения археографов, методики поиска, последовательности осуществления археографических задач, организационной и научной подготовки полевых исследований, оформления полевой документации и др. легли в основу аналогичных разработок, созданных на кафедре источниковедения отечественной истории. Принципы полевой археографии, сформулированные М.Н. Тихомировым, и сегодня являются обязательными для полевых археографических исследований.

Первый этап полевых археографических работ Московского университета и его результаты подробно описаны в статье сотрудника Археографической комиссии Д.Н. Тверской²⁸, в которой автором дана исчерпывающая характеристика археографических экспедиций до 1974 г. включительно.

Начало университетской полевой археографии в XX в. связано с Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. В 1966 г. сотрудники библиотеки И.Д. Кашкарова и И.В. Поздеева впервые были направлены в «археографическое путешествие» с целью пополнения фондов отдела кириллическими памятниками. Работа в Ржевском районе Калининской области, а также Городецком и Уренском районах Горьковской

²⁶ Тихомиров М.Н. Еще несколько замечаний о культуре Руси эпохи образования русского национального государства. Письмо в редакцию / Вопросы истории. 1947. № 11. С. 158-159.

²⁷ См.: Павлов-Сильванский В.Б. М.Н. Тихомиров... С. 260-261.

²⁸ Работа Дины Исааковны Тверской, блестящего ученого, рано ушедшего из жизни, «О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период» опубликована в № 1 журнала «История СССР» за 1976 г. — уже посмертно (С. 106-124).

позволила привести в библиотеку уже в 1966 г. 99 книг, из которых три памятника датировались XVI, а тридцать — XVII столетием. Всего за пять лет работы «в поле» археографы библиотеки получили 609 кириллических книг, в том числе 249 рукописей и 360 экземпляров книг кириллической печати (260 из них датировались XVI и XVII и 213 — XVIII в.). Находки университетских археографов в 1966—1970 гг. составили более 16% всех кириллических памятников, собранных в эти годы в СССР: 49% печатных книг XVI в. (19 из 39) и 39% кириллических изданий XVII в. (222 из 568). Среди находок были лицевые и певческие рукописи, редкие ранние виленские и московские издания, неизвестные памятники истории старообрядчества, редкие списки многих литературных древнерусских произведений. Но прежде всего первые годы работы были временем осмысления на новом этапе задач и возможностей полевых археографических экспедиций применительно к задачам университетской науки. Итоги этих поисков как в теории, так и на практике были подведены на заседании Археографической комиссии в 1968 г. и на конференции той же комиссии «Тихомировские чтения» в 1970 г.

Первые же экспедиционные работы показали, что ученый не может просто «изъять» памятник, разорвав его связи с живой средой бытования. Без детального описания «стратиграфического окружения» полученный памятник теряет, как это было с археологическими находками XVIII в., значительную, если не большую часть своего научного потенциала; полнота же и тщательность фиксации среды бытования должна сделать результаты археографических экспедиций важными не только для историков культуры и источниковедов, но также для историков, этнографов, языковедов, фольклористов, музыковедов и социологов. Возникло множество и других вопросов, в решении которых были заинтересованы все учреждения, ведущие археографические поиски. В 1968 г. в Археографическом ежегоднике были опубликованы статьи руководителей археографических экспедиций Сибирского отделения АН СССР и Московского университета, в которых поднимались «вопросы о новых задачах и методике работы, превращающей поиск рукописей и книг в многоплановое продуманное исследование, зависящее от конкретных условий изучаемого региона»²⁹. Поэтому во второй половине XX в. археографические экспедиции, собирающие древние памятники, ориентировались на старообрядческие районы, где еще сохранялась традиционная культура в ее отдельных направлениях, а иногда даже и как система. Уже во втором сезоне работы в состав археографической экспедиции входили сотрудник Института искусствоведения Г.В. Попов, сотрудник филологического факультета МГУ О.В. Орлов и студенты; в экспедициях 1968 г. в Карелию и на Иргиз участвовала К.Г. Тихомирова (Музей древнерусского искусства).

²⁹ Поздеева И.В. Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького МГУ в 1966–1967 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 254–261; Алексеева В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970.

Современным молодым ученым, ведущим полевые работы, связанные с традиционной культурой русского народа, просто невозможно представить то полное пренебрежение к древним памятникам нашего прошлого, которое было присуще представителям не только местных властей, но и значительной части молодой местной интеллигенции. В большинстве закрытых церквей, в подвалах музеев гибли тысячи книг, икон, предметов искусства, связанных с богослужением. Однако попытки археографов передать их в центральные хранилища страны завершались, как правило, категорическим запретом со стороны местных начальников. Стремление местных властей контролировать работу археографов во время посещения старообрядческих церквей и даже частных домов серьезно мешало ученым. Поскольку почти всегда археографические поиски древних памятников велись в исконно старообрядческих регионах, основной проблемой в 60-е годы (да и позднее тоже) оставалось преодоление выработанного веками гонений недоверия старообрядцев к представителям «власти». Самой обычной реакцией на просьбу рассказать об истории веры и тем более показать древние книги, особенно в центральных районах России, был страх, что книги «заберут» или «заберут хозяев вместе с книгами». В этой ситуации любому археографу нужны были серьезное знание древней книги, веры, традиционной культуры, но прежде всего — убежденность в важности своей работы, высокая коммуникабельность, громадное терпение, искреннее уважение к носителям традиционной культуры и умение их понять.

Впрочем, приходилось сталкиваться и с совершенно иным отношением к деятельности археографов. Так, в 1970 г. в Ветковско-Стародубовских слободах вдова умершего старообрядческого священника, сохранившая почти два десятка его книг, поверив, что археографы действительно из Московского университета и что книги будут сохранены и их будут читать, с глубоким облегчением сказала, что теперь она может «и умереть спокойно», так как муж перед смертью взял с нее слово, что она сохранит древнюю святыню. Несколько раз наследники тех людей, с которыми довелось работать в конце 60-х годов, после смерти стариков писали в университет и просили приехать за оставшимися книгами, как это было им завещано.

Участникам археографических экспедиций ежедневно приходилось решать множество организационных проблем, осложнявшихся отсутствием коммуникаций и общественного транспорта, незначительностью средств, отсутствием в магазинах самых необходимых продуктов и т.п. Однако именно в 60-е годы были решены многие практические задачи, связанные с осмыслением методики работы в старообрядческих регионах и принципов, на основании которых планировались маршруты экспедиций. Переломным моментом в становлении полевой археографии в университете стал 1970-й год, когда археографы впервые провели полевые работы на территории стародубовских и ветковских старообрядческих слобод (Погарский, Стародубовский, Климовский районы Брянской области, город Ветка Гомельской области). В этих работах, кроме сотрудников Научной библиотеки МГУ, принимали участие известный лингвист О.А. Князевская, сотрудник Отдела редких книг и рукописей и Отдела ретроспективной библиографии М.М. Ощепкова, а в качестве фотографа —

А.Б. Шубин, много сделавший для создания в 1970-е годы фотофонда полевых работ МГУ и для организации работы в поле.

На Брянщине экспедиция впервые столкнулась с наследием чрезвычайно богатой традиционной культуры, значительные элементы которой еще сохранялись местным старообрядческим населением: умение петь по крюковой нотации, активная книжная культура старшего поколения, знание духовных стихов и др. Особенно поразили археографов богатство и древность местной кириллической книжности, хотя большая часть сохранившихся памятников достаточно давно (иногда до 20 лет назад) вышла из употребления и сберегалась неграмотными детьми умерших старообрядцев в силу вековых традиций отношения к книге как к святыне.

Именно в 1970 г. было начато создание первого репрезентативного территориального собрания, получившего в Научной библиотеке МГУ название «Ветковского», — из этих мест археографы привезли около 90 книжных памятников XVI и XVII вв. и более 50 книг XVIII столетия.

Сохранность древних культурных традиций в старообрядческих слободах Ветковско-Стародубковского региона окончательно решила вопрос о необходимости комплексного выявления здесь и в аналогичных районах элементов традиционной культуры и их фиксации как среды бытования книжных памятников. В этой экспедиции впервые были выполнены магнитофонные записи пения по крюкам духовных стихов и старообрядческого богослужения. Особая удача выпала на долю О.А. Князевской, которая зафиксировала во время полевых работ 1970 и 1971 гг. достаточно широкую сохранность так называемого литургического произношения³⁰. Археографы также зафиксировали в этом регионе широко распространенные, недавно еще живые традиции местного иконописания, ряд особенностей которого перекликался с найденными здесь памятниками миниатюры. Это заставило в 1972 г. ввести в состав экспедиции специалиста-искусствоведа — сотрудницу ГТГ Э.К. Гусеву, которая не только изучала иконописание данного региона, но и собирала его памятники для Третьяковской галереи, а также лингвиста Е.М. Сморгуну.

Важную роль в развитии полевых археографических работ университета, о которых в дальнейшем можно говорить как о полевых исследованиях, сыграла конференция Археографической комиссии 1970 г., когда Тихомировские чтения были специально посвящены проблемам полевой археографии. Одним из основных докладов на конференции был доклад руководителя экспедиций Сибирского отделения Академии наук, инициатора комплексных полевых работ в Сибири Н.Н. Покровского³¹. На конференции были представлены итоги полевых работ университетских археографов, позволившие осмыслить важнейшую для этого времени проблему соотношения уровня сохранности древних традиций в регионе с задачами и методикой региональных полевых археографических исследований. Было предложено разделение всех представлявших археографический интерес

³⁰ См.: Успенский Б.А. Книжное произношение в России (Опыт исторического исследования). Дис. ... докт. филол. наук. М., 1971. Т. I II.

³¹ Покровский Н.Н. [Выступление на конференции] // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященные опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970.

регионов на три категории³². В понятие регион могли входить только исторически сложившиеся территории, имевшие определенные географические границы. К концу 60-х годов был хорошо известен целый ряд таких регионов традиционного старообрядческого заселения, например исследуемое ленинградскими учеными Поморье, Иргиз, Нижегородские земли, и упомянутые выше Ветковско-Стародубовские слободы.

В районе первой категории традиционная культура сохранялась как система. В этих местах можно было не только выделить, изучить и описать живые традиции книжной культуры, крюкового пения, фольклора и т.д., но также понять связи различных элементов традиционной культуры с догматикой местного старообрядчества, т.е. с книгой. В 1972—1973 гг. в результате сплошной разведки Пермской области археографами МГУ был выявлен регион первой категории, ставший скоро широко известным, — Верхокамье. Всесторонние комплексные исследования этого региона ежегодно проводились в течение тридцати лет.

В районе второй категории в качестве «живых» сохранялись отдельные компоненты традиционной культуры, состав и уровень сохранности которых определялся разными общественно-историческими причинами. Большинство старообрядческих регионов, где в 60-е годы велись полевые археографические работы, как раз могли быть отнесены к районам второй категории.

К районам третьей категории были отнесены те территории старообрядческого заселения, где разложение традиций привело к гибели большинства компонентов древней культуры. Однако в этих местах, там, где еще сохранялись старообрядческие общины, можно было выявить и зафиксировать (а иногда по этим остаткам и восстановить) местные особенности и характер литургического и домашнего богослужения, книжного репертуара, местной книжной рукописной традиции и т.д.

В районах первой категории необходимо было провести комплексные экспедиции с целью изучения народной традиционной культуры как системы, что требовало многолетних работ, участия в них специалистов разного профиля, ориентированных на решение общих задач экспедиции. Комплексные экспедиции требовали тщательной и всесторонней фиксации не только всех находок, но и всех наблюдений — т.е. развитой полевой документации (о ее необходимости писал еще М.Н. Тихомиров). Полевые исследования традиционной культуры в регионах первой категории с полным правом можно было называть археографическими, так как все компоненты местной древней традиции имели в своей основе прямо или опосредованно древнюю книгу, книжную культуру. Именно поэтому максимальное внимание ученые обращали на методику полевого археографического исследования. Прежде всего, археографы МГУ, проанализировав результаты первых лет полевых работ, пришли к принципиально важному для дальнейших судеб полевой археографии выводу о великом значении

³² См.: *Поздеева И.В.* Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // Вопросы истории. 1972, № 2, С. 103—115; *Она же*. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского университета) // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978, С. 56—61.

в книжной культуре и книжном репертуаре старообрядческой традиции дониконовской (до середины XVII в.) печатной книги.

К сожалению, в первые годы полевых работ многие экспедиции старопечатной книгой не интересовались. Например, экспедиции ИРЛИ стали собирать старопечатную книгу только с 1965 г., когда в их состав вошли сотрудники Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ЛГУ. При этом единое книжное собрание расчленилось на рукописное и старопечатное. Археографы же МГУ стали одинаково внимательно выявлять, фиксировать и собирать любые книжные памятники местной традиции.

Постановка исследовательских, а не одних лишь собирательских задач продиктовала еще одно принципиальное нововведение для большинства археографических экспедиций тех лет: в университетских экспедициях стали делать описания (по своему характеру близкие к требованиям научного описания) всех выявленных, но не полученных книжных памятников, в том числе поздних рукописных сборников, а также копировать, прочитывая и фиксируя, древние записи на экземплярах старопечатных книг. Эти начинания сыграли решающую роль не только в изучении культуры региона, но и в приобретении книг для МГУ, так как позволили проследить их движение иногда на протяжении многих лет.

Значительно расширены были и археографические разделы вопросников, составляемых с учетом особенностей каждого исследуемого района. Собиралась и фиксировалась информация об обучении церковнославянской грамоте, местных центрах книгописания, переписчиках и владельцах книг.

Участники археографических экспедиций тех учреждений, которые были заинтересованы лишь в собирании книг, пытались говорить о неэффективности (и нецелесообразности) комплексных работ, поскольку они якобы «отвлекают» археографов от их первоочередной задачи, в то время как книжные памятники на местах гибнут или попадают в нечестные руки. Однако изучение любых направлений традиции не только позволяло увидеть их как систему, но так или иначе снова выводило на книгу, что еще раз доказывало как целостность народной традиционной культуры, так и ее ориентацию на книжные знания: литургику, Писание и Предание, местное полемическое, догматическое, историческое и литературное творчество. Все это в очередной раз свидетельствовало о преимущество комплексных исследований.

Высокая результативность полевых работ МГУ это полностью подтвердила. Так, во время экспедиции 1971 г. в Ветковско-Стародубовские слободы было получено 180 книг и рукописей и 172 памятника поставлено на учет. В 1972 г. было собрано 299 книжных памятников и 211 поставлены на учет. В 1973 г. университетские археографы организовали три полевые экспедиции и один кратковременный выезд, собрав 268 старопечатных книг и рукописей и поставив на учет 594 памятника³³.

³³ См. подробнее: *Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966–1980 гг. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982.

В ходе исследования народной традиционной культуры встала еще одна важная задача, которая в какой-то степени была решена на конференции «Тихомировские чтения» 1970 г. Речь шла о маршрутах экспедиций, которые постоянно пересекались, мешая друг другу. Например, в 1966 г. в Архангельской области работали не только совместная экспедиция ИРЛИ и ЛГУ, но также археографы библиотеки Академии наук, Государственной публичной библиотеки и Русского музея. Естественно, что при такой ситуации заниматься серьезными исследованиями региона было просто невозможно. Поэтому на Тихомировских чтениях 1970 г. был поставлен вопрос о районировании регионов археографических исследований, т.е. об определенном закреплении их за различными учреждениями для проведения экспедиций³⁴.

Превращение археографических поисков в комплексное исследование регионов еще более остро поставило вопрос о подготовке кадров. По инициативе ректора Московского университета академика И.Г. Петровского, который был известным знатоком и собирателем книг, на историческом факультете МГУ в июне 1971 г. была создана археографическая группа, для которой ректорат выделил ставки³⁵. Академик Петровский, прекрасно понимая связь археографии и с историческими, и с филологическими дисциплинами, позволил археографам самим выбирать факультет. По рекомендации декана исторического факультета Ю.С. Кукушкина и благодаря согласию заведующего кафедрой И.Д. Ковальченко археографическая группа вошла в состав кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета. Несомненно, блестящие успехи университетского источниковедения в 70—80-х годах XX в., широта и четкость постановки проблем, неопровержимая логика и глубина их решения во многом способствовали превращению полевой археографии из собирания книжных памятников сначала в собирание и изучение этих памятников в среде их бытования³⁶, а затем — в изучение живой традиционной культуры, инструментом сохранения и воспроизводства которой является книга.

Особое значение для теоретического осмысления и практической работы комплексной археографической экспедиции имела трактовка И.Д. Ковальченко общественно-исторических систем и их структуры, разработка им историко-системного метода и методов диахронного и синхронного изучения общественно-исторической реальности³⁷. Это позволило построить комплексные исследования, прежде всего, как системные. Важным фактором развития археографии в эти годы, в том числе полевой и камеральной,

³⁴ Окончательно такое районирование было принято в 1976 г. — на Первой Всероссийской конференции по полевой археографии.

³⁵ Именно академик И.Г. Петровский поддержал археографические работы Научной библиотеки МГУ, ознакомившись с результатами экспедиции 1966 г. Решение о создании археографической группы было принято ректором по рекомендации В.Л. Янина и докладу И.В. Поздеевой.

³⁶ Подробнее см.: *Поздеева И.В.* Кафедра источниковедения исторического факультета МГУ и изучение русской традиционной культуры // *Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко*. М., 1997. С. 213—221.

³⁷ См.: *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 186—190, 246—249.

была общая творческая обстановка на кафедре, влияние работ ведущих ученых — педагогов МГУ Б.А. Рыбакова, С.Д. Сказкина, А.В. Арциховского, Л.В. Черепнина, В.Л. Янина, Л.В. Милова, А.В. Муравьева, многих других учителей и старших коллег. На всем пути становления полевой археографии в МГУ и разработки оптимальных методов описания кириллических памятников исследователи с благодарностью обращались к памяти К.К. Зельина и В.Д. Блаватского, научивших находить и понимать взаимосвязь в культурных явлениях, читать сложную стратиграфию культурного слоя.

Именно в МГУ удалось начать практическую подготовку необходимых для археографических экспедиций кадров. В 1972 г. благодаря самому известному из «путешествующих археографов» XX в. В.И. Малышеву (ИРЛИ) и профессору филологического факультета МГУ В.В. Кускову, удалось вернуться к историко-филологическим основам полевой археографии. Профессор Кусков, в дальнейшем очень много сделавший для участия в археографических экспедициях филологов, обратился к Малышеву с просьбой взять студентов филфака МГУ в свои экспедиции. Малышев же рекомендовал Кускову переадресовать это предложение московским университетским археографам.

В результате, начиная с 1972 г. и почти до конца 80-х годов, студенты и аспиранты филологического факультета были постоянными и активными участниками полевых археографических исследований истфака, проходили в полевых условиях лингвистическую и фольклорную практику, руководили отрядами и экспедициями, а некоторые, ныне широко известные ученые, избрали археографию, источниковедение и изучение старообрядческой культуры в качестве своей основной профессии³⁸. Все участники экспедиций, в том числе настоящие и будущие их руководители, постоянно учились. Для участников полевых работ в течение нескольких лет были разработаны и прочитаны на историческом факультете обязательные спецкурсы, в том числе: «Календарь и хронология Русской Православной церкви (XVI—XVII вв.)», «История древнерусской книги (рукописи и ранняя печать)», «Догматическое и литургическое богословие». В 1970—1980-х годах этот спецкурс, по понятным причинам, назывался «Основные термины и понятия древнерусской книжности (Догматическое богословие)». Наиболее подробно разработанными были курсы, посвященные основным типам древнерусской книги, правилам и методам ее описания. В подготовке университетских археографов в первые годы работы важнейшую роль сыграли лекции А.И. Рогова, Н.Н. Покровского, О.А. Князевской.

Воспитанник исторического факультета и ученик М.Н. Тихомирова, участник первых экспедиций, организованных Археографической комиссией, Александр Иванович Рогов читал лекции, которые надолго стали образцом изложения истории христианской культуры и источниковедения Русской Православной церкви. Следует особо отметить, что только исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где сохранились традиции высокой исторической науки, мог в те годы отрицания любой церковной культуры последовательно поддерживать работы по собиранию ее памятников, более того — официально разрешать чтение богословских курсов.

³⁸ Это Е.М. Юхименко, В.В. Калугин, И.А. Кобяк, Т.В. Черторицкая, С.В. Минеева и др.

Без знания догматики, литургической книги, причин и истории раскола результаты археографические исследования не были бы возможны. Большинство из проблем, связанных с действительной ролью Русской Православной церкви в отечественной истории и культуре, необходимо было переосмысливать, а то и разрабатывать заново.

Выполнение научных описаний собранных памятников побудило университетских археографов обратить особое внимание на литургические рукописи. В годы, когда не существовало даже понятия «литургический источник», кафедра источниковедения поставила и обсудила посвященный этой теме доклад И.В. Поздеевой. Тогда же в камеральную археографию была возвращена методика поэтапного описания литургических типов книг; тематика, связанная с их исследованием, стала одной из важнейших в последующей работе археографов МГУ³⁹.

Уже в первой половине 70-х годов вокруг археографической группы института сложился коллектив из сотрудников иных научных учреждений — бывших питомцев МГУ и тех, кто, окончив университет, продолжал еще многие годы участвовать в экспедициях. С 1972 по 1990-е годы руководителем филологических изысканий университетских археографов была кандидат филологических наук Е.М. Сморгунова, в течение многих лет — верный соратник во всех начинаниях и практических делах археографов МГУ. Ею внесен наиболее весомый вклад в становление комплексных исследований и разработку лингвистических проблем археографии⁴⁰. В 1973 г. началось систематическое собирание фольклора в старообрядческих регионах, позволившее всесторонне изучить русскую традиционную устную словесность и показать единство письменной и устной форм словесности в культуре народа. Возглавила это направление комплексных работ С.Е. Никитина⁴¹. Первоначальной разработкой музыковедческих проблем народной традиционной культуры занималась М.В. Чернышева, а литургического пения — М.В. Богомолова и Л.А. Игошева. Руководители других направлений комплекса, начальники отрядов последующих экспедиций выросли в основном из студентов «первого призыва». Сотрудником археографической группы и руководителем полевых работ, известным педагогом стала выпускница кафедры источниковедения Т.А. Кружлова; с первых дней существования лаборатории руководила полевыми работами, участвовала в описании находок и подготовке изданий М.М. Леренман; несколько позже участницами и постоянными руководителями археографических работ на

³⁹ Поздеева И.В. Русские литургические тексты как источник изучения государственной идеологии XVII в. (к постановке вопроса) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 24–37; *Она же*. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории, 2000. № 6. С. 112–120; *Она же*. Богослужение Русской Православной церкви и некоторые проблемы народного сознания // Материалы международного симпозиума «Православие в культуре этноса». М.: Воронеж, 2001. С. 59–65.

⁴⁰ См.: Сморгунова Е.М. Лингвистические проблемы в археографических исследованиях // Русские письменные и устные традиции... С. 72–90; *Она же*. Старообрядцы Верхней Явлы: особая языковая ситуация // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 157–162; *Она же*. Сравнительная типология говоров современных старообрядцев // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 149–156; и др.

⁴¹ См.: Никитина С.Е. Пермский фольклор и книжная традиция // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 111–119; *Она же*. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоякмыя // Русские письменные и устные традиции... С. 91–126; *Она же*. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1992; и др.

всех их этапах сделались выпускники кафедры, ныне известные ученые — Е.Б. Смилянская и Е.А. Агеева⁴². Участие в экспедициях студентов университета, фактически, определило судьбу полевой археографии, решив проблему преемственности исследований и определив их результативность. Многие студенты продолжали работать, руководить полевыми исследованиями и через годы после окончания университета, например И.С. Куликова.

Уже в начале 70-х годов сложилась практика, согласно которой студенты и аспиранты — как историки, так и филологи — слушали спецкурсы на истфаке и работали в семинаре, учились описывать книжные памятники. В свою очередь, студенты-историки, специализирующиеся по истории книги, книговедению, истории Русской Православной церкви или старообрядчества, прослушивали курсы по истории древнерусского и церковнославянского языка на филологическом факультете. Перед каждым полевым сезоном участники работ и студенты, проходящие археографическую практику, слушают лекции, в ходе которых освещаются задачи полевого сезона, история и культура старообрядческого населения региона, методика работы и правила ведения полевой документации.

Поскольку общепринятых форм этой документации еще не было, университетским археографам пришлось разрабатывать их, учитывая и требования фиксации научной информации, и особенности старообрядческого сознания, и требования текущих бухгалтерских отчетов. В результате были созданы, приняты и существуют до сегодняшнего дня три основные формы полевых документов. Первая из них — *тетрадь находок*, в которой фиксируются все без исключения полученные книжные памятники (с 90-х годов XX в., когда систематическим стало собирание предметов традиционной материальной культуры, в эту же книгу записываются и все полученные предметы). В тетради находок указываются время, место (адрес находки), фамилия, имя, отчество человека, передавшего памятник, старообрядческое согласие, к которому принадлежит его семья, полевая датировка и название книги (если это рукописный сборник или конволют, то краткая роспись его содержания), легенда (т.е. история происхождения) и современная или последняя функция памятника.

В каждую находку вкладывается *паспорт* с краткими сведениями: когда и у кого книга или вещь получены с личной подписью начальника отряда, ее получившего⁴³.

⁴² См.: Смилянская Е.Б. О формировании источниковой базы для изучения позднего старообрядчества // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 169–171; Она же. Комплексное изучение религиозного народного сознания крестьян-старообрядцев (по материалам полевых исследований Московского университета в Верхкоамье // Studia Rossica. Warszawa, 1994. S. 103–110; и мн. др.; Агеева Е.А., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б. Собрание, изучение, возвращение: к 25-летию полевых археографических исследований Московского университета // Мир старообрядчества. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 5–10; Агеева Е.А., Смилянская Е.Б. Находки археографических экспедиций, пополнившие фонды МГУ // Из фондов редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 229–249; Агеева Е.А. Памятники Выговской старообрядческой традиции в составе крестьянской библиотеки села Самодуровка // Там же. С. 103–119; Она же. Старообрядческая полемика об Антихристе на исходе XX в. // Уральский сборник. История. Религия. Культура. Екатеринбург, 1997. С. 9–17; и др.

⁴³ В тех случаях, когда это было возможно, человек, передавший в МГУ книгу, свидетельствовал этот факт собственноручной записью на третьей сторонке переплета.

Третий важнейший экспедиционный документ — *полевой дневник отряда*. Содержание дневников, естественно, чрезвычайно разнообразно и зависит от задач экспедиционных работ, опытности и наблюдательности членов отряда, их способности излагать материал, однако основные принципы отражения в дневнике полученной информации тщательно разработаны и обязательны.

Тетради находок хранятся в архиве археографической лаборатории, паспорт же передается в фонд вместе с книгой. Экспедиционные дневники, отражающие состояние традиционной культуры региона, судьбы семей (а позднее и их хозяйства) и содержащие всестороннюю характеристику личности носителя культуры, фиксировали состояние местной традиции систематически в течение нескольких лет, а то и десятилетий и поэтому стали сегодня уникальным источником для историка (прежде всего, историка российской деревни второй половины XX в.), этнолога, фольклориста и социолога⁴⁴. Совершенно очевидно, что дневники не являются общедоступным материалом, поскольку в них подробно описаны памятники, хранящиеся в доме, нередко и достаточно личные сведения о жизни человека и пр. Поэтому, пока жив респондент, использование информации записей осуществляется только с разрешения руководства археографической лаборатории или автора дневника.

С 1974 г. в университетских экспедициях ведутся не только черновые, но и белые дневники отрядов, что хотя и значительно увеличило время, необходимое для работы «в поле», но зато дало и несомненный выигрыш с точки зрения объема и точности передачи информации.

В первые же годы университетских экспедиций сложились формы их работы. Непосредственно с населением работают отряды, состоящие, как правило, из двух археографов; третьим может быть один из специалистов в области фольклора, литургического пения, этнологии, фотограф, кинооператор и т.д. Начальник отряда, как правило, ранее прошедший два полевых сезона в качестве члена отряда, ведет основное интервью; второй член отряда пишет черновой дневник; белой дневник пишется совместно всеми членами отряда уже «на базе».

Одной из основных форм фиксации зрительного образа традиционной культуры и ее носителя, является фотография. В большинстве районов живой беспоповской старообрядческой традиции фотографировать, а тем более снимать на ТВ-камеру людей, богослужение и даже интерьер дома категорически запрещается, так же как и делать аудиозаписи. Однако уже с начала 70-х годов во всех случаях, когда это было возможно, фотографирование и магнитофонная запись выполнялись и находятся в архиве лаборатории. Благодаря этому мы обладаем сегодня уникальными и изобразительными, и аудиоисточниками, сохранившими зрительные образы и голоса давно ушедших из жизни людей.

⁴⁴ С университетскими археографами много лет сотрудничает известный социолог К.Г. Мяло, участвовавшая в полевом обследовании Верхокамья. Именно она первая оценила дневники как ценнейший источник информации для исследователя не только прошлого, но и сегодняшнего дня (см.: Мяло К.Г. Социологические аспекты комплексного исследования традиционной культуры поморской общины Верхокамья (Традиции и модернизация) // Мир старообрядчества. Вып. 6. В печати).

С 1993 г. лаборатория получила возможность в ряде исследуемых регионов фиксировать элементы традиционной культуры, брать интервью с ее носителями также и с помощью телекамеры. Первоначально (с 1993 по 1996 г.) телевизионные записи выполняли сотрудники ЦНИТ МГУ — Л.С. Филимонов, Е.В. Александров⁴⁵, А.Ю. Горячев, В.Н. Носарев, а затем сотрудник археографической лаборатории Н.В. Литвина⁴⁶.

Системный подход к описанию традиционной культуры и анализ книги как источника, сохраняющего полноту информации только при понимании ее места и функций в книжной культуре региона, позволили принципиально решить и проблему научного планирования маршрутов экспедиций. Поскольку место и роль книги в комплексе региональной книжности и книжной культуры в значительной степени определяется характером старообрядческой традиции, особенности которой складывались в ее территориальном и временном движении, университетские археографы поставили своей задачей пройти историческими путями важнейших старообрядческих согласий.

Например, традиция так называемого беглопоповства, возникнув и сформировавшись в Ветковско-Стародубовских старообрядческих слободах, приобрела новые черты при распространении ее в Украинских и Молдавских землях, а затем и в центре России. Поэтому университетские полевые археографические работы в Брянской и Гомельской областях (1970—1976, 1979—1989 с перерывом) были продолжены в ряде районов Украинско-Молдавского (1973—1975, 1981—1989, 1996), Оренбургско-Казахстанского (1977—1979, 1985) и иных регионов. В 40-е годы XIX в. возникает так называемая «белокриницкая» старообрядческая иерархия и Белокриницкая церковь, изучение традиций которой также было начато в Белой Кринице, а затем продолжено в других регионах СССР.

В 1972 г. в результате сплошной археографической разведки в Пермской области был открыт ранее никем не обследовавшийся район, первоначально названный Верещагинским. Разведка показала, что в нем преобладает так называемая беспонювская поморская традиция, сохранность которой позволяла считать эту территорию районом первой категории. Именно здесь университетским археографам удалось провести уникальное исследование и получить не менее уникальные результаты.

Высокая степень сохранности древней традиционной культуры даже в начале 70-х годов XX в. объяснялась тем, что в 60-е годы XIX в. местная поморская крестьянская община раскололась на два остро полемизирующих направления — «деминцев» и «максимовцев»⁴⁷. Именно это противостояние (внутри

⁴⁵ См.: Александров Е.В. Создание видеозаписей старообрядчества: принципы, результаты и проблемы // Мир старообрядчества. М., 1999. Вып. 5. С. 123—131. Активно участвовала в ТВ съемках также Н.С. Куликова.

⁴⁶ См.: Литвина Н.В. От визуального материала до фильма и обратно (по поводу практики визуальной антропологии) // Материальная база сферы культуры. М., 1999. Вып. 4. С. 78—81; Она же. Возможности отражения традиционной культуры старообрядцев в музеях Верхоямья // Мир старообрядчества. Вып. 5. С. 198—216; Она же. Святые // Материальная база сферы культуры. М., 2001. Вып. 1. С. 82—93; Она же. Состав, содержание, значение видеонарративных источников о Е.А. Чадовой // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 54—62.

⁴⁷ См.: Поздеева Н.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции... С. 40—71; Смилянская Е.Б., Кобяк Н.А. Предисловие // Рукописи Верхоямья XV—XX вв. Каталог. Из собрания научной библиотеки Московского университета им. М.В. Ломоносова. М., 1994. С. 5—15.

почти каждого населенного пункта) старообрядческих общин-«соборов» и привело к архаизации и в какой-то степени к определенной гальванизации древних местных традиций. Территориальные границы региона, выявленные археографической разведкой, полностью совпали с границами волостей, старообрядческое население которых участвовало в «расколе» XIX в. Уже через два-три года работы в Верхокамье⁴⁸ можно было говорить о сохранности местной традиционной культуры *как системы*.

Археографам удалось восстановить историю и выявить причины раскола крестьянской поморской общины, произошедшего в 1866 г., но окончательно завершившегося только на общем соборе в 1888 г.⁴⁹

Район деминских и максимовских общин невелик — всего 60 квадратных километров (Очерский, Верещагинский, Сивинский районы Пермской области и Кезский район Удмуртии). Население занято в нем на скудных глинистых землях «рискованным» и «убыточным» земледелием, животноводством и лесным хозяйством. Однако этот бедный район, где чуть ли не половина деревень очень быстро исчезла после так называемого «укрушения», оказался регионом невероятно богатой книжной культуры, заповедником всех жанров традиционного фольклора и искусства духовного стиха, средоточием живых традиций ремесла и народного прикладного искусства.

Уникальная сохранность и богатство традиционной культуры позволили максимально полно осуществить здесь комплексную методiku полевых исследований, которая дала возможность собрать семь фондов, отражающих динамику и закономерности постепенного «затухания» традиции. Шесть фондов — рукописное собрание, фоно- и фотофонды, полевая документация, фонды переписки и телевизионных записей — находятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ и в архиве лаборатории; фонд материальной культуры — в Пермском областном краеведческом музее. Все эти фонды изучаются как единый поливидовой региональный архив традиционной культуры Верхокамья⁵⁰. За тридцать лет экспедиций в Верхокамье в них участвовали четыре поколения студентов и аспирантов, ученые разных гуманитарных областей, фотографы, операторы ТВ, художники и иные специалисты.

Важнейшей причиной результативности полевых работ, несмотря на сложности финансирования, являются хорошие отношения с местными старожилыми — их доверие, понимание большинством этих людей общности целей — участников экспедиции и их собственных, — направленных на сохранение для потомков молниеносно (с точки зрения исторической) размываемой и навсегда уходящей древней русской традиции.

⁴⁸ Изучаемому региону удалось вернуть его топоним первой половины XVIII в., под которым он вошел в старообрядческую литературу того времени.

⁴⁹ В Верхокамье удалось обнаружить два исторических памятника, объясняющих раскол общины с точки зрения «максимовцев» и «деминцев» (см.: Пермская рукопись «О разделе» — Публикация Е.М. Сморгуновой // Русские письменные и устные традиции... С. 247–264; Пропехождение раздела [максимовская версия раскола верхокамской поморской общины] — Рукописи Верхокамья... С. 239–244).

⁵⁰ См.: *Полевая И.В.* Поливидовый территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ 1972–1998 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24–35.

Несомненно, при любой научной подготовке, при любом отношении на местах Верхокамские исследования не удалось бы завершить без поддержки кафедры источниковедения, исторического факультета, ректора МГУ, которая постоянно ощущалась университетскими археографами.

С 1984 г. в верхокамских работах участвуют сотрудники Пермского государственного университета (руководитель — Г.Н. Чагин) и Пермского областного краеведческого музея, в котором собрана и экспонируется большая коллекция памятников материальной культуры Верхокамья (руководитель — С.А. Димухаметова)⁵¹.

Как уже говорилось, основой культуры этого региона является древняя кириллическая книжность, памятники которой были обнаружены в трех из каждых четырех сохранившихся в Верхокамье в 70-е годы деревень. Правда, в большинстве домов древних книг было не более пяти. Но встречались библиотеки из десяти-двадцати книг, а в нескольких личных и соборных библиотеках Верхокамья их насчитывалось от пятидесяти до шестидесяти. В этом бедном и совсем небольшом районе экспедициями МГУ было выявлено, поставлено на учет и описано около 2200 кириллических книжных рукописных и печатных памятников. Из них в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ поступило около 600 книг, более трети которых датировано XV—первой половиной XVII в.

Новые исследовательские задачи полевой археографии потребовали, чтобы строго «территориальной» стала не только фиксация находок, характеризующих местную, региональную культуру, но и собранные коллекции. С 70-х годов и в теории, и на практике прочно утвердились понятия «территориального книжного собрания» и «территориальной коллекции».

Территориальное собрание — это книжные памятники, собранные в исторически сложившемся и географически определенном регионе местной традиционной культуры, которые репрезентативно отражают (и в диахронном развитии, и в синхронной — для каждого этапа — полноте) характер, структуру и особенности местной книжной культуры и системы культурных традиций. Такое собрание можно было составить только при длительных полевых исследованиях в районе первой категории⁵².

В Отделе редких книг, куда передавались все основные находки археографов, хранятся два территориальных собрания: Ветковско-Стародубовское, которое в 1994 г. насчитывало 364 рукописи и 317 печатных

⁵¹ См.: Димухаметова С.А. Материальная культура и ремесло старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 167–173; Чагин Г.Н. Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Там же. С. 162–167.

⁵² Таким является, например, собранное в экспедициях М.И. Малышева Усть-Цилемское рукописное собрание (см.: Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960).

книг (681 ед. XV — XX вв.)⁵⁴, и Верхокамское, составлявшее на то время 297 рукописей и 171 книгу (468 памятников XV—XX вв.).

Кроме того, в библиотеке находится шестнадцать территориальных книжных коллекций. Наиболее значительные из них — Молдавско-Украинская (почти 700 памятников), Оренбургско-Казахстанская (278 книг) и Пермско-Удмуртская. Более локальное значение имеют такие книжные коллекции, как Московская (181 ед.), Иргизская (228 ед.) и др.

Каждое собрание и каждая коллекция дополняются фотоматериалами⁵⁴, магнитофонными записями и разнообразной информацией полевых дневников, а с 90-х годов — и некоторыми памятниками материальной культуры.

Значительным событием в истории полевой археографии стала Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии, подготовленная и проведенная Археографической комиссией в декабре 1976 г. Конференция собрала руководителей экспедиций из многих республик СССР и подвела итоги широкой и многолетней полевой работы. Краткая история и результаты полевых исследований в СССР были тщательно проанализированы и изложены в докладах председателя Археографической комиссии С.О. Шмидта и его ученого секретаря В.А. Черныха, так как с 1972 г.⁵⁵ именно Археографическая комиссия координировала полевые работы и осуществляла перспективное планирование экспедиций. На пленарном заседании конференции были заслушаны два доклада руководителей полевых работ: И.В. Поздеевой (истфак МГУ) — «Задачи и методика комплексных географических экспедиций» и Н.Н. Покровского (СО АН СССР) — «Археографические экспедиции и проблемы изучения народной культуры». Важное значение имели доклады А.М. Панченко («В.И. Малышев как археограф»), А.С. Мильникова («Книга и культура. Некоторые культурологические аспекты археографической деятельности»), В.Л. Янина («О взаимосвязи археографии и археологии»)».56.

В «Рекомендациях», принятых конференцией, отмечалось «большое научное значение проведения в районах с относительно полно сохранившейся традиционной книжной культурой комплексных археографических исследований с участием специалистов в области смежных дисциплин»; «успешное проведение таких исследований Археографической группой Московского государственного университета» и говорилось о необходимости их дальнейшего расширения». Подчеркивалось, что «...создание территориальных книжных собраний» является «наилучшей формой организации собирания и хранения рукописных и старопечатных книг, в наибольшей степени отвечающей задачам всестороннего изучения истории народной культуры». Конференция отметила «положительный опыт подготовки кадров полевых археографов — специалистов в области древнерусской

⁵⁴ Дополнено во время полевого обследования 1996 г. Ветковско-Стародубовских слобод, попавших в зону Чернобыльской катастрофы.

⁵⁵ В том, что сохранились визуальные документы, зрительная память почти всех экспедиций, заслуга Е.Г. Александрова, И.Е. Гольберга, Ю.А. Кравцова, Е.М. Попова, Ю.Л. Фрейдина, А.И. Кона, В.Д. Познанского и других фотографов, всегда активно участвовавших в научной жизни коллектива.

⁵⁶ Распоряжение Президиума АН ССР от 27.03.1972, принятое по докладу академика Д.С. Лихачева.

⁵⁶ Тексты всех докладов см. в книге «Проблемы полевой археографии» (М., 1979).

книжности в Ленинградском, Московском, Новосибирском и Уральском государственных университетах» — и необходимость его распространения на другие высшие учебные заведения⁵⁷.

«Положительный опыт» археографов Московского университета, о котором упоминалось в Рекомендациях, заключался и в характерном для МГУ постоянном внимании к российской провинции, а для археографов, прежде всего, — к подготовке специалистов для работы в регионах. Уже в 1974 г. археографы МГУ по просьбе проректора профессора А.Т. Мокроносова оказали практическую помощь Уральскому университету в развертывании полевых археографических работ на территории Свердловской области. Предварительно сотрудниками археографической группы были прочитаны доклады на кафедре Истории СССР и на заседании деканата исторического факультета Уральского университета, а также курсы лекций для будущих участников полевых работ. Совместными силами была проведена археографическая разведка области; руководителями полевых отрядов были уже опытные археографы МГУ, а их членами — студенты и аспиранты Уральского университета. Экспедиция работала в 22 населенных пунктах со 175 старобрядцами-беспоповцами-«часовенными» и сторонниками белокрыницкой иерархии. В результате были составлены: картотека на 36 перспективных с точки зрения продолжения исследований населенных пунктов; именная картотека на 493 носителей традиционной культуры; поставлено на учет 478 рукописных и старопечатных книг в 59 личных библиотеках; получено 128 кириллических рукописей и книг XVII — XX вв. Все находки и материалы совместных работ полностью были переданы в Уральский государственный университет. Таким образом, в короткий срок удалось подготовить новый коллектив молодых археографов во главе с Р.Г. Пихоей.

В том же 1974 г. была начата систематическая подготовка полевых археографов и в Перми, в основном из сотрудников Пермского университета, музеев и библиотек.

В 1986 г. археографической группой МГУ была предпринята успешная попытка привлечь внимание Института языкознания и литературы Молдавской Академии наук к поискам и описанию кириллических памятников Молдавии. В Институте было прочитано несколько докладов, в том числе и об археографических работах МГУ в Молдавской ССР; удалось даже начать совместные экспедиции и камеральные исследования⁵⁸, но, к сожалению, работы эти, начатые в конце 80-х годов, вскоре полностью прекратились. В экспедиции 1986 г., в задачи которой входило определение перспектив собирания книжных памятников у православного населения Молдавии и подготовка местных кадров полевых археографов, приняли участие сотрудники Института языкознания и Библиотеки Академии наук Молдавии. Особое внимание было обращено на обследование мест, где находились древние молдавские монастыри. Удалось установить, что православные церкви

⁵⁷ Рекомендации Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии: Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 149–158.

⁵⁸ См.: Сводный каталог молдавских рукописей, хранящихся в СССР: Коллекция Ново-Иерусалимского монастыря (XIV–XX вв.) / Сост. В. Овчинникова-Пелип; ред. И.В. Подева, А.И. Еремия. Кишинев, 1989.

Молдавии и их паства обладают значительным количеством старопечатных молдавских изданий, очень редких и даже отсутствующих в государственных хранилищах республики. Во время полевых работ 1986 г. было собрано 117 кириллических памятников XVI – XX вв., 43 из которых переданы в государственные хранилища Молдавской ССР.

В середине 80-х годов по инициативе профессора П.Г. Буги в составе Центральной библиотечно-информационной комиссии (ЦБИК) Минвуза СССР была создана секция редкой книги, ведущей организацией которой стала археографическая группа кафедры источниковедения истфака МГУ, а ее председателем – И.В. Поздеева. 21 января 1988 г. приказом Минвуза СССР была утверждена комплексная программа «Об учете, обеспечении сохранности и использовании фондов редких книг и рукописей, хранящихся в библиотеках высших учебных заведений страны». Принятие этой программы потребовало от секции редкой книги и от университетских археографов значительного расширения методической, консультационной и педагогической деятельности. Частично эти работы финансировались научной программой Госкомвуза РФ «Университеты России» по предложенной археографической лабораторией теме: «Редкая печатная книга в вузах России. Сохранение. Изучение. Использование». В рамках этой программы было разработано и опубликовано несколько методических рекомендаций, остро необходимых на местах⁵⁹.

Сотрудники лаборатории читали спецкурсы в Дальневосточном государственном университете, проводили систематическое консультирование работников Научной библиотеки ДВГУ. В первой половине 90-х годов археографическая группа по инициативе Центра средневековых исследований университета штата Огайо (г. Колумбус, США, директор – профессор Предраг Матейич) стала организатором и координатором в России так называемого Хиландарского проекта, объединившего ряд университетских библиотек, библиотеки Государственного Исторического музея, Тверского государственного объединенного музея и ряд других учреждений-хранителей в деле создания страхового фонда древней части их славяно-русских рукописных коллекций.

В археографических полевых исследованиях факультета неоднократно участвовали зарубежные ученые. Серьезный вклад в полевую работу внесли этнограф доктор Р. Моррис (США), доктора Дж. Салливан (Шотландия), Д. Роджере (США). Являясь еще и прекрасными фотографами, зарубежные ученые пополнили фотоархив лаборатории более чем тысячью единиц слайдов и фотографий. В экспедициях также принимала участие американский музыковед и фольклорист доктор М. Мазо.

И.В. Поздеева неоднократно приглашалась для консультаций в зарубежные библиотеки, обладающие значительными коллекциями рукописных и старопечатных книг. Особенно плодотворной была работа в Отделе славянских фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки, где были

⁵⁹ Поздеева И.В. Современные методы описания старопечатных книг // Новые информационные технологии в образовании. М., 1990. Вып. 3; *Она же*. Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического прифта. М.: СПб., 1994.

описаны старопечатные кириллические фонды и изучены древние рукописные памятники, а в 1997 г. издан подготовленный И.В. Поздеевой каталог кириллицы⁶⁰.

Со времени создания Российского общества историков-архивистов (РОИА) университетские археографы начали систематическую работу по упорядочению хранения рукописных и старопечатных книг в архивном фонде РФ.

В последние годы археографы так же, как и весь факультет, плодотворно сотрудничают с Русской Православной церковью. Одним из результатов этого взаимодействия стал изданный по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Предварительный список древних книжных фондов Московских духовных школ, в котором учтены 94 рукописи XV — XVII вв., 34 экземпляр изданий XVI в. и 512 — XVII столетия⁶¹.

Конец 1991 г. ознаменовал собой новый этап в истории полевой археографии на историческом факультете МГУ — археографическая группа кафедры источниковедения, в которой работали три сотрудника, была расширена до десяти человек; в ее состав вошли воспитанники кафедры, высококвалифицированные специалисты: В.П. Пушков, З.В. Гришина, Т.Д. Горячева и О.Д. Шемякина⁶². Почти одновременно с этим в лаборатории начала работать В.И. Ерофеева — бессменный руководитель археографической практики, специалист в области описания старопечатной книги.

Итоги тридцатилетних полевых и камеральных работ университетских археографов подвела международная конференция «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества» (осень 1995 г.), в которой помимо сотрудников МГУ приняли участие ученые из пяти зарубежных стран и нескольких десятков российских городов (Владивостока, Кемерово, Екатеринбург, Томска, Перми, Сыктывкара, Вятки, Нижнего Новгорода и др.).

К этому времени университетские археографы провели 80 экспедиций, явившихся важным вкладом в создание школы специалистов в области отечественной истории. В экспедициях приняли участие более 250 молодых ученых, студентов и аспирантов. Было найдено и собрано около 4000 кириллических книжных памятников, из которых 3400 единиц уже поступили в Отдел редких

⁶⁰ Church slavonic, glagolitic, and petrine civil script printed book in the New York public library: A preliminary catalog / Described by I.V. Pozdeeva, Cataloged by Z. Z. Kipel. New York, 1997; Поздеева И., Липицы А. Лицевой служебник XIV века – важный памятник книжной культуры Древней Руси // Acta Baltico-Slavica. XXIV. Warszawa, 1999.

⁶¹ Бесценное духовное наследие. Кириллические рукописи XV–XVII вв. и печатные книги XVI–XVII вв. библиотеки Московской Духовной академии и семинарии: Предварительный список / Сост. И.В. Поздеева, А.В. Дадькин. М., 2000.

⁶² См., например, их работы: Гришина З.В., Пушков В.П. Московский некрополь о старообрядческом купечестве конца XVIII – начала XX веков // Мир старообрядчества. М., 1995. Вып. 2. С. 75–97; Горячева Т.Д. Материалы по истории московской Рогожской старообрядческой общины (Обзор фонда 246 Отдела рукописей РГБ) // Там же. С. 41–59; Шемякина О.Д. Из истории купечества Рогожской общины: Источники социальной и семейной атрибуции // Там же. С. 59–75; Гришина З.В., Пушков В.П., Шемякина О.Д. Персоналии старообрядцев по данным «Московского некрополя» // Там же. С. 133–154; Пушков В.П. Массовые источники по истории старообрядческих поселений на территории Пермской губернии середины XIX – XX вв. как база комплексных исследований // Мир старообрядчества. Вып. 4. С. 73–80; Гришина З.В. Изучение истории старообрядчества в Московском университете, XIX – начало XX в. // Там же. С. 37–43; Пушков В.П. Ревизская сказка 1795 г. по селцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхоякамья // Мир старообрядчества. М., 1996. Вып. 3. С. 41–75; Горячева Т.Д. Источники по истории Рогожской старообрядческой общины (вторая половина XIX – начало XX в.): опыт источниковедческой характеристики // Там же. С. 118–153; и др. См. библиографию: Мир старообрядчества. Вып. 4. С. 37–42.

книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Сотни книг переданы в хранилища Перми, Киева и ряда других городов.

В своем докладе на конференции руководитель Археографической комиссии РАН С.О. Шмидт подчеркнул роль ученых МГУ в разработке и проведении комплексных экспедиций, выработке научных методик полевых исследований, «нормативов организации археографической работы и форм ее отчетности». Показательно уже само название этого доклада: «Московский университет 1960—1990-х годов и развитие археографической культуры России». С.О. Шмидт проанализировал «роль Московского университета последних десятилетий в развитии археографии памятников культуры и культуры археографии» и отметил, «что деятельность археографов Московского университета развивается в русле широкого, традиционного — от Строева до Тихомирова — понимания предмета и задач археографии»⁶³. С.О. Шмидт подчеркнул значение истфака МГУ как одного из центров становления полевой археографии в стране. «Благодаря помощи коллег из Московского университета, — сказал он, — возникли и укрепились центры археографии в других вузах страны — и на севере, и на юге»⁶⁴. Ученый отметил также, что с изданием трудов участников экспедиций — сотрудников МГУ «значение их деятельности в развитии археографической культуры ощущается еще сильнее, и в последние годы Московский университет все в большей мере признается одним из крупнейших центров и полевой археографии, и изучения культуры старообрядчества, и исследования старопечатной книжности»⁶⁵.

Именно полевые исследования показали истинное значение в культуре России печатной книги и Московского печатного двора. До 80-х годов XX в. в советской историографии, фактически, полностью господствовала концепция, сформулированная в середине 50-х годов крупнейшим специалистом в области истории западного книгопечатания Н.П. Киселевым, считавшим, что из московских изданий XVII в. значение имели только 1,5 % светских печатных книг, тогда как 14 % относились к книгам для церковного чтения, а 85 % — к обслуживающим узко церковный «культ». Киселев писал, что московская печатная книга — только «орудие церковной практики», даже не «церковной мысли»; что в то время «... вовсе не думали о книгопечатании как орудии просвещения... никакой связи с современной жизнью... содержание печатных книг... не имело»⁶⁶. Иное мнение высказали историки, изучающие русское образование XVII в., в частности А.И. Рогов⁶⁷, показавший значение русского книгопечатания для просвещения России. Однако в историографии отсутствовала фундаментальная история Московского печатного двора, и это заставило археографическую лабораторию обратить особое внимание на изучение подлинных источников о московском книгопечатании. В результате в науку были введены два ценнейших комплекса источников, теснейшим образом связанных между собой. Архив МПЦ (РГАДА, Ф. 1182, Оп. I—III) дал возможность

⁶³ См.: Шмидт С.О. Московский университет 1960-х — 1990-х годов и развитие археографической культуры России // Мир старообрядчества. Вып. 4. С. 23.

⁶⁴ Там же. С. 26.

⁶⁵ Там же. С. 27.

⁶⁶ См.: Киселев Н.П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Т. 2. С. 15—16. Статья Н.П. Киселева полностью и без каких-либо комментариев перепечатана в юбилейном 80-м сборнике «Книга. Исследования и материалы» (М., 2002. С. 13—56).

⁶⁷ Рогов А.И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 143—154; *Он же*. Книгопечатание // Там же. С. 155—169.

доказательно и значительно расширить известный ранее репертуар изданий. Например, удалось установить, что на Московском печатном дворе чаще всего и самыми большими тиражами издавались книги для обучения. В 1615 – 1652 гг. они издавались 75 раз общим тиражом 105294 экземпляра⁶⁸. Впервые математически точно были установлены тиражи, себестоимость и цена продукции Печатного двора, изучены десятки тысяч фактов покупки в лавке Московской типографии нововышедших книг: Для многих изданий 1620–1660-х годов Архив позволял установить первоначальную судьбу 95 – 98 % тиражей, социальное положение и местожительство покупателей этих книг.

Второй комплекс источников «создавался» самими археографами. Разработанная университетскими учеными методика описания экземпляра старопечатной книги как исторического источника⁶⁹ легла в основу научного описания фондов большинства хранилищ. Поэтому каталоги старопечатных собраний, изданные в последней четверти XX в., содержат достоверные данные о движении книги и ее стоимости, о покупателях и продавцах и многом ином. В основу изучения роли раннего московского книгопечатания и была положена методика сопоставления данных Архива Печатного двора о тираже, указанной цене и первоначальных социально-географических аспектах реализации издания с записями о последующей его исторической судьбе. Так, например, научный сотрудник археографической лаборатории А.В. Дадькин⁷⁰ установил первоначальную судьбу 97,1% экземпляров первого московского издания Пролога (1641—1643 гг., суммарный тираж — 4800 экз.), которые были приобретены в лавке Печатного двора людьми из всех светских и духовных слоев общества. Список населенных пунктов, где проживали покупатели новых книг, включает более 70 названий и охватывает все регионы России. Материалы о покупателях Прологов на Московском печатном дворе были сопоставлены А.В. Дадькиным с информацией 380 записей XVII в., обнаруженных на 231 выявленном автором сохранившемся экземпляре этого издания.

Разработанная археографической лабораторией методика позволила доказать, что печатная московская дониконовская книга в ближайшие годы после выхода и реализации становилась общерусским фактом и фактором просвещения, религиозной и политической жизни, полемической борьбы, государственно-патриотического воспитания⁷¹. И.В. Поздеева обобщила исследования по истории Московского печатного двора и результаты полевых работ

⁶⁸ Поздеева И.В. Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII века // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. М., 2001. С. 9–49.

⁶⁹ Поздеева И.В. Методика описания экземпляра старопечатных изданий кириллического шрифта // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 123–132; *Она же*. Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга: Сб. научных трудов. М., 1978. С. 39–54; *Она же*. Ранняя кириллическая книга. Историко-культурное значение поэкземплярного описания // *Solanus International Journal for Russian and European Bibliographic*. London, 1996. V. 10. P. 131–169.

⁷⁰ Дадькин А.В. Источники по истории издания и распространения первых московских Прологов 1641 и 1642–1643 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

⁷¹ См.: Поздеева И.В. Московское книгопечатание первой половины XVII в. // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 147–158; *Она же*. Москва – центр раннего русского книгопечатания. Московский печатный двор в первой пол. XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М., 1999. С. 278–288; *Она же*. Первые Романовы и царская идея (XVII век) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 41–52; Дадькин А.В. Характеристика покупателей первого московского издания книги Пролог (1641–1643 гг.): социальный и географический аспекты // От Московского государства к Российской империи. М., 1998. С. 18–23.

в своей докторской диссертации (1993 г.) «Роль московского книгопечатания первой половины XVII в. в истории русской культуры (XVII – XX вв.)»⁷².

В последней четверти XX в. изучение истории раннего русского книгопечатания стало одним из основных направлений научной работы археографов МГУ, публикации и исследования которых по этой тематике обобщены в фундаментальном издании, посвященном московскому книгопечатанию первой половины XVII в.⁷³ В осуществлении этих исследований значительную роль сыграл Российский государственный научный фонд, неоднократно предоставлявший сотрудникам лаборатории гранты для разработки истории раннего русского книгопечатания.

В последние десятилетия XX в. начался бурный и важный процесс историко-культурной самоидентификации российских регионов, затронувший большинство проблем местной культуры, истории и краеведения, но почти не коснувшийся основы их развития и важнейшей источниковой базы — книги. Объяснялся этот феномен инерцией долгих лет, когда все кириллические книги объявлялись «церковными», а потому вредными, и отсутствием на местах необходимых специалистов.

В этих условиях археографы МГУ стали инициаторами и организаторами всероссийских школ повышения квалификации сотрудников, работающих на местах с кириллическими памятниками. Первая школа-семинар была организована в рамках работы секции ЦБНК Минвуза РФ на базе Научной библиотеки Тверского государственного университета и проходила в г. Бологое в апреле 1994 г. Три последующие школы (ноябрь 1999 г., Тверь; апрель 2001 г., Тверь; ноябрь 2002 г., Кострома) стали действенным средством подготовки квалифицированных специалистов, способствовали преодолению ведомственных барьеров между хранителями древнего книжного наследия.

Несмотря на серьезные финансовые и организационные сложности, школы-семинары повышения квалификации были признаны существенной частью археографической подготовки специалистов на местах. В работе школ приняли участие более 200 человек из 45 городов России — от Архангельска до Владивостока и Уфы, представлявших около 100 организаций-хранителей древних книг.

Автор информации о школах в журнале «Отечественные архивы» писала: «Школы-семинары стали уникальным явлением в профессиональном мире. Во-первых, они способствуют совершенствованию профессиональной подготовки специалистов в области книжных памятников, вооружая их единой научно обоснованной методикой работы. Во-вторых, объединяют специалистов из разных ведомств и регионов в сообщество, являясь своеобразным форумом для популяризации своего опыта. И наконец,

⁷² *Подегова И.В.* Роль московского книгопечатания первой половины XVII в. в истории русской культуры (XVII – XX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993.

⁷³ *Подегова И.В., Пушков В.П., Давыкин А.В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры, 1618–1652. М., 2001. 544 с. с илл. См. рецензию: *Самарин А.Ю.* Комплексное исследование по истории московского книгопечатания первой половины XVII в. — Книга. Исследования и материалы. Сб. 80. М., 2002. С. 455–460.

учат приемам организации работы с книжными собраниями регионов, т.е. содействуют комплексному изучению богатейшего книжного наследия России»⁷⁴.

Археографическая и педагогическая работа сотрудников истфака в регионах стала действенной формой осуществления принятой в сентябре 2000 г. Национальной программы сохранения библиотечных фондов РФ, одна из подпрограмм которой названа «Книжные памятники Российской Федерации». Коротко новую форму работы можно определить как многолетнее сотрудничество Московского университета с организациями-хранителями для подготовки археографов из работников региональных хранилищ и совместного с ними выявления и изучения книжных кириллических памятников и публикации их научных описаний.

Важное место в подготовке профессиональных археографов на истфаке МГУ занимает студенческая археографическая практика, во время которой специализирующиеся студенты под руководством опытных сотрудников — руководителей практики — получают практические навыки, необходимые для археографа.

Работы, начатые в 1996 г. в Тверской области, стали основой научной программы «Московский университет им. М.В. Ломоносова — Российской провинции. Региональные описания книжных памятников». В рамках этой программы, руководителями которой являются член-корреспондент РАН профессор С.П. Карпов и заведующая археографической лабораторией доктор исторических наук И.В. Поздеева, в данный момент выполняются три подпрограммы: «Книжность Древней Твери», «Книжные памятники Прикамья» и «Книжные памятники Ростово-Ярославской земли». Общие принципы этих работ — обязательное участие в них *всех* хранилищ области; подготовка *местных* кадров археографов; участие в них студентов истфака МГУ; описание *всех типов* кириллической книги — от древнейших памятников до (как минимум) конца XVIII в.

Фактически работа университетских археографов в регионах является продолжением, а во многом и осуществлением на новом этапе общественного развития задач, поставленных некогда и П.М. Строевым, и М.Н. Тихомировым, — выявления в местных хранилищах древних книг, изучения, описания и издания их каталогов, а в конечном итоге — создания Всероссийской описи памятников нашей отечественной истории.

В 2002 г. в Твери вышел каталог «Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI — 1725 г.)», авторы которого Г.С. Гадалова (Научная библиотека Тверского государственного университета), Е.В. Перелевская (Тверской государственный объединенный музей) и Т.В. Цветаева (Государственный архив Тверской области) были подготовлены сотрудниками археографической лаборатории истфака МГУ. Готовы к выходу каталоги старопечатной кириллицы XV — XVIII вв. хранилищ Прикамья и Ярославской области. Эти три издания вводят в научный оборот 1283 книги, 85 из них датируются XV и XVI вв. В каталогах воспроизводятся тысячи

⁷⁴ Воробьева Е.В. Школы-семинары повышения квалификации сотрудников библиотек, музеев и архивов, работающих с книжными памятниками // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 54–57.

записей на книгах, являющихся новым и ценнейшим источником для историков, книгovedов, краеведов, историков культуры. Авторы научных описаний каталогов Перми и Ярославля — сотрудники местных хранилищ и 11 студентов, аспирантов и сотрудников археографической лаборатории истфака МГУ.

Столь широкие археографические исследования могли быть развернуты и, главное, продолжены только в результате действенной поддержки их на местах, прежде всего, руководителями местных музеев, архивов и библиотек, в фондах которых находятся многие сотни древнейших книжных памятников.

Новое осмысление комплексных задач и характера полевой работы произошло в конце XX в. — в годы всеобщего интереса к прошлому, обращения к корням и истокам культуры. При этом различные общественные группировки представляли историческое прошлое так, как требовала их политическая позиция или диктовало недостаточное знание. Поэтому сотрудники археографической группы стремились максимально популяризировать научное понимание древней российской культуры. Неоднократно университетские археографы выступали с лекциями и курсами лекций перед московской общественностью, в творческих союзах, научных институтах (например, полугодовой курс лекций был прочитан в Доме ученых г. Дубны). Важной формой отчета перед общественностью университета и Москвы стали выставки археографических находок в старом актовом зале на Моховой и в ряде других залов Москвы. Крупные выставки были открыты к отчетным археографическим конференциям в 1980, 1990 и 1995 годах и ставили своей целью показ основного содержания, характера и искусства древней книги как основы и древней русской культуры, и живых традиций русского старообрядчества.

На выставке 1995 г., названной «Живые традиции национальной культуры. 30 лет археографических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова», традиционную книжность представляли более 400 ценнейших памятников: древние списки Писания, тексты Предания, учебная книга, памятники исторической мысли, древняя литература во всем многообразии жанров, историческое, литературное, полемическое творчество крестьян-старообрядцев, живая и вполне «современная» миниатюра и многое иное. Выставка ярко отразила особенности репертуара и художественные особенности книжности различных регионов.

Археографические выставки всегда сопровождалась вечерами древней литургической музыки и духовных стихов в исполнении старообрядческих хоров из разных мест России и (как и сами экспедиции) вызывали интерес общественности, прессы и телевидения. Выставка «Живые традиции» заинтересовала и ряд научных обществ. В ее рамках прошли заседания Всероссийской ассоциации медиэвистов и историков раннего Нового времени; секции «Книги» Московского дома ученых, Общества любителей российской словесности и др.

Выставки в старом актовом зале, как и научное описание собранных памятников, всегда были плодом совместной работы археографов и сотрудников Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ,

в котором работали (или работают сейчас) и сами участники и руководители экспедиций — Н.А. Кобяк, Е.Б. Смилянская, Г.А. Космолинская, М.В. Ленчиненко.

В августе 2002 г. Лаборатория археографии кафедры источниковедения стала самостоятельной межкафедральной лабораторией исторического факультета (зав. лабораторией — доктор исторических наук И.В. Поздеева, руководившая археографическими исследованиями института с 1971 г.).

В том же 2002 г. были завершены тридцатилетние полевые исследования старообрядческого Верхокамья, результаты которых подвела Международная научно-практическая конференция, организованная Пермским областным краеведческим музеем в ноябре 2002 г. На конференции были представлены доклады по всем основным направлениям комплексных исследований, тематика которых была значительно расширена в связи с кардинальной перестройкой постсоветской деревни и появлением в составе исследователей новых специалистов. Речь идет, прежде всего, об изучении истории народонаселения региона, традиционного личного крестьянского хозяйства. Руководит этой работой кандидат исторических наук В.П. Пушков. Обнаруженные им источники XVII—XVIII вв., специальные полевые обследования личных хозяйств наиболее традиционных семей в Верхокамье (экспедиции 2000, 2001 гг.) позволили проследить особенности крестьянского традиционного хозяйства в этих местах с XVII до начала XXI в.

Особое значение в современных условиях приобретают работы В.П. Пушкова о новых формах фиксации истории современной деревни⁷⁵. Проведенный им анализ широкого круга источников по истории традиционного хозяйства и истории народонаселения в Верхокамском регионе дал возможность не только выявить пассионарные генотипы (роды) и установить высокую жизнеспособность традиционной культуры, но также проследить пространственные изменения расселения, ритмы изменения размеров поселений и состава семьи, земельных угодий и сельскохозяйственных культур, связанных с традиционным хозяйством беспоповских старообрядческих общин Верхокамья, до последнего времени не пользовавшихся государственными продуктами. В Верхокамье были выявлены наиболее устойчивые крестьянские фамилии (элитный генотип традиции), прослежены судьбы наследственных семейных хозяйств (экономической и социальной базы сохранения духовных традиций), изменение их в годы масштабных преобразований XX столетия вплоть до начала XXI в. Полевые работы последних лет в Верхокамье неопровержимо доказали, что современные фермерские хозяйства устойчивы только тогда, когда используют многовековой опыт традиционного личного крестьянского хозяйства.

Пермская конференция показала, насколько перспективным источником является вышеназванный поливидовой архив традиционной культуры Верхокамья.

⁷⁵ Пушков В.П. Хозяйство крестьян-старообрядцев Верхней Язвы (по хозяйственным книгам 30–90-х годов XX века) // Мир старообрядчества. М.: Бородулино, 1996. Вып. 3. С. 104–128; *Оп. же.* Массовые источники об истории старообрядческих поселений на территории Пермской губернии середины XIX–XX вв. как база комплексных исследований // Мир старообрядчества. Вып. 4. С. 73–80; *Оп. же.* Новые массовые источники о современном положении старообрядческих деревень Верхокамья. 1990-е годы // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 62–78.

В докладах сотрудников археографической лаборатории Пермского областного краеведческого музея и участников полевых исследований из других учреждений были проанализированы разнотипные фонды, составляющие вместе полнотиповой архив Верхокамья, а также факторы, обеспечивающие в Верхокамье сохранение традиции и способствовавшие ее размытию (доклад кандидата исторических наук К.Г. Мяло). Характеристике фотоархива Верхокамья, в котором собраны более 2500 фотографий и слайдов, выполненных в 1972—2002 гг., был посвящен доклад А.В. Дадькина. ТВ-фонд (320 часов записей 1993—2002 гг.), запечатлевший зрительный образ традиционной культуры местного населения 1990-х годов, был охарактеризован в докладе Н.В. Литвиной. Он назывался «Книга и традиционная книжная культура Верхокамья по ТВ-записям». Ценность видеозаписей автор правомерно увидела в возможности живой и реальной фиксации отношения человека к книге (в том числе на уровне психофизических проявлений), которое дает объективное представление о характере и глубине книжной традиции верхокамского старообрядчества.

Как отмечали специалисты⁷⁷, регион Верхокамья оказался уникальным заповедником фактически утраченного искусства духовных стихов. В 2002 г. И.И. Пряхиной и М.В. Макаровской была закончена большая работа по подготовке к печати тома, содержащего исследования языка и мелодий духовных стихов и полную публикацию их текстов и нот, которые впервые были представлены в докладах на конференции в Перми. Выводы о древнем искусстве были сделаны И.И. Пряхиной на основании изучения и сверки почти тысячи текстов из местных стиховников и сборников, а М.В. Макаровской — на основании 400 записей живого исполнения духовных стихов.

В докладе Н.В. Ключицкой «Литература полевых работ Верхокамья» было указано 109 работ почти тридцати исследователей, которые содержат характеристику истории местного народонаселения, его религиозных воззрений, состав, особенности, характер, историю возникновения и затухания всех компонентов традиционной культуры старообрядческого крестьянства района.

Одним из главных результатов работы археографов исторического факультета МГУ является оперативное издание научных описаний большинства найденных памятников ранней кириллической печати⁷⁸ и древнейшей части собранного рукописного наследия⁷⁹. Особое научное значение, несомненно, сыграли подготовка и издание печатально выполненного и использующего самую трудоемкую современную методику описания Верхокамского рукописного собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ⁸⁰. В книге дано научное описание 359 рукописей, собранных археографическими экспедициями в районе. Все рукописи расписаны по частям, а записи и пометы

⁷⁷ Чернышова М.Б. Музыкальная культура русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции... С. 127—150; Никитина С.Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья. Там же. С. 91—126.

⁷⁸ Поздеева И.В., Кашкарова П.Д., Ларенцян М.М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. М., 1980. 360 с.; в изд.: Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Штотова Г.М. Кириллические издания XVI в. — 1641 год. Находки археографических экспедиций 1971—1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. 416 с.

⁷⁹ Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог / Сост. И.В. Поздеева. М., 1981. 200 с.; Кобяк П.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XIV—XVII веков Научной библиотеки МГУ (Поступления 1964—1984 годов). М., 1986. 136 с.

⁸⁰ Асеева Е.А., Кобяк П.А., Кружлова Т.А., Смирнская Е.Б. Рукописи Верхокамья XV—XX вв. М., 1994. 459 с.

на книгах приведены с соблюдением орфографии писцов. Книга сопровождается семью аннотированными указателями.

С 1992 г. лаборатория осуществляет непериодическое издание «Мир старообрядчества», которое, по оценке академика Н.Н. Покровского, стало заметным явлением в историографии. В сборниках опубликованы многие десятки исследований как университетских археографов, так и группирующихся вокруг лаборатории истфака участников экспедиций и ученых из других учебных и научных центров. В первом (1992 г.) и пятом (2000 г.) выпусках «Мира старообрядчества» опубликована библиография научных публикаций (255 работ) по итогам комплексных археографических исследований Московского университета 1966—1988 гг. В конце 2002 г. количество публикаций достигло 300.

Таким образом, археографами уже введено в науку более 120 рукописных книг XV — XVI вв., в том числе Пролог 1454 г., лицевые молдавские и украинские книги, редчайший список Святцев конца XVI в. в 64-ю (!) долю листа, ранние Азбуковники, Хронографы, Летописцы, а также многочисленные сборники, содержащие сотни списков памятников русской литературы; крюковые тексты, замечательные по красоте орнаментов и палеографии; списки Писания, жития русских святых, все типы литургических книг и многое иное. Среди более чем тысячи находок старопечатных книг XVI и XVII вв. можно назвать пять экземпляров дофедоровских, так называемых «анонимных» изданий, пятнадцать экземпляров изданий Ивана Федорова (в том числе шесть экземпляров знаменитой Библии 1580 г.), а также десятки московских ранних изданий, как отсутствовавших в библиографиях, так и известных в одном-двух экземплярах.

В двух каталогах печатной кириллицы Научной библиотеки МГУ содержится описание 1057 экземпляров книг XV — XVII вв.; на страницах этих книг прочитаны и затем опубликованы в каталогах в орфографии подлинника тексты 1059 записей XVII столетия, из которых 394 точно датированы. Записи содержат информацию о движении книги, ее стоимости, владельцах, читателях, вкладчиках, дарителях, завещателях из всех социальных слоев и земель России.

В аннотированных указателях, сопровождающих издания, учтены сотни названий памятников, тысячи имен, сотни географических названий. Например, в двух каталогах старопечатных книг Научной библиотеки МГУ опубликованы 25 вкладных записей царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, владельческие и вкладные записи 143 российских монастырей, почти тысяча имен людей XVII в. и многое другое.

Что касается собранных рукописных памятников, то в этой области предстоит еще немалая работа. В три вышеназванных научных описания вошли 455 рукописей (из них 145 датируется XIV — XVII вв.), но это составляет лишь около трети всех найденных рукописных памятников.

В последние годы тяготы и радости полевых исследований пришлись на долю чуть ли не седьмого поколения студентов. Надеемся, что в скором времени ими будет внесен достойный вклад в историю университетской археографии.

Всеобщая история

1. История древнего мира*

Древняя история была одной из основных общественных дисциплин в европейских университетах XVIII и первой половины XIX в. В Московском университете с первых лет его существования изучению древней истории, древних языков и римского права также было уделено много внимания. Основатель Московского университета М.В. Ломоносов придавал большое значение изучению античной традиции, которую сам хорошо знал и постоянно учитывал в своих многочисленных произведениях. Так, например, в «Риторике» он обращался к сочинениям Исократы, Анакреонта, Демосфена, Цицерона, Лукиана, Курция Руфа, Элиана, Аммиана Марцеллина. Сведения античных авторов Ломоносов использовал при изучении древнейших периодов истории России и славянства в целом. Отдельные замечания и высказывания Ломоносова, рассыпанные в его трудах, показывают, что у него была своя определенная концепция античной истории. Знание античной литературы он использовал при разработке многих проблем русского языка и литературы, системы стихосложения. Тонкое историческое чутье позволило Ломоносову сформулировать важнейший принцип научного источниковедения, который получил распространение лишь в XIX в. «У всех народов, — писал он, — история сперва баснословна: однако правды вместе с баснями выбрасывать не должно...». Это важное правило послужило основой разработанного впоследствии историко-критического метода знаменитого Нибура и было с успехом применено им к анализу древнейшей римской истории царского времени.

Согласно подробному проекту основания и работы Московского университета, предложенному М.В. Ломоносовым, создавались благоприятные условия для развития гуманитарных наук, включая древнюю историю и филологию. Было налажено квалифицированное преподавание латыни и греческого, переведены на русский язык с европейских и созданы новые учебники по этим языкам, разработана методика преподавания. Хорошее знание древних языков и трудов античных авторов позволило приступить к переводам произведений древних авторов на русский язык; были переведены сочинения Евтропия, Овидия, Сенеки, Лукиана, Цезаря, Плутарха, Валерия Максима, Диодора, Элиана и др.

Наряду с преподаванием античной истории и классической филологии с первых же десятилетий существования Московского университета началась научная разработка ряда проблем истории древнего мира и римского права. Большую роль в этом сыграли в 70 — 80-е годы XVIII в. русские профессора, воспитанники Московского университета — С.Е. Десницкий,

* Авторы выражают благодарность О.В. Томашевич, И.А. Ладынину, А.А. Вигасину, С.В. Дмитриеву, А.В. Стрелкову и С.В. Новикову за предоставленные ими материалы.

И.А. Третьяков и Д.С. Аничков. С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков получили в свое время длительную командировку в университет в Глазго, где читали лекции один из основателей английской политэкономии А. Смит и где они блестяще защитили докторские диссертации. Вернувшись к преподавательской деятельности в Московском университете, С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков совместно с Д.С. Аничковым стали разрабатывать методологические проблемы всемирной истории и права, уделяя большое внимание различным проблемам античной истории и римского права. В центре их исследований были роль географической среды и закономерности развития общества, происхождение государственных институтов, собственности и семьи, взаимоотношения разных категорий населения, в том числе рабов и рабовладельцев, вопрос о прочности или эфемерности древних государств, например державы Александра Македонского. Изучение источниковой базы работ этих выдающихся ученых показывает, что они самым внимательным образом использовали богатую античную традицию, в частности труды многих древних авторов, римское законодательство от XII Таблиц до Кодекса Юстиниана. Широкая эрудиция, тщательный анализ источников, знание передовых направлений европейской науки, проявившиеся в трудах этих ученых, стали прочным фундаментом развития преподавания и научных исследований в Московском университете в XIX в.

В начале XIX в. древняя история преподавалась в рамках общего курса всеобщей истории такими известными деятелями русской культуры, как Н.Е. Черепанов, М.Т. Каченовский и М.П. Погодин. Новый этап в научной разработке проблем античной истории и ее преподавания в Московском университете связан с именем воспитанника Профессорского института при Дерптском университете Д.Л. Крюкова (1809—1845). Сторонник либеральных взглядов, хорошо знакомый с достижениями европейской науки своего времени, профессор Д.Л. Крюков исследовал различные стороны творчества римского историка Тацита. Особую известность получил его труд по раннеримской истории, касающийся глубоких расхождений в религиозных представлениях патрициев и плебеев раннего Рима. После Крюкова древнюю историю в университете преподавал знаменитый русский историк-просветитель Т.Н. Грановский. Специалист в области медиевистики, Грановский глубоко знал и древнюю историю. Он был хорошо знаком с историко-критическим методом Г.Б. Нибура и распространял его в русской историографии. Особое внимание в своем курсе всеобщей истории Грановский уделял истории Римской империи, изложение и трактовка которой отличалось у него оригинальностью и разносторонностью. История Римской империи рассматривалась им не как история правлений отдельных императоров, а как история взаимоотношений различных сословий, положения народных масс. В противоположность многим западноевропейским ученым своего времени, расценивавшим позднеримскую империю и римское общество как эпоху сплошного упадка и вырождения, его понимание позднего Рима было более сложным: он говорил о прогрессивном значении реформ Диоклетиана и Константина, о позитивной роли христианской церкви в позднеримский период, довольно полно отразил тяжелое положение народных масс в это время.

Сменивший Т.Н. Грановского на кафедре всеобщей истории его ученик П.Н. Кудрявцев (1816—1858) продолжал прогрессивные традиции первых русских профессоров. Вслед за своим учителем он отстаивал методы Нибура, критиковавшиеся немецким историком Шwegлером; издал ставшую популярной серию интересных очерков о политической и общественной деятельности знаменитых женщин Древнего Рима. Но особое значение имела его монография о глубоких изменениях общественного и политического строя позднеримского общества в период господства лангобардов, получившая европейскую известность и положившая начало исследованию сложных процессов раннего феодализма в Италии.

Преемником П.Н. Кудрявцева стал С.В. Ешевский (1829—1865) — интересный и оригинальный исследователь. В докторской диссертации о Сидонии Аполлинарии он рассмотрел общественную и морально-политическую атмосферу галло-римского общества V в., периода распада римских порядков. В своем курсе истории Римской империи, а также в специальном труде «Центр римского мира и его провинции» он одним из первых в европейской историографии поставил проблему романизации римских провинций, стал изучать историю римского императорского общества не с точки зрения придворного мира Рима и Италии, а как историю обширного государства, составные части которого, провинции, нашли свое место в системе общей римской государственности.

Изучение и преподавание древней истории в Московском университете в последующее время было связано с деятельностью двух крупнейших специалистов в области отечественного антиковедения, профессоров И.В. Цветаева и Р.Ю. Виппера. Организатор Музея изящных искусств в Москве и один из выдающихся специалистов в области античного искусства И.В. Цветаев (1847 — 1913) в начале своей творческой деятельности занимался проблемами латинской филологии, в частности «Германии» Тацита и различных аспектов италийской эпиграфики. Он опубликовал несколько сборников италийских надписей, которые ранее не привлекали внимания ученых, ввел в научный оборот новый ценный материал.

Р.Ю. Виппер (1858 — 1954) работал в Московском университете с конца XIX в. Его общие курсы по истории Древней Греции и Древнего Рима воссоздали яркую картину развития общественных и политических отношений в греческих полисах и Римской республике. Широко используя достижения мировой науки в области источниковедения, учитывая новые тенденции в методологии наук, Р.Ю. Виппер сформулировал одну из оригинальных, оказавших значительное влияние на последующее развитие науки концепций общественного и политического состояния греческого и римского общества.

После революции 1917 г. начался новый этап в развитии отечественного антиковедения. Советская историческая наука стала развиваться на основе материалистического понимания истории. Ведущая роль в разработке различных проблем античности в Московском университете в 20-х и начале 30-х годов принадлежит профессору В.С. Сергееву. Основной сферой его научных интересов стало изучение социально-экономических проблем античной истории. Им была создана серия новых учебников и учебных пособий по древней истории как для вузов, так и для общеобразовательных

школ. В.С. Сергеев в конце 20-х — начале 30-х годов принял деятельное участие в дискуссиях об азиатском способе производства и социально-экономических формациях. В процессе этих дискуссий им была сформулирована концепция античной истории как истории рабовладельческой формации.

Самостоятельная кафедра истории древнего мира на историческом факультете начала функционировать с 1 сентября 1934 г. За 70-летний срок ее существования заведующими кафедрой были профессор В.С. Сергеев (1934—1941), профессор Н.А. Машкин (1942—1950), профессор В.И. Авдиев (1951—1973), профессор В.И. Кузищин (с 1973 г.).

В состав кафедры в период ее основания вошли крупные специалисты по истории древности: В.С. Сергеев, Н.А. Машкин, К.К. Зельин, А.В. Мишулин, А.Б. Ранович, С.П. Толстов, М.О. Косвен, В.К. Никольский, П.Ф. Преображенский. На коллектив ученых была возложена задача подготовки и проведения научно-исследовательской работы в области древней истории (Восток, Греция, Рим) и первобытного общества.

Усилиями Т.М. Шепуновой при кафедре был создан кабинет-библиотека, где хранились произведения почти всех античных авторов, публикации памятников древневосточной письменности и богатая литература на европейских языках по древней истории.

Исследовательская и преподавательская работа проводилась на кафедре по трем основным направлениям: история древнего Востока, история древней Греции, история древнего Рима.

Изучение истории Древнего Востока

С первых лет основания кафедры история Древнего Востока стала одной из важнейших составляющих как в педагогическом процессе, так и в научной деятельности. В числе зачинателей этого направления был К.К. Зельин. Он читал общий курс по истории Древнего Востока и занимался египтологией, а позднее переключился на исследование истории эллинистического Египта. С 1942 г. на кафедре начал работать В.И. Авдиев, крупный специалист в области египтологии. Большое место в его трудах занимали теоретические проблемы, вопросы социально-экономического и политического развития Древнего Востока.

В учебнике В.И. Авдиева «История Древнего Востока», вышедшем в свет в 1948 г., а в 1951 удостоенном Государственной премии 1-й степени, были поставлены кардинальные проблемы древневосточной истории. Учебник этот трижды переиздавался и неоднократно переводился на языки народов СССР, а также на болгарский, сербский, польский, чешский, венгерский, немецкий, румынский и др. В своем труде В.И. Авдиев проследил процесс возникновения и развития древнейшего классового общества из родового строя. Он выделил как общие для Востока и античного мира черты исторического развития, так и специфические элементы древневосточного общества, проявлявшиеся в типе общины, примитивных формах экономики, неразвитости и особом характере рабства и т.д.

В.И. Авдиеву принадлежит исследование «Военная история Древнего Египта» (в двух томах, 1948 и 1959 гг.), созданное на основе его докторской диссертации, защищенной в 1943 г. Хронологические рамки исследования — от времени архаики до конца Нового царства. В этой монографии прослежена роль войны и завоевательной политики в жизни древнеегипетского общества, раскрыта причинная связь военной политики с социально-экономическим строем общества. Значительное место отведено вопросам организации военного дела, техники, стратегии и тактики, дипломатии, отражению войны в литературе, искусстве и религии Египта.

Проблемам культуры и религии древних египтян В.И. Авдиев уделял специальное внимание.

От изучения египетской культуры и религии историк перешел к исследованию культурных и экономических связей между различными странами Древнего Востока. Целый ряд его статей, опубликованных в 50 — 60-х годах, посвящен этой тематике. В них рассмотрены взаимоотношения Египта не только с другими государствами Ближнего Востока, но и с Грецией, Эгейским миром, Карфагеном и Римом¹. В этих работах нашла отражение важная идея о богатом культурном наследии Египта и других стран древнего Востока, о связи культур восточного и античного мира, о самобытности и взаимных влияниях различных народов.

В круг научных интересов В.И. Авдиева входила и древняя история Кавказа; его историю он рассматривал в контексте развития всего древневосточного мира, подчеркивая, что на Кавказе с давних времен существовали очаги высоко развитой культуры.

Большое внимание В.И. Авдиев уделял проблемам историографии. Он тщательно анализировал новые советские и зарубежные работы по востоковедению, освещал достижения историографии в странах Азии и Африки. В 1958 г. Авдиев издал труд «Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет», содержащий материал обобщающего и справочного характера.

С научно-исследовательской работой В.И. Авдиева была тесно связана его педагогическая деятельность. В течение многих лет он читал общий курс по истории Древнего Востока, лекции по источниковедению и историографии, вел спецкурсы и спецсеминары по древнеегипетской культуре, египетскому языку, истории Ирана и Индии.

С 1939 г. научно-исследовательскую и педагогическую работу в области древнего востоковедения вел на кафедре доцент Д.Г. Редер (1905—1988). Основные научные интересы Д.Г. Редера, ученика академика В.В. Струве, лежали в сфере египтологии. В 1939 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Большой папирус Гаррис как исторический источник», в которой были проанализированы социально-экономические отношения в Египте позднего Нового царства, в частности статус эксплуатируемых групп населения, работавших на землях египетских храмов в XII в. до н.э. Д.Г. Редер характеризовал материалы новых археологических раскопок в Египте, рецензировал книги по истории Египта, занимался вопросами

¹ «Возникновение торговых и культурных связей между странами Ближнего Востока в IV — III тыс. до н. э.» (1959); «Экономические и культурные взаимодействия Египта с соседними странами во II — I тыс. до н. э.» (1962); «Карфаген, Рим и Египет» (1966) и др.

египетской культуры, что нашло отражение в таких изданиях, как «Литература Древнего Востока» (1-е изд. — 1962; 2-е — 1971), «Культура Древнего Египта» (1976) и т. д. Но особенное внимание он сконцентрировал на теме «Древнеегипетский очаг земледелия». Д.Г. Редер занимался исследованием истории и древней Месопотамии.

Педагогическая работа Д.Г. Редера была весьма многообразной. Он читал общий курс по истории Древнего Востока, источниковедению и историографии, спецкурсы «Литература Древнего Востока», «История и культура Древнего Египта», «История международных отношений на Ближнем Востоке в древности», вел спецсеминары по проблемам египтологии, ассириологии, урартологии и т. д., преподавал древнеегипетский, академический, урартский языки.

Д.Г. Редер принимал самое деятельное участие в создании учебных пособий. Совместно с академиком В.В. Струве он выступил как автор и редактор в издании книги для чтения «Древний Восток» (1951), «Хрестоматии по истории древнего мира» (Т. 1, 1950) и «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (1963). Ему принадлежат разделы по литературе Ближнего Востока в коллективном пособии «Литература Древнего Востока» (издания 1962 и 1971 гг.). Д.Г. Редер является автором раздела «Древний Восток» в учебно-методическом пособии для студентов пединститутов «История древнего мира» (1948) и в учебном пособии для педвузов «История древнего мира» (под ред. Ю. С. Крушкол), вышедшем двумя изданиями — в 1970 и 1979 гг.

С 1965 г. на кафедре работает доцент С.С. Соловьева. В 1970 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ассирийская военная держава при Ашшурбанапале и страны Передней Азии (из истории международных отношений на Ближнем Востоке в VII в. до н. э.)» и в настоящее время продолжает заниматься историей международных отношений на Ближнем Востоке в I тыс. до н. э., прежде всего проблемой взаимоотношений Ассирии и Египта².

В 1969—1994 гг. сотрудником кафедры был доцент А.А. Вигасин, изучавший проблемы индологии и защитивший в 1965 г. кандидатскую диссертацию по теме «Артхашастра и дхармашастра. Проблемы источниковедения». Глубокое источниковедческое исследование фундаментального древнеиндийского сочинения «Артхашастра» («Наука политики»), так же как и других аналогичных трактатов, позволило А.А. Вигасину осветить проблемы социальной и правовой структуры древнеиндийского общества³. Вторым направлением исследований А.А. Вигасина стала история индологии⁴. Результаты этих исследований были опубликованы автором в его учебных пособиях для студентов «История и культура Древней Индии. Тексты» (М., 1990) и «История Древнего Востока. Материалы по историографии» (М., 1995). В 1982 г. А.А. Вигасин опубликовал перевод книги

² См. ее статьи: Из истории освободительной борьбы народов Передней Азии с ассирийским гнетом в середине VII в. до н.э. (восстание Шамашшумукина) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1968. № 5; Арабы в борьбе с Ассирийской военной державой в середине VII в. до н.э. // Там же. 1971. № 1; Элам и завоевательная политика Ассирии при Ашшурбанапале // Древний восток и античный мир. М., 1972; Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией // Древний Восток. М., 1975. Вып. 1; Война 663 г. до н.э. между Ассирией и Кушем за господство над Египтом // Мероэ: Сб. статей. М., 1977.

³ См.: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра Каутилы: проблемы социальной структуры и права. Дели, 1984 (на англ. яз.).

⁴ Бонгард-Левин Г.М., Вигасин А.А. Image of India. Delhi, 1984 (на англ. яз. и хинди).

индийского историка Р.Б. Пандея «Древнеиндийские домашние обряды» с научными комментариями к ней.

Реализуя свои изыскания в области индийского источниковедения, А.А. Вигагин читал спецкурсы для студентов последних лет обучения: «Введение в изучение дхармашастры и «Артхашастры»», «Ритуальная литература Древней Индии», «Иноземные источники по истории Древней Индии». С 1995 г. профессор А.А. Вигагин заведует кафедрой истории стран Южной Азии в ИСЛА МГУ.

Выдающийся вклад в изучение истории Древней Индии и античной цивилизации внес выпускник кафедры академик РАН Г.М. Бонгард-Левин и созданная им школа.

В 1980—1990-е годы исследования по истории стран Древнего Востока продолжались в традиционных для кафедры направлениях:

- 1) история Древнего Египта и сопредельных стран (египтология);
- 2) Древняя Передняя Азия (Месопотамия, Хеттское царство, Ассирия и Палестина);
- 3) Древняя Индия;
- 4) древнекитайская история.

В области древнеегипетской истории изучались проблемы древнеегипетской религии и древнеегипетской литературы (доц. О.В. Томашевич). На русский язык были переведены такие замечательные произведения, как «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» и «Странствие Синухета». О.В. Томашевич проводились спецсеминары «Религиозная литература Древнего Египта», «Культы древнейших богов Египта», «Женщины и власть в Древнем Египте». Читается спецкурс «Древнеегипетская литература — от первых иероглифов к шедеврам мирового значения».

Исследуя проблему греко-египетского культурного и политического взаимодействия, начавшегося с пребывания в Египте Александра Македонского, Н.А. Ладынин выявляет влияние древнеегипетской традиции на раннехристианскую идеологию, в частности царского культа Александра и его преемников. При этом формирование идеологии обожествления царской власти и царского культа прослеживается начиная с III тыс. до н. э., с эпохи Древнего царства.

Активная деятельность ученых истфака в области египтологии привела к организации при кафедре Научного совета по проблемам египтологии как координирующего центра работы всех московских специалистов-египтологов — из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Института востоковедения РАН, Государственного музея искусств Востока, Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и др. Совет регулярно проводит «круглые столы», конференции, научные семинары по проблемам древнеегипетской истории — от Древнего царства до позднеантичного периода в истории Египта. Председателем и научным руководителем Совета является профессор В.И. Кузицин.

Важной частью работы кафедры в области египтологии стало участие ее преподавателей (В.И. Кузицина и О.В. Томашевич) и студентов в российской археологической экспедиции в Гизе (Египет), руководимой Э.Е. Кормышевой. Экспедиция исследует скальную гробницу жреца Хафраанха и прилегающую к ней территорию восточного некрополя плато Гизы.

Подготовка студентов и аспирантов в области египтологии предусматривает изучение древнеегипетских языков и письменности, освоение курса «Историческая география стран Древнего Востока» (лектор И.А. Ладынин), в котором историческая география Древнего Египта занимает большое место.

Особым направлением научных изысканий является изучение истории Передней Азии. Проблемой международных отношений в Передней Азии в первой половине I тыс. до н. э., в период существования Ассирийской империи VIII—VII вв. до н. э. в течение многих лет занимается доц. С.С. Соловьева⁵. Она же читает спецкурсы «Международные отношения на Ближнем Востоке в I тыс. до н. э.», «Ассирия и Египет: история взаимоотношений».

Сферой научных интересов старшего преподавателя А.А. Немировского (состоял в штате кафедры с 1993 по 2000 г.) было изучение этнополитических процессов и племенных миграций в Месопотамии, Восточном Средиземноморье и в Малой Азии во II тыс. до н. э. Среди этих племенных миграций особое внимание он уделял этногенезу древнееврейского народа, начиная с ухода их предков из Месопотамии и до консолидации племенного союза Израиля в Палестине⁶. А.А. Немировский изучал также слабо исследованную историю государства Митанни в XV—XIII вв. до н. э., в частности его этнический состав (индоариев и хурритов), место Митанни среди великих держав Ближнего Востока — Египта, касситской Вавилонии, Хеттского царства.

Закономерным продолжением этих изысканий стала научная разработка преподавателем Б.Е. Александровым такой сложной проблемы, как политические взаимоотношения Хеттской державы с Ассирией и более мелкими государствами Верхней Месопотамии в XIII в. до н. э., что потребовало тщательного изучения документов на хеттском, аккадском и древнееврейском языках.

Многостороннее исследование международных отношений в Передней Азии II—I тыс. до н.э. стало крупным вкладом ученых кафедры в отечественную историографию Древнего Востока.

История и культура Древнего Китая на кафедре истории древнего мира до 1988 г. не изучалась. С 1988 г. эта проблематика была включена в учебный план и научную деятельность кафедры. Руководителем данного направления стал профессор С.И. Кучера — крупный специалист, много лет проработавший в Китае. Внимание его было сосредоточено главным образом на исследовании древнейших периодов истории Китая вплоть до эпохи Инь (конец II тыс. до н. э.). Ему принадлежат фундаментальные монографии — «Китайская археология: 1965—1974. Палеолит — эпоха Инь» (М., 1977) и «Древнейшая и древняя история Китая» (М., 1996), — явившиеся крупным вкладом в мировое китаеведение. Важное научное значение имеет издание уникального собрания древнекитайских текстов

⁵ Соловьева С.С. Ассирийская держава (I тыс. до н.э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.

⁶ См.: Немировский А.А. У истоков древнееврейского этногенеза. Ветхозаветное предание о патриархах и этнополитическая история Ближнего Востока. М., 2001.

(в большинстве случаев впервые переведенных на русский язык) в таком капитальном труде, как «История Древнего Востока: Тексты и документы» (М., 2002). Большой заслугой ученого является исследование им длительного пути развития китайской историографии от древности до ее современного состояния⁷.

Кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ — единственное учебное подразделение в нашей стране, где проводится комплексная подготовка специалистов по истории и культуре Древнего Китая, включающая изучение древнекитайского, древнеяпонского, современного китайского и японского языков, историографии, источниковедения, исторической географии, комплекса вспомогательных дисциплин (эпиграфики, нумизматики, генеалогии и др.).

Преподаватели кафедры читают общие курсы лекций по истории Древнего Востока, спецкурсы, ведут спецдисциплины: «Историография истории Древнего Востока», «История культуры Древнего Востока», «Источниковедение Древнего Востока», «История международных отношений на Ближнем Востоке в VII в. до н. э.», «Введение в изучение дхармашастр и «Артхашастры»; проводят спецсеминары по общим проблемам истории Древнего Востока («Египет и его международные связи во II—I тыс. до н. э.», «История международных отношений на Ближнем Востоке во II—I тыс. до н. э.») и др.

Итогом многообразной научной и учебной работы всего коллектива кафедры стало создание университетских учебников, отражающих современное состояние науки по истории Древнего Востока. К концу 1970-х годов возникла настоятельная необходимость в написании нового университетского учебника по истории Древнего Востока, призванного заменить прежний учебник В.И. Авдиева. Для решения этой сложной задачи были привлечены все сотрудники кафедры, а также ведущие специалисты по истории Древнего Востока из академических институтов. Учебник «История Древнего Востока» увидел свет в 1979 г. Он был положительно отмечен научной критикой, переведен на японский язык и язык дари в 1984—1985 гг. Логичным дополнением к нему стало издание двухтомной «Хрестоматии по истории Древнего Востока» (М., 1980) под редакцией М.А. Коростовцева, И.С. Качнельсона и В.И. Кузищина.

Крупные общественно-политические перемены в нашей стране, развитие научных исследований в области востоковедения, новые методологические подходы в отечественной исторической науке потребовали переработки и дополнения текста учебника. В свет вышли 2-е (1988 г.) и 3-е (1999 г.) издания. «История Древнего Востока» до сих пор является основным университетским учебником в нашей стране.

В дополнение к общеуниверситетскому учебнику кафедра издала комплект других учебных пособий. Среди них «Источниковедение истории Древнего Востока» (М., 1991); «История Древнего Востока. Материалы по историографии» (М., 1991); «История Древнего Востока. Тексты и документы» (М., 2002); «Историография истории Древнего Востока (Иран,

⁷ См.: Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2002.

Средняя Азия, Индия, Китай)». (СПб., 2002). Ответственным редактором и соавтором всех этих изданий является заведующий кафедрой древнего мира профессор В.И. Кузищнн.

Изучение истории Древней Греции

История Древней Греции как органическая часть истории древнего мира изучалась на кафедре и преподавалась с первых дней ее существования. Одной из главных задач коллектива только что открытой кафедры была разработка программы и общего курса истории Древней Греции как части курса по истории античного общества, а также создание учебника по истории Древней Греции. Создание отвечающих новым требованиям учебников для высшей школы, сочетающих глубокий анализ фактического материала с его интерпретацией на основе материалистического мировоззрения, было непростой задачей. Для курса истории Древней Греции она усложнялась еще и тем, что в практике преподавания и научной работы в Московском университете был слабо представлен период эллинизма, практически не был введен в научный оборот материал по истории крито-микенских обществ, а также по ряду проблем социально-экономической истории.

Реализацией этих первоочередных задач занялся заведующий кафедрой, профессор В.С. Сергеев (1883 — 1941), имевший еще в 20-е годы опыт создания учебных пособий. В 1934 г. вышла его «История Древней Греции», которая в доработанном виде (1939) получила официальный гриф учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Учебник рождался на основе опыта преподавания на истфаке МГУ и на исторических факультетах МИФЛИ и педагогических институтов Москвы, где работал В.С. Сергеев. В этом издании излагалась концепция развития древнегреческих обществ как обществ, проходивших стадию рабовладельческой общественно-экономической формации; использовались достижения молодой советской историографии в области антиковедения.

Разложение первобытно-родовых отношений вследствие роста производительных сил, формирование в обществе классов, развитие античного способа производства от начальных шагов до зрелой классической фазы, его трансформация в период эллинизма, образование политических учреждений, становление уникальной греческой культуры показывались в учебнике В.С. Сергеева как единый процесс исторического развития древнегреческого общества. Автору пришлось решать сложную проблему определения характера греческой экономики периода зрелого рабства, расцвета греческих полисов. Именно в понимании сущности экономики состояли наибольшие затруднения специалистов-антиковедов предшествующего времени. Модернизаторская концепция Эд. Мейера и ойкосная теория К. Бюхера были весьма популярны и в мировой, и в советской историографии 20-х годов. Попытки дать некое соединение этих двух теорий, предпринимавшиеся в те годы в том числе и самим В.С. Сергеевым, для 30-х годов оказались устаревшими. В.С. Сергеев обратился к изучению взглядов К. Маркса об античной экономике и на этой основе сформировал концепцию классического рабовладельческого хозяйства, которая затем была принята в советской науке 40 — 60-х годов.

Научной заслугой В.С. Сергеева явилось создание четкой периодизации древнегреческой истории, начиная с первых классовых обществ и государств на Крите и кончая римским завоеванием эллинистических государств. Эта периодизация, ее критерии, предложенные В.С. Сергеевым, стали основополагающими в советской историографии 40—60-х годов. Необходимо подчеркнуть новаторство В.С. Сергеева в обосновании двух исторических периодов древнегреческой истории — крито-микенского общества и эллинизма.

Эта проблема длительное время была предметом дискуссий ученых. Среди части авторитетных советских специалистов в 30-е годы был принят взгляд на крито-микенское общество как на первобытно-родовое, лишенное государственности. Гомеровская эпоха считалась следующим прогрессивным этапом, высшей стадией родового общества, после которой начинался период формирования классовых отношений в VIII—VI вв. до н.э. Такая точка зрения, опиравшаяся на теорию прямолинейного развития истории, представлялась ряду специалистов методологически обоснованной, соответствующей марксистской теории исторического развития. В.С. Сергеев, проанализировав полученные к тому времени материалы новых источников, пришел к выводу, что они свидетельствуют о высоком уровне производительных сил в крито-микенский период, приведшем к формированию классового общества и государственности в этих регионах Греции. Новые источники, дешифровка линейного письма Б и изучение письменных документов блестяще подтвердили концепцию В.С. Сергеева, изложенную в его учебнике «История Древней Греции» (1939).

К спорным проблемам древней истории в мировой и отечественной науке относится проблема эллинистического общества и государственных образований. Наибольшую трудность представляет собой понимание сущности этого сложнейшего исторического явления. В.С. Сергеев предложил свое решение, которое является одним из самых удачных. Рождение эллинистических государств, утверждал он, было связано с кризисом классического полиса IV в. до н.э. Разложение греческого полиса, сущность и формы его проявления получили в учебнике В.С. Сергеева оригинальное освещение. Сформулированная В.С. Сергеевым новая концепция древнегреческой истории явилась большим вкладом в советское антиковедение в целом и предопределила развитие научных исследований на долгие годы. К тому же она была изложена автором в увлекательной форме. Неудивительно, что «История Древней Греции» В.С. Сергеева стала одним из лучших учебников по истории для высшей школы и используется в практике научной работы и преподавания до сих пор.

В.С. Сергеев принял участие и в составлении такого обобщающего труда, как трехтомная «История дипломатии», вышедшая в 1941—1945 гг. под редакцией В.П. Потемкина. В этом сводном издании ученым были написаны разделы о дипломатии стран Древнего Востока, Греции и Рима. В 1946 г. издание было удостоено Государственной премии.

Весьма разнообразной и многоплановой в 30 — 40-х годах была научная деятельность А.В. Мишулина (1901 — 1948). А.В. Мишулин много внимания уделял исследованию общих проблем античной истории, в частности роли войны в процессе воспроизводства в античной формации. Он считал войны одним из основных источников воспроизводства рабочей силы — рабов, — преувеличивая социально-экономическое значение войн в античном обществе. Большой интерес представляют его работы о восстаниях рабов в Риме и в Древней Греции. В учебнике В.С. Сергеева А.В. Мишулину принадлежит раздел о восстаниях рабов и бедняков. Он же подготовил исследования об искусстве греческих полиоркетиков (1940) и одной из утопий эпохи эллинизма (1938). В 1946 г. А.В. Мишулин издал общий курс «История Древней Греции», прочитанный им в Высшей партийной школе, где описал всю историю древнегреческих обществ от возникновения первых государств до разложения эллинистической системы, следуя в целом концепции В.С. Сергеева.

Ведущий специалист в области Древней Греции, доцент кафедры К.К. Зельин проводил огромную и трудоемкую работу по созданию курсов специальных исторических дисциплин. Такие новые курсы, как источниковедение и историография Древней Греции, папирология и греческая эпиграфика, были разработаны К.К. Зельиным на основе достижений советской и мировой науки и явились образцом для последующих поколений преподавателей. Создание этих курсов потребовало предварительных научных изысканий, которые стали предметом специальных публикаций. Исследование исторической концепции Помпея Трога (1948), анализ новых находок фрагментов «Оксиринхской истории» (1960), рецензии и обзоры иностранной литературы о Фукидиде (1948, 1950) отразили глубокое проникновение в частные проблемы источниковедения и обогатили курс источниковедения Древней Греции. Разработка этого курса была крупным достижением и в области научного изучения, и в сфере преподавания этой сложной исторической дисциплины.

Специальное и целенаправленное изучение эллинизма сделалось основным в работе К.К. Зельина. Этой проблеме уделяли первостепенное внимание и другие ученые кафедры — А.Б. Ранович, Н.Н. Пикус, отчасти А.Г. Бокшанин. В 1950 г. посмертно вышло итоговое исследование по истории эллинизма А.Б. Рановича (1885—1948) — его обобщающий труд «Эллинизм и его историческая роль»⁸. В своем труде А.Б. Ранович исследовал закономерности эллинизма, его сущность как исторического явления и место в истории античного общества как греческого, так и римского. Предложенный им вариант решения этих проблем был встречен с большим интересом в советской науке. Его определение эллинизма представляло собой дальнейшее развитие идеи В.С. Сергеева об этой исторической эпохе как о новом этапе развития греческого рабовладельческого общества, на смену которому пришло римское завоевание. А.Б. Ранович, таким образом, включил эллинистические общества в общее движение рабовладельческой социально-экономической формации; он сопоставил формирование и развитие эллинизма с развитием и древне-восточных обществ, и греческих полисов. Автор распространил вывод В.С. Сергеева о

⁸ См. также статьи: Вопросы истории. 1945. № 2; Вестник древней истории. 1947. № 2, № 4; 1949. № 1.

сущности эллинизма как этапа в общественном развитии Восточного Средиземноморья на весь античный мир и древневосточные общества в рамках Передней Азии. В монографии А.Б. Рановича были исследованы основные вопросы внутренней истории эллинистических государств: особенности экономики, торговля и аграрные отношения, проникновение рабского труда в земледелие и ремесла, положение зависимых сельских производителей типа лаой. На конкретных примерах изучались проблемы эллинистических монархий как новой формы античной монархии, совмещающей элементы политической организации восточной деспотии и греческих полисов. Большой интерес представляет очерк по эллинистической культуре, не потерявший своего значения до сих пор.

Труд А.Б. Рановича стал крупным вкладом в отечественную историографию и вызвал оживленное обсуждение советских ученых. В 1953 г. на историческом факультете МГУ была проведена научная дискуссия по коренным проблемам эллинизма. В ходе этой дискуссии с формулировкой иной концепции эллинизма выступил К.К. Зельин. Его перу принадлежит целый ряд интересных исследований конкретных сюжетов эллинистической истории, главным образом Египта. Точка зрения К.К. Зельина была органическим развитием высказанных еще В.С. Сергеевым принципиальных положений о сущности эллинизма как сложного исторического явления, охватывающего все стороны исторического процесса: социально-экономические отношения, политические институты, огромное здание культуры. К.К. Зельин, размышляя о сущности эллинизма, предложил исходить прежде всего из особенностей конкретной истории отдельных стран, а не из абстрактных и привнесенных извне схем. Он определил эллинизм как конкретно-историческое явление, представляющее собой сочетание и взаимодействие эллинских и местных начал, главным образом восточных, в экономике, социальных и политических отношениях, идеологии и культуре. Это определение ориентировало в первую очередь на преодоление излишнего социологизирования, встречавшегося порой в работах советских авторов, что сыграло положительную роль в развитии отечественного антиковедения. Итогом многолетнего изучения К.К. Зельиным различных проблем эллинизма стал его капитальный труд «Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э.» (1960). В этой работе автор скрупулезно проанализировал общие условия развития земельных отношений в Египте: роль товарного производства в конкретном хозяйственном механизме, проблемы рабовладения птолемеевского Египта, отношения собственности и владения и, наконец, состояние ирригации как одного из условий ведения сельского хозяйства. Именно здесь К.К. Зельин реализовал свое понимание сущности эллинизма как конкретно-исторического явления, раскрывая глубокое своеобразие земельных отношений в одной из ведущих стран эллинистического мира.

Крупным специалистом по проблемам эллинизма был Н.Н. Пикус (1907 — 1971), изучавший различные стороны общественных отношений эллинистического Египта. Итогом этого изучения стала докторская диссертация «Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте в III в. до н.э.», посмертно опубликованная в 1972 г.

В ней правовое и экономическое положение зависимых земледельцев и ремесленников исследуется на фоне социально-экономического развития птолемеевского Египта. Вместе с тем в диссертации подняты и общие проблемы эллинизма. Монография Н.Н. Пикуса, выполненная в русле основных направлений, намеченных в свое время В.С. Сергеевым, обогатила советскую науку анализом аспектов эллинистической истории, ранее относительно мало привлекавших внимание исследователей. Это, прежде всего, детальное изучение социального статуса и фактического положения ремесленников. Тщательный разбор различных источников III в. до н. э., т. е. самого блестящего периода истории птолемеевского Египта, привел автора к выводам, имевшим резонанс в научной литературе и широко примененным в практике преподавания. По мнению Н.Н. Пикуса, социальную структуру Египта в III в. до н. э. можно понять лишь в контексте общей социально-экономической ситуации в странах Восточного Средиземноморья, которые по своей сущности являются обществами античного типа. Изучение социально-экономического и правового положения непосредственных производителей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле показало, что их юридическое положение не соответствовало фактическому. Они принадлежали к классу-сословию основных производителей, подвергавшемуся жестокой эксплуатации, которой не мешали отношения формальной свободы. Поскольку юридически свободные люди как на хоре, так и в городе были основными производителями, эксплуатируемыми рабовладельческими методами, это задерживало внедрение собственно централизованного рабского производства с покупными рабами античного типа. Глубокое исследование Н.Н. Пикуса до сих пор является наиболее аргументированным обоснованием социального статуса непосредственных производителей в Египте III в. до н. э., раскрывающим особенности социально-экономической структуры Египта.

Важный и малоизученный в отечественной историографии аспект истории эллинизма стал предметом внимания А.Г. Бокщанина (1903—1979). В монографии «Парфия и Рим», вышедшей в двух частях в 1960—1966 гг., А.Г. Бокщанин проанализировал условия возникновения Парфянского государства и Парфянской державы на фоне общей обстановки, сложившейся в регионе восточно-эллинистических государств. Он рассмотрел особенности внутреннего положения в странах восточного эллинизма и затронул вопрос о сути восточного эллинизма. При исследовании этого вопроса автор выдвинул тезис о разной степени эллинизации и дал свое определение двух ее типов, обозначив разницу между странами собственно эллинистическими и странами эллинизованными (Армения, Парфия, Понт и др.). Эллинизованные государства рассматривались им как часть эллинистического мира, но возглавлялись они не завоевателями (греками и македонцами), а местной аристократией, которая хотя и восприняла язык и культурные навыки греков, но в основном сохранила полную экономическую и политическую самостоятельность. А.Г. Бокщанин изучил внутривосточное положение государства Селевкидов и проследил ход его разложения. Главное внимание автор сосредоточил на сокращении социальной опоры и создании предпосылок для распространения на запад парфян, усилении их мощи и формировании системы политического дуализма в Передней Азии, на несколько столетий определившей политические взаимоотношения в Восточном Средиземноморье.

Исследования разных сторон эллинистических обществ, проводившиеся на кафедре, стали крупным вкладом в отечественное антиковедение. На основе научных разработок проблем эллинизма здесь читались спецкурсы и проводились спецсеминары, создавались курсовые работы, дипломные сочинения и кандидатские диссертации. Многие ведущие специалисты в области эллинизма, работавшие и работающие в академических учреждениях и учебных заведениях Москвы и ряда других научных и учебных центров нашей страны, прошли подготовку на кафедре истории древнего мира (Е.С. Голубцова, А.П. Павловская, Г.А. Кошелев и др.). Среди специальных курсов по истории различных эллинистических государств можно назвать курсы К.К. Зельина «Общие проблемы истории эллинизма», Н.Н. Никуса «Проблемы истории эллинистического Египта», О.И. Савостьяновой «Афины в эллинистическую эпоху» и «История Понтийского царства». Это были оригинальные в научном отношении и методически продуманные курсы, слушавшие которые, проходили школу научно-поиска сотни студентов.

Предметом научных интересов членов кафедры стали некоторые аспекты истории архаической Греции, в частности истории Спарты, микенского общества (работы Н.Н. Никуса). Труды Л.Н. Казамановой были посвящены изучению малоисследованных проблем социально-экономических отношений в периферийных полисах Крита, в том числе вопросов рабовладения, положения зависимого населения, социальной борьбы от VII до III в. до н. э. В течение многих лет Л.Н. Казаманова читала специальный курс по основам античной нумизматики и подготовила интересную книгу «Введение в античную нумизматику» (1969) — учебное пособие, до сих пор используемое в практике вузовского преподавания древней истории.

В 1972 и 1980 гг. были изданы два сборника научных работ, в основном членов кафедры, где нашли свое отражение итоги исследования целого ряда проблем и периодов древнегреческой истории: архаической Аттики и Беотии (Н.Н. Либан, В.Ф. Кутергин), политической борьбы в Афинах в период кризиса полиса (М.А. Кондратьев), боспорско-родосских и кирено-египетских отношений в период эллинизма (Ю.С. Бадалянц, А. Ейне). Активные исследования в области истории Древней Греции, педагогическая деятельность, методическая работа членов кафедры позволили в 70-е — начале 80-х годов подготовить новые учебники и учебные пособия для исторических факультетов университетов. Двумя изданиями (1962 и 1972 гг.) под редакцией В.И. Авдиева, Н.Н. Никуса и А.Г. Бокшанина вышел учебник «История Древней Греции», заменивший учебник В.С. Сергеева и отразивший современный уровень науки о Древней Греции. Этот учебник был переведен на несколько языков народов нашей страны и на болгарский язык.

В 1980 г. вышло из печати учебное пособие «Историография античной истории», а в 1982 г. — «Источникведение Древней Греции (эпоха эллинизма)» (оба под редакцией В.И. Кузнецина). В них был обобщен огромный опыт преподавания специальных курсов по источниковедению и историографии истории Греции, которые велись на кафедре с первых лет ее существования. В учебном пособии по историографии было дано изложение основных направлений исторической мысли, начиная

от Возрождения; прослеживалось развитие национальных научных школ, причем не только в крупных, но и в так называемых малых странах Европы. В пособии по источниковедению эпохи эллинизма содержался обзор основных категорий исторических источников, включая данные эпиграфики, нумизматики и археологии. В таком объеме и с такой полнотой этот важный исторический материал был изложен впервые, не имея аналогов в советской литературе по антиковедению.

Современное состояние мирового антиковедения ориентирует на использование огромного археологического материала в исследованиях по античности. Эффективной формой его изучения и вместе с тем воспитания вкуса к проведению раскопок у аспирантов и студентов является участие в полевых археологических экспедициях. При кафедре организованы и занимаются полевыми работами, исследованием археологических комплексов две постоянно действующие археологические экспедиции. Херсонесская (организована в 1976 г.) ведет раскопки крупной эллинистическо-римской виллы на Гераклеяском полуострове (район Севастополя); Среднеазиатская (организована в 1979 г.) исследовала различные памятники бактрийского, кушанского и парфянского времени в Средней Азии.

В конце 1970-х годов на кафедре произошла смена поколений. Сюда пришли ее выпускники — С.В. Новиков, А.В. Стрелков, М.А. Кондратьев. Сотрудником кафедры стал один из видных отечественных историков и археологов, доктор исторических наук Г.А. Кошеленко. Произошло обновление проблематики, расширилась методология исследований. Вместе с тем новое поколение продолжало сохранять традиции высокопрофессионализма в научной работе, утвердившиеся на кафедре и выражавшиеся, в частности, в тщательном анализе источниковой базы, отборе для изучения наиболее актуальных проблем и др.

В 1980—1990-е годы разрабатывались традиционные и новые направления научных исследований древнегреческой истории, главными из которых являются: история аграрных отношений в Херсонесе Таврическом; Олимпийские игры как один из фундаментальных институтов древнегреческой культуры; так называемый восточный эллинизм; математические методы в исторических исследованиях. Закономерным продолжением традиционной для кафедры научной тематики стало изучение аграрных отношений (В.И. Кузицин) и проблем эллинизма (Г.А. Кошеленко).

Если в 1960—1970-е годы аграрные отношения исследовались как часть древнеримской экономической истории, то в 80—90-е годы центр тяжести переместился на археологические изыскания в Херсонесе Таврическом, где с 1976 г. работала Херсонесская историко-археологическая экспедиция под руководством В.И. Кузицина. Экспедиция занималась раскопками двух больших вилл эллинистического (номер виллы по общепринятой классификации — 132) и эллинистическо-римского времени (150). Раскопки дали ценные научные результаты. Были найдены материалы, позволяющие утверждать, что товарные виллы античного типа продолжали существовать в Херсонесе в IV—V вв. (в то время как

раньше они считались погибшими в III в. н.э.), что исследованная вилла № 150 является латифундией, т.е. особым крупным хозяйством со своей организацией (ранее латифундий не только в Херсонесе, но и во всем Причерноморье обнаружено не было); удалось установить имя владельцев латифундии (семья Василидов) (уникальный факт в изучении Причерноморья); при исследовании виллы № 132 была найдена ремесленная мастерская по обработке камня и ремонту гончарных изделий — редкий случай при раскопках античных вилл в Херсонесе и Причерноморье в целом.

Активную исследовательскую работу в области эллинистической истории проводил профессор Г.А. Кошеленко, известный специалист по изучению так называемого «восточного эллинизма», т.е. области к востоку от Евфрата и до границ с Индией. Особое внимание Кошеленко привлекали три научные проблемы: загадочная история генезиса парфянского государства, судьба и роль греческого полиса на эллинистическом Востоке, сущность «восточного эллинизма»⁹.

В своих работах исследователь на основе комплексного анализа самых разнообразных источников (как профессиональный археолог он умело использовал археологический материал) показал внушительные масштабы греко-македонской экспансии на Восток, особенности градостроительной деятельности Александра Македонского и первых царей Селевкидского государства, организацию греческих переселенцев в систему полисов классического типа, взаимовыгодные отношения новых полисных структур с эллинистическими монархиями, судьбу греческих полисов на Востоке в период позднего эллинизма, в частности в Парфянском царстве. Работы Кошеленко явились заметным вкладом в исследование проблемы как эпохи эллинизма в целом, так и восточного эллинизма в частности. Вместе с тем в понимании сущности эллинизма как исторической эпохи Г.А. Кошеленко разделяет концепцию К.К. Зельина, продолжая линию преемственности идей, выдвинутых предшествующим поколением ученых кафедры.

В 1978 г. Г.А. Кошеленко возглавил объединенную Среднеазиатскую археологическую экспедицию исторического факультета МГУ и Института археологии АН СССР, в составе которой работали преподаватели, аспиранты и студенты кафедры истории древнего мира. С 1979 по 1999 г. Среднеазиатская экспедиция провела исследование памятников античного и раннесредневекового времени в Мервском оазисе — Чильбурдж и Гебеклы, храмового комплекса парфянского времени Мансур-депе, остатков так называемого «Круглого зала» городища Старая Ниса — древней резиденции парфянских царей. Важным результатом работ экспедиции стало составление археологической карты Мервского оазиса — региона со множеством памятников, начиная от эпохи бронзы, античности и до периода средневековья. Эта работа проводилась в творческом содружестве с итальянскими археологами и завершилась изданием обобщающего труда «The Archaeological Map of the Murgab Delta» (Ed. by A.Yubaev, J.Koshelenko and M.Tozi. Text and Figures Maps. Roma, 1998).

⁹ См.: Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966; *Он же*. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Естественным продолжением изучения проблем эллинистической истории стало рассмотрение такого малоисследованного сюжета, как история Юго-Западного Ирана, т.е. региона, издавна населенного персами, вечными врагами греков начиная с Дария I. С.В. Новиков в своей работе «Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира)» (М., 1989) показал, как внедрялись и взаимодействовали исконно персидские институты и новые, эллинические, привнесенные греками, в разных областях жизни — в экономике, политических структурах, в культурной сфере. Г.А. Кошеленко, С.В. Новиков и др. в 80—90-е годы органически дополнили этими исследованиями глубокие изыскания своих предшественников — В.С. Сергеева, А.Б. Рановича, К.К. Зельина, Н.Н. Пикуса, А.Г. Бокцианиа — по проблемам эллинистического периода древнегреческой истории.

С середины 1990-х годов в научной работе кафедры заметное место заняло изучение проблем античного олимпизма, различных аспектов Олимпийских празднеств-игр. Этот интерес был актуализирован столетней годовщиной (в 1996 г.) со времени первой Олимпиады, проведенной в 1896 г. На кафедре была создана группа по изучению проблем Олимпийских игр, куда вошли преподаватели, аспиранты и студенты. Было проведено несколько научных конференций по этим проблемам, с 2000 г. действует университетский «олимпийский семинар», дважды в семестр проводящий свои заседания. Общее направление исследований ориентировано на изучение не спортивной части античных олимпийских игр, а на другие важные стороны этих празднеств. Олимпийские игры рассматриваются как важнейший феномен древнегреческой и мировой культуры. В качестве специальных проблем изучаются: история возникновения Олимпийских игр, начало которых возводится не к традиционно принятой дате, а к X в. до н.э.; периодизация Олимпийского движения (причем большое внимание уделяется римскому периоду, обычно слабо затрагиваемому в специальных работах); особое значение придается исследованию миротворческого характера Олимпийских празднеств, институту священного перемирия (экехерии). Институт экехерии рассматривается как эффективный механизм регулирования многочисленных военных конфликтов, угрожавших самому существованию греческой народности.

Важным направлением исследования олимпийских празднеств стало изучение их влияния на процесс формирования единой греческой народности, национального единства, греческой культуры. В Олимпии (так же как в Дельфах, Коринфе, Немее, где проходили другие панэллинические праздники), куда регулярно съезжалась культурная элита, происходил обмен опытом, идеями, полнее ощущалось культурное и интеллектуальное могущество греков. Формированию национального и культурного единства способствовало создание общегреческой олимпийской религии из многочисленных культов, поскольку именно в Олимпии главные божества греков почитались как общеэллинические боги. Вокруг общеэллинических олимпийских божеств создавалась богатая греческая мифология, ставшая одной из фундаментальных основ древнегреческой литературы.

В поле зрения научной группы находится также влияние античного олимпизма, олимпийского праздника и красочного ритуала его проведения на художественное творчество эллинов, в частности на развитие греческой

архитектуры (примером могут служить воздвигнутые в Олимпии храмы Зевса, Геры, Метроон, Филиппейон и др.). Обычай постановки статуй победителям игр оказал мощное воздействие на формирование замечательной греческой скульптуры V—IV вв. до н. э.

Выявляется роль регулярных общегреческих атлетических игр в популяризации и развитии физической культуры и спорта в греческих полисах. Создается идеал совершенного человека — кблт кбббит — физически сильного, мужественного и волевого, соблюдающего этические нормы. Эта проблематика исследовалась в статьях В.И. Кузинина¹⁰. Олимпийская тематика разрабатывается и в кандидатских диссертациях¹¹. Цикл из семи статей (под редакцией В.И. Кузинина), отражающий различные аспекты Олимпийских игр в античности, подготовлен для публикации в издании *Misogeios (Mediterranije)* (Париж) в 2004 г. Издана монография Ю.В. Шашина «Олимпия» (СПб., 2001), в которой анализируется идея гармонического развития личности греческого гражданина и показывается ее отражение в древнегреческой поэзии, истории и философии.

К числу новых направлений научной работы кафедры в области изучения древнегреческой истории относится применение современных, а именно математических, методов в изучении исторических явлений. Построение математической имитационной модели Пелопоннесской войны 431—404 гг. до н. э.¹² было первой попыткой применить имитационное моделирование исторического процесса в отечественной литературе. Пелопоннесская война в качестве объекта такого моделирования была выбрана по нескольким критериям: как одно из ключевых событий древнегреческой истории конца V в. до н. э. — IV в. н. э.; как событие, нашедшее отражение в относительно большом количестве компактных источников, необходимых для компьютерной обработки, и, наконец, как событие, протекавшее в условиях сложившейся системы, а не в переходную эпоху. Для компьютерной обработки было сформировано несколько баз данных: 1) об основных участниках военного противостояния, состоянии вооруженных сил; 2) о материальном положении различных слоев населения, т.е. их экономическом потенциале; 3) об общей численности населения, т.е. объеме человеческих ресурсов; 4) о возможности использования помощи со стороны других полисов, Персии и т.д. Имитационная модель Пелопоннесской войны, созданная после компьютерной обработки данных, оказалась очень близкой той, которая была нам известна из других источников. Однако преимущество этой модели состояло в том, что был смоделирован блок цифровых данных за каждое пятилетие войны, в то время как в наших источниках упоминаются лишь случайные цифры в отдельные годы. Особенно ценным результатом этой работы стало создание методики имитационного моделирования исторического процесса, возможность ее применения даже к такому разделу

¹⁰ Олимпийские игры как феномен античной и мировой культуры // Вопросы истории. 1997. №1; Древние олимпийские игры как миротворческий фактор // Там же. 2000. №8.

¹¹ Меланченко И. Пагуллизм и конкуренция межполисных отношений Исократ: *Евдокимов И.* Эледа как организатор Олимпийских празднеств; *Герасимова Л.* Художественное оформление Олимпийского святынища.

¹² См.: Устинов В.А., Кузинин В.И., Павловский Ю.П., Гусейнова А.Т. Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса // Вопросы истории. 1976. №11.

истории, как античность, где источниковая база весьма специфична и количественно уступает, например, объему источников по истории Нового и новейшего времени.

Историческое моделирование было применено в изучении греческого и римского так называемого «идеального» поместья¹³. Сравнение полученных моделей показало более эффективную производственную организацию, лучшую рентабельность, известную зрелость товарного производства римской модели, описанной Катонем, по сравнению с хозяйством Исхомаха.

Одной из специфических форм научной деятельности кафедры является разработка специальных курсов и специальных семинаров для студентов. Так, по истории Древней Греции на кафедре в 80—90-е годы проводились и проводятся такие спецкурсы и спецсеминары, как «Греческая эпиграфика» (проф. Ю.В. Виноградов), «Введение в греческую мифологию» (доц. А.В. Стрелков), «Образ жизни афинского гражданина (по Аристофану и Ксенофону)» (проф. В.И. Кузицин), «Теория государственных переворотов (по Аристотелю и Цицерону)» (он же). На основе этих семинаров и спецкурсов было написано и защищено несколько десятков дипломных работ и кандидатских диссертаций¹⁴.

Некоторые выпускники кафедры защитили свои кандидатские диссертации в других учебных или научных заведениях (О.Б. Лопухова, И.А. Макаров, М.Э. Курилов, А.Ю. Виноградов). Трое воспитанников кафедры истории древнего мира защитили докторские диссертации: С.Ю. Сапрыкин («Проблемы истории Понтийского царства», 1994), В.Д. Кузнецов («Организация общественного строительства в Древней Греции», 1996) и А.В. Сазанов («Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени», 1999).

В 1980-е годы коллектив кафедры работал над созданием нового учебника по общему курсу «История Древней Греции». В состав авторского коллектива были приглашены известные специалисты Ю.В. Андреев, Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. Учебник вышел в свет в 1986 г. и затем выдержал еще два издания (1996 и 2001 гг.). Учебник написан с учетом итогов новейших научных исследований, в нем отражены современные методологические концепции, существовавшие в отечественной и мировой науке, а также

¹³ Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973; *Он же*. Хозяйство Исхомаха и мнение Катона: две модели античного поместья. М., 1998.

¹⁴ В последние двадцать лет по истории Древней Греции на кафедре были защищены кандидатские диссертации: *Новяков С.В.* Сузияна при Селевкидах и парфиянах (1982); *Давыдовы Л.С.* Эллинистическая Спарта (1983); *Картюк С.Г.* Социально-политическая борьба в Аттике в конце VI в. до н.э. (1983); *Переделов С.М.* Басилеи гомеровского общества и их социально-политическая роль (1986); *Стрелков А.В.* Экономическая политика Афин в период Первого Афинского морского союза (1986); *Ставинок В.В.* Социально-политическая деятельность Фемистокла (1988); *Светилова Е.И.* Халкидский союз в VII–IV вв. до н.э. (1988); *Шенко Л.Г.* Социально-политическая структура Боспора (I – середина III вв. н.э.) (1989); *Литвиненко Ю.Н.* Хозяйство диоикета Аполлония. Взаимодействие греческого и восточного начал (1990); *Зиновина М.А.* Теория права Аристотеля и греческое право (1991); *Суриков И.Е.* Килонова скверна в истории Афин VII–VI вв. до н.э. (1994); *Буров А.С.* Вооруженные силы и военная политика Македонии (70–80-е годы III в. до н.э.) (1996); *Ладыгин И.А.* Александр Македонский и Египет: проблемы взаимодействия в эпоху генезиса эллинизма (1998); *Петрополос И.* Эллинская колонизация Северного Причерноморья в VII – первой четверти VI вв. до н.э. Проблемы и дискуссии (1999); *Бубнов Д.В.* Греко-италийские контакты во второй половине IV в. до н.э. (2000); *Меланченко И.В.* Панэллинизм и концепция межполисных отношений Исократ (2001); *Гвоздева Т.Б.* Великие Панафиней – история, структура, общественное значение (2001).

большой опыт методической работы коллектива кафедры. Исторический материал изложен с позиций цивилизационного подхода, который предполагает освещение всех сторон жизни общества — социальных отношений, экономической жизни, политических институтов (в особенности, афинской демократии и полисного строя), культуры и религии. В учебнике получила довольно полное освещение история греческих городов в Причерноморье и в Великой Греции. При характеристике эллинизма авторы использовали и углубляли те методологические подходы, начало которым было положено В.С. Сергеевым, А.Б. Рановичем и К.К. Зельным.

В 2000 г. под редакцией В.И. Кузищина была издана «Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции», подготовленная учеными Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. В этом издании опубликованы новые переводы крито-микенских текстов II тыс. до н.э., хеттских табличек, египетских папирусов из архива Зенона, пергаменов из Дура-Европос и Авромана, греческих надписей с территории Балканской Греции, государства Селевкидов и Северного Причерноморья. Особо следует отметить обширные тексты из нового перевода Диодора Сицилийского; впервые в издании подобного рода приводится значительный нумизматический материал.

Изучение истории Древнего Рима

С первых лет образования кафедры история Рима заняла в ее работе одно из ведущих мест. Определились аспекты исследований, которые оставались основными вплоть до середины 50-х годов. В центре внимания находилась разработка концепции рабовладельческого общества в Риме. Особый интерес сотрудники кафедры проявляли к таким узловым проблемам, как развитие классовой борьбы, международные отношения и завоевательная политика Рима, его взаимоотношения с провинциями, развитие римской государственности, в том числе римской императорской власти, первоначальное христианство и христианская церковь, источниковедение и историография. В соответствии с состоянием источниковой базы усилия ученых концентрировались на эпохе поздней Республики и Империи.

Первостепенной задачей кафедры было создание нового учебника по римской истории. Осуществляя ее, В.С. Сергеев издал в 1938 г. «Очерки по истории Древнего Рима», ч. I и II. Это был обобщающий труд, в котором Рим рассматривался как органическая часть сначала италийской, а затем и средиземноморской истории, начиная от первобытных поселений и кончая гибелью античного общества. Большое внимание в нем уделялось характеристике и эволюции разных социальных слоев, особенностям социальной борьбы в Риме в различные периоды римской истории. В книге были обозначены принципиально значимые проблемы, сформулированы выводы, касающиеся важнейших сторон римской истории. Исследуя социально-экономическое развитие в эпоху Республики, В.С. Сергеев показал, что рост рабовладения и переход к рабовладельческому производству совершались параллельно с ростом купеческо-ростовщического капитала. Рассматривая результаты завоевания Италии Римом, он отметил, что процесс слияния римлян с италийцами в единую гражданскую

общину постепенно втягивал в себя и провинциалов, что обусловило необходимость реорганизации аппарата управления. Разрешение этой проблемы началось с установления единодержавия Цезаря. Цезарский режим, по мнению автора книги, был ближе к «солдатской монархии» Северов, чем к первой династии Юлиев-Клавдиев. В.С. Сергеев выдвинул положение об изменении социальной природы императорской власти, происходившем параллельно с изменением соотношения социальных сил. Говоря о распаде Римской империи в результате разложения рабовладельческих отношений, ученый подчеркнул тезис о специфике феодализации общества в западной и восточной ее частях. «Очерки» не только оставались до конца 40-х годов лучшим учебником по Риму, но и оказали плодотворное влияние на последующую отечественную историографию, наметив много важных вопросов, требовавших дальнейшего исследования.

Члены кафедры готовили к публикации источники, работали над статьями и монографиями. Вопросами социальной борьбы в Риме накануне падения Республики, изучением римской культуры (золотого века римской литературы (Гораций) и литературного наследия Тертуллиана), а также переводами занимался профессор П.Ф. Преображенский. В 1936 г. вышла книга А.В. Мишулина «Спартаковское восстание», в которой рассматривались также сицилийские восстания рабов последней трети II в. до н. э. и крестьянские движения в борьбе за землю. А.В. Мишулин показал закономерность рабских восстаний как результата бесчеловечной эксплуатации невольников и сформулировал тезис о классовой борьбе рабов как главной движущей силе римского общества. Это исследование легло в основу теории революции рабов, которую А.В. Мишулин совместно с профессором Ленинградского университета С.И. Ковалевым выработал, руководствуясь высказываниями И.В. Сталина о якобы ликвидировавшей рабовладельческий Рим революции рабов. О внимании к проблемам императорского Рима свидетельствовали уже «Очерки» В.С. Сергеева, где им был отведен весь второй том. Исходя из теоретической значимости эпохи Империи как завершающего этапа античного общества и одного из важнейших звеньев всемирной истории, Н.А. Машкин разработал и читал специальный курс «История Римской империи», изданный им в 1949 г. Перу этого автора принадлежат также статьи о классовой борьбе в эпоху поздней Империи: «Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия» (1938); «Движение агонистиков (Из истории римской Африки)» (1935). Под его руководством была написана кандидатская диссертация Н.И. Голубцовой «События 410 года в Риме в оценке современников». В 1950 г. Н.А. Машкин вел спецсеминар по внутривосточной истории Римской империи.

Важной проблемой было изучение римских провинций. Н.А. Машкин редактировал перевод V тома «Римской истории» Т. Моммзена, посвященного провинциям Рима, и написал две обширные монографии — «Римские провинции республиканской эпохи» и «Римская Африка», оставшиеся из-за смерти автора неопубликованными. Изучение провинций нашло отражение в работе А.Б. Рановича, вышедшей в 1949 г. под названием «Восточные провинции Римской империи I—III вв.». В ней был дан обзор географического, социально-экономического и политического положения провинций Азия, Вифиния и Понт, Ликия и Памфилия, Киликия,

Галатия, Каппадокия, Сирия, Египет, Киренаика и Крит, Ахайя, Македония, Фракия с экскурсами в историю их образования. Этот обобщающий труд облегчил работу по дальнейшему, более углубленному исследованию как отдельных частей римского мира, так и провинциальной системы в целом. В 1951 г. Н.Н. Белова защитила диссертацию «Социальные отношения в галльских городах в I – II вв. н. э.». Исследовательские принципы Н.А. Машкина успешно реализовал О.В. Кудрявцев. Из подготовленной им кандидатской диссертации выросла затем монография «Эллинистические провинции Балканского полуострова во II в. н. э.» (1954). В ней подробно анализируются социально-экономическая и политическая жизнь Ахайи, Эпира и Македонии и впервые четко сформулированы вывод о равнозначности римской гражданской общины и полиса, а также проблема кризиса римской политейной организации, развитая впоследствии в книге С.Л. Утченко «Кризис и падение Римской республики» (1965).

Настоятельной потребностью развития науки и университетского преподавания были исследования источниковедческого характера. Курсы источниковедения и историографии читались в 30-е годы В.С. Сергеевым и Н.А. Машкиным. В ходе этой работы было подчеркнуто значение эпиграфических памятников для научных изысканий. Н.А. Машкин в 1938 г. опубликовал перевод и дал анализ эдиктов Августа из Киренаики, а А.В. Мишулин в 1946 г. – надписи Эмилия Павла из Гасты.

Продвижение по пути конкретных исследований и накопление опыта преподавательской работы, в том числе в области вспомогательных дисциплин, подготовили почву для издания в 1947 г. нового учебника по истории Рима, автором которого был Н.А. Машкин. Его «История Древнего Рима», выдержавшая три переиздания (2-е изд. – 1949, 3-е – 1956), отличалась богатством конкретно-исторического материала и новизной в постановке и решении ряда проблем. Автор отказался от теории двухступенчатой революции рабов, будто бы начинавшейся во II в. до н.э., применяя эту теорию лишь к эпохе Поздней империи. Первым из советских ученых Н.А. Машкин ввел в учебник главы с обзором источников и историографии истории Рима и расширил разделы по истории культуры, включив в них обзор римского права. Книга была переведена на языки народов СССР и ряда европейских стран.

На основе переработки спецкурса о взаимоотношениях римского императорского режима и церкви А.Б. Ранович в 1941 г. опубликовал книгу «Очерк истории раннехристианской церкви». Исследование раннего христианства нашло продолжение в преподавательской и научной деятельности академика Р.Ю. Виппера, издавшего в 1946 г. монографию «Возникновение христианской литературы». В ней на основе анализа ряда раннехристианских произведений показана реальная религиозная жизнь в I в. н.э. и подчеркнута связь раннехристианской и современной ей античной литературы. Стоя на позициях мифологической школы, Р.Ю. Виппер наметил этапы в процессе историзации образа Иисуса. В 1954 г. появился его труд «Рим и раннее христианство», в котором возникновение христианской идеологии рассмотрено в связи с социальной, экономической и культурной историей Римской империи.

Разработка таких проблем, как история международных отношений в древности, тесно была связана с преподавательской деятельностью. Н.А. Машкин вел спецсеминар на тему «Внешняя политика римских императоров I—II вв. н. э.»; А.В. Мишулин читал спецкурс «История международных отношений в древности», который в начале 50-х годов стал вести А.Г. Бокшанин. Он же читал курс истории войн и военного искусства в древности, где большое внимание, естественно, уделялось Риму.

Уже на первом этапе существования кафедры велась огромная работа по подготовке кадров высшей квалификации. Результатом ее стала защита докторских диссертаций: в 1942 г. — Н.А. Машкиным, в 1943 г. — А.В. Мишулиным; были защищены также кандидатские диссертации — А.Г. Бокшаниным, Э.К. Путным, Л.М. Роголиным, Ф.М. Нечаем, С.И. Протасовой, Е.М. Штаерман.

Докторская диссертация А.В. Мишулина была опубликована посмертно в 1952 г. под названием «Античная Испания». Значение исследования А.В. Мишулина заключалось прежде всего в том, что до него в отечественной науке не существовало трудов, специально посвященных испанской древности. Заполнение этой лакуны стимулировалось горячей симпатией советского народа к испанскому, героически боровшемуся с фашизмом. Важной особенностью книги было широкое введение археологических материалов. В ней рассмотрен обширный исторический период — от эпохи палеолита до установления римского господства — и подняты сложнейшие проблемы: происхождение иберов и формирование иберийской культуры, колонизация Испании и борьба ее народа за независимость, а также становление римской административной политики. Книга А.В. Мишулина стала тогда заметным явлением как по тематике, так и по методике комплексного использования нарративных и археологических источников.

Докторская диссертация Н.А. Машкина «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» была издана в 1949 г. и удостоена Государственной премии. Эта книга занимает особое место среди работ того периода. Она написана с учетом всей доступной автору научной литературы, на основе комплексного использования богатого арсенала разнородных источников, часть которых была привлечена для разработки проблемы впервые. Автор исследовал генезис, политическую форму и социальную сущность принципата, а также внешнюю политику Августа и культуру этой эпохи. В монографии поставлены важные теоретические проблемы, вызвавшие к жизни целый ряд исследований его учеников и коллег.

В конце 40-х и в начале 50-х годов кафедра стала не только крупным научным центром, внесшим заметный вклад в разработку истории Рима, но и центром научно-методическим, создавшим продуманную систему подготовки историков-античников. Кроме курсов источниковедения и историографии, на кафедре читались курсы вспомогательных исторических дисциплин: папирологии, нумизматики, греческой и латинской эпиграфики. Обязательным был курс античной, в том числе римской, литературы, читавшийся С.И. Радцигом. Из спецкурсов по римской тематике следует

отметить обзорный курс римского права и истории римских провинций республиканской эпохи Н.А. Машкина, а также спецкурс «Борьба патрициев и плебеев в V — нач. IV в. до н.э.» С.Л. Утченко, а из семинаров и спецсеминаров — руководимые Н.А. Машкиным «Res gestae divi Augusti как исторический источник», «Цицерон как источник по истории идеологии позднереспубликанского времени», «Эпоха Антонинов по «Scriptores historiae Augustae» и Диону Кассию». Обязательным элементом образования специализирующихся по Риму было знание древнегреческого и латинского языков. Таким образом, под руководством В.С. Сергеева и Н.А. Машкина на кафедре была создана современная школа историков-романистов. Многие из тогдашних выпускников кафедры стали ведущими специалистами по истории Рима. Это Е.М. Штаерман, Н.И. Голубцова, О.В. Кудрявцев, Е.С. Голубцова, А.И. Немировский, А.М. Ременников и др. Немировский и Ременников возглавили затем кафедры истории древнего мира и средних веков Воронежского университета и всеобщей истории Казанского пединститута, а Е.С. Голубцова — сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР. В академической серии «Причерноморье в античную эпоху» были опубликованы кандидатские диссертации — Е.С. Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры» (1951) и А.М. Ременникова «Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в.» (1954).

Новым этапом в научной и педагогической деятельности кафедры стала середина 1950-х годов. Для создания более точной картины Древнего Рима потребовались конкретно-исторические исследования с переосмыслением ранее известных и освоением вновь открытых источников. Между тем к тому времени кафедра переживала трудности: ушли из жизни такие крупные ученые, как С.И. Протасова, А.Б. Ранович, А.В. Мишулин, Н.А. Машкин; оставили работу в университете К.К. Зельин и С.Л. Утченко. Вся научная и педагогическая нагрузка по римской тематике легла на плечи А.Г. Бокшанина, взявшего на себя подготовку студентов и аспирантов-романистов. А.Г. Бокшанин начал вести спецсеминары по истории Римской империи и читать курсы источниковедения и историографии, спецкурсы по истории раннего христианства и по истории римской культуры.

Главными направлениями в научной работе кафедры было исследование социально-экономических отношений в Римской Италии и международное положение Римской державы. В русле первого направления в 1957 г. была написана кандидатская диссертация В.И. Кузицина на тему «Крупное рабовладельческое хозяйство Италии в конце Республики», в которой прослеживалась эволюция структуры подобных хозяйств и определялась доходность составляющих их частей. Проанализировав структуру богатства римских землевладельцев, автор обосновал важный вывод о незначительности распространения латифундий в Италии конца Республики. В русле второго направления шла работа А.Г. Бокшанина по проблеме взаимоотношений Парфии и Рима. Результатом ее стала публикация в 1960 г. первой части монографии «Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии». В 1964 г. А.Г. Бокшанин

защитил на эту тему докторскую диссертацию, а в 1966 г. последовало издание второй части названной монографии. Этот труд явился существенным вкладом в отечественную науку об античности. Преодолевая романоцентристские тенденции мировой историографии, А.Г. Бокщанин показал, что Рим и Парфия были двумя великими соперничающими между собой державами.

В 1970.—1980-е годы в рамках социально-экономической проблематики более четко обозначилась тема аграрной истории и римского классического рабства. Акцент делался на определении характера земельной собственности и владения, с одной стороны, и особенностях римского землепользования — с другой. В 1966—1976 гг. были опубликованы три монографии В.И. Кузицина. Одна из них — «Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.— I в. н.э.» (М., 1966) — представляет собой обстоятельное исследование природно-технических и экологических аспектов италийского земледелия — климата, рельефа, почвы, набора сельскохозяйственных культур и их экономической ценности, т. е. таких аспектов италийского земледелия, которые ранее мало привлекали внимание специалистов. Особое значение имеет рассмотрение организации труда рабов в италийском сельском хозяйстве, выяснение норм их труда, специализации и форм кооперации в рабских трудовых коллективах в условиях внеэкономического принуждения. В этой связи автором показано, какую важную роль играло создание поместной администрации из рабов. Вместе с тем автор отошел от примитивных схем и представлений обо всех категориях римских рабов как о «ненакормленных и раздетых существах», выявил заинтересованность господ в поддержании у рабов необходимой рабочей формы и показал пути повышения производительности труда, принимавшиеся рабовладельцами.

Другая монография В.И. Кузицина — «Римское рабовладельческое поместье во II в. до н.э.—I в. н.э.» (М., 1973) — посвящена выяснению ведущего хозяйственного типа в Италии. В ней в качестве экономических типов рассматриваются: крестьянское хозяйство; средняя вилла, связанная с рынком; пригородное поместье; поместье, слабо связанное с рынком; латифундия и отмечается, что в каждом из этих типов хозяйств в той или иной мере использовался рабский труд. Автор формулирует принципиальный вывод о том, что ведущим, наиболее эффективным и рациональным типом хозяйства оказалась рабовладельческая вилла средних размеров, связанная с рынком. Именно в таких имениях удавалось вести интенсивное хозяйство, построенное с учетом достижений агрономии, рациональной организации труда и с эффективной системой надзора. Распространение таких вилл было, по мнению автора, и показателем одной из важнейших причин укрепления товарного производства.

В третьей своей работе этого цикла — «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э.—I в. н.э.)» (М., 1976) — автор остановился на проблеме крупного землевладения и наметил этапы его развития с III в. до н. э. Он доказывал, что в эпоху поздней Республики крупное землевладение выступало в виде сконцентрированного в руках одного владельца множества небольших имений в разных местах Италии, а с I в. н. э.

приобрело форму огромных поместий. Исследование В.И. Кузищина внесло существенные коррективы в представление о латифундии. Анализ механизма латифундиального хозяйства привел автора к выводу о невозможности в связи с расширением имений беспрестанно увеличивать аппарат поместной администрации, что вызвало перестройку латифундиальной экономики, отказ от централизованного хозяйства в пользу децентрализованного, основанного на мелком землепользовании заинтересованных в труде колонов. Автор монографии отметил, что в условиях кризиса рабовладения и вызванного последним истощения почв латифундия превращалась в социально-экономический организм, где зарождались новые отношения между землевладельцем и работниками, трудившимися в его хозяйстве. Монография вызвала интерес у итальянских специалистов и в 1984 г. была издана на итальянском языке¹⁵.

Другим направлением исследования аграрных отношений стало изучение особенностей римского землепользования, или, как говорили римляне, системы полей. Это направление представлено работами И.А. Гвоздевой. Научному анализу подверглись система межевания полей, организация дорожной сети в сельской местности, оформление границ поместий, структура римской центуриации, формы земельных споров и контроверсий и другие аспекты темы. Синтезируя результаты исследования, Гвоздева исследовала сводный государственный кадастр всех земельных угодий Римской империи, составленный при Августе и уточненный при Веспасиане, — первый в мировой истории аграрных отношений. Это исследование базировалось на обработке сложных источников, так называемых трактатов римских землемеров, практически впервые вводимых в научный оборот в нашей литературе.

Названная проблематика широко отражалась в подготовке аспирантов и преподавательской работе. В.И. Кузищин читал спецкурсы «Аграрные отношения в Риме в период расцвета рабства во II в. до н.э. — II в. н.э.», «Некоторые теоретические и методологические проблемы античного рабовладельческого общества», «Классическое рабство как социально-экономическая система (на материале сельского хозяйства)». Социально-экономическому развитию Рима были посвящены кандидатские диссертации, защищенные в 70-е годы В.Г. Гавриловым, А.Б. Ковельманом, А.В. Поздняковым, В.В. Федотовым, Б.С. Ляпустиным, И.А. Гвоздевой.

Заметное место в научной работе кафедры во второй половине 70-х годов заняло исследование темы римского классического рабства. Это направление представлено монографией «Античное классическое рабство как экономическая система» (М., 1990) и серией крупных статей В.И. Кузищина. Тщательное исследование имеющихся сведений о римском рабстве времени его расцвета позволило автору пересмотреть многие традиционные взгляды на экономическую роль рабского труда. В частности, он показал, что рабский труд был хорошо организован, являлся довольно выгодным с экономической точки зрения, составлял основу товарного производства в аграрном секторе Рима, а рабовладельческие поместья были наиболее эффективным типом производства.

¹⁵ *Kuziscin V. La grande proprietaria agraria nell'Italia Romana. Roma, 1984.*

Определенным обобщением результатов изучения социально-экономической проблематики явилась серия статей В.И. Кузищина о теоретических аспектах исследования древнеримского общества¹⁶.

С начала 1990-х годов на кафедре определилось еще одно направление научных исследований — изучение римского права. В свое время в учебниках В.С. Сергеева и Н.А. Машкина юридическая тематика была представлена довольно полно, однако в 50—80-е годы она стала отходить на второй план по сравнению с социально-экономической и политической. Повышение внимания к римскому праву было связано не только с обращением к забытым традициям, но и с интересом к роли права в общественном развитии, связанным с проникновением цивилизационного подхода в исторические исследования. В 1990-е годы на кафедре была введена специализация по римскому праву, в учебный план включался двухгодичный курс по этой теме. Для чтения курса по источниковедению римского права был привлечен выпускник кафедры доктор юридических наук Д.В. Дождев, автор нескольких фундаментальных исследований и учебников по римскому праву. В освещении различных проблем древнеримской истории В.И. Кузищиным, И.Л. Маяк, И.А. Гвоздевой, Н.Н. Трухиной правовой стороне многих исторических реалий и особенно проблеме собственности и владения, земельных споров и контroversий уделялось особое внимание. По юридической проблематике было защищено три кандидатские диссертации — М.А. Зиновина (1991), Е.В. Сильвестрова (1998), Н.А. Дузкенева (1995) — и три докторские — Д.В. Дождева (1995), А.В. Коптева (1996) и Л.Л. Кофанова (2001).

Взаимоотношения Рима с соседними странами и провинциями рассматривались в кандидатских диссертациях Л.С. Ильинской, В.В. Юрьевой и Ю.Е. Журавлева. Продолжалось изучение поздней Империи, особенно идеологической жизни в IV в. н. э. Под руководством А.Г. Бокщанина была подготовлена и в 1967 г. защищена диссертация Д.Е. Фурмана, посвященная религиозной политике Юлиана Отступника с приложением выполненного автором перевода писем этого императора.

Традиционной дисциплиной в работе кафедры стала историческая география. Еще в 1946 г. А.Г. Бокщанин открыл первую страницу в разработке этой тематики, издав под руководством А.В. Мишулина первый советский историко-географический атлас по истории древнего мира для средней школы, где значительное место было отведено картам и планам Древнего Рима. С конца 60-х годов и до конца своих дней А.Г. Бокщанин читал специальный курс по исторической географии. Под его руководством в 1977 г. была защищена кандидатская диссертация «Восточные границы Римской империи I—II вв. н. э.», написанная В.И. Ламзиным.

С 60-х годов на кафедре началось активное изучение периода ранней Римской республики, прежде всего социальной истории и государственно-правовых аспектов жизни Рима и Италии. На базе диссертации,

¹⁶ Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // Вопросы истории. 1986. № 10 (в соавт. с Е.М. Штаерман); *Он же*. Исторические формы товарного хозяйства // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 7 (в соавт. с В.Л. Иноземцевым).

защищенной в 1954 г., в 1971 г. была издана монография И.Л. Маяк «Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э. (до гракханского движения)», в которой характеризовались государственно-правовое содержание Римско-италийского союза и социальные корни союзнических отношений. Проводилось изучение высших сословий республиканского Рима, начатое в конце 40-х годов А.И. Немировским, в его кандидатской диссертации посвященной всадническому сословию. В 1974 г. была защищена кандидатская диссертация Н.Н. Трухиной на тему «Борьба внутри римского нобилитета в конце III—начале II вв. до н. э.». Защищена диссертация О.В. Сидорович «Структура патрициата Римской республики».

С середины 60-х годов в сферу научных интересов кафедры вошла история политических институтов в Риме на разных этапах его развития. В 1986 г. была опубликована монография Н.Н. Трухиной «Политика и политики золотого века». В этом исследовании давалось новое объяснение политической структуры, политических течений поздней Республики. Автором были выделены три «партии»: 1) узкоолигархический слой нобилитета и его сторонников; 2) широкая фронда средних слоев, верхушку которой составляли «новые люди», всадники и низшие слои сенаторского сословия; 3) плебейские демократы, представители интересов трудового люда. С этими течениями соотнесены крупные политические фигуры II в. до н. э.: Сципион Старший, Сципион Младший и Катон Цензор. И.Л. Маяк проводила спецсеминары «Римская государственность республиканской эпохи», «Римский город конца Республики — начала принципата», «Римская религия республиканского периода». А.Л. Смышляев в 1977 г. выполнил диссертационную работу «Имперская бюрократия при первых Северах».

Откликаясь на бурное развитие этрускологических исследований в мире в связи с непрерывающимся поступлением новых археологических и эпиграфических материалов, кафедра впервые организовала чтение спецкурса «Введение в этрускологию», который в 60—70-е годы читала И.Л. Маяк.

С конца 60-х годов в научной работе кафедры возникло новое направление — изучение древнейшего Рима. Благодаря расширению источниковой базы, прежде всего за счет археологических памятников, а также прогрессу мировой лингвистической науки, появилась возможность проверки данных античной традиции и реабилитации ее в основных чертах. Конкретно-исторические исследования начала царской эпохи прояснили картину перехода Рима от первобытности к раннеклассовому обществу и государству. Разработка этой кардинальной проблемы нашла отражение в докторской диссертации И.Л. Маяк «Генезис римского полиса. Социально-политические проблемы древнейшего Рима», положенной в основу монографии «Рим первых царей. Генезис римского полиса» (М., 1983), а также в преподавательской практике. С начала 70-х годов читаются лекции по историографии, этногенезу, социальной структуре древнейшего Рима, проводится спецсеминар «Царский Рим. Социально-политическое развитие». В последующие годы по этой проблематике был защищен ряд диссертаций: Н.Г. Фомичевой «Социальное развитие Рима в VII — начале VI в. до н. э.» (1987); А.М. Сморгачевым «Сакральные основы формирования

римской *civitas*» (1991); Л.Л. Кофановым «Долговой вопрос в арханчском Риме» (1992). Диссертация Л.Л. Кофанова легла в основу его монографии «Обязательственное право в арханчском Риме VI— IV вв. до н.э.» (1994). В том же году была защищена диссертация В.Н. Токмакова, изданная в 1998 г. как монография «Военная организация Рима ранней республики (VI— IV вв. до н.э.)». В ней исследованы реформы Сервия Туллия, социальный состав *classis* и эволюция *infra classem*, комплектование войска ранней республики, структура и боевые порядки пешего войска. В книге отмечено, что генезис римского государства, связанный с преобразованием общественных структур, начался с реорганизации войска, показано значение центуриатной реформы как побудительного толчка к формированию и юридическому оформлению сословий патрициев и плебеев.

В 1993 г. вышла монография И.Л. Маяк «Римляне ранней Республики». В ней исследована социально-экономическая специфика римской *civitas*, охарактеризованы разные виды общественных земель и режим использования *ager publicus* патрициями и плебеями, уточнено понятие римского полиса. Проблемы социальной, правовой и культурной истории раннего Рима разрабатывались в диссертациях: О.С. Смирновой «Культ Весты в раннем Риме» (1999); Д.В. Бубнова «Греко-италийские контакты во второй половине IV в. до н.э.»; Я.В. Мельничука «Римская цензура в период ранней Республики» (2003).

Историко-культурному феномену поздней Республики посвящена защищенная в 2000 г. кандидатская диссертация В.О. Никишина «Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия (К вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э.)».

Неуклонно расширялась тематика изучения разных аспектов истории Империи. В 1977 г. В.И. Ламзин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восточная граница Римской империи в I—III вв. н.э.». Тогда же А.Л. Смышляевым была защищена работа «Имперская бюрократия при первых Северах». Социально-правовой проблематике посвятил свою диссертацию «Социальная структура римского гражданства в эпоху Юлиев-Клавдиев» А.С. Балахванцев (1994). Социально-культурное состояние ранней Империи отражено в диссертационной работе А.Н. Маркина «Менталитет римской знати по Тациту и Плинию Младшему» (2000).

Специальному исследованию подверглась римская военная организация. На базе диссертации, посвященной легионам западных и придунайских провинций, выполненной А.В. Колобовым, в 1999 г. вышла его книга «Римские легионы вне полей сражений». На основе диссертации А.В. Махлаюка была опубликована монография «Армия римской империи. Очерки традиций и ментальности» (2000). В 2002 г. Г.Г. Рацэ была защищена работа «Эвакуация римской провинции Дакция и ее последствия».

Проблема региональной истории стала предметом изучения И.М. Наджафовой, защитившей диссертацию на тему «Римская Аквилея I—II вв. н.э.» (1992).

Источниковедческие проблемы входят в круг интересов И.Л. Маяк. Ей принадлежат статьи об Аппиане, Авле Геллии и Дионисию Галикарнасском. Ее ученица И.В. Максимова в 1993 г. защитила диссертацию на тему «Поэтические римские апологеты как источник по римской языческой религии». Диссертационное исследование историографического характера «Антиковедение в России (1834–1917) по материалам «Журнала Министерства Народного Просвещения» было выполнено в 1999 г. О.В. Кармазиной.

В процессе научных изысканий сотрудников кафедры накапливаются наблюдения историографического и источниковедческого характера. Обычно они оформляются в рецензиях и обзорах научной литературы.

Итогом большой и разносторонней научно-исследовательской работы кафедры по изучению всех периодов древнеримской истории (раннего Рима, Рима периода поздней Республики и ранней Империи, позднего Рима), а также результатом огромной учебно-методической работы стало издание университетского учебника «История Древнего Рима». Новый учебник был написан коллективом преподавателей кафедры: А.Г. Бокшаниным, Н.Н. Пикусом, О.И. Савостьяновой, И.Л. Маяк, В.И. Кузициным, И.А. Гвоздевой. Первое издание вышло в 1971 г. под редакцией А.Г. Бокшанина и В.И. Кузицина, затем последовали второе (1981), третье (1993) и четвертое (2000) издания под редакцией В.И. Кузицина. В каждом очередном издании текст учебника дополнялся новыми материалами, обновлялась его источниковая и историографическая база. В концептуальных подходах была усилена цивилизационная основа при освещении исторических событий, значительно дополнены те части изложения, где даются характеристики римских правовых институтов, религиозных факторов, различных сфер культуры. Отразив современное состояние научных исследований, авторы широко показали роль товарных отношений в римском обществе II в. до н. э. – II в. н. э. В учебнике пересмотрено прежнее положение о всеобщем господстве рабовладельческих отношений от раннего времени до падения Рима. Подчеркивается значительно большая историческая роль так называемого общинно-крестьянского сектора в производстве и обществе.

Новый учебник «История Древнего Рима» является на сегодняшний день основным университетским учебником для студентов отечественных университетов. В 2003 г. он был включен в юбилейную издательскую серию «классический университетский учебник».

Для семинарских занятий по курсу римской истории кафедра подготовила «Хрестоматию по истории Древнего Рима» (1987 г., под редакцией В.И. Кузицина). Это принципиально новое учебное пособие. Эпиграфический материал, произведения античных авторов и другие источники расположены в нем по важнейшим проблемам римской истории, причем каждая тема сопровождается методической разработкой и комментарием, способствующими написанию доклада или курсовой работы. Тексты источников представлены крупными блоками, что дает студентам возможность самостоятельно отбирать материал. Тематика курсовых работ включает экономику, социальную и политическую борьбу во все периоды римской истории, религию, отдельные правовые вопросы римского общества.

Кафедрой подготовлено второе издание хрестоматии (увидит свет в 2004 г.), в котором значительно более широко представлен источниковый материал по духовной культуре римского общества. Впервые в хрестоматии выделен большой раздел по римскому праву. Это издание приобрело характер антологии источников и называется «История Древнего Рима: Тексты и документы».

Важнейшей стороной научной работы кафедры является подготовка учебников по специальным дисциплинам. Лекционные курсы по историографии на протяжении 70—90-х годов читали В.И. Кузищин, И.Л. Маяк, И.А. Гвоздева, а по источниковедению римской истории — И.Л. Маяк, А.Л. Смышляев, Н.Н. Трухина. Для создания учебника по историографии на кафедре был сформирован коллектив специалистов с привлечением профессоров Ленинградского, Воронежского и Казанского университетов — Э.Д. Фролова, А.И. Немировского и А.С. Шофмана. В 1980 г. было издано первое в истории антиковедения учебное пособие «Историография античной истории» (под редакцией В.И. Кузищина). В нем охвачен огромный период — от эпохи Возрождения (с XIV в.) до конца 70-х годов текущего столетия, охарактеризовано изучение Рима как в отечественной науке, так и в науке Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и ряда стран Восточной Европы. В 1981 г. был издан учебник по источниковедению истории Рима, написанный А.Г. Бокщаниным. После его смерти доведением учебника до современного научного уровня занимались Н.Н. Трухина, А.Л. Смышляев и И.Л. Маяк.

Кафедра ведет большую методическую работу, оказывая в то же время помощь университетам и пединститутам страны в области преподавания древней истории. Это — обеспечение программами общих и специальных курсов по истории Древнего Востока, Греции и Рима, создание учебников и учебных пособий, хрестоматий, методических разработок.

Ответственная задача была возложена на кафедру после организации факультета повышения квалификации преподавателей исторических факультетов университетов и пединститутков. За 25 лет существования ФПК с помощью специально подготовленных лекционных курсов и методических занятий повысили квалификацию многие преподаватели периферийных университетов.

Кафедрой были подготовлены программы кандидатского минимума по древней истории, а также по источниковедению и историографии истории древнего мира. Для чтения лекций, консультаций и оппонирования кандидатских и докторских диссертаций преподаватели выезжают во многие университеты России. Через целевую аспирантуру подготовили и защитили кандидатские диссертации несколько десятков специалистов, успешно ведущих научную и педагогическую работу в академических учреждениях и вузах нашей страны и за рубежом.

Учские кафедры достойно представляют отечественную науку, участвуя в международных конгрессах и конференциях, публикуя статьи в зарубежных изданиях, читая лекционные курсы в университетах Италии, Германии, Франции, Испании, Греции. Событием крупного значения для историков древнего мира стали регулярно (раз в два года) проводящиеся Чтения

в честь одного из зачинателей советского антиковедения и основателя кафедры профессора В.С. Сергеева; с 1979 г. проведено уже 13 Чтений.

На кафедре установилась традиция издания сборников научных работ преподавателей, аспирантов и сотрудничающих с кафедрой ученых других учреждений. Издано уже шесть таких сборников под названием «Древний Восток и античный мир». Первый вышел в 1972, второй — в 1980 г. Издание было возобновлено в 1998 г., после чего сборник стал выпускаться ежегодно. В 2003 г. издание приобрело вид научного альманаха, в него были включены также работы членов смежных кафедр: древних языков (исторического факультета), кафедры классической филологии и кафедры византистики (филологического факультета), кафедры истории Индии (ИСАА), сотрудников ИВ РАН и т. д. В разделах «Древний Восток», «Древняя Греция», «Древний Рим», «Римское право», «История доколумбовой Америки» представлены статьи по истории, социальной структуре древних обществ, праву, военной и политической истории, культуре, религии. Значительную часть альманаха занимает раздел, состоящий из переводов литературных текстов, правовых документов, эпиграфических памятников всех регионов древнего мира. Раздел хроник отражает научную жизнь кафедры. Выпуск альманаха сопровождается Supplementum — отдельное издание, публикующее исследования, превышающие три печатных листа. В шести выпусках опубликовано: по Древнему Востоку — 22 статьи, по Древней Греции — 18, по Древнему Риму — 17, по римскому праву — 9, по Мезоамерике — 5. Переводов с древневосточных языков осуществлено 9, с древнегреческого — 5, с латинского — 10, с языка майя — 3.

С середины 70-х до начала 90-х годов в Севастополе проводилась археологическая, производственно-ознакомительная и производственная практика студентов на базе Херсонесского историко-археологического музея-заповедника. Студенты получали навыки работы с памятниками материальной культуры в полевых условиях, приобретали опыт их предварительной обработки. Проводившиеся для них лекции в хранилищах, ланитарии, запасниках, архиве музея знакомили их с материалами греческого и римского периодов Северного Причерноморья, что способствовало углубленной разработке проблемы Северного Причерноморья.

С 1990-х годов производственно-ознакомительная практика для студентов III курса проводится в запасниках Музея искусства народов Востока в Москве, а производственная практика IV курса — в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и ГИМе, в хранилищах коллекций и экспедиционного материала по Древнему Востоку и античности.

Таким образом, в научно-исследовательской работе кафедры нашли отражение кардинальные проблемы истории древнего мира, включая все ее составные части: историю Востока, Греции и Рима. Ученые кафедры внесли крупный вклад в разработку проблем истории классической древности.

Особенностью научно-педагогической работы коллектива явилось установление и изучение связей между историей древневосточных и античных обществ, показ единства исторического процесса в рамках истории классического древнего мира как мира первых цивилизаций.

2. Медиевистика

Формирование медиевистики как специальной области научного знания и преподавания началось в отечественной науке на рубеже 30—40-х годов XIX в. в Московском университете, который, таким образом, почти на два десятилетия опередил в этом другие университетские центры России — Петербург, Харьков, Киев, Казань. В этот тяжелый и противоречивый период кризиса феодально-крепостнической системы и политической реакции в стране ряд обстоятельств стимулировал интерес к истории, в том числе к истории Западной Европы. Недавняя победа в Отечественной войне 1812 г. и восстание декабристов сделали одним из главных в общественном сознании вопрос о месте России в европейской цивилизации. Средневековая история Западной Европы могла дать ответы на наиболее острые и нерешенные вопросы о судьбах самодержавия и крестьянства.

Первым русским медиевистом стал Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), прогрессивный историк и общественный деятель либерального лагеря, испытавший на себе влияние революционной идеологии. Он возглавил кафедру всеобщей истории, созданную в 1839 г. в рамках историко-филологического отделения философского факультета и вскоре приобрел широкую известность как популярнейший лектор и глашатай передовых идей того времени. Выпускник Петербургского университета, Грановский стал преподавать в Московском университете, пройдя школу обучения медиевистике на Западе (в данном случае в Германии) и работы в западных архивах и заложив тем самым важную традицию подготовки специалистов в области зарубежной историографии. Его магистерская диссертация была посвящена городам поморских славян; докторская — аббату Сугерию. Однако исключительное значение в применении новых подходов к истории и их пропаганде имела его преподавательская деятельность¹, одним из результатов которой явилось создание школы его учеников — П.Н. Кудрявцева и С.В. Ешевского. Их творчество в целом принадлежало к распространенному тогда в Европе политико-правовому направлению в изучении истории, хотя и не укладывалось в его рамки, по ряду показателей предвосхищая набравший силу позитивизм. Грановского отличало, в частности, признание за историей назначения науки, раскрывающей закономерности внутреннего развития общества. Он подчеркивал важность ее сближения с естественными науками, выражая таким образом мысль о необходимости превращения истории в «точную» науку. Исключительный всплеск интереса к источникам начиная с 30-х годов XIX в. и их публикация в отечественной историографии служили едва ли не главным основанием подобной веры ученого. Рассматривая всемирную историю как объект органического развития, он интересовался не только политическими отношениями, но и формами материальной и социальной жизни. В характеристику феодализма, кроме традиционной оценки его политической организации, он вводил и такие составляющие.

¹ См.: *Грановский Т.Н.* Сочинения. М., 1856; Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья (авторский конспект и записи слушателей). М., 1961; Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (записи слушателей с авторской правкой). М., 1971 (публикации лекций подготовлены С.А. Асиновской).

как «быт» и экономический статус крестьянства. Созданная Грановским картина общественной жизни была пронизана сочувствием к угнетенным и протестом против насилия и деспотизма. Грановский оставил нам первый в средневековедении очерк, посвященный истории исторической мысли с древнейших времен (историография Древнего Востока, Греции и Рима) до XIX в., с попыткой оценить особенности ее эволюции и уловив при этом одну из них — субъективность историков в отношении к прошлому, в котором они, по его словам, искали ответы на современные им вопросы.

Преемник Грановского на посту заведующего кафедрой всеобщей истории П.Н. Кудрявцев (1816—1858) открыл специализацию по изучению раннесредневековой истории Италии эпохи Каролингов с детальным анализом документов². С него началось чтение специальных курсов по истории западного средневековья. Первый спецкурс Кудрявцева был посвящен гуманизму и Реформационному движению в Западной Европе, широкая панорама которых включала историю Италии, Германии, Франции, Англии и Скандинавии. Его творчество в целом отличало внимание к человеческому характеру и проблемам социальной психологии. Желая спасти «человеческие черты» прошлого, он угадал опасность «общего» анализа, которую нес в себе позитивизм, стремившийся соединить историю с социологией и уподобить ее естественным наукам. Членение предмета, по его словам, убивает целое. Вкус и способности к литературным занятиям позволили Кудрявцеву использовать и органически соединить в работе историка точный академический анализ документов с методикой «вживания» в источник, что на какое-то время на рубеже XIX и XX вв. станет неразрешимой проблемой. Разработка Кудрявцевым культурной истории позволяет считать его основоположником культурологической школы в отечественной средневековедении. Его можно, наконец, назвать первым из средневековедов, проявившим интерес к женской судьбе и роли женщин в общественной жизни, нашедший ныне свое выражение в виде мощного направления гендерной истории.

Непосредственный ученик и преемник Кудрявцева в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории С.В. Ешевский (1829—1865) был наиболее последовательным сторонником взглядов Грановского на историю и ее назначение в обществе. Именно Ешевский реализовал страсть учителя к «переходным эпохам», когда, по словам Грановского, можно было услышать «шепот истории», и стал родоначальником специальной разработки проблемы перехода от античности к средневековью. Он включил в область своего исследования античное общество эпохи его упадка, а также социально-политическое и культурное состояние Галлии в V в.³ Его интерес к социальным процессам (росту крупного землевладения римской аристократии и связанному с ним оформлению местной автономии,

² См. работы: *Кудрявцев П.Н.* Папство и Империя в IX — начале XII в. (магистерская диссертация). М., 1844; *Он же.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850; *Он же.* Сочинения. М., 1887 — 1889. Т. 1 — 4.

³ См.: *Ешевский С.В.* Апостоларий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. (магистерская диссертация); *Он же.* Спецкурс «Центр Римского мира и его провинции» (1855). Статьи С.В. Ешевского см. в его собрании сочинений (М., 1870. Т. 1 — 3).

разорению мелкого крестьянства и превращению его в колонов, эволюции общинно-родового строя варваров и развитию синтеза римских и германских начал) демонстрировал попытку выхода к комплексному видению исторического процесса, которое приобретет полноту в позитивистской методологии.

Позитивизм победил в направлении социально-экономической истории, которое со второй половины 70-х годов займет в русской медиэвистике ведущее положение. Именно с его развитием будут связаны очень важные и значительные достижения дореволюционной отечественной науки о западноевропейском средневековье, и она уже в конце XIX столетия получит международное признание. К старшему поколению представителей этого направления принадлежали воспитанник Московского университета Н.И. Кареев (1850—1931)⁴, М.М. Ковалевский (1851—1916), несколько лет работавший в университете⁵, и П.Г. Виноградов (1854—1925) — выпускник Московского университета, профессор кафедры всеобщей истории с 1876 по 1901 г.⁶ Все трое совершенствовались свое образование за рубежом. Разные судьбы и неодинаковая исследовательская манера не помешали общности принципиальных позиций, которая позволяет суммировать наиболее важные научные результаты их работы⁷.

В области аграрной истории проявилась особенность национальной школы медиэвистов-аграрников, испытавших заметное влияние либеральных идей. Этой особенностью стал преимущественный интерес к истории крестьянства, связанный напрямую с разработками общинной теории. Исключительную роль в них играли исследования Ковалевского, посвятившего этой теории несколько специальных трудов, а также Виноградова, использовавшего итальянский и английский материал⁸. Что касается Ковалевского, то он воссоздал весьма впечатляющую картину эволюции общины не только почти всех стран Европы, но и Индии, Алжира, Мексики, Перу, народов Северного Кавказа и Закавказья. Оба ученых показали себя последователями Маурера и Мейна, не принимая антиобщинных взглядов Фюстеля де Куланжа и Сибома. Отказавшись от чисто юридического толкования проблемы происхождения общины, Ковалевский объяснил коллективные формы собственности характером производства материальных благ. Ему принадлежит заслуга выделения формы «земледельческой» (или патриархально-семейной) общины в качестве особого этапа ее эволюции. И Ковалевский, и Виноградов, не разделяя распространенного тогда мнения об исключительности общины (общинная теория) или вотчины

⁴ Впоследствии доцент Варшавского и Петербургского университетов, член-корреспондент РАН, с 1929 г. — почетный член АН СССР.

⁵ Выпускник юридического факультета Харьковского университета; доцент и профессор Московского университета, уволен в 1887 г. по приказу реакционного министра просвещения; в течение ряда лет читал лекции в европейских и американских университетах. В 1905 г. возвратился в Россию и стал профессором Петербургского университета. В 1914 г. был избран в РАН.

⁶ Эмигрировал в Англию в 1902 г. и до своей смерти оставался профессором сравнительного права в Оксфорде. Почетный доктор многих университетов и член академий мира, включая Российскую.

⁷ Выраженный интерес к теории и философии истории у Кареева («Основные вопросы философии истории», 1883 г.) и Виноградова, сторонника натуралистической биологической теории Г. Спенсера, блестяще сочетался с тщательным и кропотливым анализом источников и культом факта; способность и вкус к широкому сравнительному анализу отличали Ковалевского.

⁸ *Ковалевский М.М.* Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения. М., 1879; *Он же.* Обычное право остин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. 1, 2; *Виноградов П.Г.* Очерк происхождения Италии. СПб., 1880; *Он же.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1908 (2-е изд. — СПб., 1911); *Он же.* Исследования по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887; английское издание последней работы «Villainage in England; essays in English medieval history» (Oxford, 1892).

(вотчинная теория), сумели достаточно гибко решить вопрос о взаимодействии и значимости этих институтов при феодализме. Они рассматривали вотчину главным образом как хозяйственный организм, традиционно для историков XIX в. идеализируя взаимоотношения вотчинника и крестьян и недооценивая роль крестьянского хозяйства в системе вотчинного устройства. Основанием для подобной недооценки в наблюдениях Виноградова стал классический тип вотчины, совпадающий в своей пространственной структуре с общиной и с доменом, в два раза превышающим размер крестьянских держаний. Ковалевский начал разработку вопроса о влиянии товарно-денежных отношений на вотчину⁹.

Исследования общины и вотчины естественным образом вывели ученых на проблему генезиса феодализма. Являясь сторонниками синтезной теории происхождения феодализма, они проявили более глубокое понимание самого явления синтеза как многоуровневого процесса с рождением нового качества. Виноградов подчеркнул возможность бессинтезного варианта генезиса, в частности в Англии, заложив основы для последующей типологии этого процесса. Отечественные исследования существенно продвинули экономическую характеристику феодализма, в котором, однако, представители социально-экономического направления традиционно различали две стороны явления — экономическую и политическую как параллельно существующие.

В контексте конкретной социально-экономической истории следует особо отметить вклад Кареева в разработку на базе архивных материалов проблемы аграрного развития Франции накануне французской революции, которое должно было объяснить причину и природу последней. В центре внимания автора оказался вопрос о соотношении юридического статуса и экономического положения крестьянства. Кареев убедительно показал, что французская цензива не являлась буржуазной собственностью, а была держанием, опутанным феодальными повинностями. Это наблюдение объясняло антифеодальную направленность революции. Ковалевский, который тоже обращался к изучению наказов 1789 г., подобно Карееву, подчеркивал неполноту крестьянской собственности, но сближал цензиву с арендой капиталистического образца¹⁰.

Следует признать, что все три специалиста по социально-экономической истории живо интересовались средневековой политической историей, и этот интерес усиливали их политические идеалы и острота политической ситуации в России в канун и после буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Стремление к комплексному видению исторического процесса предопределяло так называемый «социальный» подход к политической истории. Сопряжение социальной и политической истории, элементы которого появились раньше всего во французской историографии 30-х годов, было, несомненно, прогрессивным явлением. Его можно расценить как шаг к системному видению исторического процесса. Этот подход использовал Ковалевский, обратившись к анализу общественного строя Англии в XIV—XV вв. Особенности ее политической структуры он объяснял, в частности, соотношением

⁹ Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898—1903. Т. I III.

¹⁰ Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.

социальных сил и распределением собственности в стране¹¹. В контексте «социального» подхода Кареев и Ковалевский рассматривали сословную монархию в Западной Европе и состояние средневековой политической мысли. Это позволило сделать вывод об органическом происхождении практики сословного представительства, вызванной к жизни общественными потребностями. В характеристике сословий были предприняты тогда еще робкие попытки сопоставить их юридический статус с состоянием собственности¹².

Заметной вехой в истории отечественной медиевистики стал кризис в области гуманитарных и естественных знаний конца XIX — начала XX в., который объяснялся дальнейшим развитием наук и связанной с этим неизбежностью смены их теоретико-познавательного арсенала. Главным объектом философских дискуссий в сфере исторического знания, решающую роль в которых сыграли немецкие историки и Баденская школа философов, стал процесс познания. На том этапе спорные вопросы решались в контексте традиционного противопоставления материального и духовного факторов развития, что привело к переоценке роли сознания, сомнению в достоверности отражения исторического факта и даже крайнему релятивизму (действительность имманентна сознанию). Основная критика была направлена против позитивизма с его теорией отражения и марксизма, разделяющего эту теорию. В медиевистике это привело к оформлению «критического» направления, получившего наиболее резкие формы в немецкой школе; способствовало возрождению или укреплению идеализма в исторической науке, отказу от многих достижений, обретенных ею в рамках позитивизма, а также неприятию тех новаций, которые нес с собой марксизм.

Научный кризис усугубляло обострение на рубеже веков социально-политических противоречий, связанных с борьбой пролетариата и социалистическим движением. Хотя кризис в отечественной медиевистике не приобрел масштабных форм, его проявления имели место, в частности, в творчестве представителей социально-экономического направления, знакомых с марксизмом или даже испытывавших его влияние, но не принимавших его монизма. Отсюда непоследовательность и противоречивость в научных позициях, особенно заметные в исследованиях представителей младшего поколения этого направления. Д.М. Петрушевский (1863—1942)¹³ — в течение многих лет (с перерывом) профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета — от признания в 1907 г. преимуществ исторического материализма перед идеализмом очень быстро эволюционировал к неокантианству (в том числе и в решении вопроса о природе «социальных законов», которые он объявил «чистыми понятиями», не отражавшими реальную историческую действительность) и назвал марксизм «крайним выражением

¹¹ Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880 (докторская диссертация).

¹² Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1906; Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентарной. М., 1906. Т. I — III.

¹³ Петрушевский Д.М. — выпускник Киевского университета, профессор Варшавского, а с 1906 по 1911 г. — Московского университета, когда он покинул его в знак протеста против попыток посягательства на университетскую автономию. Вернулся в Московский университет уже после Октябрьской революции и работал там до 1928 г. Был директором Исторического института, созданного в университете в 1921 г. В последние годы жизни работал в Институте истории в системе Академии наук СССР, действительным членом которой был избран.

материального направления»¹⁴. В своих конкретных исследованиях он, однако, продолжал традиции, заложенные Ковалевским и Виноградовым, по существу признавая огромную роль социально-экономического фактора. Важнейшие его труды были созданы в период с 1896 по 1910 г. Исключительное место среди них занимает не потерявшая своего значения и сегодня монография «Восстание Уота Тайлера» (1897; 1901), в основу которой были положены магистерская и докторская диссертации. Анализ восстания был поставлен в контекст социально-экономической эволюции английского общества в условиях товарно-денежных отношений, феодальной реакции и кризиса XIV в. Раскрыв антифеодальный характер восстания, автор назвал протест крестьянства справедливым.

Органическую часть исследования политической истории Англии в средние века, выполненного Петрушевским в традициях отечественной школы медиевистов, составило рассмотрение социально-политических отношений внутри господствующего класса и в среде свободного населения¹⁵.

В сюжете, посвященном генезису феодализма, Петрушевский продолжил и углубил разработки Виноградова по типологии процесса и формированию зависимого крестьянства.

Уже после Октябрьской революции в дополнениях к новым изданиям своих трудов и в новом исследовании «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М.: Л., 1928) Петрушевский высказывал соображения в духе критического направления: толковал понятие феодализма как исключительно политическую и абстрактно-логическую категорию; повторял допшианскую трактовку вотчины как прямое продолжение римской виллы, находя в ней при этом элементы капиталистического хозяйства; признавал общину только как объединение индивидуальных собственников.

Исследования Виноградова по аграрной истории Англии на кафедре продолжил А.Н. Савин (1873—1923). Он первым в отечественной медиевистике, используя богатый материал английских архивов, начал разработку проблем, связанных с английским манором, судьбами вилланства и копигольдеров в условиях обезземливания крестьянства в XV—XVII вв. В противовес К. Марксу, который акцентировал внимание на насильственном характере процесса, Савин подчеркивал «законность» прав собственников на свободное распоряжение своей землей. Такое право, естественно, отсутствовало у копигольдеров¹⁶. Из семинаров Савина, которые являлись великолепной школой палеографического, юридического и статистического анализа, вышли такие выдающиеся советские ученые, как Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, В.М. Лавровский.

¹⁴ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907; *Он же*. К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915.

¹⁵ Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. СПб., 1914 (первое полное издание); *Он же*. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. СПб., 1903. В 1941 г. Петрушевский опубликовал перевод поэмы Лепганда «Видение Ульяма Нахаря»; исследование по английскому государству было дополнено публикацией переводов Великой Хартии вольностей и документов по политической истории Англии XI—XIII вв.

¹⁶ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Он же*. Английская секуляризация. М., 1906; *Он же*. Заметка о первоначальном накоплении капитала в изображении Маркса // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. СПб., 1903.

Учеником Виноградова был выпускник Московского университета, его профессор в течение ряда лет уже после революции и сотрудник РАНИОН Д.Н. Егоров (1878—1931). В своих оригинальных исследованиях (магистерская и докторская диссертации) Егоров продолжил ранее начатые на кафедре разработки темы немецкой колонизации славянских народов. Обратившись к истории Мекленбурга в XII в., он пытался доказать присутствие славянского элемента у крестьянства этого региона вплоть до конца средних веков. С его именем связана активная работа по публикации переводов средневековых источников по истории Реформации (1906), ранним вальденсам (1910). Наиболее известны его публикации «Le Salica» (Киев, 1906) и «Средневековье в его памятниках» (М., 1913).

В лекционных курсах Егорова нашли отражение модные на рубеже веков релятивистские идеи и теория «исторического круговорота», отрицающая принцип стадийного развития. Эти проявления деконструктивной стороны кризиса объяснялись в конечном счете ощущениями сложности исторического процесса, которые не могли быть объяснены в рамках позитивизма¹⁷.

Особый интерес в контексте ломки старых представлений и рождения новой познавательной эпистемы имело культурно-историческое направление, оформившееся в отечественной медиевистике в 90-е годы. Хотя деятельность основных его представителей — И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и, особенно, Л.П. Карсавина — была связана с Петербургом, начало ему было положено в Москве П.Н. Кудрявцевым и его учеником В.И. Герье (1837—1919). Герье был историком широкого профиля (занимался, в частности, французской историей Нового времени), ярким педагогом, который ввел в образовательную практику Московского университета семинарские занятия. Школу его семинаров прошли Виноградов и Кареев. Уже с конца 60-х годов Герье вслед за своим учителем обнаружил увлеченность судьбой человеческой личности в средневековой истории и проблемами социальной психологии. Он стал автором работ, посвященных церкви, монашеству и папству, а также философии Августина и Франциска Ассизского¹⁸. В истории средневекового общества его интересовали внутренние противоречия между христианским аскетизмом и теократизмом церкви и папства. Это объясняет внимание Герье к судьбам отдельных личностей, носителей духовного начала в средневековом мире. Исследовательские позиции ученого характеризовались решительным неприятием позитивистской социологии и открыто религиозным толкованием истории. Культурно-историческое направление в целом и творчество Герье могут быть поняты не только в контексте кризиса исторических знаний, но и при учете специфики развития общественной мысли в России. Эта специфика заключалась в далеко неизжитом в России теологизме общественного сознания, который в XIX в. получил дополнительный импульс в реакции славянофилов на идеи Просвещения и позже — в оппозиции позитивизму и марксизму, окрашенной желанием вернуть в «материальную», «огрубленную» историю «красоту и дух». Творчество Герье и

¹⁷ Егоров Д.Н. Славянско-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XII в. М., 1915. Т. I-II.

¹⁸ Герье В.И. Франциск — апостол нищеты и любви. М., 1908; *Он же*. Блаженный Августин. М., 1910; *Он же*. Западное монашество и папство. М., 1913; *Он же*. Расцвет западной теократии. Пг., 1916.

его петербургских коллег, Гревса и Карсавина, представляло теологическое направление культурно-исторической школы. Любимый ученик Герье и коллега по Московскому университету М.С. Корелин (1855—1899) вслед за Кудрявцевым реализовал ее светские тенденции. Основные его работы посвящены культуре итальянского Возрождения и гуманизму. Он отобразил широкий характер гуманистического движения, его специфику, связанную преимущественно с развитием индивидуализма, качественно новые особенности в сравнении со средневековой религиозной культурой, связи с античным наследием. Им была, наконец, обозначена тема гражданственности в гуманистической этике¹⁹.

В ряду представителей московской культурно-исторической школы следует назвать Р.Ю. Виппера (1859—1954) — ученика Герье, до революции несколько лет работавшего с Савиным и Петрушевским. После возвращения из эмиграции он стал известен как специалист по античной истории. В 1894 г. Виппер опубликовал исследование «Церковь и государство в Женеве XVI в.», написанное в кафедральных традициях «социального подхода» к истории церкви и реформационного движения. Виппер испытал на себе сильное влияние кризиса и позднее, уже как антиковед, обратившись к истории христианства, ограничил свой анализ по преимуществу сферой идей²⁰.

Как ни парадоксально, но именно в творчестве культурно-исторической школы, избравшей объектом своего изучения духовную жизнь и сознание и потому, казалось бы, способствовавшей реваншу идеализма в историческом знании, отчетливо обнаружилась конструктивная сторона кризиса. Переосмысление роли сознания, социальной психологии, чувственного и субъективного начал в процессе познания и общественном развитии, попытка комплексного и даже системного видения исторического процесса (особенно в творчестве Карсавина и Бицилли, стремившихся рассматривать явления культуры и психики в контексте социальной реальности) — все это предвосхитило тот выход из кризиса, который произошел много позже, в 30—50-е годы XX в., благодаря усилиям ученых школы «Анналов» и «Новой социальной истории». Синтез достижений в понимании природы и роли сознания в процессе познания и в самом историческом развитии с достижениями социологии, в частности позитивизма и марксизма, позволил преодолеть в философии истории традиционную антиномию материального и духовного начал, создать новое видение мира и новые подходы к его постижению²¹.

Победа Октябрьской революции, которая в известной мере купировала кризис в отечественной исторической науке, открыла новый, «советский», период в ее истории со своими обречениями и потерями. Победившей методологией стал марксизм. Явившись результатом развития исторической, экономической и философской мысли и открыв как всякая новая методология в

¹⁹ Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография (магистерская диссертация, оцененная комиссией в качестве докторской). М., 1892; *Он же*. Очерки итальянского Возрождения. М., 1896.

²⁰ Виппер Р.Ю. Возникновение христианства. М., 1918; *Он же*. Возникновение христианской литературы. М.: Л., 1946.

²¹ См. оценку природы кризиса XIX — начала XX в. и характеристику особенностей развития отечественной медиевистики в статье Н.А. Хачатурян «Отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки» (Средние века. М., 2001. Вып. 62).

меру своих возможностей новые горизонты в процессе познания и объяснения мира, марксизм провозглашал не только комплексное, но и системное видение исторического процесса; признавал наличие в нем объективных закономерностей и стадийный принцип его развития. Однако, как уже было сказано, в эпистемологии марксизм оставался в рамках позитивистской «теории отражения», недооценивая роль сознания, политического и личностного факторов в процессе познания и в понимании общественного развития. Если позитивизм пытался в решении вопроса о соотношении материального и духовного факторов встать «над схваткой», создав теорию «равноправных факторов», то марксизм, в традициях альтернативного подхода и в отличие от идеализма, сделал выбор в пользу материального фактора, объявив его доминантой развития. Марксизм обрел статус официальной идеологии. Следствием этого явились административное вмешательство в развитие науки, диктат метода, определявший объект и манеру исследования, его консервацию, создававшую веру в авторитеты, и, наконец, неоправданный во многих случаях критицизм по отношению к западной и отечественной «буржуазной» науке. Последнее в свою очередь вело к изоляции отечественной науки, что, в частности, нарушило традицию работы медиевистов в зарубежных архивах. Следует, однако, иметь в виду, что отмеченные отрицательные последствия проявлялись с неодинаковой силой как в различных областях советской исторической науки, так и на разных этапах ее развития. Более того, политизированная идеология не могла полностью остановить органические процессы развития науки. В этой связи необходимо подчеркнуть особое место медиевистики в отечественной исторической науке. В силу самого объекта исследования она не могла быть совсем изолирована от мирового исторического знания, пусть и неадекватно временами интерпретируемого. Медиевистика затрудняла научную спекуляцию благодаря высокому уровню профессиональной подготовки, требуемому самим характером специализации; хронологическая удаленность ее сюжетов в определенной степени уводила ученых от конфликтных ситуаций в идеологической жизни общества и излишней политизации науки.

* * *

Более чем 70-летняя история советской медиевистики имела свои вехи, которые часто демонстрировали связь естественной эволюции науки с политическими событиями в стране, зависели от государственной политики в вопросах науки и образования (как это имело место в 1934 г. в связи с постановлением правительства о преподавании истории в школе). Великая Отечественная война разделила научную жизнь и образовательный процесс на кафедре (так как часть ее научного состава была вынуждена уехать в эвакуацию) и унесла жизни многих перспективных исследователей. Так называемая «оттепель» 60-х годов и особенно «перестройка» в середине 80-х способствовали нарастанию сопротивления идеологическому диктату марксизма, открыв новый этап в развитии отечественной медиевистики.

20-е — середина 30-х годов XX в. стали временем постепенного утверждения марксистской методологии. Этот период был заполнен теоретическими дискуссиями с критикой позитивистских и неокантианских идей в творчестве представителей старшего поколения ученых — А.И. Савина, Д.Н. Егорова, Д.М. Петрушевского. Формировались кадры медиевистов, принявших марксистскую методологию. Среди них были С.Д. Сказкин, А.Д. Удальцов, А.И. Неусыхин, В.В. Стоклицкая-Терешкович. Утверждение марксизма сопровождало трудности, связанные с издержками торжествовавшего в те годы вульгарно-социологического подхода к истории, культивирующего социальные схемы в историческом познании, классовую борьбу в качестве его главного объекта и недооценку докапиталистических обществ как «неактуальных» для научных исследований. Ситуацию осложняла ломка организационной структуры науки и образования. Историю средних веков перестали преподавать на историко-филологическом факультете, на сменившем его факультете общественных наук (ФОН, 1919 — 1925) и позднее на этнологическом факультете МГУ (1925—1930). С 1932 по 1934 г. гуманитарных факультетов в университете не существовало. Работавшие там ранее историки-медиевисты были объединены в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), просуществовавшем до 1941 г., а также в созданном на базе университета институте РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук; с 1926 по 1929 г. — самостоятельный институт). Его сотрудниками были Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, В.В. Стоклицкая-Терешкович, В.М. Лавровский; там пропихли аспирантуру будущие профессора МГУ М.М. Смирин и А.И. Неусыхин.

Пагубные для развития исторических знаний тенденции были заметно ограничены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934 г.), которое положило начало новому этапу медиевистики в Московском университете — здесь были созданы исторический факультет и специальная кафедра истории средних веков. Кафедра возрождала преподавание и изучение в МГУ истории западного средневековья. Она заняла особое место как научно-исследовательский центр и лидирующая школа подготовки кадров отечественных медиевистов. Условиями осуществления кафедрой такой роли стали сосредоточение в ее стенах самых крупных ученых — Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина (позднее академик), А.И. Удальцова, В.В. Стоклицкой-Терешкович, М.М. Смирин, А.И. Неусыхина, — а также сложившиеся и ставшие традиционными тесные контакты с учеными Института истории Академии наук СССР и практика «совместительства».

Важнейшим направлением в научной работе кафедры со второй половины 30-х и в 40-е годы становятся исследования в области социально-экономической истории, что объяснялось задачами разработки марксистской концепции феодализма и критикой представлений о феодализме как о системе политических отношений в историографии XIX — начала XX в. До 60-х годов это направление оставалось главным в работе кафедры и в отечественной медиевистике в целом. Оно началось с восстановления на кафедре интереса к теме генезиса феодализма, зародившегося еще до

революции. А.И. Удальцов, опубликовав в 1935 г. работу «Из аграрной истории Каролингской Фландрии», на большом документальном материале убедительно доказал факт сосуществования в IX в. крупного землевладения, в том числе монастырского, со свободной общиной. Работа опровергла концепцию об исключительности вотчинного строя. В 30-е и 40-е годы заметный вклад в изучение раннего средневековья внесло творчество Н.П. Грацианского. В течение ряда лет (1934—1936; 1941—1945) его научная и педагогическая деятельность была связана с Московским университетом и кафедрой истории средних веков. В 1935 г. он опубликовал свое главное исследование — «Бургундская деревня в X—XII столетиях», — в котором на материале капитуляриев была показана специфика процесса формирования и развития феодальных отношений в Бургундии.

В первые послевоенные десятилетия исключительную роль в разработке проблем генезиса феодализма сыграло творчество А.И. Неусыхина, создавшего свою научную школу. Результаты многочисленных изысканий ученого были представлены в монографии, посвященной возникновению зависимого крестьянства в раннефеодальном обществе Западной Европы в VI—VIII вв. Основным объектом изучения стала эволюция общины, представленная в масштабной картине, реконструированной главным образом на материале варварских правд франков, саксов, лангобардов, баваров, бургундов, алеманов, фризов с широким применением сравнительного исторического метода и тонкой интерпретацией источников. Для самого А.И. Неусыхина работа явилась итогом его трудных и долгих исканий на пути освобождения от допшианских идей об исконности частной собственности. Конкретная характеристика увиденной и воссозданной им «земледельческой общины» и разработка вопроса о «дофеодальном периоде» как особом этапе в развитии первобытнообщинного строя выходят по своему значению за рамки западноевропейской истории. Ряд сделанных им наблюдений в оценке эволюции общины не может быть поколеблен справедливой в целом критикой этого автора за недооценку им римского влияния на генезис феодализма в Галлии. Подобная позиция могла сформироваться под воздействием политизированной в те годы идеи коллективной собственности, предопределявшей преимущественное внимание именно к общинным отношениям в среде «варварских» народов, а также уровня тогдашнего исторического знания об эпохе «великого переселения». В следующей своей монографии Неусыхин, расширив хронологические рамки анализа, проследил процесс феодализации на стадиях его завершения, сделав это на материале истории Германии VII—XII вв. и показав замедленный вариант развития последней по сравнению с Галлией.

В конце 50-х и в 60-е годы вклад в разработку темы генезиса феодализма был внесен исследованиями З.В. Удальцовой по остготской Италии и Византии и ученика Н.П. Грацианского — А.Р. Корсунского (работал на кафедре с 1960 по 1980 г.) — по вестготской Испании²². Ученики А.И. Неусыхина

²² Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. (в 1961 г. вышла на немецком языке в ГДР); *Он же*. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964; *Он же*. Проблемы европейского феодализма. М., 1974 (посмертная публикация); Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М., 1959; Корсунский А.Р. Готская Испания. М., 1969.

продолжили его разработки по истории Германии (А.И. Данилов), Каталонии (Л.Т. Мильская), Англии и Норвегии (А.Я. Гуревич). Эти исследователи подготовили выработку отечественными учеными модели типологии генезиса феодализма, компонентами которой были названы — наличие или отсутствие синтеза римского и варварского начал, характер и длительность синтеза, уровень развития варварских племен и некоторые другие. С помощью этой модели была создана типологическая картина процесса феодализации на всей территории Европы. Концепция была изложена З.В. Удалыцовой и Е.В. Гутновой на XIII Международном конгрессе историков, где получила признание зарубежных коллег.

Первые в советской медиевистике специальные исследования по социально-экономической истории классического феодализма принадлежат перу Е.А. Косминского, который на английском материале продолжил разработки Виноградова и Петрушевского об эволюции вотчины и ренты в условиях товарно-денежных отношений. Основанные, как и у его предшественников, на анализе архивных материалов, они стали новаторским вкладом в изучение проблемы вотчины как социального организма, освободив ее характеристику от иллюзий социальной гармонии, якобы имевшей место во взаимоотношениях сеньоров и зависимых крестьян²³.

Важное значение в 50-е годы имели статьи Е.А. Косминского, посвященные модной тогда в зарубежной историографии теории «кризиса» феодализма в Европе XIV—XV вв. Косминский убедительно аргументировал ошибочность оценки этого кризиса как «общего» кризиса системы, считая явления экономического упадка показателями кризиса барщинной системы и материального хозяйства в условиях рыночной экономики. Труды С.Д. Сказкина, посвященные восстанию Дольчино и связанному с ним вопросу о влиянии итальянского города на деревню, стимулировали разработку аграрной истории Италии молодыми медиевистами кафедры — Л.М. Брагиной и В.В. Самаркиным. В те же 50-е годы в Московском университете возобновилось изучение аграрной истории позднего средневековья. Это были исследования по истории Германии XVI в. М.М. Смирин и английской колонизации Ирландии — Ю.М. Сапрыкина. Политика Англии рассматривалась Ю.М. Сапрыкиным в контексте процесса первоначального накопления²⁴.

Принципиальное значение в осмыслении и обобщении аграрной истории и истории крестьянства в условиях феодализма имел специальный курс С.Д. Сказкина, читавшийся в течение ряда лет на кафедре и опубликованный уже в конце 60-х годов²⁵. С.Д. Сказкин воссоздал впечатляющую картину развития производительных сил в деревне, эволюции общины, ренгты, форм крестьянских держаний, изменений в экономическом и социальном статусе земельных собственников и крестьянства в условиях товарно-денежных отношений и генезиса капитализма. Реализованный автором анализ и высказанные

²³ Косминский Е.А. Исследования в области аграрной истории Англии в XIII в. М., 1947 (в 1956 г. была издана на английском языке в Англии).

²⁴ Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Крестьянская война в Германии. М., 1947, 1957; *Он же*. Очерки по истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952; Сапрыкин Ю.М. Английская колонизация Ирландии в XVI — начале XVII века. М., 1959; *Он же*. Ирландское восстание XVII века. М., 1967 (монография по материалам его докторской диссертации).

²⁵ Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

наблюдения выходили за рамки только западноевропейской истории, в частности в конкретной оценке «второго издания крепостничества» в регионах Восточной Европы.

Картину социально-экономической истории средневекового общества дополнили труды членов кафедры по городской истории, заложившие основы отечественной урбанистики, до этого времени не существовавшей как специальное направление. Инициатива принадлежала В.В. Стоклицкой-Терешкович. Обратившись к теме социально-политической борьбы в немецких городах XIV—XV вв., она в своей первой монографии (1936) в толковании процесса зарождения мануфактуры попыталась порвать с традиционным мнением историографии XIX и начала XX в., отождествлявшим простое товарное производство с капиталистическим. Другая монография Стоклицкой-Терешкович (1960) носила обобщающий характер и была посвящена основным проблемам экономической, социальной и политической истории средневекового города. Целевой установкой автора было стремление показать феодальную природу города, привлекая для этого материалы, отражающие его возникновение, организацию ремесла, специфику городского сословия. В полемике со сторонниками политико-юридической концепции происхождения средневекового города, распространенной в урбанистике XIX в., Стоклицкая-Терешкович акцентировала внимание на социально-экономических условиях как решающем факторе процесса, и прежде всего на общественном разделении труда и автономизации ремесленного производства²⁶.

Органической частью социально-экономических исследований на кафедре стали разработки темы генезиса капитализма, в развитии которого решающая роль принадлежала городу и ремесленному производству. Они были начаты М.М. Смириным и его учениками. Для Смиринина интерес к этой теме был продиктован стремлением оценить степень буржуазного развития Германии XVI в. Хотя над автором довлела концепция Ф. Энгельса, рассматривавшего Крестьянскую войну и Реформационное движение как неудачную попытку буржуазной революции, конкретный анализ Смиринина демонстрировал сложность процесса генезиса капитализма, развивающегося в феодальной среде и несущего на себе ее печать²⁷.

Выраженная тенденция к преимущественному изучению социально-экономической истории в известной мере уравновешивалась постепенным оформлением на кафедре направления политической и государственной истории. Его развитие в 30—60-е годы осложнялось общей недооценкой политического фактора в феодальном обществе, включая его роль в функционировании экономического механизма этого общества. Возможности анализа ограничивало преимущественное внимание к классовой сущности государства. Однако именно марксизм утвердил и углубил «социальный подход» к политической истории, который в историографии XIX в. существовал, скорее, как предвосхищение этого принципа. Любопытно,

²⁶ *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.:Л., 1936; *Она же.* Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960.

²⁷ См. сноску 25.

что политическая история в западной средневековой истории XX в. вплоть до начала 60-х годов оставалась в рамках исключительно институциональной и событийной истории.

К политической истории Германии обращался А.И. Неусыхин в спецкурсе по истории Германии (опубликован в 1974 г.), который он довел до XV в.: эстафету принял М.М. Смирин, включив в исследование политические события XVI в. Принципиальное значение для понимания природы абсолютизма имела теоретическая статья С.Д. Сказкина. Подчеркнув феодальную природу этой формы государства, автор отметил необходимость учитывать этап общественного развития, характеризуемый трансформацией феодальных отношений в условиях постепенного зарождения капитализма. Сказкин обратил внимание на одинаково важный на всех этапах политической эволюции средневекового общества вопрос — большую или меньшую степень зависимости центральной власти от общества — и показал исключительные возможности центральной власти в условиях абсолютизма, в частности благодаря природе социальных сил и особенностям их расстановки²⁸. Позднее научные исследования проблемы абсолютизма будут уточнять и углублять оценку специфики его социальной базы, демонстрируя необходимость вариативного подхода и предупреждая об опасности преувеличения уровня развития капиталистических отношений в решении этого вопроса.

Первой специальной монографией по государственной истории на кафедре в послевоенный период стало исследование А.Р. Корсунского, посвященное раннесредневековому государству в Западной Европе. В эволюции общества на этапе V—VII вв. автор выделил две формы его политической организации — «варварское королевство» и собственно раннефеодальное государство, формирующееся в период генезиса феодализма. Он обозначил характерные черты последнего: слабые принудительные возможности центральной власти, наличие остатков политических форм догосударственного периода, сильное политическое влияние церкви и формирующейся знати, относительно широкая социальная база власти, связанная с переходным этапом общественного развития. Вариативный характер политической эволюции Корсунский объяснил типологией генезиса феодализма²⁹.

Традицию изучения сословной монархии возродила в новых условиях Е.В. Гутнова. После многих лет научных исследований она защитила докторскую диссертацию и опубликовала монографию о возникновении английского Парламента (1960). Работа носила конкретный и вместе с тем обобщающий характер, так как автор предложила в ней свое видение условий возникновения и природы сословной монархии. Появление этой книги заметно способствовало преодолению тех просчетов в отечественной средневековой истории, которые давали о себе знать при решении вопроса о классовой сущности государства. Дифференцированный подход

²⁸ Сказкин С.Д. Проблемы абсолютизма в Западной Европе: время и условия его возникновения // Избр. труды по истории. М., 1973.

²⁹ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

автора к анализу политики государства по отношению к различным классам и сословиям защищал от упрощенного толкования проблемы взаимодействия власти и общества³⁰.

В 60-е годы разработку темы сословной монархии на французском материале начала выпускница и аспирантка кафедры Н.А. Хачатурян, посвятившая свою кандидатскую диссертацию возникновению Генеральных штатов³¹.

В попытках кафедры реализовать комплексное изучение западноевропейского общества особый интерес представляет обращение к его культурной и духовной истории, возрождающее дореволюционные традиции отечественной медиевистики. Инициативную роль в этом повороте сыграл С.Д. Сказкин. Анализ его архива и посмертная публикация некоторых его материалов показывают, что главным объектом научного внимания ученого являлось духовное мирозерцание общества. Будучи в те годы ограничен в возможностях изучения религии и религиозной философии, С.Д. Сказкин смог лишь частично выразить свой интерес. Более счастливой оказалась судьба его исследований светской по характеру культуры Возрождения. Собственными трудами, а также целенаправленной подготовкой кадров Сказкин заложил основы изучения культуры Возрождения, которые сегодня усилиями поколений его учеников превратили кафедру в научный центр в этой области знания. В спорах о природе культуры Возрождения и идеологии гуманизма Сказкин отмечал широкую социальную базу их составляющих. Стремясь подчеркнуть качественные отличия гуманизма от средневековой, в частности городской, культуры, он видел его основные идейные истоки в возникновении буржуазии, преувеличивая зрелость и масштаб этой социальной силы в Италии XIV—XV вв.³²

Первой наиболее значительной работой по теме городской культуры во Франции стала монография ученицы С.Д. Сказкина Н.А. Сидоровой, опубликованная ею по материалам докторской диссертации в 1953 г. Главным объектом исследования было выбрано творчество философа Пьера Абеляра, теологические споры и его борьба с католической ортодоксией в вопросе о соотношении веры и разума. Сидорова подчеркивала реакционную роль католической церкви, недооценивая религиозную специфику средневековой культуры. Защищая свое право на исследование подобной тематики, автор широко использовала «цитатную» аргументацию в виде особого и распространенного оборонительного приема, что стало своеобразной печатью времени в ее работе. Первой в отечественной медиевистике Н.А. Сидорова поставила вопрос о существовании народной культуры в средневековом обществе, уходившей своими корнями в толщу народной жизни, пережитков язычества, оппозиции официальной церковной культуре. В общей постановке проблемы она предвосхитила интерес к этому сюжету в 60—90-е годы в зарубежной и отечественной науке³³.

³⁰ Гутнова Е.В. Возникновение английского Парламента. М., 1976.

³¹ Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

³² Сказкин С.Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма // Советское византиноведение. М., 1958. Вып. 11; Он же. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.

³³ Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

Органическую часть исследований духовной жизни средневекового общества составили работы С.Д. Сказкина и В.В. Самаркина, посвященные средневековым ересям, в частности ереси «апостольских братьев» в Италии XIII—XIV вв.

Интерес к оппозиционным католической церкви движениям на этапе позднего феодализма реализовался в исследованиях М.М. Смиринна по истории гуманизма и Реформации в Германии. Его первая монография «Народная реформация Томаса Мюнцера и Крестьянская война в Германии», опубликованная в 1947 г., была удостоена Государственной премии и переведена на немецкий язык в ГДР. Идейный конфликт Мюнцера и Лютера был перенесен в работе в социальную среду, крестьянско-плебейская часть которой, по утверждению Смиринна, определила радикализм и волевое начало идеологии Мюнцера. Вместе с тем автор, знакомый с богословием, проследил влияние теоретических трудов средневековых мистиков, теологов и гуманистов, а также учения чешских реформаторов на становление религиозных взглядов Мюнцера.

По результатам развития на кафедре трех направлений в средневековедении в 30—60-е годы можно говорить о попытках не только разнообразить проблематику научного поиска, но и расширить географический ареал изучаемых стран. Теперь это были не одни лишь Англия, Италия, Франция, но и Германия, страны Пиренейского полуострова, Ирландия, Скандинавские страны. По инициативе Е.А. Косминского была возрождена традиция изучения истории Византии: организовав подготовку специалистов, он содействовал открытию сектора византиноведения в Институте истории АН СССР³⁴. Так определилась важная особенность национальной школы средневековедения, которую и сегодня отличает разнообразие страноведческой специализации в области западноевропейского средневековья, что находит непосредственное выражение в обучении студентов.

Анализ научной работы кафедры в период 30—60-х годов был бы неполным без учета изданий учебников и учебных пособий по средневековедению, а также переводов источников. Три издания учебника по истории средних веков (1938—1939; 1952—1954; 1965—1966 гг.) отразили процесс их совершенствования в соответствии с конкретными достижениями науки, углублением представлений о средневековом обществе и преодолением элементов догматизма и социологизма.

Именно дидактические задачи положили начало преподаванию историографии. Инициатива изучения исторической мысли в эпоху средневековья и Нового времени была проявлена Е.А. Косминским, который начал читать лекционный курс по этой тематике, доведенный им до середины XIX в.³⁵ Его работу продолжила Е.В. Гутнова, опубликовавшая в 1974 г. учебное пособие по историографии второй половины XIX и начала XX в.³⁶ Анализ состояния мировой науки XX в. был сделан в научных статьях, монографиях, кандидатских и докторских диссертациях. Усилиями Е.А. Косминского, Е.В. Гутновой, З.В. Удальцовой и А.И. Данилова историография

³⁴ Подробнее см. статью С.П. Карпова в настоящем издании: *Косминский Е.А. Историография средних веков* (сер. XIX в.: Лекции / Под ред. С.Д. Сказкина и др. М., 1963).

³⁵ *Косминский Е.А. Историография средних веков...*

³⁶ *Гутнова Е.В. Историография средних веков* (сер. XIX—1917 г.). М., 1974 (2-е изд. М., 1985).

из сводки биографического и библиографического характера была превращена в научную историческую дисциплину с собственным объектом изучения, содержание которого составили изменения в способах видения исторического процесса и методиках исследовательского анализа, воссоздание научных национальных школ и, наконец, процесс накопления знаний по истории западноевропейского феодализма. Авторами специальных трудов стали в 50—60-е годы Е.А. Косминский (Проблемы английского феодализма в историографии средних веков. М., 1963); З.В. Удальцова (Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969); Е.В. Гутнова (статьи по советской и зарубежной историографии); А.И. Данилов — ученик А.И. Неусыхина, получивший специализацию на кафедре и вернувшийся в 80-е уже в качестве ее заведующего (станет основателем центров по изучению историографии в Казанском и Томском университетах). В 1958 г. А.И. Данилов опубликовал монографию «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв.», которая продемонстрировала один из важнейших принципов историографического анализа, сформированный на кафедре. Согласно этому принципу, исследовательская база историографического сочинения всегда предполагала проверку научных результатов данными источников и исторического материала оцениваемого труда.

Развитие историографии на кафедре связано с глубинным интересом к проблемам теории истории. В те годы естественным проявлением этого интереса был анализ марксистской теории феодализма³⁷.

Уже в рамках рассматриваемого периода, особенно в послевоенное время, в работах ученых этого направления наблюдалось постепенное изживание некоторых очевидных недостатков, в том числе — обвинительного тона в оценке зарубежной историографии, связанного с убеждением в общем кризисе буржуазной науки. Этот настрой мешал восприятию достижений западной науки 50—60-х годов и пониманию тех изменений, которые происходили в ней начиная с 30-х годов XX в.

С середины 50-х годов возрождаются контакты преподавателей кафедры с зарубежными учеными. Отечественные медиэвисты представляли результаты своих трудов в докладах на международных конгрессах историков: С.Д. Сказкин — на X конгрессе в Риме, Н.А. Сидорова — на XI конгрессе в Стокгольме и на XII конгрессе в Вене; на XIII конгрессе в Москве (1970); постепенно налаживалась практика организации совместных проблемных конференций. Стала возрождаться дореволюционная традиция длительных командировок для работы в архивах (Л.М. Брагиной и В.В. Самаркина в Италию). Об интересе зарубежных коллег к советской медиэвистике свидетельствует факт публикации переводов сочинений Е.А. Косминского на английский, М.М. Смирнова, А.И. Неусыхина на немецкий, Б.Ф. Поршнева на французский язык. Впервые в послевоенный период был переведен коллективный обобщающий труд,

³⁷ См.: Гутнова Е.В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса; Сапрыкин Ю.М. Основные проблемы феодального общества в трудах В.И. Ленина. М., 1965 г. Периздания, - М., 1970; М., 1977.

отразивший марксистскую концепцию истории западного средневековья. — «Всемирная история» (М., 1957, 1958. Т. III, IV).

Жесткие рамки монополюльной официальной идеологии и административного контроля, как показывает опыт кафедры, не исключали возможностей творческого развития науки. Сам предмет медиевистики обладал эту задачу. Было бы ошибочным недооценивать и позитивный вклад марксистской методологии, конечно, вне прагматического применения ее как идеологического орудия политической борьбы.

Дискуссии 40—60-х годов способствовали теоретической разработке главным образом социально-экономической, а также политической и культурной концепции феодализма. Прежде всего следует отметить дискуссии по вопросу о природе феодальной собственности, месте внеэкономического принуждения в системе феодальных отношений и его соотношении с рентой. Они способствовали преодолению политизированного толкования внеэкономического принуждения как основы феодальной системы, подчеркнув определяющее значение в ее экономической структуре земельной собственности и способа ее реализации в форме мелкого производства. При такой постановке вопроса внеэкономическое принуждение оказывалось только на положении средства или условия в осуществлении экономической зависимости. Правда, на два-три десятилетия об этой роли политического фактора, без которого, как оказывалось, не «работал» экономический механизм системы, забыли, как о «вторичном» явлении.

В этот период началась многолетняя дискуссия о природе средневекового города и товарного производства, а также о роли последнего в генезисе капитализма. Дискуссии сопутствовали споры об «общем» кризисе феодализма. И хотя ее итоги определились позднее, основные концепции обозначились в рамках марксистской идеологии. Смысл их заключался в осознании принципиального отличия простого товарного производства от капиталистического, в понимании необходимости различать условия возникновения капитализма, создаваемые развитием товарно-денежных отношений, и изменения, происходившие в сфере производительных сил. Именно последними определялось зарождение новых форм собственности и производства. Принципиальным стало признание сложности и неоднозначности процесса генезиса капитализма, который возникал на основе различных форм феодальной корпоративной собственности, мелкого производства и, естественно, переплетался с ними.

С дискуссиями по вопросу о природе города и генезиса капитализма были в известной степени связаны споры о природе Возрождения и гуманизма, Реформационного движения и Крестьянской войны в Германии, а также о природе и условиях возникновения абсолютизма. Все они в конечном счете обнаруживали все более отчетливое стремление отечественной медиевистики отойти от социальных схем и учесть разнообразие конкретных форм развития. Наиболее трудной и в известной мере опасной стала дискуссия по важнейшему в марксистской теории общественного развития вопросу о роли классовой борьбы в средневековом обществе. Дискуссия, тоже многолетняя, была вызвана концепцией Б.Ф. Поршнева (проф. кафедры, 1943—1947), сформулированной им в серии

теоретико-методологических статей 40—50-х годов и монографиях³⁸. Независимо от некоторой модификации, эту концепцию отличал упрощенный подход к проблеме классовой борьбы и преувеличение роли последней в качестве главной причины социально-экономической и политической эволюции феодального общества. Классовая борьба рассматривалась Поршневым в отрыве от социально-экономических условий развития: сложная картина социальных противоречий средневекового общества сводилась им по преимуществу к классовым противоречиям. По мнению автора, именно классовая борьба крестьянства и земельных собственников «спасала» феодальную экономику от развала и являлась основной причиной возникновения абсолютизма. Дискуссия, потребовавшая гражданского мужества со стороны ее участников, выступавших против концепции Поршнева (С.Д. Сказкина, Е.А. Косминского, Е.В. Гутновой, Н.А. Сидоровой и многих других), имела своим результатом преодоление ошибочного толкования классовой борьбы как доминанты общественного развития. Борьба против упрощенного и схематичного представления о ее природе и роли сделала возможным исключение теории «революции рабов» при объяснении перехода от античности к средневековью в трудах антиковедов и медиевистов.

Политическая обстановка в стране весьма заметно сказывались на рабочей атмосфере, деятельности и судьбах ученых. Жертвами грубых проработок стали в конце 20-х — 30-е годы Д.М. Петрушевский, а в конце 40-х — уже за недостаточно критическое отношение к его творчеству, «буржуазный объективизм» и «экономический материализм» — Е.А. Косминский, В.М. Лавровский и А.И. Неусыхин. В кампанию «против космополитизма» на кафедре пострадали А.И. Неусыхин и Ф.А. Коган-Бернштейн, которые были вынуждены покинуть университет.

Под знаком «охранительных» тенденций прошли дискуссии конца 60-х — начала 80-х годов, связанные с переосмыслением роли политического фактора в генезисе и природе феодализма, с проблемой соотношения формационного и цивилизационного подходов к историческому процессу, а также с оценкой структурализма. Дискуссии свидетельствовали о начале кризиса отечественной исторической науки, вызванного изменениями в области методологии исторического познания. Его развитие зависело от политических изменений в стране, начатых периодом «оттепели» и особенно политикой «перестройки». Обретение наукой свободы выбора методологии в начале 90-х годов положило конец монополии марксизма. Конструктивное содержание кризиса составили, как уже отмечалось выше, задачи преодоления позитивистской теории отражения, переоценка роли сознания и новые решения «вечного» вопроса о соотношении материального и духовного начал. Новое решение, смысл которого сводился к преодолению альтернативы и признанию взаимосвязанности и взаимопроникновения этих двух начал, как показывал опыт западной науки, должно было обеспечить более глубокое понимание комплексности и системности исторического процесса. Оно позволяло соединить генерализирующую (т.е. признающую

³⁸ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М.: Л., 1948; *Он же*. Очерк политической экономики феодализма. М., 1956; *Он же*. Феодализм и народные массы. М., 1956; *Он же*. Феодализм и народные массы. М., 1964.

объективные закономерности исторического процесса) и «человеческую» историю, соединить генерализирующую и вариативную, «случайную» историю. Неизбежные при любом кризисе потери нашли в отечественной науке отражение в резко негативном отношении к медиевистике советского периода и столь же критичной и подчас односторонней оценке марксистской методологии; в подчеркнутой увлеченности фактологической и вариативной историей; в отказе от общих понятий в связи с необходимостью их уточнения на новом этапе развития знания; наконец, в преувеличенной в ряде случаев оценке роли духовного фактора — по принципу противовеса идее экономической доминанты.

Наиболее ярким показателем изменений в медиевистике стал заметный сдвиг в эти годы научных интересов к проблемам средневековой культуры, духовной жизни, сознания и социальной психологии. Профессора кафедры, до того времени известные своими исследованиями в области преимущественно социальной истории, обратились к проблеме крестьянского самосознания, открыв новый сюжет в аграрной истории средневековья.

Еще 1966 г. в статье, а затем и в своей монографии Е.В. Гутнова поставила вопрос о наличии у крестьян особой идеологии, существующей на уровне социальной психологии и более или менее оформленных позитивных стремлений и требований, несмотря на их противоречивость, порожденную двойственной природой крестьянина-труженика и собственника. Гутнова предложила специальную методику исследования подобных сюжетов, в которой должны были быть учтены экономические и бытовые условия существования крестьянства; особенности развития классовой борьбы (типологию которой она разработала); «общий дух эпохи»; различия между субъективными и объективными стремлениями крестьянства³⁹. Ю.М. Сапрыкин в 1972 г. издал основанное на спецкурсе учебное пособие «Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV — XVII вв.», где, проследив эволюцию крестьянского сознания, показал его неоднородность (умеренные и радикальные формы), а также специфику его идейного осмысления, связанную с влиянием народной религии.

Именно в 70—80-е годы произошел окончательный поворот к культуре и идеологии Возрождения в творчестве Л.М. Брагиной, начинавшей с научных разработок в области социально-экономической истории. Основное внимание автора привлекли проблемы этики и гражданского гуманизма, их эволюция, связь с античной культурой и прогрессивными тенденциями духовной культуры XII—XIII вв. Анализ духовных исканий подкрепляла социально-психологическая характеристика популанских слоев, служивших питательной средой для идейных взглядов гуманистов. XV век в истории итальянского Возрождения Л.М. Брагина оценила как время, готовившее радикальный разрыв со средневековой схоластикой. Научная деятельность Брагиной и активная подготовка ею

³⁹ Гутнова Е.В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья // Вопросы истории. 1966. № 4: *Она же*. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.

учеников сформировали на кафедре новое направление в изучении культуры Возрождения⁴⁰.

Вторым важным фактором обновления отечественной медиевистики стали изменения в изучении политической истории. В ряду знаковых, происходивших в его развитии перемен, в первую очередь следует назвать переоценку роли политического фактора в жизни феодального общества. Эта переоценка была осуществлена в разработках, посвященных конструктивной роли личностных отношений и государства в генезисе феодализма, особенно в бессинтезных районах Европы, с помощью которых были форсированы и в известной мере определены процесс формирования крупной земельной собственности и отношения зависимости. Выше упоминались работы А.Р. Корсунского, З.В. Удальцовой, Е.В. Гутновой по типологии процесса, где был подчеркнут этот момент. Позже Корсунский в соавторстве с немецким профессором Р. Гюнтером возвратился к теме формирования и особенностей варварских королевств, подключив к анализу новый оригинальный, накопленный и западной наукой материал, в том числе археологический и демографический⁴¹.

В 80-е годы в контексте новых подходов заметно продвинулись исследования по теме сословной монархии. В 1989 г. Н.А. Хачатурян опубликовала по материалам докторской диссертации монографию, посвященную анализу социальной природы сословной монархии во Франции XIII—XV вв.⁴² В своей работе автор сделала попытку взвешенного соединения социальной, политической и институциональной истории. Это позволило обнаружить свидетельства возрастающей роли политического фактора в условиях централизации, когда государство оказалось в состоянии регенерировать возможности феодальной системы. Анализ социальной истории углубили конкретные и теоретические разработки проблемы сословий, история которых была рассмотрена в контексте более широкого феномена средневекового корпоративизма. Приведенная в монографии аргументированная картина компромиссов, на которые была вынуждена идти центральная власть на этом этапе государственности во взаимоотношениях с сословиями, позволила автору показать присутствие в политике монарха функции протекции, обычно игнорируемой советской медиевистикой.

В этот же период была предпринята попытка ввести в домен политической истории структурный анализ, который еще в 70-е годы оценивался официальной наукой в лучшем случае как бесплодная схоластика. Новацией стали первые шаги в изучении социологической проблемы природы власти и условий ее реализации⁴³.

Активизация в отечественной медиевистике исследований в области

⁴⁰ *Брацка Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; *Она же.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

⁴¹ *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

⁴² *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.

⁴³ *Хачатурян Н.А.* Политическая и государственная история Западного средневековья в контексте структурного анализа // Советское византиноведение. М., 1992. Вып. 54; *Она же.* Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура. М., 1992.

духовной и политической истории сопровождалась заметным ослаблением интереса к социально-экономической тематике. В этом плане ситуацию в 70- 80-е годы в известной мере уравновешивали труды членов кафедры по истории города, товарного производства и генезиса капитализма. В урбанистике наблюдался интерес к истории раннего города и его социальной жизни, в частности к проблеме городского сословия, а также истории торговли (Л.В. Гутнова, Н.А. Хачатурян, С.П. Карнов, С.Д. Червонов). Разработки по истории города открыли возможность обновления представлений о средневековом городе как комплексном явлении, демонстрируя, в частности, многофакторный характер процесса его возникновения и, следовательно, корректируя понимание роли социально-экономического фактора в нем. С.Л. Плешкова опубликовала в 1977 г. монографию по истории купеческого капитала во Франции XV в. Конкретно-исторический и биографический материал, связанный с личностью и деятельностью купца и предпринимателя Жака Кер послужил основанием для вывода автора о прогрессивной роли торгового капитала не только в его разлагающем влиянии на феодальную экономику, но и в своей непосредственной функции ее «обслуживания». В монографии С.Л. Плешковой подчеркивалась опасность модернизации характера предпринимательской деятельности торгового капитала.

Традицию социально-экономических исследований продолжили разработки Т.П. Гусаровой по аграрной истории Венгрии и крестьянской войны Дьердя Дожи; Л.М. Брагиной и В.В. Самаркина по истории Италии. В новом обращении коллектива кафедры к теоретическому осуждению проблемы феодальной земельной собственности основным объектом внимания стали ее иерархическая структура и условный характер⁴³.

Наконец, члены кафедры приняли участие в создании новых обобщающих работ по истории европейского крестьянства и европейской цивилизации в эпоху средневековья. Эти издания не только подвели итоги проделанной отечественной медиевистикой работы, но и оразили новации – типологический анализ в истории крестьянства, классовой борьбы, региональном развитии; цивилизационный подход к средневековой истории; более гибкую и глубокую оценку вотчины в единстве ее хозяйственной и социальной функций⁴⁴.

В 80-е годы произошла заметная смена поколений на кафедре. Руководителем ее в 1987 г. стал С.П. Карнов – профессор, ныне действительный член РАЕН и член-корреспондент РАН. На положении старшего поколения оказались выпускники кафедры, приступившие к работе в качестве преподавателей в 60-е годы – доктора исторических наук, профессора Л.М. Брагина (на кафедре с 1959 г.) и Н.А. Хачатурян (на кафедре с 1963 г.), а также доцент кафедры С.Л. Плешкова.

Среднее и молодое поколение представляют профессор, доктор исторических наук И.С. Филиппов; кандидаты исторических наук, доценты Т.П. Гусарова, О.В. Дмитриева, М.А. Бойцов, И.П. Варьян и Н.Ф. Усков (работал на кафедре до 2002 г.); кандидаты исторических наук, ассистент О.С. Воскобойников и научный сотрудник Е.В. Калмыкова.

⁴³ Проблемы развития феодальной собственности на землю. М., 1979; Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983; Карнов С.П. Трапеузидская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М., 1981; Плешкова С.Л. К истории купеческого капитала во Франции в XV в. (Жак Кер и его деятельность). М., 1977.

⁴⁴ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985, 1986. Т. 1, 2; История Европы с древнейших времен до наших дней. Средневековая Европа. М., 1992, 1993. Т. 2, 3.

Именно этому коллективу выпало жить и работать в период принципиальных и весьма сложных изменений в исторической науке — избегать возможных при любых поворотах потерь, сохраняя традиции научных школ, осваивать новации, которые несло историческое знание середины и второй половины XX в., и, наконец, научиться трудиться в условиях идеологической свободы.

Задача подготовки новых кадров медиевистов повышала индивидуальную и коллективную ответственность членов кафедры в этой ситуации. Конструктивный выход из кризиса в 90-е годы был осложнен влиянием идеологического течения постмодернизма. Постмодернизм стимулировал негативную оппозицию генерализирующей истории, релятивизм в вопросах познания; способствовал проникновению методов лингвистики в область истории, не всегда позитивному по своим последствиям.

В этих условиях руководство и коллектив кафедры прилагали серьезные усилия для сохранения лучших традиций научного поиска и уважительного отношения к ним, соединяя накопленный опыт с творческой свободой исканий и открытостью новым устремлениям. Это позволило обеспечить атмосферу доверия во взаимоотношениях старшего и молодого поколений и добиться заметных результатов на пути обновления медиевистики.

В научных исследованиях на кафедре сегодня можно выделить три основных направления: 1) *изучение политической и государственной истории*; 2) *изучение истории культуры*; 3) *изучение истории Византии и стран Причерноморья*. В их реализации кафедра выступает инициативным и организующим центром российской науки. Эту роль она выполняет с помощью Общества медиевистов и историков раннего Нового времени (далее — Общество медиевистов), координирующего научные и педагогические усилия российских историков этого профиля (председателем Общества является С.П. Карпов).

Направление по изучению *политической и государственной истории* к концу века приобрело наконец не только масштабность и значимость, но стало играть заметную роль в обновлении отечественной медиевистики в целом. В нем выразился традиционный для кафедры интерес к институтам и формам средневекового государства. Сделалось более полнокровным исследование проблемы сословного представительства. В хронологических рамках классического средневековья такой формой средневековой государственности, как сословная монархия, продолжает заниматься Н.А. Хачатурян. Попытку реконструкции общей картины сословного представительства как феномена европейской цивилизации автор реализует в контексте сравнительного анализа (на материалах Франции, Англии, Германии, реалий стран Пиренейского полуострова, России). Исследования Н.А. Хачатурян получили отражение в читаемых спецкурсах («Сословно-представительный режим в средневековой Европе»; «Проблемы политической и государственной истории в Западной Европе в эпоху средневековья»).

О.В. Дмитриева обратилась к изучению традиционной для кафедры темы английского Парламента, но уже в условиях абсолютной монархии. Подготовленные ею спенкеры (например, «Парламентское ученое сообщество и политическая культура Англии в средние века и раннее Новое время») и научные публикации носят комплексный характер. История Парламента XVI—XVII вв. рассматривается в контексте институционально-политического, социального и культурного анализа.

Проблемы сословной эволюции венгерского общества и практика представительных собраний в Венгрии XVI—XVII вв. стали одним из направлений исследовательского поиска Т.П. Гусаровой. В соответствии с уровнем современного исторического знания эти проблемы также решаются автором в контексте комплексного анализа. Рассмотрение истории Венгрии в составе Австрийской империи Габсбургов вывело Т.П. Гусарову на другую важную и актуальную тему, касающуюся международных отношений в Европе, — проблему взаимоотношений с Османской империей.

Поворот к социологическим аспектам истории власти и властвования, обозначившийся еще в 80-е годы, выразился в специальном интересе к ранее «запретной» теме королевского двора и двора территориального принца как властных институтов, связанных напрямую с одним из неперенных и эффективных средств управления — практикой репрезентации власти. Разработка этой темы стала возможной благодаря обращению к «человеческой» истории и исторической антропологии, т.е. сопряжению политической истории с историей культуры и средневековой ментальностью. Отмеченные перемены в свою очередь расширили границы явления «политической культуры», при изучении которого сегодня рассматривается не только политическая мысль, но и политическое сознание в обществе⁴⁶.

Усилия специалистов кафедры по политической истории объединены в работе над научно-исследовательскими проектами, поддерживаемыми РГНФ, — «Королевский Двор как феномен политической и культурной жизни в Западной Европе в период средних веков и раннего Нового времени» и «Власть и политика в западноевропейском обществе в эпоху средних веков и раннего Нового времени» (руководитель — Н.А. Хачатурян). В рамках возглавляемой ею же научной группы «Власть и общество» Общества медиевистов проведено семь периодических общероссийских конференций с привлечением специалистов по истории России и искусствоведов. В 2001 г. по материалам одной из них была опубликована коллективная монография⁴⁷. Подготовлен и слан в печать новый коллективный труд — «Королевский двор в политической культуре средневекового общества: теория, символика, церемониал».

⁴⁶ Дмитриева О.В. Елизавета I. М., 1998. См. также статьи Н.А. Хачатурян, Т.П. Гусаровой, М.А. Бойцова, Е.В. Катмаковой, О.С. Воскобойникова.

⁴⁷ Двор монарха в средневековой Европе: явления, модель, среда. М.: СПб., 2001. Вып. 1. Материалы конференции «Харизма королевской власти. Миф и реальность» опубликованы в сб. «Средние века» (Вып. 58); «Средневековое европейское дворянство: от рыцаря к придворному и офицеру» в Бюллетене Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени (М., 1997. № 8).

В научных разработках тем «Власть» и «Властвование» следует отметить исследования М.А. Бойцова. Начав свой творческий путь с изучения сословно-представительной системы в Германии, Бойцов в последние годы сделал главным объектом своего внимания проблему репрезентации власти (императора, территориальных принцев, церковных прелатов), которую он изучает по преимуществу в рамках микроистории.

В 1989 г. О.В. Дмитриева опубликовала новаторскую по тем временам монографию, посвященную личности королевы Елизаветы. В этом исследовании социально-политический анализ Англии XVI — начала XVII в. удачно сочетается с социально-психологической характеристикой государыни, воплотившей в своей деятельности приемы политики Нового времени.

В качестве исследователя политической истории начала свою работу на кафедре Е.В. Калмыкова. Успешно защищенная ею кандидатская диссертация была посвящена проблемам исторического и политического сознания в Англии XIV—XVI вв.

Более разработанным и полнокровным стало направление *истории культуры*. Работу исследователей этой проблематики координирует в основном группа Л.М. Брагиной «История культуры Возрождения», созданная в рамках Общества медиевистов. Ею проводятся периодические конференции, объединяющие усилия историков и искусствоведов, издаются тематические сборники (к 2002 г. их вышло 18). Последний из опубликованных сборников посвящен проблемам книгопечатания, введение которого явилось информационной революцией, радикально изменившей условия коммуникаций в европейском обществе («Книга в культуре Возрождения». М., 2002). Новациями в развитии этого направления стали: заметное расширение географического ареала (вариант Северного Возрождения); реализация интердисциплинарных поисков; увеличение масштабов поисков благодаря изучению Возрождения в контексте культурных настроений эпохи в целом, а также отказу от его рассмотрения только в условиях линейного развития. Публикацией Л.М. Брагиной в 2002 г. сборника ее статей («Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: идеология и проблемы культуры») были подведены определенные итоги по широко дискутируемому в науке проблемам истории итальянского Возрождения.

Новым аспектам культурной истории была посвящена успешно защищенная новым сотрудником кафедры О.С. Воскобойниковым (ученик Л.М. Брагиной) кандидатская диссертация, в которой автор обратился к актуальной сегодня теме средневековых представлений о природе и развитии естественнонаучных знаний («Представление о природе при дворе Фридриха II, 1200–1250»). Особенностью его исследовательского анализа стало специальное внимание к миниатюрам рукописей как историческому источнику.

В русле направления культурной и духовной истории заслуживает внимания возрождение темы истории церкви. С.Л. Плешкова завершила докторскую диссертацию, посвященную галликанской церкви в ее взаимоотношениях с государством. Разрабатываемая тема получила последовательное отражение в читаемых Плешковой на кафедре спецкурсах и монографиях. Историю церкви в период раннего средневековья начал изучать выпускник и сотрудник кафедры Н.Ф. Усков. Защитив кандидатскую

диссертацию по истории монашества в германских землях, он опубликовал по ее материалам монографию⁴⁸.

В рамках политической и культурной истории на кафедре возобновляются изучение и специализация по истории средневекового права. Историей правовой мысли в период раннего средневековья занимается И.С. Филиппов. И.И. Варьян опубликовала работу о правовой ситуации в Испании в условиях взаимодействия ислама и христианства⁴⁹. Весь состав кафедры принял участие в академическом издании переводов памятников правовой мысли средневековья⁵⁰.

Выраженный интерес к культурно-историческим и ментальным аспектам политической истории делает в ряде случаев достаточно условной границу между выделенными нами направлениями политической и культурной истории.

Наконец, третье крупное направление научной работы и специализации на кафедре, организующее медиевистов на общероссийском уровне, представляет Лаборатория *изучения стран Причерноморья и Византии*, возглавляемая С.П. Карновым. Изучение Византии было поставлено С.П. Карновым в широкие рамки комплексного цивилизационного развития регионов Средиземного и Черного морей. Цивилизационный контекст позволил рассматривать это пространство в его географических и исторических параметрах, а также оценить его как важную контактную зону локальных цивилизаций Востока и Европы. В рамках этого направления на кафедре впервые началось изучение истории мореплавания. Существенным вкладом, внесенным С.П. Карновым и его школой в медиевистику, стало изучение природы средневековой торговли, ее экономической и социальной роли, правовой основы, форм и методов. Торговле итальянских морских республик (Венеции и Генуи) в Южном Причерноморье была посвящена защищенная им в 1985 г. докторская диссертация и опубликованная в 1990 г. монография. Изучение экономики, социальной организации и колониальной политики морских республик осуществляется С.П. Карновым на основе глубокого и систематического изучения архивов Венеции и Генуи с 1977 г. до настоящего времени⁵¹. Изучение средневековой архивистики, дипломатики, эпиграфики, нумизматики, применение новых информационных технологий и сравнительного источниковедения отличает труды исследователей этой школы (А.Л. Пономарева, Р.М. Шукурова, Б.А. Макеева, А.А. Тальвиной, аспирантов Н.Д. Прокофьевой, Д.В. Валькова и др.). Работу данного направления отражает периодический сборник «Причерноморье в средние века».

⁴⁸ Усков И.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе в раннее средневековье. СПб., 2001.

⁴⁹ Варьян И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII – XV вв. М., 2001.

⁵⁰ Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 2.

⁵¹ См., например, работы: Карнов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М., 1981; *Он же*. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII – XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; *Он же*. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII – XV вв. М., 1994; *Он же*. Латинская Романия. СПб., 2000; *Он же*. Средневековый Порт-Нью-Йорк. 2001. Более подробную характеристику изучения истории Византии на кафедре и работы лаборатории см. в статье С.П. Карнова в настоящем издании.

В русле одной из традиций, составляющих яркую и сильную сторону научной жизни кафедры, И.С. Филипповым в 90-е годы была подготовлена и в 2000 г. защищена докторская диссертация, посвященная генезису феодализма в Средиземноморской Франции. В духе современной историографии исследование включило в себя не только проблемы социальной эволюции общины и формирования крестьянства, но весь сельский мир с его повседневной природной и хозяйственной жизнью — территорией, климатом, почвами, влиянием моря, формами поселений, занятиями, перегонным скотоводством и т.д. Обращают на себя внимание правовые и ментальные аспекты в характеристике автором понятия собственности. В работе использованы архивные материалы⁵²

Линию социально-экономических исследований продолжают изыскания в области городской истории. В рамках этой специализации на кафедре широко используются методы количественного анализа и информационные технологии.

Кафедра приняла участие в написании коллективного труда по средневековому городу, отразившего его новое видение в современном историческом знании (авторы: А.А. Сванидзе, Н.А. Хачатурян, С.П. Карпов, Л.М. Брагина, Е.В. Гутнова, Т.П. Гусарова, С.Д. Червонов, М.А. Бойцов, И.И. Варьяш, О.С. Воскобойников, Н.Ф. Усков, С.В. Близнюк, А.А. Тальзина и др.)⁵³.

Существенно обогатилась источниковая база научных исследований и методика исследовательского анализа. В ряду изменений следует отметить заметное увеличение количества изучаемых архивных материалов, требующих знания палеографии, а также расширение ареала источников: использование данных археологии, геральдики, генеалогии, нумизматики, ономастики, математического анализа, объектов изобразительного искусства. Эти изменения в значительной мере связаны с существенным углублением контактов ученых кафедры с западными коллегами. Доступными и систематическими стали командировки для работы в архивах в Англию, Францию, Германию, Италию, Австрию, Швейцарию, Нидерланды, США, Венгрию не только преподавателей, но, что очень важно, и студентов. Изменилась природа зарубежных контактов, благодаря активизации роли в них отечественных медиевистов. Они не ограничиваются теперь только участием в конференциях, но характеризуются членством в редколлегиях периодических изданий, авторством в коллективных зарубежных трудах, участием в оргкомитетах конференций, чтением лекций (С.П. Карпов, И.С. Филиппов, М.А. Бойцов, Н.А. Хачатурян, О.В. Дмитриева, Т.П. Гусарова). Углублению научных связей с зарубежными учеными, ознакомлению их с достижениями отечественной медиевистики способствует перевод трудов российских специалистов на иностранные языки, что стало осуществляться рядом исследователей кафедры (С.П. Карповым, И.С. Филипповым, М.А. Бойцовым).

По-прежнему актуальным для членов кафедры является совершенствование образовательного процесса. Опубликованы новые издания

⁵² Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.

⁵³ Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999 – 2000. Т. 1–4.

учебника по истории средних веков для университетов и гуманитарных вузов под редакцией С.П. Карпова (1997—2002)⁵⁴. Силами, главным образом, членов кафедры создан первый в стране учебник по культуре Возрождения XVI в. (ответственный редактор Л.М. Брагина) и готовится следующий — по культуре XVII в.⁵⁵

За последние три десятилетия кафедра осуществила прорыв в разработке вспомогательных дисциплин⁵⁶. Возрождена после продолжительного перерыва традиция создания школьных учебников⁵⁷. Научное лицо кафедры достойно представляет ее библиотека — богатое собрание редких источников и литературы (отечественной и зарубежной) по истории западного средневековья (более 10 тыс. единиц). Создается специализированный электронный каталог.

Кафедра осуществляет широкие контакты с учебными и научными центрами России. Это — участие в реализации совместных с российскими университетами проектов в области науки и образования; повышение квалификации преподавателей в рамках стажировок, аспирантуры и докторантуры факультета; работа выпускников кафедры в научных подразделениях РАН, в высших учебных заведениях России. С.П. Карпов, Н.А. Хачатурян, О.В. Дмитриева — члены редколлегии сборника «Средние века»; М.А. Бойцов — член редколлегии сборника «Казус» и член научной группы «История частной жизни в Европе и Азии до начала Нового времени». Сотрудники кафедры участвуют в многочисленных научных изданиях. Большой вклад внесен ими в подготовку «Православной энциклопедии». М.А. Бойцов за выполнение государственного задания по линии архивной работы (картотека трофейного архива) получил премию на конкурсе научных работ. Труд преподавателей кафедры отмечен Ломоносовскими премиями: С.П. Карпова — за научные достижения, О.В. Дмитриевой — за педагогическую деятельность. Академической премии им. Волгина удостоена Л.М. Брагина. С.П. Карпову присуждена Государственная премия Российской Федерации за участие в написании «Культуры Византии».

⁵⁴ История средних веков и раннего Нового времени. М., 2000. Т. 1 — 2.

⁵⁵ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 2001.

⁵⁶ Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1991; Введение в изучение исторических дисциплин. М., 1990.

⁵⁷ Бойцов М.А., Шукуров Р.М. История средних веков: Европа и остальной мир: Учебник для 6-х классов средней школы. М., 2001. О.В. Дмитриева приняла участие в создании учебника для 7-х классов средней школы «Новая история» (М., 2002).

Традиционный для древнерусского летописания интерес к византийской истории сохранялся в исторической науке XVIII столетия. М.В. Ломоносов при рассмотрении проблемы истории древних славян и становления русской государственности обращался к изучению византийских источников о славянах, не пользуя сочинения Прокопия Кесарийского, хрониста Феофана и других авторов. Открытие Московского университета создало возможности для подготовки специалистов по древним языкам, что стимулировало работу по переводу и интерпретации сочинений византийских авторов. Большую роль в этом стали играть Общество истории и древностей российских, созданное в 1804 г.

Основатель медиевистики в России профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский в своих трудах и лекциях ставил вопросы о роли византийской монархии и церкви, а также о месте славянской родовой общины и славян вообще в истории Византии. Критически оценивая популярные тогда в России идеи Э. Гиббона о непрерывном упадке Римской империи, преемником которой была Византия, Грановский полагал, что сила византийской монархии заключалась в ее союзе с церковью, чем в какой-то мере предвосхитил появившуюся намного позднее теорию так называемой симфонии власти императора и патриарха. В статье о Латинской империи Т.Н. Грановский критически оценил вышедшую в 1849 г. книгу доцента Дерптского университета П.Е. Медовикова¹, указав на ряд ее, прежде всего источниковедческих, изъянов и призвав к более тщательному изучению истории Византии как таковой². Различных сторон византийской действительности касались и другие выдающиеся лекторы Московского университета — П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский. Однако они не были византинистами, хотя П.Н. Кудрявцев, например, глубоко анализировал отношения папства и Византии в раннее средневековье³. Для чтения курса собственно по истории Византии в 1888 г. в Московский университет был приглашен приват-доцент П.В. Безобразов (1859—1918), ученик основателя

* См. также общие труды по истории византиноведения в России: *Васильевский В.Г.* Обзорные труды по византийской истории. СПб., 1890; *Удальцова З.В.* Византиноведение // *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1955. Т. 1. С. 492–495; М., 1960. Т. 2. С. 508–525; М., 1963. Т. 3. С. 514–534; М., 1966. Т. 4. С. 615–628; *Она же.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969; *Она же.* Новейшие исследования советских византинистов // *Византийский вестник*. 1978. Т. 39. С. 3–16; *Соколов Н.П.* Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. С. 70–77, 183–205, 361–382; *Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). Л., 1975; Советское византиноведение: Указатель литературы. М., 1991; *Медведев И.П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // *Исторические записки*. М., 2000. Т. 3 (121). С. 30–47. Рассматривая развитие исторической науки, мы не касаемся достижений византийской филологии и философии, плодотворно изучавшихся на других факультетах, а также трудов выдающейся школы византийского искусства в МГУ, представленной именами Н.И. Брунова, В.Н. Лазарева, М.В. Ашишатава, О.С. Пономовой и др., рассмотренных в главе по истории искусства.

¹ *Медовиков П.Е.* Латинские императоры в Константинополе и их отношение к независимым владетелям греческим и туземному населению вообще. М., 1849.

² *Грановский Т.Н.* Латинская империя // *Сочинения*. М., 1866. Т. 2. С. 108–121.

³ *Кудрявцев П.Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850.

русского научного византиноведения, петербургского профессора В.Г. Васильевского. Ранее Безобразов был командирован для научных занятий в Италию, Грецию и Турцию и изучал там греческие рукописи. Однако в 1895 г. он по распоряжению Министра народного просвещения графа Делянова был уволен из университета за радикально-критические выступления и лекции о положении женщин в России. Академическая карьера Безобразова оказалась прерванной надолго, и лишь в 1905 г. он вновь вернулся в университет, где проработал еще три года. Тонкий знаток византийской литературы, яркий полемист, П.В. Безобразов внес немалый вклад в становление византиноведения в Московском университете, и особенно направления, связанного с изучением истории культуры. Правда, для творческой манеры автора было характерно подчеркивание и даже утрирование ее негативных черт⁴.

Новаторский труд был создан приват-доцентом А.П. Рудаковым (1886—1940)⁵. В нем впервые применялся комплексный анализ многовековой византийской агнографии для усечения разных сторон общественной жизни империи и, что особенно важно, культуры повседневности, неуловимой в других дошедших до нас источниках. Несмотря на то, что Рудаков несколько статично использовал материал различных эпох для характеристики быта и жизни города и деревни, именно ему принадлежит пальма первенства в изучении этой темы, ставшей вскоре одним из ведущих направлений византиноведческих исследований в мире. Изучив более 200 памятников греческой житийной литературы, А.П. Рудаков показал значение ее как исторического источника. Труд Рудакова вышел в свет в 1917 г., и в условиях послереволюционной России автор уже не смог продолжить этих своих штудий. В дальнейшем он сосредоточился на тульском краеведении и архивистике и совершил, по существу, второй научный подвиг, спасая документы по истории Тульской губернии.

Крупным специалистом в истории аграрных отношений и общественного строя Византии был приват-доцент университета и профессор Московских высших женских курсов К.Н. Успенский (1874—1917)⁶. Он последовательно рассматривал Византию как феодальное государство, выделяя в качестве доминанты развития главную эволюцию институтов Римской империи, а также борьбу светской императорской власти с ростом монастырского землевладения, носителя «феодального расчленения в империи». К.Н. Успенский решительно отрицал распространенное тогда мнение, что славяне «оживили империю принесенным с собой свободно-общинным бытом»⁷. Большой вклад К.Н. Успенский внес в изучение иконоборчества, рассматриваемого им не только как догматический спор, но и как столкновение имущественных интересов, в частности — в сфере налогообложения⁸.

⁴ *Безобразов П.В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Песел. М., 1890; *Он же.* Очерки византийской культуры. Пг., 1919; *Безобразов П.В.* *Любарский Я.И.* Две книги о Михаиле Песеле. СПб., 2001.

⁵ *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917. Переиздания: London: Variorum Reprints, 1970; СПб., 1997 (см. там же и статьи о А.П. Рудакове Г.Л. Курбатова и Е.Е. Лебедевой).

⁶ См. о нем: *Удальцова З.В.* Из истории русского буржуазного византиноведения XX века (К.Н. Успенский) // Византийский временник. 1961. Т. 20. С. 32—63.

Успенский К.Н. Очерки по истории Византии. М., 1917. Ч.1. С.198. 162.

⁷ *Там же.* С. 221—265. Основная работа К.Н. Успенского по иконоборчеству была опубликована после его смерти (Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его хронография // Византийский временник. 1950. Т. 3. С. 393—438; 1951. Т. 4. С. 211—262).

Последовавшие после Октябрьской революции многочисленные реорганизации Московского университета, отрицательное отношение советской власти к византиноведению как якобы апологии монархического строя и церковности привели к длительному упадку этой дисциплины и исчезновению ее из университетских учебных программ. Однако многими крупными историками остро осознавалась ущербность такого подхода, исключавшего крупнейшее средневековое государство и очаг мировой культуры из поля зрения ученых. Политическая ситуация в стране и за рубежом, укрепление позиций СССР на Балканах, распространение идеи державности способствовали решениям о восстановлении византиноведения в своих правах. В Ленинграде византиноведческая группа под руководством профессора М.В. Левченко возникла в 1939 г. В Москве инициатором создания византийской группы (ноябрь 1943 г.) был заведующий кафедрой истории средних веков исторического факультета МГУ, видный медиевист, академик (в те годы — член-корреспондент АН) Е.А. Косминский. Хотя группа существовала при Институте истории Академии наук СССР, подготовка кадров византинистов в Москве стала вестись в университете. В 1934—1941 гг. на кафедре трудился византинист А.К. Бергер, одним из первых попытавшийся применить марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы к Византии, в частности к восстанию зилотов. Прямолинейная интерпретация выступления в Фессалонике как «демократической революции» была, впрочем, критически воспринята советским византиноведением, видевшим в нем лишь антифеодальное движение⁹. В 1944/45 учебном году доцент Б.Т. Горянов читал в МГУ специальный курс «Византия и южные славяне», а с 1945 г. — обязательный общий курс по истории Византии¹⁰. В 1947 г. специализация по истории Византии была разрешена лишь на историческом факультете МГУ; в других же университетах это, по мнению партийного руководства, не представлялось возможным¹¹. Просеминарские занятия по истории Византии вели тогда Б.Т. Горянов и выпускница аспирантуры кафедры, подготовившая под руководством Е.А. Косминского и защитившая в 1945 г. в МГУ кандидатскую диссертацию, З.В. Удальцова. Темой ее исследования была «Борьба политических партий в Византии XV века и роль Виссариона Никейского». Учеником Е.А. Косминского являлся и выдающийся византинист А.П. Каждан, а З.В. Удальцовой — будущий академик Г.Г. Литаврин и многие другие ведущие ученые, доктора и кандидаты наук. В 1947 г. на истфаке МГУ была защищена кандидатская диссертация Б.С. Попова: «Георгий Гемист Плифон — его политическая деятельность и мировоззрение», посвященная проблеме византийского гуманизма, в 1954 г. — Г.Г. Литаврина: «Борьба болгарского народа против византийского ига (XI—XII вв.)».

В 1947 г. было возобновлено прерванное в 1927 г. издание главного периодического органа отечественного византиноведения — «Византийского временника», редактором которого стал академик Е.А. Косминский. Первый (26-й с момента основания) том его был в значительной мере посвящен памяти

⁹ Бергер А.К. Демократическая революция в Византии XIV в. // Архив Маркса и Энгельса. М.; Л., 1930. Кн. 5. С. 447–456; Удальцова З.В. Советское византиноведение... С. 39.

¹⁰ Горянов Б.Т. Византиноведение в СССР в 1945 и 1946 гг. // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 379.

¹¹ Иванов С.А. Византиноведение и власть в СССР (1928–1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 250–251.

крупнейшего русского ученого старой школы академика Ф.И. Успенского (1845—1928). В центральной статье о творчестве Ф.И. Успенского Б.Т. Горянов высоко оценивал достижения русского дореволюционного византиноведения. Он же явился инициатором издания в 1948 г. оставшегося в рукописи третьего тома «Истории Византийской империи» Ф.И. Успенского¹². Попытки возрождения традиций дореволюционной науки, стремление к относительно объективному анализу состояния науки зарубежной вызвали резко негативную реакцию властей. В октябре 1947 г. Е.А. Косминский был вынужден указать на «необходимость провести резкую грань между советским византиноведением и всей буржуазной исторической наукой»¹³. В передовой статье следующего, второго тома «Византийского временника» осуждались «космополитические идеи мирного сотрудничества с зарубежными буржуазными византинистами», отрицался как антипатриотический тезис о «мировой византиноведческой науке», авторы призывались к разоблачению буржуазного космополитизма¹⁴. Нельзя, впрочем, не отметить, что, несмотря на радикальные политические заявления, в том же томе публиковались вполне объективные исследования: Н.И. Брунова об архитектуре Константинополя или Н.В. Пигулевской о первоисточниках истории кушито-химьяритских войн. Там же была напечатана и очередная, неизданная ранее статья Ф.И. Успенского. Е.А. Косминский, З.В. Удальцова (ставшая в 1949 г. ответственным секретарем «Византийского временника»), Б.Т. Горянов и другие ученые последовательно защищали византиноведение как важнейшую отрасль знания, выступая, в частности, со специальными докладами на Третьей (в октябре 1945 г.), Четвертой (в ноябре 1947 г.) и Пятой (в декабре 1950 г.) сессиях Отделения истории и философии Академии наук¹⁵. С 1955 г. советские ученые стали участвовать в международных конгрессах византинистов. На X конгрессе в Стамбуле в составе делегации были З.В. Удальцова, В.Н. Лазарев, Д.В. Сарабьянов. С тех пор ни один из всемирных форумов византинистов не обходился без участия российских ученых, в том числе — преподавателей МГУ. Большую роль в учебном процессе сыграл «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», создавший источниковую основу семинарских занятий¹⁶. И все же долгие годы подготовка византинистов в МГУ, периферийная тогда для научных интересов кафедры истории средних веков Московского университета, осуществлялась «штучно», от случая к случаю, главным образом — под руководством З.В. Удальцовой, а также при обязательном участии кафедры древних языков и таких талантливых ее преподавателей-грецистов, как Е.Б. Веселаго, А.Ч. Козаржевский, П.П. Аверинцева и др. Все они были, по сути, источниковедами. Е.Б. Веселаго, например, в своей защищенной в 1955 г. кандидатской диссертации и последующих работах исследовала творчество

¹² Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: Л., 1948. Т. 3. Переиздание всех трех томов — М., 1996—1997.

¹³ Удальцова З.В. Обсуждение первого тома «Византийского временника» на заседании группы по истории Византии при Институте истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 152.

¹⁴ Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 4—5.

¹⁵ Татарникова К.П. Византийские сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 390—416; Пятая византиноведческая сессия Отделения истории и философии АН СССР // Там же. 1952. Т. 5. С. 291—300.

¹⁶ Отв. ред. Е.А. Косминский; ред. и сост. Б.Т. Горянов, Ф.М. Россейкин. М., 1951.

поздневизантийского историка Лаоника Халкокондила¹⁷. А.Ч. Козаржевский заложил основы преподавания среднегреческого языка и был автором ценных трудов о койне Нового завета и риторике¹⁸.

Некоторые выпускники факультета стали в 60—70-е годы известными учеными-византинистами: К.В. Хвостова (ученица С.А. Никитина), Б.Л. Фонкич (ученик Е.Э. Гранстрем), З.Г. Самодурова и А.А. Чекалова (ученицы З.В. Удальцовой).

Профессор, а с 1982 по 1986 г. — заведующая кафедрой истории средних веков З.В. Удальцова разрабатывала проблемы истории ранней Византии, византийской историографии, истории византийской культуры¹⁹. Она была инициатором и активнейшим участником подготовки таких крупных коллективных трудов, как трехтомные «История Византии», «Культура Византии», многотомные «Всемирная история», «История Европы» и т.д., университетского учебника по истории средних веков, где ею были написаны «византийские» главы²⁰. В 1976 г. З.В. Удальцова была избрана членом-корреспондентом АН СССР, стала вице-президентом Международной ассоциации византинистов. Она внесла большой вклад в расширение зарубежных связей отечественной науки, активно способствовала участию ее представителей в различных конгрессах и конференциях за рубежом.

Проблемами византийско-русских связей, византийского правового и культурного наследия на Руси плодотворно занимались работавшие и работающие в МГУ историки-русисты — академики М.Н. Тихомиров²¹, Л.В. Милов²², В.Л. Янин²³, члены-корреспонденты РАН Я.Н. Щапов²⁴, Б.Н. Флоря²⁵, профессор О.М. Рапов²⁶ и другие. Различные аспекты связей Византии со славянским миром изучали академик В.И. Пичета, профессора С.А. Никитин, Л.В. Горина, Л.П. Лаптева, доценты А.Е. Москаленко, П.Е. Лукин и др.²⁷

В 60—70-е годы XX в. выпускники кафедры истории средних веков взялись за исследование новых тем: П.И. Жаворонков — истории Никейской империи, С.П. Карпов — Трапезундской империи, О.Р. Бородин — Равеннского

¹⁷ *Веселого Е.Б.* Византийский историк XV в. Лаоник Халкокондил как источник по истории средневековой Албании. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; *Она же.* Историческое сочинение Лаоника Халкокондила (опыт литературной характеристики) // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 203–217; *Она же.* К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила // Вестн. Моск. ун-та. Ист. науки. 1960. №1. С. 43–49.

¹⁸ *Козаржевский А.Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985.

¹⁹ *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959; *Она же.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974; *Она же.* Византийская культура. М., 1988. См. подробнее: Список научных трудов члена-корреспондента АН СССР З.В. Удальцовой // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 254–259.

²⁰ История Византии. М., 1967. Т. 1–3; Культура Византии. М., 1984. 1989. 1991. Т. 1–3; История средних веков: Учебник для вузов. М., 1952. 1966. 1977. 1990.

²¹ См., например: *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

²² *Милов Л.В.* Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // Древнее право. 1999. № 1 (3). С. 113–119; *Она же.* Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (К рецепции византийского права на Руси) // ГЕНЕДИИПУ К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 129–142.

²³ Например: *Янин В.Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Т. 2. С. 75–90.

²⁴ Например: *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

²⁵ Например: *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. М., 1981; СПб., 2000.

²⁶ *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. 2-е изд. М., 1998.

²⁷ См. главу об изучении истории славян в Московском университете.

экзархата. После защиты в 1974 г. С.П. Карповым кандидатской диссертации он был оставлен на кафедре в качестве преподавателя и начал вести систематические просеминарские и спецсеминарские занятия по истории Византии. Продолжительная научная командировка в Италию в 1977—1978 г. позволила ему приступить к осуществлявшейся и впоследствии систематической работе по собиранию и обработке архивных источников по истории Причерноморья и поздней Византии, главным образом — в архивах Венеции и Генуи, а также в архивах и библиотеках Рима, Милана, Парижа, Лейдена, Вашингтона и других городов. Итогом этой работы стало издание книг и статей по международным связям Понта, черноморской навигации, истории торговли Южного Причерноморья, прошлому Латинской Романии, культуре поздней Византии²⁸. Был собран значительный фонд неопубликованных источников, позволивший ставить более широкие исследовательские задачи, в частности такие, как создание банка данных по истории городов Причерноморья, реконструкция архивов итальянских факторий — Каффы (Феодосии), Таны (Азова), Трапезунда и др. Интересы формирующейся на истфаке МГУ новой школы историков поздней Византии и Причерноморья касались многих важных проблем экономической, политической и культурной истории средневековья, роли Причерноморья в системе отношений Запада и Востока. Н.М. Богдановой была исследована история Херсона как византийского города в Крыму²⁹. При этом автор опиралась как на большой фонд письменных источников, так и на результаты многолетних археологических исследований. С.В. Близинок изучалась система торгово-экономических взаимоотношений Кипрского королевства с государствами Средиземноморья и Востоком³⁰.

Признание важности и значения архивных изысканий по истории региона, имевшего прямые и интенсивные связи с нашей страной³¹, способствовало образованию на истфаке МГУ Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века. Она была создана приказом ректора МГУ от 14 мая 1990 г.

В августе 1991 г. в Москве состоялся Всемирный конгресс византинистов. Он проходил в МГУ и собрал более 800 участников, став одним из самых многочисленных. В его подготовке и проведении немалую роль сыграли сотрудники и студенты истфака МГУ, его лаборатории, сотрудники сектора истории Византии РАН, возглавляемого академиком Г.Г. Литавриным, многих музеев и учреждений³².

²⁸ См.: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981; *Idem.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204—1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986; *Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; *Он же.* Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв. М., 1994; *Он же.* Латинская Романия. СПб., 2000; *Idem.* La Navigazione Veneziana nel Mar Nero XIII—XV sec. Ravenna, 2000; *Он же.* Средневековый Понт. N.Y., 2001.

²⁹ *Богданова Н.М.* Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Под ред. С.П. Карпова. М.: СПб., 1991. Т. 1. С. 8—172; *Она же.* О методике использования археологических источников по истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.: СПб., 1995. Т. 2. С. 104—130.

³⁰ *Близинок С.В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре, 1192—1373. М., 1994; *Она же.* Крестоносцы позднего средневековья: король Кипра Пьер I Лузиньян; Учеб. пособие. М., 1999.

³¹ См.: *Карпов С.П.* Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 3—16.

³² См.: *Бибииков М.В., Карпов С.П., Богданова Н.М., Близинок С.В., Попомарев А.Л., Шукуров Р.М.* XVIII Международный конгресс византинистов // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 207—219.

Лаборатория проводит комплексные междисциплинарные исследования, поиск и публикацию новых архивных источников, создает базы данных, выясняет историко-типологические закономерности развития региона Византии и Причерноморья в его связях с Древней Русью, Западной Европой, государствами Востока. Приказом ректора на Лабораторию была возложена координация научных исследований Московского университета в области византиноведения и истории средневекового Причерноморья. Печатым органом Лаборатории является издание «Причерноморье в средние века» (М.; СПб., 1991—2001. Вып. 1—5). Ее сотрудниками была подготовлена серия монографий и статей по указанной проблематике, в том числе — «Латинская Романия» (СПб., 2000) и «Средневековый Понт» (Нью Йорк, 2001) С.П. Карпова; «Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики» (М., 2002) А.Л. Пономарева, «Великие Комнины и Восток (1204—1461)» (СПб., 2001) Р.М. Шукурова. Осуществлено издание регест документов, относящихся к Причерноморью, из крупнейшего фонда судебных магистратур Генуи — *Diversorum, Filze* (С.П. Карпов)³³, материалов дипломатической переписки и неизвестных статутных постановлений³⁴, нотариальных актов венецианской фактории Таны (Азова) начала XV в. (А.А. Талызина и Н.Д. Прокофьева)³⁵. Начато комплексное исследование памятников эпиграфики Генуи и Генуэзской Романии, в том числе на территории Крыма (Д. В. Вальков). С.П. Карпов приступил к воссозданию истории итальянских факторий Таны (Азова)³⁶. О.Н. Барабанов анализировал историю права и судопроизводства в Генуе и ее факториях³⁷.

Лаборатория подготовила ряд электронных ресурсов, в частности — публикацию (А.Л. Пономарев) на сайте факультета массарии — древнейшей книги бухгалтерской отчетности г. Каффы (1374 г.)³⁸. В 2001 г. в Москве был проведен российско-итальянский научный семинар «Byzantine multimedia», на котором

³³ Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания *Diversorum, Filze* Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века. Т. 2. С. 9–19; *Он же*. Регесты документов фонда *Diversorum, Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Там же. М.; СПб., 1998. Т. 3. С. 9–81.

³⁴ Карпов С.П. Древнейшие постановления Сената Венецианской республики о навигации в Черное море // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 2000. Т. 4. С. 11–18; *Idem*. An unknown letter of a Venetian Doge on Trade and Conflicts in Trebizond (1445) // РПДХРЛЕХСПУ НПХУ. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hrsg. von C. Scholz und G. Makris. München; Leipzig, 2000 (Byzantinisches Archiv. Bd. 19). S. 103–105.

³⁵ Причерноморье в средние века. Т. 4. С. 19–174; М.; СПб., 2001. Т. 5. С. 27–39.

³⁶ Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. Т. 1. С. 191–216; *Он же*. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский временник. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 121–126; *Он же*. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. Т. 57 (82). 1997. С. 5–18; *Он же*. От Таны — в Ургенч: Эти трудные дороги средневековья // Средние века. Т. 61. 2000. С. 217–224; *Он же*. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–60 гг.) // Причерноморье в средние века. Т. 5. С. 9–26; *Idem*. Tana — une grande zone réceptrice de l'immigration au Moyen Âge // Migrations et Diasporas Méditerranéennes (Xe–XVIe siècles). Actes du colloque de Conques (octobre 1999) réunis par M. Balard et A. Ducellier. Paris, 2002. P. 77–89.

³⁷ Барабанов О.Н. Бартоломео Боско — генуэзский юрист XIV — XV веков: теория и практика гражданского судебного процесса / Науч. ред. С.П. Карпов. СПб., 2002; *Он же*. Судебное дело Бруно Сальванго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. Т. 2. С. 20–36; *Он же*. Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV–XV вв. // Там же. Т. 5. С. 108–128.

³⁸ http://www.hist.msu.ru/Labs/ByBSea/massaria_caffae_1374.htm. См. также всестороннее исследование А.Л. Пономарева о массарии Каффы 1381–1382 гг.: Пономарев А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. Т. 4. С. 317–442.

рассматривались проблемы дальнейших архивных поисков и электронных изданий источников и памятников культуры и искусства. Сотрудники Лаборатории приняли активное участие в работе XIX и XX Международных конгрессов византистов в Копенгагене (1996) и Париже (2001), многочисленных конференций в России и за рубежом. Так, на XX конгрессе С.П. Карпов выступил с пленарным докладом «Западные европейцы в городах византийской периферии: венецианское Причерноморье в XIV–XV вв.»³⁹. На той же сессии выступили двое представителей этой же научной школы – А.А. Тальзина и В.Г. Ченцова⁴⁰.

Сотрудники лаборатории Н.М. Богданова и А.Л. Пономарев провели тщательные исследования даты принятия христианства на Руси, прибегнув к комплексному анализу греческих и восточных источников, данных астрономии и математики. Ими в полемике с О.М. Раповым, отнесшим событие к 990 г.⁴¹, убедительно доказана основательность датировки крещения Руси 989 годом⁴².

Разные стороны истории черноморской навигации итальянских морских республик изучала А.А. Тальзина⁴³. Средневековые навигационные карты как важнейшие историко-географические источники исследовались И.К. Фоменко⁴⁴.

Внимание историков привлекали связи Византии и Причерноморья с Востоком, проблемы международных отношений, этноконфессионального состава населения Понта и Крыма. Этим проблемам были посвящены труды С.П. Карпова⁴⁵, Р.М. Шукурова⁴⁶, Э.Г. Жордания⁴⁷, М.Н. Бахматовой⁴⁸. Учеником

³⁹ Карпов С. П. Les Occidentaux dans les villes de la périphérie Byzantine: la mer Noire «mittienne» aux XIe–XVe siècle // XXe Congrès Int. des Etudes Byzantines. Pré-Actes. I. Séances préliminaires. Paris, 2001. P. 291–299.

⁴⁰ Ibid. P. 306–313.

⁴¹ Рапов О.М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // Вопросы истории. 1984. № 6. С. 34–47; *Он же*. Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 190–194.

⁴² Богданова Н.М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 39–46; *Она же*. О значении точного прочтения источника // Там же. 1988. Т. 49. С. 195–201; Пономарев А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год – год крещения Руси (филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века. Т. 2. С. 156–185. См.: *Оболонский Д.Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 53–61.

⁴³ Тальзина А.А. Неизвестный генуэзский документ 1440 г. о торговой навигации, пиратстве и корсарстве в Восточном Средиземноморье // Причерноморье в средние века. Т. 2. С. 58–67; *Она же*. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации «галей дивни» в Венеции // Там же. Т. 3. С. 164–177.

⁴⁴ Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. Т. 5. С. 40–107.

⁴⁵ Карпов С.П. Итальянские «бароны» трапезундских императоров // Византийский временник. 1996. 56 (81) С. 144–155; *Он же*. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 220–238; *Он же*. «Люди из Найперта» // ВБНФДШССТП. К 75-летию академика РАН Г.Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 66–73.

⁴⁶ Шукуров Р.М. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999. С. 194–234; *Он же*. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации // Причерноморье в средние века. Т. 2. С. 68–103; *Он же*. «Новый Маншикерт» императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком ... С. 409–427; *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // *Mysogeios*. 1999. Т. 6. P. 7–47.

⁴⁷ Жордания Э. Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Ч.1: Лазы // *Byzantinoslavica*. Praha, 1996. T.LVII.1. P. 125–139; *Он же*. Этнический состав населения и некоторые вопросы топонимики Понта в XIII–XV вв. Ч.1: Чаны // *Ibid.* 1999. T.LXVI.1. P. 71–86.

⁴⁸ Бахматова М.Н. Нимфейский договор в системе международных отношений середины XIII в. // *Античность и средневековые Европы*. Пермь, 1996. С. 210–230.

Р.М. Шукурова и Г.Г. Литаврина Д.А. Коробейниковым было подготовлено интересное исследование о судьбах Анатолии в эпоху турецких завоеваний⁴⁹.

Среди источниковедческих штудий специальное место уделялось творчеству поздневизантийских историков и эрудитов⁵⁰, рассмотрению османских кадастров для реконструкции аграрных отношений⁵¹.

На кафедре истории средних веков осуществляется подготовка византистов, развивается специализация студентов. В 1991—2003 гг. кафедрой были рекомендованы для защиты в ученых советах при истфаке МГУ диссертации сотрудников факультета и многих других учреждений — докторские: М.Г. Крамаровского (Санкт-Петербург)⁵², А.В. Сазанова⁵³; кандидатские: И.В. Волкова⁵⁴, А.А. Талызиной⁵⁵, О.Н. Барабанова⁵⁶, А.Л. Пономарева⁵⁷, М.В. Бандиленко⁵⁸, М.Н. Бахматовой⁵⁹, Э.Г. Жордания (Тбилиси)⁶⁰, И.К. Фоменко⁶¹, Е.А. Айбабиной (Симферополь)⁶², С.Г. Бочарова (Симферополь)⁶³. Все эти работы были успешно защищены.

Изысканиями в области греческой палеографии занимаются профессор И.С. Чичуров, А.М. Крюков, латинской — доценты Д.А. Дрбоглав и Б.А. Макеев. Средневековая дипломатика и архивистика применительно к Византии и Причерноморью входят в сферу научных интересов профессора С.П. Карпова и других сотрудников лаборатории.

Школа византистов истфака МГУ направляет свои усилия на исследование истории Причерноморья, Латинской Романии, связей Византии с Западом и Востоком, культуры палеологической эпохи. Большинство ее трудов выполнено на широкой междисциплинарной основе.

⁴⁹ Коробейников Д.А. Северная Анатолия в XI—XV вв.: наследие Византии в эпоху турецких завоеваний. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

⁵⁰ Шукуров Р.М. Трапезундский гороскоп 1336–1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // Византийский временник. 1999. Т. 58 (83). С. 47–59; Бандиленко М.М. Иоанн Евгенник и Флорентийская уния // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 134–140; Она же. Иоанн Евгенник и представители семьи Асанов // Византийский временник. 2001. Т. 60 (85). С. 75–82.

⁵¹ Карпов С.П. Сельское хозяйство Трапезундской империи по данным османской налоговой описи (ок. 1486 г.) // Византийские очерки. Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византистов. СПб., 2001. С. 23–38.

⁵² Крамаровский М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2002.

⁵³ Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

⁵⁴ Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

⁵⁵ Талызина А.А. Принципы и методы навигационной политики венецианского Сената XIII – первой половины XV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁵⁶ Барабанов О.Н. Суд и право в генуэзских факториях Причерноморья (XIII–XV вв.): гражданский судебный процесс. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁵⁷ Пономарев А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии — бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁵⁸ Бандиленко М.М. Византийский писатель XV в. Иоанн Евгенник и его творческое наследие. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁵⁹ Бахматова М.Н. Взаимоотношения между Византией и итальянскими морскими республиками (1261–1282 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶⁰ Жордания Э.Г. Картвельское население Понта в XIII–XV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

⁶¹ Фоменко И.К. Морская карта как исторический источник (Причерноморье к XIII–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

⁶² Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба и пластика средневековой Каффы (XIV–XVIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. Ср.: Она же. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001.

⁶³ Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы (конец XIII в. – 1774 г.). Фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

3. Новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки

Начало изучения в Московском университете проблем новой истории зарубежных, и прежде всего европейских стран неразрывно связано с именем Тимофея Николаевича Грановского (1813—1855), первого руководителя созданной в 1839 г. кафедры всеобщей истории. Печатные работы Грановского уместились всего в два тома, но очень большое значение имели его лекционные курсы по средневековью, раннему Новому времени и истории Великой французской революции, пользовавшиеся огромной популярностью¹. При всем богатстве конкретного материала они не были чисто фактологическими сводками, а давали глубокое философско-историческое понимание причин и следствий рассматриваемых явлений и событий. В них всегда чувствовался (немислимый в тогдашних российских условиях в открытой форме) протест против всякого угнетения и покушения на свободу человеческой личности.

Грановский постоянно и настойчиво ставил перед своими слушателями вопрос о смысле и практическом значении истории, подчеркивая ее промежуточное положение между отвлеченными и прикладными науками. История не является для последующих поколений «учителем жизни» в прямом смысле этого слова, но она помогает уметреть в современных событиях и явлениях аналогии с прошлым. Грановский считал, что нельзя понять настоящее, не зная прошлого, но и прошлое невозможно понять, не взглянув на него с позиции настоящего. Всеобщую историю Грановский трактовал как единый прогрессивный и развивающийся по общим законам процесс с постоянными переходами от спокойного состояния к разрушающим его переворотам. Являясь последователем Гегеля, он вместе с тем критиковал построенную великим немецким философом систему за схематизм и подчеркивал, что история не должна быть служанкой никакой системы. В основе теории Грановского лежал тезис, что изначальным в историческом процессе является абсолютный дух, независимый от материального мира. Этот дух воплощается в народе и развивается вместе с ним.

Грановский одним из первых российских историков обратил внимание на феодальный характер западноевропейских средневековых городов и уделил большое внимание не только их многолетней борьбе с сеньорами, но и новой проблеме — социальным противоречиям внутри самих городов. Повышенный интерес Грановского вызывала также история государства. Он был убежденным сторонником государственной централизации, осуждая при этом тех политиков, которые, способствуя становлению централизованного государства, были совершенно равнодушны к чаяниям и судьбам народа. Так, несмотря на все политические успехи французского короля Филиппа IV Красивого, российский историк находил его «бездушным и страшным правителем», который создал жестокую и безжалостную

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья // Сост. С.А. Асиновская. М., 1986.

систему управления. Неоднозначные, но в целом критические оценки Грановский давал почти всем европейским монархам XIV — XVI вв. Либеральные взгляды Грановского отчетливо проявились в его оценках Великой французской революции, в которых он осуждал якобинцев и возвеличивал жирондистов. Французскую революцию 1848 г. он рассматривал как начало новейшей «социальной революции», как «классовое восстание пролетариев», на стороне которых «справедливость и более свежие нравственные силы».

В своих лекциях Грановский много внимания уделял истории культуры. Он анализировал народные песни и сказания, из которых возникли средневековый эпос, английские баллады, скандинавские саги. В целом Грановский очень взвешенно оценивал средневековье, показывая его как важный этап в истории, как колыбель европейской цивилизации. Многие интересные и тонкие наблюдения и суждения Грановского не потеряли своего значения до сих пор. На созданной им кафедре он воспитал таких крупных ученых, как П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский, В.И. Герье (который в 1868 г. стал руководителем кафедры всеобщей истории). Двое первых были медикистами, хотя Кудрявцев написал также несколько статей о борьбе Италии за национальную независимость в 40-е годы XIX в.

С именем Владимира Ивановича Герье (1837—1919) связано начало систематического изучения в России истории Великой французской революции². Он впервые начал читать специальный курс и поставил в Московском университете семинарий по истории революции, из которого вышли первые значительные исследования по этому сюжету. Герье занимала, прежде всего, проблема — каким образом в сознании французского общества сложилась идея народовластия и какое значение она приобрела в годы революции. Наиболее важной в этом отношении была сравнительно небольшая его работа — «Понятие о власти и народе в наказах 1789 года» (1884), где подчеркивалась политическая незрелость той социальной среды, в которой зародились эти туманные и неясные требования.

Герье отрицал объективный характер революции и трактовал ее в идеалистическом духе как порождение идеи народовластия, а не каких-либо социально-экономических условий. Саму французскую революцию он считал результатом слабости королевской власти, которая, по его мнению, не сумела выполнить свою историческую задачу борьбы с феодализмом, довести до конца начатое ею политическое объединение страны. Монархия проводила политику социального сохранения и защиты феодализма и привилегированных слоев французского общества, хотя под феодальным покровом уже созрел совершенно новый организм. В этом смысле революция явилась разрывом между принципами королевской власти и народовластия. По утверждению Герье, сам ход истории предназначил Франции быть республикой в отличие от неревolutionного пути просвещенного абсолютизма, уготованного России и Пруссии. Но вместе с тем Герье решительно критиковал крупного консервативного французского

² Подробнее о Герье см.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

мыслителя И. Тэна за то, что тот рассматривал революцию исключительно как патологическое явление и не видел ее положительной роли в развитии человеческой цивилизации¹.

В своем творчестве Герье сознательно стремился поставить историческую науку на службу современности. Он справедливо отмечал связь исторических концепций с господствующими идеологическими течениями эпохи. В то же время Герье подчеркивал необходимость обратного воздействия исторического знания на политику и считал главным критерием социально-политической значимости исторического познания научность и обоснованность выводов. Вместе с тем Герье постоянно указывал, что нравственные идеалы человечества имеют абсолютный и вневременной характер.

За годы своей деятельности Герье подготовил ряд крупных исследователей — П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, Н.И. Кареева.

Николай Иванович Кареев (1850—1931) стал зачинателем изучения аграрных проблем французской революции. В своей магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» (1879), защищенной в Московском университете и опубликованной в 1879 г., Кареев пришел к выводу, что главным вопросом революции являлся крестьянский вопрос. В отличие от многих французских историков, рассматривавших положение крестьянства исходя из чисто юридических критериев, он показал реальные экономические отношения во французской деревне накануне и во время революции. Раскрывая значение классовой борьбы крестьянства, Кареев связывал с ней ликвидацию феодально-крепостнического гнета. В этом он резко разошелся со своим учителем Герье, который был так раздражен диссертацией Кареева, что наглухо закрыл ему дверь в Московский университет.

Кареев, однако, полагал, что любую революцию можно предотвратить путем проведения своевременных реформ. Поэтому, противопоставляя французскую революцию снизу и российскую реформу 1861 г. сверху, он отдавал предпочтение последней. Тем не менее, его книга стала пионерским исследованием социально-экономических предпосылок революции, а Ф. Энгельс оценивал ее как «лучшую работу» о французском крестьянстве перед революцией.

В 1892—1917 гг. Кареев опубликовал фундаментальную семитомную «Историю Западной Европы в Новое время (развитие культурных и социальных отношений)», не имевшую себе равных в тогдашней мировой исторической литературе по широте охвата затронутых проблем². Он рассматривал историю Западной Европы XIX в. как закономерный поступательный процесс, в основе которого лежало развитие капиталистического хозяйства и соответствующих этой экономической системе антагонистических общественно-политических и социальных отношений. Главным социальным вопросом XIX в. Кареев считал рабочий вопрос и подчеркивал, что это явилось неизбежным следствием буржуазного социально-экономического развития.

¹ Герье В.И. Французская революция 1789–95 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911.

² Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: В 9 кн. СПб., 1892–1917. Т. 1–7.

Кареев относился к числу тех сравнительно немногих российских историков, которые проявляли интерес к теоретико-методологическим проблемам исторической науки. Он трактовал историю как процесс, идущий, несмотря на все преграды, в неуклонно прогрессивном направлении. Кареев создавал свои наиболее крупные теоретико-методологические труды в 70–90-е годы XIX в., в период безусловного господства позитивистских концепций в историческом познании. Поскольку его целью было создание концептуально-обобщающих трудов по истории Западной Европы, то основное его внимание привлекали как раз те проблемы, которые выступали на первый план в немецкой философии истории и напроочь игнорировались позитивизмом. Обоснованию необходимости «всемирно-исторической точки зрения» на явления и события был посвящен самый значительный теоретико-методологический труд Кареева — его докторская диссертация «Основные вопросы философии истории: Критика историософских идей и опыт научных теорий исторического процесса» (1883). В ней он стремился выявить место и роль того или иного исторического индивидуума во всемирной истории. Ученый хотел преодолеть недостатки как позитивизма, так и немецкой философии истории и создать синтез, в котором сложились бы их достоинства и отбрасывались минусы. Но созданный им историко-социологический синтез оказался слишком прямолинейным. Вслед за Сен-Симоном Кареев подразделял историю на органические эпохи, когда преобладают общепризнанные идеи, лежащие в основе социального порядка, и эпохи критические, когда общество перерастает эти общепризнанные идеалы и начинается процесс его движения вперед. Одной из наиболее важных и значимых частей философско-социологического творчества Кареева была его теория о роли личности в истории⁵. Исходный пункт этой теории — концепция неодинаковой роли человека в прагматической и культурной истории. В прагматической истории двигателем исторического процесса является социальная борьба, в культурной же истории такую роль играет стремление подражать своему учителю и последующий выход на стезю самостоятельного подлинного творчества.

В 90-е годы крупнейшим исследователем социально-политической истории Английской буржуазной и Великой французской революций в Московском университете становится историк права и политической мысли Максим Максимович Ковалевский (1851—1916), обладавший энциклопедическими познаниями в истории, социологии, правоведении, этнографии, — одна из самых ярких фигур в русской либеральной историографии⁶.

Задуманный им большой труд «Англия в эпоху республики» так и остался незаконченным. Но в целом ряде статей⁷ Ковалевский показал, что

⁵ Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. Подробнее о Карееве см.: Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995.

⁶ Подробнее о Ковалевском см.: Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960.

⁷ Подробнее см.: Бодров О.В. М.М. Ковалевский как историк Английской буржуазной революции XVII века // Сlio Moderna. Зарубежная история и историография. Казань, 2003. Вып. 4.

революция стала эпохальным поворотом не только в политической, но и в социальной истории Англии. Она означала решительный разрыв со средневековой экономической системой, основанной на господстве натурального хозяйства. Другой вывод автора состоял в том, что революция практически ничего не принесла крестьянам и арендаторам, но упрочила положение земельных собственников-джентри.

В 1895–1897 гг. Ковалевский выпустил четырехтомный труд «Происхождение современной демократии», посвященный социально-политической истории Великой французской революции (хотя четвертый том фактически являлся отдельной монографией, в которой рассматривалось падение аристократической Венецианской республики). В этом фундаментальном произведении автор критиковал Тэна и подчеркивал, что резко обострившиеся перед революцией социальные противоречия сделали невозможными никакие реформы, что был необходим и неизбежен радикальный переворот. Ковалевский нарисовал впечатляющую картину разложения феодальной сословной системы под натиском нового экономического уклада. Еще до революции буржуазия начала сосредоточивать в своих руках не только денежные капиталы и движимую собственность, но и землю. Важным новаторским элементом концепции Ковалевского явился анализ проблемы кустарной промышленности (последняя нередко становилась спасательным кругом для голодающих крестьянских семей). Это стало существенным вкладом ученого в исследование не только аграрной, но и всей экономической истории дореволюционной Франции. Он не употреблял термина Маркса «рассеянная мануфактура», но раскрывал основное содержание этого понятия, отмечая капиталистические тенденции развития кустарной промышленности как домашней формы капиталистического производства.

Будучи убежденным сторонником установления конституционной монархии как наилучшей формы политического правления для России, Ковалевский стремился отыскать ее историческое обоснование в событиях французской революции, которую делил на два качественно различных периода: до и после принятия Конституции 1791 г. Первый период Ковалевский оценивал наиболее высоко, считая его этапом «народной монархии», единением короля и народа. Но противники монархии разрушили это единение, и начался период террора. Ковалевский считал республиканскую форму правления неприемлемой, поскольку она вела к поляризации общества и обострению социальных антагонизмов.

Исследования Кареева, Ковалевского и киевского историка Ивана Васильевича Лучицкого (1845–1918) составили в совокупности ту «русскую школу» в изучении аграрных проблем французской революции, которая стала в мировой историографии одной из самых авторитетных и влиятельных⁸.

В начале XX в. наиболее значительной фигурой среди историков Московского университета, изучавших зарубежные страны, становится профессор всеобщей истории Александр Николаевич Савин

⁸ См.: Мязков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000.

(1873—1923), крупнейший специалист по английской аграрной истории⁹. В результате длительной командировки в Великобританию Савин собрал богатейший материал, который лег в основу его монографии «Английская секуляризация» (1906). До настоящего времени по этому аспекту аграрной истории Англии XVI в. ничего равного так и не создано. Савин проявил себя подлинным мастером техники исторического исследования, тщательно обработав запутанные детали манориальных описей, судебные тяжбы крестьян с лендлордами, делопроизводство курии прибылей, а также труднейший и огромный по объему источник «Церковная оценка» — отчеты королевских комиссаров, посланных во все графства с целью установить истинный годовой доход монастырей и приходов, поскольку десятую часть его с 1 января 1535 г. они были обязаны отдавать короне, а не Папе Римскому. В сущности, Савин явился начинателем в области исследования экономической истории Англии XVI—XVII вв. Его работы усилили социологический характер и одновременно были основаны на сравнительно-статистическом методе. Такой методологический подход превращал у Савина историческую науку в точную, говорившую языком цифр и основанную на огромной базе фактов, которые можно было проверить.

В то же время Савин был очень осторожен с выводами и обобщениями, что свидетельствует о его необычайной научной добросовестности. Его труды написаны свободным и спокойным стилем человека, полностью владеющего предметом своего исследования. Рассматривая аграрную историю Англии, он мастерски показал, что юридическая теория копигольда не соответствовала реальным поземельным отношениям. Это было его огромной заслугой. Савин раскрыл, что сутью и душой копигольда являлся манориальный обычай как этический регулятор деревенской общины; этот обычай был ее нравственным законом и цементирующим началом.

Савин блестяще показал исключительную роль манориальной юрисдикции для обычных держателей земельных участков и сделал вывод, что давно укоренившийся юридически порядок мешал копигольдеру в закреплении его прав. Типичное уважение англичан к традиции было гораздо сильнее стремления реформировать ее. Изучая монастырское хозяйство, историк справедливо подчеркнул, что для анализа этого хозяйства важнее не площадь земельного владения, а размер монастырского дохода.

В своем рассмотрении английской революции ученый исходил из понимания последней как религиозно-политического конфликта, хотя и не отвергал ее классовых мотивов. В связи с этим он решительно критиковал историческую концепцию Маркса, утверждая, что «социальный смысл революции обуславливается не общественным положением, а сознанием ее участников».

Еще одной крупной работой Савина была книга «Век Людовика XIV» (1913). В ней он представил читателю период правления «короля-солнца» как эпоху установления в Европе политической гегемонии Франции, расцвета

⁹ О А.Н. Савине см.: Памяти Александра Николаевича Савина: Сб. статей. М., 1926; *Далин В.М.* А.Н.Савин: «Nihil admirare...» (Дневник историка) // Исторические этюды о французской революции. Памяти В.М. Далина. М., 1998.

абсолютизма. Савин ярко продемонстрировал необычайный контраст между нищенским существованием народа и безумной роскошью королевского двора в блестящем Версале.

* * *

После Октябрьской революции 1917 г. в Московском университете на кафедре всеобщей истории наряду с крупнейшими представителями прежней историографии — Р.Ю. Виппером, А.Н. Савиным, В.И. Герье — появились и стали играть руководящую роль представители марксистской исторической науки — профессора-коммунисты Вячеслав Петрович Волгин (1879—1963) и Николай Михайлович Лукин (1885—1940). Волгин был специалистом в области изучения истории социалистических и коммунистических учений. В 1923 г. он выпустил свой основной и неоднократно переиздававшийся труд «Очерки по истории социализма», в котором проводил параллель между марксизмом и взглядами Бабёфа, анализировал и систематизировал идеи практически всех социалистов-утопистов XVII—XIX вв. В другом крупном исследовании¹⁰ Волгин подробно рассмотрел развитие политической мысли во Франции во второй половине XVIII в. и сделал вывод о том, что именно в этой стране буржуазное мировоззрение накануне революции являлось наиболее выразительным и завершенным.

Под руководством Волгина с начала 20-х годов стала издаваться большая серия под общим названием «Предшественники современного социализма». В 1921—1923 гг. вышли в свет только три книги, остальные появились после Второй мировой войны. Были опубликованы основные произведения Мора, Кампанеллы, Уинстенли, Мабли, Мелье, Морелли, Сен-Симона, Буонаротти, Оуэна, Бланки, Дезами и многих других социалистов-утопистов. В каждой книге их текстам предшествовал обстоятельный вступительный очерк, написанный самим Волгиным и вводивший читателя в миропонимание этих людей.

Н.М. Лукин первым из советских историков приступил к изучению наиболее близкого мировоззрению большевиков якобинского периода французской революции, а также истории Парижской коммуны и германской социал-демократии. В его монографии «Максимилиан Робеспьер» (1919) этот деятель революции изображался в довольно приукрашенном виде. Подчеркивая, что якобинцы никогда не стремились к уничтожению классов и считали утопией полное экономическое равенство, Лукин трактовал якобинский террор таким образом, что последний оправдывался как система, вызванная исторической необходимостью, а потому вполне справедливая. Лукин явился также зачинателем исследований по истории германской социал-демократии, опубликовав в 1925 г. «Очерки по новейшей истории Германии». Его ученик Виктор Моисеевич Далин (1902—1985) осветил в своей монографии специфические черты французского рабочего движения в начале XX в. и процесс формирования рабочей аристократии¹¹.

¹⁰ Волгин В.П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М.: Л., 1940.

¹¹ Далин В.М. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М., 1935.

Сразу после революции историки Московского университета, работавшие в области новой истории зарубежных стран, приступили к изучению актуальной и важной проблемы международных отношений. Под руководством профессора Ф.А. Ротштейна с 1923 г. начала издаваться серия «Библиотека внешней политики», в которой в довоенный период вышли мемуары О. Бисмарка, Д. Льюйд Джорджка, Р. Нуанкаре, итальянского дипломата Л. Альдрованди Марескотти и др., раскрывающие глубокую тайну, в которой рождалась Первая мировая война. В это же время ряд работ о Версальской системе и ее сущности создал пришедший на кафедру в конце 30-х годов Л.Н. Иванов¹². Монография много лет сотрудничавшего с кафедрой А.С. Ерусалимского «Германия, Антанта и СССР» (1928) рассматривала запутанную сеть международных отношений, в которой каждая из сторон стремилась перехитрить другую за счет союза с третьей.

В 1925 г. после целого ряда реорганизаций в Московском университете был образован этнологический факультет, на котором существовали три кафедры по проблемам новой истории: кафедра истории эпохи промышленного капитализма (зав. С.М. Моносов), истории эпохи империализма (Н.М. Лукин) и истории социализма и рабочего движения (В.П. Волгин). К 1930 г. они были объединены в единую кафедру новой истории стран Запада, которой заведовал Н.М. Лукин. После кончины М.Н. Покровского в 1932 г. он стал фактическим руководителем советских историков и занимал с начала 30-х годов весьма жесткую и ортодоксальную позицию, настаивая на том, что каждого антимарксиста следует считать потенциальным вредителем и даже врагом народа. Особенно резко отзывался Лукин о Карееве, обвиняя его в «целом ряде антимарксистских вылазок»¹³.

С восстановлением в мае 1934 г. в Московском университете исторического факультета, в его составе была создана и кафедра истории Нового времени под руководством Н.М. Лукина, фактического ее основателя. Заместителем его стал В.М. Далин. В состав кафедры вошли крупнейшие отечественные специалисты по зарубежной истории — Г.С. Фридлянд, А.В. Ефимов, В.М. Хвостов, Х.Г. Лурье, С.Б. Кан, П.С. Виноградская. Большинство из них, однако, работали в университете по совместительству. Репрессии 1937—1938 гг. тяжело отразились на коллективе кафедры. В конце 30-х годов его состав почти полностью изменился. Н.М. Лукин как «близкий друг» Н.И. Бухарина, о чем говорилось в его деле, летом 1938 г. был арестован и скончался в заключении в июле 1940 г. Бесследно исчез и его большой личный архив¹⁴. По обвинению в связях с троцкистами еще в 1937 г. были арестованы и приговорены к продолжительным срокам заключения специалисты по истории Франции В.М. Далин и Г.С. Фридлянд — первый декан исторического факультета. В 1939 г. кафедрой стал руководить специалист по марксизму и I Интернационалу М.С. Зоркий, павший осенью 1941 г. в боях под Москвой. В 1942 г. на фронте погиб и первый крупный отечественный специалист по истории Латинской Америки В.М. Мирошевский. Его монография «Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810)» была опубликована уже посмертно, в 1946 г. В первые послевоенные годы с кафедрой активно

¹² Иванов Л.Н. Мировая политика после Версаля. М.: Л., 1927; *Он же*. Лига Наций. М., 1929; *Он же*. Морское соперничество империалистических держав. М.: Л., 1936.

¹³ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 48.

¹⁴ Подробнее см.: Дунаевский В.А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина (1885—1940) // Новая и новейшая история. 1990. № 6.

сотрудничали видные специалисты по истории Нового времени В.М. Хвостов, А.С. Ерусалимский, И.С. Завич, Л.И. Зубок, Е.А. Степанова.

В эти годы раскрылся талант выдающегося представителя московской аграрно-исторической школы Владимира Михайловича Лавровского (1891–1971). В работе «Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в.» (1935) он первым обратился к воссоздающей детальной картине распределения земельной собственности приговорам об огораживаниях — этому труднейшему из-за его бесконечной дробности источнику, сложность работы с которым усугублялась нелегкой задачей истолкования крайне зыбких терминов. Но выводы, сделанные Лавровским, были тщательно аргументированы. Он подсчитал, что из общей площади в 91775 акров огороженной земли 55,9% принадлежало короне и дворянству, духовенство получило 15,6%, а на долю собственников крестьянского типа оставалось всего 22,5% огороженных площадей.

В.М. Лавровский сделал важный вывод о том, что двучленное феодальное классовое деление сельского общества средних веков — крупные землевладельцы и зависимые от них крестьяне — к началу XIX в. сменилось новым, трехчленным делением, присущим капитализму: крупные земельные собственники, капиталисты-арендаторы и наемные сельские рабочие.

В 1943–1944 гг. кафедрой руководил Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971), первый крупный отечественный американист. В 1934 г. он опубликовал исследование «К истории капитализма в Соединенных Штатах», в котором были поставлены основные теоретические проблемы развития американского капитализма. Это исследование оказало огромное влияние на дальнейшее поколение советских американистов. Работы А.В. Ефимова стали отправной точкой отечественной американистики, молодой и тогда очень идеологизированной и полтигизированной дисциплины. Становление отечественной американистики связано также и с именем Льва Израилевича Зубока (1896–1967), 13 лет прожившего в Соединенных Штатах и много лет читавшего в университете лекции по американской истории, в которых он стремился сохранить хотя бы минимальную объективность. Его первое крупное исследование «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, 1900–1939» (1948) давало детальный анализ методов и эволюции внешней политики США и встретило положительный отклик в научных кругах. Но как раз тогда развернулась кампания борьбы с «космополитизмом», и книга подвергшегося «проработке» Зубока была несправедливо раскритикована, а сам он был вынужден покинуть МГУ. Другая книга ученого «Очерки истории США (1877–1918)» (1956), несмотря на неизбежный в те годы резко критический тон, навсегда вписала его имя в отечественную американистику. В очерках были освещены социально-экономические проблемы истории США в 1877–1918 гг., вопросы развития довоенного империализма в Соединенных Штатах, участие страны в Первой мировой войне. Конечно, в духе того времени книга содержала многочисленные «разоблачительские» выпады в адрес американского империализма, без которых она не могла бы появиться в печати. Но было и другое — многочисленные и неизвестные у нас ранее данные о бурном развитии американской экономики, успехах ее науки и техники.

В еще одной солидной монографии, основанной на архивных материалах, Зубок дал комплексный анализ внешней политики США¹⁵. продемонстрировав глубокое знание фактического материала, он убедительно и выпукло показал назревание большого конфликта, который уже маячил на горизонте мировой политики.

В число «безродных космополитов» попал и профессор кафедры И.С. Звавич, автор ряда работ об американских и британских историках, не только вынужденный покинуть университет, но и высланный из столицы.

В 1944 г. А.В. Ефимова на посту заведующего кафедрой сменил Федор Васильевич Потемкин (1895—1973), докторская диссертация которого, опубликованная в виде монографии¹⁶, детально описывала события двух восстаний лионских ткачей. Но содержание книги было шире названия. Автор дал глубокий анализ общего экономического положения Франции в начале 30-х годов XIX в. Он отметил своеобразие процесса зарождения крупного машинного производства во Франции, которое выразилось в сохранении множества пролетариев, имеющих сельскохозяйственные наделы, а также относительно медленных по сравнению с Англией темпах промышленного переворота и живучести различных форм ручного труда. Полувековое изучение промышленной революции во Франции завершилось появлением монументального исследования на эту тему¹⁷. Двухтомная монография включила в себя все, что было сделано Потемкиным в изучении этого вопроса и была основана на огромном количестве источников из Национального архива Франции. Но замысел автора оказался непомерным, так как невозможно в рамках одного, даже крупного исследования охватить все стороны такого огромного исторического явления. Вне поля зрения остались некоторые отрасли экономики — транспорт, финансы, экономическая политика государства. Но тем не менее эта монография до сего времени остается непревзойденной в отечественной науке по широте охваченного материала.

В 1946 г. кафедру новой истории возглавил Борис Федорович Поршнев (1905—1972) — один из самых оригинальных и разносторонних отечественных историков, доктор как исторических, так и философских наук, автор многих почти всегда вызывавших широкий интерес и дискуссии исследований не только по истории Нового времени, международных отношений и средневековой истории, но и по этнографии, антропологии, политэкономии. Среди его исторических работ особенно выделяется удостоенная в 1950 г. Государственной премии СССР книга «Народные восстания перед Фрондой (1623—1648)» (1948), вызвавшая оживленную дискуссию о сути и понимании французского абсолютизма, а в более широком плане — феодализма вообще. Автор выдвинул оспариваемый многими историками тезис о чисто дворянском характере абсолютизма, считая его средством защиты феодалов от народных движений и возрастающей

¹⁵ Зубок Л.И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969.

¹⁶ Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.

¹⁷ Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 1 — 2.

роли буржуазии. Согласно концепции Поршнева, Фронда являлась неудавшейся раннебуржуазной революцией. Его оппоненты (С.Д. Сказкин, А.Д. Люблинская), напротив, подчеркивали исторически прогрессивную роль абсолютизма и его связь с буржуазным развитием Франции. Против оценки Поршневым народных движений перед Фрондой как проявления классовой борьбы активно выступил известный французский историк Ролан Мунье, что привело к их многолетней полемике. Но, во всяком случае, большой заслугой Поршнева было то, что он выявил множество неизвестных прежде народных движений во Франции середины XVII в. Небесспорными были и его концептуальная работа «Феодализм и народные массы» (1964), и новаторский труд «Социальная психология и история» (1966), и целый ряд других произведений, поскольку в них иногда проступала тенденция к чрезмерной антропологизации исторического процесса и преувеличению роли классовой борьбы в истории.

С кафедрой постоянно и активно сотрудничал один из крупнейших отечественных историков, академик Евгений Викторович Тарле (1874—1955), автор таких фундаментальных трудов, как «Наполеон» (1936), «Жерминаль и прериаль» (1937), «Талейран» (1939), «Северная война и шведское нашествие на Россию» (1958). В годы войны была опубликована его двухтомная монография «Крымская война» (1941, 1943), самое капитальное исследование на эту тему, за которое в 1943 г. он получил Государственную премию. Хотя Тарле являлся скорее ленинградским, а не московским историком, он регулярно читал в МГУ лекционные курсы по истории международных отношений, руководил дипломниками и аспирантами, вел семинарские занятия. В 1942 г. будущий академик А.Л. Нарочницкий защитил на кафедре докторскую диссертацию «Дипломатия якобинской диктатуры». Тесные связи с кафедрой всегда поддерживал и будущий академик, долгие годы возглавляющий журнал «Новая и новейшая история», Г.Н. Севостьянов. В 1959 г. он защитил в МГУ докторскую диссертацию «Политика империалистических держав на Дальнем Востоке (июль 1937 — декабрь 1941 гг.).

Первые послевоенные годы были трудными для кафедры. Фактически она не имела постоянного штатного состава, а педагогическую работу в основном вели ученые из Академии наук. Но и тогда к столетию революции 1848 г. был подготовлен сборник статей, раскрывающих различные ее аспекты — от международных отношений до роли политической французской прессы¹⁸. Как правило, заведующие кафедрой оставались на этом посту не более двух лет. Так, Поршнева уже в 1948 г. сменил один из крупнейших отечественных германистов Аркадий Самсонович Ерусалимский (1901—1965), получивший за свой фундаментальный и богатейший по фактическому материалу труд «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века» (1948) Государственную премию. В 1950—1952 гг.

¹⁸ К столетию революции 1848 года. Под ред. проф. Б.Ф. Поршнева и доц. Л.А. Бендриковой. М., 1948. Примечательно, что в него вошли даже две наиболее яркие дипломные работы — А.А. Тремблнкой «Политическая иллюстрированная пресса во французской революции 1848 года» и Р.Я. Цирульник «Некоторые свидетельства русских современников о революции 1848 г. во Франции».

обязанности заведующего исполнял молодой кандидат наук, автор диссертации об английском рабочем движении, будущий советник первого и единственного советского президента М.С. Горбачева А.С. Черняев. Лишь с 1953 г. с приходом Ильи Саввича Галкина (1898—1990) положение изменилось. Крупный организатор науки И.С. Галкин был ректором МГУ в трудные военные и первые мирные годы (1943—1948) и руководил кафедрой в течение 27 лет до 1980 г. Его опубликованная на основе докторской диссертации монография «Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции, 1908—1912 гг.» (1956) стала заметным явлением в отечественной исторической науке. На базе большого архивного материала Галкин рассмотрел движение народов Балканского полуострова и как национально-освободительную борьбу против турецкого ига, и как борьбу за экономическое освобождение от оков феодализма и развитие свободного капиталистического хозяйства. В книге была показана особая сложность балканского вопроса в начале XX в., вызванная тем, что национально-освободительное движение попало в орбиту противоречий между враждебными коалициями крупных европейских держав — Антантой и Тройственным Союзом. Важное значение имел вывод автора о том, что сложившийся в 1912 г. Балканский союз монархических государств был направлен не только против Османской империи, но и против демократических движений балканских народов.

Когда И.С. Галкин стал руководителем кафедры, в ее составе было только семь работников и всего один штатный профессор — И.Д. Белкин, специалист по французскому социалистическому движению, защитивший в 1947 г. докторскую диссертацию и выступивший на ее основе монографию о выдающемся деятеле рабочего движения Жюлье Гед¹⁹. Разумеется, в духе того времени угол зрения был резко критическим, и Гед характеризовался главным образом как оппортунист и реформист. На кафедре работали также четыре доцента — Н.Е. Застенкер, К.Ф. Мизиано, Л.А. Бендрикова и Г.Г. Толмачев. Ученые кафедры занимались историей всего трех стран — Франции, Германии и Италии. Поэтому для работы по совместительству были приглашены профессора В.М. Хвостов (международные отношения), Н.Н. Любимов (история Великобритании), А.С. Ерусалимский (история Германии), И.М. Майский (история Испании), Г.Е. Штейн (история Италии), Л.Н. Иванов (история США, международные отношения), Б.Ф. Поршнев (история Франции), А.А. Губер (история Латинской Америки), Л.И. Зубок (история США). Главной и неотложной задачей кафедры стала подготовка своих специалистов по новой и новейшей истории основных стран Европы и Америки.

В конце 50-х — начале 60-х годов в аспирантуре для подготовки диссертаций и дальнейшей научно-педагогической работы были оставлены наиболее талантливые и подающие большие надежды студенты, в будущем авторитетные историки — А.В. Адо, И.В. Григорьева, И.П. Деметьев, Е.Ф. Язков, М.М. Зальшкин, В.П. Смирнов. В начале 60-х годов состав кафедры пополнили защитившие кандидатские диссертации Л.Н. Еремин (история

¹⁹ Белкин И.Д. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952.

Англии), А.И. Строганов (история Аргентины), а доцентами кафедры стали уже известная в научных кругах как знаток британской истории Н.М. Мещерякова и специалист по истории Колумбии и всей Латинской Америки, а также — истории Испании в Новое время Э.Э. Литаврина. В эти же годы на кафедре начали преподавать А.Д. Колпаков и О.С. Сороко-Цюпа, который хотя и окончил Институт востоковедения и изучал историю Кореи, настолько заинтересовался историей Канады, что в 1975 г. защитил по этой теме докторскую диссертацию³⁰. К середине 60-х годов важнейшая задача формирования и укрупнения кафедры в основном была завершена. Огромная заслуга в решении этой проблемы принадлежала И.С. Галкину, поскольку большинство новых работников не были москвичами и стоило больших трудов, чтобы добиться для них столичной прописки. Только огромная энергия И.С. Галкина и активное содействие тогдашнего ректора МГУ И.Г. Петровского помогли, вопреки всем бюрократическим препонам, решить эту непростую проблему. Значительно расширилась тематика исторических исследований. Ученые кафедры начали изучать историю Италии, Испании, Румынии, Ирландии, Канады, стран Латинской Америки. Сложилась и стала особенно быстро развиваться американистика. Повышению уровня исследований в огромной степени способствовало то, что благодаря многолетним и настойчивым усилиям И.С. Галкина, молодые преподаватели кафедры направлялись на длительные стажировки в изучаемые ими страны для сбора материала, улучшения языковой подготовки и просто знакомства со страной. Трудно переоценить важность этих перемен. Именно стажировки и работа в зарубежных архивах позволили создать глубокие исследования, которые не утратили своего научного значения и поныне.

В середине — второй половине 70-х годов произошла еще одна заметная смена научных поколений. Штаб работников кафедры пополнили молодые выпускники ее аспирантуры, ставшие впоследствии известными специалистами по истории США (Л.В. Байбакова, А.С. Манькин, Ю.Н. Роголев, В.И. Терехов), Великобритании (С.А. Соловьев), Германии (А.И. Патрушев), Греции (Т.В. Никитина), Франции (Е.И. Федосова). Кафедра постепенно превратилась в одну из самых крупных на истфаке и насчитывает сейчас около 50 профессоров, преподавателей и сотрудников.

По инициативе И.С. Галкина на кафедре появилось новое и очень перспективное направление исследований по историографии. В 1967—1968 гг. под его редакцией был опубликован уникальный для того времени двухтомник «Историография нового времени стран Европы и Америки» и «Историография — новой и новейшей истории стран Европы и Америки». Издание, аналогичного которому в мировой исторической науке тогда не существовало, носило, по сути, международный характер: в числе авторов были ученые из ГДР, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии. В рецензии на него в главной газете СССР «Правда» академик В.М. Хвостов писал, что «историографический труд такого масштаба издается впервые. Его значение выходит за

³⁰ См.: *Сороко-Цюпа О.С.* Рабочее движение в Канаде, 1929—1939. М., 1977.

рамки потребностей преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, учителей истории или ученых историков»²¹. За руководство авторским коллективом и редактирование этого труда в 1970 г. И.С. Галкину была присуждена Ломоносовская премия. В 1977 г. на основе этого двухтомника учеными кафедры был создан более компактный учебник «Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки». Наконец, в 1990 и 2000 гг. вышли два тома нового, полностью переработанного учебного пособия по историографии²². Они синтезировали новейшие достижения отечественных и зарубежных ученых, отразили современные теоретико-методологические подходы к изучению мировой исторической мысли. Авторы отказались от жесткого классово-партийного освещения зарубежной исторической науки, от традиционных политических клише и стереотипов. В новом издании эволюция теоретико-методологических основ европейской и американской историографии XV—XX вв. рассматривается как процесс смены различных научных парадигм западного историзма: просвещения, романтизма, позитивизма, неокантианства, «новой научной истории», которые имели в различных странах свои национальные особенности. Определенное место в этой структуре занял и марксизм как одна из теоретико-методологических концепций. В положительных в целом рецензиях на это издание группы историков Казанского университета (Новая и новейшая история. 1992. № 3), профессора З.Н. Чеканцевой (Вопросы истории. 2001. № 9), профессора Н.И. Смоленского (Новая и новейшая история. 2002. № 1), отмечалось, что оно представляет собой «крупное достижение отечественной исторической науки» и является «самым солидным из того, что есть в современной учебной литературе по историографии новой и новейшей истории».

Историографические труды создали основу для улучшения преподавания историографии Нового и новейшего времени в высшей школе и дали мощный импульс ее дальнейшему развитию. Они представили широкую панораму движения исторической мысли и исторической науки от эпохи Ренессанса до начала XXI в. Эти работы были основаны на оригинальных исследованиях и сочетали хронологический и проблемно-страноведческий принципы.

Был создан и ряд монографических исследований по историографии. Первой крупной работой по американской исторической науке стала написанная на основе кандидатской диссертации книга Игоря Петровича Дементьева (1925—1998) «Американская историография гражданской войны в США (1861—1865)» (1963). Автор детально показал сложную и неоднозначную эволюцию американских исследований по гражданской войне на протяжении целого столетия, проанализировав в числе прочих концепцию рабства У. Филлипса, взгляды лидера прогрессистского направления Ч. Бирда и его противников из школ «консервативного ревизионизма» и «южных бурбонов».

²¹ Правда. 1969. 6 февраля.

²² Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. проф. И.П. Дементьева. М., 1990; Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. проф. И.П. Дементьева и проф. А.И. Патрушева. М., 2000.

Много лет проработавшая на кафедре новой и новейшей истории доктор исторических наук Л.А. Бендрикова выпустила в 1969 г. обстоятельную монографию «Французская историография революции 1848—1849 годов во Франции». В 1978 г. И.В. Григорьева на базе своей докторской диссертации опубликовала первую в отечественной науке монографию о выдающемся деятеле итальянского и международного рабочего движения — «Исторические взгляды Антонио Грамши». Особое внимание автора было обращено на тот факт, что исторический материализм являлся для Грамши не только методологией истории, но и философией марксизма, с позиций которой он критиковал взгляды крупнейшего представителя идеалистического историзма в итальянской культуре Бендетто Кроче. И.В. Григорьева отметила важность проведенного Грамши разделения между господством, основанным на принуждении, и гегемонией, предполагающей согласие со стороны ведомых классов добровольно предоставить роль ведущего какому-либо одному слою. Большим достоинством книги являлось то, что она выходила за рамки чисто итальянской темы и ставила читателей перед более широкими проблемами соотношения свободы и необходимости, современности и исторической традиции, политики и этики, прошлого и настоящего. В монографии кандидата исторических наук В.С. Посконина (1953—1994) «Французская публицистика и историография «красного мая» 1968 г.» (1982) были подробно показаны основные направления французской историографии, посвященной знаменитому социально-политическому кризису мая — июня 1968 г. прежде всего в Париже. Он выделил и охарактеризовал основные концепции марксистской, левацкой, буржуазной и социал-реформистской литературы, проследив ее эволюцию на основе нового материала. И.С. Галкин в 1977 г. опубликовал работу «В.И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки», дав исчерпывающий очерк развития советской историографии за 60 лет, а также университетского исторического образования и деятельности различных исторических учреждений. Он же в книге о Н.М. Лукине²³, несколько идеализирующей этого крупного ученого, привел ряд неизвестных ранее сведений о его деятельности и роли в становлении и развитии советской исторической науки.

Две монографии по германской историографии написал профессор А.И. Патрушев²⁴. В первой был проанализирован процесс перехода в 60-е годы лидирующего положения в историографии ФРГ от консервативного направления к неолиберальному. Автор показал поворот неолиберальных историков к анализу социальных аспектов исторического процесса, их стремление синтезировать индивидуализирующий и генерализирующий методы исторического исследования. В монографии о Максе Вебере был освещен огромный вклад этого выдающегося ученого и мыслителя в развитие социальных наук. В литературе отмечалось, что появление этой работы «знаменует собой определенную веху в изучении наследия Вебера, поворот к

²³ Галкин И.С. Н.М. Лукин — революционер, ученый. М., 1984.

²⁴ Патрушев А.И. Неолиберальная историография ФРГ. Формирование, методология, концепции. М., 1981; *Он же*. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.

более глубокому и современному прочтению его»²⁵. Автор подчеркивал, что значение Вебера заключается в том, что он заложил основы новой, теоретической и объясняющей модели историографии и стремился синтезировать для этого наиболее плодотворные элементы неокантианства, позитивизма и материалистического понимания истории.

В книге М.И. Орловой «Германская революция 1918 – 1919 гг. в историографии ФРГ» (1986) была дана панорама практически всех основных концепций революции в западногерманской исторической науке. Особое внимание уделялось очень спорной и противоречивой концепции социал-реформистского направления, сторонники которого считали, что в период революции существовала возможность «третьего пути» — сочетания демократического парламентаризма и системы рабочих Советов. Доцент Л.В. Овчинникова опубликовала работу о западногерманской историографии Веймарской республики²⁶.

Кафедра новой и новейшей истории исторического факультета Московского университета постоянно уделяла большое внимание созданию учебников и учебных пособий для студентов. Еще в 1939 г. было издано большое учебное пособие по новой истории²⁷. В 1945 г. А.В. Ефимов выпустил курс лекций по новой истории в двух частях. В 1973 и 1974 гг. появились учебники по второму периоду новой истории и первому периоду новейшей истории, за которыми последовал учебник по второму периоду новейшей истории. Были изданы также пособия по истории отдельных стран²⁸. В последние годы опубликованы и постоянно дорабатываются учебники «История новейшего времени стран Европы и Америки, 1918—1945 гг.» (1989), «История новейшего времени стран Европы и Америки, 1945—1990 гг.» (1993, 2002), «Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.», «Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1984). За учебник по источниковедению его автор, профессор И.В. Григорьева, получила Ломоносовскую премию 2-й степени. В этом произведении квалифицированно и исчерпывающе рассказывается о том, какие виды источников существуют и как с ними надо работать.

В настоящее время под руководством Е.Ф. Язькова завершается подготовка учебника по новейшей истории стран Европы и Америки в 1918 – 1945 гг. Во главе с В.С. Бондарчуком начата авторская работа над принципиально новым по построению и проблемности учебником новой истории первого периода, поскольку издание 1986 г. уже во многом не отвечает современному уровню развития мировой исторической науки.

На кафедре были подготовлены новые учебные пособия по истории отдельных стран. Н.В. Сивачев и Е.Ф. Язьков написали вышедшую двумя

²⁵ См.: Уроки Макеа Вебера. М., 1995. С. 8.

²⁶ *Овчинникова Л.В.* Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983.

²⁷ Новая история: Учеб. пособие для исторических ф-тов вузов. М., 1939. Ч. 1. 2. Ч.1: 1789–1870 гг. / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова, Ф.А. Хейфена; Ч. 2: 1870–1918 гг. / Под ред. Е.В. Тарле, А.В. Ефимова, Ф.И. Поговича, В.М. Хвостова.

²⁸ *Мочаловский Н.Ф.* Англия на первом этапе общего кризиса капитализма. М., 1955; *Бендрикова Л.А.* Франция в 1929 – 1939 гг. М., 1957; *Орлова М.И.* Германия 1918 – 1939 годов. М., 1973.

изданиями «Новейшую историю США» (1972, 1980). Профессор В.П. Смирнов опубликовал в 1979 г. обстоятельную «Новейшую историю Франции», где рассмотрел основные проблемы экономики, политики и культуры Франции. В 1985 г. профессор О.С. Сороко-Цюпа (1927 – 2000) написал первую в отечественной науке обобщающую «Историю Канады», в которой был тщательно проанализирован ряд сквозных для его работы тем – партийно-политическая структура, рабочее движение, подъем и упадок движения канадских фермеров, внешняя политика страны, нерешенная франко-канадская проблема или так называемая «проблема Квебека». Самое пристальное внимание автор уделил малоисследованной у нас национально-освободительной революции 1837 – 1838 гг., ставшей одним из ярчайших событий борьбы Британской Северной Америки против колониального режима. В 1998 г. Е.Ф. Язьков опубликовал содержательный курс лекций «История стран Европы и Америки в новейшее время (1918– 1945)», в котором освещены не только узловые проблемы первого периода новейшей истории, но и идущие сейчас острые историографические дискуссии по этим вопросам. В рецензии на книгу (Вопросы истории, 2002, № 10) отмечалось, что она очень полезна не только студентам, но и специалистам-историкам, поскольку отличается объективным взвешенным рассмотрением актуальных проблем новейшей истории и новым подходом к ним.

В подготовке учебных пособий в последние годы наметился большой сдвиг. Достигнуто соглашение с крупнейшим в России педагогическим издательством учебной литературы «Дрофа» о выпуске целой серии работ по истории отдельных стран в XX в. Уже появились «Франция в XX веке» В.П. Смирнова (2001) и «Латинская Америка в XX веке» А.И. Строганова (2002), ставшая, к сожалению, его посмертной публикацией. В издательстве завершается редакторская работа над книгой «Германия в XX веке» А.И. Патрушева. Готовятся аналогичные пособия по истории Италии, Испании, США, Великобритании. Учеными кафедры издаются также популярны и рассчитанные на массового читателя книги по истории отдельных стран за все время их существования. Недавно опубликована «Германская история» А.И. Патрушева. В ближайшее время выходит «История Латинской Америки» О.И. Посконной. На очереди — история Франции, Великобритании, Испании, Италии.

Еще одним важным направлением работы кафедры является участие ее сотрудников в подготовке школьных учебников. Это тоже давняя традиция. Еще в 1933 г. А.В. Ефимов опубликовал свой первый учебник для средней школы²⁹. В 1940 г. появился другой учебник по новой истории в двух частях, написанный А.В. Ефимовым, И.С. Галкиным, Л.И. Зубоком, Ф.И. Потовичем, В.М. Хвостовым. До 1959 г. этот учебник, по которому занимались многие поколения школьников, выдержал 18 изданий. В последние годы после длительного перерыва эта работа была продолжена. В 1996 г. вышло учебное пособие для 10 – 11 классов «Мир в XX веке» (авторы —

²⁹ Ефимов А.В. История. Эпоха промышленного капитализма: Учебник для средней школы 8 и 9 года обучения. М., 1933.

О.С. Сороко-Цюпа, В.П. Смирнов, В.С. Посконин, А.И. Строганов). Кандидат исторических наук Л.А. Пименова является одним из авторов школьного учебника совершенно нового типа³⁰.

С 1980 по 1983 г. кафедру возглавлял крупнейший отечественный американист Николай Васильевич Сивачев (1934—1983), специалист по социальной и рабочей политике в США³¹. Написанная им совместно с Н.Н. Яковлевым книга «Россия и Соединенные Штаты. Американско-советские отношения с советской точки зрения» была специально заказана авторам Чикагским университетом и опубликована в 1979 г. Повышенное внимание Сивачева вызвала малоизвестная тогда в нашей науке проблема — социальная и рабочая политика в США и развитие государственно-монополистического капитализма. Его многочисленные работы³² по этой теме явились новаторскими в отечественной американистике, поскольку многие советские историки и юристы подвергали сомнению само понятие «рабочая политика буржуазного государства», полагая, что ее вообще не может быть. Н.В. Сивачев уделил самое пристальное внимание теоретическим аспектам этой проблемы и убедительно доказал, что рабочая политика является весьма важной составной частью политики современных западных государств. В созданной им на базе докторской диссертации монографии «Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны» (1974) он выявил тесную связь государственного курса в рабочем вопросе не только с борьбой трудящихся за свои права, но и с эволюцией самого американского капитализма, отнюдь не застывшего на месте в своем развитии. Автор также обосновал концепцию трех основных этапов рабочей политики американского государства. На первом, в период «свободного капитализма», в ней доминировали грубые и примитивные методы. На втором, который начался с вступлением США в монополистический период, методы стали более изощренными, а рабочему классу делались определенные уступки. Начало третьего этапа связано с «новым курсом», когда рабочая политика становится составной частью государственного регулирования и формируется гибкий механизм сочетания в ней репрессивных и либерально-реформистских методов. Очень богатой по содержанию была последняя работа Н.В. Сивачева «США: государство и рабочий класс (от образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны)» (1982), охватывшая отношения между трудом, капиталом и государством за огромный исторический период.

В середине 70-х годов Н.В. Сивачев возглавил группу по изучению истории двухпартийной системы США. За несколько лет появилось множество публикаций, посвященных различным аспектам этой проблемы. В итоге работы группы была создана цельная и логичная концепция главных этапов и принципов функционирования двухпартийной системы.

В 1974 г. за участие в коллективном труде «История рабочего движения в США в новейшее время» (2 тома, 1970, 1971) Н.В. Сивачев вместе с

³⁰ Дмитриева О., Пименова Л., Шукуров Р. От средневековья к новому времени: Экспериментальный учебник для VIII класса. М., 1997.

³¹ Подробнее о Н.В. Сивачеве см.: Манькин А.С., Соэрин В.В. Николай Васильевич Сивачев (1934–1983) // Новая и новейшая история. 1989. № 1.

³² Например: Сивачев Н.В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966; Он же. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972; Он же. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974.

Е.Ф. Язьковым получил Государственную премию СССР, а в 1975 г. за серию исследований «Рабочее движение, антимонополистическая борьба в США в эпоху империализма» — вместе с Е.Ф. Язьковым и И.П. Дементьевым — Ломоносовскую премию.

Много усилий пришлось приложить Н.В. Сивачеву для осуществления проекта, по которому с 1974 г. ведущие американские профессора читают студентам кафедры по программе фонда Фулбрайта семестровый лекционный курс по темам своих научных исследований и принимают затем экзамен. В своих воспоминаниях И.С. Галкин писал о том, с какой недоверчивостью в марте 1947 г. корреспондент «Нью-Йорк Таймс» отнесся к его словам, что в стенах Московского университета в недалеком будущем вполне возможно «чтение лекций буржуазного профессора по истории или философии»³³. Но спустя четверть века, благодаря инициативе и энергии Н.В. Сивачева, активной поддержке руководства МГУ и готовности к сотрудничеству с американской стороны, эта, казалось бы, фантастическая идея превратилась в реальность и стала обычной практикой.

После безвременной кончины Николая Васильевича с 1983 г. кафедрой руководит лауреат Государственной и Ломоносовской премий, почетный член Американской исторической ассоциации, президент Российской исторической ассоциации по изучению проблем США, доктор исторических наук, профессор Евгений Федорович Язьков. Его перу принадлежит вышедшее в 1974 г. капитальное исследование «Фермерское движение в США (1918—1929 гг.)», в котором дается широкая панорама одного из важных периодов упорной борьбы американского фермерства против засилья монополий и корпораций. Автор отметил, что еще в 20-е годы, в период расцвета индивидуалистических настроений в обществе, американские фермеры выступили с планом государственного регулирования аграрных отношений, ставшим позднее составным элементом «нового курса» президента Ф.Д. Рузвельта. В своем исследовании Е.Ф. Язьков использовал не привлекавшийся никем архивный источник — письма американских фермеров, зримо отражавшие их мысли, настроения и чаяния.

Американисты, создавшие в 1977 г. при кафедре новой и новейшей истории Лабораторию по истории США, внесли большой вклад в изучение малоисследованной тогда в отечественной науке проблемы — американской партийно-политической системы. На протяжении двухвековой американской истории именно партии постоянно находились в центре политической жизни страны. Особое внимание коллектив лаборатории уделил выявлению системных принципов и основных факторов становления двухпартийной системы. С 1978 г. лаборатория стала почти ежегодно выпускать коллективные междисциплинарные сборники «Проблемы американистики», авторами которых являются не только сами члены лаборатории, но и ученые с других факультетов МГУ, из разных вузов и академических институтов. Среди появившихся выпусков особо выделяются тематические сборники «США в эпоху империализма: некоторые тенденции социально-экономического и общественно-политического развития» (1987), «Современный этап кризиса ГМК в США: экономика, политика, идеология» (1988), «Милитаризм в

³³ Галкин И.С. Тропами моей жизни. Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 115.

США» (1989), «Консерватизм в США: прошлое и настоящее» (1990), «Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура» (1993), «Либеральная традиция в США и ее творцы» (1997). Итоги работы лаборатории были подведены в двухтомном труде «Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции» (1988—1989). Целая серия конкретных исследований³⁴, в которых были рассмотрены деятельность американских политических партий, эволюция двухпартийной системы и ее роль в проведении того или иного политического курса, позволила сделать важный теоретический вывод о том, что одним из принципиальных аспектов деятельности этой системы является принцип противоречивого взаимодействия. По фундаментальным вопросам партии исходят из взаимного согласия, но в вопросе о методах достижения поставленных целей между ними существуют заметные различия. Однако общий политический курс формировался именно в рамках двухпартийной системы, которая приводила в равновесие частные и общественные социальные интересы. Богатством фактического материала выделяются монографии докторов исторических наук А.С. Маныкина «История двухпартийной системы США» (1981), «“Эра демократов”: партийная перегруппировка в США, 1933 — 1952» (1990) и Л.В. Байбаковой «Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.)» (2002), положенная в основу ее докторской диссертации. В книгах Маныкина дается общая характеристика механизма функционирования американской двухпартийной системы. Автор уделил большое внимание политическим маневрам двухпартийной системы в отношении массовых движений и третьих небольших партий. Л.В. Байбакова на новом и богатом материале показала эволюцию стратегии и тактики двух попеременно правящих партий, их роль в формировании экономической политики государства, провела интересный анализ популистской партии, само появление которой явилось симигмом назревания кризисных тенденций в двухпартийной системе. В ряде опубликованных в последние годы статей Е.Ф. Язькова³⁵ дается новая и более сбалансированная оценка опыта функционирования двухпартийной системы США. В них убедительно доказано, что эта система и весь партийно-политический механизм способны в той или иной мере отражать интересы общества в целом, а не только его отдельных слоев. Новым шагом в развитии университетской американистики явилось создание в 1995 г. под руководством Е.Ф. Язькова Ассоциации изучения США с целью координации работы над отдельными проектами и публикации их

³⁴ Политические партии США в новое время. М., 1981; Политические партии США в новейшее время. М., 1982; *Байбакова Л.В.* Двухпартийная система США в период «позолоченного века». М., 1996; *Она же.* Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество. М., 2002; *Галкин И.В.* На пути к Белому дому: из истории демократической партии США. М., 1991; *Маныкин А.С.* История двухпартийной системы США. М., 1981; *Она же.* «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США, 1933–1952. М., 1990; *Никонов В.А.* От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М., 1984; *Она же.* Республиканцы: От Никсона к Рейгану. М., 1988; *Терехов В.И.* Республиканцы у власти: социально-экономическая политика Эйзенхауэра. М., 1984; *Трояновская М.О.* США: у истоков двухпартийной системы. М., 1989; *Либеральная традиция в США и ее творцы.* М., 1997.

³⁵ *Язьков Е.Ф.* Американский либерализм: прошлое и настоящее // Американское общество на пороге XXI века. М., 1995; *Она же.* Новый курс Ф.Рузвельта и его место в истории США // Новый курс Рузвельта: значение для США и России. М., 1996.

результатов в условиях значительного сокращения государственного финансирования. Хорошей традицией стали периодические научные конференции Ассоциации изучения США. В 1995 г. в университете состоялась международная научная конференция «США на пороге XXI в.: итоги развития, проблемы, перспективы». В ней приняли участие историки, филологи, юристы, философы, социологи, политологи, искусствоведы из многих городов России, Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана. Среди участников конференции была и группа американских ученых во главе с председателем Ассоциации американских исследований Полом Лаугером. Материалы конференций публикуются Издательством Московского университета. Так, пятая конференция (1997) обсуждала весьма важную и актуальную проблему «Российская американистика в поисках новых подходов», а седьмая (2002) была посвящена очень интересной теме — «Проблема «Мы — Другие» в контексте исторического и культурного опыта США».

Американисты кафедры не замыкаются, однако, на тематике, связанной с партийно-политической системой. В основанной на материалах американских архивов работе И.П. Дементьева «Идейная борьба в США по вопросам эканации (на рубеже XIX—XX вв.)» (1973) были проанализированы размах, социальный состав и основные идеи массового антиимпериалистического движения в Соединенных Штатах. Ученик Н.В. Сивачева Ю.Н. Роголев в вышедшей в 1981 г. монографии «Крах рабочей политики Трумэна (1950 — начало 1953)» показал стремление правящих кругов интегрировать рабочее движение в рамки существующей общественной системы и правовые аспекты рабочей политики. Оригинальное исследование «Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке» (2002) опубликовала ученица И.П. Дементьева И.Ю. Хрулева. Надо сказать, что до недавнего времени обращение к религиозной тематике без непременного разоблачения церкви отнюдь не одобрялось официальной наукой. Автор показала, что пять пионерских пуританских колоний в Новой Англии явились первой попыткой создать на американской земле «град на холме» и во многом предвосхищали преобразования в самой метрополии в период английской революции середины XVII в. Особо подчеркивалось, что истоки популярных доктрин «американской исключительности» коренятся в наследии пуританизма, в его идеях мессианства и провиденциализма, о чем в ряде статей писал еще И.П. Дементьев. В книге подробно исследованы трудные для понимания теологические построения и социально-политические идеи крупнейших представителей радикального новоанглийского пуританизма — Роджера Уильямса, Томаса Хукера, Энн Хатчисон, Самюэля Гортонга.

В течение ряда лет в МГУ работали по совместительству ведущие отечественные латиноамериканисты — В.И. Ермолаев, И.А. Зорина, А.Ф. Шульговский. Ученые кафедры (С.Э. Литаврина, А.И. Строганов, А.А. Соколов) сыграли большую роль в подготовке квалифицированных специалистов по одной из самых молодых отраслей отечественной науки — латиноамериканистике. Они опубликовали ряд работ, посвященных

важным проблемам истории стран Латинской Америки³⁶. Надо отметить, что до недавнего времени практически не было крупных работ, освещающих новейшую историю Латинской Америки в целом, за исключением двухтомного издания воспитанницы кафедры Л.С. Окуновой³⁷. Этот пробел в значительной мере восполнила насыщенная огромным фактическим материалом монография А.И. Строганова «Новейшая история стран Латинской Америки» (1995), положенная в основу его докторской диссертации, защищенной в форме научного доклада³⁸. В книге органично сочетаются характеристика единого в целом процесса исторического развития Латинской Америки с показом специфики отдельных стран, прежде всего ведущих — Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили. Автор выделил три этапа модернизации стран региона — первые два десятилетия XX в., 30-е — середина 70-х годов (время революций и реформ) и последняя четверть прошлого столетия, когда на первый план выдвинулся неолиберальный вариант модернизации. К сожалению, первые латиноамериканисты кафедры рано ушли из жизни. Сейчас историей стран Латинской Америки занимаются кандидаты исторических наук В.А. Бородаев, О.Н. Докучаева, О.И. Посконина.

Что касается изучения европейских стран, то особенно интенсивно велись исследования по истории Франции. Традиции В.П. Волгина в разработке истории социалистических учений продолжил его ученик Н.Е. Застенкер (1902—1977)³⁹. Еще в 1934 г. он опубликовал небольшое, но очень содержательное сочинение «Баварская Советская республика», а в 1948 г. выпустил книгу «Революция 1848 г. во Франции» — по форме научно-популярный очерк для учителей средних школ, по содержанию — солидное научное исследование, остающееся одним из лучших отечественных исследований по политической истории французской революции 1848 г. На протяжении тридцати лет Н.Е. Застенкер читал на факультете курс истории социалистической мысли, опубликованный уже посмертно⁴⁰. Он дал аргументированную и свежую трактовку утопического социализма, подвергнув критике его уравнилельно-казарменные принципы. Н.Е. Застенкер рассматривал развитие социалистической мысли как часть общесвропейской истории и стремился тщательно и по-новому раскрыть сложную и запутанную связь экономики, политики, идеологии и психологии.

В богатой литературе по истории Франции долгое время не существовало обобщающего труда о крестьянском движении в годы революции. Поэтому появление созданной на основе докторской диссертации монографии Анатолия Васильевича Адо (1928—1995)⁴¹ стало событием не только отечественной, но и мировой историографии. На основе огромного количества документов из

³⁶ *Литаврину Э.Э.* Колумбия: социально-экономические проблемы. М., 1967; *Строганов А.И.* Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине в 1933–1936 гг. М., 1969; *Соколов А.А.* Рабочее движение Мексики (1917–1929 гг.). М., 1978.

³⁷ *Окунова Л.С.* Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. М., 1994. Кн. 1–2.

³⁸ *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке: проблемы развития и модернизации общества. М., 1997.

³⁹ О Н.Е. Застенкере см.: *Смирнов В.П.* Историк и время: штрихи к портрету Н.Е. Застенкера // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. М., 1996.

⁴⁰ *Застенкер Н.Е.* Очерки истории социалистической мысли. М., 1985.

⁴¹ *Адо А.В.* Крестьянские движения во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. Подробнее о жизни и творчестве А.В. Адо см.: *Смирнов В.П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

Французского национального архива и 11 департаментских архивов А.В. Адо впервые представил все зафиксированные в них факты массовых крестьянских выступлений и нанес их на карту, сопроводив полным списком. Принципиально важным был вывод автора о том, что в то время крестьяне одновременно вели три войны, между собой не совпадавшие: «войну против замков», т.е. против феодального строя, «войну за землю», т.е. за крестьянское землевладение, и «войну за хлеб», т.е. против дороговизны и за регламентацию цен. А.В. Адо впервые показал, что даже при якобинской диктатуре крестьяне не смогли полностью освободиться от многих унаследованных от «старого порядка» повинностей. Убедительной критике был подвергнут тезис крупнейшего французского ученого Жоржа Лефевра о консервативном характере крестьянского движения. Этим капитальным произведением А.В. Адо утвердил себя как один из лучших в мире знатоков аграрной истории революции. По предложению видного французского историка-марксиста Альбера Соболя книгу намеревались перевести и издать во Франции. Но в силу ряда причин финансового характера она была опубликована только в 1996 г., уже после кончины автора. В 1997 г. книга вышла на немецком языке в Германии. К двухсотлетию революции под руководством А.В. Адо вышла уникальная серия публикаций «Великая французская революция: Документы и исследования». По справедливому замечанию Адо, революцию долгое время изучали почти исключительно «снизу и слева». В этой же серии была предпринята новаторская попытка нарисовать широкую картину состояния и борьбы основных классов французского общества на базе новых научных подходов. Помимо двух внушительных томов уникальных документов периода революции, были изданы и оригинальные монографии. А.В. Адо подготовил для серии второе издание своей книги под названием «Крестьяне и Великая французская революция» (1987), в котором были использованы новые архивные материалы и уточнены некоторые прежние выводы и оценки автора. В частности, складывание капиталистического уклада во французской деревне он отнес теперь к более раннему периоду, а также подчеркнул, что прежде критикуемый им тезис об автономном характере крестьянского движения имеет под собой реальные основания. В книге воспитанника кафедры Е.М. Кожокина⁴² было подробно показан процесс ломки корпоративного сознания рабочих и постепенное понимание ими своего социального единства. В коллективной монографии о французской буржуазии освещались ее социальный облик, генезис самосознания и становление нового господствующего класса⁴³. Совершенно новой для отечественной историографии теме посвящалось исследование Л.А. Пименовой «Дворянство накануне Великой французской революции» (1986). В нем на основе количественных численных и лингвистического анализа французское дворянство было показано как устойчивая, но одновременно сложная и противоречивая структура французского предреволюционного общества. Интереснейший материал о восприятии революционных традиций за двести лет, о революционной символике и ее значении был приведен в книге В.П. Смирнова и В.С. Посконина «Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции 1789 - 1989» (1991). Авторы тщательно

⁴² Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985.

⁴³ Гусейнов Э.А., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М. Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989.

проследили, как на протяжении двух столетий идеалы революции отражались на самосознании французов. Много нового материала содержал раздел о проблемах преподавания истории революции в школах Франции. Фактически к этой серии примыкала и монография А.В. Тырсенко «Фельяны. У истоков французского либерализма» (1999), где впервые была обстоятельно показана деятельность этой политической группировки, выражавшей интересы крупной буржуазии и либерального дворянства, выступавших за конституционную монархию. На стыке истории Франции и истории международных отношений написана монография Е.И. Федосовой «Польский вопрос во внешней политике Первой Империи во Франции» (1980).

Новейшей историей Франции на кафедре уже много лет успешно занимается В.П. Смирнов. Его перу принадлежат несколько работ по различным проблемам истории Франции периода Второй мировой войны⁴⁴. Богатством материала и привлеченных архивных источников выделяется среди них капитальное исследование «Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны» (1974), в котором были использованы архивные документы военной контрразведки вишистского правительства и многие личные архивы участников французского Сопротивления. В.П. Смирнов опубликовал также рассчитанное на широкий круг читателей яркое и хорошо документированное повествование страноведческого плана — «Франция: страна, люди, традиции» (1988). Современным проблемам французской истории посвящена монография Н.Н. Наумовой «Голлизм в оппозиции» (1991), где проанализировано это сложное и неоднозначное явление послевоенной французской истории. В соавторстве с ней было выпущено также учебное пособие по истории Франции⁴⁵.

Среди работ по британской истории своей фундаментальностью отличается созданная на основе докторской диссертации монография профессора Н.М. Мещеряковой о сложном, долговременном и неоднозначном процессе формирования английского пролетариата⁴⁶. На обширной базе документальных источников из архивов Лондона и ряда отдельных графств она показала особое место высшего этапа мануфактурного производства в складывании особого класса наемных тружеников. Повышенное внимание автора привлекли две проблемы — методы оформления капиталистических трудовых отношений и положение мануфактурных рабочих. Н.М. Мещерякова сделала аргументированный вывод о весьма неоднозначной картине формирования пролетариата. По сложной экономической проблеме формирования государственно-монополистического капитализма в Англии написана хорошо фундированная монография С.А. Соловьева⁴⁷. Британской историей занимаются также доценты Л.Н. Еремин и Е.А. Макарова.

⁴⁴ Смирнов В.П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961; *Он же*. «Странная война» и поражение Франции. М., 1963.

⁴⁵ Кашицкая Г.И., Наумова Н.И. Борьба классов и партий во Франции в годы IV Республики (политические партии IV Республики). М., 1989.

⁴⁶ Мещерякова Н.М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). М., 1979.

⁴⁷ Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны. М., 1985.

Крупнейшее потрясение начального периода Веймарской Германии рассмотрела на базе богатого архивного материала М.И. Орлова в книге «Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии» (1973). Хотя в духе того времени политика компартии подавалась в несколько приукрашенном виде, М.И. Орлова отнюдь не отрицала значительных ошибок и просчетов ее руководства. Ее перу принадлежит также небезысая работа о драматическом финале недолгой по историческим меркам истории ГДР⁴⁸. Обобщающую работу «Германия в XX веке» (2002) написал доктор исторических наук А.Ю. Ватлин. Эта историко-публицистическая книга содержит современный взгляд на основные проблемы германской истории XX столетия, хотя некоторые суждения автора носят, возможно, чрезмерно политизированный и категоричный характер. Но приведенный в книге большой и свежий фактический материал делает ее весьма полезной для студентов гуманитарных специальностей и всех читателей, интересующихся историей этой европейской страны.

Аграрные проблемы итальянской истории получили подробное освещение в книге В.С. Бондарчука, пока единственным крупном исследовании этого сюжета⁴⁹. На большом материале, собранном автором, показан значительный подъем аграрного производства в Италии того времени; дана широкая картина вытеснения с земли крестьян-испольщиков крупными арендаторами дворянских и церковных земель, которые заводили более выгодное в экономическом отношении хозяйство с применением труда наемных батраков и поденщиков. В другой работе В.С. Бондарчука, вышедшей в 1994 г., исследовано такое почти неизвестное отечественному читателю событие итальянской истории, как Неаполитанская революция 1647—1648 гг. В работе дается яркая панорама различных форм массовых движений, описаны поведение и психология их участников, интересно поставлена проблема лидера и толпы, убедительно показано, что игнорирование права народных масс на элементарное человеческое существование приводит к социальному взрыву с его жестокими и кровавыми эксцессами. Различные проблемы и аспекты, связанные с историей итальянского фашизма, в течение ряда лет исследует Л.С. Белоусов, автор работ по истории Италии, и прежде всего — созданного на базе докторской диссертации солидного труда «Режим Муссолини и массы» (2000). В нем подробно раскрываются многообразные и сложные отношения фашистской диктатуры и гражданского общества; с особым вниманием рассматривается массовое сознание населения Италии и проблема консенсуса. Книга является первым в отечественной историографии системным исследованием процесса зарождения и утверждения в Италии институтов тоталитаризма. Особый интерес представляет глава монографии, посвященная механизму воздействия режима на общество. Очень любопытна авторская трактовка проблемы мифотворчества в итальянском фашизме и классификация созданных им мифов — вождь, корпоративное государство, величие нации, универсальность фашизма, новый стиль жизни как инструмент формирования нового человека.

⁴⁸ Орлова М.И. ГДР: рождение и крах. М., 2000.

⁴⁹ Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII веке. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.

Множество интересных деталей ежедневного существования простого населения при фашистском режиме, яркие и меткие характеристики самого дуче и его ближайшего окружения делают книгу Л.С. Белоусова, еще в 1993 г. написавшего небольшую популярную биографию Муссолини⁵⁰, заметным явлением российской исторической науки. Интерес читателя вызвала и совместная монография Л.С. Белоусова и А.И. Патрушева, созданная в несколько необычном для кафедры жанре⁵¹.

В меньшей мере изучалась история других европейских стран. Специалистом по истории Ирландии являлся рано ушедший из жизни А.Д. Колпаков (1932—1978), автор двух монографий, рисующих яркую картину борьбы ирландского народа за свою независимость⁵². Автор показал формы и методы ограбления Зеленого острова британской метрополией, процесс обезземливания крестьянства, инспирируемую из Лондона политику национальной и религиозной розни между протестантами и католиками. Ученица И.С. Галкина, создавшая на кафедре специализацию по истории Греции, доцент Т.В. Никитина опубликовала монографию «Греция накануне первой мировой войны. Особенности внутривосточного развития» (1984) и ряд других исследований. Историю Греции изучает также кандидат исторических наук О.Е. Петрунина. Доцент М.М. Залышкин — автор скрупулезного и тщательно документированного труда «Внешняя политика Румынии и русско-румынские отношения, 1875—1878» (1974). К сожалению, после ухода М.М. Залышкина (по болезни) исследования по истории этой страны на кафедре прекратились. Спорадически велась также специализация по истории Австрии, Венгрии, Скандинавии, Швейцарии.

Изучение истории международных отношений, по которой (а также по политологии) с 1992 г. введена новая специализация студентов, много лет было связано, прежде всего, с научно-педагогической деятельностью академика В.М. Хвостова (1905—1972), до конца жизни остававшегося и профессором МГУ. Он известен, в первую очередь, как один из авторов фундаментальной многотомной «Истории дипломатии», удостоенной Государственной премии. Доцент В.Н. Горохов, в течение многих лет читающий спецкурс по истории международных отношений, издал в 2004 г. курс лекций о международных отношениях в период между двумя мировыми войнами⁵³.

Большую научно-педагогическую работу под руководством профессора А.С. Манькина ведет секция по теории и истории международных отношений. 11-й выпуск «Проблем американистики» (2001) целиком посвящен теме «Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории». В том же году было опубликовано коллективное учебное пособие «Введение в теорию международных отношений» под редакцией А.С. Манькина. Его авторы — ведущие исследователи в этой области, преподаватели кафедры Н.Н. Наумова, Р.А. Сетов, А.А. Сидоров, В.И. Терехов, а также выпускница кафедральной аспирантуры Е.А. Степанова. В пособии впервые в отечественной исторической науке подробно

⁵⁰ Белоусов Л.С. Муссолини: Диктатура и демагогия. М., 1993.

⁵¹ Белоусов Л.С., Патрушев А.И. Любовь диктаторов. Муссолини, Гитлер, Франко. М., 2001.

⁵² Колпаков А.Д. Ирландия — остров мятежный. М., 1965; *Он же*. Ирландия на пути к революции, 1900 — 1918 гг. М., 1976.

⁵³ Горохов В.Н. История международных отношений, 1918—1939: Курс лекций. М., 2004.

изложены основы этой научной дисциплины, главные ее категории, современные научные концепции, системообразующие и системоразрушающие факторы в международных отношениях. Пособие отличается системным подходом и постановкой ряда важных теоретических проблем. В числе прочих вопросов в нем проанализированы категории пространства и времени в истории и теории международных отношений, эволюция мирового хозяйства в его связи с международными отношениями, кризисы и конфликты, роль идеологии и фактор военной силы. В рецензии на пособие (Новая и новейшая история. 2002. № 6) был отмечен его уникальный и новаторский характер.

Учеными кафедры создан ряд крупных коллективных трудов. Среди них — «Буржуазные революции XVII—XIX вв. в современной зарубежной историографии» (под ред. И.П. Дементьева, 1986) — работа, получившая положительную рецензию известного пермского историка Л.Е. Кертмана (1917—1987)⁵⁴. Франковеды кафедры опубликовали исследование «Французский либерализм в прошлом и настоящем» (под ред. В.П. Смирнова, 2001). В нем выявлены особенности французского либерализма — сочетание идеологического либерализма с сильными элементами политического консерватизма, направленное на установление социально-политического консенсуса во французском обществе. Н.М. Мещерякова руководила созданием таких солидных коллективных трудов, как «Просветительское движение в Англии» (1991) и «Общественно-политическая мысль европейского Просвещения» (2002). В настоящее время под руководством В.С. Бондарчука завершена авторская работа над сборником по истории европейского национализма.

За годы существования кафедры ее окончили крупнейшие в будущем ученые — специалисты по истории зарубежных стран. Среди них академики и профессора, работающие в основном в академических институтах Москвы — Б.А. Айзин, М.С. Альперович, З.С. Белоусова, И.Я. Биск, А.А. Галкин, В.И. Дашичев, Я.С. Драбкин, В.А. Дунаевский, Н.А. Ерофеев, Т.М. Исламов, Н.Ю. Колпинский, Н.П. Комолова, Г.С. Кучеренко, Б.Р. Лопухов, М.Н. Машкин, И.И. Орлик, С.П. Пожарская, Л.Ю. Слезкин, В.В. Согрин, Б.Г. Гартаковский, Г.С. Филатов, Е.Б. Черняк, А.О. Чубарьян, А.А. Язькова и многие другие, все имена которых назвать просто невозможно.

Кафедра всегда поддерживала широкие международные контакты. Ее ученые выступали с докладами на международных конференциях, читали лекции в США, Великобритании, Франции, Германии, Португалии, Дании, Греции и ряде других стран. В последние годы Л.С. Белоусов выезжал с лекциями в университет Флоренции, А.Ю. Ватлин — в Венский университет. Тесные связи с немецкими историками поддерживает и постоянно участвует в их конференциях кандидат исторических наук Т.Ю. Тимофеева, с итальянскими — Е.П. Наумова, изучающая деятельность крупного ученого-антифашиста Карло Росселли. В свою очередь на кафедре постоянно выступают с докладами и лекциями ведущие профессора американских и европейских университетов. Уже тридцать лет продолжается чтение лекций по программе Фонда Фулбрайта. За эти годы в МГУ побывали такие известные американские ученые, как Д. Кронен, Д. Броуди, Л. Литвак, Э. Смит,

⁵⁴ Новая и новейшая история. 1987. № 10.

Р. Маккинзи, Э. Пессен, Д. Ратмен и целый ряд других. На заседаниях кафедры и перед студентами с докладами и лекциями выступали крупнейшие французские историки, в том числе Ш. Карбонель, А. Собуль, К. Мазорик, Ги Лемаршан, М. Ферро, Ж. Тоби, М. Дориньи.

Как и на других кафедрах МГУ, научная работа сотрудников кафедры новой и новейшей истории неразрывно связана с преподавательской. Студентам в качестве специальных обязательных дисциплин читаются курсы источниковедения новой и новейшей истории, историографии Нового и новейшего времени стран Европы и Америки, исторической географии. Курс математической статистики и исторической информатики с 1984 г. ведет заведующий Лабораторией телекоммуникационных систем и технологий Интернета В.Г. Васенин. Обязательными являются также курсы по новой и новейшей истории выбранных для специализации зарубежных стран. Студенты, специализирующиеся по международным отношениям, слушают общий курс «Становление и развитие системности в международных отношениях», а по политологии — «Основы политологии» и «Историю политических учений». За последние десять лет на кафедре было прочитано более 50 спецкурсов по самым различным проблемам новой и новейшей истории; ведется примерно 30—35 спецсеминаров. Ежегодно кафедра новой и новейшей истории выпускает около 40 квалифицированных молодых специалистов.

4. Славяноведение

До начала XIX в. в России не существовало сколько-нибудь систематических знаний о славянстве. Не говоря уже о почти полном отсутствии сведений по культуре и истории славян, даже принадлежность к славянству тех или иных народов оставалась для русского общества областью самых смутных представлений. Но в течение первой четверти XIX в. знания о славянах быстро накапливались, и к исходу первой половины столетия появились условия для зарождения соответствующей науки. Московский университет стоял у истоков этого процесса. Развитие в нем славяноведения прошло в дореволюционные десятилетия два крупных этапа: с 30—40-х годов до начала 60-х годов XIX в. и с 60-х годов до 1917 г. После Октябрьской революции и до преддверия Великой Отечественной войны славяноведение в стране пришло в упадок. Учреждения, связанные с изучением славянства, были ликвидированы, а ученые-слависты репрессированы и в основном истреблены.

Дореформенный период

Первыми публикациями по истории славян были рассказы о путешествиях россиян в славянские страны Европы, статьи в ряде русских журналов, сочинения К.Ф. Калайдовича (1792—1832) и А.Х. Востокова (1781—1864), работы членов кружка Н.П. Румянцева (1757—1826), в том числе П.И. Кепшина (1793—1864), издававшего в течение двух лет (с 1825 по 1826 г.) журнал «Библиографические листы», где помещалась информация о развитии славяноведения за рубежом и в Российской империи. В изданиях Общества истории и древностей российских публиковались памятники истории России. Определенную роль в распространении знаний о славянах играл журнал «Вестник Европы», редактором которого с 1805 по 1830 г. (с перерывами) был московский профессор М.Т. Каченовский.

В конце 20-х годов славянами (особенно болгарами) заинтересовался Ю.И. Венелин-Гуца (1802—1839). Он окончил медицинский факультет Московского университета и работал в госпитале, но одновременно занимался историей и языкознанием. В 1829 г. Венелин издал книгу «Древние и нынешние болгары в политическом народописном и религиозном их отношении к россиянам». Но эта первая русская книга о болгарях была весьма несовершенна. Изыскания Венелина отличались фантастичными утверждениями, не обнаруживали элемента исторической критики. Книга Венелина была встречена научной общественностью отрицательно. Чешский славист П.И. Шафарик говорил, что это — «сочинение не критическое, полное различных фантазий, заблуждений, ошибок, неправильностей, бессмыслиц». Но Венелин своей работой привлек внимание русской общественности к современным ему угнетенным болгарам. Венелину принадлежат также работы «Древние и нынешние словены в политическом, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1841) и «Критические исследования об истории болгар» (1849). Литературное наследие Ю.И. Венелина свидетельствует о

том, что он был одним из первых русских славистов вообще и Московского университета в частности. Собранные им источники о славянах являются несомненным вкладом в науку. Но его филологические и исторические работы не были удачны, современники их не приняли, да и в дальнейшем наука о славянах не подтвердила многих его выводов¹.

В 1835 г. была основана кафедра истории и литературы славянских наречий, которую с 1835 по 1842 г. занимал профессор М.Т. Каченовский (1775—1842)². Кафедра имела филологическую направленность, как и вся наука о славянах в то время. Собственно истории славян как предмета преподавания еще не существовало.

Большую роль в развитии славяноведения в России в 30—40-е годы XIX в. сыграла деятельность профессора Московского университета М.П. Погодина (1800—1875). Погодин пропагандировал знания о славянах в журнале «Московский Вестник», поддерживал стремления изучать славян, совершил три заграничных путешествия, во время которых посетил Польшу, Чехию и другие славянские земли. Как немногие в его время, Погодин знал и современное положение славян, и имел представление об их историческом развитии. Во время славянских путешествий он собирал источники и литературу, приобретал старые рукописи и книги, создавая тем самым научную базу для изучения славянства в России, и прежде всего в Московском университете³.

Таким образом, к началу 40-х годов XIX в. в России были накоплены уже довольно значительные знания о славянских народах и созданы условия для научного исследования славянской проблематики. Однако кадров славистов-профессионалов еще не существовало. Для решения этой проблемы от Московского университета в славянские страны был командирован О.М. Бодянский (1808—1877), который пробыл за границей с 1837 по 1842 г., а по возвращении в Москву занял кафедру истории и литературы славянских наречий, где и проработал до 1869 г. С деятельностью профессора Бодянского связано развитие славяноведения в Московском университете в течение всего этого периода⁴. Свое пребывание в университете он начал с того, что передал в библиотеку привезенные из-за границы книги по специальности — всего более двух тысяч.

Преподавание славистических дисциплин Бодянский осуществлял по трем разделам: древность, литература и наречия. История славян не преподавалась, но все же представлялась на лекциях как фон, на котором развивалась славянская литература. Постепенно преподавание обогащалось разными специальными курсами. Читался, например, курс «Историко-религиозное движение в Чехах с XV—XVI и в XVIII вв.». После Крымской войны истории славян в курсах Бодянского уделялось больше внимания. Но в целом преподавание славяноведения носило филологический характер.

¹ Подробно о Ю.И. Венелине см.: *Лантвева Л.П.* Творчество Ю.И. Венелина и его оценка современниками и потомками // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 2003. № 6.

² О деятельности М.Т. Каченовского см.: *Макарова Г.В.* М.Т. Каченовский и становление славяноведения в России // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984. С. 64—68.

³ О М.П. Погодине см.: *Лантвева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX—начале XX в. М., 1997. С. 31—39 и др.

⁴ Подробности о деятельности О.М. Бодянского в Московском университете см. там же (с. 40—79).

Периодизация славянской истории ориентировалась на правление князей и королей. Древнюю историю славян Бодянский излагал в лекциях под названием «Славянская археология или славянские древности». История средних веков читалась, как правило, до прекращения существования самостоятельных славянских государств: Чехии — до 1620 г., Польши — до 1795 г., южных славян — до турецкого завоевания. Определяющими факторами их истории были, по Бодянскому, борьба славян против «германской стихии» и борьба между православием и католицизмом среди самих славян. Необходимость объединения славян против немцев и являлась, по мнению профессора, причиной создания славянских государств, а отсутствие единства — причиной захвата славянских земель немцами, как это случилось прежде всего с территорией полабско-балтийских славян. Наиболее подробно читались польская и чешская история. Чешская история несла в себе, по мысли Бодянского, наиболее яркие доказательства тезиса о неизбежности борьбы с немцами и католической церковью. Кульминацией этой борьбы ученый считал гуситское движение, которое и излагал особенно подробно. В его архиве сохранилось несколько рукописных книг, где описывались отдельные периоды гуситского движения⁵. В изложении Бодянского оно выражало «внутренние» стремления чехов к «первоначальной христианской церкви», которая сливалась в его представлениях с православием. Что касается материалов, на основании которых составлялись лекции о гуситах, то Бодянский был знаком практически со всеми источниками о них, известными в его время в науке, и со всей литературой, в том числе и новейшей. Однако освещение причин движения, оценки событий и действий исторических лиц, как и последствий гуситского движения, отличались у Бодянского от всех ранее существовавших. Именно в его лекциях были заложены основы той концепции гуситского движения, которая нашла свое оформление, аргументацию и развитие в трудах его учеников. Наряду с гуситским движением Бодянский уделял много внимания и послегуситскому периоду — до 1620 г.

Курс польской истории О.М. Бодянский читал также достаточно подробно⁶. В лекциях давался очерк внешней политики польских князей и королей и их отношений с западными и восточными соседями. Политика эта критиковалась за то, что польские государи, направляя в течение ряда столетий свою экспансию на восток, ослабляли себя перед Германской империей. Бодянский полагал, что в конце XV в. возникли благоприятные условия для объединения всех славян в одно государство с центром в Кракове, но представители династии Ягеллонов оказались неспособными это осуществить. Из вопросов внутреннего развития Польши лектор останавливался подробно на проблеме ослабления королевской власти и разгуле шляхетской вольницы. Эти явления Бодянский оценивал негативно. Он видел в «вольнице» главную причину ослабления польского государства. Материалами для лекций по истории Польши Бодянскому служили польские источники и литература.

⁵ Архивный фонд О.М. Бодянского хранится в Киеве: ОРИЛ. Ф. 99. Некоторые материалы имеются также в ОР РНБ. (С.-Петербург). Ф. 86.

⁶ ОР РНБ. Ф. 86. № 2. История Польши.

До 60-х годов XIX в. польская история в России практически не разрабатывалась в научном плане. Но у Бодянского, несмотря на использование им польских источников и литературы, обнаруживается чисто «русская» концепция польской истории, и притом — в варианте, близком к будущему официальному направлению.

Освещал Бодянский в своих лекциях и прошлое южных славян. Болгарскую историю он излагал от периода расселения славян, а далее вел повествование «по царям» до времени турецкого завоевания⁷. Систематически читалась Бодянским и история Сербии, в основном — древний и средневековый периоды. Преподавалась также история Черногории и Боснии, Хорватии и Дубровника. В 1850—1864 гг. Бодянский читал лекции и по истории Сербии первой половины XIX в.⁸ Фактически речь в них шла об истории национально-освободительной борьбы сербов. Коротко останавливаясь на ранней сербской истории, профессор затем рассказывал об антитурецких восстаниях, о внутреннем устройстве Сербии и правлении Милоша Обреновича, о Скупщине 1835 г. и последовавших за нею событиях. Много внимания уделялось сербо-турецким столкновениям начала 60-х годов. Этот курс лекций Бодянского был единственным, освещавшим вопросы новейшей истории, что объясняется, видимо, тесными связями России и Сербии, политической актуальностью темы.

Лекции по славянской истории Бодянский читал не просто по текстам изданных сочинений, а «по собственным запискам». Это означает, что первый московский профессор-славист готовил самостоятельные курсы о славянах. Но в них преобладало простое изложение фактов. Лишь отдельные аспекты событий, связанные с религиозной и национальной борьбой славян, освещались оригинально, на основе его понимания источников.

Научная работа Бодянского была посвящена вопросам народной поэзии славян и происхождению славянской письменности. Главная же его научная деятельность была сосредоточена в Обществе истории и древности российских, где он редактировал «Чтения...» (ЧОИДР). Это издание носило чисто академический характер и было первым в России научным сборником статей по славяноведению, вышедшим в свет периодически. В ЧОИДР печатались славянские памятники письменности, труды зарубежных славянских ученых. На страницах этого журнала были опубликованы многие сочинения русских славистов, например такие, как «Падение Чехии в XVII веке» П.А. Лавровского (1868. Кн. 2), «Обзор источников по истории балтийских славян» И.А. Лебедева (1875. Кн. 4), «Заселение Балканского полуострова славянами» М.С. Дринова (1872. Кн. 4) и его же — «Южные славяне и Византия» (1875. Кн. 3).

Деятельность Бодянского в ОИДР в качестве секретаря Общества и редактора «Чтений» имела большое значение для развития славяноведения не только в Московском университете, но и в России вообще. Молодая наука о славянах именно в этом издании обрела тот орган, который был необходим для ее становления и роста. Публикация Бодянским

⁷ ОРИЛ. Ф. 99. № 43 — История Славян Булгарских (179 л.).

⁸ Там же. № 27. Л. 1-127 — История сербов в XIX ст.

многочисленных источников по славянской истории и письменности создавала базу для дальнейших самостоятельных исследований.

За четверть века преподавательской деятельности в Московском университете Боянянский создал школу славистов. В связи с этим необходимо кратко упомянуть о той идейной атмосфере, которая в рассматриваемую эпоху была характерна для московского образованного общества и тесно связанного с ним Московского университета. Как известно, в 40-е годы XIX в. в Москве существовал кружок славянофилов со своей историко-философской доктриной, в которой большую роль играло православие. В обстановке растущего интереса к славянам и признания близкого родства между всеми славянскими народами объяснение славянофилами истории России переносилось и на историю славян в целом. Так формировалась славянофильская концепция истории западно- и южнославянских народов, хотя сами теоретики славянофильства историей славян не занимались. Славянофильство как философское, этическое и историческое учение, будучи типично русским явлением, связано, однако, с немецкой идеалистической философией и романтическими течениями в Европе конца XVIII – начала XIX в. Связь славянофильской философии с немецкими учениями проявилась, например, в утверждении, что каждому народу априори присуще некое «начало», раскрытие которого и составляет содержание истории этого народа. Исследования немецких философов-идеалистов и были часто направлены на то, чтобы обнаружить у народов то самое стержневое начало, которое якобы присуще только данному «племени» или «племенам»; эта же мысль красной нитью проходит через сочинения славянофилов. В результате славяне резко противопоставляются всем остальным этносам. Всю европейскую историю славянофилы делили на два самостоятельных «мира», один из которых именовался германским, западным, латинским, римско-католическим, а другой – восточным, греко-славянским, православным. Между этими «мирами» славянофилы видели глубокие, коренные различия. Характерными признаками западного мира (или «стихии») были для них католическая религия, латинская образованность, рационалистичность мысли и действия, стремление к насилию. Проявление «западных начал» славянофилы усматривали и в государственной жизни романо-германского мира, поскольку эта жизнь, с их точки зрения, возвела насилие в свой главный принцип. В государственных переворотах и революциях Запада также усматривалась тяга к насилию. Отсюда как антитеза выводился призыв к патриархальности и классовой гармонии, отрицался революционный путь исторического развития. Восточным же началом славянофилы считали прежде всего православие, которое нередко отождествлялось ими с ранним, «первобытным», христианством. Восточный мир представлялся им наследником и истинным хранителем раннего христианства, а православие – единственно допустимой в этом мире религией. Ввиду присущей славянам «кротости», их «отвращение к насилию», а также и государственность славянских народов были, по мнению славянофилов, «основаны на свободных выборах». Отсутствием рационализма и «земных побуждений» объяснялись и отсутствие у

славян сословий, и широкое развитие общественной собственности на землю, как и сравнительно мирные отношения между светской и церковной властью. Каждый славянский народ отождествлялся с обширной общиной, где важные вопросы решались демократическим путем. Социально-экономические проблемы славянофилов не интересовали, зато ими постоянно повторялись утверждения о мессианской роли славянства среди европейских народов, разрабатывалась идея «неизбежного» выдвижения славян на первое место среди всех «рас и племен».

Попытка рассмотрения вопросов истории зарубежных славян с этих позиций была впервые предпринята В.А. Елагиным (1818—1879), который в 1848 г. опубликовал большую рецензию на «Историю Чехии» Ф. Палацкога⁹, где применил славянофильскую концепцию для объяснения характера гуситского движения как спора католичества с православием, как стремления гуситов к восстановлению последнего. Дальнейшее развитие этой точки зрения принадлежит ученикам Бодянского — Е.П. Новикову и А.С. Клеванову. Е.П. Новиков (1826—1903) опубликовал в 1848 г. статью «Православие у чехов», а в 1857—1859 гг. издал объемную монографию в двух частях под названием «Гус и Лютер»¹⁰. Автор проработал важнейшие источники, глубоко разобрался в богословских проблемах. Рассматривая историю Чехии, Новиков — в соответствии со славянофильским учением — говорил о борьбе двух противоположных начал и пытался доказать, что в специфике индивидуальностей Гуса и Лютера отразились принципиальные различия между славянским и германским миром. Кротость, эмоциональность, религиозность и нравственная чистота Гуса противопоставлялись в монографии жестокости, рассудочности, земным устремлениям Лютера. Славянская стихия была для Новикова немыслима без православия. Типично славянофильской является монография Новикова и с точки зрения тезиса об «исконной» ненависти славян ко всему западному. Особое значение для автора имел вопрос о соотношении учений Гуса и Лютера, славянина и немца. Новиков подчеркивал, прежде всего, различия между этими реформаторами. Различия трактовались как следствие принадлежности лидеров к разным «стихиям». В целом труды Новикова о гуситском движении отличались тенденциозностью, были проникнуты идеалистическими воззрениями и предвзятостью. Но Новиков привлек к исследованию все — или почти все — известные науке середины XIX в. источники. Он первым из историков своего времени изложил славянофильский взгляд на гуситское движение. В дальнейшем его исследования породили острую полемику между сторонниками и противниками славянофильского освещения гуситской эпохи. Монография Новикова стала тем источником, из которого черпали сведения многие компиляторы, писавшие об этом периоде чешской истории.

Другим учеником О.М. Бодянского, исследовавшим гуситское движение, был А.С. Клеванов (1827 — ок. 1892), издавший работу «Очерк истории чешского вероисповедного движения»¹¹. Этот труд освещал предмет также в духе славянофильской концепции. Гуситское движение представлялось автору

⁹ Елагин В. Об истории Чехии Франца Палацкога // ЧОИДР. 1848. № 7.

¹⁰ Новиков Е.П. Гус и Лютер. М., 1859. Т. 1–2.

¹¹ Работа насчитывает более тысячи страниц. Публиковалась в ЧОИДР с 1869 по 1875 г. Отдельным изданием вышла в 1876 г.

стремлением чехов возвратиться к «православным началам», к «славянской стихии». Как и другие славянофилы, Клеванов подчеркивал резкую противоположность между немцами и славянами. В чисто славянофильском духе толковал он и отношение чехов к православию, считая его «исконным» для этого народа. Значительная часть обширной работы была посвящена характеристике деятельности и учения Гуса. Автор хорошо знал сочинения чешского реформатора, хотя не всегда справлялся с задачей их осмысления.

А.С. Клеванов не ограничил свой труд рамками гуситской эпохи: история «вероисповедного движения» излагалась им и дальше. Но, как указывали рецензенты-современники, эту часть сочинения отличает «некоторая недоработанность и компилятивность». И все же труд Клеванова имел свою ценность, так как содержал массу фактического материала, самостоятельно извлеченного автором из источников и проанализированного. К сожалению, последний не обладал достаточными навыками обработки и сопоставления данных, не умел подходить к ним критически, не владел современными ему методами исторического исследования¹².

Еще одним представителем московской школы славянофильских историков был А.Ф. Гильфердинг (1831—1872). Окончив Московский университет, где он занимался преимущественно филологией, Гильфердинг затем обратился к славянской истории. В 1854 г. вышло его сочинение под названием «Письма об истории сербов и болгар»¹³, в котором впервые давалось научное изложение древнейшей истории двух южнославянских народов. Далее Гильфердинг заинтересовался балтийскими славянами. Первая его книга о них — «Исследования о балтийских славянах» — вышла в 1854 г.¹⁴ Потом появилась его «История балтийских славян»¹⁵, были опубликованы и другие сочинения. Все они написаны на основании имевшихся в то время источников. До появления работ Гильфердинга русский читатель мог найти сведения по истории балтийских славян в трудах немецких ученых, которым, однако, недоставало глубокого знания славянских языков и истории славян в целом. Гильфердинг развил в своих работах славянофильские взгляды на историю славян. В отношениях между немцами и балтийскими славянами он видел столкновение германской и славянской «стихий», считал, что любой народ может успешно развиваться лишь в рамках собственной стихии, не примешивая к ней «чужеродных элементов», а нарушение этой заповеди приводит к гибели, что и случилось с балтийским славянством. Другой славянофильский тезис — о православной религии как единственно приемлемой для всех славян — нашел наиболее отчетливое выражение в работах Гильфердинга «Очерк истории Чехии»¹⁶ и «Гус. Его отношение к православной церкви»¹⁷.

¹² Подробный разбор работ Е.П. Новикова и А.С. Клеванова см.: *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения. М., 1978.

¹³ Сочинение печаталось в «Московских ведомостях» в 1864 г., продолжение — позднее в «Русской Беседе» (см.: *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. 1).

¹⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Исследования о балтийских славянах // *Москвитянин*. 1854. Т. 3-5; 1855. Т. 2-3.

¹⁵ *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. М., 1855. Т. 1.

¹⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Очерк истории Чехии. СПб., 1868 (первоначально в газете «День» за 1862 г.).

¹⁷ *Гильфердинг А.Ф.* Гус. Его отношение к православной церкви. СПб., 1871 (первоначально: *Заря*. 1870. № 10.).

В отличие от Е.П. Новикова и А.С. Клеванова, отошедших по разным причинам от занятий славянской проблематикой, Гильфердинг остался верен избранному пути до конца жизни. Он разрабатывал историю славян — и древних, и западных, и южных — был крупнейшим знатоком исторических источников о них и впервые осветил ряд периодов славянской истории, став одним из родоначальников изучения славян вне России. Кроме того, он стал творцом славянофильского направления в подходе к истории зарубежных славян. Разработка славянской истории Гильфердингом относится к петербургскому периоду его жизни, но он был воспитанником московской школы. С кружком московских славянофилов Гильфердинг был связан до конца жизни: печатал научные и публицистические статьи в славянофильских московских изданиях «Русская Беседа», «День» и других; сотрудничал с К.С. и И.С. Аксаковыми и состоял с ними в активной переписке. Поддерживал он и дружественные отношения с О.М. Бодянским. Гильфердинг является примером того, как ученик, придерживающийся в принципе тех же взглядов на славянство, что и учитель, перерастает последнего и вносит в науку больший вклад, нежели его наставник¹⁸.

К числу учеников Бодянского принадлежал также А.А. Майков (1826—1902). Он занимался в основном южнославянской проблематикой. В 1857 г. вышел главный научный труд Майкова «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа». Это фундаментальное произведение, насчитывающее 850 страниц, стало выдающимся явлением русской литературы по славяноведению. Работа состоит из двух частей. Подробно освещено развитие сербского языка с XII до конца XV в., затем представлен критический разбор всех известных тогда изданий сербских грамот как первостепенных источников по истории сербского народа, а также важнейших памятников сербского языка. Майков превзошел все, что по истории и языку сербов было написано до него. Книга была восторженно принята и в России, и в Сербии, и у всех зарубежных славян. Она оказала влияние на развитие филологических и исторических исследований во всем славянстве.

Некоторое время А.А. Майков был адъюнктом на кафедре русской словесности в Московском университете, но и после ухода с преподавательской работы участвовал в деятельности университетских обществ, публиковал свои сочинения в печатных органах университета. Прежде всего, он занимался юридической и социальной историей южнославянских народов. В 1860 г. Майков написал статьи «О земельной собственности в древней Сербии»¹⁹ и «Присяжный суд у южных славян»²⁰. В 1868 г. он опубликовал статью «О Пронии в древней Сербии»²¹, дополняющую рассуждение «О земельной собственности». С конца 60-х годов ученый полностью посвятил себя публицистике, в которой главной была славянская проблематика.

¹⁸ Об А.Ф. Гильфердинге см.: *Лантвева Л.П.* А.Ф. Гильфердинг как историк зарубежных славян // *Историография зарубежного мира в лицах: Межвузовский сб. научных статей.* Самара, 1997. Вып. 2. С. 183–201; *Она же.* Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 245–251.

¹⁹ ЧОИДР. 1860. Кн. 1. С. 227–232.

²⁰ Русское слово. 1860. № 10. Отд. 1. С. 1–63.

²¹ ЧОИДР. 1868. № 1. С. 1–30.

Свое отношение к славянскому вопросу Майков выразил, в частности, в статье «Всеславянство»²¹. Он рассматривал славян как ветви одного общего ствола. Выступая в качестве публициста по славянским вопросам, Майков считал, что следует подходить к ним с учетом проблем истории (преимущественно сербской). Он написал такие статьи, как «История Черногории» (стране, мало тогда известной русской общественности). Впрочем, эта работа не была опубликована, как и ряд других, в числе которых «История южного славянства», «Обзор внутренней истории Сербии», «Юрий Бранкович, деспот сербский»²². Сохранились в архиве исследователя и некоторые рукописи по истории западных славян: «Литературные сношения чехов со словаками», «Отец современной педагогики» (имелся в виду Я.А. Коменский). Хотя эти работы и не были опубликованы, они служили материалом для многочисленных (более 150) публицистических статей по истории и современному положению Сербии и других славянских стран. Сформировавшись как ученый в кругу славянофильски настроенных московских интеллигентов 40-х годов, Майков до конца жизни придерживался взглядов о патриархальности, демократичности и высоких нравственных устоях, присущих славянской «стихии», — в противоположность «испорченности» западного мира. С этой точки зрения он рассматривал историю и современное положение и сербов, и других славян²⁴.

Исследователем совершенно иного типа был А.А. Котляревский (1837—1881), представитель младшего поколения учеников Бодянского. Он окончил Московский университет в 1857 г. и до 1868 г. работал в Москве. Котляревский входил в число основателей Археологического общества при Московском университете в 1864 г. и исполнял должности товарища секретаря и члена редакционного комитета этой организации. С 1867 г. под его редакцией стал выходить «Археологический вестник». Ученый первым откликнулся на предложение председателя Общества А.С. Уварова создать археологический словарь, принял деятельное участие в комиссии по выработке положения об археологических съездах. В Археологическом обществе Котляревский выступил с целым рядом научных докладов. Основное внимание он уделял доисторической археологии, истории древнего славянского права, славянским древностям. Первым крупным сочинением Котляревского о славянах и славянских древностях была магистерская диссертация «О погребальных обычаях языческих славян» (1868), явившаяся новым словом в науке. Автор широко использовал сравнительный метод изучения словесных и вещественных памятников. В его трудах был впервые применен комплексный подход в работе с историческим материалом. Большим достижением русского славяноведения явились труды Котляревского «Древности юридического быта балтийских славян» и «Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении к славянской истории и древностям» (оба изданы в 1874 г.). Во всех своих работах ученый руководствовался мыслью, что Запад и Восток развиваются на единой почве, и потому европейское просвещение должно стать

²¹ Беседа. 1871. Кн. 3. С. 219–261.

²² Рукописные работы А.А. Майкова хранятся в ОР РНБ (С.-Петербург). Ф. 452.

²⁴ Подробно об А.А. Майкове см.: *Духлова О.И.* А.А. Майков. Путь в славистику // Биография исследователя как жанр славистики: Сб. научных трудов. Тверь, 1991. С. 81–101; *Лантвева Л.И.* Славяноведение в Московском университете ...; и др.

общим достоянием континента. С этих позиций он критиковал славянофилов, категорически отвергая их взгляды на прошлое славянских народов. Трезвостью отличалось и отношение Котляревского к современным ему славянам. Сочувствуя их угнетенному положению, видя и признавая их достоинства, Котляревский не впадал, однако, и в крайности. Он объективно оценивал также достижения немецкой науки, ее роль в культурном развитии славян²⁵.

Изучение истории славян в Московском университете с начала 1860-х — до 1917 г.

В начале 60-х годов славяноведение в Московском университете вступило в новый этап своего развития. Изменения в общественно-политической жизни общества способствовали распространению интереса к славянству. Уставом российских университетов 1863 г. расширились их права. Для всех лиц, готовившихся к профессорскому званию, предусматривалась длительная командировка за границу. В годы реформ ослабла цензура, появилось большое количество журналов и газет, активизировалась издательская деятельность. Все университеты обрели право издавать свои печатные органы. Разрешалось создание научных обществ. Еще в 1856 г. в Москве возник Славянский благотворительный комитет, учредителями которого были на сорок процентов профессора и преподаватели Московского университета. В 60—70-е годы произошла смена поколений русских славистов. В Московском университете она определила наступление второго этапа в развитии славяноведения.

После окончания О.М. Бодянским его профессорской деятельности кафедре истории и литературы славянских наречий занял А.Л. Дювернуа (1838—1866). Он был преимущественно лингвистом, славистом нового профиля, сторонником сравнительного метода языковых исследований. Лингвистическая подготовленность давала Дювернуа возможность организовать преподавание славянских языков на новом уровне. Занятие славистической кафедры изменило направление его научной деятельности. Он заинтересовался историей славян, особенно Чехии XV в. Первой его работой по этой проблематике стала статья «Памятники чешского искусства в Карловом Тыне (Karlstein)» (1866). В 1868 г. в «Московских университетских известиях» была напечатана работа Дювернуа «Юрий Подебрад — избранник чешского народа». В ней автор осуждал гуситское движение в целом, считая, что оно принесло стране «только гибель и разорение». Высоко оценивая внутривосточную деятельность чешского короля, Дювернуа пытался объяснить все важнейшие исторические события исключительно через призму гениальности этой личности. Такой взгляд на роль личности в истории в русской литературе конца 60-х годов XIX в. считался уже устаревшим. Юрий Подебрад был симпатичен Дювернуа именно потому, что решился «стереть всякий след» всего враждебного «миру и порядку», т.е. активно выступил против радикальных эле-

²⁵ Об А.А. Котляревском см.: *Лантева Л.П.* Русский славист А.А. Котляревский и его связи с чешскими учеными // *Балканские исследования*. М., 1992. Вып. 16. С. 118–130; *Она же.* Славяноведение в Московском университете...; и др.

ментов. Однако Дювернуа представлял гуситское движение как предтечу последующих исторических процессов, в частности — реформации в Германии и в остальной Европе. Его оценка Юрия из Подебрад в основном совпадала с тем, что говорилось об этом правителе в чешской протестантской литературе, а также в работе А.Ф. Гильфердинга. Но его точка зрения на гуситское движение отличалась и от протестантской, и от русской славянофильской, сближаясь с католической историографией. Эта черта с особой силой проявилась в работе Дювернуа «Станислав Зноемский и Ян Гус» (1871) — сочинении, посвященном событиям в Пражском университете в конце XIV — начале XV в. Дювернуа продемонстрировал свое несогласие со славянофильской концепцией гуситского движения по целому ряду пунктов. Так, он отверг тезис об извечной вражде немцев и славян, разошелся со своими предшественниками и в оценке правления Карла IV Люксембургского, характеризуя его отрицательно, тогда как историки-славянофилы превозносили Карла IV за его «сочувствие» богослужению на славянском языке. В суждениях о Гусе Дювернуа выдвинул тезисы столь же малодоказуемые, как и воззрения славянофилов. Так, в противоположность большинству русских авторов, Дювернуа не усматривал пользы в обличении Гусом пороков католической церкви. По его мнению, выступления Гуса против «некоторых» отрицательных сторон католичества были не только «бессмысленны», но и вредны, поскольку вносили хаос в общественную жизнь.

Реакция на сочинение Дювернуа оказалась бурной. Представленная в качестве докторской диссертации книга «Станислав Зноемский и Ян Гус» не была допущена к публичной защите. На Дювернуа обрушилась чешская патристическая критика, а также и русская-славянофильская. В России рецензию на книгу опубликовал А.А. Майков (Беседа. 1871. Кн. 12). Со славянофильских позиций он резко отозвался о сочинении Дювернуа.

Оценка Гуса и его сторонников, высказанная Дювернуа, была явно необъективна. На наш взгляд, она объясняется несовершенством исследовательского метода автора. Будучи в первую очередь филологом, ученый не прошел сколько-нибудь серьезной школы работы с историческими источниками. Кроме того, он нередко пренебрегал мнениями своих предшественников. В данном случае это привело к тому, что он не получил полного представления о круге источников, непосредственно связанных с избранной темой, и их подбор для монографии оказался весьма тенденциозным. Вообще, для исторических работ Дювернуа характерны политическая консервативность, одностороннее использование источников, недостаточное внимание к достижениям предшественников, гяжелый язык. Вместе с тем следует признать самостоятельность суждений этого автора²⁶.

Особенностью преподавания славистических дисциплин в пореформенный период было выделение истории славян в специальный предмет. Причин таких изменений было несколько, в том числе: отношение официальных органов к увеличению количества и объема предметов преподавания, углублению подготовки университетских кадров. Выделению истории славян в особую

²⁶ О жизни и творчестве А.Л. Дювернуа см.: *Липтвея Л.П.* Русская историография гуситского движения; *Она же.* А.Л. Дювернуа и его работы по истории славян // Советское славяноведение. 1978. № 3. С. 59–73; *Она же.* Славяноведение в Московском университете.

дисциплину немало способствовали события в Польше, диктовавшие необходимость изучения этой страны и осмысления сути русско-польских отношений.

Начать преподавание в Московском университете истории славянских народов как отдельного предмета выпало на долю Н.А. Попова (1833—1891), одного из крупнейших русских славистов XIX в.²⁷ Окончив университет, Попов с 1860 г. читал курс на кафедре русской истории. В 1862 г. он отправился в заграничную командировку, работал в архивах Германии и Австрии, посетил южнославянские земли и собрал уникальную библиотеку по истории славян. Возвратившись в Москву в 1864 г., Попов стал заниматься в основном славяноведением. Он читал лекции по истории южных и западных славян, освещая историко-географические сюжеты, политическую историю славянских стран до новейшего времени, делал обзор историографии, в том числе современной исторической литературы о славянах. В курсе историографии славянских народов Попов давал подробную характеристику архивных документов и изданий письменных источников. Активно занимался он и научной разработкой славянской истории, особенно истории Польши, а из южных славян — истории сербов и болгар, так как считал, что политическая и духовная жизнь именно этих народов больше всего связана с Россией. Главное внимание он уделял Сербии, и именно по ее истории написаны Поповым лучшие его исследования. Важнейшим из них была монография «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.» в двух частях (М., 1869). Основной задачей этого труда было подчеркнуть, что судьба Сербии неразрывно связана с историей России и что другие славянские народы, имея перед собой пример Сербии, должны обратить свои взоры к России. Подобная концепция была характерна для пореформенного славянофильства. В книге — обилие фактов, подтверждающих основную мысль автора.

В одном из отзывов на монографию Попова говорилось, что книга принадлежит к числу самых замечательных произведений «русской исторической литературы последнего времени». Хорватский ученый В.В. Богишич писал в своей рецензии, что Попов, путешествуя и занимаясь в библиотеках и архивах, добыл богатый запас материалов, многие из которых оставались до этого неизвестны даже в самой Сербии, и что уже одно это составляет важную заслугу автора. Однако рецензент указал и на то, что Попов не использовал некоторые важные источники, а именно — народные сербские песни, документы архива МИД и др. Рецензент отмечал, что Попов в своей работе недостаточно учел «требования исторической критики», что он «безразборчиво относится к источникам как первой, так и второй и третьей руки». Богишич полагал, что некоторые вопросы заслуживают большего внимания автора, например аграрные отношения в стране, где земледелие является главным источником существования, или разделение народа на определенные слои, «совершившееся рядом с устранением форм административных». Рецензент заключал, что сочинение Попова «еще далеко не есть прагматическая история

²⁷ Наиболее подробно творчество Н.А. Попова как слависта освещено в кн.: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

новойшей Сербии», по оно «обеспечит для будущих историков исследования по этому предмету»²⁶.

В другом отзыве Богшич отметил, что сочинение Попова составляет «капитальный исторический труд, с появлением которого история русской дипломатии по восточному вопросу получила весьма ценный вклад, а молодое государство родолюбивого русскому народу приобрело первую обширную и научно обработанную историю, в которой находят для себя много поучительного не только все образованные сербы, но и опытные сербские государственные люди»²⁷. В самой Сербии труд Попова был встречен с большим одобрением и в 1870 г. издан на сербском языке.

С докторской диссертацией Попова тесно связано его сочинение «Сербия после Парижского мира» (М., 1871). Позднее Попов напечатал в журнале «Русская мысль» за 1880 г. работу «Внутреннее правление Милоша Обреновича», которая так же, как и «Сербия после Парижского мира», была переведена на сербский язык и издана отдельной брошюрой.

В 1873–1879 гг. Попов сотрудничал в журнале «Православное обозрение», где поместил ряд работ, освещающих состояние православной церкви в различных южнославянских регионах. Писал Попов также о культурной и научной жизни Сербии, о международных связях русских и сербов.

Другим важным предметом его занятий была история Польши. Наиболее интересными работами Попова в этой области стали статьи: «Поляки в Пруссии» (1869), «Варшавское герцогство» (1866), «Познанские сеймы от 1827 по 1845 г.» (1867), «Вольный город Краков с 1815 по 1846 г.» (1875).

Весьма ценными в творчестве Попова, не утратившими своего значения до настоящего времени, являются его труды по истории славяноведения. Они делятся на две группы: издания источников, в основном корреспонденции, и исследования об отдельных ученых, главным образом Московского университета, занимавшихся изучением славян. Наиболее обширным изданием первой группы были три выпуска «Писем к М.П. Погодину из славянских земель» (1879–1880). Эти письма богаты сведениями о развитии науки в тогдашнем славянском мире и важны для изучения истории русско-славянских отношений. Попов снабдил свое издание квалифицированными подробными комментариями, сообщил биографические сведения о лицах, упоминающихся в переписке.

Сочинения Попова о профессорах Московского университета, занимавшихся славянскими проблемами, — весьма ценная часть русской славяноведческой историографии. Это работы о Н.И. Надеждине, М.П. Погодине, О.М. Бодянском, основанные преимущественно на документах Московского университета, ранее не использованных. Значителен вклад Попова и в изучение истории России.

Вопросов истории славян касались в своих трудах и те ученые Московского университета, которые специализировались по русской и всеобщей истории. Так, В.И. Герье (1837–1919) написал работу «Борьба за польский престол в 1733 г.» (1862). Произведение было самым ранним в

²⁶ Записки Императорской Академии наук. СПб., 1871. Т. 18. С. 14–16.

²⁷ Отчет о присуждении награды гр. Уварова. СПб., 1872. С. 104.

России на эту тему. Как отмечалось в рецензии, «книга Герье принадлежит к числу тех капитальных сочинений, которые часто издаются в Германии и изредка в России»³⁰. Она была написана на архивных материалах, впервые введенных Герье в научный оборот; ряд документов публиковался в приложении к ней. Сочинением Герье была заложена основа для разработки русскими учеными истории Польши XVIII в.

Учитель Герье, знаменитый С.М. Соловьев, издал в 1863 г. труд под названием «История падения Польши», а в 1870 г. вышла книга Д.И. Иловайского «Гродненский сейм 1793 г. — последний сейм Речи Посполитой». Это была докторская диссертация уже известного тогда автора учебника по русской истории для средних учебных заведений. Иловайский окончил Московский университет и в первой половине 60-х годов являлся адъюнкт-профессором юридического факультета.

Интерес московских профессоров к истории Польши не был случайным. Он диктовался, с одной стороны, связью польской и русской истории, а с другой — польским восстанием 1863 — 1864 годов. Все упомянутые авторы, каждый со своих позиций, стремились доказать несовершенство польского государственного механизма в эпоху создания в Европе государств с сильной центральной властью, против которых Польша с ее средневековым политическим устройством не могла устоять, а значит, и сохранить свою независимость.

Необходимо сказать и о деятельности А.М. Иванцова-Платонова (1835—1894), который с 1872 по 1894 г. был профессором церковной истории в Московском университете. В 1869 г. Иванцов издал обзорный труд под названием «Очерк истории христианства у славянских народов» — первый по этой теме в русской литературе. Хотя автор рассматривал исторический процесс с клерикальных позиций, для него был характерен широкий взгляд на вопросы религии, уважительное отношение к мнениям идейных противников. «Христианская религия, — писал он, — не только допускает, но и предписывает широкую свободу научного исследования, самую глубокую и всестороннюю критику», а потому никак нельзя считать истинно-православным то узкое, ложное и фальшивое направление церковно-исторической науки, которое «в древней церковной жизни только старается выискивать и механически подбирать факты и свидетельства для оправдания современного церковного строя»³¹. Будучи близок по духу к славянофилам, Иванцов не во всем с ними соглашался. Их узкий патриотизм казался ученому несоместимым с христианскими идеалами «всечеловечности». Современники отмечали, что Иванцов осуждал славянофилов за преувеличение ими «миссии» России в славянском и неславянском мире³². В отличие, например, от Хомякова, Иванцов видел в западных исповеданиях «разветвления единой христианской церкви», между тем как ортодоксы славянофильства признавали «истинным христианством» только православие, отрицая

³⁰ Отечественные записки. 1862. № 7. Отд. 3. С. 81.

³¹ *Корелин М.С.* Отношение А.М. Иванцова-Платонова к исторической науке // В память А.М. Иванцова-Платонова. М., 1895. С. 3–5.

³² *Соловьев В.* Александр Михайлович Иванцов-Платонов // Вестник Европы. 1894. Т. 6. Кн. 12. С. 893–894.

католичество и протестантизм³³. Со славянофилами Иванцов расходился и в других вопросах, в частности, о гуситском движении. Например, он безоговорочно считал Гуса «западным реформатором» и не осуждал таборитов, хотя и был уверен, что их действия нарушали порядок и покой в стране³⁴.

* * *

В 1884 г. по новому университетскому уставу история славян была введена в число обязательных предметов исторических отделений историко-филологических факультетов. Это была мера хотя и полезная, но недостаточная, так как специализация студентов по отдельным отраслям славистики требовала особой кафедры славянской истории, которая учреждена не была. Кафедры славянской филологии по-прежнему ограничивались одним единственным профессором, преподававшим многие (а часто и все) славистические дисциплины. Лишь иногда часть нагрузки брали на себя приват-доценты или — по истории славян — профессора смежных кафедр. В Московском университете в первые годы действия нового университетского устава историю славян читал Н.А. Попов. В 1886 г. кафедру славянской филологии занял языковед Р.Ф. Брандт (1853—1929). Вторым славистом-языковедом университета в рассматриваемый период был крупный исследователь в области славянского языкознания В.Н. Щепкин (1863—1920)³⁵, сделавший ряд открытий в области палеографии, а также истории славянских литератур, в области изучения древнейших памятников письма и истории искусства. В.Н. Щепкин читал теоретические курсы старославянского языка, введение в славяноведение, курс славянской палеографии, а также историю славянских литератур и историю южных славян; издал несколько учебников по палеографии. Его курс «История южных славян» был опубликован в 1913 г. и охватывал историю Болгарии и Сербии до турецкого завоевания включительно (XIV в.). Изложению предшествовало обширное введение, в котором характеризовались языки южных славян и делался вывод, что болгары, сербо-хорваты и словенцы составляли три независимые друг от друга лингвистические группы, родственные между собой только по отдаленному предку — языку общеславянскому. Далее говорилось об этнографической ситуации на Балканах до прихода туда славян, о переселении народов и борьбе Византии с «варварами», о захвате славянами византийской территории. Щепкин характеризовал географические условия земель, занятых южными славянами, культурное наследие этих народов. Что касается прародины славян, то ученый придерживался так называемой карпатской теории. В разделе о древней истории Болгарии оценивались византийские источники, повествовавшие о приходе болгар,

³³ Трубецкой С. Научная деятельность А.М. Иванцова-Платонова // В память А.М. Иванцова-Платонова. С. 26-27.

³⁴ Подробно о взглядах А.М. Иванцова-Платонова на гуситское движение см.: Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения.

³⁵ О В.Н. Щепкине см.: Лаптева Л.П. В.Н. Щепкин и его деятельность как профессора Московского университета в конце XIX и начале XX в. // Славистика в университетах России. Тверь. 1993. С. 43-58; Она же. Славяноведение в Московском университете... С. 166-174.

а наряду с этим привлекались лингвистические данные для решения вопроса о «национальности болгар» и убедительно доказывалось их неславянское происхождение. Политические события излагались до IX в. Затем большой раздел в лекциях отводился теме «Кирилл и Мефодий». В нем подробно говорилось о деятельности солунских братьев. Автор придерживался мнения, что они были «двуязычными греками». «Возможно, замечает Щепкин, — что семья была славянского происхождения, но она по своему положению давно усвоила греческий язык и византийскую культуру». Подчеркивалось, что Солунь, где жили братья, была центром межславянских связей, благодаря чему господствующий класс владел как греческим, так и славянским языками, и этот факт был в Византии общеизвестным. Поэтому, отправляя Кирилла и Мефодия в Моравию, император Михаил III и сказал им: «Вы — солуняне, а все солуняне чисто беседуют по-славянски». Автор лекций подробно освещал вопрос о посольстве Кирилла и Мефодия в Великую Моравию. О значении этой миссии он говорил: «Подвиг Кирилла и Мефодия не исчерпывается грамотой. Грамота не создает культуры ... Подвиг не исчерпывается и проповедью христианства ... Кирилл и Мефодий связали воедино три элемента цивилизации — народный язык, грамоту и христианство; более того, они сделали один из славянских языков общелитературным и тем объединили несколько народов». Кирилл лектор характеризовал как крупнейшего ученого своего времени, как одаренного лингвиста. Остановливаясь на изобретении славянской азбуки, Щепкин замечал: хотя прямых свидетельств и нет, но косвенные говорят о том, что Кирилл изобрел «глаголицу», а более простая «кириллица» была создана в Болгарии в X в. в литературной школе царя Симеона. Таким образом, уже в предреволюционный период русским ученым был в целом ясен вопрос о хронологическом первенстве глаголицы. В советское время некоторые исследователи возвратились к первоначальной точке зрения на этот предмет³⁶, но ныне правильным признано мнение Щепкина³⁷. Что же касается языка, на который была рассчитана азбука, то автор лекций отмечал: «Кирилл изобрел письмена и начал перевод Евангелия еще в Царьграде, очевидно, не на моравское наречие, а на солунское, которое знал с детства»³⁸.

Деятельность Кирилла и Мефодия освещалась Щепкиным на основании первоисточников (житий и проч.), коих он был большим знатоком. Логическим продолжением дела солунских братьев профессор считал развитие болгарской письменности, особенно в «литературной школе царя Симеона». Подробно излагалась и политическая история его правления. Описывая период правления царя Петра, автор лекций особое внимание уделял богомилству. На основании всех известных тогда источников Щепкин выводил зарождение ереси из павликианства (манихейства), излагал далее учение богомилов, признавал социальные причины возникновения богомилства и его распространения. «Богомилство, — подчеркивал он, — есть резкий ответ на резкое социальное неравенство и мертвенность официальных византийских форм, оковывавших Болгарию. Национальный демократический

³⁶ См., например: *Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1963. С. 79.

³⁷ См., например: *Бернштейн С.Б.* Константин-философ и Мефодий. М., 1984. С. 85.

³⁸ *Щепкин В.И.* История южных и западных славян. М., 1913. С. 145.

протест вылился в богомилство»³⁹. Впрочем, освещая богомилство на основании источников, Щепкин, видимо, не учел новейших по тому времени исследований проблемы. Так, сочинение Козьмы Пресвитера против богомилов профессор называл обличительными «беседами» или «словами», т. е. считал, что Козьма написал серию «обличений», тогда как уже в 1908 г. было доказано, что этот автор составил не 13 отдельных отрывков («бесед», «слов»), а единое сочинение под названием «Недостойного Козьмы Пресвитера Беседа на новоявленную ересь Богомилу»⁴⁰.

Истории Сербии Щепкин уделял в своих лекциях не менее серьезное внимание. И здесь он останавливался на ряде важных проблем. В частности, подробно характеризовалась задруга. Политическая история Сербии излагалась во всех деталях по принципу смены правлений, однако сербский политический строй характеризовался на основе «Законника» Стефана Душана. Это был скрупулезный анализ вопросов о государственной структуре зависимых масс общества, их правах и обязанностях. Затем Щепкин рассматривал вопрос о формах земельной собственности, как они рисуются в «Законнике». Особый раздел посвящался положению церкви. Далее подчеркивалось, что у южных славян «не сложился город, тот особый орган средневековой западной жизни, который в конце концов дал в результате новую европейскую культуру — материальную и духовную»⁴¹. Говорилось и о судебном устройстве Сербии по «Законнику», и о сербской военной организации. Заканчивая изложение истории Сербии, Щепкин останавливался на важнейших фактах экономического развития страны — торговле, денежной системе, земледелии, скотоводстве, горных приисках и государственных доходах, указывая, что после смерти Душана «Болгария и Сербия уже находились в состоянии распада». В книге освещалась борьба южнославянских государств с турками и в общих чертах характеризовалось государственное устройство турецкой державы.

В целом история южных славян в курсе лекций Щепкина излагалась с учетом достижений современной автору исторической науки. Хотя он и не был профессиональным историком, его главные оценки и суждения во многом разделяются современными исследователями.

Щепкин был в Московском университете далеко не единственным лектором по этому предмету в рассматриваемый период. Так, приват-доцент И. А. Линниченко (1857—1926), впоследствии профессор Новороссийского университета в Одессе, читал лекции по истории Чехии и Польши, по истории балтийских славян, общее введение в историю славянских народов. Один из его курсов был издан в 1895 г.⁴² Линниченко был знаком со всеми современными ему достижениями в области изучения истории западных славян и сообщал студентам свежий материал.

³⁹ Там же. С. 118.

⁴⁰ См. об этом: *Литтиско П. А.* Изучение источников по истории богомилства в Болгарии в русской историографии XIX — начала XX вв. — *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986. С. 148.

⁴¹ *Щепкин В. И.* Указ. соч. С. 251.

⁴² *Литтиско П. А.* История западных славян: Курс лекций. М., 1895.

Некоторое время историю славянских народов читал в университете профессор П. А. Лавров (1856—1929)⁴³. В советское время он стал академиком. Главным занятием Лаврова было исследование рукописных славянских памятников письменности. Во время своих многолетних штудий заграничных архивов и библиотек Лавров обнаружил много неизданных и ранее неверно атрибутированных материалов. Ученый широко известен как крупнейший исследователь древнеславянской письменности, основатель и один из выдающихся знатоков южнославянской палеографии. Сохранились два курса лекций Лаврова по истории славян⁴⁴. В одном из них рассматриваются история Болгарии и история Сербии, причем первой внимания уделено значительно больше, чем второй. В вводной части курса преподносится — на уровне последних тогда достижений науки — обзор источников и литературы по южным славянам в целом (до турецкого завоевания). К положительным сторонам лекций Лаврова о южных славянах следует отнести освещение в них таких проблем, как деятельность Кирилла и Мефодия; происхождение болгар (Лавров склонялся к разделяемой и ныне большинством ученых теории их тюркского этногенеза); социальная структура болгарского и сербского общества до турецкого завоевания; социальная подоплека ересей (особенно богомилства); правление Стефана Душана с оценкой его знаменитого «Законника» и источников, на которых он построен; особенности правового устройства Сербии; классификация существовавших в ней видов собственности; положение церкви в Болгарии и Сербии; борьба южных славян против попыток их порабощения. Ценность лекций Лаврова о южных славянах состоит и в большом количестве сведений справочно-энциклопедического характера, а также в цитировании переведенных на русский язык текстов ряда источников.

В целом студенты получали достаточно основательные знания по славянской истории. Но все же лекции Лаврова были далеко не безупречны. В них нет анализа социально-экономических процессов, не прослеживается связь между политическим развитием стран и уровнем их производительных сил. Лавров в совершенстве владел современными ему приемами филологического исследования, но был далек от прогрессивной для его времени методологии исторического позитивизма, от свойственного ей интереса к динамике экономических и социальных процессов. По сравнению с лекциями, читавшимися в Московском университете по истории западного средневековья, изложение материала Лавровым выглядит несколько архаичным⁴⁵.

⁴³ О П. А. Лаврове см.: *Ляпунов Б. М.* Краткий обзор жизни и научной деятельности П. А. Лаврова // Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 8. С. 547–557.

⁴⁴ *Лавров П. А.* История южных славян. Лекции, читанные в Московском университете. М., 1896; *Он же.* История Чехии. М., 1897.

⁴⁵ Подробнее этот курс Лаврова рассмотрен в статье: *Лантева Л. П.* Изучение истории Болгарии в Московском университете в конце XIX – начале XX веков // Староболгаристика. София, 1989. Т. XIII. Вып. 3. С. 24–38.

В еще большей мере это касается лекций Лаврова по истории Чехии, в которых явно ощущается влияние ставших уже анахронизмом славянофильских воззрений. Оно проявляется в характеристике Кирилла и Мефодия как носителей «православия», в особом внимании лектора к гуситскому движению (повествование о нем занимает около половины всего объема курса истории Чехии), в трактовке этого движения как стремления «восстановить изначальную славянскую религию», в недостаточном интересе к социальным корням движения, в специфически славянофильском освещении фигур Яна Гуса и Иеронима Пражского. Лавров, правда, отвергает «слишком категорические», с его точки зрения, суждения Е.П. Новикова о гуситской эпохе, сочувственно цитирует А.Ф. Гильфердинга, тоже считавшего, что утверждения Новикова недостаточно обоснованы. Однако в лекциях Лаврова по истории Чехии выявлено из источников множество имен сторонников Виклифа в Праге гуситского периода, показана тем самым степень распространения учения английского реформатора в чешской столице. Понимал Лавров и то, что выдвижение Гуса на роль народного вождя было обусловлено соответствием его учения чаяниям всех слоев чешского общества. В одном вопросе Лавров решительно отверг славянофильскую концепцию: он отметил, что нет никаких серьезных доказательств непрерывного существования обряда причащения мирян под обоими видами с момента введения в Чехии христианства до XIV в. (этот тезис был одной из основ славянофильского подхода к чешской средневековой истории). Отступая от славянофильских воззрений в частностях, Лавров в основном все же оставался адептом славянофильского освещения истории Чехии, будучи наиболее близок к тому его варианту, с которым выступал еще в 60—70-е годы XIX в. А.Ф. Гильфердинг⁴⁶.

После ухода Лаврова из Московского университета лекции по истории южных славян стал читать профессор М.И. Соколов (1854—1906)⁴⁷, а по истории западных славян — профессор М.К. Любавский (1860—1936).

М.И. Соколов был специалистом по славистике и русской словесности и с 1889 г. занимал в Московском университете кафедру русского языка и русской литературы. Интересовался он в основном литературой древнеславянской. В 1891 г. Соколов проанализировал одно открытое им сочинение Юрия Крижанича. Под редакцией ученого вышел 2-й выпуск «Собрания сочинений» Крижанича. В «Книге для чтения по истории средних веков» Соколов поместил статьи «Болгарская письменность»⁴⁸ и «Стефан Душан»⁴⁹. Соколов читал общий курс истории южных славян на историческом отделении факультета, а также ряд специальных курсов. Так, он вел занятия по истории богомилства, которые состояли из вступительных лекций, обсуждения подготовленных студентами рефератов по сочинениям

⁴⁶ Подробнее см.: *Лантсва Л.И.* Русская историография гуситского движения. С. 155—158.

⁴⁷ См. о нем: *Лантсва Л.И.* М.И. Соколов (1854—1906) как исследователь болгарской письменности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1994. № 2. С. 32—39; *Макарова Е.А.* М.И. Соколов. Опыт научной биографии // *Биография исследователя как жанр славистики.* Тверь, 1991. С. 53—68.

⁴⁸ Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. проф. П.Г. Виноградова. М., 1897. Т. 2.

⁴⁹ Там же. М., 1899. Т. 3.

Козмы Пресвитера, Евфимия Зигавина, Иллариона Мезленского (писателей, полемизировавших с богомилами) и объяснительного чтения текстов на латинском языке. В научных исследованиях М.И. Соколов разрабатывал проблемы южнославянской истории и литературы. Еще в 1888 г. он опубликовал найденный им текст, представлявший собой один из источников апокрифической компиляции попа Иеремии, считавшегося некоторыми учеными вождем первых еретиков в Болгарии. Изложив содержание компиляции, Соколов сравнил все сохранившиеся тексты и на основании их глубокого анализа, а также, учитывая относящиеся к компиляции другие источники, пришел к выводу, что опубликованное им произведение, встречающееся обыкновенно под заголовком «Слово о честном (крестном) древе», может быть сочинением Иеремии, которому оно и приписывается. Однако, считал Соколов, пресвитера Иеремию не следует отождествлять с попом Богомилом, распространителем названной его именем ереси в Болгарии. Точка зрения Соколова была поддержана и в дальнейшем развита русскими учеными. Соколов изучил также вопрос об источниках другого апокрифа, фигурирующего чаще всего под названием «Книга святого Иоанна». В специальной работе он указал на славянские источники этой богомильской книги и пришел к выводу, что «богомильский автор воспользовался апокрифическим Откровением Иоанна Богослова, известным в греческих и славянских текстах, а также книгой Еноха в ее славянской редакции, крестными легендами, видением Исаяи и при помощи этого материала изложил основные пункты богомильского учения». Вообще Соколов написал много миниатюрных исследований о древней апокрифической литературе, потребовавших огромной эрудиции, аналитического таланта и тщательности в обработке материала источников. Его труды явились важным вкладом в изучение древнеславянской истории и культуры.

Как уже упоминалось выше, курс истории западных славян читал в Московском университете профессор М.К. Любавский⁵⁰; эти чтения продолжались с некоторыми перерывами с 1900 по 1917 г. Любавский принадлежал к числу крупнейших историков конца XIX и особенно начала XX в. В 1893 г. на основе актов Литовской метрики, хранившейся в Московском архиве Министерства юстиции, Любавский опубликовал исследование «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута». Работа была высоко оценена польской и русской критикой. В 1901 г. вышла второе капитальное сочинение ученого — «Литовско-русский сейм». Оба обширных труда представляют собой образец анализа самостоятельно собранного громадного материала, на основании которого ученый внес в науку много нового для уяснения особенностей государственного управления и социального состава общества изучаемого региона; он определил границы административных округов, владений князей и магнатов и по этим данным создал политическую карту Литовско-русского государства XV — начала XVI вв., выдвинув свою точку зрения по изучаемым вопросам. Любавскому принадлежит большое число исследований и по другим сюжетам. Этот историк был в значительной мере и полонистом. Изучая историю Великого княжества Литовского, он,

⁵⁰ См. о нем: *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Любавский Михаил Кузьмич (1860–1936) // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 369–377; *Лантвева А.П.* Профессор М.К. Любавский как преподаватель истории западных славян в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1985. № 2. С. 46–54.

естественно, занимался и средневековой Польшей. Плодом его научных изысканий в этой области стал ряд обширных статей — «Польский король Казимир Великий», «Пешавские статуты Казимира Ягеллончика и значение их в истории государственного развития Польши», «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше»⁵¹. Новой польской истории Любавский уделил внимание в работах «Александр I и Польша»⁵², «Царство Польское и его конституция»⁵³. Польской истории ученый касался и в других трудах, например в статье «Исторические судьбы славянства»⁵⁴. Его многочисленные и разнообразные сочинения были посвящены экономической, социальной, правовой и политической истории. Они всегда были насыщены архивными материалами, многие не утратили своего значения до настоящего времени.

«История западных славян» М.К. Любавского издавалась дважды⁵⁵. Этот курс был для своего времени единственным в русской литературе цельным очерком истории западных славян, изложенным с достаточной полнотой и доступностью. Современники отмечали его богатое содержание и обстоятельность. Автор обрисовывал исторические судьбы западных славян с древности до XX в. Наиболее подробно излагалась история польского народа, которая занимает половину всего объема книги и доведена до XX столетия. Внимание к проблемам истории Польши автор объяснял тем, что польский народ особенно близок к русскому взаимными связями в прошлом и настоящем. Но, конечно, немаловажен и тот факт, что польская история была предметом научных исследований профессора, тогда как история прибалтийских славян и чехов им специально не разрабатывалась. Задачи, которые ставил перед собой лектор, преподавая студентам в Московском университете польскую историю, заключались не столько в изложении главных событий, сколько в том, чтобы выяснить, почему Польское государство, расширившись в XV—XVI вв. за счет немцев, литовцев и русских (настолько, что в начале XVII в. недалеко было и до поглощения всей Руси), с течением времени ослабело и прекратило свое самостоятельное существование. Ответ на этот вопрос, по мнению Любавского, следует искать во внутренней истории Польши, в особенностях ее экономической, социально-политической и духовной жизни. Подчеркивая далее специфику исторического развития западного славянства, Любавский отмечал важность изучения судеб польского народа для установления закономерностей в общественных явлениях. Обращает на себя внимание высокий уровень методологического подхода Любавского к исследованию важнейших вопросов польской государственности. Особенно интересно, что ученый признавал существование закономерностей в историческом процессе, а среди факторов, определяющих развитие польской истории, на первое место ставил фак-

⁵¹ Все эти статьи напечатаны в издании: Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. проф. П.Г. Виноградова. М., 1899. Вып. 3.

⁵² Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7.

⁵³ Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. 3.

⁵⁴ Эжекуреновский вестник. 1914. Кн. 3.

⁵⁵ Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Лекции, читанные в Московском университете и на Высших женских курсах в Москве. М., 1917 (2-е изд. — М., 1918).

тор экономический. Предпринятую Любавским периодизацию польской истории в целом можно считать традиционной для тогдашней историографии. В лекциях анализировались условия создания древнепольского государства. Процесс разложения родового строя и образования классов у западных славян в VII—IX вв. автор пособия считал закономерным явлением. Весьма основательно рассмотрены им вопросы феодальной раздробленности Польши в XII—XIII вв., роста крупного землевладения и иммунитета светских и духовных феодалов. Любавский считал, что Польша в своем государственном развитии двигалась в данном случае параллельно с западноевропейскими странами. Эту оценку нельзя не признать объективной. Интересно освещены проблемы немецкой колонизации в Польше XII—XIII вв. В этом процессе Любавский видел как положительные, так и отрицательные стороны. Основные его характеристики по этому вопросу приемлемы и в наше время.

Особый раздел в его курсе лекций посвящен описанию общественного и государственного устройства страны с конца XVI до середины XVIII в. Весьма обстоятельно и всесторонне автором рассмотрен вопрос о внутренней жизни Речи Посполитой накануне и в период ее разделов. Причины падения государства и захвата его территории соседями Любавский видел в особенностях организации страны и «историческом воспитании» польского общества. В этом государстве, по мнению ученого, не выработалось сильной и авторитетной центральной власти, не было достаточных финансовых средств. Оно «всецело предоставлено было в своем существовании гражданским добродетелям своего общества. Но этих добродетелей не приобрели ни высшей класс общества — шляхта, ни низшие — мещанство и крестьянство; первый — потому, что, поработив народную массу, создал вокруг себя атмосферу безделья и барства, в которой растрчивал физические, умственные и нравственные силы, а последние — оттого, что были загнаны и забыты и не имели случая испытать на себе благодеяния национальных порядков»⁵⁶. Этому объяснению причин распада Польши нельзя отказать в справедливости.

Освещая историю Польши после ее раздела, Любавский исходил из тезиса, что польское государство при всех недостатках своего внутреннего устройства все же обеспечивало польскому народу свободу национально-го развития; а вот после исчезновения государства возникла угроза самому существованию польского этноса, особенно в коренной Польше, попавшей под власть Австрии и Пруссии. Поэтому дальнейшие действия поляков автор квалифицировал как борьбу за независимость. Восстания 1830—1831 и 1863 гг. Любавский анализировал подробно, не выходя, однако, за рамки простой констатации фактов и воздерживаясь от оценок. В последних разделах этой части курса говорилось о судьбе польской народности под властью Австрии и Пруссии.

Таким образом, московский профессор в течение почти двух десятилетий весьма подробно излагал своим слушателям основные моменты польской истории с древнейших времен до XX в. Его лекции отличались

⁵⁶ Там же. С. 354.

известной субъективностью, но в целом история Польши преподносилась Любавским на уровне современных ему данных исторической науки⁵⁷.

История других западных славян не была предметом научного исследования Любавского и потому освещалась им на основе опубликованных источников и литературы. Рассматривался вопрос о прародине и расселении древних славян, давалась характеристика их экономического развития и общественного строя, обращалось внимание на возникновение у западных славян «общественных классов». Образование древнечешского и древнепольского государств представлено было как постепенное собирание земель под властью одного князя и возвышение его над остальными в процессе упадка родовласти. История западных славян излагалась Любавским в духе позитивизма.

Весьма убедительными представляются суждения ученого относительно исторических судеб полабско-балтийского славянства. Любавский выяснил причины колонизации славянских земель немецкими поселенцами, нарисовал картину социального и национального порабощения славян пришельцами. Вместе с тем автор, в соответствии с данными источников и литературы, говорит в своей книге о германизации и продолжающейся несколько столетий ассимиляции славянского населения немецким. В то время как некоторые авторы в период Первой мировой войны и обострения в России германофобских настроений акцентировали версии об истреблении немцами полабско-балтийского славянства, Любавский оставался на почве фактов. Наука подтвердила правильность его тезиса об ассимиляции. Истребление было невозможно уже потому, что захваченные земли требовали обработки: завоевателям было просто невыгодно лишаться местного населения как рабочей силы.

Чешскую историю Любавский излагал в курсе лекций по истории западных славян, а также в пособии «Лекции по истории Чехии», выпущенном отдельным литографированным изданием в 1912 г.⁵⁸ История Чехии в обоих случаях освещалась на основании литературы, главным образом чешской и немецкой. Учитывались также достижения русской и некоторые труды французской исторической науки. Этапы чешской истории выделялись в зависимости от типа монархии. В рамках этой периодизации затрагивались основные вопросы социально-экономической и политической истории Чехии. Особое внимание уделялось связям Чехии с Германией, которые определялись как «известная зависимость» славянского государства от империи. О правлении Карла IV Любавский высказывался как о «золотом веке» чешской истории. Значительное место отводилось истории гуситского движения. В целом в изложении истории гуситского движения ощущается отсутствие у Любавского собственной ясной позиции, она эклектична. Последгуситскую историю Чехии Любавский освещал также по сочинениям чешских историков.

Весь период истории Чехии XVI – начала XVII в. Любавский рассматривал как время религиозно-политической борьбы между Габсбургами и

⁵⁷ Подробный разбор курса лекций «История западных славян» содержится в кн.: *Литтвея Л.П.* Славяноведение в Московском университете... С. 189–203.

⁵⁸ *Любавский М.К.* Лекции по истории Чехии, читанные в Московском университете в 1911–1912 уч. году. М., 1912 (изложение доведено до XVI в.).

чешскими сословиями. Своим же национальным возрождением Чехия, по мнению ученого, была обязана политике просвещенного абсолютизма. Даже революция 1848 г. в Чехии квалифицировалась Любавским как движение политическое, но подготовленное в чешском обществе «ученою и литературною пропагандою». Изложение истории Чехии в лекциях «История западных славян» доведено автором до 1914 г.

Оценивая лекционные курсы Любавского, следует признать, что они содержат богатый конкретный материал, обработанный с позиций позитивистской методологии. В изучение истории Польши периода феодализма Любавский внес значительный вклад, что явилось достижением русской историографии.

Всесторонняя подготовка, которую получали в Московском университете все, кто избирал своим уделом профессорское поприще, позволяла и специалистам по всеобщей и русской истории читать курсы истории славян. В 1915 г. этот курс в университете стал читать профессор русской истории Ю.В. Готье (1873—1943)⁵⁹. В 1916 г. материалы его лекций были изданы под названием «История южных славян». «История» начинается описанием источников о южных славянах до турецкого завоевания, а более позднему периоду отводит лишь около ста последних страниц. Изложение отличается несколькими особенностями. Во-первых, автор систематически характеризует источниковую базу по истории южных славян того или иного периода и состояние разработанности важнейших вопросов в литературе, обращая внимание на новые теории, концепции, гипотезы. Во-вторых, хотя в изложении и преобладает политическая история (что объясняется скудостью источниковой базы по другим аспектам исторического развития), автор постоянно проявляет интерес к социальной структуре общества и «экономическому быту» южнославянских народов. Причины народных выступлений Готье видит в тяжелом положении масс, страдавших от поборов, войн, произвола со стороны господствующего класса, т.е. находившихся в состоянии политического и социального бесправия. Весьма характерно объяснение им некоторых причин возникновения и широкого распространения на Балканах богомилства. Определенные элементы учения богомилов, как указывает Готье, были использованы для идеологического обоснования борьбы народных масс против существующих порядков. Эта точка зрения разделяется и современной наукой. В-третьих, в «Истории южных славян» освещаются судьбы всех южнославянских народов — не только населения Сербии и Болгарии, но также Боснии, Хорватии, Дубровника, Черногории. В-четвертых, Готье постоянно обращается к русской истории, сравнивая образ жизни славян в древности с образом жизни русских; приводит сведения о политических взаимоотношениях в средние века, о культурных связях на протяжении всего рассматриваемого периода, о политике России и ее взаимоотношениях с созданными в XIX в. самостоятельными южнославянскими государствами. И наконец, большое место в своем курсе профессор отводит развитию культуры южных славян.

В целом лекции Ю.В. Готье отражают достижения русской позитивистской историографии дореволюционного периода, которая в изучении истории

⁵⁹ См. о нем: *Емельянов Ю.Н.* Ю.В. Готье // *Историки России. Биографии.* С. 516–523.

южных славян занимала одно из ведущих мест в Европе. Многие выводы Готье приемлемы и сегодня, хотя с тех пор прошел почти целый век и за это время историография продвинулась вперед.

Важнейшее сочинение начала XX в. по истории славян вышло из-под пера профессора всеобщей истории Московского университета Д.Н. Егорова (1878 — 1931)¹⁰⁰. Еще в студенческие годы Егоров занимался вопросами славяно-германских отношений в эпоху средневековья. В семинаре профессора П.Г. Виноградова в Московском университете он подготовил работу «Немецкая колонизация Бранденбурга» (не сохранилась). В 1906, 1908 — 1909 гг. во время командировок в Германию Егоров изучал архивные материалы о полабских славянах. Некоторые из найденных памятников он проанализировал в статьях «Новый источник по истории Прибалтийского славянства» (1909) и «Крестовое воззвание против славян 1108 года» (1909). Свой главный труд — «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII веке» (1915) — Д.Н. Егоров издал в двух томах. Первый из них — «Материал и метод» — ученый защитил как магистерскую диссертацию, а за второй том — «Процесс колонизации» — получил степень доктора всеобщей истории. Автор высказал резко критическое отношение ко всей предшествующей историографии, как русской, так и немецкой. Прежде всего, Егоров отвергал достоверность «Славянской хроники» Гельмольда, на сведениях которой основана значительная часть всей предшествующей литературы вопроса. Он отводил этой хронике лишь роль второстепенного материала. Ученый считал, что объективную картину колонизационных процессов в землях балтийских славян может дать другой источник, а именно «Десятичный список Ратцебургской епархии 1230 года», с которым Егоров ознакомился в оригинале, находясь в командировке в Лейпциге в 1909 г. Источник, представляющий собой перечень держателей, сидевших на земле епископа, ученый исследовал «комбинированным» методом, тщательно анализируя каждую отдельную запись с целью определить этническую принадлежность держателя и его происхождение. Для решения этих вопросов автор использовал данные вспомогательных исторических дисциплин — ономастики, дипломатики, геральдики, генеалогии. Метод комплексного использования источников разного типа был прогрессивным и оказался позднее исключительно перспективным. Егоров был первопроходцем нового направления в медиэвистике. Но поскольку многие вспомогательные дисциплины еще не получили достаточного развития, Егоров допустил и немало ошибок. Он переоценил значение славянской колонизации земель Мекленбурга, неправомочно полностью отверг значение «Славянской хроники» Гельмольда как источника. Отвергал ученый и тезис о стихийной немецкой колонизации и массовом истреблении славян, считая, что германизация происходила постепенно, в течение долгого времени. Исчезновение славянского населения в регионе Егоров относил к XVII в., считая его следствием Тридцатилетней войны.

¹⁰⁰ О Д.Н. Егорове см.: Горюнов А.И., Ратобильская А.В. Д.Н. Егоров. Научная деятельность и славяноведческие исследования. Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 80—111; Ланцева Л.И. Проблемы германизации полабско-балтийских славян в русской дореволюционной историографии. Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 171—191.

Книга Егорова вызвала критику. Но несмотря на ряд сомнительных, не принятых тогда наукой заключений и гипотез автора, монография о колонизации Мекленбурга была серьезным достижением не только русской, но и европейской медиевистики, а также славяноведения. Этот факт подтверждается, в частности, и тем, что книга была полностью переведена на немецкий язык, а немецкий ученый Г. Витте написал на нее обширную рецензию, приложив ее в качестве третьего тома к немецкому изданию двухтомника Егорова.

На последнем этапе дореволюционного развития славяноведения в России оживилась деятельность научных обществ — как ранее существовавших, так и вновь возникших. Первое место в изучении славянской проблематики среди обществ Московского университета занимало Московское археологическое общество (МАО), в составе которого в 1892 г. возникла специальная Славянская комиссия (СКИ МАО), просуществовавшая до 1915 г. Главное внимание Комиссии было направлено на изучение славянской словесности и истории славяноведения⁶¹, истории же славянских народов отводилась второстепенная роль.

На заседаниях Комиссии историческая тематика была представлена лишь некоторыми рефератами. Так, И.А. Линниченко докладывал «О новых теориях происхождения государства и сословий в Польше»⁶². «Западнорусской» истории был посвящен доклад того же ученого «Князь и бояре Гурко»⁶³. Дважды с докладами по польской истории выступал М.В. Довнар-Запольский. В противоположность другим исследователям, он отстаивал подлинность договора Казимира Великого с польскими князьями в 1366 г.⁶⁴ На другом заседании Довнар-Запольский читал доклад «Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.»⁶⁵ Что касается истории Болгарии, то большой вклад в ее изучение внесла публикация исследования Г.А. Ильинского «Грамота болгарских царей»⁶⁶. Это сочинение в свое время являлось образцом источниковедческого исследования славянских материалов и не утратило своего научного значения до наших дней. Значительное внимание уделялось богомильским источникам и неисследованным рукописям.

Сербская и чешская темы были представлены весьма скромно и ограничивались разбором литературных произведений и рефератами, посвященными отдельным ученым прошлого, преимущественно славистам. Результаты деятельности членов Славянской комиссии публиковались в специальном органе — «Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества» (ДТСК).

⁶¹ О деятельности СКИ МАО см.: *Лантвева Л.П.* Славяноведение в Московском университете... С. 205–218.

⁶² Протокол 2-го заседания СК, 17 ноября 1892 г. // ДТСК. М., 1895. Т. 1. С. 5.

⁶³ Протокол 23-го заседания СК, 4 января 1896 г. // ДТСК. М., 1898. Т. 2. С. 11.

⁶⁴ Протокол 22-го заседания СК, 8 декабря 1895 г. // ДТСК. Т. 2. С. 9. Доклад называется: «К истории польско-литовской борьбы за Вольнь (Договор 1366 г.)».

⁶⁵ Протокол 30-го заседания СК, 27 апреля 1897 г. // ДТСК. Т. 2. С. 20. Текст доклада — С. 118–145.

⁶⁶ ДТСК. М., 1911. Т. 5. С. 1–160.

Разрабатывалась славянская тематика и в старейшем ученом обществе Московского университета — Обществе истории и древностей российских. Интенсивная работа в нем университетских профессоров, занимавшихся славянской проблематикой (М.И. Соколова, М.Н. Сперанского, М.К. Любавского и др.), создала в нем атмосферу глубокой заинтересованности в изучении славянских древностей, древнеславянской литературы и источников. На страницах печатных органов Общества, прежде всего «Чтений», было опубликовано большое число как исследований, так и текстов источников по истории славян. Это, например, сведения иностранцев о России, такие как «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.» Бернгарда Таннера⁶⁷, документы «О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славяно-латинских школ»⁶⁸ и др. На страницах ЧОИДР был напечатан перевод на русский язык сочинений Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» — важнейших византийских источников о славянах⁶⁹. Первое место среди публикаций занимают те, что относятся к истории Польши. Так, М.В. Довнар-Запольский издал «Акты Литовского государства 1390—1529 гг.»⁷⁰, С.А. Белоусов напечатал «Краткую выписку о бывших между Польшею и Россиею переписках, войнах и перемириях (1462—1565)»⁷¹. С предисловием И.С. Рябинина увидело свет «Показание польского шляхтича Криштофа Граевского о поезде в Москву 1574—1575 г.»⁷² «Дневники второго похода Стефана Батория в Россию (1589)» Яна Зборовского и Луки Дзялынского вышли в переводе с польского в 1897 г.»⁷³. С предисловием Любавского был опубликован источник «Литовский канцлер Лев Сапега о событиях смутного времени (1611—1613)»⁷⁴. Некоторые материалы касались событий в Польше XVIII в., например: «Письмо польского короля Станислава Августа гетману литовскому князю Михаилу Огинскому»⁷⁵ или «Заключение Ф. Костюшка в крепости (1794—1795)»⁷⁶. В.А. Ульяницкий (Уляницкий) сообщил «Рескрипт императора Павла графу А. Разумовскому, послу в Вене, о возвращении Костюшке его писем»⁷⁷. Наряду с документами и другими источниками по истории Польши выходили статьи и монографии. Кроме уже упомянутых можно назвать работу П.А. Кулиша «Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654)»⁷⁸ и «Объяснение» к этому сочинению, написанное Г.Ф. Карповым. Укажем еще на статью А.Н. Зерцалова «Польские лазутчики на Руси в 1633—1634 гг.»⁷⁹. Печатались в «Чтениях» также рецензии на литературу и публикации

⁶⁷ ЧОИДР. 1891. № 3. С. 1—203.

⁶⁸ Там же. 1896. № 3. С. 34—35.

⁶⁹ Там же. 1899. № 1. С. 1—262.

⁷⁰ Там же. № 4. Вып. 1.

⁷¹ Там же. 1902. № 4. С. 9—12.

⁷² Там же. 1905. № 1. С. 1—26.

⁷³ Там же. 1897. № 1. С. 1—68.

⁷⁴ Там же. 1901. № 2. С. 1—16.

⁷⁵ Там же. 1912. № 2.

⁷⁶ Там же. № 1. С. 1—28.

⁷⁷ Там же. 1897. № 1. С. 14.

⁷⁸ Там же. 1888. № 2. Т. 1; № 4. Т. 2; 1889. № 1.

⁷⁹ Там же. 1894. № 2. С. 1—12.

источников по истории Польши. В целом польская история играла в этом издании первостепенную роль, тогда как работы по истории других славянских народов встречались лишь в порядке исключения. Много места в изданиях Общества в исследуемый период было отведено и его собственной истории, а также славяноведению вообще. В первую очередь были опубликованы письма О.М. Бодянского, многие годы являвшегося секретарем Общества, а также письма к нему иностранных и русских ученых. Публиковались некоторые материалы и о связях других русских ученых с западнославянскими.

Из приведенного материала о деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете видно, что его члены интенсивно разрабатывали славянскую тематику. Публикацией источников они не только ликвидировали белые пятна в науке о славянах, но и создавали базу для дальнейших работ в этом направлении, вводили в научный оборот новые материалы и в целом вносили большой вклад в славяноведение как в России, так и за ее пределами. Впрочем, нельзя не отметить некоторой односторонности в интересе членов Общества к славянам. В основном направление работы определяли те, кто непосредственно руководил изданием «Чтений». В первую очередь это были секретари ОИДР, в рассматриваемый период — М.Н. Сперанский и М.К. Любавский.

Профессора Московского университета имели возможность публиковать свою научную продукцию не только в «Известиях Московского университета» и печатных органах научных обществ, но и в других научных, литературных и общественно-политических журналах. Для более глубокого усвоения студентами преподносимого им материала была предпринята публикация «Книги для чтения по истории средних веков». С 1898 по 1914 г. она вышла двумя изданиями по четыре выпуска каждое. В книге помещались и статьи о славянах, иногда весьма обширные и учитывавшие последние научные достижения по освещаемым вопросам. Например, были опубликованы статьи П.А. Лавровского «Свв. Кирилл и Мефодий — первоучители славянские», М. Покровского «Симеон — царь болгарский», сочинение М.И. Соколова «Болгарская письменность»⁸⁰. В третьем выпуске «Книги для чтения...» была опубликована серия уже упомянутых статей Любавского о средневековой Польше, в четвертом — статья М.Н. Сперанского «Гуситы и чешские братья»⁸¹ и многие другие. «Книга для чтения по истории средних веков» оказалась весьма ценным учебным пособием, и по ее образцу в Московском университете было организовано (с 1909 по 1914 г.) издание «Книги для чтения по истории нового времени» (также в четырех выпусках). Из материалов по славянской проблематике здесь были напечатаны, например, статьи И. Рябинина «Польша в XVII веке»⁸² и В.Н. Щепкина «Славянское Возрождение»⁸³.

⁸⁰ Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1899. 2-е изд. Вып. 2. С. 133-220, 221-246, 941-959.

⁸¹ Там же. М., 1899. Вып. 4. С. 117-127.

⁸² Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. 2. С. 468-510.

⁸³ Там же. М., 1914. Т. 4. Ч. 2. С. 1-50.

Подводя итог развитию исторической науки в области славяноведения в Московском университете до 1917 г., можно сделать несколько выводов. Прежде всего, изучение истории славян развивалось здесь постепенно. В дореформенный период в преподавании славянистических дисциплин история была скорее фоном для освещения культурного развития, не являясь предметом специального рассмотрения. Но именно в Московском университете началось научное исследование славянской истории, т.е. изучение источников и создание определенных концепций. Одной из таких концепций было славянофильство. Взгляды на прошлое славян основывались на романтической теории об особом пути развития славянства и его предназначении.

В пореформенный период произошли изменения в структуре преподавания. История славян полностью отделилась от филологии и читалась в виде общего курса для студентов исторических отделений историко-филологического факультета. Каждый лектор издавал свои курсы в литографированном или ином варианте, за счет чего решался вопрос об учебных пособиях. Содержание лекций показывает, что славянская история преподавалась на современном научном уровне. Во взглядах на историческое прошлое славян произошли коренные изменения, ведущее место заняла позитивистская методология, хотя существовали и рецидивы славянофильского подхода к отдельным явлениям славянской истории. Уровень подготовки кадров славистов в Московском университете, насколько это можно проследить по преподавательскому составу, был весьма высок. Расширилась проблематика исследований. Большое внимание уделялось польской истории, которую славянофильская историография дореформенного периода игнорировала. Учеными Московского университета был создан ряд крупных поваторских трудов по истории славян. Вместе с тем по уровню научной разработки славянской истории Московский университет постепенно уступал первенство Петербургскому и академическим учреждениям. Если на дореформенном этапе развития славяноведения в Москве возникла школа историков славянофильского направления, то в процессе смены методологических подходов и теорий, перехода к позитивизму и его последующей гегемонии, здесь не сформировалось никакой определенной школы историков-славистов. Отсутствие в Московском университете (как и в других университетах) ярко выраженной историко-славянистической школы объясняется прежде всего тем, что в рассмотренный период в нем не существовало специальной кафедры истории славян, а следовательно, и специализации по этой дисциплине. В целом же славяноведение в Московском университете в последние 30 лет перед Октябрьской революцией находилось на подъеме. Московскому университету принадлежит немалая часть тех заслуг, которые обеспечили ведущее место России в европейском славяноведении.

Упадок славяноведения в Московском университете в 1917 — 1939 гг.

Октябрьская революция в корне изменила условия развития науки в России. Утверждались новая, марксистская идеология и методология, причем в большевистском, т.е. достаточно далеком от учения К. Маркса и Ф. Энгельса варианте. Гуманитарные дисциплины в их прежнем виде были объявлены элементом буржуазной науки, не отвечающей задачам построения нового, социалистического общества. Старые профессора увольнялись с работы или переводились в другие учреждения. Славяноведение исчезало из сферы преподавания и научного исследования. Славянофильство стало синонимом реакционности и контрреволюции. Возобладала теория пролетарского интернационализма. Разруха, анархия и все сопутствующие таким явлениям беды вызвали массовую эмиграцию интеллигенции за границу. Эмигрировали не только представители бывшего господствующего класса, но и люди умственного труда, чьи знания советская власть не сумела использовать для построения нового общества. Правда, преобладающая часть интеллигенции, не приняв революции и не одобряя новых порядков, протестовала лишь пассивно. Те ученые, которые по разным причинам остались в России, были лишены элементарных условий существования.

Большинство русских славистов в первое десятилетие советской власти оказались за границей. Основная масса уехала в славянские страны — Чехословакию, Болгарию, Сербию. Оставшиеся в России пытались приспособиться к новым порядкам и даже помочь советской власти в строительстве новой системы образования и организации науки. Так, профессор Московского университета Д.Н. Егоров принял активное участие в создании высших учебных заведений. Он стоял у истоков реорганизации архивного и библиотечного дела в Советской России, работал в первых советских энциклопедиях, был составителем и редактором хрестоматий, писал популярные брошюры. С 1919 г. Егоров заведовал отделом всеобщей истории, а затем стал заместителем директора главной российской библиотеки, получившей название Ленинской (ныне РГБ). В 1928 г. Д.Н. Егоров был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Однако 30 августа 1930 г. ученый был арестован по «Делу Академии наук» (оно же «Дело Платонова»), сфабрикованному ОГПУ. Началась травля Егорова в печати. В «Ленинградской Правде» от 24 января 1930 г. крайне негативно оценивалось все его дореволюционное творчество, в том числе и книга «Колонизация Мекленбурга», и полностью замалчивалась деятельность ученого в советский период. Автор статьи назвал Егорова типичным представителем враждебной марксизму исторической науки. Егорову припомнили его успешные выступления в Германии (о славяно-германских связях) в 1928 г. и обвинили в сочувствии национализму немцев. Крупнейший исследователь славяно-германских отношений средневековья был осужден и отправлен в ссылку в Ташкент, где вскоре умер.

Вместе с Егоровым над организацией архивного и преобразованием библиотечного дела работал Ю.В. Готье. Он читал лекции на шестимесячных курсах по подготовке архивных работников, разработал положение о научных отделах и составлении систематического каталога

Ленинской библиотеки. Уже в 1922 г. Готье был избран членом-корреспондентом Академии наук, руководил отделом истории России XVIII в. в Историческом музее. Но в июле 1930 г. он был арестован по тому же «Делу», что и Егоров, и обвинен в том, что якобы возглавлял московскую секцию конспиративной контрреволюционной группы. Руководителем же «заговора» был объявлен академик С.Ф. Платонов, с которым Готье поддерживал дружеские отношения. Московский профессор на пять лет был выслан в Самару⁸⁴. В дальнейшем Готье посвятил пять лет изучению истории России и к славянским сюжетам не возвращался.

Проблемами, связанными с архивным делом, интересовался после 1917 г. и полонист М.К. Любавский. С 1918 г. он трудился в структуре Главархива, преподавал архивоведение, занимал различные должности в учреждениях, осуществлявших централизацию архивного дела в стране и издание архивных документов. В 1929 г. Любавский был избран действительным членом АН СССР по отделению гуманитарных наук (членом-корреспондентом он являлся с 1917 г.). Но в августе 1930 г. и он был арестован по «платоновскому делу», лишен звания академика, осужден и на пять лет сослан в Уфу, где и умер.

Трагически сложилась судьба слависта, палеографа и текстолога, академика М.Н. Сперанского. Член-корреспондент Академии наук с 1902 г., Сперанский занимал должность ординарного профессора Московского университета по кафедре русского языка и словесности с 1906 по 1917 г. Он подготовил большое число учеников, являлся членом МАО, участвовал в археологических съездах, был секретарем ОИДР. До 1917 г. Сперанский интересовался вопросами русско-славянских научных связей, публиковал письма П.И. Шафарика славянским ученым, издал ряд важных работ по истории русской и зарубежной славистики; в 1921 г. был избран академиком и к тридцатым годам сделался уже всемирно известным ученым в области славистики и русистики. В 1917 г. Сперанский был уволен из Московского университета и перешел на работу в Исторический музей, где около десяти лет возглавлял Отдел рукописей. Как ученый Сперанский сформировался задолго до Октябрьской революции, до конца жизни он оставался верен дореволюционным традициям. Никакой деятельностью кроме научной он не занимался, но идей революции не принял. В конце 1933 – начале 1934 г. органами ОГПУ было сфабриковано дело «Российской национальной партии» (оно же «Дело славистов»)⁸⁵, и роль «вождей» этой несуществующей организации была инкриминирована Сперанскому. 12 апреля 1934 г. он был арестован и приговорен к ссылке в Уфу на три года, хотя и заявил, что о существовании «контрреволюционной организации» узнал лишь от следователя при допросе в ОГПУ. Но все же ученый был оставлен в Москве — только потому, что его брат Г.Н. Сперанский, известный детский врач, главный

⁸⁴ См.: *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // *Вопросы истории.* 1989. № 5.

⁸⁵ См. об этом: *Аннин Ф.Л., Анатов В.М.* «Дело славистов». 30-е гг. М., 1994.

кремлевский педиатр, лечивший детей членов Политбюро ВКП(б), обратился к Сталину с просьбой о защите, и, видимо, это решило судьбу М.Н. Сперанского. Он избежал ссылки, но был фактически отлучен от науки — исключен из Академии наук и лишен права на издание трудов. Оставшись без средств к существованию, М.Н. Сперанский был вынужден продать свою библиотеку и жил только на деньги, получаемые от брата. За последние несколько лет жизни (он умер в 1938 г.). Сперанский написал восемь значительных работ, но изданы они были лишь посмертно, в 50—60-е годы XX в.

Всего по так называемому «Делу Российской национальной партии», именуемому иногда также «Делом славистов», было репрессировано 39 человек в Москве и столько же в Ленинграде. Жертвами произвола стали известные ученые. Помимо М.Н. Сперанского, это были Н.Н. Дурново, В.Н. Перетц, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, В.В. Виноградов, И.П. Сычев, П.Д. Барановский, В.Н. Сидоров и другие. В 1937–1938 гг. не менее трети осужденных были уничтожены, несколько человек еще ранее умерли в лагерях. Славяноведение в Московском университете прекратило свое существование.

*Возрождение и развития славяноведения**

Возрождение славяноведения в Московском университете началось с организации кафедры южных и западных славян.

Идея учредить самостоятельный историко-славистический центр в Московском государственном университете была вызвана целым рядом обстоятельств — 30-х годов XX в., нарастанием военной угрозы в Европе, ростом интереса к истории зарубежных славянских народов, упрочением позиций мировой славистики. Организации кафедры способствовали возрождение системы исторического образования в СССР в 30-е годы, возвращение к работе авторитетных ученых-славистов, а также сама логика развития исторической науки, все более дифференцировавшейся по направлениям и научным дисциплинам.

Кафедра истории южных и западных славян как новое подразделение исторического факультета начала свою деятельность 1 сентября 1939 г., когда в отечественном университетском образовании история зарубежных славянских народов была выделена в самостоятельную дисциплину. Это означало, что в отечественном славяноведении возникли необходимые условия для преодоления «филологического уклона», доминировавшего в дореволюционной и послеоктябрьской славистической науке.

Впервые проблемы становления кафедры истории южных и западных славян были освещены стоявшими у ее истоков сотрудниками.

* В основу раздела положены документы, хранящиеся в Архиве Московского государственного университета, а также на кафедре истории южных и западных славян. Помимо этого, были широко использованы уже опубликованные материалы, наработки предшественников, в том или ином ракурсе затрагивавших историю этого подразделения исторического факультета.

Потребность в осмыслении пути, который проделал этот коллектив, стала особенно очевидной во второй половине 60-х годов. Так, попытку показать специфику работы кафедры в 1939—1941 гг. предприняла старейший ее сотрудник Б.М. Руколь⁸⁶. Развернутый анализ деятельности кафедры вплоть до середины 60-х годов был дан в статье, написанной И.М. Белявской и И.А. Воронковым⁸⁷. Через десять лет, в 1979 г., вышел сборник, приуроченный к 40-летию кафедры⁸⁸. Фундаментальный очерк о жизни кафедры до середины 80-х годов, автором которого был В.Г. Карасев, вошел в книгу, изданную к 50-летию исторического факультета МГУ⁸⁹. В статье З.С. Ненашевой и Х.Х. Хайретдинова⁹⁰, так же как и в новой статье В.Г. Карасева⁹¹, подготовленных к 50-летию юбилею кафедры, была дана общая характеристика ее истории. Следует упомянуть и статью Л.П. Лаптевой, опубликованную в 1987 г., где речь идет о проблеме периодизации отечественного славяноведения в XX в.⁹² К 60-летию кафедры вышел сборник «Историческая славистика в МГУ», который содержит материалы о преподавателях кафедры, ушедших из жизни в 1989—1999 гг.⁹³

* * *

На этапе своего становления (1939 — конец 50-х годов) кафедра истории южных и западных славян вела поиск наиболее оптимальных организационных форм подготовки славяноведов-марксистов; одновременно интенсивно разрабатывалась марксистская концепция исторического прошлого зарубежных славянских народов.

Первым заведующим кафедрой был крупный славист, талантливый организатор науки В.И. Пичета (1878—1947). Благодаря его усилиям, кафедра превратилась в важную составляющую научной и учебной деятельности факультета. Период с 1939 г. до конца 1950-х годов стал ключевым для формирования облика кафедры, поскольку в эти годы была создана новая модель учебного подразделения славистического профиля.

⁸⁶ *Руколь Б.М.* Славяноведение в Московском университете (1939—1941) // Очерки по истории современной науки и культуры. М., 1968. С. 201—202.

⁸⁷ *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете / Вести. Моск. ун-та. 1968. № 1. С. 3—11.

⁸⁸ *Историки-слависты Московского университета, 1939—1979* / Отв. ред. А.Е. Москаленко. М., 1979.

⁸⁹ *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984. С. 183—204.

⁹⁰ *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 68—77.

⁹¹ *Карасев В.Г.* Полудековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ — 50 лет славистики в Московском университете / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 1989. С. 5—6.

⁹² *Лаптева Л.П.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835—1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 1987. С. 13.

⁹³ *Историческая славистика в МГУ, 1989—1999*: Сб. статей и материалов / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2000.

В докладной записке В.И. Пичеты от 9 мая 1939 г. был разработан план⁹⁴, носивший программный характер; его девять пунктов охватывали все стороны деятельности новой кафедры. В первый год работы ее коллективу предстояло подготовить к печати сборник документов в двух частях и краткий учебник по истории западного славянства. Кроме того, речь шла об открытии аспирантуры и обеспечении кафедры библиотекой. На второй год были поставлены не менее впечатляющие цели. Кафедра обязывалась выполнить ряд научных исследований; разработать курс по истории южных славян; подготовить грамматическое руководство по отдельным славянским языкам и хрестоматии. Несмотря на целеустремленность, преданность делу, организаторские способности заведующего кафедрой, эти задачи в силу своей масштабности вряд ли можно было решить в столь короткие сроки. В штат «кафедры славяноведения» предлагалось включить, помимо В.И. Пичеты, профессора по истории Чехии; доцента по истории южных славян и четырех преподавателей славянских языков. Нельзя не согласиться с В.Г. Карасевым, что в момент создания кафедры «на многие годы вперед было определено ее развитие в области учебной и научной работы»⁹⁵.

Стоявшие у истоков кафедры крупнейшие ученые — член-корреспондент с 1939 г., академик с 1946 г. В.И. Пичета; иммигрировавший в СССР и нашедший здесь политическое убежище профессор Пражского университета Зд. Неядлы (1877—1962)⁹⁶, преподававший на кафедре с осени 1939 г.; профессор С.А. Никитин (1901—1979), принятый в штат в 1942 г., — мечтали о форсированном развитии исторической славистики. Научно-исследовательская работа была ориентирована на изучение четырех основных проблем: этногенеза славян, их социально-экономического строя и быта в древности, отношений славян с Византией, образования ранних славянских государств. Такой точки зрения придерживался В.И. Пичета⁹⁷. Научная работа кафедры мыслилась в лучших традициях русской исторической школы XIX в., для которой были характерны привлечение широкого круга источников, их тщательный анализ, понимание важности социально-экономического фактора в историческом процессе. Именно в этом духе были воспитаны и долгие годы работали В.И. Пичета и его ближайшие соратники.

Как известно, круг научных интересов В.И. Пичеты был очень широк. Об этом свидетельствует научное наследие ученого. Он занимался историей народов СССР, историей славянских и других европейских народов, историографией и источниковедением. При этом изучение прошлого славян В.И. Пичета возобновил в конце 30-х — 40-е годы XX в. После возвращения из административной ссылки в Вятку (арестован в 1930, сослан в 1931 г.) он сначала преподавал в Воронеже, затем, с 1935 г. — в Московском пединституте им. В.И. Ленина. В 1938 г. В.И. Пичета перешел на исторический факультет МГУ, где весной 1939 г. читал лекции по истории Украины.

⁹⁴ Докладная записка В.И. Пичеты декану исторического факультета МГУ И.Д. Удальцову // Историки-слависты Московского университета. С. 182.

⁹⁵ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. С. 189.

⁹⁶ Руколь Б.М. Зденек Неядлы в Московском университете // Зденек Неядлы - выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 212-225; Она же. Педагогическая и научная деятельность Зденека Неядлы - в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер.8. История. 1978. № 3.

⁹⁷ См. подробнее: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.: Л., 1942. С. 229.

Вторая мировая война, так или иначе затронувшая все славянские народы, оказала заметное влияние на славистику. Уже в 1940 г. выдвигается задача «впервые за советский период начать марксистскую разработку истории южных и западных славян»⁹⁸. Это вмешательство идеологии нарушило естественный ход развития исторического славяноведения как отрасли науки. Освободительное антифашистское движение славянских народов поставило в центр внимания славистов исследование истории борьбы славян против немецкой агрессии, а также их дружественных связей с Россией. В это время В.И. Пичета обратился ко многим новым проблемам славянской истории. Его коллеги, историки отдавали все силы в первую очередь созданию массовой военно-патриотической литературы.

Однако и научные издания, вышедшие в годы войны и сразу после ее окончания, несли на себе печать прямого идеологического заказа — вести острую критику националистической историографии, противостоять фашистскому извращению истории славян. В этом духе был написан сборник «Преступления фашистов против исторической науки»⁹⁹. В 1944 г. В.И. Пичета, Н.П. Грацианский. Зд. Неелды подготовили другой сборник статей, по существу, коллективную монографию — «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии»¹⁰⁰. Этот труд можно рассматривать как первое обобщение истории зарубежных славянских народов в советской историографии.

Следует признать, что оценка работ 40-х годов была достаточно жесткой. В частности, «История Чехии», вышедшая в 1947 г.¹⁰¹, подверглась резкой критике прежде всего за аполитичность, недостаточность классового подхода¹⁰², хотя позднее неоднократно указывалось на ее очевидную публицистичность, безмерную идеологизированность.

В годы войны и сразу после нее широко практиковалось совмещение преподавательской деятельности на кафедре с научной работой в секторе славяноведения Института истории АН СССР (с 1 января 1947 г. — Институт славяноведения АН СССР). В штате кафедры в 1946/47 учебном году были профессор, доцент, старший преподаватель, два преподавателя, работавших на полставки, и семь человек на почасовой оплате¹⁰³. Разработанный В.И. Пичетой пятилетний план научных исследований на 1946—1950 гг. ярко отражает настроения того времени, общий энтузиазм народа первых послевоенных лет. План включал 15 позиций. Думается, что автор анализируемого документа исходил, скорее, из веры в широкие возможности

⁹⁸ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. С. 191.

⁹⁹ Преступления фашистов против исторической науки: Сб. исторического факультета. Под ред. проф. С.К. Бушуева (Московский университет им. М.В. Ломоносова. Учен. зап. Вых. 81). 1945.

¹⁰⁰ Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии: Сб. статей / Под ред. проф. З.Р. Неелды. М., 1944.

¹⁰¹ В.И. Пичета и Б.М. Руколь могли принимать участие в ее составлении и как сотрудники Института славяноведения АН СССР.

¹⁰² См.: Архив МГУ. Ф. 9, Оп. 8, Ед. хр. 159; Протоколы заседания кафедры за 1948—1949 гг. Л. 32—38.

¹⁰³ Историки-слависты Московского университета. С. 187. Трудно разделить научную продукцию этих лет, так как она выходила без грифа Института славяноведения, а авторы зачастую были совместителями на кафедре.

науки, чем из реального положения дел на кафедре. Создание учебников было выделено В.И. Пичетой как одно из приоритетных направлений научной деятельности. Причем первоначально предполагалось сосредоточиться на издании учебных пособий по истории отдельных стран. Однако вскоре эта концепция изменилась. В мае 1947 г. Пичета сообщил о предложении Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР приступить к работе над «всеобъемлющим» учебником. В ответ на постановление правительства о строительстве нового здания МГУ на Ленинских горах члены кафедры приняли обязательство «подготовить в течение двух лет к печати учебник по истории южных и западных славян»¹⁰⁴. Вскоре параллельно с написанием учебника решено было приступить к составлению «Хрестоматии по истории южных и западных славян» в двух томах по 40 печатных листов каждый. Срок исполнения этой работы был намечен на 1953 г.¹⁰⁵

Столь масштабные планы можно было осуществить, объединив силы кафедры и Института славяноведения АН СССР. Положительным примером служил «Славянский сборник», вышедший в 1947 г. Для него Б.Д. Греков подготовил статью «Образование государства восточных славян», Н.С. Державин — «Образование Болгарского государства», З.Г. Федты — «Образование Чешского государства», Ю.В. Готье — «Образование Сербского государства», В.И. Пичета — «Образование Польского государства». Фактически это была коллективная монография, написанная историками, занимавшими близкие позиции по проблемам формирования раннефеодальных славянских государств и этногенеза славян.

Большинство из исследований, проведенных В.И. Пичетой в годы работы на кафедре, остались в той или иной степени незавершенными. В настоящее время они находятся в рукописном виде в Архиве АН РФ. Главными из них являются «История Польши»¹⁰⁶ и монография по источниковедению истории Польши. Важнейшую свою задачу ученый видел в том, чтобы дать новую периодизацию польской истории, полностью отказавшись от формальной юридической периодизации буржуазных русских и польских авторов. В центре его внимания, вслед за М.К. Любавским, оказалась система феодальных отношений как определяющая форма организации власти. В освещении истории польских земель первой половины XIX в. основной акцент был сделан на уровень развития производительных сил, на характер борьбы польского народа за восстановление политической независимости. В данном контексте В.И. Пичета считал необходимым опереться на оценку этих событий основоположниками марксизма.

Не закончил В.И. Пичета и монографию «Польский вопрос в международных отношениях, 1795—1848», написанную на большом массиве архивных материалов. Не опубликованы и его историографические обзоры литературы по истории южных и западных славян, такие как «История Чехии в чешской историографии», «Новая югославская историография», «Изучение

¹⁰⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 135. Л. 23.

¹⁰⁵ Там же. Ед. хр. 159. Л. 5.

¹⁰⁶ Работа над первым томом (50 п.л.), где изложение материала заканчивается разделами Речи Посполитой, была завершена к 1946 г.; по второму тому (до восстания 1863 г. 35 п.л.) были написаны отдельные главы; по третьему (до 1917 г. 15 п.л.) — фрагменты.

истории Польши в русской историографии» и многие другие труды, раскрывающие необычайно широкий круг научных интересов этого выдающегося советского слависта¹⁰⁷.

В поздних работах ученого очевидны изменения в оценках деятельности известных славянских подвижников (например, Юрия Крижанича), тех или иных политических событий, что было связано не столько с накоплением новых научных данных, сколько с в дальнейшем официальных идеологических установок¹⁰⁸.

Ближайшим соратником В.И. Пичеты стал Зд. Нееды. Крупный чешский ученый, с 1907 г. член-корреспондент Чешской Академии наук, с 1920 г. — академик, глубокий знаток истории культуры, политической истории, Зд. Нееды в конце мая 1939 г. единогласно был избран профессором исторического факультета МГУ. В то время создание курса по истории западных и южных славян рассматривалось руководством факультета как «чрезвычайно ответственная научно-исследовательская работа». Курс «История Чехии», «Введение в славяноведение» («Введение в изучение славянства»), спецкурс «История Словакии», разработанные в 1939—1940 гг. Зд. Нееды, имели огромное значение для развития славяноведения в МГУ, академической славистики: вошли в качестве составной части в дальнейшие исследования чешского ученого. Именно его курс «Введение в историю южных и западных славян», подготовленный в 1942—1943 гг. после возвращения из эвакуации (с 1 апреля 1942 г. Нееды исполнял обязанности заведующего кафедрой), открывал новую страницу в изучении и преподавании славистики на историческом факультете. Курс истории южных и западных славян стал общим курсом исторического образования. Многие свои начинания Нееды продолжил в Праге после возвращения из СССР, где он оставил блестящую плеяду учеников¹⁰⁹.

С 1947 по 1961 г. заведующим кафедрой был С.А. Никитин, который приступил к работе на историческом факультете в 1941 г., а с 1942 г. стал преподавателем кафедры. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Основным направлением его научных изысканий было изучение деятельности Славянских комитетов в России, истории отечественного славяноведения, политики российских дипломатов на Балканах, балканских связей русской периодической печати, славянских сюжетов в революции 1848—1849 гг. и др.

В 1947 г. доцент С.А. Никитин защитил докторскую диссертацию на тему «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853—1876 гг.» и получил звание профессора. Его оценки по многим вопросам российской политики на Балканах в XIX в., подходы к изучению истории

¹⁰⁷ Из новейших трудов, написанных членами кафедры и посвященных В.И. Пичете, можно указать статьи: *Уткина Л.И.* Фонд академика В.И. Пичеты в архиве АН СССР // 50 лет славистики в Московском университете. С. 34—42; *Рукоть Б.М.* В.И. Пичета — педагог и пропагандист идеи общности исторического развития славян. Новые архивные материалы // Историческая славистика в МГУ... С. 56—73.

¹⁰⁸ См. подробнее: *Дмитриев М.В.* История славянских культур и религиозно-общественных движений в исследованиях В.И. Пичеты // 50 лет славистики в Московском университете. С. 43—59.

¹⁰⁹ Среди учеников Зд. Нееды были П.И. Удальцов, И.С. Миллер, В.Д. Королюк и др. Курсы «История чешского народа» и «Введение в славяноведение» имели непосредственное отношение к книге «*Dějiny národa českého*». Díl 1. Praha, 1958.

южных славян, особенно Болгарии, в период средневековья и национально-го Возрождения долгое время оставались основополагающими. В свою очередь, коллективные труды, публикации источников, подготовкой которых он руководил, являются образцовыми для многих поколений славистов.

Исследования магистральной темы — славянского вопроса в России — составляют богатое наследие. Накопление источников, критика буржуазных концепций, всестороннее и глубокое изучение конкретных событий на широком историческом фоне, установление взаимосвязей между явлениями, стремление заглянуть глубже поверхностной зыби политических столкновений способствовали постановке новых проблем, определили масштабность его трудов.

Важнейшими этапами в истории славянского вопроса в России С.А. Никитин считал славянские съезды 60-х годов и подъем славянского движения, связанный с Восточным кризисом 70-х годов XIX в. Что касается «русского славизма первой половины XIX века», то всех его представителей при всем разнообразии течений отличала, по мнению С.А. Никитина, одна черта — «интерес к славянскому миру носил у них характер отвлеченный, литературный». Трактовка Никитиным славянофильства была весьма жесткой. Так, в его изложении, Славянский комитет был «гнездилищем правых элементов — славянофилов, панславистов разных толков». При этом С.А. Никитин вынужден был ссылаться на высказывания И.В. Сталина о «великодержавном панславизме» и на точку зрения В.И. Ленина, видевшего в действиях российского правительства пример использования комитета для «своих грандиозных политических надувательств».

Следует признать, что С.А. Никитину, получившему фундаментальное гуманитарное образование, овладение марксизмом давалось нелегко. Ссылки на классиков, цитаты из их произведений носили «дежурный характер», поскольку зачастую находились в очевидном противоречии с логикой изложения конкретного материала¹¹⁰. В сущности, этот историк был убежден, что политика России объективно помогала национальному освобождению южных славян, их освобождению от османской зависимости. Однако, угадывая направление развития исторической науки, вопреки критике идеологов, ученый, чтобы сохранить эту проблематику для дальнейших исследований, пытался защитить ее если не позитивной, то хотя бы нейтральной оценкой классиков. Несмотря на принятые меры, тираж фундаментальной монографии С.А. Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России (1853—1876)» был уничтожен. Объяснения этого акта начного вандализма лежат вне сферы науки.

С.А. Никитина можно назвать пионером в разработке истории отечественного славяноведения. В 1948 г. в предисловии к публикации «Документы к истории славяноведения в России, 1850—1912»¹¹¹ он сформулировал принципы изучения этой области науки. Важнейшими из них были рассмотрение научных связей как единого комплекса, уяснение влияния на них общественно-политических факторов жизни России. Именно С.А. Никитин написал разделы

¹¹⁰ См., например, написанное С.А. Никитиным введение к книге «Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах» (М., 1948. С. 1—13) и его монографическую статью «Славянские съезды шестидесятых годов XIX века» (Там же. С. 16—19).

¹¹¹ Речь идет о труде, подготовленном В.Р. Лейкиной-Свирской и Л.В. Разумовской под редакцией Б.Д. Грекова и вышедшем в 1948 г.

«Славяноведение» для трех томов «Очерков истории исторической науки в СССР»¹¹². В них ученый обобщил огромный фактический материал, касающийся исторической части славяноведения в контексте всех других славистических дисциплин. Он определил главные направления славистических штудий в дореволюционной России, выделил основные исследовательские проблемы, охарактеризовал научные школы и деятельность известных славистов. Очевидно, что эти разделы несут на себе печать своего времени. Вместе с тем систематизация фактического материала убедительно показала и несомненный вклад российского славяноведения в мировую славистику.

Как заведующий кафедрой С.А. Никитин придавал важнейшее значение подготовке учебника по истории южных и западных славян. Как и его предшественник В.И. Пичета, он поддерживал курс на объединение сил кафедры и Института славяноведения СССР, где с 1947 г. заведовал сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. По мнению С.А. Никитина, «учебник должен быть базой, отправляясь от которой были бы созданы курсы отдельных стран, сборники документов, монографические работы по отдельным вопросам и т.д.»¹¹³. Подготовка учебника в таком видении открывала перспективу и для качественного обеспечения учебного процесса, и для индивидуальных исследований. Однако в действительности приоритетной стала тенденция целиком подчинить научную работу членов кафедры исключительно задачам образовательного процесса. На первом плане было требование обеспечить на базе марксизма подготовку историков-славистов для всей страны. В результате наметился поворот к изучению новой и новейшей истории зарубежных славянских народов, к пересмотру тематики уже начатых диссертационных исследований в направлении их актуализации.

Научная и педагогическая деятельность кафедры во второй половине 40-х годов развертывалась в условиях нагнетания политической истерии, борьбы с космополитизмом. Кригика, насколько позволяют судить протоколы кафедры, была направлена против руководства кафедры, ее отдельных членов. Молодость коллектива, недостаточная разработанность курсов мало принимались во внимание. Причем замечания со стороны студентов, аспирантов, некоторых сотрудников носили открыто конфронтационный характер. Множество претензий было предъявлено С.А. Никитину. В свое оправдание он указывал на объективные обстоятельства, «на чрезвычайно неблагоприятное положение, в котором находилась научная работа», на «громкую разницу» в учебной нагрузке многих сотрудников факультета и кафедры. Широкая специализация требовала от немногочисленных преподавателей постоянной подготовки новых курсов. Конечно, такой ритм не оставлял времени для проведения глубоких индивидуальных научных изысканий.

Мобилизация сил на борьбу с «буржуазным национализмом», «псевдонаучным космополитизмом» вела фактически к утверждению единомыслия, к подчинению исследовательских интересов политически актуальным темам и в результате — к искажению научных понятий и неверному решению проблем. Сотрудникам кафедры рекомендовалось разоблачать буржуазное славяноведение и его апологетов, покончить с идеализацией славянофильства —

¹¹² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1; М., 1960. Т. 2; Т. 3 вышел в 1963 г., когда ученый уже не работал на кафедре.

¹¹³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 159. Л. 25-27.

этого якобы наиболее реакционного течения общественной мысли в России. Предлагалось отказаться от «тишично буржуазно-объективистской оценки» деятельности М.Н. Каткова, М.П. Погодина, С.М. Соловьева и др., взяв за основу марксистскую трактовку русского освободительного движения; исходить из тезиса о «преемственности между советской наукой и революционными традициями». Плюрализм мнений и концепций при этом исключался. Любые точки зрения, выходявшие за рамки официальных установок, объявлялись уступкой буржуазной идеологии. Преодолеть «недостатки» требовалось «немедлительно», «дружной активной работой»¹¹⁴. Пафос выступления молодежи, «стойких партийцев» был направлен на «всобщую перестройку» исторического фронта¹¹⁵. Исследовательские приоритеты кафедры были направлены на изучение национально-освободительного, рабочего и революционного движений в славянских странах¹¹⁶.

Однако тенденция политизации науки, идеологизации истории, навязываемая сверху, встречала скрытое сопротивление у настоящих ученых. Успехи аспирантов и молодых преподавателей в изучении новых для славистики проблем во многом объяснялись тем, что их научными руководителями были опытные исследователи, умевшие в каждой проблеме найти ее научную составляющую.

В 50-е годы не терял остроты вопрос о соотношении коллективных трудов (для преподавателей университета это были учебники и учебные пособия, сборники документов) и индивидуальных монографических исследований. Перспективные долгосрочные программы традиционно ориентировались тогда в основном на коллективные труды. Так, 15-летний план, обсуждавшийся в январе 1952 г., включал «написание учебников по истории славян и источниковедению, а также сборников документов для семинарских занятий». В дальнейшем предполагалась подготовка очерков, а затем уже — учебного пособия по историографии, нескольких спецкурсов по важным вопросам исторического развития¹¹⁷. Против столь очевидной односторонности решительно выступала И.М. Белявская, считавшая «целесообразным создавать не спецкурсы, а монографии». Она настаивала на подготовке очерков по отдельным странам, которые к концу 15-летнего срока можно было интегрировать в учебник¹¹⁸.

Ряд сотрудников кафедры в начале 50-х годов окончили работу над своими диссертациями. Это позволило им выступить в печати в течение ближайших лет с рядом крупных статей и монографий. В 1950 г. кандидатскую диссертацию на тему «А.И. Герцен и польское освободительное движение 60-х годов XIX в.» (научный руководитель — В.И. Пичета) защитила И.М. Белявская; в 1951 г. кандидатом исторических наук стал В.Г. Карасев, подготовивший работу

¹¹⁴ Там же. Л. 43-44.

¹¹⁵ Там же. Л. 27 об. — 28, 29, 32-38, 46-47.

¹¹⁶ Так, из 18 аспирантов, обучавшихся на кафедре с 1945 по 1959 г., разработку проблем рабочего и революционного движения, классовой борьбы пролетариата в славянских странах в конце XIX и первые два десятилетия XX в. в своих диссертациях вели: Л.В. Воробьев (1951), В.Д. Вознесенский (1954), Н.И. Иванов (1956), А.Х. Клеванский (1958), И.А. Оводова (1953), Т.Г. Свистунова (1953), Е.П. Типикина (1970, закончила аспирантуру в 1952 г.), Тых Феликс (ИИР, 1955), И.С. Яжборовская (1960) (см.: Историки-слависты Московского университета. С. 109-115).

¹¹⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 271. Л. 18.

¹¹⁸ Там же. Л. 18.

«Светозар Маркович (социально-политические взгляды)» (научный руководитель — С.А. Никитин); в 1951 г. — П.А. Воронков, исследовавший проблему «Польское восстание 1830–1831 гг. в Литве и Белоруссии» (научный руководитель — В.И. Пичета, а после его смерти — Н.Г. Бережков). В 1958 г. степень кандидата исторических наук получил И.Д. Очак. Тема его диссертации: «Участие югославян в борьбе за победу Советской власти в России в 1917—1921 гг.»

В 1954 г. первой из штатных членов кафедры опубликовала свою монографию И.М. Белявская¹¹⁹. Чуть позже, в 1956 г., В.Г. Карасев издал фундаментальный том избранных сочинений Светозара Марковича с комментариями и большой вступительной статьей¹²⁰. В 1957 г. вышел коллективный труд «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». Этими исследованиями сотрудники кафедры открывали новые направления в изучении истории южных и западных славян. Интерес к общественной мысли был не случаен. На впервые вводимой в научный оборот источниковой базе было показано воздействие русского революционного движения на формирование либеральных течений и революционной демократии у славянских народов.

История русского революционного движения была одной из важнейших проблем советской историографии вплоть до конца 60-х годов¹²¹. Члены кафедры расширяли это исследовательское поле совершенно новыми темами. Бесспорно, изучение данной проблематики свидетельствовало об успехах в освоении марксистской методологии, ленинской концепции отечественной и всеобщей истории. Вместе с тем их работы отличались высоким уровнем источниковедческого анализа, значительностью и многообразием материалов. Так, приступив к исследованию генезиса революционно-демократической мысли в Сербии в XIX в.¹²², В.Г. Карасев поставил задачу проследить эволюцию взглядов С. Марковича, прошедшего путь от сторонника либеральных идей до убежденного последователя революционной демократии. В результате ученому удалось продемонстрировать, что одним из факторов, повлиявших на мировоззрение этого выдающегося сербского деятеля, было революционное движение в России.

Проблематика польского национально-освободительного движения конца XVIII — первой половины XIX в. стала центральной в научном творчестве И.А. Воронкова. Глубокое изучение деятельности польских тайных обществ в Литве и Белоруссии в конце XVIII — первой трети XIX в., движущих сил и хода польского восстания 1830–1831 гг. в Белоруссии, польско-русских революционных связей в этот период показало, что национальная и социальная программа идеологов и руководителей польского национально-освободительного движения была весьма ограниченной. Историк полагал,

¹¹⁹ *Белявская И.М.* А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954.

¹²⁰ *Светозар Маркович.* Избр. соч. / Вступит. ст., сост., примеч. и перевод В.Г. Карасева. М., 1956.

¹²¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 262–294. Следует указать, что в очерке развития герценоведения (авторы — Е.Л. Рудницкая и Б.С. Итенберг) нет ссылки на эту работу И.М. Белявской.

¹²² Об этом см. подробнее: Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991) / Под ред. Л.В. Кузьмичевой, Г.Ф. Матвеева. М., 2002.

что стремление польской элиты к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 г., отказ от решения крестьянского вопроса привели к тому, что украинцы, белорусы и литовцы не оказали полякам необходимой поддержки в борьбе с царизмом¹²³. Положительный отклик у специалистов получила разработка И.А. Воронковым аграрных отношений в Польше, Белоруссии и Литве в XVI—XVIII вв. Весьма активным было его участие в симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы.

На изучение национально-освободительного движения славянских народов, истории крестьянства и аграрных отношений в этих странах, проблем генезиса капитализма и формирования рабочего класса, развития рабочего движения была ориентирована тематика дипломных работ и кандидатских диссертаций. Особое значение придавалось исследованию новейшей истории независимых славянских государств, их взаимоотношений и прежде всего революционных связей славян с русским народом.

Итогом научной и педагогической деятельности кафедры стал выход в 1957 г. учебника «История южных и западных славян»¹²⁴. Впервые в мировой историографии был создан обобщающий труд, рассматривающий историческое развитие этих народов с древнейших времен вплоть до современности в сопоставлении и синхронности. Параллельно с подготовкой учебника практически все члены кафедры участвовали в написании глав по истории славянских народов в учебниках по истории средних веков, новой и новейшей истории¹²⁵. Результаты научных изысканий университетских ученых публиковались также в изданиях Академии наук СССР и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В.Г. Карасев, Б.М. Руколь и И.Н. Частухин вошли в состав авторского коллектива обобщающих трудов по истории Болгарии, Чехословакии и Югославии¹²⁶, созданных в Институте славяноведения АН СССР.

Однако поступательному развитию кафедры серьезно мешали внешние обстоятельства. В начале 50-х годов начала работать министерская комиссия по пересмотру учебного плана всего исторического факультета. В числе других стоял вопрос об образовании в рамках факультета специального отделения по истории стран народной демократии. В этой связи кафедре предстояло существенным образом пересмотреть исследовательские приоритеты. Стремление сохранить кафедру истории южных и западных славян как самостоятельное подразделение факультета означало желание не только отстоять профиль специализации, строившейся прежде всего на научной,

¹²³ Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983) / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М., 2001.

¹²⁴ История южных и западных славян / Под ред. И.М. Белявской, С.А. Никитина, И.Н. Частухина. М., 1957. В состав авторского коллектива вошли от кафедры – И.М. Белявская, В.Г. Карасев, С.А. Никитин, Б.М. Руколь, И.Н. Частухин; профессор кафедры славянских языков и славянской литературы филологического факультета В.Т. Дитякин, а также Ю.В. Бромлей, В.Д. Королюк, М.В. Миско, А.И. Недорезов, С.И. Прасолов, В.И. Фрейдзон из Института славяноведения АН СССР.

¹²⁵ Например: История средних веков. М., 1952. Т. 1; М., 1954. Т. 2. 3-е изд.; Новая история. М., 1953, 1964. Т. 1; М., 1958. Т. 2; Новейшая история. М., 1959. Ч. 1 (1918–1939); Ч. 2 (1939–1959).

¹²⁶ История Болгарии. М., 1954. Т. 1; История Чехословакии. М., 1956. Т. 1; История народов Югославии. М., 1963. Т. 1.

а не на политически актуализированной основе, но и продолжить работу над начатыми проектами. Коллектив кафедры в 50—60-е годы настойчиво отстаивал такой подход.

Итак, к концу 50-х годов первый этап — этап становления кафедры истории южных и западных славян, как и всего советского исторического славяноведения, завершился. Он охватывает период организации кафедры, разработки общего курса истории южных и западных славян и создания марксистского учебника по этой дисциплине. К этому времени кафедра как новая организационная форма развития отечественного славяноведения приобрела четкие законченные очертания; в полный голос заявило о себе первое поколение преподавателей кафедры; была выращена блестящая плеяда талантливых ученых, работавших в созданном в 1947 г. Институте славяноведения АН СССР.

В теоретическом плане все говорило о победе марксизма-ленинизма. Это означало, что приверженность принципу партийности науки, классовый подход, т.е. рассмотрение исторического процесса через призму классовой борьбы, формационная теория стали основополагающими при преподавании и исследовании истории южных и западных славян.

Что касается научной деятельности, то именно в этот период была заложена традиция комплексного изучения истории зарубежных славянских народов. Кроме того, были намечены подходы к исследованию новейшей истории славянских стран, хотя они и носили зачастую характер научного эксперимента.

* * *

На рубеже 50—60-х годов начинается второй период в жизни кафедры. С приближением срока выхода первого учебника С.А. Никитин считал возможным поставить вопрос о научной работе в новых условиях. Все силы требовалось направить на то, чтобы «усилить исследовательскую работу членов кафедры»¹²⁷. На 1957—1959 гг. было запланировано написание книг И.М. Белявской, И.А. Воронковым, И.Н. Частухиным. Но лишь некоторое время такого рода труды оставались приоритетными¹²⁸. Руководство факультета ориентировало коллектив кафедры на создание учебника по историографии истории славянских стран¹²⁹. Между тем еще в середине 50-х годов было очевидно, что без большой предварительной подготовки эту задачу выполнить невозможно. Однако подобные аргументы не были приняты во внимание. Одна из наиболее перспективных тем — «Русско-славянские связи и отношения», объединившая интересы многих сотрудников кафедры, была свернута. На ближайшие годы главной стала работа над учебником по историографии и вторым изданием учебника «История южных и западных славян».

На этом фоне несомненной удачей был выход в 1960 г. в Издательстве Московского университета монографии С.А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.». Фактически это была часть так и не опубликованной, к сожалению, его фундаментальной монографии о панславизме.

¹²⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 511. Л. 2-4.

¹²⁸ Там же. Ед. хр. Л. 5.

¹²⁹ Там же. Ед. хр. 470. Л. 8 об.

За признанием ученого, что «вопрос о Славянских комитетах должен решаться на основе научного анализа всех имеющихся исторических материалов, освещаемых светом марксистского метода»¹³⁰, стояли глубокие раздумья о судьбе исторического славяноведения в СССР и вынужденный компромисс с идеологами от науки. Эта книга С.А. Никитина о Славянских комитетах, как и другие его исследования, написанные уже в годы работы в Институте славяноведения АН СССР, не потеряла своего значения до сих пор. Великолепный знаток и тонкий критик источников и литературы, в том числе европейских и американских изданий, С.А. Никитин впервые в отечественной (и дореволюционной, и советской) историографии представил сложную динамику деятельности Славянских комитетов на протяжении 20 лет, начиная с возникновения и заканчивая апогеем их активности в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В начале 60-х годов идея замены славяноведения историей стран социалистического содружества все еще была жива. Такая откровенно конъюнктурная реорганизация была неприемлема для членов кафедры. В противостоянии этому проекту они пытались применить самые разные методы: от обращения в «высокие» идеологические инстанции до широкого обсуждения намечавшихся преобразований научной общественностью. Новый заведующий кафедрой (с 1961 г.) И.А. Воронков, используя свои организаторские способности, попытался привлечь на свою сторону славистические силы всей страны. План реформирования отечественного славяноведения подвергся самому резкому осуждению на совещании историков-славистов университетов СССР (6—10 февраля 1962 г.). Участники форума расценили предлагавшуюся перестройку как шаг «к ликвидации славяноведения как науки»¹³¹. Они настаивали на выпуске нового, коренным образом переработанного учебника, создании в ближайшие годы учебных пособий по историографии, источниковедению, хрестоматии по общему курсу и серии документальных пособий для семинарских и спецсеминарских занятий.

В 60-е годы коллектив кафедры активно продолжал изучать историю исторической науки в славянских странах. В 1966 г. вышел в свет и получил высокую оценку сборник «Славянская историография»¹³². В нем был сформулирован ряд принципиальных положений, касающихся послевоенного развития исторической науки, особенностей становления марксистской историографии в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии.

По мнению Марин Пундефф, автора рецензии, опубликованной в «Slavic review» в 1967 г., сборник касался «области, ожидающей исследования» как в Советском Союзе, так на Западе (в полной мере эта характеристика относилась и к США). Особое внимание Марин Пундефф привлекла статья, написанная И.М. Белявской и И.Д. Очаком, в частности их тезис, что советское славяноведение зародилось после Второй мировой войны. Со

¹³⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 7.

¹³¹ Участники совещания решительно возражали и против предложений о расширении курса истории славян, превращении его в курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы или в курс европейских стран народной демократии (см.: Постановление совещания историков-славистов университетов страны (6—10 февраля 1962 г.), созданного Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Московским университетом // Архив кафедры истории южных и западных славян. Папка «Материалы координационной комиссии по истории зарубежных славян»).

¹³² В его подготовке участвовали И.М. Белявская, И.А. Воронков, Л.П. Лангева, Л.В. Горина, И.Д. Очак, Б.М. Руколь.

своей стороны, автор сочла необходимым подчеркнуть, что «широкая возможность проветывания для советского славяноведения открылась, когда война закончилась победой и распространением русского влияния на весь славянский мир». Рецензент была солидарна с советскими славистами в том, что «политика продолжает оказывать свое воздействие», особенно при изучении югославской истории¹³³.

Качественно новый уровень понимания историографического процесса проявился при обсуждении новой редакции программы по курсу историографии осенью 1963 г. Авторы программы не отказывались от анализа творчества отдельных историков. В то же время главный акцент в ней был сделан на раскрытии сложных взаимосвязей исторической науки с идейной жизнью славянских народов, с общественной мыслью. Значительное внимание уделялось возникновению прогрессивных историографических направлений, особенностям формирования реформистской и марксистской историографии в межвоенный период. Новаторским было предложение проследить развитие исторического славяноведения в дореволюционной России, включить в курс лекций западноевропейскую историографию. Что касается современного периода истории славянских народов, то были выделены лишь узловые проблемы, рассмотрение которых ограничивалось концепциями крупных историков¹³⁴.

Многие наработки членов кафедры в области историографии нашли отражение в учебных пособиях «Историография нового времени стран Европы и Америки» (1967) и «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1968)¹³⁵. В них были выявлены социальные условия и общественно-политические предпосылки формирования исторической науки в славянских странах, обозначены основные этапы ее развития, определены методологические принципы исторического познания. В то же время главной задачей был показ идейной борьбы в науке. Именно в этом ключе было раскрыто наследие выдающихся славянских историков. Разумеется, авторы учебного пособия должны были исходить из общей установки о необходимости борьбы с буржуазной методологией и «переживающей методологический кризис буржуазной историографией». Однако, несмотря на эти рекомендации, осмысление истории исторической науки в славянских странах произошло на новом уровне. В лекциях был сконцентрирован значительный конкретный материал, определено само понятие историографии истории южных и западных славян как научной и учебной дисциплины, выработана периодизация историографического процесса, выделены основные течения, направления и школы. Успеху способствовали зарубежные командировки сотрудников кафедры, предварительное обсуждение текстов (например, по польской историографии) со специалистами из соответствующих стран¹³⁶.

¹³³ *Marin Pundeff*. Slavianskaja istoriografija: Sbornik statej // *Slavic Review*. 1967. Vol. XXVI. N 2. S. 315-316.

¹³⁴ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 869. Л. 24-24 об.

¹³⁵ Члены кафедры – И.М. Белявская, И.А. Воронков, В.Г. Карасев, И.Д. Очак, Б. М. Руколь, И.Н. Частихин – приняли участие в написании этих учебных изданий. Как признавали сами авторы, «идя по разработке проблем славянской историографии фактически "по целине", коллектив кафедры столкнулся с большими трудностями» (см.: *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете. С.8).

¹³⁶ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 91. Л. 40.

Середина 60-х годов оказалась весьма плодотворной в жизни кафедры. Продолжалось укрепление ее кадрового состава. В 1961 г. на кафедре было восемь штатных единиц, в 1968 г. их стало десять. В штатном расписании значились семь доцентов, ассистент и два младших научных сотрудника.

В 1959 г. начала преподавание Л.П. Лаптева, опубликовавшая в 60-е годы серию статей по средневековой чешской и словацкой истории и отдельным вопросам историографии. В феврале 1966 г. была рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук рукопись диссертации Е.С. Маковой, посвященной одной из малоизученных проблем истории позднего средневекового города («Социально-экономические отношения в Загребе в XVI веке», научный руководитель — С.А. Никитин). По мнению рецензентов, изложение материала «отличалось свежестью», а сама работа являла пример «тщательно выполненной небольшой монографии». В марте 1966 г. успешно прошло обсуждение диссертации Л.В. Гориной «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве (XIII — XIV вв.)» (научный руководитель — С.А. Никитин), показавшей умение работать со сложными источниками и использовать их для широких обобщений.

Между тем, несмотря на научные успехи и достижения, коллектив кафедры по-прежнему оставался «на славяноведческом фронте». Наиболее ярко это проявилось в конце 60-х годов, когда от кафедры требовалась определенная позиция в связи с чехословацким кризисом и событиями, последовавшими за «Пражской весной». Особое внимание к проблеме международного значения Октябрьской революции обусловило постановку таких тем, как «значение идей ленинизма для исторического развития зарубежных славянских народов», приоритетность изучения проблем строительства социализма, что неминуемо вело к излишней политизации славяноведения.

В то же время 60-е годы XX в. были важным периодом в формировании научных концепций ведущих преподавателей кафедры. В ходе подготовки своей докторской диссертации В.Г. Карасев заявил о себе как крупный ученый-югославист. Исследуя демократические традиции в общественной мысли югославянских народов, их революционные связи с Россией, он наглядно продемонстрировал влияние русского демократического движения на формирование взглядов представителей сербской Омладины. Ему удалось пролить свет на неизвестный ранее период жизни сербского демократа Живоина Жуевича, показать решающее значение пребывания последнего в России для формирования его демократических воззрений, осветить проблему становления революционно-демократического течения в сербском общественном движении. Особенно плодотворным было изучение русской периодической печати XIX в.¹³⁷ Результаты научных изысканий были изложены в монографии, о готовности которой В.Г. Карасев сообщил весной 1968 г.

И.Д. Очака глубоко интересовала судьба югославянских интернационалистов. В 1966 г. была опубликована его монография «Югославянские

¹³⁷ Данченко С.И., Карасев А.В. Научный вклад В.Г. Карасева в отечественную югославику // Югославянская история в новое и новейшее время. С. 16–20.

интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.)). В ней было рассмотрено боевое содружество российских и югославянских трудящихся в борьбе за победу и упрочение Советской власти, являвшее собой, по словам автора, «замечательный пример пролетарского интернационализма». Вплоть до своего отъезда в Югославию И.Д. Очак изучал следующий этап жизни бывших участников Гражданской войны в России, «заяввших достойное место в военном, партийном и советском строительстве молодого социалистического государства», а также их судьбы в годы Великой Отечественной войны. Другим направлением работы этого историка было исследование революционной деятельности «возвращенцев» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

В 1969 г. вышел из печати учебник «История южных и западных славян»¹³⁸. Он был написан членами кафедры при участии сотрудников Института славяноведения АН СССР и историков Воронежского и Харьковского университетов¹³⁹. В этом коллективном труде освещалась история зарубежных славянских народов с древнейших времен до середины 60-х годов XX в. Весь текст учебника был «написан заново». Признанной заслугой авторов было включение в него кратких очерков истории культуры славянских народов. Однако вскоре после выхода в свет учебника по решению «директивных органов» с него сняли министерский гриф, а оставшаяся еще не распространенная часть тиража была уничтожена. Причиной столь крутых, но неоправданных мер стало рассмотрение истории македонского народа. Не только жесткое идеологическое противостояние между советским и югославским руководством после 1948 г. мешало объективному изучению истории славян Балканского региона. В 60-е годы особую остроту приобрел и так называемый «македонский» вопрос¹⁴⁰.

В учебнике история Македонии излагалась в рамках истории югославянских народов. Этот материал был помещен в главах, посвященных периоду с конца XVIII в. до Первой мировой войны. Такой подход полностью соответствовал принципу изложения истории народов, основанному на учете существовавших на момент написания учебника границ. Причем редколлегия опиралась на концепцию, сформулированную в академическом издании «История Югославии»¹⁴¹. Однако такой взгляд оказался неприемлемым для некоторых болгарских историков, отечественных славистов и контролирующих науку организаций не только у нас в стране, но и за рубежом. В частности, учитывалась позиция ЦК Коммунистической партии Болгарии, отстаивавшего свои взгляды на становление самостоятельной македонской нации.

В результате содержание всего учебника подверглось тотальному анализу и жесткой критике. Об этом свидетельствует огромная по объему

¹³⁸ Редакционная коллегия: И.М. Белявская, И.А. Воронков, В.Г. Карасев, И.В. Созин.

¹³⁹ От кафедры в подготовке учебника принимали участие доценты И.М. Белявская, И.А. Воронков, В.Г. Карасев, Л.П. Лаптева, И.Д. Очак, Б.М. Руколь, И.Н. Частухин, младший научный сотрудник И.В. Созин.

¹⁴⁰ См. справку «О преподавании истории Македонии на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ» (Архив кафедры. Папка «Материалы по научной работе кафедры истории южных и западных славян» от 1966 г.).

¹⁴¹ См. докладную записку в Отдел науки ЦК КПСС «Об изложении истории Македонии в учебнике "История южных и западных славян"» (Архив кафедры. Особая папка. Октябрь 1973 г. С. 1-2).

рецензия, подготовленная ведущими славяноведами страны¹⁴². Весьма категоричными были замечания не только по македонским сюжетам, но и по разделу учебника, где освещалась история зарубежных славянских народов в период так называемого общего кризиса капитализма. Так, например, подчеркивалось, что в книге «недостаточно раскрыта переломная роль Великой Октябрьской социалистической революции в судьбах западных и южных славян», «не показано, как в результате Великого Октября и целенаправленной политики Советского правительства сделалось невозможным сохранение чужеземного господства на польских, чехословацких, югославянских землях». Отмечалось, что в учебнике «не прослежено с необходимой четкостью и систематичностью влияние В.И. Ленина и партии большевиков на рабочее движение зарубежных славянских наций», а формирование коммунистических партий изложено «лишь в плане констатации фактов».

Полемика вокруг учебника отражена в «Стенограмме объединенного заседания исторического факультета МГУ и Института славяноведения АН СССР» от 30 ноября 1970 г. Ряд специалистов поддержал авторский коллектив. В то же время звучали призывы писать историю Македонии «как историки-марксисты», подходить к ней «только исторически и диалектически», взяв за образец решения национального вопроса «нашу страну в первые годы установления советской власти», «воспользоваться нашим опытом в последовательной ленинской национальной политике». В большинстве выступлений указывалось на сложность поставленной задачи. Главной была проблема: что такое Македония с точки зрения социально-экономического, общественно-культурного и национального развития и в каком ключе рассматривать ее историю (как историю территории или как историю народа). Участники заседания, несмотря на длительную дискуссию, не пришли к общему заключению. Целый ряд замечаний был высказан по вопросам, до сих пор обсуждаемым историками изучаемых стран.

В новом издании глава о Македонии и часть текста по Югославии, содержащая сведения о Вардарской Македонии, были написаны в соответствии с официальной точкой зрения по македонскому вопросу¹⁴³. Были внесены коррективы во многие разделы по новейшей истории. Все «улучшения» зачастую усиливали идеологическую составляющую представленного материала.

Учебник (вернее, учебное пособие) вышел лишь в 1979 г.¹⁴⁴ Он, так же как когда-то первый учебник, играл роль «нового труда обобщающего характера»

¹⁴² Оценки, высказанные в рецензии (в ее в подготовке участвовали Л.Б. Валев, А.Я. Манусевич, С.А. Никитин, П.И. Резонов, Г.Э. Санчук, Г.М. Славин), несмотря на то, что она так и не была опубликована летом 1970 г. в журнале «Вопросы истории» в разделе «Историческая наука в СССР», стали жестким ориентиром для авторского коллектива.

¹⁴³ См.: *Созин И.В.* «Справка об изменениях, внесенных в текст книги "История южных и западных славян" по замечаниям Отдела ЦК КПСС». Примечателен один из пассажей этого документа: «Тексты этих разделов согласованы с брошюрами серии "Экономика и политика зарубежных стран социализма" (в их написании принимали непосредственное участие ответственные работники Отдела ЦК КПСС)» // Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника "История южных и западных славян"». Текст главы по истории Македонии подготовлен редколлективом.

¹⁴⁴ Очевидно, что по политическим соображениям с нового издания был снят гриф учебника. Более того, он распространялся не через книжный коллектор, а по заказам – через кафедру. К сентябрю 1980 г. кафедра своими силами разослала около 13 тыс. экземпляров учебного пособия. Таким необычным способом были обеспечены учебный процесс в 58 университетах и потребности ряда библиотек огромной страны.

по истории южных и западных славян до середины 70-х годов XX в. И опять авторский коллектив, проделавший большую и ответственную исследовательскую работу, шел по непроторенному пути.

В 60-е годы интенсивный характер приобрела подготовка на кафедре зарубежных специалистов. Она выступала инициатором многих начинаний в деле углубления сотрудничества с зарубежными научными и учебными центрами. В 1959 г. для чтения спецкурса по истории Польши был приглашен профессор Варшавского университета, академик Польской Академии наук А. Гейштор, а в 1960 г. его коллега — С. Кеневич. Продолжительные командировки преподавателей способствовали росту профессионализма, вели к интенсивному обмену научной продукцией, пополнению библиотеки кафедры отсутствовавшими зарубежными изданиями и пр. Лучшие аспиранты — будущие преподаватели кафедры — направлялись на длительные стажировки в ведущие университеты изучаемых стран. Международное сотрудничество на различных уровнях облегчало «преодоление некоторого провинциализма отечественной славистики как следствие ее оторванности от мирового научного сообщества и перенесенных репрессий и гонений в 20—50-е годы»¹⁴⁵.

В 1970-е годы кафедра оставалась ведущим центром подготовки славистов для вузов и научных учреждений. В 1973 г. ее новым заведующим стал В.Г. Карасев.

70-е годы были отмечены рядом серьезных успехов в научной работе коллектива. В 1971 г. В.Г. Карасев защитил докторскую диссертацию на тему «Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в.». Огромная источниковедческая работа, его определение специфики становления революционно-демократического течения в сербском общественном движении, выводы о демократических воззрениях самого Жуевича получили высокую оценку специалистов. В 1974 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография В.Г. Карасева на ту же тему¹⁴⁶.

В 1973 г. докторскую диссертацию «Русская литература о гуситском движении (40-е гг. XIX в. — 1917 г.)» защитила в Институте славяноведения и балканистики АН СССР Л.П. Лаптева. Эта работа была первой попыткой дать общий очерк русской гуситологии, позднее вылившейся в создание своеобразной «саги о русском дореволюционном славяноведении», что нашло отражение в более чем пятистах работах этого автора. Привлечение материала из 25 отечественных и зарубежных архивов, изучение наследия большого круга ученых, которые в той или иной степени занимались гусизмом, позволили автору наметить периодизацию, выделить несколько направлений в дореволюционной отечественной гуситологии третьей в мировой иерархии после чешской и немецкой. В тесной связи с историческим развитием России, общественной мысли были показаны место славянофилов в эволюции гуситологии, дана характеристика позитивистского, затем «критического» течений среди ученых буржуазно-либерального толка. В ходе развернувшейся дискуссии Л.П. Лаптева выразила несогласие с тезисом о кризисе буржуазно-исторической науки в первой четверти XX в. В 1978 г. вышла в свет ее монография «Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.)».

¹⁴⁵ Матвеев Г.Ф. Иван Александрович Воронков — человек, педагог и организатор науки — Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. С. 13.

¹⁴⁶ Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.

Вторая половина 70-х годов была отмечена сразу четырьмя защитами кандидатских диссертаций членов кафедры. В 1974 г. диссертацию на тему «Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати 60-х годов XIX века» защитил Б.Н. Билунов; в апреле 1976 г. кандидатом исторических наук стал Г.Ф. Матвеев (тема его диссертации: «Идейно-политическое и организационное развитие польского буржуазного лагеря национальной демократии в 1921—1927 гг.»). В 1976 г. ученая степень кандидата исторических наук была присвоена В.А. Тесемникову, написавшему работу «Возникновение и развитие коммунистического молодежного движения в Югославии в 1918—1920 годах»; в 1979 г. — Е.Ф. Фирсову, подготовившему диссертационное исследование «Формирование праворадикального направления в чешской буржуазной политике, 1922—1927 гг.».

Во второй половине 70-х годов отечественное славяноведение, а вместе с ним и кафедра истории южных и западных славян МГУ, развивалось в целом по восходящей линии. Однако если на рубеже 70-х крайне сложно было опубликовать материалы по новейшей истории Чехословакии и Югославии, то в начале 80-х годов эта ситуация распространилась и на Польшу¹⁴⁷.

В 1972 г. увидела свет книга Л.В. Гориной «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве». В ней из обширного комплекса слабо разработанных проблем истории Болгарии XIII—XIV вв. автор выделила две наиболее существенные: аграрные отношения и феодальный город. В ходе исследования была успешно решена одна из важных задач, стоявших перед болгаристами: выявлен круг источников по социально-экономической истории Второго Болгарского царства, определена их подлинность, многие документы впервые датированы. Анализ источников показал, что на развитие болгарского феодализма сильное влияние оказали византийские институты, укоренившиеся на этой территории в период двухвекового господства; византийский образец был положен в основу системы управления Болгарии. Общий вывод автора состоял в том, что болгарский феодализм XIII—XIV вв. не обнаружил «каких-либо признаков разложения».

В 1976 г. был издан труд Е.С. Маковой «Загреб в XVI в. Из истории социально-экономических отношений в феодальном городе». В нем воссоздана живая и динамичная картина развития Загреба как образцового «свободного королевского города» на территории Венгерско-Хорватского королевства в переходный период — от средневековья к Новому времени. Широко применив статистические методы анализа большого круга источников, Е.С. Макова опровергла господствовавшую в то время концепцию упадка славонских городов в XVI в., выявила типологические черты в их социальной и экономической жизни по сравнению с балканскими, венгерскими и западнославянскими городами. В 1980 г. это исследование нашло продолжение в материалах спецкурса «Из истории социально-экономического развития славонского города XIII—XVII вв.». В 1978 г. вышло учебно-методическое пособие А.Е. Москаленко «Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы».

¹⁴⁷ Отчет о работе парторганизации кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ за период с 16 марта 1982 г. по 15 марта 1983 г.

Появление этих работ свидетельствовало о стабильном интересе ученых кафедры в 60–70-е годы к социальной истории. Подобные исследования требовали незаурядного мастерства в работе с источниками и предопределялись верой в социально-экономические детерминанты общественного развития.

Летом 1975 г. был создан Научно-координационный совет по проблемам славяноведения в МГУ. В его состав вошли представители пяти факультетов университета – историки-слависты, специалисты по славянской филологии, географии, экономике, философии зарубежных славянских народов — и ведущие специалисты по истории славистики из АН СССР. Реальным же координатором исследовательской работы стала кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

В 1978 г. Научно-координационный совет принял решение приступить к изданию специальной серии «Славяноведение в МГУ». Эта серия предназначалась для публикации научных статей, материалов и документов, отражающих изучение в Московском университете всех сторон жизни (истории, культуры, современного общественно-политического развития, языкознания, литературоведения, фольклора, этнографии, археологии, географии, экономики и философии) зарубежных славянских народов. Первым выпуском серии стал сборник, посвященный истории кафедры за 40 лет ее существования¹⁴⁸.

В 1980 г. был опубликован труд В.А. Тесемникова «Революционное молодежное движение в Югославии (1918—1924)». В нем впервые в советской исторической науке исследовались исторические предпосылки возникновения Союза коммунистической молодежи Югославии и деятельность этой организации в легальных и нелегальных условиях. На основе материалов советских и югославских архивов была представлена история заблуждений и искренней веры молодого поколения в коммунистические идеалы, борьба за них в условиях начавшихся преследований и террора со стороны властей.

Б.Н. Билунов активно включился в дискуссию о революционном демократизме. На примере формирования взглядов Любена Каравелова им была всесторонне исследована идеология болгарских представителей этого течения общественной мысли, показано, что именно во время пребывания в России шло формирование взглядов болгарского революционера-демократа. Огромная работа по установлению авторства статей в российских периодических изданиях позволила внести множество поправок в публикации по этой проблеме, углубить представления о характере русско-болгарских связей. В дальнейшем автор попытался выяснить отношение ранних славянофилов к болгарскому национальному движению, проследить болгаро-русские общественные связи в 50—60-х годах XIX в., установить факты активного участия болгарских авторов в российских изданиях, показать плодотворное сотрудничество русской и болгарской сторон

¹⁴⁸ Историки-слависты Московского университета, 1939–1979. М., 1979. Редакция сборника – В.И. Гудков, В.Г. Карасев, А.Е. Москаленко (отв. ред.), Л.И. Уткина (отв. секр.), Е.З. Цыбенко. Авторы-составители: И.А. Воронков, А.Е. Москаленко, И.А. Потапова, Л.И. Уткина, Х.Х. Хайреidinov.

при разработке Тырновской конституции. Столь же многоплановым был и его интерес к истории славяноведения в России¹⁴⁹.

В 1983 г. начала работать на кафедре З.С. Ненашева, на которую помимо преподавания В.Г. Карасев возложил научно-организационную работу по завершению коллективных кафедральных трудов.

В 1984 г. подготовил кандидатскую диссертацию «Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII вв.» М.В. Дмитриев. В 1986 г. представила диссертационное исследование на тему «Сербско-русские отношения в период Восточного кризиса 1875—1878 гг.» Л.В. Кузьмичева. В том же году степень кандидата исторических наук была присуждена И.В. Созину, работавшему тогда на кафедре в качестве совместителя. Тема его диссертации — «Магнатское хозяйство Южной Польши во второй половине XVIII в.». Тогда же (в 1986 г.) защитила докторскую диссертацию «Марин Дринков — историк и общественный деятель» Л.В. Горина.

В 80-е годы в плане научной работы кафедры разработка проблематики историографии и источниковедения вновь была поставлена на первое место. В условиях «перестройки, демократизации и гласности» шла подготовка учебного пособия «Историография истории южных и западных славян». Его выход в 1987 г. можно считать примером плодотворного сотрудничества коллективов кафедры, Института славяноведения и балканистики АН СССР и специалистов других вузов. Работа над этим трудом на завершающем этапе была не менее сложной, чем в конце 60-х над вторым учебником. Достаточно сказать, что огромный пласт литературы находился в спецхране. Имеются в виду практически все труды югославских историков, чехословацких ученых, исключенных из академических институтов и университетов после 1968 г., а также сочинения польских исследователей, вставших в оппозицию к власти на рубеже 80-х годов. О работах эмигрантов или самиздатских изданиях не приходится и говорить. Все они не подлежали ни анализу, ни тем более цитированию. При этом зона умолчания была достаточно обширной.

Однако редколлегия посчитала возможным расширить круг монографических исследований, внесших существенный вклад в разработку ранее табуированных проблем по новейшей истории, хотя зачастую характеристика современного состояния исторической науки, особенно последнего десятилетия, давалась без ссылок на конкретные труды. В данном случае весьма показательна глава, написанная талантливым педагогом Х.Х. Хайретдиновым, — «Историография Польской Народной Республики».

В книге наглядно представлено становление исторической науки у зарубежных славянских народов, выявлены общие закономерности и своеобразные черты ее развития на различных этапах, показана степень общественного воздействия на нее в каждую историческую эпоху, названы все центры мировой исторической славистики и обозначены главные направления изучения истории славян.

¹⁴⁹ Об этом см. подробнее: *Горина Л.В.* Борис Николаевич Билунов — историк-славист (1946–1992) // *Болгария и Россия: Сб. научных трудов Б.Н. Билунова*. М., 1996. С. 3–13; *Горина Л.В., Матвеев Г.Ф.* Билунов Борис Николаевич // *Историческая славистика в МГУ*. С. 44–55.

До середины 80-х годов отсутствовали специальные пособия по университетскому курсу источниковедения истории южных и западных славян. В 1985 г. вышло учебное пособие Л.П. Лаптевой «Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.)». В нем впервые в отечественной историографии были представлены обобщенные сведения о письменных источниках по чешской истории до 1848 г. Все вошедшие в издание источники были четко классифицированы, охарактеризованы и проанализированы как по типам, так и по важнейшим периодам и проблемам, дана информация относительно доступности.

В 1987 г. вышел в свет первый том (период феодализма) «Хрестоматии по истории южных и западных славян», в 1989 г. – второй том. Отличительная особенность этого издания – объективный подход к отбору источников. Они были подобраны с учетом их источниковедческой классификации, определена репрезентативность разных их групп, дана информация относительно важности их для изучения избранной проблематики. Оба тома¹⁵⁰ построены по проблемно-хронологическому принципу и максимально приближены по своему строению к проблемному чтению курса истории южных и западных славян. При подборе текстов предпочтение отдавалось не опубликованным ранее на русском языке текстам. Трудно переоценить вклад этого издания в обеспечение учебного процесса по вошедшей в стандарт университетского образования дисциплине – истории южных и западных славян.

В 80-е годы заметной стабильностью отличалась работа в рамках серии «Славяноведение в МГУ». В 1983 г. вышел из печати ее второй выпуск – «Из истории университетского славяноведения в СССР». Он был посвящен 80-летию С.А. Никитина. В этом выпуске раскрывались некоторые аспекты преподавания славянских дисциплин в Московском университете в XIX – начале XX в., в него были включены неопубликованные материалы о деятельности известных ученых-славистов: С.А. Никитина, Ю.В. Готье и других. В 1987 г. увидел свет межфакультетский сборник «Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. К 150-летию славяноведения в Московском университете» (это третья книга из цикла «Славяноведение в МГУ»). В 1989 г. вышел четвертый выпуск – «50 лет исторической славистики в Московском государственном университете», продолживший общую историографическую ориентацию серии. В нем было охарактеризовано развитие исторической славистики в МГУ в 1920–1930-е годы, давался обзор полувекового пути кафедры. Материалы сборника достаточно объективно отражают историю кафедры, содержат ценную информацию, почерпнутую из архивов и показывающую влияние политической конъюнктуры на эволюцию взглядов сотрудников кафедры.

В 1987 г. была закончена работа над монографией «Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в.», вышедшая десять лет спустя. Ее автор – Л.П. Лаптева – завершила длительный этап изучения огромного массива архивных документов по истории развития славяноведения в Московском университете за целое столетие. На основе накопленного материала ею

¹⁵⁰ В редколлекцию первого тома от кафедры вошли: Л.В. Горина, З.С. Ненашева, И.В. Солин. Составители: Л.В. Горина, М.В. Дмитриев, Е.С. Макова, И.В. Солин и соучастница с кафедрой Б.М. Рудоль. Организатором работы над вторым томом была кафедра. Редколлекция второго тома: В.Г. Карасев, И.И. Денилюкская, З.С. Ненашева. Составители разделов – члены кафедры Б.П. Билунов, В.Г. Карасев, Л.В. Кузьмичева, З.С. Ненашева, Л.П. Уткина, Х.Х. Хайретдинов.

были подготовлены главы о развитии университетского славяноведения для коллективного труда «Славяноведение в дореволюционной России»¹⁵¹.

В 1984 г. в издательстве «Наука» была опубликована книга З.С. Ненашевой «Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века (чехи, словаки и неославизм)». Центральное место в работе отведено неославистскому движению — новой идейно-политической интерпретации идеи славянской общности в начале XX в. Неославизм заявил о себе в условиях существенного расширения буржуазно-демократических институтов в Австро-Венгрии, России, славянских странах Балкан. Специфическим его особенностью являлось то, что он представлял собой общеславянскую программу, между тем как славянские концепции XIX в. обычно затрагивали двусторонние отношения между близкими внутрирегиональными этническими группами. Изучение широкого круга не введенных ранее в научный оборот материалов, находящихся в 14 архивах нашей страны и Чехословакии, а также опубликованных источников показало, что, несмотря на провозглашение лозунга культурно-экономического сотрудничества славянских народов на демократических основах, с которым выступила чешская политическая элита, неославизм потерпел крах. Надежды на решение межславянских разногласий, внутривластные расчеты и внешнеполитические прогнозы чешских неославистов и их сторонников не оправдались. Успешное начало изучения неославистского движения З.С. Ненашевой открыло дорогу другим отечественным исследователям, занявшимся проблематикой польского, болгарского и российского неославизма.

В 1986 г. в Издательстве МГУ вышел в свет труд Л.В. Гориной «Марин Дринов — историк и общественный деятель». В монографии освещается деятельность видного буржуазного историка второй половины XIX — начала XX в. Интерес к его наследию был у автора не случаен. Марин Дринов — воспитанник Московского университета, его творчество оказало заметное влияние на развитие болгарской исторической науки и отечественного славяноведения. Потребовалась глубокая медиевистическая подготовка автора, чтобы проникнуть в сложный мир ученого, выявить его исторические концепции. Всесторонний анализ трудов, рожденных потребностями болгарского национального Возрождения и общественно-культурного развития освобожденной Болгарии, позволили воссоздать научную биографию и проследить эволюцию мировоззрения М. Дринова, показать его роль в общественно-политической жизни в период становления болгарской государственности.

В 1989 г. вышла в свет работа (спецкурс) Е.Ф. Фирсова «Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 20-е годы», в основу которой лег широкий круг оригинальных источников. Главным направлением исследования стал анализ чехословацкой буржуазной парламентской системы, характеристика партийно-политической структуры общества и соотношения сил внутри правящей коалиции, раскрытие механизма формирования и действий коалиционных блоков. Автор был нацелен на выявление кризисных проявлений парламентаризма, на развенчание политики группировки

¹⁵¹ Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1988. Следует указать, что расхождения во взглядах на предмет славяноведения и периодизацию исторической славистики между Л.П. Лаптевой и редколлективом этой работы в целях сохранения «концепционного единства» были сглажены.

Пражского Града, на объяснение, согласно тогдашним представлениям, феномена фашизма в Чехословакии. Надо заметить, что развитие этой темы шло в рамках одного из направлений работы Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Значительных сил требовала координация действий славистических кадров страны. С 1962 г. было проведено одиннадцать всесоюзных научных конференций историков-славистов СССР. Члены кафедры постоянно выступали с докладами и участвовали во всех организационных мероприятиях по проведению этих крупных научных форумов. Последние способствовали углублению профессиональных контактов между вузовскими славистами, укрепляли их связи с академической наукой¹⁵². Весьма показательной для характеристики состояния славяноведения в стране конца 80-х годов стала XII Всесоюзная конференция историков-славистов, которая состоялась в 1990 г. на базе МГУ. Она была посвящена обсуждению путей совершенствования преподавания и изучения истории зарубежных славянских народов с древнейших времен до современности.

На протяжении всей своей деятельности кафедра оставалась крупным методическим центром. В 50—60-е годы было подготовлено несколько методических пособий, как общих, так и узкоспециализированных¹⁵³. В 1976 г. издана (ротационным способом) новая программа курса «Историография истории южных и западных славян». В 1987 г. под редакцией В.Г. Карасева опубликована программа курса «История южных и западных славян для исторических факультетов». В 1987 г. Научно-методический кабинет МГУ выпустил в свет учебное пособие Е.С. Маковой «История южных и западных славян. Период феодализма (VI — середина XVIII в.)».

Особое место среди реализованных замыслов занимает научная продукция, появившаяся в рамках сотрудничества с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Как уже указывалось, эта традиция, установившаяся еще при В.И. Пичете, получила развитие в период создания первых крупных обобщающих трудов по истории славянских народов. В 70—80-е годы много сил организации публикаторской деятельности совместно со специалистами Института славяноведения и балканистики АН СССР отдал В.Г. Карасев. Весьма активным было его участие в работе редколлегий по подготовке к печати ряда многотомных изданий документов, внесших неоценимый вклад в отечественную славистику.

В это же время коллектив ведущего академического славистического центра приступил к разработке комплексных сравнительно-исторических исследований. Члены кафедры Г.Ф. Матвеев и Е.Ф. Фирсов при разработке темы «Общий кризис капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» исследовали типологическое сходство и различие политических и

¹⁵² Подробнее см.: *Карасев В.Г.* Кафедра истории южных и западных славян. С.199—200.

¹⁵³ Например, пособие «Методические указания по курсу истории южных и западных славян для студентов заочных отделений исторических факультетов государственных университетов» вышло в 1955 г., затем оно неоднократно перерабатывалось и переиздавалось. В 1985 г. увидело свет его 7-е издание. В 1964 г. были опубликованы методические указания для студентов II курса исторических факультетов университетов по одной из важнейших средневековых тем «Гуситское движение», куда были включены и отрывки из источников. Автор — Б.М. Руколь.

социальных процессов в Чехословакии и Польше в 20-е годы XX в.¹⁵⁴ В подготовке коллективной монографии «Чешская нация на заключительном этапе формирования, 1850-е — начало 70-х годов XIX века», вышедшей в 1989 г., участвовала З.С. Ненашева.

Проведенный анализ свидетельствует, что 60-е — конец 80-х годов — это второй этап в жизни кафедры истории южных и западных славян. В указанный период начался подъем научно-исследовательской работы, значительно расширилась ее тематика, установились тесные связи с зарубежными учеными. Весьма насыщенный событиями, хотя и разными по своему масштабу, данный этап можно рассматривать как единое целое по нескольким параметрам. Характер деятельности кафедры определялся поколением ученых, пришедших в славистику в послевоенные годы. Искренние в своих помыслах, они служили идее создания марксистской школы славистов, стремились к достижению общественно значимых целей. Участие в подготовке учебников и учебных пособий являлось первоочередной задачей для большинства членов кафедры. При этом неслучайным условием формирования авторских коллективов было включение в них специалистов Института славяноведения и балканистики АН СССР. С выходом учебного пособия по историографии и трехтомной хрестоматии по истории южных и западных славян была решена главная задача, поставленная перед сотрудниками кафедры еще в момент ее основания.

* * *

Рубеж 90-х годов XX в. стал началом третьего этапа в развитии кафедры исторической славистики в МГУ.

В 1990-е годы изменился состав кафедры, ушли из жизни профессор В.Г. Карасев (1922—1991), доценты В.И. Владимирская (1912—1991) и Б.Н. Билунов (1946—1992). В середине 90-х годов здесь стали работать Л.И. Жила, П.Е. Лукин, В.Б. Прозоров. В конце 1991 г. коллектив кафедры возглавил Г.Ф. Матвеев.

В 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Болгаро-сербские культурные связи начала XV века: Константин Костенечский и его «Сказание о письменах»» П.Е. Лукин; в 1997 г. — В.Б. Прозоров на тему «Позднеантичная и раннесредневековая история Салонской церкви в отражении анонимной «Салонской истории» («Historia Solonitana maior»).

На кафедре росло число докторов исторических наук. В 1992 г. им стал Г.Ф. Матвеев, защитивший диссертацию на тему «“Третий путь”?: Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период»; в 2001 г. — М.В. Дмитриев, подготовивший исследование «Киевская митрополия во второй половине XVI века и генезис Брестской церковной унии 1595—1596 гг.».

На рубеже 90-х годов обозначились серьезные изменения в выборе приоритетов в научной деятельности. Изучение общественно-политической

¹⁵⁴ См., например, такие труды: «Проблемы истории кризиса буржуазно-политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (М., 1984); «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период» (М., 1986); «Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1917—1929» (М., 1988); и др.

мысли и национальных движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в широких хронологических рамках — от X до конца XX в. — стало главной задачей кафедры на этом этапе. В планах работы по-прежнему присутствовала и такая проблематика, как история славяноведения, источниковедение.

Особое значение стало придаваться подготовке индивидуальных монографических исследований. На характер изданий 90-х годов наложила отпечаток общественно-политическая атмосфера тех лет. Все зарубежные славянские народы переживали бурный период социально-политического обновления. Объективное осмысление многовекового пути славян сделалось потребностью времени. Стремление критически оценить результаты, достигнутые марксистской историографией, преодолеть стереотипы и жесткие социологические схемы побуждало к расширению источниковой базы, тщательному изучению всех доступных информационных носителей.

Эта тенденция нашла выражение в сборнике статей «Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (1991), издании (пятом по счету), продолжившем серию «Славяноведение в МГУ». Внимание авторов было направлено на изучение истории общественной мысли славянских народов эпохи средневековья, Нового и новейшего времени. Авторами вошедших в сборник статей стали исключительно сотрудники кафедры¹⁵⁵.

Заявленные в сборнике подходы и оценки были развиты в монографических трудах по славянскому средневековью. «Первой ласточкой» в этом отношении явилась книга М.В. Дмитриева¹⁵⁶. Изучение реформационного движения в восточнославянских землях Речи Посполитой потребовало досконального исследования деятельности основных институтов православной церкви украинско-белорусских земель, состояния религиозной культуры, большого комплекса религиозной литературы, в частности православной книжности, реконструкции отношений с католической церковью и польским государством. Всесторонняя разработка проблем истории православной церкви позволила проследить перемены в интеллектуально-религиозной жизни православных земель Речи Посполитой, поставить вопрос о взаимодействии восточного и западного христианства в истории восточной части Европы на рубеже Нового времени¹⁵⁷.

Автор попытался воссоздать объективную картину развития церковно-общественной жизни в Восточной Европе во второй половине XVI в., выяснить состояние украинско-белорусского православия этого времени. Он успешно исследовал религиозный неконформизм на примере «ереси Феодосия Косого» (с учетом великорусских и польских влияний, противоречий на местной почве), показал вклад русского «нестяжательства» (деятельность старца Артемия). Взысканность подхода проявилась при анализе

¹⁵⁵ Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 1991.

¹⁵⁶ Дмитриев М.В. Православие и Реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.

¹⁵⁷ В 1998 г. увидела свет новая работа М.В. Дмитриева «Dissidents russes. I. Feodosij Kosoj». Baden-Baden: V. Koerner-Verlag, 1998 (Bibliotheca dissidentium. Répertoire des non-conformistes religieux des seizième et dix-septième siècles / Ed. par A. Siigueny. Vol. XIX). В следующем году была опубликована в той же серии (как 20-й том) его третья книга «Dissidents russes. II. Matvej Val'kin, le starce Artemij». Baden-Baden: V. Koerner-Verlag, 1999.

религиозной мысли, религиозной литературы второй половины XVI в. Новые акценты заметны в выводах о взаимосвязи русской, польской и украинско-белорусской культур этого времени.

Почти двадцатилетнее целенаправленное исследование этой крайне идеологизированной проблематики нашло свое отражение в двух работах М.В. Дмитриева, вышедших во Франции; в главах, написанных автором для коллективной монографии, изданной Институтом славяноведения и балканистики РАН¹⁵⁸, и в его фундаментальном труде «Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской унии 1595—1596 гг.»¹⁵⁹ Автор критически пересмотрел многие устоявшиеся представления о том, как родилась Брестская религиозная уния, положившая начало греко-католической церкви на Украине и в Белоруссии. Исследование убедительно продемонстрировало, что уния была не столько результатом стремления к преодолению раскола христианского мира, сколько последствием острого конфликта объединений мирян (братств) и епископата Киевской метрополии, предложивших две несовместимые программы церковных реформ. Переход под юрисдикцию Рима рассматривался православным епископатом как средство в борьбе с противниками и орудие для осуществления внутрицерковных преобразований. Анализ источников показал, что католики и православные исходили из двух существенно различных концепций объединения церквей, в чем проявились специфические особенности обеих христианских конфессий, нашли отражение глубокие отличия восточно- и западно-христианской экклесиологии XVI в.

Глубокие текстологические изыскания были положены в основу изучения творческого наследия выдающегося средневекового сербского книжника болгарского происхождения Константина Философа Костенецкого в монографии П.Е. Лукина «Письмена и православие» (2001). В анализе сложнейшего для исследования памятника проявился высокий профессионализм молодого ученого. Вывод П.Е. Лукина о том, что представления Константина Костенецкого о происхождении, природе и достоинстве церковнославянского языка и письменности неправомерно толковать вне мировоззрения сочинителя, вне духовной и культурной традиции эпохи фундаментально подкреплен конкретным материалом. Проникновение в творческую лабораторию крупнейшего славянского книжника позволило раскрыть творческое кредо Константина, выраженное в «Сказании о письменах», дать исторически корректную оценку этого памятника. Анализ богословско-теоретического компонента его содержания, преодоление привычного филологического подхода позволили уточнить целый ряд вопросов о характере «языковой идеологии» Константина, показать, что его сочинение не выходило за традиционные рамки сознания и творческого мышления, характерных для средневековой православной византийско-славянской культуры. Научные изыскания этого историка, бесспорно, займут заметное место среди работ последнего десятилетия, так или иначе связанных с изучением истории средневековой книжной, в частности языковой, культуры православных болгар и сербов.

¹⁵⁸ Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М., 1996. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины.

¹⁵⁹ Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской унии 1595–1596 гг. М., 2003.

В 2004 г. в Болгарии в Издательстве Софийского университета будет опубликована монография Л.В. Гориной «Болгарский хронограф и его судьба на Руси». В книге впервые в отечественной историографии исследуются проблемы возникновения, состава и идейной направленности этого важнейшего памятника исторической мысли средневековой Болгарии. Значительная часть работы посвящена выяснению судеб Хронографа (первая треть X в.) на Руси в XI – XVI вв.

Закончил подготовку монографии (на английском языке) В.Б. Прозоров. В ней сделан фундаментальный анализ латинского сочинения с далматинского побережья Адриатики под названием «История архиепископов Салоны». В.Б. Прозоров успешно работает над рядом проблем позднеантичной истории.

Заметны успехи членов кафедры в изучении общественно-политической мысли и национальных движений в славянских странах в Новое и новейшее время.

В 1992 г. увидела свет монография Г.Ф. Матвеева «“Третий путь”? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период». В ней исследовалась идеология чехословацкой аграрной партии и польского людовского движения между двумя мировыми войнами. Несмотря на то, что крестьянские партии в разное время входили в состав правящих коалиций, а их лидеры возглавляли правительства, в том числе и однопартийные, эта проблематика оставалась малозученной даже в национальных историографиях. Прежде всего, стояла задача раскрыть содержание понятия «идеология аграризма». Поставив в центр внимания идеологические воззрения аграриев и людовцев, автор, придерживаясь хронологического принципа исследования, выявил присущую им динамику.

Использование сравнительно-исторического метода, а именно он стал методологической основой работы, помогло выявить изменчивость идеологии аграризма, ее тесную взаимосвязь с общественно-политической обстановкой, зависимость от перманентно менявшегося положения сельского населения. Выяснение внутренних и внешних причин зарождения аграристских взглядов и эволюции основных положений этой идеологии привели Г.Ф. Матвеева к выводу о том, что, несмотря на различные, часто весьма далекие друг от друга воззрения лидеров движения, ее доминантой был единый подход к крестьянству, т.е. аксиологический компонент. Именно за крестьянством признавались уникальная социальная роль (владельца средств производства и труженика одновременно), исключительное место в жизни государства, особые заслуги в сохранении нации. Таким образом, по мнению аграриев, крестьянство было силой, способной благодаря своим социальным, духовным, моральным и иным качествам создать новый, более справедливый общественный порядок. В этом ракурсе особое место в работе Г.Ф. Матвеева заняло исследование взглядов и деятельности лидера словацких аграриев М. Годжи, активно пропагандировавшего возможность «третьего» пути общественного развития.

В 1994 г. вышла в свет монография (учебное пособие) З.С. Ненашевой «Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века». В книге на основе значительного комплекса источников исследована эволюция чешской политической идеологии. Сравнительный анализ

взглядов политиков, придерживавшихся консервативных и либеральных убеждений, теорий, разрабатываемых деятелями буржуазно-демократического лагеря. социал-демократами, убедительно свидетельствует об усилении реформистских тенденций в чешской общественной мысли на новом этапе национального движения. Это сказалось в трактовке государственно-правовой доктрины, в подходах к социальному вопросу, отразилось на идеологии славянского единства. Анализируемый материал показал, что в последнее двадцатилетие XIX в. в весьма политизированной чешской общественной мысли превалировал политический реформизм с его требованиями политического объединения чешских земель, свободного развития национальной экономики, культуры и языка, демократического устройства общества. Такой вывод вносит определенные коррективы в марксистскую историографию и свидетельствует о преодолении актуализированного подхода к изучению духовной жизни чешского общества в условиях асинхронности этносоциальных процессов в австрийской части монархии Габсбургов. В то же время автор отдаст себе отчет в том, что недоступность части материалов чешского происхождения ограничила возможности исследования.

В 1997 г. была опубликована монография Е.Ф. Фирсова «Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928—1934)», в которой было продолжено изучение механизма функционирования парламентской системы в межвоенной Чехословакии. В работе рассматриваются факторы, способствовавшие возникновению, после досрочных выборов 1929 г. самой широкой за весь период развития ЧСР правящей коалиции. На основе анализа разнообразного массива источников чешского происхождения показано, что правительство, несмотря на демократизацию структуры правящего блока, не смогло справиться с социальными последствиями кризиса 30-х годов.

Одной из задач, поставленных Е.Ф. Фирсовым, было выяснение обстоятельств введения в силу чрезвычайного закона 1933 г., анализ его содержания и политических последствий. В результате изучения многочисленных материалов автор констатировал, что расширение полномочий исполнительной власти в социальной и экономической сферах обусловило существенную модификацию парламентской системы. Вместе с тем произошедшие изменения не привели, по мнению ученого, к трансформации политической системы ЧСР в сторону авторитаризма. Этот общий вывод исследователя, существенно отличающийся от контекста марксистской историографии, — одно из важных наблюдений, которое привнесено исследователем в отечественную богемистику.

Л.В. Кузьмичева подготовила монографию «Сербский либерализм», в которой раскрываются особенности построения государственной модели в эпоху расцвета либерализма в Сербии. Свою задачу исследовательница видела в том, чтобы изучить место Сербии в европейско-азиатской цивилизационной системе координат, показать специфику формирования сербской либеральной доктрины устройства государства на пути к достижению национальной независимости. Автором была предпринята попытка взглянуть на результаты контактов сербов с европейской средой с несколько иных, чем это было в литературе, позиций и уяснить, как решалась проблема европеизации и модернизации в условиях сохранения особой формы

сербского традиционализма, тесно связанной с турецкой социально-экономической системой. Заслуживает внимания вывод о том, что продвижение Сербии в сторону европейской модели, помимо доктринальной аморфности, сдерживалось «неопределенностью», а на наш взгляд, — неоправданным максимализмом внешнеполитических целей, которые преследовали лидеры этого государства. И наконец, серьезным препятствием на пути модернизации страны был духовный, религиозный фактор, ибо общественная жизнь находилась лишь в начале процесса секуляризации. Следует также отметить, что написанию этой работы предшествовало изучение материалов нескольких важнейших источниковых комплексов, находящихся как в России, так и в Сербии, и деятельное участие автора монографии в подготовке совместных российско-сербских изданий документов.

Как уже отмечалось, члены кафедры сохраняют интерес к изучению российско-славянских связей. Конец 1900-х годов ознаменовался выходом двух сочинений Л.П. Лаптевой, посвященных изучению истории лужицких сербов, самого малого славянского этноса, проживавшего на территории современной Германии. Подробные сведения об изучении истории этого народа в России содержатся в книге «Российская сорабистика XIX—XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей» (1997). В 2000 г. вышло в свет второе (первое в 1993 г.), значительно дополненное и исправленное издание монографии Л.П. Лаптевой «Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года)». В нем предпринята попытка во всей полноте рассмотреть взаимоотношения ученых и представителей общественных кругов России с серболужицкими культурными и национальными деятелями. Исследовательницей привлечено и тщательно проработано значительное количество новых материалов, хранящихся в российских архивах. Их фундаментальный анализ показал, что влияние исторической обстановки на русско-серболужицкие научные и культурные связи привело к тому, что они, как правило, ограничивались контактами между отдельными личностями, научными и неофициальными общественными организациями. Основную политическую нагрузку несет наблюдение Л.П. Лаптевой, что русское правительство и правительственные круги относились к русско-серболужицким отношениям индифферентно или даже отрицательно; сторонниками сближения с обеих сторон были умеренные или консервативно настроенные деятели. Особого упоминания заслуживают примечания к книге, отличающиеся насыщенностью информацией и тщательностью исполнения.

Результатом многолетних поисков, сбора и осмысления самых разнообразных материалов стал очерк В.А. Тесемникова о русской эмиграции в Югославию. Знарок истории этой страны, прекрасно ориентирующийся в самых разных архивных собраниях, автор обратился к изучению этого сложного исторического явления задолго до того, как тема сделалась «модной» в отечественной историографии. Его очерк органично вписался в коллективный труд, координатором которого стал немецкий исследователь Карл Шлэгел (Karl Schlögel)¹⁶⁰.

¹⁶⁰ *Tesemnikov V.A.* Belgrad: Die russischen Emigranten in Jugoslawien // Karl Schlögel. Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Verlag C.H. Beck München, 1994.

Длительное изучение проблематики славяноведения получило свое завершение в монографии Л.П. Лаптевой «Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века» (1997). В ней автором была поставлена задача воссоздать полную картину истории изучения зарубежных славян в Московском университете до 1917 г., всесторонне охарактеризовать этапы развития славяноведения в этом научном центре. В книге дается представление об уровне знаний в России о зарубежных славянах в первой трети XIX в., освещаются вопросы развития славяноведения в Московском университете с 1835 по 1917 г., говорится о работе университетских научных обществ, раскрывается педагогическая и научная деятельность ведущих профессорско-славистов, характеризуются научные издания и др. К настоящему времени Л.П. Лаптева закончила подготовку нового фундаментального труда по истории славяноведения в России в XIX — начале XX в.

Серьезное внимание кафедра уделяет истории современного славяноведения. В 2000 г. был издан сборник «Историческая славистика в МГУ, 1989—1999 гг.», подготовленный к 60-летию кафедры. По своему содержанию и структуре сборник является продолжением серии «Славяноведение в МГУ». Подготовку этого издания сотрудники рассматривали как дань памяти своих учителей и коллег, ушедших из жизни в последнее десятилетие XX в.

В январе 2001 г. состоялись Научные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения профессора И.А. Воронкова (1921—1983). В них участвовали его ученики, защитившие кандидатские и докторские диссертации и работающие в сфере науки. В вышедший в 2001 г. сборник, помимо материалов, освещающих научную и педагогическую деятельность И.А. Воронкова, были включены статьи по проблемам истории Польши, Украины и Белоруссии¹⁶¹.

В феврале 2002 г. были организованы III Научные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В.Г. Карасева. Изданная по материалам этих Чтений книга по своему содержанию представляет собой первый комплексный труд, в котором раскрываются различные стороны жизни и научной деятельности этого известного историка-слависта. Кроме того, в сборнике опубликованы статьи учеников профессора, продолжающих его дело, и учеников его учеников. Они охватывают широкий круг проблем югославянской истории, современной жизни югославянских народов в XIX — начале XXI в.¹⁶²

Одно из основных направлений научных исследований членов кафедры — историография — в 1990-е годы нашло отражение, в частности, в труде, готовившемся совместно с кафедрой новой и новейшей истории, — «Историография истории Нового времени стран Европы и Америки» (1990)¹⁶³. Необходимость пересмотра многих оценок развития исторической науки потребовала подготовки нового учебного пособия по историографии Нового и новейшего времени стран Европы и Америки.

¹⁶¹ Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М., 2001.

¹⁶² Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002 / Под ред. Л.В. Кузьмичевой, Г.Ф. Матвеева.

¹⁶³ Под ред. проф. И.П. Дементьева. М., 1990. В подготовке разд. 3 данного труда «Возникновение марксизма. Позитивизм и историческая наука во второй половине XIX века» участвовала З.С. Ненашева; разд. 4 «Историческая наука в начале XX века» включает 11, 13, 14 главы, написанные, соответственно, З.С. Ненашевой, Л.В. Горининой и В.Г. Карасевым.

Столь же последовательно кафедра уделяет внимание источниковедению. В 1991 г. вышел третий том «Хрестоматии по истории южных и западных славян»¹⁶⁴. В 1992 г. увидело свет учебное пособие Л.П. Лаптевой «Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий», предназначенное для семинарских занятий по источниковедению истории средних веков.

Огромную работу проделали члены кафедры при подготовке учебного пособия «Источниковедение истории южных и западных славян»¹⁶⁵. Фактически пособие вышло за рамки первоначального проекта — курса лекций для специализирующихся студентов. Оно явилось первым опытом системного анализа всех видов письменных источников по истории южных и западных славян, запечатлевших прошлое этих народов в средние века и раннее Новое время.

Облегчение исследователям доступа к материалам государственных, партийных, ведомственных архивов России и славянских стран открыло новые возможности в публикаторской деятельности. Особо следует сказать о документальных сборниках, изданных при активном участии сотрудников кафедры (Л.И. Жилы, Л.В. Кузьмичевой, Г.Ф. Матвеева) совместно с коллегами из Македонии, Польши, Сербии и Черногории¹⁶⁶. В.А. Тесемников подготовил к опубликованию в России воспоминания И.М. Блуменау, одного из наиболее видных представителей той части русской эмиграции «первой волны», которая в межвоенный период обособилась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев¹⁶⁷. В 2003 г. эту группу трудов пополнила книга¹⁶⁸, в подготовке которой участвовал Е.Ф. Фирсов. Материалы этого фундаментального сборника, практически неизвестные отечественному читателю, позволяют увидеть разные стороны творческого наследия Т.Г. Масарика, классика чешской общественной мысли конца XIX — начала XX в., первого президента Чехословакии. В настоящее время в печати находится сборник уникальных документов по теме, которая только в последнее десятилетие стала подниматься в отечественной историографии: «Красноармейцы в польском плену в 1919—1921 гг.». Он подготовлен с участием Федеральной архивной службы России и Главной дирекции архивов Польши (ответственный составитель — Г.Ф. Матвеев).

¹⁶⁴ Хрестоматия по истории южных и западных славян / Отв. ред. Д.Б. Мельцер, Г.И. Чернявский. Минск, 1991. Т. III (сост. от кафедры: Н.В. Волостнова, Г.Ф. Матвеев, Е.Ф. Фирсов).

¹⁶⁵ Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период / Отв. ред. Л.П. Лаптева. М., 1999 (авторы разделов: Л.П. Лаптева, М.В. Дмитриев, Е.С. Макова, Л.В. Горина совместно с Д.И. Подыванним (Ивановский университет); графическая унификация материала: М.А. Корзо, И.Г. Мороз, М.Н. Рапеева).

¹⁶⁶ СССР — Польша. Механизмы подчинения, 1944—1949: Документы ЦК ВКП(б). М., 1995; Polska — ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty KC WKP(b). Warszawa, 1995; Черногорско-русские отношения, 1711—1918 гг. Подгорица; Москва, 1992. Т. I; Русские источники о Сербии (1878—1903). Нови-Сад, 1996. Кн. I: *Badziak K., Matwiejew G., Szmyt P.* «Powstanie na Zaolziu». Działalność dywersyjna polskich sił specjalnych w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1997; *Szmyt P., Badziak K., Matwiejew G.* Akcja «Jon». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa, 1998; Македонский вопрос в документах Коминтерна, 1924—1929. Скопье, 1998. Т. I.

¹⁶⁷ *Блуменау И.* Судьба русских эмигрантов в Белграде // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.

¹⁶⁸ Т.Г. Масарик: философия — социология — политика: Избр. тексты / Пер. с чешск.: отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов. М., 2003.

В конце XX в. коллектив кафедры, пополнившийся талантливой молодежью, направил свои усилия на создание нового учебника по истории южных и западных славян¹⁶⁹. В этом издании были учтены основные достижения отечественной и зарубежной славистики, представлена современная точка зрения на историческое прошлое славян с древнейших времен и до середины 90-х годов XX в. В нем сохранен традиционный страноведческий принцип изложения материала.

В первом томе история славянских народов охватывает период до 1914 г. При этом она рассматривается в контексте создания и развития многонациональных государств, в состав которых они входили. Особое внимание уделено становлению наций, гражданского общества, общественно-культурным отношениям. Во втором томе на основе национального и регионального принципов освещаются важнейшие проблемы истории южных и западных славян в новейшее время — от начала Первой мировой войны. В учебнике нашли отражение новые подходы, повлекшие за собой уточнение периодизации исторического процесса, пересмотр оценок деятельности отдельных славянских политиков. Учебник получил одобрение университетских коллег, о чем свидетельствуют не только положительные рецензии, но и факт его переиздания в 2001 г.

Определенных успехов кафедра добилась в обеспечении основных дисциплин специализации учебно-методическими пособиями и новыми программами¹⁷⁰. В 1990 г. было издано учебно-методическое пособие, подготовленное Л.П. Лаптевой, — «Гуситское движение в Чехии XV в.»; в 1992 г. — учебное пособие «Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий». В 1993 г. вышло следующее учебное пособие этого же автора — «История Чехии периода феодализма (V — середина XVII в.)». В 1998 г. увидела свет завершающая часть серии — «История Чехии периода позднего феодализма и раннего Нового времени (1648—1849)».

В последнее десятилетие на кафедре расширилось содержание специализации за счет проблем, имеющих непосредственное отношение к истории славянских народов, обретших независимость в 90-е годы XX в.

Крупным научным начинанием кафедры стало изучение истории Украины и Белоруссии. В 1991 г. по инициативе М.В. Дмитриева на историческом факультете был создан Центр украинистики и белорусистики в Московском университете¹⁷¹. Он реализует ряд научно-исследовательских проектов; на кафедре читаются курсы по истории Украины и Белоруссии. Часть материалов коллективного спецкурса по истории Украины была опубликована отдельным изданием¹⁷². В 1995 г. на средства фонда Петра Ящика (Канада) и Института

¹⁶⁹ История южных и западных славян / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненанисевой. М.: Изд-во МГУ, 1998. Т. 1: Средние века и Новое время; Т. 2: Новейшее время.

¹⁷⁰ В 1998 г. вышло специальное издание, подготовленное на историческом факультете — «Программы общих курсов», — куда вошла и вновь разработанная программа по истории южных и западных славян. Подготовлен комплект программ по всем кафедральным дисциплинам специализации.

¹⁷¹ Ядром и основой Центра стал научный и учебный семинар, посвященный религиозно-культурной и, отчасти, социальной истории Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. Подробнее об этом см.: *Дмитриев М.В.* Центр украинистики и белорусистики в МГУ (1990—2002) // Белоруссия и Украина. История и культура: Ежегодник, 2003. М., 2003. С. 402—411.

¹⁷² Очерки по истории Украины / Отв. ред. А.И. Рогов. М., 1993. Вып. 1.

«Открытое общество» был издан первый том «Исследований по истории Украины и Белоруссии»¹⁷³.

Начиная с 1993 г. Центр участвует в международной исследовательской программе «Влияние православия и западного христианства на общество. Сравнительный подход»¹⁷⁴. Основной ее целью является выяснение конфессионально-культурных особенностей византийско-православных и западно-христианских традиций и степени их воздействия на развитие украинско-белорусского, польско-литовского и русского общества в средневековье и Новое время. Работа над этой программой уже дала заметные результаты. В 1996 г. были опубликованы материалы российско-французского коллоквиума, посвященного сравнительному изучению социальной роли православного и католического монашества в средние века¹⁷⁵.

Второй этап осуществления программы был обращен к теме «Социальные и политические функции культа святых в православных и западно-христианских обществах в средние века и раннее Новое время». Коллоквиум с участием 24 ученых из Польши, Германии, Голландии, Канады, России, США, Франции, Чехии состоялся в мае 1997 г. во Вроцлавском университете¹⁷⁶.

Третий этап программы, включавший серию международных исследовательских семинаров, «круглых столов», был посвящен проблематике религиозной и этнической нетерпимости в истории Европы. Эта часть программы завершилась изданием сборника: «Христиане и евреи в православных и западно-христианских обществах в средние века — XIX веке»¹⁷⁷. Материалы коллоквиума в Эдмонтоне (2000), который сосредоточился исключительно на украинско-белорусских сюжетах и научной дискуссии в Майнце (2000) по проблеме «Конструирование антииудейского и антисемитского дискурса в восточном и западном христианстве в средние века и Новое время», планируется опубликовать в Москве в 2004 г.

В конце 2003 г. во Вроцлаве выходит книга: «Быть католиком, православным, протестантом в средние века и Новое время»¹⁷⁸. Этот труд издается Вроцлавским университетом совместно с Центром украинистики и белорусистики МГУ и Домом наук о человеке (Париж).

¹⁷³ Исследования по истории Украины и Белоруссии / Отв. ред. М.В. Дмитриев. М., 1995. Вып. 1.

¹⁷⁴ Программа была инициирована Центром украинистики и белорусистики в МГУ и Домом наук о Человеке (Париж). В настоящее время в ней участвуют: Научный совет РАН «Роль религий и истории», Институт Российской истории РАН, университет Париж-1 (Сорбонна-Пантеон), Вроцлавский университет (с 1994 г.), университет Париж-4 (Сорбонна, с 1997 г.), университет Альберта (Эдмонтон, Канада, с 1999 г.), Институт европейской истории в Майнце (с 1999 г.), Институт славяноведения РАН (с 2002 г.).

¹⁷⁵ Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin / Études publiées par J.-L. Lemaître, M. Dmitriev et P. Gonneau. Genève: Droz, 1996.

¹⁷⁶ Материалы коллоквиума опубликованы в 1999 г. в сборнике: Functions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative / Ed. par M. Derwich et M. Dmitriev. Wrocław: Larhcor, 1999.

¹⁷⁷ Les Chrétiens et les Juifs dans les sociétés de rites grec et latin. Moyen Âge – XIXe siècle. Études publiées par D. Télet, M. Dmitriev, E. Teire. Paris: Honoré Champion, 2003.

¹⁷⁸ Ktre catholique, ktre orthodoxe, ktre protestant dans l'Europe mйdievale et moderne. Sous la dir. de M. Derwich et M. Dmitriev. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego, 2003. in print.

На четвертом этапе осуществления программы, который открывается 2003 годом, разработка вышеназванных вопросов сочетается с исследованиями по теме «Конфессия, этническая идентичность и «протонационализм» в православных и западно-христианских обществах в средние века и Новое время»¹⁷⁹. Проект ориентирован на анализ конфликтов между православными, католиками, униатами, протестантами, иудеями, мусульманами в Восточной Европе в XVI—XVIII вв. Выяснение основных факторов, породивших этнорелигиозное противостояние в этом регионе, должно привести к выработке адекватных представлений о причинах, характере и механизмах разворачивания этнических конфликтов в Восточной Европе, к осмыслению позитивного опыта их преодоления.

За последнее десятилетие сотрудниками кафедры опубликовано несколько сотен статей и рецензий; эти работы были изданы не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Сотрудники кафедры участвуют в международных конференциях ученых. В свою очередь, кафедрой был организован целый ряд научных форумов в Московском университете. Шесть конференций было проведено совместно с учеными из Лодзи, в том числе три в МГУ (1996, 1999, 2002 гг.). В 2000 г. вышел сборник, в который вошли материалы IV Международной конференции историков МГУ и Лодзинского университета¹⁸⁰ ешной и внутренней политики, проблем духовной жизни России, СССР, Польши, Германии и Болгарии XIX—XX вв., которые оказались неразрывно связаны с проходящими в этих странах процессами модернизации.

Актуальным проблемам славянской истории XIX и XX вв. посвящен сборник статей, приуроченный к 60-летию заведующего кафедрой профессора Г.Ф. Матвеева¹⁸¹. В этом издании приняли участие известные ученые ближнего и дальнего зарубежья: четыре польских профессора, заведующие кафедрами истории славянских народов и всеобщей истории Белорусского, Львовского, Киевского, Самаркандского государственных университетов, а также признанные отечественные полонисты, коллеги и ученики Матвеева. В сборник включено 25 статей, посвященных ключевым проблемам политической жизни, развития образования и культуры славян, межгосударственных и межэтнических отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. В ряде статей рассматриваются сюжеты, остававшиеся длительное время за пределами внимания исследователей.

Члены кафедры традиционно участвуют в работе двусторонних комиссий историков Российской Академии наук, в организуемых ими конференциях и «круглых столах».

Продолжается привлечение членов кафедры к различным исследовательским проектам Института славяноведения РАН. Уже говорилось о работе в этом направлении М.В. Дмитриева, Л.П. Лаптевой. В коллективном труде

¹⁷⁹ Специальный выпуск французского журнала посвящен этнорелигиозным отношениям в Восточной Европе. См.: XVII-*ime siècle*. 2003. N 3 (Juillet-Septembre 2003, 55-*ime annйe*). Numйro spйcial: «La frontiere entre les chrйtiens grecque et latine au XVII-*ime* *si*cle. De la Lithuanie a l'Ukraine subcarpathique).

¹⁸⁰ Модернизация в Центральной и Восточной Европе. Идеи, программы, реализация / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М., 2000.

¹⁸¹ Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 2003.

«Славянские Матицы, XIX век» (1996) очерки о Чешской и Моравской матицах написаны З.С. Ненашевой. Одной из актуальных в настоящее время проблем посвящен коллективный труд «Роль религии в формировании южнославянских наций» (1999). Деятельное участие в его подготовке приняла Л.И. Жила. Исследовательница предложила свое видение ряда дискуссионных вопросов (в частности, о месте религии в освобожденной в 1878 г. Болгарии). Новый взгляд отечественных славистов (в том числе З.С. Ненашевой и Е.Ф. Фирсова) на исключительно динамичную деятельность известного словацкого политика представлен в сборнике статей «Милан Растислав Штефанек». В книгу вошли документы из российских архивов, в том числе и уникальные¹⁸².

В настоящее время на кафедре работают 16 человек. В их числе — четыре профессора (Л.В. Горина, М.В. Дмитриев, Л.П. Лаптева, Г.Ф. Матвеев), семь доцентов (Л.И. Жила, Л.В. Кузьмичева, П.Е. Лукин, З.С. Ненашева, В.Б. Прозоров, В.А. Тесемников, Е.Ф. Фирсов), один старший преподаватель (Х.Х. Хайретдинов), один научный сотрудник (Н.В. Волостнова), один младший научный сотрудник (М.Н. Рацеева), два старших лаборанта. Важным свидетельством признания вклада в науку университетских славистов стало присвоение многим из них почетных званий.

Принципиальная особенность третьего этапа научно-исследовательской деятельности кафедры состоит в том, что у ее членов заметно возросли возможности самостоятельного выбора научных приоритетов, новой постановки многих проблем истории славян. Перечисление названий вышедших и подготовленных в 90-е годы монографических исследований и сборников как нельзя лучше демонстрирует широкую географию предмета, которым занимается коллектив кафедры; отражает динамику изменений исследовательских интересов молодых ученых. В этих трудах проявились новые методологические подходы, подкрепленные широкой источниковой базой, ранее недоступной для российских историков-славистов как у нас в стране, так и в изучаемых странах.

Овладение современным профессиональным инструментарием, возможность обратиться к методологическому опыту всей мировой историографии, вести свободную дискуссию с представителями различных школ и направлений, всемерное использование самых противоречивых источников, расширение исследовательского поля — вот далеко не полный перечень обстоятельств, способных вывести кафедральную славистику XXI века на новый уровень.

Хотя становление и развитие кафедры истории южных и западных славян проходило в сложных условиях, коллектив ее постоянно ставил перед собой серьезные задачи и, опираясь на позитивные итоги, целенаправленно строил фундамент университетского славистического образования в стране. Конечно, этот процесс нес на себе отпечаток эпохи с присущими ей стереотипами и наслоениями. Однако главным в жизни кафедры всегда оставалась созидательная работа, направленная на подготовку кадров, написание учебников и учебных пособий, научных исследований.

Отглядывая на несколько прошедших десятилетий в жизни кафедры истории южных и западных славян, можно с уверенностью утверждать, что она не только живет, не только культивирует славные традиции, идущие еще от «отцов-основателей» В.И. Пичеты, Зд. Неедлы, С.А. Никитина и их прямых учеников, но и развивает их, совершенствуя учебный процесс, активно осваивая новую проблематику.

¹⁸² Милан Растислав Штефанек. Новый взгляд / Отв. ред. В.К. Волков. Martin, 2001.

Археология и этнология

1. Археология

В России археология как наука возникла лишь в XIX в., хотя интерес к различного рода древностям зафиксирован в летописях начиная с XI в. Такие археологические памятники, как городища и курганы, издавна были известны на Руси и служили территориальными ориентирами. Много упомянутых археологических памятников содержится в знаменитой «Книге Большому чертежу» 1627 г. В княжеские и царские казнохранилища собирались всякие драгоценности, а древности, имевшие религиозное значение, традиционно хранились в церковных ризницах. Уже в XVII в. в России понимали важное значение раскопок. В частности, при Алексее Михайловиче велись раскопки у реки Исети на Урале, и сохранилось описание найденных при этом древних вещей из металла.

На уровень государственной политики археологические исследования поставил Петр I, который своим указом о Кунсткамере в 1718 г. назначил вознаграждение («довольную дачу») за всякие «старые вещи», которые могут быть найдены «в земле и воде». Петр также приказал «всему делать чертежи, как что найдут», и велел собирать в Сибири древности, положив тем самым начало знаменитой Сибирской коллекции. В результате Кунсткамера стала быстро пополняться археологическими драгоценностями. Они поступали также в Оружейную палату и другие учреждения. Коллекции, в первую очередь Сибирская, пополнялись и благодаря первым научным экспедициям в Сибирь, осуществленным в 1720 и в 1733 гг. Выдающийся русский историк В.Н. Татищев в 1734 г. составил первую инструкцию для собирания сведений по археологии, этнографии и географии. В середине и во второй половине XVIII в. под эгидой Академии наук были организованы «ученые путешествия» по России для подробного исследования ее территории. Во время этих экспедиций составлялись детальные описания древностей¹.

Однако планомерные археологические исследования, преподавание археологии, создание археологических музеев начались лишь в XIX в.

Московский университет является одним из основоположников отечественной археологической науки². Именно здесь в 1863 г. при естественном

¹ См. подробнее: *Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983; *Он же.* Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Он же.* Русская археология до и после революции. М., 1995.

² См.: *Колыбель советской антропологии: Сб. к 100-летию НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина.* М., 1976; *Залкинд Н.Г.* Московская школа антропологов. М., 1974; *Летопись МГУ, 1755–1879.* М., 1979; *Антология советской археологии* М., 1995. Т. 1: 1917–1933; *Обозрение преподавания этнологического ф-та 1 МГУ на 25–26 акад. гг.* М., 1926; *Учебный план: программы и пособия этнологического ф-та.* М., 1927; *1 Московский университет за первое десятилетие советской деятельности (17–28): этнологический факультет 25–27 гг.* 1 Университет. М., 1928.

отделении физико-математического факультета было создано антропологическое отделение Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), одним из создателей которого был видный русский ученый, зоолог, заведующий Зоомузеем МГУ, профессор кафедры зоологии и первый антрополог А.П. Богданов (1834—1896). Благодаря его энтузиазму, в Московском университете стало развиваться изучение и преподавание антропологии. ОЛЕАЭ работало в непосредственном сотрудничестве с созданным в 1864 г. графом А.С. Уваровым Московским археологическим обществом, члены которого принимали участие в проводимых им археологических съездах. В 1867 г. ОЛЕАЭ подготовило и провело первую Этнографическую выставку, составленную из трех отделов — общего этнографического, антропологического и археологического. Выставка имела большой резонанс и способствовала развитию в России археологии, антропологии и этнографии. Кроме того, в 1872 г. в Москве была открыта Политехническая выставка, где была представлена археологическая коллекция графа А.С. Уварова, положившая начало собранию Императорского Российского исторического музея (ныне — ГИМ).

Дальнейшее развитие и распространение антропологических знаний (включавших физическую антропологию, первобытную археологию и этнографию), равно как и преподавание этого цикла дисциплин в Московском университете, связано с именем Дмитрия Николаевича Анучина (1843—1923), знаменитого российского антрополога, этнографа, археолога и географа³. Окончив в 1867 г. естественное отделение физико-математического факультета, Д.Н. Анучин много работал над различными антропологическими проблемами. В 1874 г. он стал секретарем ОЛЕАЭ, а с 1890 г. занимал пост президента Общества. В 1876—1878 гг. Анучин совершил длительную командировку за границу, готовясь занять место заведующего кафедрой антропологии, которую Министерство просвещения разрешило открыть в 1876 г. В ходе этой командировки, он принимал участие в раскопках памятников доисторической эпохи во Франции и в организации археологической выставки в Париже.

Заграничные командировки Д.Н. Анучина, его знакомство с ведущими западноевропейскими учеными оказали большое влияние на формирование его научного кругозора и помогли ему собрать богатый материал для Первой Всемирной антропологической выставки, включавшей большой отдел первобытной археологии. Эта выставка с громадным успехом проходила в Москве в 1879 г. После окончания выставки все ее фонды были переданы в учебный музей МГУ и экспонировались сначала при Зоомузее (1883), а потом в специальном Музее МГУ, организованном в 1907 г.

Д.Н. Анучин преподавал на кафедре антропологии, где читал лекции по антропологии, археологии и этнографии вплоть до закрытия кафедры в 1884 г., после чего был переведен на кафедру географии при историко-географическом факультете. Впрочем, уже в 1888 г. эта кафедра стала относиться к естественному отделению физико-математического факультета. В 1907 г. на кафедре географии впервые в Московском университете была объявлена специализация по географии и антропологии с такими

³ См.: *Богданов В.В.* Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923). Антрополог и географ. — Московское общество испытателей природы. Историческая серия. М., 1941. № 8.

специальными дисциплинами, как физическая антропология, общая этнография и археология, сравнительное народоведение; все эти курсы вел Д.Н. Анучин. Кроме того, им регулярно читались лекции и в учебном музее МГУ.

Своеобразным итогом развития первобытной археологии как университетской дисциплины стал Международный конгресс доисторической археологии и антропологии, прошедший в Москве в 1892 г. Главными инициаторами и организаторами его проведения выступили А.П. Богданов и Д.Н. Анучин. В организации конгресса и выставок, чтении докладов самое активное участие принимали члены ОЛЕАЭ. Материалы организованной к конгрессу выставки были переданы в музеи Московского университета и значительно пополнили их фонды.

В области археологии перу Д.Н. Анучина принадлежат работы как научного, так и методического характера, многие из которых до сих пор не утратили своего значения. Среди них статьи о принципах составления археологической карты России, об открытии огня и способах его добывания, об истории искусства и верований финно-угров Приуралья, о бытовании у разных народов лука и стрел, о сухопутном и водном транспорте.

И все же, несмотря на обширную и разностороннюю деятельность в области археологии, преподавание ее в дореволюционной России было крайне недостаточным. В Московском университете специализация по этой дисциплине осуществлялась лишь на кафедре географии и этнографии.

После революции археологию преподавали на кафедре антропологии естественного отделения физико-математического факультета МГУ, которая была восстановлена в 1919 г., а также на созданном в 1919 г. факультете общественных наук (ФОН).

Кафедра антропологии при физико-математическом факультете отличалась сильным профессорско-преподавательским составом. Кроме возглавлявшего ее Д.Н. Анучина, здесь работали В.В. Бунак, Б.А. Куфтин, Б.С. Жуков. Коллектив кафедры (а затем и образованный в 1922 г. НИИ антропологии МГУ) принимал активное участие в подготовке археологических кадров, проведении широких полевых исследований в разных регионах страны, выработке методики археологических исследований. В НИИ антропологии и присоединенном к нему Музее антропологии МГУ в начале 30-х годов разрабатывалось новое прогрессивное палеоэтнологическое направление в археологии. Учениками и представителями школы Б.С. Жукова были М.В. Воеводский, С.П. Толстов, О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова, А.В. Збруева, М.В. Талицкий, Е.Ф. Дебец, Семенова-Талицкая, М.Д. Гвоздовер, ставшие впоследствии известными археологами. Здесь же работали такие видные ученые, как Н.Н. Чебоксаров, М.Г. Левин, М.А. Гремяцкий, А.М. Золотарев, И.Я. Ярхо.

В 1921 г. в рамках факультета общественных наук было образовано археологическое отделение, которое можно считать предшественником современной кафедры археологии истфака. В конце 1923 г. на базе археологического отделения и художественного цикла литературно-художественного отделения было создано отделение археологии и искусствознания

(председателем президиума которого был избран В.А. Городцов). После преобразования ФОН в апреле 1925 г. отделение археологии и искусствоведения («историко-археологическое») вошло в состав этнологического факультета.

Таким образом, при всех реорганизациях факультета общественных наук в его состав и в состав дочерних факультетов неизменно входило археологическое отделение. В рамках этого отделения в 20-е годы существовали также кафедры археологии и музееведения; исторической археологии (позднее появилась кафедра доисторической археологии); музей и кабинет археологии; кружок краеведения и музееведения. Помимо этого, с начала 20-х годов начал работать Научно-исследовательский институт археологии и искусствоведения при МГУ, археологическое отделение в котором также возглавил В.А. Городцов. Этот институт в 1924 г. вошел в Ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук при факультете общественных наук МГУ, но уже в 1926 г. Ассоциация была выделена из состава университета и получила статус самостоятельной организации — Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Как правило, выпускники факультета общественных наук становились аспирантами института искусствоведения РАНИОН, а затем занимались преподавательской и исследовательской деятельностью в составе ГАИМК, ИИМК и крупных музеев.

Преподавание археологии в ведущих университетах страны (археологическое отделение было основано и в Петроградском университете) вело к устранению существенного недостатка дореволюционного археологического образования, которое давалось в Петербургском и Московском археологическом институтах вне связи с другими науками. И все же обособление археологии от общепроисторических дисциплин продолжало сохраняться. Археологические отделения представляли собой небольшие замкнутые структуры со своим перечнем дисциплин, практически не согласованным с университетскими учебными программами по истории. По-прежнему имело место членение исторического образования на доисторический (или преесторический) и собственно исторический циклы, что создавало барьеры между историками и археологами. Археологи изучали историю в сокращенном варианте, а большинство традиционных историков получали университетское образование без каких-либо археологических знаний. Наконец, существовала определенная разобщенность и внутри самих археологических отделений — между «первобытниками», «классиками» и другими специалистами.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки и сравнительно короткий период существования (в 1931 г. преподавание исторических наук в университетах было ликвидировано), археологические отделения сыграли существенную роль в развитии археологической науки, подготовив блестящую плеяду специалистов в этой области.

В составе преподавателей археологического отделения в МГУ были такие видные ученые, как Ю.В. Готье, Ф.В. Баллод, А.С. Башкиров, А.А. Захаров, Н.И. Новосадский, А.И. Некрасов, А.А. Некрасов и другие. Курс истории материальной культуры в 1921/22 учебном году на факультете общественных наук читал Д.Н. Анучин. Его работа планировалась и на следующий учебный год, однако в 1923 г. Дмитрий Николаевич скончался.

В 1920-е годы преподаванием археологии на археологическом отделении руководил В.А. Городцов (1860—1945) — выдающийся ученый и педагог, с именем которого связан один из важнейших этапов становления отечественной вузовской и музейной археологии.

В.А. Городцов был ученым широчайших интересов. Свои археологические исследования он начал еще в 1888 г. Научно-исследовательскую работу Городцов блестяще сочетал с педагогической деятельностью, посвятив ей почти сорок лет своей жизни. В Московском университете он начал работать с 1919 г. в качестве внештатного преподавателя исторического отделения ФОН, где читал курс истории первобытной культуры⁴. Уже в 1920 г. Городцов стал штатным преподавателем, профессором кафедры первобытной археологии на факультете общественных наук в I Московском государственном университете и читал курс «Первобытная археология. Каменный период». В.А. Городцов прочел серию курсов по археологии, вел семинары и специальные занятия по методике полевых археологических исследований. Ему принадлежит идея регулярных полевых археологических студенческих практик: на заседании археологического отделения 7 декабря 1922 г. он внес «проект постановки летних занятий со студентами»⁵. Ежегодно Городцов выезжал с ними на раскопки, во время которых удавалось исследовать значительное число памятников. Студентам поручалось изучение некоторых объектов и ведение полевой документации. Эти данные Городцов переписывал затем в свой полевой дневник⁶. Во время практики студенты проводили экскурсии для местных жителей и выступали с лекциями, популяризируя научные достижения. С 1926 г. под руководством Городцова начал работать научно-студенческий археологический кружок. При всех организационных изменениях на факультете и в университете Городцов оставался профессором археологии МГУ вплоть до 1930 г.⁷ Многие из учеников В.А. Городцова стали впоследствии крупными учеными, прославленными археологами, специалистами в изучении различных эпох — от первобытности до средневековья. Это А.В. Арциховский, Н.К. Ауэрбах, Ф.В. Баллод, А.Я. Брюсов, В.В. Гольмстен, Б.Н. Граков, П.А. Дмитриев, Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Д.Н. Крайнов, Е.И. Крупнов, О.А. Кривцова-Гракова, В.П. Левашова, Н.В. Пятышева, Б.Н. Рыбаков, П.С. Рыков, А.П. Смирнов, М.Е. Фосс, Д.Н. Эдинг и другие. Среди них были и те, кто учился в МГУ, и те, кто получил археологическое образование в Московском археологическом институте и в Народном университете им. Шанявского. По свидетельству одного из учеников В.А. Городцова, «круг его интересов

⁴ Центральный муниципальный архив г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 8. Л. 6. Существуют и другие данные о дате начала работы В.А. Городцова в МГУ. В частности, в автобиографии, написанной 9 апреля 1939 г., В.А. Городцов указывает, что начал работать в МГУ в 1918 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 431. Ед. хр. 1. Л. 3), тогда как в своем послужном списке в «Приложении к Опросному листу для научных деятелей» он же называет в качестве начального года работы в МГУ 1920-й (Там же. Ед. хр. 114. Л. 57). В Трудовом списке (аналог современной трудовой книжки), составленном в 1939 г., В.А. Городцов пишет, что профессором ФОН он был назначен 1 ноября 1921 г. (Там же. Ед. хр. 14. Л. 12 об.).

⁵ Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (далее — ГИМ ОПИ). Ф. 431. Ед. хр. 345. Л. 70 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 60. 61.

⁷ Там же. Ед. хр. 1.

был настолько широк, а запас знаний настолько велик и фундаментален, что люди с различным научным профилем... находили в лице Василия Алексеевича своего научного руководителя, советчика и консультанта»⁸.

Педагогическая деятельность В.А. Городцова была неразрывно связана с Историческим музеем, где он проработал в общей сложности 26 лет (с 1903 по 1929 г.)⁹ и создал большое археологическое собрание, коллекции которого использовал для ведения практических занятий со своими учениками.

В.А. Городцов внес большой вклад не только в научно-организационную и преподавательскую деятельность, но и в собственно археологическую науку. Многие его научные гипотезы получили воплощение лишь спустя десятилетия, легли в основу современной археологии, ее теории и практики. В 1923 г. вышел в свет первый том его «Археологии» («Каменный век»). Это была первая сводная работа по палеолиту, в которой автор на основании тщательного сравнительного анализа материала палеолитических стоянок пришел к выводу о существовании особого восточноевропейского варианта верхнепалеолитических культур, заметно отличающихся от культур Центральной и Западной Европы. Именно в этой работе Городцов высказал важнейшее предположение о наличии у неандертальцев захоронений и, соответственно, ритуальных представлений, что блестяще подтвердилось позднейшими исследованиями.

В 1928 г. при раскопках Тимоновской стоянки В.А. Городцов одним из первых в СССР открыл и тщательно исследовал искусственные палеолитические жилища — землянки и кладовые: это явилось импульсом к поиску жилищ на палеолитических стоянках не только на территории СССР, но и за рубежом. Большой вклад внес ученый и в решение вопроса о периодизации палеолита. Выделение основных этапов становления и развития человеческого общества он неразрывно связывал с изменением форм и техники изготовления орудий труда. В трудах Городцова, относящихся ко времени его работы в МГУ, нашли также отражение вопросы, связанные с историей племен южных областей России эпохи бронзы. Еще ранее, в конце XIX — начале XX в., он первым из археологов наметил периодизацию степных археологических культур эпохи бронзы (ямной, катакомбной и срубной), но лишь в 20-е годы окончательно разработал эту периодизацию, подготовив соответствующую систематическую экспозицию в Государственном Историческом музее.

Кроме Европейской части России, В.А. Городцов изучал и бронзовый век Сибири. В 1924 г. он побывал в Сибири, где собрал материал для основополагающего доклада на тему «Отношение енисейских и ангарских культур III - II тыс. до н.э. к европейским и русским культурам того же времени». В нем исследователь впервые охарактеризовал важнейшие западно- и восточносибирские культуры эпохи бронзы. Одним из итогов изучения им данной эпохи стала обобщающая статья «Бронзовый век на территории СССР» (1927), заложившая основу современного деления бронзового века на ранний, средний и поздний.

⁸ Крушов Е.И. О жизни и научной деятельности В.А. Городцова // Советская археология. М., 1956. Т. XXV. С. 5.

⁹ ГИМ ОИИ. Ф. 431. Ед. хр. 1.

В период работы в МГУ В.А. Городцов активно занимался также археологией народов раннего железного века — киммерийцев, скифов, сарматов — и археологией причерноморских античных колоний. Ученый первым выделил киммерийскую культуру как переходную от эпохи бронзы к железу, связав ее с племенами кочевников-скотоводов, обитавших в Северном Причерноморье в IX—VIII вв. до н.э.

Занимался Городцов и славяно-русской археологией. Помимо вышеупомянутых раскопок раннеславянских курганов в 20-е годы, он в 1926 г. приступил к раскопкам городища Старая Рязань — бывшей столицы Рязанского княжества. Городцов первым начал исследовать памятник широкой площадью, что позволило выявить его хозяйственные и жилые постройки, а также собрать богатый вещественный материал, связанный с историей крупного древнерусского города.

Большое внимание В.А. Городцов уделял также вопросам теории археологической науки. В 1927 г. была опубликована его программная статья «Типологический метод в археологии», вскоре переведенная и переизданная за рубежом. В ней автор развил принципы основополагающего для археологии типологического метода, разработанного в XIX в. Оскаром Монтелиусом. В 1925 г. вышло и его учебное пособие «Археологическая классификация».

В целом вклад Городцова в развитие археологической науки трудно переоценить. Результаты его исследований и сегодня имеют огромное научное значение, а хранящиеся в музее коллекции навсегда останутся важным историческим источником по древней истории нашей страны. За выдающиеся заслуги в области археологии Академия наук СССР присудила В.А. Городцову без защиты диссертации ученую степень доктора археологии. В 1943 г. ему было присвоено высокое звание «Заслуженный деятель науки».

В начале 30-х годов в развитии отечественной археологии наступило сложное время — время острых социологических и политических дискуссий, организационной перестройки высшего гуманитарного образования. Фактически в 1931 г. в Московском и Ленинградском университетах факультеты, готовившие специалистов исторического профиля, были ликвидированы. Преподавание археологии в университетах было прекращено за исключением кафедры антропологии МГУ, где археологические курсы со времени Д.Н. Анучина входили в традиционный набор дисциплин.

В те годы многие археологи были уволены или репрессированы. В.А. Городцов в 1929 г. был уволен из Исторического музея, а в 1930 г. — из МГУ и из РАНИОН. Подводя итоги своей трудовой деятельности за 1931 г., он записал в личном дневнике: «Благодаря внешним стеснениям за весь 1931 г. мне не удалось напечатать ни одной работы и не удалось нигде читать лекции по археологии, так как археология заподозрена в политич.-[еской] неблагонадежности и в житейской никчемности»¹⁰. Были и попытки развернуть репрессивный процесс против Городцова на основе дел, фабриковавшихся против других археологов, среди которых были и его

¹⁰ Там же. Ед. хр. 346. Л. 215, 215 об.

соратники по преподаванию на археологическом отделении МГУ — А.С. Башкиров и А.А. Захаров¹¹.

Однако в 1934 г. после восстановления преподавания истории В.А. Городцов вновь начал читать лекции, на этот раз в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), руководя небольшим коллективом преподавателей, куда входили Б.Н. Граков и А.А. Мансуров. С 1938 г. В.А. Городцов возглавил в МИФЛИ кафедру археологического профиля.

Создание кафедры археологии на историческом факультете МГУ и формирование основных принципов преподавания

В 1934 г. после воссоздания исторического факультета было восстановлено преподавание полного цикла исторических дисциплин. Известный археолог А.А. Захаров, профессор Музея антропологии МГУ, давний соратник В.А. Городцова по археологическому отделению, выступил с инициативой создания кафедры археологии на истфаке, но этот проект не был тогда реализован, а сам Захаров в 1935 г. репрессирован (реабилитирован посмертно в 1955 г.).

Преподавание археологии на историческом факультете возобновилось лишь в 1937 г., когда А.В. Арциховский (1902—1978), выдающийся ученый, основатель и первый руководитель Новгородской археологической экспедиции, воспитанник Московского университета, связавший с ним всю свою дальнейшую жизнь, начал читать общий курс археологии для студентов-историков всех специальностей. Это в корне изменило систему преподавания археологии, ставшей необходимым элементом высшего исторического образования, и привело к радикальному изменению учебного плана.

Таким образом, с 1937 г. курс археологии в МГУ сделался обязательной составляющей высшего исторического образования. Успех лекционного курса по археологии, отмеченный в воспоминаниях выпускников истфака 40-х — начала 50-х годов, был во многом обусловлен педагогическим талантом и яркой личностью А.В. Арциховского, который читал его непрерывно с 1937 по 1959 г. и передал в дальнейшем Д.А. Авдусину. Несколько лет (в 1963—1966 гг.) этот курс читал В.Л. Янин. С самого начала чтения общего курса Арциховский осознавал необходимость издания соответствующего учебного пособия. Реализацией этой задачи Артемий Владимирович занимался в течение почти всей своей научно-педагогической деятельности. В 1938 г. впервые были опубликованы его лекции; в 1940 г. вышел в свет, по существу, первый учебник по археологии — «Введение в археологию» (допечатка состоялась в 1941 г.). В 1947 г. было издано дополнительное, но, фактически, новое учебное пособие под тем же названием. Наконец, в 1954 г. появился учебник «Основы археологии», выдержавший несколько изданий.

¹¹ *Ватлин А.Ю., Канторович А.Р.* Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // *Российская археология.* 2001. № 3.

Особенностью лекционного курса и учебников А.В. Арциховского было беспрецедентное в мировом преподавании археологии слияние в едином изложении первобытной, античной и средневековой науки о древностях. Впервые проблемы мировой истории рассматривались на археологическом материале нашей страны, Западной Европы и Ближнего Востока. Артемий Владимирович соединил археологию и историю в едином образовательном процессе, будучи убежден, что знание археологических эпох является составной и неотъемлемой частью исторических знаний. Историзм археологии, считал Арциховский, должен выражаться в общен исторических выводах, сделанных на основании изучения археологического материала. Такой подход оказал влияние на преподавание археологии и в других учреждениях: аналогичный курс в МИФЛИ начали читать в 1937 г. Ю.В. Гогь, а с 1938 г. — В.А. Городцов и Б.Н. Граков.

Археологическая специализация в Московском университете была восстановлена в 1939 г., что было вызвано потребностями в кадрах для расширяющихся учреждений археологической службы. В том же году на историческом факультете МГУ была основана кафедра археологии, первым заведующим которой стал А.В. Арциховский. С 1978 г. кафедрой руководит его ученик В.Л. Янин.

Важной задачей, стоявшей перед первым заведующим кафедрой, была организация учебного процесса для специализирующихся студентов, включавшего овладение специфическими навыками исследования древностей, изучение теоретических археологических курсов и практику полевых работ. Главными направлениями специализации в 1939 г. были выбраны основные разделы археологической науки: первобытная археология, античная археология, славяно-русская археология. В соответствии с ними был определен коллектив преподавателей: С.В. Киселев, В.Д. Блаватский, М.В. Воеводский, Б.А. Рыбаков. Этот блестящий состав лекторов способствовал организации на самом высоком уровне преподавания всех разделов археологии, необходимых для профессиональной специализации. Теоретико-практический вещеведческий семинар вел А.В. Арциховский.

Цельность специализированной подготовки археологов в университете достигалась неразрывностью и взаимосвязанностью теоретических лекционных курсов с полевой практикой, причем за время обучения студенты должны были и стремились познакомиться с самыми разнообразными археологическими памятниками. Все это способствовало максимально быстрому вхождению молодых специалистов в науку. Именно связь высшего образования с наукой, постоянное дополнение лекционных курсов новейшими научными археологическими достижениями были принципиальной позицией А.В. Арциховского-педагога. Созданная им система университетского преподавания археологии доказала свою жизнеспособность.

С началом Великой Отечественной войны многие студенты кафедры ушли на фронт, а преподаватели — в народное ополчение. Пали смертью храбрых ее выпускники Г.Э. Бауэр, И.П. Можайская, И.З. Птицын, Р.Д. Розенберг, И.А. Таубин. Память о них жива на историческом факультете, и их имена знают все сегодняшние студенты кафедры.

После слияния МНФЭИ с МГУ в декабре 1941 г. в состав кафедры вошли профессор Б.П. Граков (1899 — 1970) и учитель учителей В.А. Городцов. Таким образом, В.А. Городцов вернулся в МГУ, где его лекции слушали многие известные в будущем археологи, в частности М.А. Итина, Н.Я. Мерперт, Т.Б. Попова.

Война не прервала научной деятельности археологов. В это тяжелое время защитили докторские диссертации Б.А. Рыбаков, В.Д. Блаватский, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов; была подготовлена в основном докторская диссертация С.В. Киселева, защищенная им уже после войны, в 1946 г. Продолжалась и полевая практика студентов: исследовались курганы близ Ашхабада, раскапывалась Островская стоянка в устье Чусовой, в 1944 г. студенческими раскопками в подмосковном Царицыне по очереди руководили А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, С.В. Киселев.

В.А. Городцов, который оставался в годы войны в Москве (он умер за два месяца до победы), в 1943 — 1944 гг. уже в преклонном возрасте, написал у себя дома в Полужуктовом переулке факультативный курс по каменному веку для студентов МГУ. В 1944 г. ученый был награжден Орденом Ленина за заслуги в научной и общественной деятельности, в воспитании кадров научных, музейных работников и преподавательских кадров для учебных заведений. До самых последних дней Городцов работал над рукописью второго тома своего фундаментального труда «Археология» под названием «Металлический период». К сожалению, эта рукопись не была завершена и осталась неопубликованной.

После окончания войны из числа выпускников кафедры был сформирован постоянный коллектив преподавателей и лаборантов. Основой подготовки специалистов стала теперь организация крупных долговременных экспедиций, исследующих узловые проблемы археологии. В 1947 г. возобновила прерванные войной работы Новгородская экспедиция под руководством А.В. Арциховского. Основной костяк созданной тогда же комплексной археолого-этнографической Хорезмской экспедиции (руководитель — С.П. Толстов) составили выпускники кафедры археологии. В 1949 г. начала свою деятельность Смоленская экспедиция, организованная Д.А. Авдусиным. Преимущества именно такой, стационарной организации полевой практики очевидны, поскольку долговременные работы на одном объекте (разумеется, если он выбран правильно и имеет хорошую перспективу работ) целесообразны с точки зрения полевой методики. Ее основой в настоящее время являются раскопки широкой площадью, если они ведутся в городах, или широким фронтом, когда речь идет о погребальных комплексах. Только такие работы дают необходимый материал для надежных научных построений.

Многообразие частных открытий при долговременных раскопках порождает столь же многообразную программу научных изысканий, постепенно выдвигая на первый план проблемы общиесторического характера, которые становятся стержнем и для разработки частных сюжетов. Но организация таких работ требует концентрации усилий значительного числа их участников, труд которых не может мыслиться иначе как совместный. Поэтому в условиях больших раскопок в одном исследовательском коллективе

объединены усилия и маститых руководителей экспедиций, и студентов, только начинающих свой творческий путь. Единой программой исследования связаны темы кандидатских и докторских диссертаций, курсовых и дипломных работ. Проходя практику в кафедральных экспедициях, студенты видят совокупность множества источников и множества взаимосвязанных проблем, а не штучные комплексы или малопонятные фрагменты того целого, которое не в состоянии охватить эпизодическая мелкомасштабная работа.

Изложенные здесь принципы стали руководящими и в организации других полевых практик, начавшихся в те же годы, — в Керченской экспедиции В.Д. Блаватского, степной Скифской Б.Н. Гракова, Черниговской и Вщижской экспедициях Б.А. Рыбакова. Перечисленные стационарные экспедиции создали прекрасную базу для подготовки специалистов различных профилей и направлений. Вместе с другими кафедральными экспедициями они сформировали почти исчерпывающий набор характерных объектов, которые обязан знать археолог. Благодаря этому, традиционно сложившиеся основные теоретические курсы, дополненные широким спектром специальных курсов и спецсеминаров, приобрели особую наглядность, делая преподавание предметным.

При этом уже тогда назрела необходимость организации новых аналитических работ по исследованию колоссальной массы находок, ежегодно поступающих на кафедру после очередных полевых сезонов. Стало ясно, что новые пути изучения массовых материалов лежат в применении в археологии методов естественнонаучных дисциплин, способных исследовать не внешний вид, а внутреннюю структуру предметов, приемы их изготовления, состав материала, особенности технологии.

Увеличивались не только коллекции университетских экспедиций. Широчайший размах археологических работ, начавшихся после войны, привел к тому, что общее количество источников в археологии стало возрастать буквально в геометрической прогрессии. В силу этого, уже в начале 50-х годов сделалась очевидной невозможность преподавания общего курса археологии в прежнем объеме. Существовало два пути совершенствования специализации. Можно было, сохранив территориальный охват темы, добиться создания специального учебного плана для археологов, резко увеличив как общий курс, так и спецкурсы в ущерб другим — неархеологическим дисциплинам и сохранив краткий курс для всего потока студентов факультета. Но можно было пойти и по линии коренной перестройки общих курсов кафедры, сконцентрировав основное внимание на проблемах отечественной археологии и оставляя археологию зарубежных территорий в качестве необходимого фона. Кафедра избрала второй путь, выработав обязательную программу подготовки профессиональных археологов.

Чтение нового курса «Методика полевых исследований» было поручено Д.А. Авдусину, написавшему в дальнейшем учебник по этой специальности, неоднократно переиздававшийся. Позднее Д.А. Авдусин передал этот курс своей ученице Т.А. Пушкиной, с 1995 г. его читает А.Н. Сорокин. Первым лектором оригинального курса «Историография археологии» был А.В. Арциховский, которого сменил Г.А. Федоров-Давыдов. С 1999 г. этот курс читает Е.А. Рыбина.

Наряду с успехами в преподавании кафедра столкнулась и с большими трудностями. После безвременной кончины М.В. Воеводского в 1948 г. долгое время не удавалось найти постоянного преподавателя курса «Каменный век». Лишь в 1977 г. постоянным сотрудником кафедры стала Н.Б. Леонова, специализировавшаяся по каменному веку. Сходная ситуация сложилась с преподаванием античной археологии, для чтения которой кафедра приглашала в разные годы В.Д. Блаватского, И.Т. Кругликову, Г.Е. Кошеленко, Д.Б. Шелова, С.Ю. Сапрыкина. Теперь курс читает сотрудник кафедры Е.А. Попова. Непростой была и организация курса «Бронзовый век» после смерти С.В. Киселева. Эту дисциплину долгое время преподавал Н.Я. Мерперт, затем В.С. Титов и, наконец, ее стала вести Н.В. Рындина. Длительное время (с 1943 г. с эвакуации в Свердловске и до конца 60-х годов) лекции по курсу «Железный век» читал Б.Н. Граков. Продолжила подготовку специалистов по этому разделу ученица Гракова И.В. Яценко. Ее преемником с 1994 г. стал выпускник и сотрудник кафедры А.Р. Канторович, ученик И.В. Яценко. Лекции по славяно-русской археологии долгое время читались Б.А. Рыбаковым, на смену которому пришли Т.А. Пушкина и А.С. Хорошев.

Не остался неизменным и общий курс археологии, предназначенный для всех студентов исторического факультета. Как уже отмечалось, археологические материалы, добываемые многочисленными экспедициями, на протяжении немногих лет удваиваются. Учебник археологии поэтому не может быть «стабильным». В 1967 г. Д.А. Авдусиным был опубликован новый учебник по общему курсу археологии, впоследствии дважды переиздававшийся.

После смерти Д.А. Авдусина в 1994 г. кафедра вынуждена была организовать коллективное чтение общего курса. Каждый раздел археологии читал ведущий специалист в этой области: каменный век — Н.Б. Леонова, бронзовый век — Н.В. Рындина, железный век и античность — А.Р. Канторович, славяно-русскую археологию — Т.А. Пушкина. В настоящее время кол-лектив лекторов готовит новый учебник «Основы археологии», который будет существенно обновлен в связи с достижениями археологической науки в последние десятилетия.

С начала 50-х годов, когда преподавание общего курса археологии и полевая практика по нему стали обязательными на всех исторических факультетах университетов и педагогических институтов, потребовались новые, массовые тиражи учебников и учебных пособий с изложением программы курса для высших учебных заведений разного профиля. Приобщение к археологическим знаниям и практической работе на раскопках огромного числа студенческой молодежи наложило на кафедру особую ответственность. Одновременно неизмеримо возрос и объем учебной работы кафедрального коллектива, так как его экспедиции стали базой полевой практики не только для студентов Московского университета, но и для целого ряда исторических факультетов других учебных заведений страны.

Учебные семинары по источниковедению и спецдисциплины, составляющие основу учебной программы для специализирующихся студентов,

дополняются разнообразными спецкурсами. Так, в разные годы сотрудниками кафедры читались «Археология древнерусского города» (Д.А. Авдусин); «Археология Сибири», «Археология Монголии», «Археология Китая» (С.В. Киселев); «Погребения каменного века» (Н.Б. Леонова); «Энеолит и ранняя бронза юго-запада СНГ» (Н.В. Рындина); «История и культура Малой Скифии» (Е.А. Попова); «Скифо-сибирское искусство звериного стиля» (А.Р. Канторович); «Бронзовый век Сибири», «Ранний железный век Сибири», «Средневековые города Сибири» (Л.Р. Кызласов); «Применение методов математической статистики в археологии», «Древнее стекло» (Ю.Л. Щапова); «Русская нумизматика», «Русская сфрагистика» и «Источниковедение Новгорода» (В.Л. Янин); «Археология Новгорода» (Е.А. Рыбина, А.Н. Сорокин); «Скандинавские древности на территории Руси (IX—XI вв.)» (Т.А. Пушкина); «Археология Золотой Орды» (Г.А. Федоров-Давыдов) и др. Для чтения факультативных спецкурсов приглашаются и специалисты из Института археологии РАН, Государственного Исторического музея и др., которые в большинстве своем являются выпускниками кафедры археологии МГУ.

Кроме учебных, на кафедре существуют научно-практические проблемные семинары: Новгородский (руководитель — В.Л. Янин), Смоленский (Д.А. Авдусин, с 1994 г. — Т.А. Пушкина), Скифо-сарматский (И.В. Яценко), «История древних производств» (Н.В. Рындина), «Морфология древностей» (Ю.Л. Щапова). Такие семинары объединяют преподавателей, научных сотрудников, студентов и аспирантов не только Московского университета, но и других научных учреждений Москвы.

Об успехах кафедры археологии в подготовке специалистов красноречиво свидетельствуют следующие цифры. За время существования кафедры (с 1939 по 2003 г.) ее окончили 706 человек. К концу 2003 г. защищено 317 кандидатских и 100 докторских диссертаций.

Основные направления научных исследований и важнейшие научные достижения

Университетское образование немислимо без опоры преподавателей на собственную научную работу. Подготовить будущего ученого может прежде всего тот, кто сам ведет исследования. Показателем уровня научной работы кафедры являются публикации ее сотрудников, составившие значительную библиотеку. Многие преподаватели кафедры за свою научную деятельность отмечены наградами. Лауреатами главной университетской премии — Ломоносовской — стали С.В. Киселев, А.В. Арциховский, В.Л. Янин, Л.Р. Кызласов, Г.А. Федоров-Давыдов, Ю.Л. Щапова; лауреатом Шуваловской премии, учрежденной в университете для поощрения молодых исследователей, — А.Н. Сорокин. В.Л. Янину были присуждены Ленинская, две Государственные и Демидовская премии, а также премия «Триумф» и академические Золотые медали им. М.В. Ломоносова и С.М. Соловьева. Дважды присуждались Государственные премии А.В. Арциховскому и дважды (за труды, созданные на кафедре археологии) — Б.А. Рыбакову. Государственной премии СССР, премии Хакасии и званий «Заслуженный профессор МГУ», «Заслуженный деятель науки Тувы», «Заслуженный

деятель науки Хакасии» удостоен Л.Р. Кызласов. Профессора кафедры С.В. Киселев и А.В. Арциховский были избраны членами-корреспондентами, а Б.А. Рыбаков и В.Л. Янин — действительными членами АН СССР.

Широки международные научные связи кафедры. Ее сотрудники участвуют в научных съездах, конгрессах, конференциях и симпозиумах. Кафедре археологии окончили 36 человек из Монголии, Вьетнама, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Албании, Сирии, Ирака, Туниса, Греции, Франции, Нигерии, Гвiany, Мали, Кубы. Стажировку проходили специалисты из Польши, Норвегии, Германии, Бельгии, США, Чехословакии, Англии, Венгрии, Южной Кореи. Сотрудники кафедры неоднократно выступали с лекциями в научных и учебных заведениях многих стран: Англии, Германии, Дании, Польши, США, Чехословакии, Швеции, Японии и др. Плодотворным было научное сотрудничество со Стокгольмским университетом, а также участие преподавателей, аспирантов и студентов кафедры в раскопках ранне-средневековых памятников Италии в составе экспедиции Падуанского университета.

Славяно-русская археология. К моменту создания кафедры изучение славянских и средневековых русских древностей имело богатую историю. Еще в XIX в. началось исследование важнейших памятников этого периода: дружинных курганов под Черниговом, крупнейшего в Европе курганного могильника в Гнёздове под Смоленском, курганных комплексов на Северо-Западе, во Владимирской области и в других регионах России.

Важнейшим направлением научно-педагогической деятельности кафедры археологии изначально являлось изучение славяно-русских древностей, что было обусловлено необходимостью дальнейшего изучения древнейших периодов русской истории и научными интересами первого заведующего кафедрой А.В. Арциховского и созданного им коллектива.

Начало научной деятельности А.В. Арциховского связано с Москвой и ее округой. Древнейшему славянскому населению Москвы — вятичам — посвящены его первые публикации и кандидатская диссертация «Курганы вятичей», защищенная в 1929 г. и вышедшая отдельной книгой¹². Основу этой работы составляют скрупулезный анализ и классификация курганного инвентаря с целью выяснения хронологии древностей и выделения локальных особенностей погребального обряда. Сегодня такое построение исследования представляется единственно правильным, полноценным и доказательным; первый большой труд А.В. Арциховского подтвердил важность источниковедческого анализа, который в 20-е годы пренебрежительно именовался «вещеведением» и якобы противостоял социологическому исследованию. А.В. Арциховский еще не раз возвращался к своей первоначальной научной теме, раскапывая вятичские курганы под Звенигородом (1940), Царицыном (1944), в Беседах (1945, 1946). Однако уже в начале своей научной деятельности для него стала очевидной необходимость изучения сельских и городских древностей в едином контексте.

¹² Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

20—30-е годы XX в. были периодом активного поиска методики археологического исследования. Основой археологического знания Древней Руси на протяжении XIX — начала XX в. оставалось изучение погребальных памятников, позволившее сделать первые хронологические наблюдения над извлеченными из курганов находками. Городские раскопки в малых масштабах до конца 20-х годов были предприняты лишь в Киеве и Старой Ладогe. Поэтому велика была заслуга А.В. Арциховского, который, создав и возглавив бригаду археологов на строительстве первой очереди Московского метрополитена, смог наглядно продемонстрировать важность изучения городских культурных напластований¹³. Опыт работы в Москве был использован им при организации археологических раскопок в Новгороде, к исследованию которого ученый приступил в 1932 г. Будучи к тому времени уже признанным знатоком курганных древностей, Арциховский справедливо полагал, что знание бытовых реалий может служить важнейшим подспорьем при изучении инвентарей городских усадеб средневековья. До начала городских раскопок в 1929 г. он провел раскопки курганов и городищ Новгородской земли.

Важную роль в проведении городских раскопок сыграл Б.А. Рыбаков, организовавший в 40—50-е годы археологическое исследование древнерусских городов — подмосковного Звенигорода, Вщижа, Переяславля Южного, Чернигова, Любеча, Тмутаракани, — в котором принимали участие и студенты кафедры.

Однако настоящей «Меккой» городской археологии средневековой Руси стал Новгород. Причина этого заключается как в той особой роли, которую этот город сыграл в русской истории, так и в исключительной сохранности всех древностей, попадавших в его культурный слой. В отличие от большинства древнерусских городов, в Новгороде наряду с предметами из неорганических материалов (металлы, камень, глина, стекло, янтарь) прекрасно сохраняется органика: дерево, кость, кожа, береста, зерно, семена растений. Раскопки в Новгороде, начатые А.В. Арциховским в 1932 г. и продолжающиеся до сих пор, являются самыми масштабными и долговременными не только в российской, но и в мировой археологической практике.

Уже довоенные раскопки в Новгороде привели к резкому увеличению многообразия археологических находок. Для их осмысления и введения в научный оборот потребовалось освоение археологами материалов смежных исторических дисциплин: нумизматики, сфрагистики, истории прикладного искусства, летописной миниатюры. Закономерным стало появление работ А.В. Арциховского по нумизматике и геральдике. Наиболее показательным в этом отношении его исследование древнерусских миниатюр¹⁴, а также деятельное участие в создании коллективного двухтомника «История культуры Древней Руси», в котором был систематизирован весь имевшийся к началу войны источниковый (письменный, археологический и

¹³ По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. Л., 1936.

¹⁴ *Арциховский А.В.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944.

художественный) материал домонгольского периода¹⁵. В послевоенные годы А.В. Арциховский возглавил работу над продолжением этого издания.

Особенно важной составляющей довоенных исследований Новгорода, ставшей неотъемлемой частью научной методики А.В. Арциховского, было обязательное обращение к письменным источникам русской истории. В предвоенные годы Арциховский выступил с циклом исторических работ, посвященных ключевым проблемам новгородской истории. В 1938 г. была опубликована его статья «К истории Новгорода», в которой он, вопреки мнению прежних исследователей, блестяще обосновал социальную сущность новгородского боярства как сословия крупнейших землевладельцев, а не купцов¹⁶. Эта работа и статьи о новгородских ремеслах и городских концах¹⁷ наметили программу дальнейшего одновременного изучения Новгорода, в равной степени ориентированную на анализ и письменных, и археологических источников. Необходимость объединения исторического и археологического материала была сформулирована А.В. Арциховским в его широко известной фразе: «Археология — это история, вооруженная лопатой».

С археологическим изучением Великого Новгорода, где раскопки ведутся более 60 полевых сезонов, связаны самые значительные достижения в изучении средневековой истории Руси. Основной научный состав Новгородской археологической экспедиции, которую с 1962 г. возглавляет В.Л. Янин, — это сотрудники кафедры археологии исторического факультета.

Благодаря раскопкам в Новгороде, источниковая база русского средневековья пополнилась исключительными по своему значению материалами, и в первую очередь — берестяными грамотами. Несомненно, находка первой берестяной грамоты 26 июля 1951 г. стала важнейшим событием в отечественной археологии XX в., оказавшим огромное влияние на развитие отечественной медиевистики и русистики. К концу сезона 2003 г. число найденных в Новгороде берестяных грамот достигло уже 950. Примечательно, что кроме Новгорода письма на бересте обнаружены еще в десяти древнерусских городах. Увеличение числа таких находок прежде всего позволило по-новому оценить степень грамотности русского средневекового общества и получить наглядные свидетельства по истории обучения письму.

Берестяные грамоты поставили перед исследователями немало научных и методических проблем, связанных как с чтением и комментированием текстов, так и с сохранением самих берестяных свитков. Большая заслуга в разработке методов консервации бересты и особенно изготовления прорисей текстов грамот принадлежит сотруднику кафедры М.Н. Кислову. Ему удалось создать максимально точные прорисы почти 600 грамот (в том числе десяти из Смоленска и тринадцати — из Старой Руссы), что способствовало их успешному прочтению и дальнейшему изучению¹⁸.

¹⁵ История культуры Древней Руси. М.: Л., 1948. Т. 1; М.: Л., 1951. Т. 2.

¹⁶ Арциховский А.В. К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. № 2.

¹⁷ Арциховский А.В. Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Вып. 6: *Он же*. Городские концы в Древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16.

¹⁸ Кислов М.Н. Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1954. Вып. 53.

Изучение берестяных грамот еще больше укрепило союз археологов и историков. Не случайно для чтения, комментирования и издания первых десяти документов, найденных в 1951 г., А.В. Арциховский пригласил выдающегося советского историка М.Н. Тихомирова¹⁹. Понимал Арциховский и необходимость лингвистического анализа этого вида источника. Филолог В.Н. Борковский, привлеченный для выполнения этой задачи, принял участие в публикациях нескольких томов грамот²⁰. Всего А.В. Арциховским было подготовлено и издано семь томов с текстами и историческими комментариями, из них два – самостоятельно²¹. Полноценным соавтором публикаций грамот из раскопок 1962—1976 гг. стал В.Л. Янин²², который продолжает академическое издание новых находок вместе с лингвистом А.А. Зализняком²³.

Берестяные грамоты давно превратились в одну из самых массовых археологических находок, будучи при этом новым видом письменных исторических источников. Их значение для истории русского средневековья как нельзя более полно отражено в трудах В.Л. Янина, который неоднократно отмечал, что берестяные грамоты «стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ». В.Л. Янин первым использовал берестяные грамоты для написания ярких страниц новгородской истории, подготовив научно-популярную книгу «Я послал тебе бересту». Книга выдержала три издания и была переведена на венгерский и японский языки²⁴.

Другим важнейшим событием в новгородской археологии явилось полноценное изучение городских усадеб X—XV вв., которое стало возможным благодаря принятой методике ведения раскопок большими площадями. В двух древнейших концах Новгорода (Неревском и Людином) объектом исследования являются уже не отдельные усадьбы, а целые кварталы средневекового города с улицами, жилой застройкой, системами благоустройства. Поскольку в это же исследование входит изучение всей толщи образовавшихся за тысячу лет культурных напластований (которая, как правило, превышает 5—6 м), последовательная смена комплексов становится основой для наблюдений за динамикой развития изучаемого района во всех его модификациях, связанных с изменением социальной структуры.

¹⁹ Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

²⁰ Арциховский А.В., Борковский В.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

²¹ Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

²² Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

²³ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993; Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000.

²⁴ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1965; 2-е изд. – М., 1975; 3-е изд. – М., 1998.

Топографический анализ находок берестяных грамот позволяет персонализировать те археологически исследованные древние усадьбы, на которых они были обнаружены. В ряде случаев это усадьбы лиц, хорошо известных по летописям и другим традиционным источникам. В частности, в ходе раскопок 1951—1962 гг. в Новгороде был изучен значительный комплекс городских владений бояр Мишиничей; адресованные им и написанные ими самими тексты охватывают шесть поколений этой семьи, многие представители которой занимали высший в Новгородской республике государственный пост посадника.

С 1973 г. в Новгороде раскапывается определенный по берестяным грамотам комплекс усадеб знаменитого посадника рубежа XII—XIII вв. Мирошки Несединича. На одной из усадеб этого комплекса в 90-е годы XII — начале XIII в. находилась мастерская священника и художника Олисея-Гречина, чье имя и род занятий также были установлены по берестяным грамотам и многочисленным находкам, связанным с изготовлением икон. Благодаря этому открытию, по сути, анонимное древнерусское искусство обогатилось еще одним именем. Комплексный анализ усадьбы художника Олисея-Гречина является образцом исследования городских усадеб средневекового Новгорода²⁵.

Заложенные А.В. Арциховским основы комплексного источниковедения получили новую жизнь в работах его ученика В.Л. Янина и других исследователей Новгорода. История и археология Новгорода продолжают оставаться в числе ведущих научных направлений не только кафедры археологии, но и исторического факультета в целом. В настоящее время небольшой коллектив сотрудников, возглавляемый В.Л. Яниным, продолжает всестороннее изучение истории Новгородской республики. В составе нынешних «новгородоведов» — бывшие выпускники кафедры А.С. Хорошев, Е.А. Рыбина, А.Н. Сорочкин, Л.В. Покровская. Будучи профессиональными археологами, они активно используют в своих исследованиях всю сумму имеющихся исторических источников. С новгородской тематики началась научная деятельность Ю.Л. Щаповой, Н.В. Рындиной, С.А. Изюмовой, которые разрабатывали типологию разных категорий вещей, занимались их историей и технологией изготовления.

Главным предметом научных интересов В.Л. Янина являются история государственных институтов Новгородской республики, феномен ее государственного устройства²⁶, формирование территории Новгородского государства и статус пограничных земель²⁷, социально-политическая история Новгорода. Только комплексный подход при анализе разнородных источников (летописей, берестяных грамот, сфрагматических материалов, данных археологии) позволил ученому убедительно реконструировать институт посадничества — центральный орган власти средневекового Новгорода. В монографии о новгородских посадниках²⁸ Янин, в сущности, впервые создал историю посадничества, установил принципы его формирования,

²⁵ Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

²⁶ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

²⁷ Янин В.Л. Новгород и Ливия. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

²⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962; 2-е изд. — М., 2003.

раскрыл социальную природу новгородской административной системы (деление на сотни и концы). Благодаря его исследованиям, была выявлена экономическая база новгородского боярства, из среды которого и выбирали посадников²⁹. Много внимания уделяет В.Л. Янин и источниковедческим проблемам, что способствует установлению достоверных фактов для реконструкции прошлого³⁰.

Наряду с новгородской тематикой В.Л. Янин также плодотворно занимается изучением других сюжетов древнерусской истории. До сих пор не утратила своего значения его книга о денежно-весовых системах Руси в домонгольский период, вышедшая почти 50 лет назад³¹. В ней автор впервые предложил общую картину монетного обращения на территории Восточной Европы в IX — XI вв., проследил этапы развития древнерусской денежно-весовой системы и установил существование двух региональных систем: северной с центром в Новгороде и южной с центром в Киеве.

Со времени изучения истории посадничества особое внимание В.Л. Янин уделял сфрагистическому материалу как основному источнику по истории политических институтов и организации государственного управления. В результате многолетней работы по фиксации и систематизации печатей им был подготовлен двухтомный свод древнерусских печатей X—XV вв., включающий в себя не только собственно каталог, но и атрибуцию разных типов печатей и общую характеристику сфрагистического материала как источника³². Спустя почти 30 лет был издан очередной том печатей, зафиксированных за прошедшие десятилетия³³.

Взаимоотношения между светской и церковной властью в Новгороде стали темой исторических исследований А.С. Хорошева, который установил, что этапные моменты истории новгородской церкви хронологически совпадают с коренными преобразованиями новгородской государственности³⁴. В дальнейшем исследователь рассмотрел историю канонизации русских святых в XI—XVI вв. и убедительно показал связь канонизационных процессов с политической историей Руси³⁵. В истории средневековой канонизации А.С. Хорошев выделил четыре крупных периода, в числе которых: создание киевского пантеона как общегосударственного культового центра Древней Руси; канонизация местных святых в период раздробленности; организация общенационального пантеона во время объединения русских земель вокруг Москвы; создание русского общегосударственного пантеона.

²⁹ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

³⁰ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977; *Он же*. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990; *Он же*. Планы Новгорода Великого XVII—XVIII вв. М., 1999.

³¹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

³² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I—II.

³³ Янин В.Л., Гайдукон П.Г. Актовые печати Древней Руси. X—XV вв. М., 1998. Т. III.

³⁴ Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

³⁵ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.

Наряду с чисто историческими сюжетами, А.С. Хорошев много внимания уделяет разработке проблем городской застройки, атрибуции и характеристике различных сооружений, открываемых в процессе раскопок.

Е.А. Рыбина впервые широко использовала археологический материал для изучения торговых связей Новгорода³⁶. Массовый характер многих категорий импортных товаров и их четкие датировки позволили проследить динамику связей на разных направлениях, зафиксировать периоды подъема и спада в движении товаров. Привлечение письменных источников и берестяных грамот помогло установить причины сокращения торговли, что было обусловлено политическими взаимоотношениями между Новгородом и его контрагентами. Наряду с археологическими материалами и отечественными письменными источниками, исследовательница активно привлекает для изучения западноевропейских связей Новгорода многочисленные ганзейские источники. На их основе ей удалось наметить этапы становления и развития этих связей, написать историю ганзейской конторы в Новгороде³⁷. Итогом многолетних исследований Е.А. Рыбиной по истории новгородской торговли стали анализ и обобщение всех известных в настоящее время источников по этой теме³⁸.

За годы раскопок в Новгороде были вскрыты и изучены сотни разнообразных сооружений: мостовых улиц, настилов, колодезьных, водоотводных труб и колодезьных, жилых, хозяйственных и производственных срубов. Их детальное изучение в течение многих лет привело А.Н. Сорокина к разработке большой темы благоустройства средневекового Новгорода, которая ранее не была даже поставлена. Автору удалось выявить набор элементов городского благоустройства, складывавшихся постепенно по мере развития города, и установить, что благоустройство начиналось с усадеб, хотя уже с X в. фиксируются элементы общегородского благоустройства — мощение улиц³⁹. В последние годы исследователь расширил сферу своих занятий, обратившись к формированию городской среды в целом. Предметом его изучения стали не только разнообразные элементы городского благоустройства (мосты, уличные мостовые, дворовые настилы, водоотводные сооружения и др.), но и такие градообразующие пространства, как сады и огороды. Труды А.Н. Сорокина помогают воссоздать облик средневекового Новгорода с X по XVI в.

Л.В. Покровская со студенческих лет занимается ювелирными украшениями балтского и финно-угорского происхождения, которые обнаруживаются при раскопках Новгорода. Ею разработана подробная классификация названных украшений, определена их хронология и топография⁴⁰. Комплексный

³⁶ Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.

³⁷ Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

³⁸ Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

³⁹ Сорокин А.Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995.

⁴⁰ Покровская Л.В. Зооморфные привески древнего Новгорода // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т.3; Она же. Новгородские одежные булавки (X–XIII вв.) // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию Д.А. Авдусина. М., 1998.

анализ украшений балтской и финно-угорской групп позволил исследовательнице сделать важные выводы о формировании городского населения, о межэтнических контактах славянского и угро-финского населения, о складывании новгородского городского костюма и развитии моды на те или иные типы украшений⁴¹.

Источниковедческий анализ открытых при раскопках древностей, и прежде всего вещевого коллектива, остается одним из важных направлений научной программы по изучению Новгорода. Каждый из сотрудников Новгородской экспедиции, наряду со своими основными темами, занимается систематизацией разных категорий находок, их атрибуцией, датировкой, что в конечном итоге дает объективное представление о материальной культуре этого города⁴².

На базе Новгородской экспедиции сложился интернациональный научный коллектив, в котором активно работают археологи из Англии, Германии, Швеции, Дании. В рамках конференции Европейской ассоциации археологов в 1999 г. результаты этой работы были представлены на Новгородской секции пятнадцатую докладами ее участниками, среди которых были сотрудники кафедры: В.Л. Янин, А.С. Хорошев, Е.А. Рыбина, А.Н. Сорокин⁴³. Исключительный интерес зарубежных коллег к археологическим исследованиям Новгорода выразился в подготовке и издании совместных коллективных монографий по истории и археологии города, одна из которых вышла в Англии⁴⁴, другая — в Германии⁴⁵.

Работы руководимого В.Л. Яниным коллектива коренным образом изменили прежние представления не только о роли и значении Новгорода в средневековой истории Руси, но и о политическом, социально-экономическом и культурном развитии всей Руси в целом. На исходе XX в. в Новгороде были сделаны выдающиеся открытия. В 1998 г. впервые был обнаружен огромный комплекс берестяных грамот (около 100 экз.), связанных с судопроизводством XII в. Эти грамоты, найденные на усадебном комплексе со своеобразной планировкой и застройкой, впервые зафиксировали место заседания средневекового суда. В 1999 г. был найден комплекс предметов (деревянных бирок-замков для запечатывания мешков с пушниной), свидетельствующий о сборе податей (налогов) на территории Новгородской земли в XI в. Анализ надписей на бирках в совокупности с другими источниками дал возможность говорить о становлении государственных институтов,

⁴¹ Покровская Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X-XI вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999; *Она же*. Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Русь в XIII веке. Древности Темного времени. М., 2003.

⁴² Рыбина Е.А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7; *Она же*. Церк. из раскопок в Новгороде // Там же. Новгород, 1994. Вып. 8; *Она же*. Зеркала в средневековой Руси (проблема атрибуции, публикация оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы...

⁴³ Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland. The British Museum. Occasional Paper, Number 141 / Ed. by M. Brisbane and D. Gaimster.

⁴⁴ The Archaeology of Novgorod, Russia. Recent Results from the Town and his Hinterland. The Society for Medieval Archaeology. monograph Series: N 13. Lincoln, 1992.

⁴⁵ Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Bd.1. Wachholtz Verlag. Neumünster, 2001.

о времени ограничения княжеской власти и, соответственно, о формировании республиканских институтов власти, отличающих Новгород от других древнерусских центров⁴⁶.

Исключительно важной в научном отношении и сенсационной по общественному резонансу в России и за рубежом стала находка в Новгороде в 2000 г. древнейшей славянской книги на воске, обнаруженной в слое начала XI в. и известной теперь как «Новгородская псалтырь». Ее стратиграфическая дата была подтверждена радиоуглеродным анализом воска. «Новгородская псалтырь» оказалась на несколько десятилетий старше «Остромирова Евангелия» (1056–1057 гг.), которое до этого являлось самой ранней из датированных книг не только Руси, но и всего славянского мира.

Научные программы в области славяно-русской археологии на кафедре не ограничиваются всесторонним изучением Новгорода. Исследование проблемы происхождения, культуры древнерусского города, а также проблемы русско-скандинавских культурно—исторических связей и вопросы этнической истории Смоленской земли определили цели и задачи созданной в 1949 г. Смоленской археологической экспедиции, которой более сорока лет руководил Д.А. Авдушин. Материалы, полученные в результате работ экспедиции, легли в основу научных исследований не только ее участников (Т.А. Пуцкиной, Н.В. Елисовой), но и многих студентов и аспирантов кафедры⁴⁷.

Главными объектами изучения стали Гнёздовский комплекс археологических памятников, в первую очередь курганы, и древний Смоленск. Характер Гнёздовского комплекса, его хронология и вопрос о времени возникновения Смоленска оказались тесно взаимосвязанными. Решая научные задачи, экспедиция отработывала методику полевых исследований древнерусских курганов, открытого поселения и древнерусского города.

Основным объектом полевых и кабинетных исследований в течение многих лет были Гнёздовские курганы. Опыт, накапливаемый в ходе раскопок, лег в основу специальной статьи, посвященной особенностям методики изучения погребальных насыпей значительного размера, и был использован затем Д.А. Авдушиным при подготовке учебника⁴⁸.

Результаты раскопок курганов с самого начала изучения Гнёздова и видоизменились до относительно недавнего времени были практически единственной источниковой базой для различных построений о хронологии памятника; социальном и этническом составе оставившего его населения; ремесле, торговых связях; о соотношении Гнёздова и Смоленска и т.д. Постепенно, особенно с разворачиванием изучения культурного слоя Гнёздовского поселения, эта база не только пополнялась (и продолжает пополняться) за счет увеличения вещевой коллекции, но и расширялась. Особое значение приобрело открытие в 1996 г. участков влажного культурного слоя, сохраняющего органические остатки, в частности дерево. Это позволило получить

⁴⁶ Янин В.Т. У истоков новгородской государственности.

⁴⁷ Основные результаты работ Смоленской экспедиции см. в публикациях: Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города): Сб. статей / Под ред. Д.А. Авдушина. М., 1991; Путь из варяг в греки и из греков... Каталог выставки и статьи. М., 1996; Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Сб. статей / Под ред. В.В. Мурашевой. М., 2001.

⁴⁸ Авдушин Д.А. К методике раскопок больших курганов // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1951. Вып. 40; *Он же*. Полевая археология СССР: Учеб. пособие. М., 1980.

образцы для проведения дендрохронологического анализа и пополнить материалы по созданию гнёздовской дендрошкалы, что будет способствовать дальнейшему уточнению хронологии памятника.

На основе анализа материалов, полученных уже в первые годы изучения гнёздовских курганов, Д.А. Авдусиным было высказано предположение о неоднородности социального состава древнерусской дружины, в которой он видел не только местное, но и временное, «проходящее» население⁴⁹. Планомерное и последовательное изучение всех частей могильника позволило в дальнейшем уточнить его историческую топографию, хронологию, а также получить новые данные о погребальной обрядности языческой Руси. Важным результатом раскопок в Гнёздове стала находка древнейшей русской надписи и открытие особого типа погребальных сооружений — камер, в том числе и содержавших наиболее ранние христианские захоронения⁵⁰.

Изучение всего комплекса находок, полученных в результате стационарных раскопок в разных частях поселения, позволили Т.А. Пушкиной прийти к заключению о торгово-ремесленном характере поселения, ставшего своеобразным предшественником княжеского Смоленска⁵¹. Произведенный ею вещеведческий анализ некоторых групп и категорий находок из курганов и культурного слоя подтвердил высказанное ранее предположение о полиэтничности Гнёздова. В состав его населения входили не только разные группы славян, но и скандинавы и балты⁵².

Вопрос о профессиональных группах населения Гнёздова стало возможным полноценно рассматривать только благодаря накоплению материалов из раскопок. Первый опыт изучения изделий из черного и цветного металла был произведен в начале 1970-х годов, однако углубленное изучение местного кузнечного и ювелирного ремесла началось совсем недавно, в середине 1990-х. Анализ инструментария, литейных форм, состава сырья, брака и готовой продукции, а также технологических приемов изготовления различных предметов был произведен Н.В. Ениосовой, получившей убедительные данные об особенностях местного ювелирного производства, в котором намечается несколько производственных традиций, в том числе балтская и наиболее выраженная скандинавская. Постоянное (с 1987 г.) участие исследовательницы в раскопках различных фрагментов селища позволило сделать интересные наблюдения о «производственных зонах» на его территории и определить некоторые производственные комплексы уже «в поле»⁵³. История гнёздовского

⁴⁹ Авдусин Д.А. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 году // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1952. Вып. 1.

⁵⁰ Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР. М., 1950; Авдусин Д.А. Скандинавские ингумации в Гнёздове // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы. Л., 1976. Ч.1; Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989; Пушкина Т.А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Труды ГИМ. М., 1997. Вып. 93.

⁵¹ Пушкина Т.А. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.). М., 1974.

⁵² Пушкина Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // V Международный конгресс славянской археологии: Доклады. Киев, 1987. Т. III. Вып. 16; Она же. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // Советская археология. 1981. № 3.

⁵³ Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнёздова (по материалам курганов и поселения). М., 1999; Она же. Литейные формы Гнёздова // Историческая археология. Традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998; Она же. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2001.

ювелирного ремесла являлась для Н.В. Енисовой своеобразной отправной точкой в научных исследованиях. В настоящее время она работает над более широкой проблемой, включающей в себя вопросы развития ювелирного производства Древней Руси и его сырьевых источников. Использование базы данных, содержащей результаты исследования целого ряда памятников Восточной Европы, дало возможность сделать предположение о двух путях поступления сырья — Волжском и Балтийском — и говорить о сложении двух регионов с традицией применения разных сплавов⁵⁴.

Проблема русско-скандинавских культурно-исторических взаимоотношений традиционно связана с изучением материалов из раскопок Гнёздова. Значительное внимание «варяжскому вопросу» уделял Д.А. Авдусин, привлекавший результаты исследования и других памятников, но опиравшийся в первую очередь на гнёздовские материалы⁵⁵. Предметы скандинавского происхождения как свидетельства межэтнических контактов населения Руси изучаются Т.А. Пушкиной. Каталогизация находок, изучение особенностей их распространения позволили ей наметить динамику распределения скандинавских древностей по территории Древней Руси и районы их сосредоточения⁵⁶.

Начало раскопок в Гнёздове явилось первым шагом к изучению Д.А. Авдусиным и Смоленской экспедицией одного из древнейших русских городов. Начавшиеся в 1951 г. раскопки Смоленска были первыми планомерными стационарными исследованиями культурного слоя города. Работу Смоленской экспедиции в этом направлении можно разделить на две части: изучение топографии и материальной культуры города и исследование памятников домонгольской архитектуры. Основные работы проводились в прибрежной части, вблизи стены Федора Коня. Оказалось, что культурный слой Смоленска прекрасно сохраняет дерево и другие органические материалы и по своему характеру аналогичен новгородскому. Здесь, как и в Новгороде, выявлена усадебная застройка, деревянные мостовые улицы, дренажные сооружения, остатки мастеровских. Результаты первых сезонов изучения городского культурного слоя, гнёздовских курганов и поселения были изложены Д.А. Авдусиным в статьях, посвященных проблеме возникновения Смоленска; первоначально Гнёздово рассматривалось им как кладбище древнего Смоленска, однако позднее новые материалы заставили автора изменить свои выводы⁵⁷. Проблема

⁵⁴ Енисова Н.В., Митюн П.А., Сарачева Т.Г. Особенности бронзовых сплавов Северо-Запада Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли, 2001–2002. Псков, 2003.

⁵⁵ Авдусин Д.А. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Т. 20; *Он же*. Современный антинорманизм // Вопросы истории. 1988. № 7.

⁵⁶ Пушкина Т.А. Скандинавские находки из окрестностей Муромы // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988; *Она же*. Находки с Городища близ Новгорода // Скандинавский сборник. XXXI. Тарту, 1988; *Она же*. Трилистные скандинавские фибулы на территории Восточной Европы // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111; *Pushkina T.A.* Scandinavian finds from old Russia. A survey of their topography and chronology // The rural Viking in Russia and Sweden. Örebro, 1997.

⁵⁷ Авдусин Д.А. К вопросу о первоначальном месте Смоленска // Вестн. Моск. ун-та. 1953. № 7. Серия общественных наук. Вып. 3; *Он же*. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957; *Он же*. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Материалы юбилейной конференции. Смоленск, 1967.

происхождения древнерусского города интересовала Д.А. Авдусина и в дальнейшем. Процесс возникновения городов в лесной зоне Восточной Европы изучался им в тесной связи с освоением славянами этой территории⁵⁸.

В 1952 г. в Смоленске была найдена первая берестяная грамота, относящаяся к XII в.⁵⁹ В настоящее время их уже 15, и все они датированы XII—XIII веками. Особый интерес представляет одна из грамот, написанная руническим шрифтом и сообщающая о приобретении земельного участка неким Вискаром (Висгейром?)⁶⁰. Эта находка хорошо перекликается с открытой раскопками Смоленской экспедиции на западной окраине города ротондой, или так называемой «немецкой божницей», которая по своей планировке близка некоторым североевропейским памятникам⁶¹. Д.А. Авдусиным были раскопаны и введены в научный оборот два неизвестных ранее памятника архитектуры домонгольского времени в Смоленске — уже названная ротонда и безымянная церковь на восточной окраине⁶².

С решением проблемы происхождения древнерусского города, в данном случае Смоленска, связано изучение его окружи. В рамках этой задачи ведет работы один из отрядов Смоленской экспедиции. Объектом его исследования стал Новоселковский комплекс памятников первой половины X в. на окраине современного Смоленска, где обнаружено незначительное поселение, по некоторым элементам культуры близкое Гнёздову⁶³.

Важным аспектом научной работы кафедры явилось изучение ранне-средневековых памятников и проблемы расселения славян в лесной зоне Восточной Европы. В течение нескольких лет Тульская археологическая экспедиция под руководством С.А. Изюмовой вела раскопки на Супрутском городище, одном из интереснейших памятников славянской роменской культуры в бассейне Оки. В результате изучения этого городища была восстановлена яркая картина гибели поселка во время вражеского нападения и обнаружены два клада — один, относящийся к IX, и другой — к X в.⁶⁴ Этой же экспедицией проведены планомерные разведки и исследование памятников, предшествовавших появлению славянского населения на данной территории.

Проблема освоения славянами пространств лесной зоны в пределах Верхнего Поднепровья определила задачи, поставленные в начале 70—80-х годов перед отрядами Смоленской археологической экспедиции, которые возглавляли аспиранты кафедры археологии И.В. Белоцерковская и В.В. Енуков.

⁵⁸ *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12.

⁵⁹ *Авдусин Д.А.* Смоленская берестяная грамота // Советская археология. 1957. № 1.

⁶⁰ *Авдусин Д.А., Мельникова Е.А.* Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952—1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985.

⁶¹ *Авдусин Д.А.* Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник. К 60-летию А.В. Арциховского. М., 1962.

⁶² *Авдусин Д.А.* Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке) // Советская археология. 1957. № 2.

⁶³ *Мурашова В.В., Нефедов В.С., Пушклина Т.А.* Изучение Гнёздова и его окружи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1.

⁶⁴ *Изюмова С.А.* Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Полученные в результате раскопок нескольких курганных могильников материалы существенно пополнили источниковую базу для молодых исследователей, успешно защитивших затем кандидатские диссертации⁶⁵.

Существование двух экспедиций, Новгородской и Смоленской, исследующих русские средневековые древности, создает идеальную комбинацию для всесторонней подготовки специалистов в этой области, поскольку одна из них изучает городские слои, а другая — погребальные памятники и открытые поселения, т.е. основные виды археологических памятников, имеющих свои особенности в методике полевых исследований.

Археология каменного века. С момента основания кафедры археологии исторического факультета МГУ в 1939 г. и до 1948 г. преподавание и научная специализация по археологии каменного века проводились М.В. Воеводским — доцентом кафедры археологии и старшим научным сотрудником Музея антропологии МГУ.

Научные интересы М.В. Воеводского были очень широки и не ограничивались только проблемами первобытной археологии. В археологии каменного века ему по праву принадлежит место первопроходца в изучении и теоретическом осмыслении эпохи мезолита, а также создании ряда новых методов изучения памятников каменного века. Широкое развитие получила его «методика больших площадей» и комплексный метод в изучении культурного слоя памятника.

Метод раскопок большими площадями — т.е. одновременное вскрытие и расчистка культурного слоя на уровне древней дневной поверхности на большой площади (до нескольких сотен квадратных метров) — позволяет охватить целиком значительные территории поселения, оценить степень влияния древнего рельефа на характер планировки поселения, сохранность культурного слоя, соотношение различных комплексов. Комплексный метод подразумевает постоянное и широкое участие в археологических исследованиях представителей естественнонаучных дисциплин, особенно геологов, палеонтологов, почвоведов.

Все эти методы разрабатывались М.В. Воеводским в процессе различных полевых исследований, и особенно в ходе работ Деснинской экспедиции (1936 — 1948), в которой принимали участие студенты (Л.П. Зяблин, А.А. Формозов, П.Г. Розенфельдт и Р.Л. Розенфельдт, В.М. Раушенбах), выпускница (М.Д. Гвоздовер) и сотрудник кафедры археологии (М.Н. Кислов). Методы изучения памятников каменного века, предложенные Воеводским, являются и поныне одними из самых эффективных; они нашли широкое отражение и развитие в работах его учеников и последователей.

В 1956 г. для чтения общего курса по каменному веку был приглашен крупнейший знаток в этой области О.Н. Бадер. В дальнейшем спецдисциплину «Каменный век» на кафедре читали сотрудники других археологических учреждений: А.Я. Брюсов, М.Д. Гвоздовер, снова О.Н. Бадер, Л.В. Грехова. Специализирующиеся студенты, которых было немного, проходили

⁶⁵ Диссертация В.В. Енукова стала основой для монографии: *Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей.* М., 1990.

практику и последующие стажировки в экспедициях ГИМ, Музея антропологии МГУ, Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения (ЛОИА), т.е. там, где работали приглашаемые для чтения лекций по каменному веку специалисты.

Как уже говорилось с приходом в 1974 г. на кафедру ее выпускницы Н.Б. Леоновой, занимавшейся археологией каменного века, возобновилось обязательное чтение основного курса «Каменный век», а также спецкурсов и спецсеминаров по различным проблемам древнейшего периода в истории человечества. Для чтения некоторых спецкурсов («Погребения раннего палеолита», «Различные проблемы мезолита», «Неолит») приглашаются сотрудники ИА РАН, ведущие ученые в той или иной области археологии каменного века (такие как Ю.А. Смирнов, М.В. Жилин, А.В. Энгватова). А.В. Энгватова совместно с Н.Б. Леоновой подготовила большой спецкурс по вопросам изучения палеоэкологии культурного слоя, который успешно читала для всех студентов кафедры в течение нескольких лет. Студенты кафедры, специализирующиеся по археологии каменного века, достаточно широко знакомятся с современной проблематикой и спецификой этой области, с существующими методами комплексных естественнонаучных исследований, применяемыми в археологии. За этот период написано более 20 дипломных работ; выпускниками кафедры защищено по этой специализации 10 кандидатских диссертаций.

В 1978 г. под руководством Н.Б. Леоновой была организована Донская палеолитическая экспедиция истфака МГУ, как для проведения производственной практики студентов и аспирантов, так и для научной работы. Донская экспедиция занимается раскопками нескольких верхнепалеолитических стоянок, открытых М.Д. Гвоздовер в 1958 г. в балке Каменной близ хутора Недвиговка в низовьях Дона. Раскопки этих памятников были начаты организованной Гвоздовер Ростовской палеолитической экспедицией Музея антропологии МГУ и продолжались в рамках данной экспедиции по 1971 год.

Каменная балка — уникальный археологический район с большим количеством верхнепалеолитических местонахождений и памятников с сохранившимся культурным слоем, относящихся к периоду с XX по XII тысячелетие. Все памятники принадлежат к одной археологической верхнепалеолитической каменнобалковской культуре, что дает редкую возможность изучать последовательное развитие культурных традиций и адаптаций в синхронном и диахронном планах. Кроме того, Каменная балка — удивительный уголок природы. В растительном и животном мире этого района сохранилось множество видов растений, насекомых и птиц, занесенных в Красную Книгу. Значительная площадь Каменной балки объявлена историко-природным заповедником государственного значения, а археологические памятники этого района входят в состав государственного археологического музея-заповедника «Танаис». Ежегодные работы, проводящиеся здесь Московским университетом вот уже в течение 45 лет, имеют большое значение для сохранения и развития этого заповедника и поддержания его научного статуса.

Работы, проводимые на стоянках Каменной балки, широко известны в кругу отечественных и зарубежных специалистов. Результаты исследований этих памятников послужили серьезным основанием для пересмотра многих

традиционных точек зрения на палеолит южных областей позднплейстоценового мира, на его хозяйственные и культурные особенности.

Раскопки Каменной Балки позволяют ставить и решать важные для современного палеолитоведения научно-методические проблемы, такие как синхронность различных хозяйственных объектов: динамика накопления, формирования и сохранности культурного слоя на различных по характеру поверхностях древнего рельефа и соотнесение его с современным; выяснение палеоэкологических условий бытования древнего поселения; хозяйственное зонирование и планировка стоянки; длительность обитания; характер и особенности охотничьего промысла и т.д.

Для решения многих из этих проблем нужны принципиально новые методики раскопочных и камеральных работ, которые и формируются в процессе многолетней деятельности экспедиции. Каменная Балка давно стала полигоном для разработки и опробования новых подходов к изучению палеолитического памятника; многие из них давно используются коллегами археологами⁴⁶.

Среди изучаемых памятников есть три базовые стоянки — т.е. такие стоянки, на которых проходила жизнь большей части всего коллектива. Эти памятники характеризуются богатым культурным слоем, остатками жилищ и широким набором орудий. Стоянка Каменная Балка 2 представляется достаточно долговременной, Каменная Балка 1 и Третий Мыс — относительно кратковременны. Сравнение структур этих памятников с целью разработки критериев для определения длительности обитания очень продуктивно, и полученные результаты могут быть важны в методическом и теоретическом отношении для изучения всех памятников, оставленных охотниками-собираателями.

Для понимания характера исторического процесса в том или ином регионе позднплейстоценовой ойкумены очень важны многие факторы: характер культурных адаптаций охотников-собираателей, изученность палеоэкологической ситуации, система расселения и жизнеобеспечения древних коллективов. При наличии достаточного количества данных по всем этим аспектам возможно построение непротиворечивых реконструкций ранних этапов истории человеческого общества.

Памятники каменнобалковской культуры дают богатейший материал и могут служить прекрасной основой для проведения комплексного системного анализа, имеющего своей конечной целью построение корректной модели адаптации человеческих коллективов к подвижной экологической ситуации в Северном Причерноморье — важном районе юга Европы.

Следует подчеркнуть, что среди отечественных и зарубежных верхнепалеолитических источников не существует аналогичной по качеству и объему базы данных для проведения подобного рода исследований. Кроме того, корпус археологических материалов дополняет не менее объемная база данных по различным областям палеоэкологических исследований. Некоторые из них являются абсолютно новыми (определение возраста животных при помощи анализа зубного цемента, широкое обследование поверхности культурного

⁴⁶ См.: Руководство по изучению палеоэкологии разновозрастных культурных слоев древних поселений. М., 1998. Ч. 1: Полевые исследования; М., 2000. Ч. 2: Лабораторные исследования.

сложения с помощью плоскостного спорово-пыльцевого анализа и пр.) и не имеют аналогов в практике отечественной археологии.

Для обработки и хранения материалов силами сотрудников экспедиции (студенты и аспиранты кафедры: О.А. Шейпак, Е.А. Виноградова, И.С. Торопов) была создана компьютерная база данных. Большая часть имеющихся материалов переведена в электронную форму, что облегчает пользование ими и значительно ускоряет процесс исследования.

Источниковая база постоянно используется как для написания курсовых и дипломных работ, а также диссертаций, так и для специальных научных изысканий, которые проводятся Н.Б. Леоновой, аспирантами кафедры археологии, коллегами-археологами и учеными смежных естественнонаучных дисциплин. В частности, заметным явлением среди немногочисленных работ по проблематике древнейшего природопользования стала диссертация выпускника кафедры археологии Е.В. Минькова, посвященная вопросам природопользования в верхнем палеолите Северного Причерноморья. В настоящее время завершена подготовка монографического издания по работам Донской экспедиции⁶⁷.

Научная деятельность Н.Б. Леоновой связана с разработкой и апробацией в полевых и камеральных условиях относительно новых методов и направлений в изучении основных археологических источников, относящихся к каменному веку. Это планиграфия, микростратиграфия, палеоэкология, которые в качестве инструмента археологического исследования могут широко применяться для изучения и реконструкции палеоэкологических адаптаций, а также хозяйственно-бытовых и социально-экономических сторон жизни в древнейшие периоды истории⁶⁸.

Научные интересы ученика Н.Б. Леоновой В.С. Житенева связаны с анализом различных сторон духовной жизни древнего человека. Его диссертация «Культ медведя в палеолите Европы» посвящена подведению некоторых итогов длительного изучения проявлений зоолатрии в ментальной жизни древнего человека. В диссертации предлагаются и новые подходы к теме, основанные на детальной критике основных источников и применении комплексных методов их анализа. В своей дальнейшей научной работе автор расширил круг затрагиваемых проблем и перешел к изучению не только культовых объектов, но и вопросов организации охотничьего промысла в палеолите.

В.С. Житенев ведет самостоятельные полевые исследования в одной из пещер Южного Урала, широко используя комплексный подход в изучении памятника. Кроме того, он принимает деятельное участие в реорганизации учебного археологического музея при кафедре, что требует широкой эрудиции в различных областях археологии.

⁶⁷ Леонова Н.Б., Гвоздочев М.Д., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Миньков Е.В., Несмезнов С.А., Стирдинова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (в печати).

⁶⁸ Леонова Н.Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993; *Она же*. Система жизнеобеспечения на верхнепалеолитических стоянках степной зоны // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 253–259; *Eadem*. The Upper Paleolithic of Steppe Zone // Journal of World Prehistory. 1994. Vol. 8. N 2. Plenum press. P. 3–50; *Eadem*. Dwelling in the eastern Steppe Zone // In *Perspectives Landscapes and Build Environments. The cultural geography of Late Palcolithic Eurasia*. BAR. International series 1122. England, 2003. P. 17–24.

Изучением структуры верхнепалеолитических стоянок методами планиграфического и микропланиграфического анализов занимается Е.А. Виноградова, активно участвующая в работе Донской экспедиции. В ряде своих трудов она рассматривает вопросы выявления хозяйственно-бытовой планировки памятников каменнобалковской культуры, разрабатывает критерии для хронологического членения культурных напластований⁶⁹.

Археология энеолита и бронзового века Юго-Восточной Европы. Проблемами эпохи раннего металла начиная с 1970-х годов занимается Н.В. Рындина. Вначале преимущественное внимание в ее работах уделялось проблемам развития племен Трипольской культуры, обитавших на протяжении IV — первой половины III тыс. до н.э. на обширных территориях современной Правобережной Украины, Молдовы и Юго-Восточной Румынии. Материалы Триполья исключительно разнообразны, яркость и выразительность предопределили их большую музейную ценность. Особенно важно то, что в Триполье четко отразились особенности, характерные для всех раннеземледельческих культур с расписной керамикой Балкано-Дунайского региона Европы. Поэтому рассмотрение памятников Триполья позволяет затрагивать общие проблемы развития этих культур⁷⁰.

В 1977 г. под руководством Н.В. Рындиной была создана Трипольская археологическая экспедиция кафедры археологии МГУ, которая вела раскопки вплоть до 1986 г. На базе экспедиции была организована полевая практика студентов-археологов; в полевых работах принимали участие и студенты первого курса истфака. В 1977—1978 гг. сотрудники Трипольской экспедиции МГУ в содружестве с коллективом Молдавской неолитической экспедиции во главе с В.И. Маркевичем вели раскопки на поселении Старые Куконешты Единецкого района Северной Молдовы. В 1979—1980 гг. экспедиция переместилась на территорию Украины, где начала совместно с Днестровской экспедицией Института археологии АН УССР (руководитель — В.Г. Збеневич) исследовать поселения раннего этапа Трипольской культуры в зоне затопления Днестровского гидроузла. Наиболее интересные результаты были получены на поселениях у с. Окопы Борщевского района Тернопольской области и у с. Вороновицы Кельменецкого района Черновицкой области. На протяжении полевого сезона 1981 г. в центре внимания сотрудников экспедиции находилось позднетрипольское поселение Брынзены IX Единецкого района Северной Молдовы. В течение трех лет (с 1982 по 1984 г.) велись раскопки поселения развитого Триполья — Друцы-I, открытого аспирантами кафедры археологии МГУ Л.В. Коньковой и Л.И. Авиловой на скалистом мысе ручья Чугурец в Рышканском районе Молдовы. В 1985—1986 гг. усилия экспедиции были сосредоточены на изучении позднетрипольского поселения у с. Тальянки, расположенного в Тальновском районе Черкасской области Украины.

⁶⁹ Виноградова Е.А. Хозяйственная структура юго-западной части стоянки Каменная Балка 2 (по данным планиграфии) // Археологический альманах. Донецк, 1995. № 4. С. 88—93; Она же. Организация производственной деятельности на периферийной области стоянки Каменная Балка 2 (в соавторстве с Н.Б. Леоновой) // Историческая археология. Традиция и перспектива. М., 1998. С. 50—66.

⁷⁰ Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1978. № 6.

Обработка полученных экспедицией материалов подвела к исследованию широкого круга проблем. В их ряду особое место заняла проблема периодизации трипольских памятников раннего этапа, ибо на очереди уже стоял вопрос о создании более дробной периодизации, нежели классическая периодизация Триполья, разработанная в конце 40-х годов. Недостаточность материалов и низкий методический уровень раскопок многих памятников не всегда позволял корректно решить эту проблему. Раскрытые трудами Трипольской экспедиции МГУ совместно с украинскими археологами поселения Поднестровья (Окопы, Вороновицы) дали большую коллекцию весьма архаической по облику керамики (около 7000 фрагментов), позволяющую говорить об очень древнем ее возрасте в рамках раннего Триполья. Наличие в ней посуды с некоторыми чертами неолитических культур Боян и Криш Юго-Восточной Европы свидетельствовало о том, что раскопанные памятники близки по времени к наиболее ранним поселкам трипольцев на юго-западе нынешнего СНГ. При сравнительном анализе находок стало очевидным, что они образуют особый, второй хронологический горизонт раннего Триполья в Поднестровье, следующий непосредственно за памятниками первого горизонта (тип Флорешты). Стало ясно также, что он находится в заметном хронологическом разрыве с классическими памятниками этапа раннего Триполья типа Луки Врублевецкой, утратившими архаическую посуду⁷¹.

Из других проблем исследования Триполья особый интерес вызвали вопросы, связанные с домостроительством его населения. Точка зрения большинства первых археологов, изучавших трипольские глинобитные «площадки», что глинобитные дома при их возведении обжигались в пламени огромных костров, стала подвергаться сомнению. Некоторые специалисты были убеждены, что глиняная обмазка прокаливалась и ошлаковывалась в результате пожара. Еще более сомнительным выглядело утверждение о том, что полы в домах настилались непосредственно на грунте путем покрытия положенных на него плах и горбылей мощным слоем глины в 20—30 см. При таких реконструкциях не находило объяснения присутствие под глиняной обмазкой части бытового инвентаря трипольцев. Сомнения подобного рода заставили участников Трипольской экспедиции МГУ внимательнее отнестись к изучению строительных остатков. Была разработана методика их вскрытия, сопровождавшаяся фиксацией разрезов многочисленных бровок, пересекавших жилище поперек через каждые два метра. Все это способствовало подтверждению смелой гипотезы В.И. Маркевича о том, что многие трипольские жилища могли быть двухэтажными и даже трехэтажными.

Раскопками экспедиции МГУ в Молдове и на украинской Уманщине (Друцы-І, Старые Куконешты, Брынзены ІХ, Тальянки) было установлено,

⁷¹ Рындина Н.В., Збеневич В.Г. Раскопки раннетрипольских поселений на Днестре // Археологические открытия за 1980 г. М., 1981.

что трипольские «площадки» названных территорий отличаются чрезвычайно мощными многослойными глинобитными настилами с отпечатками плах. Между пластами прокаленной глиняной обмазки были зажаты скопления раздавленной посуды, а на перекрытых ими земляных полах и в хозяйственных ямах сосредоточен различный инвентарь. Заключение о двухэтажности построек вытекало и из деталей интерьера, открытых как под глинобитными перекрытиями первых этажей жилищ, так и на них. К примеру, раскопками Друц-I на полу нижнего этажа построек были открыты прямоугольные возвышения из глины — столики для помола зерна, а на вальковой обмазке пола второго этажа обнаружены остатки печей и глинобитных платформ-лежанок, окруженных по периметру вертикальными столбами⁷². Тезис о многоэтажности трипольских глинобитных построек вытекал и из наблюдений, сделанных на поселении Тальянки. Здесь между двумя слоями глины с поперечными отпечатками плах были выявлены многочисленные находки, а также купольные печи и жертвенники⁷³. Они перекрывали земляной пол с открытыми очагами.

Следы огня были обнаружены в каждом вскрытом жилище не только на глиняной обмазке, но и на находках. Стало ясно, что обжиг не был частью строительного процесса; трипольцы умышленно сжигали свои глинобитные дома, покидая поселение в момент полного истощения окружающих их земель.

Параллельно с изучением домов Трипольской культуры шла разработка типологии ее керамики, антропоморфной и зооморфной пластики, орудий труда, оружия, украшений. Четкая фиксация всех видов находок на плане раскопов позволила провести их анализ в связи с планиграфией поселений. Особенно яркие наблюдения удалось получить при рассмотрении планиграфического распределения кремневых орудий поселения Друцы-I⁷⁴. Расположение их полуфабрикатов позволяло заключить, что основная деятельность по изготовлению орудий разворачивалась вне жилищ. Напротив, готовые формы орудий были найдены, в основном, в самих жилищах, а точнее, на полу их первого этажа, что свидетельствовало о его хозяйственном предназначении. Четкий контекст просматривается в местонахождении наконечников стрел и дротиков (более 100 экз.): все они сосредоточены вдоль краев жилищ. Стрелы попали сюда в результате обстрела поселка с напольной стороны.

⁷² Рындина Н.В. Раскопки поселения развитого Триполья Друцы-I // Археологические открытия за 1982 г. М., 1984; *Она же*. Работы Трипольской экспедиции Московского университета // Археологические открытия за 1983 г. М., 1985; *Она же*. Трипольское поселение Друцы-I // Археологические открытия за 1984 г. М., 1986.

⁷³ Круц В.А., Рыжов С.Н., Рындина Н.В. Исследование крупного поселения Трипольской культуры у с. Тальянки // Археологические открытия за 1985 г. М., 1987.

⁷⁴ Рындина Н.В., Эгзоватова А.В. Опыт планиграфического анализа кремневых орудий Трипольского поселения Друцы-I // Раннеземледельческие поселения-гиганты Трипольской культуры на Украине. Черкассы, 1990.

Работа Н.В. Рындиной в лаборатории структурного анализа кафедры предопределила особый интерес исследовательницы к изучению медных находок Триполья⁷⁵. Полученные результаты легли в основу ее кандидатской диссертации, опубликованной впоследствии в виде монографии⁷⁶.

Ряд работ Н.В. Рындиной связан с изучением коллекций неолитического и энеолитического металла Болгарии, а также древнейшей меди степной и лесостепной зон Европы. Методической базой исследования явился комплексный подход к источнику с использованием всех методов анализа металла: морфологического, технологического и химико-металлургического. Автору удалось показать, что начало разработки медных месторождений Юго-Восточной Европы относится еще к неолиту и датируется V тыс. до н.э. Неолит расценивается как период накопления древними металлургами эмпирического опыта в получении и обработке металла⁷⁷. Взрывоподобный взлет металлургических достижений связывается с энеолитом. Производство этой эпохи рассматривается в рамках Балкано-Карпатской металлургической провинции IV тыс. до н.э. Металлографические данные, основанные на результатах микроструктурного изучения около 300 находок, оказались достаточными, чтобы продемонстрировать единство металлургических традиций провинции. Она представлена как система находящихся в тесном взаимодействии очагов металлургии и металлообработки, действующих в рамках двух исторических фаз. На протяжении первой фазы (3800/3700 — 3400/3300 лет до н.э.) основной объем продукции давал гумельницкий очаг фракийско-нижнедунайского региона Юго-Восточной Европы, тогда как во второй фазе (3400/3300 — 2850/2750 лет до н.э.) лидировали очаги тисско-трансильванского региона.

Образующие провинцию очаги металлопроизводства (гумельницкий, варненский, ранне- и среднетрипольский, новоданиловский, хвалынский и др.) охарактеризованы с точки зрения 1) приемов обработки металла; 2) путей получения исходного сырья; 3) металлургических процессов его выплавки; 4) технологических приспособлений металлообработки; 5) проблем организации и структуры производства⁷⁸.

«Металлургический бум» эпохи энеолита (свыше 4000 находок) Н.В. Рындина объясняет удивительными по своему уровню техническими открытиями местных мастеров, знавших литейные формы из графита, освоивших плавку не только окисленных, но и сульфидных медных руд и пр.⁷⁹

Выводы, к которым пришла Н.В. Рындина, послужили базой для разработки ряда общих методических и теоретических положений, важных для

⁷⁵ Подробней см. раздел «Научно-практическая деятельность лабораторий кафедры археологии».

⁷⁶ Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.

⁷⁷ Рындина Н.В. О периодизации древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (неолит—энеолит) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 6; Она же. Новые данные о древнейшей металлургии Болгарии // Pulpuđeva Semaines Philippopolitains de l'histoire et de la culture Thrace. Sofia, 1993.

⁷⁸ Рындина Н.В. Две фазы в развитии Балкано-Карпатской металлургической провинции // Проблемы на най-ранната металлургия. София, 1994.

⁷⁹ Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы // Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. М., 1996: Eadem. Copper Production from polymetallic sulphide Ores of the north—eastern Balkan eneolithic cultures // Journal of Archaeological Science. N. Y.; Toronto, 1999. Vol. 26.

дальнейшего изучения истории металлургии. Во-первых, была установлена периодизация древнейшего металлопроизводства Балкано-Карпатья. Во-вторых, обоснована гипотеза о независимом от Ближнего Востока процессе его становления и развития. В-третьих, определены признаки, характеризующие внутреннее технико-хозяйственное содержание эпох неолита и энеолита⁸⁰.

В ряде работ Н.В. Рындиной рассматриваются проблемы генезиса культур раннего бронзового века Юго-Восточной Европы. По ее заключению, наиболее ярким индикатором генетических связей культур является показатель технологической преемственности их производств. Этот тезис получил надежную аргументацию при рассмотрении традиций металлообработки у носителей культур шнуровой керамики Западной Украины. Выявленные автором четкие следы поздне трипольских воздействий на складывание этих традиций явились результатом непосредственного участия трипольцев в формировании шнуровых племен украинского Предкарпатья, Подолья и Вольны⁸¹.

Важные выводы удалось получить Н.В. Рындиной при исследовании усатовского металла Северо-Западного Причерноморья. Химико-технологический анализ показал, что основная часть находок является продукцией местных мастеров, работавших на привозном балканском и отчасти кавказском металле⁸². Привозные изделия представлены «большими» усатовскими кинжалами, доставлявшимися с территории Анатолии. Оказалось, что местная металлообработка являла собой сложный конгломерат технических взаимодействий, в результате которых переплелись и предшествовавшие Усатову трипольские, и ямные, и местные приемы и традиции. Привязка «больших» усатовских кинжалов к анатолийским импортам времени Трои II—V позволила предложить новые хронологические рамки для памятников усатовского типа.

Античная и скифская археология. Изучение истории и культуры античного мира по археологическим данным началось на кафедре археологии МГУ в конце 40-х годов в русле исследований памятников Северного Причерноморья. В это время в Керчи совместная экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и кафедры археологии МГУ велла раскопки столицы Боспорского царства Пантिकाпея под руководством выдающегося антиковеда В.Д. Блаватского, являвшегося в то время профессором кафедры. Раскопки конца 40—50-х годов стали основой монографии, в которой автор наметил главные вехи истории Боспора, обозначил и решил многие проблемы исследования античного общества в целом⁸³. В.Д. Блаватским была разработана и методика античной полевой археологии, изложенная им в специальном труде. В нем он не только обосновал приемы археологических раскопок античных памятников, но и обсудил общие проблемы методики источниковедческого анализа археологического материала⁸⁴.

⁸⁰ Рындиная Н.В. История древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М., 1998.

⁸¹ Рындиная Н.В. Металл в культурах шнуровой керамики украинского Предкарпатья, Подолья и Вольны // Советская археология. 1980. № 3; Рындиная Н.В., Дестярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М., 2002.

⁸² Рындиная Н.В., Клыкова Л.В. О происхождении больших усатовских кинжалов // Советская археология. 1982. № 2; Рындиная Н.В., Дестярева А.Д. Энеолит и бронзовый век.

⁸³ Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964.

⁸⁴ Блаватский В.Д. Античная полевая археология. М., 1967.

Работа кафедры по изучению античности в значительной степени связана также с именем Б.Н. Гракова, профессора кафедры археологии с 1941 по 1969 г. Ему принадлежит ведущая в мировой науке роль в изучении античной керамической эпиграфики как исторического источника⁸⁵. Б.Н. Граков собрал сведения обо всех керамических клеймах, найденных в различных античных центрах Северного Причерноморья до 1955 г. и подготовил к изданию многотомный Корпус клейм, который, к сожалению, до сих пор не опубликован и хранится в Архиве Института археологии РАН. К этой рукописи постоянно обращаются отечественные и зарубежные исследователи. В своих работах Б.Н. Граков впервые показал значение керамических клейм для исследования экономической, социальной и культурной истории античного мира. Учитывая опыт предшественников, он разработал методику анализа керамических клейм, что сделало керамическую эпиграфику самостоятельной научной дисциплиной. Эти исследования помимо их непосредственного влияния на развитие антиковедения, послужили основой для датировок многих скифских и скифоидных памятников (в первую очередь курганов) с эпиграфическими материалами, а также для дальнейшего изучения контактов греков и варваров в Северопонтийской зоне.

Помимо этого, Б.Н. Граков вел большие теоретические и полевые исследования в области скифо-сарматской археологии, которые способствовали тому, что скифология и сарматология превратились в особые разделы археологической науки.

Именно с деятельностью Б.Н. Гракова связано зарождение исследований классической скифской культуры на кафедре археологии. Он был одним из первых, кто подверг детальному анализу сам этноним «скифы». Граков определил принципиальные черты и рамки скифской археологической культуры как исторического феномена⁸⁶. Глубокий анализ оригинальных древнегреческих текстов, в первую очередь «Истории» Геродота, позволил ученому реконструировать истоки и характер формирования феномена скифской археологической культуры. В этом отношении важное значение для Гракова имело и его пристальное внимание к исследованиям предшествующих эпох — позднебронзовой и переходной от бронзового века к железному (киммерийской).

Б.Н. Граков внес большой вклад в изучение экономики Скифии, особенно металлургического производства и торговли. В частности, он доказал наличие заменителей денег («монет-стрелок») у скифских и фракийских племен. Он стоял у истоков реконструкции скифских религиозно-мифологических представлений и внес существенный вклад в характеристику скифского звериного стиля как специфического художественного направления в древнем искусстве. Одним из первых ученых отметил своеобразие так называемых позднескифских памятников II в. до н.э. — III в. н.э., обосновав в то же время сохранение скифского этноса как такового при изменении его материальной культуры под сарматским и греческим воздействием. Б.Н. Граков был выдающимся исследователем савромато-сарматских археологических памятников Волго-Уральского региона и соответствующих этим периодам античных текстов. Вместе с другими учеными им была

⁸⁵ Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

⁸⁶ Граков Б.Н. Скифы. Киев, 1947; Он же. Скифы. М., 1971.

создана периодизация и хронология савромато-сарматских памятников⁸⁷ и выявлены археологические соответствия древнереческим письменным данным о высокой социальной роли женщин у савроматов⁸⁸.

Будучи широко образованным историком и археологом, Б.Н. Граков проявлял большой интерес к таким проблемам археологии раннего железного века, находившимся за пределами его непосредственной специализации, как освоение железа, археология Западной и Средней Европы эпохи раннего железа и т.д. Этот интерес был связан с тем, что более тридцати лет Граков читал студентам-археологам один из основных кафедральных курсов — спецдисциплину «Ранний железный век», результаты чего стала вышедшая в Издательстве МГУ книга, сочетающая элементы учебного пособия и научной монографии⁸⁹.

Значительный размах на кафедре археологии приобрели полевые исследования древних скифов, программа которых была намечена и во многом осуществлена Б.Н. Граковым и его ученицами И.В. Яценко и Н.Г. Елагинной.

Поначалу археологические работы велись в Нижнем Днестре и в Приазовье. Здесь главным объектом анализа стало крупнейшее степное скифское поселение — Каменское городище на Нижнем Днестре — вероятная столица Скифии⁹⁰. Раскапывались и погребения, классификация которых Б.Н. Граковым стала образцом для последующих систематизаций скифских погребений⁹¹.

С 60-х годов XX в. на кафедре археологии зарождается новое направление, соединившее в себе античную и позднескифскую тематику, — изучение дальней хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Под руководством доцента И.В. Яценко начала работать Крымская экспедиция кафедры археологии МГУ, исследующая городище «Чайка» в Евпатории (ныне этой экспедицией руководит ученица И.В. Яценко Е.А. Попова). Данная экспедиция изучает здесь греческое и позднескифское поселения, почти совпадающие территориально. В 70—80-е годы греческое поселение раскапывалось в комплексе с усадьбами в округе «Чайки». Таким образом, складывалась картина образования территории Херсонесского государства. Раскопки чайкинского городища дали возможность правильно расставить акценты в исторической реконструкции процессов, протекавших в северо-западном Крыму. Это было связано с возникшей в 50—60-е годы теорией о якобы сосуществовании античных и скифских поселений на дальней хоры Херсонеса и, следовательно, об оседлости кочевых скифов уже в раннее время. Однако работы на «Чайке» показали, что никаких скифских поселений в IV—III вв. до н.э. в северо-западном Крыму не было; в это время здесь существовали только греческие поселения, которые лишь в середине II в. до н.э. уступили место позднескифским. Эти чрезвычайно важные выводы определили научные темы И.В. Яценко и ее сотрудников. Был предпринят тщательный источниковедческий анализ различных категорий археологических материалов — керамики, металлических изделий,

⁸⁷ Граков Б.Н. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954 (в соавторстве с А.И. Мелюковой).

⁸⁸ Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3.

⁸⁹ Граков Б.Н. Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.

⁹⁰ Граков Б.Н. Каменское городище на Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1954. № 36.

⁹¹ Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 115.

предметов искусства, нумизматических материалов, а также архитектурных остатков. В результате исследования удалось определить хронологическую и культурно-историческую принадлежность как греческого, так и позднескифского поселений, этапы их существования и время окончания жизни на них, вписать их в схему исторических процессов, проходивших в этом регионе в IV в. до н.э. – I в. н.э. Работы на городище «Чайка» одинаково важны и для изучения эллинистического мира в Северном Причерноморье, и для развития скифологии⁹².

Кроме того, И.В. Яценко ведет исследования и по различным проблемам скифологии и антиковедения. В частности, в своей монографии она впервые собрала и систематизировала имевшиеся к тому времени археологические данные относительно степной Скифии эпохи архаики и подтвердила вывод Б.Н. Гракова об особом этнополитическом статусе данного историко-культурного феномена⁹³. В ряде работ И.В. Яценко развивала идеи Б.Н. Гракова относительно истоков и основных признаков скифской культуры, ее места в мировом культурно-историческом контексте. Большое значение имеют работы исследовательницы, посвященные конкретным памятникам скифского и древнегреческого искусства, реконструкции и атрибуции уникальных росписей на стенах здания Неаполя Скифского⁹⁴, а также обобщающие труды в этой области⁹⁵. В своей недавней работе И.В. Яценко, обратившись к наследию выдающегося русского историка и археолога И.Е. Забелина, выявила ряд новых данных об устройстве раскопывавшихся им скифских Царских курганов⁹⁶.

Одной из сложных проблем в области скифологии является этническая и культурная атрибуция населения позднескифских поселений, установление истоков позднескифской культуры. Эта проблема поставлена и разрабатывается старшим научным сотрудником Е.А. Поповой. Кроме того, Е.А. Попова проводила исследования по теме «Монументальное изобразительное искусство в истории и культуре Малой Скифии», связанной в основном с феноменом позднескифской скульптуры. В частности, ею были выявлены две тенденции в развитии искусства Малой Скифии. Одна

⁹² Важнейшие результаты работы экспедиции см.: *Яценко И.В.* Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории // Краткие сообщения института археологии. 1970. № 124; *Она же.* Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествия в древность: Сб. статей. М., 1983; *Она же.* Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983; *Она же.* Винодельня на поселении Чайка // Краткие сообщения института археологии. 1983. № 174; Памятники железного века в окрестностях Евпатории: Сб. статей. М., 1991; Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории: Сб. статей. М., 1993; *Попова Е.А.* О Северно-Причерноморском домостроительстве в. до н.э. – I в. н.э. // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.

⁹³ *Яценко И.В.* Скифия VII-V вв. до н.э. М., 1959. Полный список печатных трудов И.В. Яценко см.: *Каптерович А.Р., Попова Е.А.* К юбилею И.В. Яценко // Вестн. Моск. ун-та. Сер.8. История. 2001. Вып. 3.

⁹⁴ *Яценко И.В.* Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском // Советская археология. 1960. № 4; *Она же.* Тарелка царицы Гипетиири из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. К 60-летию А.В. Арциховского. М., 1962.

⁹⁵ *Яценко И.В.* Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977; *Она же.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. 1980. № 5 (в соавторстве с Д.С. Равским).

⁹⁶ Представления И.Е. Забелина об устройстве насыпи кургана Чертомлык // Российская археология. 2002. № 4.

из них определяется продолжением культурных традиций предшествующей классической скифской культуры (антропоморфные изваяния), другая — появлением и развитием под влиянием античной культуры таких новшеств, как каменные рельефы и скелеты. Проведенный анализ монументальных памятников Малой Скифии продемонстрировал сближение социально-экономических элементов северно-причерноморских античных городов-государств и их «варварского» окружения, что вело к определенной унификации их культурного облика.

Позднескифская тематика тесно связана с изучением истории и культуры античного мира, поскольку так называемые поздние скифы в это время активно взаимодействовали с греками, что ярко демонстрируют материалы позднескифских городищ «Чайка» и «Кара-Тобе». Последнее раскапывалось с 1983 г. учеником И.В. Яценко С.Ю. Внуковым, в то время сотрудником кафедры археологии, а ныне — сотрудником Института археологии РАН. Еще в период работы в МГУ Внуков начал активно применять естественнонаучные и статистико-комбинаторные методы при исследовании массового керамического материала, в первую очередь амфорной тары (петрографический и элементный анализы керамической массы и ее компонентов, использование статистических подходов и критериев для классификации материала). В результате появились возможности определения центров производства амфор, хронологических рамок существования их типов, изучения торговых связей между античными центрами.

В последнее время на кафедре археологии разрабатывается еще одно направление в изучении античного мира — исследование эллинистической чернолаковой керамики, проводимое сотрудницей кафедры Т.В. Егоровой, ученицей Е.А. Поповой. Базовым источником также является греческое городище «Чайка». Анализ комплекса чернолаковой керамики позволяет делать выводы относительно центров, откуда привозилась эта посуда, т.е. наметить пути торговых связей Северного Причерноморья в ту эпоху, определить временные рамки строительных периодов на городище.

Многие материалы, полученные при раскопках городища «Чайка» и его окрестностей, изданы в двух научных сборниках⁹⁷. Эти публикации дают исследователям материал для воссоздания исторического процесса в Северном Причерноморье в эллинистический период.

В контексте крымских исследований кафедры следует отметить и раскопки в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. совместной экспедицией МГУ и ИА АН СССР под руководством В.С. Ольховского скифских курганов Северо-Западного Крыма. Эти работы имели большое значение для изучения классической скифской культуры, представленной в этом регионе немногочисленными памятниками.

Старший научный сотрудник кафедры археологии Н.Г. Елагина на протяжении многих лет вела активную полевую деятельность в Нижнем Поднепровье и Побужье как совместно с Б.Н. Граковым, так и самостоятельно. Ею был раскопан ряд памятников позднебронзовой и скифской эпох и

⁹⁷ Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991; Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М., 1993.

в ходе археологических разведок обнаружены десятки поселений и могильников разных эпох, что нашло отражение в публикациях, полевых отчетах и неизданной рукописи. Помимо этого, Н.Г. Елагина написала ряд статей, в которых реконструировала социально-политическую структуру скифского общества и государства и выявила ряд скифских сословий, опираясь на анализ оригинальных письменных источников, в первую очередь «Истории» Геродота, и привлекая этнографические параллели. В своей диссертации «Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства» Елагина проследила генетическую связь позднескифской культуры в низовьях Днепра с предшествующей классической скифской культурой и установила влияние сарматской и северно-причерноморской греческой культур на позднескифскую. Исследовательница занималась также изучением скифской монументальной скульптуры и одной из первых отметила определенные параллели между этим искусством и прикладным искусством скифского «звериного стиля».

Предмет научных изысканий ученика И.В. Яценко доцента кафедры А.Р. Канторовича — искусство так называемого «скифского звериного стиля», являющегося одним из объединяющих признаков раннекочевнических культур степей Евразии. Основное внимание А.Р. Канторович уделяет степному северно-причерноморскому варианту этого искусства. Им выявлена образная система данного варианта в его развитии и выделены основные сюжетно-композиционные группы в рамках образов; систематизирован и классифицирован массив не только первичных, но и вторичных изображений, являющихся следствием «зооморфного превращения» основного образа⁹⁸; прослежено влияние на искусство степной Скифии древнегреческого и древневосточного зооморфного искусства⁹⁹. Одновременно А.Р. Канторович обратился к проблеме происхождения скифского звериного стиля, решение которой позволяет яснее представить генезис всей скифо-сибирской культурно-исторической общности¹⁰⁰. Занимаясь исследованиями в области скифской археологии, А.Р. Канторович проанализировал также ряд неизвестных и малоизвестных архивных материалов, проливающих свет на некоторые вопросы истории отечественной скифологии и археологии в целом.

Совместно со специалистами Института археологии РАН и Государственного музея искусств Востока А.Р. Канторович ведет раскопки на Северном Кавказе — Ставрополье (элитный курганный могильник эпохи скифской архаики) и на Кубани (курганы меотов скифской эпохи). Раскопки в Ставрополье позволили существенно уточнить хронологию начальной стадии

⁹⁸ *Канторович А.Р.* К вопросу о стилистических истоках и причинах популярности приема «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах. Армавир: Москва, 2002. Вып. 8; *Он же.* Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2002.

⁹⁹ *Канторович А.Р.* К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. М., 1997. Вып. 1; *Он же.* К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии // Вестник древней истории. 1998. № 3; *Он же.* Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница: стилистика и семантика // Российская археология. 1998. № 4.

¹⁰⁰ *Канторович А.Р.* Об одном важном мотиве в искусстве скифо-сибирского звериного стиля // Миф, 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Apotheosis. София, 2001.

скифской археологической культуры и получить ряд новых свидетельств о контактах ранних скифов с Закавказьем (в частности, с государством Урарту) и с переднеазиатскими и древнегреческими обществами¹⁰¹.

Археология Золотой Орды. Можно смело утверждать, что основы археологии Золотой Орды были заложены именно на кафедре археологии МГУ талантливым ученым Г.А. Федоровым-Давыдовым (с 1966 г. — доктором наук, с 1969 г. — профессором). Организованная им в 1954 г. Поволжская экспедиция по масштабу работ и научным успехам почти не имела себе равных.

До 1960-х золотоордынская археология практически не разрабатывалась, хотя интерес к этому государству, его устройству и истории проявился в русской науке еще с 20-х годов XIX в., когда Х.М. Френ начал исследование и публикацию джучидских монет. Единственные масштабные раскопки были предприняты в 40—50-е годы XIX в. чиновником Министерства внутренних дел А.В. Терещенко, но производились они на низком методическом уровне, свойственном тому времени, почти не оставили документации, да и сами находки сохранились лишь частично. Однако представление о богатой материальной культуре Золотой Орды эти работы все-таки дали.

В начале XX в. раскопки поволжских золотоордынских городов носили эпизодический характер и мало что добавили к знаниям об этом государстве. В послевоенные годы в связи с репрессиями против крымских татар интерес к Золотой Орде не поощрялся. И в последующие десятилетия исследователям многократно приходилось сталкиваться с негативным отношением к этой тематике.

Интерес к Золотой Орде возник у Г.А. Федорова-Давыдова не внезапно. Он начался с золотоордынской нумизматики, которой Герман Алексеевич занимался еще в студенческие годы. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1957 г., называлась «Клады золотоордынских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде XIII—XIV вв.)». За годы раскопок через руки исследователя прошло огромное количество монет. За определениями монет к нему до конца его жизни обращались многие археологи, раскапывавшие памятники золотоордынского круга. Г.А. Федоровым-Давыдовым были изданы три сводки кладов джучидских монет и подготовлена к изданию четвертая.

В 1958 г. А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов выступили с программным докладом и статьей о задачах археологического изучения Золотой Орды. В 1959 г. был образован Ахтубинский отряд Поволжской археологической экспедиции. Начальником отряда, а с 1970 г. начальником всей экспедиции стал Федоров-Давыдов. С этого времени начались ежегодные планомерные раскопки главных золотоордынских памятников Нижнего Поволжья — золотоордынских столиц Сарай (Селитренное городище) и Новый Сарай, или Сарай-Берке (Царевское городище), а также Водянского городища. Помимо этого экспедиция исследовала множество степных курганов. Ею были изучены уникальные комплексы, раскопки которых создали

¹⁰¹ Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы могильника «Новозаведенное II» — Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

основу для понимания узловых проблем структуры средневекового кочевничества Восточной Европы.

За тридцать с лишним лет руководства Г.А. Федоровым-Давыдовым раскопками на Нижней Волге было вскрыто несколько гектаров территории городов. Открыты площади и улицы с арыками, ограничивавшими городские кварталы, загородные усадьбы, могильники, мавзолеи, бани, мечети, дворцы знати, маленькие жилища ремесленников и землянки, где содержались рабы. Изучена система водоснабжения городов – водопроводы, фонтаны, бассейны, дренажи. Исследованы огромные керамические мастерские (где производилась поливная и неполивная керамика, штампованная посуда), а также железоделательное, меднолитейное и ювелирное производство и стеклодельная мастерская.

На раскопках под руководством Г.А. Федорова-Давыдова к археологии вообще и к золотоордынской в особенности приобщились многие студенты и аспиранты не только Московского университета, но и высших учебных заведений Казани, Саранска, Волгограда, Астрахани и других, главным образом поволжских, городов, а также Дагестана, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Каракалпакстана. Многие из них стали известными специалистами.

В 1970-е годы результаты археологических исследований были обобщены в трех сборниках, вышедших под редакцией А.П. Смирнова¹⁰² и Г.А. Федорова-Давыдова¹⁰³. Позднее был опубликован четвертый сборник¹⁰⁴. Параллельно с накоплением конкретных археологических источников продолжалась теоретическая работа по изучению истории, экономики, культуры, государственного устройства, сочетания кочевого и оседлого уклада жизни Золотой Орды. Защищенная в 1966 г. докторская диссертация Федорова-Давыдова была издана в виде двух монографий¹⁰⁵. Книги были написаны на большом археологическом материале, а также материале письменных источников с использованием выводов нумизматики. При характеристике материальной культуры кочевников, классификации и датировке основных типов вещей автором были применены методы математической статистики. Эти методы впоследствии стали широко использоваться нашими археологами.

Результаты многолетних археологических исследований золотоордынских городов были в 1990-е годы обобщены Г.А. Федоровым-Давыдовым в двух выпусках монографии «Золотоордынские города Поволжья». Первый выпуск¹⁰⁶ состоит из нескольких глав, характеризующих историю изучения всех известных городов Золотой Орды, их топографию, оборонительные сооружения, архитектуру и строительные приемы, дома, дворцы, бани, мавзолеи. Отдельные главы посвящены прекрасной поливной керамике, которая производилась в городах, богатейшему архитектурному декору,

¹⁰² Поволжье в средние века. М., 1970.

¹⁰³ Города Поволжья в средние века. М., 1974; Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

¹⁰⁴ Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

¹⁰⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; *Он же*. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

¹⁰⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. Вып. 1.

характеристике различных ремесел. Второй выпуск¹⁰⁷, вышедший посмертно, в основном касается классификации самого массового археологического материала золотоордынских городов — неполливной красноглиняной керамики, изучению которой Федоров-Давыдов отдавал много времени. В книге рассмотрены торговля Золотой Орды и некоторые черты военного и мирного быта жителей, выявленные археологически или подмеченные и описанные древними путешественниками; установлены главные направления торговых связей Орды (Средиземноморье, страны Западной Европы, Китай, Средняя Азия и Русь). Торговые отношения изучены по множеству находок импортных изделий, а также по свидетельствам письменных источников.

Третий выпуск «Золотоордынских городов» посвящен денежному обращению этого государства. Книга была написана в последние годы жизни автора и вышла в свет в 2003 г.¹⁰⁸ В ней Г.А. Федоров-Давыдов обобщил результаты своих наблюдений над составом кладов джучидских монет. Им изложены история денежного дела Золотой Орды; особенности метрологии, весовых норм чеканки монет; установлены четыре основных периода денежного обращения и денежные реформы, определяющие их; выявлены особенности состава монет в каждый период в исторически сложившихся «нумизматических провинциях» (экономико-географических зонах); установлены особенности обращения медных и серебряных монет.

Очень важной частью научного наследия Г.А. Федорова-Давыдова явились его работы по русской нумизматике, выполненные на основе изучения Саранского клада XIV — начала XV в. и опубликованные в виде двух монографий¹⁰⁹. Саранский клад, содержащий главным образом русские монеты и в незначительной части джучидские дирхемы, относится к эпохе, когда Русь постепенно освобождалась от монгольского ига. Одним из признаков ее крешущей самостоятельности стала собственная монетная чеканка, возобновившаяся после длительного безмонетного периода. Исследование русских монет этого времени, сопоставление монетных типов и весовых норм русских и джучидских денег привело ученого к выводу о принципиально разном подходе к денежному делу на Руси и в Золотой Орде. Технически и экономически русская чеканка была независима от ордынской. Как отражение сложной политической борьбы рассматриваются восточные монетные легенды и подражания им на русских монетах, постепенный отказ от них Москвы и тяготеющих к ней княжеств.

По существу, Г.А. Федоровым-Давыдовым была создана археология золотоордынского города, до него почти не изучавшаяся. Коллективом Поволжеской экспедиции под его руководством исследованы многие стороны материальной культуры и социальная структура городов Золотой Орды. В результате раскопок зримо предстало пыльное восточное убранство этих

¹⁰⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, Торговля. Быт. М., 2001. Вып. 2.

¹⁰⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

¹⁰⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое централизованное государство). М., 1981; *От. жес.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.

городов, возникших на пустом месте и бесследно исчезнувших менее чем за два столетия. Выявлены истоки прикладного искусства и ремесел. Общественный строй Золотой Орды как интереснейший синтез мира кочевников и цивилизации больших торгово-ремесленных городов, специфика этих городов, их исторические особенности, синкретический характер золотоордынской материальной культуры нашли в Г.А. Федорове-Давыдове своего благодарного исследователя. Под его началом сложился большой творческий коллектив, настоящая научная школа изучения археологии и истории Золотой Орды. Более чем для 40 студентов кафедры археологии МГУ он стал научным руководителем. 23 человека успешно защитили кандидатские и 4 — докторские диссертации, в основном по золотоордынской тематике. В последние десятилетия открыто много новых золотоордынских памятников, расширился круг исследователей культуры этого государства.

Сибирская археология. Большие заслуги в области археологического изучения Сибири принадлежат профессору С.В. Киселеву, работавшему на кафедре археологии истфака с момента ее образования в 1939 г. Наряду с беспримерным по широте охвата проблем общим курсом «Бронзовый век», Киселев создал ряд оригинальных специальных курсов — «Археология Сибири», «Археология Монголии», «Археология Китая». Основываясь на огромных собранных и систематизированных им материалах, ученый в последние годы жизни начал работу над большим трудом «Бронзовый век Старого Света». Но преждевременная смерть не позволила осуществиться этому плану¹¹⁰.

С.В. Киселев был неизменным начальником Саяно-Алтайской экспедиции, проводившейся с 1930 по 1956 г. Государственной Академией истории материальной культуры и Институтом истории материальной культуры (ряд лет совместно с ГИМ, где Киселев также работал долгие годы). Многие из сделанных экспедицией открытий приобрели мировую известность (портретная галерея таштыкских погребальных масок, замечательные произведения искусства древнехакасской знати из Копенского чаа-гаса, остатки дворца ханьского полководца Ли-Лина под г. Абаканом и др.). С.В. Киселев создал фундаментальный труд — обобщающее исследование «Древняя история Южной Сибири», — явившийся первой серьезной реконструкцией далекого прошлого племен и народностей этого важнейшего и так мало изученного ранее региона¹¹¹. Монография стала докторской диссертацией С.В. Киселева, блестяще защищенной в мае 1946 г. В 1947 г. данный труд ученого был отмечен Ломоносовской, а в 1949 г. — Государственной премией. В последующие годы Киселев продолжал археологические работы в Южной Сибири. Среди его открытий необходимо назвать Большой Салбыкский курган тагарской эпохи в Хакасии (IV—III вв. до н.э.), грандиозность и сложность оформления которого заставляют пересмотреть представления о социальной структуре его создателей — далеких предков хакасов.

В послевоенные годы особое внимание С.В. Киселева привлек никогда и никем ранее не изучавшийся вопрос о древнемонгольских городах. Тезис о чисто кочевом характере монгольского феодализма никем не

¹¹⁰ Общий список работ С.В. Киселева см.: Советская археология. 1963. № 1; Новое в советской археологии. М., 1966.

¹¹¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. 2-е изд. М., 1951.

оспаривался. С.В. Киселев поставил его под сомнение и заявил о необходимости пересмотра, хотя целенаправленных раскопок соответствующих объектов еще не велось. В 1947 г. в ходе длительной командировки в Монголию ученый систематизировал фактически все собранные там археологические материалы и впервые создал последовательную их сводку. В то же время им была представлена программа систематических исследований памятников страны от бронзового века до эпохи Чингис-хана, и прежде всего городов нескольких периодов средневековья. Почти одновременно началось выполнение этой программы Монгольской историко-этнографической экспедицией АН СССР и Комитета наук МНР, возглавленной С.В. Киселевым и проведенной два напряженных полевых сезона в Монголии, в 1948 и 1949 гг. Масштабным раскопкам подверглись столица уйгурского ханства IX в. в Хара-Балгасе и уйгурский город XI в. Хадасан. В них были вскрыты массивные фортификации, комплексы ремесленных мастерских, целые городские кварталы. Особое же внимание уделялось исследованию знаменитой (но долгое время считавшейся легендарной) столицы Чингис-хана и чингизидов, города Каракорума, где на значительной площади были открыты жилые дома, сложные сооружения производственного, складского, торгового назначения, городские ворота и, наконец, дворец Угедая. Город был окончательно идентифицирован. И что особенно важно, свидетельства шестиметрового культурного слоя Каракорума позволили воссоздать ряд ключевых моментов его истории: основание Чингис-Ханом в 1220 г., разграбление в 1295 и окончательное разрушение войсками Минской династии освободившегося Китая в 1368 г.

Исследование памятников Южной Сибири продолжил на кафедре ученик С.В. Киселева Л.Р. Кызласов, один из крупнейших российских востоковедов, известный специалист по истории и археологии Сибири, Средней и Центральной Азии. В 1950 г. Кызласов организовал Хакасско-Тувинскую археологическую экспедицию МГУ, которой руководил до 1991 г. В течение четырех десятилетий эта экспедиция проводила широкомасштабные археологические исследования в Южной Сибири, в результате чего были получены беспрецедентные по своему значению материалы по истории двух южносибирских народов: тувинского и хакасского. Именно Кызласову удалось на основании исследованных памятников впервые воссоздать и написать древнюю и средневековую историю этих народов, еще недавно не имевших письменности¹¹². Большой вклад в изучение духовной жизни народов Южной Сибири внесли открытые экспедицией первобытные святилища, средневековые буддийские и манихейские храмы, несторианская церковь¹¹³. Значительные работы экспедиция проводила в Киргизии и Казахстане.

Важнейшими научными достижениями Л.Р. Кызласова явились: создание методов определения этнической принадлежности древностей

¹¹² *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960; *Он же.* История Тувы в средние века. М., 1969; *Он же.* Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979; *Он же.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984; *Он же.* Древнейшая Хакасия. М., 1986; *Он же.* Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Абакан, 1989.

¹¹³ *Kyzlasov L.R.* Die ältesten Heiligtümer im mittleren Enischi-Tal // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Mainz, 1990. Bd. 9-10.

(этнической археологии Сибири); открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири, древностей Уйгурского каганата; фактическое открытие Древнехакасского государства — одной из наиболее развитых средневековых держав Евразии; установление этапов развития снисейской рунической письменности; создание учения о тамгах, изучение средневекового искусства хакасов¹¹⁴; обнаружение манихейских храмов VIII — XII вв. и открытие северного манихейства на территории Сибири; собрание и обобщение письменных свидетельств о Сибири и Центральной Азии в китайских, персидских, арабских, тюркских, греческих, западноевропейских и русских источниках¹¹⁵.

Научно-практическая и педагогическая деятельность лабораторий

Идея создания лаборатории при кафедре археологии для разбора, реставрации и исследования находок зародилась еще в первые послевоенные годы. Однако осуществить ее удалось лишь в 1953 г., когда ректором МГУ стал И.Г. Петровский, поддержавший инициативу А.В. Арциховского. Приказ о создании лаборатории археологии на историческом факультете был подписан И.Г. Петровским в июле 1953 г.; штат лаборатории укомплектован приказом от 11 ноября.

Большая заслуга в реализации этой идеи и в организации лаборатории принадлежит ученику А.В. Арциховского Б.А. Колчину, работавшему тогда в Институте истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук (с 1959 г. — Институт археологии), и сотруднику кафедры М.Н. Кислову. Именно они сыграли большую роль в обосновании структуры лаборатории и оснащении ее необходимым оборудованием. Заведующим археологической лабораторией в течение тридцати лет (вплоть до своей кончины в 1983 г.) был М.Н. Кислов.

Первоначально лаборатория археологии состояла из трех подразделений: камерального, реставрационного и фото, в штате которых находились три научных сотрудника (С.А. Изюмова, В.Л. Янин и Н.Г. Елагина), старший лаборант (Ю.Л. Щапова), реставратор (О.А. Кирьянова) и фотограф (С.Т. Бочаров). В факультетском здании (ул. Герцена, 5) не было помещений, в которых можно было бы разместить новое подразделение, поэтому первое время сотрудники работали на дому или в камеральной лаборатории ИИМК.

Летом 1954 г. после переезда естественных факультетов в новые здания на Ленинских горах истфак получил бывший Ботанический корпус (ул. Герцена, 6), семь аудиторий которого были отданы кафедре археологии для библиотеки, лаборатории и музея. Имевшееся на складах МГУ оборудование дало возможность не только оснастить фото- и реставрационную

¹¹⁴ Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М., 1980; Король Г.Г., Кызласов Л.Р. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

¹¹⁵ Полный список печатных работ Л.Р. Кызласова см.: Архипов Н.Д. Выдающийся сын земли Сибирской. К 75-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 1999, а также: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 6.

лаборатории, но и составить комплекты для микроскопического, спектрального и структурного анализа, что послужило основой для организации еще двух подразделений: спектрального и структурного анализа. Организационный период и монтаж оборудования был завершен к весне 1955 года — юбилейного в истории МГУ.

Начало следующего этапа совпало с переездом факультета на Ленинские горы в 1970 г. В новом здании были спроектированы и оснащены специальным оборудованием лаборатории по реставрации и консервации металлов и керамики, кабинеты спектрального и структурного анализа и фотолaborатория. В настоящее время археологическая лаборатория состоит из следующих подразделений: реставрационного, структурного анализа и фотолaborатории.

Спектральный анализ стекла, черных и цветных металлов, микроструктурный анализ последних, макроструктурное исследование материалов и готовых изделий стали главными поставщиками новой информации древних производств — металлургии, металлообработки, стекла, керамики, органических материалов и минералов.

Реставрационная лаборатория была предназначена для обработки коллекций кафедральных археологических экспедиций. Объектами консервации и реставрации стали в основном разнообразные керамические сосуды (самые массовые находки при раскопках) и изделия из черного и цветных металлов, подвергающиеся в культурном слое сильной коррозии.

Первый реставратор лаборатории О.А. Кирьянова работала в ней до своего ухода на пенсию в 1958 г. В дальнейшем в реставрационной лаборатории трудились, сменяя друг друга, многие выпускники кафедры, получившие необходимую подготовку в научно-исследовательском Институте реставрации и консервации и в реставрационных мастерских Эрмитажа. В их числе — М.П. Абрамова (1958 — 1960), Н.Л. Подвигина (1962 — 1966), Е.А. Рыбина (1966 — 1978), Т.В. Новохацкая, Е.В. Травникова (1974 — 1977), Т.В. Скоробогатова, С.Ю. Внуков. С 1984 г. реставрацией керамики занимается Н.И. Беловишчева, реставрацией металла с 1989 г. — Н.В. Енисова; они же ведут со студентами занятия в рамках практикума по реставрации и консервации археологических находок. Несколько лет этот курс вела сотрудница Всесоюзного научно-исследовательского института консервации и реставрации М.С. Шемаханская.

В конце 50-х — 60-е годы XX в. М.Н. Кислов в содружестве с сотрудницей биологического факультета МГУ О.Н. Чистяковой разработал способ стабилизации деревянных находок из раскопок в Новгороде, что являлось первоочередной задачей для этих масштабных работ, возобновившихся после войны.

Лаборатория спектрального анализа. В деятельности лаборатории спектрального анализа с момента ее образования в 1953 г. решающую роль играют научные и методические разработки Ю.Л. Шаповой. Основные спектральные исследования вели Ю.Л. Шапова и аналитик А.Н. Ренин, перешедший в лабораторию с физического факультета. В центре внимания Шаповой оказались древние изделия из стекла, состав которых изучался с помощью

оптического эмиссионного спектрального анализа. В 1961 г. Ю.Л. Шапова защитила кандидатскую диссертацию «Стеклянные изделия древнего Новгорода», которая стала первым опытом обобщения и осмысления достигнутых результатов. Впервые в одно целое были объединены данные о морфологии, технологии и химическом составе стекла и на их основании установлено происхождение стеклянных изделий. Топография, стратиграфия и хронология новгородских находок позволили сделать их источником для воссоздания истории стеклянных изделий не только в Новгороде, но и в Древней Руси и сопредельных с ней странах.

С помощью оптического эмиссионного спектрального анализа в древнерусском стекле удалось выявить пять различных по составу классов. Привлечение данных по морфологии находок, месту и времени их использования дало возможность обосновать связь классов с различными школами стеклоделия в русском средневековье¹¹⁶.

Ю.Л. Шапова разработала и опубликовала жесткие алгоритмы изучения морфологии, технологии и химического состава древнего стекла, общую концепцию возникновения, эволюции и развития стеклоделия и т. д. История древнего стеклоделия в ее трактовке дала старт общей теории развития древних производств.

В настоящее время коллектив в составе Ю.Л. Шаповой (руководитель проекта) и ее учеников Ю.А. Лихтер, Т.Г. Сарачевой, Е.К. Столяровой (все они — выпускники кафедры археологии) ведет сравнительно-историческое изучение древних материалов и древних технологий при финансовой поддержке РФФИ. Исследованием бус, которое финансово поддержали Британский музей и организация по изучению бус (Bead Trust Study), занимаются Е.К. Столярова и Ю.Л. Шапова. Ю.Л. Шапова работает по международному гранту INTAS и CNRS «Timouride», во главе которого стоят РАСТ и университет в Бордо; финансируют исследования также Европейский союз и ЮНЕСКО. Временные трудовые коллективы и внебюджетное финансирование проектов, нередко международное, стало характерной чертой существования лаборатории в новых условиях ее открытости международному научному сообществу.

С 1989 г. Ю.Л. Шапова руководит работой семинара «Морфология древностей». Первоначально в нем, помимо дипломированных специалистов, принимали участие студенты и аспиранты. В настоящее время это временный трудовой коллектив, который разрабатывает нормированные программы описания древностей. Такие программы представляют собой лингвистическое обеспечение компьютерных баз данных по археологии. Публикуемый вариант получил название «Морфология древностей»¹¹⁷.

¹¹⁶ Шапова Ю.Л. Стеклянные изделия Новгорода // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1963. № 117; *Она же*. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

¹¹⁷ Шапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология древностей. Киев, 1990. Вып. 1; Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л. Программа описания сосудов. Морфология древностей [без номера]. М., 1989; Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие. Морфология древностей. М., 1995. Вып. 3; Шапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Украшения. Морфология древностей. Вып. 4 (в рукописи); Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Декор: системное описание. Морфология древностей. Вып. 5 (в рукописи).

Международные связи и международное признание деятельности спектральной археологической лаборатории — отдельная тема со своей историей. Первым иностранным специалистом, стажером, приехавшим на кафедру археологии и в лабораторию в 1959 г. по соглашению между советскими и польскими университетами, был Ежи Ольчак — тогда ассистент университета в Познани, а ныне профессор университета им. Николая Коперника в Торунь, создатель лаборатории по истории стекла и признанный глава этого направления в Польше. В свое время лабораторию посетили Ж.-К. Гарден, Ж. Филиппи, К. Олаф, К. Мейндер; самыми частыми партнерами были специалисты из Польши: М. Декувна, А. Хмелевска, Т. Ставярска. Совместный проект «Каталог анализов древнего стекла Восточной Европы и Закавказья с древнейших времен до XIII века» стал естественным продолжением советско-польского сотрудничества. Работа была рассчитана на пять лет (1975 — 1980), но по ряду обстоятельств объективного и субъективного характера приостановлена. В 2003 г. польская сторона опубликовала свой вариант этой работы¹¹⁸.

Большие возможности раскрыл спектральный анализ и в области изучения состава древних цветных металлов. Это направление исследований связано с деятельностью сотрудника кафедры А.А. Коновалова (1938—1985). Будучи учеником А.В. Арциховского, А.А. Коновалов обратил внимание на материалы раскопок средневековых памятников. В конце 1960-х — начале 1970-х годов он определил состав металла более 1300 изделий, обнаруженных в Новгороде, Гнёздове, Белоозере и в курганах Подмосковья. Свои исследования А.А. Коновалов начинал под руководством Е.Н. Черных и Т.Б. Барцевой в лаборатории спектрального анализа ИИМК АН СССР. Впоследствии эти исследования были продолжены в кафедральной лаборатории спектрального анализа. Ученый использовал широко применявшуюся в то время методику оптического эмиссионного спектрального анализа.

Чтобы оценить масштабы исследовательской работы А.А. Коновалова, достаточно отметить, что только по материалам Новгорода было выполнено 870 анализов. Такое количество анализов, сделанных по материалам одного объекта, до сих пор остается непревзойденным. Полученная информация послужила надежной основой для написания кандидатской диссертации «Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв.», которая была успешно защищена в 1974 г. Опубликованная лишь частично, эта работа по сей день является самым полным исследованием по истории цветной металлургии Древней Руси. В ней впервые систематизирован огромный объем аналитических данных по единой методике, представлена картина распространения сплавов на территории Восточной Европы в эпоху средневековья и определены основные пути поступления ювелирного сырья в мастерские Древней Руси.

В настоящее время основным методом исследований многих лабораторий мира стал неразрушающий рентгено-флюоресцентный энергодисперсный анализ. Он позволяет быстро исследовать большое количество предметов и легко обеспечивает воспроизводимость анализов. Этот метод стал активно использоваться в России с 1995 г.

¹¹⁸ Principes de description des verres anciens depuis les temps les plus reculés jusqu'au XIII siècle de n.è. 2003.

В МГУ на базе рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета сложился исследовательский коллектив, в состав которого вошли сотрудники и аспиранты исторического и геологического факультетов МГУ: Р.А. Митоян (руководитель), Н.В. Енисосова, С.А. Колосков и Т.Г. Сарачева. Специально для исследования археологических объектов в 1997 г. они разработали метод безтalionного рентгено-флюоресцентного энергодисперсного анализа. Выполнено более тысячи анализов предметов, преимущественно из раскопок средневековых памятников (Новгород, Владимир, Гнёздово, Белоозеро, средневековый Херсонес и т.д.). По этой методике изучают состав не только металлических изделий. Впервые в отечественной археологии исследованы остатки металла, сохранившегося на стенках инструментов литейщика, — тиглях и льячках (Н.В. Енисосова, 1999). Успеху этих исследований в немалой степени способствовала финансовая поддержка со стороны российских научных фондов — РГНФ и РФФИ.

К настоящему моменту создана единая база данных «Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья», в которую включено более 4300 предметов с известным химическим составом металла; усовершенствована классификация сплавов на основе меди, серебра, олова и свинца; разработана специализированная информационная система, которая связывает воедино статистические, графические и текстовые данные с программами их обработки.

Лаборатория структурного анализа. История черной металлургии и металлообработки древнего Новгорода, которую разрабатывал и вел Б.А. Колчин, стала первой научной темой новой лаборатории. Профиль исследовательской лаборатории кафедры был определен как историко-технологический. При изучении древнерусских изделий из железа и стали преимущественное внимание было обращено на использование металлографических и спектроаналитических методов. Б.А. Колчин выступил не только пионером их массового применения в отечественной археологии, но и ярким исследователем, проделавшим в 1950-е годы (на базе созданных лабораторий структурного и спектрального анализа) колоссальную работу по аналитическому изучению новгородских находок из черного металла. Первым серьезным итогом работы лабораторий явилась обобщающая статья Колчина «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого»¹¹⁹, в которой автор нарисовал сложную картину развития черной металлургии средневековой Руси.

Результаты работ Б.А. Колчина открыли перспективы для дальнейшего расширения тематики лаборатории структурного анализа за счет металлографического исследования изделий из цветных металлов. В 1958 г. с этой целью в штат лаборатории была зачислена выпускница кафедры Н.В. Рындина, которая зимой 1958—1959 гг. прошла специальную подготовку на кафедре металловедения Института стали и сплавов.

Первые комментированные результаты спектральных и структурных анализов цветных металлов были получены Рындиной в процессе исследования

¹¹⁹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. № 56.

коллекций ювелирных изделий древнего Новгорода¹²⁰. На базе массового металлографического изучения украшений из меди, бронзы и латуни ей удалось показать высокий технический уровень средневекового ювелирного производства, установить характер его социальной организации.

Для изучения истории древнего металлопроизводства большое значение имеют работы Н.В. Рындиной по исследованию древнейших металлов Юго-Восточной Европы. В 1960—1970-е годы в центре ее внимания оказались коллекции металла Трипольской археологической культуры IV—III тыс. до н.э. Всего с помощью микро- и макроструктурного анализа Рындиной было изучено около ста орудий и украшений Трипольской культуры. В результате проведенных исследований предстала интересная картина техники металлообработки у трипольцев во второй половине IV тыс. до н.э. Высокое кузнечное ремесло, в частности технику сварки медных полос, трипольцы, вероятно, приобрели в период обработки самородной меди, которая не требовала переплавки. Техника литья появилась у них лишь в первой половине III тыс. до н.э. Общая динамика развития знаний о металле, как оказалось, отражала закономерности, свойственные ранней металлообработке в целом.

Следующим этапом стали работы Н.В. Рындиной 1980—1990-х годов, связанные с металлографическим изучением коллекций неолитического металла Болгарии¹²¹, а также древнейшей меди степной и лесостепной зон Восточной Европы (всего около 300 изделий). Результаты этого исследования послужили основой для написания истории древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы¹²².

Свои историко-металлургические исследования Н.В. Рындина обобщила в созданном ею учебном пособии¹²³. Археологический материал сгруппирован в нем в рамках крупных производственных общностей — металлургических провинций, очагов металлургии и металлообработки.

Важное место в деятельности лаборатории структурного анализа заняли разработки по исследованию эталонных структур меди и ее сплавов с мышьяком, проведенные совместно с сотрудницей отдела металлов Института реставрации, кандидатом технических наук И.Г. Равич¹²⁴. Создание атласов эталонных микроструктур под руководством И.Г. Равич позволило на новом, документированном уровне расшифровывать технологию изготовления древних вещей, подвергнутых различной обработке (литье,ковка

¹²⁰ *Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 117.

¹²¹ *Рындина Н.В., Орловская Л.Б.* Результаты металлографического исследования медных изделий Гумельницкой культуры // Черных Е.И. Древнейшая металлургия Болгарии. София, 1978; *Ryndina N.V.* Die Technologie der Kupfergeräte aus dem Grab von Reka Devnja // Saarbrücker Studien und Materialien zur Altertumskunde. Bonn, 1993. № 2; *Рындина Н.В.* Древнейший металл Болгарии и проблема происхождения металлургии Юго-Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М., 1994.

¹²² *Рындина Н.В.* История древнейшего металлообрабатывающего производства Юго-Восточной Европы (истеки и развитие в неолите-энеолите). М., 1998.

¹²³ *Рындина Н.В.* Энеолит и бронзовый век. М., 2002.

¹²⁴ *Равич И.Г., Рындина Н.В.* Методика металлографического изучения древних кованых изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989; *Ravich I.G., Ryndina N.V.* Early Copper-Arsenic Alloys and the Problems of their Use in the Bronze Age of the North Caucasus // Bulletin of the Metals Museum. Sendai, 1995. V. 23.

с различной степенью деформации металла, температурные режимыковки и т.д.). В настоящее время уникальная методика микроструктурного анализа древних цветных металлов с помощью эталонных атласов нашла широкое применение во многих научных лабораториях нашей страны и за рубежом.

Начиная с 1990-х годов вновь обозначился рост научного интереса к проблемам технологии производства древнерусских ювелиров. Большие серии металлических изделий из раскопок Пскова (Э.В. Королева), Гнёздова (Н.В. Ениосова и В.В. Мурашева), Серенска (И.Е. Зайцева) и курганов вятичей (Т.Г. Сарачева) были подвергнуты в лаборатории микроструктурному изучению и составили основу диссертационных работ, защищенных на кафедре.

По объему произведенных аналитических исследований изделий из цветных металлов лаборатория структурного анализа кафедры археологии является ныне крупнейшей в России. К 2000 г. ею осуществлен металлографический анализ более чем 5000 медных и бронзовых предметов, датированных временем от эпохи раннего металла до средневековья и происходящих с обширных территорий от Болгарии на западе до Приморья и Приамурья на востоке.

Немаловажную роль в формировании научной школы в стенах лаборатории структурного анализа играет семинар «История древних производств», созданный по инициативе Н.В. Рындиной в 1995 г. В его работе участвуют не только сотрудники и аспиранты кафедры, но и широкий круг специалистов по истории древней металлургии и металлообработки из ИА РАН, ГИМ, Института реставрации, Музея истории Москвы. В числе докладчиков были также исследователи из Великобритании и Франции.

За пятьдесят лет существования археологической лаборатории сформировалось несколько новых для отечественной археологии научных направлений. Главные из них: металлография в археологии и комплексное изучение древнего стекла. На базе лаборатории выросли и такие направления, как история древних производств и морфология древностей. Здесь подготовлены и успешно защищены около 20 кандидатских и 4 докторские диссертации. Многие из них получили международное признание и расцениваются как достижение «научной школы Московского университета».

Естественнонаучные методы в археологии стали обязательной составляющей археологического источниковедения, включенного в программу подготовки специалистов начиная с 1964 г. Этот курс читали Б.А. Колчин, Н.В. Рындина и Ю.Л. Шапова, которая последние 12 лет ведет его самостоятельно. Выпущены три учебных пособия по этому курсу. Эту специальную дисциплину дополнял спецкурс «Статистические методы в археологии», который читал Г.А. Федоров-Давыдов.

Фотолаборатория. Большое значение в научной и полевой деятельности кафедры археологии имеет фотолаборатория, сотрудники которой заняты поэтапной съемкой археологических объектов во время раскопок, фотографированием находок, подготовкой полевых отчетов о раскопках, изготовлением иллюстраций для публикаций.

Первым штатным сотрудником с момента основания фотолаборатории был Сергей Тимофеевич Бочаров, проработавший в ней до 1968 г. Вместе с ним с 1960 г. работал Владимир Васильевич Сухов, ушедший на пенсию в 1995 г. С 1972 г. по сегодняшний день в фотолаборатории трудится Станислав Александрович Орлов, имеющий историческое образование и прекрасно владеющий фотоделом, включая микро-, макро- и художественную съемку древних предметов и берестяных грамот. Это редкое сочетание придает особый, творческий характер его практической деятельности. Например, разработанная С.А. Орловым методика получения макроснимков археологических объектов уже давно стала важной составной частью их серьезного научного анализа.

Сотрудники фотолаборатории не только участвуют в работе кафедральных экспедиций. Они способствуют созданию бесценного научного архива, с помощью которого осуществляются публикации многих исследуемых памятников и найденных в них вещей. Выполненные С.Т. Бочаровым и С.А. Орловым фотографии сопровождают большинство статей и монографий, выпускаемых сотрудниками Новгородской археологической экспедиции. На базе фотолаборатории С.А. Орлов в течение пяти лет вел практику «Методика полевого фотографирования» для студентов кафедр археологии и этнографии.

* * *

Особо следует отметить *научную работу студентов кафедры*. Непосредственное участие в раскопках, причастность к открытию новых научных материалов в немалой степени способствуют формированию у них стремления к научной деятельности. Вполне обычной стала рекомендация к печати лучших дипломных и даже курсовых работ и их публикация в археологических журналах и сборниках. Еще в пору существования археологического отделения сложился студенческий научно-археологический кружок, издававший свои работы. Эта традиция была подхвачена в конце 30-х годов и не прервалась в послевоенное время. На первых порах, однако, научное студенческое общество на кафедре археологии носило камерный характер. Перелом наступил в 1955 г., когда по инициативе тогдашнего председателя общества, студента IV курса М.Х. Алешковского (1934—1974) была организована Всесоюзная студенческая археологическая конференция (ВСАК), ставшая впоследствии ежегодной. Эта конференция привлекала все большее число участников и послужила толчком к возникновению региональных студенческих конференций. В 1986 г. прошла последняя, 28 Всесоюзная конференция. Практически все эти конференции (26 из 28) были проведены на базе кафедры археологии МГУ. Способствуя развитию и укреплению научных связей археологов уже со студенческой поры, эта форма работы была важна и потому, что выявляла способности студентов, позволяя реально оценивать потенциал ближайшего будущего археологической науки. К сожалению, финансовые и прочие трудности прервали регулярное проведение студенческих конференций.

2. ЭТНОЛОГИЯ

Московский университет традиционно занимал ключевые позиции в системе профессионального этнологического образования и видное место в этнологических исследованиях. Университетская этнология богата яркими индивидуальностями, наложившими неповторимый личностный отпечаток на эту науку. В этой связи анализ университетской этнологии представляется важным для понимания логики и динамики развития этнологии в России. По данной теме написано уже немало работ¹. При всей ценности этих публикаций они не могут компенсировать отсутствия целостного очерка об истории этнологии в университете.

* * *

Первый систематический курс этнографии в Московском университете был прочитан в 1888 г. профессором Д.Н. Анучиным. До этого на протяжении почти ста лет этнография не была представлена как самостоятельная учебная дисциплина, лишь фрагментарно присутствуя в ряде университетских курсов. Институционализация, да и то частичная, этнологии в системе высшего образования произошла лишь на исходе XIX в.

Хотя выделение этнологии в качестве самостоятельной науки наметилось в первой половине XIX в. (в 1845 г. в рамках находившегося в Петербурге Императорского русского географического общества — ИРГО — было создано отделение этнографии), ее предметная область еще не была вполне определена. Однако в отличие от Запада, где этнологию зачастую относили к естественнонаучным дисциплинам, в России (в том числе и в Московском университете) этнографические вопросы рассматривались по преимуществу в гуманитарных курсах — филологических, исторических, правоведческих.

Зарождение интереса к этнографии, проблемам этногенетической и этнокультурной специфики народов России и зарубежных стран, относится еще ко временам В.Н. Тагищева, М.В. Ломоносова, великих русских путешественников С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина, В.Ф. Зуева. Ученые

¹ *Алексеева Л.Л.* Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1983. № 6; *Козлова К.И., Чебоксарова Н.Н.* Этнография в Московском университете // Советская этнография. 1955. № 2; *Лашук Л.И., Марков Г.Е.* Кафедра этнографии // Историческая наука в Московском университете. М., 1984; *Марков Г.Е., Соловей Т.Д.* Этнографическое образование в Московском университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Советская этнография. 1990. № 6; *Марков Г.Е., Писменов В.В., Соловей Т.Д.* 60-летие кафедры этнографии-этнологии исторического факультета МГУ // Этнографическое обозрение. 1999. № 6; *Соловей Т.Д.* Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе. 1917–1932 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 5; *Она же.* Этнографическое отделение этнологического факультета I МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 3; *Она же.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *Она же.* Яркая страница истории отечественной этнологии (К 60-летию кафедры этнологии исторического факультета МГУ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1999. № 5; *Она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3.

Московского университета П.А. Третьяков и Д.С. Аничков первыми в стране в 1760–1780-е годы поставили теоретические вопросы о сущности и последовательных этапах формирования человеческой цивилизации. Все это позволило приступить к рассмотрению эволюции социально-культурных состояний многочисленных народностей России и их роли в истории мировой культуры.

В 70–80-е годы XVIII в. в университете читал лекции выдающийся русский юрист, профессор С.Е. Десницкий. В его трудах, посвященных вопросам происхождения различных общественных институтов, были предвосхищены многие мысли о развитии брака и семьи, высказанные почти сто лет спустя Л. Морганом.

В начале XIX в. в Московском университете преподавал один из наиболее талантливых русских ученых того времени – профессор археологии, истории, статистики и литературы славянских наречий, академик М.Т. Каченовский. В читавшемся на юридическом и философском факультетах курсе статистики России Каченовский уделял значительное внимание географии и этнографии. В журнале «Вестник Европы» Каченовский опубликовал этнографические статьи «Краткая выписка о первобытных народах, в России обитавших», и «Исследование о банном строении».

Одновременно с Каченовским в Московском университете служил ординарный профессор римских древностей и латинского языка, известный фольклорист и этнограф И.М. Снегирев, многие годы посвятивший изучению духовной культуры русского народа и написавший крупные работы «Русские в своих пословицах», «Русские простонародные праздники и суеверные обряды», «Русские народные пословицы и притчи» и др.

В начале 40-х годов в должности ординарного профессора истории и литературы славянских наречий начал свою деятельность выпускник Московского университета О.М. Бодянский, один из основоположников университетского славяноведения. В числе прочих курсов Бодянский читал славянскую этнографию и археологию; основу этого курса во многом составили собранные им во время пребывания за границей материалы. Среди опубликованных работ Бодянского выделяется его магистерская диссертация «О народной поэзии славянских племен».

В стенах Московского университета начали свой творческий путь известные впоследствии деятели отделения этнографии Русского географического общества Н.И. Надеждин и К.Д. Кавелин. Надеждин, возглавлявший в 1847–1851 гг. отделение этнографии ИРГО, занялся этнографией уже вне Московского университета. Ему принадлежит новаторская для его времени формулировка предмета этнографии, предполагавшая всестороннее этнографическое изучение русского народа. Однако она не была воспринята современниками, склонявшимися к более узкой и ограниченной трактовке задач этой науки.

К.Д. Кавелин, занимавший с 1844 по 1848 г. кафедру истории государственного права на юридическом факультете, в своем курсе по истории русского законодательства большое место уделял анализу родовых начал русского быта в их историческом развитии. При этом использовались не только письменные памятники по древней истории славян, но и различные работы, посвященные описанию быта славянских народов.

После ухода Кавелина из Московского университета кафедру истории русского законодательства занял Н.В. Калачов, преподававший до 1852 г. Калачов неоднократно совершал поездки по различным губерниям России, собирая материалы, преимущественно юридического содержания. Его работы положили начало изучению русского обычного права.

В 1839—1855 гг. на кафедре всеобщей истории преподавал выдающийся русский ученый и общественный деятель Т.Н. Грановский. Проявляя большой интерес к антропологии и этнографии, в частности к этнографии народов Океании, Грановский последовательно придерживался позиции, что все народы, в том числе и отсталые, обладают одинаковыми способностями «к образованности и совершенствованию».

Важная роль в становлении русской фольклористики принадлежала профессору русской словесности Ф.И. Буслаеву, последователю немецкой мифологической школы. Он одним из первых в отечественной науке обратился к изучению устного народного творчества, введя в научный оборот колоссальный фольклорный материал. Первостепенный интерес к устному народному творчеству был характерной чертой этнографии середины — второй половины XIX в. Многие ученые исходили из презумпции тождественности этнографии и фольклористики.

Вопросы этнографического характера разрабатывались также членами учрежденного в 1804 г. университетского Общества истории и древностей российских. В периодических изданиях этого общества публиковались как отдельные статьи, так и крупные труды, посвященные этнографии народов России, например работы Н. Арцыбашева «Взор на обычаи древних русских»; Ю. Венелина «О древних жилищах русского народа, «Записка о чукотском народе»; Н. Маркевич «О казаках» и многие другие.

В последней трети XIX в. к этнографическим сюжетам нередко обращались такие выдающиеся ученые, профессора Московского университета, как В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский. В.Ф. Миллер заслужил репутацию крупного лингвиста, этнографа и фольклориста. Будучи оставлен по окончании университета на кафедре сравнительной грамматики, он занялся изучением языка и этнографии ираноязычных народов Кавказа, предприняв с этой целью четыре путешествия в этот регион. Собранные Миллером материалы легли в основу ряда его работ, самая значительная из которых — «Осетинские этюды». Перейдя впоследствии на кафедру русского языка и литературы, Миллер целенаправленно занялся изучением русского фольклора, в частности былинного эпоса.

Историк государственного права М.М. Ковалевский интересен как исследователь большой патриархальной семьи и соседской общины. Подобно Миллеру, он также неоднократно посещал Кавказ, где проводил полевые исследования среди горских народов и работал в местных архивах. Материалы этих изысканий широко использовались Ковалевским в лекционных курсах; они составили основу его многочисленных научных работ (например, «Закон и обычай на Кавказе»).

Значительное место этнографических аспектов в научном наследии В.Ф. Миллера и М.М. Ковалевского во многом было обусловлено их активным участием в деятельности Общества любителей естествознания,

антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), созданного в 1863 г. при Московском университете, и учрежденного в рамках этого общества в 1867 г. этнографического отдела. В 1881 г. Миллер был избран председателем этого отдела, в работу которого вовлек и Ковалевского, поначалу (в 1883 г.) в качестве секретаря, а с 1885 г. — товарища председателя отдела. Сам Миллер в 1889 г. стал уже президентом ОЛЕАЭ; одновременно он занимался систематизацией этнографических коллекций Дашковского музея, хранителем которого состоял с 1884 г.

* * *

Этнографический отдел ОЛЕАЭ стал первым центром этнологической науки в Москве (до него здесь отсутствовали даже начальные формы ее организации в виде обществ или кружков). Возможность появления подобных институций в России была открыта либеральным университетским уставом 1863 г., разрешавшим университетам учреждать ученые общества.

На первый взгляд, ОЛЕАЭ воплощало западноевропейскую тенденцию, где этнография числилась по классу естественнонаучных дисциплин; да и инициаторами создания общества выступили профессор зоологии, последовательный дарвинист А.П. Богданов и геолог Г.Е. Щуровский. Вместе с тем нельзя не отметить дифференцированную позицию того же Богданова, отмечавшего, что этнография как наука, касающаяся «изучения и исследования человеческих племен», не ограничивается «только естественно-исторической областью, но прямо или косвенно стоит в связи со многими важными вопросами наук гуманитарных, социальных и философских»². Иными словами, в этой трактовке предметное поле этнографии находилось на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин.

От прежних естественнонаучных учреждений — ИРГО, Минералогического общества, Общества испытателей природы — ОЛЕАЭ принципиально отличалось тем, что пыталось поставить во главу угла не столько проведение фундаментальных исследований, сколько распространение и популяризацию естественноисторических знаний. Эта задача выглядела весьма смело, если вспомнить, что в образованных русских классах было так мало лиц, интересовавшихся естествознанием, что упомянутые Минералогическое общество и Общество испытателей природы не считали нужным издавать свои труды на русском языке. И все же деятельности ОЛЕАЭ придавалось большое значение для России 60-х годов интерес к естествознанию был духом времени и интеллектуальной модой, что так ярко показал И.С. Тургенев в «Отцах и детях» в образе Базарова. Переживавшее моральный подъем русское общество воспринимало развитие науки и социальный прогресс как синонимы.

ОЛЕАЭ пыталось воспользоваться интересом к естествознанию с тем, чтобы подвести под него прочный фундамент в виде массового слоя любителей науки. Научно-просветительскому значению общества должны были способствовать его открытый характер (акцентировалось слово «любителей» в названии), проведение разного рода популяризаторско-просветительских мероприятий (устройство этнографической, политехнической и антропологической выставок и учреждение соответствующих музеев),

² Цит. по: *Алексеева Л.Д.* Указ. соч. С.54.

публикация материалов общества на русском языке (Богданов настаивал на том, чтобы протоколы заседаний велись на русском и на нем же публиковались «Известия»). В конечном счете повышение социального престижа естествознания должно было обеспечить приток молодежи на соответствующие отделения в университетах и конвертироваться в финансовые пожертвования со стороны частных лиц.

Деятельность общества оказала существенное влияние на развитие этнологической науки. В апреле 1867 г. в московском Манеже открылась организованная преимущественно силами ученых университета этнографическая выставка, которая привлекла широкое внимание публики. На выставке были представлены разнообразные этнографические материалы: 288 манекенов почти всех народностей России, а также западных и южных славян с обстановкой их быта. Кроме того, было выставлено около 900 экспонатов, более 600 фотографий, около 300 археологических находок, 600 черепов представителей разных народов и т. д.

Этнографическая выставка стала не только научным, но и общественным событием, значение которого выходило далеко за пределы России. Выставка стала хорошим поводом для организации в Москве славянского съезда в 1867 г. (в нем приняли участие более 80 представителей обществности зарубежных славян).

Помимо этого выставка дала решающий толчок созданию в структуре ОЛЕАЭ этнографического отдела, который возглавил наиболее деятельный организатор выставки, профессор университета Н.А. Попов. Подобно отделению этнографии ИРГО в Петербурге, в Москве появился собственный центр этнографической науки. В его работе принимали участие многие корреспонденты из различных областей государства. Отдел получал этнографические сведения из Сибири, Поволжья, Украины, Средней Азии, Приуралья и других российских регионов. Корреспонденты с мест (П.С. Ефименко, К.А. Попов и др.) стали действительными членами отдела. В рамках своей деятельности по изучению народов России этнографический отдел собирал сведения по материальной культуре, языкам, обычаям, обрядам, поверьям, фольклору, литературе и музыке. Заседания отдела, где заслушивались доклады по этнографической тематике, посещались не только этнографами, но и представителями других специальностей. Впрочем, применительно к той эпохе трудно говорить о «чистых» этнографах: как правило, это были специалисты широкого профиля, не ограничивавшие себя одной лишь этнографической специализацией. С сообщениями на заседаниях отдела выступали знаменитые русские путешественники Н.Н. Миклухо-Маклай, Н.М. Пржевальский, известный фольклорист П.В. Шейн. Научные работы, выходявшие из этнографического отдела, публиковались в его «Трудах», а с 1889 г. — в первом в России специальном этнографическом журнале «Этнографическое обозрение». Из работ, изданных этнографическим отделом, большой интерес представляли труд исследователя коми-зырян К.А. Попова «Зыряне и зырянский край» (опубликован в 1874 г.); «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» П.С. Ефименко (1877—1878 гг.); увидевшее свет в 1890 г. исследование Н.Н. Харузина «Русские лопари».

Деятельность этнографического отдела ОЛЕАЭ немало способствовала становлению этнографической науки в России, однако ее выделение из комплекса гуманитарных и естественнонаучных знаний даже к концу XIX в. еще не было завершено. Да и само ОЛЕАЭ служило скорее клубом московских интеллектуалов, чем научным учреждением в полном смысле этого слова. Недостаток финансовых средств и явная ограниченность кадрового потенциала исключали проведение систематических и полноценных научных исследований этнографического характера. Более значительными финансовыми и кадровыми возможностями обладала Академия наук, но в ее структуре отсутствовало этнографическое или близкое к нему тематически подразделение. Вместе с тем при всей несопоставимости потенциалов, ОЛЕАЭ выгодно отличалось от Академии наук открытостью, стремлением к актуализации своих исследований, приданию им практической направленности.

Благодаря усилиям ОЛЕАЭ, интерес к естествознанию в русском обществе в целом вырос, свидетельством чему может служить относительно регулярное проведение съездов естествоиспытателей и врачей (первый состоялся в 1867 г.). Тем не менее масштабы любительства оказались далеко не столь значительными, как, к примеру, в Германии, считавшейся в этом отношении эталонной страной, а социальный престиж естествознания после всплеска 60-х годов в 70-е заметно снизился.

Общественно-политический контекст последней трети XIX в. не очень благоприятствовал развитию интереса к естествознанию. Начиная с 70-х годов, образованные слои русского общества, включая студенчество, все более заметно связывали прогресс России с радикальным обновлением ее социального и политического устройства, что вызывало естественную реакцию власти и ужесточение государственного контроля над высшим образованием и идеологией.

Не удалось ОЛЕАЭ подвести под свою деятельность и прочный организационный фундамент. Его безусловные и немалые достижения 60—70-х годов основывались прежде всего на личном авторитете и энтузиазме А.П. Богданова, бывшего подлинным мотором и душой общества. Двадцатилетнее председательство Г.Е. Щуровского в ОЛЕАЭ носило формальный характер. Именно Богданов определял приоритеты и задачи общества, обеспечивал приток финансовых средств и лично ими распоряжался. Отход Богданова после антропологической выставки 1879 г. от активной деятельности в ОЛЕАЭ приостановил развитие общества, оно все больше сосредоточивалось на внутренних (организационных) вопросах.

* * *

Становление университетской этнографии в решающей степени связано с деятельностью авторитетного ученого Д.Н. Анучина. Ему принадлежит исключительная роль в институционализации этнографии — формировании ее организационной основы, налаживании учебного процесса и подготовке кадров профессиональных этнографов в Московском университете. Хотя число этнографических работ Анучина сравнительно невелико,

на рубеже XIX и XX вв. он пользовался репутацией наиболее видного представителя отечественной этнографии. И этот авторитет зиждился не столько на собственных этнографических исследованиях ученого, сколько на его организаторском таланте, уникальной научной разносторонности, способности без труда оперировать категориями и материалами одновременно нескольких научных дисциплин.

Феномен Анучина заключался в том, что, посвятив практически всю свою жизнь институционализации научных дисциплин, их выделению и обособлению из нерасчлененного конгломерата гуманитарных и естественнонаучных знаний, он одновременно старался сохранить взаимопроницаемость наук, объединенных общим, по его мнению, объектом исследования. В намеченной Анучиным интеллектуальной перспективе этнография находилась в неразрывной взаимосвязи с физической антропологией и археологией, представляя интегральную часть триединой науки. (Примечательно, что Анучин был председателем как антропологического, так и этнографического отделов ОЛЕАЭ, а впоследствии избран президентом Общества, которое возглавлял с 1890 по 1923 г.). Универсальность Анучина не была лишь инерционным следствием прежнего научного синкретизма, характеризующегося неопределенностью, а потому и взаимоналожением, предметных полей, но последовательной методологической позицией: определяя предметные области наук, проводя границы между ними, не превращать эти границы в китайскую стену, а добиваться междисциплинарного синтеза. Но это уже был синтез на основе дифференциации, а не прежний синкретизм³.

Первым импульсом организационного укоренения этнографии в стенах Московского университета явилось создание в 1884 г. кафедры географии и этнографии. Однако соединение этих двух дисциплин при очевидном главенстве географии изначально выглядело парадоксальным и несло в себе семена конфликта. Произошел разрыв с почти вековой университетской практикой рассмотрения этнографических вопросов в рамках гуманитарных дисциплин. В то же время первоначальное включение вновь созданной кафедры в состав историко-филологического факультета (где она числилась до 1889 г.) противоречило столь же устойчивой традиции отнесения географии к естественнонаучным дисциплинам. Крайняя неопределенность положения новой структуры как нельзя более ярко подчеркивалась тем, что учебные предметы кафедры были отнесены к числу факультативных, а не обязательных для студентов.

В развернувшейся борьбе за пересмотр места географии в университетской системе этнография порой откровенно игнорировалась, рассматриваясь как необязательный довесок к географии, — такова, в частности, была позиция профессуры Казанского университета⁴. Но, в конечном счете, именно за Московским университетом оставалось решающее мнение как в вопросе о принадлежности новой кафедры, так и в вопросе о судьбе этнографии. Ключевой фигурой разнообразных комиссий, рассматривавших эти проблемы, оказался Д.Н. Анучин.

³ Подробнее о Д.Н. Анучине см.: *Карпов Г.В.* Дмитрий Николаевич Анучин. М., 1962.

⁴ См.: *Алексеева Л.Д.* Указ. соч. С. 56.

Солидаризируясь с практически единодушным мнением университетского сообщества о переносе кафедры географии на физико-математический факультет, Анучин одновременно полагал желательным учреждение кафедры с таким же названием и на историко-филологическом факультете. Но если в первом случае акцент должно было сделать на собственно географии («физическое земледевие» в формулировке той эпохи), то в гуманитарном цикле следовало изучать сравнительное земледевие, этнографию и историческую географию. Иными словами, именно в Московском университете был впервые поставлен вопрос о необходимости выделения этнографии как самостоятельной дисциплины, входящей в семью исторических наук.

Аргументация Анучина оказалась настолько убедительной, что ученый совет Московского университета счел желательным иметь две отдельные кафедры географии — на историко-филологическом и на физико-математическом факультетах. Однако осуществить это оказалось невозможно из-за дефицита профессиональных преподавательских кадров. В конечном счете кафедра географии оказалась только в составе физмата.

Произошедшее отчасти под давлением обстоятельств включение этнографии в состав естественнонаучного цикла имело вместе с тем весомое теоретико-методологическое обоснование. В русле господствовавшего в то время в науке эволюционистского направления этнография рассматривалась как дисциплина, изучающая естественнонаучными методами культуру первобытных народов. Последствия подобной «цеховой» приписки этнографии оказались для нее амбивалентными. С одной стороны, произошел ее фактический отрыв от других социальных наук — студенты, специализировавшиеся в области этнографии, были лишены возможности получать общую историческую подготовку. Обособление этнографии от исторических наук не было заметно в творчестве самого Анучина, отличавшегося беспрецедентной научной разносторонностью. Однако оно ярко проявилось в работах его учеников, которые, прекрасно освоив разработанную Анучиным методiku изучения материальной культуры, оказались не в состоянии вписать свои исследования в исторический контекст. (Примером могут служить этнографические работы А.И. Колмогорова, Н.А. Янчука.) Отрыв этнографии от истории неизбежно вел и к ограничению ее тематического поля: интересы школы Анучина фокусировались на истории первобытного общества, его пережитках в современности и вопросах материальной культуры; изучение общественного строя, семьи и духовной культуры нередко выносилось за скобки.

Наряду с этим происходило сближение этнографии с естественнонаучными дисциплинами, и прежде всего с антропологией, которая в конце XIX в. подчас толковалась как метанаука о человеке, исследующая его во всех аспектах — физическом, социальном и духовном. В рамках подобного расширительного понимания предмета антропологии собственно этнографии отводилась роль одного из ее разделов, описывающего быт различных народностей и предоставляющего материалы для более высокого синтеза, осуществляемого антропологией. Порой этнография вообще низводилась до уровня вспомогательной научной дисциплины, специфической

методики сбора и обработки полевого материала. Это мнение, восходившее к западной научной традиции, в России нашло поддержку в Петербургском университете⁵.

В Московском университете, во многом благодаря влиянию Д.Н. Анучина, преобладал более сбалансированный взгляд на роль и место этнографии в системе наук. Анучин, склонявшийся к широкому пониманию антропологии как «естественной истории человека», рассматривал ее как союз трех равноправных, а не соподчиненных дисциплин — собственно физической антропологии, доисторической археологии и этнографии.

Именно в такой трактовке антропология укоренилась в стенах Московского университета и заняла значимое место в учебном процессе кафедры географии. Когда в 1905 г. на кафедре была введена специализация, она получила название «география и антропология». В немалой степени повышению значимости антропологии способствовало личное увлечение самого Анучина этой наукой. Антропология была его не единственной, но главной любовью, верность которой он пронес через всю жизнь. Немаловажным фактором служило и наличие при университете антропологического музея с богатыми антропологическими, археологическими и этнографическими коллекциями, составившими материальную базу преподавания.

Учебный план специальности «антропология» был разработан Анучиным, который читал и все основные лекционные курсы. В их число входил обязательный курс общей этнологии, на который отводился один семестр, и факультативный курс этнографии России. И хотя этнографии уделялось не столь уж значительное внимание, сам факт ее выделения в качестве самостоятельной учебной дисциплины был важным шагом на пути ее институционализации. Вместе с тем дальнейшее развитие университетской этнографии совершенно очевидно тормозилось ее отнесением к естественным дисциплинам: оказавшаяся в тени географии и антропологии, этнография подчас ощущалась инородным телом на физмате.

Во времена Анучина в университете существовал и другой взгляд на место этнографии в системе наук, опирающийся на многолетнюю успешную практику интеграции этнографических знаний в гуманитарные курсы. Его общим методологическим основанием послужило принципиальное разграничение предметов антропологии и этнографии: антропология характеризовалась как наука «преимущественно естественно-историческая», этнография — как дисциплина «преимущественно общественная»; синтезом выводов этих дисциплин должна была заниматься социология. Как мы видим, эта позиция близка современной классификации наук.

Анучин не был большим противником альтернативного взгляда, напротив, именно ему изначально принадлежала идея создания кафедры этнографии на историко-филологическом факультете. Но неоднократные попытки реализации этой идеи оказались безуспешными. Тем не менее преподавание этнографии на истфиле удалось сохранить, хотя оно не носило систематического характера, а курсы были факультативными. В разное время их читали Р.Ю. Виппер, В.М. Михайловский и Н.Н. Харузин (изданные

⁵ Там же. С. 59–60.

после его смерти лекции использовались в качестве учебника этнографии⁶). Ввиду отсутствия этнографической специализации и кадрового костяка преподавателей-этнографов, на историко-филологическом факультете, в отличие от физмата, не удалось осуществить институционализацию этнографии как учебной дисциплины.

Таким образом, к рубежу XIX и XX вв. наметились две линии этнографического образования в Московском университете: одна тяготела к его интеграции в естественнонаучный цикл, другая — в гуманитарный. Причем эти тенденции сложились не спонтанно, а вытекали из различных теоретических обоснований предмета этнографии и ее места в системе наук. Конкуренция двух подходов к этнографическому образованию, в модифицированном виде продолжавшаяся вплоть до конца 20-х годов XX в., имела очевидные позитивные стороны: проходили проверку практикой различные модели этнографического образования, выкристаллизовывались наиболее эффективные и перспективные формы и методы учебной работы. Наконец, сама связь этнографии с естественными науками (если подразумевать под этим равноправное сотрудничество, а не поглощение этнографии) могла идти ей только на пользу.

* * *

Поступательное развитие этнографии к началу XX в. вплотную подвело ее к переходу в новое качество. В этом смысле историографическую ситуацию первых двух десятилетий XX в. можно охарактеризовать как кризисную.

Применительно к началу XX в. научный кризис выразился прежде всего в осознании профессиональным сообществом необходимости кардинального обновления основных аспектов отечественной этнографии: пересмотра ее теоретико-методологических оснований, модернизации институциональной структуры, перестройки практики преподавания этнографии в университетах.

В теоретико-методологическом отношении отечественная этнология основывалась преимущественно на заимствованном с Запада эволюционизме. В России он продолжал оставаться господствующим направлением, даже когда на Западе столкнулся с нарастающей конкуренцией со стороны других теоретических подходов (антропогеографии Ф. Ратцеля, диффузионизма, культурно-исторической школы). В общем плане устойчивость эволюционистских воззрений в отечественной науке была связана с генезисом самой этнографии, которая зародилась и долгое время развивалась в тесной связи с естествознанием. Популярности эволюционистских схем способствовало проникновение в Россию идеологических доктрин, ставящих во главу угла идею прогресса. Тем самым в глазах образованной части российского общества эволюционизм ассоциировался с «передовым» учением и в силу идеологических мотивов встречал благоприятный прием. Наконец, на российской почве основные положения эволюционизма оказались вполне применимыми к изучению окраинных народностей империи и демонстрировали крупные научные результаты.

⁶ Харузин Н.Н. Этнография. СПб., 1901-1905. Вып. 1-4.

Однако к началу XX в. часть российских этнологов все явственнее осознавала принципиальную ограниченность эволюционизма. Самым ярким и последовательным его критиком в первое двадцатилетие XX в. стал А.Н. Максимов — ученый, удачно сочетавший качества полевого исследователя и тонкого знатока новейших теоретических достижений мировой этнологии. Но ни критика Максимова, ни деятельность Этнографического бюро В. Тенишева в Петербурге, развивавшего уже на рубеже XIX—XX веков подход, позже получивший название функционального, не смогли поколебать господствующего положения эволюционизма в России.

Невостребованными оказались и идеи одного из наиболее интересных российских этнологов, действительного члена ИРГО Н.М. Могилянского. Он настаивал на необходимости сделать первостепенными для этнографии не вопросы культуры, как это было во всех господствовавших в то время концепциях и теориях (и в России, и на Западе), а проблему установления «этнических групп, рас, народов как этнических индивидуумов». Именно этнос, полагал Могилянский, составляет подлинную базу научной этнографии и позволяет сохранить ее в качестве науки в будущем. Это был подлинно новаторский подход, явно опередивший свое время.

Предмет этнографии, ее задачи, место в системе наук — эти вопросы стали главными в теоретической дискуссии, которая состоялась в 1916 г. в отделе этнографии ИРГО. Ее результаты, однако, оказались более чем скромными: дискуссия приняла схоластический характер, вылившись в спор о терминах. Большинство предложенных определений предмета этнографии по-прежнему было выдержано в эволюционистском духе. Но научное сообщество всерьез задумалось об обновлении методологической базы этнологии⁷.

Недостаточная разработанность теоретических основ этнографии усугублялась слабым развитием ее институциональной структуры, которая во многом еще находилась в зачаточном состоянии. Многообразие типов этнографических центров (научные общества, самостоятельные учреждения, музеи) не могло компенсировать их организационной, кадровой и финансовой слабости. Ни один из этих центров не обладал потенциалом для проведения фундаментальных исследований; в Академии наук отсутствовало подразделение этнографического профиля.

Если теоретические вопросы этнографии оставались исключительно внутренним делом научного сообщества, то состояние ее институциональной структуры решающим образом зависело от характера взаимоотношений между наукой и государством. И в этом смысле можно говорить о низком социальном статусе этнографии и ее невостребованности государством.

В создавших огромные колониальные империи странах Западной Европы этнологи подчас участвовали в выработке форм управления покоренными народами, решении задач их бытовой и политической социализации. Благодаря этому этнография пользовалась государственным покровительством и поддержкой, практические же потребности колониальной политики стимулировали активный научный поиск, способствовали выд-

⁷ Подробнее о дискуссии 1916 г. см.: *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии.

вижению новых концепций и теорий. В дореволюционной России этнография никогда не имела целенаправленной и масштабной государственной поддержки. Ввиду относительно небольшого (по сравнению с русскими) статистического веса малых народов, включенных в состав Российской империи, задача их изучения на государственном уровне не ставилась или ставилась иначе — через миссионерскую деятельность православной церкви. Туземные племена Сибири не могли сколько-нибудь существенно повлиять на политическую стабильность и экономическую ситуацию в стране, а потому исследование их нравов и обычаев было отдано на откуп энтузиастам-любителям. Несколько иначе обстояло дело со Средней Азией и Дальним Востоком. Хотя эти регионы пользовались повышенным вниманием, их этнографическое изучение подчинялось внешнеполитическим и геополитическим приоритетам империи, а результаты исследовательской деятельности, как правило, носили закрытый характер. В целом же значительные по охвату и интенсивности полевые исследования российских этнографов не имели продуманной программы и отчетливо сформулированных стратегических целей. Крайне негативно на этнографической работе сказывался недостаток профессионально подготовленных специалистов, который не мог быть восполнен при существовавшей форме этнологического образования.

Вопрос о его кардинальном улучшении активно дебатировался на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей (Москва, декабрь 1909 — январь 1910 г.). Был разработан план реорганизации этнографического образования, лейтмотивом которого служила идея институционализации этнографии как учебной дисциплины. Предполагалось создать в составе университетов кафедры этнографии, учредить в университетских городах музеи общей этнографии и фонд для обработки этнографических материалов, усилить внимание к лингвистической подготовке студентов. Часть ученых поддержала идею учреждения кафедры на историко-филологическом факультете, но была высказана и точка зрения о желательности учреждения особого этнографического отделения, не относящегося к существующим факультетам. Сторонники последней, не отрицая тесной связи этнографии с историей и лингвистикой, указывали вместе с тем на невозможность ее отделения от естественных наук — антропологии, зоологии, анатомии.

Таким образом, хотя конкуренция двух подходов к этнографическому образованию сохранялась, прежняя линия безоглядной интеграции этнографии в естественнонаучный цикл претерпела серьезные изменения: отныне этнография рассматривалась либо как дисциплина исключительно гуманитарного цикла, либо как синтез гуманитарных и естественнонаучных знаний. Но — и это принципиально важно — ее статус самостоятельной научной дисциплины больше не подвергался сомнению. Более того, возник замысел об учреждении специального внефакультетского этнографического отделения, свидетельствующий о значительном повышении статуса этнографии: в каком-то смысле она уже начала рассматриваться как метанаука, вытесняя в этом качестве антропологию.

Кардинально новая парадигма взаимоотношений между наукой и государством стала формироваться после Октябрьской революции. Советская этнология возникла в первую очередь вследствие целенаправленной государственной стратегии, закономерно вытекавшей из нового типа государственности.

Советское государство, номинально воплощавшее волю передового класса — пролетариата, нуждалось в легитимации себя наукой. Но, в свою очередь, оно легитимировало науку, рассматривая ее как средство освобождения пролетариата и движения по пути прогресса.

Отечественная этнология в 20-е годы приобрела устойчивый статус самостоятельной научной дисциплины, получила институциональное оформление и стабильное государственное финансирование: была налажена масштабная система подготовки этнологических кадров и создан привлекательный образ профессии.

Потребность в этнологических знаниях объяснялась двумя принципиальными обстоятельствами. Первое из них носило скорее политический характер: в 20-е годы Кремль разворачивал вектор мировой революции с Запада на пробуждавшийся Восток. Значительный рост интереса к зарубежной и отечественной Азии стимулировал развитие востоковедческих, включая этнографические, исследований и расширение соответствующей профессиональной подготовки. Вторым фактором был императив модернизации Советского Союза, в том числе модернизации («вовлечения в социалистическое строительство») ранее «отсталых народов». В решении этой задачи существенную помощь могла бы оказать этнографическая наука.

Этнографам предстояло изучить и описать этнический состав населения бывшей Российской империи, создать этнографические карты и заняться этнической статистикой, принять активное участие в организации просветительских и культурных учреждений на окраинах страны, способствовать формированию и развитию национальных письменных литератур. Важно отметить, что направленность государственной политики принципиально совпадала с научными интересами и устремлениями самих ученых, то есть существовала взаимная комплементарность науки и нового государства. Благодаря поддержке последнего возникли благоприятные условия для реализации многочисленных замыслов и идей, вынашивавшихся не одним поколением российских этнографов. Ориентируя их в первую очередь на практические результаты, власть не вводила поначалу жестких идеологических и политических ограничений в сфере профессиональной деятельности. Приверженность идее прогресса объединила этнологическое сообщество — как представителей старых, дореволюционных школ, так и новую, советскую генерацию. Профессия этнолога получила самолегитимацию в создании образа этнографа-подвижника, несущего отсталым народам передовую культуру.

При политической лояльности профессионалов по отношению к новой власти этнология сохраняла автономию: политические инстанции не покушались на свободу научного творчества, не диктовали ученым, что и

как им изучать. В свою очередь, этнологическому знанию нередко принадлежала решающая роль в выборе конкретных приоритетов, определении форм и методов советской этнолингвистической стратегии, особенно в части социализации «остальных народов».

Двадцатые годы прошлого века стали временем бурного развития этнологической науки во всех ее аспектах – теоретико-методологическом, институционально-структурном, кадровом. Знаком эпохи был плюрализм, преобладавший во всех сферах бытования этнографии. На теоретическом поле сосуществовали и соревновались разнообразные методологические подходы и концепции. Господствующим в этнографии, во всяком случае по числу приверженцев, оставался эволюционизм. После октября 1917 г. его позиции отчасти даже усилились за счет создания учебных и научных учреждений, где содержание учебного процесса, исследовательские подходы, а также структура и названия отражали эволюционистский подход к изучению проблем человеческой культуры. Так, в частности, обстоит дело в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК).

Главными апологетами внедрения эволюционизма в учебную подготовку выступали основатель ленинградской этнографической школы, декан этнографического факультета Географического института Л.Я. Штернберг и В.Н. Харузина, читавшая курсы «этнографии малокультурных народов» на факультете общественных наук ИМУ.

Однако универсальность эволюционистских концепций, ставившаяся под сомнение еще до революции, чем дальше, тем заметнее вызывала серьезные сомнения и обоснованную критику. В претендовавших на всеохватность эволюционистских схемах обнаруживалось все больше изъянов. Начатый на Западе еще на рубеже XIX и XX веков процесс вытеснения эволюционизма новыми теоретическими течениями не обошел стороной и Россию.

В середине 20-х годов группа московских и ленинградских этнологов предприняла попытку применить «культурно-исторический подход» к исследованию народного быта в центральных областях России. Однако восприятие идей культурно-исторической школы не носило односторонне не критического характера. Российские ученые осознавали ее слабые места (например, ограниченность понимания самого историзма). Талантливый этнолог, профессор ИМУ П.Ф. Преображенский одним из кардинальных недостатков культурно-исторической школы считал «неразработанность проблемы отношения культуры к этнической группе, проблемы этноса»⁸.

В 20-е годы интерес к этнической группе как объекту этнологического изучения, что традиционно являлось сильной стороной отечественной науки, отошел на второй план. Отчасти это произошло под натиском идей антропогеографии, диффузионизма, школы «культурных кругов», отчасти же потому, что пределы России покинули ученые, в трудах которых особенно активно разрабатывалась проблема «этноса» (Н.М. Могилянский и С.М. Широкогоров).

⁸ Прения по докладу П.Ф. Преображенского «Вопросы развития этнологии в СССР» // Культура и быт населения ЦНО, 2-е совещание этнологов ЦНО. М., 1929. С. 223.

В первое послереволюционное десятилетие сохранялось заметное теоретическое взаимодействие отечественной науки с западноевропейской, главным образом немецкой, этнологией и американской культурной антропологией. Сохранялись обширные международные связи российской этнографии, ее вписанность в мировое интеллектуальное сообщество.

Принцип плюрализма лег в основу системы научных и учебных центров этнологического профиля, что обеспечило ее гибкость и эффективность. Не вдаваясь в подробную характеристику этой системы⁹, хотелось бы обратить внимание на принципиально важное обстоятельство: главенствующие позиции в науке и в сфере специального образования занимали ученые старой школы — этнографы, чье профессиональное становление пришлось на дореволюционный период. Именно эта генерация инициировала возникновение после революции большей части новых учебных и научных этнологических центров (автономные академические центры — МАЭ, Яфетический институт, Комиссия экспедиционных исследований; ГАИМК; этнографические отделения Московского и Ленинградского университетов; научные общества); в их руках был сосредоточен контроль как за этими учреждениями, так и за теми, которые возникли и функционировали еще до октября 1917 г. (Академия наук, этнографические отделы Русского музея, РГО, ОЛЕАЭ).

Вместе с тем действовала сравнительно небольшая группа специальных правительственных органов, созданных для решения практических задач национальной политики советской власти (Наркомнац, Центральное этнографическое бюро, Бюро съездов Госплана, Комитет Севера при ВЦИК РСФСР), возглавлявшихся политическими функционерами и находившихся под прямым партийно-государственным контролем.

Марксистского направления в этнологии 20-х годов, в отличие от отечественной и всеобщей истории, еще не существовало: «Существовали этнографы-марксисты, но не существовало марксистской этнологии»¹⁰. Более того, именно в трудах представителей старой школы были сделаны первые попытки освоения марксистской методологии, осуществлявшиеся в форме ее синтеза с другими теоретическими подходами, например с антропогеографией Ф. Ратцеля в книге В.Г. Богораза «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (Л., 1928) или с идеями культурно-исторической школы в «Курсе этнологии» П.Ф. Преображенского (М.; Л., 1929).

Один из старейших российских этнографов П.И. Кушнер (Кнышев) выпустил в 1924 г. книгу «Очерк развития общественных форм», которая сразу же была рекомендована в качестве учебного пособия для гуманитарных вузов. История общественных форм как учебная дисциплина преподавалась и в МГУ.

Несмотря на очевидную для марксистов незрелость этой дисциплины,

⁹ О структуре научных учреждений этнологического профиля и о системе этнографического образования в 1920-е годы подробно см.: *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998. С. 36–71, 112–136.

¹⁰ *Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 115.

университетскую молодежь привлекали не только ее категорические постулаты, но главным образом стремление построить эту науку на данных археологии, этнографии, истории, «этнолого-сравнительного» краеведения.

Чаще всего марксистское влияние проявлялось в терминологии и использовании механистически понятой материалистической диалектики. Вряд ли этот процесс можно было назвать «переходом на марксистские рельсы», скорее то был естественный интерес интеллектуалов к эвристическим возможностям новой научной парадигмы, возникший еще в дореволюционное время (здесь стоит напомнить о работах таких дореволюционных исследователей, как Н.Н. Зибер, М.М. Ковалевский и К.М. Тахтарев¹¹).

Подобного рода попытки освоения марксизма лишь как одного из научных методов, равноценного другим и имевшего свои естественные ограничения, не могли не выглядеть пугающе для апологетов «единственно верного учения» – волшебной отмычки ко всем тайнам науки, природы и человеческого общества. Была предпринята попытка сформировать марксистское направление в советской этнологии из выдвиненцев, институт которых комплектовался по признаку социального происхождения и политической благонадежности. Однако серьезного эффекта, по крайней мере на первых порах, она не дала. Некоторые из этих выдвиненцев (например, С.А. Токарев и С.П. Толстов) находились под заметным профессиональным и личностным влиянием своих преподавателей. Другие, несмотря на апломб и претензии на монопольное владение «единственно верным методом», не могли составить конкуренции ученым старой школы в силу низкой профессиональной квалификации и недостаточного опыта. Даже правительственные учреждения предпочитали привлекать для решения стоявших перед ними задач профессионалов старой выучки, а не молодых, не всегда хорошо образованных марксистов-неофитов. Вместе с тем численность научной молодежи непрерывно увеличивалась (масштабы подготовки этнографов в 20-е годы были довольно значительны).

Развитие отечественной этнологии в первые тридцать лет XX в. можно рассматривать как преимущественно эволюционный процесс: происходило повышение статуса этнологии и завершение ее институционализации, формирование системы научных и учебных центров, расширение проблематики исследований после 1917 г.; имели место теоретико-методологический плюрализм и научная свобода. Вследствие революции открылась возможность реализации многих тенденций, планов и замыслов, наметившихся и возникших в научном сообществе ранее.

Институционализация этнографии в Московском университете в 20-е годы произошла одновременно в рамках двух известных с дореволюционных времен направлений – естественнонаучного и гуманитарного. В 1919 г. из кафедры географии выделилась самостоятельная кафедра антропологии с этнографическим циклом, которая оставалась на физмате. Сразу же после своей организации она начала большую экскурсионную и экспедиционную работу по сбору этнографических и археологических материалов; боль-

¹¹ См.: *Зибер Н.И.* Очерки первобытной экономической культуры. СПб., 1883; *Ковалевский М.М.* Родовой быт. М., 1906; *Тахтарев К.М.* Первобытное общество. СПб., 1903; *Он же.* Очерки по истории первобытной культуры. М., 1907.

шое внимание на кафедре уделялось практическим занятиям студентов. После смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. во главе кафедры стал его ученик, видный антрополог профессор В.В. Бунак. Главенствующая роль в преподавании этнографических курсов принадлежала другому ученику Анучина — Б.А. Куфтину¹². Он читал сравнительное или общее народоведение (историю первобытной культуры) и описательное народоведение (систематическую характеристику народов мира), а также ряд специальных курсов — этнографию тюркских народов, эволюцию первобытного жилища и др. Кроме того, Куфтин вел практические занятия по народоведению и музейной технике, руководил полевой этнографической и археологической практикой студентов.

Куфтину обязаны своей этнографической подготовкой ученые, определившие лицо советской этнографии в 50—60-е годы: М.Г. Левин, С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров. Для их научного творчества характерно внимание к проблеме этногенеза и стремление сочетать в своих исследованиях этнографические, археологические и антропологические материалы. Этот исследовательский интерес, по-видимому, был унаследован от Куфтина, в научном плане сосредоточившегося главным образом на вопросах этногенеза. Сказалась также специфика учебного процесса на кафедре, где значительное внимание уделялось изучению палеоантропологии и палеоэтнологии (древнейшей археологии); эти курсы читал еще один ученик Анучина — Б.С. Жуков.

Этнографическая специализация на кафедре антропологии, которая в связи с разделением физмата вошла в состав биологического факультета, продолжалась до 1929 г., а затем была свернута. Кафедра стала выпускать только антропологов, в подготовку которых входило изучение курса общей этнографии.

Центр тяжести этнографического образования в Московском университете отныне сместился в гуманитарный цикл. В 1922 г. в рамках факультета общественных наук I МГУ¹³ было учреждено этнолого-лингвистическое отделение с кафедрой социологии и этнологии (с 1923 г. — кафедра этнологии). Но уже в 1925 г. отделение было преобразовано в этнологический факультет, состоявший из четырех отделений: этнографического, истории материальной культуры (историко-археологического), литературного и изобразительных искусств, а также этнографо-археологического музея (заведующий — профессор А.И. Некрасов) и историко-этнологического кабинета (заведующий — профессор П.Ф. Преображенский). За исключением этнографического, где студенты обучались четыре года, все отделения были рассчитаны на трехгодичный цикл обучения.

За идеей создания отдельного этнологического факультета. темати-

¹² В 1921 г. Б.А. Куфтин начал продолжавшееся несколько лет этнографическое изучение Рязанской и Тамбовской губерний. На материалах этих исследований была написана одна из лучших его этнографических работ «Материальная культура русской Мещеры» (1926). В своих исследованиях он применял метод Анучина — широкий охват проблемы с привлечением разнообразного сравнительного материала. В 1933 г. Б.А. Куфтин был приглашен на работу в Государственный музей Грузии. С этого времени он обратил все свое внимание на изучение археологии Грузии.

¹³ I МГУ был создан на базе собственно Московского университета, II МГУ — на базе Высших женских курсов; впоследствии они слились.

ческое поле которого отличалось крайней широтой, стояло стремление ряда представителей старой школы к расширительному толкованию предмета этнологии. Она мыслилась как всеобъемлющая наука о человеческом обществе, включающая широкий круг гуманитарных дисциплин, в том числе историю, искусствоведение, археологию, литературоведение. Одним из наиболее влиятельных и ярких сторонников этой точки зрения был председатель президиума этнографического отделения и член президиума всего этнологического факультета И.Ф. Преображенский, оказавший первостепенное влияние на организацию учебного процесса на этнофаке.

Некоторое объективное основание для расширительного понимания этнологии коренилось в тех научных идеях, которыми она оперировала. Абстрактное и расплывчатое определение ее предметной области — «человечество и его культура» — логически вело почти к безбрежному расширению рамок науки. Эту максимизацию предмета науки, в результате которой она неизбежно теряла свою специфику, можно трактовать как серьезный симптом кризиса теоретико-методологических оснований этнографии, который более чем за десятилетие, прошедшее после дискуссии 1916 г., вырел и принял развернутый характер. К концу 20-х годов в полной мере проявились его основные (по Т. Куну) черты: быстрое умножение вариантов существующей теории (что было характерно для методологической безбрежности 20-х годов); создание спекулятивных и псевдонаучных теорий (огромное число сторонников, особенно среди молодежи, завоевала яфетическая теория Н.Я. Марра¹⁴).

Разнообразие теоретических концептов и методологических подходов свидетельствовало о качественном развитии науки. Однако в политико-идеологическом контексте 20-х годов расширительное понимание этнологии было недопустимым. Конкуренция различных методологических подходов, подразумевавшая их равноправие, бросала вызов монополии официозного марксизма на истину.

В учебном плане этнографического отделения этнофака отчетливо прослеживались три основных направления: общегуманитарное (география, языкознание, диалектология, право), историческое (отечественная и всемирная история), специальное (лекционные курсы и семинары по общей этнографии, этнологии, этнографии СССР). Большое внимание уделялось языковой подготовке (предусматривалось изучение как минимум трех языков, в том числе языка одного из народов СССР); в то же время объем общественно-политических дисциплин был сравнительно невелик.

Постепенная корректировка учебного плана отделения шла по двум направлениям. С одной стороны, учитывались пожелания партийно-

¹⁴ Н.Я. Марр, советский востоковед и лингвист, академик. Автор «яфетической теории» («нового учения о языке»). В основе этой теории лежал комплекс оригинальных идей, в том числе, идея о том, что индоевропейская языковая семья, как и другие семьи языков, не связана исконным генетическим единством, а сложилась вторично путем скрещивания. В 1949–1950 гг. это учение оказалось в состоянии кризиса. В газете «Правда» была проведена дискуссия по вопросам языкознания. Большинство положений «яфетической теории» было отвергнуто, что открыло возможность возвращения к разработке «традиционной» лингвистической проблематики (особенно сравнительно-исторического языкознания).

государственных органов по актуализации учебного процесса, приданию ему большей практической направленности. С этой целью в составе этнофака была создана кафедра по языкам и национальным культурам восточных национальностей и введен факультативный курс «Современная деревня в историческом освещении». Стремление «осовременить» учебную подготовку наглядно проявилось и при организации в рамках отделения славянского цикла, призванного формировать специалистов по истории и этнографии славянских народов. Государственные учреждения, в частности Наркомат иностранных дел, настаивали на том, чтобы в учебных планах уделялось больше внимания современному политико-экономическому состоянию славянских стран.

С другой стороны, в учебный план отделения непрерывно вводились новые лекционные курсы и семинарские занятия, углубляющие специальную и расширяющие общегуманитарную подготовку студентов. Это были курсы по антропогеографии, экспериментальной психологии, палеоэтнологии, статистике, а также восточный язык в качестве обязательного предмета. Примечательно, что общественно-политические дисциплины — курсы по истории рабочего движения, истории общественных форм и истории религии — чаще всего носили факультативный характер. Более того, в конце 20-х годов они вообще были исключены из учебного плана в пользу усиления специальной подготовки.

Хотя учебный процесс на этнологическом отделении этнофака характеризовался высоким динамизмом и постоянным стремлением к обновлению, в нем можно выделить ряд устойчивых черт: тематическое разнообразие и чрезвычайную многопредметность, фундаментальный характер специальной подготовки, первостепенное внимание к языковой подготовке студентов.

Обилие предметов и колоссальная учебная нагрузка со всей остротой обозначили кадровую проблему, имевшую одновременно два измерения: недостаток квалифицированных преподавателей и невозможность для слушателей справиться с программой. Вследствие дефицита подготовленных преподавателей преобладающая часть учебной нагрузки на этнографическом отделении легла на плечи П.Ф. Преображенского. Выйти из положения отчасти помогло привлечение специалистов из других учреждений: в разное время на отделении преподавали филологи Д.В. Бубрих, В.А. Гордлевский, А.М. Селищев, А.А. Стариков, Д.Н. Ушаков, этнологи М.О. Косвен, А.Н. Максимов, М.Я. Феноменов, Н.Ф. Яковлев и другие. Сочетание преподавания в нескольких учебных центрах с научными исследованиями и практической работой было характерной чертой науки 20-х годов. В этом сожительстве имелись как свои минусы — в частности, невозможность для преподавателей уделять достаточно времени студентам и фрагментарность читавшихся курсов, так и плюсы — включение исследовательского элемента в учебную подготовку. Однако акцент на самостоятельной работе студентов далеко не всегда соизмерялся с их базовым уровнем и интеллектуальными способностями.

Это со всей очевидностью проявилось на этнофаке, масштабы приёма на который носили впечатляющий характер: в 1925 г. на факультет было принято 180 человек, в том числе на этнографическое отделение — 60.

Однако полностью выполнили программу трех лет и перешли на IV курс отделения лишь 18 из 60 человек, т.е. 30 % слушателей.

Низкая успеваемость и высокий отсев среди студентов были постоянной проблемой отделения. Однако сложность учебной программы, дефицит педагогических кадров и учебных пособий не могут служить исчерпывающим объяснением этих проблем. По крайней мере половина студентов по своему уровню не соответствовала требованиям вуза, а рабфаки не восполняли пробелы в базовой подготовке: на первом месте для них чаще оказывалась общественно-политическая деятельность, «усвоение марксистского мировоззрения», а не учеба. Марксистский этнографический кружок, самонадеянно бравшийся обсуждать на своих заседаниях сложнейшие научные вопросы, развернул «борьбу за марксистскую методологию в этнографии». Подразумевалось, что борьба должна вестись с носителями антимарксистских взглядов, в том числе среди преподавателей отделения. Объективно острие полемики направлялось против этнографов старой школы¹⁵.

* * *

В конце 20-х годов прошла серия диспутов по теоретическим проблемам этнографии, в первую очередь о ее предмете и месте в системе гуманитарных дисциплин. Однако научное содержание дискуссии оказалось ничтожным, она вылилась в идеологическое избивание и политическую дискредитацию ученых старой школы. Вместе с тем, продемонстрировав очевидную неспособность предложить в противовес «буржуазной этнологии» марксистское понимание ее предмета и задач, наиболее воинственные представители молодой генерации выступили с предложением вообще упразднить этнографию как самостоятельную науку.

И хотя против подобного экстремистского подхода выступила не только старая школа, но и часть «молодых марксистов», он все же взял верх. На Всесоюзном археолого-этнографическом совещании в мае 1932 г. «построение этнографии как самостоятельной науки с особым предметом и методом изучения» было признано противоречащим методологии марксизма; этнография сохраняла значение вспомогательной дисциплины, «находящейся на службе исторического исследования и имеющей своей задачей полевое собирание и первичную обработку непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»¹⁶. Тем самым на этнографии как теоретической дисциплине ставился жирный крест, а в перспективе ей было обещано жалкое существование вспомогательной науки.

Парадоксальным образом ликвидация этнологии, начавшаяся в форме «революции сверху», была остановлена также сверху. Дальнейшее разрушение дисциплины, оказавшейся на грани уничтожения, представлялось политически ошибочным, так как нельзя было пренебречь изучением народов СССР, в частности находившихся на стадии доклассового общества.

¹⁵ Подробнее об этнологическом отделении см.: *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии... С. 112-136; *Она же.* Этнографическое отделение...

¹⁶ Всесоюзное археолого-этнографическое совещание 7-11 мая 1932 г. // Советская этнография. 1932. № 3. С.12.

Достигнутое единство носило характер догматической унификации, было вынужденным, тормозило исследовательскую инициативу и в значительной степени сводило на нет предшествующие достижения науки. Как минимум на десятилетие отечественная этнология утратила статус теоретической дисциплины. Цена, заплаченная за «марксистизацию», была непомерно высока: разрушение традиций российской этнологической науки, ее теоретических основ; сведение на нет достижений в области подготовки профессиональных этнологов; разрыв международных связей; сломанные судьбы, несостоявшиеся открытия. При этом вряд ли кто-нибудь решится однозначно утверждать, что на рубеже 20-х и 30-х годов действительно произошла смена научных парадигм¹⁷.

В 1930 г. с ликвидацией этнологического факультета преподавание этнографии в стенах Московского университета было прекращено. Один из современников эпохи характеризовал ситуацию начала 30-х годов как «вымирание» этнографии и этнографов в столице¹⁸. Некоторым из специалистов-этнографов удалось найти приют в рамках Государственного музея антропологии, входившего в систему МГУ, и на географическом факультете университета, где существовала возможность продолжения этнографических исследований. Но большинству пришлось переквалифицироваться или покинуть университет.

* * *

Принципиальная возможность реанимации этнографии в Московском университете открылась в связи с партийно-правительственным постановлением 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», за которым последовало восстановление исторического факультета. В том же году при антропологическом институте была организована секция этнографии и археологии, в работе которой участвовали А.М. Золотарев, М.О. Косвен, М.Г. Левин, С.А. Токарев, С.Л. Урсинович. В 1934/35 учебном году кафедра антропологии МГУ ввела лекционный курс по общей этнографии, который читал А.М. Золотарев.

Однако понадобилось еще пять лет для возобновления систематического этнографического образования в Московском университете. Инициатива создания кафедры этнографии в составе исторического факультета, принадлежала уже приобретшему известность историку-востоковеду, археологу и этнографу С.П. Толстову.

Научная и педагогическая деятельность кафедры была направлена по историко-этнографическому руслу, в соответствии с линией, намеченной на этнографическом отделении этнофака МГУ в 20-е годы. Непосредственными носителями этих традиций выступали профессора и преподаватели кафедры, чье профессиональное становление пришлось как раз на первые послереволюционные годы, в первую очередь С.А. Токарев и С.П. Толстов. В их лекциях

¹⁷ Подробнее о событиях конца 20-х годов в отечественной этнографии см.: Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии...

¹⁸ Золотарев А.М. Этнография в Москве // Советская этнография. 1934. № 4. С. 118.

угадывались отголоски теоретического плюрализма, присущего «золотому веку» отечественной этнографии. Так, в курсе лекций по общей этнографии С. П. Толстов вплоть до середины 40-х годов уделял значительное внимание изложению теории культурно-исторической школы, причем отнюдь не только в критическом ключе. Одновременно в собственной исследовательской работе он и его коллеги, С. А. Токарев и М. О. Косвен, отчасти придерживались эволюционистских взглядов, преобладавших в отечественной этнографии первого тридцатилетия XX в.

Вместе с тем на работе кафедры долго сказывались негативные последствия «коренного перелома» в науке: отечественная этнология вышла из полосы дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов значительно обедненной: этнология была объявлена подлежащей искоренению «буржуазной лженаукой», предмет ее сводился до изучения пережитков первобытнообщинного строя методом этнографического наблюдения. В 1939 г. В. В. Струве в программной статье «Советская этнография и ее перспективы» писал, что этнография «в первую очередь изучает те общества, которые не переросли в нашу, пребывая еще по существу на стадии первобытнообщинного строя или раннеклассового общества»¹⁹. И хотя современные этнические и этнокультурные процессы также привлекали внимание кафедры, акцент в ее исследовательской и учебной деятельности был смещен на традиционную этнографию, изучение прошлого народов мира, главным образом на историю первобытного общества.

Принципы периодизации истории первобытного общества, общие проблемы этнографии, этнография и археология Средней Азии составляли круг научных интересов заведующего кафедрой, профессора С. П. Толстова²⁰. С его именем было связано открытие высокой цивилизации древнего Хорезма и культуры степных полукочевых племен Приаралья²¹. Широкий научный кругозор, лекторский талант и незаурядность личности Толстова оказали большое влияние на становление и развитие этнографического образования в Московском университете. С. А. Токарев, принадлежавший к тому же поколению и придерживавшийся той же научной традиции, что и Толстов, свои публикации предвоенного и военного периода посвятил изучению хозяйства и общественного строя ряда народов Сибири (якутов, горных алтайцев и др.)²². Профессор А. М. Золотарев, основываясь на обширном фактическом материале по народам Америки, Австралии, Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири, осуществил фундаментальное исследование

¹⁹ См.: Советская этнография: Сб. статей. 1939. № 2. С. 5.

²⁰ См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; К вопросу о периодизации истории первобытного общества // Советская этнография. 1946. № 1; Города тузов. Историко-этнографический очерк // Советская этнография. 1946. № 3; Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959.

²¹ За научный труд «Древний Хорезм» (М., 1948) С. П. Толстову была присуждена Государственная премия.

²² Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936; Он же. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945.

дуально-экзогамной организации в ранней истории человечества²³. М.О. Косвен популяризировал работы Ф. Энгельса по истории первобытного общества и труды Л.Г. Моргана²⁴, а также исследовал народы Кавказа²⁵.

Сразу же после учреждения кафедры в 1939 г. началось формирование ее учебных планов и программ, которые постоянно совершенствовались. Хотя масштабы деятельности кафедры в годы Великой Отечественной войны сократились, ее кадровый костяк продолжал исследовательскую и педагогическую работу как в Москве, так и в эвакуации (в Ашхабаде).

В послевоенные годы была пересмотрена концепция этнографического образования, обновлены принципы специализации. Поводом к реформированию организации учебной подготовки этнографов послужил переход исторического факультета в 1945/46 учебном году от четырехлетнего к пятилетнему сроку обучения. Деятельность кафедры тесно увязывалась с учебным процессом и научной ориентацией исторического факультета; на рубеже 40-х и 50-х годов общеисторическое направление образования стало определяющим. Выпускники кафедры получали дипломы историков, специализация студентов-этнографов начиналась с III курса в соответствии с общим для факультета порядком специализации. Диплом историка облегчал трудоустройство, так как существовали неизбежные трудности с поиском работы по узкой специальности.

Для расширения возможностей этнографического образования увлеченным этнографией студентам разрешили факультативную специализацию по кафедре начиная со II курса; предусматривалась также поездка в этнографическую экспедицию по завершении II курса. Этот вариант первоначальной специализации оказался удачным: он позволял кафедре присмотреться к студентам и сделать оптимальный выбор, что было особенно важно в случае большого наплыва желающих специализироваться.

Все студенты I курса истфака слушали общий курс этнографии, который поначалу читал С.П. Толстов (в 1939—1951 гг.), а впоследствии — Н.Н. Чебоксаров и С.А. Токарев.

Учебный план кафедры этнографии, сложившийся в первые послевоенные годы, включал три основных направления подготовки: общетеоретическое и по истории первобытного общества, по этнографии народов СССР, по зарубежной этнографии. Глубокому проникновению в общие теоретические проблемы науки, а также фундаментальному знанию истории первобытного общества способствовала постановка ряда лекционных курсов и семинаров. Стержневым был обширный лекционный курс по истории первобытного общества, читавшийся в течение четырех семестров и включавший лекции по истории хозяйства первобытного общества (Н.Н. Чебоксаров), истории родовой организации (М.О. Косвен; его работа «Матриархат», опубликованная в 1948 г., удостоилась престижной этнографической премии

²³ Золотарев А.М. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (исследование по истории родового строя и первобытной мифологии). М., 1941.

²⁴ См., например: Косвен М.О. Из переписки Бахофена с Морганом // Советская этнография. 1946. № 1.

²⁵ См., например: Косвен М.О. Очерки по этнографии Кавказа // Советская этнография. 1946. № 2.

им. П.П. Миклухо-Маклая), первобытной религии (С.А. Токарев, Б.И. Шаревская), а также лекции и семинарские занятия по материальной культуре первобытного общества (Е.М. Шиллинг). С основными течениями мировой этнологической науки знакомил лекционный курс С.П. Толстова по общей этнографии.

Значительные затруднения, особенно при изучении вопросов теории и методологии науки, создавало фактическое отсутствие учебной и методической литературы. Учебник «Этнология» П.Ф. Преображенского уже устарел и студентам не рекомендовался, да и попросту был недоступен. Курс лекций по этнографии В.Н. Харузиной, переизданный еще до Великой Отечественной войны, в теоретическом плане целиком основывался на эволюционистской концепции. Практически единственным, чем располагали студенты, были машинописные экземпляры лекций Толстова. Материальная база учебной подготовки оставляла желать лучшего: ощущался острый дефицит наглядных пособий — этнографических коллекций, макетов, высококачественных этнографических карт и альбомов и т.д.

Подготовка студентов кафедры этнографии существенно обогащалась и расширялась, благодаря включению в учебный план цикла лекций по страноведению — этнографии народов основных регионов мира. В первые послевоенные годы были поставлены семестровые лекционные курсы по этнографии Азии (С.П. Толстов), Австралии и Океании (Н.Н. Чебоксаров), народов Кавказа (Е.М. Шиллинг). Со временем набор лекционных курсов по «странам» расширился, включив лекции по отдельным группам народов Америки и Африки. Причем лекции по этой тематике читались не только сотрудниками кафедры (С.А. Токаревым и Б.И. Шаревской), но и специально приглашенными из Академии наук специалистами (Ю.П. Аверкиевой, Д.А. Ольдерогге и др.). Лекции по «странам» студенты слушали на IV курсе — две «страны» на выбор.

Неповторимый облик кафедры первых послевоенных лет сформировался во многом благодаря спецкурсам — они увлекали студентов, расширяли их кругозор, формировали навыки исследовательской работы. В специальных курсах в наибольшей степени раскрывались индивидуальные черты личности и творчества ученых — преподавателей кафедры. Специальный курс по этнографии Средней Азии читал С.П. Толстов; по этнографии славянских народов, а также тюркских и монгольских народов Сибири — С.А. Токарев; по русскому фольклору — В.И. Чичеров; по истории материальной культуры славянских народов — Н.Н. Чебоксаров; по истории жилищ народов Кавказа — Е.М. Шиллинг, по этнографии народов Западной Африки — Б.И. Шаревская.

С.П. Толстов (заведующий кафедрой этнографии с 1939 по 1951 г.) сформулировал ключевой принцип подготовки студентов на кафедре — комплексный подход, унаследованный от «анучинской» школы, который, наряду с изучением этнографии народов СССР, зарубежных стран и постижением основных проблем первобытного общества, предусматривал обязательную полевую этнографическую практику, а также, что особенно существенно, — прививал студентам вкус к исследовательскому

поиску. Правда, характеристика научных взглядов Толстова будет неполной, если не сказать, что во многом они основывались на положениях «яфетической теории», или «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра. Впрочем, после дискуссии о языкознании Толстов дезавуировал свои первоначальные позиции и в 1951 г. был вынужден уйти с должности заведующего кафедрой.

Заведование кафедрой С.П. Толстов совмещал с руководством Институтом этнографии АН СССР. Он руководил подготовкой и изданием 18-томной серии «Народы мира» (последний том вышел в 1964 г.). Авторитет Толстова в академическом мире (в 1953 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук) в немалой степени способствовал тому, что даже в полные тягот и лишений трудные послевоенные годы удалось добиться удовлетворительного финансирования экспедиций и материального обеспечения участвовавших в них студентов и преподавателей. В послевоенный период регулярно работало несколько крупных экспедиций: Хорезмская археолого-этнографическая под руководством С.П. Толстова; Северокавказская (в Дагестане и Северном Азербайджане), которой руководил Е.М. Шиллинг; Прибалтийская во главе с Н.Н. Чебоксаровым; Подмосковная под руководством Б.И. Шаревской и др. (Первые три экспедиции формировались Институтом этнографии АН СССР при участии кафедры.)

Сильный творческий импульс студентам давала самостоятельная научно-исследовательская деятельность, которая отнюдь не сводилась к подготовке курсовых (на IV курсе) и дипломных сочинений. Студенты принимали участие в обработке полевых этнографических данных, составлении экспедиционных отчетов, а также в кафедральных экспедиционных конференциях, где подводились итоги летнего полевого сезона. Постоянно действовала секция этнографии Научного студенческого общества.

После С.П. Толстова к руководству кафедрой пришел Н.Н. Чебоксаров, возглавлявший ее с 1951 по 1956 г.; одновременно он заведовал сектором этнографии народов Европы в Институте этнографии. Исследовательские интересы самого Чебоксарова сосредоточивались в области расоведения²⁶ и использования антропологических данных для изучения этногенеза и этнической истории народов Евразии²⁷. Особый интерес у него вызывала этническая история Китая²⁸, за исследование которой ученый был удостоен премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

В преподавательской деятельности Чебоксарова проявлялись его обширная эрудиция, умение поддерживать напряженное внимание аудитории, ставить наиболее животрепещущие проблемы теории и практики этнологической науки (в частности, Чебоксаров первым привлек внимание студентов к проблеме теории этноса и этнических процессов), соотносить исторические знания с современностью.

²⁶ *Чебоксаров Н.Н.* Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // Труды Института этнографии. 1947. Т. 2; Основные принципы антропологических классификаций // Там же. 1951. Т. 16.

²⁷ *Чебоксаров Н.Н.* Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2.

²⁸ *Чебоксаров Н.Н.* Северные китайцы и их соседи (исследование по этнической антропологии Восточной Азии). М., 1947.

Новый заведующий разделял и развивал идеи, заложенные его предшественниками в основание учебного процесса. Но время выдвигало перед научно-педагогическим коллективом новые задачи. Кроме того, во второй половине 50-х годов кафедра лишилась нескольких опытных преподавателей: сосредоточился на работе в Институте этнографии М.О. Косвен, перешла во вновь созданный Институт Африки Б.И. Шаревская, умер Е.М. Шильдин. На повестку дня встал вопрос о пополнении кадрового состава кафедры.

Поскольку «старшее» по стажу поколение преподавателей совмещало преподавание с работой в академическом Институте этнографии, то источник пополнения преподавательских кадров кафедры казался очевидным — ее выпускники. На работу были приняты недавние аспиранты К.И. Козлова, М.В. Витов, Г.Г. Громов, Г.Е. Марков. В целом же за послевоенное десятилетие кандидатские диссертации в МГУ и других научных учреждениях защитили 25 воспитанников кафедры.

Кадровое обновление привело к расширению тематики лекционных и специальных курсов; появилась возможность увеличить число экспедиций, причем кафедра стала переходить к организации собственных экспедиций, работавших из года в год. Таковыми стали Прибалтийская комплексная этнографическая экспедиция 1949- - 1956 гг. (руководитель — Н.Н. Чебоксаров); Поволжская этнографическая экспедиция 1950 - 1974 гг. (руководитель — К.И. Козлова); Северокавказская экспедиция с 1939 г. (руководители — Е.М. Шильдин, К.И. Козлова, Я.А. Федоров, Л.Б. Заседателева); Среднеазиатская археолого-этнографическая экспедиция с 1950 г. по конец 1980-х годов (руководители — Г.Е. Марков, С.П. Поляков); Северовеликорусская экспедиция, работавшая с 1952 г. (руководители — М.В. Витов, Г.Г. Громов). Молодые преподаватели К.И. Козлова и Г.Г. Громов читали курсы методики полевых исследований, а Громов и источниковедение.

В течение первого послевоенного десятилетия этнография в МГУ полностью институционализировалась, в основном сложилась концепция этнографического образования в университете, которую отличали тесная, неразрывная связь с общенсторическим образованием и комплексный подход к учебной подготовке. В более широком смысле это было время оформления нового типа научной дисциплины — советской этнографии, ключом к пониманию специфики которой служит характер взаимоотношений науки и государства.

Теоретико-методологический плюрализм еще в 30-е годы уступил место марксистскому монизму. На смену институциональному плюрализму пришел иерархический принцип организации науки; масштабы подготовки кадров, в 30-е годы приведенные до минимума, стали постепенно расширяться, хотя никогда не достигали уровня 20-х; организация учебного процесса оказалась более или менее унифицированной; контакты с мировой наукой были ограничены и затруднены. Тем не менее после драматического десятилетия 30-х, поставившего этнологию буквально на грань уничтожения, она вновь получила статус самостоятельной науки, а ее позиции значительно упрочились.

Роль общественных наук, к числу которых была отнесена и этнография, нередко сводилась к иллюстрации триумфального марша страны Советов по пути социализма (этнография, в частности, пропагандировала «марксистско-ленинское решение национального вопроса в СССР») и, в исчезающей степени. — к экспертизе политических и социально-экономических решений.

В 1956 г. заведование кафедрой принял один из крупнейших отечественных этнографов С.А. Токарев, возглавлявший ее до 1973 г. Его научная деятельность, во многом определившая развитие этнографической проблематики в нашей стране, ориентировала этнографов на изучение основных историко-культурных явлений, а не на описание «экзотических» сторон быта. Не признавая деления этнографии на описательную и теоретическую, Токарев в каждой работе вне зависимости от объема конкретного материала создавал базу для теоретических выводов, которые нередко вписывались в более широкий круг обобщений.

Начав с этнографической тюркологии, с изучения алтайцев, хакасов, якутов, С.А. Токарев впоследствии заинтересовался социальной организацией и культурной историей австралийских аборигенов и этнографией народов Океании²⁹, затем — разнообразными группировками американских индейцев³⁰, славяноведением³¹ — зарубежными южными, западными и восточными славянами, этнографией народов зарубежной Европы³², этнографией народов СССР³³, этногенезом³⁴, материальной культурой народов³⁵. Еще одной сферой научных интересов Токарева являлось религиоведение³⁶. Всего им было опубликовано более 200 фундаментальных научных трудов.

Преподавание в МГУ и других вузах Токарев сочетал с заведованием сектором в Институте этнографии АН, обширной редакционной и издательской деятельностью. В стенах МГУ им было подготовлено и прочитано более десяти обширных курсов, заложивших основу систематического этнографического образования.

Особой приметой «токаревского периода» в истории кафедры стал широкий размах научно-издательской деятельности. Сотрудниками кафедры в 60—70-е годы был опубликован ряд фундаментальных научных

²⁹ Токарев С.А. Общественный строй австралийцев // Народы Австралии и Океании. М., 1956; Общественный строй меланезийцев // Там же; Происхождение общественных классов на островах Тонга // Советская этнография. 1958. № 1.

³⁰ Токарев С.А. Общие сведения об индейцах Америки // Труды института этнографии. 1955. Т. 25; Историко-этнографические области коренного населения Америки // Народы Америки, 2. М., 1959.

³¹ Токарев С.А. Этнографические наблюдения в Балканских странах (1946) // Советская этнография. 1946. № 2.

³² Токарев С.А. Народные обычаи календарного цикла в странах Зарубежной Европы (Опыт структурно-исторического анализа) // Советская этнография. 1973. № 6.

³³ Токарев С.А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. М., 1958.

³⁴ Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3; Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии // Там же. 1951. № 4.

³⁵ Токарев С.А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // Советская этнография. 1967. № 5.

³⁶ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - начала XX вв. М., 1957; Ранние формы религии. М., 1964; Религия в истории народов мира. М., 1964.

монографий³⁷. Как видно из перечня, стержневым для научной проблематики кафедры являлось изучение этногенеза и этнической истории народов нашей страны и зарубежных государств. Этот глубокий интерес к «историческим корням» изучаемых народов многие ученики С.А. Токарева пронесли через всю жизнь. Большинство монографических исследований отличали новизна тематики и полнота собранного и проанализированного материала. Неординарным для 70-х годов был взгляд Г.Е. Маркова на проблему включения туркменских племен в состав Российской империи. В монографии «Очерк истории формирования северных туркмен» он впервые в отечественной науке выступил с публичным опровержением официальной партийно-советской точки зрения о якобы «добровольном присоединении» туркмен к России.

Работа над научными монографиями послужила базой для создания оригинальных учебных пособий для вузов. Первым учебником, подготовленным на кафедре в послевоенные годы, стал фундаментальный труд Токарева «Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры» (1958 г.), до сегодняшнего дня остающийся непревзойденным с точки зрения объема собранного, обобщенного, проанализированного и систематизированного эмпирического материала. Особое значение для подготовки студентов-этнографов имел комплекс работ Токарева по истории этнографической науки³⁸.

Помимо этого увидел свет целый ряд других учебников³⁹. Созданный совместными усилиями кафедры обширный учебно-методический комплекс сделал возможным появление (в 1968 г.) первого в послевоенное время учебника по общей этнографии (Основы этнографии: Учебное пособие / Под редакцией С.А. Токарева), по которому, наконец, могли заниматься как специализирующиеся по кафедре этнографии, так и все студенты-историки. По этой книге можно достаточно ясно судить об установившейся специализации ее авторов: С.А. Токарев — редактор, теоретик и историограф, автор раздела «Народы зарубежной Европы»; Г.Г. Громов — специалист по восточнославянским народам и автор раздела «Народы Америки»; К.И. Козлова — специалист по неславянским народам Европейской части СССР и Кавказа; Л.П. Лашук — специалист по народам Сибири и автор раздела «Народы Африки»; Г.Е. Марков — специалист по этнографии народов Зарубежной Азии; С.П. Поляков — специалист по этнографии Средней Азии и Казахстана.

В 60-е годы началась систематическая работа по составлению учебных программ общих лекционных и специальных курсов, которая завершилась в середине 80-х.

³⁷ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья в XVI-XVII вв. М., 1964; *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. М., 1964; *Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печерского края. Сыктывкар, 1958; *Он же.* Формирование народности коми. М., 1972; *Марков Г.Е.* Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961; *Он же.* Народы Индонезии. М., 1963; *Поляков С.П.* Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М., 1973; *Федоров Я.А.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1961.

³⁸ *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966; Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978; История зарубежной этнографии. М., 1978.

³⁹ *Громов Г.Г., Козлова К.И., Лашук Л.П.* Очерки по этнографии народов СССР (Европейская часть). М., 1964; *Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966; *Козлова К.И.* История первобытного общества и основы этнографии. М., 1968.

Формирование корпуса учебной и учебно-методической литературы поставило подготовку специалистов-этнографов в Московском университете на качественно более высокий уровень. Лекционные и специальные курсы не могли вобрать весь эмпирический и аналитический материал и давали слушателям лишь общую ориентацию, тогда как учебные пособия содержали систематические сведения по этнографии народов СССР и зарубежных стран, а также по проблемам общей этнографии.

Учебная деятельность кафедры в 50—70-е годы значительно интенсифицировалась: возросло число обучавшихся на ней студентов и аспирантов; расширилась подготовка кадров для республик, краев и областей СССР через институт аспирантуры; на кафедре прошли специализацию студенты из многих стран мира (Албании, Восточной Германии, Вьетнама, Испании, Китая, Монголии, Перу, Румынии, Чехословакии, Эквадора, Югославии и др.).

Произошли изменения и в кадровом составе кафедры: ее штатная численность выросла, в педагогический коллектив влились Л.Б. Заседателева, Л.П. Лашук, С.П. Поляков, Г.А. Шпажников, но были и потери — в конце 50-х кафедру оставил один из высококвалифицированных преподавателей — М.В. Витов, — перешедший на работу в Институт истории Академии Наук СССР.

Вместе с тем в 60—70-е годы заметно ослабли связи кафедры с Институтом этнографии. Если раньше они обеспечивались тем, что старшее поколение преподавателей традиционно совмещало педагогическую деятельность с исследовательской работой в академическом институте, то по мере омоложения педагогического коллектива, который пополнялся через кафедральную аспирантуру, контакты с институтом осуществлялись главным образом в форме участия сотрудников кафедры в некоторых научных программах Института этнографии и проводившихся в его стенах годичных отчетных экспедиционных сессиях. Налицо был парадокс: развитие этнографии в Московском университете привело к ее некоторому организационному обособлению от профильного института Академии наук, значительную часть сотрудников которого составляли выпускники университетской же кафедры. Некоторые ученые Института читали для студентов кафедры отдельные спецкурсы.

С 1973 по 1986 г. кафедрой руководил профессор Г.Е. Марков. Известный археолог и этнолог, автор более двухсот научных публикаций, Марков стал одним из основоположников нового научного направления в этнологии — нomaдологии (кочевниковедения) — и выступил автором оригинальной теории социально-экономических отношений в кочевых обществах. Работы Маркова по нomaдологии создали ему в отечественном и международном профессиональном сообществе репутацию высокого профессионала. В стенах МГУ он читал общие курсы по истории первобытного общества и этнографии для всех студентов-историков, а также ряд спецкурсов для студентов кафедры этнографии.

В 70—80-е годы в процесс преподавания были внедрены новые идеи, отчетливо оформились первичный цикл обучения — подготовка по общим теоретическим вопросам этнографии и первобытного общества —

и вторичный, рассчитанный на углубленное изучение региональной этнографии. Несомненным достижением стало увеличение числа научных направлений, развитие которых обогатило содержание учебного процесса. Были подготовлены новые учебные курсы: по исторической социологии, общим проблемам этнографии. Коллектив кафедры обеспечивал специализацию студентов практически по всем основным проблемам теоретической и эмпирической этнографии и истории первобытного общества — теории этноса и теоретико-методологическим аспектам этнографии, истории этнографии, истории первобытного общества, его хозяйства и материальной культуры, истории родовой организации, истории религии, по проблемам этнографии народов СССР и зарубежных стран, отчасти по музееведению. Подобная насыщенность учебного процесса оказалась возможной не в последнюю очередь благодаря очередному кадровому пополнению: в штат кафедры были приняты новые сотрудники: Ю.В. Бромлей, директор Института этнографии АН СССР (по совместительству), Ю.П. Зверева, В.В. Карлов, А.А. Никишенков.

Серьезный исследовательский потенциал кафедры, позволил интенсифицировать и увеличить масштабы экспедиционной деятельности. Успешно работали экспедиции К.И. Козловой (Поволжье), Г.Е. Маркова (Средняя Азия, Горный Алтай, Восточный Казахстан, Эстония), М.В. Витова и Г.Е. Громова (русский Север), В.В. Карлова (Сибирь), С.П. Полякова (Средняя Азия), А.А. Никишенкова (Бурятия), Л.Б. Заседателевой и Ю.П. Зверевой (Северный Кавказ).

Продолжалась работа над учебно-методической литературой. В 1982 г. увидел свет новый учебник «Этнография» под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. Его авторский коллектив включал как преподавателей и сотрудников кафедры, так и их коллег по Институту этнографии. Это был важный положительный шаг, свидетельствующий о налаживании устойчивой координации между кафедрой и институтом.

Плодотворно велась научно-исследовательская работа: в 70 - 80-е годы сотрудниками кафедры был выпущен ряд монографий⁴⁰, получивших высокую оценку научной общественности. Широкий резонанс в СССР и за рубежом вызвала монография Г.Е. Маркова «Кочевники Азии». В этой книге на основе детального анализа экономики и социальной структуры наиболее известных кочевых в прошлом народов (арабов, казахов, монголов, туркмен и др.) вскрывалась ошибочность взглядов о существовании у кочевников феодальных или патриархально-феодальных отношений. Марков убедительно доказывал, что кочевники никогда не были феодально-зависимым населением; ему удалось показать, что сама по себе «феодальная концепция» на деле служила целям исторического оправдания и идеологического обеспечения многочисленных экспансий политики, проводившейся в отношении кочевых народов советской Средней Азии. Кроме того, эта монография Маркова положила начало целому комплексу исследований, которые

⁴⁰ См.: *Заседателева Л.Б.* Терекские казаки. М., 1974; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Он же.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979; *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; *Поляков С.П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980; и др.

позволили разработать и обосновать существование особого номадного (кочевого) способа производства, что явилось крупным достижением отечественной науки.

Оригинальная монография Л.Б. Заседателевой «Терские казаки» внесла существенный вклад в отечественное казачествоведение. Тщательный отбор и анализ обширного эмпирического материала, мастерское применение сравнительно-исторического метода в этнологии позволили автору создать историко-этнографический очерк формирования терского казачества, ставший заметным явлением в историографии.

Книга С.П. Полякова «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» была написана на основе собранного в экспедициях обширного этнографического, археологического и антропологического материала. Комплексность исследования — главная черта научного стиля Полякова как «в поле», так и в кабинетной работе.

Большой интерес у этнографов вызвала работа К.И. Козловой «Очерки этнической истории марийского народа», основанная на уникальном фактическом материале и выявившая этнические особенности этого народа.

* * *

В конце XX столетия общественно-политический контекст развития отечественной науки, в том числе этнологии, вновь кардинально изменился. Университетская корпорация смогла адаптироваться к новым условиям, обеспечивая поступательное развитие этнологии.

Рост межэтнической напряженности, вылившийся в череду конфликтов и войн на территории бывшего Советского Союза, обусловил возрастание интереса студенчества к этносоциологической и этнополитической проблематике, что отразилось на тематике курсовых и дипломных работ, а также на характере экспедиционной деятельности. Проблемы межэтнических отношений заняли значительное место в тематике ряда экспедиций: Азербайджанской (руководитель — В.В. Карлов), Башкирской (В.В. Пименов), Бурятской (А.А. Никишенков), Горно-Алтайской, Восточно-Казахстанской, Ногайской (Г.Е. Марков), Щаповской (В.В. Пименов и В.Р. Филиппов). При кафедре была создана этносоциологическая лаборатория, силами которой удалось организовать стационарную экспедицию в подмосковном совхозе «Щапово».

В 90-е годы масштабы экспедиционной деятельности в связи с отсутствием материального обеспечения значительно уменьшились. Научные экспедиции стали проводиться исключительно как студенческая полевая практика. Кафедра могла снаряжать лишь две экспедиции в год. В последнее время экспедиционная практика проводилась в различных областях России (Владимирской, Калужской, Псковской и др.) в рамках исследовательского проекта по изучению этноисторического сознания русских в конце XX в. (руководитель проекта — профессор В.В. Карлов, начальник экспедиции — В.А. Белов). С 1998 г. студенты имели возможность участвовать в экспедиционной практике по изучению ингерманландцев в Ленинградской области (руководитель — доцент О.Е. Казьмина). В 2000 г. была организована и

успешно действует по сей день. Подмосковная этнографическая экспедиция по изучению музыкального фольклора (руководитель — Г.А. Никитина).

В целом последние пятнадцать лет привнесли серьезные изменения в научную ориентацию и организацию учебного процесса на кафедре. С середины 80-х годов (с 1986 г. кафедру возглавляет доктор исторических наук, профессор В.В. Пименов) усилия коллектива кафедры были нацелены на оптимизацию учебного плана в направлении сочетания традиционных учебных дисциплин и новых предметов. При этом имела в виду главная задача кафедры — обеспечить выпуск специалистов широкого профиля, имеющих классическую этнографическую подготовку и вместе с тем способных реагировать на вызовы современности, ориентироваться в новой этнополитической обстановке. Обновление направлений и методов преподавания стало также естественным следствием развития самой науки, новейшие тенденции которой необходимо было отразить в профессиональном этнологическом образовании.

Расширился этнографический цикл в общен исторической подготовке. Ранее для студентов-историков читался лекционный курс, совмещавший основы этнографии и истории первобытного общества, что не позволяло с достаточной полнотой донести до слушателей основное содержание этих научных дисциплин. Теперь для студентов факультета поставлены два самостоятельных лекционных курса — основы этнографии и история первобытного общества, каждый из которых рассчитан на целый семестр.

Фундаментальная подготовка профессиональных этнологов сохранилась в полном объеме. Базовый характер носят лекционные курсы «Народы мира» (120 часов в течение четырех семестров) и «Народы России и сопредельных стран» (60 часов в течение двух семестров). Их дополняют традиционные направления этнографической подготовки: курсы по этнографии народов России, бывших республик СССР, зарубежных регионов, физической антропологии, религии народов мира и др. Наряду с ними в учебных программах появилось немало новых тем: «Введение в теоретическую этнологию», «Межэтнические конфликты и способы их урегулирования», «Этнофольклористика», «Методы массовых обследований» (проф. В.В. Пименов); «Этнодемография» (доц. О.Е. Казьмина); «Этномузееведение» (доц. Ю.И. Зверева); «Этносоциология» (доц. А.Ю. Андреев, м.н.с. З.У. Махмудова); «Этноэкология», «Исламский фактор в России» (м.н.с. Е.И. Ларина); «Этнопсихология» (н.с. В.А. Белов); «Этническая картография» (с.н.с. И.Л. Мехедов); «Этнографические группы восточных славян», «Российское казачество в прошлом и настоящем» (проф. Л.Б. Заседателева); «Этнография детства» (доц. Ю.И. Зверева); «Проблемы культурной антропологии» (доц. А.А. Никишенков); «История отечественной этнологии первой трети XX в.» (доц. Т.Д. Соловей); «Юридическая антропология» (м.н.с. О.В. Солопова); «Музыкальная этнография» (м.н.с. Г.А. Никитина); «Интернет-ресурс в этнологии» (м.н.с. Е.В. Миськова, н.с. В.А. Белов). Тематика лекционных курсов и спецсеминаров достаточно широка, что позволяет удовлетворять самые разнообразные интересы студентов в области этнологии.

Необходимость актуализации профессиональной подготовки привнесла к созданию в рамках кафедры учебно-научного Центра прикладной этнологии, открывшего для студентов возможность специализации по прикладным проблемам науки и этнополитологии. С момента его учреждения в 1990 г. Центр возглавляет доктор исторических наук, профессор Л.Б. Заседателява.

В основе работы Центра – идея применения этнологических знаний в общественно-политической практике. Осуществляются прикладные исследования, касающиеся трудовых миграций этносов, экономического положения этносов и др.

В рамках фундаментальных направлений научных изысканий исторического факультета сотрудниками Центра разрабатываются следующие проблемы: этнические процессы в истории и современности, межнациональные отношения, новые информационные технологии и количественные методы в историко-этнографических исследованиях. Важным аспектом деятельности сотрудников Центра является совершенствование методов и техники сбора эмпирической информации, изучение прогностических методов (моделирование социальных процессов, метод экспертных оценок), необходимых для анализа собранного во время полевой работы этнологического материала и позволяющих с достаточной степенью вероятности определять тенденции различных этнических процессов. Силами научных сотрудников Центра подготовлен перевод учебника американского этнолога Дж. Спрэдди по методике проведения этнографических бесед (интервью).

Немалые успехи достигнуты коллективом кафедры в подготовке учебной литературы. В 1994 г. вышел новый учебник для вузов «Этнология» под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова, подготовка которого началась еще на исходе 80-х годов. Однако бурное развитие этнокультурных процессов в стране и мире в начале XXI в., равно как и обновление самой этнологической науки со всей остротой обозначили настоятельную необходимость нового учебного пособия. Если учебник, выпущенный в 1994 г., был написан кафедрой совместно с Институтом этнологии, то его новая версия подготовлена почти исключительно усилиями сотрудников кафедры; сейчас она проходит редакционно-издательскую подготовку.

Одним из первых в отечественной этнологии является созданный на кафедре учебник «Народоведение» (М., 2002, под редакцией В.В. Пименова) для учащихся 9—11 классов средней общеобразовательной школы. Целью учебного пособия является ознакомление учащихся с научной картиной этнического (национального) состава населения Земли, с многообразием культур, языков, расовых групп, с межэтническими взаимоотношениями, в том числе и конфликтными.

Новаторский для отечественной этнологии характер носит учебник О.Е. Казьминой и П.И. Пучкова «Основы этнодемографии» (М., 1994). Он был написан по итогам чтения одноименного учебного курса (поставлен на кафедре в 1991 г.) и является первым и единственным в России.

В последнее время сотрудниками кафедры был выпущен ряд монографий, справочных и методических пособий⁴¹, даже фрагментарный

⁴¹ См.: Заседателява Л.Б. Этнокультурные процессы у восточных славян Северного Кавказа (середина XVI – начало XX вв.). Нальчик, 1997; *Она же*: Восточнославянские народы.

перечень которых демонстрирует значительное разнообразие научных интересов преподавателей кафедры.

Принципиальное значение имеет разработка теоретико-методологических вопросов. Монография В.В. Карлова «Этнокультурные процессы новейшего времени» (М., 1995) представляет собой третью, заключительную часть большого исследования (первые две части — «Введение в этнографию народов СССР» — выпущены в 1990—1992 гг. Издательством Московского университета), в котором впервые в отечественной этнологии подробно рассмотрены теоретико-методологические проблемы изучения этнокультурных процессов у народов России и сопредельных стран на индустриальной стадии их развития (XIX—XX вв.); проанализированы факторы, влияющие на этнокультурную сферу их жизни; закономерности и особенности развития национальных и этнокультурных явлений. Еще один научный приоритет В.В. Карлова — исследование феномена исторического сознания этноса, подходов к его изучению⁴².

Одним из главных направлений в деятельности кафедры является изучение истории этнологической науки (западной и отечественной). Историографические проблемы этнологии все еще остаются мало исследованными, хотя интерес к ним в последнее десятилетие возрос. Так, монографию А.А. Никищенкова «Из истории английской этнографии: Критика функционализма» (М., 1986) можно назвать новаторской для отечественных разработок в области истории и философии антропологии. Оригинальность подхода Никищенкова заключается в скрупулезном анализе «внешних» факторов (исторического, политического, экономического, психологического) складывания и функционирования этого научного направления.

Монография Г.Е. Маркова «Очерки истории немецкой науки о народах» в двух частях (М., 1993) восполняет пробел в изучении историографии немецкоязычной науки о народах, прошедшей длительный и сложный путь развития, но до сих пор систематически не исследовавшейся. Часть I монографии — «Немецкая этнология» — содержит подробный очерк зарождения и эволюции немецкой этнологии в XIX — начале XX в. Особый акцент сделан на 1920-х годах — «золотых» (по определению автора) для данной научной дисциплины. Ярко и правдиво описаны судьбы науки в годы нацизма и первые послевоенные десятилетия. В части II — «Немецкое народоведение» — исследуются истоки, а также теория и идеология народоведения, причем в поле зрения автора находятся три национальные ветви немецкоязычного народоведения: германская, австрийская и швейцарская.

Русские: Методическое пособие. М., 1999; Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР. М., 1990—1992. Ч. 1—2; *Он же*. Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995; Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. М., 1993. Ч. I. Немецкая этнология. Ч. II. Немецкое народоведение; Никищенков А.А. Обычное право народов России: Библиографический указатель. 1890—1998. М., 1998; *Он же*. Традиционный этикет народов России. XIX — начало XX вв. М., 1999; *Он же*. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000; Илматов В.В., Филитов В.Р. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995; Палыков С.П. Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе. М., 1997; Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; и др.

⁴² Карлов В.В. Евразийская идея и русский национализм // Этнографическое обозрение. 1997. №1; *Он же*. Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // Этнографическое обозрение. 2000. № 4.

Т.Д. Соловей посвятила свою монографию «История отечественной этнологии первой трети XX века» (М., 1998) периоду, до недавнего времени представлявшему собой научную лагуну. В книге рассматриваются ведущие тенденции в развитии отечественной этнологии на протяжении первой трети XX в. и их кардинальное изменение на рубеже 20—30-х годов; характеризуются основные направления научно-исследовательской работы: изучается проблема подготовки кадров профессиональных этнологов; анализируются материалы дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов о предмете этнографии и прослеживается воздействие ее результатов на науку; рассматриваются содержание «коренного перелома» в отечественной этнологии и его влияние на дальнейшее развитие науки.

В числе исследовательских приоритетов коллектива кафедры — разработка методических вопросов, поиск новых методик обработки этнографических источников. В 1995 г. увидело свет учебное пособие В.В. Пименова и В.Р. Филиппова «Массовые этнологические исследования: методы и техника». В книге обобщены принципы работы этнолога, использующего приемы статистического сбора и обработки массовой этнологической информации. Учебное пособие знакомит с формированием методолого-теоретической основы исследования, описанием объекта изучения, процедурами выдвижения гипотез и формулирования научных задач, важнейшими методами сбора и обработки массовых эмпирических данных. В пособии имеется глава, посвященная нетрадиционным методам этнологических исследований: методу экспертных оценок, приемам включенного наблюдения, социометрическому тестированию, контент-анализу.

Новаторский характер носит предложенный профессором С.П. Поляковым метод двойной матрицы, предполагающий обработку качественных по своей сути этнографических источников методами математической статистики. Метод опробован при изучении погребальных сооружений Средней Азии, а также при изучении социальных процессов на Северном Кавказе, в Средней Азии и России. Результаты обобщены в ряде публикаций⁴³.

В 2000 г. младший научный сотрудник Е.И. Ларина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Ворсовый ковер как этнографический источник (на материале народов Российской империи конца XIX — начала XX вв.)», где метод двойной матрицы был успешно опробован ею при комплексном анализе морфологических особенностей ковровых изделий.

В научно-исследовательской работе кафедры весомо представлено религиозоведение. Так, тема ислама как формы организации общества является ключевой на протяжении всей научной деятельности профессора С.П. Полякова. Его монография «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе (Бытовой ислам)» (Нью-Йорк; Лондон, 1984) стала библиографической редкостью. Доцент О.Е. Казьмина в соавторстве с П.И. Пучковым выпустила книгу «Религии современного мира» (М., 1998),

⁴³ См., например: Средняя Азия в X–XX вв. Методика обработки первичной археолого-этнографической информации // Российский этнограф. 1993. Т. 13, 14.

содержащую самую полную и систематическую характеристику всех значительных религий, их основных направлений и течений, важнейших деноминаций.

Широко представлена в деятельности кафедры региональная и проблемная этнография. Труды профессора Л.Б. Заседателевой в области комплексного изучения динамики этнокультурных процессов у восточнославянского населения Северного Кавказа широко известны в России и за ее пределами. Монография Л.Б. Заседателевой «Этнокультурные процессы у восточных славян Северного Кавказа (середина XVI — начало XX вв.)» (Нальчик, 1997) стала, по существу, первым в отечественной науке опытом целостного анализа всех сторон культуры и быта, позволяющим выделить главнейшие пласты этнических традиций, сложившихся за века проживания восточных славян на Северном Кавказе. Каждая новая публикация Л.Б. Заседателевой по истории северокавказского казачества вызывает острый и пристальный интерес как у специалистов-этнологов, так и у широкой общественности⁴⁴. Этносы Северного Кавказа входят в круг исследовательских приоритетов доцента Ю.И. Зверевой⁴⁵.

Научные интересы профессора К.И. Козловой в последнее десятилетие по-прежнему сосредоточены в области исторической этнографии народов Урало-Поволжья. Это — этническая история, формирование и эволюция традиционных социальных ячеек (большая семья, патронимия, соседская община), этнокультурные контакты и др. Результаты ее исследовательской деятельности обобщены во множестве статей⁴⁶. Кроме того, К.И. Козлова занимается вопросами современного финноугроведения⁴⁷.

На протяжении нескольких лет ряд сотрудников кафедры участвует в крупном исследовательском проекте (под общим руководством доктора исторических наук Ю.И. Семенова), ставящем целью выявление и издание литературы и источников по традиционной культуре народов России. В.В. Карлов явился составителем, автором вступительной статьи и комментариев к сборнику «Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)» (М., 1997). Это первое в отечественной науке сводное издание сохранившихся документов — записей обычного права народов Сибири, характеризующих состояние их обществ, нормативное сознание и социальное регулирование. В рамках указанного исследовательского проекта А.А. Никишенков составил библиографический указатель по обычному праву народов России⁴⁸. В книге приведены данные почти о двух тысячах работ по обычному праву народов России, причем особую ценность представляет то, что здесь собрана информация о публикациях.

⁴⁴ См., например: Проблемы развития северокавказского казачества в прошлом и настоящем // Северный Кавказ. М., 2001.

⁴⁵ См., например: Аварцы // Живописная Россия. 2002. № 1; Даргинцы // Там же. 2002. № 2; и др.

⁴⁶ См., например: Козлова К.И. Патронимия // Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000.

⁴⁷ Этническая история финноязычных народов России в этнографической литературе 60-х — начала 90-х гг. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994. № 4.

⁴⁸ Обычное право народов России: Библиографический указатель, 1890–1998 // Сост. А.А. Никишенков. М., 1998.

разбросанных по огромному числу узкоспециальных и малодоступных периодических изданий, выходявших в течение всего этого времени во всех регионах страны. А.А. Никишенков выступил также в роли составителя, автора вступительной статьи, комментариев и глоссария к сборнику «Стенной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен» (М., 2000). В сборнике освещена историческая ситуация, в которой появились публикуемые документы, дан анализ основных политико-административных, правовых и культурных факторов, повлиявших на их возникновение, определены особенности этих документов как источников, отражающих не только традиционную соционормативную культуру казахов, киргизов и туркмен, но также исторический процесс взаимодействия этой культуры с российской государственной и правовой системами. Сборник «Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века» (М., 2003; составитель, автор вступительной статьи, комментариев и глоссария А.А. Никишенков) продолжает исследовательскую серию в области изучения норм обычного права.

В сферу научных интересов А.А. Никишенкова входит исследование этноэтикета⁴⁹. Никишенков первым в историографии представил сводное описание традиционного этикета народов России. Во вводной части работы освещаются теоретические проблемы этнологического изучения этикета. Традиционная культура поведения и общения народов России представлена по принятым в этнографии историко-этнографическим областям — русское крестьянство, финноязычные и тюркоязычные народы Европейской России, народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, народы Северного Кавказа.

Немало сделано кафедрой и в разработке проблем этнографии детства. Отметим полные тонкого психологизма статьи Ю.И. Зверевой по этой теме⁵⁰.

Возрастает интерес ученых к актуальным и остро дискуссионным проблемам урбанистики (этнологические аспекты). В 2003 г. младший научный сотрудник кафедры этнологии З.У. Махмудова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Дербент в XIX — начале XX вв. Этносоциальные и этнокультурные процессы». Особую актуальность данному диссертационному сочинению придает тот факт, что в отечественном кавказоведении городская тематика до сих пор не получила достаточного освещения, несмотря на значительное количество обобщающих трудов, охватывающих этнокультурную историю Дагестана в целом. Красной нитью в исследовании проходит мысль о Дербенте как своеобразной модели стабильного долговременного межэтнического взаимодействия.

Завершая обзор истории этнологии в Московском университете следует подчеркнуть, что коллектив кафедры продолжает научные и педагогические традиции, сложившиеся за долгую и богатую событиями

⁴⁹ Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России (XIX — начало XX вв.). М., 1999.

⁵⁰ См., например: Имя — слава сильного, имя — позор и несчастье слабого // Этносфера. 2001. № 3.

историю университета. Кафедра остается важным научным и ведущим учебным центром, занимая лидирующие позиции в подготовке специалистов-этнологов не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. И в этом смысле совершенствование и расширение этнологического образования в МГУ служит не только залогом сохранения этнологии как научной дисциплины, но и важным условием поддержания человеческих связей.

Несмотря на то, что вместо СССР возникли 15 новых независимых государств, кафедру этнологии по праву продолжают считать своей *alma mater* ее многочисленные выпускники, которых можно встретить повсюду: в академических институтах, университетах и других вузах, музеях и издательствах, государственных учреждениях и общественно-политических организациях. Она дала путевку в научную жизнь многочисленным студентам и аспирантам из зарубежных стран, поддерживая статус Московского университета как одного из ведущих учебных и исследовательских центров современного мира.

История искусства

Зарождение искусствознания в Московском университете¹ связано с именем профессора Ф.И. Буслаева. Именно по инициативе Буслаева, поддержанной С.М. Соловьевым и П.М. Леонтьевым, на историко-филологическом факультете почти 150 лет тому назад началось преподавание истории искусства и было положено начало университетской науке об искусстве². В одной из архивных описей Министерства народного просвещения за № 191 значится дело «Об открытии при Московском университете преподавания истории и археологии искусства и об определении для одного кандидата Герца доцентом»³. 5 октября 1857 г. Карл Карлович Герц прочитал вступительную лекцию на тему «О значении истории искусства»⁴. Эта лекция и определяет точную дату рождения кафедры, а в дальнейшем — отделения истории и теории искусства. Следует заметить, что официальному открытию кафедры истории искусства в Московском университете предшествовала плодотворная педагогическая деятельность в этом направлении таких видных историков, как Н.И. Надеждин, С.П. Шевырев и П.М. Леонтьев. Новый университетский устав 1863 г. уже предусматривал историю и теорию искусства в системе гуманитарных дисциплин, которые должны были преподаваться в университетах страны⁵.

В своей вступительной лекции К.К. Герц в духе Карла Шнаазе так определил предмет своей научной и педагогической деятельности: «История искусства, то есть зодчества, ваяния и живописи, обнимает те явления человеческого духа, в которых исторические народы посредством форм изящных, пластических высказали свои убеждения и воззрения. <...> История искусства должна приходить в соприкосновение со многими науками: в самом деле, она составляет одну из существеннейших частей всеобщей истории, истории литературы и философии»⁶. Вместе с тем он справедливо выделил задачи истории искусства «как науки самостоятельной». «Уразуметь значение каждого явления эстетического мира, — писал он, — можно только с помощью истории искусства»⁷. Свою лекцию Герц заключил целой программой новой научной дисциплины: «Если ... история искусства во всем своем объеме должна войти в состав наук, необходимых для каждого образованного человека, то для нас русских она имеет еще особый интерес. Окружающие нас на каждом шагу в ежедневной жизни

¹ Впервые история университетского искусствознания была кратко освещена в статье Некрасовой Е.А. «Из истории науки об искусстве в Московском университете» в книге «Очерки по истории советской науки и культуры» под редакцией А.В. Арциховского (М., 1968). Та же статья, но в сокращенном виде была опубликована и в другом университетском сборнике — «Московский университет за пятьдесят лет советской власти» (М., 1967). Следует отметить и содержательный обзор истории науки об искусстве в МГУ В.Н. Гращенкова (К 125-летию преподавания истории искусства в Московском университете // Советское искусствознание '83. М., 1984. Вып. 1. С. 184–234).

² См.: Малеев А. Карл Карлович Герц (1820–1883): Биографический очерк. СПб., 1912. С. 90; Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 132–133.

³ Малеев А. Указ. соч. С. 90.

⁴ Герц К. К. Собр. соч. СПб., 1900. Вып. 5. С. 1–15.

⁵ См.: Жебелев С. А. Указ. соч. С. 132.

⁶ Герц К. К. Собр. соч. Вып. 5. С. 4.

⁷ Там же. С. 12.

памятники отечественного искусства, преимущественно здесь в Москве, в сердце России, столь ими богатой, останутся для нас безмолвными и непонятными без знания этой науки. Многочисленные создания древнего русского зодчества и живописи не могут быть поняты, объяснены и хронологически классифицированы без основательного знания искусства древнехристианского, византийского, романского, времен Возрождения и даже некоторых сторон нововосточного искусства. Преимущественно лежит на нас русских важная обязанность изучить основательно историю византийского искусства ...»⁸. Говоря об особенностях преподавания своего предмета, Герц подчеркивал, что, «кроме книжного знакомства с произведениями искусства... наука требует еще постоянного *наглядного* и сравнительного изучения самих памятников»⁹. И в этой связи сетовал на то, что в Москве нет ни «значительного собрания слепков с антиков, какими обладает, например, Новый музей в Берлине, ни картинной галереи, каков императорский Эрмитаж в Петербурге»¹⁰.

Человек образованный, но мало склонный к самостоятельным исследованиям, К.К. Герц в своих лекциях и многочисленных сочинениях выступал преимущественно как компилятор и популяризатор чужих идей, предоставив другим ученым осуществлять изложенные им планы развития отечественного искусствознания. Свою творческую энергию он направил по другому руслу. Уже в 1858 г. в газете «Московские ведомости» Герц напечатал статью под названием «Об основании художественного музея в Москве», в которой горячо ратовал за создание (по образцу западноевропейских музеев) такого универсального музея, где в живописных копиях и слепках была бы представлена вся история мирового искусства. Герц полагал, что такой музей станет «великим двигателем высшего образования» и послужит делу «эстетического воспитания целого общества»¹¹. Как известно, лишь спустя полвека эта идея создания учебного художественного музея при Московском университете, к тому времени несколько запоздавшая, была осуществлена преемником Герца по кафедре — И.В. Цветаевым. Но сам Герц много способствовал обогащению античной и нумизматической коллекции университетского Кабинета изящных искусств¹². Здесь нельзя не вспомнить и о том, что К.К. Герц сыграл немаловажную роль в расширении и систематизации коллекций Румянцевского музея, переведенного в 1861 г. из Петербурга в Москву. Он активно работал в Обществе любителей художеств и Московском археологическом обществе, до 1882 г. продолжая чтение университетских лекций. Как верно заметил Жебелев, «с деятельностью К.К. Герца в Москве можно сопоставить долголетнюю, кипучую, иногда задорную, но, во всяком случае, плодотворную деятельность в Петербурге В.В. Стасова»¹³.

Но если говорить о научном развитии отечественного искусствознания на этом начальном этапе его истории в Московском университете и вне его, то

⁸ Там же. С. 13–14.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1900. Вып. 6. С. 7.

¹² См.: *Лира*. ЛП. Музей-кабинет Московского университета // Труды Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1960. О ранней истории университетского Кабинета изящных искусств см. также: *Лекция ока Е.А.* Из истории русской науки об искусстве (К пятидесятилетию Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1962. № 3.

¹³ Жебелев С.А. Указ. соч. С. 137. Разнообразные сочинения К.К. Герца, собранные вместе, составили весьма внушительное издание (см.: Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898–1901. Вып. 1–9).

это развитие совершалось прежде всего под прямым и благотворным влиянием все того же Ф.И. Буслаева, его работ по истории искусства. Свой первый труд в этой области он по традиции посвятил классическому искусству: его статья «Женские типы в изваяниях греческих богинь» (1851) и ныне сохраняет свое неувядаемое обаяние¹⁴. А его «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», изданные в 1861 г., «Общие понятия о русской иконописи» (1866), «Русский лицевой Апокалипсис» (1884) и другие сочинения по праву сделали Ф.И. Буслаева основоположником науки о древнерусском искусстве¹⁵. Н.П. Кондаков назвал Буслаева «незабвенным ученым по русской археологии и истории искусства»¹⁶. Ему вторил В.Н. Лазарев: «Истоки современной науки о древнерусском искусстве восходят к незабвенному Ф.И. Буслаеву»¹⁷. М.В. Алпатов пронизательно замечал: «В своем умении связывать литературу, язык и искусство Буслаев превосходит многие выводы искусствознания наших дней»¹⁸. Рядом с трудами Буслаева по древнерусскому искусству достойное место занимают его работы по различным вопросам старого западного и современного ему русского искусства, вошедшие вместе с важной статьей «Задачи эстетической критики» в его книгу «Мои досуги» (1886).

Объективно оценивая первые шаги отечественного искусствознания в Московском университете, мы можем смело назвать этот начальный период нашей науки «буслаевским». Чтобы осознать влияние идей и самой личности Буслаева в университетской среде, достаточно вспомнить имена только трех его выдающихся учеников — А.Н. Веселовского, В.О. Ключевского и Н.П. Кондакова. Последний, по его собственному признанию, хотя и «слушал лекции по истории искусства приват-доцента К.К. Герца, но главным направлением своих специальных занятий по этому предмету обязан Ф.И. Буслаеву»¹⁹. Свои занятия классической археологией, а затем византийским искусством молодой Н.П. Кондаков перенес в Новороссийский университет в Одессе, где он в 1870 г. занял кафедру истории искусства. Прочитанная им в этой связи вступительная лекция рассматривала некоторые теоретические и методологические аспекты истории искусства как научной дисциплины²⁰. Содержание этой лекции, как и последующие труды Кондакова, свидетельствовали не только о личной одаренности автора, но и о достоинствах той научной школы, какую он прошел в стенах Московского университета, где защитил и свою магистерскую, и докторскую диссертации. Позднее, в бытность профессором Петербургского университета, Кондаков воспитал трех учеников, ставших известными византинистами: Д.В. Айналова, Е.К. Редина и Я.И. Смирнова. В свою очередь, вокруг Айналова в Петербурге сложилась новая школа исследователей древнерусского искусства.

¹⁴ См.: *Буслаев Ф. Мои досуги*. М., 1886. Ч. 1.

¹⁵ См.: *Буслаев Ф.И. Сочинения*. СПб.; Л., 1908, 1910, 1930. Т. 1-3; *Он же*. *Русский лицевой Апокалипсис*. М., 1884.

¹⁶ Предисловие к первому тому «Сочинений» Ф.И. Буслаева (СПб., 1908). С. 1.

¹⁷ *Лазарев В.Н. Искусство Новгорода*. М.; Л., 1947. С. 16.

¹⁸ *Алпатов М.В. Из истории русской науки об искусстве* // Алпатов М.В. *Этюды по истории русского искусства*. М., 1967. Т. 1. С. 17.

¹⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования, 1869-1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 338.

²⁰ См.: *Кондаков Н.* *Наука классической археологии и теории искусства*. Одесса. 1872.

Но еще раньше Н.П. Кондаков в замечательном докладе «О научных задачах истории древнерусского искусства»²¹ начертил широкую программу работ в этой новой области историко-художественных исследований. Традиции Кондакова и Айналова были творчески восприняты и продолжены одним из воспитанников Московского университета — В.Н. Лазаревым, а традиции Буслаява — его учеником В.Н. Щепкиным (1863—1920), крупнейшим знатоком древнерусской палеографии и миниатюры, преподававшим до 1920 г. (именно из его семинара вынес В.Н. Лазарев любовь к искусству миниатюры). В.Н. Щепкин был профессором университета по православному искусству и работал одновременно в Историческом музее, в стенах которого и читал лекции студентам университета.

Как уже упоминалось, преемником К.К. Герца по «кафедре истории и теории искусств» стал в 1889 г. И.В. Цветаев, филолог-латинист. В период его профессорства кафедра расширилась и окрепла. Наряду с антиковедением на должную научную основу было поставлено преподавание истории западноевропейского искусства²², прежде всего благодаря деятельности Н.И. Романова, ученика Цветаева. Но самым главным делом И.В. Цветаева, делом всей его жизни, была неутомимая, поистине героическая работа по созданию художественного музея при Московском университете, о котором мечтал когда-то Герц. Хорошо известно, каких усилий стоило Цветаеву строительство здания Музея и изготовление слепков.

В 1912 г. Музей изящных искусств был открыт, включив в свое обширное собрание первоклассных слепков и копий уникальную коллекцию египетских древностей В.С. Голенищева, а затем и коллекцию итальянских «примитивов» М.С. Щекина²³. Трудно переоценить выдающееся значение «Цветаевского музея» в культурной жизни Москвы. Правда, уже тогда мысль о создании с помощью слепков идеального, так сказать, «воображаемого музея» мировой скульптуры, столь характерная для позитивистской музеологии XIX столетия, вызывала критические нападки²⁴. И сам Цветаев, бывший на протяжении тридцати лет хранителем, а потом директором Румянцевского музея, стремился пополнять свой учебный университетский музей подлинными произведениями искусства.

Научная деятельность И.В. Цветаева, а затем его преемника (с 1913 г.) по кафедре и музею В.К. Мальмберга совпала с блистательным расцветом русского антиковедения²⁵. В этой связи вспоминаются имена В.П. Бузескула, Ф.Ф. Зелинского, С.А. Жебелева, М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского,

²¹ Опубликован в кн.: Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1899. Т. 132. С. 1—47.

²² Среди ранних работ по истории западноевропейского искусства см. монографию В.Е. Гинципова «Возрождение итальянской скульптуры в произведениях Николо Пизано» (Учен. зап. ин-та Московского университета. Отдел истории-филологический. М., 1901. Вып. 31.).

²³ О создании московского Музея и дальнейшей истории его коллекций см. в ежегоднике «Музей» (М., 1982. Вып. 3.). См. также: *Цветаев И. В.* Устройство музея античного искусства при Имп. Московском университете. Труды первого съезда русских художников и любителей художеств. М., 1900. С. 1—8; *Он же.* К истории создания музея Императорского музея изящных искусств имени имп. Александра III в Москве: Краткий иллюстрированный путеводитель. М., 1912. Ч. 1. С. V—XIV; *Романов Н.* Реорганизация Музея изящных искусств // Жизнь музея. Бюллетень Государственного музея изящных искусств. М., 1925. № 1.

²⁴ См., например: *Муратов П.* Музей изящных искусств в Москве // Аполлон. 1912. № 9.

²⁵ См.: *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX века. Л., 1931. Ч. 2. С. 129—221.

О.Ф. Вальдгауэра. Серьезный и оригинальный исследователь античного искусства В.К. Мальмберг начинал свою ученую карьеру в Казанском и Юрьевском университетах, а в 1907 г. был избран профессором Московского университета. После Цветаева он руководил кафедрой истории искусства и музеем до самой своей смерти в 1921 г. Мальмберг чрезвычайно продвинул университетскую науку об античном искусстве, органически связал учебную, исследовательскую и музейную работу в этой области. Среди его трудов следует назвать «Метопы древнегреческих храмов» (1892) и «Древнегреческие фронтоновые композиции» (1904)²⁶. Проблемами античного искусства успешно занимался также доцент Н.А. Щербаков. А рядом с Мальмбергом и Щербаковым в университетском Музее изящных искусств работал выдающийся египтолог и востоковед Б.А. Тураев²⁷.

Видное место в те годы на кафедре занимал Н.И. Романов²⁸. Как и его учитель Цветаев, он был наделен высоким сознанием своего общественного долга; много сил и времени отдавал преподаванию и популяризации истории искусства, музейному делу. На протяжении многих лет (с 1910 по 1923 г.) Романов был хранителем отделения изящных искусств Румянцевского музея. Особенно велики его заслуги в коренной реорганизации московского Музея изящных искусств в 1920-е годы, когда в него были переведены картинная галерея и гравюрный кабинет Румянцевского музея, значительное число картин из Эрмитажа и некоторые другие собрания. Его университетские лекции и семинары, отличавшиеся научной фундаментальностью, его публикации по истории западноевропейского и русского искусства (в том числе «Введение в историю искусства», 1915; «История итальянского искусства (первая половина XV века): Курс лекций», 1909) снискали ему широкую популярность. Среди его учеников были Б.Р. Виппер и А.А. Сидоров, начинавшие свою преподавательскую работу на кафедре накануне революции; В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, Н.И. Брунов и Г.В. Жидков, учившиеся в первые послереволюционные годы. Начавшаяся в 1901 г. научно-педагогическая деятельность Н.И. Романова почти без перерыва продолжалась более сорока лет.

В 1907 г. при активном участии Н.И. Романова кафедра, до того входившая в состав классического отделения историко-филологического факультета, была выделена в самостоятельное «отделение теории и истории искусств» на том же факультете, что, несомненно, углубило и расширило университетскую науку об искусстве по сравнению с буслаевским периодом. В.Н. Лазарев в своем обстоятельном и проникновенном очерке о жизни и деятельности Н.И. Романова писал: «Если можно говорить о московской школе искусствоведения,

²⁶ Список трудов В.К. Мальмберга см.: Сб. Московского общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского при Московском Археологическом институте. М., 1917. Вып. 2. С. 193–196; *Щербаков Н.А.* Неопубликованное научное наследие проф. Вл. К. Мальмберга // Труды секции искусствоведения Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 2. М., 1928. С. 71–76. См. также: *Щервинский С.* В.К. Мальмберг, 1860–1921 // Среди коллекционеров. 1922. № 2.

²⁷ Его многочисленные публикации подлинников музея см. в издании: Памятники Музея изящных искусств имени имп. Александра III. М., 1912–1913. Вып. 1–4.

²⁸ См. о нем: *Лазарев В.Н.* Николай Ильич Романов (1867–1948) // Советское искусствоведение '75. М., 1976 (там же см. список трудов Н. И. Романова).

то основы ей, несомненно, заложил Романов. Он был создателем отделения истории искусства в университете, он первым систематически разработал программы читаемых на этом отделении курсов, он создал вспомогательную университетскую библиотеку по истории искусства, он принял живейшее участие в организации музея слянков и двух картинных галерей Москвы, он воспитал многих учеников, научив их понимать язык искусства...»²⁹.

В 1911 г. Н.И. Романов в знак протеста против произвола министра народного просвещения Л.А. Кассо вместе с большой группой профессоров и преподавателей университета подал в отставку, перенеся свою лекционную деятельность на Высшие женские курсы и в частный университет имени А.Л. Шанявского; в Московский университет он вернулся лишь в 1917 г.

Несмотря на все эти трудности, предреволюционное десятилетие в жизни университетской кафедры истории искусства было плодотворным³⁰. Оно было неразрывно связано с общим подъемом гуманитарных наук — не одного только антиковедения, но и востоковедения, литературоведения, всеобщей и отечественной истории. Вместе с тем это был период интенсивного формирования нового искусствознания в зарубежной и русской науке, время создания новых концепций исторического развития искусства и новых теорий стиля и формообразования, время расцвета музейного знаточества и художественной критики. Именно теперь чисто художественные проблемы, и в первую очередь проблемы стиля и формального языка, оказались в центре внимания историков и теоретиков искусства. Сквозь призму этих проблем рассматривались идейное содержание и социальная природа искусства. Иными словами, то был исторически важный процесс автономизации науки об искусстве, названной немцами «Kunstwissenschaft» — «искусствознание» (или «искусствоведение»). Внешне этот процесс выразился в триумфе формально-стилевого метода в искусствознании со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Знакомство с трудами Г. Вёльфлина, А. Шмарзова, А. Ригля, В. Воррингера, П. Франкля и других немецких и австрийских ученых оказало сильное влияние на наше искусствознание 1910—1920-х годов. Особенно велика была роль Вёльфлина, надолго ставшего «властителем дум» молодого поколения историков искусства. Правда, теоретическое осмысление методологии немецкого искусствознания начнется в нашей науке лишь в 1920-е годы. Но уже в предреволюционный период его идеи и практические приемы активно использовались при анализе историко-художественных проблем и исследовании отдельных памятников. Новый подход к задачам истории искусства во многом определялся и воздействием на нее художественной критики.

В этом плане чрезвычайно характерна та полемика, которая развернулась вокруг древнерусского искусства, когда молодые сторонники его формально-художественной интерпретации выступили против старой традиции археологического и иконографического его изучения, связанной с именами Н.П. Кондакова, Н.П. Лихачева и Н.В. Покровского. Имеются в виду работы П.П. Муратова и Н.М. Щекотова в Москве, Н.Н. Пунина в Петербурге, но в

²⁹ Там же. С. 326.

³⁰ Некоторые сведения о преподавателях и студентах кафедры тех лет см. в статье: Сидоров А.А. В преддверии советского искусствознания // Искусство. 1975. № 6.

первую очередь — статья Щекотова «Иконопись как искусство» (1914)³¹ и фундаментальный исторический очерк о древнерусской живописи Муратова, опубликованный в 1915 г. в шестом томе «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря³². Это многотомное издание первой истории русского искусства, прерванное мировой войной, явилось важным событием научной и всей нашей культурной жизни. Немалое значение имело и другое начинание, к сожалению, также не доведенное до конца, — «История живописи» А.Н. Бенуа (СПб., 1912—1918). Уместно здесь вспомнить и Институт истории искусств, организованный в 1912 г. в Петербурге В.П. Зубовым (в просторечии «Зубовский институт»); учебная и научная работа в нем развернулась в разгар мировой войны и особенно в 1920-е годы³³.

Что касается московской искусствоведческой жизни тех лет, то в ней, как и в петербургской, существовали два направления, весьма отличных друг от друга. Одно было связано с традициями академической науки, музейного дела и университетского преподавания, другое — с современным искусством и художественной критикой. Это второе направление во многом определялось деятельностью И.Э. Грабаря и группировавшихся вокруг него талантливых знатоков, взявшихся за научное изучение с новых позиций истории русского искусства, архитектуры русских городов и творчества русских живописцев. К ним был близок и П.П. Муратов, тогда широко известный не только как автор «Образов Италии», литератор и критик, но и как тонкий ценитель и серьезный исследователь древнерусской живописи, редактор журнала «София». В свою очередь полезную работу по подготовке историков русской архитектуры выполнял Московский археологический институт, основанный в 1907 г. и прекративший свое существование в начале 1920-х (его воспитанником, например, был В.В. Згура, закончивший институт в 1922 г.).

В последние предреволюционные годы на университетской кафедре появилась группа молодых преподавателей из числа ее лучших выпускников — А.И. Некрасов, Б.Р. Виппер, А.А. Сидоров, А.Г. Габричевский, Д.С. Недович. Все они, хотя и в разной степени, владели методом новой «науки об искусстве», отличной от старой «археологии искусства». А некоторые стремились сочетать ее с художественной критикой и эссеизмом муратовского толка. Примечательным образцом их научной деятельности был сборник, опубликованный в 1917 г.³⁴ Самой яркой в нем была, пожалуй, статья Б.Р. Виппера «Проблема сходства в портрете». Очень содержательными были и две другие публикации — «Античные мотивы в искусстве чинквеченто» А.А. Сидорова и «Венецианизмы московского Архангельского собора» С.В. Шервинского.

После 1917 г. в истории искусствоведческой кафедры, как и всей нашей науки, начинается новый этап развития³⁵. Наряду с университетскими кафедрами истории искусства возникает целый ряд научно-исследовательских

³¹ Щекотов И. Иконопись как искусство // Русская икона. СПб., 1914. Сб. 2. См. там же (с. 143–149) веские возражения Л.А. Мацулевича в защиту Буслаева, Кондакова и Айпалова.

³² Муратов П. Русская живопись до середины XVII века // Грабарь И. История русского искусства. М., [1915]. Т. 6.

³³ См.: Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств за 1912–1923 годы // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924.

³⁴ Сборники Московского Меркурия по истории литературы и искусства. М., 1917. Вып. 1.

³⁵ См.: Сидоров А.А. Искусствознание за 10 лет в СССР // Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН. 2; *Он же*. Первые шаги советского искусствознания // Искусство. 1976. № 1.

организаций: создается единая национальная система охраны и реставрации памятников искусства. Национализация художественных ценностей, выживших в Гражданской войне и в ходе конфискации церковной собственности, организация новых музеев дают в руки историков искусства огромный материал для исследовательской работы. Начинается как бы повторное открытие древнерусской живописи, заново пишется вся история русского искусства. Возрастает и потребность в квалифицированных специалистах-искусствоведах. И несмотря на частые и далеко не всегда оправданные организационные и структурные перемены в университете, прямо отражавшиеся и на жизни искусствоведческой кафедры, 1920-е и 1930-е годы были для нее периодом творческого расцвета.

История кафедры в эти годы, действительно, полна перемен³⁶. После реорганизации историко-филологического и других гуманитарных факультетов она вошла в состав факультета общественных наук (ФОН), при котором в числе других был организован Научно-исследовательский институт искусствознания; его сотрудниками по большей части были профессора и преподаватели кафедры³⁷. И они же стали членами возникшей в 1921 г. Государственной Академии художественных наук (ГАХН)³⁸. Однако вскоре, в 1924 г. вышеназванный университетский институт, ставший Институтом археологии и искусствознания, был включен в РАНИОН (Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук)³⁹, а отделение изобразительных искусств год спустя оказалось на этнологическом факультете МГУ, где и просуществовало более пяти лет⁴⁰. В 1931 г. гуманитарные факультеты были выделены из университета и постепенно объединились в самостоятельный Институт истории, философии, литературы (ИФЛИ). И хотя исторический факультет в 1934 г. был восстановлен в университете, другие отделения гуманитарного цикла, в том числе и искусствоведческое, оставались в ИФЛИ до декабря 1941 г., когда они наконец воссоединились со своей alma mater.

После 1917 г. рядом со старыми профессорами — В.К. Мальмбергом, Н.И. Романовым, В.Е. Гиацинтовым, В.Н. Щепкиным — на искусствоведческом отделении университета работали их ученики. То были уже упоминавшиеся А.И. Некрасов, Б.Р. Виппер, А.А. Сидоров, А.Г. Габричевский, Д.С. Недович, а также М.П. Фабрикант. Очень скоро их число пополнила группа талантливых воспитанников уже послереволюционного университета, образовавшая основное творческое ядро кафедры. В.Н. Лазарев, М.В. Алиатов, Н.И. Брунов, Г.В. Жидков, Б.П. Денике. К ним присоединились

³⁶ См.: Детошнев Московского университета, 1755–1979. М., 1979. С. 186, 187, 196, 200, 210, 212, 246.

³⁷ О создании этого института, его составе и деятельности см. журнал «Среди коллекцию перов» (1922, № 2, С. 80–81; 1923, № 6, С. 61; 1924, № 7–8, С. 63–64).

³⁸ О структуре и деятельности академии см.: *Коллоратъев А.И.* Российская Академия художественных наук // Искусство. 1. 1925; ГАХН: Отчет, 1921–1925. М., 1926; Бюллетени ГАХН, 1–11. М., 1925–1928.

³⁹ См. обзор деятельности секции искусствознания в издании: Труды отделения (секции) искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН, 1–4. М., 1926–1930.

⁴⁰ В ноябре 1930 г. произошла новая реформа: на основе этнологического факультета были образованы два других — историко-философский и литературы и искусства. В состав последнего вошли кафедры русского искусства (руководитель — А.И. Некрасов), западного искусства (руководитель — А.А. Сидоров), восточного искусства (руководитель — Б.П. Денике), художественной промышленности (руководитель — Д.Е. Аркин). Но уже в январе 1931 г. оба названных факультета были ликвидированы.

И.Э. Грабарь, читавший в 20-е годы интереснейший курс по реставрации и технике живописи⁴¹, А.В. Бакушинский, А.А. Федоров-Давыдов и И.Л. Маца.

Примечательной и, можно сказать, счастливой особенностью научной жизни кафедры 1920-х годов были ее тесные связи с новым Музеем изящных искусств (директором которого с 1923 по 1928 г. был Н.И. Романов) и с Институтом археологии и искусствознания РАНИОН (председателем отделения, а затем секции искусствознания этого института являлся А.А. Сидоров). Научными сотрудниками института были фактически все ведущие преподаватели кафедры, немало ее выпускников обучались там в аспирантуре. Чрезвычайно активными были связи с секцией пространственных искусств, философским и социологическим отделениями ГАХН.

С середины 20-х годов на протяжении длительного времени отделением истории искусства руководил А.И. Некрасов. И он же стоял во главе Этнографо-археологического музея, существовавшего на этнологическом факультете (старшим хранителем музея был профессор В.К. Трутовский)⁴². Существенно то, что университетская наука не отгораживалась от современной художественной и вообще идейной жизни.

В первые послереволюционные годы огромным успехом пользовались блестящие лекции Б.Р. Виппера по античному и западноевропейскому искусству, которые он читал в университете и других учебных заведениях Москвы до своего отъезда в Ригу в 1924 г. (его педагогическая работа в Московском университете возобновилась лишь в 1943 г.). Другой преподаватель университета, А.Г. Габричевский, обладал подлинно энциклопедической широтой знаний⁴³. Именно он впервые разработал курс «Введение в теорию пространственных искусств», текст которого был издан лишь недавно. Интерес к теоретическим вопросам явно превалировал и в его научных докладах и статьях, что, впрочем, не мешало его горячему увлечению Гёте, переводчиком и комментатором сочинений которого он стал на многие годы. Художественная натура Габричевского влекла его к живому творчеству — к литературе, живописи, музыке, архитектуре. С начала 30-х годов он полностью переключился на историю и теорию архитектуры — преподавал в Архитектурном институте и работал в Академии архитектуры. Там вместе с В.П. Зубовым, Ф.А. Петровским и А.И. Бенедиктовым он много занимался переводом и комментированием классических архитектурных трактатов и художественных сочинений — от античности до Ренессанса. Без использования этих первоисточников ныне трудно представить себе

⁴¹ См. текст этих лекций (читавшихся с 1921 г.) в записи 1927 г. в кн.: *И. Грабарь* О древнерусском искусстве. М., 1966.

⁴² См.: Труды Этнографо-археологического музея 1-го МГУ. М., 1926–1928. Вып. 1–4. В маленьких книжечках этих «Трудов» печатались краткие публикации и отчеты преподавателей и студентов. При музее выходили также «Материалы по истории русского искусства» под редакцией А.И. Некрасова (М., 1928. Вып. 1–2). Именно в этих кафедральных изданиях появились первые публикации памятников архитектуры студентом М.А. Ильиным. А в хронике текущей работы встречаются, например, такие сведения: «Ассистенты М.В. Алпатов и Н.И. Брунов работали над систематическим исследованием художественных памятников Москвы» (Труды Этнографо-археологического музея 1-го МГУ. М., 1927. С. 59). В связи с очередной реорганизацией (см. примеч. 45) Этнографо-археологический музей был преобразован в кабинет истории материальной культуры, и А.И. Некрасов еще успел издать очередной выпуск его трудов (Труды кабинета истории материальной культуры. М., 1930. Вып. 5).

⁴³ См. о нем: *Маркузон В.Ф.* Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968) // Советское искусствознание '76. М., 1976. Вып. 1 (см. там же список работ А.Г. Габричевского).

научную деятельность отечественных историков искусства. Много позже, в 1948 — 1953 гг., Габричевский вновь вел занятия в университете, прочитав специальный курс лекций по истории классической западноевропейской архитектуры.

История отечественного искусства (особенно древнерусского в сочетании с византийским) находилась в ведении А.И. Некрасова, а также М.В. Алпатов, Н.И. Брунова и Г.В. Жидкова. В.Н. Лазарев с 1924 по 1938 г. работал в Музее изящных искусств (с 1932 г. — Государственный музей изобразительных искусств), где играл видную роль в формировании его картинной галереи. Поэтому его ранняя научная деятельность была посвящена главным образом проблемам истории западноевропейской живописи и музейного знаточества. Очень важное значение имели лекции и практические занятия А.В. Бакушинского (1883 — 1939). Прирожденный педагог, он выступил пионером научно-теоретического обоснования и практической разработки методики художественного анализа памятника и методики искусствоведческой экскурсии, заложив основы отечественного музееведения и музеологии⁴⁴. А.А. Федоров-Давыдов активно участвовал в тогдашних весьма острых теоретических дискуссиях, приобщая и студентов к животрепещущим вопросам художественной жизни, имевшей, как известно, явную идеологическую и политическую составляющую.

Научная работа искусствоведческого отделения в 20-е годы была разносторонней и интенсивной. Об этом свидетельствуют монографии и сборники, многочисленные доклады профессоров, преподавателей и аспирантов в РАНИОН и ГАХН, часть из которых была опубликована в периодических изданиях этих научных организаций, в журналах «Печать и революция», «Среди коллекционеров» и др. Характерной особенностью тех лет был огромный интерес к вопросам теории и методологии искусствознания, а вместе с тем — стремление сочетать эти теории с конкретным изучением искусства в самом широком диапазоне его исторического развития от древности до новейших художественных форм и течений. «Наше время, — писал тогда Н.И. Брунов, — требует от искусствоведа прежде всего общей концепции и ... согласования всей работы, мельчайших и детальнейших наблюдений, с этой общей концепцией»⁴⁵. В подобной «концептуальной» направленности научных интересов справедливо усматривали специфику деятельности московских историков искусства, не утраченную и по сию пору. Как отмечал А. А. Сидоров, «некоторая объединенность в области методологии, выборе материала и его освещении позволила бы говорить о "Московской школе искусствознания", исторически связанной с Московским университетом»⁴⁶. А идеальная задача искусствознания ему представлялась следующим образом: «...использование завоеваний прежней — в первую очередь пусть немецкой только — науки об Искусстве; вместе с тем сознательное приятие достижений формального метода и столь же ясная ориентация на социологическое истолкование исследуемого явления»⁴⁷.

⁴⁴ См.: *Бакушинский А.В.* Исследования и статьи. М., 1981. С. 56–77, 99–122, 137–144. Там же — список его трудов (С. 341–343).

⁴⁵ *Брунов Н. В.В.* Згура как историк архитектуры // Сб. Общества изучения русской усадьбы. М., 1927. Вып. 6–8. С. 50.

⁴⁶ Труды отделения искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1. М., 1926. С. 3.

⁴⁷ Труды секции искусствознания РАНИОН. 2. С. 4.

В первый послереволюционный период продолжалась традиция публикации научных и научно-популярных работ, посвященных вопросам истории искусства или творчеству отдельных художников. Н.И. Романов напечатал небольшую книгу о Рафаэле («Произведения Рафаэля в России», 1922) и приступил к работе над монографией о Доменико Гирландайо⁴⁸. А.А. Сидоров продолжил свои труды Дюрера (в том числе, «Гравюры Альбрехта Дюрера», 1918), увенчавшиеся изданием в 1937 г. монографии. Его «Искусство книги» (1922) явилось итогом ранних занятий рисунком и печатной графикой (в том числе и творчеством Обри Бердслея), за которыми последовали десятилетия собирательства, специальных публикаций и сводных трудов. Одновременно Романов писал о творчестве современных русских графиков (В. Фалилеева, П. Нивинского), а Сидоров выступил с интересным обзором советского графического искусства первых пяти лет его существования. Особое место занимают ранние работы Б.Р. Виппера — стилистически отточенные, острые и подчас парадоксальные по содержанию, широко и выразительно трактующие проблемы искусства и искусствоведения. Конечно, главной среди них была книга о натюрморте, где предмет исследования послужил поводом для аналитического охвата проблем всей истории искусства⁴⁹.

В этих работах методология «науки об искусстве» сплавлена с литературными приемами художественно-критического эссеизма. Как и Вёльфлин, Виппер выступал «против беспредельных притязаний интуиции»⁵⁰. Но в то же время, вслед за М. Фридендером, он чутко улавливал опасность спекулятивных искусствоведческих концепций, когда писал: «...изучать искусство — кто спорит — конечно, это нужно, необходимо; но только — во имя искусства, во имя познания художественных ценностей, во имя творческого вдохновения, а не ради сложных и искусных теорий, не доходящих до искусства или оставляющих его далеко позади»⁵¹. Методологические идеи, заключенные в ранних работах Б.Р. Виппера (например, «Искусство без качества», 1923), получили интересное развитие в его позднейших трудах, отчасти собранных в сборнике «Статьи об искусстве» (1970).

Вопросы методологии искусствоведения специально рассматривались в ряде публикаций сотрудников кафедры в связи с анализом наиболее популярных тогда работ западноевропейских ученых. Это в первую очередь книга 1923 г. молодого В.Н. Лазарева «Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство». Стоит упомянуть также статьи В.Е. Гиацинтова и М.И. Фабриканта о проблемах стиля и формально-стилевых концепциях Вёльфлина и Воррингера⁵². К этому же историографическому жанру принадлежит и небольшая книжка Лазарева о Кондакове (1925) с характеристикой его научного творчества и критическим разбором его метода иконографического изучения памятников византийского искусства.

⁴⁸ Рукопись неопубликованной монографии Н.И. Романова о Доменико Гирландайо хранится в архиве ВНИИ искусствоведения.

⁴⁹ Виппер Б. Проблема и развитие натюрморта (Жизнь вещей). Казань, 1922.

⁵⁰ Предисловие к кн.: Вёльфлин Г. Ис толкование искусства. М., 1922. С. 7.

⁵¹ Предисловие к кн.: Фридендер М. Зна ток искусства. М., 1923. С. 10.

⁵² Гиацин тов В.Е. К вопросу о художественной воле (по поводу теории Воррингера) // Труды отделения искусствоведения Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 1: Он же. О принципе стиля. По поводу сочинения Вёльфлина «Kunstgeschichtliche Grundberiffe» // РАНИОН, 2; Фабри кант М.И. При знаки стиля // Искусство, 3. 1927. Кн. 1; Он же. К вопросу периодизации в истории искусства // Труды секции искусствоведения Института археологии и искусствоведения РАНИОН, 3. М., 1928.

В отечественном искусствоведении 1920-х годов активно разрабатывались вопросы теории и методологии, т.е. та область, которая тогда часто называлась немецким термином «общее искусствоведение». В нее входили теоретические проблемы формообразования и языка искусства, а также соприкасающиеся с ними проблемы социологии искусства. Многое из написанного в то время быстро утратило свою научную значимость и справедливо было отмечено как проявление формализма и вульгарной социологии. Но немало и положительного было в этих первых опытах советского искусствоведения, которые и сегодня могут быть критически использованы. Таковы, например, работы 20-х годов А.В. Бакушинского о художественном воспитании и о перспективе, А.Г. Габричевского, в которых рассматривались общие закономерности художественного языка, структурные принципы портретного образа или формальные проблемы архитектуры. Толчком для теоретических построений Габричевского послужили работы А. Гильдебранда, Г. Вельфлина и особенно П. Франкля, у которого исследователь занимался в Мюнхене накануне мировой войны. Прекрасная философская образованность, с одной стороны, и тесное общение с художниками и архитекторами, с миром живого творчества — с другой, придали его отвлеченным концепциям большую смысловую наполненность.

Точно так же, весьма критически оценивая вульгарно-социологическую школу В.М. Фриче⁵³, нельзя не признать неизбежными попытки построить материалистическую теорию социальной детерминированности искусства. В обширной искусствоведческой литературе тех лет можно встретить содержательные работы, в которых материал истории искусства профессионально анализируется с социологической точки зрения. Наиболее известная из них — книга А.А. Федорова-Давыдова «Русское искусство промышленного капитализма» (1929). Несомненный интерес представляют и конкретные социологические исследования А.А. Федорова-Давыдова о лубке, Ш.М. Розенталя о голландской и фламандской живописи XVII в., Н.Н. Коваленской о французском классицизме, М.В. Алпатово о Брейгеле.

В раннем становлении принципов марксистского искусствоведения был и другой аспект — активная публицистика. В ней с известной бескомпромиссностью и безапелляционностью развернулась борьба за «новую» художественную культуру и реалистическое искусство⁵⁴. Очень активную роль в этой художественно-критической публицистике играл А.А. Федоров-Давыдов, многочисленные статьи и рецензии которого систематически появлялись в журнале «Печать и революция» и других периодических изданиях 1920-х годов⁵⁵. Тогда же публиковались критические и теоретические работы И.Л. Маца, в том числе и «Очерки по теоретическому искусствоведению» (1930).

⁵³ Ср.: Фриче В.М. Социология искусства. М.: Л., 1926; *Он же*. Проблемы искусствоведения. М.: Л., 1930.

⁵⁴ См.: Полевой В.М. Из истории взглядов на реализм в советском искусствоведении середины 20-х годов // Из истории советской эстетической мысли. М., 1967.

⁵⁵ Некоторые из них переизданы в кн.: Федоров-Давыдов А. Русское и советское искусство: Статьи и очерки. М., 1975. См. также статьи М.М. Кобылиной, А.А. Губера, П.И. Романова, Г.А. Недолыгина, М.В. Алпатово и Ш.М. Розенталя в изд.: Учен. зап. МГУ. Вып. 126. Труды кафедры общего искусствоведения. М., 1947. Кн. 1.

Важное значение в университетской науке 1920-х годов имели сводные работы и частные исследования по древнерусскому искусству. Особо здесь следует отметить А.И. Некрасова. Еще в 1917 г. он издал «Конспект курса истории древнерусского искусства». Неутомимый в поездках по старым русским городам, он собирал там обильный материал для своих книг и статей, посвященных, в частности, художественной жизни древнего Пскова, Стромы и Новгорода. Особенно много А.И. Некрасов работал над историей древнерусской архитектуры (следует назвать его книгу «Византийское и русское искусство» 1924 г.). Занимался он также архитектурой барокко и классицизма. Круг его научных интересов распространялся и на живопись, на декоративное и народное искусство, на творчество Александра Иванова и на многое другое в истории русского искусства. Его многолетняя и плодотворная деятельность увенчалась в 1930-е годы публикацией двух сводных трудов по древнерусскому искусству⁵⁶; в 1938 г. он был незаконно арестован, но и в лагерях сохранял творческую активность, продолжая писать, в том числе, «Теорию архитектуры», изданную лишь в 1994 г.

В лице Б.П. Денике искусствоведческая кафедра обрела видного ученого-востоковеда, положившего начало прочной традиции университетского преподавания искусства народов Востока. В своих книгах («Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства», 1923; «Искусство Средней Азии», 1927; «Японская цветная гравюра, 1935; «Живопись Ирана», 1938) Денике обращался к самым различным областям художественной культуры Востока — от искусства Японии до искусства мусульманского мира.

Как уже отмечалось, в 1920-е годы ярко выступила молодая плеяда преподавателей — В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, Н.И. Брунов, Г.В. Жидков. Лазарев опубликовал тогда в иностранных журналах целый ряд атрибуционных статей о произведениях итальянской живописи от XIII до XVIII в.⁵⁷ и одновременно интенсивно занимался искусством Византии. К началу 1930-х годов был уже закончен первый вариант текста его фундаментального труда «История византийской живописи» (не напечатанный в те годы, он был издан, но уже в расширенном виде, лишь в 1947—1948 гг.). Алпатов с равным успехом отдавался изучению искусства Византии, Древней Руси и Запада. Столь же широким был диапазон научных интересов в истории архитектуры у Брунова. Издательско-цензурные затруднения вынудили Алпатова и Брунова напечатать свой совместный труд по истории древнерусского искусства в Германии⁵⁸, где его восприняли с большим интересом. Каждый из них был автором многих специальных статей. Жидков с самого начала много работал над проблемами древнерусской живописи и опубликовал монографию

⁵⁶ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI - XVII века. М., 1936; *Он же*. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. Список ранних работ А.И. Некрасова см. в его книге «Возникновение московского искусства» (М., 1929). Полный список его трудов опубликован в кн.: Некрасов А.И. Теория архитектуры. М., 1994. С. 470-475.

⁵⁷ Их перечень см. в списке трудов В.Н. Лазарева, опубликованном в кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 24-25.

⁵⁸ *Alpatov M., Brunov N. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg. 1932.* Еще раньше М. В. Алпатов совместно с О. Вульфом издал в Германии книгу об иконописи: *Wulff O., Alpatoff M. Denkmäler der Ikonenmalerei. Dresden, 1925.*

«Московская школа середины XIV века» (1928), в которую был включен превосходный очерк историографии древнерусского искусства. Но уже тогда его привлекало русское искусство XVIII столетия; позднее он полностью переключился на его изучение. М.В. Алпатов, Н.И. Брунов, Г.В. Жидков, а также А.И. Некрасов, В.В. Згура и А.Н. Греч (двое последних — активные деятели Общества изучения русской усадьбы) были авторами интересного сборника, посвященного проблеме русского барокко («Барокко в России», 1926).

Но зрелые плоды своей научной деятельности молодые «западники» Московского университета пожинали в 1930-е годы. Именно тогда появился двухтомный труд Н.И. Брунова по истории архитектуры⁵⁹. Он охватывал развитие мирового зодчества от его первобытных истоков до Византии и восточного средневековья (третий том, посвященный архитектуре Западной Европы, так и не увидел свет). В.Н. Лазарев выпустил лучшую из своих ранних книг — «Портрет в европейском искусстве XVII века», а также монографии о Вермере Делфтском, братьях Ленеи, Леонардо да Винчи и две поистине классические статьи о позднем Тициане и Пьеро делла Франческа. М.В. Алпатов вслед за краткими очерками по истории мирового портрета (1937) опубликовал две книги, принесшие ему широкую известность: исследование «Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто» (1939), защищенное им в качестве докторской диссертации, и «Этюды по истории западноевропейского искусства» (1939) — сборник статей, многие из которых посвящены анализу какого-либо одного художественного произведения. Такой излюбленный им метод монографической интерпретации индивидуального памятника М.В. Алпатов широко применял и в дальнейшем, не раз подтверждая его плодотворность. «Для современного историка искусства, — писал он, — очень важно иметь возможность переключить внимание с общих вопросов на вопросы частные, требующие от него наибольшего приближения к своему предмету. Историк искусства должен не только охватывать одним взглядом целые периоды истории, но и упражнять свое "искусство видеть", разглядывая как бы через увеличительное стекло отдельные произведения, подвергая их критическому анализу»⁶⁰.

Восстановление в 1931 г. университетской кафедры теории и истории искусства в ИФЛИ — еще одна примета предвоенного периода в истории московской школы искусствознания, весьма в целом примечательного и заслуживающего специального рассмотрения⁶¹. Все, кто тогда работал или учился на кафедре, вспоминают об «ифлийских» годах с большой теплотой. Рядом с А.И. Некрасовым, Н.И. Романовым, А.А. Сидоровым, А.В. Бакушинским, И.Л. Маца, М.И. Фабрикантом, В.Н. Лазаревым, М.В. Алпатовым, Б.П. Денике, А.А. Губером в числе преподавателей были В.В. Павлов

⁵⁹ Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. М.: Л., 1937, 1935. Т. 1-2. Ценным учебным пособием для студентов-искусствоведов были и его альбомы по истории архитектуры: Брунов Н. Альбом архитектурных стилей: *Он же*. Рим: Архитектура эпохи барокко. М., 1937; *Он же*. Дворцы Франции XVII и XVIII веков. М., 1938. Полный список трудов Н. И. Брунова см.: Комен А. Памяти Николая Ивановича Брунова // Византийский временник, 34. М., 1973.

⁶⁰ Алпатов М.В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 1. С. 8.

⁶¹ В 1937 г. был опубликован единственный сборник трудов кафедры: Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1937. Т. 2: Кафедра искусствознания (статьи П.В. Яворской, Н.Н. Коваленской, Б.Н. Терновца и А.И. Некрасова).

(ученик Мальмберга и Денике), Ш.М. Розенталь, Н.Н. Коваленская, Н.В. Яворская, М.М. Кобылина, В.Д. Блаватский (все шестеро — выпускники аспирантуры РАНИОН), Б.Н. Терновец. К ним присоединилось третье поколение педагогов, окончивших аспирантуру ИФЛИ: Ю.Д. Колпинский, Г.А. Недошивин, Б.В. Веймарн, П.И. Лебедев. После А.И. Некрасова некоторое время кафедрой заведовал И.Л. Маца, с 1938 по 1940 г. — известный философ и эстетик М.А. Лифшиц, в 1940—1941 — М.В. Алпатов, а в первые военные месяцы 1941 г. — Б.Р. Виппер, незадолго до того переехавший из Риги в Москву.

Помимо вышеназванных трудов А.И. Некрасова, В.Н. Лазарева, М.В. Алпатова, Н.И. Брунова и Б.П. Денике, в 30-е годы появляется значительное число работ, охватывающих широкий круг тем всеобщей истории искусства, прямо связанных с научной специализацией преподавателей кафедры. Таковы книги В.В. Павлова об искусстве Древнего Египта, Ю.Д. Колпинского, В.Д. Блаватского и М.М. Кобылиной об искусстве античности, А.А. Сидорова о западноевропейском рисунке, М.И. Фабриканта о мастерах немецкого Возрождения, Н.В. Яворской о французских художниках XIX в., Н.Н. Коваленской о русском искусстве XVIII в., А.В. Бакушинского о народном творчестве и советских скульпторах, Б.В. Веймарна об искусстве Средней Азии. Некоторые из них, особенно книги В.В. Павлова («Очерки по искусству Древнего Египта», 1936), В.Д. Блаватского («Архитектура античного мира», 1939), М.М. Кобылиной («Искусство Древнего Рима», 1939) и Н.Н. Коваленской («История русского искусства XVIII века», 1940), многие годы служили учебными руководствами для студентов.

Возрождение искусствоведческого отделения в Московском университете началось в трудное военное время⁶². В декабре 1941 г. в Ашхабаде, куда был эвакуирован университет, произошло его слияние с ИФЛИ. В числе кафедр вновь созданного филологического факультета была и кафедра искусствоведения. В Ашхабаде, а затем в Свердловске (туда летом 1942 г. университет был переведен) начались занятия, которые вели Г.А. Недошивин, М.М. Кобылина, А.Г. Габричевский и др. Вторая группа бывших «ифлийцев» оказалась в Ташкенте, где в Среднеазиатском университете занятия по истории искусства вели Б.Р. Виппер, Ю.Д. Колпинский, А.М. Эфрос. Одновременно в Москве, в феврале 1942 г., также возобновились занятия в Московском университете. Там вновь образованной кафедрой руководил М.В. Алпатов, привлекая в ее состав как старых, так и новых преподавателей. В их числе был и старейший профессор кафедры Н.И. Романов. В конце 1943 г. «московская», «свердловская» и «ташкентская» группы воссоединились в Москве на филологическом факультете, в результате чего значительно расширился состав преподавателей и возросло число студентов. Тогда же сформировалось отделение из двух кафедр — истории русского искусства и общего искусствознания. Первой сначала руководил М.В. Алпатов, в 1944—1947 гг. — И.Э. Грабарь, а с 1948 г. — А.А. Федоров-Давыдов. Руководителем второй кафедры в 1943—1954 гг. был Б.Р. Виппер.

⁶² Летопись Московского университета, 1755—1979. М., 1979. С. 246, 255, 259, 260. См. также: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 1. С. 70; М., 1947. Вып. 2. С. 91.

Протоколы заседаний кафедры военных лет сохранили сведения о множестве научных докладов, прочитанных преподавателями, о постоянном обсуждении насущных учебно-методических вопросов. Так, например, в мае 1944 г. была проведена двухдневная научная сессия, посвященная истории русского искусства, на которой выступили с докладами Н.П. Коваленская, В.Н. Лазарев, П.Н. Брунов, А.А. Федоров-Давыдов, Г.В. Жидков и М.В. Алшатов. В годы войны и первые послевоенные годы в университете защищаются ряд докторских и кандидатских диссертаций по искусствоведению⁶³. В университетских изданиях появляются первые сообщения о научных докладах преподавателей отделения⁶⁴. Профессоров В.Н. Лазарева (в 1943 г.) и А.А. Сидорова (в 1946 г.) избирают членами-корреспондентами Академии наук СССР.

С момента своего прихода в университет в 1943 г. и на протяжении четверти века важную роль в жизни отделения играл А.А. Федоров-Давыдов, активно вторгаясь во все сферы ее учебной, научной и организационной деятельности. Очень влиятельной фигурой в военные годы и первое послевоенное десятилетие был Г.А. Недошвин.

Коллектив искусствоведческого отделения военных и первых послевоенных лет был большим. В него входили профессора Н.И. Романов, Б.Р. Виппер, А.А. Сидоров, М.В. Алшатов, В.Н. Лазарев, Н.И. Брунов, В.В. Павлов, А.Г. Габричевский, Н.Н. Коваленская, А.А. Федоров-Давыдов, И.Л. Маца, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, М.П. Фабрикант, Н.А. Кожин; доценты Г.В. Жидков, А.А. Губер, Ш.М. Розенталь, Г.А. Недошвин, Ю.Д. Колпинский, Б.В. Веймарн, П.И. Лебедев, М.А. Ильин, В.М. Василенко, Р.С. Кауфман, Е.А. Некрасова; также опытные знатоки музейного дела, как А.Н. Лужецкая и А.Н. Замяткина, а также ряд других преподавателей. В целом сложилась уникальная в истории отделения ситуация, когда в преподавательскую работу были вовлечены лучшие научные силы московской школы искусствоведения. К сожалению, такое положение дел оказалось непродолжительным.

Н.И. Брунов преподавал в университете очень недолго, связанный работой в Московском архитектурном институте и Академии архитектуры СССР. В 1947 г. вынуждены были покинуть университет М.В. Алшатов и В.Н. Лазарев, позднее за ними последовали А.А. Сидоров, Н.П. Коваленская и Б.Р. Виппер (все они работали в Институте истории искусств АН СССР, имели и другие нагрузки). Сначала В.Д. Блаватский, а затем и М.М. Кобылина полностью перешли на работу в Институт археологии АН СССР. Слишком рано, в 1953 г., ушел на пенсию А.Г. Габричевский. Постепенно слабели и прерывались связи с университетом у исследователей, начинавших свою деятельность еще в ИФЛН. Отошли от педагогической работы Г.А. Недошвин и Ю.Д. Колпинский.

⁶³ Докторские диссертации защищены: В.В. Павлов (1943), В.Д. Блаватский (1943), М.М. Кобылина (1945), А.А. Федоров-Давыдов (1947); кандидатские — П.И. Лебедев (1942), М.А. Ильин (1943), В.М. Василенко (1944), А.А. Губер (1945), Е.А. Некрасова (1945), Р.С. Кауфман (1950). Список диссертаций, защищенных в 1942–1945 гг. на филологическом факультете, см. в кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 1, С. 73–84.

⁶⁴ Доклады М.В. Алшатова, В.Н. Лазарева, Б.Р. Виппера, В.В. Павлова и других. Тексты, краткое изложение этих докладов или сообщения о них см. в кн.: Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 1, С. 49–64, 70–71; М., 1947. Вып. 2, С. 70–79, 91–92; М., 1947. Вып. 3, С. 91–95; М., 1948. Вып. 5, С. 80–91. См. также статьи М.М. Кобылиной, А.А. Губера, Н.И. Романова, Г.А. Недошвина, М.В. Алшатова и Ш.М. Розенталь в кн.: Учен. зап. МГУ. Вып. 126. Труды кафедры общего искусствоведения. Кн. 1.

занятые в научно-исследовательских институтах. Правда, В.Н. Лазарев в 1953 г. вернулся к университетскому преподаванию. А.А. Федоров-Давыдов, В.В. Павлов, И.Л. Маца, М.А. Ильин, В.М. Василенко, Р.С. Кауфман и Е.А. Некрасова не прерывали свою работу в университете.

Высоко оценивая педагогическую деятельность ведущих профессоров первого послевоенного десятилетия, нельзя отделить их преподавательскую работу от научно-исследовательской. Труды этих ученых, явившиеся плодом высшей творческой зрелости их авторов и оказывающие сильнейшее воздействие на развитие отечественного искусствознания, составляют внушительную библиотеку. Это труды В.Н. Лазарева по истории византийского, древнерусского и западноевропейского (в первую очередь — итальянского) искусства, среди которых, помимо его знаменитой «Истории византийской живописи»⁶⁵, следует назвать такие, как «Происхождение итальянского Возрождения» (1956—1959, т. 1—2), «Андрей Рублев и его школа» (1966), «Старые итальянские мастера» (1974), «Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве» (1979, т. 1—2)⁶⁶. Это «Всеобщая история искусств» М.В. Алпатов⁶⁷ и его многочисленные книги о русских и западноевропейских художниках: «А.А. Иванов. Жизнь и творчество» (1956, т. 1—2); «Этюды по истории западноевропейского искусства» (2-е изд., 1963); «Этюды по истории русского искусства» (1967, т. 1—2); «Художественные проблемы итальянского Возрождения», (1976). Это работы Б.Р. Виппера⁶⁸ по античному и западноевропейскому искусству, зачастую представляющие собой итоговый текст его много лет читавшихся лекционных курсов, апробированных в студенческой аудитории: «Борьба течений в итальянском искусстве XVI века, 1520—1590»; «К проблеме кризиса итальянского гуманизма» (1956); «Становление реализма в голландской живописи XVII века» (1957); «Очерки голландской живописи эпохи расцвета (1640—1670)» (1962); «Проблема реализма в итальянской живописи XVII—XVIII веков» (1966); «Искусство Древней Греции» (1972); «Итальянский Ренессанс XIII—XVI века» (1977, т. 1—2). Это книги А.А. Федорова-Давыдова⁶⁹ по истории русского пейзажа: «Русский пейзаж XVIII — начала XIX века» (1953); «Ф.Я. Алексеев» (1955); «Советский пейзаж» (1958); «И.И. Левитан. Жизнь и творчество» (1966); «Русский пейзаж конца XIX — начала XX века. Очерки» (1974) и работы А.А. Сидорова⁷⁰ по истории русского рисунка, книжной графики и собирательства: «История оформления русской книги» (1946, 2-е изд. — 1964); «Древнерусская книжная гравюра» (1951); «Рисунок старых русских мастеров» (1956); «Рисунок русских мастеров (вторая половина XIX века)» (1960); «Русская гра-

⁶⁵ 2-е, значительно расширенное изд.: *Lazarev V. Storia della pittura bizantina*. Torino, 1967.

⁶⁶ Летопись Московского университета, 1755—1979. С. 350. См. также: *Гращенков В.Н.* Виктор Никитич Лазарев // Византия. Южные славяне и Древняя Русь... (там же см. список трудов В.Н. Лазарева).

⁶⁷ См.: *Дмитриева Н.А.* М.В. Алпатов — выдающийся ученый, пропагандист искусства, педагог // *Искусство*. 1975. № 3.

⁶⁸ См. также: *Ливанова Т.Н.* Борис Робертович Виппер и его научное наследие // Виппер Б.Р. Статьи об искусстве. М., 1970 (там же список работ Б.Р. Виппера); *Ротенберг Е.И.* Памяти Б.Р. Виппера // *Искусство Запада*. М., 1971; *Житов Ю.К.* О Б.Р. Виппере // *Искусство*. 1975. № 8.

⁶⁹ Список трудов А.А. Федорова-Давыдова см. в его книге «Русское и советское искусство: Статьи и очерки» (М., 1975).

⁷⁰ См. также: *Кожин Н.А., Лебедев П.И., Шницел А.Г.* Алексей Алексеевич Сидоров. 2-е изд. М., 1974 (там же см. список работ А.А. Сидорова).

фика начала XX века. Очерки истории и теории» (1969); «Записки собирателя. Книга о рисунках старых и новых» (1969), «Искусство книги» (1979).

С начала 1950-х годов на смену покинувшим по разным причинам Московский университет преподавателям приходят молодые ученые, как правило, воспитанные в стенах самого университета. Первыми в этом новом послевоенном поколении были Ю.К. Золотов и Д.В. Сарабьянов, в 1950 и 1952 годах окончившие аспирантуру отделения, затем — Л.А. Жадова (с 1954 г.), недолго работавшая на кафедре, В.В. Кириллов (с 1957 г.), В.Н. Гращенко и В.Н. Прокофьев (с 1960 г.), А.С. Зайцев (с 1961 г.). Этот процесс обновления кадров продолжался и позднее, когда работать в университет пришли О.С. Евангулова, М.Н. Яблонская, Г.И. Соколов, О.С. Попова, Н.М. Никулина, В.С. Турчин, М.А. Реформатская, Р.В. Савко, Э.С. Смирнова, М.М. Алленов, Е.А. Сердюк, А.И. Морозов. В течение 80-х и в начале 90-х годов отделение пополнилось новым поколением преподавателей в лице В.П. Головина, И.И. Тучкова, Ф.В. Заничева, А.Л. Расторгуева, Г.И. Ревзина (покинул отделение в 2000 г.), С.С. Веселовой, В.Н. Бодровой. Последний приток преподавательских кадров приходится на конец 1990-х годов (А.А. Карев, М.В. Соколова, С.С. Ванеян, Е.А. Ефимова, А.П. Салиенко).

Естественно, что за эти десятилетия в жизни искусствоведческого отделения происходили не только кадровые, но и организационные изменения. В 1950 г. оно было переведено с филологического факультета на исторический, а четыре года спустя образовалась единая кафедра теории и истории искусства, руководителем которой стал А.А. Федоров-Давыдов⁷¹. В 1960 г. вновь были восстановлены две кафедры: одна — истории русского и советского искусства под руководством А.А. Федорова-Давыдова (с 1992 г. — истории отечественного искусства), другая — истории зарубежного искусства во главе с В.Н. Лазаревым (с 1992 г. — всеобщей истории искусства). В 1967 г. тяжелая болезнь вынудила Федорова-Давыдова оставить педагогическую работу. Его преемником по кафедре стал профессор М.А. Ильин. С 1972 по 1984 г. кафедрой истории русского и советского искусства руководил профессор Д.В. Сарабьянов, ученик А.А. Федорова-Давыдова. После него — А.И. Морозов, которого в 2003 г. сменил В.С. Турчин. После кончины В.Н. Лазарева в 1976 г. заведование кафедрой истории зарубежного искусства перешло к его ученику В.Н. Гращенко, который в свою очередь в 2003 г. передал заведование своему ученику В.П. Головину, но остался заведующим отделением теории и истории искусства. Уже много лет обе кафедры ежегодно проводят научные конференции памяти А.А. Федорова-Давыдова и В.Н. Лазарева, привлекающие большое число специалистов и слушателей. Великолепная научная библиотека Лазарева, завещанная им кафедре, стала теперь учебным кабинетом истории искусства имени В.Н. Лазарева.

Органическое соседство специалистов разных поколений и сохранение сложившихся традиций университетского преподавания и научно-педагогического изучения истории и теории искусства, высокий уровень преподавания

⁷¹ Сб. трудов объединенной кафедры со статьями Г.А. Недошивина, В.В. Павлова, М.М. Кобылиной, В.Н. Лазарева, Ю.К. Золотова, М.А. Ильина, Е.А. Некрасовой, А.А. Федорова-Давыдова, Г.Ю. Стерна, Л.А. Жадовой, Н.Н. Коваленской и И. Л. Маца «Материалы по теории и истории искусства» был опубликован в 1956 г.

истории и теории искусства на историческом факультете в огромной степени определялись деятельностью ведущих профессоров, связанных с развитием того или иного направления искусствоведческой науки. Каждый из них оставил свой след в жизни кафедры, печать своей творческой индивидуальности.

Историю университетского искусствознания за последние пятьдесят лет целесообразно рассмотреть по отдельным научным направлениям и школам, которые в это время умножились и окрепли. Поскольку каждое направление имеет свою собственную историю, неизбежно придется возвращаться к предыдущим периодам развития искусствознания.

Как уже отмечалось, начиная с 1920-х годов происходило смещение научных интересов от античного искусства, находившегося в центре внимания до-революционной университетской школы, к западноевропейскому и русскому, к проблемам теории и художественной критики. Эти тенденции к расширению искусствоведческой проблематики получают развитие в 1930-е годы, когда во всеобщую историю искусства с равным правом входят древняя классика и современность, художественная жизнь Запада и Востока, творчество отдельных мастеров и народное искусство.

Преподавание и практическое изучение в университете древнерусского искусства поставил еще А.И. Некрасов. Его преемником в этом деле был М.В. Алпатов; до своего ухода из университета в 1947 г. он читал лекции и вел семинар по древнерусскому искусству. Затем долгое время этой специализацией руководил М.А. Ильин, известный своими многочисленными работами по истории древнерусской архитектуры, а также — русской архитектуры эпохи классицизма⁷². Позже он стал заниматься и живописью Древней Руси⁷³. М.А. Ильин не раз объявлял спецкурсы, названия которых вскоре можно было увидеть на обложках его книг, — «Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева или «Русское шатровое зодчество XVI века». Ильюна можно было бы по праву назвать историком московской архитектуры⁷⁴. Памятники Москвы и Подмосковья он знал превосходно и горячо отдавался их популяризации⁷⁵.

В.Н. Лазарев, так много сделавший в исследовании древнерусской живописи, занятий по этому предмету не вел, но руководил дипломными работами и диссертациями. У него было немало учеников, ставших потом известными специалистами по древнерусскому и византийскому искусству. Две его ученицы —

⁷² *Ильин М.А.* Рязань. Историко-архитектурный очерк. М., 1954. Ч. 1: XI – нач. XX в.; *Он же* (при участии П.Н. Максимова и В.В. Косточкина). Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. М., 1955. Т. 3; *Он же*. Архитектура и декоративное убранство XVII века // Там же. М., 1959. Т. 4; *Он же*. Зодчий Яков Бухвостов. М., 1959; *Он же*. М.Ф. Казаков и его школа // История русского искусства. М., 1961. Т. 6; *Он же*. Каменная летопись Московской Руси. Светские основы каменного зодчества XV–XVII веков. М., 1966; *Он же*. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980; *Он же*. К вопросу о русских усадьбах XVIII века // Русский город. М., 1981. Вып. 4: Москва и Подмосковье. Список его работ см. в кн.: *Ильин М.А.* Исследования и очерки. Избранные работы об искусстве народных промыслов и архитектурном наследии XVI–XX веков. М., 1976.

⁷³ См.: *Ильин М.А.* Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева: Проблемы, гипотезы, исследования. М., 1976.

⁷⁴ См. его воспоминания: *Ильин М.* Пути и поиски историка искусства. М., 1970.

⁷⁵ См.: *Ильин М.А.* Древнее Подмосковье. М., 1947; *Он же*. Москва. М., 1963 (2-е изд. 1970); *Он же*. Подмосковье. М., 1965 (3-е изд. 1974); *Он же*. Москва. Памятники архитектуры XVI–XVII веков. М., 1973; *Он же*. Москва: Памятники архитектуры XVIII – первой трети XIX века. М., 1975.

О.С. Попова и М.А. Реформатская — и сегодня работают в университете⁷⁶. Школе Лазарева, ее научно-исследовательской методике близок творческий почерк Э.С. Смирновой⁷⁷. Она читает курсы лекций «История древнерусского искусства» и ведет (совместно с О.С. Поповой) ежегодный спецсеминар «Основные проблемы истории византийского и древнерусского искусства». Смирновой подготовлены такие исследования, как «Живопись Великого Новгорода. XV век» (М., 1982, совместно с В.К. Лауринио и Э.А. Гордиенко); «Московская икона XIV—XVII вв.» (Л., 1988); «Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век» (М., 1994) и многие другие. Заметным явлением стал сделанный Э.С. Смирновой перевод книги О. Демуса «Мозаики византийских храмов». Ей же принадлежит весьма содержательное предисловие к переводу книги А. Грабара «Император в византийском искусстве» (СПб., 2001).

В 1967 г. на «Ломоносовских чтениях» в Московском университете В. Н. Лазарев выступил с докладом (позднее опубликованном) «О некоторых проблемах в изучении древнерусского искусства»⁷⁸. В нем рассматривался широкий круг методологических и историко-художественных вопросов, имеющих принципиальное значение не только для специалистов по древнерусскому искусству, но и для всех, кто занимается исследованием средневековой художественной культуры, и вообще для всех, кто стремится к научному изучению истории искусства. Решительно протестуя против субъективности и неисторичности в интерпретации средневекового искусства, против пренебрежения методами научного исследования, Лазарев подчеркивал: «В методике современного историка искусства, который прежде всего должен быть знатоком своего материала, анализ формы должен быть неотделим от анализа содержания. И здесь историк искусства не может игнорировать ни иконографию, ни иконологию, ни технику, ни палеографию. Он должен быть немножко филологом. Он должен знать историю и ту конкретную социальную среду, в условиях которой был создан изучаемый им памятник. Он должен быть хорошо знаком с ведущими идеями эпохи», независимо от того, «воплощены ли они средствами изобразительного искусства, литературы, философии или науки»⁷⁹. Но, по мнению ученого, для успешного исследования художественных памятников «нужен “атрибуционный глаз”, нужно чувство качества, которого так часто недостает нашим историкам искусства»⁸⁰. «Самое трудное в нашей науке, — замечал он, — это органически сочетать анализ содержания и анализ формы, трактуя их как неразрывное единство и объясняя их развитие теми конкретными социальными и историческими условиями, которые обусловили их возникновение и дальнейшую эволюцию.

⁷⁶ См.: *Попова О.С.* Новгородские миниатюры и второе восточнославянское влияние Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968; *Она же.* Галицко-волынские миниатюры раннего XIII века (К вопросу о взаимоотношении русского и византийского искусства) // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972; *Попова О.* Les miniatures russes du XI-e au XV-e siècle. Leningrad, 1975; *Попова О.С.* Свет в византийском и русском искусстве XII—XIV веков // Советское искусствознание 77. М., 1978. Вып. 1; *Она же.* Искусство Новгорода и Москвы первой половины четырнадцатого века. Его связи с Византией. М., 1980; *Реформатская М.А.* Северные шлемы. М., 1968; *Она же.* О группе произведений иконоской станковой живописи второй половины XIV века // Древнерусское искусство. Художественная культура Некова. М., 1968.

⁷⁷ См.: *Смирнова Э.С.* Живопись Оболензя XIV—XVI веков. М., 1967; *Она же.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М., 1976; *Смирнова Э.С., Лауринио В.К., Гордиенко Э.А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.

⁷⁸ *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970.

⁷⁹ Там же. С. 313.

⁸⁰ Там же. С. 309.

Поэтому не может и не должен существовать особый тип “искусствоведа”, занимающегося только художественным анализом, и особый тип “иконографа” либо “иконолога”, специализирующегося на раскрытии содержания художественного произведения. Эти две стороны должны быть неразделимы в трудах любого современного исследователя. В этом и состоит прогресс нашей науки по сравнению со старой иконографической школой и формализмом вельфиновского типа»⁸¹.

В последние годы жизни, размышляя над путями развития и задачами искусствоведения, В.Н. Лазарев неоднократно возвращался к проблемам методологического характера, как специально обращенным к материалу средневекового искусства, так и более общего плана. Нельзя не вспомнить его слова о Грабаре, в полной мере применимые и к нему самому: «Он всегда говорил, что надо гораздо больше любить само произведение искусства, нежели те слова, которые пишут об этом произведении историки искусства»⁸².

Цикл занятий по истории русского и советского искусства долгие годы вела группа преподавателей, среди которых выделялся А.А. Федоров-Давыдов. Двадцать лет он читал лекции и вел семинар по истории русского искусства от Петровской эпохи до 1917 г. По этой же проблематике занятия проводили Н.Н. Коваленская, работавшая еще в ИФЛИ, и рано умерший Г.В. Жидков. Их научные интересы были сосредоточены на искусстве XVIII — первой трети XIX в. Последние десять лет своей жизни Г.В. Жидков, преподавая в университете, одновременно руководил научной работой Третьяковской галереи.

Благодаря Федорову-Давыдову история русского искусства XVIII — начала XX в. заняла важное место в профессиональной подготовке студенчества. Читая тот же лекционный курс, его ученик Д.В. Сарабьянов широко опирался на результаты собственных научных исследований. Его творческие интересы охватывают все новое русское искусство от романтизма до наших дней⁸³. Выступая то как историк, то как критик, он откликается на все значительное, неповторимое, что было в русском искусстве. Д.В. Сарабьянова равно интересуют и сложные идейно-художественные процессы, и отдельные творческие личности, и особенно — язык живописи. После передвижников, Репина, Серова и Врубеля он обратился к анализу творчества мастеров 1910-х годов, а затем — Федотова и Кипренского. Одновременно исследователь не оставлял занятий живописью советского периода; изучал искусство русского

⁸¹ Там же. С. 307.

⁸² Лазарев В.Н. Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. С. 304.

⁸³ См.: Сарабьянов Д.В. Народно-освободительные идеи русской живописи второй половины XIX века. М.: JL, 1955; *Он же*. И.Е. Репин. М., 1955; *Он же*. С.А. Чуйков. М., 1958 (2-е изд. — М., 1976); *Он же*. Валентин Серов. М., 1961; *Он же*. Творческий путь Фалька // Фальк. Выставка произведений [каталог]. М., 1966; *Он же*. Образы века. О русской живописи XIX века, ее мастерах и их картинах. М., 1967; *Он же*. Павел Андреевич Федотов. М., 1969; *Он же*. Русская живопись конца 1900-х — начала 1910-х годов: Очерки. М., 1971; *Он же*. П.А. Федотов и русская художественная культура 40-х годов XIX века. М., 1973; *Он же*. Русские живописцы начала XX века (Новые направления). JL, 1973; *Он же*. В.А. Серов. М., 1974; *Он же*. А.В. Бабичев: художник, теоретик, педагог. М., 1974; *Он же* (совместно с Л.А. Будковой). Павел Кузнецов. М., 1975; *Он же*. О.А. Кипренский. М., 1982; *Он же*. Николай Андронов: живопись, монументальное искусство. М., 1982. См. также разделы о Серове, Репине и Серове, написанные Д.В. Сарабьяновым для «Истории русского искусства» (М., 1965. Т. 9. Кн. 1; М., 1968. Т. 10. Кн. 1). Список работ Д.В. Сарабьянова см. в кн.: Сарабьянов Д.В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980.

и западноевропейского модерна⁸⁴. Обращаясь к истории отечественного искусства, Сарабьянов всякий раз находит оригинальное творческое решение художественной проблемы. Можно смело сказать, что его книга «Русская живопись XIX — начала XX века среди европейских школ» (1980) и по содержанию, и по методу анализа материала открыла новые перспективы в изучении русского искусства⁸⁵. Нелегкие методические задачи пришлось решать Д.В. Сарабьянову и коллективу руководимой им тогда кафедры при создании учебника по истории русского и советского искусства, предназначенного для студентов-историков⁸⁶.

О.С. Евангулова — ученица А.А. Федорова-Давыдова⁸⁷, видный специалист по истории русского искусства XVIII в., продолжатель научной школы своего наставника, в свою очередь, имеет немало последователей. Круг ее научных интересов весьма широк: историографические, иконографические, а также атрибуционные проблемы изучения русского искусства XVIII в., художественная культура русской усадьбы, художественные связи России и Запада в XVIII в. О.С. Евангулова является автором целого ряда книг, в числе которых — «Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в.» (М., 1987); «Русское искусство X—XX вв.» (М., 1989, совместно с М.М. Алленовым и Л.И. Лифшицем); «Портретная живопись в России второй половины XVIII в.» (М., 1994, в соавторстве с А.А. Каревым). Недавняя ее публикация — «Художественная "вселенная" русской усадьбы» (2003). В 1995 г. О.С. Евангуловой была присуждена Ломоносовская премия МГУ. Ученик Евангуловой А.А. Карев — специалист по отечественному искусству XVIII в. Его докторская диссертация посвящена межвидовым проблемам русского портрета XVIII в. Карев — автор книги «Миниатюрный портрет в России XVIII в.» (М., 1989). В настоящее время предмет его научных интересов — проблемы атрибуции, типологии и иконографии русского искусства этого периода.

Научные интересы М.М. Алленова, ученика А.А. Федорова-Давыдова и отчасти Д.В. Сарабьянова, связаны с русской живописью XIX — начала XX в. и ее историко-философским осмыслением, причем с самых актуальных в методологическом плане позиций. Именно ему студенту уже в 80-е годы были обязаны знакомству с идеями французского структурализма (в лице М. Фуко). Алленов — известный специалист по творчеству А.А. Иванова, книга о котором, написанная по материалам его кандидатской диссертации, необыкновенно популярна⁸⁸. Кроме того, Алленов является автором монографий о Василии Сурикове (1996) и Михаиле Врубеле (1996). Докторская

⁸⁴ См.: *Сарабьянов Д.В.* К определению стиля модерна // Советское искусствознание '78. М., 1979. Вып. 2.

⁸⁵ См. также: *Сарабьянов Д.В.* Новейшие течения в русской живописи предреволюционного десятилетия (Россия и Запад) // Советское искусствознание '80. М., 1981. Вып. 1.

⁸⁶ История русского и советского искусства / Под ред. Д.В. Сарабьянова. М., 1979.

⁸⁷ См.: *Евангулова О.С.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969; *Она же.* Портрет петровского времени и проблема сходства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1979. № 5; *Она же.* Светский интерьер Москвы конца XVII — начала XVIII века // Русский город. М., 1981. Вып. 4.

⁸⁸ *Алленов М.М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. См. также: *Алленов М.М.* Этюды цветов Врубеля (1886—1887) // Советское искусствознание '77. М., 1978. Вып. 2; *Она же.* Портретная концепция К. Сомова // Советское искусствознание '81. М., 1982. Вып. 1.

диссертация Алленова посвящена «Метаморфозам романтической идеи в лейтмотивах русского искусства» (1995). Крупная его публикация — «Русское искусство XVIII — XIX вв.» (М., 2000). Материалы спецкурса по проблемам отражения и бытования произведений изобразительного искусства в литературе и поэзии были использованы автором в его последней книге «Тексты о текстах» (2003).

В.В. Кириллов — ученик не только Федорова-Давыдова, но и М.А. Ильина — продолжает архитектуроведческие штудии последнего, являясь специалистом по истории отечественной архитектуры XVIII и XX вв. Кириллов — автор вводной главы в фундаментальном издании «Градостроительство Московского государства XVI—XVII вв.» (М., 1994)⁹⁰. Давно стали основополагающими учебными пособиями его книги «Путь поисков и экспериментов» (М., 1974) и «Архитектура русского модерна» (М., 1979), где строгий научный анализ сочетается с живым и индивидуальным стилем изложения. В настоящее время Кириллов подготовил к печати продолжение своей недавно вышедшей монографии «Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII в. к петровским преобразованиям» (М., 2000) — книгу, посвященную анализу архитектуры Петербурга петровского времени. Сегодня объект особого внимания Кириллова — теория и практика «деконструкции» в контексте постсоветской художественной и научной реальности (как альтернативы «историзму», понятому в качестве универсальной парадигмы, господствовавшей в искусстве и науке до недавнего времени).

Анализу художественно-критической деятельности в современной художественной жизни посвящена докторская диссертация А.И. Морозова. Он автор целого ряда книг, среди которых «Художник и мир его личности» (М., 1981); «Поколения молодых» (М., 1989); «Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов» (М., 1995). Кроме того, А.И. Морозов совмещает работу в Московском университете с должностью заместителя генерального директора ГТГ.

Изучением истории отечественного искусства советского периода в Московском университете занимался П.И. Лебедев⁹⁰, а затем на протяжении тридцати пяти лет — Р.С. Кауфман⁹¹, который был признанным специалистом по истории русской и советской художественной критики⁹².

Изучение и преподавание истории современного отечественного изобразительного искусства имеет свою специфику. Все, кто занимался историей советского искусства, активно проявляли себя в повседневной работе

⁹⁰ См. также: *Кириллов В.В.* Архитектура и градостроительство Подмосковья (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. М., 1980. Вып. 3.

⁹¹ См.: *Лебедев П.И.* Советское искусство в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // М.; Л., 1949.

⁹² Р.С. Кауфманом написаны все разделы по истории советской живописи и совместно с А.А. Сидоровым разделы по графике в 11–13 томах «Истории русского искусства» (М., 1957, 1961, 1964) и в т. 10, кн. 1–2 (М., 1968–1969) — разделы о бытовой и исторической живописи рубежа XIX и XX веков и о «Союзе русских художников». См. также: *Кауфман Р.* Советская тематическая картина, 1917–1941. М., 1951.

⁹³ См.: *Кауфман Р.С.* Русская и советская художественная критика. С середины XIX века до 1941 года: Учеб. пособие. М., 1978.

творческих союзов, часто выступали в периодической печати. Это в равной мере относится к А.А. Федорову-Давыдову, Г.А. Недопинину, Р.С. Кауфману, Д.В. Сарабьянову, М.П. Яблонской и А.И. Морозову. Ими и другими преподавателями написаны многочисленные монографии об отдельных художниках⁹³. Профессиональное изложение истории советского изобразительного искусства, участие в работе творческих союзов помогают преподавателям приобщать студентов к осмысленно актуальным вопросам современной художественной жизни⁹⁴.

Что касается советской архитектуры, то горячим пропагандистом ее истории и творческих достижений был М.А. Ильин, который, как известно, сам занимался архитектурно-строительной деятельностью. И здесь, как и в области старого русского зодчества, его интересовали почти исключительно постройки и мастера московской школы⁹⁵.

Народное искусство на территории нашей страны, его глубинные истоки и традиции, современное состояние — особая сфера художественного творчества, которую плодотворно исследовал В.М. Василенко, в свое время крупнейший специалист в этой области⁹⁶. Сегодня его дело на кафедре продолжает Н.Н. Мамонтова. Народными промыслами и современным прикладным искусством с увлечением занимался М.А. Ильин.

В рамках истории отечественного искусства изучалась художественная жизнь Украины, Белоруссии, национальных республик Средней Азии, Закавказья и Прибалтики. Такая практика началась еще в 1920–1930-е годы по инициативе Б.П. Деннике. В течение многих лет этим занимался Б.В. Веймарн, в 1980-е годы к этой тематике обратилась Т.Д. Минкина.

Отечественное искусство изучается в университете в широких хронологических рамках — от древности до наших дней, по многим направлениям и видам искусства, что позволяет определить его место и специфику в общемировом художественно-историческом процессе.

Велико значение научных исследований, осуществляемых на искусствоведческом отделении кафедрой всеобщей истории искусства. Помимо собственной истории искусства, в ее поле зрения находятся научные дисциплины пропедевтического, методологического, теоретического и практического характера.

⁹³ См.: *Кауфман Р.* Кукрынишки. М.: Д., 1937; *Он же.* Д. Моор. М., 1937; *Он же.* С.В. Ряншина. М.: Д., 1948; *Он же.* Б.Н. Яковлев. М.: Д., 1950; *Колтицкий Ю.* Д. И. Д. Шар. М., 1954; *Маца И. Л.* А.А. Дейнека. М., 1959; *Федоров-Давыдов А.А.* А.А. Рылов. М., 1959; *Б.В. Веймарн.* У. Тансыкбаев. М., 1961; *Недопинин Г.А.* Н.М. Ромашин. М., 1961; *Яблонская М.П.* К.Н. Истомина. М., 1972.

⁹⁴ См.: *Морозов А.И.* Советская живопись 70-х. М., 1979; *Он же.* Художник и мир личности. М., 1981; *Он же.* Современные вопросы и опыт истории / Советское искусствознание '81. М., 1982. Вып. 1.

⁹⁵ См. его ранние публикации 1930-х годов, а также написанную совместно с Н.М. Бачинским книгу «Архитектура (1921–1939)» (История русского искусства. М., 1957. Т. 11) и работу «Весенний» (М., 1960).

⁹⁶ См.: *Василенко В.М.* (совместно с А.В. Бакушиным). Искусство Мстеры. М., 1934; *Он же* (совместно с М. Артамоновым). Федоскино. М., 1935; *Он же.* Северная резная кость (Холмогоры). М., 1936; *Он же.* Северная резная кость (Холмогоры, Тобольск, Чукотка). М., 1947; *Он же.* Искусство Холмогор. М., 1959; *Он же.* Народное искусство: Избр. труды о народном творчестве X–XX веков. М., 1975 (там же список работ В.М. Василенко); *Он же.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до н. э. — XIII век н. э. М., 1977.

Ведущее положение в круге научных интересов сотрудников отделения неизменно занимает античное искусство. Традиция изучения истории искусства древнего мира прочно ассоциируется с именами В.В. Павлова⁹⁷, В.Д. Блаватского⁹⁸, М.М. Кобылиной и Ю.Д. Колпинского. Многие еще помнят тот энтузиазм, с каким Ю.Д. Колпинский анализировал произведения эллинистической пластики, помогая своим слушателям понять непреходящие художественные ценности классического искусства древности⁹⁹. М.М. Кобылина известна своими исследованиями греческой художественной культуры¹⁰⁰. Изучение античного искусства многим обязано ушедшему от нас в 2000 г. Г.И. Соколову. Занимаясь римским скульптурным портретом, Г.И. Соколов много сделал для популяризации всего античного искусства. В настоящее время область античного искусства находится в ведении Н.М. Никулиной, которая одновременно читает лекции по искусству Древнего Востока. Особый круг ее научных интересов — связи греческого мира с Древним Востоком¹⁰¹. Этой теме посвящена и докторская диссертация Никулиной, защищенная в Институте востоковедения РАН (1999), и монография «Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V—IV вв. до н.э.» (М., 1994).

В.В. Павлов многие годы возглавлял не только классическое, но и ориенталистское направление научной деятельности кафедры. Долгое время искусство арабских стран или народов, связанных с арабской цивилизацией, а также искусство Средней Азии (включая и советский период истории) были предметом интересов Б.В. Веймарна¹⁰². Специализацией по искусству стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии руководила Н.А. Виноградова, являясь научным консультантом кафедры в данной области¹⁰³. Последние двадцать пять лет эта тематика плодотворно разрабатывается Е.А. Сердюк. Предмет ее особых научных пристрастий — иконография искусства буддизма, а также современная архитектура Японии, японская гравюра XX в., сценография японского

⁹⁷ См.: Павлов В.В. Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1949; Матье М.Э., Павлов В.В. Памятники искусства Древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958; Павлов В.В., Ходжиси С.И. Художественное ремесло Древнего Египта. М., 1959; Павлов В.В. Фаюмский портрет. М., 1965; Он же. Египетский портрет I—IV веков. М., 1967; Он же. Образы прекрасного: Искусство Древнего Египта. Глиптика. Русское и советское искусство. Русская природа. М., 1979 (там же список его работ). См. также: Померанцева Н.А. Всеволод Владимирович Павлов (1898—1972) // Советское искусствоведение '80. М., 1981. Вып. 1.

⁹⁸ Среди послевоенных работ В.Д. Блаватского следует особо выделить его монографию, опубликованную Издательством МГУ: Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

⁹⁹ См.: Колпинский Ю.Д. Скульптура Древней Эллады. М., 1963; Он же. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М., 1970; Он же. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1977. См. также: Колпинский Ю.Д., Бриттоса П.Н. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982.

¹⁰⁰ См.: Кобылина М.М. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. М., 1953.

¹⁰¹ См.: Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М., 1971; Он же. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. М., 1973; Он же. Искусство Древней Греции. М., 1980; Он же. Оливия. М., 1980; Он же. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. М., 1983; Никулина Н.М. Искусство эгейского мира и его связи с искусством Древнего Востока // Вестник древней истории. 1977. № 3; Она же. О взаимосвязях древнегреческого и древневосточного искусства // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.

¹⁰² См.: Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. М., 1974.

¹⁰³ См.: Виноградова Н.А. Искусство средневекового Китая. М., 1962; Она же. Китайская пейзажная живопись. М., 1972; Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока (Малая история искусства). М., 1979; Виноградова Н.А. Скульптура Японии III—XIV вв. М., 1981.

театра, Е.А. Сердюк — признанный специалист и искусства Индии. Она является автором книг «Современное искусство арабского народа Палестины» (М., 1982) и «Японская театральная труппа XVII—XIX вв.» (М., 1990).

Обращаясь к истории византистики в стенах Московского университета, следует еще раз упомянуть имена самых известных исследователей византийского искусства XIX—XX вв. — Ф.И. Буслаева, Н.П. Кондакова, В.Н. Щепкина, А.И. Некрасова, В.Н. Лазарева. В XIX и начале XX в. не существовало отдельных курсов по искусству Византии и Древней Руси; читались курсы, посвященные преимущественно русскому искусству, но византийская тематика непременно входила в них, составляя немалую их часть.

Прославленный филолог, историк древнерусской литературы Ф.И. Буслаев читал общий курс по истории русской литературы, в который на правах особой части входила тема византийско-древнерусской литературы. Знаменитый домашний семинар Ф.И. Буслаева продолжался вплоть до кончины его руководителя в 1897 г.

Ф.И. Буслаев, В.Н. Щепкин, В.Н. Лазарев — представители разных поколений, занимавшиеся разными предметами: Буслаев — литературой, Щепкин — палеографией и только Лазарев — собственно византийским искусством. Тем не менее их связывает общее для них — любовь к византийскому искусству и особое его эстетическое восприятие.

А.И. Некрасов был учителем целой плеяды искусствоведов следующего поколения, в том числе таких известных специалистов по византийскому и древнерусскому искусству, как В.Н. Лазарев, Н.И. Брунов, М.В. Алпатов, Г.В. Жидков. Все они были его аспирантами. Учениками Некрасова являлись также М.А. Ильин и В.И. Антонова. Можно без преувеличения сказать, что А.И. Некрасов создал московскую школу искусствоведения в области византистики и славистики. Его ученики старшего поколения — Лазарев, Брунов, Алпатов, Жидков — преподавали в Московском университете. Все они блестяще начинали свою научную «византийскую» жизнь, но судьбы их сложились по-разному. Лазарев и Брунов создали основополагающие труды по истории византийской живописи и архитектуры, получившие мировую известность. Жидкову принадлежит немного работ, не утративших, однако, значения и поныне и отличающихся редкой пронизательностью мысли и ювелирной тонкостью стилистического анализа. Алпатов довольно рано оставил исследования в области византийского искусства, сменив их на занятия искусством Нового времени и создание всеобщей истории искусств.

В 1968 г. В.Н. Лазарев добился значительного расширения византийского курса и для чтения лекций пригласил свою ученицу О.С. Попову, тогда молодого специалиста по византийскому искусству. Так после тридцатилетнего перерыва (1938—1968) была восстановлена византийская специализация, и это было новацией, осуществленной Лазаревым при поддержке ректора университета И.Г. Петровского. О.С. Попова является крупнейшим российским специалистом по искусству Византии. Наука о византийском искусстве укрепила свои позиции: выросли новые поколения исследователей; появилось и совсем молодое «племя» византистов-искусствоведов; многие из тех, кто уже давно закончил университет, по-прежнему принимают участие в университетском семинаре по истории византийского искусства.

Последние двадцать лет западное средневековье — предмет научных изысканий А.Л. Расторгуева, чьи исследовательские интересы простираются и в сторону Ренессанса, особенно северного, где, как известно, границы с поздней античностью сильно размыты.

В истории кафедры всеобщей истории искусства особое место занимает изучение основополагающих для всего западноевропейского искусства Нового и новейшего времени проблем художественной культуры эпохи Возрождения.

Ученику В.Н. Лазарева В.Н. Гращенкову принадлежат научные публикации как по истории ренессансного искусства, так и по общетеоретической проблематике¹⁰⁴. Можно выделить и более узкие сферы интересов Гращенкова — искусство портрета, искусство рисунка, история архитектуры (в том числе и русский классицизм) и, конечно же, «история истории искусства», включающая и историографические, и методологические штудии. Особо следует отметить интерес Гращенкова к проблеме итальянского барокко. Кроме многочисленных статей, часть из которых если не по объему, то по значению можно сравнить с монографиями, его перу принадлежат книги: «Рисунки западноевропейских художников XIX века» (М., 1961); «Рисунок мастеров итальянского Возрождения» (М., 1963); «Рафаэль» (М., 1971); «Антонелло да Мессина и его портреты» (М., 1981); «Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения» в двух томах (М., 1996). Вполне справедливо говорить о школе Гращенкова в стенах Московского университета.

Так, В.П. Головин, будучи учеником В.Н. Гращенкова и продолжая его традицию изучения искусства и культуры эпохи Возрождения, читает курс «Искусство эпохи Возрождения». Им, фактически, возобновлен на современном методологическом уровне социологический подход к изучению искусства, достаточно традиционный для западной науки, но сильно дискредитированный отечественной вульгарной социологией. Головиным изданы книги «Скульптура и живопись итальянского Возрождения: влияния и взаимосвязь» (М., 1985); «От амулета до монумента. Книга об умении видеть и понимать скульптуру» (М., 1999); «Мир художника Раннего Возрождения» (М., 2002, 2003). Еще один ученик Гращенкова, И.И. Тучков, успешно совмещает интерес к эпохе Возрождения с занятиями искусством Древнего Рима, являясь одновременно специалистом по итальянской вилле эпохи Возрождения. По теме своей кандидатской диссертации Тучковым издана книга «Классическая традиция и искусство Возрождения» (М., 1992).

Б.Р. Винипер, вернувшийся в 1943 г. после долгого перерыва к работе в Московском университете, систематических лекций уже не читал. Но из его ежегодного семинара по западноевропейскому искусству XVII—XVIII вв. вышло несколько учеников и в их числе — Ю.К. Золотов. Именно он с 1950 г. стал

¹⁰⁴ См.: *Гращенков В.Н.* Рисунки Андреа дель Сарто // Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1957. М., 1958; *Он же.* Сандро Боттичелли. М., 1960; *Он же.* Рисунок мастеров итальянского Возрождения. М., 1963; *Он же.* Рафаэль. М., 1971 (2-е изд. — М., 1975); *Он же.* Книга О. Бенеша и проблемы Северного Возрождения // Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973; *Он же.* Гуманизм и портретное искусство раннего итальянского Возрождения // Советское искусствознание '75 и '76. М., 1976. Вып. 1; *Он же.* Альберти как архитектор — Леон Баттиста Альберти. М., 1977; *Он же.* О принципах и системе периодизации искусства Возрождения // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978; *Он же.* Портрет в творчестве Пьеро делла Франческа // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978; *Он же.* Итальянская портретная живопись раннего Возрождения и Нидерланды // Советское искусствознание '78. М., 1979. Вып. 2; *Он же.* Георг Вейзе об итальянском Возрождении // Советское искусствознание '79. М., 1980. Вып. 2; *Он же.* Антонелло да Мессина и его портреты. М., 1981.

читать курс лекций, а затем и вести семинар по западноевропейскому искусству XVII—XVIII вв. И хотя ему как преподавателю приходилось обращаться также к другим разделам истории искусства, художественная культура XVII—XVIII вв., и особенно французская культура этих столетий, была главной областью его научно-исследовательских интересов. Ю.К. Золотов плодотворно занимался творчеством Ватто, опубликовал исследование о французском портрете XVIII в., монографию о Жорже де Латуре и книгу о творчестве Пуссена¹⁰⁵. Он подготовил немало специалистов по европейскому искусству XVII—XVIII вв. Его преемником стал Ф.В. Заничев, занимающийся испанским искусством. Е.А. Ефимова — ученица В.Н. Гращенкова — специалист в области архитектурной теории (ее диссертация посвящена теоретическому творчеству Филибера Делорма). Стажировки во Франции значительно расширили и обогатили кругозор Ефимовой, проявляющей в последнее время интерес к искусству витража во Франции.

Большие изменения за последние пятьдесят лет произошли в изучении и преподавании истории зарубежного искусства XIX—XX вв. Лекционный курс по этому периоду читали сначала М.В. Алпатов, затем Ю.Д. Колпинский, а после него — В.Н. Прокофьев. Проблемы истории искусства этих столетий изучались В.С. Турчиным и Р.В. Савко. То, что раньше находилось во власти главного образом художественной критики, теперь все более становится объектом отстраненного наблюдения и аналитического изучения. Первым новый подход к интерпретации зарубежного искусства XIX—XX вв. продемонстрировал в своих лекциях и печатных работах В.Н. Прокофьев¹⁰⁶. Проблемы художественной культуры XX в. по-новому рассматриваются и в трудах В.С. Турчина¹⁰⁷ — одного из крупнейших специалистов по зарубежному искусству XIX—XX вв. Среди его последних работ — «По лабиринтам авангарда» (М., 1993); «Александр I и неоклассицизм в России» (М., 2001); «Образ двадцатого...» (М., 2003). Безвременно скончавшаяся Р.В. Савко плодотворно занималась творчеством Ж.-Б.-Д. Энра.

* * *

И в изучении, и в преподавании истории искусства произошли существенные перемены. Они связаны с общим развитием искусствоведения — его фактическим обогащением, совершенствованием методологии исследования. Суть этих перемен проявилась прежде всего в усилении внимания к теоретическим проблемам науки. Еще одна характерная черта, отчасти уже отмеченная, связана

¹⁰⁵ См.: Золотов Ю.К. Французское искусство XVIII в. — Всеобщая история искусств. М., 1964. Т. 4; *Он же*. Французский портрет XVIII в. М., 1965; *Он же*. Антуан Ватто. Старинные тексты. М., 1971 (вступит. ст., сост., комм.); *Он же*. Антуан Ватто. М., 1973 (вступит. ст., сост.); *Он же*. Жорж де Латур. М., 1979; *Он же*. Пуккарро и Караваджо: сущность конфликта // Советское искусствоведение. 1978. М., 1979. Вып. 1; *Он же*. О художественной системе Пуссена // Искусство. 1979. № 1; *Он же*. Пуссен и вольнодумцы // Советское искусствоведение. 1978. М., 1979. Вып. 2; *Он же*. К вопросу об эстетических воззрениях Пуссена // Искусство. 1981. № 11.

¹⁰⁶ См.: Прокофьев В.Н. Теодор Жерико. М., 1963; *Он же*. «Эстетика» абстрактного искусства // Современное искусствоведение за рубежом. М., 1964; *Он же*. «Капричос» Гойи. М., 1970; *Он же*. Постимпрессионизм. М., 1973; *Он же*. Западное искусство новейшего времени и наследие мировой художественной культуры // Советское искусствоведение. 1979. М., 1980. Вып. 1.

¹⁰⁷ Турчин В.С. Искусство и политика во взглядах «новых левых» // Советское искусствоведение. 1975. М., 1976; *Он же*. Социальные и эстетические противоречия стиля модерн // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1977. № 6; Турчин В.С. К суждению об авангардизме и неоавангардизме // Советское искусствоведение. 1977. М., 1978. Вып. 1.

с методом анализа русской живописи в сопоставлении ее с другими европейскими школами, который успешно был применен Д.В. Сарабьяновым. Такой комплексный подход не был новинкой. Им широко пользовался М.В. Алпатов при сравнительном анализе русского и западноевропейского искусства, В.Н. Лазарев — при исследовании связей древнерусского искусства с византийским и западноевропейским, итальянского с византийским. Методологическим приемам В.Н. Лазарева следует О.С. Попова в изучении древнерусской и византийской живописи. Способ параллельного рассмотрения одновременных процессов и явлений в различных национальных художественных школах всегда был результативен. В этом плане показателен интерес В.С. Турчина к живописи русского и французского романтизма¹⁰⁸, В.Н. Гращенкова — к анализу связей архитектуры русского классицизма с западноевропейским палладианством¹⁰⁹.

В первые послевоенные годы Ш.М. Розенталь продолжила начатую А.А. Сидоровым традицию изучения рисунков старых мастеров. Много позже В.Н. Гращенков, занимавшийся в семинаре Розенталь, на протяжении ряда лет читал спецкурс «Рисунки старых западных мастеров (XIII—XIX века)», вел семинарские занятия, руководил дипломными работами по этой тематике.

Значительные изменения произошли в сфере архитектуроведческих исследований, начатых в свое время Н.И. Бруновым и А.Г. Габричевским. С эпох классической архитектуры акценты сместились в сторону современности, от анализа отдельных шедевров — к проблемам градостроительства и пространственной среды. К этому добавилось увлечение дизайном.

Новые задачи возникают и в ходе практических занятий по технике рисунка, печатной графики и живописи. В свое время этими занятиями руководил талантливый художник-график Н.Н. Вышеславцев (1890—1952), затем — П.Г. Пастухов, а после него свыше сорока лет лекционные и практические занятия по данному предмету ведет А.С. Зайцев. Он же является специалистом в области архитектурной реставрации и практики архитектурных обмеров, став в этой части учебной работы преемником М.А. Ильина. А.С. Зайцев — автор монографии «Наука о цвете и живописи» (М., 1980).

Изучение истории искусства и приобретение студентами навыков практической работы дополняется занятиями по теории искусства. Следует отметить большую роль в их постановке Б.Р. Виппера, а также Г.А. Недошивина¹¹⁰. Заметный вклад в организацию преподавания художественной теории и эстетики внес И.Л. Маца¹¹¹. В конце своей жизни, в 1970-е годы, он с большим увлечением занимался проблематикой художественного конструирования.

¹⁰⁸ Турчин В. Орест Кипренский. М., 1975; *Он же*. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия: Очерки. М., 1981; *Он же*. Теодор Жерико. М., 1982.

¹⁰⁹ Гращенков В.Н. Наследие Палладио в архитектуре русского классицизма // Советское искусствознание '81. М., 1982. Вып. 2.

¹¹⁰ См.: Недошивин Г.А. Очерки теории искусства. М., 1953; *Он же*. Генрих Вёльфлин // История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века — начало XX века. М., 1969. Кн. 1; *Он же*. Теоретические проблемы современного изобразительного искусства. М., 1972.

¹¹¹ См.: Маца И.Л. История эстетических учений: Учеб. пособие. М., 1962; *Он же*. Буржуазные эстетические теории начала XX века во Франции // О современной буржуазной эстетике. М., 1965. Вып. 2; *Он же*. Проблемы художественной культуры XX века. М., 1969. См. также: Аронов В. Исследователь материальной культуры. К творческому портрету И.Л. Маца // Декоративное искусство СССР. 1972. № 9.

В 1975 г. в обязательную учебную программу был включен лекционный курс по методологии искусствознания, который и по настоящее время читает В.Н. Гращенков. Можно сказать, что именно ему отечественное искусствознание обязано полноценной рецензией накопленного мировой наукой концептуального богатства, расширением и методологического, и теоретического горизонта. Кроме того, возобновилось изучение историографии всеобщей истории искусства. В.С. Турчин издал книгу по истории западноевропейской художественной критики, написанную им по материалам курса лекций, дополнявшего аналогичный курс по истории русской и советской критики. Ученик В.Н. Гращенкова С.С. Ванеян продолжает одну из традиций университетского искусствознания — изучение теоретических и методологических проблем науки¹¹².

Для отечественного искусствознания до сих пор остается значимой проблема преодоления мировоззренческих ограничений советской идеологии (как и задача переосмысления марксизма и освоение всего богатства его многочисленных альтернатив).

Основополагающим принципом развития университетского искусствознания остается его связь с исторической наукой. Можно сказать, что связь с исторической наукой позволяет искусствознанию сохранять свою методологическую специфику перед лицом многочисленных междисциплинарных «вызовов». Как и раньше отделение истории искусства поддерживает творческие связи с другими искусствоведческими учреждениями — Музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Третьяковской галереей и другими музеями Москвы, Институтом истории искусств РАН (ныне — Государственный институт искусствознания), где работали многие ученые искусствоведческого отделения (В.Н. Лазарев, Б.Р. Вишпер, М.В. Алпатов, Н.Н. Коваленская, М.А. Ильин, Р.С. Кауфман, Г.А. Недошивин, Д.В. Сарабьянов, В.Н. Гращенков, В.Н. Прокофьев), а также — с Научно-исследовательским институтом теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств. Университетские историки искусства внесли заметный вклад в написание тринадцатитомной «Истории русского искусства», выпущенной Академией наук; участвовали в подготовке шеститомной «Всеобщей истории искусств», изданной Академией художеств. Под общей редакцией А.А. Губера, А.А. Федорова-Давыдова, И.Л. Маца и В.Н. Гращенкова было осуществлено новое издание семитомной антологии «Мастера искусства об искусстве». Преподаватели кафедры приняли участие в подготовке «Православной энциклопедии». Большой резонанс имеют научно-популярные работы факультетских искусствоведов.

Научная деятельность отделения теории и истории искусства исторического факультета Московского университета охватывает весь исторический путь

¹¹² См.: Ванеян С.С. Между гештальтом и теофанией. Структурный анализ и история духа в творчестве Ханса Зельмайра // Искусствознание. 1999; *Он же*. «Возникновение собора» и возрождение науки // Искусствознание. 2009; *Он же*. Искусствознание как наука и поэзия // Российский исторический вестник. 2000. Т. 3; *Он же*. Утрата и обретение современности: история искусства между Зельмайром, Хофманном и Бельнином. Теория художественной культуры. М., 2000. Вып. 4. С. 148–168; *Он же*. Пределы смысла и границы пространства. Проблемы интерпретации архитектуры в искусствоведческой рефлексии переходного периода // Искусство и наука об искусстве в переходные периоды истории культуры. М., 2000. С. 327–346; *Он же*. Пустующий трон. Критический структурализм Ханса Зельмайра. М., 2003. Кроме того, Ванеяном подготовлен перевод нескольких книг Х. Зельмайра, в том числе знаменитого трактата «Утраты середины» (в печати).

искусства, все основные региональные художественные традиции. Отделение способно подготовить специалиста практически по любому направлению искусствоведения, сведущего при этом в других областях науки об искусстве и обладающего широким научным кругозором, в противоположность «монокулярному» зрению узкого специалиста.

Отличительная черта университетского искусствоведения — тесная связь научных изысканий и преподавательской деятельности: основные курсы часто оказываются итогом научных исследований их авторов, плодами их научных усилий; спецкурсы и спецсеминары представляют собой своего рода лаборатории, где вырабатываются новые подходы, намечаются новые темы, формируется научная проблематика, обозначаются перспективы дальнейшей работы. Нередко именно из спецкурсов и спецсеминаров рождаются не только статьи и книги, но и научные направления и школы.

Важное качество университетского искусствоведения — сочетание традиционности и преемственности методов и подходов с их разнообразием, наличием сразу нескольких научных школ в рамках единого учебного процесса и, что очень важно, — научного «дискурса». Сохранение и обогащение опыта научной и педагогической работы — неизменно актуальная задача отделения истории и теории искусства.

Историческая информатика

Процесс информатизации, охвативший практически все области науки, на рубеже 80—90-х годов привел к заметным изменениям в методах и технологиях исторического исследования. С одной стороны, компьютеры стали доступнее для историков; с другой — технические характеристики персональных компьютеров (ПК) и их программное обеспечение непрерывно совершенствуются, что превращает ПК во все более привлекательный и эффективный инструмент исторического исследования, создает реальные возможности для применения новейших информационных технологий в преподавании исторической дисциплины. Стало очевидным, что компьютер — не только незаменимый аппарат для редактирования и печатания собственных работ историков, но и удобное средство для реализации тонких источниковедческих методик. Появление доступных по цене сканеров дало новый импульс исследованиям по истории культуры, искусства, в музееведении и архивном деле. Этому способствовало и появление лазерных дисков с их большой памятью. Изменились и условия труда историков в архивах: портативный ПК (ноутбук) позволяет заносить все необходимые записи из архивных фондов в память компьютера, а также, если это необходимо, вводить их «по ходу» работы в базу данных.

Совершенствование стандартных систем управления базами данных, разработка специализированного программного обеспечения, учитывающего особенности исторических источников, привели к заметной активизации деятельности целого ряда научных центров по созданию больших баз данных, содержащих сведения из массовых исторических источников. Уже к началу 90-х годов историками были разработаны базы данных, включавшие биографические сведения о десятках и сотнях тысяч людей. Создание многочисленных баз данных потребовало их стандартизации и концентрации. Сегодня в различных странах функционирует более 20 крупных банков данных или архивов машиночитаемых данных в области историко-социальных исследований, которые имеют определенный проблемный профиль, организационную структуру и занимаются расширением коллекций баз данных, их распределением, публикацией каталогов.

Новые возможности появились и в традиционной сфере применения компьютерных технологий в исторической науке — математико-статистической обработке источников. Пакеты статистических программ стали более доступными, «дружественными» для историка, обогатились новыми методами анализа материалов и средствами визуализации исходных данных и результатов. Изучение пространственных аспектов исторического развития проводится теперь с помощью географических информационных систем (ГИС).

В последние годы в связи с развитием новых мультимедийных технологий значительно возросла активность историков разных стран, использующих персональные компьютеры в учебном процессе на всех уровнях. Компьютер все чаще рассматривается как помощник преподавателя,

пытающегося активизировать и индивидуализировать процесс обучения, повысить эффективность текущего контроля знаний.

Возможности электронных коммуникаций в сфере исторической науки и образования резко возросли в 1990-е годы, когда историки получили доступ к глобальной сети Интернет с ее огромными информационными ресурсами.

Этот процесс привел к созданию в 1986 г. Международной ассоциации «History and Computing» (АНС), которая координирует деятельность историков разных стран, применяющих в своей исследовательской практике и учебном процессе компьютерные методы и технологии. С 1992 г. в состав АНС входит ассоциация «История и компьютер» (АИК), объединяющая специалистов по исторической информатике стран СНГ. Учреждение АИК было осуществлено по инициативе и при непосредственном участии сотрудников Лаборатории исторической информатики исторического факультета МГУ. Президентом АИК являлся заведующий лабораторией, профессор Л.И. Бородкин.

Термин «историческая информатика», впервые прозвучавший на русском языке в самом начале 1990-х годов¹, в других языках появился несколькими годами раньше, в связи с возникновением национальных и региональных «ветвей» АНС — их число сейчас превышает 20. В большинстве случаев термину «computing» не нашлось адекватного аналога в других языках; более естественным оказалось дать названия этим ассоциациям, исходя из сочетания слов «история» и «информатика» («l'Histoire et l'Informatique» во Франции, «Historia e Informatica» в Испании, «Geschiedenis en Informatica» в Голландии, «Geschichte und Informatik/Histoire et Informatique» в Швейцарии и т.д.).

Следует отметить, что с 1980-х годов термином «информатика» стала обозначаться крупная научная область, изучающая методы представления, накопления, передачи и обработки информации с помощью ЭВМ. Эта комплексная научно-техническая дисциплина по темпам роста, широте приложений, мощности влияния на экономику, науку, культуру далеко превосходит другие научные направления. Характерным процессом 90-х годов стало появление «отраслевой» информатики в целом ряде научных областей. Происходит быстрая институционализация этих новых направлений — организуются кафедры и лаборатории социальной, биологической, экономической, правовой, исторической (этот ряд можно продолжить) информатики, создаются новые специальности, выходят в свет соответствующие учебники.

Одной из таких новых дисциплин, возникших на стыке информатики и социально-гуманитарных наук, является *историческая информатика*.

Основные составляющие, предмет и содержание исторической информатики определились в результате дискуссий 1990-х годов и нашли

¹ Бородкин Л.И. Историческая информатика: горизонты 90-х годов // Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН. 1992. № 4. С. 2.

отражение в структуре первого в Восточной Европе учебника по данной дисциплине, подготовленного в середине 1990-х годов Лабораторией исторической информатики².

Формирование исторической информатики как нового направления исторических исследований в нашей стране генетически связано с опытом применения ЭВМ³ в работах советских историков, берущих свое начало в 1960-х годах. Отметим, что в течение четверти века использование ЭВМ историками было почти исключительно связано с применением количественных методов в исторических исследованиях, поэтому история становления исторической информатики на историческом факультете МГУ тесно сопрягается с историей отечественной школы квантитативной истории, созданной академиком И.Д. Ковальченко.

Эра больших ЭВМ: 60-е — середина 80-х годов

Пионеры отечественной квантитативной истории 60-х годов, давшей через четверть века начало новому направлению, получившему впоследствии название «историческая информатика», представляли известные научные центры страны: МГУ, Сибирское отделение АН СССР, Академию наук Эстонской ССР. К концу 1960-х годов лидером отечественных историков-квантификаторов стал заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ профессор И.Д. Ковальченко, по инициативе которого на кафедре в те годы была сформирована группа по применению количественных методов и ЭВМ, впоследствии преобразованная в Лабораторию исторической информатики.

Использование историками количественных методов было в те годы нелегким делом. Для получения доступа к ЭВМ иногда приходилось преодолевать тысячи километров. Ситуацию тех лет характеризуют воспоминания академика И.Д. Ковальченко: «Свой первый доклад по использованию ЭВМ и математических методов я сделал в 1962 г. в Новосибирске, в лаборатории по применению математических методов в гуманитарных науках при Институте математики Сибирского отделения АН СССР. Поехал я в Новосибирск для обработки своих материалов на ЭВМ. До этого приходилось обходиться ручной счетной машинкой»⁴.

Если первые опыты по применению ЭВМ были связаны с обработкой локальных историко-статистических данных по социально-экономической истории страны, с созданием программ поиска и идентификации семей по подворным описаниям крестьянских хозяйств, то в 70-е годы спектр применений ЭВМ в исторических исследованиях существенно расширился. Этому способствовало, прежде всего, становление научного направления, получившего известность как «Применение количественных методов в исторических исследованиях» (более позднее название — квантитативная история). В конце 60-х годов при Отделении истории АН СССР была организована Комиссия по

² Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измestьева Т.Ф., Лазарев В.В. Историческая информатика. Ред. Л.И.Бородкин, И.М.Гарскова. М., 1996.

³ Термин «ЭВМ» (электронная вычислительная машина) в первой половине 90-х годов был практически полностью вытеснен термином «компьютер».

⁴ См.: Интервью с И.Д. Ковальченко // Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ... 1992. № 5.

применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях во главе с И.Д. Ковальченко, которая стала координатором работ данного профиля, ведущихся в СССР, инициатором организации новых лабораторий, проведения конференций, публикации серии сборников работ советских историков-клиометристов⁵.

В эти годы усилиями И.Д. Ковальченко и его университетских коллег было положено начало формированию сообщества ученых, применяющих математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. Процесс стимулировался активизацией контактов специалистов в рассматриваемой области. С 1979 г. они регулярно собирались на заседаниях всесоюзного семинара «Количественные методы в исторических исследованиях», организованного кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ, сотое заседание которого состоялось в 1992 г. Другой канал для профессионального общения давали школы-семинары по новым методам исторических исследований, поддерживаемые МГУ (Суздаль, 1984 г.; Ростов Великий, 1986 г.; Подмоскowie, 1988 г.; Киргизия, 1989 г.). Эти школы собирали около 100 участников, при этом большую часть составляла научная молодежь. «Ядро» Оркомитета школ составляли сотрудники группы по применению количественных методов и ЭВМ, а его председателем с 1984 по 1988 г. был И.Д. Ковальченко.

Работа над проблемами, возникающими на стыке «источник — ЭВМ» и составляющими главное содержание исторической информатики, была все эти годы органической частью исследований по квантитативной истории. Особенность развития этих работ на историческом факультете МГУ определялась, в частности, тем, что в состав созданной на кафедре источниковедения группы (позже — лаборатории) были приняты специалисты по прикладной математике и информатике. Сложившееся взаимопонимание между ними и историками-квантификаторами обеспечило достаточно высокий уровень использования сложных и эффективных математико-статистических методов и моделей — даже в условиях нехватки передовой вычислительной техники в 70—80-е годы⁶. Именно в эти годы на кафедре источниковедения был проведен большой цикл исследований, основанных на компьютерной обработке массовых источников по аграрной истории и истории промышленности России, а также нарративных источников по истории культуры. Результаты этих исследований нашли отражение в многочисленных публикациях⁷.

⁵ См.: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987.

⁶ Достижения, полученные в данной области отечественной школой, имевшей базой исторический факультет МГУ, признаются и зарубежными специалистами-квантификаторами. Так, профессор К. Ярауш, председатель Международной комиссии по применению количественных методов в исторических исследованиях (INTERQUANT) в 1980-е годы, выделял 5–6 национальных школ в области квантитативной истории, в том числе и советскую. Оценивая ее уровень и высказывая как позитивные, так и критические суждения, К. Ярауш отмечал, в частности: «Тесное сотрудничество (советских историков. — Л.Б.) с математиками обеспечило высокие стандарты исследований в ряде областей, например связанных с применением многомерного анализа» (см.: *Jarausch K.H.* (Inter)national Styles of Quantitative History // *Historical Methods*. 1985. V. 18. No 1. P. 13–19).

⁷ В эти годы большинство преподавателей и сотрудников кафедры источниковедения использовали в своих исследованиях результаты машинной обработки изучавшихся ими источников. Это, прежде всего, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Н.Б. Селунская, А.К. Соколов, В.И. Бовыкин, В.П. Пушков, Т.А. Крутилова, А.Г. Голиков, С.В. Воронкова, Л.Д. Дергачева, Ю.А. Мошков.

Что касается вычислительной техники, то до середины 80-х годов истории МГУ использовали в основном «большие» ЭВМ серии БЭСМ (Большая электронно-счетная машина). Главная трудность заключалась в том, что доступные для историков ЭВМ находились в Научно-исследовательском вычислительном центре МГУ, что исключало возможность работы в режиме «прямого доступа». Отдав операторам ЭВМ колоду перфокарт с программой и данными, можно было получить распечатку с результатами (или с указанием на ошибку), как правило, только на следующий день. Ситуация несколько улучшилась лишь в начале 80-х годов, когда на историческом факультете МГУ была установлена пара дисплеев, соединенных с большой ЭВМ, установленной в НИВЦ МГУ⁸.

Фактически вся обработка источников на ЭВМ проводилась с помощью программ, созданных сотрудниками лаборатории, что требовало глубокого понимания методических проблем со стороны историков и содержательных проблем — со стороны математиков-программистов. Какое программное обеспечение создавалось сотрудниками лаборатории «в эпоху больших ЭВМ»? Можно выделить несколько типов таких программ.

1. Программы, ориентированные на создание и сопровождение *архивов машиночитаемых данных* (МЧД). В первой публикации, посвященной проблемам разработки архивов МЧД по данным массовых исторических источников, обобщался опыт, накопленный историками МГУ⁹. К началу 80-х годов этот архив МЧД на магнитных лентах содержал около 50 массивов, в том числе данные первой переписи населения России 1897 г., данные сельскохозяйственной переписи 1917 г., тысячи анкет делегатов съездов Советов 1917—1936 гг. Существенную роль при использовании таких архивов МЧД играли программы, реализующие функции информационно-поисковых систем¹⁰.

2. Программы *статистического анализа* данных исторических источников. В течение 70—80-х годов в лаборатории были созданы десятки программ, реализующих большинство математико-статистических методов. Две причины стимулировали такие разработки: специфика структуры данных исторических источников и задач их анализа и трудности доступа к использованию «продвинутых» статистических пакетов типа SPSS.

Программные комплексы «вырастали» из крупных исследовательских задач — проектов, связанных с обработкой массовых статистических источников. Так, комплексы статистических программ различной ориентации были созданы в результате многолетних исследований писцовых книг XVII в.¹¹, массовых источников по аграрному развитию России

⁸ Именно с этого времени и с этого события можно отсчитывать и начало обучения в нашей стране студентов-историков практическим навыкам работы с ЭВМ.

⁹ *Бородин Л.И., Ковальченко И.Д., Соколов А.К.* Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. М., 1983.

¹⁰ См., например: *Бородин Л.И., Соколов А.К.* Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // История СССР. 1984. № 2.

¹¹ *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в. (Источник, компьютер, методы исследования). М., 1986.

конца XIX — начала XX в.¹², по истории стачечной борьбы в России¹³, истории советского рабочего класса¹⁴ и т.д.

3. Программное обеспечение для работы со *средневековыми русскими текстами*. Здесь речь идет об исследованиях источниковедческого характера, посвященных атрибуции — определению авторства — средневековых текстов нарративного характера и изучению истории текста памятников древнерусской письменности, имеющих многовековую традицию и множество рукописных копий (списков). Разработанные программы позволяли: построить генеалогическое древо списков, исходя из сопоставления различий¹⁵; определить особенности авторского стиля средневековых текстов на основе структуры парных встречаемостей грамматических классов и использовать их в целях атрибуции¹⁶.

4. Программное обеспечение задач *моделирования* исторических процессов и явлений. Проблемы моделирования вызвали, пожалуй, наиболее острую дискуссию среди советских историков-клиометристов в 70—80-е годы¹⁷. Ряд программ, реализующих различные имитационные и «аналитические» модели, был разработан сотрудниками лаборатории в 70—80-е годы для моделирования социальной динамики крестьянства в XIX в.¹⁸ и в период Столыпинской реформы¹⁹; крестьянства и городских предпринимателей в период нэпа²⁰ и т.д. Нередко создание программ для моделирования исторических процессов было связано с использованием достаточно сложного математического аппарата — теории дифференциальных уравнений, теории марковских цепей и т.д.

* * *

¹² Ковальченко И.Д., Седунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1; Бородкин Л.И. Современная информатика в исследованиях по аграрной истории России конца XIX в. (К IX Международному конгрессу по экономической истории). М., 1986.

¹³ Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кириянов Ю.И. Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 3; Они же. Опыт применения статистических методов и ЭВМ при разработке помесечных данных о стачках в России в период 1905–1907 гг. // Математические методы изучения массовых источников. М., 1989.

¹⁴ Бородкин Л.И., Соколов А.К. Исследование факторов, характеризующих состав съездов Советов СССР (К вопросу о методике агрегирования структурной информации) // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1988.

¹⁵ Бородкин Л.И., Милов Л.В. О некоторых аспектах автоматизации текстологических исследований // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

¹⁶ Бородкин Л.И., Милов Л.В., Морозова Л.Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Там же.

¹⁷ Ковальченко И.Д. О моделировании исторических процессов и явлений // Вопросы истории. 1978. № 8.

¹⁸ Бородкин Л.И., Лазарев В.В. О специфике марковских моделей социальной динамики русского крестьянства XIX в. // Методы социологических исследований: Тезисы III Всесоюзной конференции. М., 1989.

¹⁹ Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.

²⁰ Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность в период нэпа (К вопросу о росте капитализма из мелкого производства) // История СССР. 1990. № 5; Они же. Моделирование процесса дифференциации крестьянства // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания. М., 1991.

Середина 80-х была отмечена резким повышением внимания в стране к проблемам информатизации общества, особенно в системе образования. Руководством страны был принят ряд постановлений по перестройке высшего образования, в которых предусматривалось, в частности, развитие программы компьютеризации в вузах. В соответствии с этой программой в учебные планы всех факультетов с 1985 г. был введен обязательный курс информатики, утверждены нормативы, обеспечивающие выделение студентам-гуманитариям не менее 100 часов дисплейного времени за период обучения в вузе. В течение одного года все преподаватели всех вузов страны обязаны были пройти ускоренный курс компьютеризации.

«Кампания компьютеризации» 1985 г. не была успешной, хотя в ней приняли активное участие сотни вузов страны и десятки тысяч преподавателей получили соответствующие удостоверения. Для ее нормальной реализации требовалось другое материальное и методическое обеспечение. Почти повсеместно занятия с преподавателями-гуманитариями проводились на факультетах естественных наук без учета специфики той или иной области гуманитарного знания. Одним из редких исключений был МГУ, в котором гуманитарные факультеты выполняли задачу, используя возможности собственных лабораторий и специалистов. Так, на историческом факультете программа компьютеризации была реализована своими специалистами, имеющими достаточный опыт применения ЭВМ в исторических исследованиях. Однако эффективность этих занятий была невысокой — главным образом, из-за отсутствия должного количества, а также и недостаточного качества вычислительной техники.

Из сказанного выше не следует, однако, что итоги «кампании 1985 г.» являются негативными. Во-первых, в результате ее проведения в ряде университетов возникли весьма полезные контакты между историками и специалистами по информатике и кибернетике; в последующие годы это привело к появлению новых «точек» на карте распространения компьютеризованных методов исторических исследований. Во-вторых, несмотря на неподготовленность ускоренного курса компьютеризации, часть историков смогли оценить потенциальные возможности применения новых информационных технологий в работе с историческими источниками. В-третьих, как «низы», так и «верхи» в системе образования ощутили настоятельную необходимость приобретения нужного количества вычислительной техники нового поколения. Без этого дальнейшее развитие работ по применению новых информационных технологий в исторических исследованиях и учебном процессе уже не представлялось возможным.

«Микрокомпьютерная революция»: конец 80-х — начало 90-х годов

Первые персональные компьютеры на рабочих столах наших историков появились в начале 1988 г., лет на пять позднее, чем у их коллег из стран Западной Европы и США. Это были три отечественных IBM-совместимых микрокомпьютера «Нейрон» с весьма скромными характеристиками, которые были приобретены истфаком, установлены на кафедре источниковедения и в течение полутора лет являлись материальной базой для компьютеризации квантитативных исследований и учебного процесса. В 1990 г. эти

машины были заменены шестью ПК класса IBM/PC AT; к этому времени машины такого уровня появились в Институте истории СССР АН СССР, а также у историков МГУ и некоторых других институтов и вузов страны. Открывались новые возможности для развития компьютерных технологий в исторических исследованиях и обучении историческим дисциплинам.

Реализация этих возможностей наиболее успешно проходила на историческом факультете МГУ, где в 1992 г. насчитывалось 25, а в 1996 г. — почти 60 ПК, что позволило установить их на многих кафедрах, существенно улучшить материальную базу Лаборатории исторической информатики и ряда других лабораторий факультета, открыть компьютерные классы для проведения занятий по исторической информатике и самостоятельной работы (включая «навигацию» в Интернете) студентов и сотрудников факультета. К 2004 г. число ПК на факультете превысило 90.

Развитие процесса информатизации на факультете потребовало принятия организационных решений. По инициативе академика И.Д. Ковальченко ученый совет исторического факультета МГУ 4 октября 1991 г. принял решение о преобразовании группы по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях в Лабораторию исторической информатики, которая была создана в структуре кафедры источниковедения приказом декана (08.12.1995). Следующее структурное преобразование было осуществлено (в связи с расширением функций лаборатории) через несколько лет. 8 ноября 2001 г. ректор МГУ подписал приказ о преобразовании Лаборатории исторической информатики кафедры источниковедения в общефакультетскую лабораторию (исходя из решений ученого совета МГУ от 26.02.2001 и ученого совета исторического факультета МГУ от 24.11.2000). Годом позже в структуре кафедры новой и новейшей истории была создана Лаборатория телекоммуникационных систем (руководитель — В.Г. Васенин). Эта лаборатория обеспечивает техническую проработку, сопровождение и поддержку локальных сетей, модемного узла, распределенной вычислительной сети и связь с «внешним миром».

В утвержденном положении о Лаборатории исторической информатики отмечалось, что она является научно-учебным подразделением факультета, развивающим актуальное междисциплинарное научное направление, связанное с использованием новых информационных технологий и методов в исторических исследованиях и образовательном процессе. Лаборатория ведет также педагогическую деятельность в рамках учебного плана факультета, обеспечивая занятия по общему курсу «Информатика и математика». Лаборатория работает в непосредственном контакте с кафедрой факультета, обеспечивая необходимую консультативно-методическую поддержку их деятельности в области применения новых информационных технологий (НИТ) в исторических исследованиях и образовании.

Основными задачами Лаборатории исторической информатики, в соответствии с положением, являются:

— непосредственное участие в реализации факультетских программ развития НИТ, включая техническое и программное сопровождение компьютерных классов факультета;

— разработка новых, а также адаптация существующих информационных технологий и методик для исследования исторических источников, создание на основе сетевых и мультимедийных технологий новых электрон-

ных ресурсов (баз данных, коллекций электронных текстов и изображений) и другой специальной научной продукции, ориентированной на ее использование кафедрами факультета и другими педагогическими и научными учреждениями:

- разработка методологических, методических и прикладных аспектов исторической информатики как специальной научной дисциплины;
- организация научных семинаров и конференций, проведение школ и курсов по переподготовке кадров в области применения НИТ в исторических исследованиях и образовании;

- обеспечение специальной компоненты в общенаучной подготовке специалистов - проведение занятий по общему курсу «Информатика и математика» (лекции и семинары), обеспечение соответствующих спецкурсов, создание учебно-методических разработок и пособий;

- участие в непосредственном контакте с кафедрами факультета (через консультативно-методическую поддержку или соуправление) в подготовке специалистов, способных квалифицированно применять новые информационные технологии (НИТ) в исторических исследованиях и педагогической деятельности, в архивных и музейных учреждениях.

К середине 90-х годов Лаборатория исторической информатики стала признанным лидером в области применения НИТ в исторических исследованиях и образовании в университетах стран СНГ. За последние десять лет ее сотрудниками проведена большая работа по указанным направлениям. Создан целый ряд оригинальных алгоритмов и программ, опубликованы две монографии (еще две подготовлены к печати) и более 200 статей в отечественных и зарубежных изданиях. Сотрудники лаборатории - редакторы 25 сборников статей, опубликованных в течение последнего десятилетия (три из них изданы в ФРГ). На базе лаборатории издается Информационный бюллетень «История и компьютер» (в 1994 - 2003 гг. вышло 26 его выпусков)²¹; при ее активном научно-организационном участии проводятся регулярные всероссийские конференции Ассоциации «История и компьютер» (Л.И. Бородкин - президент Ассоциации с 1992 по 2000 г.; И.М. Гаркова - вице-президент с 2000 г.; число участников --- от 80 до 140 человек). В 2002 г. состоялась VIII конференция АИК. Публикации трудов этих конференций дают представление о тенденциях развития исторической информатики в России и других странах СНГ²².

Работа лаборатории имеет международный резонанс. В 1996 г. ею (совместно с Лейденским университетом) на историческом факультете МГУ была проведена международная конференция «Архивы в киберпространстве», в которой приняли участие более 70 человек из 12 стран Европы и Америки. Признанием заслуг инффака в развитии исторической информатики явилось проведение в Московском университете в августе 1996 г. IX Международной конференции «History and Computing» (10 предыдущих

²¹ Это периодическое издание, созданное в 1990 г., стало основным каналом оперативного обмена информацией в среде специалистов в области исторической информатики и квантитативной истории. Редактором бюллетеня является Л.И. Бородкин.

²² Речь идет о серии сборников «Круг идей», подготовка которых к изданию проводится при активном участии Лаборатории исторической информатики. В 1994-2003 гг. выпущено 8 томов общим объемом более 200 п.л.

конференций состоялись в Западной Европе и Северной Америке). Сотрудники лаборатории составили ядро оргкомитета этой крупной конференции (160 участников из 22 стран). Весной 2000 г. в Издательстве Московского университета вышел в свет подготовленный сотрудниками лаборатории международный сборник трудов IX Международной конференции «History and Computing» (21 статья авторов из 9 стран, на английском языке)²³.

В 1999 г. лаборатория (совместно с Международным институтом социальной истории, Амстердам) организовала российско-голландский симпозиум «Новые подходы к изучению эволюции мотивации труда в российской промышленности конца XIX—XX вв.», а в 2003 г. (совместно с Домом наук о Человеке, Париж) — российско-французский симпозиум «Новые методы анализа внешнеэкономических связей России/СССР в конце XIX — первой трети XX в. В 2002 г. совместно с Институтом всеобщей истории РАН лаборатория провела научную конференцию с участием зарубежных ученых «Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом».

С 1992 по 1996 г. на историческом факультете ежегодно проводилась Международная осенняя школа по исторической информатике (при поддержке Международной ассоциации «History and Computing»). Международные сертификаты школы были получены 260 студентами, аспирантами и молодыми исследователями из МГУ и других вузов России, Украины, Белоруссии, Азербайджана.

В 1994—2003 гг. в лаборатории велись разработки методов и технологий исторической информатики в рамках проектов, поддержанных российскими и международными фондами, включая РГНФ, РФФИ, Госкомвуз РФ, INTAS, NWO. Работа по этим грантам в большинстве случаев проводилась в сотрудничестве с институтами РАН, федеральными архивами, университетами России и других стран СНГ — Алтайским, Азербайджанским, Белорусским, Днепрпетровским, Мордовским, С.-Петербургским, Тверским, Ярославским государственными университетами, а также с зарубежными университетами и академическими институтами — Лейденским, Бергенским, Мичиганским, Нью-Йоркским, Эссекским, Хельсинкским университетами, Институтом истории им. Макса Планка (Гёттинген), Международным институтом социальной истории (Амстердам). Результаты этих исследований нашли отражение в многочисленных публикациях сотрудников лаборатории (включая первую в международной практике монографию о базах и банках данных в исторических исследованиях, автор — И.М. Гарскова²⁴) и в ряде учебников и учебных пособий по курсу «Информатика и математика», написанных ими уже после выхода в свет первого учебника «Историческая информатика»²⁵. В рамках этих проектов сотрудниками лаборатории были предложены подходы к разработке исторических

²³ Data Modelling, Modelling History. Proceedings of the XI International Conference of the Association for History and Computing / Ed. L.Borodkin, P.Doom. Moscow, 2000.

²⁴ Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994.

²⁵ Информатика для гуманитариев. Вводный курс / Под ред. Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. М., 1997 (авторы: Е.Б. Белова, Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Измestьева, В.В. Лазарев, А.И. Тихонов); Информационные технологии для гуманитариев / Под ред. В.Л. Акимова, Н.М. Арсентьева, Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. Москва; Саранск, 1998 (авторы: В.Л. Акимов, Н.М. Арсентьев, Е.Б. Белова, Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Измestьева и др.); Компьютеризованный статистический анализ для историков / Под ред. Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. М., 1999 (авторы: Е.Б. Белова, Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Измestьева, В.В. Лазарев, А.И. Тихонов).

баз данных²⁶, созданы десятки баз данных, ставших доступными для широкого круга пользователей²⁷.

По инициативе лаборатории, поддержанной И.Д. Ковальченко и В.И. Бовыкиным, в 1994 г. при историческом факультете МГУ был организован Центр экономической истории (научный руководитель Центра с 1999 г. — Л.И. Бородкин)²⁸. Применение математических методов и компьютерных технологий в исследованиях по экономической истории — приоритетное направление в научной работе лаборатории. Развивая это направление, лаборатория совместно с ИВИ РАН организовала в 1995 г. Международную конференцию «Экономическая история России и США: время перемен», в которой приняли участие более 60 специалистов из стран СНГ и США. В лаборатории регулярно проводятся заседания научного семинара по экономической истории и методам ее изучения²⁹, готовятся к выпуску номера периодического издания «Экономическая история. Обзорение»³⁰, создаются базы данных по экономической истории России XIX—XX вв.³¹ Сотрудники лаборатории ведут исследования с применением математических

²⁶ Гарскова И.М. Базы данных в работе историка: проблемы роста // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1994. №10; Она же. Базы данных и компьютерное источниковедение // Там же. 1995. № 13; Она же. Исследовательские базы данных: специфика создания, архивирования и каталогизирования // Круг идей: Новые архивные технологии. М., 1996; Она же. Некоторые тенденции и проблемы технологии баз данных // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995; Она же. От пронографии к статистике. Методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник, метод, компьютер. Барнаул, 1996; Бородкин Л.И. Мы и наши базы (Материалы круглого стола по статье П. Доорна) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1995. № 13; Измestyeva Т.Ф. Проблемы совместного использования различных баз данных в исследовательском процессе // Компьютер и историческое знание. Барнаул, 1994.

²⁷ Бородкин Л.И., Селуцкая Н.Б. База данных «Дума»: проблемы комплексирования источников // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1992. № 7; Поздеева И.В., Шалугина И.В., Бородкин Л.И. О разработке базы данных «Старопечатная книга» // Там же. 1992. № 4; Измestyeva Т.Ф. База данных «Динамика российской промышленности за 1887-1913 гг.» // Там же. 1998. № 22; Белова Е.Б., Лазарев В.В., Тихонов А.И. Система акционерных коммерческих банков в начале 90-х гг. XX в.: база данных «АКБ» // Там же; Белова Е., Мальчикова Н. Финансовая элита России второй половины XIX — начала XX вв. База данных «Банковские деятели» // Там же; Измestyeva Т.Ф., Тихонов А.И. Финансово-производственная характеристика основных секторов российской промышленности в конце XIX — начале XX в. Источники, базы данных, методы анализа // Там же. 1998. № 23; Бородкин Л.И., Котылова О.Н. База данных «Картотека агентурного отдела Московского охранного отделения»: к анализу социального портрета // Там же. 2001. № 28. См. также описание баз данных, разработанных в Лаборатории исторической информатики, в приложении к книге И.М. Гарсковой «Базы и банки данных в исторических исследованиях» (Гёттинген, 1994); БД «INDUSTRY» (разработчики: К.Н. Абелян, И.М. Гарскова); БД «WORKERS» (разработчики: П. Аханчи, И.М. Гарскова); БД «AGRARIAN» (разработчики: И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин); БД «BELGRUS» (разработчики: А.И. Тихонов, И.М. Гарскова); БД «COMANDARM» (разработчики: Ю.Ю. Юмашева, И.М. Гарскова); БД «UNFEMPLOYMENT» (разработчики: С.В. Максимов, Т.Ф. Измestyeva), и др.

²⁸ В течение первых пяти лет общее руководство деятельностью ЦЭИ, определение перспектив его развития осуществлял Академический совет, в состав которого входили авторитетные ученые из России и зарубежных стран. В 1994–1995 гг. сопредседателями Академического совета ЦЭИ были академик РАН И.Д. Ковальченко и Нобелевский лауреат, профессор Р.У. Фогель (Чикагский университет, США). В 1995–1998 гг. сопредседателем Совета являлся профессор В.И. Бовыкин. Состав Академического совета ЦЭИ включал и других видных ученых, специалистов по экономической истории, например профессора Р. Сатча, президента Международной ассоциации экономической истории.

²⁹ В марте 2004 г. состоялось 150-е заседание семинара.

³⁰ К началу 2004 г. опубликовано 10 выпусков «Обзорения» (общий объем — около 100 пл.).

³¹ См., например, раздел «Базы данных» тематического Интернет-ресурса по рабочей истории на сайте лаборатории: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/PROJECT/index.html>

методов и информационных технологий в различных областях экономической истории России конца XIX — начала XX в. Так, Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, А.Ю. Володин, И.М. Гарскова изучают эволюцию рынка труда и трудовых отношений в период дореволюционной индустриализации России³²; Т.Ф. Измestьева анализирует структуру и динамику внешней торговли России и функционирование промышленных предприятий и объединений³³; вопросы истории российских банков и петербургской фондовой биржи — предмет научных интересов С.А. Саломатиной³⁴ и Л.И. Бородкина³⁵. Эти разработки осуществляются с помощью технологий баз данных, географических информационных систем, методов многомерного статистического анализа, новейших технологий компьютерного анализа временных рядов, математического моделирования. Тем самым реализуются принципы апробации новых подходов и технологий в практике конкретно-исторических исследований.

В течение последнего десятилетия на конференциях АИК, заседаниях научного семинара по исторической информатике, организованного лабораторией

³² См., например: *Бородкин Л.И.* Неравенство доходов в период индустриальной революции. Универсальна ли гипотеза о кривой Кузнеца? // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001; *Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов.* Динамика дифференциации в оплате труда рабочих-текстильщиков и металлистов в России в период индустриализации // Экономическая история: Ежегодник, 1999. М., 1999; *Она же.* Измерение и моделирование неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997; *Она же.* Микроанализ данных о квалификации и динамике заработной платы рабочих-текстильщиков Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина (конец XIX — начало XX вв.) // Экономическая история. Ежегодник, 2000. М., 2001; *Borodkin L.I., Valetov T.Ya.* Modeling Wage Differentials In Russian Industries: 1880–1914 // Trends In Income Inequality During Industrialization. Proceedings of the XII International Economic History Congress. Session B12. Madrid, 1998; *Бородкин Л.И., Сафорова Е.И.* Трехгорка на пути от 1917 г. к нэпу: эволюция трудовых отношений // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8; *Гарскова И.М., Аханчи П.* Экономическая дискриминация и рынок рабочей силы в период индустриализации в нефтяной промышленности Баку // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996; *Garskova I., Akhanchi P.* Mobility of Labor Force in the Oil Industry in Baku in the Late 19th to Early 20th Century // The Art of Communication. Proceedings of the VIII International Conference of the Association for History & Computing / Ed. by G. Jaritz, I. Kropac, P. Teibenbacher. Graz, Austria, 1995; *Володин А.Ю.* Объявление как форма коммуникации фабричной администрации с рабочими (по материалам объявлений фабрик Товарищества Мануфактур Н.Н. Коншина) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8; *Она же.* Фабричная инспекция в электронных документах // Там же.

³³ См., например: *Измestьева Т.Ф.* Внешний рынок России конца XIX — начала XX вв. Методы анализа // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Коваленко. М., 1997; *Она же.* Финансово-производственная характеристика предприятий российской промышленности в конце XIX — начале XX вв. Методические аспекты анализа // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. Москва; Чебоксары, 1999; *Izmestieva T.F.* Integration of the European Coal Market and Russian Coal Imports in the Late 19th — Early 20th Century // Integration of commodity markets in history. Proceedings Twelfth International Economic History Congress. Madrid, 1998.

³⁴ См., например: *Саломатина С.А.* Российские коммерческие банки и их клиентура по учету векселей: статистика корпоративных связей (1864–1917 гг.) // Экономическая история: Ежегодник, 2000. М., 2001; *Она же.* Деловые, депозитные, универсальные: западноевропейские банковские модели в российской истории (1864–1917 гг.) // Там же. Ежегодник, 2001. М., 2002; *Она же.* Трудные годы: вексельное кредитование в российских акционерных банках (1864–1894) // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М.; Барнаул, 2003.

³⁵ См., например: *Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И.* О соотношении факторов, влиявших на динамику рынка акций в начале XX в. (Петербургская биржа, 1900–1909 гг.) // Собственность в XX веке. М., 2001; *Бородкин Л.И., Андреев А.Ю., Коновалова А.В.* Динамика котировок нефтяных бумаг на Петербургской фондовой бирже в начале XX в.: хаос или предсказуемость? // Информационный бюллетень «История и компьютер». 2003. №31; *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И.* Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на Петербургской бирже в 1900-х гг. // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.

в 1993 г., активно обсуждались контуры новой научной дисциплины, получившей название «Историческая информатика». Начальный импульс был дан вопросом о соотношении историко-ориентированного и проблемно-ориентированного подходов в развитии методов исторической информатики, поднятым на международных конференциях АНС. Результаты этих дискуссий нашли отражение в ряде публикаций³⁶. Кратко охарактеризуем теоретические и прикладные аспекты исторической информатики в соответствии с концепцией, выработанной коллективом лаборатории.

Историческая информатика: структура и содержание

Процесс становления исторической информатики выявил к середине 90-х годов важный аспект дискуссий о ее содержании и приоритетах развития. Водоразделом в этих дискуссиях явился вопрос о том, как далеко за пределы «компьютерного источниковедения» простирается область исторической информатики. Компьютерное источниковедение можно определить как совокупность методов и технологий создания электронных версий исторических источников³⁷ (в то время как традиционные вопросы критики источника остаются прерогативой «классического» источниковедения). С самого начала компьютерное источниковедение рассматривалось как «ядро» исторической информатики; именно проблемы адекватной формализации и репрезентации материалов исторических источников, создания баз данных, учитывающих их специфику, были в центре внимания пионеров исторической информатики³⁸. В то же время на конференциях АНС, в ее публикациях всегда присутствовала и другая важная компонента — *аналитическая*, связанная с использованием компьютера для анализа данных машиночитаемого источника, получения содержательно значимых результатов. Этот водораздел определяется в немалой степени различиями в оценках возможностей историко-ориентированного подхода, с одной стороны, и проблемно-ориентированного подходов — с другой.

Методологические проблемы исторической информатики, возникающие на данном «водоразделе», явились предметом обсуждения «круглого стола», организованного лабораторией в 1996 г.; материалы этой дискуссии полностью опубликованы журналом «Новая и новейшая история» (1997, № 2.).

Дискуссии 90-х годов показали, что историческая информатика должна, на наш взгляд, органично сочетать обе компоненты — компьютерно-

³⁶ См., например: *Бородкин Л.И.* Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997, № 1.

³⁷ Ранее использовался термин «машинночитаемые источники».

³⁸ См. труды первых международных конференций АНС: *History and Computing* / Ed. by P. Denley, D. Hopkin. Manchester University Press. Manchester, N. Y., 1987; *History and Computing II* / Ed. by P. Denley, S. Fogelvik, Ch. Harvey. Manchester University Press. Manchester, N. Y., 1989. В издании трудов III конференции АНС вступительная статья имела характерное название «Историк и база данных». Этим проблемам были посвящены и первые отечественные публикации в области современной исторической информатики: *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И., Соколов А.К.* Массовые исторические источники и проблемы создания архивов машиночитаемых данных // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Доклады IV Всесоюзной конференции. М., 1983; *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Информатика и вычислительная техника в источниковедении // Проблемы количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988; *Гарскова И.М.* Концепции банков данных в историко-социальных науках // Информационный Бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. № 3. Октябрь 1991; *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994.

источниковедческую и аналитическую. В этом контексте естественным представляется следующее определение исторической информатики³⁹:

Историческая информатика — это научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки и образования; в основе исторической информатики лежит совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования в исследовательской практике электронных версий исторических источников всех видов.

Теоретической основой исторической информатики является современная концепция информации (включая социальную информацию) и информационные аспекты теоретического источниковедения, а *прикладной* — информационные (компьютерные) технологии.

В *область интересов* исторической информатики входит разработка общих подходов к применению информационных технологий в исторических исследованиях, в частности — специализированного программного обеспечения; создание исторических баз и банков данных (знаний); применение информационных технологий анализа структурированных, текстовых, изобразительных и других источников; компьютерное моделирование исторических процессов; разработка исторических электронных ресурсов и расширение возможностей доступа к ним в глобальной сети Интернет; развитие и применение средств мультимедиа и других новых направлений информатизации исторической науки, а также применение информационных технологий в историческом образовании, музееведении и архивном деле.

В соответствии со сказанным выше, можно говорить о *прикладной* (связанной с использованием стандартных и разработкой специальных, источниковоориентированных информационных технологий) и *теоретической* исторической информатике. Если контуры первой достаточно ясны (хотя и динамичны), то содержание теоретической компоненты исторической информатики требует уточнения. Необходимо выделить три уровня теоретического знания в данной области: метатеория, теории «среднего уровня», «микро-теории».

Метатеорию мы связываем с теоретизацией самого понятия «информация» и его спецификой применительно к задачам исторических исследований. Несмотря на наличие известной точки зрения о том, что понятие «информация» является одним из фундаментальных в современной науке и поэтому не может быть строго определено через более простые понятия, категория «информация» уже с начала XX в. связывается с категорией отражения. Впервые рассмотрение основных свойств и природы исторического источника в свете учения об информации было проведено И.Д. Ковальченко⁴⁰. Другой аспект метатеории мы связываем с теорией информации — математической и технической дисциплиной, ведущей свое начало с 1948 г., когда американский математик и инженер, создатель теории информации К. Шеннон ввел математическое понятие количества информации. Наконец, важное значение приобретает семиотическая проблематика в изучении свойств информации исторического источника, основанная на концепциях знаковых систем и включающая три уровня: синтактику, семантику и прагматику. Развитию этих подходов и их конкретизации посвящен новый сборник статей, подготовленный при активном участии (авторском и редакторском) сотрудников лаборатории⁴¹.

³⁹ *Бородкин Л.И.* Историческая информатика в развитии: методологические аспекты // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации «История и компьютер» М., 1996. С. 16.

⁴⁰ *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3.

⁴¹ Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом / Ред. К.В. Хвостова, Л.И. Бородкин. М., 2004.

В качестве *теорий среднего уровня* исторической информатики можно рассматривать разработки моделей данных исторических источников, принципов построения источник-ориентированных систем и т.д. О такого рода теориях еще в 1987 г. писал один из «отцов» исторической информатики, немецкий ученый М. Таллер в статье с характерным названием «Потребность в теории исторического компьютеринга»⁴², в которой он сформулировал три принципа разработки такой теории: учет контекста при работе с информацией источника; учет размытости (нечеткости) данных источника; учет многомерности, взаимосвязности текстовых структур источника. В лаборатории ведется разработка теоретических подходов, реализующих эти принципы. В частности, созданы алгоритмы многомерной классификации с использованием теорий нечетких множеств⁴³, анализа сложных текстовых структур⁴⁴, адаптации структуры реляционных баз данных при разработке источник-ориентированных ресурсов⁴⁵ и т.д.

Наконец, к *микротеориям* исторической информатики можно отнести конкретные теоретические разработки (алгоритмы) репрезентации и анализа данных источников определенного типа, например при проведении просопографического исследования, при построении тезауруса для повышения эффективности запросов к полнотекстовым базам данных, при создании баз знаний. Примерами могут служить разработка в лаборатории подхода к переводу просопографической информации (представленной в формате многофайловой реляционной базы данных) в агрегированные динамические ряды, реализованного в виде пакета ATiSeP⁴⁶, или разработка интерактивного подхода к исследованию не количественных данных исторических источников, реализованного в виде программы QualiDatE⁴⁷. Используя общую терминологию информатики, можно сказать, что в каждом конкретном случае содержание «микротеории» сводится к построению так называемой информационной модели.

Еще один аспект обсуждения методологических проблем развития исторической информатики возникает, если рассматривать ее в связи с *социальной информатикой*, ориентированной на познание закономерностей информатизации общества. В развитии социальной информатики значительное внимание уделяется, в частности, социальным составляющим информационных технологий. Эта научная область прошла этап институционализации, уже более десяти лет в вузах РФ существует специальность «Социальная информатика и моделирование». Как отмечает академик А.Д. Урсул, социальная информатика является методологическим направлением общенаучного уровня, питающим общими

⁴² Thaller M. The Need for a Theory of Historical Computing // History and Computing II, Manchester University Press, Manchester; N. Y., 1987.

⁴³ Borodkin L.I. Fuzziness in Multivariate Analysis of Historical Data: Using a Pattern Recognition Algorithm Based on Fuzzy Set Concepts // Statistics for Historians: Standard Packages and Specific Historical Software / Ed. by L. Borodkin, M. Thaller, J. Turner. Max-Planck-Institut fuer Geschichte, St.Katharinen, 1995; Бородкин Л.И. Алгоритм распознавания образов с использованием концепции теории нечетких множеств и пример его использования // Математические задачи классификации. Москва, 1996.

⁴⁴ Белова Е.Б., Лазарев В.В. От гипертекста к гиперархиву. Система для построения и управления коллекциями электронных текстов // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997.

⁴⁵ Гарскова И.М. Базы и банки данных. Геттинген, 1993.

⁴⁶ Гарскова И.М. От просопографии к статистике: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 1996.

⁴⁷ Белова Е.Б. Интерактивное исследование не количественных данных: методика и инструментарий // Круг идей: модели и технологии исторической информатики...

идеями другие, более конкретные (отраслевые) области знания, например экономическую, политическую, социологическую информатику и т.д., над которыми социальная информатика «возвышается на правах более общей теории»⁴⁸. При этом, по мнению А.Д. Урсула, социальная информатика «обречена на полноценное развитие» лишь на теоретико-методологическом уровне — в силу значительной общности предлагаемых концепций. Конкретное же, прикладное развитие получают частнонаучные, отраслевые информатики, и именно этот процесс дифференциации социальной информатики окажется, в соответствии с прогнозом А.Д. Урсула, более эффективным и конструктивным⁴⁹. В теоретических разработках концепций исторической информатики сотрудники лаборатории учитывают основные положения социальной информатики⁵⁰.

* * *

Первое десятилетие существования научного сообщества в области исторической информатики сформировало его сбалансированную структуру. Оно состоит из нескольких групп, слоев, тесно взаимодействующих, но различающихся по своей роли в развитии исторической информатики, расширении ее ареала. Первая группа — это разработчики новых подходов к представлению и анализу данных исторических источников, соответствующих алгоритмов, программ и технологий. Именно наличие такой группы позволяет, вообще говоря, рассматривать историческую информатику как научную область, имеющую не только свой предмет исследования, но и специфические методы, исследовательский инструментарий⁵¹. Вторая группа — это квалифицированные пользователи новых информационных технологий, методов и программного обеспечения; они осваивают реалии стремительно меняющегося мира информационных технологий, творчески адаптируют его новые достижения (с учетом специфики исторических источников и задач их обработки) и внедряют их в практику исторических исследований. Наконец, третья и наиболее многочисленная группа — это широкий слой историков-исследователей, пришедших к необходимости применять в своей работе поиск профессиональных ресурсов в Интернете, технологии баз данных, анализа текстовых и статистических источников, моделирования и т.д. Используя информационные технологии, они ориентируются преимущественно на тот опыт, те образцы, которые продуцируют первые две группы.

Отметим, что состав Лаборатории исторической информатики включает специалистов как первой, так и второй групп. Их задача — не только обеспечивать историческую науку новыми методами и современными технологиями, но и давать убедительные примеры их использования при решении крупных исследовательских проблем. Наиболее адекватной формой для реализации этих целей является, на наш взгляд, исследовательский проект, в рамках которого корпус изучаемых источников корректно переводится в электронный

⁴⁸ Урсул А.Д. Информатизация общества. Введение в социальную информатику. М., 1990. С. 160.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См., например: Историческая информатика / Ред. Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова. М., 1996. Гл. I.

⁵¹ Сегодня трудно представить себе историческую информатику без таких известных зарубежных разработок, как KLEIO, SOCRATES, WINCENS, а также программ, реализующих методы *record linkage*. Получили известность также разработки Лаборатории исторической информатики МГУ: QualiDatE, FuzzyClass, ATiSeP и др.

формат, затем проводится его комплексный анализ с использованием тех информационных технологий и аналитического инструментария, которыми владеют специалисты по исторической информатике, а потом осуществляется интерпретация полученных результатов, в которой принимают участие историки – специалисты в соответствующей области. Опыт лабораторий содержит целый ряд примеров такого рода⁵².

Важным является вопрос о подготовке и переподготовке специалистов по исторической информатике. Дело в том, что если период «полураспада компетенции» (т.е. время, за которое знания устаревают на 50%) составляет для инженера пять лет, для химиков, медиков и биологов – четыре года⁵³, то, по нашей оценке, для специалиста по исторической информатике этот период не превышает трех лет. В этом контексте не удивительно, что каждый год несколько преподавателей из различных российских университетов проходят стажировку в Лаборатории исторической информатики. И хотя двадцатилетней давности прогноз известного французского историка Э. Ле Руа Ладюри, отмечавшего, что «в будущем историк станет программистом или он не будет ничего стоить»⁵⁴, не оправдался, наши английские коллеги-историки в середине 90-х годов приступили к подготовке специалистов по исторической информатике (Historical Information Engineers), «которые будут разрабатывать специализированные методики и программные средства и преподавать историческую информатику»⁵⁵. Однако, на наш взгляд, более высоким окажется спрос на специалистов-историков, имеющих навыки работы с широким кругом уже существующих информационных подходов и технологий. Такого же мнения придерживается и экс-президент АИС профессор Я. Олдерволл (см. его статью «Почему Норвегия не является мировым чемпионом по исторической информатике?»)⁵⁶. Как нам представляется, именно таких специалистов готовят те семь университетов России и Беларуси, где уже несколько лет проводится специализация по исторической информатике⁵⁷. Учебные пособия, созданные сотрудниками Лаборатории исторической информатики, ее методические и технологические разработки используются в практике специализации данного профиля.

⁵² Так, Лаборатория исторической информатики активно участвовала в проектах, поддержанных в 1996 – 2003 гг. фондами РИФ и РФФИ и направленных на изучение социальных характеристик депутатов I Государственной Думы; функционирования иностранных корпораций в России в период индустриализации в конце XIX – начале XX вв.; факторов динамики фондового рынка в России начала XX в.; стачечного движения в России в 1895–1917 и 1921–1928 гг.; мотивации труда и дифференциации зарплат текстильщиков Москвы в годы дореволюционной индустриализации и при; страхования промышленных рабочих России в годы дореволюционной индустриализации и при.

⁵³ Самарский А.А. Вычислительный эксперимент и научно-технический прогресс // Информатика и научно-технический прогресс. М., 1987. С. 49.

⁵⁴ Le Roy Ladurie F. Le territoire de l'historien. Paris, 1973. P. 14. В этом прогнозе Л. Ладюри исходил из ситуации начала 70-х годов, когда царствовали большие ЭВМ и доступ к ним историка почти всегда требовал участия программиста. Ныне, в связи с большим количеством пакетов программ, предназначенных для пользователей персональных компьютеров, необходимость обращения к программисту или овладения навыками программирования почти исчезла.

⁵⁵ Denley P. Historical Computing as a New Language for History? // The Art of Communication. Proceedings of the VIII International Conference of the Association for History and Computing. Ed. by G. Jaritz, I. Kropac, P. Teibenbacher. Graz, 1995. P. 26.

⁵⁶ Oldervoll J. Why Isn't Norway World Champion in Historical Informatics? // Computers and the Humanities, 1995. Vol. 28. P. 273.

⁵⁷ Специализация по исторической информатике введена решением УМО по специальности «История» с 1999 г. Об опыте этой специализации см. материалы выпусков Информационного бюллетеня Ассоциации «История и компьютер» за 1999–2003 гг.

В последние годы сотрудники лаборатории уделяют много внимания разработке новых электронных ресурсов для историков, используя возможности глобальной сети Интернет. Веб-сайт исторического факультета МГУ (www.hist.msu.ru) появился в начале 1997 г. и был одним из первых сайтов гуманитарных факультетов Московского университета. С самого начала его развитие обеспечивает лаборатория исторической информатики. С этой целью по приказу декана создана группа (Л.И. Бородкин — руководитель, Т.Я. Валетов — веб-мастер, А.Н. Полевая — информационные контакты), которая разрабатывает концепцию сайта, его дизайн и контент, обеспечивает пополнение новой информацией. Концептуальные вопросы развития сайта обсуждаются на заседаниях деканата. В 2003 г. утвержден механизм информационного наполнения всех разделов сайта. Основными из этих разделов являются следующие: общая информация о факультете; новости факультетской жизни; кафедры, лаборатории, центры; факультетская наука; информация для студентов; информация для абитуриентов; электронная библиотека; информация Совета деканов; научные ассоциации, связанные с факультетом; дополнительное образование; фотоархив. Сайт сегодня является одним из главных источников информации об историческом факультете, его подразделениях, научных достижениях, учебном процессе. Раздел новостей — один из наиболее активных среди подобных разделов на сайтах подразделений МГУ (в 2003 г. шесть факультетов, включая исторический, были представлены в разделе «Новости факультетов» на сайте МГУ). Опыт работы лаборатории с ресурсами Интернета отражен, в частности, в публикациях журнала «Новая и новейшая история»⁵⁸.

В 1999 г. было начато формирование библиотеки электронных ресурсов истфака (разработчик — Т.Я. Валетов), которая включает следующие основные разделы: электронные версии различных исторических текстов и документов как по всеобщей, так и по отечественной истории; базы данных; оцифрованные источники; тематические электронные ресурсы (коллекции); ссылки на электронные исторические ресурсы, выставленные на других сайтах⁵⁹. К началу 2003 г. электронная библиотека факультета стала одним из наиболее известных и востребованных корпоративных исторических ресурсов в российском сегменте Интернета. По значению индекса цитирования в популярной поисковой системе *Яндекс* веб-сайт исторического факультета занимает в 2003 г. самую высокую позицию среди организаций исторического профиля, обойдя также сайты всех гуманитарных факультетов и большинства естественных факультетов МГУ. Каждый месяц регистрируются тысячи обращений к электронной библиотеке факультета; количество обращений к отдельным электронным текстам достигает 500 в месяц и продолжает расти. Наличие данного электронного ресурса позволяет преодолеть «узкое место» при изучении материала общих, а особенно специальных исторических курсов — доступ к необходимой литературе

⁵⁸ Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Азбука Интернета. Адресация в Интернете. Поиск информационных ресурсов в сети // Новая и новейшая история. 1999. № 1; Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Поиск в Интернете. Поиск в русскоязычной части WWW // Новая и новейшая история. 1999. № 2; Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. 2003. № 1.

⁵⁹ Адрес библиотеки: <http://www.hist.msu.ru/ER/>

и источникам. Разработчики сайта стремятся в процессе его информационного наполнения следовать критериям формирующегося «компьютерного источниковедения».

Следует отметить, что в 2003 г. лишь четыре факультета (включая исторический) были представлены на сайте МГУ в разделе «Электронные библиотеки на сайтах факультетов».

С 2002 г. лаборатория осуществляет новый Интернет-проект, связанный с разработкой принципов создания комплексного тематического электронного ресурса. Этот проект — «Многофункциональная информационная система «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности: от дореволюционной индустриализации к нэпу»» (руководитель проекта — И.М. Гарскова)⁶⁰ — является естественным продолжением исследований по рабочей истории, обсуждавшихся в течение ряда лет на заседаниях научного семинара Центра экономической истории. В работе участвуют сотрудники лаборатории Л.И. Бородин, Т.Я. Валетов, А.Ю. Володин, И.М. Гарскова, Т.Ф. Измestьева, А.Н. Полевая, С.А. Саломатина.

Структура электронного ресурса включает следующие разделы: 1) основные законодательные и правовые материалы, регулирующие трудовые отношения; 2) статистические и справочные материалы; 3) тексты современников — практиков и деятелей, связанных с обсуждением проблем трудовых отношений, принятием соответствующих решений, их реализацией; 4) публикации 1930—1980-х годов; 5) новейшие исследования по тематике проекта, включая работы о государственном регулировании трудовых отношений; 6) библиография работ по тематике проекта; 7) базы данных; 8) оцифрованные архивные и другие документы (имиджи); 9) электронные тексты документов; 10) изобразительные материалы (фотографии, карты, иллюстрации из газет и журналов и т.п.); 11) ссылки на материалы, размещенные на других сайтах.

Различные компоненты данного ресурса взаимосвязаны в рамках создаваемой на основе проекта многофункциональной информационной системы, призванной снабдить Интернет-ресурсами исследования по широкому спектру вопросов эволюции трудовых отношений в промышленности России конца XIX в. — 1920-х годов, включая трудовое законодательство, оплату труда, его мотивацию, страхование и социальное обеспечение рабочих, взаимоотношения рабочих и предпринимателей, трудовые конфликты и т.д. Эти взаимосвязи поддерживаются системой дескрипторов, позволяющей использовать информацию мета-уровня (тезаурус, семантические сети и другие мета-данные).

Уже к началу 2003 г. данный электронный ресурс стал наиболее представительным в Интернете по количеству и качеству информации о трудовых отношениях в российской промышленности рассматриваемого периода. Так, раздел 5 содержит многочисленные работы последнего десятилетия по проблемам мотивации промышленного труда в период дореволюционной индустриализации и нэпа. В разделе 6 представлена уникальная библиография по рабочей истории, составленная по материалам сборников

⁶⁰ Адрес данного ресурса в Интернете: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/PROJECT/index.html>

1970—1980-х годов, а также с учетом новейшей отечественной и зарубежной историографии (около двух тысяч названий). Раздел 8 пополняется электронными текстами архивных документов (из фондов московских и областных архивов), а также газетных материалов 1920-х годов. Тем самым вводятся в научный оборот труднодоступные источники по рабочей истории. Раздел 3 включает несколько книг фабричных инспекторов и других специалистов по «рабочему вопросу», а также репрезентативную подборку электронных текстов статей, опубликованных в журналах «Вестник труда» и «Вопросы труда» в 1920-х — начале 1930-х годов и отражающих дискуссии того периода по вопросам регулирования трудовых отношений в советской промышленности. В этом же разделе представлена база данных по 2577 статьям, опубликованным в этих журналах за указанный период времени (созданная по оглавлениям журналов). В разделе 1 продолжается формирование массива источников по правовому регулированию трудовых отношений, роли государства в этом процессе (тексты законов из ПСЗ, трудовые кодексы 1918 и 1922 гг.). В разделе 2 пополняется комплекс справочных и статистических материалов, включая данные фабричной инспекции, справочники о труде в СССР в 1920-е годы, табличные материалы 1890—1920-х годов и т.д. Другой аспект проблемы трудовых отношений (антропологический) отражают разделы 8 и 10, содержащие материалы личного происхождения (фотографии, грамоты, расчетные книжки и удостоверения рабочих и т.д.). Самостоятельное значение для специалистов в области рабочей истории имеет раздел 11, включающий ссылки на другие информационные Интернет-ресурсы по тематике проекта, в том числе, дающие «визуальный образ» изучаемой эпохи в контексте проблем рабочей истории (фотографии, плакаты и т.д.); здесь собраны также практически все статьи и другие публикации по рабочей истории указанного периода, содержащиеся в Интернете (включая ресурсы на иностранных языках)⁶¹.

Работа над данным проектом выявила целый ряд технологических, методических и методологических проблем, определяющих содержание формирующегося «компьютерного источниковедения». Опыт их решения отражен в коллективной монографии «Историк и Интернет», подготовленной сотрудниками лаборатории (совместно с коллегами из АИК, в соредакторстве с деканом Алтайского госуниверситета В.Н.Владимировым) к публикации в 2004 г. Проблемы источниковедения исторических Интернет-ресурсов оказались в центре обсуждения «круглого стола», проведенного по инициативе лаборатории в апреле 2000 г. и посвященного

⁶¹ Подробнее об этом проекте см.: *Бородкин Л.И., Гарскова И.М.* Интернет-ресурсы для изучения истории России XIX–XX вв. // Информационное обеспечение исторического образования (Педагогические аспекты исторической информатики. Вып. 3). Минск; Гродно, 2003; *Они же.* Тематический Интернет-ресурс по истории трудовых отношений в российской промышленности // Экономическая история: Обзор. № 9. М., 2003; *Бородкин Л.И., Володин А.Ю., Гарскова И.М.* Предприниматели и рабочие: создание Интернет-ресурсов по истории трудовых отношений в российской промышленности // Предприниматели и рабочие в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Кострома, 2003.

теме «Историк, источник и Интернет» (выступления участников опубликованы в журнале «Новая и новейшая история» — 2001. № 2. С. 66 —93).

Еще одно направление работы лаборатории в области сетевых технологий — создание и поддержка профессионально-ориентированных сетей, включающих веб-сайты и листы рассылки или телеконференции. Примером такой сети является RSSH.Net (Russian Social Science and Humanities Network). Основная цель этой сети — информационная поддержка исследователей и преподавателей (как историков, так и представителей смежных областей социально-гуманитарного знания). Действуя в контакте со специалистами в области сетевых технологий из университета Майами (Оксфорд, Огайо) и Алтайского госуниверситета, сотрудники лаборатории⁶² инициировали проект (руководитель проекта — И.М. Гарскова), в соответствии с которым в 1999 г. сеть RSSH.Net начала работу, создавая виртуальные научные сообщества в нескольких научных областях, включая историческую информатику, экономическую историю, историческую демографию, историю искусства, востоковедение и лингвистику. Каждый профессионально-ориентированный лист рассылки предлагает дискуссионный материал, исследовательскую и учебную информацию о ресурсах, архивах, материалах курсов, их программах, книжные обзоры, объявления о конференциях, а также технологическую информацию о новом программном обеспечении, узлах Internet и оцифрованных данных. Число подписчиков сети в 2003 г. превышает 800, среди них немало и зарубежных ученых, интересующихся историей и культурой России⁶³.

Рост внимания к Интернет-ресурсам и электронным коммуникациям не означает сокращения усилий коллектива лаборатории по дальнейшему развитию аналитической компоненты исторической информатики. Продолжается анализ методологических и методических аспектов применения математических методов в исторических исследованиях в контексте междисциплинарных подходов⁶⁴. Результаты начатого в 80-е годы изучения возможностей применения в истории математических и компьютерных моделей были суммированы в сборнике, подготовленном лабораторией и выпущенном в свет в 1996 г.⁶⁵ Во второй половине 90-х годов обозначился новый этап в развитии этого направления. В течение последних лет

⁶² Л.И. Бородкин, И.М. Гарскова, Т.Я. Валетов.

⁶³ См., например: *Гарскова И.М.* Информационные ресурсы Интернета и формирование виртуальных научных сообществ. Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. Ч. 2.

⁶⁴ См., например: *Бородкин Л.И.* Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма. Новая и новейшая история, 1998. № 5; *Он же.* Новые подходы в клиометрике: модели нелинейной динамики в изучении неустойчивых процессов. Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000; *Он же.* Клиометрика: pro et contra (виртуальный диалог) // Экономическая история. Обзорение. М., 2001. Вып. 7; *Силоматина Г. Лодовая С.А.* Экономическая история и клиометрика: самоопределение научных направлений у нас и за рубежом. Новая и новейшая история, 1997. № 5; *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я.* Моделирование неравенства в оплате труда промышленных рабочих в России в начале XX в. — Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997.

⁶⁵ Математические модели исторических процессов: Сб. статей / Отв. ред. Л.И. Бородкин. М., 1996.

лаборатория занимается разработкой и адаптацией методов и технологий построения нелинейных моделей неустойчивой динамики исторических процессов с использованием концепций синергетики, теории самоорганизации, теории хаоса⁶⁶. Подчеркивая темпоральные аспекты нового подхода, нередко отмечают, что эволюционно-синергетическая парадигма выдвигается на передний план современной науки. В соответствии с этой парадигмой, развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения («бифуркациями»), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию («аттрактору»), механизмы выбора которого определяются методами синергетики. Данный подход, позволяющий также исследовать соотношение внешних и внутренних факторов в развитии неустойчивых процессов, используется в лаборатории, в частности, при изучении динамики фондового рынка в дореволюционной России, эволюции стачечного движения в России в конце XIX — начале XX вв.⁶⁷

В заключение отметим, что Лаборатория исторической информатики проводит большую учебно-методическую работу, обеспечивая преподавание общего курса «Информатика и математика» (IV и V семестры), включая проведение двухсеместрового компьютерного практикума с 15 группами студентов. Ведется работа по адаптации современных мультимедийных технологий к задачам преподавания данного курса. С этой целью используется, например, программная среда Camtasia Studio — удобное инструментальное средство для подготовки видеофайлов, описывающих работу в изучаемом статистическом пакете⁶⁸. Сотрудники лаборатории поддерживают и обновляют программное обеспечение трех компьютерных классов факультета. На основе педагогического опыта лаборатории подготовлен новый учебник «Информатика и математика для историков», который будет опубликован Издательством МГУ в 2004 г. Его содержание во многом базируется на научных разработках сотрудников лаборатории.

⁶⁶ *Бородкин Л.И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2; *Он же.* История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Проблемы исторической науки. М., 2003; *Он же.* История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории, 2000. М., 2000; *Он же.* Постнеклассическая рациональность и историческая синергетика (К дискуссии о применении теории хаоса в исторических исследованиях) // Исторические записки. М., 2001. № 4 (122); *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Левандовский М.И.* История и хаос: новые подходы в синергетике // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000.

⁶⁷ См., например: *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И.* Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на Петербургской бирже в 1900-х гг. // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И.* Нелинейная модель стачечного движения: анализ эффектов самоорганизации // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: *Andreev A., Borodkin L., Levandovsky M.* Applying Chaos Theory in the Analysis of Social and Economic Processes in Tsarist Russia // Data Modelling, Modelling History. Proceedings of the XI International Conference of the Association for History and Computing, Moscow, 2000; *Idem.* Using Methods of Non-linear Dynamics in Historical Social Research: Application of Chaos Theory in the Analysis of the Worker's Movement in Pre-Revolutionary Russia / Historical Social Research. 1997. Vol. 22. N 3/4.

⁶⁸ См., например: *Володин А.Ю.* Мультимедийное преподавание статистики // Информационный бюллетень «История и компьютер». 2003. № 31.

Информационно-аналитический центр теоретических проблем исторической науки

Произошедшие в 1990-е годы изменения во всех областях общественной жизни России оказали большое влияние на историческую науку, определили обновление и развитие ее теоретических и методологических основ, актуализировали интерес к достижениям дореволюционной российской историко-теоретической мысли, к теоретическим трудам зарубежных историков.

В целях дальнейшего совершенствования учебного процесса, повышения эффективности научной работы студентов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава на историческом факультете в 1997 г. был создан Информационно-аналитический центр теоретических проблем исторической науки.

Сотрудниками Центра являются доктора исторических наук, профессора Л.П. Репина, Н.Б. Селунская, А.К. Соколов, кандидат исторических наук, доцент Е.Н. Цимбаева, Ю.А. Костенко. Возглавляет Центр доктор исторических наук, профессор Е.И. Пивовар.

Теория исторической науки в значительной мере определяет общее направление и характер деятельности историка. Она занимает особое место в процессе исторического исследования: формирует подход историка к изучаемому материалу (простое накопление фактов или их анализ и синтез), ориентирует на поиск закономерностей исторического процесса, помогает обозначить приоритеты в подходах к изучению источников (философская герменевтика, семиология, структуралистический анализ текста и пр.). Ни одна современная теория истории не может претендовать на универсальность в объяснении исторического процесса; в то же время практически каждую из них можно использовать в определенной области конкретно-исторических исследований. Однако отсутствие четкого представления о границах применения той или иной теории способно обесмыслить скрупулезную работу с источниками, привести к теоретической несостоятельности.

Недостаточное знание теории исторической науки ведет к некритичному восприятию слегка модернизированных представлений, почерпнутых из советской исторической традиции, или же апеллированию к каким-либо школам в области теории истории, часто неприменимым к избранной тематике исследования.

Теоретические установки -- необходимый системообразующий ориентир, без которого исторический труд делается аморфным нагромождением разрозненных сведений. В рамках различных теоретических направлений вопрос о познаваемости истории, возможности достижения объективного знания прошлого, об отношении историка к источнику, об основных закономерностях и движущих силах исторического процесса решается по-разному.

Задача Центра — обобщение отечественного и мирового опыта в области теории исторического познания: систематическая публикация информационных и аналитических материалов, освещающих современное состояние мировой теоретико-исторической мысли; подготовка общих и специальных курсов по проблемам теории и методологии истории, исторического познания; изучение опыта применения в исторических исследованиях теории и методов смежных гуманитарных дисциплин, внедрение в практику научной работы междисциплинарных подходов; подготовка кадров.

Центр проводит *постоянно действующий семинар по теоретическим проблемам исторических исследований*. В его работе принимают участие профессора и преподаватели, аспиранты и студенты кафедр и лабораторий истфака, других факультетов МГУ, специалисты ряда институтов РАН.

В рамках семинара делаются доклады и научные сообщения на актуальные темы; проходят презентации новых изданий, проектов научных центров РАН и вузов России; проводятся «круглые столы», посвященные обсуждению монографий и акцентирующие внимание на теоретических аспектах научных работ. В работе «круглых столов» помимо сотрудников Центра принимали и принимают участие профессора исторического факультета Н.С. Киняпина (1920—2003), И.Л. Маяк, Н.И. Цимбаев, В.М. Селунская, профессора и научные работники ряда других факультетов МГУ, а также сотрудники ИВИ РАН, ИНИОН РАН, РАГС, МГИМО, РГГУ и т.д.

Наиболее представительные заседания «круглых столов» были посвящены обсуждению фундаментального труда академика РАН Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998) — его теоретико-методологической проблематике, связанной прежде всего с генезисом феодализма и капитализма, с соотношением цивилизационного и формационного подходов к изучению истории и др.

При обсуждении коллективного труда «Очерки истории русской культуры XVIII века. Общественно-культурная среда» (под редакцией Л.В. Кошман. М., 1998) были поставлены вопросы о взаимодействии общества и индивида; об особенностях изучения культурного пространства и пр. Выступавшие отметили новизну издания, выразившуюся в использовании системно-функционального подхода к изучению русской культуры; подчеркнули обоснованность выделения авторами основных составляющих культурного пространства (города, деревни, усадьбы), наполнения понятия «культура как система» реальным историко-культурным содержанием.

При обсуждении монографии доктора исторических наук И.С. Филишова «Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма» (М., 2000) особое внимание было уделено понятийному аппарату исследования, особенностям становления феодализма в этом регионе, методам изучения социально-экономической и социально-правовой истории.

«Круглый стол» был организован и в связи с выходом в свет монографии И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время. В поисках утраченного» (М., 1997). Выступления участников характеризовались стремлением точнее определить место истории в системе наук, проследить эволюцию представлений об историческом времени. В ходе обсуждения данной проблемы анализировались не только различные концепции исторического времени, хронологии, периодизации исторических эпох, исторических

циклов и стадий исторического развития, темпоральные представления в разные периоды истории, но рассматривался также ряд ключевых элементов исторического познания в целом.

В заседании «круглого стола», посвященного обсуждению монографии «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом» (М., 1999) приняли участие академик РАН Б.В. Ананьич, главный редактор журнала «Исторический архив» А.А. Чернобаев, профессор исторического факультета МГУ В.М. Селунская, сотрудники ИРИ РАН, РГАСПИ, ряда вузов Москвы.

Среди сделанных на семинарах Центра докладов следует отметить выступления, посвященные новым направлениям в теории исторической науки, в методике исторического исследования: микроистории (С.В. Журавлев), «новой исторической науке» (А.Л. Ястребицкая), глобальной истории (В.М. Хачатурян), «новой философии истории» (Г.В. Зверева) и др.

Основным научным и информационно-аналитическим изданием Центра является ежегодный бюллетень «Теоретические проблемы исторических исследований». С 1998 по 2002 г. вышло четыре его выпуска общим объемом свыше 55 п.л. Издание имеет постоянные рубрики: «Доклады и обсуждения», «Круглые столы», «Информация», «Библиография».

Бюллетень отражает основные направления работы российских историков из многих научных и вузовских центров Москвы, Санкт-Петербурга, а также Челябинска, Саратова, Нальчика и других городов, по изучению теории и методологии исторической науки. На его страницах регулярно печатаются и ведущие зарубежные специалисты в области теории истории. Среди них - Отто Герхард Экле (Германия), Рольф Торстендаль (Швеция), Дон Карл Роуни (США), Джейн Бурбанк (США). В издании также были опубликованы статьи по актуальным проблемам историко-теоретической мысли самих сотрудников Центра (А.К. Соколова, Е.И. Пивовара, Н.Б. Селунской, Е.Н. Цимбасовой) и профессора исторического факультета А.И. Патрушева.

В раздел «Информация» включаются аналитические отчеты о международных и российских научных конференциях по историко-теоретической проблематике, в которых сотрудники Центра, как правило, принимают участие. Был напечатан отчет Е.И. Пивовара и Н.Б. Селунской о VI Всемирном конгрессе исследований проблем Центральной и Восточной Европы; отчет академика С.В. Тихвинского и Л.П. Репиной о XIX Международном конгрессе исторических наук; отчет Е.И. Пивовара о Третьей европейской конференции по социальной истории; отчеты Е.Н. Цимбасовой о ряде конференций по гендерной истории и т.п.

В разделе «Библиография» помещаются рецензии и развернутые аннотации новейших монографий, коллективных трудов, статей из англо-, франко-, испаноязычной, немецкой, польской, украинской историографии. Здесь представляются также новые отечественные и зарубежные журналы по теории истории.

За время существования Центра его сотрудниками были опубликованы монографии: «Мужчина и женщина в истории» (М., 2003) Л.П. Репиной, «Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма» (М., 1999) Е.Н. Цимбасовой.

Центр подготовил коллективную монографию «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом» (М., 1999. 28,6 п.л.). Проект был осуществлен совместно с сотрудниками ИВИ РАН, Института славяноведения РАН и др. Впервые в одной работе история российского зарубежья XIX — XX столетий была представлена как единый процесс, показано общее и особенное в этом явлении на различных этапах исторического развития. Авторы предприняли попытку воссоздать облик целых пластов российской эмиграции — военной, сословной, предпринимательской, национальной, религиозной и т.д. Работа была встречена множеством положительных откликов в отечественной и зарубежной научной печати и публицистике.

Центр принял участие в подготовке «Пособия для учителей истории» (М., 2003). Е.И. Пивоваром написаны главы, освещающие новые теоретические концепции в исторической науке, «архивную революцию», источниковую базу исследований, новые информационные возможности преподавания. Пособие имеет гриф Министерства образования и получило статус победителя конкурса пособий для учителей истории. Работы сотрудников Центра выходят также в различных периодических изданиях («Вестник Московского университета. Серия 8. История»; «Вопросы литературы»; «Отечественные архивы»; «Исторические записки»).

К приоритетным направлениям деятельности Центра относится обобщение отечественного и мирового опыта в области теории истории. В последние годы эта информационно-аналитическая работа осуществлялась по ряду направлений. Одно из них — анализ своеобразных осей координат в истории: *исторического времени и исторического пространства*. Эти ключевые составляющие любого исторического изложения в последнее время привлекают все большее внимание специалистов в области теории истории. Предмет истории не существует вне времени, да и самими историческими объектами то или иное явление делает также время. Причем в историческом исследовании присутствует весьма сложная его «грамматика»: *будущее в прошлом, настоящее в прошлом, прошлое в прошлом* и т.д. А если прибавить сюда и время исторического источника (когда он создан, какое историческое время в нем отражено и т.п.), то картина еще более усложняется. Нельзя не учитывать и обстоятельства, в которых происходит трактовка исторического времени. Ведь исследователь, преподаватель, ученик — продукты определенного исторического периода, носители исторической памяти своего поколения, социальной памяти общества, семейных, этнических, религиозных традиций и т.п.

Анализ этой проблематики неизменно актуален, поскольку историки изучают свой предмет во времени диверсифицированно, под разными углами зрения. Неупорядоченность, дробность, неравномерность, мозаичность изученности различных подсистем в разные исторические эпохи и в разных географических ареалах, «белые пятна» и «серые ниши» прошлого — таково полотно исторического времени. Но историческое знание в целом позволяет увидеть все многообразие «мира истории»: структуры и связи, события и действия, бытие народов и повседневную жизнь, героев и «маленького человека», обыденное сознание и глобальное мировоззрение. Без четкого уяснения позиции того или иного историка или исторической

школы в использовании образа времени невозможно понимание их концептуальных взглядов и практических разработок.

Историческое пространство — не менее сложный объект анализа. Это среда обитания человечества, историческая арена, на которой общество взаимодействует с природой. Это и историческое пространство, которое существовало в исторической реальности, с одной стороны, и отражалось в исторических источниках свидетелей прошлого — с другой.

Нельзя также не учитывать и сложную, многоуровневую структуру исторического пространства: от всемирного, или уровня континентов и субконтинентов, крупнейших климатических зон, до регионов и субрегионов, территорий государств, расселения этносов, локальных групп и т.д.

Центр уделяет названной проблематике особое внимание и потому, что появившиеся в последние десятилетия внеученные «игры» с историческим временем и историческим пространством могут порождать размывание исторического сознания.

Не менее актуальным направлением информационно-аналитической и научной работы Центра является *гендерная история*. Речь идет не столько о роли женщины в истории и культуре — сфера внимания исследователей гендера — социокультурные отличия, вытекающие из разницы менталитета, воспитания, психики, образа жизни мужчины и женщины. Понятия *мужественности* и *женственности* в различных исторических контекстах наполняются разным содержанием, их противостояние и взаимодействие — важная составляющая исторического анализа.

В настоящее время можно выделить несколько направлений гендерных исследований, привлекающих наибольшее внимание специалистов: гендер и нация; война, военное дело и их воздействие на гендерные различия в обществе; формы участия мужчин и женщин в социальной и культурной практике и др. Само признание существования ментальных гендерных различий способствует обогащению изысканий в области теории истории на современном этапе.

Еще одно направление работы Центра — так называемая *интеллектуальная история*. Это понятие включает в себя весьма широкую проблематику: и историю идей, и историю условий и форм интеллектуальной деятельности. Таким образом, «интеллектуальная история» призвана учитывать взаимодействие между движением идей и их отнюдь не абстрактной исторической «средой обитания», тем социальным, политическим, религиозным, культурным контекстом, в котором идеи рождаются, распространяются, модифицируются, искажаются и т.п.

Современная интеллектуальная история включает в себя весьма разнородные составляющие, сохраняющие и свои особые черты: историю идей, историю естествознания и техники, историю общественной, политической, философской, исторической мысли и т.п. Центр акцентирует внимание на проблематике истории интеллектуальной деятельности и интеллектуальных процессов в социокультурном контексте.

Научные сотрудники Центра внесли большой вклад в разработку ряда актуальных *теоретических* и конкретно-исторических проблем истории

российского зарубежья. Эмиграция как историко-культурный и социополитический феномен представляет собой сложный объект междисциплинарного исследования. Ему присущ целый ряд черт, анализ которых способствует пополнению теоретико-познавательного багажа историков, пониманию таких процессов и явлений, как диалог культур, соотношение традиций и новаций в истории культуры, адаптация индивидуума в иной социальной среде, история повседневности.

Последние годы были отмечены активным включением Центра теоретических проблем исторической науки в учебную работу на истфаке. Главное внимание студентов обращалось на вопросы, касающиеся истории российской эмиграции XIX—XX вв., диалога культур, коллективных и индивидуальных представлений о прошлом на основе материалов устной истории, гендерных исследований в рамках изучения отечественной истории, новой социальной истории, современного состояния и организации исторической науки в России и за рубежом.

Долгое время для студентов-историков не существовало курса, который открывал бы перед ними все многообразие современных школ в области теории истории. Центр разработал программу общего курса «Теоретические основы и организация исторических исследований» в рамках нового стандарта по специальности «История». Он читается на втором году обучения и включает в себя следующие сюжеты: эмпирическая и теоретическая основы исторического знания; историческое время и историческое пространство как важнейшие составляющие исторического анализа; структура исторического знания, взаимосвязь и взаимодействие исторической науки с другими областями гуманитарного и естественнонаучного знания; организация исторических исследований в нашей стране и за рубежом; характеристика новейших направлений мировой историко-теоретической мысли и т.д.

Курсы по теории истории читаются также в рамках специализации по отечественной истории.

Сотрудниками Центра подготовлены программы семинара для специализирующихся студентов III курса и спецкурса для студентов IV курса.

Преподаватели Центра знакомят студенческую аудиторию с новыми работами и дискуссиями в международном научном сообществе по проблемам теории истории; они стремятся к тому, чтобы из стен факультета выходили профессиональные историки, ориентирующиеся в мире избранной ими науки и умеющие использовать полученные теоретические знания в практике своих будущих исследований.

В компетенцию Центра входит координация и объединение усилий специалистов в области теории истории в рамках Учебно-методического Объединения по истории исторических факультетов университетов Российской Федерации. Важное направление координационной работы — взаимодействие с зарубежными исследовательскими и учебными центрами. Особую актуальность в современном многополярном мире приобретает проблема «ответственности историка», которую невозможно решить без теоретического обоснования роли истории в жизни человечества и без объединения усилий историков различных школ и направлений.

Приложения

Деканы исторического факультета в 1934—2004 гг.

Г.С. Фридрианд (1934 — май 1936); З.П. Игумнова (и.о., июнь 1936 — июнь 1937); И.Д. Удальцов (декабрь 1938 — февраль 1940); Н.Д. Старосельцев (и.о., март 1940 — июль 1940); С.Д. Сказкин (август 1940 — ноябрь 1943); А.В. Ефимов (в московской группе МГУ, 1941—1943); С.П. Толстов (декабрь 1943 — октябрь 1945); М.Н. Тихомиров (ноябрь 1945 — октябрь 1947); Г.А. Новицкий (ноябрь 1947 — сентябрь 1950); Б.А. Рыбаков (октябрь 1950 — май 1952); А.В. Арциховский (июнь 1952 — май 1957); И.А. Федосов (июнь 1957 — январь 1971); Ю.С. Кукушкин (февраль 1971 — июль 1995); С.П. Карпов (с августа 1995).

Заведующие кафедрами исторического факультета в 1934—2004 гг.

Кафедра истории СССР (1934—1953): А.М. Панкратова (1934—1936), Н.М. Дружинин (1937), В.И. Лебедев (1938—1941), И.И. Минц (1941—1949), А.Л. Сидоров (1949—1953); *кафедра истории России до начала XIX в.*: Б.А. Рыбаков (1953—1963), Г.А. Новицкий (1963—1974), А.М. Сахаров (1974—1978), Л.Г. Кислягина (и.о., май 1978 — янв. 1979; авг. 1988 — март 1989), А.Д. Горский (1979—1988), Л.В. Милов (с 1989); *кафедра истории России XIX—начала XX в.*: А.Л. Сидоров (1953—1959), И.А. Федосов (1959—1995), В.А. Федоров (с 1996); *кафедра отечественной истории XX—XXI вв.*: М.И. Стишов (1953—1958), С.Ф. Найда (1958—1965), С.И. Блинов (ию., 1966—1967), В.М. Селунская (1967—1977), Ю.С. Кукушкин (с 1977); *кафедра источниковедения отечественной истории*: М.Н. Тихомиров (1953—1962), А.В. Муравьев (1962—1966), И.Д. Ковальченко (1966—1995), А.Г. Голиков (с 1995); *кафедра истории КПСС*: Д.И. Надточеев (1953—1958), Н.В. Савинченко (1958—1982), Л.С. Леонова (1982—1991); *кафедра истории общественных движений и политических партий*: Л.С. Леонова (с 1991); *кафедра истории древнего мира*: П.Ф. Преображенский (июнь—декабрь 1934), В.С. Сергеев (1934—1941), К.К. Зельин (1942); Н.А. Машкин (1943—1950), В.И. Авдеев (1951—1973), В.И. Кузищин (с 1973); *кафедра истории средних веков*: Е.А. Косминский (1934—1949), С.Д. Сказкин (1949—1973), А.И. Данилов (1973—1980), Н.А. Хачатурян (и.о., 1981), З.В. Удальцова (1982—1986), С.П. Карпов (с 1986); *кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки*: Н.М. Лукин (1934—1938), М.С. Зоркий (1938—1941), А.В. Ефимов (1942—1944), Ф.В. Потемкин (1944—1946), Б.Ф. Поршнев (1947), А.С. Ерусалимский (1948—1950), А.С. Черняев (и.о., 1951—1952), И.С. Галкин (1953—1981), Н.В. Сивачев (1981—1983), Е.Ф. Язьков (с 1983); *кафедра истории южных и западных славян*: В.И. Пичета (1939—1947), Неелды З. (и.о., апр. 1942 — окт. 1943, московская группа), С.А. Никитин (1947—1961), И.А. Воронков (1961—1973), В.Г. Карасев (1973—1991), Г.Ф. Матвеев (с 1991);

кафедра археологии: А.В. Арциховский (1939—1978), И.В. Яценко (и.о., март — сентябрь 1978), В.Л. Янин (с 1978); *кафедра этнологии*: С.П. Толстов (1939—1951), Н.Н. Чебоксаров (1951—1956), С.А. Токарев (1956—1973), Г.Е. Марков (1973—1986), В.В. Пименов (с 1986); *кафедра истории русского искусства (с 1992 г. — истории отечественного искусства)*: А.А. Федоров-Давыдов (1950—1966), М.А. Ильин (1967—1972), Д.В. Сарабьянов (1972—1985), А.И. Морозов (1985—2003), В.С. Турчин (с 2003); *кафедра всеобщей истории искусства*: Б.Р. Виппер (1950—1954), В.Н. Лазарев (1960—1976), В.Н. Гращенков (1976—2003), В.П. Головин (с 2003); *кафедра древних языков*: Н.И. Новосадский (1937—1941), В.С. Соколов (1949—1967), А.Ч. Козаржевский (1967—1995), Е.В. Федорова (и.о., 1995—1996), И.С. Чичуров (с 1996); *кафедра иностранных языков*: К.А. Ганшина (1934—1941), Е.А. Бонди (1965—1983), С.Г. Тер-Минасова (1983—1991), И.В. Шевлягина (1991—2003), О.В. Раевская (с октября 2003).

Заслуженные деятели науки РСФСР, РФ

П.Г. Рындзюнский, С.А. Токарев (1971), В.А. Городцов (1943), Е.А. Косминский (1947), А.М. Панкратова (1947), Л.В. Черепнин (1970), А.К. Нарочницкий (1972), С.А. Никитин (1972), И.С. Галкин (1973), С.Ф. Найда (1974), П.А. Зайончковский (1980), В.Г. Карасев (1991), В.В. Пименов (1998), Г.Е. Марков (2001).

Лауреаты Государственной и Ленинской премий

С.В. Бахрушин (1942), А.В. Ефимов (1942), Е.А. Косминский (1942, 1948), А.Л. Нарочницкий (1942), С.Д. Сказкин (1942), Е.В. Тарле (1942, 1943, 1946), В.М. Хвостов (1942, 1946), Б.Д. Греков (1943, 1948, 1952), А.И. Яковлев (1943), И.И. Минц (1943, 1946, 1974 — Ленинская премия), Э.Б. Генкина (1943), Е.Н. Городецкий (1943), И.М. Разгон (1943), А.М. Панкратова (1946), Н.М. Дружинин (1947, 1980 — Ленинская премия), М.В. Нечкина (1948), М.М. Смирин (1948), Б.А. Рыбаков (1949, 1952, 1976 — Ленинская премия), А.С. Ерусалимский (1950), С.В. Киселев (1950), Б.Ф. Поршнев (1950), Н.А. Машкин (1951), С.П. Толстов (1951), В.И. Авдиев (1952), А.В. Арциховский (1970), В.Л. Янин (1970, 1984 — Ленинская премия, 1996), Б.А. Колчин (1970, 1984 — Ленинская премия), В.И. Шунков (1973), М.В. Алпатов (1974), Г.Н. Севостьянов (1974), Н.В. Сивачев (1974), Е.Ф. Язьков (1974), В.Н. Лазарев (1976), В.М. Полевой (1977), Ю.В. Бромлей (1979, 1987), Л.В. Черепнин (1981), А.М. Сахаров (1982), А.Д. Горский (1982), П.П. Епифанов (1982), Г.Г. Громов (1982), А.К. Леонтьев (1982), В.С. Шульгин (1982), Л.Р. Кызласов (1985), З.В. Удальцова (1987), И.Д. Ковальченко (1989), В.А. Александров (1992), Д.В. Сарабьянов (1994), В.А. Федоров (1996), С.П. Карпов (1996), Н.Я. Мерперт (1999), Л.В. Милов (2000).

Лауреаты Ломоносовской премии

За научные достижения — С.В. Киселев (1947), А.С. Ерусалимский (1949), К.В. Базилевич (1950), Л.Д. Позднеева (1952), М.Н. Тихомиров (1956),

Л.В. Черепнин (1957), А.М. Сахаров (1959), М.Е. Найденов (1961), В.З. Дробижев (1961), В.В. Кузин (1961), Е.Н. Городецкий (1961), В.И. Бессонова (1961), А.Т. Маслова (1961), А.Ф. Чмыга (1961), Д.К. Шелестов (1961), П.Н. Патрикеев (1961), Н.В. Савинченко (1961), П.Б. Жибарев (1961), Ю.С. Кукушкин (1961), В.М. Селунская (1961), В.И. Владимирская (1961), А.В. Арциховский (1966), В.Л. Янин (1966), В.Н. Лазарев (1967), И.С. Галкин (1970), Н.В. Сивачев (1975), Е.Ф. Язьков (1975), И.П. Дементьев (1975), Н.С. Киняпина (1980), Л.Р. Кызласов (1982), Ю.М. Сапрыкин (1983), И.В. Григорьева (1986), В.Г. Карасев (1989), И.В. Созин (1989), Л.В. Горина (1989), С.П. Карпов (1992), О.С. Евангулова (1995), Г.А. Федоров-Давыдов (1997), Ю.Л. Щапова (1998), Л.П. Лагтева (2000);
за педагогическую деятельность — А.Ч. Козаржевский (1992), В.Н. Гращенков (1995), А.А. Никишенков (1996), А.С. Орлов (1997), О.В. Дмитриева (1998), В.А. Федоров (1998), В.И. Кузищин (2000), С.В. Воронкова (2002), Л.В. Милов (2003).

Лауреаты Шуваловской премии

А.Н. Сорокин (1996), М.А. Чепелкин (1998).

Лауреат Демидовской премии

В.Л. Янин (1993).

Лауреат Российской независимой премии «Триумф»

В.Л. Янин (2002).

Лауреаты премии «Памяти митрополита Макария (Булгакова)» (учреждена Правительством Москвы, Московским Патриархатом, Российской Академией наук)

А.Ю. Андреев (1997), В.А. Ковригина (1998), Н.С. Борисов (1999), Б.Н. Флоря (1997, 2001), В.А. Федоров (2003), Н.В. Козлова (2003).

Заслуженные профессора Московского университета

Ю.С. Кукушкин (1995), Ю.К. Золотов (1996), Н.С. Киняпина (1996), В.И. Кузищин (1996), И.Л. Маяк (1996), Л.С. Леонова (1998), Л.В. Милов (1998), Е.Ф. Язьков (1998), В.И. Злобин (1999), К.Г. Левыкин (1999), В.Л. Янин (1999), Л.В. Горина (2000), И.В. Григорьева (2000), В.А. Федоров (2000), Г.Е. Марков (2001), Л.Р. Кызласов (2002), Л.М. Брагина (2003), К.И. Козлова (2003).

Заслуженные преподаватели Московского университета

Ю.А. Мошков (1997), О.С. Попова (2003).

Заслуженный работник Московского университета

Н.С. Хомутова (1998).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А**
- Абелян К.Н. 591
 Абеляр Пьер 342
 Абрамова М.П. 505
 Абрамова Н.Г. 228
 Абсалямов Ю.М. 239
 Авдиев В.И. 298, 299, 303, 309, 609, 610
 Авдусин Д.А. 206, 258, 467, 469, 470, 471, 472, 479, 481, 482, 483, 484
 Аверинцева Н.П. 359
 Аверкиева Ю.П. 535
 Авилова Л.И. 489
 Агеева Е.А. 278, 293
 Агейчева Т.В. 259
 Адо А.В. 29, 376, 386, 387
 Адоратский В.В. 143, 150
 Айбабина Е.А. 364
 Айзин Б.А. 391
 Айналов Д.В. 552, 553, 556
 Айрапетов О.Р. 93, 95
 Акимов В.Л. 590
 Аксаков И.С. 110, 111, 399
 Аксаков К.С. 110, 259, 399
 Алаторцева А.И. 258
 Александр I 88, 90, 413
 Александр II 88, 90, 104, 105, 114
 Александр III 104, 112
 Александров Б.Е.
 Александров В.А. 81, 610
 Александров Е.В. 280
 Александров Е.Г. 283
 Александрова Л.А. 179
 Алексахенко А.П. 127, 128
 Алексеев В.В. 241
 Алексеев Г.М. 163, 173, 176
 Алексеев П.А. 191, 194
 Алексеев Ф.Я. 566
 Алексеева В.Н. 270
 Алексеева Л.Д. 512, 515, 518
 Алексей Михайлович 51, 460
 Алекссийченко Г.А. 237
 Алешковский М.Х. 511
 Алияров С.Я. 229
 Алленов М.М. 567, 571, 572
 Алпатов М.В. 73, 552, 554, 557, 558, 559, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 575, 577, 578, 579, 610
 Альперович М.С. 391
 Ананьич Б.В. 605
 Андреев А.Ю. 80, 93, 95, 115, 543, 592, 602, 611
 Андреев Д.А. 93, 95
 Андреев И.Л. 94
 Андреев Ю.В.
 Андронов Н. 570
 Аникович М.В. 206
 Аничков Д.С. 513, 296
 Анпилогов Г.Н. 21, 64, 113
 Антонова В.И. 575
 Антонова С.И. 92, 219, 220, 221, 227, 228, 229
 Анучин Д.Н. 15, 460, 462, 463, 466, 512, 517, 518, 519, 520, 528
 Анфимов А.М. 97
 Аракчеев А.А. 90, 102
 Арапов Д.Ю. 7, 34, 86, 254
 Ардашев Н.Н. 207
 Ардашир 312
 Аристотель 314
 Аркин Д.Е. 557
 Аронов В. 578
 Арсентьев Н.М. 590
 Артамонов М. 573
 Артамонов М.А. 85
 Артамонов М.И.
 Архангельская И.Д. 242
 Архангельский А.С. 67
 Архипов Н.Д. 504
 Арциховский А.В. 19, 23, 29, 70, 73, 179, 180, 184, 215, 255, 276, 464, 467, 468, 469, 470,

472, 473, 474, 475, 476, 477,
496, 504, 507, 550, 609, 610,
611
Арцыбашев Н. 514
Асиновская С.А. 328
Астапович З.А. 123, 124
Астафьев И.И. 92, 105, 107, 108,
113, 219, 220
Ауэрбах Н.К. 464
Аханчи П., 591 592
Ацаркин А.Н. 163, 165

Б

Бабичев А.В. 570
Бадер О.Н. 462, 485
Баевский Д.А. 121
Базаров 515
Базилевич К.В. 21, 22, 50, 51, 64,
70, 93, 121, 214, 215, 252, 253,
610
Байбаков С.А. 130, 132, 134, 136,
137, 260
Байбакова Л.В. 377, 384
Байер Г.З. 246, 259
Бакунин М.А. 154, 155
Бакушинский А.В. 558, 559, 561,
563, 573
Балахванцев А.С. 324
Баллод Ф.В. 463, 464
Банасюкевич В.Д. 230
Бандиленко М. 364
Бантыш-Каменский Н.Н. 191
Барабанов О.Н. 362, 364
Барановский П.Д. 424
Баркова О. Н. 134, 137, 179
Барсенков А.С. 121, 124, 129,
134, 136, 138, 139, 140, 141,
258
Барсов А.А. 66, 192
Барсов Е.В. 13, 63, 194
Барсуков Н.П. 264
Барцева Т.Б. 507
Баскаков О.О. 175
Батурин Н.Н. 145
Батырбаева Ш.Д. 237, 239
Баузе Ф.Г. 196
Бауэр Г.Э. 468
Бахматова М.Н. 363, 364
Бахрушин С.В. 15, 19, 20, 21, 37,
50, 51, 52, 58, 64, 70, 80, 91,
93, 121, 179, 212, 214, 252,
253, 610
Бачинский Н.М. 573
Башилов С.С. 192
Башкиров А.С. 463, 467
Безобразов П.В. 357
Бекетов Н.А. 200
Бекетов П.П. 200
Белкин И.Д. 19, 376
Белов В.А. 542, 543
Белова Е.Б. 583, 590, 591, 595
Белова Н.Н. 317
Беловинцева Н.И. 505
Белоусов Л.С. 389, 390, 391
Белоусов С.А. 419
Белоусова З.С. 391
Белоцерковская И.В. 484
Бельтинг 579
Белявская И.М. 258, 425, 432,
433, 434, 435, 436, 437, 439
Белявский М.Т. 9, 10, 80, 81, 82,
83, 86, 133, 179, 184, 219, 221,
259, 268
Беляев И.Д. 13, 35, 66, 206, 249,
254
Бендрикова Л.А. 375, 376, 379,
380
Бенедиктов А.И. 558
Бенуа А.Н. 556
Бергер А.К. 358
Бердслей Обри 560
Бердлей Н.А. 169, 259
Бердников Я.И. 203, 265
Бережков Н.Г. 433
Березкина О.С. 172, 173, 175
Бернгард Таннер 419
Бернштейн С.Б. 408
Берхин И.Б. 125
Бессмертный Ю.Л. 225
Бессонов П.А. 265
Бессонова В.И. 124, 126, 127,
131, 132, 134, 184, 611
Бестужев-Рюмин К.Н. 88
Бибиков М.В. 361

- Билунов Б.Н. 442, 443, 444, 448
 Бирд Ч. 378
 Биск И.Я. 391
 Бисмарк О. 372
 Блаватский В.Д. 19, 276, 468,
 469, 470, 471, 493, 565, 574
 Блиев М.М. 105, 106
 Близнюк С.В. 361
 Блинов С.И. 128, 609
 Блудов Д.Н. 188
 Блуменау И.М. 455
 Бовыкин В.И. 30, 92, 101, 105,
 107, 115, 220, 227, 228, 229,
 260, 261, 584, 586, 591, 592
 Богданов А.П. 461, 462, 515, 516,
 517
 Богданов А.А. 175
 Богданов В.В. 461
 Богданова Н.М. 361, 363
 Богишич В.В. 404, 405
 Боголепов Н.П. 15
 Богомолова М.В. 277
 Богораз В.Г. 526
 Богословский М.М. 15, 17, 37,
 47, 76, 79, 91, 96, 214, 249
 Бодров О.В. 368
 Бодрова В.Н. 567
 Бодянский О.М. 13, 66, 249, 394,
 395, 396, 397, 398, 400, 402,
 405, 420, 513
 Бойцов М.А. 349, 351, 352, 354,
 355
 Бокарев Ю.П. 229, 243
 Бокшанин А.Г. 19, 222, 312, 318,
 319, 320, 322, 325, 326
 Болотов А.Т. 187
 Болтин И.Н. 193, 245, 253, 254,
 256, 259
 Бонгард-Левин Г.М. 301
 Бондарев В.А. 386
 Бондарчук В.С. 380, 389, 391
 Бонди Е.А. 610
 Борисов Н.С. 7, 34, 63, 72, 73,
 86, 87, 136, 611
 Борковский В.Н. 476
 Боровой А.А. 153, 154, 160
 Бородаев В.А. 386
 Бородин О.Р. 360
 Бородин П.О. 175
 Бородин Л.И. 8, 30, 225, 226,
 238, 240, 241, 242, 243, 582,
 583, 584, 585, 586, 589, 590,
 591, 592, 593, 594, 595, 596,
 598, 599, 600, 601, 602
 Бочаров С.Т. 364, 504, 511
 Бочкарев В.Н. 17
 Брагина Л.М. 225, 339, 347, 349,
 352, 354, 355, 611
 Брандт Р.Ф. 407
 Бранкович Ю. 401
 Бритова Н.Н. 574
 Брокгауз Ф.А. 67, 250
 Бромлей Ю.В. 434, 541, 610
 Броуди Д. 391
 Брунов Н.И. 356, 554, 557, 558,
 559, 562, 563, 564, 565, 575,
 578
 Бруцкус Б. 134, 138
 Брюсов А.Я. 464, 469, 485
 Брюсов В.Я. 178
 Бубнов Д.В. 324
 Бубрих Д.В. 530
 Буга П.Г. 285
 Будрова Л.А. 570
 Бузескул В. 553
 Булгаков С.Н. 169, 259
 Булгаков М.Б. 43, 44, 226, 236,
 585
 Буле И. Ф. 198, 245
 Бунак В.В. 462, 528
 Бурбанк Д. 605
 Буров А.С. 314
 Буслаев Ф.И. 66, 67, 88, 177, 249,
 267, 514, 550, 552, 553, 556,
 575
 Бухарин Н.И. 175, 372
 Бухвостов Я. 568
 Буховец О.Г. 241, 243
 Бушуев С.К. 19, 20, 92, 105, 427
 Бьянко Б. 362
 Бюхер К. 304

В

Вайнштейн О.Л. 356

- Вакулина Е.Н. 254
 Валев Л.Б. 440
 Валетов Т.Я. 592, 598, 599, 601
 Валуева П.А. 114, 215
 Вальдгауэр О.Ф. 554
 Вальков Д. В. 353, 362
 Ванеян С.С. 8, 567, 579
 Варьяш И.И. 349, 353, 354
 Васенин В.Г. 392, 588
 Васерманис Я.И. 254
 Василенко В.М. 565, 566, 573
 Васильевский В.Г. 356, 357
 Васькина Л.И. 138, 179, 227, 229
 Ватлин А.Ю. 389, 391, 467
 Вдовин А.И. 129, 130, 132, 133,
 134, 136, 138, 139, 141, 184,
 185, 229, 236
 Вдовин В.А. 93, 95, 104, 105, 220
 Вдовина Л.Н. 7, 34, 41, 42, 81,
 84, 86, 87, 139, 179
 Вебер М. 379
 Вейзе Г. 576
 Веймарн Б.В. 564, 565, 573, 574
 Вейсель 9
 Вёльфлин Г. 555, 560, 561, 578
 Венелин-Гуца Ю.И. 393, 394,
 514
 Вернадский В.И., 14, 165, 168,
 169
 Верховень Б.Г. 124, 126
 Веселаго Е.Б. 359, 360
 Веселова С.С. 567
 Веселовский А.Н. 552
 Веселовский С.Б. 215, 236, 253
 Веспасиан 321
 Виганд И. 195
 Вигасин А.А. 300, 301
 Виклиф 411
 Вилавер А.М. 118
 Виноградов В.В. 424
 Виноградов П.В. 88, 89, 92
 Виноградов П.Г. 15, 16, 213, 248,
 330, 331, 333, 334, 339, 367,
 411, 413, 417, 420
 Виноградов Ю.В. 318
 Виноградова Е.А. 488, 489
 Виноградова Н.А. 574
 Виноградова П.Г. 15, 16, 213,
 248, 411, 413, 417, 420
 Виноградская П.С. 372
 Виппер Б.Р., 554, 556, 558, 564,
 565, 566, 576, 578, 579, 610
 Виппер Р.В.
 Виппер Р.Ю. 15, 91, 213, 251,
 259, 297, 317, 335, 367, 371,
 520, 557, 560
 Витов М.В. 537, 539, 540, 541
 Витте С.Ю. 215
 Владимиров В.Н. 598, 600
 Владимирская В.И. 448, 611
 Власов А.В. 223, 237
 Внуков С.Ю. 497, 505
 Воеводский М.В. 19, 462, 468,
 471, 485
 Воейкова О.А. 488
 Вознесенский В.Д. 432
 Волгин В.П. 19, 118, 372
 Волгин Е.И. 175, 176
 Волков В.К. 459
 Волков И.В. 364
 Волков И.М. 128, 131
 Волконская З.А. 177, 178
 Волобуев П.В. 92, 101, 121
 Володин А.Ю. 592, 599, 600,
 601, 602
 Володина Т.А. 192, 254
 Володихин Д.М. 7, 223, 237, 259,
 261
 Волостонова Н.В. 455, 459
 Вольф А. 204
 Воробьев Л.В. 432
 Воробьева Е.В. 290
 Воробьева И.Г. 404
 Воронин Н.Н. 184
 Воронков И.А. 29, 258, 425, 433,
 434, 435, 436, 437, 439, 441,
 443, 454, 609
 Воронкова С.В. 7, 216, 221, 222,
 223, 228, 229, 231, 239, 240,
 242, 253, 260, 584, 599, 611
 Воронцова Е.А. 239, 242
 Воррингер В. 555, 560
 Воскобойников О.С. 349, 351,
 352, 354

- Воскресенская Н.О. 227
 Воскресенский Ю.В. 163
 Востоков А.Х. 393
 Вышеславцев Н.Н. 578
- Г**
- Габидуллин Х.З. 19
 Габричевский А.Г. 556, 557, 558,
 559, 561, 564, 565, 578
 Гаврилов В.Г. 321
 Гаврилов М.Г. 198, 205
 Гадалова Г.С. 290
 Гайдуков П.Г. 478
 Гакстаузен А. 98
 Галкин В.А. 160
 Галкин И.С. 19, 20, 22, 255, 258,
 376, 377, 378, 379, 383, 390,
 609, 610, 611
 Ганшина К.А. 610
 Гапачко Л.В. 146
 Гарскова И.М. 43, 225, 226, 236,
 237, 239, 243, 583, 585, 589,
 590, 591, 592, 593, 595, 596,
 598, 599, 601
 Гастев М.С. 11, 200, 201, 202,
 203
 Гвоздева И.А. 47, 314, 322, 325,
 326
 Гвоздовер М.Д. 48, 262, 485,
 486, 488
 Гейм И.А. 10, 13
 Гейштор А. 441
 Генкина Э.Б. 118, 121, 122, 123,
 124, 125, 610
 Георгиев В.А. 93, 95, 105, 106,
 107, 135, 136, 237,
 Георгиева Н.Г. 136, 228
 Герасимова Л.
 Герц К.К. 550, 551, 552, 553
 Герцен А.И. 89, 110, 432
 Гершензон М.О. 89, 254
 Герье В.И. 15, 247, 248, 249, 250,
 366, 367, 371, 405, 406
 Гиацинтов В.Е. 553, 557, 560
 Гиббон Э. 356
 Гильдебранд А. 561
 Гильфердинг А.Ф. 399, 400, 403,
- 411
 Глубоковский Н.Н. 113
 Годжа М. 451
 Голенищев В.С. 33, 553
 Голиков А.Г. 221, 223, 228, 229,
 242, 257, 584, 609
 Голиков В. 162
 Голиков Г.Н. 121, 124, 125
 Голикова Н.Б. 55, 56, 81
 Голицын Д. 191
 Головин В.П. 567, 576, 610
 Голубцов В.С. 221
 Голубцова Е.С. 308, 316, 319
 Голубцова Н.И. 315, 319
 Гольберг И.Е. 283
 Гольмстен В.В. 464
 Гонсевский А. 64
 Горбачев М.С. 134, 137, 139, 376
 Горбачевский И.И. 109
 Гордеев Д.И. 179
 Гордиенко Э.А. 569
 Гордлевский В.А. 530
 Горев Б.И. 143, 144, 154, 160
 Горина Л.В. 360, 436, 438, 442,
 444, 445, 446, 451, 454, 455,
 459, 611
 Горлов П.М. 123, 124, 163
 Городецкий Е.Н. 122, 124, 126,
 127, 132, 179, 184, 253, 255,
 610
 Городцов В.А. 463, 464, 465, 466,
 467, 468, 469, 610
 Горохов В.Н. 390
 Горский А.А. 7, 73, 237, 239
 Горский А.Д. 40, 41, 81, 87, 179,
 253, 258, 609, 610
 Горшков А.И. 184
 Горюнова Е.И. 462
 Горяинов А.Н. 417
 Горянов Б.Т. 358, 359
 Горячев А.Ю. 280
 Горячева Т.Д. 286
 Готье Ю.В. 19, 37, 38, 49, 51, 64,
 89, 91, 108, 179, 207, 212, 213,
 214, 216, 249, 251, 416, 417,
 422, 423, 428, 445, 463, 468
 Грабар А. 569, 570

Грабарь И.Э. 178, 556, 558, 564,
Грава И.К. 227
Граевский К. 419
Граков Б.Н. 19, 464, 467, 468,
469, 470, 471, 494, 495, 496,
497
Грановский Т.Н. 12, 13, 88, 110,
115, 177, 245, 246, 248, 249,
250, 260, 328, 329, 356, 365,
366, 514
Гранстрем Е.Э. 360
Грацианский Н.П. 338, 427
Гращенков В.Н. 8, 566, 567, 576,
577, 579, 610, 611
Гребениченко С.Ф. 238
Гревс И.М. 334, 335
Греков Б.Д. 19, 21, 38, 39, 49, 50,
58, 63, 64, 65, 70, 86, 93, 214,
215, 252, 253, 428, 430, 610
Грехова Л.В. 462, 285
Греч А.Н. 563
Грибоедов А.С. 108, 109
Григорьева И.В. 222, 376, 379,
611
Григорьева Ю.Г. 242
Грико Т.И. 228, 239, 240
Грисюк С.В. 239
Гришаева Л.Е. 129, 130, 134, 138
Гришина З.В. 286
Громов Г.Г. 537, 539, 541, 610
Гроссман-Рощин И.С. 153, 154
Губер А.А. 376, 561, 563, 565,
579
Гудков В.П. 443
Гуковский А.И. 121
Гуревич А.Я. 339
Гурко 418
Гусарова Т.П. 222, 349, 351, 354
Гусев А.В. 7, 171, 172, 175
Гусева Э.К. 272
Гусейнов Э.А. 387
Гусейнова А.Л. 313
Гутнов Д.А. 261
Гутова Е.В. 339, 342, 343, 344,
346, 347, 348, 349, 354
Гюнтер Р. 348

Д

Дадыкин А.В. 289, 293
Далин В.М. 370, 371, 372
Даль В.И. 177
Данилевский Н.Я. 248, 259
Данилов А.И. 339, 343, 344, 609
Данилова Е.Н. 134, 138, 139
Данченко С.И. 438
Дашичев В.И. 391
Дашкова Е.Р. 194, 200
Дворецкий Е.В. 228, 229
Дебец Е.Ф. 462
Дегоев В.В. 105, 106
Дегтярева А.Д. 493
Дейнека А.А. 573
Декувна М. 507
Делорм Ф. 577
Делянов И.Д. 14, 357
Дементьев И.П. 24, 376, 378,
383, 385, 391, 454, 611
Демидов П.Г. 200
Демус О. 569
Денике Б.П. 557, 562, 563, 564,
573
Деникин А.И. 127
Денли П. 593, 597
Деопик Д.В. 224
Дергачева Л.Д. 221, 223, 242,
584
Дергачева-Скоп Е.И. 270
Державин Н.С. 428
Державина О.А. 184
Десницкий С.Е. 259, 295, 296,
513
Джакупова Н.В. 237
Дзялынский Л. 429
Дидро 85
Дильтей Ф.Г. 196
Димухаметова С.А. 282
Дитякин В.Т. 434
Дмитренко С.Л. 163
Дмитриев М.В. 429, 444, 445,
448, 449, 450, 456, 457, 458,
459
Дмитриев П.А. 464
Дмитриев С.С. 19, 92, 93, 95, 96,
109, 110, 112, 113, 114, 115,

116, 179, 184, 215, 220, 221,
253, 254, 259, 260, 261
Дмитриева Н.А. 566
Дмитриева О.В. 349, 351, 352,
354, 355, 611
Дмитриева С.В.
Добиаш-Рождественская О.А.
Добров Г.М. 224
Добролюбов Н.А. 110
Довнар-Запольский М.В. 15,
418, 419
Додонов И.К. 123, 124
Дождев Д.В. 322
Докучаева О.Н. 386
Долгих Е.В. 179, 184, 187, 188
Донченко В.Н. 167, 184
Доорн П. 590, 591
Дориньи М. 392
Дорошенко В.А. 179, 184, 185
Достоевский Ф.М. 170
Драбкин Я.С. 391
Дрбоглав Д.А. 364
Дринов М.С. 396, 444, 446
Дробижев В.З. 124, 126, 127,
128, 129, 130, 133, 134, 135,
221, 226, 228, 229, 236, 238,
243, 611
Дружинин Н.М. 17, 19, 22, 92,
93, 95, 96, 98, 101, 108, 109,
113, 121, 214, 215, 218, 259,
260, 609, 610
Дубровский С.М. 50, 143, 156,
157, 160
Дузкенов Н.А. 322
Дунаевский В.А. 372, 391
Дурново Н.Н. 424
Дьяков В.А. 446
Дювернуа А.Л. 402, 203

Е

Евангулова О.С. 567, 571, 611
Евдокимов П. 313
Евтюхова Л.А. 464
Егоров Д.Н. 15, 17, 337, 417,
418, 422, 423
Егорова Т.В. 497
Елагин В.А. 398

Елагина Н.Г. 495, 497, 498, 504
Елисеева О.И. 261
Елфимов Е.А. 175
Емельянов Ю.Н. 416
Емельянова Е.Н. 175
Ениосова Н.В. 481, 482, 483,
505, 508, 510
Енуков В.В. 484, 485
Епифанов П.П. 71, 81, 82, 214,
610
Еремин Л.Н. 377, 388
Еремия А.И. 284
Ермишина С.А. 139, 169, 170,
173, 175, 261
Ермолаев В.И. 385
Ермолов А.П. 114
Ерофеев Н.А. 391
Ерофеев Н.Д. 93, 95, 115, 165,
170
Ерофеева В.И. 286, 293
Ерусалимский А.С. 21, 372, 373,
375, 376, 609, 610
Есенгараев Е.Ж. 261
Ефименко П.С. 516
Ефимов А.В. 19, 372, 373, 374,
380, 381, 609, 610
Ефимов Н.Н. 184
Ефимова Е.А. 567, 577
Ефременков Н.В., 229
Ефремова Е.В. 259
Ефрон И.А. 67, 250
Ешевский С.В. 250, 259, 297,
328, 329
Ешевский С.Н. 328, 329

Ж

Жаворонков П.И. 360
Жадова Л.А. 567
Ждановская З.В. 163, 164, 219,
221
Жебелев С.А. 550, 551, 553
Жибарев П.Б. 611
Жигальцова Л.В. 93
Жидков Г.В. 554, 557, 559, 562,
563, 565, 570, 575
Жила Л.И. 448, 455, 459

Жилин М.В. 486
Жирков Г.В. 184
Житенев В.С. 488
Жордания Э.Г. 363, 365
Жуевич Ж. 438, 441
Жуков Б.С. 462, 528
Жукова Л.В. 93, 113
Жуков-Вережников Н.Н. 179
Журавлев С.В. 605
Журавлева В.Л. 223
Журавлева Ю.Е. 322

З

Забелин И.Е. 88, 177, 207, 496
Заичневский П.Г. 145
Зайончковский П.А. 29, 92, 93,
97, 102, 103, 104, 110, 114,
116, 215, 220, 260, 610
Зайцев А.С. 567, 578
Зайцева И.Е. 510
Залежский В.Н. 143, 154, 155
Зализняк А.А. 476
Залкинд Н.Г. 460
Залышкин М.М. 376, 390
Замахова Е.Д. 113
Замятина А.Н. 565
Заничев Ф.В. 567, 577
Заседателева Л.Б. 29, 537, 540,
541, 542, 543, 544, 547
Застенкер Н.Е. 376, 386
Захаров А.А. 463, 467
Захарова Л.Г. 93, 95, 104, 105,
114, 220, 260
Захарьян А.Б. 121, 124
Заходер Б.Н. 19
Збенович В.Г. 489, 490
Зборовский Я. 419
Збруева А.В. 462
Звавич В.И. 228, 229
Звавич И.С. 22, 373
Зверева Г.В. 605
Зверева Ю.И. 541, 543, 547
Згура В.В. 556, 563
Зедльмайр Х. 579
Зезина М.Р. 130, 131, 132, 134,
135, 136, 179, 185, 189
Зеленин И.Е. 229

Зеленов М.В. 146, 147, 148, 151
Зелинский Ф.Ф. 553
Зельин К.К. 17, 276, 312, 315,
318, 609
Зерцалов А.Н. 419
Зибер Н.И. 527
Зигавин Е. 412
Зиновин М.А. 314, 322
Зиновьев А.З. 203, 245
Зиновьева С.П. 124, 126
Злобин В.И. 163, 164, 165, 173,
184, 185, 611
Зноемский С. 403
Золотарев А.М. 462, 532, 533,
534,
Золотарев В.П. 368
Золотов Ю.К. 566, 567, 576, 577,
611
Зорин Ю.В. 139
Зорина И.А. 385
Зоркий М.С. 19, 372, 609
Зубов В.П. 556, 558
Зубок Л.И. 22, 373, 374, 376, 381
Зуев В.Ф. 512
Зяблин Л.П. 485

И

Иванов А.А. 566, 571
Иванов А.Е. 185
Иванов Г.А. 12
Иванов И.И. 251
Иванов Л.Н. 372, 376
Иванов Н.И. 432
Иванов С.А. 358
Иванова Р.М. 227
Иванова Т.В. 240
Иванов-Разумник Р.В. 259
Иванцов-Платонов А.М. 406, 407
Игошева Л.А. 277
Игрицкий Ю.И. 129
Игумнова З.П. 609
Изместьева Т.Ф. 225, 227, 228,
229, 583, 590, 591, 592, 599
Изюмова С.А. 477, 484, 504
Иловайский Д.И. 88, 406
Ильин М.А. 71, 73, 179, 558, 565,

566, 567, 568, 572, 573, 575,
578, 579, 610

Ильин С.В. 170

Ильинская Л.С. 322

Ильинский Г.А. 418, 424

Иноземцев В.Л.

Исаев А.Е. 175

Исламов Т.М. 391

Истомин К.Н. 573

Истрин В.А. 408

Итенберг Б.С. 433

Итина М.А. 469

К

Кавелин К.Д. 35, 60, 246, 247,
248, 249, 250, 265, 513, 514

Каждан А.П. 358

Казаков М.Ф. 18, 568

Казаманова Л.Н. 309

Казьмина О.Е. 542, 543, 544, 546

Калайдович К.Ф. 12, 206, 262,
264, 265, 393

Калачов Н.В. 66, 207, 208, 265,
266, 514

Калиева М.Ш. 175

Калистратова Т.И. 143, 146, 214,
261

Калмыкова А.И. 124

Калмыкова Е.В. 349, 351, 352

Калугин В.В. 276

Каменцева Е.И. 195

Кан С.Б. 372

Канинская Г.Н. 388

Кантор В.К. 184

Канторович А.Р. 8, 467, 471, 472,
496, 498, 499

Каравелов Л. 442, 443

Карамзин Н.М. 60, 62, 78, 84, 88,
195, 245, 246, 247, 249, 252,
260

Кара-Мурза Г.С. 19

Карасев А.В. 438

Карасев В.Г. 425, 426, 427, 432,
433, 434, 437, 438, 439, 441,
443, 445, 447, 448, 454, 609,
610, 611

Карев А.А. 567, 571

Кареев Н.И. 15, 250, 254, 322,
330, 331, 332, 334, 367, 368,
369, 370, 371, 374

Карлов В.В. 55, 138, 139, 541,
542, 545, 547

Кармазина О.В. 325

Карпов Г.В. 518

Карпов Г.Ф. 419

Карпов С.П. 7, 8, 25, 30, 261,
290, 349, 350, 353, 354, 355,
360, 361, 362, 363, 609, 610,
611

Карсавин Л.П. 334, 335

Кассо Л.А. 16, 91, 555

Катков М.Н. 432

Каутский К. 143

Кауфман Р.С. 565, 566, 572, 579

Кауфман Р.Ф. 179

Кафенгауз Б.Б. 19, 21, 52, 53, 79,
92, 100, 214, 215

Кахк Ю.Ю. 224

Кацнельсон И.С. 303

Каченовский М.Т. 10, 11, 12, 13,
66, 198, 201, 203, 204, 245,
246, 250, 256, 267, 393, 394,
513

Кашкаров И.Д. 269, 293

Кеневич С. 441

Кенник Б. 204

Кеппин П.И. 393

Кертман Л.Е. 391

Кизеветтер А.А. 15, 16, 17, 37,
47, 48, 49, 51, 78, 79, 82, 90,
91, 118, 249, 250, 251

Ким М.П. 124, 125

Кин Д. 157

Киняпина Н.С. 29, 92, 95, 102,
105, 106, 107, 220, 260, 604,
611

Киреева Р.А. 247, 258

Киреевский И.В. 89, 110

Киреевский П.В. 89, 110, 265,
266, 267, 408, 410, 411, 420

Кириллов В.В. 567, 572

Кирсанов Н.А. 184

Кирьянов Ю.И. 229, 586

Кирьянова О.А. 504, 505

- Киселев Н.П. 287
 Киселев П.Д. 89, 96, 215
 Киселев С.В. 19, 21, 464, 468,
 469, 471, 472, 473, 502, 503,
 610
 Кислов М.Н. 475, 485, 504, 505
 Кислягина Л.Г. 81, 82, 83, 84,
 260, 609
 Клеванов А.С. 398, 399
 Клеванский А.Х. 432
 Ключевский В.О. 12, 13, 15, 34,
 36, 37, 44, 46, 50, 57, 58, 61,
 62, 64, 68, 74, 75, 76, 82, 88,
 89, 91, 92, 113, 177, 178, 209,
 210, 211, 212, 213, 216, 245,
 248, 249, 250, 251, 252, 260,
 356, 552
 Ключкина И.В. 293
 Князевская О.А. 271, 272, 276
 Князькова Н.Г. 179
 Кобрин В.Б. 94
 Кобылина М.М. 561, 564, 565,
 567, 574
 Кобяк Н.А. 274, 276, 280, 292,
 293
 Ковалев С.И. 360
 Ковалевский М.М. 14, 330, 331,
 332, 333, 368, 369, 514, 527
 Коваленская Н.Н. 561, 563, 564,
 565, 567, 570, 579
 Ковальченко И.Д. 24, 29, 30, 43,
 92, 96, 98, 113, 135, 215, 218,
 219, 221, 222, 224, 225, 226,
 227, 228, 229, 230, 231, 232,
 233, 234, 235, 238, 243, 253,
 254, 255, 256, 257, 258, 259,
 260, 261, 275, 583, 584, 585,
 586, 588, 591, 592, 593, 594,
 601, 609, 610
 Ковельман А.Б. 321
 Ковригина В.А. 179, 184, 186,
 188, 611
 Коган-Бернштейн Ф.А. 346
 Кожин Н.А. 565, 566
 Кожокин Е.М. 387, 388
 Козаржевский А.Ч. 359, 360,
 610, 611
 Козлов В.А. 229
 Козлов В.П. 195, 245
 Козлова К.И. 512, 537, 539, 541,
 542, 547, 611
 Козлова Н.В. 7, 34, 41, 56, 57, 81,
 87, 611
 Кокорева Т.В. 113
 Кокорина Ю.Г. 506
 Колесник И.И. 246
 Колмогоров А.И. 519
 Колобов А.В. 324
 Колосков С.А. 508
 Колпаков А.Д. 377, 390
 Колпинский Н.Ю. 391
 Колпинский Ю.Д. 564, 565, 573,
 574, 577
 Колчин Б.А. 477, 504, 508, 510,
 610
 Коменский Я.А. 401
 Комеч А.И. 563
 Комолова Н.П. 391
 Кон А.И. 283
 Кондаков Н.П. 552, 553, 555,
 556, 560, 575
 Кондратьев А.И. 557
 Кондратюк М.А. 310
 Коновалов А.А. 507
 Коновалова А.В. 592, 602
 Конькова Л.В. 489, 493
 Конюхова Т.А. 258
 Коптев А.В. 322
 Коптева А.М. 163
 Копылова О.Н. 591
 Коргунюк Ю.Г. 254
 Корелин М.С. 406
 Корецкий В.А. 134, 137, 138,
 139, 140
 Корзо М.А. 455
 Коркунов М.А. 200
 Кормышева Э.Е. 301
 Корнев И.И. 264
 Корнилов А.А. 113, 254, 259
 Коробейников Д.А. 364
 Королева Э.В. 510
 Король Г.Г. 504
 Корольюк В.Д. 429, 434
 Коростовцев М.А. 303

Коротич П.О. 175
Корсунский А.Р. 338, 341, 348
Корф М.А. 188
Косвен М.О. 530, 532, 533, 534,
537
Косминский Е.А. 19, 333, 337,
339, 343, 344, 346, 358, 359,
609, 610
Космолинская Г.А. 292
Костенецкий К. 448, 450
Костенко Ю.А. 603
Костомаров Н.И. 88, 110, 113
Косточкин В.В. 568
Кострикова Е.Г. 228
Костюхина Л.М. 220
Костюшко Ф. 419
Котляревский А.А. 401, 402
Котляревский С.А. 15
Кофанов Л.Л. 322, 324
Кошанский Н.Ф. 196
Кошеленко Г.А. 471
Кошман Л.В. 7, 93, 135, 179, 184,
185, 186, 189, 258, 604
Коялович М.О. 253, 259
Кравцов Ю.А. 283
Крайнов Д.Н. 464
Крамаровский М.Г. 364
Краммер 9
Краснобаев Б.И. 72, 76, 78, 80,
81, 82, 83, 84, 179, 180
Крашенинников С.П. 512
Крестинин В.В. 49
Кривцова-Гракова О.А. 464
Крижанич Ю. 411, 429
Кровяков Е.А. 175
Кронен Д. 391
Кропач И. 592 597
Кропоткин П.А. 153, 155
Кругликова И.Т. 471
Круглова Т.А. 7, 223, 227, 228,
277, 293, 584
Крупнов Е.И. 464, 465
Круц В.А. 491
Крушкол Ю. С. 297
Крюков А.М. 364
Крюков Д.Л. 13
Кубицкая Е.Н. 20

Кубицкий 16
Кудрявцев О.В. 317, 319
Кудрявцев П.Н. 248, 249, 297,
328, 329, 334, 356, 368
Кузин В.В. 121, 124, 127, 611
Кузицин В.И. 7, 222, 298, 301,
302, 303, 309, 310, 313, 314,
315, 319, 320, 321, 322, 325,
326, 609, 611
Кузнецов В.И. 7, 34, 42, 64
Кузнецов И.А. 241
Кузнецов П. 570
Кузовков М.М. 134, 138, 139
Кузьмин А.Г. 71
Кузьмичева Л.В. 433, 444, 445,
452, 454, 455, 459
Кукушкин Ю.С. 23, 124, 127,
128, 129, 130, 131, 132, 134,
135, 137, 138, 141, 256, 258,
260, 275, 609, 611
Кулакова И.П. 64, 179, 185, 186,
187
Куликов А.Н. 175
Куликова И.С. 278, 280
Кулиш П.А. 419
Куломзин А.Н. 237
Кун Т. 529
Курбатов Г.Л. 356
Курилов М.Э. 314
Кусков В.В. 276
Кутергин В.Ф. 309
Куфтин Б.А. 462, 528
Кучера С.И. 302
Кучеренко Г.С. 391
Кушнер (Кнышев) П.И. 526
Кызласов Л.Р. 472, 473, 503, 504,
610, 611

Л

Лавдовский Н. 199
Лаврычев В.Я. 93, 100, 101,
105, 220, 221
Лаврентьева Т.К. 237
Лавров П.А. 410
Лавров П.Л. 411
Лавровский В.М. 17, 19, 333,
337, 346, 373

- Лавровский П.А. 111, 396, 420
 Ладьнин И.А. 314
 Ладюри Ле Руа Э. 597
 Лажечников И.И. 200
 Лазарев В.В. 583, 586, 590, 591, 595
 Лазарев В.И. 29, 73, 179, 356, 359, 552, 553, 554, 557, 559, 560, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 575, 576, 578, 579, 610, 611
 Ламзин В.И. 322, 324
 Лаппо-Данилевский А.С. 223, 251, 256
 Лаптева Л.П. 8, 222, 360, 394, 400, 401, 402, 403, 407, 409, 410, 411, 412, 415, 417, 418, 425, 436, 438, 439, 441, 445, 446, 453, 454, 455, 456, 458, 459, 611
 Ларина Е.И. 543, 546
 Лаурина В.К. 569
 Лаутер П. 385
 Лаушкин А.В. 7, 34, 73, 87
 Лачаева М.Ю. 228
 Лашук Л.П. 138, 512, 539, 540
 Лебедев В.И. 19, 21, 50, 64, 121, 179, 252, 253, 609
 Лебедев И.А. 396
 Лебедев П.И. 564, 565, 566, 572
 Левандовский А.А. 93, 95, 109, 113, 114, 136, 254, 259, 260
 Левандовский М.И. 592, 602
 Левашова В.П. 464
 Левин М.Г. 462, 528, 532
 Левитан И.И. 566
 Левченко М.В. 358
 Левыкин К.Г. 93, 95, 220, 611
 Лейбенгруб П.С. 93
 Лейкина-Свирская В.Р. 430
 Ленин В.И. 127, 145, 146, 148, 150, 160, 161, 162, 163, 164, 218, 220, 252, 379, 426, 430, 440
 Ленчиненко М.В. 292
 Леонова Л.С. 7, 29, 163, 164, 167, 168, 169, 173, 174, 175, 611
 Леонова Н.Б. 8, 471, 472, 486, 488
 Леонтьев А.К. 65, 71, 86, 179, 610
 Леонтьев Н.В. 504
 Леонтьев К. 248, 259
 Леонтьев П.М. 550
 Лепехин И.И. 512
 Лерберг А.Х. 245
 Леренман М.М. 274, 277, 293
 Лещиловская И.И. 445
 Либан Н.Н. 309
 Лившиц А. 286
 Линниченко И.А. 409, 418
 Линьков И.И. 168
 Литаврин Г.Г. 358, 361, 364
 Литаврина Э.Э. 377, 385, 386
 Литвак Б.Г. 229
 Литвак Л. 391
 Литвак К.Б. 237, 239, 391
 Литваков Б.М. 235, 586
 Литвин А.Л. 157
 Литвина Н.В. 280, 293
 Литвиненко Ю.Н.
 Литуев В.Н. 237
 Лифшиц Л.И. 571
 Лифшиц М.А. 564
 Лихачев Д.С. 253, 283
 Лихачев Н.П. 555
 Лихтер Ю.А. 506
 Лобанова Е.В. 240
 Логунова Т.А. 124, 126, 127, 131, 132, 133, 134, 184, 185
 Ломоносов М.В. 9, 10, 80, 195, 253, 259, 356, 427, 512
 Лопухов Б.Р. 391
 Лопухова О.Б. 314
 Лотарева Д.Д. 223
 Лужецкая А.Н. 565
 Лукин Н.М. 16, 17, 19, 21, 371, 372, 379, 609
 Лукин П.Е. 360, 448, 450, 459
 Луначарский А.В. 118, 178
 Лурье Х.Г. 372
 Луцкий Е.А. 20, 21, 121, 216
 Лучицкий И.В. 369

Львунин Ю.А. 163
Любавский М.К. 12, 15, 17, 37,
50, 62, 78, 91, 118, 249, 411,
412, 413, 414, 415, 416, 419,
420, 423, 428
Любимов Н.Н. 376
Люблинская А.Д. 375
Ляпунов Б.М. 410
Ляпустин Б.С. 321

М

Мазо М. 285
Майков А.А. 400, 401, 403
Майоров А.Г. 175
Майский И.М. 376
Макаров И.А. 314
Макарова Г.В. 394
Макарова Е.А. 411
Макаровская М.В. 293
Макеев Б.А. 353, 364
Маккинзи Р. 392
Макова Е.С. 438, 442, 445, 447,
455
Максименко Е.П. 175
Максимов А.Н. 522, 530
Максимов П.Н. 568
Максимов С.В. 237, 591
Максимова И.В. 325
Максимович Л.М. 193
Малеин А. 550
Малиновский А.Ф. 66
Мальшев В.И. 276, 282, 283
Мальшикина Н.В. 591
Мальмберг В.К. 553, 554, 557,
564
Мальсагова Т.М. 237
Мальцев А.Н. 219
Мамаев И.С. 175
Мамонтова Н.Н. 573
Мансуров А.А. 467
Мануйлов А.А. 118
Манусевич А.Я. 440
Манькин А.С. 377, 382, 384
Марасинова Л.М. 214
Марескотти Л. А. 372
Маринович Л.П. 314
Маркевич В.И. 489, 490

Маркевич Н. 514
Маркина А.Н. 324
Марков Г.Е. 512, 537, 539, 540,
541, 542, 544, 545, 610, 611
Маркович С. 433
Маркс К. 154, 162, 304, 333, 334,
359, 369, 370, 422
Маркузон В.Ф. 558
Марр Н.Я. 529, 536
Мартов Ю.О. 173, 175
Масарик Т.Г. 452, 455
Маслов В.Е. 499
Маслова А.Т. 164, 221, 611
Матвеев Г.Ф. 425, 433, 441, 444,
447, 448, 451, 454, 455, 456,
458, 459, 609
Матейич П. 285
Маттеи Х. 204
Матье М.Э. 574
Матюгин А.А. 125
Маурер 330
Махлай М.Ф. 240
Махмудова З.У. 543
Маца И. Л. 558, 561, 563, 564,
565, 566, 567, 573, 578, 579
Мацулевич Л.А. 316, 317, 318,
319, 556
Машкин Н.А. 298, 322, 391, 609,
610
Маяк И.Л. 7, 322, 323, 324, 325,
326, 604, 611
Мегленский И. 412
Медведев И.П. 356
Медовиков П.Е. 356
Мейер Эд. 304
Мейерович М.Г. 229
Мейн 330
Мейнандер К. 507
Меланченко И.В. 313, 314
Мелье 371
Мельникова Е.А.
Мельничук Я.В. 324
Мельцер Д.Б. 455
Мелюкова А.И. 495
Мерперт Н.Я. 469, 471, 610
Метченко А.И. 179
Мехедов Н.Л. 543

- Мещеряков Н.Л. 118
 Мещерякова Н.М. 377, 388, 391
 Миззиано К.Ф. 376
 Миклухо-Маклай Н.Н. 516, 535, 536
 Миленъ А. 196
 Миллер Б.В. 19
 Миллер В.Ф. 514, 515
 Миллер Г.Ф. 191, 192, 194, 245, 246, 259
 Миллер И.С. 429
 Миллора О. 199
 Милов Л.В. 34, 42, 43, 44, 45, 54, 59, 60, 86, 184, 220, 225, 226, 227, 229, 233, 235, 236, 240, 243, 260, 276, 360, 584, 585, 586, 604, 609, 610, 611
 Милова О.Л. 228, 232
 Мильская Л.Т. 339
 Милюков П.Н. 14, 37, 46, 47, 62, 68, 69, 76, 77, 78, 82, 88, 89, 90, 212, 213, 248, 250, 256
 Милютин Д.А. 103, 114, 215
 Минеева С.В. 276
 Минкина Т.Д. 573
 Минц И.И. 21, 22, 118, 119, 121, 122, 123, 125, 609, 610
 Минц С.С. 230, 231, 237
 Миньков Е.В. 488
 Миняйло Н.Г. 228, 229, 232
 Мирошевский В.М. 372
 Миско М.В. 434
 Миськова Е.В. 543
 Митоян Р.А. 483, 508
 Михайловский В.М. 520
 Михайловский Н.К. 111
 Михаэлис И.Д. 204
 Михеев В.В. 240
 Мицкевич С.И. 143, 145, 152
 Мишулин А.В. 19, 298, 305, 315, 316, 318, 319, 322
 Могилянский Н.М. 522, 525
 Можайская И.П. 468
 Моисеенко Т.Л. 227, 235
 Мокроносоев А.Т. 284
 Моммзен Т. 316
 Моносов С.М. 372
 Монтелиус О. 466
 Монтестье 85
 Моор Д. 573
 Морган Л.Г. 513, 534
 Мороз И.Г. 455
 Морозов А.И. 567, 572, 573, 610
 Морозова Л.Е. 586
 Мороховец Е.А. 19, 143, 144, 149, 156, 157
 Моррис Р. 285
 Моряков В.И. 7, 34, 81, 84, 85, 86, 136, 253, 260
 Москалев М.А. 160, 161, 162
 Москаленко А.Е. 360, 442, 443, Мочульский Н.Ф. 380
 Мошков Ю.А. 7, 124, 135, 221, 226, 227, 228, 229, 253, 255, 256, 257, 584, 611
 Мунье Р. 375
 Муравьев А.В. 29, 55, 135, 218, 219, 220, 221, 222, 227, 276, 609
 Муравьев М. Н. 192, 198
 Муравьев Н. 108, 214, 218
 Муравьев-Апостол С.И. 109
 Муратов П.П. 553, 555, 556
 Мурашев А.А. 237, 239, 240
 Мурашева В.В. 481, 484, 510
 Мурашов С. 162
 Мурзакевич Н.Н. 203
 Муромцев С.А. 169
 Муромцева Л.П. 163, 164, 165, 169, 172, 175
 Мусаева З.А. 175
 Мутовкин Н.С. 128
 Мухина Е.Н. 93, 114
 Мьельников А.С. 283
 Мягков Г.П. 366
 Мякшев А.П. 138
 Мяло К.Г. 279, 293

Н

- Надеждин Н.И. 177, 199, 245, 405, 513, 550
 Наджафова И.М. 324
 Надточеев Д.И. 609
 Назаров В.Д. 40

- Найда С.Ф. 123, 125, 128, 129,
130, 131, 161, 260, 609, 610
Найденов М.Е. 124, 126, 127,
129, 130, 134, 135, 179, 253,
259, 260, 611
Нарбут Н.П. 455
Нарочницкий А.Л. 19, 375, 610
Насонкина Л.И. 110, 258
Наумов В.П. 127, 129, 258
Наумов Н.В. 330, 134, 135, 138
Наумов О.В. 229, 236
Наумова Г.Р. 7, 139, 170, 173,
221, 223, 228, 229, 239, 253,
256, 261
Наумова Е.П. 391
Наумова Н.Н. 388, 390
Неберекутина Е.В. 240
Невский В.И. 118, 119, 143, 145,
146, 147, 148, 151, 157, 160
Недович Д.С. 556, 557
Недорезов А.И. 434
Недошивин Г.А. 561, 564, 565,
572, 573, 578
Неедлы З.Р. 19, 426, 427, 428,
429, 459, 609
Некрасов А.А. 463
Некрасов А.И. 463, 528, 556,
557, 558, 559, 562, 563, 564,
565, 566, 567, 568, 575
Некрасова Е.А. 550, 551
Немировский А.А. 302
Немировский А.И. 319 323, 326
Ненашева З.С. 8, 425, 444, 445,
446, 448, 449, 451, 454, 456,
458, 459
Несдинич М. 477
Несмеянов С.А. 488
Нестор 60, 205, 240, 247
Неусухин А.И. 17, 19, 337, 338,
341, 344, 346,
Нефедов В.С. 484
Нечай Ф.М. 318
Нечкина М.В. 19, 21, 22, 92, 93,
95, 108, 109, 110, 111, 113,
214, 215, 252, 253, 254, 255,
260, 610
Нибур Г.Б. 295, 296
Нивинский И. 560
Никитин В.А. 168, 173, 174
Никитин С.А. 19, 21, 93, 216,
217, 218, 220, 360, 429, 430,
431, 433, 434, 435, 436, 438,
440, 445, 459, 609, 610
Никитина Г.А. 543
Никитина С.Е. 277
Никитина Т.В. 377, 390
Никишенков А.А. 541, 542, 543,
545, 547, 611
Никишин В.О. 324
Николаева Н.С. 574
Никольский В.Е. 21
Никольский В.К. 298
Никонов А.В. 139
Никулин М.В. 113
Никулина Н.М. 567, 574
Нифонтов А.С. 113
Новиков Е.П. 398, 411
Новиков М.М. 169
Новиков Н.И. 66, 74, 76, 78, 88,
190, 192, 193, 194, 195
Новиков С.В. 295, 309, 312, 313
Новицкий Г.А. 19, 20, 23, 85, 86,
179, 216, 609
Новосадский Н.И. 19, 463, 610
Новосельский А.А. 91, 214
Новосельцев А.П. 58, 85, 86
Новохатская Т.В. 505
Носарев В.Н. 280
Нотович Ф.И. 380, 381
Нугманова Н.Х. 259
- О**
Обичкин О.Г. 163, 165, 258
Обожда В.А. 229, 232
Оболенский Д.Д.
Обренович М. 396
Овидий 295
Оводова И.А. 432
Овчинникова Л.В. 380
Овчинникова-Пелин В. 284
Огарев Н.П. 89, 110, 111
Огинский М. 419
Окуроков В. 193
Окунева Л.С. 386

- Олаф К. 507
Олдерволл Я. 597
Олейников Д.И. 261
Олисей-Гречин 477
Ольдерогге Д.А. 535
Ольминский М.С. 146
Ольховский В.С. 497
Ольчак Ежи, 507
Оприщенко Г.П. 165, 173, 176
Орлик И.И. 391
Орлов А.С. 34, 53, 86, 135, 136, 611
Орлов О.В. 270
Орлов С.А. 511
Орлова Е.В. 242
Орлова М.И. 380, 389
Орловская Л.Б. 509
Остапенко А.И. 134, 136, 137, 138, 140
Оттон Бамбергский 401
Очак И.Д. 433, 436, 437, 438, 439
Ощепкова М.М. 271
- П**
Павленко Н.И. 94
Павлов В.В. 563, 564, 565, 566, 567, 574
Павлов И.М. 146
Павлов-Сильванский В.Б. 268, 269
Павловская А.И. 309
Павловский Ю.Н. 313
Пакунова Т.А. 175
Палацкий Ф. 398
Палли Х.Э. 224
Памярняцкис С.П. 237, 239
Панкратова А.М. 19, 20, 22, 92, 93, 99, 100, 118, 119, 120, 121, 215, 260, 609, 610
Панфилова А.М. 124, 125, 128, 134, 135, 219, 221
Панченко А.М. 283
Папин Л.М. 124, 127, 184, 260
Паршев А.П. 44
Пастухов П.Г. 578
Патрикеев П.Н. 611
Патрушев А.И. 8, 377, 378, 379, 381, 390, 605
Пашуто В.Т., 58
Пейн 85
Пекарский П.И. 177
Перелевская Е.В. 290
Перетц В.Н. 424
Перхавко В.Б. 169
Пессен Э. 392
Пестель П.И. 109
Петр I 11, 35, 37, 38, 46, 47, 68, 73, 74, 75, 76, 90, 158, 192, 214
Петренко В.Г. 499
Петров Ф.А. 10, 115, 198
Петров Ю.П. 161
Петров А.Н. 242
Петрова Т.П. 227
Петровский И.Г. 179, 184, 226, 275, 377, 504, 575
Петровский Ф.А. 558
Петрополос И. 314
Петрунина О.Е. 390
Петрушевский Д.М. 15, 16, 17, 251, 332, 333, 335, 337, 339, 346
Печерин В.С. 89
Пивовар Е.И. 8, 30, 229, 243, 603, 605, 606
Пигулевская Н.В. 359
Пикус Н.Н. 305, 307, 308, 309, 312, 325
Пименов В.В. 512, 542, 543, 544, 545, 546, 610
Пименова Л.А. 382, 387
Пинегина Л.А. 131, 134, 179
Пионтковский С.А. 118, 119, 143, 150, 157, 160
Пиотровский Б.Б. 33
Пиотух Н.В. 7, 34, 45
Писарев А.А. 196
Пихоя Р.Г. 284
Пичета В.И. 15, 16, 17, 19, 20, 22, 91, 93, 212, 213, 249, 360, 425, 426, 427, 428, 429, 432, 433, 447, 459, 609
Пичугин В.И. 259
Платонов С.Ф. 64, 88, 422, 423
Плешкова С.Л. 349, 352

- Плугин В.А. 73, 221, 223
Плюшар А.А. 198, 250
Погодин М.П. 11, 18, 35, 36, 60,
66, 73, 74, 88, 115, 205, 245,
246, 248, 249, 250, 252, 256,
265, 394, 405, 432
Подвигина Н.Л. 505
Пожарская С.П. 391
Поздеева И.В. 7, 30, 269, 270,
273, 274, 275, 277, 278, 280,
281, 283, 284, 285, 286, 288,
289, 290, 292, 293, 591
Позднеева Л.Д. 610
Поздняков А.В. 321
Познанский В.Д. 283
Покровская Л.В. 477, 479, 480
Покровский М.Н. 16, 18, 37, 63,
79, 91, 92, 118, 119, 120, 143,
144, 145, 152, 157, 251, 252,
259, 372
Покровский Н.В. 555
Покровский Н.Н. 81, 253, 270,
272, 276, 283, 294
Полевая А.Н. 598, 599
Полевой В.М. 561, 610
Полевой Н.А. 254, 256, 259
Полетаев А.В. 604
Половцов А.А. 114, 215
Полубояринова М.Д. 8
Полунов А.Ю. 112, 113, 136
Полывянный Д.И. 455
Поляков С.П. 537, 539, 540, 541,
542, 545, 546
Поляков Ю.А. 123, 124, 125, 127
Полянская И.В. 240
Полянский Ф.Я. 179
Померанцева Н.А. 574
Пономарев А.Л. 353, 361, 362,
363, 364
Пономарева В.В. 179, 185
Попов А.Н. 12, 13
Попов Б.С. 358
Попов Г.В. 270
Попов Е.М. 283
Попов К.А. 516
Попов Н.А. 249, 404, 405, 407,
516
Понов Н.Г. 15
Попова Е.А. 8, 471, 472, 495,
496, 497
Попова О.С. 356, 567, 569, 575,
578, 611
Попова Т.Б. 469
Порицкий В.А. 163
Порох И.В. 114
Поршнева Б.Ф. 345, 346, 374, 375,
376, 609, 610
Посконин В.С. 379, 382, 387
Посконина О.И. 383, 386
Посошков И.Т. 53, 74, 214
Потапова И.А. 443
Потемкин Ф.В. 374, 609
Прасолов С.И. 434
Преображенский П.Ф. 316, 525,
526, 528, 529, 535, 609
Пресняков А.Е. 214, 252
Пржевальский Н.М. 516
Прозоров В.Б. 448, 451, 459
Прокофьев В.Н. 567, 577, 579
Прокофьева Н.Д. 353, 362
Промахина И.М. 225
Пронштейн А.П. 206, 208, 222
Проскурякова Н.А. 227, 229
Протасова С.И. 318, 319
Прохоров В.С. 134, 138
Пряхина И.И. 293
Птицын И.З. 468
Пундефф М. 436
Пунин Н.Н. 555
Путнын Э.К. 318
Пучков П.И. 544, 546
Пушкин А.С. 88, 108, 169, 177,
178, 301, 327, 574
Пушкина Т.А. 8, 470, 471, 472,
481, 482, 483, 484
Пушков В.П. 226, 229, 286, 288,
289, 292, 584
Пятышева Н.В. 464
- Р**
Равич И.Г. 509
Радишев А.Н. 78, 82, 83, 84
Радциг С.И. 318
Раевская О.В. 610

- Раевский Д.С. 496
 Разгон И.М. 21, 22, 122, 123, 610
 Разумов Л.В. 227, 229, 233
 Разумовская Л.В. 430
 Ранович А.Б. 297, 305, 306, 312, 315, 316, 317, 319
 Рапов О.М. 59, 86, 360, 363
 Рапопорт А.Ю. 120
 Расторгуев А.Л. 567, 576
 Ратмен Д. 392
 Ратобильская А.В. 417
 Ратцель Ф. 526
 Раушенбах В.М. 485
 Рафи-заде И.Р. 227
 Рахимов Н. 228
 Рацеева М.Н. 455, 459
 Рацэ Г.Г., 324
 Ревзин Г.И. 567
 Ревякин А.В.
 Редер Д.Г. 19, 299, 300
 Редин Е.К. 552
 Резонов П.И. 440
 Рейналь 85
 Рейснер И.М. 19, 21
 Рейхель И.Г. 195
 Ременников А.М. 319
 Репин А.Н. 505
 Репина Л.П. 603, 605
 Реформатская М.А. 567, 569
 Ригль А. 555
 Роголин Л.М. 318
 Роголина Н.Л. 130, 131, 134
 Рогов А.И. 71, 220, 269, 276, 287, 456
 Роголев Ю.Н. 377
 Роджерс Д. 285
 Рожков Н.А. 15, 37, 49, 88, 91, 118, 119, 120, 143, 144, 151, 212, 213, 252
 Рожкова М.К. 113
 Розанов В.В. 259
 Розенберг Р.Д. 468
 Розенталь Ш.М. 561, 564, 565, 578
 Розенфельдт И.Г. 485
 Розенфельдт Р.Л. 485
 Ромадин Н.М. 573
 Романкова Н.В. 240
 Романов Н.И. 178, 553, 554, 555, 557, 558, 560, 561, 563, 564, 565
 Романюк В.Я. 184
 Ромодановская Е.К. 270
 Рослова А.С. 121
 Ростовцев М.И. 553
 Ротенберг Е.И. 566
 Ротштейн Ф.А. 372
 Роуни Д.К. 605
 Рубан В.Г. 194
 Рубинштейн Н.Л. 20, 21, 22, 40, 53, 113, 123, 209, 214, 215, 252, 253
 Рудаков А.П. 357
 Рудницкая Е.Л. 433
 Рузвельт Ф.Д. 384
 Руколь Б.М., 258, 425, 426, 427, 429, 434, 436, 437, 439, 445, 447
 Румянцев Н.П. 206, 393
 Руссо 85
 Рыбаков Б.А. 19, 23, 34, 51, 59, 71, 81, 86, 94, 179, 180, 184, 215, 253, 464, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 609, 610
 Рыбаченок И.С. 105, 107
 Рыбина Е.А. 8, 470, 472, 477, 479, 480, 505
 Рыбников К.А. 179
 Рыжов С.Н. 491
 Рыков П.С. 464
 Рылов 573
 Рындзюнский П.Г. 92, 100, 610
 Рындина Н.В. 8, 471, 472, 477, 489, 490, 491, 492, 493, 509, 510
 Рычков П.И. 194
 Рябинин И.С. 419, 420
 Рязанов Д.Б. 175
 Рянгина С.В. 573
- С**
 Савельева И.М. 604
 Савин А.Н. 15, 17, 333, 334, 335, 337, 369, 370, 371

- Савинченко Н.В. 163, 609, 611
Савко Р.В. 567, 577
Савостьянова О.И. 325
Сазанов А.В. 364
Сазонов Н. 245
Сакулин І6
Салиенко А.П. 567
Салливан Дж. 285
Саломатина С.А. 592, 599, 601
Самарин А.Ю. 289
Самарин Ю.Ф. 114, 259
Самарина Н.Г. 237
Самаркин В.В. 339, 343, 349, 355
Самарский А.А. 597
Самодурова З.Г. 360
Самсонов А.М. 261
Санчук Г.Э. 440
Сапега Л. 419
Сапрыкин С.Ю. 314, 471
Сапрыкин Ю.М. 611
Сарабьянов Д.В. 179, 359, 567, 570, 571, 573, 578, 579, 610
Сарачева Т.Г. 483, 506, 508, 510
Саркисова Г.И. 240
Сатч Р. 591
Сафонова Е.И. 592
Сафразьян Н.Л. 251, 258
Сафронов Б.Г. 368
Сафронов Б.С. 179
Сафронова Е.А. 124
Сахаров А.М. 54, 63, 65, 71, 72, 80, 86, 126, 179, 180, 184, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 609, 610, 611
Сахаров И.П. 206
Сванидзе А.А. 354
Свердлов Я.М. 145
Свистунов П.Н. 114
Свистунова Т.Г. 432
Свищев М.А. 237, 239, 586
Севастьянова А.А. 184
Севостьянов Г.Н. 375, 610
Седов М.Г. 93, 95, 110, 111, 220
Селецкий В.Н. 112
Селина Т.И. 237
Селищев А.М. 424, 530
Селунская В.М. 118, 121, 130, 131, 134, 135, 137, 138, 163, 221, 260, 261, 604, 605, 609, 611
Селунская Н.Б. 7, 221, 225, 227, 229, 232, 235, 239, 241, 242, 243, 253, 256, 257, 261, 584, 586, 591, 603, 605
Семаков С.Н. 139
Семевский В.И. 88, 113
Семевский Д.А. 259
Семенов Ю.И. 547
Семенова-Талицкая 462
Сергеев В.С. 17, 29, 297, 298, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 312, 315, 316, 317, 319, 322, 326, 609
Сергеевич 248
Сердюк Е.А. 567, 574, 575
Серж В. (В.Л. Кибальчич) 171, 172
Серов В.А. 570
Серова И.К. 134, 138
Сетов Р.А. 390
Сивачев Н.В. 24, 32, 380, 382, 383, 387, 609, 610, 611
Сивков К.В. 92, 93, 97
Сивохина Т.А. 118, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 165, 260
Сидельников С.М. 93, 105, 114, 166, 220
Сидоров А.А. 178, 390, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 563, 565, 566, 572, 578
Сидоров А.В. 412
Сидоров А.Л. 19, 92, 94, 95, 100, 102, 118, 121, 122, 215, 217, 260, 609
Сидоров В.Н. 424
Сидорова Н.А. 342, 344
Сидорович О.В. 323
Сильвестров Е.В. 322
Симонов К.М. 184
Сказкин С.Д. 19, 21, 70, 108, 179, 276, 333, 337, 339, 341, 342, 343, 346, 375, 609, 610
Скворцова Е.М. 228
Скворцов-Степанов И.И. 118,

- Скоробогатова Т.В. 505
 Славин Г.М. 440
 Слезкин Ю. 391, 526
 Смилянская Е.Б. 237, 274, 278, 280, 292, 293
 Смирин М.М. 337, 339, 340, 341, 343, 344, 610
 Смирнов А.П. 464, 469, 499, 500
 Смирнов В.П. 376, 381, 382, 386, 387, 388, 391
 Смирнов И.П. 259
 Смирнов Ю.А. 486
 Смирнов Я.И., 552
 Смирнова О.С. 324
 Смирнова Э.С. 73, 567, 569
 Смит Э., 391
 Смоленский Н.И. 378
 Сморгунова Е.М. 272, 277, 281
 Сморгучев А.М.
 Смышляев А.Л. 323, 324, 326
 Снегирев И.М. 12, 66, 67, 206, 513
 Собуль А. 387, 391
 Согрин В.В. 382, 391
 Созин И.В. 439, 440, 444, 445, 611
 Соколов А.А. 385, 386
 Соколов А.К. 129, 221, 229, 230, 236, 238, 241, 584, 585, 586, 593, 603, 605
 Соколов В.С. 610
 Соколов Г.И. 567, 574
 Соколов М.И. 411, 412, 419, 420
 Соколова М.В. 567
 Соловей Т.Д. 8, 512, 522, 526, 531, 532, 543, 545, 546
 Соловьев В.С. 114, 406
 Соловьев И.В. 113
 Соловьев С.А. 377, 388
 Соловьев С.М. 12, 13, 15, 34, 35, 36, 44, 45, 46, 57, 60, 61, 64, 67, 68, 74, 88, 113, 115, 116, 177, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 259, 260, 356, 406, 432, 550
 Соловьева С.С. 7
 Соловьева Т.Б. 237
 Солодянкина О.Ю. 175
 Солопова О.В. 543
 Сорокин А.Н. 470, 472, 477, 479, 480, 611
 Сорокин В.В. 80, 185
 Сороко-Цюпа О.С. 377, 381, 382
 Сошников А.Я. 184
 Спасский Б.И. 179
 Спасский И.Г. 184
 Сперанский Г.Н. 423
 Сперанский М.М. 90, 102
 Сперанский М.Н. 178, 419, 420, 423, 424
 Спиридонова Е.А. 488
 Спрэдди Дж. 544
 Ставярска Т. 507
 Сталин И.В. 21, 125, 126, 138, 157, 161, 171, 252, 316, 430
 Станкевич А. 249
 Станкевич Н.В. 61
 Стариков А.А. 530
 Старосельцев Н.Д. 19, 609
 Старостин Е.В. 412
 Стасов В.В. 551
 Стеклов Ю.М. 152, 154, 160
 Степанова Е.А. 373, 390
 Стерн Г.Ю. 567
 Стернин Г.Ю. 184
 Стишов М.И. 121, 121, 124, 125, 126, 127, 129, 132, 134, 165, 267, 268, 269, 273, 276, 287, 290, 609
 Стогов Э.И. 114
 Стоклицкая-Терешкович В.В. 19, 337, 340
 Столыпин П.А. 114
 Столярова Е.К. 506
 Сторожев В.Н. 16, 17
 Стражев А.И. 93
 Стрекалов Н. 203, 245, 246
 Стрелков А.В. 314
 Стриттер И.М. 192
 Строганов А.И. 377, 381, 382, 385, 386
 Строев П.М. 12, 66, 203, 206, 262, 263, 264, 265, 287, 290

Струве В.В. 533
Струве П.Б. 169
Сукаев А.Г. 268
Сумароков А.П. 83
Суриков И.Е. 314
Суханов Н.Н. 118
Сухов В.В. 511
Сыроечковский Б.Е. 19, 50, 92,
95, 109
Сыромятников Б.И. 158
Сысоева Е.К. 7, 179, 184, 185,
186, 189
Сычев И.П. 424
Сычева С.А. 488

Т

Тайбенбахер П. 592, 597
Талицкий М.В. 462
Таллер М. 595
Талызина А.А. 353, 354, 362,
363, 364
Тальман Е.М. 264
Тансыкбаев У. 573
Тарасова В.А. 113
Тарасюк Д.А. 227
Тарле Е.В. 19, 22, 375, 380, 610
Тарловская В.Р. 56, 81, 87
Тарновский К.Н. 93, 101, 179
Тартаковский Б.Г. 391
Татаринова К.Н. 359
Татищев В.Н. 9, 78, 84, 190, 193,
194, 195, 249, 460, 512
Таубин И.А. 468
Тахтарев К.М. 527
Твердохлеб А.А. 229
Тверская Д.И. 269
Тельпуховский Б.С. 125
Тенишев В. 522
Терехов В.И. 139, 374, 377, 390
Терещенко А.В. 499
Терещенко Ю.Я. 132, 135, 136,
139, 140
Тер-Минасова С.Г. 610
Тернер Дж. 595
Терновец Б.Н. 563, 564
Тесемников В.А. 442, 443, 453,
455, 459
Тютюшев В.И. 163
Тимковский Р.Ф. 12, 205
Тимофеева Т.Ю. 391
Типикина Е.П. 432
Титов В.С. 471
Тихвинский С.В. 605
Тихомиров М.Н. 19, 20, 21, 22,
23, 34, 50, 51, 52, 58, 59, 63,
71, 95, 214, 215, 216, 217, 218,
219, 220, 222, 253, 255, 267,
268, 269, 273, 276, 287, 290,
360, 476, 482, 609, 610
Тихомирова К.Г. 270
Тихонов А.И. 239, 590, 591
Тихонов В.И. 237
Тихонравов Н.С. 66, 67, 177
Тишков В.А. 243
Ткачев П.Н. 145
Ткаченко П.С. 110, 111
Токарев С.А. 19, 527, 532, 533,
534, 535, 538, 539, 610
Токмаков В.Н. 324
Толмачев Г.Г. 376
Толстов С.П. 19, 20, 21, 462, 469,
527, 528, 532, 533, 534, 535,
536, 609, 610
Толстой Л.Н. 89, 155
Толстой Ф.А. 265
Томашевич О.В. 295, 301
Торопов И.С. 488
Торстендаль Р. 605
Травникова Е.В. 505
ТрEDIAKовский В.К. 83, 249
Трембицкая А.А. 375
Третьяков И.А. 513
Тришкан И.Е. 34
Троцкий Л.Д. 148, 171, 172
Трояновская М.О. 384
Трубецкой Е.Н. 69, 169, 177
Трубецкой С.Н. 169, 177
Трубецкой С. 407
Трутовский В.К. 558
Трухановский В.Г. 135
Трухина Н.Н. 322, 323, 326
Туган-Барановский Д.М. 387
Туган-Барановский М.И. 218,
259

Тулин Б. 146
Тураев Б.А. 554
Тургенев И.С. 89, 515
Турчин В.С. 567, 577, 579, 610
Тучков И.И. 567, 576
Тырсенко А.В. 388
Тых Ф. 432
Тэн И. 367, 369
Тяжельникова В.С. 237

У

Уваров А.С. 207, 401, 405, 461
Уваров С.С. 102
Удальцов А.Д. 17, 337, 338
Удальцов И.Д. 19, 426, 609
Удальцов И.И. 429
Удальцова З.В. 339, 343, 344,
348, 358, 359, 360, 609, 610
Ульяницкий В.А. 419
Урсиннович С.Л. 532
Урсул А.Д. 595, 596
Усков Н.Ф. 349, 352, 354
Успенский Б.А. 272
Успенский К.Н. 357, 359
Успенский Ф.И.
Устинов В.А. 129, 236, 313
Устрялов Н.Г. 256
Уткина Л.И. 429, 443, 445
Утченко С.Л. 317, 319
Ушаков Д.Н. 530

Ф

Фабрикант М.И. 557, 560, 563,
564, 565
Фадеев А.В. 92, 93, 95, 105, 106,
215
Фалилеев В. 560
Фальк 570
Фармаковский Б.В. 553
Фарсобиц В.В. 196
Фатющенко Н.И. 114
Федоров В.А. 7, 92, 93, 94, 95,
96, 99, 102, 109, 111, 112, 113,
114, 115, 136, 184, 220, 259,
260, 261, 609, 610, 611
Федоров Л.Н.
Федоров Я.А. 537, 539

Федорова Е.В. 610
Федорова Л.Н. 239, 240
Федорова М.И. 124, 126
Федоров-Давыдов А.А. 29, 558,
559, 561, 564, 565, 566, 567,
570, 571, 579, 610
Федоров-Давыдов Г.А. 470, 472,
499, 500, 501, 502, 510, 611
Федосов И.А. 23, 92, 93, 94, 95,
101, 109, 110, 113, 179, 184,
185, 215, 219, 220, 258, 260,
609
Федосова Е.И. 377, 386, 390
Федотов А.Ф. 245
Федотов В.В. 321
Федотов П.А. 570
Феноменов М.Я. 530
Филатов Г.С. 391
Филимонов Л.С. 280
Филиппов В.Р. 139, 542, 545, 546
Филиппов И.С. 349, 353, 354,
604
Филлиппс У. 378
Фирсов Е.Ф. 442, 446, 447, 450,
452, 455, 459
Флоря Б.Н. 65, 72, 360, 450, 611
Фогель Р.У. 591
Фогельвик С. 593
Фоменко А.Т. 28
Фоменко И.К. 363
Фонвизин Д.И. 60, 76, 88, 240
Фонвизин М.А. 109
Фонкич Б.Л. 360
Формозов А.А. 196, 206, 460,
485
Фортунатов Ф.Ф. 16, 177
Фосс М.Е. 464
Фохт А.В. 93, 121
Фрагонар 577
Франк С.Л. 169
Франкль П. 555, 561
Фрейдзон В.И. 434
Фрейдин Ю.Л. 283
Френ Х.М. 499
Фридендер М. 560
Фридлянд Г.С. 19, 21, 372, 609
Фриче В.М. 561

Фролов Э.Д. 326
Фуко М. 571
Фулбрайт 391
Фурман Д.Е. 322

Х

Хайретдинов Х.Х. 425, 443, 444,
445, 459
Халимова Э.С. 228, 229
Харви Ч. 593
Харко Л.П. 551
Харузин Н.Н. 516, 520, 521
Харузина В.Н. 525, 535
Хачатурян Н.А. 8, 335, 342, 348,
349, 350, 351, 354, 355, 605,
609
Хвостов В.М. 19, 251, 372, 373,
376, 380, 381, 390, 610
Хвостова К.В. 360, 594
Хейфец М.И. 121, 124, 126, 130,
132, 179, 184
Хейфец Ф.А. 380
Хилханов Д.Л. 237
Хитров Д.А. 34
Хмелевска А. 507
Ходенков О.А. 168
Ходжаш С.И. 574
Хомутова Н.С. 611
Хомяков А.С. 110
Хопкин Д. 593
Хорошев А.С. 8, 471, 477, 478,
479, 480
Хорошилова Л.Б. 179, 184, 185,
186
Хофман 579
Хохлова О.Н. 401
Храмова Л.Б. 185
Хрулева И.Ю. 385

Ц

Цветаев И.В. 178, 297, 551, 553,
554
Цветаева Т.В. 290
Цимбаев Н.И. 93, 95, 106, 109,
110, 111, 114, 139, 259, 260,
604
Цимбаева Е.Н. 603, 605

Цирульник Р.Я. 375
Цыбенко Е.З. 443

Ч

Чаадаев П.Я. 89
Чаадаева О.Н. 123, 125
Чагин Г.Н. 282
Частухин И.Н. 434, 435, 437, 439
Чебоксаров Н.Н. 462, 512, 528,
534, 535, 536, 537, 538, 610
Чеботарев Х.А. 10, 11, 13, 66
Чекалова А.А. 360
Чеканцева З.Н. 378
Ченцова В.Г. 363
Чепелкин М.А. 105, 107, 611
Червонов С.Д. 349, 354
Черепанов Н.Е. 10, 205
Черепнин Л.В. 34, 39, 40, 54, 58,
63, 65, 86, 93, 209, 212, 214,
215, 253, 255, 276, 610, 611
Черков С.В.
Черменский Е.Д., 92, 94, 95, 105,
111, 112, 159, 166
Черная Л.А. 81
Чернобаев А.А. 192, 605
Чернов С.Л. 93, 105, 107, 114,
260
Черномордик С.И. 143, 149, 152,
153
Черноморский М.Н. 221
Черных В.А. 283
Черных Е.Н. 507, 509
Чернышева М.Б. 293
Чернышева М.В. 277
Чернышевский Н.Г. 110
Чернявский Г.И. 455
Черняев А.С. 376, 609
Черняев С.В. 184
Черняк Е.Б. 391
Черторицкая Т.В. 276
Чечулин Н.Д. 88
Чистяков О.И. 132, 137
Чистякова О.Н. 505
Чичерин Б.Н. 35, 36, 60, 248,
249, 250, 260
Чичеров В.И. 535
Чичуров И.С. 364, 610

Чмыга А.Ф. 121, 124, 127, 128,
130, 134, 611
Чубарьян А.О. 391
Чуванов М.И. 293
Чугаев Д.А. 125
Чуйков С.А. 570
Чхинквишвили И. 162

Ш

Шабага А.В. 237
Шаден И.М. 196
Шадр И.Д. 573
Шадрин А.Ю. 7, 134, 138, 139,
140
Шалугина И.В. 591
Шанин Ю.В. 313
Шанский Д.Н. 34, 81, 87, 254,
258, 259
Шанявский А.Л. 91, 555
Шарапов В.Ф. 123, 124
Шаревская Б.И., 535, 536, 537
Шатагин Н. 162
Шаумян С. 162
Шафарик П.И. 393, 423
Шахматов А.А. 58
Шацилло К.Ф. 101
Шацилло М.К. 237
Шварц В. 146
Шварц И.Е. 80
Швецов В.И. 185
Швидковский Д.О. 185
Шевлягина И.В. 610
Шевченко М.М. 93, 95, 102
Шевченко Т.Г. 110
Шевырев А.П. 93, 104, 105, 550
Шевырев С.П. 67, 177, 198, 245,
248
Шейн П.В. 516
Шейлак О.А. 488
Шелестов Д.К. 124, 125, 126,
127, 128, 611
Шелова Д.Б. 471
Шелохасв В.В. 168
Шемаханская М.С. 505
Шемякина О.Д. 286
Шеннон К. 594
Шепунова Т.М. 20, 298

Шервинский С. В. 554, 556
Шикло А.Е. 7, 253, 254, 256, 258,
259
Шиллинг Е.М. 535, 536, 537
Широков А.И. 164
Широкогородов С.М. 525
Шитова Г.М. 293
Шицгал А.Г. 566
Шлэгел К. 453
Шлёттер А.Л. 192, 194, 204, 246,
247, 248, 249, 264
Шмарзов А. 555
Шмелев И.С. 169
Шмидт С.О. 221, 255, 283, 287
Шнаазе К. 550
Шофман А.С. 326
Шпажников Г.А. 540
Шпенглер О. 560
Шпынов А.Г. 164
Штаерман Е.М. 318, 319, 321
Штейн Б.Е. 120, 124, 126
Штейн Г.Е. 376
Штернберг Л.Я. 525
Штефанек М.Р. 459
Шубин А.Б. 272
Шувалов И.И. 10, 80, 84, 187
Шукуров Р.М. 355, 361, 362, 363,
364, 382
Шульгин В.С. 65, 71, 72, 81, 87,
135, 179, 189, 260, 610
Шульгина Н.В. 259
Шульговский А.Ф. 385
Шунков В.И. 610

Щ

Щапов А.П. 110
Щапов Я.Н. 59, 72, 360
Щапова Ю.Л. 8, 472, 477, 504,
505, 510, 611
Щеблыгина И.В. 179, 185, 187
Щекин М.С. 553
Щекотов Н.М. 555
Щепкин В.Н. 178, 407, 408, 409,
420, 553, 556, 557, 575
Щербаков Н.А. 554
Щербатов М.М. 82, 191, 193,
253, 259, 260

Щербина А.М. 251
Щетинов Ю.А. 93, 130, 132, 134,
135, 136, 138, 165
Щипанов И.Я. 179
Щуровский Г.Е. 515, 517

Э

Эварницкий Д.И. 15
Эвенчик С.Л. 121
Эверс И.-Ф.-Г. 245, 256
Эдинг Д.Н. 464
Эйзенхауэр Д.
Эймонтова Р.Г. 110, 115
Эйнгорн И.Г. 204
Эксле О.Г. 605
Эмин Ф.А. 249
Энгельс Ф. 367, 422, 534
Энговатова А.В. 486, 491
Эпштейн Д.М. 264
Эрде Д.И. 152
Эфрос А.М. 564

Ю

Юмашева О.Г. 93
Юмашева Ю.Ю. 239, 591
Юрьева В.В. 322
Юхименко Е.М. 276
Юшин И.Ф. 237

Я

Яблонская М.Н. 567, 573
Яворская Н.В. 563, 564
Яжборовская И.С. 432
Языков Д.И. 204
Язьков Е.Ф. 24, 376, 380, 381,
383, 384, 609, 610, 611
Язькова А.А. 391
Яковенко С.Г. 450
Яковлев А.И. 15, 17, 108, 610
Яковлев Б.Н. 573
Яковлев Н.Н. 166
Яковлев Н.Ф. 530
Яковлев П.И. 251
Яковлева В.П. 237, 239
Янин В.Л. 8, 73, 184, 215, 255,
260, 275, 276, 283, 360, 467,
468, 472, 473, 475, 476, 477,

478, 480, 481, 504, 610, 611
Янчук Н.А. 519
Ярауш К. 584
Яритц Г. 592, 597
Ярославский Е.М. 119, 150, 157
Ярхо И.Я. 462
Ястребицкая А.Л. 605
Яценко И.В. 471, 472, 495, 496,
497, 498, 610
Яцик Петр 456
Яцунский В.Н. 17

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
1755 — 2004**

Редактор *О.Н. Агеева*

Компьютерный набор *О.Ю. Петрушевич*
Компьютерная верстка *А.Н. Болдов*

Подписано в печать
Формат 60х90 Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40 Заказ № 717. Тираж 1000 экз.

ЗАО « Астра семь »
119019, Москва, Филипповский пер., 13.

Для заметок

Для заметок